

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856161 4

(VESTNIK)
x QCA

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XLVI. — ТОМЪ CCLXX. — 1/13 ЮЛЯ, 1882.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕВЯНОСТО-ШЕСТОЙ ТОМЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1882

Oct. 25
1882

4476

ОЖИДАНИЕ

Изъ деревенской жизни.

I. — Семейныя дѣла старухи Матвѣевны.

Двадцать пятого августа, съ ранняго утра, двѣ молодыя бабы работали на «Старомъ Горбу»; такъ называлась возвышенность не вдалекѣ отъ деревни Абраховой. Обѣ бабы были подруги — «одного табуну», какъ опредѣляютъ въ деревнѣ. Одна — тощая, но красивая лицомъ, съ сухой, впалой грудью — была солдатка Лиса; другая называлась Надѣхой. Эта скорѣе походила на дѣвушку: свѣжее, покрытое здоровымъ загаромъ лицо ея, казалось, долго еще надѣялось бороться съ заботой, нуждой и временемъ и не потерять миловидности.

Подруги иногда разгибали усталыя спины, утирали рукавами пылавшія жаромъ лица, совсѣмъ позабывая, что мокрый воротъ около шеи раскрылся и солнце ожигало ихъ груди. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ солдатка, вытянувъ руки, крикнула то-варекъ:

— Надѣха! смерть руки ломить... а жаръ-отъ какой!.. Надѣха, я рубаху сыму! ей, ей, сыму.

— Эка забота: сняла да и на, — не улыбаясь отвѣтила Надежда.

Въ это время къ подругамъ, съ сосѣдней нивы, подходила мать Надежды — бабушка Жихарѣха. Коричневое, почти черное, лицо ея было облито потомъ, который она безпрестанно вытирала рукавомъ бѣлой рубахи; несмотря на то крупныя капли сочились и выступали снова. Клѣтчатая панева ея спустилась, спереди поясокъ паневы болтался и она съѣхала точь въ точь такъ же,

какъ сѣвзажаютъ пояски и штанишки маленькихъ ребятъ—подъ животъ. Обвивъ правой, морщинистой и сухой черной рукой какой-то красный комочекъ, Жихариха прижала его къ своей старушечьей груди. Красный комочекъ, ни мало не глядя на усталость старухи, досадливо щипалъ ея ожженную солнцемъ шею и, хныкая, дрыгалъ и капризно ёрзалъ тоненькими ноженьками, одѣтыми въ синіе нанковые штанишки. Это былъ сынишка Надежды.

— Надежка!—закричала старуха:—возьми свое пострѣленка; ничѣмъ его не уймешь! Хвороба что ли напала, али, можетъ, съ глазу.

Надежда, взявъ мальчишку, сѣла на щетинистую землю. Прислонясь къ сложеннымъ снопамъ, она начала, чуть покачивая, гладить ребенка по спинѣ: «Нишни, Гришутка, нишни, соколикъ!»

— Баушка Матвѣвна! подвяди паневу-то: вишь распоясалась. Вонъ, барчукъ идетъ, просмѣетъ еще: не держится, скажетъ, у ней, у старой,—засмѣялась Лиса, одѣвая свой сарафанишко и устремивъ глаза къ зеленѣвшему лѣсу, откуда вышла бѣлая фигура и по сжатому полю направлялась прямо на нихъ.

— Ишь вѣдь, господамъ-то нечего дѣлать: ходятъ себѣ день-деньской да погуливаютъ, живутъ на всемъ на готовомъ, заботъ никакихъ нѣту... Хоть одинъ бы денечекъ экъ бы пожить, хоть вздохнуть бы чуточку,—заворчала Жихариха, нагибаясь и беря Надеждинъ серпъ.

Обѣ онѣ, и Матвѣвна и Лиса, прилежно орудовали серпами, когда съ ними поровнялся «барчукъ».

Но прежде необходимо замѣтить, что, нѣсколько дней тому назадъ, народонаселеніе деревни Абраховой увеличилось на три души; что, съ тѣхъ поръ, какой только былъ въ маленькой деревушкѣ «прекрасный полъ»—начиная отъ бабушки Мосевны, любившей ловить чужихъ куръ, щупать ихъ и сажать въ свой котухъ, до зазорной солдатеи Лисы—весь этотъ полъ чуть не каждый вечеръ собирался подъ окна къ «дядиньѣ» Гаврилу Фатенчу, самому «крѣпкому» мужику деревни. Узенькая лавочка подъ окнами никогда не вмѣщала всѣхъ желавшихъ «побрехать», какъ говорили мужики про бабъ. Тогда служила земляная завалина; публика, не успѣвшая примоститься на лавочкѣ, усаживалась на ней, словно стая грачей на ивахъ. Прежде—до увеличенія народонаселенія—никакихъ такихъ собраній у Фатенча не было. Все это учредилось по винѣ одного человѣка: у него была гармоника съ колокольцомъ и онъ на ней умѣлъ хорошо выигрывать и пляску всякую, и пѣсню. Этотъ деревенскій Орфей былъ

купеческій сынъ, Кирюша Концовъ. Онъ прѣхалъ «хлопотать у мужиковъ» выстроить въ деревнѣ кабакъ; прѣхалъ онъ не одинъ. Его товарищъ на видъ былъ почти мальчикъ: бѣлокурые волосы, вѣжное лицо и бѣлая блуза, въ которую онъ былъ одѣтъ, дѣлали его значительно моложе своихъ лѣтъ. То былъ сынъ земской акушерки въ сосѣднемъ уѣздномъ городѣ. Недавно познакомившись случайно съ Концовымъ, онъ согласился на его предложеніе «прогуляться въ деревню». Побывать на сѣновосахъ, въ лѣсу, на охотѣ—это было для Миши и заманчиво, и ново: всѣ почти дѣтскіе года его прошли въ городѣ.

Сегодня Миша всталъ рано, и съ тѣхъ поръ все время провелъ въ лѣсу, въ полѣ, въ болотѣ. Измученный и усталый возвращался онъ теперь: хоть ужъ и косые, но яркіе лучи солнца жгли немилосердно. Когда онъ поравнялся со жнеями, старуха вдругъ спросила его:

— Что убилъ? аль ничего!.. А упарился-то какъ, соколикъ, —ровно мы, грѣшныя. Гляи, не ѣмши день-деньской шатаешься?!.. Подъ!.. присядь! пополудневай тутотко съ нами.—И Матвѣвна вытащила изъ сноповъ кувшинъ воды, краюху хлѣба и три засушенныя лепешки; разложила всю эту їду въ тѣни сноповъ и, крикнувъ: «Надеха, подъ пополудневай», присѣла тутъ же и сама. Миша присосѣдился къ нимъ. Гришутка, въ колѣняхъ Надежды, урядкой, изподлобья, поглядывалъ на него.

— Какой онъ сердитый, все хмурится,—замѣтилъ мальчикъ.

— По отцу видно пошелъ, паценокъ!—отвѣтила старуха.

— Отецъ-то сердить, да не силенъ!—воскликнула вдругъ и Надежда.—Гляди теперь въ Питерѣ вытрясутъ дурь-деревенщину: радъ бы назадъ, да не схватишь... Шестой, почитай, мѣсяцъ и не пишетъ... Отцомъ тожъ зовется!..

— Всѣ они, отцы-то—деретъ ихъ горой!—таки. Нѣтъ того, чтобъ робенку прислать сколь-нибудь, али матери... Удавятся, а съ виномъ сожрутъ!... Уѣзжалъ, боялъ, буду присылать... Языкъ-отъ красный—мели, да мели; вотъ на томъ-то свѣтъ какъ замелешь?.. вотъ втупору посмотримъ!—возмутилась Матвѣвна, и взявъ кувшинъ бодро поплелась на свою ниву, ни мало не глядя на свою совсѣмъ стѣхавшую паневу.

— Зачѣмъ же онъ уѣхалъ?—опять спросилъ Миша.

— Да чего ему здѣсь-то дѣлать!—какъ-то горячо возразила Надежда.—Здѣсь на нанкѣ на одно свое-то брюхо не выткешь... На фабрику? Боимся: сопьется! ужъ и то насили я его оттолѣ вытащила... Работать?.. да на чемъ?! У насъ вѣдь ничѣмъ ничего нѣтъ: никакой скотины, ни обрядъ тамъ, аль одеженки...

Вотъ ниву-то сами съ матушкой работаемъ: назъму-то не возимъ—негдѣ его взять—а пахать пашемъ и скородить скородимъ, все сами! Снаряду у людей беремъ... И жать тожъ раньше другихъ поровнишь: имъ же посла отплатишь... А спина-то, да руки—ровно каменные: стоишь сама не своя... А ночь-то?.. Ломота подымется—ровно изъ тея жилы тянуть. Вотъ все такъ-то: кой-какъ живемъ... Зиму—нанка; лѣто—тому, другому поработашь, себя обрядишь...

Она вздохнула и стала опять гладить ребенка по спинѣ.

— Въ Питеръ-отъ ѣхать я еле упросила Гришку: случай выискался — къ хозяину въ работники извозчикъ требовался... Пришла весна, народъ всѣ въ отходъ идутъ—въ плотники, кто куда... а мой-либо за нанкой, либо на фабрику тянется. Стала я его тутъ умолять: Гриша, говорю, касатикъ, чего ты тутъ будешь сидѣть: хлѣба у насъ нѣту, подать надо вносить, оброкъ, въ кассю у лѣсничнаго задолжали... Гриша, говорю, поѣжай! можетъ, что и заработашь къ осени—хоть на оброкъ, а мы какъ-нибудь проживемъ однѣ-то... Разсказчица опять передохнула, точно отъ усталости. — Послушался — поѣхалъ! Взяли еще въ кассы денегъ: сапоги купили, поддевку; снарядили какъ должно; сколь могли, на руки дали: въ Питеръ-то все не дома, — здѣсь безъ всего можно жить... Уѣхалъ! какъ въ воду канулъ!.. А какъ прощались!.. письмо, говорить, напишу... Проѣзжалъ тутъ парень одинъ харинскій, говорилъ—сучаетъ по деревнѣ, воротиться хочетъ, да, должно, не съ чѣмъ воротиться-то: хозяинъ не пускаетъ—ты, говорить, харчу, да изъяну не зажилъ... Эхъ, барчукъ!—не приведи Богъ никому попытать бѣдность, да голь нашу... Никакъ Гришка заснулъ?.. Пущай, чертенокъ, спить... Лиса! Лизавета!.. Какъ тебя заснуть угораздило, — вставай!

Они встали. Сѣоро высокіе тонкіе колосья ржи зашуршали подъ ихъ серпами, сълоняя къ землѣ свои золотистыя головы.

Миша также поднялся и хотѣлъ-было идти, но остановился: черезъ сжатую полосу опять ковыляла Жихариха, ковыляла какъ-то особенно скоро.

— Надежда! дай-ка тряпицу... порѣзалась... Вотъ попуталъ нечистый: еще полторы нивы дожать осталось.

Надежда и Лиса обернулись и ахнули. Матѣевна вынула лѣвую руку изъ подъ мыши правой и показала имъ. Черезъ всю кисть шелъ глубокой, залитый кровью, рубецъ. Лиса была находчивѣе всѣхъ: не стѣсняясь, она сразу отхватила клочъ отъ подола рубахи, вытерла имъ кровь и стала упутывать руку.

— Полторы полосы—эка подумаешь махъ какой! долго ихъ отплатить?—проговорила она старухѣ.

— То-то Надежка нанялась къ Фатенчу,—горевала Матвѣвна:—некому совсѣмъ будетъ... Что и дѣлать, и разуму не приложись...

— А вотъ что, бабка! — подхватила солдатка: — въ воскресенье мы съ Полькой сожнемъ твою полосу, вотъ тѣ и вся не долга... Сочтемся: не богачи!.. Чай, стара—подруга-то. — Она кивнула головой на Надежду.

— Спасибо, Лизавета! — не оставимъ, можетъ, и нашъ чередъ придеть.

Старуха взяла Гришутку и поплелась къ деревнѣ. Надежда, точно нѣмая, взялась за серпъ, а Лиса посмотрѣла на мальчика: — Что, барчукъ, глаза-то вытаращилъ? Это у насъ бываетъ! — И принялась жать.

III. — Веселый деревенскій вечеръ.

Давно ужъ настала прохлада, давно ужъ солнце скрылось за горизонтъ и пожаръ на западѣ потухалъ. Золотые и серебряные бордюры облаковъ начинали тускнѣть, яркое красное пламя небесъ мѣняло свои цвѣта и переходило постепенно въ розовый, въ желтый, наконецъ, въ слабый фіолетовый оттѣнки. По деревнѣ раздавался говоръ, хлопали ворота: она оживала.

— Я тея, мошенника! я тея, подлеца! вотъ теткѣ Оленѣ скажу, она те отпоретъ,—кричала во все горло старуха Мосевна, высунувшись изъ окна, на маленькаго и безъ штанишекъ мальчишку, чуть-чуть не схватившаго курицу за хвостъ.

А, вонъ, черезъ дворъ отъ Фатенча, стоя у воротъ и сильно размахивая руками и головой, дядя Кондратъ прописываетъ мораль своей дочери Степкѣ. Онъ только-что возвратился изъ деревни Харинской. Пройдясь по одной только улицѣ этой деревушки и съ минутку постоявъ за дверью домишка съ крыльцомъ на улицу, онъ возвратился домой съ сильнымъ желаніемъ кого-нибудь поучить.

— Не забудешь у меня къ купцу ходить подъ окно... Завтра же замужъ отдамъ... завтра же! Онъ тѣ орѣхами тамъ подбивать, — ты на эфто не гляди: съ орѣховъ-то дѣвки родятъ... Завтра же замужъ отдамъ!.. Мужу-то онъ бы поднесъ—такъ нѣтъ!.. а дѣвочку приучилъ—хворостиной не прогонишь... Завтра же замужъ отдамъ!..—оралъ дядя Кондратъ.

Въ избѣ Гаврилы Фатенча пили чай и слышались вкусные

запахъ. Самъ Фатенчъ то чинно садился на лавку — къ столу, гдѣ какъ-то суетливо взглядывалъ на Концова, какъ бы говоря: «а не поджарить ли картошки съ яичкомъ, а не принести ли; то вскакивалъ и трактирной походкой скрывался за дверью въ другую половину избы и тамъ что-то торопливо поджаривалъ или подмазывалъ. Онъ чрезвычайно любилъ говорить про то время, когда жилъ въ Питерѣ при «кузенскихъ» какихъ-то «сборахъ», — «по кабацкой части, при откупныхъ»; когда, за тѣмъ, въ трактирахъ сразу за троихъ половыхъ «должность справлялъ — троимъ господамъ заразъ угождалъ».

Теперь у Фатенча три коровы, было бы десятка два куръ, если бы пяти изъ нихъ не пощупала и не унесла бабушка Мосевна. Правда, одну изъ нихъ бабка Прасковья нашла: она вытащила ее изъ горячаго горшка у Мосевны и узнала: «три пера въ хвостѣ, да пѣгенькій хохолокъ остались». Двѣ кобылы: «одна, котору, давно тому назадъ, домовою въ чанъ съ водою подъ задними воротами посадилъ, а другая, каря-та, что пастуху Микитѣ носъ укусила». Хлѣба — «и не на четыре брюха такъ останется». Денегъ? Ну деньги и самъ Фатенчъ боится считать, и даже забылъ, гдѣ ихъ зарылъ. Кромѣ жены — бабки Прасковьи, съ нимъ жили сынъ Евплъ съ женой Устиньей, да внукъ Ивашка. Чудодѣю стружановскому попу, отцу Еремѣю, тогда еще молодому, ужасно нравилось, какъ мужики коверкаютъ трудныя имена. Фатенча не было дома, онъ и окрестилъ его сынишку Евпломъ. Мужики ворочали, ворочали языкомъ, да такъ окрестили Евпла, что стружановскій попъ и теперь, въ веселомъ настроеніи, поглаживая свѣтлый, точно ваксой вычищенный, животъ, говорить: «угодихомъ, зѣло угодихомъ!»

— А что, — началъ Кирилль Васильевичъ: — славныя дѣвки есть тутъ въ деревнѣ. Чай, Фатенчъ, старъ-старъ, а того... и посмотришь когда — позавидуешь. А?

— Куда мнѣ, Кирилль Васильичъ! — врядъ таракановъ на печи давить... Вотъ кузенски сборы когда были — ну, вотъ, тогда я молодецъ былъ. Тамъ что? — чухна всё!. Зайдетъ въ кабакъ-отъ, подольешь ему половина воды, половина зеленого — уйдетъ, какъ словно у стойки не стоялъ... Бѣдовое это дѣло было! Къ повѣркѣ чтобъ всё стояло въ струнѣ, а какъ прошла повѣрка — шабашъ! — не доливай, переливай — что хошь дѣлай... Зряшнина какой въ эфто дѣло не шелъ; тутъ умнаго, да хорошаго человека надо было. Напредки узнавали, когда что будетъ; такъ ужъ и готовишь, бывало...

— Какъ же узнавали?—спросилъ-было барчукъ, но Концовъ его перебилъ:

— Бросьте вы, Михайло Петровичъ, — охота вамъ!... И ты, — обратился онъ къ Фатенчу, — опять все про свое... Нѣтъ, какъ насчетъ того... красоточку эдакую, али что-нибудь въ эфтомъ сортѣ, — бывало, чай? Ты, вотъ что Расскажи, старый хрычъ!

— Бывало, Кирила Васильичъ! — всего бывало.

Тутъ Фатенчъ вынулъ изъ кармана кисеть, очень жирно промасленный и просаленный, вынулъ изъ кисета трубку и, туго набивъ ее, черезъ секунду началъ пускать клубы дыма, сильно всасывая щеки. Тутъ онъ началъ рассказывать одну изъ тѣхъ исторій, какихъ и гоголевскій дехтяръ Микита никогда не рассказывалъ. Лицо Кирюши, по мѣрѣ движенія рассказа, все расширялось, пока, наконецъ, не превратилось въ масляный блинъ, въ которомъ прорѣзали осовой три продолговатыя щелки — это глаза и ротъ.

Еще рассказъ не былъ конченъ, какъ на улицѣ послышался шумъ, смѣхъ, и подъ окно собралась толпа дѣвушекъ и ребятъ. Окно было отворено, и до сихъ поръ, маленькіе дѣвчата и мальчуганы карабкались и царапались въ него. Теперь толпа оттолкнула ихъ, и въ окнѣ появились два-три красныхъ бѣлыхъ платка, изъ-подъ которыхъ выглядывали черные или сѣрые дѣвичьи глаза; даже вдругъ промелькнула на минуту рыжая борода дяди Власа, точно рыжій домовый глянулъ въ окно и благоразумно исчезъ.

Между тѣмъ настало время поздняго вечера, и на улицѣ сдѣлалось темновато. Глянувъ вдоль деревни, можно было видѣть сквозь два большіе вяза, стоявшіе у околицы, красное огненное зарево; ложился туманъ и зарево нѣсколько подернулось имъ. Было около полнолунія, и явившееся полныя оказалось не что иное, какъ только-что выплывавшая изъ-за стволовъ вязовъ луна. Громадный, багрово-красный въ туманѣ, дискъ ея искрещивался тонкими сучьями, вѣтвями и листьями вязовъ, и, казалось, спѣшилъ подняться выше — туда, въ темносинюю бездну, гдѣ зажглись ярко и слабо мигавшія какимъ-то холоднымъ, морознымъ свѣтомъ звѣзды. Ночь обѣщала быть чудной!

Едва Концовъ услышалъ дѣвичьи голоса, увидалъ бѣлые и красные платки, онъ прервалъ Фатенча: «Ну, старый аршинъ, послѣ доскажешь!» Потомъ схватилъ гармонику и началъ искать картузъ. Два раза цапалъ онъ совсѣмъ ненужныя вещи: сначала помѣрлялъ баранью шапку Фатенча, потомъ ухватилъ бабину

плетеную плошку, въ которой та чистила грибы и «картовь», и едва не опрокинулъ ее на свою бѣдовую голову.

Въ толпѣ были и дѣвушки, и молодыя бабы. Онѣ разсѣлись кто какъ попало: на лавочкѣ, на завалинѣ, на травѣ. Кому изъ парней недоставало мѣста, тотъ норовилъ забраться на колѣни; дѣвки преобильно щипали, кололи его и онѣ вскакивали—поднималась возня. Крикъ, шумъ, здоровый хохотъ далеко разносились по зарѣ.

Когда вышелъ Кирилъ Васильичъ, ему сейчасъ-же дали мѣсто: двѣ молодухи пораздвинули остальныхъ и онѣ сѣлъ между ними. Тутъ онѣ сразу лихо «зачалъ барыню». Сначала только слушали, но вотъ плечи начинаютъ ходить ходенемъ, а ноги невольно подлаживать тактъ; не стерпѣвъ болѣе, двое высочили изъ толпы и начали отхватывать. Скоро около нихъ составилъ кругъ. Первый изъ пляшущихъ былъ въ сапогахъ, второй босой; то, притопывая лихо—вѣтромъ проносился кругомъ одинъ, то, не жалѣя дырявыхъ сапогъ, мелкой дробью сыпалъ другой; то оба, пустившись въ присядку, такъ откидывали въ стороны ногами, что, казалось, онѣ оторвутся и упадутъ въ чье-нибудь ослабившееся лицо. Долго и лихо отплясывали они, пока одинъ не бросился и не сѣлъ, какъ камень, на колѣни къ какой-то дѣвушкѣ, ухвативъ ее за шею; а другой, хотѣвшій сдѣлать то же, совсѣмъ было разсыпалъ кости бабушки Мосевны, которая пришла сюда пособрать разговоръ. А Концовъ все игралъ, не сводя глазъ съ Надежды, сидѣвшей черезъ человѣка отъ него на лавочкѣ; въ самыхъ электрическихъ мѣстахъ музыки онѣ молодецки вызывающе подмигивалъ ей; наконецъ пустился козыремъ, такъ швыряя дутыми сапогами, что многіе невольно взились за подбородки и за носы. Отпустивъ колѣнца съ три, онѣ сѣлъ и, не переставая играть, почти задыхаясь, вскричалъ:

— Бабы, чортъ васъ возьми! что вы словно гири—пляшите! — И сильно выхвативъ Надежду, онѣ толкнулъ ее въ средину; но она убѣжала.

— Лиса! спляши; вотъ она молотокъ!.. Надѣха! двинь и ты... Небось! — Гришкѣ не скажемъ, — кричала толпа.

— Ужъ спляшу, купецъ! — поставь только завтра вина. Спляшу! — не хуже мужика составлю! На-ка, Власъ, поддержи ее.

Рыжій дядя взялъ Варѣнку — годовалую дочку Лисы — и нѣжно облапилъ ее своей лопатой-рукой. Лису вытолкнули на средину и заменили кругъ. Концовъ началъ играть съ жаромъ и страстью; гармоника не чаяла остаться живой, наконецъ онѣ крикнулъ:

— Будетъ, дѣвки, усталъ! На, ребята, зачинай пѣсню какую, а я вотъ посмотрю, почему у молодокъ суженецо,—и отдавъ гармоникѣ, купецъ обвилъ руками двухъ собесѣдницъ и, сильно прижавъ, стукнулъ ихъ лбами. Обѣ молодухи вскрикнули и вскочили со скамьи.

— Да вы, дѣвки, сами его!—закричала тогда Надежда.— Идишь, онъ какой!.. ненарокомъ треснетъ по швамъ, всякаго добра не оберешься.

— Постой ты, бѣглолова!—Но молодицы и слѣдъ простыли. Тогда купецъ наклонился къ Лизаветѣ.—Такъ чтожь?..—зашепталъ онъ ей:—слушай! да ну, слушай-же. Придешь?.. Да что ладно-то?..

— Ничего!—обрѣзала та.—Тише, купецъ, ребенка задавишь.

Тѣмъ временемъ Миша, примостившись на завалинѣ вмѣстѣ съ парнями, слушалъ, что они ему наигрывали; а наигрывали они и «Свѣжикъ», и «Лучину» и «Не послѣдній былъ красильщикъ, а на фабричкѣ живалъ», и много другихъ собственнаго сложенія. Всѣ эти пѣсни они подпѣвали въ полголоса, заглушая визги и крики развозившихся ребятъ и дѣвокъ. Возня была и на скамейкѣ, и на завалинѣ, и на срединѣ улицы, гдѣ, освѣщаемые яркимъ, какъ бы смѣющимся мѣсяцемъ, бѣгали взапуски другъ отъ дружки ребята и дѣвушки.

Возня была даже у воротъ. Рыжій дядя Власть, первый любезникъ въ деревнѣ, ухвативъ здоровую тетку Матрену за шею, что-то старался достать у ней. Вдругъ не запертыя ворота отворились, и дядя, перескочивъ черезъ тетку, попалъ на свинью; свинья, заоравъ, понеслась въ хлѣвъ. Собаки залились, какъ ошпаренныя, и Фатенчъ выскочилъ на крылечко. «Что, тетка Матрена!—закричалъ онъ:—чай все у воротъ... вотъ грѣхъ-отъ и попуталъ». Шумъ и крики росли все сильнѣе; за ними старуха Курьяниха еле разслушала Мишу.

— Какъ дѣвушка?—переспрашивала она—Та что ли?.. вонъ на травѣ-те?!.. Лизаветина!.. той что плясала... Отча-то на службу утнали, а онѣ остались... Мужъ-отъ Мосевны братомъ доводится отчу-то ихнему... Тожь бѣдно живутъ: дни и ночи за нанкой сидятъ. Ей, вонъ, еле одиннадцатый годовокъ сошелся, а она ужъ замерла.

— Какъ замерла?—спросилъ слушатель, глядя на блѣдную дѣвушку.

— Такъ, замерла! не выростетъ ужъ болѣ, изведется, какъ свѣчка. А какъ дѣвушка-то славна... Подъ сюда, Полька!.. поди, тура, поближе.

Но вотъ всѣ уgomонились. Концовъ взялъ опять гармонику и подѣ нее затынулъ пѣсню. Дѣвушки и ребята подхватили ее, и она разнеслась по деревнѣ до самаго дальняго конца — до худой избенки. Бабушка Матвѣевна подняла оконце и глянула на улицу:

— Эку ноченьку богъ-дало, — ровно день! Какъ прудокъ-отъ блестить... Нивакъ Надѣжкинъ голосъ?... Экъ выводить!.. Пуцай!.. — Она вздохнула, опустила оконце и стала молиться въ темный уголъ избушки.

Пѣсня кончилась. — «Давайте круги водить!» — зашумѣли всѣ. Скоро среди улицы образовалось живое кольцо. Половина круга освѣщалась лучами мѣсяца, дававшего лицамъ мертвенно-блѣдный колоритъ, а другая уходила въ тѣнь домовъ: только бѣлые рубахи и платки выдѣлялись смутнымъ, сѣрымъ пятномъ въ этой тѣни. Но кругъ тихо двигался, и сѣрыя фигуры, медленно выходя, вдругъ ярко блестѣли на мѣсяцѣ; а блѣдныя лица, вступающія въ темноту, исчезали. Кругъ двигался и пѣсня лилась, точно и конца ей не было... Всѣ какъ-то настроились: казалось, все недоброе, грубое, ушло куда-то далеко, далеко... Миша былъ внѣ себя: глубоко чувствуемая пѣсня и чудная, свѣтлая ночь вліяли обаятельно. Онъ такъ полюбилъ теперь всѣ эти синія рубахи, бѣлые и красные платки... Пѣсня кончилась. Многіе начали расходиться: обнявшись, парочки потянулись по дорогѣ, вдоль деревни; нѣкоторыя исчезли въ тѣни домовъ. Чу! хлопнула калитка. Миша и Кирилль Васильичъ вошли въ избу. Къ удивленію перваго, Концовъ надѣлъ пальто, вышелъ и не возвращался.

III.—Мірская сторожа.

Въ избѣ душно: хозяйка топятъ печь готовить харчи. Дверь въ сосѣднюю половину отворена; тамъ храпѣ и темь. Въ окна видно свѣтлую ночь. Жалко до смерти потерять такое время въ грѣзахъ и видѣніяхъ сна. Не знаю, такъ ли думалъ Миша, наклонивъ голову надъ широкимъ крестьянскимъ дубовымъ столомъ. Свѣтъ свѣчи ярко освѣщаетъ молодое покраснѣвшее лицо. Сверху глядятъ черные образа, сверкая слюдой и фольгой.

Долго сидѣлъ мальчикъ, не переменяя положенія, потомъ быстро всталъ, отворилъ деревенское окошечко и высунулъ голову и плечи на улицу. — «Какъ хорошо!» проговорилъ онъ громко, вдыхая напоенный запахомъ гречихи и свѣжаго сѣна воздухъ.

Ночь была дѣйствительно хороша. Яркій, холодный свѣтъ

мѣсяца обливалъ противоположную слободку улицы, рѣзко искрсясь и сверкая на окнахъ. Также рѣзко оварялъ онъ своимъ матовымъ свѣтомъ стропила и долбленные скворечники съ чернѣющей точкой на крышѣ противоположнаго дома старосты дяди Липата. Вдоль всей другой слободки улицы тянулись по землѣ какіе-то черные углы, четко отдѣляясь другъ отъ друга: это тѣни, бросаемаы острыми вершинами крышъ. Направо, свѣтлые дома и черные углы тянулись далеко, сближаясь другъ съ другомъ въ перспективѣ; нѣлѣво, черезъ три дома, переливаясь изумруднымъ холодомъ, сверкала Абраховка, одѣтая теперь слабой, нѣжной пеленой тумана. Этотъ туманъ стоялъ какъ разъ у конца улицы, точно бѣлымъ покрываломъ занавѣшивая входъ въ нее. Тишина нѣмая.

Долго сидѣлъ мальчикъ не двигаясь, иногда только поглядывая въ темносиія бездны; синеватые, а то, какъ будто красноватые, огоньки звѣздъ привѣтливо мигали ему оттуда. Воспоминанія о старомъ учителѣ латыни, прозванномъ Лопатой, съ какой-то стати пришли ему въ голову наравнѣ съ другими обрывками школьной и домашней жизни. Онъ уже хотѣлъ оторваться отъ окна,—вдругъ на дальнемъ концѣ улицы, женскій голосъ затянулъ медленно и заунывно:

Вспомни, вздумай, мой любезный,
Какъ мы съ тобой общались
Вѣчно другъ друга любить...

Голосъ оборвался, послышался говоръ, и вдругъ застучала извѣстная деревенская стучалка, отчетливо разсыпая звуки по улицѣ. На свѣтлой, противоположной сторонѣ появилось три человѣка. — «Глянь-ка! барчукъ-отъ не спитъ», послышался сдержанный шопотъ. Фигуры медленно, словно владучись, стали подвигаться къ окну; потомъ также безъ шума усьлились на завалинѣ. Самая маленькая помѣстилась между двумя большими; иногда она робко выглядывала и тянулась посмотреть вверхъ, на окно, на бѣлокурую голову мальчика.

Скоро Миша разговорился съ однимъ изъ сторожей — съ Надеждой Жихаревой. Онъ спросилъ ее, пойдетъ ли она завтра, въ воскресенье, жать.

— Пойду! нонѣ мы поторапливаемся: и свое надо дожать, и къ Гаврилѣ Фатенчу, вотъ, зимой за хлѣбъ продается на жнитво.

— Сколько же Фатенчъ заплатитъ тебѣ за это?

— Да вотъ посчитай, много ль выйдетъ: по два рубля въ недѣлю, съ серѣды съ третеньешной.

— То-олько!..

— А тебѣ бы сколько?.. харчи тожъ его, Фатенчевы... Другі-то... вотъ хоша Проська съ ребятами, хлѣбъ-отъ и тотъ черезъ день ѣдятъ... Горюны! вотъ по вечеру къ намъ пришли просить; а мы сами-то кто? Голь перекатная!.. Ну, матушка дала снопа, знать, съ три: можетъ, и самымъ такой чередъ придетъ — напросишься.

— Да что она съ тремя снопами-то сдѣлаетъ? Это и не намолотить ничего,—опять изумился мальчикъ. — Да неужели есть... безъ всего сидятъ? какъ же вотъ... пѣли...

— Эхъ, барчукъ, не видалъ ты видно нашей деревни никогда! Вотъ я и сегодня новый хлѣбъ-отъ ѣла: обмолотишь снопокъ, да столчешь — вотъ и все... А что ты говоришь, пѣсни играютъ, да озвучаютъ—такъ вѣдь чередъ тому дошелъ: недѣлю цѣлу тотъ ногой моталъ у стана, тотъ руки отвилалъ за косой, тотъ... да мало ли всякой всячины передѣлано... Дѣвки-то, ты видѣлъ, каки у насъ? Спицы! Ребята тожъ: кость на кости, рыла у всѣхъ тощія, только глоткой и берутъ... А погулять всякому въ охоту: покуда молоды-то, и жисть! жисть-то однава бываетъ.

Она умолила, нѣсколько времени всѣ сидѣли такъ.

— А тебя, барчукъ, сколь долго обученьемъ натирать будутъ? —начала опять говорунья.—Чай, поди, долго еще... чай, надѣло ужъ ученье-то?..

— Да вѣдь отъ ученья люди добрѣе дѣлаются. Такой человекъ никого не обидитъ, онъ для чужого-то своего не пожалеетъ... Если бы всѣ были учены, такъ и вы не одинъ бы, можетъ, хлѣбъ ѣли,—сказалъ вдругъ съ воодушевленіемъ барчукъ.

— Идишь ты!—изумилась собесѣдница.—А вотъ у насъ при волостной учитель былъ, молодой, да длинный такой, ровно журавъ... тожъ ученый былъ, а прогнали!.. Саранча-то, бывало, ему и въ праздникъ отбою не давала: галдятъ, орутъ... журить бы надоть, а онъ ни слова не молвить. Кабы не стружанскій попъ, отецъ Еремѣй, некому бы было ихъ и страшать. Тотъ какъ пойдетъ вихры-то оглаживать, да руки-то оболачивать — такую тишь, да гладь наведетъ—слышно, какъ въ брюхѣ ворчить. Ей Богу! Я втупору не замужемъ была, къ учителю въ прислугу ходила, такъ видала. Бѣдный онъ самъ-то былъ человекъ, а что бывало ни спроси—все готовъ отдать... И за что согнали?.. Народъ боялъ тутъ, что попу не уважилъ... можетъ статься, и такъ: попъ у насъ такой фуфыря, что на поди... о Петровкахъ трехъ яицъ и не клади!.. Баетъ, обѣдню-то чай на пяти просвирахъ служить, а вы норовите съ тремя отойти; —

нехристи вы, говорить, вотъ что... Баушка Мосевна разъ одно принесла; совсѣмъ не взялъ: поди, баеть, старый сынъ, посиди на немъ, высидишь съ пятокъ, тогда и носи, вотъ вѣдь какой зубатый!.. А ты самъ-отъ, баринъ, какъ ученье превозможешь, куда поровнишь? Гляди въ становые, аль въ мировые... въ мировые лучше...

Мальчикъ засмѣялся.

— Давно тому, баринъ,—я втупору махонька была,—Петръ Ильичъ у насъ на волости становымъ постановленъ былъ... вотъ лихой-отъ! не приведи Богъ такого. Матушка говоритъ, что мой отецъ черезъ него и рыломъ-то все въ сторону глядѣлъ, покойникъ,—точно свело его. А тогда баяли, быдто домовой его на мосту тиснулъ... Теперь тоже не больно гоже: старшина вонъ съ писаремъ, съ жукойцей этой, прости Господи! Съ горлопанами, съ ними—что сдѣлашь! Да и наши-то мужики, тоже, есть такіе горлопаны... вотъ хошь бы твой-отъ хозяинъ,—прибавила раскатица шопотомъ: — такіе горлопаны, сѣдые да кривастые—слова молвить не дадутъ! такъ и зарвутъ, такъ и зарвутъ, коли не по нимъ что...

— Какъ не по нимъ?—остановилъ ее барчукъ.

— Такъ!—разгорячилась Надежда.—Вотъ, къ примѣру, въ Дѣменномъ дѣлѣ: собрали это Дѣмѣй, Мосевнину мужу... онъ старостой-то былъ... деньги, пятьдесятъ рублей... ну собрали... чѣмъ бы барину послать, онъ ихъ куды-то и дѣнь... Взялъ тутъ дядя Липать у купца Хавроньина—вотъ въ Стружаныхъ живетъ—эти деньги въ заемъ... бумагу написали каку-то... Въ ту пору мужики-то въ отходѣ были, все бабы остались, а дядя-то Липать старъ, да поди и уменъ, какъ старый песь... Написали они въ бумагѣ-то, коли срокъ минуетъ, то должны мы ему послѣ того платить по рублевѣ за каждый день, кой станетъ послѣ срока. Пропустили!.. И напрѣло теперь, батюшки мои... почитай рублевъ съ полтора ста будетъ. Подавали бумагу въ городъ—не беретъ. Бають мужики, старшина въ этомъ дѣлѣ за купца тянетъ. Саухъ идетъ, быдто сеотину и всѣ животы на продажу поставитъ.

Когда Надежда умокла, на противоположной сторонѣ улицы, гдѣ рѣзко искрились, какъ отъ мороза, стекла деревенскихъ оконъ, отражая яркими острыми лучи далекаго мѣсяца—показалась фигура. Одѣтая до пояса во что-то черное, она внизу, отъ пояса до земли, была бѣлая. Согнувшись и еле покачиваясь, шагала она вся освѣщенная луной; путь ея направлялся прямо къ окну мальчика; вотъ ужъ она вошла въ тѣнь, отбрасывае-

мую избой дяди Кондрата. При появленіи ея одинъ изъ сторожей—Полька—быстро вскочилъ.

Давеча, когда сторожа проходили по улицѣ, Полька вылѣзла въ нимъ въ окно. Мать ея, Лиса-солдатка, отдавъ ей маленькую Варёнку, — съ вечера куда-то ушла. Уложивъ ребенка, Полька и вылѣзла на улицу. Но Варёнка проснулась и долго кричала въ хибарѣ, разбудила старуху, и та, перейдя общій дворъ, уняла дѣвочку. Замѣтивъ, что Лисы нѣтъ, старуха пошла на гумно, зачѣмъ-то оглядѣла овинъ, омшаникъ, а теперь очутилась на улицѣ, противъ освѣщеннаго окна.

— Ты что это?.. полуношница! а?.. бросила Варьку, а сама ласы точить ушла... Ступай, негодная!.. Вотъ я тѣ космы-то оттреплю ужю... Пошла домой! пошла, подлая!

Ужасы эти посыпались изъ устъ чернойблѣй фигуры. Это была по наружности чистая вѣдьма: сѣдые волосы выбились изъ-подъ повойника, длинный носъ ея чуть не касался остраго, выдавагоса впередъ подбородка; брови вылѣзли и рѣзкія морщины исполосовали ввалившіися около челюстей щеки. Дрожащія руки ея придерживали, должно быть, наскоро наброшенный, армякъ. Сѣвѣзъ раскнутый воротъ его виднѣлась сухая, морщанистая шея и мѣдный крестъ, висѣвшій на толстомъ гайтанѣ. Старуха была только въ одной рубашкѣ, армякъ не хваталъ ей до коленъ, а рубаха едва прикрывала ихъ. При первыхъ звукахъ этого привидѣнія, дѣвушка, кутаясь въ зипунъ, рукава котораго волочились по землѣ, оставила уголь и тихо пошла на-встрѣчу.

— Я, баушка Мосевна, ночь стерегла,—еле слышно промолвила она.

— Да твое ли это дѣло?.. и чередъ-отъ не дошелъ до насъ, а ты, негодница!.. Курьяниха не стерегла, а мы посла ея чередъ-отъ правимъ... вотъ я тебя!..—И старуха своей костистой рукой начала бить дѣвушку по спинѣ.

Дѣвушка пошла впереди, за ней потащилась и старуха. На срединѣ улицы, гдѣ мѣсяцъ ударилъ въ нихъ своими яркими лучами, Мосевна опять принялась стучать по спинѣ худенькаго существа. Глухо, но слышно отдавались эти удары въ ночномъ чуткомъ воздухѣ. Обѣ фигуры направились вдоль слободки, въ дальній ея конецъ. Вотъ ужъ обѣ онѣ, Мосевна и дѣвушка, потерялись въ перспективѣ блѣвшихъ и чернѣвшихъ домовъ улицы, а шестеро глазъ все какъ-то машинально глядѣли вдоль ея. Вотъ рѣзко щелкнула въ ночномъ воздухѣ гдѣ-то калитка... Запѣли пѣтухи. Пронзительные голоса ихъ слѣдовали одинъ за другимъ сначала быстро, а потомъ черезъ промежутки, какъ

будто каждый из них перекликался съ заранее опредѣленным другимъ. Послѣдній откликъ слышался гдѣ-то далеко, далеко—должно быть въ деревнѣ Харинской. Опять настала тишина. Тѣни отъ домовъ почти исчезли: мѣсяцъ стоялъ высоко надъ головой, отъ него такъ и струились потоки смѣющагося свѣта, заливая всю улицу, казавшуюся теперь какой-то уютной и чистой. Бѣлый туманъ надъ рѣчкой сгустился и опустился еще ниже. Изъ темныхъ очертаній кустовъ слышался жалобный пискъ.

— Экая чертовка—эта Мосевна! за что она ее прибила?—замѣтилъ вдругъ Миша изъ окна.

— Ишь на тебя жалость-то напала: такъ ли еще у насъ бузуютъ,—возразила Кондратова Стѣпка, считавшая этотъ вопросъ по своей части.—Ну, Надеха! что намъ завтра бу-удеть... вдругъ растянула она.—Скажеть, съ купцомъ всю ночь куроводились, да еще гляди, дѣвка, разукрасить какъ... Мосевна на что на другое, а на это первая въ деревнѣ; съ ней говори, да оглядывайся!

— И то, Стѣпка! пойдемъ—пора, скоро свѣтать станетъ, ко сну стало клонить. Прости, барчукъ! чай, завтра долго спать ставешь?..

— Долго!—отвѣчалъ задумавшись мальчикъ.—Прощайте!

На востокъ заря стыдливо алѣла, потянуль вѣтерокъ; гдѣ-то въ лугахъ кричали журавли.

IV.—Мірской сходъ.

На утро настало воскресенье. Часу въ восьмомъ работникъ Ермилка, благодаря раздавшемуся въ окно рычанью: «собачій сынъ! впряги телѣжку, къ обѣднѣ поѣдемъ»,—началъ снаряжать «вишаецъ».

Когда все было готово, Ермилка обернулся вполонину къ сѣдоку и тихо спросилъ:

— А что, Кирилль Васильичъ, заѣдемъ къ попу-то, аль нѣтъ?—Сѣдокъ въ отвѣтъ сердито плюнулъ въ сторону и ядовито медленно проворчалъ:

— Ишь, собачій чортъ, разохотился глотку-то водкой жечь—справляется. Поѣзжай-знай!

Проѣзжая полями, сѣдоки увидали трехъ жницъ, орудовавшихъ серпами на Матѣвниной полосѣ.

— Ишь, каки жадны: и празднику-то имъ нѣту,—замѣтилъ опять Ермилка:—успѣли бы!

Купецъ глянулъ въ сторону и, замѣтивъ Лису, Польку и Надежду, еще злѣе зарычалъ:

— Поѣзжай-знай! я тѣ успѣю вдоль спины-то.

Ермила струхнулъ.

Жницы кончали ниву и собирались домой. Полька, разогнувъ усталую спину, также замѣтила проѣзжихъ:—«Купецъ, маменька, должно къ обѣдѣ поѣхалъ; грѣхи замаливать хочеть: шибко больно лихо плясалъ вчера». Лиса промолчала, за то послѣ, когда полоса была кончена и онѣ отправились въ деревню, она точно вдругъ продолжила старый разговоръ:—«какъ просила я тебя вчера поглядѣть за Варькой? какъ?.. Не могла ты, не могла, подлая! вотъ и откатали... Такъ тебя и надо!» И она пошла впередъ злая, раздраженная работой. Дѣвушка молча поплелась за ней.

Уже солнце взошло на ту точку неба, съ которой оно всегда съ особенной энергіей поджариваетъ людей; уже добрые люди пришли отъ обѣдни, даже поговорили о томъ, что дьячекъ Иванъ Кузьмичъ не пѣлъ, а «мяукалъ, ровно котъ», что «просвири стала печь просвиры много, много менѣ прошлогодняго», что у купца у Хавроньина «рожа, должно, скоро треснетъ мѣстахъ въ трехъ»; сказывали еще, будто купецъ и мельникъ, старшина и писарь пошли къ пону на чай; да мало ли чего наговорили пообѣдавшия бабы и старухи, усѣвшись на зеленой лужайкѣ, подъ двумя знакомыми вязами, когда Миша проснулся и всталъ. Онъ нисколько не подозрѣвалъ, что его ночной разговоръ произвелъ въ умахъ большую сенсацию:

— Надежка нонѣ всю ночь у купца пробыла; вотъ Мосевна баеть, будто видѣла, какъ купецъ ей почитай съ полусотенную отвалилъ,—сказала сѣдая Курьяниха, лежа на травѣ.

— Даромъ! Она сбрехнетъ, не дорого возьметъ. Ей вѣрить, что коровѣ стельной,—возразила смѣло Лиса, отдохнувъ послѣ жнитва.

— Что у насъ изъ за этого, изъ за купца своду пошло... страсть! а все бабы—обдери ихъ песь—все онѣ! У мужика языкъ-отъ ту же привязанъ, онъ и не брешетъ,—вдругъ выпалилъ подошедшій дядя Власть, на правахъ деревенскаго любезника.

Тутъ появилась Мосевна; скоро она вмѣшалась въ разговоръ и посвятила бабъ во всѣ тайны деревни. Также скоро убѣдила она ихъ, что Надежка «скопятилась», что когда мужъ пріѣдетъ, то «рыло онъ ей сколотить».

— Гляди, вотъ и оброкъ купецъ за нее внесетъ, какъ Богъ-

силье внести. Помяните мое слово! А ей что?—ишь напартилась, стати-то никакой нѣту, стать-ту всю потеряла.

— И выпрями! поди каковой павой высматриваетъ,—вторилъ бабій кругъ, глядя на проходившую съ двумя молодыми бабами Надежку.

— Надежка! чего напартилась? аль къ купцу въ крали пошла?...—не стерпѣвъ крикнула Мосевна.

— Въ томъ худа нѣтъ, что добры люди любятъ, а не носить, какъ тебя, старую вѣдьму! Поди до заутрени, ровно домо-вой, всѣхъ курь вышупала,—отвѣтила хладнокровно Надежда.

Бабій кругъ былъ ужасно доволенъ этой травлей и хохоталъ, благо время было.

Между тѣмъ Миша отворилъ окно и смотрѣлъ на новое, еще не виданное имъ зрѣлище. На дворѣ старосты Липата собрался сходъ. Много тутъ всякихъ «дядей»; нѣкоторые дяди были, по мѣстному выраженію, «съ гвоздемъ въ головѣ», но были и безъ гвоздей, или чего другого подобнаго, за то на многихъ телячьихъ шапкахъ съ воробьиными гнѣздами. Старики, въ черныхъ либо рыжихъ армякахъ, операли свои подбородки на длинные палки. Нѣкоторые рѣшительно походили на «крюкастыхъ горлопановъ», другіе, наоборотъ, казалось только сейчасъ слѣзли съ картинъ изъ Ветхаго завета: съ такимъ успѣхомъ пародировали они Авраама, Исаака, Іакова; они все жались подъ навѣсь. Были тутъ и молодые мужики, у которыхъ въ глазахъ блестяло дѣло, а на плечахъ болталась синяя, проклеванная рубаха; прибывали сюда и молодые ребята, одѣтые тоже не особенно казисто. Все это пока толковало въ разбродъ—кучками. Вонъ дядя Фатей кого-то лаетъ, выпятивъ бороду впередъ. Раскрывъ пальцы, онъ откладываетъ ихъ по одному—ровно на счетахъ. А вонъ длинный дядя Кондрать, разинувъ «орало», выпускаетъ оттуда воздухъ, начиненный тяжелыми аргументами, въ родѣ:

— Не міръ бумагу писалъ, не міръ деньги бралъ! Міръ плюнетъ на все, да, гляди, и не подогреть.

Если бы не купецъ Хавроньинъ, не орали бы мужики, а просто спали бы или сѣнокосъ убирала, или, постоявъ за дверью знакомой избы въ деревнѣ Харинской, возвращались домой въ на-строенияхъ куда лучше нормальныхъ. Но Хавроньинъ—Надежда рассказывала совершенную правду—хочетъ слупить съ міра двѣ шкуры, не въирая на такіе пустаки, что этотъ міръ одѣтъ одной, да и то худой—еле-еле починенною бабой. Увлечшись своими идеями, Хавроньинъ хочетъ взять 150 рублей вмѣсто данныхъ въ заемъ 50. Онъ общалъ давно, если получить эти деньги, поновить ограду

стружановской церкви, выкрасить попу домъ въ желтую краску и написать въ притворѣ церкви страшный судъ. Всѣ эти, достойныя лучшаго исполнителя, мысли бродили въ головѣ Хавроньина, когда онъ грозилъ подать бумагу о взыскаііи денегъ или, все одно—ограды, желтой краски и страшнаго суда, съ мужиковъ деревни Абраховой. Но мужики и не подозрѣвали этого; они думали, что съ нихъ дерутъ шкуру, а вовсе не ограду и желтую краску. Зная они это, можетъ гречневики не сидѣли бы такъ гордо на старыхъ головахъ, и вмѣсто этого гама на дворѣ дяди Липата брехала бы только собака.

— Что-жъ, теперь, старики, дѣлать-то? а?—провозгласилъ вдругъ староста Липатъ съ крыльца:—Хавроньинъ мѣнѣ какъ на 140 рублей, баеъ, на мировую не иду. Думайте, старики! понатужьтесь!—Два самыхъ старыхъ крикнули и показали гречневиками, какъ будто желая показать, что они понатужились и думаютъ.

— Да чаво, тутъ и натужиться неча; не давать и дѣлу вонецъ!.. Пусть, собака, самъ возьметъ,—гаркнулъ вдругъ дядя Кондрать.

— Одно дѣло!—съ насъ требовать неча, дарма рази—вотъ это такъ Липатъ! самъ ты баялъ, что бумагу повернули рыломъ-то въ намъ, а вишь, требуютъ,—поддержалъ черный суровый мужикъ дядя Андрей.

Около старосты, около крыльца, образовалось ядро собранія.

— Да что-тѣ господа-то баяли?—крикнулъ только-что подошедшій, непонятливый дядя Власть.

— То баяли, что у него въ бумагѣ-то цифирью писано, а надо быть азами. Цифирь-то онъ переверотить можетъ, а азы-те не переверотить... Его, говорятъ, самого за бумагу-то за эту туда пошлютъ, гдѣ телятъ кормятъ... Да! жди тутъ! а старшина, вонъ свое баеъ: продадутъ, говорить, всѣ животы, вотъ-те и весь скажъ,—отвѣчалъ Липатъ.

Между мужиками пошли споры о томъ, что у кого можно продать «въ очистку» долга.

— Неча тутъ и очищать! миръ не виноватъ, что староста... пушай самъ и платить!—орали двое тощихъ мужиковъ, стрѣляя другъ въ друга чахоточными клинушками своихъ подбородковъ. А дальше двое другихъ, въ лаптахъ, стараются убѣдить третьяго въ сапогахъ, что на томъ свѣтѣ, «въ пеклѣ», Хавроньину не только не дадутъ «тулуна, аль свиньи», но просто выгонять изъ ада «куда похуже». Долго бы, можетъ быть, продолжались эти споры, какъ вдругъ Липатъ крикнулъ съ крыльца:

— Во, что, міръ честной! давчесь, посла обѣдѣть, побаялъ и съ нашимъ, съ писаремъ. Онъ стороной сказывалъ, быдто наше дѣло не выгорить... Не артачьтесь, говорить—идите лучше на мировую: купецъ 20 рублей спускаетъ ощо... А то хуже будетъ: на дняхъ, баеъ, прѣдетъ приставъ, все быдто опишетъ—и дѣлу конецъ... По третьегоднишному, должно, хотать обчислить!.. Какъ, братцы, быть-то?.. видно мировой не миновать?!

Панфила и Кондраты и другіе дяди сначала такъ накинудись на Липата, что онъ уже полагалъ, что ему не придется ничего другого сдѣлать, какъ отдать и свою корову, и свинью, и тулупъ. Сходка сдѣлалась бурной. Но дяди, «допрежь» похोдинъ, да и походинъ около, т.е. наругавъ Липата и всѣхъ писавшихъ «бумагу», какъ и сколько хочется, утомонились и вдругъ сразу рѣшили дѣло. Они выдумали половину суммы выбить съ міра, а другую призанать у «лѣсничаго». Положивъ «рѣшенье», дяди подняли вопросъ довольно важный—о магарычахъ «для празднику». Рѣшивъ его громаднымъ большинствомъ—всѣхъ противъ нѣмого—они вскорѣ, хотъ и не весело, но довольно мирно направились по пыльной улицѣ деревни Харинской, горя желаніемъ скрыться отъ жаркаго зноя за заколдованной дверью.

V.—Бабій кругъ.

Сегодня почти другая недѣля, какъ Надежда порадилась у Фатенча работать. Бабушка Матвѣвна, поговоривъ утромъ съ ней, рѣшила сходить получить трудовой рублишко: надо купить соли, да заплатить старый-престарый долгъ. Оставивъ Надежду подъ окномъ съ Гришуткой, она отправилась въ путь. На ней была старинная, давнишняя панева, данная ей еще въ приданое, не затасканная или замасленная, наоборотъ: яркія, красно-рижія клѣтки ея горѣли на солнцѣ и рѣшительно, считая себя моложе старухи, не хотѣли висѣть на сухихъ бедрахъ Жихарихи, отчего та часто шмыгала по боку рукой... Когда Жихариха, согнувшись въ три погибели, проходила мимо двухъ вазовъ, мимо бабьяго круга, ее вдругъ остановили любопытно жаглющіе возгласы:

— Богъ помочь, Матвѣвна!—сказала вчерашняя Матрена. —Куды онъ тебя, батюшка, несетъ? Аль что неладно?! можетъ, ночью что приключилось? а?

Матвѣвна, хотъ и слышала сегодня утромъ отъ Надежды, что бабы начали ее «грызть», почла за лучшее пропустить наметъ. Поклонившись глубоко всѣмъ, она тихо отвѣтила:

— Съ праздникомъ, съ праздникомъ, добры люди! Нѣтъ, приключеньевъ никакихъ не было. А иду я къ Гаврилѣ Фатенчу получить деньжонки.

— Идишь ты! все деньжонки...—удивился одинъ изъ добрыхъ людей, та же Матрена. — Поди, все купца щелушите!.. Ничего: у него мощна-то долгъ, да толста—хватить!

— Побойся Бога, Матрена! не гибни его, батюшку, занепрасно: поди вѣдь всѣ на томъ-то свѣтѣ будемъ... Что ты баешь? оглянись на себя-то лучше,—возразила ей все также тихо Матвѣвна.

— Мнѣ оглядывать себя-то неча: я своево мужа не срамила; въ Фатеевомъ овинѣ не спала! полусотокъ ни съ кого не брала!.. Мнѣ неча себя отрахаты!—совсѣмъ распѣтушилась Матрена.

— Нѣтъ, что тутъ! надо правду сказать: Надѣха нонѣ скопытилась... Народъ, вонъ, баесть; мнѣ что: мнѣ Господь съ ней!—подожгла вдругъ и Мосевна.

Матвѣвна не вытерпѣла:

— Да что ты, чапельникъ ты старій, брешешь!.. что брешешь! Вѣдь въ землю глядишь, а все людей позоришь! Скоро стащатъ, старую, на погостъ, а она все брешетъ,—ровно песь цѣпной, прости Господи! Ну пошто бабѣнку загоняли?.. пошто?.. Чѣмъ она вамъ не угодила?.. Тѣ была хороша, гожа, а теперь—на, поди!.. вдругъ претить стала... Ахъ, вы, плети старыя! право, плети... То-то палка по васъ плачетъ!

Мосевна и Матрена оцетинились:

— Сама ты, кочерга безногая! чего ради для праздника Христова разоралась? Чай, не одинъ кто баесть,—баесть весь народъ! ты супротивъ народу не при—неравно напорешься! Погody! вотъ придетъ время: она тѣ двойню принесетъ, въ ту пору и міру въ ножи поклониться, да не ровень часъ—опоздаешь!

Матвѣвну бросило въ жаръ; еле-еле смогла она чуть не рыдая промолвить:

— Пускай двойню принесетъ! къ сусѣду не понесу: сама вырощу!.. Не поклонюсь!.. съ сумой пойду, не поклонюсь!.. Царь небесный! батюшка, заступникъ! да что же это?—И низко наклонивъ голову, она закрыла лицо опутанной рукой и поплелась отъ бабьяго круга. Невольныя, жгучія, соленныя слезы крупными каплями, подобно тому, какъ на нивѣ трудовой потъ, сами, непрошенныя, катились по ея морщинистому лицу. Она вѣрила своей Надѣхѣ, она знала ее, горячо любила ее и тихо и мирно жила съ ней. И тѣмъ горячѣе, тѣмъ больнѣе ударили ее въ старое сердце эти нападки.

VI.—Мірскіе сборы.

Когда Матвѣвна пришла къ Фатенчу, она никого не застала. Изба была отворена и пуста. Концовъ не прѣзжалъ. Устинья гуляла; бабка спала; а мальчикъ съ Фатенчемъ были въ огорождѣ. Матвѣвна сѣла на лавку, оперла морщинистое лицо на правую руку и задумалась. Скоро Фатенчъ и Миша вошли въ избу.

— Что, старая ворона?.. прилетѣла! Милости просимъ! приходу рады... Что пригорюнилась-то? Аль стары кости болятъ. А позавчера звала еще съ собой въ овинъ! куда тебѣ: на огородъ тебѣ—горохъ стеречь... Ну! пошевеливайся, Матвѣвна! аль взаправду тебя кто убилъ?..—затормошилъ Фатенчъ старуху.

— Убить никто не убилъ, а такъ... съ бабами побрехала со старой-то съ дури... Надеху жалъ стало: загоняли, совсѣмъ загоняли, ровно псы прохожаго! Да что съ ними станешь дѣлать-то... Молчать бы надоть, а я связалась!..

Мальчику ужасно стало жалъ старуху: столько въ истресканномъ морщинами лицѣ было горя и боли, суровой сдержанности и простоты. Онъ подошелъ, сѣлъ рядомъ съ ней на лавку, и, заглядывая ей въ лицо, спросилъ:—Да за что-жъ ее, Матвѣвна, загоняли?.. Кажется, она... смирная.

— Правда, касатикъ, правда, родимый мой! да и что со мной, со старой вѣдьмой—прости Господи—сдѣлаешь: не утерпѣла—связалась! Вишь напали, зачѣмъ цѣлу ночь у окна, у вашего, просидѣла... Наплели, наплели и Господи ихъ разбери... Вѣдь она сторожу блюла! мнѣ, старой, врьдъ вздохнуть послѣ житва-то.

— Вотъ оно что! Такъ это я виноватъ,—сказалъ мальчикъ.

— Никто тутъ не виноватъ! виновата вотъ она: пошто сдѣлалась... Ну говори, зачѣмъ къ намъ пожаловала?... Знаю! дарма ты никогда не придешь.

Старуха встала:

— Да вотъ, хотѣла попросить у тебя, Гаврила Фатенчъ, деньжонекъ... За работу... больно надоть: соли и вчера не было, да и Михай Долгій пристаеъ: должна я ему, почитай, мѣсяца съ три будетъ... Такъ дай! сдѣлай такую милость.

— Ну, Матвѣвна! не въ разъ попала—нѣту! Евплу послѣдни отдалъ.—Ей, ей!—провалиться!—нѣту. Да и за какую такую за работу давать-то тебѣ? за Надеху?.. да она всего-то три дня только работала: за намердншну-то недѣлю ужъ отдано. Это и за рублевку не вытянешъ, вотъ полтинникъ хошь?—на!

— Мало, Гаврило Фатенчъ, прѣ мало; это на соль и то еле хватить; давай рублевку... Отработаемъ—не обманемъ—не такі люди!

— Ну, на, на!

Фатей разстегнулъ воротъ, снялъ съ шеи толстый гайтанъ, на которомъ рядомъ висѣли и крестъ, и мѣшокъ, вынулъ изъ послѣдняго деньги, и опять засунулъ вещи подъ свою густую бороду. Въ это самое время на порогѣ избы показался Липатъ.

Взявъ рублевку, старуха глубоко поклонилась и хотѣла уйти, какъ вдругъ Липатъ остановилъ ее за руку.

— Къ разу оно, вотъ подошло,—началъ онъ,—эфтимъ нонѣ рѣдко балуютъ. Нутко-сь, Матѣевна! — Господи-то благослови—съ тебя почну. Старики, вишь, рѣшеніе положили: съ купцомъ на мировую идти... Да и до старыхъ долговъ чередъ доходить. Нутко-сь, съ легкой руки, почну оборъ-отъ обирать... Давай! давай!—неча лывать—дѣло мірское.

— Что ты! сударе-свѣтъ! у нищаго суму хочешь ограбить... Алъ мало тѣ, что Демка насъ объѣлъ, ты ощо хочешь поглотать... Побойса!... вонъ она! матушка, Владычица небесная, вонъ! хоть для ея пожалѣй, для заступницы: соли нѣту, а Семенъ баеъ паневу стащу... Погодъ малость,—авось Гришка что пришлетъ: объ эфту пору норовилъ.

— Да! жди ево, твоего-то Гришку—наждешься! Онъ, глян, самъ думаетъ заполучить откель-ниго... Начальство-то, оно не ждеть—оно требуется!.. Баеъ, ко время гнать надо. Надись и то въ холодной насидѣлся... Дѣло мое тожъ не молодое—пора бы и въ хлѣву отдохнуть... Давай, Матѣевна! не артачься. Съ тебя, почитай, рублевъ съ десять надо получить: подушна требуютъ, да старшина вонъ на волостную сборъ дѣлать, на присутствіе: бумага-то, она тепло любить... Давай чество! не то міромъ выбьемъ: душу отнимемъ, продадимъ ворота... амбаръ—вотъ тѣ и все!

Эти аргументы совсѣмъ поразили Жихариху; она снова сѣла на лавку и лицо ея вовсе не сочувствовало ни тому, что «бумага тепло любить», ни тому, что «ко время гнать надо». Напротивъ, это лицо будто озаменѣло, будто давнымъ давно сдѣлалось такимъ убитымъ, такимъ нѣмымъ. «Душа» и «ворота» вдругъ заняли всю голову, не допуская никакой другой мысли. Долго сидѣла она такъ, не вымолвивъ слова.

— Что-жъ, Матѣевна, сидѣть-то! думай! Пораскинъ, какъ лучше-то сдѣлать,—сказалъ видимо тронутый Липатъ.

— На! возьми!.. что будетъ, то будетъ. Вонъ Богъ-отъ! его

святая воля...—вдруг проговорила Жихариха, разжавъ свою старую руку и поднося рублевку старостѣ.

Съ Липатомъ сталося что-то чудное, точно кто ногой ударилъ его сзади въ суставъ колѣна: онъ дрыгнулъ обѣими ногами. Глаза куда-то въ сторону, онъ протянулъ руку и вжалъ рублевку съ ладони старухи. Матвѣвна поклонилась и вышла.

Во все продолженіе этой сцены, мальчикъ сидѣлъ у стола и пристально глядѣлъ и слушалъ. Когда вопросъ подошелъ къ «амбару и воротамъ», ему какъ будто захотѣлось отдать себя вмѣсто «амбара и воротъ». Но бездушный разсудокъ и застѣнчивость охлаждали опять юношескій пылъ; и мальчикъ, уже засунувшій руку въ карманъ, уже щипавшій единственный двугривенный, вынималъ ее. Послѣ, снявъ со стѣны ружье, надѣвъ фуражку, онъ рѣшился снести деньги въ избушку. Онъ уже прошелъ прудокъ, повернулъ къ избенкѣ Матвѣвны, поровнялся съ воротами и... свернулъ въ переулокъ. Непривычка Миши къ людямъ, застѣнчивость и какой-то стыдъ побѣдили страстное желаніе видѣть эти 20 копѣекъ въ трудовой, закорузлой рукѣ Матвѣвны, рукѣ, такъ отчетливо представлявшейся ему теперь. Онъ сталъ рѣшительно думать, какъ бы помочь старухѣ.—«Денегъ у меня нѣтъ... гдѣ ихъ достать?.. У Концова?.. На что вамъ, скажете, понадобились деньги: должно, смѣлость обрѣли... Это навѣрное ужъ онъ будетъ говорить... Не стану у него одолжаться!.. У мельника!.. вотъ славно!.. онъ еще звалъ меня. Отлично!»

VII.—Въ деревенской избушкѣ.

Когда Матвѣвна добралась до избушки, вошла въ нее, то увидала, что Надежда спитъ. Прислонясь къ переднему углу,—не гдѣ черная божница, а къ другому—противъ печи, положивъ одну руку на полусгнившій подоконникъ, а другою машинально придерживая неспавшаго Гришутку, полусидя, полулежа,—она действительно сладко спала. Въ головѣ ея ничего не бродило, не толкалось, а былъ только спокой, такой спокой, когда человѣкъ радъ хоть на минуту забыться и не воображать, будто онъ на землѣ, гдѣ много «добрыхъ людей» и «добрыхъ заведеній». Маленькій Гришутка, наоборотъ, былъ въ настроеніи самомъ юмористическомъ, вовсе ему, всегда хмурившемуся, несвойственномъ. Онъ то старался укусить свой маленькій локоть, то достать зубенками до пятки правой ноги, не принимая рѣшительно въ расчетъ, что эти вещи пока не исполнены и въ циркѣ; то царапался, по старой привычкѣ, около груди матери, раскрывъ

ей воротъ рубахи; то, вытащивъ мѣдный крестъ, кусалъ его, точно хотѣлъ узнать, не золотой ли онъ; или, высунувшись въ окно, на улицу, перекинулся съ задорными воробьями и сороками и передразнивалъ ихъ.

Когда вошла Матѣевна и сѣла около стола, положивъ на него больную руку, Гришутка вдругъ опять вернулся къ всегданнему недовольному настроенію. Пребольно ущипнувъ мать за раскрытую грудь, онъ вдругъ запищалъ, потомъ растопырилъ рученки и потянулся въ бабушкѣ. Надежда проснулась и передала его Жихарихѣ.

— Что, матушка, далъ тебѣ Фатентъ что, аль нѣтъ? Гляди, годить уламывалъ; всегда онъ такой... тугой!

Жихариха не отвѣчала, а только тихо, да нѣжно поглаживала по спинкѣ Гришутку, какъ будто ее озабочивали складки синей рубашонки, собиравшіяся на спинкѣ.

— Неужели онъ нечѣ не далъ?! А?

Матѣевна, продолжая разглаживать складки, тихо, сама про себя, проговорила:—Дать-то далъ, да опять взяли. Что подѣлаешь...—Тутъ Надежда быстро встрепенулась, подналась съ лавки и стала, какъ столбъ, напротивъ матери.

— Кто такой посмѣлъ взять-то? Кто? Бому это нужда пришла рубль-отъ отымать!? Кто?

— Староста взялъ, Липать! Баетъ, еще девять цѣлевыхъ придетъ дополучить: вишь оброкъ требуютъ, да волостную отапливать надоть—старшина воспится... Ахъ, Гришка! Гришка! что ты съ нами сдѣлалъ... утопилъ, совсѣмъ утопилъ!.. Кабы жалость-то была, вспомянулъ бы: какъ, молъ, онѣ тамъ липать, чѣмъ жить... Вотъ отымуть душу-то, продадутъ избу-то, куда мы тогда пойдѣмъ?.. Куда!—Старуха заплакала. — Сбирать!?... Стыдъ-отъ какой: цѣлый вѣкъ жила, жила, а на старости лѣтъ окна грызть почла! Какъ людямъ въ глаза глянешь? какъ?.. — Слезы текли у ней по щекамъ. — Вотъ лѣсничному тожъ срокъ подходитъ: вносить надоть въ кассію. Человѣкъ-отъ онъ добрый, хорошій—какъ его обманешь!..

— Во, что!..—Надежда опустила на лавку и машинально стала смотрѣть въ окно. Въ это самое время Миша только-что круто повернулъ отъ воротъ въ переулокъ и его нельзя было запримѣтить.

Долго сидѣла она такъ и глядѣла на синее, голубое, далекое небо, долго слушала задорное чирканье воробьевъ, словно и у нихъ кто собрался сломать веревъ. Глаза ея были устремлены на тѣ два вяза, откуда, часа два тому назадъ, доносились

до нея всякіе голоса. Наконецъ она рѣзко захлопнула окно и быстро встала, точно въ головѣ ея созрѣло что-нибудь «уголовное».

— Матушка полудневай! вонъ картовъ на шестѣй стоитъ. А я пойду поговорю съ Устиньей.

Скоро въ избушкѣ настала тишина. Матѣевна, прикорнувъ на Надеждиномъ мѣстѣ, спала рядомъ съ Гришуткой; одинъ изъ маленькихъ воятъ также прижался къ нему, согрѣвая его, а другой возился на полу. Точно этотъ уголъ, противъ печи, былъ угломъ забвенія, точно въ этомъ углу обитатели избы не находили облегченіе отъ своихъ горестей... То-то онъ, съ улицы, и погулялъ: видно часто приходилось ему служить.

VIII.—Пирушка на мельницѣ.

Въ горницѣ мельника собрались уже гости. Тутъ были и отецъ Еремѣй, и старшина, и писарь. Горенка освѣщалась свѣчкой, такъ что съ улицы было видно, кто въ ней засѣдаетъ, хотя горшки съ геранью и бальзаминами и мѣшали нѣсколько этому.

Черезъ минуту Миша вошелъ въ горенку. Тамъ, около стола, въ переднемъ углу, расположились и хозяйка, и паны, и батюшка. Сзади батюшки, въ углу, стоялъ тяжелый, черный кіотъ, въ которомъ блестѣли серебро, слюда и фольга, украшавшія образа. Противъ кіота висѣла бѣлая, большая лампадка, съ привѣшеннымъ, тяжелымъ, фарфоровымъ яйцомъ. Яйцо это висѣло какъ разъ надъ головою батюшки, и онъ, нисколько не боясь, что оно упадетъ, пилъ изъ блюдечка чай, и очень часто спрягалъ въ своей рѣчи глаголы вѣдрать, околачивать и увѣдомлять. Широкая спина старшины, сидѣвшаго рядомъ съ попомъ, точно ставня, загородила все оконце, такъ что ни герань ни бальзамины не видали, какъ писарь, сидѣвшій напротивъ, вынулъ табакерку, понюхалъ табакъ и показалъ крышку мельничихѣ, Анфисѣ Лексѣевнѣ, отчего та жеманно отвернулась и, наклонясь надъ столомъ, проговорила:— «кисъ, кисъ, кисъ!»—хотя сама только что сейчасъ выбросила кошку за окно. Мельникъ рекомендовалъ нѣсколько свонфуженнаго Мишу компаніи и усадилъ между собой и батюшкой.

— Чрезвычайно вы спѣсивы, баринъ, никогда-то не дозовешься васъ въ горницу,—обратилась къ нему мельничиха.

Попъ оглядывалъ его съ любопытствомъ и какъ будто нюхалъ, не пахнетъ ли онъ чѣмъ, вѣтъ ли въ немъ какого духу.

— А что, смѣю спросить, вы учитесь, молодой человѣкъ?—спросилъ онъ.

— Да, въ гимназіи, — отвѣтилъ тотъ, наливая чай.

— А по какимъ нуждамъ вы сюда въ деревню попали?

— Такъ, случайно! поохотиться больше.

— М-мъ!.. Только?!..

— Вотъ вы теперь учитесь, — перебилъ писарь: — а потомъ гдѣ думаете мѣсто заполучить?

— Я еще объ этомъ и не думалъ, — отвѣчалъ барчукъ: — можетъ, буду учителемъ или докторомъ.

— Въ лекаря, въ особенности въ полековые, я вамъ лучше совѣтовалъ бы экзаментъ сдать, — продолжалъ писарь. — А въ учителяхъ что? Ихъ, вонъ, въ волостной мы каждый день принимаемъ-съ.

— Да за что же? Говорятъ, вотъ недавно у васъ былъ хорошій учитель.

— Не хорошо, молодой человѣкъ! не хорошо! не знаете, а такъ сугубо утверждаете, — сказалъ ожженный попъ. — Это былъ дрянъ человѣкъ! Ученики совсѣмъ отъ рукъ отбили: стали воровать огурцы, у дьячковой свиньи хвостъ оторвали; когда былъ инспекторъ, они послѣ нарисовали его на доскѣ и написали: пузанъ, а учитель проходилъ и не стеръ, и руки не околотилъ. Помнишь, Кирьянъ Тимоѣевъ?

— Какъ не помнить! — отвѣчалъ старшина. — Я въ ту пору въ волостной въ училище-то зашелъ. И жидъ-те возьми! какъ навели-то ловко, бѣсенята! Я самъ въ ту пору подивовался этому. Признаться-сказать! — больно ужъ мнѣ полюбилось.

— Такъ неужели только за то, что не стеръ, и прогнали его?!.. Онъ могъ нечаянно позабыть, — удивился простодушно барчукъ.

— Не нечаянно, а съ намѣреніемъ! Онъ человѣкъ былъ ехидный: у крестьянъ все справлялся, много ли яицъ-де священнику даете, много ли сметаны, много ли онъ денегъ беретъ, сколько у нихъ праздникоу справляетъ, и о прочемъ въ томъ же духѣ. Ну зачѣмъ? Развѣ это не положено закономъ? не освящено обычаемъ?.. Нѣтъ, ехидство тутъ!.. Насчетъ церкви тожъ... Ну, да вы, молодой человѣкъ, въ этомъ еще, чай, не смыслите ничего, — ораторствовалъ отецъ Еремѣй, утирая лицо платкомъ, на которомъ былъ нарисованъ кто-то верхомъ.

Самоваръ скоро былъ убранъ, и на столѣ появился графинъ водки, бутылка рябиновой, селедка и большіе куски говядины, еще теплые, наложенные на тарелку. При видѣ очищенной, писарь вынулъ табакерку, энергично, точно что вспомнивъ, щелкнулъ по ней пальцемъ и опять поднесъ ее Анфисѣ Лексѣевнѣ.

— Вы бы, Оедулъ Петровичъ, хоть при людяхъ-то не по-

называли, — сказала мельничиха, ставя солоницу. — Вѣдь на нихъ, почестъ, одежи никакой нѣту.

Хозяинъ наполнивъ рюмки, пригласилъ всѣхъ не церемониться, не взыскать, а просто «выпить и закуской закусить». Старшина выпилъ, не поморщился, и закуской закусилъ, батюшка тоже. Писарь же выпилъ, плюнулъ и закуской не закусилъ. Стали подчивать Мишу, онъ отказался и взялся за фуражку.

— Вы думаете, молодой человѣкъ, что мы пьемъ?! Вовсе нѣтъ! И васъ, если угощаютъ въ компаніи, угощаютъ люди старшіе, чиниться не должно, должно идти по стопамъ ихъ, — проповѣдывалъ отецъ Еремѣй, повеселѣвъ послѣ «первой».

— Нѣтъ, вы погодите-съ! я вамъ расскажу... я вамъ покажу... — присталъ къ нему и писарь, поднося табакерку.

— Нѣтъ, прощайте, прощайте! Покорно благодарю васъ, — обился наконецъ барчуекъ и выскочилъ разгоряченный на улицу. Выходя, онъ думалъ о томъ, зачѣмъ онъ пришелъ и чуть не вернулся назадъ; но, мелькомъ взглянувъ въ освѣщенные окна, онъ увидѣлъ, какъ вся компанія «прохаживалась по третьей». «Лучше домой ѣхать и оттуда прислать», подумалось ему. Должно быть, онъ такъ и рѣшилъ, еще разъ глянувъ на свѣтлыя окна, и идя медленно по дорогѣ отъ воротъ.

IX.—Деревенскія заботы.

На слѣдующій день, въ избѣ Фатенча, въ той половинѣ, гдѣ большая, дужая печь заняла почти половину мѣста, сидѣли два человѣка. Эти два человѣка были Надежда и Устинья. Лицо Надежды, вромѣ усталости, поражало грустью, которая какъ-то тихо скользила по нему.

— Такъ Гришка не шлетъ все? ниш! а общалъ; поди, надысь на нихъ, — вдругъ обратилась къ ней Устинья. Надежда не отвѣчала, а только тоскливое мельканье въ глазахъ какъ будто у ней усилилось.

— Ну а къ мельнику ходила? что баетъ?

— Не даетъ! про васъ, говорить, не напасешься, да поди и не стащишь послѣ, — отрывисто отвѣтила наконецъ она.

— А у свою, у старого-то я просила, — продолжала Устинья, какъ-то сжавшись. — Тоже не далъ: врядъ, говорить, себя оправдывать... Жаль мнѣ тея, Надежда, а пособить не въ мочь.

— И не придумаю, и не придумаю!.. — уныло отвѣтила та.

Такъ просидѣли онѣ довольно долго, не вымолвивъ болѣе слова. Наконецъ Надежда поднялась и, сказавъ тихо «прости»,

отправилась домой. Староста Липать попалъ ей на-встрѣчу, но она его не замѣтила; также, проходя мимо избушки солдата, она не видала, какъ та усиленно манила ее рукой. Наконецъ Лиса, видя, что ее не замѣчаютъ, крикнула въ окно:

— «Надеха!.. Надежка!» — Молодица обернулась и вошла въ избу.

— Окривѣла что ли ты, дѣвка! зову, машу и не смотришь... Да что съ тобой, Надежка? ты и вправду словно шальная, — встрѣтила ее солдата.

— Ничего... Липать деньги требуетъ.

— Ну пождетъ, сива борода! ему все деньги да деньги, все объ одномъ и толкуетъ, у него и словъ другихъ нѣту.

— Багетъ: душу отымуть.

— Отымуть!.. Ахъ онъ, старый гвоздь!.. Знаемъ мы его: позвать-то народъ онъ любить... Нечего о немъ тебѣ и печалиться. Ты вотъ лучше какъ насчетъ того... ну, вотъ, что я съ тобой баяла... Вѣдь онъ тебя... ну, ей! ей! осеребрить. Я говорить, — ну, вотъ, провалиться мнѣ, не вру, — я, говорить, приди только она, всю серебромъ разувѣшаю, богачихой сдѣлаю... Жить, говорить, не могу, безъ нея!..

— Отстань, Лизавета! Не по то я къ тебѣ зашла. — И Надежда поднялась съ лавки, на которую опустилась-было при входѣ; но Лиса удержала ее за руку:

— Надежка! свое добра ты не видишь... Пстой!.. Ну что тебѣ: и онъ вѣдь не уродъ какой... Пстой, говорю, послушайся; тебѣ добра хочу: и избушку поставите новую, и одежду сошьете, и долги свостите, и корову купите... А то ребеночекъ-то у тея какой сталъ?! Вѣдь мнѣ тея жаль! вѣдь, думаешь, я не понимаю... понимаю, дѣвка! все понимаю: знаю, что дѣло-то не гоже, да вѣдь и то сказать: съ голоду что ли помирать? да по что!..

— Отстань! тыфу!.. — И плюнувъ, Надежда вырвалась изъ рукъ солдата и бѣгомъ побѣжала домой.

Когда Надежда ушла отъ Фатенча, въ избу вошелъ Миша и, видя, что въ ней никого нѣтъ, сѣлъ у открытаго окна и сталъ смотрѣть на улицу. Въ это самое время, по обыкновенію что-то ворча про себя и высчитывая по пальцамъ, съ окномъ поровнялся староста.

— Что, Липать, ворчишь? не въ порядкѣ, что ли, что? — обратился къ нему мальчикъ.

— Да какъ не ворчать-то, какъ? развѣ это у насъ возможно. Тутъ не токмо что ворчать, тутъ палкой походить надо: и то, поди, мало будетъ.

— Что-жъ такое? что случилось?

— Случиться ничего не случилось, а вотъ съ бабами никакого сладу нѣту: хуже мужика! во сто кратъ хуже! Почестъ, совсѣмъ за горло взяли... Оброкъ, али тамъ что надо, и не выбьешь... Говори ей, хотъ не говори — все одно не слушаетъ: галдитъ свое, да и на!.. Вотъ хоша Проська: ухватомъ, говорить, тебѣ, разорителя... А какой я разоритель?..

Липатъ замолчалъ; мальчижъ тоже не зналъ, что сказать. Наконецъ староста, не теряя тона, вдругъ началъ опять:

— А тутъ въ городъ надо бѣчь: требуютъ.

— Когда ты поѣдешь? — ухватился Миша. — Я бы съ тобой отправился.

— Да денька черезъ два надо — не ранѣ... Чтожъ, свезу... Призваться, я самъ-то пѣшкомъ все; въ день-отъ успѣваю; други-то дивятся... Прости, батюшка, пора мнѣ.

— Прощай!

Х.—Мірской погромъ.

Сколько Липатъ ни старался, онъ ничего не могъ сдѣлать. Тотъ говорить: — «малость погодъ», другой только ругался и даже обвинялъ самого Липата; третьи, какъ Проська, прямо прописывали: «ухватомъ тебя, разорителя, вотъ чѣмъ!» Протолавшись цѣлый день по избамъ и совсѣмъ обезкураженный результатами своихъ походовъ, староста только къ позднему вечеру воротился домой. Въ сумрачномъ переднемъ углу избышки сидѣли молодая сноха-вдова, да внукъ-мальчуганъ; жена, старуха, хлопотала у печи, собирая ужинать. Бросивъ шапку и снявъ сапоги, Липатъ круто выругался, потомъ, заслонивъ спиною оконце, сбѣлъ за столъ и повелъ рѣчь, посыпая ее той же деревенской солью: Старуха, казалось, возилась съ горшками; но едва Липатъ объявилъ: что «всякъ зинить», что «наша деревня самая рваная деревня», что «всякъ претъ на него», на Липата, — она оперлась на ухватъ и сразу брянула:

— По моему пошло!.. Какъ я тебѣ баяла: не вяжись, Липатъ; не вяжись — не наше это дѣло, нѣтъ таки!.. Ну вотъ, своево и положишь, и спустятъ съ тебя шкуру, старый дуракъ!.. Нешто нашему народу можно вѣрить? нешто такой нашъ народъ?.. Воръ онъ! вотъ кто!.. Фатеичъ вонъ, небось, хвостъ-отъ прижалъ, а ты выскочилъ... Больно гораздъ скакать-то!.. — И старуха сердито сунула ухватомъ въ печь.

— О! го-го! — заоралъ Липатъ, дразня раздраженную жену: —

При всѣхъ было дѣло, по согласью было оно, а теперь орутъ, дьяволы!.. Голодрань проклята!..

Такъ Липатъ ругался и за столомъ, и въ сѣняхъ, и даже во снѣ. Хорошо еще не зная онъ, что ожидало его утромъ. Утромъ пріѣхалъ самъ Агашъ Хавроньинъ и, требуя съ мужиковъ долги, между прочимъ, въ рѣчи своей объявилъ, что «въ скорости» для нихъ «припасутъ законъ и бумагу». — «И замѣсто Старого Горбу, шипъ ужъ вамъ выкажу! шипъ! Ужъ въ ренду, голубчики, не сдамъ... Харпнскіе мужики давно набиваются».

И по вечеру, когда всѣ узнали «про все», такой былъ гамъ, что даже купецъ, бросивъ гармонику, громко замѣтилъ:

— Чисто, стадо безъ кнута! — перебодается, чертово дубье.

— Не перебодаемся!.. А все кто?.. Все вы, толстогузы мѣшки! все вы окружили народъ-отъ... живьемъ слопали, толсты черти! — такъ горланилъ дядя Кондратъ. Сходка была на улицѣ, прямо подъ окнами Липата и Фатенча. Кричали чуть не до полночи, а рѣшили на томъ же, на чемъ и прежде: «продать что самимъ и удоблетворить купца». Всѣ испугались его угрозы — отнять «Старый Горбъ».

— Онъ, Старый-отъ Горбъ, можно сказать, подъ деревней, подъ самой: ни ты курицу безъ дозору не пусти, ни лошадь... Наказанье одно настанетъ!

И вотъ, на другой день, рано утромъ, сталъ собираться народъ: и мужики, и бабы, и ребята. День былъ чудо: ни облачка, ни тучки — одна, голубая, необозримая высь! Народъ былъ въ разбросъ: кто у Липата на бревнахъ, кто у Фатенча на лавочкѣ, кто на завалинѣ, а ребята, Курьяниха и Матвѣвна — просто на травѣ; иные по-двое, по-трое стояли въ пыли по срединѣ улицы, иные только шли отъ воротъ. Окна ближнихъ избушекъ были подняты, и головы бабъ и дѣвокъ, повязанныхъ цвѣтными платками, торчали изъ нихъ. Не смотря на теплый день, многіе были въ тулупахъ: въ овчинныхъ, въ телячьихъ, въ худыхъ и новыхъ. Они снимали ихъ, били палками и надѣвали на другихъ. Курьяниха принесла пѣтуха, а Проська двухъ куръ; ребятинки гладили ихъ и хватали за носы. Нѣкоторые держали холодники и сибирки; двѣ какія-то старухи — двѣ старыя паневы. Трое или четверо сидѣли на толстыхъ мѣшкахъ съ мукой или рожью; въ числѣ ихъ былъ и дядя Кондратъ. Остальные ушли за рѣчку въ стадо: Филовей за свиньей, Павфилъ за овцой, Липатъ и Демьянъ за коровой. Сходка разгоралась. Кто обвинялъ, кто изъяснялъ, кто оправдывался, а иной такъ просто ругался, ни-

тому ничего не объясняя, а размахивая руками по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ. Иногда вдругъ наступала тишина мертвая; только и было слышно, какъ перекопались двое, да говорили ребятишки. Всѣ глядѣли или мрачно, или уныло.

— У твоего отца, Ванька, гляди свинью уведутъ, — дѣдушка баялъ, — слышался голосъ Липатова Федотки: — у васъ много, у другихъ ничего нѣту.

— Вотъ у насъ ничего нѣту и не возьмутъ ничего. Ловко! — засмѣялся Проськинъ сыннишка.

— Ловко!.. — подхватила мать. — Вотъ рожь-то сволокутъ, а те завтра соломой и навормлю.

— О!.. а я убѣгу!.. Гляди! нымали, волокутъ...

Дѣйствительно, съ поля къ рѣчкѣ подходила кучка людей: впереди всѣхъ бывший староста Демьянъ велъ свою корову, а рядомъ старикъ Липатъ тащилъ воза; за ними Филошей гналъ свинью, потомъ Панфилъ овцу и еще человѣкъ пять — кто барана, а кто телку. Они вошли въ деревню и столкнулись съ цѣлой толпой, привалившей отъ другого конца. То были покупатели, пронюхавшіе, что будутъ торгъ нѣсколько харинскихъ и паневинскихъ богатыхъ мужиковъ, кабатчикъ, работникъ отца Еремѣя, котораго онъ послалъ «оглядѣть телушку» и, наконецъ, мельникъ Левонтій Васильичъ, братъ виновника этого торжища.

Все это смѣшалось, загудѣло, загаркало: «вольная продажа» началась. Уже Фатенъ спустилъ паршивую овцу, которую ему давно хотѣлось продать, а Филошей совсѣмъ запродавъ свинью, когда Мосевнина корова перешла къ Хавроньину. Въ это самое время появилась и Мосевна. Еще не доковылявъ до мѣста, сердитая старуха громко закричала:

— Хавроньины!.. Грабители!.. Побоялись бы Бога, что вы дѣлаете!.. Что вы дѣлаете, грабители!.. Ба-атюшки!.. корову схрыстали... Батюшки!.. — И старуха бросилась въ народъ, растопиравъ руки; но, увидавъ мужа, остановилась:

— Съ чѣмъ робенокъ-отъ у ней останется?.. Демьянъ! съ чѣмъ? — и Мосевна указала на Лису. — Говорила вѣдь я тебѣ...

— Ну!.. Молчи!.. Не твое дѣло, — сурово отвѣтилъ Демьянъ.

— Что ты!.. Ба-атюшка! не продавай... Голубчикъ, Христа ради, не продавай!.. — И заплакавъ, Мосевна бросилась въ ноги мужу-хозяину... — Голубчикъ ты мой бѣлый, умилосердись... Вѣдь, можетъ, помретъ Варенка-то... — И лежа на землѣ, старуха то поднимала голову, то опять опускала, захлебываясь отъ рыданій.

— Уйди... Мосевна!.. говорятъ, уйди... Нельзя вѣдь... — И Демьянъ, поднявъ старуху, кликнулъ Лису. — Возьми ее! Да до-

мой идите!.. сейчасъ, чтобы! — Мосѣвна и Лизавета скрылись въ толпѣ.

Все это время Жихариха стояла на торжищѣ и глядѣла, какъ тащили «доброе». Наконецъ, староста и ей крикнулъ изъ середины толпы: — «баушка Матѣевна!.. ну что?.. ты-то какъ?..»

— Вчера баяла я тебѣ, что неча нѣту... Касатки! погодыте до Гришки — вѣрно слово пришьетъ... Миръ честной! пожалѣй ты насъ, — поклонилась старуха всѣмъ. — Вѣдь не пьяницы мы какіе, не воры, не лежебоки!..

— Все такъ!.. Не одна ты!.. Жди твоего-то Гришку... Други корились и ты должна... — послушались отрывочные возгласы.

— ...Липать Демьянычъ! погоды ты до завтра, погоды! сдѣлай эку милость, — опять поклонилась Матѣевна старостѣ. — Ужъ если онъ не придетъ... — Слезы, какъ бусы, покатались у ней по черному лицу, а голосъ ея задрожалъ... — Ужъ если онъ не придетъ... завтра что продамъ... Ужъ постой ты, будь ты милославъ, Липать Демьянычъ!

Староста, не глядя на старуху, проговорилъ: «Мнѣ что — не мое тутъ дѣло... Тутъ принуждать нельзя... по согласью тутъ... Эхъ ты жистъ, жистъ!.. проклятая!» — закончилъ онъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, свою рѣчь старухѣ.

XI.—Чередъ дошелъ.

Въ то время, какъ Липать вечеромъ выѣхалъ изъ деревни съ мальчикомъ, Матѣевна и Надежда сидѣли въ избушкѣ и думали думу о завтрашнемъ днѣ. Ни ту, ни другую не покидала эта дума весь день; но ни та, ни другая ничего не придумали, кромѣ развѣ: «будь что будетъ», «Его святая воля», «чему быть, тому не миновать». Правда, Надежда пыталась высчитывать, нельзя ли вмѣсто воротъ и амбарушки продать ей новый сарафанъ и Матѣевнину паневу, выдавшую одни воскресенья. Но оказалось, что такая замѣна никуда не годится. Мелькала также у ней въ головѣ и другая мысль, но молодая баба отрещивалась отъ нея и шептала: «Господи помилуй». Но чѣмъ ближе время приближалось въ вечеру, чѣмъ яснѣе вставало передъ глазами завтрашнее утро, тѣмъ заклинанія становились слабѣе, и, наконецъ, вотъ теперь, Надежда дала волю своему воображенію и прогоняемая мысль завладѣла имъ. Надеждѣ уже представилось, что вотъ и долгъ заплаченъ, и «въ кассю» лѣсничному отдано, что не только ворота и амбарушка «остались дома», но даже и подгнившій уголъ избушки поднять и крыша

починена... Долго сдерживаемое воображеніе летѣло какъ птица: вотъ ужъ Надежда видитъ и корову, которую доить сама «важный день», видитъ и лошада, которую Гришка поить у колодца... И чудится ей, что Гришка еще принесъ денегъ, сшилъ новый армякъ себѣ, ей сапожки купилъ, матери платокъ подарилъ, что о фабрикѣ онъ и не думаетъ...

— Надежка!.. ты тутъ?—прервала эти прекрасные сны Матѣвна, лежавшая на печи.—Пошто не ложнись?

— Не охота!

«И не узнаеть никто, и не узнаеть никто,—вѣрь ты мнѣ», нѣсколько разъ вдругъ повторило воображеніе слова солдатики, ннѣ весь день опять пристававшей къ молоднцѣ.—«По вечеру заходи ко мнѣ: все улажу», говорила Лиса.—Надежда опустила голову на подоконникѣ. Опять стали представляться ей счастливые дни... Вдругъ она встала и вышла изъ избушки, напередъ постоявъ у двери и послушавъ, какъ хранитъ Матѣвна.

Черезъ минуту солдата, въ своей хибарѣ, шептала Надеждѣ:

— «У мельницы, въ банѣ... Ты не дорогой иди, подлѣ рѣчки по стежкѣ иди... Сейчасъ иди—пора!.. Всѣ улеглись... вонѣ сторожа моя». Но молодница опустилась на лавку, колѣни у ней дрожали, дрожь пробѣгала и по спинѣ.—Боюсь!—прошептала она.

— Дура! иди. — И обѣ бабы вышли въ заднія ворота, въ огородъ.

Было почти совершенно темно, когда Надежда очутилась у рѣчки. Она остановилась: снова напала нервннмость... Вдругъ она быстро пошла вдоль рѣчки, по тропинкѣ. Ни всплеска, ни шелеста листа или птицы не чудилось и не слышалось ей во все время пути до самаго болота, до луговъ. Сердце ея стучало. Она не слыхала, какъ задорные вусты иногда задѣвали ее по лицу, и не видала, какъ черные омутки рѣчки открывались въ черныхъ прогалинкахъ. Огибая вязкое, заросшее болото, она вдругъ спугнула стадо утокъ: съ шумомъ поднялось оно съ черной заводи, изъ-подъ берега, напугавъ и ее. Наконецъ, она на мѣстѣ. Черная баня, наклонясь крышей впередъ, точно плохо повизанная старуха, такъ же, какъ и всегда, смотрѣлась въ черннй омутокъ. Около нея ни звука, ни шороха, хотъ бы почудилось что — ничего. Вѣтки черемуки не шелестили по крышѣ, а одинокое оконце, точно одинокій глазъ, смотрѣло на мостки; только черннй бурьянъ внимательно приросъ къ стеклу и подглядывалъ, что такое дѣлается внутри... На мельницѣ еще не спали: плачь ребенка и чей-то говоръ ясно доносились оттуда.

Надежда остановилась и прижала руки къ сердцу: оно стучало ужасно; потомъ заглянула въ шалашъ изъ ельнику и бурьяну, прислоненный къ банѣ; тамъ стоялъ жбанъ, да лежала чья-то одежда. Заглянула въ омонце, разглядѣла полуразрушенную печь, вонявъ, опрокинутый на подоконникъ—и только. Баня была пуста. Вздохнувъ, она машинально опустилась на старый пенъ, около мостковъ. До сихъ поръ она сама себя не помнила, но теперь сознание стало быстро возвращаться къ ней. Въ ту же минуту въ головѣ ея пронеслись нападки бабъ, выслушанныя ею недавно, она закрыла лицо руками и страшно испугалась. «Вѣдь все правда будетъ!» прошептала она. Мысль о немедленномъ бѣгствѣ назадъ сверкнула какъ молнія. Она оглянулась по сторонамъ, на дорогу и... и сердце ея буквально замерло: съ дороги полями быстро шель человѣкъ. Какъ безумная бросилась она по тропинкѣ, вонявъ рѣчки. Ужась объявъ ее: она услышала ясно, что за ней кто-то погнался... Силы невиданныя откуда взялись у ней—она летѣла какъ вѣтеръ. Но вотъ она чувствуетъ:—кто-то хватается ее за платье.—«Помогите!.. батюшки!..» не своимъ голосомъ закричала она и бросилась въ кусты—прямо въ воду. Плавать она не умѣла, но платье и руки съ минуту поддержали ее на поверхности. Вдругъ она хлебнула воды и забарахталась, начиная тонуть, но въ это время кто-то обхватилъ ее и потащилъ къ берегу...

— Надѣха?!...

— Иисусе Христе!... Гришка!?!...

Мокрая, блѣдная, перепуганная до смерти, встала молодница передъ своимъ мужемъ, молодымъ еще, безусымъ, безбородымъ парнемъ, въ свою очередь стоявшимъ въ полномъ недоумѣніи. Вода бѣжала съ него ручьями, и дрожа отъ холода, Гришка спросилъ опять:

— По что тебя, чертовку, занесло сюда?..

Въ это время въ Абраховой послышалось собачье тавканье, да вдругъ мелькнулъ какъ будто огонь. Надежда, не отвѣчая мужу, заторопилась идти.

— Домой скорѣй, Гриша, пойдемъ... полночь вѣдь... мѣсто не чистое...,—она схватила его за руку.

— Ишь дрожить вся! — проговорилъ Гришка, когда они пошли.—На! накинъ оболочку.. Ну!... О чемъ ты?

— Перепугалась вся, — проговорила Надежда. Она утирала съ лица и воду, и слезы; послѣднія такъ и катились изъ глазъ... «Вотъ и пришелъ... Зачѣмъ ходила, спросилъ... А что ему скажешь... А тутъ бабы набрешутъ»... Ее давила тоска. Кое-какъ начала она рассказывать, что случилось у нихъ въ

деревнѣ. Во время разсказа Гришка три раза непечатно выругалъ Хавроньина. Оба продрогшіе и прижавшіеся другъ къ другу такъ дошли они до избышки. Матвѣвна съ Гришуткой не слыхали ихъ. Надежда зажгла лучину, достала изъ короба новую одежду Гришкѣ, достала себѣ и оба переодѣлись. Потомъ она быстро собрала на столъ: положила коровой хлѣба, достала квасу, луку, огурцовъ. Обомъ имъ показалось въ избышкѣ и тепло, и уютно. Надеждѣ ѣсть не хотѣлось—она начала стлать на полу постель. Гришка ѣлъ молча; впрочемъ разъ онъ спросилъ:

— Такъ по твоему цѣловыхъ десять въ очистку должно идти.

— Да, Григорій!.. окромя кассии...

— Окромя кассии?!—отъ изумленія Гришка пересталъ-было ѣсть, но потомъ снова принялся и окончилъ десятый огурецъ; затѣмъ онъ легъ, помоляся Богу, на соломенникъ, а Надежда стала прибирать на столѣ.

— Ну досказывай останно-то... Какой шатунъ занесъ тебя на мельницу?

У Надежды руки дрогнули, и нѣсколько огурцовъ покати-лось по полу.

— Видишь ты,—какъ-то слишкомъ тихо начала она:—вотъ какъ оно вышло... Ходила я раньше къ мельнику въ долгъ просить, не далъ онъ мнѣ... тутъ же какъ подошло оно... срокъ-отъ какъ подошелъ къ концу-то къ самому, я и одумала—дай, схожу къ Анфисѣ!.. Она посогласнѣй его... самого-то... подобрѣе... Ну и иду... Только подхожу это я къ мосткамъ и думаю: дай послу-хаю—не спать ли... Стою это... думаю...—Молодую бабу бро-сило въ жаръ: она ужъ не знала, чтó и говорить...—Вдругъ!—Надежда вздохнула и стала говорить громче и скорѣе:—вдругъ и почудись мнѣ, что въ банѣ кто-то меня влечетъ будто... да таково яственно. Смотрю—никого нѣту!.. Вдругъ—опять!.. Тутъ ужъ я не помня себя и бросилась; а тутъ ты еще: слышу за мной и взаправду кто-то бѣжитъ, цапать за платье зачалъ... Ну ужъ я совсѣмъ и ошалѣла... и ужъ и не помню, какъ это я въ воду попала, какъ что... Только какъ тебя признала, только тутъ и очухалась.—Надежда загасила лучину и стала молиться Богу.

— Чу-де-са!.. —ослабился Гришка. — А все дядя Липатъ виновать... —И не глядя на то, что Надежда молится, Гришка сталъ рассказывать про свою пштерскую жизнь; про то, какъ ему «спервоначалу будно было», какъ потомъ хозяйнѣ его «об-любилъ», «хотѣла баловать деньгами не баловалъ»; какъ потомъ

«съ баушкой и съ ней повидаться охота взяла», — «я ужъ и денегъ на тотъ случай откладывать началъ»; какъ хозяинъ его отпустить не сталъ; какъ онъ, Гришка, его, хозяина, «обошелъ»: «говорю ему, домъ, молъ, изладить надо, долги скостить»; какъ хозяинъ его отпустилъ, «а после ворочаться велѣлъ: — мѣсто, говорить, тебѣ у меня завсегда, потому честный ты, — не воръ, говорить»; какъ потомъ на дорогѣ встрѣтилъ Липата: «барчука какого-то въ городъ везъ»; какъ Липатъ его упросилъ въ баню зайти, жбанъ, да оболочку захватить. «Косилъ, говорить, да и забылъ, а ѣхамши вспомнилъ... Старухи боялся: баетъ, поутру наищется, наругается»...

— Царица Небесная!.. матушка! спасибо тебѣ!.. — прошептала Надежда, и окончивъ молитву, она раздѣлась и легла рядомъ съ мужемъ, одѣвшись однимъ съ нимъ рванымъ полушубкомъ. Гришка повернулся къ ней, вдругъ обнялъ ее и началъ цѣловать...

— Ну, Надѣха! — говорилъ онъ: — авось и нашъ чередъ дошолъ, авось и мы справимъ все какъ-нибудь... Куда кривая не вынесетъ!..

— Любезный ты мой!.. Гриша!.. Что я одна-то?! — И молодича припадала головой къ плечу мужа.

Долго толковали они потомъ про питерскую и про свою жизнь, про то, какъ бы устроить свою долю покладнѣе. Кажется, въ эту ночь никого въ деревнѣ не было счастливѣе ихъ.

А. В. П.

СУДЬБА

ОБЩИННАГО ВЛАДѢНІЯ

ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Мы имѣли уже случай представить общій очеркъ развитія и построенія общиннаго владѣнія, или «альменды», въ Швейцаріи, и притомъ въ тѣхъ двухъ особенныхъ физическихъ условіяхъ сельскаго хозяйства этой страны, какими служатъ тамъ долины и горы ¹⁾. Разсмотримъ нынѣшній разъ ближе, въ чемъ именно состоятъ юридическія основы швейцарской общины и въ силу какихъ обстоятельствъ, она должна была мало-по-малу, отдѣльными своими частями, превращаться какъ въ личную, частную собственность, такъ и въ публичное имущество; наконецъ, какія выработались въ Швейцаріи права пользованія общиннымъ владѣніемъ, и чѣмъ опредѣляется объемъ и способъ самаго пользованія.

I.

Понятіе общиннаго владѣнія, «альменды» (Allmein, Allmeind, Allmend, Allmu и пр.), согласно старинному словоупотребленію, противопоставляется въ Швейцаріи понятію собственности (Aigen, Aigenthum) и наслѣдственному пользованію. Подъ общиннымъ владѣніемъ въ Швейцаріи разумѣется нераздѣльный остатокъ земли, имущества, ведущій свое начало отъ древняго устройства

¹⁾ См. „Вѣстн. Евр.“ 1881 г., окт. 601 стр.: „Исторія швейцарской альменды“

деревни, марки и двора. Остатокъ этотъ въ настоящее время находится въ собственности лицъ, состоящихъ изъ юридическихъ наследниковъ прежнихъ членовъ марки, деревни или двора; общины бюргеровъ или «эйнверовъ», или другихъ публичныхъ корпорацій, — причемъ онъ исключительно или преимущественно состоитъ въ пользованіи правоспособныхъ членовъ общины и лишь отчасти или вовсе не употребляется на удовлетвореніе потребностей общины. Пользованіе членовъ общины было въ прежнее время болѣею частью общее въ лѣсу и въ пастбищѣ. Лишь постепенно, а именно со временъ реформаціи, отдѣльное пользованіе отдѣльными частями альменды — садами, полями, виноградною и луговою землею — начинаетъ принимать болѣе значительные размѣры. Въ настоящее время, въ равнинѣ общее пользованіе встрѣчается лишь изрѣдка, тогда какъ въ горахъ, особенно въ альпахъ, оно, обуславливаясь неизмѣнными естественными условіями, сохранилось еще въ значительномъ объемѣ. На ряду съ пользованіемъ альмендою отдѣльными членами общины все болѣе распространялось употребленіе ея для цѣлей новой, политической общины. Въ связи съ измѣненнымъ родомъ пользованія находится отчасти и измѣненіе первоначальнаго смысла, который связывается съ выраженіемъ *allmende*. А именно, въ то время какъ первоначально всякое общинное имущество, такъ какъ оно состояло обыкновенно въ общемъ пользованіи членовъ общины, называлось альмендою, съ теченіемъ времени та часть прежней альменды, которая отчасти непосредственно, отчасти посредственно стала употребляться на общинныя цѣли, была изъята изъ этого обозначенія. По мѣрѣ распространенія отдѣльнаго пользованія, понятіе альменды въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было ограничено тѣми общинными имуществами, которые по прежнему продолжали оставаться въ общемъ пользованіи членовъ общины, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ понятіе это опять-таки испытало ограниченіе въ другомъ направленіи, такъ что объемъ понятія альменды въ настоящее время въ различныхъ частяхъ Швейцаріи весьма неодинаковъ. Мы будемъ употреблять здѣсь слово «альменда» въ томъ смыслѣ, въ которомъ подъ альмендой слѣдуетъ разумѣть недвижимое имущество, состоящее въ собственности общинъ и публичныхъ корпорацій, причемъ все равно, какъ именно пользуются имъ члены этихъ послѣднихъ — порознь или сообща. Такъ какъ эти пользованія въ настоящее время раздаются не всегда безденежно и, кромѣ того, достаются часто лишь одной дроби осѣдлаго населенія, то изъ имуществъ свободнаго пользованія для всѣхъ сидящихъ на дан-

номъ мѣстѣ жителей, альменды сдѣлались съ теченіемъ времени тѣмъ-то въ родѣ коллективнаго фиден-коммисса, пользованіе которыми доступно только членамъ все болѣе замыкающейся въ своемъ частномъ правѣ корпораціи.

Выросшій на нѣмецкой почвѣ, юридическій институтъ альменды въ теченіе долгаго времени со стороны наследователей преимущественно римскаго права или совершенно игнорировался, или былъ измѣняемъ въ своей сущности, причемъ его просто насильственно подводили подъ римскія категоріи *dominium*, *universitas* и *servitus* съ одной, и *condominium* и *societas* съ другой стороны. Въ то время какъ эти юридическіе институты у римлянъ были естественнымъ продуктомъ высоко развитого, основаннаго на денежномъ обмѣнѣ хозяйственнаго состоянія и тонко развитой юриспруденціи, ихъ желали найти въ весьма примитивномъ хозяйственномъ и умственномъ состояніи Швейцаріи, въ которой не было мѣста ни для какой утонченности жизни и мысли, и гдѣ довольствовались весьма простыми учрежденіями одной и формами другой.

Параллельно съ развитіемъ политическихъ общинъ въ Швейцаріи, происходило постепенное разложеніе стараго аграрнаго устройства, именно въ равнинѣ. Поэтому, въ то время, какъ съ одной стороны, для регулированія порядковъ пользованія альмендой приобрѣтаетъ первостепенное значеніе публично-политическая точка зрѣнія и стремится къ тому, чтобы привести альменды на непосредственную службу политическо-общественнымъ интересамъ, съ другой стороны, альменда все болѣе и болѣе, по крайней мѣрѣ въ равнинѣ, теряетъ свое прежнее экономическое значеніе. Вслѣдствіе этого, пользованіе альмендою перестаетъ съ одной стороны служить главнымъ, не говоря уже единственнымъ, содержаніемъ общинной собственности, а съ другой стороны, имѣются пользованія альмендою, которыя перестаютъ уже зависеть отъ общины. Въ связи съ этимъ двоякимъ стремленіемъ находится развитіе устройства альменды, какъ оно все яснѣе и яснѣе проявляется въ теченіи послѣднихъ ста лѣтъ. Въ этомъ отношеніи происходило одно изъ двухъ. Или превращеннымъ въ политическія общины прежнимъ обязательнымъ аграрнымъ организаціямъ удалось приспособить альменды къ ихъ неизмѣннымъ цѣлямъ. Въ этомъ случаѣ на нихъ развилось строгое римское понятіе собственности, и собственность юридическихъ лицъ на землю не отличается существенно отъ собственности отдѣльныхъ физическихъ лицъ, причемъ и тѣмъ, и другимъ предоставляется равное, почти абсолютное право распоряженія предметомъ соб-

ственности. То обстоятельство, что общины въ своихъ распоряженіяхъ руководствуются соображеніями публичнаго интереса, общаго блага, тогда какъ отдѣльныя частныя лица, напротивъ того, руководствуются частнымъ интересомъ, — представляетъ нѣчто чисто фактическое и ничего не измѣняетъ въ юридической сущности одинаково развитой въ обоихъ случаяхъ собственности. И столь же мало ея сущность измѣняется отъ того, что по временамъ государство стремится обезпечить значеніе публичнаго и продолжительнаго интереса при завѣдываніи благами этихъ вѣчныхъ лицъ, съ помощью опредѣленныхъ законовъ и нормъ, ограничивающихъ свободу ихъ распоряженія. Поэтому, насколько въ настоящее время вообще встрѣчаются общія пользованія общиннымъ имуществомъ, — это зависитъ въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ общаго законодательства и отъ общинной автономіи, свободно движущейся въ его границахъ. Или же альменды не сдѣлались имуществомъ политической общины. Въ этомъ случаѣ, съ тѣхъ поръ какъ разложились обязательныя экономическія организаціи, составныя части которыхъ они образовывали прежде, они, болѣею частью, послѣдовали участи этихъ обязательныхъ организацій. Подобно тому, какъ эти послѣднія разрѣшились въ отдѣльныя, однимъ только общимъ государственнымъ законамъ подчиненныя, наибольшую, по возможности, степень свободы пользующіяся частныя хозяйства, и альменды или перешли въ частную собственность отдѣльныхъ лицъ, путемъ ли раздѣла или путемъ продажи, или же собственность, прежде тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ земельнымъ строемъ союзовъ деревни, марки и двора, сдѣлалась собственностью отдѣльныхъ, совершенно отрѣшенныхъ отъ аграрнаго устройства настоящаго времени, частныхъ обществъ, такъ-называемыхъ альпійскихъ обществъ, обществъ правовыхъ долей и пр. Въ собственности этихъ нынѣшнихъ частныхъ обществъ лишь на столько удержался остатокъ средневѣковой общественной собственности, что въ субъектѣ собственности понятіе единства еще находится въ борьбѣ съ понятіемъ множества, причемъ ни то, ни другое не одерживаетъ окончательнаго верха.

Правда, развитіе альменды не вездѣ и не всегда двигалось только-что показаннымъ простымъ и яснымъ путемъ, такъ какъ до нашего времени дошли различныя отрывочныя образованія, помѣси, которыя одинаково трудно подвести какъ подъ собственность политической общины, такъ и подъ собственность частныхъ корпорацій. Такъ, въ кантонахъ нѣмецкой Швейцаріи, наряду съ политическими общинами (Einwohnergemeinde), существуютъ

еще гражданскія общины (Bürgergemeinde) и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, кромѣ того, еще особыя корпоративныя общины съ собственнымъ имуществомъ, къ каковымъ мы причисляемъ цугскія, аппенцель-ауссенъ-роденскія и люцернскія, такъ-называемыя корпоративныя общества, гларусскія товарищества (Genossensamen), с. галленскія открытыя общества и мѣстныя корпораціи, нидвальденскія Herthen, обвальденскія Theilsamen, швицкія корпораціи верхней и нижней альменды. Большею частью, гражданскія общины стоятъ къ политическимъ общинамъ ближе, нежели корпоративныя общины, но и въ этомъ отношеніи существуютъ большія различія по отдѣльнымъ кантонамъ. Но какъ бы ни были велики эти различія, при всемъ томъ, по отношенію къ обоимъ родамъ общинъ—гражданскимъ и корпоративнымъ, имѣетъ значеніе тотъ фактъ, что нити, связывающія ихъ посредственно или непосредственно съ политической общиной, еще не перерѣзаны вполне: на этомъ основаніи имущества этихъ полу-оффиціальныя, полу-частныя корпораціи и общинъ, насколько они состоятъ въ недвижимомъ имуществѣ, служащемъ для пользованія, мы можемъ причислить къ альмендамъ, причемъ замѣтимъ здѣсь, что наибольшая часть всѣхъ альмендъ принадлежитъ въ настоящее время гражданскимъ общинамъ и публичнымъ корпораціямъ. Даже въ бернскомъ кантонѣ, гдѣ приватизація гражданскихъ общинъ пошла всего далѣе, гдѣ государство отобрало у нихъ одну за другой всѣ общественныя функціи, гдѣ имущество Bürger'овъ обыкновенно уже не употребляется на общественныя цѣли, и недавно правительственнымъ распоряженіемъ у нихъ отнято даже право издавать полицейскія предписанія для защиты своихъ имуществъ, насколько тутъ затрогиваются интересы третьихъ лицъ,—гражданской общины еще нельзя причислить къ частно-правнымъ обществамъ въ собственномъ смыслѣ слова, какъ, напр., Rechtsamegemeinden, Gerechtigkeits и Alpengenossenschaften. Это невозможно до тѣхъ поръ, пока онѣ сохраняютъ исключительное право надѣлять правами члена общины, которое въ свою очередь служитъ необходимымъ предположеніемъ для приобрѣтенія кантональнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и союзнаго права гражданства, и пока территоріальная основа гражданской общины считается частью государственной области. А съ гражданскими общинами стоятъ опять-таки въ болѣе или менѣе тѣсной связи и корпоративныя общины. Эта связь обнаруживается въ томъ, что члены корпораціи должны быть во всѣхъ кантонахъ мѣстными гражданами или, по меньшей мѣрѣ, гражданами округа или кантона, тогда какъ не всѣ граждане кантона, округа или

мѣста суть вѣстѣ и члены корпорацій; въ томъ, что отъ мѣстныхъ гражданъ при вступленіи ихъ въ корпораціи требуется вступная плата; что корпораціи очень часто подлежатъ одинаковымъ законнымъ опредѣленіямъ съ гражданскими общинами, насколько рѣчь идетъ о требованіяхъ при вступленіи, хотя и при меньшей подчиненности надзору государства.

Кромѣ означеннаго процесса развитія, альменды или, по меньшей мѣрѣ, часть ихъ, должны были пройти еще одну стадію. Не всякая почва, занятая обязательными аграрными обществами, была свободна съ самаго начала или оставалась таковою впоследствии. Нѣкоторые изъ этихъ общинъ первоначально были расположены на одной господской землѣ, другія одновременно и на господской, и на свободной. Въ этихъ смѣшанныхъ общинахъ, или помѣщичьихъ и его зависимые находились въ общеніи поля и альменды съ свободными обитателями деревни, или же помѣщичье хозяйство отдѣляло для себя одну часть прежде нераздѣльной удобной земли, причемъ съ теченіемъ времени адѣвъ могла возникнуть самостоятельная община или, покрайней мѣрѣ, частное экономическое общество внутри большой общины. Даже поселенцы первоначально свободныхъ и впустѣ лежавшихъ земель могли утвердить за собою неприкосновенную свободу только въ горныхъ областяхъ и то не вездѣ, точно такъ же, какъ и въ немногихъ пунктахъ равнины, между тѣмъ какъ власть помѣщичьихъ и фогтовъ распространялась также и на значительную часть свободной земли и обратила ее въ зависимое отъ себя во многихъ отношеніяхъ и отягощенное помѣщичьими и фогтовскими повинностями наследственное пользованіе. Это справедливо прежде всего относительно отдѣльной собственности; но и альменда раздѣляла судьбу ея. Гдѣ отдѣльное пользованіе оставалось свободно, тамъ и альменда была свободна; гдѣ же отдѣльное пользованіе было наследственнымъ, тамъ владѣльцу отдѣльнаго пользованія предоставлялись только производныя права пользованія альмендою, принадлежащую въ собственность помѣщику или фогту. Право пользованія альмендою, ограничивающее собою право собственности помѣщика, фогта и пр., первоначально было ограничено необходимымъ для содержанія и для отопленія состоящихъ въ пользованіи помѣщичьихъ людей построекъ, а также пользованіемъ нераздѣльнымъ пастбищемъ для прокормленія собственнаго скота пользователей, такъ что пользованіе для постороннихъ цѣлей бывало категорически исключаемо. Что выходило за предѣлы пользованія помѣщичьихъ людей, тѣмъ помѣщикъ могъ распоряжаться по усмотрѣнію. Производныя права пользованія

на господской и фогтовой альмендѣ покоились на весьма различныхъ титулахъ приобрѣтенія. Обыкновенно основывались они «auf Gnaden», т.-е. на актѣ уступки со стороны господина. Но, подобно тому, какъ съ теченіемъ времени,—въ горныхъ областяхъ уже съ XIV столѣтія, въ равнинахъ гораздо позже,—изъ крестьянскаго наслѣдственнаго пользованія развилась собственность на отдѣльныя имущества, какъ затѣмъ общины, состоявшія подъ господствомъ помѣщиковъ и фогтовъ, добивались все болѣе самостоятельности и, наконецъ, совершенно опрокинули поставленную подъ ними поземельную власть и власть фогта, точно такъ и альменда постепенно сбросила съ себя право верховнаго собственника. Въ горныхъ областяхъ это произошло отчасти еще въ такое время, когда право верховной собственности существовало въ полной силѣ и имѣло значительное экономическое содержаніе, такъ что устраненію этого права обыкновенно предшествовало или слѣдовало основанное на договорѣ вознагражденіе верховнаго собственника. Сверхъ того, обязанность вознагражденія помѣщиковъ и фогтовъ соблюдалась строго и тогда, когда они потеряли свою политическую власть надъ освобожденными общинами, какъ это показываютъ многія явленія прошедшаго. Въ равнинахъ, напротивъ, устраненіе верховнаго права послѣдовало гораздо позже, когда оно уже потеряло свое содержаніе, а потому и происходило часто безъ всякаго вознагражденія.

Виды общиннаго владѣнія въ Швейцаріи суть слѣдующіе: 1) земля подъ огородами и садами, полями и виноградниками, въ горахъ, обыкновенно въ долинахъ, на легкихъ склонахъ и т. п.; 2) луга; 3) пастбища, въ прежнее время обнимавшія большую часть альменды, теперь встрѣчаются чаще въ горахъ, чѣмъ въ равнинахъ; 4) лѣса главнымъ образомъ для дровъ и строительнаго лѣса; 5) расчищенные мѣста въ лѣсахъ; 6) земля подъ деревьями и 7) подъ домами; сюда же слѣдуетъ причислить болота, торфяники, рыбные пруды, берега рѣкъ (по Рейну, Туру, Линту) и пр. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ члены общины получаютъ въ качествѣ общиннаго пользованія молитвенники, сладкій сыръ, кирпичи, хлѣбъ, вино, деньги. Послѣднія выдаются или въ свободное распоряженіе—чего прежде почти вовсе не бывало, теперь же часто употребляется для выравниванія натурального пользованія—или на опредѣленные цѣли, напр. на покрытіе членами общинныхъ податей, что прежде бывало часто, въ настоящее же время бываетъ лишь изрѣдка и мѣстами даже запрещается.

Объемъ альмендъ слѣдуетъ принимать въ XIII и въ XIV столѣтіи весьма значительнымъ и гораздо большимъ, чѣмъ объемъ тогдашней частной собственности и наслѣдственнаго пользованія. Въ противномъ случаѣ невозможно было бы объяснить часто происходившія въ XVI, а потомъ въ XVIII и въ XIX столѣтіяхъ, превращенія альмендъ въ личную и въ общественную частную собственность, а равно въ общественныя имущества, служащія частью непосредственно, частью посредственно цѣлямъ политическихъ общинъ, въ чему слѣдуетъ присовокупить также и нынѣшній, мѣстами значительный объемъ альмендъ.

II.

Въ связи съ увеличеніемъ населенія въ XIII, XVI и XVIII столѣтіяхъ въ равнинахъ возникаетъ стремленіе корчевать лѣсъ и обращать полученную такимъ образомъ почву, какъ и часть пастбищной земли, подъ сады, поля и луга. Такое стремленіе непременно должно было рано или поздно повести къ уменьшенію альменды, состоявшей до тѣхъ поръ въ общемъ пользованіи, такъ какъ эти роды культуры предполагаютъ отдѣльное пользованіе альмендой, а ему свойственна тенденція переходить въ отдѣльную собственность. Общинное же пользованіе во времена господства трехъ-польной или экстенсивной влиновой системы было необходимою частью каждой хозяйственной единицы предпріятія. Уменьшать альменду въ такую эпоху неподвижной сельско-хозяйственной техники, значило нарушать равновѣсіе между общиннымъ пастбищемъ и отдѣльною собственностью и наносить вредъ интересамъ сельскихъ хозяевъ, владѣющихъ правами на альменду. Не слѣдуетъ удивляться, что эти послѣдніе, въ рукахъ которыхъ болѣею частью находилось управленіе деревней и отчасти страной, употребляли всѣ средства, чтобы помѣшать сокращенію альменды. Поэтому-то и встрѣчаются такъ часто запрещенія отгораживать часть альменды, продавать части альменды, и даже въ иныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ цугской общинѣ 1519 года, дѣло доходитъ до того, что тѣхъ, кто предлагалъ раздѣлять альменды въ частную собственность, потомственно лишали правъ гражданства. Но природа вещей была сильнѣе этихъ запрещеній, ибо увеличеніе народонаселенія, поднатіе его потребностей и накопленіе капитала требовали болѣею интенсивности и расширенія земледѣлія и вмѣстѣ съ

тѣмъ дѣлами ихъ возможными. Эти же послѣднія, пока не происходило существенныхъ улучшеній въ сельско-хозяйственной техники, могли быть достигнуты только благодаря расширенію отдѣльнаго пользованія насчетъ общаго. Тогда отдѣльное пользованіе или заключало въ себѣ отдѣльную собственность, или постепенно вело къ послѣдней. Попробуемъ объяснить этотъ процессъ на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Если мы примемъ, что способность распоряженія производителемъ возрастаетъ въ той же степени, въ какой его работа осуществляется въ продуктѣ, то это будетъ представлять подтвержденіе той теоріи собственности, которая выводитъ это право изъ затраченнаго на вещь труда. Такъ, напр., распоряженіе, изданное для корпораціи Вальхвилъ, въ к. Цугъ, о пользованіи корпоративными имуществами, 31 мая 1863 года, содержитъ опредѣленіе, что продукты посаженныхъ на корпоративной землѣ растений могутъ по произволу отчуждаться ея пользователемъ, между тѣмъ, какъ не посаженные, дико-растущія растенія могутъ отчуждаться только членами общины и потребляться ими. Развитие частной собственности легко происходитъ также на тѣхъ частяхъ альменды, съ которыми связываются уже находящіеся въ отдѣльной собственности движимости. Надлежащія доказательства этому доставляетъ исторія отношеній собственности на фруктовые деревья, дома и альпійскія хижины, стоящіе на альмендѣ. Какъ фрукты, такъ и приносящіе ихъ деревья принадлежали первоначально вмѣстѣ съ альмендой всей общинѣ. Такъ, еще въ 1691 году вновь пересмотрѣнный деревенскій уставъ (Dorfordnung) Ротеншвилъ, въ к. Ааргау, постановляетъ, что «никто въ Zwing'ѣ Ротеншвилъ не долженъ трести общинныя деревья и собирать черешни, яблоки, груши, орѣхи, жолуди, но ихъ должны собирать мейеры деревень и продавать». Переживанія этого состоянія удержались мѣстами донинѣ. Такъ, въ к. Швицъ, въ Landesrecht'ѣ отъ 1530 года сохраняется постановленіе, что кто хочетъ оградить свои черешневые деревья отъ общаго пользованія, тотъ долженъ ставить на нихъ знакъ, и тогда если кто другой возьметъ, то это будетъ считаться воровствомъ. Также и Urner Landbuch дозволяетъ трести орѣхи не раньше какъ со дня св. Креста и не больше какъ двумъ лицамъ отъ хозяйства. Но гораздо чаще въ послѣднія столѣтія повторяется постановленіе, что находящіеся на общинной землѣ деревья принадлежатъ тому, кто ихъ посадилъ, или въ теченіе опредѣленнаго ряда лѣтъ, или пожизненно, или наследственно. Своеобразныя отношенія собственности существуютъ еще въ на-

стоящее время въ Сернфгалѣ, к. Гларусъ, по отношенію къ часто встрѣчающимся здѣсь кленовымъ лѣсамъ, зелень которыхъ доставляетъ хорошую и обильную подстилку и имѣетъ повтому большое значеніе въ глазахъ альпійскихъ жителей: по временамъ почва, на которой стоитъ лѣсъ, принадлежитъ одному лицу, деревья другому, а зелень третьему. Отъ дерева не трудно было добраться и до земли. Поэтому новѣйшія распоряженія стали препятствовать насажденію деревъ на альмендѣ, или выразительно прибавлять, что земля подъ деревьями остается общинною собственностью. Та же опасность предстояла и для земли подъ постройками, противъ чего общиной также стали приниматься мѣры. Въ Ури до сихъ поръ не допускается постройки на альмендѣ безъ согласія «земляковъ» и жителей деревни. Если «землякъ», получившій кусокъ альменды, строитъ на ней зданіе, то это мѣсто должно «eigen sein und bleiben», лишь до той поры, пока онъ поддерживаетъ строеніе. Въ другихъ мѣстностяхъ возводить на альмендѣ строенія не допускается вовсе.

Характеристичны далѣе отношенія собственности на сыроварни въ общинныхъ альпахъ, которыя не лишены вліянія на пользованіе самими альпами. Такъ, напримѣръ, частная собственность на сыроварни, стоящія на общинныхъ альпахъ старой земли аппенцельской, не смотря на стремленіе законодательства предоставить безпрепятственное пользованіе альпами бѣднѣйшимъ членамъ общины, съ теченіемъ времени повела къ тому, что права пользованія ими перешли къ извѣстному числу, болѣею частью, состоятельныхъ личностей, ими снова оставлены по наслѣдству и въ настоящее время служатъ предметомъ частной спекуляціи. Также и въ округѣ Ури сыроварни принадлежатъ частнымъ лицамъ по такъ-называемому Hüttenrecht, которое продается и покупается, какъ сполна, такъ и по частямъ, и только приобрѣтеніе его гражданиномъ округа даетъ право на пользованіе альпами. Въ округѣ Урзеренъ, хотя хижины и принадлежатъ частнымъ лицамъ, но если они ими не пользуются, то ихъ захватываетъ первый, кто захочетъ. Но уже въ С.-Галленѣ существуютъ Hütten, принадлежащія сообща всей общинѣ, а въ округѣ Klosters в. Граубюнденъ не только всѣ хижины, стоящія на общинной землѣ, суть общая собственность, но и за такъ-называемую альпійскую утварь (для приготовленія сыра) платится изъ общинной кассы.

Самый частый способъ преобразованія прежней альменды въ частную собственность состоитъ въ приобрѣтеніи путемъ давности. Предположеніемъ ея является отдѣльное обладаніе и отдѣльное

пользованіе, которое снова обуславливается опредѣленными видами культуры. Ибо какъ садоводство, такъ и винодѣліе, земледѣліе и луговое хозяйство требуютъ для удовлетворительнаго хода, по крайней мѣрѣ, въ теченіе опредѣленныхъ временъ года отдѣльнаго пользованія находящеюся подъ этими культурами земли. Поэтому-то мы видимъ, что параллельно съ превращеніемъ лѣса и пастбища въ сады, виноградники, поля и луга, идетъ превращеніе общиннаго пользованія въ отдѣльное и совершается частный переходъ отдѣльнаго пользованія въ отдѣльную собственность. Особенно часто встрѣчаются въ источникахъ указанія на этотъ процессъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были добыты расчисткою прежней лѣсной почвы. Въ то время, какъ нѣкоторые источники самую расчистку рассматриваютъ уже какъ достаточный титулъ пріобрѣтенія частной собственности, по другимъ источникамъ, тотъ, кто на альмендѣ *«gütet usser den hegen»* (корчуетъ внѣ заборовъ), долженъ расчищенную землю огораживать, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 3—5 лѣтъ и держать ее подъ видомъ сада или поля, а не луга или пастбища. Но постепенно и это отдѣльное пользованіе на расчищенной землѣ, какъ и вообще на альмендѣ, которое часто основывается на дозволеніи огородить садъ, ведетъ—путемъ давности или даже выразительной концессіи со стороны управленія альмендой—къ отдѣльной собственности. Что это могло происходить посредствомъ давности, легко понять, если обратить вниманіе на то, какія широкія полномочія и какая неопредѣленная продолжительность пользованія предоставлялись пользователям (*auf Kind und Kindeskind*). Неоднократно возникала частная собственность и по соглашенію съ общиною, напр., за уплату со стороны отдѣльнаго лица общинѣ извѣстнаго чинша, который потомъ капитализировался и выкупался, или за право не содержать дороги въ участку (Швицъ). Подобныя же отношенія, состоящія въ томъ, что участокъ альменды дѣлался частною собственностью, но до поры до времени за него была возлагаема опредѣленная повинность прокладывать или поддерживать дорогу, или допускать право пастбища въ опредѣленное время года, пока и эти послѣднія не превращались сначала въ чиншъ, потомъ въ денежный капиталъ и, въ концѣ концовъ, не выкупались,—встрѣчаются въ Гитвилѣ-Клейнтейлѣ, к. Обвальденъ, въ Стапсѣ и въ Эннетмоосѣ, к. Нидвальденъ, и въ Аппенцелѣ. Иногда сами общины распродала и раздавала землю отдѣльнымъ членамъ и пришельцамъ, хотя и въ видѣ исключенія. Подобныя уступки встрѣчаются чаще въ новое время—во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Въ

теченіе послѣдняго періода это было уже результатомъ сознательнаго предпочтенія новыхъ формъ и системъ хозяйства, подвліяніемъ отчасти увлеченія фیزیократіей. «Гельветическая республика» отнеслась къ раздѣлу альмендъ съ недоувѣріемъ и даже временно приостановила его. Но въ дѣйствительности, въ годы 1798 — 1803 было раздѣлено немалое число альмендъ. Въ XIX столѣтіи отдѣльныя кантональныя законодательства пошли дальше Гельветической республики. Такъ было въ нынѣшнемъ к. Ааргау, гдѣ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія общинныя пастбища, лежащія подлѣ деревень, были раздѣлены въ отдѣльное пользованіе, которое потомъ перешло въ частную собственность, и еще въ настоящее время старѣйшіе обитатели деревни могутъ указать землю, которая въ ихъ дѣтствѣ или въ дѣтствѣ ихъ родителей была общинною землею. Пастбища съ той поры превратились въ луга, картофельныя и хлѣбныя поля.

Общинныя земли швицкой корпораціи верхней альменды уже давно понесли значительный ущербъ въ пользу частной собственности, какъ видно изъ запрещенія дальнѣйшаго отчужденія альменды еще въ 1817 году. Въ С.-Галленѣ раздѣлъ одной части общинныхъ имуществъ произошелъ еще въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Раздѣлу земли въ к. Люцернъ подобенъ раздѣлъ альменды въ округѣ Кюснахтъ, к. Швицъ, на которой восемь родовъ и ихъ потомство имѣли право пользованія. Слѣдуя рѣшенію 9 сентября 1838 года, раздѣлъ здѣсь произведенъ такъ, что отдѣльныя части альменды перешли въ ограниченную собственность членовъ, и должны были наследоваться отъ отца къ сыну, согласно закону страны, но отчуждаться могли только сочленамъ. Если членъ не оставляетъ наследниковъ, то участокъ его снова достается общинѣ. На каждомъ выдѣленномъ участкѣ покоится сумма его опѣнки, какъ долгъ общинѣ съ уплатою процентовъ. Въ концѣ года проценты дѣлятся между всѣми сочленами, родившимися до дня св. Мартина. Благодаря этой мѣрѣ, большія пространства необработанной земли сдѣланы съ большимъ трудомъ плодородными, причемъ общество ничего не потеряло. Мы видимъ тутъ одно изъ примѣненій той инстинктивной юриспруденціи, которая слѣпо плететъ новыя сѣти отношеній, соотвѣтственно измѣнившемуся матеріалу окружающей жизни, не покидая, однако, старыхъ образцовъ.

Въ то время какъ въ эментальскихъ общинахъ к. Бернъ часть альмендъ была превращена въ частную собственность уже въ то время, когда о раздѣлѣ альменды въ другихъ мѣстахъ еще вовсе не помышляли, такъ что въ двадцатыхъ годахъ настоящаго

III.

Digitized by Google

праву, въ исключительно частныя права по имуществу, которыя потомъ стали слѣдовать только законамъ хозяйственныхъ сношеній. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ общественная собственность возникла инымъ путемъ, причемъ известное число лицъ, бывшихъ членами одной общины, соединилось для общаго приобрѣтенія земель. Содержаніе общественной собственности, впрочемъ, не всегда исчерпывается правами участія отдѣльныхъ членовъ общины, такъ какъ въ качествѣ переживанія прежней связи частныхъ обществъ съ государствомъ или общиной, этимъ публичнымъ корпораціямъ еще и нынѣ предоставляются известныя права на общественныя имущества. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общины владеютъ имуществами, на которыя частно-правныя корпораціи имѣютъ лишь опредѣленные права пользованія. Въ к. Ааргау, въ 1872, въ 33 общинахъ были частно-правныя Gerechtigkeits-Genossenschaften, пользованіе которыхъ простиралось на 5227 югеровъ земли, большею частью лѣса. Въ к. Цюрихъ, Бернъ, Тургау, Золотурнъ и Гларусъ также имѣются подобныя общества. Права ихъ большею частью имѣютъ свободное обращеніе и могутъ приобрѣтаться даже посторонними лицами. Въ горахъ возникло подобное же развитіе изъ того, что оставшіяся нераздѣленными альпы распались на идеальныя части по числу членовъ общества. При нераздѣльности въ натурѣ, идеальныя части пользованія могутъ отчуждаться только съ соблюденіемъ *Nähergecht'a*. Происхожденіе альпійскихъ обществъ неизвѣстно, — вѣроятно онѣ ведутъ свое начало отъ марокъ. По мнѣнію Гейслера, такъ-называемыя *Kapitalisten-Alpen* въ Нидвальденѣ развились очень рано и главнымъ образомъ вслѣдствіе перемѣнъ, которыя претерпѣла прежняя марка отъ устройства господскихъ дворовъ; тогда альпы переходили въ разныя руки, продавались, мѣнялись, давались въ ссуду, такъ что всякое единство было утрачено. Права капиталистовъ въ Обвальденѣ образовались на тѣхъ альпахъ, которыя не перешли отъ двора къ общинѣ. Въ послѣднее время къ числу существующихъ обществъ стараго типа стали присоединяться и очень быстро распространяться альпійскія акціонерныя компаніи, напримѣръ Оберъ-Ааргаусское общество для скотоводства и другія. Мѣстами устриваются, сверхъ того, и временныя альпійскія общества, большею частью, изъ членовъ общинъ, нанимающія альпы за известную плату (Ури, Граубинденъ, Обвальденъ и пр.).

Самое значительное уменьшеніе постигло альменду вслѣдствіе того, что часть ея была превращена въ имущества, предназначенныя служить всецѣло или главнымъ образомъ задачамъ поли-

тической общины. Имущества эти подраздѣляются на приносящіе доходъ,—каковы капиталы, наемныя зданія, оброчныя статьи, и неприносящіе дохода,—дома подъ школами, церкви, кладбища, утварь, учебныя пособія и пр. Это превращеніе произошло или такимъ образомъ, что тѣ общины, которыя до тѣхъ поръ обходились съ своими землями и пр., какъ съ альмендою или съ имуществомъ пользованія гражданъ, т.е. употребляли ихъ подъ видомъ частнаго пользованія, съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе измѣнившихся отношеній, посвятили ихъ всецѣло или главнымъ образомъ общественнымъ цѣлямъ; или же такъ, что, вступившія съ теченіемъ времени на мѣсто старыхъ деревенскихъ общинъ, корпоративныхъ общинъ, *Rechtsame* и *Gerecht-Genossenschaften*, — гражданскія общины, политическія общины, общины церковныя, школьныя, общины въ пользу бѣдныхъ и пр. получили часть прежней альменды въ собственность, и это свое имущество обратили на выполненіе довѣренныхъ имъ спеціальныхъ публичныхъ назначеній. Этотъ процессъ выдѣленія упадетъ главнымъ образомъ на XIX столѣтіе, когда образовались всѣ эти различныя общины и общества. Разбираясь между собою, онѣ стали отчуждать новымъ общинамъ части своего имущества въ натурѣ. Образцомъ для этихъ раздѣловъ послужило дѣленіе имущества тѣхъ городовъ, которые до 1798 г. были коммунальными корпораціями и вмѣстѣ носителями суверенитета надъ подчиненной имъ областью. Какъ здѣсь дѣленіе соединенныхъ доселѣ въ однихъ рукахъ функцій между различными органами—общиною и Гельветическимъ единымъ государствомъ, а позже кантономъ, привело къ раздѣлу земли на принадлежащую государству и на принадлежащую общинѣ,—то же самое совершалось и при дифференцированіи общины. Говоря иначе, расположенная вертикальными слоями средневѣковая собственность, имѣвшая въ своей основѣ такое же вертикальное расположеніе общественныхъ и частныхъ функцій, стала стремиться въ новое время къ горизонтальному расположенію, къ размѣщенію исключительно въ пространствѣ. Революція 1798 г., отнявшая у суверенныхъ городовъ Швейцаріи ихъ феодальную власть и подчинившая ихъ національному Гельветическому правительству, должна была также повести и къ раздѣлу имущества этихъ городовъ на національное, общинное, кантональное. Въ кантонѣ Швицъ, напримѣръ, округъ Швицъ имѣлъ свое особое имущество, а корпораціи въ немъ—особое. Эти послѣднія (корпораціи верхней и нижней альменды, на которыя распадается округъ, раздѣлившія часть своихъ земель между мѣстными общинами въ пользованіе) не хотѣли уступить округу

его земель, а потому образовали новую *совмѣстную* корпорацію верхней и нижней альменды, которая и объявлена собственникомъ упомянутаго имущества округа. Въ к. Ури не отдѣльныя корпораціи, подобно Швицу, а окружныя общины и прежнія «земли», Ури и Ураеренъ, издавна состояли собственниками альмендъ. Конституція кантона Ури 1850 г. сняла съ кантона всѣ права суверенитета и претензіи государства надъ альмендами и другимъ имуществомъ округовъ. По слѣдамъ ея и произведенъ былъ раздѣлъ собственности между кантономъ и обоими округами. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ кантонахъ государство владѣетъ совмѣстно съ общинами и обществами довольно значительнымъ пространствомъ лѣсовъ по праву перенесенія суверенитета отъ прежнихъ барщинныхъ дворовъ и фогтовъ. Такъ было, напримѣръ, въ кантонѣ Золотурнъ, гдѣ въ 1836 г. эти отношенія разрѣшены переходомъ въ собственность отъ государства къ общинѣ 31,000 югеровъ лѣса и 8071 югеръ открытой альменды.

Болѣе важнымъ значеніемъ отличались раздѣлы и вызванные ими споры между гражданскими (Bürger) и политическими общинами (Einwohnergemeinden). Первый толчокъ къ этому роду раздѣловъ дали законы Гельветической республики 1798—1799 годовъ относительно организаціи муниципалитетовъ. Эти законы организовали изъ осѣдлыхъ гражданъ въ данной мѣстности собственныя муниципальныя общины и перенесли на нихъ заведеніе мѣстными дѣлами, а также и руководство мѣстною полиціей. На ряду остались существовать и старыя гражданскія общины, которымъ было гарантировано обладаніе до-нынѣшними общинными имуществами, въ цѣляхъ оказанія пособія бѣднымъ и учрежденія опеки. Правда, расходы, причиняемые муниципальной общинѣ содержаніемъ мѣстной полиціи, должны были идти «изъ тѣхъ общинныхъ доходовъ, которые и прежде служили для подобныхъ цѣлей». Но насколько имущества гражданскихъ общинъ были привлечены къ этому назначенію—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ о реальномъ раздѣлѣ таковыхъ тогда не могло еще быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что означенный дуализмъ былъ вскорѣ (1803) уничтоженъ и восстановлены старыя гражданскія общины. Но въ 1820—40 годахъ политическія общины возникли вновь, и тогда дѣло дошло до реального раздѣла имущества между ними и гражданскими общинами, причемъ раздѣлъ производился или окончательный или только провизорный,—съ указаніемъ службы, которую должны были нести имущества гражданской общины въ пользу политической общины. Во многихъ кантонахъ, напримѣръ, въ к. Бернѣ, С.-Галленѣ, Тургау, Цугѣ

и Базельштадтъ, послѣдовалъ окончательный раздѣлъ, который, благодаря внимательству центральнаго законодательства, шелъ гораздо правильнѣе, покойнѣе и быстрѣе, чѣмъ вышеуказанные раздѣлы между обществами и гражданскими общинами.

Впереди всѣхъ прочихъ кантоновъ стоялъ к. Бернъ. Но, создавши въ 1831 году политическую общину, по образцу Гельветическаго муниципальнаго закона, на самыхъ широкихъ основаніяхъ народнаго верховенства, принципа большинства и свободы выборовъ, и отдѣливъ ее отъ гражданской общины, кантонъ этотъ не позаботился раздѣлить между ними имущества, а только обязалъ гражданскую общину по прежнему расходовать части своего общиннаго имущества на общественныя цѣли политической общины. Но гражданская община, обладая частнымъ имуществомъ, надъ которымъ правительство не имѣло контроля, стала выдавать политической общинѣ изъ своихъ фондовъ, сколько хотѣла. Тутъ возникли споры, которые еще усложнились, благодаря требованіямъ *Rechtsamebesitzer*’овъ. Мѣстами гражданская община не выдавала политической общинѣ никакого имущества на тѣ же потребности, которыя прежде покрывала сама. Во избежаніе двойственнаго назначенія имущества гражданской общины, закономъ 1852 года всѣ общественныя дѣла, за исключеніемъ только управленія имуществомъ, завѣдываніемъ нѣкоторыми учрежденіями для бѣдныхъ, опеки, приѣма новыхъ членовъ и установленія вступной платы, были перенесены съ гражданской общины на политическую. Но законъ этотъ предоставлялъ на усмотрѣніе гражданскихъ общинъ и мѣстныхъ корпорацій гражданъ соединяться съ политической общиной въ одну смѣшанную общину. Если же это не состоится, то законъ имѣлъ въ виду реальный раздѣлъ имущества съ отнесеніемъ части его въ пользу политической общины. Этотъ-то раздѣлъ и происходилъ въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ и только въ 1875 году закончился во всѣхъ общинахъ. Но, къ сожалѣнію, гражданскія общины почти повсюду удержали за собою львиную часть имущества, а политическая община получила только денежныя доли, которыя соответствовали капитализированной выручкѣ съ того, что тратилось на ея цѣли въ годъ раздѣла. А между тѣмъ общинныя расходы въ послѣднія десятилѣтія все росли, и такимъ образомъ, тѣмъ раньше происходилъ раздѣлъ, тѣмъ меньше поплатилась гражданская община въ пользу политической. Но еще до окончанія этихъ раздѣловъ возникло живое движеніе противъ хованства гражданскихъ общинъ вообще и въ пользу слитія обѣихъ общинъ или, по меньшей мѣрѣ, перевода части гражданскаго

имущества въ руки политической общины, хотя бы и путемъ покупки, или привлеченія его въ болѣе крупнѣе противъ прежняго размѣръ къ несенію повинностей. Споръ этотъ продолжается до нынѣ, и благодаря упорству старыхъ партій, не привелъ ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. Въ основаніи своемъ вопросъ объ имуществѣ гражданской общины есть вопросъ о силѣ. Для представителей реформы дѣло шло о томъ, чтобы окончательно стереть съ лица земли гражданскія общины, — эти притоны консерватизма, и передать ихъ имущества политическимъ общинамъ, которымъ были предоставлены великія задачи, но ничтожныя матеріальныя средства. Для представителей существующаго положенія вещей (это — болѣею частью, меньшинство, напримѣръ, въ городѣ Бернѣ 5,000 человекъ изъ 40,000) рѣчь шла о томъ, чтобы удержать за собою многообразныя выгоды *частнаго* пользованія и соединенныя съ управленіемъ общиннымъ имуществомъ должности и мѣстечки. Сверхъ того, эти послѣдніе уже многіе годы были устранены почти отъ всякаго участія въ политической жизни союза, кантона и политической общины, и должны были опасаться, что реформа гражданской общины отниметъ у нихъ и послѣдніе остатки публичной дѣятельности, имъ еще предоставленной. Но эти мотивы оставались скрыты, а на видъ выставлялись другіе, болѣе благовидные Консерваторы настаивали, напримѣръ, на неприкосновенности права *частной* собственности (это — общинники!), на пользѣ, приносимой въ теченіе столѣтій существующимъ порядкомъ, на развитіи имъ чувства любви къ родинѣ и солидарности между гражданами. Правда, они предлагали на будущее время по возможности облегчить пріемъ въ гражданскую общину, усилить размѣръ своего участія въ публичныхъ задачахъ политической общины и т. д., но обѣщанія эти такъ и остаются обѣщаніями, и натянутое положеніе дѣлъ продолжается. Новый законъ, долженствовавшій пройти въ 1875 году и предлагавшій ликвидацію имущества бюргеровъ для всего кантона, не прошелъ вслѣдствіе протеста консерваторовъ. Для настроенія протестовавшихъ характерны слѣдующія ихъ возраженія: «Имѣетъ ли исполненный раздѣлъ общинныхъ имуществъ, имѣютъ ли утверждающіе его декреты правительства какое бы то ни было юридическое значеніе, или вся эта операція была не болѣе какъ комедія, которой послѣ этого можно отвѣзть во всякомъ юридическомъ дѣйствіи, во всякомъ обязательномъ значеніи и которая только раздражила общины?»

До и послѣ конституціи 1874 года, которая узаконила для всего союза передачу публичныхъ функцій отъ гражданскихъ къ

политическимъ общинамъ, въ болѣе части кантоновъ Швейцаріи производилъ болѣе или менѣе успѣшный выдѣлъ отчасти имущества, отчасти обязательныхъ платежей въ пользу политической общины. Только въ к. Цюрихъ дифференцированіе общинъ было своевременно задержано, и отягченіе общинныхъ имуществъ отъ публичныхъ цѣлей почти нигдѣ не имѣло мѣста. Подобнымъ же мирнымъ образомъ обошлось дѣло и въ к. Шафгаузенъ. И въ Цюрихѣ, и въ Шафгаузенѣ, какъ для общинъ, такъ и для правительствъ, на первомъ планѣ стоялъ принципъ, что общинное имущество должно служить прежде всего общественнымъ цѣлямъ, а остатокъ можетъ употребляться и на частныя. Въ другихъ кантонахъ, напримѣръ, въ Базельландѣ, хотя имущество осталось за гражданской общиной, но члены политической допущены въ собраніе, и такимъ образомъ первая слилась съ послѣдней. Въ Нидвальденѣ политическая община не получила никакого имущества отъ гражданской и должна дѣйствовать на подати; чего не достѣдуетъ здѣсь политическая община, то беретъ на себя гражданская, подъ видомъ сервитутныхъ повинностей, — такъ, однѣ изъ общинныхъ земель обязаны содержать и поддерживать дороги, мосты, плотины, другія — церкви, капеллы, школьные дома, богадѣльни и пр. Въ Обвальденѣ гражданская община также несетъ повинности въ пользу политической.

IV.

Пока населеніе Швейцаріи (до XVI столѣтія) было рѣдко и земли было въ волю, не было никакой надобности въ юридическомъ опредѣленіи тѣхъ лицъ, по отношенію къ которымъ допускалось пользованіе альмендою. Всѣ осѣдлые жители принимали участіе въ этомъ пользованіи, но не по опредѣленнымъ правиламъ, а соответственно потребности. Эта потребность была потребность главы семейства — губера или шуписсера — и находилась въ соответствіи съ количествомъ бывшаго у каждаго изъ нихъ въ распоряженіи отдѣльнаго имущества. Означенная связь между частнымъ имуществомъ и альмендою очень часто проявляется въ источникахъ. Лишь тогда, когда поземельное населеніе стало многочисленнѣе и достигло болѣе широкаго соціального расчлененія, когда существующей альменды оказалось не вполне достаточно для удовлетворенія возрастающихъ потребностей, возникла необходимость въ болѣе точномъ обозначеніи

правоспособныхъ лицъ. Въ равнинѣ это совершалось раньше, чѣмъ въ горахъ, гдѣ до настоящаго времени оказывается мѣстами земли больше, чѣмъ нужно. Пока первоначальное устройство губъ оставалось безъ существенныхъ измѣненій, то и участки пользованія, приходящіеся на долю отдѣльныхъ лицъ внутри одной общины, могли оставаться равными. Только тогда, когда изъ равныхъ или близкихъ по равенству губъ и инушихъ образовались имѣнья различной величины и цѣнности, и вновь возникшіе классы также получили участіе въ пользованіи альмендою, содержаніе отдѣльныхъ пользованій стало неодинаково.

Для утвержденія права на пользованіе въ качествѣ *личнаго* или *вещнаго*, повидимому, все дѣло состояло въ томъ, сохранились ли отношенія пользованія данной мѣстности въ жидкомъ состояніи, нормированномъ болѣе природою вещей или обычаемъ, нежели правомъ, до того момента, когда все стало стремиться къ *личному* образованію правъ на пользованіе. Это время въ горныхъ областяхъ начинается съ освобожденіемъ страны, а въ равнинѣ гораздо позже и притомъ частью совпадаетъ съ временемъ образованія гражданскихъ общинъ (въ XVI и въ XVIII столѣтіяхъ), нокоющихся на чисто личномъ основаніи, частью со временъ Гельветической республики. Гдѣ означенный моментъ наступилъ раньше, тамъ *вещное* право пользованія въ скорости было отмѣнено, и дѣло ограничилось тѣмъ, что при юридическомъ развитіи *личнаго* пользованія, доступнаго всѣмъ поселянамъ, поддерживался фактический строй пользованія, который еще долго соответствуетъ хозяйственной потребности. Для защиты этого состоянія была придумана и формула, которая, не нарушая демократическаго чувства равноправности, при всемъ томъ приняла во вниманіе различіе между богатыми и бѣдными также и по отношенію къ пользованію альмендою. Эта формула состояла въ томъ, что только перезимовавшій на частномъ имуществѣ скотъ могъ пасться лѣтомъ въ альнахъ, и что дрова и лѣсъ не должны продаваться за предѣлы общины. Но гдѣ условія, благопріятствующія развитію и сохраненію личныхъ правъ пользованія, обнаружили лишь впоследствии, тамъ, приходящееся фактически исключительно или главнымъ образомъ на долю имущихъ, пользованіе было опредѣлено, какъ *вещное* право, съ ограниченнымъ или безусловнымъ юридическимъ содержаніемъ.

Въ борьбѣ противъ факторовъ, тяготѣвшихъ къ образованію чисто личныхъ правъ, вещныя права отчасти одержали побѣду, причемъ они все болѣе отрѣшались отъ политическаго, экономическаго и соціальнаго порядка, и такимъ образомъ изъ правъ

на альменду въ собственномъ смыслѣ сдѣлались частными немущественными правами. Въ числу обстоятельствъ, благоприятствовавшихъ личному образованію права пользованія, принадлежитъ именно въ горныхъ областяхъ весьма раннее развитіе свободныхъ земскихъ союзовъ, общинъ и корпорацій, въ которыхъ каждый мужчина считался полноправнымъ съ 14—18-лѣтняго возраста. Чувство собственного достоинства членовъ общины, воспитанное и поднятое участіемъ въ дѣлахъ общины и страны, равно какъ и свойственный горнымъ странамъ упорный духъ свободы и равенства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ Швицъ, Ури, Энтлибухъ, Обергазль, тѣмъ меньше дозволяли юридическое обособленіе одного только землевладѣльческаго класса, въ качествѣ исключительно имѣющаго право на пользованіе альмендою, тѣмъ необходимѣе это пользованіе было и есть для всѣхъ жителей горъ. Въ общинахъ равнины, укрѣпленію вещныхъ правъ пользованія противодействовали личные общинные союзы, окрѣпшіе, правда гораздо позже, со времени изданія законовъ о бѣдныхъ и о нищенствѣ, на ряду со старыми деревенскими общинами, точно такъ же какъ и превращеніе барщинныхъ союзовъ, основанныхъ на концессіи помѣщика, въ автономныя гражданскія общества. Сюда же слѣдуетъ присоединить начавшееся съ реформаціи разможеніе стараго экономическаго порядка, увеличеніе числа не-гражданъ (Beisässen) въ деревняхъ, демократическую идею, укрѣпившуюся во время революціи, и наконецъ уравнивающее вліяніе болѣе сильныхъ правительствъ на отношенія альменды. Но рѣшительное вліяніе оказывало самое измѣненіе пользованія альмендою. Пока она служила только для пастбы, она приносила пользу почти однимъ только скоту и землевладѣльцамъ; но когда пришла пора все большаго выдѣла альменды въ частную собственность, пользованіе ею для немущихъ приобрѣло высокую цѣнность. Этимъ различнымъ факторамъ слѣдуетъ приписать то, что право на пользованіе чисто личное, основанное просто на принадлежности къ опредѣленному союзу, стало тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе расширяться насчетъ вещнаго пользованія. Но въ то время, какъ этотъ личный союзъ въ началѣ обнималъ всѣхъ осѣдлыхъ на мѣстѣ домохозяевъ, и входъ новыхъ пришельцевъ въ него былъ легокъ, съ теченіемъ времени правоспособные замѣнялись въ такой же степени, въ какой усиливался приливъ извнѣ, противъ всякаго дальнѣйшаго прилива. Это обособленіе лично правоспособныхъ извнѣ представляетъ тотъ же процессъ, какъ и монополизированіе пользованія общинной землей *Rechtsamen* и *Gerechtigkeitsbesitzer*; только

основа права въ томъ и другомъ случаѣ была неодинакова. Хотя въ обоихъ случаяхъ пользующіеся альмендою лица стремились сохранить это состояніе для себя и своихъ наслѣдниковъ по возможности не умаленнымъ, эта послѣдовательность права въ одномъ случаѣ обуславливалась передачею отдѣльной собственности, къ которой относилось право пользованія, а въ другомъ случаѣ кровнымъ родствомъ. Въ такой же степени, въ какой число имѣющихъ въ общинѣ *вещныя* права ограничивалось кругомъ владѣльцевъ опредѣленныхъ имуществъ и домовъ, и число имѣющихъ въ данной общинѣ *личныя* права пользованія зависѣло отъ числа имѣющихъ гражданскія права семействъ. Входъ въ общину все болѣе и болѣе затруднялся при помощи вступной платы, которая возрасла до громадной величины, совершенно на подобіе городскихъ цеховъ въ періодъ разложенія ихъ.

Факторы, съ которыми приходилось бороться вещнымъ правамъ, были такъ сильны, что имъ иногда удавалось уже установленныя вещныя права превращать обратно въ личныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ личныя права одержали надъ вещными полную побѣду. Кромѣ того, разные должности и ремесла имѣютъ и имѣли свои личныя пользованія въ прежнихъ барщинныхъ общинахъ — мейеръ, келлеръ, лѣсничій, въ деревняхъ — кузнецъ, мельникъ, кровельщикъ, плотникъ, въ настоящее время — священникъ и школьный учитель. Но мѣстами вещныя права удержались вполне и только допускали на ряду съ собою нѣкоторые неважныя личныя пользованія въ пользу бѣднѣйшихъ жителей общиннымъ охотѣе, что послѣдніе шли наниматься на работу къ ихъ владѣльцамъ, и что пожертвованіе такими пустяками снимало съ нихъ обязанность заботиться о бѣдныхъ. Это называлось помогать послѣднимъ «aus Barmherzigkeit, nicht von Rechtswegen». При всемъ томъ, съ прошлаго столѣтія вещное пользованіе существуетъ скорѣе какъ исключеніе, нежели какъ правило.

Въ новѣйшее время отмѣнено и частью преобразовано множество условій, которыя прежде давали полномочіе на пользованіе альмендою. Такъ, напр., совершенно измѣнился смыслъ слова «собственное хозяйство», которое теперь часто представляетъ условіе чисто отрицательное, а именно — непринадлежность къ столу и содержанію другого лица, или собственное жилище и хозяйство, хотя въ нанятомъ помѣщеніи и безъ семейства; не требуется болѣе и условіе обладанія отдѣльною собственностью. Изъ женщинъ прежде допускались къ самостоятельному пользованію альмендою только вдовы членовъ общины и иногда старыя дѣ-

тупи: въ настоящее время имъ открытъ болѣе широкій доступъ. Требования законнаго рожденія и полной незапятнанности въ нравственномъ смыслѣ, въ прежнее время игравшія важную роль, теперь предъявляются весьма рѣдко. На ряду съ этими факторами, въ новое время сталъ дѣйствовать принципъ индивидуальнаго равенства правъ, котораго послѣдній результатъ долженъ быть равное пользованіе для всѣхъ жителей общины, безъ различія хозяйственно-самостоятельнаго или зависимаго положенія, женатаго или холостого состоянія, брачнаго или внѣ-брачнаго рожденія, запятанности или незапятнанности. Эти стремленія идутъ въ параллель съ стремленіями политическихъ общинъ, и въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ права пользованія или совсѣмъ отдѣлились отъ публичнаго порядка или находятся на пути къ тому, къ нимъ присоединяется еще и требованіе отиѣны другихъ условій пользованія, какъ-то: мужского пола, опредѣленнаго большаго возраста и долговременнаго пребыванія въ общинѣ. За исключеніемъ послѣднихъ трехъ условій, отиѣна остальныхъ вездѣ уже получила силу закона. Хотя старые порядки и удержались еще во многихъ мѣстахъ, но новый принципъ поголовнаго пользованія все болѣе и болѣе пробиваетъ себѣ дорогу въ самыя закоренѣлыя умы. Въ послѣднее время шла сильная агитація противъ исключенія изъ правъ пользованія отсутствующихъ членовъ, которыхъ политическія права слѣдуютъ за ними во всѣ концы свѣта. Равноправность отсутствующихъ членовъ съ осѣдлыми должна быть простымъ слѣдствіемъ частно-правнаго характера, который нынѣ приняло пользованіе альмендою. На этомъ основаніи стали довольно часто приниматься въ соображеніе законныя отлучки на заработки, на службу, въ ученіе и пр. Различныя классы приселенцевъ, *Beisässe*, *Hintersässe*, *Beiwohner* и прежде не могли совершенно исключаться изъ правъ пользованія альмендою, такъ какъ при господствѣ натурального хозяйства, они были бы поставлены въ невозможность пріобрѣтати необходимыя для себя вещи—топливо и пр.

Тѣ же фазы развитія права пользованія, которыя въ наиболѣе развитыхъ хозяйственно общинахъ шли одна за другой во времени, встрѣчаются въ настоящее время въ различныхъ кантонахъ на ряду другъ съ другомъ. Но какъ бы ни были различны виды пользованія, они сходны въ томъ, что не входятъ составною частью въ личное имущество, не могутъ отчуждаться по усмотрѣнію или передаваться по наслѣдству на основаніи частнаго права. Право пользованія альмендою, болѣею частью,

опирается на публичныя требованія и потому неотдѣлимо отъ лица.

V.

Первые зачатки употребленія альмендъ на публичныя цѣли общины, обнаруживаются въ томъ, что при раздѣленіи пользованія общины обращаютъ тѣмъ болѣе вниманія на положеніе бѣдныхъ, чѣмъ болѣе увеличивается ихъ число и чѣмъ менѣе бываесть для нихъ достаточно церковныхъ и семейныхъ вспоможеній. Уже въ источникахъ XIV и XV вѣковъ мы наталкиваемся на отдѣльныя выдѣлы въ пользованіе пригодной для посадки почвы. Демократическое движеніе XVI вѣка еще болѣе увеличило число подобныхъ выдѣловъ. Позже процессъ этотъ еще усилился. Такъ, въ к. Ури, въ началѣ XVII столѣтія и позже, граждане страны и ихъ вдовы и сироты, если вели собственное ховайство, имѣли право на сады въ альмендѣ. Это право выдавалось временно, напр. на 30 лѣтъ или пожизненно; но если обработка и расчистка земли не выполнялись обѣщаннымъ образомъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, то земля отбиралась. Въ к. Нидвальденъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія разведеніе садовъ на альмендѣ представляетъ вполнѣ водворившееся учрежденіе. Тутъ въ 1736 году было даже постановлено, что садъ, остающійся свободнымъ, достается новому пользователю; если же садовъ меньше или больше, чѣмъ пользователей, то между послѣдними бросается жребій. Въ видахъ уравнианія, вакантные сады отдаются тѣмъ, у кого садовъ меньше, чѣмъ у другихъ.

Съ семидесятихъ годовъ XVIII столѣтія раздѣлъ пользованія въ интересахъ введенія лучшей системы культуры принялъ громадныя размѣры. Экономическое общество въ Бернѣ поставило въ 1762 слѣдующую задачу на премію: «Полезно ли дѣлать альменды и общія пастбища и какимъ наиболѣе выгоднымъ образомъ можно къ этому приступить?» Въ представленныхъ на премію работахъ противъ употребленія альмендъ въ видѣ общаго пастбища были приведены слѣдующія основанія. Общинныя пастбища вблизи обитаемыхъ мѣстностей чрезмѣрно отягощены скотомъ, послѣдній не находитъ достаточной пищи, ростъ его задерживается, способность давать молоко уменьшается и легко прививаются къ нему болѣзни; пастбища, находящіеся вдаль отъ обитаемыхъ мѣстностей, эксплуатируются недостаточно, постепенно приходятъ въ упадокъ и наконецъ уничтожаются, причемъ скотъ объѣдаетъ только самые вкусные сорта травы, а худшіе остав-

изетъ, такъ что послѣдніе со временемъ охватываютъ всю почву. Далѣе, скотъ выгоняется на пастбище слишкомъ рано весною изъ стойлъ, что препятствуетъ росту молодыхъ растений и, кромѣ того, ихъ растаптывается болѣе, чѣмъ сколько поступаетъ на прокормленіе скоту. Съ общинныхъ пастбищъ не снимаются камни и кусты, не отводится болотная вода, на нихъ не устраивается воловьевъ, не разбрасывается навозъ, такъ что ихъ производительность уменьшается все болѣе и болѣе. Гдѣ альменда лежитъ далеко отъ деревни, тамъ прислуга тратитъ много времени на ходьбу туда и назадъ, скотъ устаетъ отъ длинныхъ странствованій и проникаетъ сквозь заборъ въ луга и поля, гдѣ наноситъ повреждения. Сверхъ того, этотъ способъ пользованія достается главнымъ образомъ, если не исключительно, зажиточнымъ крестьянамъ, владѣющимъ большимъ количествомъ скота, и пробуждаетъ въ привилегированныхъ классахъ духъ узкосердечія и исключительности, обнаруживающійся относительно всѣхъ тѣхъ, о комъ предполагается, что они заявлять требованіе на пользованіе. Напротивъ того, въ пользу превращенія общинныхъ пастбищъ въ поля и въ луга утверждается, что въ сравненіи съ объемомъ пастбища, требуемаго для прокормленія одной коровы, было бы достаточно гораздо меньшаго клочка земли подъ видомъ искусственнаго или естественнаго луга, чтобы содержать корову въ стойлѣ; сверхъ того, корова въ стойлѣ даетъ больше молока; лошади въ стойлѣ становятся способнѣе къ работѣ, и удобрение этихъ животныхъ не теряется для сельскаго хозяйства. Обработкой части почвы, служившей до сихъ поръ пастбищемъ, подъ пшеницу, бобовыя растенія и пр., можно будетъ современемъ прокормить гораздо больше людей, чѣмъ теперь. Отъ увеличенія валоваго продукта должна возрасти десятина, а благодаря этому и—увеличенію народонаселенія, долженъ выиграть также и землевладѣлецъ. Раздѣленіе альменды въ частное пользованіе послужило бы далѣе къ тому, чтобы обезпечить бѣдныхъ отъ нужды и удержать ихъ отъ переселенія въ города или въ чужія страны,—вслѣдствіе чего крупнымъ землевладѣльцамъ обезпечивается рабочая сила, и община облегчается въ содержаніи бѣдныхъ. Уже тогда обсуждался вопросъ, занимающій нынѣшнее общество,—должно ли государство оставаться простымъ зрителемъ образованія аристократическаго имущества и дохода, и даже поддерживать его своими учрежденіями, въ надеждѣ, что благосостояніе одного класса принесетъ пользу и прочимъ классамъ, или же оно должно прямо или косвенно смягчать существующія неравенства собственности и дохода. Какъ въ теоре-

тическомъ обсужденіи, такъ и въ практической народно-хозяйственной политикѣ, мы видимъ дѣйствіе обоихъ направленій. Въ первомъ направленіи государство дѣйствовало тогда поощреніемъ и облегченіемъ раздѣла альменды въ частную собственность, отнятію права пастбища и въззда, десятины, барщины и пр., короче—расширеніемъ частной *собственности* насчетъ общинной и освобожденіемъ ея отъ тягостныхъ оковъ, стѣснявшихъ свободное ея движеніе, придерживаясь того мнѣнія, что оно такимъ образомъ всего лучше пособляетъ и бѣднымъ. Второму направленію, напротивъ того, слѣдовали между прочимъ тѣмъ путемъ, что выдѣляли альменду и раздѣляли ее въ отдѣльное *пользованіе* именно между бѣдными классами, причемъ уже тогда была установлена та истина, что интересъ этого класса обезпечивается лучше надѣломъ въ долговременное, даже въ пожизненное пользованіе (что не исключало и наслѣдованія его дѣтьми), нежели раздѣломъ въ частную собственность, которая въ послѣдней инстанціи часто снова попадаетъ въ руки богатыхъ. Кромѣ того, предлагалось продавать лишнія части альменды, представляющей большее отношеніе въ частной собственности, чѣмъ 2:1, продавать отдаленнѣйшія части альменды и пр. И дѣйствительно, раздѣлъ альменды частью въ пользованіе, частью въ собственность происходилъ въ большихъ размѣрахъ въ годы дороговизны 1770—71, 1799 и 1800, одновременно съ расширеніемъ пронаводства картофеля, и потомъ въ годы мира въ началѣ XIX вѣка. Временное пользованіе выдѣлялось на долгіе сроки и пожизненно. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и законъ Гельветической республики 1799 года, уполномочившій правоспособныхъ членовъ общины дѣлить между собою альменду въ отдѣльную собственность. Хотя этотъ законъ и потерялъ въ скоромъ времени свою дѣйствующую силу, но данный имъ толчокъ продолжался и впослѣдствіи. Къ нему же присоединились и законы отдѣльныхъ кантоновъ (въ в. Люцернѣ 1803 и 1837, С. Галленѣ 1807 и пр.). Въ иныхъ случаяхъ, напр., въ в. Ури, надѣлъ земли изъ альменды бѣднѣйшимъ семействамъ былъ шагомъ въ демократическомъ направленіи. Въ Швицѣ, на основаніи постановленія объ альмендахъ корпораціи верхней альменды отъ 10 декабря 1857 г., на даровое пользованіе вновь выдѣляемой изъ альменды подъ насажденіе земли имѣютъ право преимущественно тѣ, которые не въ состояніи гонять на альменду скотъ.

Параллельно съ развитіемъ отдѣльнаго пользованія альмендой, шли запрещенія свободной рубки дровъ и выдѣлъ опредѣ-

ленныхъ порцій лѣса, сначала безвозмездно, потомъ за небольшой сборъ, въ равнинахъ раньше, въ горахъ позже. Пользованіе альпами тоже служило и служить предметомъ борьбы между имущими и неимущими, причемъ, если одерживаютъ верхъ первые, они дѣлятъ альпы на идеальныя части и ставятъ пользованіе ими въ зависимость не отъ числа головъ скота, зимующаго на нихъ отдѣльномъ имуществѣ, а прямо отъ размѣровъ индивидуальнаго имущества. Если же одерживаютъ верхъ вторые, то они стараются примирить равное право пользованія съ фактическимъ неравенствомъ пользованія. Этого они достигаютъ различными способами. Первый изъ нихъ состоитъ въ выдѣленіи частей альменды въ пользу бѣднѣйшихъ для уравновѣшенія большей выгоды богатыхъ отъ пользованія альпами. Въ однихъ мѣстностяхъ бѣднымъ дозволялось, вопреки общему правилу, пастись и чужой скотъ на ближайшихъ коровьихъ пастбищахъ. Въ другихъ мѣстностяхъ и случаяхъ бѣдные уступали свое право пользованія альпами богатымъ за извѣстную откупную сумму. Мѣстами бѣдные получали исключительное право пользованія альмендою въ долинѣ, мѣстами устанавливалась максимальная норма головъ скота для пользованія альпами—не болѣе 6 коровъ, и т. д. Кроме того, во многихъ общинахъ неимущіе успѣли провести обложеніе пропорціональнымъ или даже прогрессивнымъ налогомъ пользованія альпами въ пользу тѣхъ, кто не могъ ими пользоваться или пользовался въ меньшей мѣрѣ. Впрочемъ, въ новѣйшее время эти деньги нерѣдко дѣлятся между всѣми членами общины. Налогъ этотъ (Aufslag), повидимому, возникъ изъ существовавшей прежде натуральной повинности ухода за альпами, которая потомъ была замѣнена деньгами. Для уравненія выгодъ пользованія, этотъ Aufslag въ настоящее время прижизняется исключительно въ горныхъ кантонахъ—Аппенцель, Гларусъ, Унтервальденъ, Швицъ и Ури. Прежде онъ не былъ великъ, и тогда альпы всецѣло доставались имущимъ; но именно новѣйшая борьба, совпавшая съ эпохой развитія демократическаго чувства—конецъ XVIII ст.—и привела къ возвышенію этого налога. Въ тридцатыхъ годахъ возникла та борьба, которая была извѣстна подъ названіемъ войны «роговъ и копытъ» и обняла собою все населеніе Швица. Партія копытъ стремилась придать значеніе интересамъ бѣднѣйшихъ классовъ верхней альменды, которые, большею частью, обладали мелкимъ скотомъ, овцами и козами. Она требовала, чтобы въ будущемъ производительность альменды опредѣлялась соотвѣтственно числу копытъ, а не коровьихъ участковъ, Kuhessen, какъ было до тѣхъ поръ,

и чтобы потребность остального скота — лошадей, быковъ была сводима къ копыту, какъ къ единицѣ; сверхъ того, она стремилась къ возвышенію налога за пользованіе альмендой, къ образованію большихъ денежныхъ паевъ и къ раздѣлу между общинами и ихъ членами имущества корпораціи верхней альменды. Противная партія держалась существующаго, и въ 1832—33 годахъ одержала побѣду, хотя и сдѣлала нѣкоторые уступки своимъ врагамъ въ видѣ предоставленія имъ части торфяниковъ и лѣса. Но это не могло удовлетворить требованій оппозиціонной партіи, приводившей въ волненіе всю страну. Къ 1837 году состоялся между обоими партіями родъ компромисса, на основаніи котораго пастба объявлена для всѣхъ неограниченно-свободною, а за пользованіе альмендою установлена была прогрессивная подать, выручка съ которой должна была раздѣляться ежегодно между всѣми членами общины. При всемъ томъ, выгоды, извлекаемыя богатыми крестьянами, оставались несоразмѣрно велики, слѣдствіемъ чего было неоднократное съ тѣхъ поръ повышеніе налога и предоставленіе его въ пользу тѣхъ, кто посылалъ на альменду не болѣе двухъ-трехъ коровъ. Въ к. Ури также, начиная съ XIX столѣтія, постоянно велась борьба между богатыми и бѣдными, изъ которыхъ послѣдніе справедливо считали себя обиженными незначительнымъ размѣромъ надѣла. Въ 1875 году налогъ за пользованіе альмендою былъ поднятъ и установлено распределеніе его по 3 франка на челоѣка между бѣднѣйшими членами; остальное должно было получить общественное назначеніе. Въ 1876 году это постановленіе было частью приведено въ исполненіе, частью модифицировано.

Вышеописанный способъ уравниванія пользованія при раздѣлѣ альменды содержитъ въ себѣ уже зародышъ совершенно измѣненнаго пользованія альмендою: а именно, отдачи ея въ *аренду* наиболѣе предлагающимъ съ одной стороны, и распределенія арендной платы между сочленами съ другой. Налогъ отличается отъ арендной платы только своей меньшей величиной и еще тѣмъ, что онъ возлагается не на всякаго любого фермера, который даетъ выспую плату, а на всѣхъ членовъ общины, которые желаютъ принимать участіе въ пользованіи альмендою. И дѣйствительно, во многихъ общинахъ съ сильно развитымъ бургерскимъ духомъ, аренда съ раздѣломъ денежной платы между сочленами, вмѣсто обращенія ея на общественныя цѣли, не замедлила послѣдовать за этимъ порядкомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ города эти покинули свой сельскій характеръ и особенно содержаніе большихъ стадъ скота въ концѣ XVIII

и въ началѣ XIX столѣтія, — натуральное пользованіе общиннымъ пастбищемъ совершенно потеряло здѣсь свое значеніе. Съ расширеніемъ городовъ и преобладаніемъ промышленнаго характера у городского населенія, также судьба постигла и обработанную землю, такъ что одно только натуральное пользованіе лѣсомъ сохранило для бюргера свою цѣнность. Поэтому пользованіе городскими пастбищами и полями было отчасти превращено въ деньги. Въ г. Бернѣ это превращеніе совершилось еще въ концѣ XVIII вѣка, когда бюргеры перестали держать скотъ. То же повторилось въ Бургдорфѣ, въ Тунѣ и т. д. Кромѣ этихъ Bürgergaben (распредѣленія между гражданами денегъ за аренду общиннаго имущества), бюргеры такихъ городов получаютъ еще большія или меньшія суммы денегъ по принадлежности ихъ къ цехамъ. Въ в. Цугѣ и Швицѣ обнаруживаются въ послѣднее время подобныя же стремленія прекратить натуральное пользованіе общинными землями.

Представленные до сихъ поръ измѣненія, происшедшія съ теченіемъ времени въ пользованіи альмендою, были, большею частью, результатомъ продолжительной и упорной борьбы классовъ, точно такъ же, какъ и стремленія къ болѣе интенсивной культурѣ земли. Напротивъ того, тѣ не менѣе глубокія перемѣны въ общинномъ владѣніи обуславливаются главнымъ образомъ измѣненіемъ и возвышеніемъ значенія общины. — Новый родъ употребленія общинныхъ имуществъ, который исчерпывался заимъ гражданской пользованія ими — фискальнымъ, могъ опираться непосредственно на упомянутое раздѣленіе денежной выручки между бюргерами. А именно, разъ общинныя имущества отдаются въ аренду, то представляется естественнымъ не раздѣлять болѣе денежной выручки за аренду между членами общины, а употреблять ее на выполненіе политическо-общинныхъ задачъ. Но и оставляя въ сторонѣ этотъ естественный переходъ, общины довольно часто прямо превращали состоящія въ натуральномъ пользованіи альменды въ имущества, служащія цѣлямъ политической общины. Поступать такимъ образомъ было тѣмъ больше поводовъ, чѣмъ болѣе общины покидали свой прежній характеръ принудительныхъ экономическихъ обществъ и становились политическими органами; чѣмъ болѣе эти постановленные имъ задачи съ году на годъ возрастали и чѣмъ болѣе возлагался вѣсь на ихъ удовлетворительное выполненіе (улучшеніе школъ, тюремъ, путей сообщенія, огнегасительныхъ учрежденій и пр.); далѣе, чѣмъ болѣе денежное хозяйство вытѣсняло натуральное также и въ домашнемъ быту общины, причемъ на мѣсто натуральной

платы становились постоянно или отчасти денежныя содержанія, на мѣсто выполненія общинныхъ работъ натуральною повинностью и очередной службой (постройка путей сообщенія, служба ночныхъ сторожей и полиція) — производство ихъ по общественному соглашенію или получающими жалованье общинными чиновниками, на мѣсто вспомошествованій бѣднымъ натурой — содержаніе ихъ въ домахъ для бѣдныхъ, богадѣльняхъ и пр.; наконецъ, чѣмъ болѣе входило въ употребленіе отмигать требуемые до тѣхъ поръ взносы на выполненіе общественныхъ функций и дѣлать пользованіе ими бесплатнымъ (отмигна мостовыхъ, дорожныхъ, школьныхъ и похоронныхъ пошлинъ).

Однимъ изъ родовъ общественнаго пользованія альмендоу служить также предоставленіе части ея бѣднымъ для поправленія обстоятельствъ, вытекающее отчасти изъ семейнаго характера швейцарскаго устройства попеченія о бѣдныхъ; не говоря о сильномъ привлеченіи семьи въ заботѣ объ оббѣдѣвшихъ ея членахъ, сама гражданская община, и въ настоящее время обязанная заботиться о своихъ бѣдныхъ и состоящая въ своемъ ядрѣ изъ опредѣленнаго числа соединившихся уже цѣлыя столѣтія въ одинъ союзъ родовъ, является расширенною семьей. Кроме того, бѣднымъ дозволяется на самыхъ возвышенныхъ, затруднительныхъ и опасныхъ для подъема альпахъ, въ такъ называемыхъ «округахъ дикаго сѣна» пользоваться травой для нѣсколькихъ козъ или коровъ. При этомъ между сытными владѣльцами сыроварень и голодными бѣдняками, владѣющими какой-нибудь одной козой, нерѣдко возникаютъ споры о границахъ той земли, на которую скотъ уже ходить не можетъ. На эти участки, болѣею частью, существуетъ передѣлъ по жребію въ теченіе многихъ лѣтъ разъ, или же пользованіе ими съ извѣстнаго дня въ году объявляется для всѣхъ свободнымъ. Гдѣ округа дикаго сѣна не дѣлятся на участки въ отдѣльное пользованіе, тамъ собиратели этого сѣна, вооруженные косами и подбитые подковами, выходятъ въ опредѣленный закономъ день изъ дому тотчасъ же послѣ полуночи, чтобы, прежде нежели наступитъ день, быть на мѣстѣ назначенія; тогда или присутствующіе предпринимаютъ раздѣлъ участковъ по числу наличныхъ косцовъ, или же тотъ, кто прежде овладѣлъ участкомъ, предъявляетъ свои права на все на немъ растущее, если только болѣе сильный, не обращая вниманія на это право, вытекающее изъ оккупации, не прогонитъ его оттуда. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ правильно и въ порядкѣ. И здѣсь какъ въ первобытныхъ отношеніяхъ имѣетъ

значеніе та истина, что лишь то право есть дѣйствительное право, у котораго есть сила для защиты его отъ нападеній.—Столь же важно для бѣдныхъ право пастбы овецъ и козъ въ общинныхъ лѣсахъ и на общинныхъ пастбищахъ-альпахъ. Во многихъ кантонахъ съ этою цѣлью отводятся особые пастбища для мелкаго скота; а гдѣ подобнаго правила нѣтъ, тамъ овцамъ и козамъ дозволяется пастись на общихъ пастбищахъ въ предѣлахъ извѣстнаго срока. Но и тутъ богатые оказываются въ барышахъ, такъ какъ они держатъ много козъ (20—30 и даже 60—70), тогда какъ бѣдные—всего двѣ, три. Бѣднымъ выдается также лѣсъ, но не вездѣ всѣмъ равное количество. Мѣстами община вноситъ вклады въ пользу бѣдныхъ въ мелкія вазальныя предпріятія или выдаетъ пособія переселенцамъ. Мѣстами раздается бѣднымъ земля подлѣ обработку на время или навсегда.

Отдѣльное пользованіе различными частями альменды, большею частью *срочное*, распространено въ настоящее время болѣе или менѣе повсюду. Во многихъ случаяхъ при этомъ прибѣгаютъ къ жребію, выжидаютъ очереди, получаютъ преимущественное право на слѣдующій жребій, если обойдены за недостаткомъ мѣста предъидущей очередью, въ ожиданіи надѣла получаютъ денежную плату и т. п. Въ Обвальденѣ, напр., управленіе корпораціей удерживаетъ за собой право въ видахъ общей пользы предпринимать всеобщій передѣлъ земли, состоящей въ пользованіи членовъ, съ условіемъ вознагражденія за «примѣтныя» — *merkliche* — улучшения, сдѣланныя пользователями. По временамъ образуются особые резервные участки для могущихъ увеличиться въ числѣ правоспособныхъ членовъ общины. Продавать участки воспрещается, отягощать ихъ ипотекой также. За все это съ пользователей требуется небольшая плата и, кромѣ того, извѣстныя натуральныя повинности. Но по отдѣльнымъ кантонамъ подобныя натуральныя пользованія гражданъ распространены весьма неравномѣрно. Въ то время, напр., какъ въ к. Ааргау идетъ въ гражданское пользованіе среднимъ числомъ въ годъ на 1.700,000 фр. лѣса и только на 1.200,000 на удовлетвореніе цѣлей общины, въ к. Цюрихъ гражданского пользованія общинными имуществами почти уже не существуетъ. Община гражданъ гор. Цюриха, которая еще въ 1873 году раздавала 2852 порціи дровъ, постановленіемъ 28 мая 1876 года уничтожила существовавшее цѣлые вѣка частное пользованіе и придала своему имуществу, имѣвшему это назначеніе, другую цѣль, а именно, являться въ случаѣ нужды на помощь благотворительнымъ и

образовательнымъ учрежденіямъ. Для принятія этого рѣшенія послужили слѣдующія основанія. Въ силу существующихъ постановленій, въ раздѣлъ между гражданами долженъ былъ поступать только чистый излишекъ доходовъ соотвѣтствующаго имуществу надъ его расходами. Но этотъ излишекъ, вслѣдствіе увеличенія расходовъ по управленію общины, все болѣе и болѣе уменьшался. Между тѣмъ, число правоспособныхъ все росло и, напр., только въ теченіе 1876 года увеличилось отъ 4509 до 6000 человекъ, такъ что паче пользованія становились съ каждымъ годомъ все мельче и мельче и вслѣдствіе этого имѣли для отдѣльнаго лица все менѣе и менѣе значенія. Но тѣмъ меньше была польза для отдѣльныхъ лицъ, тѣмъ больше издержекъ и потери времени причиняло раздѣленіе многихъ мелкихъ насаждений дерева. Равнымъ образомъ и неправильное отношеніе между частнымъ пользованіемъ и возрастающею тягостью налоговъ становилось все болѣе. Тогда на пути къ превращенію гражданскаго пользованія оставалось препятствій тѣмъ меньше, что существовало убѣжденіе, что чистый доходъ съ этого имущества найдетъ себѣ болѣе благородное употребленіе, которому не останутся чужды и отдѣльныя лица.— Въ особенности рѣзокъ былъ переходъ отъ частнаго пользованія къ тягости податей въ общинѣ Винтертуръ. Тогда какъ еще въ началѣ 1860 годовъ, правоспособный бюргеръ этого города получалъ въ окрестностяхъ кусокъ садовой земли и ежегодно 4 сажени дровъ, въ настоящее время не только не раздѣляется никакихъ частныхъ пользованій, но бюргеры платятъ чрезмѣрно высокія подати (свыше 10⁰/₀ въ видѣ подати съ имущества).

Во многихъ кантонахъ похвальное само по себѣ стремленіе по возможности уравнивать пользованіе альмендою повело къ такой регламентаціи чуть не каждаго шага гражданъ, что, по всей вѣроятности, одно уже это обстоятельство повлечетъ за собою въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ превращеніе частныхъ пользованій въ пользованіе для удовлетворенія общественныхъ дѣлей. Такъ, напр., въ общинѣ Саксельнъ (в. Обвальденъ) разрѣшенный строительный лѣсъ долженъ употребляться въ дѣло въ теченіе 3-хъ лѣтъ, а лѣсъ для топлива въ теченіе 15 мѣсяцевъ, въ противномъ случаѣ этотъ лѣсъ снова возвращается къ общинѣ. Кромѣ того, виновники въ непредназначенномъ употребленіи лѣса могутъ быть подвергаемы особому наказанію. Въ томъ же Саксельнѣ члены корпораціи могутъ свои участки лѣса взаимно продавать, обмѣнивать и пр., съ тѣмъ только ограни-

чешемъ, что никто не долженъ пріобрѣтать въ однѣ руки болѣе трехъ участковъ лѣса. Напротивъ того, въ двухъ другихъ общинахъ того же кантона — Кернсѣ и Гергишвилѣ — всякій родъ отчужденія лѣсныхъ участковъ строжайше воспрещается. Въ Саксельнѣ и въ Кернсѣ ни одно дерево, выросшее въ предѣлахъ общины, не должно быть вывезено изъ округа общины: исключеніе допускается только въ пользу вывоза шпалъ для изготовленія сыра, мебели и столярной работы, дерева для общественныхъ построекъ и дерева отъ старыхъ построекъ, причемъ послѣднее должно быть обжжено на кирпичи и на известь. Однимъ словомъ, встрѣчается все то, что представляли постановленія цеховъ въ періодъ ихъ упадка.

Н. ЗИВЕРЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПѢСНЯ МАРУСИ.

Я приду въ нарядѣ новомъ,
Жду, лишь кончится недѣля—
Скроюсь я въ саду вишневомъ
Подъ густымъ навѣсомъ хмѣля.

На щекѣ моей румяной
Будетъ солнце золотиться,
Духъ черемухи медвяной
Въ теплоѣ воздухѣ носиться.

Съ дальней грядки маѣ стыдивый
Бъ намъ урядкою заглянетъ,
Бѣлый пухъ плакучей нвы
Къ лентамъ косъ моихъ пристанетъ.

Мы уйдемъ неслышной парой,
Проберемся мы бурьяномъ...
Ахъ, когда-бъ у тети старой
Отпроситься мнѣ обманомъ!

Полечу въ нарядѣ новомъ,
Жду, лишь кончится недѣля—
Скроюсь я въ саду вишневомъ
Подъ густымъ навѣсомъ хмѣля.

МАДЬЯРЪ.

(изъ Ф. Коппе).

Одинъ венгерскій графъ, краса степей суровыхъ,
 Тотъ самый, что носилъ два перстня бирюзовыхъ
 И въ битвѣ съ Турціей меча не обагралъ —
 Богатства ленныя безумно расточалъ.
 Однажды, говорить (онъ былъ на то не промахъ),
 Графъ задалъ чудный пиръ въ наслѣдственныхъ хоромахъ.
 Онъ вышелъ къ данникамъ почтительнымъ своимъ
 Въ кафтанѣ бархатномъ съ оплечьемъ золотымъ,
 Гора каменьями одежды драгоценной,
 Едва пришитыми, съ той цѣлью сокровенной,
 Чтобы могъ онъ ихъ ронять, танцуя, межъ гостей —
 Чтобы ихъ достало всѣмъ, на тысячи горстей.
 Конечно, бѣдняки собирали тѣ даянья.
 Но балъ окончился. Въ минуту разставанья
 Завосхлибый магнатъ, минуя длинный залъ,
 Замѣтилъ старика: тотъ пасмурно взиралъ
 На пиръ изъ уголка, скрестивъ худыя руки.
 То истый былъ Мадьяръ. Кругомъ затихли звуки
 Рѣчей и музыки, когда надменный графъ
 Окликнулъ старика, насмѣшливо сказавъ:
 «Ты, кажется, ни съ чѣмъ остался, мой любезный!
 Мнѣ жаль. Но жалобы теперь ужъ бесполезны:
 Рубиновъ, ахонтовъ ужъ нѣтъ ни одного...
 Ты ихъ не подбиралъ; скажи мнѣ — отчего?»
 И пасмурный вассалъ отвѣтилъ господину:
 «А видишь, мнѣ для нихъ стигать пришлось бы спину».

С. Андреевскій.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ВЪ

ПРУССІИ

По примѣру своего предшественника, министра Фриденшталя, нынѣшній прусскій министръ земледѣлія Люціусъ составилъ отчетъ о положеніи сельскаго хозяйства въ Пруссіи за послѣднее трехлѣтіе 1878—1880 г. Изъ него можно видѣть, что въ Пруссіи ¹⁾ 50% территоріи приходится на пашни, огороды и сады, 25%—подъ лѣсомъ вообще, луга и пастбища занимаютъ по 10%, на все прочее остается 5%. Въ первой категоріи подъ хлѣбами и картофелемъ занято 61,8 процентовъ, именно: рожь занимаетъ 25,7; овесъ—14,2; картофель—10,8; пшеница—5,8, и ячмень—5%, остальное занято кормовыми травами, промышленными растеніями или находится подъ паромъ. Урожай послѣдовательно ухудшался въ данное трехлѣтіе, такъ что 1878 г. далеко превосходилъ оба послѣдующіе. Оцѣнивать урожаи сравненіемъ съ тѣмъ, который принимается сельскими хозяевами за средній урожай ²⁾, отчетъ не признаетъ рациональнымъ, такъ

¹⁾ Недавно вышедшая книга: Das deutsche Wirthschaftsjahr, 1880. Nach den Jahresberichten der Handelskammern dargestellt von dem General-Secretariat des deutschen Handelstages—дастъ слѣдующее распредѣленіе территоріи въ Германіи: 68% (опускаемъ дробь) занято подъ сельскимъ хозяйствомъ, 25%—строевой и дровяной лѣсъ, 6%—непроизводительная земля.

²⁾ Въ Пруссіи обнаружится каждый годъ величина урожая по сравненію съ „среднимъ“, который выражается величиной 1 или 100, такъ что, напр., урожай, на 25% худшій средняго, выразится—0,75 или 75. Намъ пришлось сравнить урожай

такъ въ различныхъ мѣстностяхъ различны взгляды на то, какой урожай считать среднимъ, а потому и выводъ для всего государства на этомъ основаніи не можетъ имѣть большой цѣны. Поэтому отчетъ выражаетъ урожай 1879 и 80 гг. въ процентахъ урожая 1878 г., чтобы болѣе наглядно выразить то ухудшеніе, которое имѣло мѣсто. Принимая урожай для каждого хлѣба въ 1878 г. за 100, въ оба послѣдующіе года получаемъ для озимой ржи 76 проц., 63,6; для овса—76, 73,6; для озимой пшеницы — 81 проц, 79,3; для картофеля — 70, 68,3. Собообразно съ этимъ измѣнялись и цѣны на сельско-хозяйственные продукты тѣмъ болѣе, что неурожай двухъ послѣднихъ лѣтъ и богатый урожай 1878 г. были повсемѣстнымъ явленіемъ въ Европѣ; наоборотъ въ Соединенныхъ Штатахъ урожай все это время были превосходны и наплывъ американскаго хлѣба, будучи весьма полезенъ въ оба послѣдніе года, въ первомъ 1878 г. сблизъ цѣну на хлѣбъ до того, что въ иныхъ частяхъ страны сельскіе хозяева при продажѣ едва выручали издержки производства. Подобное же паденіе цѣнъ замѣчалось и на продукты скотоводства въ этомъ году, чему также весьма сильно способствовало быстрое развитіе этой отрасли торговли въ Соединенныхъ Штатахъ. Тогда какъ въ 1876 г. крупнаго рогатаго скота было ввезено изъ Америки всего 392 головы, въ слѣдующіе годы вновь растутъ слѣдующимъ образомъ: 11,538; 68,450; 76,117; и 154,814 въ 1880 году! Лишь цѣны на спиртъ и сахаръ въ 1878 г. были удовлетворительны. Урожай 1879 г. былъ значительно хуже въ Пруссіи, чѣмъ 1878 г., но въ другихъ государствахъ Европы онъ былъ еще хуже. «Англія не имѣла такого неурожая въ теченіе всего настоящаго столѣтія; Франція, Голландія, Бельгія и Швейцарія также имѣли полное право пожаловаться на значительно-меньшій урожай всѣхъ хлѣбовъ; неблагоприятная погода въ Италіи и Испаніи оставила урожай далеко ниже средней и значительный ввозъ хлѣбовъ оказался необходимымъ. Лучше выпалъ урожай въ Даніи и на Скандинавскомъ полуостровѣ, хотя и тамъ значительно уступалъ урожаю 1878 года. Австро-Венгрія для собственнаго потребленія вынуждена была ввезти пшеницу и рожь и могла вывезти лишь овесъ» ¹⁾. Россія не составляла исключенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ цѣны на хлѣбъ стали подниматься, и къ концу 1879 г.

съ 1846 г. и оказалось, что дѣйствительная средняя изъ данныхъ за эти 30 слѣдующихъ лѣтъ получалось не 100, но 90 съ небольшимъ.

¹⁾ Zeitschrift des preuss. stat. Bureau 1881, Preussens Handel im Jahre 1879, von Francke.

были небезвыгодны, какъ осторожно выражается отчетъ, хотя концы съ концами сельскіе хозяева могли свести и въ 1878 году. Продукты скотоводства, однако, не обнаружили еще тенденціи къ повышенію въ этомъ году; только въ слѣдующемъ 1880 г., который въ прежнее время, безъ нынѣшняго развитія путей сообщенія и международной торговли, ознаменовался бы голодомъ и моромъ, когда и Россія вынуждена была ввезти хлѣбъ, цѣны поднялись какъ на хлѣбъ, такъ и на продукты скотоводства, на спиртъ и сахаръ. Предѣлы колебаній въ цѣнахъ на хлѣбъ были для ржи 129 м. за 1000 килогр. въ февралѣ 1879 г. и 214 м. въ ноябрѣ 1880 г., для пшеницы—175 м. также въ февралѣ 1879 г. и 228 м.—въ іюнѣ 1880 г., т.-е. разница въ 85 и 53 марки. Вообще же средняя за 1879 г. для ржи—144 м., за 1880—193 м., для пшеницы—196 м. и 219 м. Для всей Германіи ¹⁾ среднія были нѣсколько выше, именно 145 и 195 м. для ржи и 207 и 228 м. для пшеницы. Особенно поднялись цѣны ржи, такъ что въ иныхъ мѣстахъ стояли выше, чѣмъ цѣны пшеницы. На основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ Reichstatistik то же явленіе замѣчалось въ нѣкоторыхъ городахъ и въ 1881 г. весной, напр., въ Бреславль, Галле и др. Въ этихъ обоихъ городахъ съ января 1881 г. до іюня цѣны ржи постоянно стояли выше цѣнъ пшеницы. Конечно, здѣсь до извѣстной степени играетъ роль качество хлѣба, однако, это не помѣшало все-таки цѣнѣ ржи во вторую половину того же года стоять ниже цѣны пшеницы. Подобно цѣнамъ на хлѣбъ поднялись цѣны и на продукты скотоводства. За 100 килогр. крупнаго рогатаго скота съ 112 м. на 118 м., телят. — 96 м. — 103 м.; баран. 105 м.—111 м.; свинина 114 м.—126 м. Отчетъ признаетъ, что Германія не въ состояніи удовлетворять своимъ потребностямъ въ хлѣбѣ однимъ своимъ внутреннимъ производствомъ, а потому нуждается въ постоянномъ подвозѣ; но изъ того, что послѣдній росъ далеко не въ такой же прогрессіи, какъ народонаселеніе и вообще потребность въ хлѣбѣ, необходимо заключить, что хлѣбопашество страны сдѣлало большіе успѣхи, тѣмъ болѣе, что едва ли можетъ быть рѣчь объ обращеніи бѣльшихъ пространствъ земли подъ земледѣліе, напротивъ, замѣтно сокращеніе хлѣбопашества въ пользу разведенія кормовыхъ травъ. Если страна не производитъ достаточно хлѣба сама, за то скотоводство развилось настолько, что

¹⁾ На основаніи Reichstatistik цѣна пшеницы достигла своего апогея въ 1880 г. въ іюнѣ, затѣмъ стала падать, но со второй половины 1881 г. стала быстро подниматься и средняя за 10 мѣсяцевъ 1881 г. даетъ для всѣхъ городовъ цѣну, вышшеу средней 1880 г.

продукты его не только покрывают потребности населенія, но и могут идти на вывозъ. Рядомъ съ этимъ замѣчаются успѣхи и въ молочномъ хозяйствѣ. Изъ промышленныхъ предпріятій, тѣсно связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ и наиболее важныхъ для него по своему развитію, необходимо указать на приготовленіе спирта и сахаровареніе. Обѣ отрасли указываютъ на постоянное развитіе, такъ что на приготовленіе спирта идетъ около 10% всего получаемого картофеля¹⁾; на свекло-сахарныхъ заводахъ въ 1863—64 г. перерабатывалось 40.000,000 центнеровъ свеклы, въ 1875—76 г.—83.250,000, въ 1878—79—92½ мил., въ 1880—81—126½ мил. Отчетъ, конечно, не могъ не коснуться перемѣны политики въ области народнаго хозяйства, но отъносится о томъ очень осторожно. Онъ указываетъ, что время, истекшее со времени введенія новаго пошлиннаго тарифа, такъ еще коротко, что невозможно судить о вліяніи пошлины на цѣны продуктовъ сельскаго хозяйства тѣмъ болѣе, что эти года представляли столько ненормальныхъ, исключительныхъ условій; во всякомъ случаѣ, однако находили, что «трудно допустить *значительное* вліяніе пошлины на цѣны въ оптовой торговлѣ, тѣмъ болѣе въ мелочной». При такомъ способѣ выраженія, очевидно, все зависитъ отъ того, какъ понимать слово «значительный». Такъ какъ пошлина въ 1 м. съ 100 килогр. хлѣба сама по себѣ можетъ быть рассматриваема какъ незначительная, то и вліяніе ея, если бы цѣна хлѣба поднялась на весь размѣръ пошлины, тоже надо будетъ признать незначительнымъ; во всякомъ случаѣ это уже значительное смягченіе взгляда, высказаннаго канцлеромъ въ своихъ мотивахъ для принятія проекта закона въ рейхстагѣ, по которому предлагавшiйся тогда пошлину вынужденъ будетъ нести иностранный производитель, а потому и нѣтъ основанія думать, что пошлина окажетъ вліяніе на цѣну. Отчетъ, однако, находить, что относительно вліянія новаго тарифа «въ одномъ отношеніи можно дать положительный отвѣтъ». Допущенная прежде полная свобода конкуренціи и, какъ необходимый результатъ ея, чрезвычайно низкія цѣны были причиною того, что сельскіе хозяева упали духомъ, боялись, отступали передъ улучшеніями, нововведеніями въ своемъ хозяйствѣ и съ безпокойствомъ смотрѣли въ будущее. «Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, которое произвела въ кругу сельскихъ хозяевъ новая покровительственная политика и обнаруженная въ ней

¹⁾ Во всей Германіи собрано картофеля въ 1878 г.—285 мил. центн., въ 1879 г.—189 м., въ 1880 г.—194 м.

заботливость о сельско-хозяйственных интересахъ». Это вернуло сельскимъ хозяевамъ бодрость, энергію, побудило ихъ снова къ дѣятельности. Ниже, на основаніи того же отчета мы увидимъ, насколько вѣрно было говорить это вообще о сельскомъ хозяйствѣ, и хозяевахъ, тогда какъ рѣчь могла идти лишь о выгодахъ крупныхъ хозяевъ, составляющихъ въ Пруссіи около трехъ десятковъ тысячъ лицъ всего-на-всего. Далѣе находимъ въ отчетѣ указаніе, что «въ весьма короткое время, по свободной инициативѣ» образовалась масса сельско-хозяйственныхъ союзовъ для всякихъ сельско-хозяйственныхъ цѣлей; сооруженіе плотинъ, дренажъ, разведеніе племенного скота, страхование скота, покупка удобренья, сѣмянъ для посѣва и проч., все переходитъ во владѣніе союзовъ, развивающихся рядомъ съ потребительными и кредитными артелями. Это быстрое развитіе союзовъ замѣчается въ мѣстностяхъ съ мелкимъ и среднимъ землевладѣніемъ. Вообще же въ сельскомъ хозяйствѣ замѣчается болѣе широкое примѣненіе машинъ. Если, на основаніи отчета, надо принять, что положеніе сельскихъ хозяевъ постепенно улучшалось въ рассматриваемое трехлѣтіе, то тотъ же отчетъ указываетъ, что обратное явленіе замѣчалось по отношенію къ рабочимъ. Періодъ спекуляцій, наступившій послѣ 1871 г., отвлекъ массу рабочихъ рукъ изъ селъ въ города; но вслѣдствіе наступившаго затѣмъ кризиса равновѣсіе между спросомъ и предложеньемъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ возстановилось уже въ концѣ предшествовавшаго трехлѣтія 1874—1877 г. Въ рассматриваемый періодъ замѣчается поворотъ къ невыгодѣ рабочихъ, но усиленіе эмиграціоннаго движенія, по словамъ отчета, направляетъ дѣло снова къ прежнему порядку. Въ 1878 г. выселеніе было умѣренно, между тѣмъ доходность сельскаго хозяйства упала и заставила приостановить или вовсе отказаться отъ различныхъ улучшеній, построекъ и вообще различныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ, дававшихъ занятіе свободнымъ рукамъ. Результатомъ этого было изобильное предложеніе рукъ мужскихъ рабочихъ почти вездѣ (исключая Вост. Пруссіи), такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для нихъ уже не находилось работы (Шлезвигъ-Гольштейнъ, Нассау, Бранденбургъ). На женскій трудъ спросъ превосходилъ предложеніе, такъ какъ женщины предпочли городскую работу и не вернулись въ села. «Въ общемъ, положеніе рабочихъ было благоприятно, такъ какъ несообразно высокія цѣны прежняго времени падали лишь постепенно». У поденщиковъ заработная плата въ иныхъ мѣстностяхъ уже въ этомъ году упала до нормы 1860 годовъ; нанимавшіеся по контракту были въ болѣе выгодныхъ условіяхъ,

такъ какъ у нихъ главную составную часть жалованья составляли жилище и часть, выплачиваемая натурой. Далѣе, отчетъ указывать дѣйствіе достаточнаго предложенія въ хорошемъ ходѣ работъ, въ уменьшеніи нарушеній контрактовъ, что сдѣлало отношенія рабочихъ и работодателей «болѣе дружественными», и въ оживившейся склонности послѣднихъ въ сберегательнымъ кассамъ, преміямъ и пр. Кажется, правильнѣе было бы, чтобы «дружественность отношеній» проявилась отсутствіемъ нарушеній контракта, а не заключать наоборотъ, когда здѣсь только-что указана дѣйствительная причина ненарушеній контрактовъ—невозможность сыскать заработка. Именно это обстоятельство и было причиной развитія бродяжничества, главный контингентъ въ которомъ составляли прежніе сельскіе рабочіе, не нашедшіе занятія въ промышленности. Особенно сильны жалобы на размноженіе бродягъ въ Шлезвига.

«1879 г.,—по словамъ отчета,—при возрастающемъ предложеніи рабочихъ рухъ былъ выгоденъ для работодателей». «Заработная плата для свободныхъ, какъ и контрактныхъ рабочихъ упала еще ниже; но первые даже за такую, упавшую плату, часто не могли найти занятія въ зимнее время». Многіе сельскіе хозяева въ Кассельскомъ округѣ нашли выгоднымъ вернуться въ мольбѣ при помощи рухъ вмѣсто машинъ. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ начинается сильно развиваться эмиграціонное движеніе, которое въ 1880 г. достигло еще высшей степени, «и сталъ ощущаться недостатокъ въ рабочихъ». Такъ въ окрестностяхъ Бромберга сообщается, что тамъ померзло много картофеля отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, а между тѣмъ на многихъ помѣстьяхъ $\frac{5}{6}$ рабочихъ заявили свой отказъ къ веснѣ 1881 г. Стали появляться нарушенія контрактовъ. Рабочая плата въ 1880 г. поднялась только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а въ другихъ еще нѣсколько упала. Какъ видимъ, о «дружественности отношеній между рабочими и хозяевами» уже нѣтъ больше и рѣчи; повидимому, со стороны послѣднихъ даже заявлялось желаніе стѣснить выселеніе правительственными мѣрами; по крайней мѣрѣ въ отчетѣ заявляется, что едвали можно было бы ожидать благопріятныхъ результатовъ отъ мѣръ противъ выселенія. Размѣръ заработной платы дается отчетомъ по разнымъ провинціямъ и не въ одинаковой формѣ,—то различается зимой и лѣтомъ, то нѣтъ; то подневная плата мужчинъ и женщинъ, то лишь погодная, такъ что въ общемъ можно сказать приблизительно такъ. Въ 1878 году на хозяйскихъ харчахъ мужчина получалъ лѣтомъ 0,9 м.—1,4—2 м.,

зимой до 1,5 м.; женщина—0,6—0,9 м. Въ 1879 году въ Шлезвигѣ въ февралѣ на хозяйскихъ харчахъ—0,5—0,8 м.; въ июлѣ высшій размѣръ—1,8 м.; въ ноябрѣ мужчина—0,45—0,60—0,80 м.; женщина—0,35—0,50—0,60 м. Для 1880 г. данныхъ очень мало: для провинціи Саксоніи мужчина—1—1,5 м.; «сильныя женщины»—0,8 м.; но въ среднемъ ли за весь годъ или лѣтомъ—указаній не имѣется. Очевидно, что положеніе рабочихъ было не особенно сносно, но и не однихъ только рабочихъ, а также и многихъ мелкихъ и среднихъ поземельныхъ собственниковъ и арендаторовъ. Вслѣдствіе этого эмиграционное движеніе изъ Германіи, которое послѣ 1873 г. увлекало ежегодно около 20 тысячъ съ небольшимъ, въ 1878 г. дало 24,217; въ 1879 г. это число поднимается до 33,327; наконецъ, въ 1880 г. родину покидаютъ 106,190 нѣмцевъ—число даже высшее, чѣмъ въ 1873 г., такъ что на 1,000 жителей въ Германіи эмигрировавшихъ приходится—2,3, въ Пруссіи—2,5 чел. Болѣе подробныя данныя указываютъ, что въ числѣ эмигрировавшихъ было 63,403 мужчинъ и 42,235 женщинъ, притомъ 45,166 лицъ ниже 20-ти-лѣтняго возраста, 49,781 л.—отъ 20—40 л., остальные выше 40 л. Въ Пруссіи наибольшій процентъ падаетъ на земледѣльческія провинціи, именно на 1,000 жителей эмигрировавшіе составляли въ Зап. Пруссіи—8,5 чел.; въ Помераніи—6,5 чел.; въ Познани—5,9 чел.; въ Шлезвигѣ—5,7 чел.; въ Ганноверѣ—3,4 чел.; въ Гессенѣ-Нассау—2,6 чел. Можно бы думать, что особенно сильно эмигрировали сельскіе рабочіе; но этого мало: на земледѣльческія провинціи приходится такой большой процентъ еще потому, что, какъ сообщаютъ сельско-хозяйственные союзы и имперскіе комиссары, сильно выселяются мелкие и средніе поземельные собственники и арендаторы. Отсюда можно видѣть, что ни высокія цѣны, ни новое направленіе политики въ области народнаго хозяйства, которое, по словамъ отчета, вернуло бодрость сельскимъ хозяевамъ и явилось выраженіемъ заботливости правительства о сельско-хозяйственныхъ интересахъ, не оказались достаточно заманчивыми, чтобъ удержать отъ выселенія.

Для того, чтобъ ясно понять, насколько сельское хозяйство вообще и въ частности крестьянство—мелкіе поземельные собственники—о которомъ такъ краснорѣчиво заботились благородные члены общества *der Steuer-und Wirthschafts-Reformen* (вліяніе послѣдняго союза на имперскаго канцлера извѣстно), могло получить выгоду отъ новаго направленія политики канцлера, надо взглянуть на то распредѣленіе поземельной собственности, кото-

рое находится въ Пруссіи ¹⁾. Кадастровыя данныя нѣсколько устарѣли, конечно, но общая картина едва ли могла намѣниться значительно.

Величина участковъ.	Число собственниковъ.	Площадь.
До 5 моргеновъ	1,099,161	2,228,000
Отъ 5—30 >	617,374	8,427,000
> 30—300 >	891,586	35,915,000
> 300—600 >	15,076	6,047,000
Выше 600 >	18,289	40,922,000
	2,141,486	93,589,000

Само собою разумѣется, что при покровительствѣ отъ высокихъ цѣнъ получаютъ выгоду лишь тѣ сельскіе хозяева, которые могутъ продавать хлѣбъ; наоборотъ всѣ тѣ, которые должны покупать хлѣбъ, вынуждены при покровительствѣ сельскому хозяйству (если только оно дѣйствительно имѣетъ мѣсто) платить за хлѣбъ больше, чѣмъ было бы надо при полной свободѣ хлѣбной торговли. Взглянемъ на приведенную таблицу. Очевидно, что весь первый классъ долженъ покупать для себя хлѣбъ, а также и второй, хотя отчасти можетъ покрывать свои домашнія потребности въ хлѣбѣ собственнымъ производствомъ, тогда какъ первый имѣетъ лишь свои овощи. Третій классъ обнимаетъ слишкомъ различными по величинѣ участковъ группы, но несомнѣнно, что наиболѣе многочисленны—низшія, а потому значительную долю этого класса можно отнести ко второму, и во всякомъ случаѣ весьма немногo найдется въ этой группѣ такихъ, которые могли бы, за покрытіемъ собственныхъ потребностей въ хлѣбѣ, продать сколько-нибудь значительныя количества. Если принять въ соображеніе, что нѣмцы изъ крупныхъ собственниковъ занимаются преимущественно скотоводствомъ, что нѣмцы помѣстья сдаются по частямъ въ аренду, гдѣ опять-таки арендатору было бы все равно, что стоитъ хлѣбъ, который онъ ѣстъ съ своей семьей, еслибы собственникъ не повышалъ арендной платы при повышеніи цѣнъ хлѣба; если же плата повышается, то арендаторъ несетъ налогъ въ пользу собственника.

На основаніи всего этого, едва ли будетъ ошибочно принять, что выгоду отъ покровительственныхъ пошлинъ на сельско-хозяйственные продукты получаютъ около 30 тысячъ собственниковъ, имѣющихъ болѣе 300 моргеновъ земли каждый; низшіе же классы собственниковъ и арендаторы ничего не выигрываютъ, а скорѣе теряютъ, поскольку имъ приходится прикупать хлѣба

¹⁾ Preussische Statistik. 1861. стр. 21.

для домашняго потребленія, или поскольку возвышеніе цѣнъ хлѣба отзывается повышеніемъ арендныхъ платъ. Отчетъ, указавъ на непомерно-сильное увеличеніе эмиграціи, останавливается на вопросѣ, въ чемъ должно искать причину этого движенія и говорить, что «хозяйственная политика, особливо возвышеніе входныхъ пошлинъ, только тогда могла бы стать отвѣтственной за возрастаніе эмиграціи, когда бы она повела къ ухудшенію хозяйственнаго положенія, чего однако очевидно нѣтъ. Простая нелюбовь къ покровительственному тарифу едва ли кого-нибудь побудитъ покинуть родину, и всего менѣе — переселиться въ сѣверную Америку». Причину должно искать не въ неблагопріятныхъ условіяхъ Германіи, но въ привлекательности условій жизни въ Америкѣ; но вслѣдъ затѣмъ отчетъ прибавляетъ: «Рядомъ съ этими обстоятельствами, безъ сомнѣнія, способными усилить склонность къ эмиграціи, являются повторяющіеся дурные урожан, боязнь войны и тягость имущественныхъ и личныхъ повинностей въ отношеніи къ государству и общинѣ». Последнее совершенно вѣрно, но вѣдь тѣ же повинности были и въ предшествовавшіе годы, однако, онѣ не вызывали эмиграціи болѣе 100 тысячъ жителей; привлекательность Америки также не измѣнилась за одинъ годъ такъ, чтобъ учетверить число выселившихся съ 1878 къ 1880 г. Дурной урожай послѣдняго года, благодаря весьма высокимъ цѣнамъ, все-таки, по словамъ отчета, обезпечивалъ хорошій барышъ «сельскимъ хозяевамъ», особенно при столь изобильномъ предложеніи рукъ и притомъ по такой низкой заработной платѣ, что ручная работа обходилась дешевле машинной; во всему этому прибавивъ то выраженіе заботливости правительства о «сельско-хозяйственныхъ интересахъ», которое отчетъ видитъ въ покровительственныхъ пошлинахъ, кажется, надо бы ожидать, что «сельскіе хозяева» и не подумаютъ объ эмиграціи, — а между тѣмъ мелкіе и средніе сильно выселяются! Очевидно, что послѣдніе не принимали участія въ выгодахъ, даже больше — ихъ положеніе ухудшилось, такъ какъ иначе они не выселялись бы, а изъ всего этого слѣдуетъ, что къ словамъ «сельскіе хозяева» надо прибавить — «крупные», къ «заботливости о сельско-хозяйственныхъ интересахъ» — «крупныхъ землевладѣльцевъ», и тогда вышеприведенное разсужденіе отчета получаетъ совсѣмъ другой смыслъ. Привлекательность Америки возрасла относительно, а не абсолютно, потому что ухудшилось положеніе мелкихъ собственниковъ и рабочихъ въ Германіи. Отчетъ находитъ, что новое направленіе политики въ области народнаго хозяйства лишь тогда могло бы быть сдѣлано отвѣтственнымъ за усиленіе эмиграціи,

если бы оно повело за собой ухудшение экономического положения населения, «чего, очевидно, нѣтъ». Но какого же болѣе очевиднаго доказательства ухудшения экономическихъ условий въ Германіи можно желать, какъ возрастаніе числа эмигрантовъ съ 24 тысячъ на 106 тыс. Намъ, конечно, кажется невѣрнымъ приписывать это ухудшеніе всецѣло намѣненію политики: здѣсь главную роль играетъ громадное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, особенно въ послѣдніе годы, вслѣдствіе неурожаевъ; но что новый пошленный тарифъ оказалъ свою долю вліянія въ томъ же направленіи, не можетъ подлежать сомнѣнію. Очевидно также, что ту «бодрость духа», о которой говорилось въ отчетѣ выше, новое направленіе политики, если и вернуло, то вернуло опять-таки только крупнымъ поземельнымъ собственникамъ, обложивъ налогомъ въ ихъ пользу преимущественно бѣднѣйшіе классы населенія, потребляющіе наиболѣе хлѣба. Если прибавить къ этому паденіе заработной платы, то понятно будетъ, почему эмигрировали лучшіе рабочіе. Отчетъ указываетъ, что «выселившіеся рабочіе были преимущественно постоянные рабочіе (не поденщики) и притомъ такіе, которые находились въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ и успѣли уже сдѣлать кое-какія сбереженія». Такимъ образомъ оказывается, что средній по зажиточности классъ выселяется изъ Пруссіи, оставляя поле дѣйствія двумъ крайнимъ. Нечего говорить, насколько опасно подобное явленіе, если оно продолжится, тѣмъ болѣе, если сдѣлается постояннымъ. Уже въ прежнее время, за періодъ 1852—1873 г., въ Пруссіи можно было замѣтить тенденцію крупныхъ доходовъ расти въ числѣ ихъ обладателей несравненно быстрѣе мелкихъ, а именно, число обложенныхъ класснымъ налогомъ, т.-е. съ доходомъ отъ 420 м. до 3300 м. росло въ процентахъ рядомъ съ числомъ обложенныхъ подоходнымъ налогомъ, т.-е. выше 3300 м., слѣдующимъ образомъ ¹⁾:

	Съ 1852 до 1855 г.	1855 до 1860 г.	1860 до 1865 г.	1865 до 1870 г.	1870 до 1873 г.
I группа . . .	4,4%	6,2%	7,2%	5%	0,6%
II группа . . .	15,0%	22,7%	22,2%	32,2%	32,2%

Тогда какъ первая группа въ 20 лѣтъ возрасла какъ 100:124, вторая—какъ 100:225,7. Если теперь къ этому присоединится эмиграція болѣе зажиточныхъ и хорошихъ рабочихъ съ одной стороны, мелкихъ и среднихъ поземельныхъ собственни-

¹⁾ Endel. Die Klassensteuer und klassificirte Einkommensteuer. Zeitschrift des preuss. statist. Bureau, 1875.

вовъ съ другой, то вышенамѣченное-направленіе въ накопленіи пойдетъ еще быстрѣе и отношеніе крайнихъ классовъ общества легко можетъ принять острый характеръ. Отчетъ высказывается въ томъ духѣ, что отъ репрессивныхъ мѣръ едва ли можно ожидать благопріятныхъ результатовъ; что скорѣе для того, чтобы удержать отъ усиленія эмиграціи способныхъ, хорошихъ работниковъ, надо признать лучшимъ средствомъ такіа реформы въ области народнаго хозяйства, которыя укрѣпили бы въ населеніи связь съ родиной, хотя, съ другой стороны, кажется умѣстнымъ, чтобы правительство приняло мѣры противъ агентовъ, подговаривающихъ населеніе къ эмиграціи исключительно изъ корыстолюбивыхъ цѣлей.

Общее заключеніе, къ которому можно придти—это, что, если въ техническомъ отношеніи въ сельскомъ хозяйствѣ вообще не замѣтно упадка, а стоящіа въ связи съ нимъ промышленныя предпріятія указываютъ на несомнѣнное и быстрое развитіе, то съ соціальной точки зрѣнія положеніе сельскаго населенія вообще представляется весьма неблагопріятнымъ. Положеніе громаднаго большинства поземельныхъ собственниковъ ухудшилось, причѣмъ исключеніе представляютъ лишь крупныя. Арендная плата постоянно и быстро увеличивается, опять къ выгодѣ крупныхъ собственниковъ, тогда какъ положеніе арендаторовъ можетъ быть названо критическимъ. Въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи арендная плата увеличивалась въ слѣдующей прогрессіи ¹⁾:

Принявъ величину ея за 100 въ 1849 г., получаемъ:

1849 г.	1859 г.	1869 г.	1879 г.
100	145,44	190	256,30

Положеніе сельскихъ рабочихъ достаточно ярко рисуется самимъ отчетомъ, чтобы надо было еще прибавлять что-нибудь. Въ общемъ картина выходитъ довольно мрачная и не предвѣщающая ничего хорошаго, если условія не измѣнятся подъ вліяніемъ серьезныхъ соціальныхъ реформъ со стороны правительства.

П. Г-скій.

¹⁾ Conrad. Ueber Getreidezölle. Jahrb. für die Nat.-Oekonomie und Statistik. 1880, I.

ПОЭТЪ И ЖИЗНЬ

РАЗСКАЗЪ БОЛЕСЛАВА ПРУСА.

Съ польскаго.

...Я хочу написать драматическую исторію человѣка, который, будучи созданъ поэтомъ, сдѣлался писцомъ.

Если въ этомъ кто-нибудь найдетъ слишкомъ много горечи, пусть обвиняетъ не меня, а общественный порядокъ и природу, которая, давъ мнѣ такую душу, какую я имѣю, сдѣлала меня тѣмъ, чѣмъ я есть. Но—пойдемъ дальше...

Моя покойная мать знала кузину Юлія Словацкаго, а покойный отецъ часто бывалъ въ домѣ, гдѣ родился Фредерикъ Шопенъ. По этой причинѣ я получилъ имена Фредерикъ-Юлій. Отецъ называлъ меня Фредерикомъ и твердилъ, что у меня музыкальный талантъ; мама называла только Юліемъ и была увѣрена, что я сдѣлаюсь поэтомъ. Такое несогласіе во взглядахъ часто доводило родителей до ссоръ. Однако, ихъ обыкновенно мирила жившая у насъ въ домѣ тетя Фемта, завѣрявшая противныя стороны, что я обладаю одинаково большими способностями, какъ въ музыкѣ, такъ и въ поэзіи. Когда мнѣ было пять лѣтъ, она первая начала учить меня играть на фортепьяно. Такъ какъ руки мои были слишкомъ малы, то я игралъ сначала однимъ пальцемъ мелодію «влѣзь котъ на заборъ». Скоро тетя убѣдилась, что для того, чтобы направить мои способности, недостаточно ея музыкальныхъ познаній, потому что я хотѣлъ наконецъ играть всѣми пальцами, но никакъ не могъ взять рукой октаву. Въ этомъ случаѣ природа въ первый разъ обошлась со мной, какъ мачиха.

Когда мнѣ было шесть лѣтъ, мнѣ взяли учителя музыки, который отличался большимъ талантомъ, но немного пилъ. Черезъ три мѣсяца послѣ того явился другой учитель, человѣкъ порывистый и грубый, который, когда въ залѣ не было свидѣтелей, такъ тянулъ меня за уши, что они до сихъ поръ у меня торчатъ.

Когда мнѣ исполнилось семь лѣтъ, умеръ отецъ. Тогда мама и ея сторонники сказали, что у меня нѣтъ ни способностей къ музыкѣ, ни даже слуха, и мое артистическое воспитаніе остановилось на полкѣ *tremblante*.

Можетъ быть, и лучше, что я не совершенствовался больше въ музыкѣ, потому что вѣроятно и въ ней былъ бы такимъ же мученикомъ, какъ въ поэзіи.

У меня слишкомъ самостоятельный и, такъ сказать, революціонный духъ—въ границахъ законности. А на сколько я знаю музыку, мнѣ кажется, что искусство это требуетъ глубокихъ реформъ.

До двѣнадцатаго года я находился подъ соединеннымъ вліяніемъ мамы и тети. Тетя Фемта, старшая изъ нихъ, каждый день открывала во мнѣ новыя способности; мама — развивала мой поэтическій талантъ.

Въ эту эпоху я жилъ только поэзіей. На каждый часъ дня мама находила въ сборникѣ лучшихъ поэтовъ подходящіе стихи и учила меня говорить ихъ наизусть. Сама она дошла до того, что за мѣсяцъ до смерти начала говорить стихами. Мнѣ, однако, не много осталось отъ этого воспитанія. Когда мама читала что-нибудь при мнѣ, мысль моя была занята самостоятельнымъ творчествомъ, и по этой причинѣ большая часть ея работы пропала безъ результатовъ.

Съ дѣтства осталось мнѣ одно цѣнное приобрѣтеніе. Каждый вечеръ, когда я былъ въ постели, мама читала мнѣ одни стихи Словацкаго, подъ которые я засыпалъ. Теперь каждый разъ, какъ избытокъ поэтическаго вдохновенія гонитъ сонъ отъ моихъ глазъ, я ложусь въ постель и говорю въ полголоса.

«Сколько разъ тебя я зvonю лютн
Пробуждаю отъ сна и усыпалъ,
Ты-жъ, тоской волнуемая смутной,
Все иной искала идеалъ...»

Никогда еще не было случая, чтобы я не заснулъ, повторивъ эту строфу два или не болѣе чѣмъ три раза.

Такъ какъ элементарное обученіе буквамъ, какъ чисто механическое, оказалось вреднымъ для моихъ способностей, мама

учил меня буквамъ по поэтическимъ произведеніямъ. Но и эта система не отвѣчала моему характеру.

Когда показывали букву, я спрашивалъ о словѣ; когда объясняли слово, я думалъ о фразѣ; объясняли фразу, я забывалъ букву.

Только въ девять лѣтъ удалось мнѣ настолько овладѣть воображеніемъ, чтобы, смотря на слово *плотъ*, не говорить *плотъ*.

За то на искусствѣ письма мама не особенно настаивала, думая, что, когда я сдѣлаюсь великимъ поэтомъ, я могу нанять секретаря, знакомаго съ ремесломъ облеканія мысли въ матеріальную форму.

По смерти мамы (мнѣ было тогда 12 лѣтъ) главной моей опекуницей сдѣлалась тетя Фемтя, которой дали еще въ видѣ помѣщенія дальняго родственника. Опекунь, главное, заботился о томъ, какъ бы хорошо помѣстить капиталъ, всего 50,000 злотыхъ. Когда же онъ справился съ этимъ, то началъ вмѣшиваться въ мое воспитаніе.

Помню бурную сцену, которая произошла между имъ и теткой по причинѣ его грубости и дикихъ взглядовъ.

Былъ вечеръ. Я уже лежалъ въ постелѣ, а въ другой комнатѣ опекунь совѣтовался съ тетей Фемтей. Такъ какъ я пригрозился, что сплю, разговоръ, въ началѣ тихій, сдѣлался громкимъ.

— Ну, сударыня, — говорилъ опекунь, — мы должны, наконецъ, подумать о будущемъ мальчика.

— Мы думали о немъ съ минуты его появленія на свѣтъ, — отвѣтила тетка съ важностью.

— Что это за думанье! — воскликнулъ опекунь. — Вы воспитали его по бабь...

— Вы забываетесь, сударь, — прервала его тетка.

— Совсѣмъ нѣтъ, это вы забываетесь... Мальчикъ ничего не знаетъ, голову ему вскружили, а вамъ кажется, что онъ будетъ поэтомъ... Отчего поэтомъ? Вѣдь ни его родители, ни даже дѣды не выказывали ни малѣйшаго поэтического вдохновенія...

— Развѣ вы не вѣрите въ силу глаза? — спросила разсерженная тетка.

— Какого глаза?.. На что и кому было смотрѣть? — сказалъ опекунь.

— А Словацкій?..

— Какой Словацкій?.. Что покойница знала его кузину, такъ мальчикъ долженъ быть похожъ на Словацкаго?.. Всѣ, у кого есть капля разсудка, знаютъ одно: что этотъ будущій ге-

нѣй теперь глушь какъ ножа у стола...—Онъ не вонтилъ: съ теткой сдѣлались спазмы, и она велѣла ему тогчасъ-же выйти. Полгода спустя, у меня былъ другой опекунъ, который не только соглашался съ системой моего воспитанія, но даже позволялъ брать деньги изъ капитала, процентовъ съ котораго не доставало для нашей жизни.

Но подъ давленіемъ мнѣнія окружающихъ, тети все-таки отдала меня въ частный пансіонъ. Я былъ тамъ до восемнадцатаго года и вышелъ изъ пятого класса, кажется съ аттестатомъ. Учителя были довольно снисходительны ко мнѣ, но товарищи надобдали. Видно, они были сдѣланы изъ того же матеріала, какъ мой первый опекунъ, потому что давали мнѣ такія же, какъ онъ, названія и прозвища.

По выходѣ изъ пансіона, я изучалъ нѣкоторое время легкую литературу и эстетику, но потомъ забросилъ эту трудную работу. Одинъ человекъ, глубже смотрѣвшій на міръ, сказалъ мнѣ, что для творческаго духа нужны не эстетическія познанія, а живыя впечатлѣнія, не наука, а чувства. Видѣть, слышать, осязать, любить, ненавидѣть, удивляться, испытывать страсти, словомъ имѣть опытъ—вотъ первыя средства для того, чтобы поэтъ могъ возвышать умы и зажигать сердца. Эти взгляды, вполне согласные съ природою моего таланта, я сообщилъ тетѣ, сколько могу припомнить, въ день, когда эта почтенная, но не лишенная предразсудковъ, женщина не хотѣла заплатить небольшого долга, который я затянулъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Знаю, что при этомъ случаѣ между нами произошелъ споръ.

Тетя спрашивала меня, зачѣмъ я истратилъ 300 или 400 рублей; я отвѣчалъ, что или долженъ броситься въ водоворотъ жизни, или погубить талантъ. Тетя съ силой убѣждала меня вести себя хорошо и не затягивать долговъ; я твердилъ, что долги буду дѣлать до тѣхъ поръ, пока не получу достаточнаго денежнаго вознагражденія. Наконецъ, утомленный упорствомъ тети, я сказалъ, что съ отчаянія запишусь въ полкъ. Тогда она уступила.

Когда мнѣ было девятнадцать лѣтъ, мнѣ пришла на мысль поэма подъ названіемъ «Неронъ».

Въ этой эпопее я хотѣлъ представить развратъ Цезаря, страданія мучениковъ и пожаръ Рима. Такъ какъ я чувствовалъ, что мнѣ недостаетъ соотвѣствующихъ впечатлѣній, то и рѣшился отправиться въ путь. Мы съ тетей были мѣсяцъ въ Римѣ, откуда переѣхали на полгода въ Парижъ. Я имѣлъ также намѣреніе поѣхать на болѣе продолжительное время въ Тулонъ, чтобы тамъ,

смотря на страданія осужденныхъ на галеры, почерпнуть материалы для описанія мучениковъ. Къ несчастью, намъ не прислали денегъ съ родины, и мы должны были вернуться въ Варшаву.

Тамъ я заболѣлъ, и доктора предписали мнѣ долгое отдохновеніе, по крайней мѣрѣ, отъ круговорота жизни.

Случай этотъ былъ ударомъ для поэмы «Неронъ», въ которой я возвращался еще нѣсколько разъ, но всегда съ неожиданными результатами. Однако, эта работа, если бы я окончилъ ее, сдѣлала бы переворотъ въ поэзіи.

Чтобы дать понятіе о силѣ языка и оригинальности образовъ, расскажу одинъ случай.

Возвратившись въ Варшаву, мы наняли половину квартиры въ одномъ семействѣ. Насъ отдѣляла дверь столовой, запертая на ключъ.

Когда я вставалъ съ постели, моимъ любимымъ занятіемъ было пойти въ нашу столовую и тамъ, усявшись въ кресло у запертой двери, читать вслухъ первую главу своей поэмы, подъ названіемъ «Оргія», которую я поправлялъ по мѣрѣ нужды. Судьба устроила такъ, что у сосѣдей были двѣ дочери, одна пятнадцати, другая шестнадцати лѣтъ, и онѣ по цѣлымъ днямъ слушали мое твореніе. Тишина въ комнатахъ барышень и ихъ постоянное сидѣніе у дверей привлекло вниманіе родителей. Старшіе обскуранты выслали однажды дочерей въ дальнія комнаты, притаились у дверей и подслушали, что я читаю.

Трудно представить себѣ удивленіе тети, когда черезъ нѣсколько минутъ по окончаніи декламации въ нашу комнату вошелъ отецъ барышень и въ словахъ, которыхъ я здѣсь не повторю, отказалъ намъ въ квартирѣ. Подъ конецъ онъ прибавилъ, что если бы ему не было стыдно свидѣтельствовать въ такомъ грязномъ дѣлѣ, то онъ притянулъ бы меня къ суду не только за то, что я читаю вслухъ, но и за то даже, что я держу въ домѣ такіа безобразныя гнусности.

— Но, милостивый государь,—уговаривалъ я безумца:—это совсѣмъ не гнусности, а начало моей поэмы «Неронъ».

— Такъ вы сами писали эти вирши?—спросилъ дикарь.

— Я самъ, честное слово...

— Въ такомъ случаѣ,—прервалъ меня отставшій отъ вѣка старикъ:—счастливъ вашъ отецъ, что его нѣтъ въ живыхъ, а не то онъ навѣрно съ отчаянія пустилъ бы пулю въ лобъ себѣ, а, можетъ быть, и вамъ!

Черезъ недѣлю мы должны были выѣхать, преслѣдуемые

безчеловѣчнымъ сосѣдомъ, хозяиномъ дома и даже околоточеннымъ надвирателемъ. Тетя была очень опечалена и потерей квартиры и, какъ она говорила, «непринчїемъ» поэмы; но я нашелъ счастье въ этомъ океанѣ горечи, убѣдившись, что написалъ вещь, отличающуюся силой и оригинальностью.

Черезъ нѣсколько мѣсцевъ, по окончаніи главы «Оргія» и по окончательномъ выздоровленіи, я снова началъ думать о «Неронѣ». Я искалъ матеріаловъ для главы «Пожаръ».

Вспомнивъ правило, что поэтъ долженъ усливать дѣйствительность, я рѣшилъ искать маленькихъ пожаровъ и изъ единичныхъ случаевъ создать большую картину. Судьба мнѣ благопрїятствовала. Однажды вечеромъ я увидѣлъ изъ нашихъ оконъ зарево. Я сбросилъ халатъ, одѣлся и, выбѣжавъ на улицу, сѣлъ на дрожки, которые въ двѣ минуты привезли меня на мѣсто.

Я попалъ отлично, потому что горѣло нѣсколько деревянныхъ построекъ на довольно тѣсномъ пространствѣ. Я услышалъ трескъ горящаго дерева, стоны погорѣльцевъ, крики народа. Я продрагся севозъ толпу и задыхающійся, съ горящими глазами, сталъ такъ близко, что чувствовалъ жаръ огня и запахъ дыма. Я вынулъ свою записную книжку и при красномъ свѣтѣ пожара началъ записывать впечатлѣнія. Вдругъ чья-то неумытая рука вырвала у меня книжку. Кто-то схватилъ меня за воротъ и прежде чѣмъ я успѣлъ протестовать, поставилъ меня передъ насосомъ.

— Влѣзь сюда, дуракъ, такъ качай воду!—закричалъ мнѣ въ ухо какой-то грубіанъ.

Такъ какъ слова его сопровождалъ всеобщій смѣхъ, то я, боясь скандала, ваялся за ручку насоса. Было бы излишне прибавлять, что я совсѣмъ не качалъ воду. Кромѣ того, я былъ такъ возбужденъ, что весь запасъ вдохновенія исчезъ. Впечатлѣнія пропали тѣмъ болѣе, что я не могъ отыскать потерянной книжки. Я вернулся домой измученный, залитый водой, выпачканный, а главное—разсерженный.

Слѣдующій день я пролежалъ въ постели, и съ этого времени морозъ подираетъ меня по кожѣ каждый разъ, какъ я увижу пожаръ.

Мой «Неронъ» остался прерваннымъ на пѣснѣ «Оргія», матеріалы для которой я собиралъ въ Парижѣ, гдѣ никакая грубая рука не прерывала потока моихъ мыслей. Несчастный край, гдѣ выше цѣнится качаніе воды изъ насоса, чѣмъ вдохновеніе!..

Я отложилъ продолженіе «Нерона» до позднѣйшихъ временъ,

когда случай позволить мнѣ насытиться впечатлѣніями пожара и мученичества, и черезъ полгода мнѣ пришло въ голову написать гораздо меньшую поэму, подъ названіемъ: «Битва». Я неоднократно видѣлъ людей, которые дрались въ трактирахъ и на улицахъ. У меня есть даже довольно много замѣтокъ, касающихся изорванной одежды, растрепанныхъ волосъ, гнѣющихся устъ, горящихъ глазъ, сѣвившихся тѣлъ противниковъ, проклятій, хрипѣвъ и стоновъ. На этомъ фундаментѣ и на силѣ правила, что поэтъ можетъ усиливать дѣйствительность, я могъ основать описание древней битвы, гдѣ бы играли роль мечи, копья и мускульная сила. Но меня болѣе привлекала новѣйшая битва, въ которой больше разнообразнаго и грознаго. И такъ для пополненія недостающихъ впечатлѣній я рѣшилъ изслѣдовать маневры съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Съ этой цѣлью я ходилъ на поля, гдѣ стрѣляютъ изъ пушекъ, изучалъ маневры пѣхоты и кавалеріи и наконецъ рѣшился на смѣлый планъ. Я хотѣлъ услышать свистъ пуль надъ собственной головой и испытать то чувство, которое бываетъ у солдатъ, стоящихъ подъ огнемъ.

Однажды утромъ, незамѣченный никѣмъ, я спрятался за валъ, передъ которымъ стоятъ щиты. Какъ только легъ на землю, я услышалъ отголоски трубъ и шумъ шаговъ. Тотчасъ же мнѣ блеснула другая идея, и я спросилъ себя, не будетъ ли проектъ мой рискованнымъ и не лучше ли было бы взять на нѣсколько десятковъ шаговъ въ сторону. Я даже хотѣлъ попытаться, но мнѣ пришло въ голову, что какъ разъ въ эту минуту могутъ начать стрѣльбу и что, попытавшись, я могу подвергнуться еще болѣе опасости. Не скажу, чтобы я чувствовалъ страхъ, но вслѣдствіе, однако, согласится, что положеніе мое было трудное...

Я припомнилъ, что пули дальнобойнаго оружія могутъ пробить валъ, но съ другой стороны страхъ встрѣтиться съ пулями, а главное, чувство чести не позволяли мнѣ бѣжать. Въ эту минуту я едва не упрекалъ себя за геройскій замыселъ. Мнѣ казалось, что я уже вижу себя пробитаго пулями, облитаго кровью, и слышу отчаянный вопль тети Фемти, умирающей у моего трупца!..

Я вспомнилъ, что не имѣю права подвергать себя такой опасности и что отечественная литература ждетъ отъ меня другихъ жертвъ.

При мысли объ обязанностяхъ касательно литературы я началъ кричать не помню что; но вдругъ замѣтилъ, что мой голосъ пропадаетъ за шумомъ сигналовъ.

Тогда мною овладѣло бѣшенство. Я принякъ къ землѣ и

появился, что разъ навсегда разорву съ неблагодарной эпопеей и примусь за лирику, если спасу свою жизнь. Мои крики все-таки не были напрасны. Меня услышала какая-то женщина, пасшая неподалеку коровъ, и прибѣжала, думая, что я падаю въ обморокъ.

Пробужденный отъ глубокаго раздумья, я узналъ отъ нея, что въ этотъ день не будетъ стрѣльбы въ цѣль и что на плацу происходитъ обычное ученье пѣхоты. Тогда (о, дивный капризъ поэтической фантазій!), какъ только я вышелъ изъ-за вала, я началъ жалѣть, что не стрѣляли, и что меня миновали богатыя впечатлѣнія. Между тѣмъ, вѣрный клятвѣ, я отказался отъ эпопеи, и чтобы не нарушить слова, я избѣгаю съ этихъ поръ не только площадей, гдѣ стрѣляютъ въ цѣль, но даже вида огнестрѣльнаго оружія.

Такимъ образомъ я обратился къ лирикѣ. Смерть, пожары, борьба уже болѣе не существуютъ для меня, за то я съ удвоеннымъ рвеніемъ ищу прекрасной природы и чистой любви.

Въ это время судьба, которая поставила цѣлью заглушить мое вдохновеніе матеріальными заботами,—судьба, говорю я, послала на насъ цѣлую свѣту несчастій. Я былъ совершеннолѣтній; духъ мой рвался, но въ то же время отъ моего состоянія осталось меньше двухъ тысячъ... Люди, которые имѣютъ обыкновеніе отворачиваться отъ несчастій, прервали съ нами сношенія. Чтобы выставить какой-нибудь поводъ къ этому они начали осыпать меня упреками. Говорили, что человѣку въ мои годы стыдно ничего не дѣлать, что я потратилъ состояніе на удовлетвореніе болѣзненныхъ страстишекъ, которыя толкали меня на непристойныя дѣла, осуждали мой образъ жизни, дѣйствительно нѣсколько эксцентричный, и предсказывали, что я пропаду. Ихъ злоба не щадила также тети Фемти, на которую складывали отвѣтственность за мое будто бы дурное воспитаніе. Отъ насъ отвернулся даже мой второй опекунъ, тотъ лучшій изъ моихъ опекуновъ, который читалъ мнѣ сначала длинные проповѣди.

— Юлекъ, — говорилъ онъ мнѣ: — остановись хоть теперь, когда ты сдѣлался совершеннолѣтнимъ и не имѣешь состоянія. Забрось нелѣпую поэзію, которая составила тебѣ репутацію чудака, не разыгрывай генія, умойся, вели остричь себѣ волосы и примись за работу.

— Если хочешь, — добавилъ онъ, — я могу достать тебѣ мѣсто у адвоката. Ничего великаго ты намъ не сдѣлаешь, но если будешь работать, то у тебя будетъ хлѣбъ.

Тетя Фемтя съ сокрушеніемъ прислушивалась къ скучнымъ

правоученіямъ и наконецъ начала со слезами просить меня, чтобы я «пришелъ въ себя».

— Юлень, — говорила она: — ужъ и я вижу, что свѣтъ не позволитъ тебѣ сдѣлаться поэтомъ, если бы у тебя даже и были способности. Я свято исполнила волю твоей матери: не дѣлала тебѣ никакихъ препятствій; ты дѣлалъ все, что тебѣ приходило въ голову и... ничего не сдѣлалъ. Попробуй хоть теперь пойти по дорогѣ обыкновенныхъ людей и примись за работу, потому что...

Волненіе прервало ея рѣчь.

— Видишь ли, — начала она снова: — у насъ такъ мало денегъ, что даже при экономіи намъ едва достанетъ на годъ. Я беру шить бѣлье и зарабатую для себя, а ты что будешь дѣлать?

Мнѣ стало жалъ добрую тетку; я поцѣловалъ у нея руку и попросилъ, чтобы она потеряла еще полгода.

— Если въ продолженіе этого времени, — сказалъ я, — я не напишу ничего такого, чтобы сдѣлало мою славу и упрочило состояніе, я сдѣлаюсь... — Я не могъ докончить.

Между тѣмъ моя вѣра въ себя обезпеконла тетку.

— Развѣ ты думаешь писать дальше «Нерона»? — спросила она. — Я слышала, Юлій, что онъ очень... — неприличенъ...

— Я не думаю о «Неронѣ», — отвѣчалъ я, — я примусь за перо, но для этого нужно...

— Должно быть, столько же денегъ, сколько и для эпосен? — встала тетка.

— Нѣтъ, нужно только, чтобы я любилъ и былъ любимъ!

Тетка перекрестилась.

— Дитя мое, — сказала она: — любовь приноситъ много хлопотъ, налагаетъ обязательства, отнимаетъ время...

— Ну что ты говоришь, тетя! — воскликнулъ я. — Какой же великій поэтъ не влюблялся? Байронъ, Гете, Шиллеръ, Мицкевичъ, Словацкій!.. У каждаго изъ нихъ былъ какой-нибудь идеалъ, и тѣмъ больше они страдали, тѣмъ прекраснѣе создавали поэмы.

Тетка задумалась.

— Ахъ, не совѣтую я тебѣ этого, — сказала она. — Дѣлай, какъ знаешь, но помни, что ты сдѣлалъ уже много ошибокъ...

Этотъ разговоръ заключилъ первую эпоху моей поэтической дѣятельности. Съ этого времени я не искалъ сильныхъ впечатлѣній, меньше выходилъ изъ дому, но по цѣлымъ днямъ мечталъ объ идеальной любви. Боже мой, сколько я зналъ барышень которыя еще два года тому назадъ смотрѣли на меня съ удив-

леніемъ и, конечно, отдали бы мнѣ свои сердца. Но тогда меня занимала первая глава «Нерона»!..

Мы жили въ двухъ комнатахъ въ третьемъ этажѣ. Мы ни у кого не бывали и никто не бывалъ у насъ за исключеніемъ одной гувернантки, безобразной старой дѣвы Луціи, которая была наша сосѣдка и съ энтузіазмомъ говорила теткѣ о моемъ гениі. Я долженъ былъ быть благодаренъ этой дамѣ, которая не щадя для меня знаковъ расположенія. Но когда я смотрѣлъ на ея лицо мясного цвѣта, глаза безъ рѣсницъ и льняные волосы, я забывалъ благодарности, ненавидѣлъ всѣхъ гувернантокъ и даже сомнѣвался въ своемъ талантѣ. Въ отношеніяхъ съ подобными доброжелателями лучше быть писцомъ, чѣмъ поэтомъ.

Между тѣмъ, пришла зима. Продавши шубу, я ходилъ въ осеннемъ пальто, что въ высшей степени безпокойло тетку.

— Что же, Юлѣк? — спросила она разъ, смотря на меня съ выраженіемъ печали. — Не пора ли попросить опекуна, чтобы онъ досталъ тебѣ *то* мѣсто?..

— Милая тета, — отвѣчалъ я, — прошу потерпѣть только три мѣсяца!

А потомъ я шепнулъ самъ себѣ:

— Если бы молнія любви освѣтила мысли, которыя спятъ въ моей душѣ, я былъ бы спасенъ...

Никогда еще женщины не казались мнѣ такъ похожими на ангеловъ, какъ тогда!

Пришелъ карнавалъ. До фатальнаго срока недоставало двухъ мѣсяцевъ.

Печальный ходилъ я по маленькимъ комнатамъ, спрашивая себя иногда, дѣйствительно ли есть у меня талантъ и не была ли предыдущая моя жизнь рядомъ заблужденій и чудачествъ?

Во время этихъ прогулокъ въ четырехъ стѣнахъ на меня находили минуты унынія, въ которыя я почти стыдился прошедшаго. Мнѣ казалось, что мысль поэмы «Неронъ» есть наборъ чудачествъ, что путешествіе за границу было неумѣстно, что походы на пожаръ и на полковой плацъ до крайности смѣшны а первая пѣснь «Нерона», подъ заглавіемъ «Оргія», есть доказательство безобразной разнузданности.

Сомнѣніе мучило меня, какъ легендарный коршунъ Прометей.

Однажды почтальонъ принесъ письмо, адресованное ко мнѣ. Я взглянулъ: голубой конвертъ изъ толстой бумаги, на немъ изображена мушка, нарисованная съ обманывающимъ совершенствомъ; рука женская, красивая. Когда я раскрылъ пакетъ, меня обдалъ тонкій запахъ духовъ. Но какихъ? Я не могъ вспомнить.

Въ письмѣ я нашелъ только нѣсколько строкъ: «Поэтъ!» — говорила невѣстныя корреспондентка: — «если ты хочешь знать особу, которая отгадала твою душу, будь въ воскресенье въ маскарадѣ, у оркестра».

«Сфинксъ».

Я поблѣднѣлъ такъ, что тетка замѣтила мое волненіе.

— Что съ тобой? — спросила она испуганно.

— Ничего, — отвѣчалъ я съ улыбкой и спряталъ письмо въ карманъ.

— Что это за письмо? покажи мнѣ его, — говорила она, протягивая руку.

— Когда-нибудь въ другой разъ, — отвѣтилъ я, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ разспросовъ выбѣжалъ изъ дому. — Сегодня пятница; значить черезъ нѣсколько десятковъ часовъ я узнаю мою таинственную подругу!.. — шепталъ я, идя по улицѣ.

Письмо жгло меня; я вошелъ въ ближайшій подъездъ и прочелъ его нѣсколько разъ. — Какой чудный почеркъ!.. Какое благородство выраженій!.. Какой запахъ!.. Откуда она знаетъ меня?..

Мнѣ пришло въ голову приключеніе по поводу чтенія вслухъ первой пѣсни «Нерона».

— А можетъ быть, это дочь нашего тогдашняго сосѣда, которая подслушивала мою поэмку?.. Наверно старшая, она прехорошенькая... Нѣтъ! У семнадцатилѣтнихъ барышень не бываетъ такого увѣреннаго почерка и онѣ не выражаются такъ смѣло и вѣстѣ благородно: «Поэтъ!.. я отгадала твою душу»... Что за возвышенность! Да, это, должно быть, уже взрослая особа.

Небо открылось надо мной. Дремавшія способности проснулись и глѣли какъ хоръ серафимовъ. Я чувствовалъ, что полюблю эту женщину, которая настолько выше своей обстановки. Я чувствовалъ, что напишу поэмку, сотканную не изъ огня и крови, а изъ порывовъ и вдохновенія.

О, моя Лаура!.. О, Беатриче!..

Если бы кто зналъ состояніе моей души, то убѣдился бы, какимъ чудеснымъ образомъ любовь возвышаетъ, улучшаетъ и освящаетъ человѣка. О, какъ я стыдился поэмы «Неронъ»! Въ какомъ свѣтѣ видѣлъ свое прошедшее!

Самымъ чувствительнымъ ударомъ было для меня то, что я лишился недавно новаго фрака и черныхъ панталонъ. Я долженъ былъ для маскарлада взять на прокатъ платье, которое плохо мнѣ приходилось. Когда же я рассчиталъ свои деньги, то оказалось, что послѣ покупки входнаго билета въ редутовую залу у меня останется не больше 8-ми золотыхъ.

— А что, если мой сфинксъ, желая выразить мнѣ симпатію, захочетъ поужинать? Вѣдь не отправлю же я ее въ ресторанъ?

Никогда я не чувствовалъ такъ болѣзненно потери состоянія. И на что я истратилъ его? На поэму, которую бы я отдалъ теперь за букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Стоило для смѣшной эпопеи жертвовать всѣмъ и не имѣть даже нѣсколькихъ рублей для такой прекрасной лирики!

Все воскресенье я былъ въ возбужденномъ состояніи. Мнѣ казалось, что вечеръ никогда не придетъ. Около девятаго часу я одѣлся, и два часа спустя былъ въ редутовой залѣ. При сильномъ освѣщеніи мои перчатки оказались не достаточно свѣжими. Кроме того, фракъ жалъ мнѣ подъ мышками, а цилиндръ былъ немного смятъ. Однако, посмотрѣвшись въ зеркало, я убѣдился, что недостатки туалета вознаграждаетъ выраженіе моей фizioноміи. По блѣдному лицу разливалась нѣжная меланхолія, которую дѣлали еще замѣтнѣе густые бѣлокурые волосы, закинутые назадъ. Мнѣ кажется, что мои глаза смотрѣли всѣхъ умнѣе въ этой толпѣ, а движенія отличались благородной небрежностью. Я не хочу льстить себѣ, но думаю однако, что я привлекалъ вниманіе. Нѣкоторыя маски довѣрчиво хлопали меня вѣерами по плечу; я не разъ слышалъ возгласы:

— Посмотри! посмотри на этого!..

Я не приписываю это себѣ, но духу поэзіи, который наполнялъ меня. Ожиданіе, сладкое безпокойство, жажда идеальной любви, — все настроило меня на возвышенный тонъ. Я чувствовалъ, что если бы полицейская власть позволила мнѣ выступить съ импровизаціей, я бы царилъ надъ толпой.

Около перваго часа мое безпокойство дошло до зенита. Подлѣ оркестра помѣстилось нѣсколько танцующихъ паръ, сдѣлалось тѣсно, меня столкнули съ моей позиціи. Я почти потерялъ надежду встрѣтиться съ сфинксомъ, какъ вдругъ... элегантное домино оперлось на мою руку довольно значительнымъ образомъ.

Меня поразило предчувствіе. Я былъ увѣренъ, что это она.

— Сударыня! — шепнулъ я.

Она обернулась, посмотрѣла на меня вопросительно, но молчала.

Видно, что она не знаетъ меня и боится тронуть.

— Сударыня, — сказалъ я, — я Фредерикъ-Юліи.

— А мнѣ что за дѣло! — гордо отвѣчала домино. Потомъ, обратившись къ близъ стоящему мужчинѣ, она сказала:

— Никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь интриговалъ маску!

Мужчина подошелъ ко мнѣ съ дерзкой миной. Я рѣшился

за каждое оскорбительное слово требовать сатисфакціи, но вдругъ вспомнилъ, что у меня нѣтъ визитной карточки. Не слушая ворчанья грубіяна, я попятился въ толпу.

Я обошелъ всѣ залы въ двухъ направленіяхъ, присматривался ко всѣмъ маскамъ, и... никто не затронулъ меня. Мною овладѣло разстройство нервъ: свѣтъ слѣпилъ глаза, каждый тактъ музыки рѣзалъ ножомъ. Я думалъ, что задохнусь въ толпѣ и разстроенный нѣсколько разъ собирался уходить, думая, что сдѣлался жертвой мистификаціи.

Однако, около третьяго часа я встрѣтился съ двумя масками, изъ которыхъ одна, шепнувши что-то подругѣ, взяла меня подъ руку. Она была одѣта въ большой шелковый плащъ, а на головѣ у нея былъ кружевной платокъ. Изъ всей ея фигуры я видѣлъ только глаза.

— Отчего такъ поздно? — сказала она искусственно глухимъ голосомъ, опираясь на мою руку. — Я ждала съ часу.

Мы идемъ въ сторону. Я почувствовалъ запахъ ландышей и вспомнилъ, что также пахло письмо сфинкса. Я стиснулъ ея руки, безмолвствуя отъ избытка чувства.

Маска сдѣлала движеніе.

— Вы знаете, кто я? — спросила она спокойно.

— Я догадываюсь, — отвѣтилъ я, зная хорошо, что это мой сфинксъ.

— Вы догадываетесь и пришли?

— Именно оттого я пришелъ.

На диванѣ было пустое мѣсто. Мы сѣли тамъ, и мой сфинксъ сказалъ:

— Я хотѣла васъ очень, очень заинтриговать, но во-первыхъ... вы опоздали, и теперь открыли мое инкогнито...

Я не могъ удержать вздоха; мною овладѣло какое-то сладостное умиленіе.

— Остроуміе оставило меня, — продолжала она. — Я такъ сконфузилась, что право ничего не скажу вамъ. А столько имѣла сказать!.. Дайте мнѣ силы...

— Я самъ пришелъ сюда въ надеждѣ, что почерпну у васъ силъ для дальнѣйшей борьбы съ жизнью.

— У меня? — спросила она съ удивленіемъ. — Каждый изъ насъ борется и каждый ищетъ опоры, которую можно найти только въ...

Она колебалась.

— Въ чемъ?.. Кончайте!..

— Во взаимныхъ дружескихъ отношеніяхъ.

— Только?

— Я даже не мечтаю о чемъ-либо другомъ, — шепнула она.

— Но мнѣ вы позволите мечтать? — спросилъ я, сильно сжимая ея руку.

— Ни я, никто другой не имѣетъ права приказывать и запрещать вамъ. Вы совершеннолѣтній, а ваша опытность и гений дѣлають васъ зрѣлымъ мужемъ.

— Мой гений! — повторилъ я за ней, раздражаясь ироническимъ смѣхомъ.

— Не смѣйтесь, я запрещаю вамъ!.. не годится смѣяться надъ тѣмъ, что для меня свято.

Я снова сжала ея руку и съ этой минуты уже не отпускалъ ее. Редутовая зала исчезла изъ моихъ глазъ, я утопалъ въ восторгѣ.

— Скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, какъ случилось то, что мнѣ удалось заслужить вашу симпатію? — шепнула я сладчайшимъ голосомъ.

— Не говорите объ этомъ: я сгорю со стыда подъ маской. Мнѣ кажется, что весь свѣтъ смотритъ на насъ.

— А я умоляю васъ, чтобы мы говорили только объ этомъ!

Она немного наклонилась ко мнѣ. Я чувствовалъ, что она дрожитъ.

— Одинъ Богъ знаетъ, — шепнула она, — какъ развивается въ сердцѣ признанъ.

— Только признанъ?

— Искренняя дружба, — понравилась она.

— Только искренняя дружба?

— Не будьте жестоки, — отвѣчала она. — Не я должна дѣлать признанія и изображать чувства. Мы говоримъ другъ съ другомъ четверть часа, а вы уже хотѣли бы услышать то, чего ждутъ годами. Только поэту позволительно быть такимъ нетерпѣливымъ.

— Ангелъ! — шепнула я.

— Не называйте меня ангеломъ. Я только женщина, которая умѣетъ чтить искру Божію...

— Почитаніе! дружба! — прервалъ я нетерпѣливо. — Вы убьете меня своими церемонными выраженіями.

— Вы несправедливы, — отвѣчала она, все болѣе волнуясь. — Что вамъ до словъ тамъ, гдѣ говорятъ дѣйствія? Развѣ не странно то, что я, которая поклялась ненавидѣть весь родъ мужичинъ, для васъ... сдѣлала исключеніе?.. Развѣ мнѣ слѣдовало писать письмо, назначать свиданіе и наконецъ въ эту минуту... повѣрять сокровеннѣйшія тайны, вмѣсто того, чтобы злобно интриговать васъ?... а вы, не смотря на это, жалуетесь на церемонныя выраженія?..

— О, сфинксъ, я хотѣлъ бы упасть къ ногамъ твоимъ! — шепнулъ я.

Она умолкла, а потомъ сказала какъ бы самой себѣ:

— Боже! Боже!.. сколько счастья!.. я чѣмъ я это заслу- жила?

Тогда прошло мимо насъ домино, съ которымъ мы разош- лись на серединѣ залы.

— Я должна идти, — сказала моя собесѣдница, — время про- летѣло для меня какъ одно мгновеніе. Вы огорчили меня тѣмъ, что опоздали, но я ужъ не сержусь. Эти нѣсколько минутъ за- ключали въ себѣ болѣе, чѣмъ цѣлые часы. Я вполне счастлива, такъ счастлива, что мнѣ даже страшно.

Она встала, пожимая мою руку.

— Во всякомъ другомъ случаѣ я попросила бы васъ про- водить меня.

— Но я сдѣлаю это съ величайшимъ наслажденіемъ.

— Нѣтъ! — благодарю васъ... Послѣ того, что произошло между нами, я должна быть осторожна даже относительно себя самой.

— Божество мое! — шепнулъ я, — жизнь отдамъ тебѣ!..

— Поговоримъ объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ. Доброй ночи! — сказала она.

— Еще минутку... Гдѣ и когда мы увидимся, чтобы пого- ворить такъ же откровенно, какъ сегодня?

Она задумалась, а потомъ быстро отвѣчала:

— Когда я приду къ *тетѣ* съ цвѣткомъ въ волосахъ, это знакъ, что я буду вечеромъ дома. Доброй ночи! — Она побѣжала къ своей пріятельницѣ, а я упалъ на диванъ, какъ поражен- ный громомъ.

— Что она говорила о *тетѣ*?.. У какой, чортъ возьми, *тети* она бываетъ?.. Что со мной дѣлается?.. Не съ ума- ли я сошелъ?.. Неужели это *она*?.. Пожалуй, что такъ. Она говорила что-то о томъ, чтобы проводить ее домой, о *тетѣ*. Даю чест- ное слово, она думала, что я узналъ ее подъ маской и что давно влюбленъ въ нее. Пресвятая Богородица!..

Какъ съумасшедшій ворвался я въ прихожую, схватилъ пальто и не заплативши побѣжалъ домой.

Я едва добудился спавшаго сторожа, который цѣлую вѣчность владывалъ ключъ въ замочную скважину. Въ ту минуту, какъ я отворялъ ворота, къ дому подѣхали дрожки.

Я съ бьющимся сердцемъ остановился въ первомъ этажѣ. Въ снѣгахъ разговаривали и хохотали двѣ женщины.

- Доброй ночи, Елена!..
- Приятныхъ сновъ, Луція!..
- Я желаю дѣйствительности!..

Та, которая говорила, что желаетъ дѣйствительности, была сорокалѣтняя панна Луція, наша сосѣдка съ красной кожей на лицѣ и на шеѣ. Это былъ сфинксъ изъ маскарада! Въ сѣнахъ, прощаясь съ подругой, она уже не мѣняла голоса. Завтра она покажется безъ голоса и, можетъ быть, захочетъ, чтобы я въ самомъ дѣлѣ упалъ къ ея ногамъ.

Да пожреть адъ благоухающіе анонимы и маскарады, въ которыхъ всякая образина кажется прекрасной женщиной!

Добрая тетка не спала и сейчасъ-же отворила мнѣ дверь. Если бы не это, то я вѣрно попалъ-бы въ сѣти милой Люси, тяжелые шаги и сопѣнье которой я слышалъ уже во второмъ этажѣ. Я раздѣлся, но не могъ заснуть. У меня сдѣлался катарръ и жаръ, и до бѣлаго дня мнѣ чудилось, что Люси держитъ меня въ объятіяхъ. Настоящее чудо, что у меня не сдѣлался тифъ отъ этихъ ужасныхъ сновидѣній. Катарръ былъ сильный, и тетя просила меня, чтобы я дня два не выходилъ изъ дому. Около полудня я отослалъ бальный костюмъ портному, надѣлъ халатъ и заперся во второй комнатѣ. Въ первой тетя кончала срочную работу на машинѣ. Послѣ полудня я услышалъ черезъ двери голосъ панны Луціи. Говорю безъ преувеличенія: — у меня волосы на головѣ встали дыбомъ!

— Должно быть, панъ Юлій боленъ? — спросила эта красота.

— У него катарръ, — отвѣчала тетка.

— Отличное средство противъ катарра липовый цвѣтъ. Если вы позволите, то я вскипачу воды въ самоваръ и заварю липоваго цвѣта, — говорилъ маскарадный сфинксъ.

— Я буду вамъ очень благодарна за это, панна Луція, — отвѣчала тетка.

— Нужно также сдѣлать гоголь-моголь. У васъ есть яйца?

— Нѣтъ, дорогая панна Луція.

— Такъ я вамъ дамъ и сама собою желтки съ сахаромъ, если у васъ нѣтъ времени.

— Какъ вы добры, панна Луція, — отвѣчала тетка.

Я вспотѣлъ такъ, какъ будто уже выпилъ весь липовый цвѣтъ и гоголь-моголь. Послѣ этого разговора мой сфинксъ исчезъ на часъ, а тетка шила. Наконецъ, окончивши работу, она сказала, что должна отнести ее въ магазинъ.

— Панна Луція, — прибавила тетка, — принесетъ тебѣ липоваго цвѣту. Выпей его и вспотѣй. Славная дѣвушка!..

Какъ только тетя ушла, я услыхалъ въ коридоръ тяжелое топанье моего сфинкса. Отворилась дверь въ первой комнатѣ, потомъ въ моей... На порогъ показалась панна Луція съ большимъ чайникомъ и стаканомъ, полнымъ взбитыхъ желтковъ.

— Добрый день, панъ Юлій!—воскликнула она. — Я принесла вамъ кое-что очень хорошее и дамъ, если вы будете любезны.

Я хотѣлъ быть въ эту минуту бѣшеннымъ тигромъ, но нельзя было. Я не могъ, однако-же, побороть печали. Панна Луція испугалась.

— О, Боже! вы, должно быть, очень больны? — спросила она. — Вы должны лечь... Выпейте это лѣкарство... Могу я посмотреть, нѣтъ-ли у васъ жара?..

Съ этими словами она дотронулась рукой до моего лба.

— Голова не горяча,—говорила она дальше.—Это ничего, пройдетъ, только-бы вы не озябли. Съ этихъ поръ вы не должны никогда ходить въ маскарадъ.

— Да, я ужъ не пойду!—отвѣчалъ я.

Панна Луція казалась удивленной. Съ минуту она молчала, потомъ ласково шепнула:

— Вы сердитесь? Можеть быть, на меня?..

Въ ея льняныхъ волосахъ я увидѣлъ цвѣтокъ, а во взглядѣ такую доверчивую нѣжность, что я сжалъ кулаки и закрылъ глаза.

— Развѣ вы не хотите смотрѣть на меня?.. Я уйду, если такъ...

— О, нѣтъ!—воскликнулъ я:—но у меня такая мигрень, что голова едва не лопается.

— Такъ я уйду... уйду... Постараемся, чтобы въ вамъ какъ можно скорѣе вернулось здоровье и хорошее расположеніе духа, а пока вы можете капризничать, больнымъ можно.—Все это она говорила такимъ тономъ, точно я былъ ея настоящимъ обожателемъ. Повидимому, панна Луція трактуетъ меня, какъ свою собственность!.. Я не смѣлъ возражать и не зналъ, какъ избѣжать мата, а съ другой стороны чувствовалъ, что не могу ни слышать, ни смотрѣть на эту женщину, которую я подъ маской называлъ ангеломъ. Съ этого времени мы каждый день встрѣчались по два раза съ панной Луціей. Я былъ озабоченъ и холоденъ, а она—задумчива. Иногда она смотрѣла на меня, съ трудомъ удерживая слезы. Сначала она спрашивала меня: что со мной? почему я грущу? потомъ перестала спрашивать, но начала худѣть такъ, что (можетъ быть, мнѣ показалось) у нея кожа на ще-

какъ отвисла. Наконецъ дошло до того, что тетка начала у меня выпытывать, что значать минны панни Луціи, и почему я на цѣлые дни ухожу изъ дому. Я читалъ когда-то, что птица теряетъ способность двигаться подѣ взглядомъ грѣшника. Несомнѣнно то, что я подѣ взорами панни Луціи потерялъ поэтическія способности... И мало того: я столько наслушался отъ нея о поэзіи, что мнѣ даже опротивѣло это слово. Наконецъ, когда однажды тетка со слезами сказала мнѣ, что она должна сдѣлать долгъ, чтобы заплатить за квартиру, а панна Луція все худѣла, я сдался.

Я пошелъ къ своему старому опекуну и по его протекціи получилъ мѣсто писца. Для начала у меня семь рублей въ мѣсяцъ и кромѣ того квартира при канцеляріи. Если бы не это обстоятельство, я вѣрно-бы ежедневно видѣлся съ панной Луціей и повѣсился бы съ отчаянія.

На слѣдующую ночь, послѣ того, какъ я былъ у адвоката, смотря изъ окна канцеляріи, я увидѣлъ падающую звѣзду. Нѣсколько минутъ она описывала вверхъ прекрасную дугу, потомъ вдругъ начала падать и погасла... Не такъ-ли погасло и мое вдохновеніе?.. Недѣлю спустя, я замѣтилъ между просительницами, которыя пришли за совѣтомъ, женщину поразительной красоты. Я писалъ, наклонившись надъ бюро, и каждый разъ, какъ поднималъ глаза, убѣждался, что она смотритъ на меня. Это молодая вдова. Я переписываю ея документы и уже два раза былъ въ ея домѣ съ порученіями адвоката. Она смотритъ на меня все благосклоннѣе, и я чувствую, что въ моей душѣ снова пробуждается талантъ. Я даже написалъ стихи: «Тоска» и послалъ ихъ по городской почтѣ въ одинъ журналъ. Теперь я съ біеніемъ сердца жду новой встрѣчи съ моимъ идеаломъ и — отвѣта изъ редакціи...

Ужъ поздно, а я такъ хотѣлъ-бы сейчасъ-же заснуть, потому что завтра долженъ рано встать.

Сколько разъ тебя я звоню лютни
Пробуждать отъ сна и усыплять,
(А-ахъ!)—Ты-жъ, тоской волнуемая смутной,
Все иной... (а-а-ахъ!..) ловила...

М. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ СЮЛИ ПРЮДОМА.

I.

РАЗБИТАЯ ВАЗА.

До вазы мышнаго цвѣта,
Теперь засохшаго отъ жажды,
Неосторожная рука
Коснулась вѣеромъ однажды.
Ударъ былъ тихъ, коварно-тихъ...
Но влага въ трещину попала:
Сочилась, рану разѣдала...
И, совоѣвъ всѣхъ лишась своихъ,
Вервенна гордая увяла.
Непоправимая бѣда,
Безплодны жалобныя фразы!
Не троньте же несчастной вазы:
Она разбита навсегда!..

Такъ сердцу любящей рукою
Ударъ наносится порой —
Едва замѣченный толпою,
Но вѣрный, страшный, роковой.
И дни проходить: въ ступѣ воду
Толпа не устаетъ толочь,
Про жизнь болтая, про погоду...
А въ сердцѣ, будто ей въ угоду,
Ростетъ сомнѣнье, смерть и ночь.

Въ упрекахъ горькихъ и жестокихъ
Нѣтъ пользы! Нѣтъ отъ нихъ слѣда!
Не троньте сердца ранъ глубочайшихъ:
Оно разбито навсегда...

II.

НА БАШНѢ.

На башнѣ, въ поздній часъ, ученый наблюдалъ,
Какъ звѣздный хоръ стремительно и смѣло
Свой вѣчный путь въ пространство направлялъ,
А утро въ безконечности блѣкло...

Онъ вычислялъ: средь золотыхъ міровъ
Комета встрѣтилась внимательному взору —
И грозному сказалъ онъ метеору:
«Явись опять черезъ столько-то вѣковъ!»

Звѣзда придетъ, велѣнье исполняя,
И обмануть не сможетъ никогда
Науки вѣчной, въ вѣчности блуждая.

Пусть человечество исчезнетъ безъ слѣда:
Однако, бодрствовать останется тогда
На башнѣ Истина святая!

III.

БОРЬБА.

Приходить ночь. Терзаемый сомнѣньемъ,
Я сфинкса страшнаго опять зову на бой, —
И въ тотъ же мигъ изъ темноты ночной
Идетъ онъ грознымъ привидѣньемъ...

На ложѣ узкомъ, дышущемъ огнемъ,
Куда и радости во вѣкъ не заходили,
Лежу я и борюсь въ безмолвіи ночномъ,
Не шевелясь въ моей могилѣ.

Нерѣдко мать приходитъ со свѣчкой...
«Ты боленъ,—говорить,—о сынъ мой? Что съ тобой?
Холодный потъ бѣжитъ съ тебя рѣкою...»

Она глядитъ въ отчаяннѣ тупомъ;
И, тронутый до слезъ, я говорю съ мольбою:
«Родная! Въ эту ночь борюсь я съ Божествомъ».

IV.

СЕРДЦЕ.

Рѣшили небеса, чтобъ вѣчно намъ на страхъ
Извѣстный срокъ служило сердце наше,
Какъ глиняный сосудъ, и обращалось въ прахъ.
Увы! оно пустѣть начнетъ подобно чашѣ...

О, братъ! Молю: бѣги отъ наслажденья прочь,
Заклатаго врага здоровья и природы:
Одна безумная истратитъ можетъ ночь —
Сокровище, собираемое годы!

И горе же глупцу, который принесетъ
На шумный пиръ ту вазу и прольетъ
Ея бальзамъ предъ идоломъ ничтожнымъ!

Коснутся устъ его горячія уста, —
А надъ холоднымъ сердцемъ пустота
Уже царить во мракѣ безнадежномъ...

V.

ЖЕЛАНІЕ.

Ахъ, еслибъ небеса и море были сини
И богѣ ничто! Желтъ—колосъ полевой,
И розовъ—розы цвѣтъ! Ни злобѣ, ни кручины
Причинъ бы не было... Но съ мертвой красотой

Полей, цвѣтовъ, небесъ и океана
Есть красота улыбокъ и очей:
Въ ихъ прелести живой—надежда, страхъ обмана,
Отчаянье и боль, и адъ и небо въ ней!

Мы любимъ женщину... И вотъ онъ—бесконечный
Источникъ нашихъ мукъ, любви простосердечной,
Лелѣющей безумныя мечты!

О, пусть бы человекъ, съ душой святой и чистой,
Смотрѣлъ и на глаза, и локонъ золотистый,
Какъ на волну, колосъ и цвѣты!..

VI.

СОНЪ.

Земледѣлецъ грубо мнѣ сказалъ во снѣ:
 «На тебя работать надобѣло мнѣ!
 Спину разогнуть хоть... Въ холодокъ и въ зной
 Самъ ты походи-ка за моею сохой!»
 И портной, взбѣсившись, отказался шить:
 «Я хочу на волѣ баринномъ пожить».
 Каменьщикъ туда же—этакій нахаль!—
 Молотовъ бросаетъ...: «кончено, усталъ!»

Злобою кипѣла вся душа моя:
 Позабитый всѣми, громко плакалъ я...
 Голый и голодный въ пустотѣ блуждалъ,
 Бога, небо, землю, долю проклиналъ!..

Вдругъ глаза открылъ я... Вѣрить или нѣтъ?
 Утренній въ окошко пробивался свѣтъ;
 Всюду трудъ великій снова закипалъ:
 Земледѣлецъ сонный мнѣ поля пахалъ,
 Фабрики дымились—и рабочій людъ,
 Грязный и несчастный, начиналъ свой трудъ...

Отъ восторга плача, солнышку смѣясь,
 Я на ложѣ мягкомъ нѣжился въ тотъ часъ:
 Розовыя грѣзы улыбались мнѣ...
 И забылъ я думать объ ужасномъ снѣ!

П. Якубовичъ.

АМЕРИКАНЦЫ — ДОМА.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Заранѣе зная, что по семейнымъ обстоятельствамъ мнѣ рано или поздно придется переѣхать въ Соединенные Штаты, я съ давнихъ поръ стала внимательно вчитываться въ то, что появлялось въ западно-европейской и русской литературѣ касательно этой страны, и потому, при переселеніи сюда, считала себя болѣе или менѣе знакомою съ тѣмъ, что меня ожидаетъ, и полагала, что при обширномъ знакомствѣ и родственныхъ связяхъ среди коренного населенія страны жизнь моя въ новомъ отечествѣ сложится свободно, а теоретическое знакомство съ американскими условіями жизни скоро поможетъ мнѣ акклиматизироваться и перестать сожалѣть о томъ, что оставлено позади.

Однако же, съ первыхъ шаговъ на почвѣ новаго свѣта мнѣ пришлось убѣдиться въ неполнотѣ свѣдѣній, старательно почерпнутыхъ мною изъ европейскихъ книгъ объ Америкѣ, — начиная съ известной сатиры «Paris en Amérique», — Лабуле и кончая обширнѣйшимъ трудомъ «Nord-Amerika», — Гессе Вартберга: неожиданности встрѣчали меня на каждомъ шагу, и я рѣшительно недоумѣвала, не находя того, къ чему готовилась, и не будучи въ состояніи освободиться отъ предвзятыхъ идей и оцѣнить представляющіеся здѣсь факты по достоинству. Рѣзкое различіе, бросавшееся въ глаза при ближайшемъ сопоставленіи неприкрашенной дѣйствительности съ блестящими теоретическими представленіями, глубоко успѣвшими врѣзаться въ память, долгое время подрывало во мнѣ всякую вѣру въ свое собственное сужденіе; и конечно только послѣ продолжительнаго пребыванія въ странѣ и тщательныхъ провѣрокъ и сравненій можетъ явиться

возможность спокойной оцѣнки различныхъ сторонъ американской жизни.

Мы не будемъ останавливаться на широкихъ историческихъ явленіяхъ американской жизни, которая создала столько фактовъ высокаго значенія, съ первой борьбы за независимость до недавней борьбы противъ рабовладѣнія, столько замѣчательнаго въ утρεжденіяхъ, въ могущественномъ экономическомъ развитіи. Эти факты болѣе или менѣе извѣстны; мы обратимся болѣе къ подробностямъ внутренней американской жизни. Въ русской печати являлось не мало серьезныхъ, даровитыхъ статей объ американскомъ бытѣ, но въ нихъ излагались болѣе исключительныя стороны общественности, а заурадные и часто неприглядныя черты будничнаго склада жизни въ Америкѣ оставались въ сторонѣ, какъ невызывающія особеннаго интереса; а между тѣмъ, онѣ имѣютъ большую роль въ теченіи общественной жизни и вызываютъ крупныя проявленія, которыя, привлекая вниманіе Европы, поражаютъ иностранцевъ, приписываются ими къ числу замѣдныхъ эксцентричностей американскихъ нравовъ. Мало кто останавливается на мысли о томъ, что «эксцентричность» отнюдь не можетъ составлять коренной черты національнаго характера и что представляется эксцентричностью составляетъ естественное слѣдствіе цѣлаго быта. Замѣчательно въ этомъ отношеніи и то, что менѣе всего до самыхъ послѣднихъ лѣтъ американская жизнь была извѣстна въ Англіи, не смотря на родственныя связи обоихъ народовъ и на общность языка, такъ что англичане, прибывающіе сюда, не менѣе другихъ европейцевъ поражаются многими несоотвѣтственностью дѣйствительности съ обще-принатыми представленіями о странѣ.

Свои личныя наблюденія мнѣ нерѣдко приходилось прогнѣрять впечатлѣніями заѣзжихъ въ Соединенные Штаты туристов-англичанъ, и приблизительная общность впечатлѣній внушила мнѣ мысль представить русскимъ читателямъ рядъ очерковъ американской жизни, которые, хотя и не удовлетворятъ охотниковъ до сенсаціонныхъ описаній, за то могутъ послужить къ разъясненію недоумѣній и къ правильному различенію солидныхъ достоинствъ американской націи отъ бросающихся въ глаза недостатковъ ея жизни.

Считаю излишнимъ оговориться объ одномъ очень распространенномъ, но сбивчивомъ мнѣніи. Американцы сами себя любятъ называть, да и европейцами почитаются по преимуществу «юной» націей. Молодымъ народомъ считаемся и мы русскіе. Такая общность опредѣленія не разъ вызывала и мысль объ

общности народнаго характера. Хотя эпитетъ «юный», въ приложеніи къ націи, есть не болѣе, конечно, какъ болѣе или менѣе удачная метафора, съ ней все-таки связано довольно цѣльное представленіе свѣжести и силы, искренности и естественности, присущихъ юношескому возрасту. Не слѣдуетъ, однако, забывать того, какъ велико бываетъ различіе фазическаго развитія и умственнаго міросозерцанія между юношами, происходящими отъ ряда молодыхъ, не истощенныхъ требованіями цивилизаціи предковъ, проводившихъ жизнь свою изъ конца въ конецъ въ благодатномъ раздолѣ сельской беззаботности, и юношами, происшедшими отъ родителей пожилыхъ, умудренныхъ житейскою опытностью и искусившихся въ европейской цивилизаціи. Тогда какъ первые, при условіяхъ нормальныхъ, отличаются порывами, неизбежными при неумѣньи регулировать свои силы, легко увлекаются до полнаго самозабвенія, отнюдь не страдаютъ развитіемъ нервной системы насчетъ физическихъ силъ; юноша второго разряда — даже перенесенный на благодатное приволье свободной, первобытной страны — проявляетъ совершенно другіе симптомы: нѣтъ въ немъ импульсивныхъ стремленій, увлеченіе въ немъ рѣдко доходитъ до самоотреченія, такъ какъ симпатіи руководятъ его дѣйствіями лишь послѣ предварительной, хотя и бессознательной, проверки ума, и въ сущности нервная система заявляетъ себя въ немъ на каждомъ шагѣ, — что имѣетъ, конечно, свои невыгоды, но съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаетъ его способнымъ, подѣ влияніемъ свободы, на такіе могучіе, систематизированные размахи воли и ума, которые, конечно, были бы не подѣ-стать его нормально и туго развивающемуся собрату. Если примѣнять эти различные атрибуты «юности» къ націямъ, то американцы несомнѣнно, подойдутъ подѣ вышеприведенную рубрику молодыхъ отпрысковъ весьма старой цивилизаціи, и потому въ нихъ не только не найдется и теперь ничего общаго съ русскою, напимѣръ, націей, которая также почитается молодою, но можно съ увѣренностью сказать, что будь условія жизни одинаковы для обѣихъ народностей, все-таки ихъ развитіе съ самаго начала пошло бы разными колесами и привело бы къ радикально различнымъ результатамъ.

I. СКАЛЫ И ТАЙНЫЯ МЕЛИ СФЕРЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ.

Прибывъ въ Соединенные Штаты въ самый разгаръ президентской кампаніи 1880 года, я, благодаря множеству рекомендательныхъ писемъ, прямо попала въ кружокъ «воротилъ» политической жизни страны, получила доступъ въ «главную квартиру» каждой партіи и тѣмъ сразу приобрѣла возможность близко наблюдать не только за ходомъ кампаніи, но и за тайными пружинами, приводившими весь этотъ сложный механизмъ въ дѣйствіе.

Съ наивностью, присущею новичку, я ревностно принялась собирать свѣдѣнія относительно всѣхъ «вопросовъ дня», лежащихъ въ основѣ кампаніи, разспрашивала компетентныхъ лицъ о томъ, въ чемъ собственно заключаются различія политическихъ партій въ странѣ. Въ отвѣтъ на мои жадные разпросы наиболѣе досужіе дѣятели обыкновенно награждали меня диссертациями на довольно извѣстныя темы: республиканцы объясняли мнѣ государственныя доблести Линкольна, освободившаго нѣсколько милліоновъ негровъ-рабовъ и пустившаго ихъ на всѣ четыре стороны—хотя и свободными, но безъ цента или клочка земли за душой; демократы, въ свою очередь, считали необходимымъ потревожить прахъ блаженной памяти Андрю Джаксона,—кончившаго свое поприще съ небольшимъ 35-тъ лѣтъ тому назадъ,—и обыкновенно заключали свой восторженный панегирикъ выраженіемъ готовности пожертвовать нѣсколькими годами своей собственной жизни, лишь бы хотя на одинъ день воскресить доблестнаго Джаксона... Куда, бывало, ни обратись, вездѣ Линкольны и Джаксонъ...

«Да, да, я знаю, слышала—все это прекрасно, конечно, но объясните мнѣ, въ чемъ заключаются настоящія особенности вашей партіи преимущественно передъ другими, что она собственно способна доставить народу по вступленіи во власть?» — «А развѣ вы не читали еще «платформъ», принятыхъ каждою партіей на своей національной конвенціи?.. Какъ? вы говорите, что существенной разницы въ провозглашенныхъ «платформами» взглядахъ не видите? Такъ вотъ подождите—сами кандидаты на президентство скоро опубликуютъ каждый свое личное «profession de foi», а затѣмъ пойдутъ митинги—ораторы разберутъ провозглашенныя «платформы» до тонкости»... Появились, наконецъ, и давно ожидаемыя «letters of acception» кандидатовъ на президентство; но въ нихъ, кромѣ общахъ, ни къ чему ихъ не обязующихъ заяв-

лений, опять поминались славныя имена и не говорилось рѣшительно ничего новаго. Выступили, наконецъ, на сцену и политическіе ораторы; митинги стали повторяться изо дня въ день, и нѣсколько мѣсяцевъ прилежнаго наблюденія привели меня къ тому выводу, что большія партіи «объ хуже», а мелкія едва ли имѣютъ какую «raison d'être». Рѣдкій изъ ораторовъ входилъ въ изложеніе сущности различія партій—протекціоннаго тарифа и свободной торговли, централизаціи и децентрализаціи власти и т. п. Республиканцы все больше указывали на то, что партія ихъ стоитъ у кормила правленія въ теченіе двадцати лѣтъ, по истеченіи которыхъ страна въ настоящее время, благодаря ихъ стараніямъ, представляетъ картину безпримѣрнаго богатства и благосостоянія: такъ какъ республиканскія власти удержали цѣлость союза и изъяли весь излишекъ бумажныхъ денегъ изъ обращенія—значить, народу было бы по меньшей мѣрѣ нерасчетливо отъ добра добра искать и передавать правленіе въ другія руки. Демократы съ своей стороны изобличали правительственную партію въ злоупотребленіяхъ, въ преступномъ расточительствѣ государственныхъ доходовъ, въ потворствѣ монополистамъ и даже въ наклонности къ цезаризму. Нечего и говорить, что личности кандидатовъ на президентство нещадно разбирались по восточкамъ, изобличалась вся ихъ прошлая карьера, дѣйствія ихъ толковались веривъ и вкось, пускалась даже въ дѣло клевета, сочинялись и публиковались подложныя письма—однимъ словомъ, разгаръ страстей доходилъ до самыхъ отталкивающихъ проявленій.

Пока присяжные ораторы и политики вдавались такимъ образомъ въ самыя дикія неистовства, народъ продолжалъ сохранять невозмутимое спокойствіе; правда, то-и-дѣло происходили гигантскіе митинги, имѣвшіе, будто бы, видъ народныхъ демонстрацій въ пользу того или другого кандидата; но въ моихъ глазахъ эти собранія весьма скоро утратили такое значеніе. Митинги эти, какъ мнѣ скоро открылось, были отнюдь не дѣйствительными проявленіями народныхъ сочувствій, а простыми демонстраціями денежныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи той партіи, которая ихъ устраивала; они были, такъ сказать, парадными разводами при звонѣ долларовъ въ карманахъ главнокомандующихъ. Всему скоро открылась мнѣ точная цѣна: и краснорѣчію ораторовъ, и крикамъ наряженныхъ въ мундиры факельщиковъ, и напыщенному энтузіазму партизанскихъ органовъ печати. Ораторы получали условленную плату, соотвѣтственно ихъ популярности и краснорѣчію: поплоше—довольствовались десятью

долларами за каждую рубль, а звёзды первой величины обѣзжали весь союз, получая до тысячи долларовъ въ недѣлю. Плата шла отъ «распорядительнаго комитета» каждой партіи, и тѣ же комитеты платили за факелы, мундиры, ракеты, шутихи, знамена, оркестры—нераздѣльные со всякою политической демонстраціей; они же платили по доллару и больше тѣмъ гражданамъ, которые наряжались въ мундиры и чинно маршировали на глазахъ нескученной въ тонкостяхъ политическаго дѣла толпы, заражая ее своими восторженными криками, тогда какъ громъ оркестра и то-и-дѣло пускаемыхъ ракетъ заставлялъ присоединяться къ процессіи громадна толпы досужихъ гражданъ, которые шли какъ на ярмарку, тѣмъ болѣе, что когда митинги происходили подъ открытымъ небомъ, слова оратора не доходили до ушей двадцатой части окружавшей ихъ толпы. Подобные митинги всегда обходились въ нѣсколько сотъ долларовъ; иные стояли до 30,000 долларовъ, не говоря уже о миллионныхъ секретныхъ расходахъ среди самихъ избирателей и объ необходимыхъ расходахъ въ день подачи голосовъ.

Откуда же, спрашивается, брались эти громадныя фонды? Народныя массы, совершенно безразлично относящіяся къ исходу кампаній, не только не способны были ни гроша жертвовать въ кассы различныхъ партій, но и сами избиратели, сплошь и рядомъ, нуждались въ болѣе вещественномъ побужденіи, нежели одні пышныя фразы ораторовъ, для того, чтобъ взять на себя трудъ идти подавать свой голосъ за того или другого кандидата, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ штатахъ до сей поры существуетъ такъ-называемый «poll tax», налогъ въ размѣрѣ одного доллара съ каждаго гражданина, приходящаго подавать свой голосъ на выборахъ, а негры такъ гуртомъ продаютъ свои голоса той партіи, которая имъ больше дастъ. Такимъ образомъ, съ народныхъ массъ денежныя сборы въ пользу политическихъ фондовъ немислимы; но есть лица, прямо заинтересованныя въ избраніи того или другого кандидата, а этотъ классъ лицъ весьма многочисленъ и по необходимости на деньги таровать. На первомъ планѣ заинтересованныхъ лицъ, конечно, стоятъ сами кандидаты на избирательныя должности, но они далеко не всегда располагаютъ достаточными денежными средствами, чтобъ жертвовать въ кассу партій: за послѣднюю президентскую кампанію, напримѣръ, изъ всѣхъ кандидатовъ главныхъ партій на президентство и вице-президентство, деньги на кампанію далъ одинъ Инглишъ, богатый адвокатъ изъ Индіаны, который былъ демократическимъ кандидатомъ на вице-президентство и положилъ на

дѣло своихъ денегъ около пятидесяти тысячъ долларовъ и все-таки былъ упрекаемъ въ скупости. Собираютъ деньги — почти насильственно — съ правительственныхъ мелкихъ и крупныхъ чиновниковъ, которые боятся быть смѣненными въ случаѣ перехода правленія въ руки другой партіи, да и не смѣютъ отказываться отъ взноса, потому что отказъ повлечетъ за собою неминуемую отставку отъ должности; жертвуютъ банкиры соотвѣственно тому отъ которой партіи ожидаютъ болѣе выгодъ; жертвуютъ желѣзно-дорожныя компаніи, разные монополисты въ надеждѣ вернуть эти пожертвованія десятирицею; а если вѣрить демократамъ, то перепадаетъ въ республиканскій фондъ не мало и изъ государственныхъ средствъ, — хотя доказать это послѣднее оказывается труднымъ.

Такимъ-то образомъ составленные фонды и идутъ на расходы по кампаніи и на устройство такъ-называемаго «boom» или гигантской рекламы-демонстраціи того или другого кандидата, въ надеждѣ того, что «бумъ» заставитъ всѣхъ нерѣшительныхъ подавать голоса на ту сторону, которая громче прогремѣла. И это, надо сознаться, удается почти всегда.

Итакъ, въ основаніе такъ-называемой политической кампаніи ложится тотъ капиталъ, какой собранъ партіей, а идеи прибавляются для вида и лишь въ исключительныхъ случаяхъ вліяютъ на избирателей. Когда же дѣйствительно существуетъ какая идея, способная подѣйствовать на избирателей, тогда партіи стараются ее присвоить себѣ непрерывно; такъ было, напр., съ китайскимъ вопросомъ, отъ которого въ послѣднюю кампанію зависѣлъ результатъ выборовъ на дальнемъ западѣ: какъ республиканцы, такъ и демократы заявили себя тогда сторонниками полного устранинія китайскаго элемента; они бьются изъ-за чести изгнанія китайцевъ даже и теперь, въ конгрессѣ, каждая приписывая эту мѣру себѣ въ виду того, что этою осенью наступаютъ мѣстные выборы на западѣ. За исключеніемъ же этихъ «случайныхъ» вопросовъ, вся кампанія держится на томъ, у какой партіи окажется больше денегъ; и если бы партіи не хранили въ тайнѣ своихъ средствъ, то можно бы за нѣсколько мѣсяцевъ до выборовъ сказать, которая одержитъ верхъ; но тайна соблюдается строго какъ для того, чтобъ застичь противниковъ врасплохъ, такъ и затѣмъ, чтобъ не выдать мотивовъ тѣхъ вкладчиковъ, дѣятельность которыхъ массамъ непопулярна. Значеніе денегъ однако же признается всѣми, и это никого не scandalизируетъ, даже тогда, когда всѣ знаютъ, что деньги идутъ прямо на подкупъ избирателей. Въ подтвержденіе этого невѣроятнаго

факта припомнимъ характерный эпизодъ, поразившій даже Нью-Йоркъ съ небольшимъ годъ тому назадъ, вскорѣ послѣ избранія Гарфильда на президентство. Дѣло было въ томъ, что торжествующее республиканскіе лидеры — съ настоящимъ президентомъ Артуромъ во главѣ — собрались отпраздновать свою побѣду достойнымъ случаемъ обѣдомъ, въ теченіе котораго, конечно, подводились итоги недавнимъ успѣхамъ, причемъ откровенность дошла до такихъ размѣровъ, что вице-президентъ Артуръ, предложивъ за экс-сенатора Дорси (Dorsey), произнесъ спичъ и прямо приписалъ республиканскую побѣду въ Индіанѣ личнымъ успѣхамъ Дорси и «его щедрости на... деньги»... Последнее слово было покрыто дружнымъ хохотомъ и взрывомъ аплодисментовъ. Теперь этотъ самый экс-сенаторъ Дорси, виновникъ избранія Гарфильда и Артура, арестованъ какъ одинъ изъ главныхъ грабителей казны по контрактамъ такъ-называемыхъ «звѣздныхъ почтовыхъ трактовъ». Шайка грабителей, съ Дорси во главѣ, нажила многіе миллионы грабежемъ федеральной казны; не мудрено, что Дорси пожертвовалъ миллиономъ для поддержки существующей правительственной партіи. Однако же, ослѣпленный удачей, онъ и товарищи его забыли принять должныя предосторожности и «благодарному президенту» все-таки пришлось согласиться на преданіе Дорси, Бради и К^о суду присяжныхъ. Желѣзно-дорожнымъ компаніямъ пожертвованія возвращаются концессіями и уступками огромныхъ участковъ земли въ сотни тысячъ акровъ; банкиры своего также не упускаютъ, какъ было, наприимѣръ, въ бытность Джона Шермана министромъ финансовъ, когда правительство разомъ сбыло синдикату нью-йоркскихъ банкировъ все, что оставалось въ казначействѣ изъ 4% бумагъ, т.-е. на 150 миллионѣвъ долларовъ — и это въ ущербъ гражданамъ, которые стремятся всегда приобрѣсти эти вѣрные бумаги; банкиры же, получившіе на нихъ, такъ-сказать, монополію, конечно, продавали ихъ по очень возвышенной цѣнѣ и сразу нажили многіе миллионы долларовъ. Соблюдаютъ свои выгоды и монополисты, крупные фабриканты, торговые общества, пользующіе субсидіями и всякій подобный людъ. Другіе жертвователи, которые на деньги не падаютъ, награждаются мѣстами, дипломатическими миссіями за границей и такъ далѣе.

Изъ этого очевидно, что въ настоящее время *идеи* не руководятъ политическими партіями Америки; а разъ деньги заступили мѣсто идеи, открыто было широкое поле неистощимой въ этой области предпримчивости американцевъ. Политика мало-по-малу стала аферой — такою же сложной, какъ иное коммерческое пред-

пріятіе. Лица, заинтересованныя въ борьбѣ, твердо помнятъ девизъ американскихъ политическихъ дѣятелей: «the spoils belong to the victors» ¹⁾; они идутъ на рискъ, но при успѣхѣ вора-чаютъ потраченное во сто кратъ.

Было бы ошибочно полагать, что американскій народъ не знаетъ этихъ злоупотребленій; но американцамъ не до того, чтобы чинить надъ грабителями судъ и расправу. Нажива здѣсь такъ заманчива, средства разбогатѣть такъ доступны, что, въ погонѣ за золотомъ, никому нѣтъ охоты терять времени на изслѣдованіе грабежей казенныхъ суммъ и земель: каждый готовъ самъ лучше заплатить лишнимъ долларомъ, лишь бы его оставили въ покоѣ. Не мало содѣйствуетъ такому положенію вещей и то обстоятельство, что въ Соединенныхъ Штатахъ положительно не существуетъ класса «досужихъ людей»; при всемъ богатствѣ отдѣльныхъ гражданъ, здѣсь нѣтъ даже и той молодежи, которая во Франціи слыветъ подъ названіемъ «jeunesse dorée». Вслѣдствіе весьма распространеннаго обычая дѣлить состояніе между всѣми дѣтьми по-ровну, выдѣляя женѣ третью часть, молодые сыновья даже богатыхъ родителей не могутъ рассчитывать на исключительно большое наслѣдство, а при жизни отца по большей части не получаютъ ничего; каждый молодой человѣкъ гдѣ съ 18-ти, 20-ти начинаетъ самъ наживать себѣ состояніе, вдается въ предпріятія и такъ ими поглощается, что, за вѣчными тревоженіями торговыхъ сферъ, доживаетъ до старости, не успѣвъ урвать время на то, чтобы повеселиться, отложивъ на долгое время дѣла въ сторону. Люди, которые стоятъ на болѣе высокой степени образованія, занимаютъ почетныя и доходныя мѣста, какъ профессора, адвокаты, проповѣдники, журналисты, и съ должной серьезностью не имѣютъ времени заниматься политикой; правительственныя же мѣста такъ плохо оплачиваются, и такъ непрочно, что на нихъ способенъ польститься только бѣднякъ. Вслѣдствіе этого руководство политикой поступило въ исключительное вѣдѣніе наиболѣе лѣнивыхъ и наименѣе щепетильныхъ людей, которымъ не повезло на другихъ дорогахъ честной наживы. Американцы это хорошо знаютъ и потому между спеціально политическими дѣятелями почти невозможно встрѣтить вполне «респектабельнаго» гражданина: эти послѣдніе, какъ и представители интеллигенціи, сторонятся отъ политики, какъ отъ чумы.

Народъ давно пересталъ интересоваться внутренними дѣлами,

¹⁾ Добыча принадлежитъ побѣдителю.

предоставить их въѣднію своихъ политическихъ лидеровъ, а эти послѣдніе, въ-за партизанскихъ цѣлей, сплочиваются въ крѣпко организованную клику, называемую «machine», которая руководитъ всѣми избирателями своей партіи, подѣ предложемъ оберегания «ортодоксальности» народныхъ взглядовъ соотвѣтственно принципамъ партіи. Эта клика подѣляетъ между собою важнѣйшія федеральныя должности—если это партія правительственная—собираетъ фонды и вырабатываетъ планъ кампаніи при наступленіи выборовъ, намѣчаетъ своихъ «ортодоксальныхъ» кандидатовъ на всѣ выборныя мѣста, печатаетъ списки таковыхъ и раздаетъ избирателямъ, которымъ остается лишь опустить эти списки въ избирательныя урны; иногда избиратели пользуются своимъ правомъ вычеркивать нѣкоторые имена на спискахъ, напечатанныхъ лидерами, и замѣнять ихъ именами лицъ, которыя кажутся имъ болѣе способными къ занятію той или другой должности; но этимъ правомъ избиратели весьма рѣдко пользуются; большинство рабочихъ массъ, въ особенности въ городахъ, опускаютъ врученные имъ списки даже не читая ихъ.

Всякое отступленіе политическихъ дѣятелей отъ предписаній «machine» считается чуть не измѣной; избиратели, принадлежа къ той или другой партіи по старой памяти о прежнихъ своихъ симпатіяхъ или по семейнымъ преданіямъ, прекрасно знаютъ, что «машинѣ» ихъ партіи отнюдь дороги не принципы партіи, а выпадающее ей вліяніе и власть, въ видѣ разныхъ общественныхъ должностей, которыя замѣщаются «машиной» своими кандидатами; хотя мало кто способенъ сочувствовать этимъ двигателямъ «машины», но большинство избирателей все-таки ее поддерживаетъ, зная, что противная партія страдаетъ тѣмъ же самымъ и не желая отступничествомъ ослаблять своей партіи.

«Патронажъ», т.-е. произвольное распоряженіе извѣстнымъ числомъ официальныхъ мѣстъ, замѣщаемыхъ «по назначенію», составляетъ громадную силу въ Америкѣ и ведетъ къ вопіющимъ злоупотребленіямъ, какъ въ области администраціи, такъ и общественнаго самоуправленія. Власть и вліяніе, какъ общественнаго дѣятеля, такъ и всякаго фабриканта, являются соотвѣтственными тому, какимъ онъ располагаетъ «патронажемъ». Начинаясь эта власть съ президента, назначающаго высшихъ чиновниковъ, но за его дѣйствіями такъ зорко слѣдятъ милліоны глазъ, что онъ ею слишкомъ злоупотреблять не можетъ, а если и замѣщаетъ всѣ крупныя должности своими сторонниками, то старается выбирать ихъ изъ числа наилучшихъ представителей своей партіи, развѣ только какое-нибудь прежнее обязательство вынуж-

даетъ его, въ видѣ уплаты за политическія услуги и пожертвованныя въ кампанію деньги, назначать на важные посты заведомыхъ негодяевъ и воровъ, но это случается лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Явные злоупотребленія «патронажемъ» начинаются въ разныхъ отрасляхъ управленія, въ министерствахъ, въ почтовомъ, городскомъ, таможенномъ вѣдомствѣ. Здѣсь мало-малыш оперившійся чиновникъ ведетъ на шнуркѣ своихъ подчиненныхъ, заранѣе обязуясь въ томъ, что эти люди будутъ подавать голоса въ пользу тѣхъ или другихъ кандидатовъ; фабриканты и богатые коммерсанты, нуждающіеся въ проведеніи той или другой мѣры, заранѣе получаютъ съ компетентной стороны предложеніе повернуть всѣмъ въ ихъ пользу, на томъ условіи, чтобы всѣ работники на ихъ фабрикахъ, заводахъ или рудникахъ подавали голоса въ пользу того или другого кандидата. Условившись на счетъ этого, хозяинъ, въ день выборовъ, отправляетъ своихъ рабочихъ въ избирательные участки партіями, подъ предводительствомъ старшаго прикащика, который имъ и раздаетъ заранѣе приготовленные списки; нечего и говорить, что если кто изъ работниковъ откажется подавать голосъ свой по приказу хозяина, его немедленно расчитываютъ. Нельзя сказать, конечно, что такъ поступаютъ всѣ коммерсанты; но большинство руководить рабочими при выборахъ. Да отчего бы и нѣтъ? Рѣдко кто поступится крупною выгодною изъ-за принципа, въ особенности когда знаетъ, что предоставивъ онъ своимъ подчиненнымъ полную свободу голосованія, они все-таки подадутъ голосъ свой не по личному убѣжденію, а по принужденію какого-нибудь популярнаго «boss», знающаго, съ какой стороны подѣйствовать на рабочихъ.

«Патронажъ» въ видѣ дѣлежа мѣстъ получилъ уже такое право гражданства, что объ немъ говорятъ, точно о какомъ-нибудь наличномъ капиталѣ. Слѣдомъ за вопросомъ: «how much is N* worth? ¹⁾ вы услышите: «and how about his patronage?» ²⁾. Все это такъ принято что никого не scandalизируетъ и часто случается, что противныя политическія партіи вступаютъ въ коалицію, обязуясь сообща содѣйствовать проведенію тѣхъ или другихъ мѣръ, а затѣмъ дѣлить между собою «патронажъ» въ соотвѣтственной условіямъ пропорціи. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ состоялась такая стачка между республиканскою партіей штата Нью-Йорка съ одною фракціею демократической партіи, и теперь

¹⁾ Какъ велико состояніе N?

²⁾ А сколькоими онъ располагаетъ голосами на выборахъ: каковъ его «патронажъ»?

въ Албани, гдѣ засѣдаютъ законодательныя палаты, идетъ самый безцеремонный дѣлежъ добычи на глазахъ у всѣхъ, причемъ къ занятію нѣкоторыхъ отвѣстныхъ должностей—напримѣръ, на мѣсто начальника Нью-Йоркской тюрьмы Sing-Sing, гдѣ совершаются вопіющія злоупотребленія и звѣрства—назначаются люди, никакъ не пользующіеся общественнымъ довѣріемъ.

Печать, конечно, протестуетъ, иногда волнуется и общество, но трудно имъ совладѣть съ деспотизмомъ «машины» и съ разлагающимъ дѣйствіемъ «патронажа», которые неразрывною, искусно раскинутою сѣтью охватили весь союзъ. Будь эти злоупотребленія слѣдствіемъ порочности отдѣльныхъ лицъ, съ ними бы, конечно, справилось общественное мнѣніе, тѣмъ болѣе что большинство американцевъ отличаются полнѣйшею честностью въ частной своей жизни и руководятся по большей части весьма высокими принципами. Но громадность зла состоитъ въ томъ, что оно правильно систематизировано.

Я упомянулъ выше о «boss», какъ объ извѣстномъ факторѣ политическихъ сферъ. Этотъ типъ такъ своеобразенъ и пользуется такимъ вліяніемъ, что объ немъ нужно сказать нѣсколько добавочныхъ словъ. «Боссъ» — это лицо, живущее тѣмъ, что продаетъ и покупаетъ избирательные голоса. «Боссъ» бываетъ всякихъ калибровъ—есть такіе, что довольствуются удобствами даровыхъ ночлежныхъ домовъ, а есть и такіе, что живутъ въ гранитныхъ дворцахъ, тратятъ десятки тысячъ долларовъ въ годъ и пользуются почетомъ среди «респектабельной» части общества. Чтобы стать успѣшнымъ «боссомъ», не надо ни большого ума, ни прочнаго положенія; на это требуется природный талантъ судить о характерѣ людей и пользоваться слабостями тѣхъ, съ которыми приходится имѣть сношенія. Зарождается «боссъ», такъ сказать, самопроизвольно, лишь бы была подходящая почва, и быстро развивается безъ всякаго содѣйствія со стороны или специальной подготовки. Возьмемъ для примѣра, хоть низшій разрядъ боссовъ; подвизаются они по преимуществу въ слояхъ прибывающихъ изъ Европы эмигрантовъ—итальянцевъ, поляковъ, шведовъ, ирландцевъ, нѣмцевъ, или совсѣмъ незнающихъ языка или же не знающихъ, куда за чѣмъ обратиться; зарождающійся «боссъ» подаетъ имъ при случаѣ совѣтъ, направить ихъ куда слѣдуетъ и тѣмъ заслужить на первый разъ благодарность; отличительная черта «босса» состоитъ именно въ томъ, что онъ не состоитъ ни при какомъ дѣлѣ, времени въ его распоряженіи много; мало-по-малу окружающіе привыкаютъ къ нему, онъ дѣлается «необходимымъ человекомъ» и при выборахъ, коман-

дуетъ своею фалангою непросвѣщенныхъ послѣдователей, какъ любой генералъ. Вліяніе свое на нихъ онъ исчисляеть въ подробныхъ спискахъ голосовъ, находящихся въ его распоряженіи, и съ ними является въ одно изъ низшихъ отдѣленій «машины» той или другой партій. Послѣ удостовѣренія въ его способностяхъ, «машина» принимаетъ его услуги и щедро ихъ вознаграждаетъ изъ своихъ гласныхъ и негласныхъ фондовъ.

Посмотримъ теперь на босса въ его полномъ развитіи. При-мѣровъ искать недолго: не развернешь ни одной американской газеты безъ того, чтобы не встрѣтить на ней имени царя здѣшнихъ *боссовъ*—John Kelly, который состоитъ съ давнихъ поръ главою демократической корпораціи, извѣстной подъ индѣйскимъ названіемъ *Таммани Галль*. Келли прибылъ сюда въ ранней юности изъ Ирландіи, образованіе свое приобрѣлъ на нью-іоркскихъ улицахъ и докахъ, а теперь ворочаетъ сотнями тысячъ, проводитъ, побиваетъ кандидатовъ на губернаторство и президентство—какъ это было при послѣднихъ президентскихъ выборахъ, когда онъ вдругъ отказался поддерживать демократическаго кандидата Ганкока и въ самую критическую минуту предалъ демократическій Нью-Йоркъ въ руки республиканцевъ. У Келли свои кандидаты какъ на губернатора, на мэра, такъ и на всѣ другія избирательныя должности штата Нью-Йорка; онъ не признаетъ зависимости ни отъ какой политической «машины», съ нимъ самимъ нужно считаться; онъ диктуетъ свои условія мѣстному законодательному собранію—гдѣ надо, вставить ласковое слово, гдѣ надо—пригрозить, купить себѣ помощь на деньги или за должность, которыхъ въ его распоряженіи весьма много, особенно со времени его коалиціи съ республиканцами. За Джономъ Келли стоитъ большая партія—преимущественно ирландцевъ; среди послѣдователей своихъ онъ не только всемогущъ, но любимъ, популяренъ до крайности и—какъ это ни странно кажется—пользуется большимъ уваженіемъ. Джонъ Келли по самому существу своему самодуръ: власть любить онъ прежде всего, но и объ послѣдователяхъ своихъ не забываетъ; не смотря на то, что мѣстная печать ежедневно изобличаетъ его продѣлки, есть много людей искренно утверждающихъ, что Келли—человѣкъ безукоризненной честности; онъ уже много лѣтъ пользуется эпитетомъ «honest Kelly», и газетныя утвержденія противнаго мало кого убѣждаютъ. Въ печати періодически появляются торжественныя заявленія, что Келли наконецъ разбитъ на голову и въ политическомъ отношеніи похороненъ; но Келли—какъ новѣйшій фениксъ—воскресаетъ изъ пепла и слава о его подвигахъ гремитъ по всему союзу.

Одна изъ многочисленныхъ специальностей профессиональнаго босса состоитъ въ отправкѣ желающихъ делегатами въ федеральный конгрессъ или въ мѣстную палату представителей. Если какому удачному коммерсанту захочется попробовать счастья на политической аренѣ, то онъ уже знаетъ, что лучше всего идти прямо къ боссу и заявить ему о своемъ зарождающемся честолюбии, прося того устроить дѣло такъ, чтобъ избиратели того или другого участка выбрали его делегатомъ въ конгрессъ. Боссъ принимаетъ это извѣстіе весьма дѣловитымъ образомъ; зная все и всѣхъ—это также одна изъ неотъемлемыхъ принадлежностей босса—онъ прямо говоритъ, что «для васъ, мистеръ N, мѣсто въ конгрессѣ обойдется около тридцати пяти тысячъ долларовъ». N. ужасается, принимается торговаться такъ, что боссъ спускаетъ наконецъ съ заломленной цѣны болѣе половины, но, дойдя, приблизительно, до пятнадцати тысячъ, объявляетъ рѣшительно, что это «вслѣдняя цѣна». Если N. человекъ практическій, знающій цѣну не только деньгамъ, но и времени, то онъ обыкновенно соглашается и тогда можетъ продолжать вести свои обыкновенныя дѣла ни о чемъ не заботясь, будучи увѣренъ, что мѣсяца черезъ три-четыре онъ будетъ въ конгрессѣ. Но бываютъ такіе, что не хотятъ согласиться на цѣну «босса» и рѣшаются вести свою «кампанію» самолично. На этомъ поприщѣ ихъ ожидаетъ масса неприятностей и избраніе достигается лишь съ затратой болѣе суммъ, чѣмъ запрошена была «боссомъ»; иногда же деньги бываютъ потрачены, а честолюбецъ все-таки бываетъ забаллотированъ, а вслѣдствіе частаго соприкосновенія съ закулисною дѣятельностью выборной агитаціи наносить часто непоправимый вредъ своей репутаціи. Не далѣе какъ прошлою осенью отыскался въ Нью-Йоркѣ человекъ, одновременно надѣленный досугомъ, деньгами и честолюбіемъ. Это былъ извѣстный здѣсь миллионеръ Асторъ, который отказался ото всякихъ торговыхъ предприятий, соскучился въ бездѣльѣ, пробрался членомъ въ законодательное собраніе Албани, а затѣмъ возгорѣлъ желаніемъ попасть делегатомъ въ конгрессъ. Велись ли Асторомъ предварительные переговоры съ «боссами»—неизвѣстно, но лишь только наступили въ Нью-Йоркѣ выборы делегатовъ въ конгрессъ, онъ выступилъ кандидатомъ на это званіе. Чего только онъ ни дѣлалъ, по свидѣтельству газетъ: посѣщалъ всѣ кабаки своего участка, спавшая своихъ избирателей, самъ обращался къ народу со списками, нанималъ ораторовъ, давалъ чуть ли не по десяти долларовъ каждому, кто вызывался подать за него голосъ, но все было тщетно и онъ былъ забаллотированъ, а «боссы» лихо-

вали, посмѣиваясь и потирая руки. Мѣстная печать пришла въ благородное негодованіе противъ Астора доказывая, что онъ потерпѣлъ вполне заслуженное пораженіе, такъ какъ захотѣлъ ввести въ Америку безобразный англійскій обычай поголовнаго подкупа избирателей; но что американскіе рабочіе вышли побѣдителями изъ этого сильнаго искушенія: не подали голоса за того, кто подкапывался подъ ихъ нравственные принципы гражданъ великой республики. Дико какъ-то было читать эти заявленія здѣсь на самомъ мѣстѣ, гдѣ сыпятся десятки тысячъ на то, чтобъ повернуть выборы въ пользу того или другого лица. И причемъ здѣсь гражданскія чувства американскаго рабочаго? Тѣ же газеты за нѣсколько дней передъ тѣмъ заявляли что Асторъ переходитъ отъ одной группы избирателей къ другой, вручая имъ деньги изъ рукъ въ руки и уже истратилъ на подкупъ крупную сумму; если рабочіе взяли его деньги, то обманули его, подавъ голосъ за другого, и это никакъ не свидѣтельствуетъ о ихъ высокомъ гражданскомъ чувствѣ; а если отъ денегъ рабочіе отказались, то куда же дѣвались огромныя суммы, потраченныя Асторомъ, по свидѣтельству газетъ, и были ли въ самомъ дѣлѣ потрачены имъ какія деньги на подкупъ? Но такова американская печать; она не гонится за логикой и на что предвидится въ настоящую минуту спросъ, то она и поставяетъ читателямъ. Американцы же хорошо сознаютъ темныя стороны своей жизни, но все-таки рады были случаю прочесть въ газетахъ, что у нихъ дѣла не такъ плохи: въ Англіи, вѣдь, хуже, если Асторъ, стремясь ввести здѣсь «англійскую» систему подкупа, потерпѣлъ крушеніе на «высокомъ гражданскомъ чувствѣ» американскаго рабочаго. Невольно возникаетъ вопросъ: не лучше ли ужъ было бы, чтобъ подекупныя деньги шли прямо въ карманъ избирателей, чѣмъ служили на поддержку «машинъ» и «боссовъ», разъ уже избиратели обречены на то, чтобъ подавать голосъ по чужой волѣ, а не по своему сужденію.

«Боссы» далеко не составляютъ принадлежности большихъ торговыхъ и мануфактурныхъ центровъ. Немало ихъ и въ городовъ, но тамъ ихъ дѣятельность и положеніе измѣняется: они принадлежатъ сами въ числу трудового населенія данной мѣстности и проводятъ свои цѣли, дѣйствуя на сосѣдей убѣжденіемъ, склоняя ихъ въ пользу того или другого кандидата и пристально слѣдя за тѣмъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не уклонился — по лѣни или по недостатку времени — отъ подачи голоса въ день выборовъ.

Конечно, случается и такъ, что главные «боссы» сами общи-

тываются и не достигают избранія того, съ кого взяли деньги на этот предмет. Но это — явленіе рѣдкое, такъ какъ «боссъ» отнюдь не простой мошенникъ, онъ не станетъ брать денегъ съ того, чье избраніе представляется ему невозможнымъ. Случается и такъ, что сами избиратели подаютъ голоса сознательно и проводятъ человѣка достойнаго и популярнаго въ околотеѣ, но и это достигается лишь съ согласіемъ «машинъ» той партіи, къ которой кандидатъ принадлежитъ.

Если обыкновеннымъ избирателямъ приходится выдержать не малое испытаніе для того, чтобы не прельститься на подкупъ или не подпасть вредному воздѣйствію, то сколько гражданскаго мужества требуется имѣть тѣмъ счастливымъ, которые попадаютъ, наконецъ, въ мѣстные законодательныя собранія или въ федеральный конгрессъ. Тутъ на каждомъ шагѣ возникаютъ передъ ними новыя и могущественныя искушенія. Длинные корридоры и залы, смежныя съ залой, гдѣ происходятъ засѣданія сенаторовъ и народныхъ представителей, носятъ здѣсь названіе «lobby», откуда исходитъ непереводаемый терминъ «lobbyist», то-есть посторонній человѣкъ, являющійся въ «lobby» для того, чтобы переговорить съ тѣмъ или другимъ депутатомъ и сенаторомъ. Заслуживаетъ званія «лоббиста» однако же не всякій случайный пришлецъ, но постоянные посѣтители «lobby», — иначе говоря, специалисты по части подкупа членовъ конгресса и законодательныхъ палатъ. Лишь только наступаетъ перерывъ въ преніяхъ по какому-либо биллю, затрогивающему интересы какого-нибудь общества, компаніи или отдѣльнаго класса капиталистовъ, и члены палаты выступаютъ изъ залы засѣданія, ихъ немедленно окружаютъ присяжные «лоббисты» — ихъ знакомые, которыхъ они встрѣчаютъ повседневно на равной ногѣ и въ обществѣ, и въ торговыхъ сферахъ. Конечно, весь этотъ людъ является будто по желанію переговорить съ членами о какихъ-нибудь постороннихъ дѣлахъ, но эта прозрачная маска никого не обманываетъ. Такимъ образомъ, какого-нибудь небогатаго члена палаты, вынужденнаго часто жить не по средствамъ въ Вашингтонѣ, изо дня въ день осаждаютъ предложеніями денегъ, денегъ и денегъ, а лишь только депутатъ или сенаторъ причисленъ къ какому-нибудь комитету, положеніе его становится вдесятеро мудренѣе. Трудно человѣку со слабымъ характеромъ, хотя бы и честному по природѣ, уберечь свои руки чистыми отъ взятокъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ служенія странѣ народнымъ представителемъ! Даже Гарфильдъ, и тотъ въ свое время былъ замѣшанъ въ грязной исторіи поголовнаго подкупа членовъ конгресса; демократы прямо

доказывали, что онъ въ одну сессію приобрѣлъ около 20,000 долларовъ и республиканцы не могли этого обвиненія опровергнуть, такъ какъ демократы въ доводахъ своихъ ссылались на свидѣтельство республиканскихъ же органовъ печати за то время, когда происходило слѣдствіе надъ этимъ скандаломъ, и имя Гарфильда до сихъ поръ не очищено отъ подозрѣнія. А между тѣмъ онъ дѣйствительно былъ честный человѣкъ, но, къ сожалѣнію, имѣлъ слабую волю и большую семью, и это даетъ опасное орудіе въ руки его враговъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что при настоящемъ процвѣтаніи «lobby» страдаетъ репутація многихъ неповинныхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, желѣзно-дорожныя компаніи и разныя акціонерныя общества держатъ постоянный отрядъ подкупщиковъ-лоббистовъ при всѣхъ законодательныхъ палатахъ и другихъ мѣстахъ, дѣятельность которыхъ можетъ отозваться на интересахъ компаніи. Положимъ, что лоббистъ, представляя отчетъ въ израсходованныхъ на подкупъ деньгахъ, выставитъ произвольно извѣстныя суммы противъ именъ цѣлой фаланги народныхъ представителей: эти послѣдніе никогда о томъ не узнаютъ, пока не дойдетъ дѣло до суда, а «компанія», понятное дѣло, тоже не можетъ провѣрять заявленія своего лоббиста, обращаясь къ какому-нибудь делегату съ вопросомъ: «а продали ли вы, сэръ, вашъ голосъ нашему агенту за такую-то сумму денегъ?» Не далѣе какъ въ іюнѣ прошлаго года въ самый разгаръ политической агитаціи въ Албани, послужившей прелюдіею къ преступленію сумасшедшаго Гито, одинъ изъ членовъ нью-іорскаго законодательнаго собранія явился къ спикеру палаты и вручилъ ему 5,000 долларовъ, которые, по его утвержденію, были ему даны за то, чтобъ онъ подалъ свой голосъ въ пользу извѣстной партіи. Дѣйствіе это было такъ необычайно, что люди, которые обвинялись въ томъ, что дали члену взятку, стали утверждать, что никогда этихъ денегъ не видали, а онъ пущенъ въ дѣло ихъ же противниками, желавшими обратить общественное мнѣніе противъ той партіи, къ которой они, обвиняемые, принадлежатъ. И это объясненіе продержалось до сего дня, тѣмъ болѣе, что на тѣ злополучныя 5,000 не предъявилось, конечно, ни одного собственника и онъ по прежнему хранится у спикера въ Албани.

Было бы ошибочно предполагать, что, приводя всѣ эти факты, я основываюсь на свѣдѣніяхъ, обыкновенной публикѣ недоступныхъ. Злоупотребленія эти весьма свободно обсуждаются и печатью ¹⁾,

¹⁾ См., напр., статью: „The power of public plunder“ by James Parton, „North American Review“, July 1881.

а газеты нередко предостерегаютъ депутатовъ и сенаторовъ держаться подалеже отъ лоббистовъ. Не далѣе какъ на дняхъ въ одной изъ газетъ опубликованъ былъ списокъ завязанныхъ лоббистовъ во всеобщее свѣдѣніе, съ присовокупленіемъ тѣхъ цѣпей, которыя каждый изъ нихъ приставленъ проводить. А не слѣдуетъ забывать, что при всей свободѣ печати американскіе законы насчетъ клеветы и злостныхъ наветовъ весьма строги. Конечно, не всѣ представители народныя страдаютъ безхарактерностью, и подкупомъ можно склонить лишь меньшинство. Но въ рукахъ у лоббистовъ есть кромѣ того и другія средства. На тѣ 5,000 долларовъ, что пришлось бы вручить разомъ какому-нибудь продажному члену, можно накормить прекрасными обѣдами десятки вліятельныхъ, богатыхъ и честныхъ людей, которые отъ денегъ отвернулись бы съ негодованіемъ; а хорошіе обѣды развиваютъ общительность и трудно затѣмъ подавать свой голосъ противъ прямыхъ интересовъ того человѣка, за чьимъ столомъ приходится часто обѣдать. «Система» дорогихъ обѣдовъ все болѣе и болѣе входитъ въ обычай въ дѣловыхъ сферахъ Уашингтона, и такіе результаты достигаются ею, можно видѣть изъ слѣдующаго.

Нѣкто капитанъ Идсъ (Eads) выработалъ проектъ постройки желѣзной дороги, по которой предполагается перевозить изъ Мексиканскаго залива въ Тихій океанъ и обратно корабли и пароходы всѣхъ калибровъ и безъ всякой разгрузки. Проектъ этотъ поступилъ теперь въ конгрессъ и переданъ на разсмотрѣніе торговаго комитета и—какъ ходятъ слухи—будетъ непременно одобренъ комитетомъ, а затѣмъ, вѣроятно, пройдетъ и въ конгрессѣ. Капитанъ Идсъ предлагаетъ правительству гарантировать его желѣзно-дорожную линію въ размѣрѣ 5 милліоновъ долларовъ за каждыя десять миль, по окончаніи постройки первыхъ десяти миль; гарантія правительства въ томъ же размѣрѣ имѣетъ быть распространена на каждыя слѣдующія десять миль или фракціи таковыхъ, на какомъ бы пунктѣ работы ни были совершены. Такимъ образомъ, Идсъ будетъ имѣть возможность построить сейчасъ же десять миль желѣзной дороги на самыхъ удобныхъ мѣстахъ для работъ и сразу начать получать по 6⁰/₁₀₀ на многіе милліоны правительственной гарантіи и получать ихъ хотя бы до конца своей жизни, такъ какъ онъ вовсе не обязывается непременно довершить свою дорогу и сдѣлать ее удобною для перевозки судовъ. Даже и тѣ мѣста, гдѣ суда, сходя съ предполагаемой линіи желѣзнаго пути, должны идти водою до слѣдующаго вступленія на рельсы, гарантируются правительствомъ въ томъ же размѣрѣ. Если билль о каналѣ этомъ пройдетъ и,

приступя къ работамъ, Идсъ встрѣтитъ непреодолимые препятствія, онъ все-таки не лишается 6% съ правительственной гарантіи, присужденной ему на построенную уже часть пути. Но чѣмъ же стремится капитанъ Идсъ, добиться этого гигантскаго *job*, способнаго дать ему на всю жизнь возможность прожить на правительственные деньги? Ничѣмъ болѣе, какъ обѣдами въ Уашингтонѣ, на которые онъ зазываетъ всѣхъ, отъ кого зависитъ проведеніе билля въ конгрессѣ.

Такихъ *jobs* уже и теперь существуетъ множество, и благодаря имъ миллионы правительственныхъ и общественныхъ денегъ находятъ дорогу въ частные карманы разныхъ предприимчивыхъ людей. У насъ тутъ вѣчно на глазахъ мостъ изъ Нью-Йорка въ Бруклинъ, который поглотилъ несчетное число миллионѣвъ, все строится и никогда не достраивается, хотя отъ города выдается на его «довершеніе» около полутора миллиона долларовъ ежегодно. Въ такомъ же положеніи находится и знаменитый гигантскій Капитолій въ Албани, которымъ уже десятокъ лѣтъ живетъ множество ловкихъ людей, а достроиться онъ все не можетъ, несмотря на добавочныя ассигновки громаднхъ суммъ.

Мѣстная печать неотступно изобличаетъ всѣ эти вопіющіе грабежи, а они все идутъ своимъ чередомъ, ничуть не страдая отъ изобличеній. Дѣло въ томъ, что у правительства такъ много денегъ, что оно положительно затрудняется, куда ихъ употребить, такъ какъ слишкомъ быстрая уплата остающагося государственнаго долга считается неудобною, потому что можетъ произвести слишкомъ крутое потрясеніе въ биржевыхъ и другихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе этого при правительственныхъ вѣдомствахъ теперь держится небывалое число разныхъ паразитовъ и агентовъ всевозможныхъ компаній, желѣзно-дорожныхъ, акціонерныхъ и другихъ, которые зорко сторожатъ, чтобъ годовой излишекъ доходовъ надъ расходами, доходящій до 150 миллионѣвъ долларовъ, не пошелъ бы на сбавку налоговъ съ народа и на уменьшеніе пошлинъ. Lobby процвѣтаетъ, и казну не грабятъ только лѣнливый. Всеобщее равнодушіе къ грабежу правительственныхъ денегъ доходитъ до того, что даже тѣ народные представители, которые неспособны присвоивать себѣ правительственныхъ суммъ, не стѣсняются однако заставлять платить за себя правительственные деньги, когда только могутъ того добиться. Такъ, напримѣръ, изъ конгрессовыхъ суммъ полагается покупать для членовъ письменныя принадлежности по ихъ распоряженію. За прошлый годъ расходы на письменныя принадлежности оказались чрезмѣрно велики и наряжено было слѣдствіе надъ тѣмъ, на что именно

эти суммы пошли; оказалось, что члены конгресса, подъ видомъ письменныхъ принадлежностей, приказывали покупать для себя на счетъ конгресса всевозможныя книги, преимущественно дорогія семейныя библіи, дорожныя несессеры, дамскіе вѣера, бусы цвѣтовъ (въ зимнее время), заказывали свои визитныя карточки, дорогую бумагу съ вензелями чуть ли не цѣлыми стопами — и даже дорогіе духи по фунтамъ! Министры, въ свою очередь, пользовались своимъ положеніемъ какъ только могли: министръ финансовъ, Джонъ Шерманъ, постоянно употреблялъ работниковъ и мастеровыхъ при своемъ домѣ, поручая имъ получать деньги изъ фонда, ассигнованнаго конгрессомъ на поправку правительственныхъ зданій. Къ довершенію скандала недавно въ конгрессъ предъявленъ былъ счетъ въ 7000 долларовъ (около 14,000 рублей) по тѣмъ расходамъ, какіе сдѣланы были по требованію членовъ конгресса по случаю похоронъ президента Гарфилда, когда они ѣздили изъ Уашингтона въ Кливлендъ; конечно, переѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ не вошелъ въ эту уплату по частнымъ счетамъ представителей. На что же, спрашивается, потрачено ими было 7,000 долларовъ? Въ числѣ счетовъ фигурируетъ одинъ въ 1,700 долларовъ на шампанское, коньякъ, уиски, сигары и закуски; 300 долларовъ на одни sock-tails ¹⁾. Далѣе идутъ счета за множество дюжины бѣлыхъ перчатокъ, сапоговъ и проч. и проч. Явное дѣло, что представители были до такой степени сокрушены горемъ по поводу утраты президента-мученика, что для поддержки ихъ силъ потребовалось на 2000 долларовъ подкрѣпительныхъ напитковъ...

Размѣры настоящей статьи не допускаютъ меня вдаваться въ подробное перечисленіе всѣхъ волъ, къ которымъ ведетъ такой упадокъ нравовъ въ политическихъ слояхъ Соединенныхъ Штатовъ при постоянно возрастающемъ господствѣ немногихъ капиталистовъ надъ сотнями тысячъ рабочихъ, при усиленіи гигантскихъ корпорацій и могучихъ монополій. Американцы сами сознаютъ опасность настоящаго положенія вещей и съ общечеловѣческой склонностью преувеличивать собственную бѣду начинаютъ все чаще и чаще поговаривать о томъ, что, если политическая нравственность не будетъ восстановлена, странѣ грозитъ «революція», а за нею «цезаризмъ». Какъ ни дивно кажется этотъ призракъ «цезаризма» въ Соединенныхъ Штатахъ, нельзя однако же отрицать, что положеніе дѣлъ становится часъ отъ

¹⁾ Крѣпкій напитокъ, составленный изъ уиски или коньяка съ мускатнымъ орѣхомъ и другими пряностями, сахара и горячей воды.

часу серьезнѣе, когда въ странѣ все развивается, растетъ и усиливается, тогда какъ правительство дѣлается все слабѣе и незначительнѣе. Власть исполнительная, значительно ограниченная самой конституціей, за послѣднее время систематически доведена до ничтожества. На президентское мѣсто выбираютъ такъ-называемыхъ здѣсь «dark horses», т.-е. людей, ничѣмъ незамѣчательныхъ, подвергнувшихся конвенціи подъ руку невзначай и выбранныхъ кандидатами партіи именно оттого, что отъ нихъ нельзя было ожидать оппозиціи. Таковы были президенты Гайзъ и Гарфильдъ. Всесильной «машинѣ», поддерживаемой синдикатами банкировъ, богатыми корпораціями и монополистами, отнюдь не надо энергичнаго президента и способныхъ чиновниковъ; ихъ ловля производится всегда въ мутной водѣ и имъ не требуется никакого посторонняго вмѣшательства въ ихъ систематизированную эксплуатацію интересовъ народныхъ массъ.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что небольшая горсть алармистовъ, извращая значеніе опасности и твердя о цезаризмѣ, ставятъ себя въ смѣшное положеніе и тѣмъ лишается значенія въ глазахъ народа. Людямъ же, лично не причастнымъ къ дѣшнимъ дѣламъ, приходится наблюдать странное явленіе: широкая свобода является здѣсь столько же залогомъ безпримѣрнаго въ исторіи благосостоянія, сколько и подводною мелью, которая грозитъ ежечасной опасностью мирному развитію общественной жизни. Граждане — по крайней мѣрѣ громадное ихъ большинство — слишкомъ склонны смотрѣть съвозъ пальцы на всѣ отвратительныя проявленія въ своихъ политическихъ сферахъ, въ полной увѣренности въ томъ, что отъ самого народа зависитъ устранить большинство этихъ злоупотребленій при первыхъ же выборахъ, мѣстныхъ или національныхъ, повторяющихся каждые два—четыре года; эта увѣренность порождаетъ пагубное равнодушіе, даже потворство грабителямъ, лишь бы только не потратить часа дорогого времени, которое все предназначено идти на погоню за долларами, которые здѣсь такъ легко даются, но увы, такъ же легко и уплываютъ... А между тѣмъ и общественная нравственность подтачивается; въ странѣ нѣтъ почти и слѣда старинной пуританской честности, строгости и цѣломудренности, а такая распушенность чуть ли не опаснѣе еще въ республикѣ чѣмъ при монархическомъ правленіи. Этому уже нельзя помочь одними выборами. Да и представляютъ ли частые выборы сами по себѣ благодѣяніе или неудобство — является еще по меньшей мѣрѣ спорнымъ вопросомъ. Если бы выборный періодъ здѣсь дѣйствительно былъ временемъ провѣрки частныхъ

взглядовъ и убѣжденій путемъ посылной ревизіи дѣятельности выборныхъ лицъ за истекшее время ихъ дѣятельности, если бы выборы содѣйствовали развитію идей путемъ всесторонняго ихъ обсужденія, тогда бы можно было ихъ признать благомъ; но идеи теперь забыты и частые выборы являются лишь перетасовкой должностей и сигналомъ періодическихъ сотрясеній, причемъ личныя страсти разгораются до крайнихъ размѣровъ и политическая арена представляетъ какую-то безобразную сатурналію всевозможныхъ паразитовъ на счетъ честнаго, трудового, свободлюбиваго класса населенія.

В. МАКЪ-ГАХАНЪ.

Нью-Йоркъ.

ИЗУЧЕНІЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБОЗРЪ.

VI *).

И. П. САХАРОВЪ.

Съ 1830-хъ годовъ, когда появились первыя изданія Сахарова, онъ сталъ приобрѣтать все болѣшую извѣстность, какъ особенный, въ своемъ родѣ почти единственный знатокъ русской народности, т.-е. быта, преданій, обычаевъ, пѣсенъ, сказокъ и всякой старины. Эта популярность его имени и изданій удерживалась почти до половины 1850-хъ годовъ, — а именно до новыхъ обширныхъ предпріятій по изданію и истолкованію народнаго поэтическаго и бытового содержанія. До того времени, тексты и свидѣтельства Сахарова считались въ ряду наиболѣе авторитетныхъ источниковъ для ученыхъ и литературныхъ выводовъ о русской народности. Теперь очень рѣдко встрѣтится цитата изъ Сахарова, — и не только потому, что явилось много новыхъ источниковъ; ретроспективная критика иначе взглянула не только на его мнѣнія, но и на самое качество многихъ его текстовъ, и отвергла ихъ какъ неточные или даже фальшивые.

Для своего времени Сахаровъ есть этнографъ, чрезвычайно типическій. Этнографическая наука едва начиналась. Стремленіе изучать народъ было въ воздухѣ; но матеріалъ, приемы изученія были выяснены такъ мало, что часто приходилось идти ощупью и наугадъ; народность офиціальная, отголоски романтизма, даже

*) См. выше: июнь, 622 стр.

просто нелюбовь къ новизнѣ у людей «старого вѣка» создавали настроеніе, въ которомъ старина народная стала представляться наиболѣе ревностнымъ адептамъ въ таинственномъ, почти мистическомъ свѣтѣ, какъ нѣчто священное, патріархально-мудрое, въ чемъ скрытъ палладіумъ истинной національности, свободной отъ всякой порчи и заморскихъ хитростей. Сахаровъ, самоучка въ этнографіи, тѣмъ больше подчинился этому настроенію, гдѣ темное національное стремленіе нисколько не проявлялось знаніемъ и критикою; эти смутныя представленія видимо отражались на его трудахъ и, какъ увидимъ далѣе, чрезвычайно имъ повредили.

Біографія Сахарова, по нашему обыкновенію, не написана тѣмъ, кто могъ бы (даже и теперь) написать ее ¹⁾. Съ внѣшней стороны, она была немногосложна. Сахаровъ (род. 1807), тульскій уроженецъ, былъ сыномъ священника; учился въ семинаріи; кончивъ тамъ курсъ въ 1830 году, былъ уволенъ изъ духовнаго званія и поступилъ въ московскій университетъ по медицинскому факультету. Кончивъ тамъ курсъ въ 1835, Сахаровъ былъ назначенъ «для практики» въ московскую городскую (или «градскую») больницу, оттуда вскорѣ перечисленъ въ университетскіе медики и, прослуживъ здѣсь годъ, перешелъ на службу врачомъ въ почтовый департаментъ, въ 1836—1837 г. переехалъ въ Петербургъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и работалъ.

Труды Сахарова начали появляться съ 1830 года. Возбужденный чтеніемъ Карамзина, онъ занялся мѣстной исторіей, печаталъ въ «Галатѣй», въ «Телеграфѣ» и «Русской Вивліоѳилѣ» Полевого матеріалы, касавшіеся тульской старины ²⁾. При малочисленности любителей народной старины въ то время, имя Сахарова было замѣчено и по этимъ опытамъ; но настоящая и вскорѣ очень обширная извѣстность его пошла съ тѣхъ поръ, какъ

¹⁾ Матеріалъ для біографіи представляютъ теперь нѣсколько некрологовъ: „Воспоминаніе объ И. П. Сахаровѣ“, Срезневскаго, въ Запискахъ И. Акад. Наукъ, 1864, кн. 2, стр. 239—244; Иллюстриров. Газета, 1864, № 1, стр. 1, портретъ, стр. 10, короткій некрологъ; Тульскія свѣдѣнія, 1864, № 5 (имъ ихъ не были подѣланы); Р. Архивъ 1865, № 1, стр. 123 (Свѣдѣнія о р. писат., Геннадіи) и др., но въ особенности матеріалы: „Для біографіи Сахарова“, съ отрывками его воспоминаній и нѣкоторыми примѣчаніями его друга, П. И. Саввантова, въ „Р. Архивѣ“, 1873, стр. 897—1017; „Русскіе нумизматы сороковыхъ годовъ“, Н. Барсукова (въ „Др. и Н. Россіи“, 1880, кн. отдѣльно), гдѣ напечатана переписка Сахарова съ Кубаревымъ, Ундольскимъ и Бодянскимъ.

²⁾ Отдѣльно были изданы: „Достопамятности Венева монастыря“, М. 1881 (брошюра, 26 стр.); „Исторія общественнаго образованія тульской губерніи“, ч. I. М. 1882, съ планами и картой. Это послѣднее изданіе осталось неоконченнымъ; отрывокъ изъ второй части былъ напечатанъ въ „Современникѣ“ 1887, т. VII, стр. 295—325.

онъ съ 1836 года началъ издавать «Сказанія русскаго народа», за которыми слѣдовали «Путешествія русскихъ людей», «Пѣсни русскаго народа», «Записки русскихъ людей», «Сказки», далѣе, рядъ библіографическихъ трудовъ по старой литературѣ и изслѣдованій археологическихъ ¹⁾, нѣсколько статей въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, статьи и матеріалы въ журналахъ.

Этотъ рядъ изданій, при всѣхъ недостаткахъ, видныхъ теперь, свидѣтельствовалъ о замѣчательномъ трудолюбіи и предпріимчивости издателя и среди начавшихся въ литературѣ толковъ о народности, — для которой еще затруднялись найти опредѣленіе, — не могъ не произвести большого впечатлѣнія. Какъ мы замѣчали, Сахаровъ быстро пріобрѣлъ извѣстность знатока русской народности: на него ссылались, изъ него заимствовались, когда шла рѣчь о старинѣ, о преданіяхъ, пѣсняхъ народа и т. п., по его матеріалу судили о характерѣ народно-поэтической старины, начинали комментировать этотъ матеріалъ и т. д. «Кто жилъ въ то время, не чуждаясь литературы, — говоритъ Срезневскій, самъ тогда же начинавшій свое этнографическое поприще, — тотъ знаетъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное книгами Сахарова, особенно книгами Сказаній русскаго народа, — не только между любителями старины и народности, но и вообще въ образованномъ кругу. Никто до тѣхъ поръ не могъ произвести на русское читающее общество такого вліянія въ пользу уваженія къ русской народности, какъ этотъ молодой любитель. Не поразилъ онъ основательной ученостью, не поразилъ онъ и многообразіемъ соображеній; но множество собранныхъ имъ данныхъ было такъ неожиданно велико и по большей части, для многихъ, такъ ново, такъ встаетъ въ то время, когда въ русской литературѣ впервые заговорили о народности, и притомъ же увлеченіе ихъ собирателя, высказавшееся во вводныхъ статьяхъ, было такъ искренно и рѣшительно, что остаться въ числѣ равнодушныхъ было трудно. Замѣчательно, что и многоначитанный и

¹⁾ «Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ». Ч. I. Спб. 1836 (изд. 2-е, 1837). Ч. II. Спб. 1837. Ч. III, кн. 2. Спб. 1837. «Сказанія» и пр. изд. 3-е. Томъ I (книги 1—4). Спб. 1841. Томъ II (книги 5—8). Спб. 1849.

— «Путешествія русскихъ людей въ чужія земли». Ч. I. (два изданія). Ч. II. Спб. 1837.

— «Пѣсни русскаго народа». Ч. I—II. Спб. 1838. Ч. III—V. Спб. 1839. Книжка въ 36-ю долю л.

— «Записки русскихъ людей». Спб. 1841.

— «Русскія народныя сказки». Часть I. Спб. 1841, въ 12°. Второй части не было.

трудолюбивый И. М. Снегиревъ, издавшій въ это же время лучшіе свои труды, уже прежде приобрѣтшій себѣ извѣстность... большинствомъ читателей былъ ставимъ не такъ высоко, какъ Сахаровъ».

Когда въ 1841 вышло новое изданіе «Сказаній» (первый томъ), гдѣ въ одномъ «томѣ» соединено было четыре «книги», съ большимъ обиліемъ матеріала по старинѣ и народности, на читателей и критиковъ сильное впечатлѣніе произвело предисловіе, въ которомъ Сахаровъ излагалъ весь планъ предпринятаго имъ изданія ¹⁾. Это была цѣлая энциклопедія для изученія народности и старины, до тѣхъ поръ еще нигдѣ не указанная съ такихъ разнообразныхъ сторонъ,—и критики пришли въ изумленіе отъ обширности начатаго труда и отъ неожиданнаго обилія открывавшихся матеріаловъ для историческаго изученія народности въ литературѣ ²⁾. Срезневскій, которому вѣроятно и тогда

¹⁾ Планъ былъ таковъ. Все изданіе должно было заключать, въ семи томахъ, слѣдующее содержаніе:

Томъ I. Книги: 1, Русская народная литература. 2, Очерки семейной русской жизни. 3, Русскія народныя пѣсни. 4, Памятники древней русской литературы.

II. Книги: 5, Старые словари русскаго языка. 6, Русскія народныя свадьбы. 7, Русская народная годовщина. 8, Путешествія русскихъ людей.

III. Книги: 9, Русская народная демонологія. 10, Словари русскихъ областныхъ нарѣчій. 11, Русскія народныя охоты. 12, Сказанія о русскомъ народномъ врачеваніи.

IV. Книги: 13, Русская народная символика. 14, Лѣтопись русской библиографіи. 15, Русскія народныя повѣрія и примѣты. 16, Русскія народныя пословицы.

V. Книги: 17, Лѣтопись древнихъ искусствъ и художествъ. 18, Лѣтопись славяно-русскихъ типографій. 19, Лѣтопись русской литературы. 20, Русскія народныя сызки.

VI. Книги: 21, Записки русскихъ людей. 22, Обзоріе древняго русскаго права. 23, Обзоріе русскихъ гербовъ и печатей. 24, Русскія народныя одежды.

VII. Книги: 25, Родословная книга русскихъ дворянскихъ родовъ. 26, Лѣтопись русской этимологии. 27, Образцы велико-русскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ нарѣчій. 28, Славяно-русская мнѣология. 29, Русскіе разрядные списки. 30, Приложенія и указатели.

²⁾ Приводитъ для образчика нѣсколько словъ изъ рецензій „Сказаній“ въ „Современникѣ“ Плетневскомъ, который считался тогда органомъ такъ-называвшагося аристократическаго литературнаго круга:

„Вотъ предпріятіе,—говорилось тамъ,—котораго исполненіемъ могла бы заслужить всеобщую признательность и справедливую славу кака-нибудь академіи,—предпріятіе почти на цѣлую жизнь частнаго человѣка... Просматривая одни заглавія книгъ его, начинаешь постигать всю важность, всю великость идеи литературы. Она одна воссоздаетъ для потомства изчезнувшую жизнь предковъ“ и т. д. („Соврем.“ 1841, т. XXII, стр. 39—41).

Ср. подобный отзывъ въ журналѣ другого круга, „Отеч. Запискахъ“ 1841 (Сочин. Балесскаго, т. V, изд. 2-е, стр. 311—317, и тамъ же о „Сказкахъ“ Сахарова, стр. 317—319).

были видны нѣкоторыя ненаучныя странности плана и исполненія «Сказаній», въ своемъ «Воспоминаніи» такимъ же образомъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное въ свое время изданіемъ Сахарова. «Мало кого смутилъ безпорядокъ расположенія, — говоритъ онъ, — и то, что многія изъ книгъ «Сказаній народа» ни въ какомъ смыслѣ не подходятъ своимъ содержаніемъ подъ понятіе о сказаніяхъ народа; а масса общаго, важнаго, новаго, желаннаго и неожиданнаго не могла не поразить. Явились, конечно, и такіе читатели, которые не повѣрили, чтобы Сахаровъ дѣйствительно занимался всѣмъ тѣмъ, чему хотѣлъ дать мѣсто въ своемъ сборникѣ; но сравнительно ихъ было очень мало. Большинство Сахарову довѣряло, и не напрасно: прежнія изданія, выходившія одно вслѣдъ за другимъ чуть не непрерывно, были такъ разнообразны, что увеличеніе разнообразія содержанія новаго неизданнаго вдвое, втрое не казалось для Сахарова невозможнымъ, а только радовало и располагало къ нему».

Правда, второй томъ «Сказаній» послѣдовалъ за первымъ только въ 1849, а третій остался неизданнымъ; но въ послѣдующихъ работахъ Сахаровъ продолжалъ наполнять различныя рубрики своего плана.

Рядъ новыхъ изысканій Сахарова направился на библиографическія и чисто археологическія изслѣдованія. Еще съ тридцатыхъ годовъ онъ сталъ заниматься литературой рукописей, библиографіей старопечатныхъ изданій, затѣмъ исторіей иконописанія, церковнаго пѣнія, нумизматикой, родословіемъ, геральдикой и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Славяно-русскія рукописи. Сиб. 1839, 32 стр. 8°. Напечатано было въ небольшомъ числѣ экз. и въ продажѣ не было.

— Современная хроника русской нумизматики (Сѣв. Пчела, 1839, № 69 — 70; также № 125); Лѣтопись русской нумизматики. Сиб. 1842, 4°, съ 12 снимками; 2-е изд. 1851.

— Русскіе древніе памятники. Сиб. 1842, 4°, съ 9 снимками изъ старопечатныхъ книгъ.

— Русское церковное пѣнописаніе (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, № 2, 3. 7).

— Обзоріе славяно-русской библиографіи. Томъ I, кн. 2 (вып. 4-й). Сиб. 1849. Первые три выпуска не были донечтаны; изготовлено 104 снимка съ рукописей и печатныхъ книгъ не было, по какимъ-то востороннимъ обстоятельствамъ, выпущены въ свѣтъ.

— Изслѣдованіе о русскомъ иконописаніи. Часть I. Сиб. 1849; 2-е изд. 1850. Часть II. Сиб. 1849.

— „Программа русской прикладной палеографіи“, и — „Лекціи русской палеографіи“ были литографированы въ 1852, для училища правовѣдѣнія и alexandrowskago лиція, куда Сахаровъ былъ приглашенъ для преподаванія этого предмета.

Въ 1847, Сахаровъ сталъ членомъ Географическаго общества, въ 1848 — Археологическаго. Въ первомъ онъ работалъ, кажется, мало; но во второмъ онъ былъ очень дѣятеленъ. Его товарищи по Археологическому обществу указываютъ его заслугу въ томъ, что онъ приглашалъ къ дѣятельности для общества — людей, которые могли взяться за описаніе памятниковъ или сообщать о нихъ свѣдѣнія; что онъ пріискивалъ задачи для премій и находилъ лицъ, готовыхъ жертвовать на это деньги; наконецъ, что по его почину начато было изданіе «Записокъ отдѣленія русской и славянской археологій И. Археол. общества» (въ 1851), въ которыя вошло не мало его собственныхъ работъ и собранныхъ имъ матеріаловъ. Въ числѣ этихъ работъ особенно замѣчательна была «Записка для обобщенія русскихъ древностей»: эта записка напечатана была Археолог. обществомъ въ 1851, разослана была всюду (какъ передъ тѣмъ этнографическая программа Геогр. общества) и по отзыву Срезневскаго, «дѣйствительно была полезна въ отношеніи къ уясненію понятій объ археологическихъ работахъ, въ такихъ кругахъ русскаго общества, гдѣ прежде господствовало полное незнаніе ихъ возможности, не только важности».

Въ это же время Сахаровъ принялъ участіе въ работахъ Публичной библіотеки, которая обнаружила тогда большую дѣятельность со вступленіемъ въ управленіе ею барона (послѣ графа) Корфа. Сахаровъ доставлялъ указанія о рукописяхъ и рѣдкихъ книгахъ, какія слѣдовало пріобрѣсти для библіотеки, доставлялъ и самыя рукописи, и книги. — Въ 1851, онъ приглашенъ былъ для чтеній о палеографіи въ училище правовѣдѣнія и александровскій лицей, для которыхъ и сдѣлалъ упомянутое выше литографированное изданіе своихъ лекцій. Послѣдней изданной его работой были кажется, «Записки о русскихъ гербахъ» ¹⁾ по поводу споровъ о перемѣнѣ русскаго герба.

Около половины пятидесятихъ годовъ дѣятельность его стала ослабѣвать. Причину этого указываютъ отчасти въ семейныхъ обстоятельствахъ, отчасти въ «отношеніяхъ къ нѣкоторымъ изъ людей, въ кругу которыхъ онъ работалъ». Въ послѣдніе годы его постигла тяжкая болѣзнь, и дѣятельность его совсѣмъ прекратилась. Онъ удалился въ свое маленькое имѣніице Зарѣчье, новгородской губерніи, валдайскаго уѣзда; онъ умеръ здѣсь

¹⁾ Сиб. 1856. Вышелъ только первый выпускъ: „Гербъ московскій“, съ 3 табличками снимковъ.

24 августа 1863 года, вслѣдствіе разжиженія мозга, и похороненъ при церкви Успенія, рютинскаго погоста.

Плодомъ его трудовъ и исканій осталось, наконецъ, обширное и замѣчательное собраніе рукописей, принадлежащее теперь графу А. С. Уварову.

Такова была вѣйшая исторія дѣятельности Сахарова. Его большая заслуга для русской этнографіи и археологіи не подлежитъ спору. Въ то время, когда только-что начало бродить въ умахъ стремленіе къ «народности», — котораго еще не умѣли здраво приложить ни въ литературѣ, ни въ жизненныхъ отношеніяхъ, ни установить научно, — Сахаровъ, странно и угловато, но ревностно и упрямо указывалъ источникъ чистой народности въ народномъ бытѣ, старинѣ, повѣи и преданіи, наставлялъ на ихъ изученіи и издалъ цѣлый рядъ народно-поэтическихъ произведеній. Поэтому такъ сильно и подѣйствовало въ литературныхъ и образованныхъ кругахъ появленіе его изданій. Сахаровъ сталъ авторитетомъ, признаваемымъ даже тѣми, кто въ концѣ концовъ не могъ не видѣть уродливостей въ его постановкѣ предмета. Но прошло не много времени, какъ Сахаровъ былъ основательно забытъ; его точка зрѣнія на предметъ не оставила въ литературѣ никакого слѣда; самые памятники, имъ изданные, были заподозрѣны.

Авторитетъ его сталъ падать, когда работы его были еще въ полномъ ходу. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, началъ появляться — въ особенности въ трудахъ возникшаго тогда Географическаго общества — новый обширный и болѣе внимательно собранный этнографическій матеріалъ; во вторыхъ, въ самомъ приемѣ изученія слѣланъ былъ успѣхъ, при которомъ и собираТЕЛЬСкіе труды Сахарова, а тѣмъ болѣе «ислѣдованія», оказывались неудовлетворительными, странными, невозможными. Въ чемъ же состояли его общіе взгляды, кака была историко-этнографическая точка зрѣнія, приемы изслѣдованія?

Скудость біографическаго матеріала, къ сожалѣнію, не позволяетъ съ точностью указать развитіе его мыслей и послѣдовавшій складъ его историческихъ и этнографическихъ понятій; но отрывки его записокъ, въ соединеніи съ его сочиненіями, дадутъ нѣкоторыя объясненія.

Очень многое въ свойствахъ трудовъ Сахарова объясняется тѣмъ, что это былъ чистый самоучка. Предметъ былъ еще такъ новъ, что не одному Сахарову приходилось тогда идти въ этомъ дѣлѣ незнакомыми путями, — но другіе (какъ, напримѣръ, Калайдовичъ, Снегиревъ) были по крайней мѣрѣ подготовлены въ

снежныхъ областяхъ науки, знакомы съ исторической критикой: Сахаровъ не прошелъ никакой школы этого рода; въ общихъ историческихъ знаніяхъ онъ часто оказывался просто невѣждой. Это съ одной стороны увеличиваетъ заслугу его личныхъ усилій, но съ другой крайне повредило достоинству его трудовъ. Изъ семинаріи, гдѣ учился, Сахаровъ видимо не вынесъ особенныхъ знаній, напр., даже въ латыни; медицинскій курсъ въ университетѣ и теперь остается специальной школой, а тогда еще менѣе могъ содѣйствовать его историко-литературному образованію. Сахаровъ не восполнилъ этого пробѣла и впослѣдствіи, повидимому, даже его не чувствовалъ: какъ свойственно всѣмъ самоучкамъ, онъ, напротивъ, склоненъ былъ преувеличивать значеніе своихъ трудовъ, и самомнѣніе не помогало улучшенію ихъ качества. Въ этнографической наукѣ онъ былъ начетчикъ; для метода изслѣдованія онъ не могъ сдѣлать ничего; трудъ его былъ только собирательскій; его собственныя объясненія были только или чисто вѣшныя и отрицательныя, или научно невозможныя.

Къ этому присоединилась другая черта... Г. Анненковъ замѣчаетъ о Писемскомъ, что въ его характерѣ и понятіяхъ слышались далекіе отголоски старой русской культуры, что какъ будто это былъ историческій велико-русскій мужикъ, прошедшій черезъ университетъ, но сохранившій многое, что отличало его до этого посвященія въ европейскую науку; что Писемскій, по собственному признанію, испытывалъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго не могъ въ себѣ побѣдить... Нѣчто очень похожее на это отличало и Сахарова, съ той только разницей, что «посвященіе въ европейскую науку», которое и у Писемскаго не было особенно глубоко, но по крайней мѣрѣ соприкасалось съ гуманическими знаніями, у Сахарова было еще ограниченнѣе или почти вовсе отсутствовало: иностранное, какъ-нибудь прикасавшееся къ русской жизни, было для него предметомъ настоящей ненависти. Этимъ окрашивалась и вся его проповѣдь «народности». Какъ дальше увидимъ, эта проповѣдь, при всей ея горячности, не представляла никакой ясной исторической и общественной мысли: ея содержаніемъ было голословное восхваленіе старины, сожалѣнія объ уtratѣ понятій и нравовъ добраго стараго времени, и призывы къ ихъ возвращенію. Какъ возвратить утраченное хорошее, оставалось неизвѣстнымъ; или отвѣтъ на это ограничивался или жалобой, которая высказывалась поддѣльно-стариннымъ языкомъ, приторно сладкими причитаніями или злобными выходками противъ «чужеземцевъ» и «заморскихъ бродягъ». Когда писатель переходилъ къ изло-

женію фактовъ или своихъ историческихъ взглядовъ, крайне неловкій, темный языкъ выдавалъ неясность его мысли.

Обратимся къ «Воспоминаніямъ», гдѣ онъ рассказывалъ о началѣ своихъ литературныхъ трудовъ, еще во время пребыванія въ Тулѣ. Враги русской народности, ужасные «чужеземцы» уже навлекли на себя его ненависть, и поминаются имъ съ довольно забавнымъ эпическимъ постоянствомъ бранныхъ эпитетовъ:

«Литературныя занятія мои направлены были исключительно съ 1825 года на русскую исторію, странно (?) и неожиданно. Разъ какъ-то былъ я въ бѣздѣ, гдѣ два чужеземца нагло и дерзко увѣрили русскихъ, что у нихъ нѣтъ своей исторіи. Мнѣ было горько и больно слышать эту нелѣпость; но я былъ безсиленъ: я не зналъ русской исторіи; меня учили какой-то безсвязной исторіи по Шрекку. Эти два *наглеца*, проповѣдовавшіе безтолковымъ слушателямъ *илль*, были гувернеры, изъ *нѣмецкой породы*, оставшіеся просвѣщать русскія головы послѣ 1812 года, изъ числа *мародеровъ*. Въ небольшой библіотекѣ моего отца я нашелъ немного о русской исторіи: книгъ нѣтъ или шесть. Я прибѣгнулъ съ моимъ горемъ къ свящ. Н. И. Иванову; онъ далъ мнѣ для чтенія исторію Карамзина, передалъ многое о *наглецахъ*, въ особенности о *наглецахъ* изъ *нѣмецкой породы*, таскающихся по Россіи съ своимъ дичи́мъ и безграмотнымъ просвѣщеніемъ. Долго и много читалъ я Карамзина. Здѣсь-то узнать я родину и научился любить русскую землю и уважать русскихъ людей»...

Слѣдуетъ изображеніе тогдашняго тульского общества и его умственныхъ интересовъ, и затѣмъ длинное, озлобленное, но смутное изобличеніе иноземныхъ «бродягъ», перепортившихъ русское общество. Приводимъ нѣсколько образчиковъ:

«Въ Тулѣ немного было людей, читавшихъ и думавшихъ о чемъ-нибудь. Вся ученость гнѣздилась въ кадетскомъ корпусѣ..., въ гимназій..., въ семинаріи... Всѣ эти заведенія имѣли разныя направленія, учителя ихъ жили неприязненно. Библіотекъ было въ городѣ мало... Просвѣщеніемъ дворянства завѣдывали гувернеры и гувернантки, люди безъ всякаго образованія въ наукахъ. Съ ними входили въ деревенскіе семейные круги развратъ, нахальство, неуваженіе къ родителямъ, пренебреженіе къ вѣрѣ отцовъ и постыдное вольнодумство...

«Въ дѣлой губерніи было много людей истинно-образованныхъ, полезныхъ родинѣ и семейству, получившихъ образованіе не изъ рукъ жалкихъ и презрѣнныхъ *бродягъ*, но въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Они жили больше въ помѣстьяхъ отдѣльною жизнію и не сходились съ городскими пьяницами и игроками. На нихъ былъ свой отпечатокъ: спокойствіе и мирная жизнь. Бѣдному человѣку безъ связей и средствъ трудно было пробраться въ кругъ этихъ людей. Это я испыталъ самъ. Года два жизни стоило мнѣ (?), чтобы обратить только вниманіе ихъ на себя. Вспоминаю все это теперь ¹⁾ не для обвиненія ихъ (?), а говорю потому только, какъ тогда у насъ образованные люди жили отдѣльно, какъ тогда рѣзко отличалось истинное образованіе отъ фальшиваго, гувернерскаго, какъ мало вѣрили прежде (?) *бродягамъ*. Не знаешь, чему удив-

¹⁾ Воспоминанія писаны въ половинѣ 1850-хъ годовъ.

лится: легковѣрію ли новаго поколѣнія первой четверти XIX вѣка или твердости стариковъ, сознавшихъ свое родное достоинство, при переворотѣ воспитанія, *предпринятаго* ¹⁾ чужеземными бродягами».

Дальше мы приведемъ объясненіе, какъ «предпринять» былъ «бродягами» переворотъ въ русскомъ воспитаніи. Самъ Сахаровъ благодаритъ Бога, что остался нетронутъ этимъ переворотомъ.

«Благодарю Господа,—пишетъ онъ,—что надъ моею головою не работала ни одна французская *тварь*. Горжусь, что вокругъ меня не было ни одного нѣмецкаго бродяги. Я не преклонялся ни предъ однимъ сапожникомъ-французомъ и не принималъ отъ него наставленій, какъ презирать отца и мать, какъ ненавидѣть родину, какъ расточать достоиніе отцовъ и дѣдовъ. За меня ни одной русской копѣйки не перешло въ карманъ бродяги. Меня не морочили они лучшимъ вкусомъ къ изящному, понятіями о высокомъ и прекрасномъ, существующемъ будто исключительно въ Германіи и Франціи. Мерзенштейны и Скотенберги, заморскіе бродяги высшаго сорта, не появлялись тогда въ Тулѣ; а ихъ встрѣтилъ впервые въ Москвѣ» (?).

Изъ разсказовъ Сахарова увидимъ, что мало проку было и въ тѣхъ, кто нисколько не былъ совращенъ «бродягами»... Занятія Сахарова исторіей города Тулы вызывали у его земляковъ (онъ не забываетъ одного протопопа) недоброжелательные отзывы. «Мнѣ въ глаза говорили, — пишетъ Сахаровъ: — занимался бы ты своимъ дѣломъ! На что намъ твоя исторія Тулы? Жили мы счастливо безъ ней до тебя, проживемъ и послѣ тебя, также весело и покойно.—Другіе кивали головами и повсюду говорили обо мнѣ:—пропалъ малый безъ толку; ничего изъ него путнаго не будетъ». Во всей Тулѣ, какъ выше сказано, Сахаровъ ничего не находилъ людей, «читавшихъ или думавшихъ о чемъ-нибудь». Это было невѣжество самобытное, не внушенное «бродягами»; Сахаровъ утверждаетъ, что ему грозили даже опасности отъ этого невѣжества, но все-таки былъ убѣжденъ, что вся бѣда у насъ отъ «бродягъ», которымъ онъ приписываетъ формальный планъ поколебать благополучіе Россіи. Объ этомъ у Сахарова была цѣлая историческая теорія, чрезвычайно своеобразная.

«Европа,—объясняетъ онъ,—еще при Петрѣ Великомъ, зорко подсматрѣла будущую участь русской земли, предназначенную ей свыше. Изумленная неистощимыми силами нашей родины, она дружно приступила къ разрушенію основныхъ русскихъ началъ. Первое пораженіе, первый натискъ Европы былъ на русскую народность. Перестрой русскихъ людей на заморскій ладъ былъ начать съ сословіи дворянскаго и купеческаго. Духовенство и крестьяне оставлены были въ покоѣ, но на время. Западники полагали разбить ихъ (?) въ другомъ сраженіи. Въ этомъ они горько ошиблись. Православная наша вѣра вытерпѣла страшныя изсязанія отъ запада. Европа не могла слышать безъ-

¹⁾ Предпринятъ?

бѣшенства имени нашего православія. Начали (?) съ того, что тысячами называли намъ всѣ существовавшіе (?) ереси, начиная съ Гордоковой компаніи до Татариновой... (У насъ испортили старинную церковную архитектуру, живопись; предлагали замѣнить нашу вѣру на католичество, кальвинизмъ и пр.)... «Насъ пробовали (?) сбить съ толку: философскими системами, мистичесизмомъ, сочиненіями Вольтера, Шеллинга, Баадера (!), Гегеля, Страуса и ихъ послѣдователей... Вѣдная Русь, чего только ты не вытерпѣла отъ западныхъ варваровъ!

«Западные ополченія противъ русскаго самодержавія начались въ XVIII вѣкѣ. Европѣ страшно было видѣть на твердой землѣ независимаго русскаго государя, могучаго и несокрушимаго исполина, окруженнаго безпредѣльною преданностью подвластнаго ему народа... Европейскіе коноводы раздоровъ и мятежей начали возставать противъ русскаго самодержавія (?), когда полагали, что русская народность погнѣблена навсегда (?), что для русскаго православія довольно внушено (!) всемірныхъ (?) ересей и расколовъ. Къ счастью русской земли, они не поняли, что крѣпость нашего самодержавія создана была Владимиромъ Великимъ (?), Иоанномъ III и Петромъ Великимъ, тремя могучими государями, ниспосланными свыше для возрожденія (?), величія и счастья русской земли. Самодержавіе, основанное и укрѣпленное ими, существовало въ Россіи тысячу (?) лѣтъ и будетъ, при помощи божіей, существовать еще долго, долго до позднѣйшихъ временъ.

«Война противъ трехъ началъ независимой самостоятельности русской продолжится столѣтія. Устоитъ ли русскій народъ въ этой войнѣ противъ враговъ? Вѣдаетъ одинъ Богъ»... (За пять строкъ выше, Сахаровъ однако знаетъ, что устоитъ)... «Россія много выстрадала (въ этой борьбѣ)... Надъ нею бдѣтъ русскій Богъ. Предъ нимъ однимъ она благоговѣетъ и Ему одному преклоняетъ свою вѣю» (стр. 917—919).

Такимъ былъ историческій сумбуръ, составлявшій основу взглядовъ Сахарова. Разобраться въ немъ нѣтъ, конечно, никакой возможности; можно бы подумать, что Сахаровъ будетъ винить нововведенія Петра В., но Петръ упоминается у него въ числѣ правителей, «ниспосланныхъ свыше». Въ числѣ орудій, употребленныхъ западомъ для сокрушенія русскихъ началъ, поставлены рядомъ Вольтеръ и секта Татариновой, Баадеръ и «Страусъ», какъ будто секты, Вольтеръ, Баадеръ, Страусъ, нарочно придуманы Европой только бы навредить Россіи. — Какъ все это происходило, неизвѣстно, но—

«Переворотъ, затѣянный въ Россіи чужеземцами для направленія къ революціоннымъ идеямъ русскаго воспитанія, не есть тайна. Стоитъ только вспомнить основаніе александровскаго лицея, борьбу аббата Николая противъ этого учрежденія и рѣшимость императора Александра Павловича противъ ученія чужеземцевъ (?). На каждое, сказанное мною слово я готовъ привести сотни примѣровъ, мною самимъ видѣнныхъ» (стр. 901—902).

Сюда именно принадлежит дѣятельность бродягъ, приводившихъ Сахарова въ такое раздраженіе. Имъ посвящена еще особая длинная тирада въ «Воспоминаніяхъ». Но къ удивленію, вино-

ваты оказываются не столько бродяги, какъ сами русскіе или собственно русскія женщины. Высказавъ (въ приведенной выше цитатѣ) свое недоумѣніе, чему больше удивляться — легковѣрію ли новаго поколѣнія «первой четверти столѣтія» или твердости стариковъ, не вѣрившихъ «бродягамъ», Сахаровъ продолжаетъ:

«Время взяло свое: женщины наши все перепутали (?), имъ надобна была французская болтовня, имъ надобны были танцы (?), имъ надобны были кокетство и разсѣяніе въ жизни. Во всемъ этомъ они опирались на губернерство. Вотъ отъ чего скоро развелась у насъ порода губернантовъ; вотъ отъ чего охота къ чужеземному воплотилась въ дѣла, воплотилась въ привычки и пошла рука объ руку съ дворянскимъ просвѣщеніемъ, ложнымъ, бесполезнымъ и вреднымъ для нашего отечества. Немного надобно людямъ, чтобы понять всю опасность такого ложнаго просвѣщенія; но многіе ли хотѣли видѣть эту страшную бѣду нашего отечества? Повсюду за нею стремились съ какимъ-то обаяніемъ (?) и восторгомъ» (Стр. 902).

Слѣдуетъ исторія «губернерскаго просвѣщенія»:

«Вообще губернерское просвѣщеніе русскихъ людей можно раздѣлить на три эпохи, сгубившія (?) нашу родину. Первая явилась послѣ первой французской революціи, когда эмигранты толпами прибѣгали въ Россію; они охватили тогда высшій кругъ дворянства, жившій въ столицахъ; ихъ вліянію все покорилось рабски. Матушки за нихъ спѣшили отдать своихъ дочекъ, чтобы величать ихъ маркизами и герцогинями; батюшки обрадовались вольнодумству; сынки кинулись въ развратъ со всею наглостью, руководимые во всемъ эмигрантами. Эта эпоха длилась до 1812 года и тихо подрывалась подъ основною бытъ (?) русскаго образованія, освѣщеннаго вѣрою и событіями тысячи лѣтъ. Въ эту эпоху началось *выписываніе* французовъ и французенокъ, нѣмцевъ и нѣмчурокъ нашими *путешественниками*, ѣздившими на показъ въ Фернейскій замокъ и въ Парижъ. Тогда, хотя и изрѣдка, начали разводить пансіоны, мужскіе и женскіе, *подъ защитою* выписныхъ нѣмецкихъ профессоровъ московскаго университета, Шадена, Шварца и другихъ. Бѣгли (?) и наглые французенки открыли въ этихъ вертепахъ постыдный торгъ честию русскихъ женщинъ и русскихъ дѣвушекъ... (Тамъ же).

Факты безнравственнаго вліянія эмиграціи дѣйствительно были въ тѣ времена; но Сахаровъ не только спуталъ хронологію, но и недобросовѣстно взвелъ небывалыя гадости на людей, оставившихъ честное и заслуженное имя въ исторіи русскаго образованія: напримѣръ, Шварцъ умеръ гораздо раньше французской революціи, Шаденъ (опять гораздо раньше революціи) былъ воспитателемъ того Карамзина, которому самъ народолюбецъ считалъ себя наиболѣе обязаннымъ. Далѣе:

«Вторая эпоха началась съ изгнаніемъ французской арміи въ 1812 году изъ Россіи. Просвѣтителями этой эпохи содѣлались бессмысленные остатки отъ разбитой наполеоновской арміи. Съ этого времени водворилось всеобщее несчастіе (!) въ моемъ миломъ и безцѣнномъ отечествѣ... (слѣдуетъ такая же

характеристика времени, какъ выше). Эта несчастная эпоха продолжалась недолго, до 1820 года (?); но она оставила гибельныя послѣдствія на цѣлое столѣтіе. Этими орудіемъ думали заморскіе демагоги (?) приготовить въ Россіи *что-то* въ родѣ 14-го декабря.

«Третья эпоха началась прїѣздомъ губернантокъ по требованію поставщиковъ (?)... Магазины Кузнецкаго моста, Невскаго проспекта и знаменитаго Ревельскаго подворья (?) наполнены были бродягами-просвѣтителницами... Взгляните на нихъ (ихъ воспитанниковъ) и скажите: много ли въ нихъ есть русскаго? Видите ли вы въ нихъ дѣлахъ что-нибудь къ чести и славѣ русскаго ума? Лежатъ ли ихъ сердце къ Россіи? и проч. (Стр. 904—906).

На эту тему написано еще нѣсколько страницъ, гдѣ описывается «роковое паденіе» русскаго дворянства подъ вліяніемъ «нѣмцевъ и разной западной твари», разсказывается, какъ вслѣдъ за дворянствомъ увлеклось тѣмъ же «наше степенное купечество». Не приводя дальнѣйшихъ безсвязныхъ разсужденій объ этомъ предметѣ, укажемъ лишь то, что Сахаровъ говоритъ о началѣ своихъ изученій русскаго народа.

По запискамъ Сахарова не видно, когда именно и какъ онъ началъ свои этнографическія изслѣдованія. Впослѣдствіи, когда въ 1841 г. А. Н. Голицынъ (главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ) ходатайствовалъ предъ императоромъ Николаемъ о награжденіи Сахарова, издавашаго тогда первый томъ «Сказаній», въ докладѣ Голицына сказано было, что свои историческія изысканія русскою народности Сахаровъ началъ «еще до вступленія въ университетъ московскій», и что «тогда, въ продолженіе шести лѣтъ обходилъ онъ губерніи: тульскую, орловскую, рязанскую, калужскую, орловскую, въ хижинахъ поселянъ собиралъ народныя преданія, въ городахъ и селахъ обозрѣвалъ сохранившіеся народныя памятники, въ архивахъ пересматрѣлъ нужные историческіе акты» и пр. ¹⁾ По этой хронологіи выходило бы, что онъ началъ свои изысканія около 1824, т. е. лѣтъ семнадцати отъ роду. Въ запискахъ онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее. Занимаясь первымъ своимъ трудомъ—исторіей тульской губерніи, Сахаровъ сдѣлалъ и поѣздку по губерніи.

«...Поѣздка по губерніи доставила мнѣ много запасовъ для узнанія *русской народности*. Ходя по селамъ и деревнямъ, я вглядывался во всѣ сословія, прислушивался къ чудной русской рѣчи, собиралъ преданія давно забытой старины и не вѣрнулъ своимъ глазамъ (?): тотъ ли это историческій народъ, котораго держатъ презирать заморскіе бродяги? Непостижимо-громадная русская жизнь, непостижимо (?) разнообразная во всѣхъ своихъ явленіяхъ, раскрывалась предо мною въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Во Владимірѣ, Ростовѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ ²⁾ она уже не удивляла меня болѣе; въ ея гигантскихъ

¹⁾ Р. Архивъ, 1873, стр. 921; ср. предисловіе къ „Сказаніямъ“, т. I.

²⁾ Это было уже позднеѣ.

разтѣрахъ я уже видѣлъ исполнина, несокрушимого никакими переворотами. И этого русскаго человѣка, стараго обитателя Европы, учившагося уму и разуму въ Царьградѣ, съ IX вѣка имѣвшаго свою тысячелѣтнюю грамоту, вздумала безродные бродни переучивать по своему, перевоспитывать на свой ладъ. Въ годину страданій, тяжкихъ для русскаго просвѣщенія (?), новое возникающее поколѣніе, болѣе крѣпкое духомъ, нежели отцы ихъ, вдругъ сознаетъ свое родовое достоинство и обращается къ старой русской жизни. Русская народность смѣло и торжественно провозглашается въ Россіи. Императоръ Николай Павловичъ ни мало не усумнился принять нашу народность подъ свою защиту и сдѣлать ее символомъ министерства народнаго просвѣщенія. Онъ ясно разгадалъ грядущую славу Россіи, онъ одинъ повялъ назначеніе русской земли. Бродя по Россіи, собирая преданія, я не предчувствовалъ тогда, что наша родная народность можетъ такъ скоро огласиться (?) и быть мѣриломъ оцѣнки старой русской жизни и новаго европейскаго образованія. Было время, когда я слышалъ, какъ въ городахъ и селахъ русскіе, наученные заморскими бродягами, съ презрѣніемъ говорили, что русскій языкъ есть языкъ холопскій, что образованному человѣку совѣстно читать и писать по-русски (?), что наши пѣсни, сказки и преданія глупы, пошлы и суть достояніе подлаго простаго народа... Такъ думали и говорили тогда наши огаженные (sic) Европейцы... Благодарю Бога, что я дожился до того времени, когда русскіе начали возвращаться къ русскому языку, къ русской народности и къ русской одеждѣ и т. д. (стр. 909—911).

Такъ Сахаровъ самъ излагалъ свой взглядъ на историческую судьбу русской народности. Это, видимо, было воззрѣніе всей его жизни: въ юности, отъ тульскаго священника онъ наслушался о «нагледахъ изъ нѣмецкой породы» и до конца дней проклиналъ «заморскихъ бродягъ»; они не давали ему покоя, и какъ будто самое возвеличеніе русской народности дѣлаетъ онъ имъ въ пику. Черезчуръ свободное обращеніе съ историческими фактами и даже здравымъ смысломъ дѣлаетъ излишнимъ разборъ этого взгляда; но естественно ожидать, что онъ отразится въ тѣхъ трудахъ, которые дали Сахарову имя въ исторіи русской этнографіи. И онъ дѣйствительно отразился различнымъ образомъ.

Въ литературныхъ кругахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Сахарова цѣнили какъ большаго знатока фактовъ этнографіи и археологіи; но повидимому уже въ то время никто не думалъ серьезно объ его «народныхъ» взглядахъ, и надъ его нѣмецѣдствомъ подшучивали. «Въ кружѣ Надеждина, — рассказываетъ одинъ современникъ, — въ исходѣ сороковыхъ годовъ, Сахарова звали въ шутку «посадскимъ человѣкомъ», ужъ не знаю почему: кажется, за его фигуру» ¹⁾; но могли звать не только за фигуру, но и за складъ его понятій, свойственныхъ полубразованному посадскому человѣку. Его ненависть къ бар-

¹⁾ Русскіе палеологи, отдѣльное изд., стр. 7.

ству, воспитанному на иноземный ладъ и забывавшему о народѣ и старинѣ, была безъ сомнѣнія искренняя, могла имѣть свои достаточныя основанія и внушать сочувствіе, какъ протестъ противъ грубаго и часто пошлаго забвенія національныхъ интересовъ литературы и общественности ¹⁾: — но въ этомъ было и народничанье, было себѣ на умѣ, нѣкоторая или непослѣдовательность, или фальшивость, уже замѣченная его современниками. Въ своихъ запискахъ, Сахаровъ любитъ выставять себя страдальцемъ за правду, гонимымъ за свои труды на пользу отечества; въ сожалѣнію только, онъ говоритъ объ этомъ крайне неясно, такъ что трудно видѣть, кто и за что его гналъ.

По поводу своей тульской «Исторіи», первый отрывокъ которой былъ напечатанъ въ «Галатеѣ» 1830, Сахаровъ замѣчаетъ, что эта статья была «первенецъ *всѣхъ несчастій, ионеній и ссоръ* съ добрыми и недобрыми». Дѣло въ томъ, что въ полуграмотной провинціальной компаніи статья своего земляка, явившаяся въ московскомъ журналѣ, произвела сенсацію. По разсказу самого Сахарова, она составила цѣлое событіе; друзья автора трубили о ней, развозили ее по городу; устроенъ былъ вечеръ, на которомъ молодого автора представляли мѣстнымъ ученымъ людямъ и нотаблямъ, причѣмъ иные «плакали отъ радости». Но нашлись и враги. «Другимъ очень не нравилось это оглашеніе меня передъ публикою, и многіе въ слухъ бранили меня довольно невѣжливо. За первую ничтожную журнальную статью меня судили и едва было не лишили всего грядущаго въ моей жизни (?). Весь вопросъ заключался въ томъ: какъ смѣлъ мальчишка печатать въ журналѣ свое сочиненьишко?» — Этотъ «судъ» возникъ въ домѣ священника Иванова (толковавшаго Сахарову о «наглецахъ»), у котораго былъ въ гостяхъ тульскій епископъ Дамаскинъ; но «судъ» кончился скоро, безъ вреда, благодаря горячему участію, которое приняли въ Сахаровѣ его друзья. — Въ чемъ былъ «судъ», кто судилъ — неизвѣстно; по всѣмъ видимостямъ, — епископъ Дамаскинъ, безъ сомнѣнія «истинно русскій» человекъ, незараженный «заморскими бродягами».

Въ спискѣ своихъ сочиненій, Сахаровъ опять нѣсколько разъ темно упоминаетъ о разныхъ затрудненіяхъ и гоненіяхъ, которыя ему пришлось испытывать по ихъ поводу. Подъ 1836 годомъ, онъ замѣчаетъ о первой части «Сказаній русскаго народа»: «Бѣдная книга! Сколько она прошла мытарствъ, судовъ,

¹⁾ См. разсказы Панаева о томъ, какъ Сахаровъ держалъ себя на вечерахъ у кн. Одоевскаго. Литературныя Воспоминанія, Спб. 1876, стр. 117.

пересудовъ, толковъ!..» Издатель записокъ Сахарова, г. Саввантовъ, прибавляетъ къ этому любопытное извѣстіе: «Дѣйствительно, дѣло доходило до того, что Сахарову угрожали уже Соловками (?), и бѣда уже висѣла надъ его головою (?); но участіе, принятое имъ кн. А. Н. Голицынымъ, избавило нашего археолога отъ душеспасительнаго пребыванія въ отдаленной обители: по ходатайству князя, Сахаровъ удостоился получить высочайшую награду, и дѣло кончилось благополучно» ¹⁾. Къ сожалѣнію, и почтенный другъ Сахарова, безъ сомнѣнія близко знакомый съ его біографіей, не взялъ на себя труда объяснить это происшествіе, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы можно было понять, кто и на какомъ основаніи угрожалъ Сахарову Соловками. Угроза была слишкомъ крупная и едва ли слишкомъ легко исполнимая надъ лицомъ, состоявшимъ не въ духовномъ вѣдомствѣ, а въ гражданскомъ: власть, грозившая Соловками, была, вѣроятно, духовная, — потому что другая скорѣе грозила бы чѣмъ-нибудь инымъ. Г. Барсуковъ относитъ это извѣстіе также къ 1841 году (когда вышло новое изданіе «Сказаній») и замѣчаетъ при этомъ: «Надо было бы думать, что человѣкъ съ такимъ направленіемъ, какъ Сахаровъ, долженъ былъ найти поддержку и сочувствіе именно въ той средѣ, въ которой наиболѣе сохранились исповѣдуемыя Сахаровымъ начала. Безпристрастіе требуетъ замѣтить, что вышло не такъ. Тамъ его встрѣтили — съ одной стороны мертвящее равнодушіе, а съ другой — гоненія. Пониманіе же, сочувствіе, поддержку и огражденіе въ направленіи своемъ Сахаровъ встрѣтилъ именно въ той средѣ, въ которой, по его мнѣнію, все русское наскло и царилъ одна иноземщина». Это было заступничество кн. Голицына ²⁾. — Не были ли «Соловки» просто чьей-нибудь раздражительной фразой, сказанной въ цензурныхъ пререканіяхъ, если не созданіемъ воображенія Сахарова, который, кажется, склоненъ былъ видѣть кругомъ себя гонителей или заискиниковъ? А если дѣйствительно были гоненія, то они исходили никакъ не отъ людей, бичуемыхъ Сахаровымъ.

Подъ 1841 годомъ, по поводу изданія «Записокъ русскихъ людей», Сахаровъ опять пишетъ: «бѣдная книга! чего съ ней не дѣляли? Кто только не интриговалъ?» Подумаешь, что *есть* интриговали... Въ чемъ дѣло — опять неизвѣстно. Подъ 1843, по

¹⁾ Р. Архивъ, стр. 930. Но это было уже въ 1841 году.

²⁾ Палеологи, стр. 5. Кн. Голицынъ былъ, конечно, человѣкъ барскаго и французскаго образованія; но по замѣчанію г. Барсукова, это „несколько не помѣшало ему остаться истинно-русскимъ умомъ и душою“. Онъ былъ очень благочестивъ и одно время былъ поклонникомъ архимандрита Фотія.

поводу «Указной книги царя Михаила Феодоровича», изданной Сахаровымъ въ «Р. Вѣстникѣ» 1842 г., онъ замѣчаетъ, что статья напечатана была съ ошибками «умышленными и неумышленными» ¹⁾: кому, зачѣмъ были нужны умышленныя ошибки — неизвѣстно. — Какъ выражался патріотизмъ Сахарова, можно видѣть изъ его собственныхъ Записокъ, напр., въ разсказѣ о празднованіи открытія типографіи Воейкова ²⁾.

Какимъ же образомъ могло случиться, что Сахаровъ, рѣшавшій вопросъ народности столь первобытнымъ образомъ, просто противопоставляя русскихъ и — нехристей, могъ, однако, приобрести такое значеніе, сдѣлаться хотя на время авторитетомъ?

Это объясняется положеніемъ самой разработки предмета. Когда стали появляться труды Сахарова, эта разработка едва возникала. Въ нашемъ учено-литературномъ мірѣ были и тогда люди, хорошо вооруженные историческимъ и философскимъ знаніемъ, но ихъ знаніе направлялось на другіе, столь же насущные вопросы литературы, — и очень мало обращалось на ближайшее бытовое изученіе. О самой народности въ господствующихъ кругахъ литературы шли теоретическіе толки, но рѣдко или никогда чисто-этнографическіе. Большой заслугой Сахарова было именно то, что онъ, хотя съ своей точки зрѣнія, указалъ множество новаго матеріала, который требовалъ изученія прежде, чѣмъ могли быть дѣлаемы выводы о русской народности. *Точка зрѣнія* была очень странная, узкая, грубо исключительная, натянуто-сентиментальная; читатели и критика мало замѣчали всю ея странную нескладицу — новостъ матеріала отводила собственные разсужденія Сахарова на задній планъ или извиняла его увлеченія. Предметъ былъ мало извѣстенъ; едва ли кто-нибудь — въ тридцатыхъ годахъ — былъ въ состояніи *просмотрѣть* Сахарова другими данными, столь же обильными и разнообразными. Ему вѣрили на слово.

Въ самомъ дѣлѣ, сличая содержаніе трудовъ Сахарова съ наличностью *тогдашней* литературы въ этой области, найдемъ, что многое изъ его матеріала было чистой новостью. Изданіе пѣсенъ, сказокъ; описаніе обычаевъ, преданій, заговоровъ, загадокъ, игръ, гаданій, чародѣйства; народный дневникъ; изданіе старинныхъ словарей и азбуковниковъ, старыхъ путешествій, записокъ и т. д., — все это или вообще въ первый разъ переходило въ печать изъ устъ народа, изъ рукописей и старыхъ рѣд-

¹⁾ Р. Архивъ, стр. 934, 936.

²⁾ Р. Архивъ, стр. 941 и слѣд. Ср. Панаева, Воспоминанія, стр. 108—106.

ить изданий, или впервые было собрано въ одно цѣлое и сдѣлано доступнымъ для читателя-неспеціалиста, вспомнута и пушено въ научно-литературный оборотъ. Появленіе этого матеріала одно было цѣлымъ событіемъ, давая новыя свѣдѣнія объ искомой «народности», расширяя горизонтъ наблюденій, возбуждая (если не у самого издателя, то у другихъ) новыя вопросы и новыя точки зрѣнія. — Собственные идеи Сахарова пропускались, дѣло было не въ нихъ; а вскорѣ послѣ, когда стали распространяться научныя этнографическіе приемы, эти идеи были уже такъ странны, что ихъ не стоило опровергать. Онъ вызвалъ строгую критику уже не съ этой стороны, а — тамъ, гдѣ шла рѣчь о подлинности самого народно-поэтического текста, и въ вопросахъ научной археологій.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ его этнографическихъ взглядовъ и самаго матеріала.

Въ предисловіи къ «Сказаніямъ» онъ обращается къ «добрымъ русскимъ людямъ» и однимъ изъ побужденій его изучать свою народность было — что скажетъ о нашей народности «чужеземецъ», эта идея фикс Сахарова. Въ выраженіяхъ его привязанности къ старому обычаю, къ жизни народной есть теплое чувство, проблески мысли о нравственно-общественномъ значеніи народной массы; но все это сказано съ той же неловкостью мысли и выраженія, какая поражаетъ въ позднѣйшихъ «Запискахъ»¹⁾. Дѣйствительно, онъ бываетъ ясенъ только тогда, когда говоритъ не мудрствуя лукаво, и не пускаясь въ ученость, излагаетъ факты; но какъ только онъ берется за общія соображенія, они оказываются смутными и излагаются путаннымъ языкомъ, съ тѣмъ напускнымъ народно-чувствительнымъ тономъ, съ которымъ мы еще встрѣтимся.

Какъ мы замѣчали, Сахаровъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ трудахъ: онъ высказывалъ свои критическіе приговоры съ большимъ пренебреженіемъ къ незнанію своихъ предшественниковъ — издателей пѣсенъ, толкователей мифологій и т. п. Но,

¹⁾ Напримѣръ: „Было время, когда всѣмъ этимъ (народной стариной) дорожили, когда все это любили, когда все это берегли, какъ сокровище. Образованные европейцы восхищались нашими пѣснями; но можно ли ихъ восторгъ сравнить съ нашимъ восторгомъ? Они въ нашей народной *поэзіи* слышали только отголоски, вылетавшіе изъ восторженной души (?); но они не могли постигать нашихъ *былинъ*, создаваемыхъ вдохновеніемъ и восторгомъ (?) въ полномъ наслажденіи семейной жизни“. — Неопытно.

„Какая-то непостижимая сила сберегла для насъ памятники угаснувшей словесности: Пѣснь о полку Игоревомъ и Сказаніе о Куликовской битвѣ“. — Отчего непостижимая сила?

отдавая справедливость его собирательскому труду, нельзя не видѣть, что собственно-научный, критическій багажъ его былъ очень скромный. Ему доступны приемы только первоначальной критики; онъ замѣчалъ несостоятельность прежнихъ, наукъ совсѣмъ и непринадабавшихъ книжекъ о старинѣ; знаетъ, что объясненіе старины должно основываться на прочныхъ источникахъ и не допускать произвольныхъ фантазій; при изданіи пѣсенъ, сказокъ, преданій, при описаніи обычаевъ, онъ знаетъ, что онѣ должны записываться съ полной точностью; но дѣйствительной критики у него нѣтъ и слѣда,—напр. въ «ислѣдованіи» славянской мифологіи или въ изданіи пѣсенъ онъ думаетъ, что вопросъ состоитъ только въ пересмотрѣ того, что было сдѣлано его предшественниками—дальше онъ обыкновенно неидетъ.

«Сказанія русскаго народа» ¹⁾ начинаются статей: «Славяно-русская мифологія». Довольно небольшого примѣра, чтобы указать свойство приемовъ Сахарова. «Исторія славяно-русскихъ мифографій»,—начинаетъ онъ,—представляетъ одно изъ рѣдкихъ (чѣмъ рѣдкихъ?) явленій въ русской литературѣ,—явленіе, исполненное (?) разнообразныхъ вымысловъ, невѣроятныхъ догадокъ, ничтожныхъ предпріятій». Съ Нестора до своего времени Сахаровъ насчиталъ больше десяти «мифографовъ», но настоящей мифологіи еще нѣтъ. Причины несостоятельности прежнихъ трудовъ Сахаровъ выставляетъ слѣдующія: 1) усвоеніе славяно-русской мифологіи всѣхъ другихъ боговъ славянскихъ поколѣній. 2) Открытіе происхожденія славянскихъ боговъ въ мифологіяхъ другихъ народовъ. 3) Филологическія розысканія. 4) Безусловное вѣрованіе въ источники. 5) Произвольныя дополненія. Справедливо безъ сомнѣнія, что произвольныя смѣшенія фактовъ и особливо выдумки были грубымъ нарушеніемъ требованій исторической критики; положимъ, Сахаровъ могъ возставать и противъ «филологическихъ розысканій» (какъ ихъ разумѣли въ то время) т.-е. противъ такого же произвольнаго толкованія именъ; но осуждая «безусловное вѣрованіе въ источники», онъ самъ представлялъ дѣло очень смутно. «Источники» и должны быть основой для историческаго вывода; но не все, что только говорилось объ историческомъ фактѣ, составляетъ «источникъ»,—а по Сахарову «источникъ» для древней мифологіи есть и Несторъ, и Иннокентій Гизель одинаково, только первому онъ вѣритъ, а второму нѣтъ. Собственная мысль Сахарова состоитъ въ томъ, что «естественное и вѣрное основаніе славяно-русской мифологіи есть Не-

¹⁾ Приводимъ вообще 3-е изданіе.

сторъ; кромѣ сего мы не находимъ ничего, и едва ли что можемъ найти» ¹⁾. Затѣмъ все «изслѣдованіе» состоитъ лишь въ переборѣ показаній и мѣній Гизеля, Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова и т. д. Сахаровъ укоризненно обличаетъ ихъ неосновательность, на что, собственно говоря, и не стоило употреблять столько хлопотъ. Обличаемые писатели или писали въ такое время, когда не было и мысли о научныхъ требованіяхъ, или даже сами отклоняли отъ себя всякія историческія притязанія, прямо заявляя, что занимаются стариной для «увеселенія» своего и читателей ²⁾: въ нашей исторической литературѣ это было уже давно понято. Съ другой стороны, тотъ же Михайло Поповъ лучше Сахарова понималъ, что *мифологію* народа можно узнать не только изъ прямыхъ свидѣтельствъ старины, но изъ живущихъ донынѣ народныхъ сказаній и обычаевъ ³⁾; Сахаровъ напротивъ не находилъ здѣсь мифологіи, и ждалъ отъ русской мифологіи только исторій о «богахъ», какія, напр., рассказывались въ учебныхъ книжкахъ о греческихъ богахъ. Въ концѣ своего трактата, Сахаровъ, пересмотрѣвши русскіе «источники» мифологіи (т.-е. Нестора, Гизеля, Попова, Кайсарова и пр.), приходитъ къ источникамъ иностраннымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Источники иностранныхъ свѣдѣній (?) представляетъ самое обширное поле для изслѣдованій и вмѣстѣ самое опасное. До сихъ поръ еще ни одинъ изъ нашихъ мифографовъ не принимался критически обозрѣть всѣ свѣдѣнія, находящіяся въ сочиненіяхъ чужеземцевъ о славяно-русскихъ *богахъ*». Онъ беретъ указать нѣкоторые, и насчитываетъ 34 писателей — нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ, южно-славянскихъ, ставя ихъ въ самомъ ва-

¹⁾ Сказанія, т. I, кн. I, стр. 12.

²⁾ Напр. Михайлъ Поповъ въ „Краткомъ описаніи славянскаго баснословія“, 1768, самъ говоритъ о своей книжкѣ: „сіе сочиненіе сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для важныхъ историческихъ справокъ, и больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ“. Глинка, авторъ „Древней религіи славянъ“, 1804, простоудушно признается: „Описывая произведенія фантазіи или мечтательности (такъ онъ считалъ древнюю мифологію), я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ буду дополнять собственною подѣ древнюю статью фантазіею“. — Что же и спрашивать съ такихъ авторовъ? Серьезное „изслѣдованіе“ могло бы просто оставить ихъ въ сторонѣ, — какъ настоящіе изслѣдователи и оставляли. Напр., относительно Михаила Попова, Карамзинъ сдѣлалъ это еще въ 1801, за тридцать лѣтъ до Сахарова. (См. Пантеонъ Росс. авторовъ, въ Сочинен., изд. 4, VII, 293).

³⁾ Въ предисловіи къ „Краткому описанію“ онъ заявляетъ: „Матерію, составляющую сію книжку, выбиралъ я изъ разныхъ книгъ, содержащихъ Россійскую Исторію, такіи мѣстамъ или какія могъ сыскать для прочтенія, также изъ простонародныхъ сказокъ, *пѣсенъ, шутъ* и оставшихся нѣкоторыхъ *обыкновеній*“.

признамъ безпорядкѣ: за средневѣковыми лѣтописцами, какъ Саксонъ Грамматикъ, Гельмольдъ, Дитмаръ, и за Стурлезономъ онъ ставитъ писателей XVII—XVIII вѣка (не указывая болѣею частію, когда и гдѣ явились ихъ труды); затѣмъ, *послѣ* Лекерка и графа Потоцкаго (XVIII и XIX вѣкѣ) идетъ Бромеръ (XVI вѣкѣ), Длугошъ (XV вѣкѣ), потомъ опять Тунманъ, Гебгарди (XVIII вѣкѣ), Герберштейнъ (XVI вѣкѣ), Рантъ (XVIII вѣкѣ), Мавро-Урбинъ (XVI—XVII вѣкѣ), потомъ Нарушевичъ (XIX вѣкѣ), потомъ Павелъ Іовій (XVI вѣкѣ) и т. д. Авторъ видимо зналъ этихъ писателей только изъ чужихъ цитатъ и изъ того, что изъ нихъ являлось по-русски; и самъ онъ ихъ критически также не разсмотрѣлъ (да и не былъ въ силахъ).

Слѣдующая статья о «Пѣсняхъ русскаго народа» даетъ сначала списокъ изданій, потомъ «мнѣнія русскихъ литераторовъ о народной поэзіи». Далѣе, въ статьѣ: «Слово о полку Игоревѣ», опять перечислены изданія, переводы и мнѣнія критиковъ; о чужихъ трудахъ Сахаровъ здѣсь, какъ и въ предыдущей статьѣ, говоритъ обыкновенно въ высокоумномъ тонѣ, не всегда оправдываемомъ цѣнностью самихъ замѣчаній, но своего «исслѣдованія» никакого не даетъ. Статья: «Русскіе народные праздники», опять состоитъ изъ перебора того, что было писано о предметѣ другими, и снабжена общими соображеніями очень темнаго свойства. «Исторія русской литературы, — говоритъ Сахаровъ, — доселѣ еще не имѣетъ полнаго собранія русскихъ народныхъ праздниковъ» (это собственно и не есть дѣло «исторіи литературы», а исторіи быта)... «По какому-то странному (?) стеченію обстоятельствъ наши историки не касаются сего предмета въ исторіи русскаго народа. Для нихъ какъ будто они не существуютъ». Последнее опять невѣрно, потому что напротивъ наши писатели еще съ прошлаго вѣка начали говорить о народныхъ обычаяхъ и въ томъ числѣ праздникахъ; о нихъ говорилъ и Карамзинъ; а затѣмъ большая доля статьи занята пересмотромъ сочиненія Снегирева именно объ этомъ предметѣ, — который очевидно «существовалъ» для русскихъ историковъ. Упомянувъ о томъ, какъ праздники древніе были забыты образованнымъ обществомъ и сохранены народомъ, Сахаровъ продолжаетъ: «До сихъ поръ еще видимъ невѣроятныя смѣшенія (?) въ описаніяхъ русской семейной и общественной жизни. Несчастная наша мнѣологія (?) болѣе всего страдаетъ отъ этихъ незнаній. Въ нее входитъ и демонологія, никогда не принадлежавшая не только мнѣологіи, но и самой русской жизни (!). Объ ней только русскіе говорятъ (?); она никогда не осуществлялась у славяно-русовъ, какъ мнѣо-

логія (?). Къ міеологіи причисляютъ и народныя праздники, совершенно безъ всякаго основанія (?) и т. д. Далѣе увидимъ, какъ могло случиться, что къ міеологіи русскаго народа не принадлежали его «демонологія» и преданія.

Этимъ кончается первая книга «Сказаній». Вторая приноситъ новыя неожиданности. Она начинается статьей: «Преданія и сказанія о русскомъ чернокнижій». Крайняя путаница авторскихъ мыслей о предметѣ сказывается съ первыхъ строкъ разсужденія Сахарова: «Тайныя сказанія русскаго народа (?) всегда существовали въ одной семейной жизни (?) и никогда не были мѣнѣемъ общественнымъ, мѣнѣемъ всѣхъ сословій (?) народа». Конечно, совсѣмъ наоборотъ: въ старыя времена вѣра въ колдовство и кудесничество была именно всеобщимъ убѣжденіемъ, какъ часть языческаго міровоззрѣнія. Сообщивъ далѣе нѣсколько свѣдѣній о современной вѣрѣ народа въ колдовство, указавъ нѣсколько лѣтописныхъ и другихъ свидѣтельствъ о колдовствѣ въ древней Руси, Сахаровъ приступаетъ къ «источникамъ русскихъ преданій». По причинамъ, которыя далѣе увидимъ, Сахаровъ увѣренъ, что «тайныя сказанія» не были созданіемъ русскаго народа, а напротивъ принесены изъ чужихъ источниковъ. Чтобы дать понятіе о его способѣ разсужденія, надо прочесть небольшой отрывокъ:

«...Мы невольно спрашиваемъ самихъ себя: неужели это (т.-е. повѣрья русскаго народа о колдовствѣ и чернокнижій) есть порожденіе думъ русскаго народа? Неужели все это создавалось въ русской землѣ? Будемъ откровенны къ самимъ себѣ (?), будемъ сознательны предъ современнымъ просвѣщеніемъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса: Русский народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ сказаній (!); онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго мірового чернокнижія (?) въ свою семейную жизнь. Никогда на русской землѣ не создавались тайныя сказанія (!); она, какъ часть вселенной (!), вмѣстала въ себя только людей, усвоившихъ себѣ міровыя мышленія. Въ этой идѣ убѣждаетъ насъ внимательное (?) изслѣдованіе всеобщаго мірового чернокнижія. Для достовѣрности сего предположенія, мы присовокупляемъ историческіе факты, объясняющіе переходеніе тайныхъ міровыхъ сказаній въ русское чернокнижіе. Здѣсь открывается очевидное сходство.

«Всеобщее міровое чернокнижіе принадлежитъ первымъ вѣкамъ мірозданія, людямъ древней жизни. Основныя идеи для творенія тайныхъ сказаній выторжались впервые древній міръ, а его идеи усвоились всему человѣчеству. Древній міръ сосредоточивался весь на Востокѣ. Тамъ народы, создавая идеи для мнѣй, думы для тайныхъ сказаній (!), рассказы о быломъ для повѣрій, олицетворяли ихъ видѣніями (!). Въ этихъ видѣніяхъ существовалъ бытъ религиозный, политическій, гражданскій (!). Семейная жизнь народовъ осуществлялась этими бытами... Предъ нами остались ихъ мнѣя, ихъ повѣрья, ихъ сказанія. Міръ новый своего ничего не создалъ (?); онъ... пересоздалъ предметы, существовавшіе не въ духѣ его жизни, отвергъ понятія, противныя его мышленію; но

принялъ основныя мысли, восхитившія его воображеніе, лстившія его слабости.

«Мноы, перешедшіе въ новый міръ, образовали *Демонологию*, столько разнообразную, столько разнovidную, сколько разнoплеменны были народы, сколько разнovidны ихъ олицетворенія (?). Ни днями, ни годами, но вѣками усвоивались мноы древней жизни грядущимъ поколѣніямъ. Каждый народъ принималъ изъ нихъ только то, что могло жить въ его вѣрованіяхъ; каждый народъ въ свою очередь прибавлялъ къ нимъ, чего недоставало для его вѣрованія. Изъ этихъ-то усвоеній и дополненій составились *миѳологія* и *символика*» и т. д. ¹⁾.

Рѣдко встрѣчается такая путаница словъ и понятій. Соотвѣтственно этому и объясняются источники русскаго чернокнижія. «Тайныя сказанія древняго міра, — продолжаетъ Сахаровъ, — осуществлялись людьми, ознаменованными (?) безчисленными названіями». И затѣмъ пересчитываются разные представители древняго чернокнижія, — но вовсе, впрочемъ, не восточнаго, а греко-римскаго: астрологи, авгуры, «прогностики» ²⁾, мистагоги, гаруспеки, сортилеги, пнеониссы и т. д.; исчисляются древнія прорицалища и оракулы; различные способы гаданія: кабалистика, антропомантія, аеромантія, гидромантія, капномантія, катоптромантія, леканомантія, некромантія, онихомантія и т. д. — по какому-нибудь старинному справочному словарю. По теоріи Сахарова выходило, что эти чернокнижники и гадатели имѣли своихъ учениковъ въ древней Руси. Напримѣръ: «Астрологи, облекаемые названіями халдеевъ, математиковъ, волхвовъ, почитаются старѣйшинами въ образованіи чернокнижія... Незадолго было повѣріе, что Зороастръ персидскій первый начерталъ чернокнижіе (!); но теперь оно (т.-е. это «повѣріе»), съ открытіемъ санскритскихъ писменъ, уничтожается (!). Въ землю русскую перешли астрологи при началѣ ея общественнаго быта (!) и расплодили свои понятія въ семейной жизни такъ глубоко, что и теперь въ селеніяхъ существуютъ темныя намеки о вліяніи планетъ на судьбу человека... замѣтимъ здѣсь, что и русская народная символика есть порожденіе астрологовъ» (!). Далѣе оказывается, что и «авгурология (гаданіе по птицамъ) перешла въ русскую землю со многими видоизмѣненіями»; и «ученіе прогностиковъ внѣдрилось въ русскую семейную жизнь издревле»; и «видѣнія, и призраки русскаго селянина (?) носятъ на себѣ отпечатокъ ученія мистагоговъ»; «ученіе гаруспекoвъ мало извѣстно русскимъ чародѣямъ», но «русское кудесничество и чародѣйство состави-

¹⁾ Сказанія, томъ I, кн. 2, стр. 7—8.

²⁾ Сахаровъ счѣталъ предсказаніе съ предсказателемъ, prognosticon и prognostes.

лось изъ преданій оессалійскихъ волшебницъ (пифониссъ); наши сельскія колдуньи представляютъ изъ себя живой сколокъ съ этихъ волшебницъ» и т. д. ¹⁾ Вопросъ о томъ, имѣли ли на «русскую семейную жизнь» вліяніе дельфійскій и додонскій оракулы и «прорицалище Аммона», Сахаровъ оставляетъ открытымъ: «трудно рѣшить».—Словомъ, вздоръ совершенный.

Но Сахаровъ усиленно хлопочетъ о томъ, чтобы доказать, что народное чернокнижіе не было придумано самимъ русскимъ народомъ. Нѣсколько разъ онъ принимается утверждать, что «русскій народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ сказаній»; «мы смѣло можемъ сказать, что на нашей родной землѣ ни одинъ русскій человѣкъ не былъ изобрѣтателемъ тайныхъ сказаній»; относительно «чаръ для калѣкъ» Сахаровъ утверждаетъ, что «русскій поселянинъ не былъ ихъ изобрѣтателемъ» ²⁾ и пр. Онъ такъ огорчается нѣкоторыми суевѣріями народа, что, хотя и былъ ревностный этнографъ, желаетъ истребленія, а не изученія народно-письменныхъ памятниковъ этого рода, которыми уже вскорѣ съ величайшимъ интересомъ занялись настоящіе этнографы ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ, онъ беретъ подъ защиту и нашихъ отдаленныхъ предковъ и негодуетъ противъ новѣйшихъ мнѣологовъ, которые, между прочимъ, «подъ видомъ ученыхъ изслѣдованій, прибѣгаютъ къ небывалымъ открытіямъ (!) и паваютъ на нашихъ предковъ *позорную тѣнь многобожія*» ⁴⁾.

Итакъ, ясно, почему надо было отвергать и многобожіе предковъ, и чернокнижіе потомковъ: это была позорная тѣнь, которой Сахаровъ никакъ не могъ допустить на народъ, столь патріархально-благонравномъ и православно-благочестивомъ. Для объясненія этого, у Сахарова имѣется особая теорія «общественнаго образованія русскаго народа», т.-е., развитія русской народности. Хотя чернокнижіе и зашло къ намъ, оно не нарушило чистоты нашей народности на слѣдующемъ основаніи:

¹⁾ Въ другихъ мѣстахъ онъ указываетъ еще, что къ русскимъ приносили кудесничество финны, татары, литовцы, молдаване, цыгане.

²⁾ Сказанія, т. I, кн. 2, стр. 8, 14, 38.

³⁾ Говоря о плакунъ-травѣ, Сахаровъ пишетъ: «Съ горестью (!) упоминаемъ о суевѣріяхъ нашихъ поселянъ надъ этою травой... Чародѣйскій травникъ, занесенный въ русскую землю изъ Вѣнороссіи и Польши, говоритъ о многихъ обрядахъ надъ травой плакуномъ... Этотъ новый источникъ сельскаго заблужденія, вѣроятно, зашелъ въ наше отечество во время самозванцевъ... Кто бы не пожелалъ, чтобы эти травы были уничтожены, или по крайней мѣрѣ чтобы простолюдинамъ увѣрились въ ихъ ничтожность?»—Сказ., тамъ же, стр. 44.

⁴⁾ Сказ., т. II, кн. 7, стр. 91.

«Общественное образованіе русскаго народа, совершаясь независимо отъ другихъ народовъ, по своимъ собственнымъ законамъ, выражалось въ умственной жизни двумя отдѣльными знаменованіями (?): *понятіями общественными и семейными*.

«*Русскія общественныя понятія* всегда (?) существовали на краюгольномъ основаніи христіанскаго православія. Іерархи, какъ пастыри церкви и учителя народа, князья и цари, какъ священные властелины и блюстители народнаго благоденствія, были представителями общественныхъ понятій. Находясь въ рукахъ столь важныхъ лицъ, они всегда были цѣлы и невредимы, какъ была цѣла и невредима русская жизнь. Отъ этого самаго въ нашемъ отечествѣ никогда не было переворотовъ въ общественныхъ понятіяхъ, внесенныхъ сосѣдними народами. Все совершалось постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ людьми, являвшимися изъ среды своихъ соотечественниковъ... Во всѣхъ переворотахъ сосѣднихъ странъ онъ (русскій славянинъ) не былъ участникомъ. Въ этомъ-то самомъ замѣчалась ненарушимость русскаго общественнаго понятія.

«*Русскія семейныя понятія* существовали на своихъ отдѣльныхъ основаніяхъ (?), и порождавшіяся въ семействахъ (?) никогда не сливались съ общественными понятіями (?). Въ нихъ не было единства; они были столько различны, сколько тогда были различны границы русской земли (?). На этихъ заповѣданныхъ (?) чертахъ все измѣнялось отъ стеченія чужеземныхъ мнѣній. Облекаясь русскимъ словомъ въ гостепріимныхъ семействахъ (?), эти мнѣнія переносились отъ одного селенія (?) къ другому. Пришельцы и люди бывалые были передавателями чужихъ мнѣній».—Эти пришельцы и бывалые люди «никогда не выходили изъ круга семейнаго, никогда не были участниками въ обновленіяхъ общественной жизни» ¹⁾.

Съ этой точки зрѣнія, Сахаровъ и убѣдился, что чернокунижіе, а съ нимъ, конечно, и другія позорныя заблужденія не были русскимъ дѣломъ, а заносились къ намъ только чужеземцами. Всѣ эти оправданія русской старины довольно забавны, потому что, кажется, можно было бы разрѣшить старинѣ заблуждаться и собственными фантазіями,—но у Сахарова видимо была особая мысль: въ подкладѣ было желаніе и въ отдаленнѣйшей старинѣ охранить за русскимъ народомъ тѣ основныя начала русской жизни, которыя были указаны тогда программой официальной народности. Сахаровъ и раздѣлялъ *общественныя и семейныя* начала русской жизни, другими словами официально-народныя и простонародныя, а первыя всячески восхвалялъ, не останавливаясь передъ историческими безсмыслицами.

Но вслѣдъ за этими безсмыслицами, подъ рубрикой «сказаній о кудесничествѣ» сообщается очень любопытная и цѣнная коллекція заговоровъ (числомъ 64), собранныхъ самимъ Сахаровымъ и полученныхъ отъ другихъ лицъ. Далѣе, подъ заглавіемъ «сказаній о чародѣйствѣ» (которое можно было бы соединить

¹⁾ Сказ. I, кн. 2, стр. 14—15.

съ «худесничествомъ») сообщаются различные приемы колдовства: чары на вѣтеръ, на слѣдъ, для калѣкъ, на лошадь, на подтекъ и т. п.; описываются чародѣйныя травы: прикрышъ, сонъ-трава, кочедыжникъ или папоротникъ, разрывъ-трава и т. п. Но и здѣсь Сахаровъ не могъ обойтись безъ «востока древней жизни, изобрѣтателя чарованій», и въ русское чародѣйство помѣстилъ «абракадабру», «Sator, агеро» и пр., наконецъ, невѣроятныя «пѣсни вѣдьмъ на Лысой горѣ», «чародѣйскую пѣсню Солнцевыхъ дѣвъ» и т. п. Далѣе, «сказанія о знахарствѣ», гдѣ сообщаются разные бытовыя суевѣрія, приемы знахарскаго леченія; «сказанія о ворожбѣ», гаданыхъ и истолкованіяхъ; «сказанія о народныхъ играхъ»; «загадки и притчи»; «народныя присловья», гдѣ собраны шутивыя и насмѣшливыя прозвища, которыя слывутъ за жителями разныхъ мѣстностей. — Всѣ эти рубрики представляютъ много любопытнаго матеріала, но не безъ странностей въ ученыхъ объясненіяхъ автора.

Книга третья посвящена изданію пѣсенъ. Собраніе было очень разнообразно; по рубрикамъ Сахарова, здѣсь были пѣсни свѣточныя, хороводныя, плясовыя, свадебныя, семейныя, разгульныя, удалыя, солдатскія, казацкія, обрядныя, колыбельныя. Въ чемъ состоялъ здѣсь трудъ Сахарова, какъ собирателя и редактора? Сахаровъ въ статьѣ о пѣсняхъ (кн. 1-я), какъ мы видѣли, очень строго относится почти ко всѣмъ своимъ предшественникамъ, которыхъ винилъ обыкновенно въ искаженіи подлиннаго народнаго текста. Онъ не исключилъ изъ своихъ осужденій и Чулкова; хотя самъ признаетъ предпріятіе Чулкова «самымъ замѣчательнымъ», но все-таки ставитъ его въ ряду людей, которые особенно были виновны въ искаженіи пѣсенъ (какъ Поповъ, Макаровъ, Гурьяновъ), и дивится «снисходительности читателей» и жалѣетъ объ «отважности издателей» ¹⁾. По поводу изданій пѣсенной музыки, Прача и Кашина, Сахаровъ осуждаетъ ихъ итальянскую манеру музыкальнаго переложенія и (не знаемъ, по собственному ли пониманію предмета) дѣлаетъ одно серьезное замѣчаніе, — до сихъ поръ мало приложенное, — о необходимости отличать различія народнаго пѣснопѣнія по областямъ ²⁾.

Отношеніе Сахарова къ предшественникамъ своимъ было вообще несправедливо, — а относительно Чулкова особенно неблагоприятно. Упрекая его за исправленіе «стиховъ и *риомъ*», Сахаровъ, во-первыхъ, не хотѣлъ понять, что рѣчь идетъ не о народныхъ, а о

¹⁾ Сказ. I, кн. I, стр. 26—27.

²⁾ Тамъ же, стр. 38—39.

сочиненныхъ пѣсняхъ, которыми, по свойству изданія, былъ особенно наполненъ сборникъ Чулкова. Сахаровъ забылъ дальше сказать, что именно сборникъ Чулкова ввелъ въ литературу цѣлый рядъ прекраснѣйшихъ пѣсень, какія есть въ нашей народной лирикѣ; а наконецъ Сахаровъ скрылъ отъ своихъ читателей, что много подобныхъ прекрасныхъ пѣсень заимствовалъ въ свой сборникъ отъ этого самаго Чулкова!

Въ замѣткѣ, предшествующей тексту пѣсень (въ 3-й книгѣ «Сказаній»), Сахаровъ говоритъ слѣдующее: «*Всѣ помѣщенные здѣсь пѣсни, однѣ собраны были мною въ губерніяхъ: тульской, калужской, рязанской, московской, орловской и тверской; а другія доставлены: пошехонскія, А. И. Кастеринимъ, санктпетербургскія и ярославскія И. Т. Яковлевымъ, тихвинскія Парихичимъ, уральскія В. И. Далемиъ*». При самыхъ пѣсняхъ онъ не дѣлаетъ, однако, указаній, откуда идетъ та или другая пѣсня, — забывая, что указаніе *области* было бы столько же важно для текста пѣсни, какъ и для ея напѣва, нѣкоторые указанія сдѣланы только при вариантахъ. Оставивъ пѣсни безъ указанія ихъ источника, Сахаровъ не далъ читателю возможности судить и о томъ, какая доля сборника была собрана его собственнымъ трудомъ, и какая получена готовою, т.-е. въ такихъ же чужихъ спискахъ, какими пользовался Чулковъ ¹⁾. Предположивъ, что это упущеніе произошло по недосмотру, — не пришло въ голову, — нельзя, однако, найти удовлетворительнаго объясненія тому, отчего Сахаровъ умолчалъ о своихъ заимствованіяхъ у Чулкова, которыя очевидны ²⁾. Читателю предоставлено было воображать, что эти

¹⁾ Этотъ упрекъ тоже былъ сдѣланъ Сахаровымъ:.. «*слѣдовательно, Чулковъ самъ не собиралъ пѣсни, не подслушивалъ ихъ въ селеніяхъ, а печаталъ прямо съ готовою*. Въ этомъ еще нельзя обвинять его, — добавляетъ Сахаровъ: — *онъ, можетъ быть, имѣлъ свою цѣль*». Цѣль Чулкова не можетъ возбуждать недоумѣній: она высказана въ заглавіи его сборника.

²⁾ Возьмемъ, напр., одну 2-ую часть сборника Чулкова, во «второмъ тисненіи» (въ Москвѣ, у Хр. Клаудія, 1788). Сличая съ ней третью книгу «Сказаній» Сахарова, находимъ такіа совпаденія:

— Сахарова, I, 3, стр. 202 (пѣсни *семейныя*): «*Какъ бы знала, какъ бы вѣдала*» — равно пѣсни у Чулкова, № 163.

— Ib.: «*Ужъ какъ полно, красна дѣвица, тужити*» — Чулк., № 192.

— Ib. 204: «*Ахъ, палъ туманъ на сине море*» — Чулк., № 188.

— Ib.: «*Какъ у ключика у гремучева*» — Чулк., № 144.

— Стр. 205: «*Ахъ конь ли мой, конь, лошадь добра*» — Чулк., № 149.

— Ib.: «*Какъ у добрава молодца зеленъ садикъ*» — Чулк., № 177.

— Ib.: «*Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася*» — Чулк., № 148 и т. д.

Изъ пѣсень *разумныхъ*. Сахаровъ, 218: «*Чарочки по столу похаживаютъ*» — Чулк., № 195.

пѣснѣи вовсе не печатались «съ готоваго», а были издателемъ «подслушаны въ селеніяхъ».

Понятно, что собственно въ этомъ заимствованіи не было бы никакой бѣды; напротивъ, полезно было извлечь изъ старыхъ сборниковъ пѣсни, вообще прекрасныя и характерныя; но выписываніе изъ Чулкова становится неблаговиднымъ послѣ того, какъ этотъ же Чулковъ былъ охваченъ Сахаровымъ и когда Сахаровъ выставилъ себя такимъ блюстителемъ народности, извлекаемой изъ самаго ея источника. Дальше мы встрѣтимся еще съ худшими приѣмами нашего этнографа; но большинство своихъ современниковъ онъ успѣлъ оставить относительно этихъ приѣмовъ въ заблужденіи.

Пользуясь чужимъ матеріаломъ, этотъ блюститель подлинности не оставлялъ его нетронутымъ, напротивъ дѣлалъ иногда собственные подправки, для которыхъ не было никакого достаточнаго основанія: въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ могъ, въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка, исправлять (умалчивая о томъ) текстъ пѣсни, изданный въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и, очевидно, только отсюда ему извѣстный? — Сличивъ эти тексты Сахарова съ ихъ первообразами, можно видѣть, что Сахаровъ, мѣняя слегка пѣсенныя слова, старался прибавить пѣснѣи или внѣшнюю гладкость, или сладковатость (посредствомъ уменьшительныхъ), или наконецъ (мнимый) болѣе старинный колоритъ, — иной разъ поправлялъ предполагаемую неправильность ¹⁾.

— Стр. 219: „Еще какъ люди въ людяхъ-то живутъ“—Чулк., № 160.

— Стр. 220: „Въ Архангельскомъ, во градъ“—Чулк., № 179.

— Ib. 221: „Заваруѣ, варуѣ, варуѣко“—Чулк., № 197.

— Ib.: „Веселые по улицамъ показиваютъ“—Чулк., № 198.

Изъ удачныхъ. Стр. 224: „Изъ Кремля, Кремля, крѣпка города“—Чулк. № 129.

— Стр. 225: „Ахъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой“ — Чулк., № 139.

— Ib.: „Голова ль ты моя, головунка“—Чулк., № 180.

Изъ солдатскихъ. Стр. 235: „Какъ во славномъ было городѣ Колыванѣ“ — Чулк., № 187.

— Ib.: „Ахъ вы бѣдныя головунки солдатскія“—Чулк., № 141, и пр.

Такимъ же образомъ, заимствовались, безъ указанія источника, пѣсни изъ собранія Прача. Напр.:

— Сах. 202: „Ты дуброва моя, дубровунка“—Прачъ (по 1-му изд.) № 23.

— Стр. 205: „Не спала-то я, младешенька, не дремала“—Прачъ, № 32.

— Стр. 206: „У дорожнаго добра молодца“—Прачъ, № 8.

— Стр. 209: „Ахъ ты поле мое, поле чистое“—Прачъ, № 20.

— Стр. 236: „Какъ пониже было города Саратова“—Прачъ, № 4, и т. д.

¹⁾ Напр., въ пѣснѣ: „У дорожнаго, добра молодца“, въ изданіи Прача, читаемъ:
...Что просваталъ меня сударь батюшка...

Не за *лапушку* да *милова*;

Но съ сороковыхъ годовъ, когда «Пѣсни» Сахарова вновь явились въ «Сказаніяхъ», этнографическія изученія становились уже на гораздо болѣе твердую почву научной критики и художественнаго вкуса. Новое поколѣніе ученыхъ и любителей, лучше подготовленное, уже мало удовлетворялось Сахаровымъ. Начали появляться новые сборники народныхъ произведеній, гораздо лучше исполненные; новыя изслѣдованія съ болѣе широкимъ критическимъ знаніемъ¹⁾; въ литературѣ, по стопамъ Пушкина и Гоголя, возникали художественныя картины народнаго быта въ произведеніяхъ Тургенева, Островскаго, Писемскаго и т. д. Рядомъ со всѣмъ этимъ дурные тексты Сахарова, его нескладныя и притязательныя разсужденія возбуждали досадливое недовольство, и кредитъ его сталъ падать и падать.

Образчикомъ этого новаго отношенія къ Сахарову можетъ послужить любопытная статья Аполлона Григорьева, въ 1854 г.²⁾ Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе о томъ, сколько накопилось къ тому времени этого недовольства Сахаровымъ.

«Да позволено намъ будетъ,—говоритъ авторъ,—*одинъ разъ навсегда*, высказать нашъ взглядъ на трудъ г. Сахарова, извѣстный подъ громкимъ названіемъ «Пѣсни русскаго народа»...

А что отдалъ меня батюшка
Во семью во несогласную,
Во *хоромину* непокрытую.

Сахаровъ печатаетъ въ своемъ изданіи:

Что просваталъ меня батюшка...
Не за *ладушку* за милаго,
А отдалъ меня батюшка
Не въ согласную семью,
Не въ *покрытую избу*.

„Хоромина“ казалась, вѣроятно, недостаточно народной; а „ладушка“, вѣроятно, должна была напоминать „Слово о полку Игоревѣ“.

Въ пѣснѣ: „Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ“ (стр. 237), варианты которой у Чулкова № 147 и Праца № 9, Сахаровъ пишетъ:

Высоко звѣзда восходила
Выше свѣтлова, *млада* мѣсяца, —

чего у другихъ нѣтъ и, вѣроятно, не должно быть.

Въ пѣснѣ: „Въ архангельскомъ, во градѣ“ поправлено: „Ахъ, у насъ было на *созолъ*“, вѣсто: „на *моозъ*“, какъ правильно у Чулкова. „Звоозъ“ или „извозъ“ — подъемъ отъ рѣки по крутому берегу.

¹⁾ Упомянемъ напр. „Русскіе народныя стихи“, явившіеся въ 1848 замѣчательнымъ образчикомъ изъ коллекціи Кирѣевскаго, „Собраніе пѣсенъ“ (съ музыкой) Стасювича; сборники малорусскіе; начавшіеся изслѣдованія Костомарова, Буслаева, Кавелина, Афанасьева и пр.; начавшуюся дѣятельность Географическаго Общества.

²⁾ Москвитининъ, 1854, № 15, Критика, стр. 98—142: „Русскія народныя пѣсни“, по поводу собранія Стасювича.

Г. Сахаровъ началъ съ того, что въ своемъ предисловіи уничтожилъ всѣ прежніе «Сборники пѣсенъ», обвинявши ихъ, отчасти и справедливо, въ искаженіяхъ, поправкахъ, однимъ словомъ въ измѣненіяхъ чисто-народнаго и въ маломъ уваженіи къ чисто-народному; но спрашивается: какъ же самъ г. Сахаровъ относится къ этому чисто-народному? Всякаго, кто знакомъ съ русскими пѣснями не по печатнымъ только источникамъ, всякаго, кто хотя сколько-нибудь ихъ слышалъ въ народѣ, чье ухо хоть сколько-нибудь привыкло къ ихъ музыкально-гармоническому складу, и въ чье сердце хотя сколько-нибудь проникло ихъ содержаніе,—сборникъ г. Сахарова возмущаетъ едва ли не болѣе, чѣмъ «Новѣйшій, полный и всеобщій пѣсенникъ»... (и проч., т.-е. Пѣсенникъ рыночнаго издѣлія). Г. Сахаровъ, какъ собиратель новыи и притомъ съ притязаніями сообщать своему собранію значеніе научное, конечно не далъ своему сборнику пышнаго заглавія... (какими отличаются сборники рыночные), «не ввелъ такихъ категорій раздѣленія, какъ пѣсни *изъвольныя, имовольныя, критическія*,—не напечаталъ чувствительныхъ романсовъ въ родѣ «Стонетъ низкій голубчикъ» б-бокъ съ народными пѣснями, но за то: 1) ввелъ свои, не такъ смѣшныя, но за то болѣе исполненныя претензіей категоріи; 2) не напечаталъ многого множества настоящихъ народныхъ и всякому русскому человеку знакомыхъ изъ дѣтства пѣсенъ; 3) искажалъ во имя условнаго раздѣла многія пѣсни, не лучше князя Цертелева, только на новыи манеръ.

«Въ самомъ дѣлѣ, что такое значать у г. Сахарова категоріи пѣсенъ: семейныя, разгульныя, сатирическія? какое различіе разгульныхъ отъ плясовыхъ? почему названіе «удалыя» пѣсни лучше названія «разбойническихъ» пѣсенъ?

«Почему въ сборникѣ народныхъ русскихъ пѣсенъ не встрѣчается множество пѣсенъ, которыя услышишь, какъ только подойдешь, гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ городскихъ переулкахъ, къ поющей толпѣ, и которыя не встрѣчаются въ сборникѣ Сахарова? Или одніи рѣдкости только собиралъ г. Сахаровъ?—но у него безпрестанно попадаютъ пѣсни вовсе не рѣдкія, сто разъ печатанныя, даже въ тѣхъ несчастныхъ собраніяхъ, которыя онъ уничтожаетъ безъ всякаго милосердія.

Г. Сахаровъ стѣсняетъ на искаженія, которыя пѣсни потерпѣли въ Чулковскомъ, Новиковскомъ, Цертелевскомъ, Кашинскомъ и другихъ сборникахъ, но у него: 1) очень часто въ записанныхъ пѣсняхъ народныхъ попадаютъ стихи дѣланые и вставочные, и 2) размѣръ пѣсенъ болѣею частію не поимъ и весьма часто искаженъ, подведенъ подъ условное ярио...

(Указавши нѣсколько примѣровъ порчи пѣсенъ у Сахарова ¹⁾, авторъ продолжаетъ): «и такіа искаженія попадаютъ на каждомъ шагѣ въ сборникѣ г. Сахарова, такъ что его «Пѣсни русскаго народа» почти столь же мало соотвѣтствуютъ своему названію, какъ исторія г. Полеваго своему, не смотря на то, что г. Сахаровъ весьма часто придаетъ этому послѣднему пышный титулъ исторіи русскаго народа. Мы думаемъ даже, что съ *тѣми взглядами* на народность русскую, которые явились въ литературѣ тридцатыхъ годовъ, въ исторіи г. Полеваго, въ его историческихъ романахъ и драматическихъ представленіяхъ, съ *взглядами*, которые высказываются и въ предисловіяхъ г. Сахарова къ разнымъ отдѣламъ его собранія, трудно понять душевно содержаніе русскихъ пѣсенъ и усвоить себѣ крѣпко ихъ разнообразныя формы; литература

¹⁾ Авторъ между прочимъ указываетъ подправки, совсѣмъ невозможныя въ политич. народной пѣснѣ; передѣлку размѣра и содержанія à la Дельвингъ; передѣлку à la князь Цертелевъ, или въ родѣ сборника: Веселая брата (!) на русской свадьбѣ».

тридцатыхъ годовъ приступала къ народности русской съ самыми странными претензіями и умѣла только смѣяться надъ предшествовавшими трудами по этой части. Стоитъ прочесть предувѣдомленіе, которымъ снабдилъ г. Сахаровъ собраніе святочныхъ пѣсень, — написанное какимъ-то приторно-добродушнымъ и поддѣльнымъ тономъ, чтобы убѣдиться, какъ мало издатель способенъ былъ къ принятому имъ на себя труду¹⁾.

Все это было чрезвычайно справедливо. — Когда, наконецъ, явился новый издатель народныхъ пѣсень, которому пришлось имѣть дѣло съ тѣмъ же матеріаломъ и близко провѣрить Сахарова, странные приемы послѣдняго бросились въ глаза. Въ 1860, началось изданіе «Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ»: г. Безсоновъ, который велъ это изданіе, къ сборнику самого Кирѣевского присоединилъ по возможности весь старый матеріалъ эпическихъ пѣсень, и при этомъ внимательно пересматривалъ старые тексты и въ томъ числѣ Чулкова, Новикова и проч. Раскрылась довольно ясно роль Сахарова, какъ издателя; оказалось, что онъ, суровый обличитель искаженія пѣсень, какъ мы уже видѣли, самъ ни мало не стѣсняясь подправлялъ ихъ въ своемъ вкусѣ, «уснащивалъ» ихъ любимыми словечками, подслащалъ въ мнимо-народномъ и арханческомъ стилѣ — вѣроятно, не ожидая, что его самого могутъ провѣрить. Не приводя дальнѣйшихъ примѣровъ, отсылаемъ читателя къ многочисленнымъ указаніямъ г. Безсонова²⁾. Каждая изъ отмѣченныхъ страницъ представляетъ образчики подправокъ, которыми Сахаровъ прикрашивалъ данный текстъ, почти всегда не кстати, неудачно, а иногда и просто нелѣпо, стараясь притомъ и отвести глаза читателю. Въ одномъ случаѣ онъ, по предположенію г. Безсонова, дошелъ наконецъ до прямого сочинительства. О Стенькѣ Разинѣ извѣстно, что онъ, плававшій на «Соколѣ», сжегъ царскій корабль «Орелъ»; съ другой стороны, есть преданье подобнаго рода, связанное съ именемъ Ильи-Муромца: изъ этихъ данныхъ составила былина, крайне нескладная съ начала до конца, и по мнѣнію г. Безсонова, народу не принадлежащая³⁾.

Въ четвертой книгѣ «Сказаній» собраны былины, затѣмъ — Слово о полку Игоревѣ, сказаніе о нашествіи Батыя, слово Даниила Заточника, и сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. О были-

¹⁾ „Москвитинъ“, стр. 94—103, 112—113.

²⁾ Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ. Вып. 6, Москва, 1864: стр. 187—190. Вып. 7, 1868: стр. 111—112, 137, 146—147, 206—212. Вып. 8, 1870: стр. 2, 24, 28, 58, 61, 65—75, 78—80, 84, 85, 87, 88, 90—93, 97, 132—134, 154, 155, 161, 284, 285, 302, 319; въ замѣткѣ г. Безсонова, стр. LXVIII.

³⁾ Сказ. I, кн. 3, стр. 244; Безсон. вып. 7, стр. 146—147.

нахъ Сахаровъ говорить въ предисловной замѣткѣ, что для изданія ихъ *приняты въ основаніе* текстъ, помѣщенный въ рукописи, принадлежавшей тульскому купцу Бѣльскому, и только для вариантовъ (которые однако не приводятся) употреблены былины, собранныя В. И. Далемъ въ казанской и оренбургской губерніи по Уралу, и «сборникъ Демидова», изданный «подъ ложнымъ именемъ Кириши Данилова». При печатаніи, былины были Сахаровымъ «раздѣлены на семь отдѣльныхъ пѣсенъ такъ, какъ онѣ были помѣщены *въ рукописи Бѣльскаго*». Новаго противъ Кириши Данилова рукописи однако ничего не сообщила; только отдѣльныя былины были связаны подъ общій сюжетъ. Съ этой «рукописью Бѣльскаго» мы еще встрѣтимся далѣе.

Одновременно съ первымъ томомъ «Сказаній» или вскорѣ послѣ него, вышли «Русскія народныя сказки» (1841, 1-я часть; второй не было). Въ цѣломъ трудъ Сахарова, «сказки» должны были составить XX-ю книгу; но это изданіе, вѣроятно, особенно интересовало автора, и онъ напечаталъ его внѣ очереди. Въ общемъ планѣ (въ предисловіи перваго тома «Сказаній») объ этой XX-й книгѣ было сказано слѣдующее: «Здѣсь будутъ напечатаны текстъ народныхъ сказокъ и указанія на *умышленныя передѣлки* нашихъ современниковъ. Въ сказкахъ важенъ для насъ языкъ самобытный, чисто-русскій. Московскіе издатели печатаютъ лубочныя изданія сказокъ съ своевольными вставками и передѣлками. Это *черное пятно* для нашей народности мы должны уничтожить изъ нашей современности, если не желаемъ подвергать себя *суду потомства*, если мы еще дорожимъ своимъ просвѣщеніемъ». — Что сказать объ этомъ негодованіи на «черныя пятна для нашей народности», объ этихъ напоминаніяхъ о судѣ потомства, если окажется, что самъ Сахаровъ не только умышленно передѣлывалъ, но сочинялъ цѣлыя сказки?

Въ предисловіи къ самой книжкѣ Сахаровъ говорить еще больше на тему о чистотѣ народности, о порчѣ сказокъ недобросовѣстными изданіями и передѣлками и т. п. Далѣе, въ «обозрѣніи русскихъ сказокъ» онъ даетъ списокъ сказокъ по сюжетамъ, потомъ библиографическую роспись книжныхъ и лубочныхъ изданій, потомъ разборъ главныхъ изданій, мнѣнія нашихъ писателей о сказкахъ, наконецъ, разсужденіе о содержаніи сказокъ и объ ихъ источникахъ. «Обозрѣніе» и для того времени было слабо; критика предшественниковъ — таже, какъ мы видѣли раньше при миеологій и пѣсняхъ: Сахаровъ обрушивается съ обличеніями на издателей, вовсе не имѣвшихъ цѣли этнографической, — чтобы косвенно превознести собственную книгу. Библиографи-

ческая роспись неполна, а по лубочнымъ изданіямъ задолго раньше и одновременно съ Сахаровымъ являлись гораздо болѣе замѣчательныя работы Снегирева. — Что же было въ самомъ изданіи? Въ книжкѣ Сахарова помѣщены слѣдующія сказки: Добрыня Никитичъ, Василій Буслаевичъ, Илья Муромецъ, Акундинъ, о Ершѣ Ершовѣ, о семи Семіонахъ. Всѣ онѣ, кромѣ сказки о Ершѣ, взяты, по словамъ Сахарова, изъ рукописи Бѣльскаго, упомянутого тульскаго купца, который получилъ ее изъ дома Демидова: рукопись, по словамъ Сахарова, была писана разными руками въ XVIII вѣкѣ и заключала въ себѣ былины (какъ упомянуто выше) и сказки (числомъ 14).

Что касается сказокъ богатырскихъ, то г. Безсоновъ, сличая ихъ съ былинами, приходилъ уже къ сильному подозрѣнію, если не къ полной увѣренности, что «рукопись Бѣльскаго» есть мнѣ, что она никогда не существовала и послужила только для прикрытія манипуляцій Сахарова надъ народно-поэтическимъ матеріаломъ. Первые три сказки составляютъ мнимо-народные прованческіе и подправленные пересказы былинъ ¹⁾, а четвертая, «Акундинъ» есть просто сочиненіе самого Сахарова на тему, вычитанную имъ въ повѣсть Ѳ. Глинки, «Карелія» (1830), изъ олонечскихъ преданій ²⁾. Соображенія г. Безсонова объ этомъ предметѣ кажутся намъ очень правдоподобными, и въ поддѣлкахъ Сахарова онъ вѣрно указываетъ различныя прорухи противъ настоящаго народнаго склада ³⁾.

¹⁾ По поводу этихъ былинъ Сахаровъ дѣлаетъ одно замѣчаніе, на которомъ можно остановиться. Какъ извѣстно, главнѣйшій богатырь кievскаго эпоса совпадаетъ со святымъ, мощи котораго хранятся въ Києвѣ. Сахарову это совпаденіе казалось совершенно неприличнымъ — для святого, и онъ опять считаетъ нужнымъ заявить о благососитанности русской старины. „Мы не думаемъ, — говоритъ онъ, — чтобы наша сказка имѣла какое-нибудь сходство съ св. Ильею Муромцемъ, извѣстнымъ своею святостію жизни и негнѣніемъ мощей (Память св. Ильи совершается декабря 19 дня; Ист. Росс. іерар., ч. I, стр. 398). Можетъ быть, другіе захотятъ отыскивать сравненія — то увѣримъ ихъ (!), что нашъ народъ никогда не касался святни“ (Р. Сказки, стр. 270). Сахаровъ, конечно, хотѣлъ сказать: не касался въ своей свѣтской пѣснѣ; но и это несправедливо: не только касался, но иногда и довольно легкомысленно. Укажемъ примѣры, извѣстные и во время Сахарова — тѣ пѣсни въ сборникѣ Кириѣ Данилова, которыхъ Калайдовичъ не рѣшился напечатать по ихъ неумажительному отношенію къ духовнымъ предметамъ.

²⁾ См. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. 4, 1862: стр. CLI, въ указателѣ, столб. 20, 24. Вып. 5, 1863: стр. XIII—LIII, CXXI, CXXIII—CXLIII. Ср. Ровинскаго, Р. Нар. картинки, IV, стр. 1; на стр. 67 цитата изъ Сахарова (Сказки, стр. LXVII) о переправкѣ сказокъ, относится не къ самому Сахарову, а къ Чулкову.

³⁾ Сахаровъ поступалъ не безъ хитрости. Такъ, напримѣръ, чтобы изобрѣсти нѣкъ (или въ крайнемъ случаѣ, черезъ нѣку подмалеванный) богатырь Акундинъ не

Изъ нашихъ историковъ, кажется, одинъ Бѣляевъ не усумнился въ «былинѣ» объ Акундинѣ и воспользовался ею для изображенія новгородскихъ «повольниковъ». Онъ находилъ, что эта былина «представляетъ намъ довольно вѣрный и полный типъ новгородскаго повольника» и вводитъ повѣствованіе Сахарова въ исторію ¹⁾. Костомаровъ не нашелъ, вѣроятно, возможнымъ сдѣлать этого, и въ «Народоправствахъ» для характеристики новгородскаго удальца взялъ гораздо проще и вѣрнѣе былинѣ о Васькѣ Буслаевичѣ, который, напротивъ, странно забыть Бѣляевымъ, хотя гораздо больше Акундина отвѣчалъ его же представленію повольника. Бѣляевъ, кажется, самъ чувствовалъ, что чего-то недостаетъ въ «былинѣ» Сахарова, изображающей своего героя слишкомъ учтивымъ и степеннымъ, и обходитъ эту недостатку оговорками ²⁾; но Васька Буслаевичъ, доподлинность котораго не подлежитъ ни малѣйшимъ сомнѣніямъ, одолѣвалъ самихъ «мужиковъ новгородскихъ», и былина о немъ нисколько не стѣсняется говорить объ его несносныхъ буйствахъ—потому что это именно и была «живая», а не дѣланная былина. Съ другой стороны, какъ мы видѣли, Сахаровъ вообще старался примазывать и приглаживать старину,—какъ это и видно въ «Акундинѣ».

Сомнительность богатырскихъ сказокъ Сахарова и въ особенности «Акундина» указывается, кромѣ сближенія съ «Кареліей», разными обстоятельствами, внѣшними и внутренними.

бросился въ глаза абсолютной неизвѣстностью самаго имени, онъ изложилъ такое имя въ «сказку» о Добринѣ (стр. 32: «Акундинъ Ивановичъ, воевода кіевскій»); потомъ явились и Акундинъ Путятичъ, новгородецъ, и его сынъ того же имени самый, богатырь сказки.

¹⁾ Разсказы изъ русской исторіи, соч. Ивана Бѣляева. Кн. 2, изд. 2-е. М. 1886, стр. 92 и слѣд. Это было уже послѣ объясненій Вессонова. Рамки этихъ объясненій, Иловайскій не коснулся этого богатыря въ своей «Исторіи рязанскаго княжества» (М. 1858), въ землѣ котораго совершались подвиги Акундина.

²⁾ Конечно,—говоритъ онъ,—не все повольники были подобны представленному въ былинѣ Акундину Акундиновичу; но то несомнѣнно, что Акундинъ представленъ какъ идеалъ новгородскаго повольника, къ которому живые повольники только приближались по мѣрѣ силъ, и по всему вѣроятію, ни одинъ живой повольникъ не подходилъ къ идеалу вполне, какъ это всегда бываетъ у людей (!). Но идеалъ повольника, изображенный въ былинѣ Акундина, самъ по себѣ безукоризненъ; въ немъ нѣтъ и тѣни грѣха, даже не упоминается ни о буйствахъ, ни о грабежахъ, безъ которыхъ едва ли тогда обходились живые повольники; слѣдовательно (?), Новгородъ въ повольничествѣ хотѣлъ видѣть главнымъ образомъ не грабежи и буйства молодыхъ людей на чужой сторонѣ, а сподручное средство дать буйной молодежи случай исправиться, перебѣдиться, и въ то же время вызвать ее на дѣятельность, вполне согласную съ требованіями молодости, жаждою до подвиговъ и опасностей, и не терпящей строгости и надзора старшихъ».

Во-первыхъ, куда дѣвалась эта замѣчательная рукопись Бѣльскаго, и какимъ образомъ Сахаровъ, уже владѣвшій этимъ сокровищемъ въ 1830-хъ годахъ, могъ въ послѣдующіе долгіе годы не подѣлиться съ любителями старины другимъ ея содержаніемъ?—Рукописное собраніе Сахарова, богатое важными памятниками, перешло потомъ во владѣніе гр. А. С. Уварова; но не слышно, чтобы у послѣдняго находилась рукопись Бѣльскаго, и вообще объ ней съ тѣхъ поръ ничего неизвѣстно. Во-вторыхъ, ни до Сахарова, ни послѣ, нигдѣ не встрѣтилось въ литературѣ старыя рукописей ничего похожаго на сказку объ Акундинѣ; а между тѣмъ въ наше время рукописная старина очень внимательно разрабатывалась именно въ сказочномъ направленіи; никакого отголоска этого новгородскаго богатыря не нашлось и въ обильныхъ записяхъ былинъ и сказокъ изъ устъ народа, между прочимъ въ томъ самомъ олонецкомъ краѣ, къ преданіямъ котораго приурочивалъ его самъ Сахаровъ.—Въ третьихъ, *если* сказки Сахарова написаны особеннымъ языкомъ, также донынѣ не имѣющимъ себѣ никакой параллели въ другихъ памятникахъ,—и читателю этотъ языкъ невольно представляется сочиненнымъ, и именно всего болѣе скопированнымъ съ языка былинъ и пѣсенъ, но приукрашеннымъ и подслащеннымъ до противности. Сахаровъ предупреждаетъ читателей, что они найдутъ здѣсь «чистый народный русскій языкъ» и—постарался: нѣтъ ни одной фразы, сказанной просто; все уснащено эпическими повтореніями, уменьшительными, протянутыми по пѣсенному «словесами», приговорками («ужъ какъ», «а и», и т. п.). Ему казалось, что «чистый народный» языкъ долженъ быть именно таковъ: первобытно чувствительный; онъ вышелъ—прибауточный, надобдливо приторный и фальшивый ¹⁾. «Акундинъ» былъ, видимо, любимымъ произведеніемъ Сахарова: въ началѣ этой сказки онъ помѣстилъ трогательную интродукцію, отъ лица рассказчика, гдѣ изображается аркадская простота «чисто русской» патриархальной старины ²⁾. Эта картина казалась Сахарову столь вѣр-

¹⁾ Въ своемъ усердіи Сахаровъ заставляетъ «рукопись Бѣльскаго», напр., писать всегда: «Микита», и т. под., хотя въ другихъ случаяхъ эта рукопись соблюдаетъ обычное правописаніе.—Вообще по языку и слогу «рукопись Бѣльскаго» есть во всякомъ случаѣ—unicum.

²⁾ «Созвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса (?) не мудрыя, какъ въ старыя годы, прежнія, жили люди старіе. А и то-то, родимые, были *яки* мудрые, *яки* мудрые, народъ все православный! Живали старики не по нашему, не по нашему, по заморскому (чужое, Сахарову неизвѣстное, вообще представлялось ему «заморскимъ»), а по своему, православному.

нимъ изображеніемъ подлинной русской народности, такъ была близка его сердцу и отвѣчала его идеаламъ, что эту тираду онъ поставилъ первымъ своимъ словомъ, въ самомъ началѣ «Сказаний», передъ посвященіемъ своего труда «Родинѣ и предкамъ». Сахаровъ достигалъ своей цѣли: подлинности его сказокъ и чувствительно-«народныхъ» причитаній вѣрили ¹⁾). Въ наше время, всемоу, знакомому со складомъ народныхъ произведеній въ старыхъ запискахъ, очевидна будетъ вся фальшивость этихъ причитаній; для современниковъ Сахарова онѣ казались возможными, и приведенную нами цитату съ полнымъ довѣріемъ повторялъ напр. Надеждинъ, относя ея содержаніе даже къ далекой древности ²⁾).

«Грустно разоблачать подобныя вещи у всякаго издателя, — говорить г. Безсоновъ послѣ разбора Сахаровскихъ приемовъ съ пѣснями и сказками: — грустно видѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ рассчитывалъ безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгораживалъ, гдѣ замазывалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустнѣе говорить это о литературномъ дѣятелѣ, немало потрудившемся для народа: но — и отрадно, какъ отраденъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій воздухъ, на чистую истину. И полезно: вкусъ къ народному творчеству воспитывается изученіемъ его произведеній; онъ гибнетъ отъ фальшивыхъ поддѣлокъ; онъ зрѣетъ зрѣлостью муже-

А жите-то, а жите-то было все привольное, да раздольное. Вставали раннимъ равенько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой, со бѣлой росой, молились икѣмъ святимъ и угодицамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада (?), и ходили на красенъ ярмлицъ (?) со рѣшеточкой, созывали слугъ *отрывать* на добры дѣла. Старики судъ радли, молодые слушали; старики придумывали крѣпкія думшки, молодые бывали во послушкахъ. Молодые молодилки правили домкомъ, красныя дѣвчичи завывали вѣнки на Семикъ день (?). Стария старушки судили, радли (?) и сказки сказывали. Бывали радости великія на великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико свротство. А что было, то былью поросло; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое жите, а родимой сторонѣ долѣ того“ (Сказки, стр. 94—95).

¹⁾ Онъ такъ негодовалъ противъ парусевій чистой народности и противъ ноймѣннаго фальшиваго сочинительства подъ народную манеру! „Было на Руси удивительное время, когда наши литераторы старались сочинять въ духѣ древнихъ пѣсень. Эту несчастную страсть началъ Н. М. Карамзинъ съ своего Муромца“ (т. е. съ своихъ Муромцевъ?), и т. д. „Сказаніе“, т. I, 1, стр. 48. — Кажется, что бы за бѣда, еслибы новая литература стремилась въ своихъ произведеніяхъ усвоить складъ той народности, за которую Сахаровъ такъ ратовалъ?

²⁾ См. ст. о русскихъ мѣтахъ и сагахъ, которую Надеждинъ заканчиваетъ этой цитатой въ подтвержденіе собственного идеальнаго взгляда на русскую старину (въ изданіи „Р. Бесѣды“, ст. 2—8, стр. 61—63).

ства, когда рядомъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы, для сличенія, поддѣлки». Это справедливое замѣчаніе прилагается не только къ данному случаю, къ портѣ и поддѣлкѣ народныхъ произведеній, но и къ цѣлому представленію Сахарова о русской народности...

Къ счастью, не всѣ труды Сахарова отличались этимъ свойствомъ. Второй томъ (книги пятая—восьмая), вышедшій въ 1849, но разрѣшенный цензурою (по тогдашнему—въ рукописи) еще въ декабрѣ 1840 года, занятъ былъ матеріаломъ, который болѣею частью мало давалъ поводовъ къ намѣреннымъ прикрасамъ. Здѣсь перепечатано и вновь издано нѣсколько старинныхъ словарей и азбуковниковъ, далѣе изданы: «Русскія древнія свадьбы»; «свадьбы частныхъ людей въ XVII вѣкѣ»; «русскія свадебныя чиноположенія»; затѣмъ «народный двезникъ» и «народные праздники и обычаи», два сборника, принадлежащіе къ важнѣйшему, что было сдѣлано Сахаровымъ; наконецъ, «Путешествія русскихъ людей»—отъ игумена Даниїла въ XII вѣкѣ, до Арсенія Суханова въ XVII-мъ. Правда, и здѣсь въ историческихъ разсужденіяхъ автора (напр. въ предисловіи къ словарямъ) факты передаются и для своего времени крайне путано и нескладно, и здѣсь не обошлось безъ прикрашиванья старины; но вообще собранъ цѣнный историко-этнографическій матеріалъ, который оказалъ наукѣ немалую услугу.

Мы не будемъ останавливаться на библиографическихъ трудахъ Сахарова и сочиненіяхъ чисто археологическаго свойства, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ этнографическому изученію народности. Эти труды опять имѣли свою важность, когда на очереди стояли еще задачи установленія инвентаря нашей литературной старины, распространенія въ массѣ общества первоначальныхъ понятій о необходимости археологическихъ изслѣдованій, ихъ предметѣ и объемѣ, когда шло дѣло о распространеніи вкуса къ нимъ, который велъ бы къ охраненію и собиранію предметовъ древности. Чтобы оцѣнить въ этомъ отношеніи археологическую ревность Сахарова, надо припомнить, какимъ грубымъ невниманіемъ и пренебреженіемъ къ старинѣ отличалось (да и понынѣ, хоть нѣсколько въ меньшей степени, отличается) большинство «общества».—Но и здѣсь, какъ въ вопросахъ этнографіи, первое приближеніе дѣйствительно-научной критики къ тому же дѣлу указывало нерѣдко несостоятельность изслѣдованій Саха-

роза и въ постановкѣ предмета, и въ изложеніи самыхъ фактовъ¹⁾.

Изложенные факты представляютъ дѣятельность Сахарова по изученію народности въ двойственномъ, даже въ двусмысленномъ свѣтѣ. Мы указывали выше, какъ цѣнились труды Сахарова въ свое время, въ тридцатыхъ, сороковыхъ, даже отчасти въ пятидесятыхъ годахъ; свидѣтельство современника мы указали въ словахъ компетентнаго спеціалиста, Срезневскаго; новая критика открыла, однако, въ трудахъ Сахарова крупные недостатки—еще въ его время и съ той точки зрѣнія, какой онъ самъ держался. Его литературная судьба въ большой мѣрѣ объясняется самымъ характеромъ того времени. Сахаровъ есть весьма типическій представитель тогдашней этнографической науки и своими пріемами, и своими недостатками, которые теперь почти совсѣмъ отпали у его трудовъ значеніе научнаго матеріала. Мы сказали, что это былъ чистый самоучка; и не онъ одинъ былъ тогда самоучкой въ этомъ дѣлѣ, которое едва покидало ступень простой «охоты», изученія любопытныхъ рѣдкостей и курьезностей. Мы видѣли, въ какихъ уродливыхъ историческихъ понятіяхъ приводилъ Сахарова отсутствіе знаній и критической подготовки. У него не было правильныхъ представленій даже о внѣшней судьбѣ русскаго народа, и неумѣнье отчетливо выражать свои мысли происходило отъ смутности самыхъ мыслей. Не смотря на то, первые собирательскіе труды его по своей новостѣ имѣли большой успѣхъ, который еще усилилъ его самонадѣянность, всегда притомъ свойственную самоучкамъ; она очень повредила его дальнѣйшимъ трудамъ, потому что дѣлала невнимательнымъ, и внушила даже храбрость на подправки и поддѣлки. Мы упоминали объ его самолюбіи; въ перепискѣ, изданной г. Барсуковымъ, Сахаровъ свысока говоритъ и о такихъ ученыхъ, какъ Востокوفъ, Ундольскій, Бодянский, съ которыми онъ, конечно, далеко не равнялся. Изъ сотоварищей по археологін, которою онъ исключительно занялся въ послѣдніе годы, всего довѣреннѣе онъ былъ съ архангельскимъ Кубаревымъ,—и ихъ ученая, часто непріятно сплетническая, переписка очень характерна; письма Кубарева о московскихъ происшествіяхъ 1849 года (запрещеніе «Чтеній», выходъ Бодянскаго изъ университета и изъ Общества Исторіи и Древ-

¹⁾ Ср. статьи г. Забѣлина, собранныя послѣ въ его „Опытѣхъ изученія русскихъ древностей и исторіи“ (2 т., 1872—1873): т. I, стр. 450—454 (1855 г.); т. II, стр. 75, 78—106 (1852 г.). О качествѣ трудовъ Сахарова по палеографіи см. упомянутый и въ сущности неодобрительный отзывъ, въ запискѣ Срезневскаго.

ностей) доходить до полноты... Въ своихъ понятіяхъ о русской народности, Сахаровъ хотѣлъ быть вѣрнымъ послѣдователемъ оффиціальной программы, но это не придадо серьезности его понятіямъ о народѣ и старинѣ. Его изученіе было чисто внѣшнее, описательное; для объясненія внутренняго характера народности онъ не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать ничего—какъ по недостатку историческихъ знаній, такъ и по фальшивому исходному взгляду.—Мы упоминали, что въ его любви къ народности была своя демократическая жилка, ненависть къ барству съ его иностраннымъ образованіемъ, пренебрегавшему народомъ и погрязавшему въ нравственномъ ничтожествѣ своего отдѣленія отъ народа; онъ бранилъ его, иронизировалъ надъ нимъ сколько могъ,—но никогда не пришелъ къ живому, плодотворному пониманію дѣла. Сущность его народнаго патриотизма свелась на грубое противопоставленіе русскаго и «заморскаго», какии представлялось ему все западное, хотя бы и не-«заморское»: все русское было прекрасно, все «заморское» было ненавистно и вредно. Не совсѣмъ послѣдовательно Сахаровъ величаетъ Петровскую реформу, т.-е. главный источникъ заморскаго въ нашей жизни, и въ то же время считаетъ заморское причиною упадка чистой русской народности, хранимой только народными массами;—какъ считать научное знаніе, въ которомъ именно западъ оказалъ намъ великую помощь, Сахаровъ не объяснялъ. Въ чемъ состояли благодѣтельные свойства русской старины въ смыслѣ государственномъ, общественномъ, образовательномъ, Сахаровъ не объясняетъ; но бытовая жизнь, нравы старины изображаются имъ аркадской идилліей, — какъ въ той тирадѣ изъ «Алсуинды», которую онъ поставилъ во главѣ своихъ «Сказаній». Этому представленію отвѣчало и его обращеніе съ народно-поэтическими памятниками: дурно понятый патриотизмъ завлекъ его въ непозволительное шарлатанство; Сахаровъ принялся подправлять и подкрашивать старину въ томъ мнимо-народномъ стилѣ, который онъ считалъ за *настоящій русскій*. Приступая къ своему собранію, онъ наставлялъ всегда, что пѣсни и т. п. должно сохранять неприкосновенными, какъ онѣ хранятся въ устахъ народа. Современники повѣрили въ его собственную точность, но первая пристальная критика увидѣла, что Сахаровъ вовсе не слѣдовалъ хорошему правилу, которое проповѣдовалъ; на дѣлѣ онъ былъ гораздо худшимъ поддѣльщикомъ, чѣмъ его предшественники, имъ строго обвиняемые: тѣ не задавали себѣ никакой научной задачи, а онъ долженъ былъ понимать, что дѣлалъ. Есть сильное подозрѣніе, почти увѣренность, что онъ самъ занялся сочинительствомъ, вы-

давая его за подлинное творчество народа (если въ «Акундинѣ» и была у него какая-нибудь письменно-сказочная, подлинная основа, то форма и частности несомнѣнно поддѣльныя)—любопытно, что эта жалкая затѣя повторяется и у другихъ собирателей того времени: ихъ народолюбивой ревности мало было того, что имъ встрѣчалось въ устахъ народа, и они подбѣдывали народу свои измышленія,—въ фальшиво-романтическомъ и вмѣстѣ казенномъ стилѣ.

Результатъ былъ довольно печальный: имя Сахарова, такъ много все-таки порабатывшаго для изученія народности, еще при жизни его потеряло авторитетъ, если не строго научнаго знанія, то хотя бы внѣшняго опыта и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу,—последнее могло бы остаться за нимъ и при ошибочности его теоретическихъ понятій. Значеніе его трудовъ было болѣе кратковременно, чѣмъ могло бы быть — при болѣе простой постановкѣ дѣла, при болѣе искреннемъ и внимательномъ изученіи, а что касается теоретическаго пониманія народности, то критика даже не останавливалась на его разборѣ, раскрывши только тѣ хитрые приемы и тенденціозныя поддѣлки, на которые Сахаровъ положилъ столько стараній.

А. Пипинъ.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ.

ПИСЬМО XV ¹⁾.

I.

1) *Bryant and Gay*: „A popular history of the United States, from the first discovery of the Western Hemisphere by the Northmen to the end of the first century of the Union“. London. 4 vol. fully illustrated. Gd. 8°, 1876—1881.—2) *Jefferson Davis*: „The Rise and Fall of the Confederate Government“. London. 2 vol. in 8°, 766 и 808 p. 1881.

Всѣмъ памятна книга проф. Лабулэ, которую онъ издалъ лѣтъ двадцать тому назадъ подъ заглавіемъ «Paris en Amérique». Она вышла во время апогея могущества второй имперіи, съ цѣлью сопоставить съ системой Наполеона III примѣръ свободной Америки. Намѣреніе было безспорно похвальное и книга имѣла большой успѣхъ. Но она понесла на себѣ слѣды своей тенденціозности, и поэтому представляетъ то же, что тацитовская «Germania»: всѣ американцы являются въ книгѣ Лабулэ добродѣтельными и безкорыстными людьми; платоническими любовниками; лавочниками, положившими себѣ цѣлью жизни составить счастье своихъ согражданъ; пасторами, наживающими чахотку непосильнымъ самоотверженіемъ. Иногда только попадаютъ ти-

¹⁾ См. выше: октябрь, 1881, стр. 788.

рады, которыя предсказываютъ превращеніе, постигшее впоследствии самого Лабулэ, какъ напимѣръ: «Америка связана только церковнымъ союзомъ, но состоитъ изъ автономныхъ общинъ; это истинный цвѣтъ пуританства. Здѣсь, какъ и вездѣ, религія сдѣлала человѣка и гражданина по своему образу и подобию: свободная церковь создала свободное государство», и т. д. въ этомъ направленіи.

Какъ бы то ни было, но все-таки книга Лабулэ занимательна, читается легко и, какъ извѣстно, имѣла большой успѣхъ. Но мы упомянули о ней только потому, что она до сихъ поръ служитъ репертуаромъ тѣхъ преувеличеній, которыя приходится нерѣдко слышать объ американскихъ порядкахъ. Конечно, нельзя и умалять величіе этой царицы новаго свѣта и значенія примѣровъ, которыя она можетъ дать къ величайшей пользѣ и усовершенствованію учреждений стараго свѣта. Но надо быть разборчивымъ и не давать себя обманывать похвалами, которыя иногда расточаются вопреки дѣйствительности.

Въ Европѣ вообще мало знаютъ исторію Соединенныхъ Штатовъ, которая, между тѣмъ, весьма поучительна. Эта страна слишкомъ далека отъ насъ, а хорошихъ книгъ о ней, по правдѣ сказать, пишется не много. Но вотъ вышла, наконецъ, книга, которая восполняетъ многіе пробѣлы. Авторъ ея обладаетъ достаточною ученостію и основывается на подлинныхъ документахъ, книга читается легко и вдобавокъ украшена множествомъ тщательнѣйшихъ рисунковъ, которые дѣлаютъ ее, въ одно и то же время, и научнымъ, и популярнымъ изданіемъ. Правда, уважаемый поэтъ и журналистъ Брѣйантъ участвовалъ въ редакціи двухъ первыхъ томовъ только своими совѣтами. Допустимъ даже, что въ этомъ случаѣ не совсѣмъ обошлось безъ коммерческаго шарлатанства, но, такъ какъ Брѣйантъ умеръ во время изданія, то, вѣрнѣе, что Гэй даже нѣсколько преувеличилъ свою личную долю сотрудничества въ книгѣ, чтобы показать, что достоинство и единство ея не слишкомъ много теряютъ отъ этой смерти.

Авторы начинаютъ съ до-историческихъ временъ; и эта часть обработана вполне научно: мы не находимъ въ ней никакихъ опрометчивыхъ выводовъ. Такъ, напимѣръ, не смотря на то, что существованіе допотопнаго человѣка въ Америкѣ вполне вѣроятно, Брѣйантъ и Гэй, не колеблясь, признаютъ, что фактъ этотъ еще не вполне доказанъ. Они признаютъ также вѣроятность гипотезы, связывающей первобытныхъ американцевъ съ монгольскимъ племенемъ; всѣ новѣйшія изслѣдованія подтверж-

дають эту теорію, которую издавна защищает Геккель. Что касается до строителей тѣхъ огромныхъ кургановъ (tumuli), которые во множествѣ встрѣчаются въ Сѣверной Америкѣ, то для объясненія ихъ происхожденія понадобится еще не мало изслѣдованій. Покуда достоверно только то, что глиняная посуда и другіе предметы, находимые въ этихъ холмахъ, представляютъ поразительное сходство съ подобными же остатками, найденными въ Перу и въ Мексикѣ, изъ чего можно заключить, что строители кургановъ и древніе мексиканцы принадлежали къ одному и тому же семейству. Что же касается до пресловутой цивилизаціи имперіи Монтезумы,—цивилизациі, значеніе которой такъ сильно преувеличивается,—то я уже пространно говорилъ о ней однажды на этихъ страницахъ по поводу замѣчательнаго сочиненія Губерта Бэнкрофта «On the native races of the Pacific States» («О первобытныхъ племенахъ въ штатахъ на Тихомъ океанѣ», «Вѣстн. Евр.», февраль 1877).

Въ книгѣ встрѣчается много цитатъ изъ исландскихъ сагъ, относящихся къ первому открытію Америки норманнами, около 1000 года. Странное совпаденіе! Въ то самое время, когда западная Европа, обманываемая католическимъ духовенствомъ, съ ужасомъ ждала этого рокового года, полагая, что онъ принесетъ разрушеніе земли,—нѣсколько скандинавскихъ моряковъ, о которыхъ никто не зналъ до нашихъ дней, открыли еще новый материкъ. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что они открыли не одну Гренландію, но и доходили до бухты, гдѣ лежитъ въ настоящее время городъ Бостонъ. Безъ сомнѣнія, Христофору Колумбу это не было извѣстно, и только новѣйшіе историки могли ознакомиться съ нѣкоторыми подробностями первоначальнаго открытія, о чемъ имѣлось до сихъ поръ весьма неполное понятіе. Колумбъ зналъ о шарообразной формѣ земли отъ Аристотеля; но, съ другой стороны, не имѣлъ никакого понятія о новомъ материкѣ; ни Атлантида Платона, ни кронійскій континентъ Плутарха, ни страна Меропидъ, ни Теопомпъ не навели его на эту мысль. Упрямый генуэзецъ думалъ только о чудесахъ Индіи, объ этой фантастической странѣ, наполненной золотомъ и драгоценными камнями, о роскошномъ дворцѣ, который описывалъ Марко Поло, всеружившій всѣмъ головы своими описаніями. Вотъ то Эльдorado, котораго онъ надѣялся достигнуть дней черезъ 30 или 40, направляясь все къ западу по «сумрачному морю», которое воображеніе его матросовъ населяло страшными чудовищами.

Точно такимъ же образомъ ученые, искавшіе философскаго камня, открыли химическія свойства тѣлъ. Вотъ чѣмъ объясняется и озлобленіе, явившееся въ послѣдствіи противъ Колумба. Въмѣсто золотыхъ горъ и брилліантовыхъ рудъ, испанскіе моряки нашли бѣдную страну и жалкое населеніе: это еще не была ни Мексика, ни Перу. Въ современныхъ лѣтописяхъ и въ «Жизнеописаніи Христофора Колумба», авторомъ котораго считается его сынъ, говорится, что, когда сыновья великаго генуэзца появлялись въ публикѣ въ свѣтѣ королевы, при которой они состояли пажами, то на нихъ указывали пальцами, говоря: «Вотъ сыновья адмирала страны москитовъ, страны обмановъ и разочарованій, гдѣ настрадалось и погибло столько благородныхъ испанцевъ!»

Слово: «Вестъ-Индія» и названіе «индѣйцы», данное краснокожимъ, останутся вѣчными свидѣтелями ошибки Христофора Колумба,—этой счастливой ошибки, которая открыла новый міръ для дальнѣйшихъ предпріятій испанцевъ и англичанъ.

Послѣдніе начали прибывать въ Сѣверную Америку съ конца XVI вѣка. Изъ нихъ въ особенности слѣдуетъ упомянуть о группѣ пуританъ, которые, покинувъ метрополию, бѣжали въ Голландію, а оттуда прибыли въ Америку и высадились въ 1620 г. на берегъ въ Массачусетсѣ (въ Плимусской плантаціи). Иные отрицаютъ дѣйствительность общественнаго договора въ самомъ началѣ политической жизни американцевъ; но въ настоящемъ случаѣ можно указать на документъ, который представляетъ въ этомъ отношеніи величайшій интересъ, хотя дѣло идетъ и не о первобытныхъ людяхъ. Новоприбывшіе переселенцы, высадившись на американскій материкъ, подписали между собою слѣдующій общественный договоръ:

«Мы, нижеподписавшіеся, предпринявъ во славу Божию и для распространенія христіанской вѣры путешествіе, съ цѣлью основать въ сѣверной части Виргиніи первую колонію, клянемся предъ лицомъ Бога и людей соединиться и образовать политическое тѣло въ видахъ нашего наибольшаго удобства и обезпеченія и въ видахъ осуществленія вышеуказанной цѣли. Въ силу этого договора мы обязываемся вырабатывать и издавать такіе законы, правила и уставы, которые будутъ наиболѣе споспѣшествовать общему равенству и общей пользѣ колоніи, и которымъ всѣ мы обязываемся повиноваться и подчиняться». Этотъ вурьезный документъ служить почти дословнымъ повтореніемъ формулы Гоббса, которой помянутые переселенцы, конечно, не знали. «Политическое тѣло—говорится въ этой формулѣ—или гражданское общество означаетъ толпу людей, соединенныхъ властью или

по взаимному соглашенію въ видахъ общественной пользы, мира и взаимной защиты» ¹⁾).

Первая массачусетская конституція, послужившая образцомъ для остальныхъ, «The body of liberties», какъ ее называютъ, была обнародована въ 1641 г. Она была дѣломъ «достопочтеннаго» Натаніэля Уарда, которому приписываютъ слѣдующее мнѣніе, высказанное имъ будто по поводу этого предмета: «Увѣряютъ, будто люди имѣютъ право на свободу совѣсти, и, когда ихъ лишаютъ этой свободы, то иные поднимаютъ крикъ, называя это гоненіемъ. Будь я величайшимъ идіотомъ въ мірѣ, если это не худшее изъ мнѣній (за исключеніемъ одного), какія когда-либо высказывались подъ сводомъ небесъ».

Вотъ существенныя черты этой первобытной и древнѣйшей изъ всѣхъ конституцій.

Начнемъ съ законовъ противъ роскоши. Мужчины не должны носить длинныхъ волосъ, — это не опратно и «противно общественной пользѣ». Ширина женскихъ рукавовъ опредѣлена закономъ: въ нихъ не должно быть прорѣхъ; короткіе рукава строго воспрещаются, руки не должны быть обнажены. Административныя лица были обязаны наблюдать, чтобы молодые люди и молодыя дѣвушки не разговаривали другъ съ другомъ. «Никто не долженъ, ни прямо, ни косвенно домогаться любви молодой дѣвушки, безъ согласія ея родителей, или, за отсутствіемъ таковыхъ, безъ разрѣшенія мѣстной власти». Получивъ согласіе, обожатель, снабженный «свидѣтельствомъ» администраціи, могъ приступить къ ухаживанью за предметомъ своей страсти. За богохульство полагалась смертная казнь, а впослѣдствіи то же самое наказаніе примѣнялось къ квакерамъ.

Такой историкъ, какъ Бэнкрофтъ, останавливается въ изумленіи передъ такимъ ожесточеннымъ гоненіемъ на квакеровъ и вообще на диссидентовъ, которое взяли себѣ за правило американскіе пуритане. «Голосъ большинства, — говоритъ онъ, — считался голосомъ Бога, и поэтому результатомъ пуританства стала верховная власть народа». При началѣ эта власть выразилась въ самыхъ жестокихъ гоненіяхъ на свободу совѣсти и въ казняхъ неповоротливыхъ квакеровъ. Даже слабый полъ не находилъ снисхожденія и Мэри Дэйеръ была повѣшена въ качествѣ квакерши въ 1660 г.

Жанъ - Жакъ Руссо, который также стоялъ за верховную власть численной силы, пришелъ къ тому же выводу, когда пи-

¹⁾ „О политическомъ тѣлѣ“, глава VI, 8.

сая въ концѣ своего «Общественнаго договора»: «Кто, публично признавъ догматы о существованіи Бога и бессмертіи души, будетъ послѣ того вести себя, какъ невѣрующій въ нихъ, *тотъ достоинъ смертной казни*, какъ солгавшій передъ закономъ и, стало быть, совершившій тягчайшее изъ преступленій» (книга IV, гл. 8). Благодаря мизантропіи, которая таилась въ характерѣ Руссо, онъ сошелся такимъ образомъ во взглядахъ съ свирѣпыми массачусетскими сектантами и оправдалъ ихъ политическія преступленія. Теоретикъ не понималъ, что верховная власть большинства, если она не идетъ объ руку съ верховною властью разума, есть не болѣе, какъ мистификація.

Правда, въ XVII вѣкѣ у всѣхъ націй, какъ протестантскихъ, такъ и католическихъ, религія большинства была государственною религіею, передъ которою всѣ другія вѣрованія должны были склониться и исчезнуть. Для протестантовъ это былъ законъ общественной самозащиты. Послѣ всѣхъ испытанныхъ ими гоненій и страданій они имѣли полное основаніе обуздывать своихъ прежнихъ враговъ, которые всегда были готовы вновь захватить власть и уничтожить свободу политическую и религіозную. Но въ Бостонской бухтѣ, такъ далеко отъ старой Европы, для протестантовъ не существовало никакой опасности и, слѣдовательно, не существуетъ и оправданія. Притомъ же квакеры не имѣютъ ничего общаго съ католиками; это—тѣ же протестанты, даже пуритане, и разница между тѣми и другими только въ отбѣнкахъ. Приведемъ еще одинъ фактъ, особенно ужасный: двое квакеровъ, Лауренсъ и Кассандра Соусвикъ, были изгнаны подѣ страхомъ смерти и уѣхали, не уплативъ наложеннаго на нихъ штрафа и судебныхъ издержекъ. Тогда судьи арестовали оставшихся двухъ дѣтей и постановили «предоставить ихъ въ распоряженіе казначействъ съ правомъ продать кому бы то ни было изъ англичанъ Барбадоса и употребить вырученныя деньги на покрытіе судебныхъ издержекъ».

По конституціи южной Каролины избирательнымъ правомъ пользовался только тотъ, кто признавалъ Бога и вѣрилъ въ будущую жизнь. Въ Пенсильваніи члены законодательнаго корпуса обязаны были сверхъ того публично исповѣдать свою вѣру въ свящ. писаніе и въ откровеніе. Въ Сѣверной Каролинѣ къ занятію правительственныхъ и административныхъ постовъ допускались только лица, принадлежавшія къ протестантской церкви и вѣрившія въ божественное происхожденіе ветхаго и новаго завета. Въ Нью-Гемпширѣ подобная же статья была исключена изъ конституціи только въ 1877 г.

Банкрофтъ видимо затрудняется, стараясь объяснить всё подобныя основы американской конституціи. «Свобода совѣсти,—говоритъ онъ,—принесшая съ собою полную свободу мысли, слова и печати, была въ Соединенныхъ Штатахъ не плодомъ философіи, а плодомъ плебейскаго протестантства и естественной любви къ свободѣ. Будь американцы скептиками, не будь у нихъ религіозныхъ убѣжденій, имъ ничего не удалось бы основать. Философъ не станеть презрительно улыбаться, когда узнаеть, что эти конституціи были не фантастическими созданіями теоріи, а результатомъ прошлаго до такой степени, что въ семи изъ нихъ доступъ къ общественнымъ должностямъ открывается только для лицъ, публично исповѣдавшихъ свою вѣру». Вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, было бы другое соображеніе, а именно: если въ настоящее время, въ Америкѣ дѣйствительно царствуетъ свобода, то это благодаря общему прогрессу просвѣщенія и либеральныхъ идей, отъ котораго, не смотря на разстояніе, Америка не могла уклониться; а также благодаря расположенію многочисленныхъ сектъ, которыя, ради взаимной выгоды, уважають другъ друга. Положимъ, что это нѣсколько вынужденная солидарность, противная въ частности принципамъ каждой изъ этихъ сектъ; но, тѣмъ не менѣе, въ результатѣ—вѣротерпимость, отъ которой выигрываетъ цивилизація. Вотъ почему едва ли справедливо объяснить все это «плебейскимъ протестантствомъ».

Въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ, которыми многое объясняется, насъ не можетъ болѣе удивлять укорененіе и развитіе невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ августѣ 1619 г., за шестнадцать мѣсяцевъ до прибытія плимусской колоніи, голландскій корабль высадилъ на берега Виргиніи 20 негровъ, которые тотчасъ нашли себѣ покупателей. «По какому-то странному, таинственному предопредѣленію,—говоритъ Уильсонъ,—въ томъ самомъ году, который видѣлъ прибытіе въ Новый Свѣтъ корабля «Fleur de Mai» съ его драгоценнымъ грузомъ знанія, набожности и христіанской цивилизаціи, другой корабль привезъ туда же свой грузъ несчастья, страданій и беззаконій!» Положимъ, что это случилось не въ одномъ и томъ же году, но дѣло не въ анахронизмѣ: въ Америкѣ невольничество никогда не считалось предосудительнымъ ни у католическихъ, ни у протестантскихъ народовъ, и этотъ обычай вовсе не противорѣчилъ тѣмъ конституціямъ, о которыхъ мы дали выше понятіе.

Американскіе писатели не находятъ ничего лучшаго въ оправданіе своихъ предковъ, какъ увѣрять, что развитію невольничества въ Америкѣ содѣйствовали учрежденія метрополій, «поощри-

тельная улыбка королевской власти». Но это увѣреніе очень рискованно; исторія показываетъ, что по прекращеніи невольничества на сѣверѣ—гдѣ, впрочемъ, трудъ негровъ былъ менѣе необходимъ,—оно продолжало существовать на югѣ, гдѣ ему былъ положенъ конецъ только страшною междоусобною войной. Тщетно федералисты и приверженцы ихъ пытались отвести глаза обществу; тщетно твердили они на всѣ лады, что не невольничество было причиной войны,—прочтите книгу Джефферсона Дэвиса, бывшаго президента южной конфедераціи: онъ, хотя и увѣряетъ въ ней, что дѣло шло только о поддержаніи правъ, свободы и привилегій каждаго изъ штатовъ, однако находится вынужденнымъ сознаться, что и «различіе учреждений способствовало въ известной мѣрѣ столкновенію интересовъ». Этого признанія достаточно: «права человека и верховная воля народа» тутъ не при чемъ: югъ возсталъ, убѣдившись, что ему не навязать своей воли сѣверу и не сохранить своихъ невольниковъ.

Отмѣна рабства вымѣнялась Америкѣ необходимою; ей было необходимо стать въ уровень съ цивилизованными націями стараго свѣта, который, въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, былъ ея вожакomъ.

Во имя общаго интереса союзное правительство должно было настаивать на уваженіи закона и справедливости во всѣхъ штатахъ. Оно побѣдило; но чего стоила эта побѣда! Судя по тому, что говорить Брайантъ въ своемъ замѣчательномъ и несомнѣнно подлинномъ предисловіи, приложенномъ къ первой части «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ», побѣда Сѣвера была куплена не только золотомъ и кровью его гражданъ, но также и честью многихъ изъ нихъ.

«Всѣ съ удивленіемъ замѣтили,—говоритъ авторъ,—что плутства и кражи возрасли въ невѣроятныхъ размѣрахъ и что корень ихъ болѣею частью лежалъ въ междоусобной войнѣ. Одно время можно было даже думать, что расхищеніе государственной казны сдѣлалось какъ бы профессіей многочисленнаго класса гражданъ».

Какъ бы то ни было, а эта война дала самые полезные плоды съ точки зрѣнія организаціи центральной власти. Полная неудача федеративной и автономной системы заставила сознать необходимость возвращенія къ принципамъ той политики, которая, при полной свободѣ личности, даетъ государству, то-есть націи въ ея цѣломъ, средства защищать общіе интересы и облегчать прогрессивное развитіе учреждений. Къ этой же цѣли направлены, безъ сомнѣнія, и планы приобрѣтенія центральнымъ

правительствомъ желѣзныхъ дорогъ, предоставленія въ его управленіе телеграфныхъ линій и организаціи на широкую ногу системы народнаго обученія. Когда всѣ эти и другіе планы будутъ выполнены, тогда можно будетъ сказать, что американскій народъ сумѣлъ извлечь пользу изъ своихъ несчастій, и будущее, быть можетъ, оправдаетъ тотъ девизъ, который Джефферсонъ Дэвисъ великодушно подписываетъ на знамени союза, — девизъ: *Esto perpetua.*

II.

- 1) *B. Dawkins*: „Early man in Britain“. London. 8°, with woodcut, 538 p. 1880.
 2) *J. Evans*: „The ancient Bronze implements in great Britain and Ireland“. London. 8°. 509 p. 1881. 3) *C. J. Elston*: „Origins of English history“. London. 8°. 458 p. 1882.

Какой-то профессоръ исторіи жаловался въ своей вступительной лекціи на плохое положеніе преподаваемой имъ науки, обнимающей всего нѣсколько тысячелѣтій, тогда какъ человечество существуетъ вѣроятно уже тысячи тысячъ лѣтъ. Но первобытные народы не даютъ никакого матеріала для историка и, въ этомъ отношеніи, сто тысячъ лѣтъ эпохи троглодитовъ представляютъ менѣе интереса, чѣмъ нѣсколько лѣтъ эпохи, напимѣръ, афинской республики. Но зато дикари, въ родѣ австралійцевъ, принадлежать натуралисту. Особенный интересъ представляетъ это открытіе перехода, связи между до-историческими и историческими временами. Существовали ли расы людей, населявшія значительную часть нашей планеты и исчезнувшія, не оставивъ ни одного представителя? Существовали ли другія первобытныя расы, которыя сохранились, и при какихъ условіяхъ? Какія это расы и какъ ихъ распознать? Вотъ вопросы, которые будутъ занимать мыслителей, пока не будутъ разрѣшены. Тщетныя философы твердятъ, что эти вопросы неразрѣшимы: человеческій умъ желаетъ все знать и достигнутый уже прогрессъ доказываетъ, что онъ можетъ все понять.

Бойдъ Даукинсъ, профессоръ Оуэнь-колледжа въ Манчестерѣ, даетъ объясненіе всѣхъ подобныхъ вопросовъ. Если это и не полная истина, то во всякомъ случаѣ нѣчто близкое къ ней, насколько то возможно теперь. Въ его любопытной книгѣ о первобытномъ человѣкѣ въ Англіи мы находимъ не только ясный отчетъ обо всѣхъ извѣстныхъ уже фактахъ, но и новыя указанія, которыя, подобно новымъ горизонтамъ, открываются передъ читателемъ съ каждою главою этой книги.

Авторъ прежде всего устанавливаетъ тотъ фактъ, что жизнь на нашей планетѣ прошла черезъ три фазиса соответственно тремъ геологическимъ періодамъ. Въ первомъ періодѣ господствуютъ рыбы и амфибіи; во-второмъ, колоссальныя пресмыкающіяся, ихтиозавры и другіе, къ которымъ — присоединяются птицы съ хвостомъ пресмыкающагося, другія, съ клювомъ, вооруженнымъ зубами и т. п. Третій періодъ принадлежитъ млекопитающимъ и человѣку. По мѣрѣ того, какъ совершаются геологическіе перевороты, условія жизни постоянно измѣняются; животныя и растенія, организмъ которыхъ не соответствуетъ новымъ условіямъ, исчезаютъ, а тѣ, которыя способны къ видоизмѣненію, преобразуются и производятъ новыя виды и роды, которые намъ теперь извѣстны.

Авторъ, руководствуясь широкой и достаточно основательной точкой зрѣнія, отвергаетъ такъ-называемый четверичный періодъ, и допускаетъ одну третичную эпоху, присоединяя къ ней и нашу современную. Къ обычнымъ подраздѣленіямъ на эоценовую, міоценовую и пліоценовую эпохи, онъ присоединяетъ еще три эпохи: плейстоценовую, до-историческую и историческую. Присутствія человѣка въ пліоценовую эпоху онъ не только не признаетъ доказаннымъ, но и не считаетъ даже вѣроятнымъ въ виду свойствъ фауны этой эпохи. Человѣческій родъ появляется только въ эпоху плейстоценовую (первобытную, четверичную, по другому дѣленію). Это древній, палеолитическій, каменный вѣкъ, въ которомъ Даукинсъ открылъ слѣды существованія двухъ послѣдовательныхъ человѣческихъ расъ: *человѣка рѣчныхъ береговъ* или аллювіальнаго, населявшаго всю западную Европу, начиная отъ Норфолка, и оставившаго слѣды въ Италіи, Греціи, Малой Азіи и по всей Индіи, слѣды, состоящіе главнымъ образомъ изъ огромныхъ отточенныхъ камней и находимые во множествѣ въ долинахъ, въ особенности въ долинѣ Соммы; и *пещернаго человѣка*, слѣды котораго относятся къ половинѣ плейстоценоваго періода. Эта послѣдняя раса была гораздо болѣе развитою и оставила въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ несомнѣнные, даже можно сказать удивительныя, слѣды своихъ артистическихъ способностей. Что можетъ быть удивительнѣе оставшагося намъ отъ этой расы рисунка мамонта, представителя животныхъ, исчезнувшихъ тысячи вѣковъ тому назадъ, рисунка, свидѣтельствующаго объ умственныхъ способностяхъ человѣческаго племени, также исчезнуващаго? Замѣтимъ, впрочемъ, что, по мнѣнію автора разбираемой книги, эскимосы представляются мало развитыми потомками этой первобытной расы.

Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, была ли колыбелью этихъ палеолитическихъ народовъ средняя Азія, и прямо перейдемъ, вмѣстѣ съ Дауниномъ, къ пятому подраздѣленію третичнаго періода, къ той эпохѣ, которую одну только онъ и называетъ *до-историческою*. Это и есть новѣйшій или неолитическій, каменный вѣкъ, вѣкъ полированныхъ и усовершенствованныхъ орудій, дольменовъ и озерныхъ жилищъ. Неолитическіе народы уже умѣютъ плести, пряхъ, дѣлать лодки; это люди малорослые и длинноголовые. Авторъ отождествляетъ ихъ съ иберійцами, подкрѣпляя свой выводъ весьма вѣскими доказательствами.

Съ этой минуты все разъясняется и можно сказать, что происхожденіе человѣческихъ расъ западной Европы становится вполне извѣстнымъ. Аллювіальному и пещерному человѣку, послѣдовательно исчезнувшимъ, наследуетъ человѣкъ неолитическій, потомковъ котораго мы можемъ видѣть до нынѣ. Это тѣ малорослые индивидуумы, съ черными или темными волосами, которыхъ такъ много встрѣчается въ Испаніи, въ южной и средней Франціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи, особенно въ княжествѣ Уэльскомъ и въ Ирландіи. Въ извѣстную эпоху, эта еще первобытная, не-арійская раса, но уже во многихъ отношеніяхъ превосходившая расу плейстоценовую, населяла всю западную Европу, включая Германію и Данію.

Въ Великобританіи весь неолитическій періодъ принадлежалъ однимъ иберійцамъ, между тѣмъ какъ на континентѣ въ концѣ этого періода является первая толпа арійскихъ завоевателей—кельтовъ, которыхъ легко отличить по ихъ высокому росту, бѣлому и мягкому тѣлу, бѣлокурымъ волосамъ и круглымъ головамъ (*brachycephales*). Въ началѣ историческаго періода мы находимъ ихъ всюду смѣшанными съ иберійцами: въ Испаніи, какъ доказываетъ Страбонъ; въ центрѣ Европы, гдѣ кельто-иберійцы отдѣляютъ чистыхъ иберійцевъ запада отъ чистыхъ кельтовъ востока; наконецъ, въ Галліи, гдѣ аквитане также могутъ считаться иберійцами, хотя отчасти и смѣшанными, и гдѣ въ центрѣ мы находимъ кельтовъ, а на сѣверѣ—бельговъ, происхожденіе которыхъ служитъ предметомъ спора между французскими и нѣмецкими этнологами.

Гораздо позже, около XII вѣка до Р. Х., эти самые кельты, оттѣснивъ иберійскія племена къ западу Испаніи и Галліи, вторгаются въ Великобританію, гдѣ съ прибытіемъ ихъ начинается бронзовый вѣкъ. Пришельцамъ былъ извѣстенъ способъ составлять этотъ металлъ, и бронзовый періодъ оканчивается въ Англіи приблизительно за 150 лѣтъ до Р. Х.: Ивэнсъ, основываясь на

вѣскихъ данныхъ, опредѣляетъ продолжительность его въ восемь или десять вѣковъ. Здѣсь бѣлокурые завоеватели арійскаго племени также оттѣснили смуглыхъ и малолетнихъ иберійцевъ къ западу—въ Уэльсъ и Корнуэльсъ, а въ Ирландію—преимущественно къ югу. Объ этомъ ясно говоритъ Тацитъ: «Судя по смуглому цвѣту кожи силуровъ (жителей Уэльса), по ихъ курчавымъ волосамъ и по тому положенію, которое они занимаютъ насупротивъ Испаніи, можно смѣло заключить, что это древніе иберійцы, переплывшіе когда-то черезъ море и поселившіеся въ этомъ краю. Ближайшіе къ галламъ британцы очень похожи на первыхъ, потому ли, что они сохраняютъ слѣды общаго происхожденія, или же потому, что въ этихъ двухъ сближенныхъ странахъ одинаковый климатъ дѣлаетъ людей схожими между собою. Впрочемъ, весьма возможно и то, что галлы поселились на этомъ сосѣднемъ съ нихъ страномъ островѣ. Въ британскомъ суевѣрїи замѣтны слѣды ихъ религіи; языкъ почти одинъ и тотъ же» (Agricola, XI). Что можетъ быть яснѣе и полнѣе этого вывода, и кто въ наше время сказалъ бы болѣе? Черезъ восемнадцать вѣковъ мы приходимъ къ тому, что говорили Тацитъ и Страбонъ! Не смотря на то, что у этихъ знаменитыхъ людей не было въ рукахъ тѣхъ доказательствъ, которыя мы имѣемъ теперь и которыя приобрѣли всего двадцать или тридцать лѣтъ назадъ, древніе ученые были на пути къ истинѣ. Но преемники ихъ уклонились съ этого пути по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ наукой и философїей.

Языкъ иберійскихъ, неолитическихъ народовъ совершенно исчезъ, будучи вытѣсненъ кельтскимъ языкомъ, такъ же какъ послѣдній, въ свою очередь, былъ вытѣсненъ впоследствии въ Англіи англо-саксонскимъ, а во Франціи—романскимъ и простонароднымъ латинскимъ языками. Однако, аббатъ Эншопе, обративши вниманіе на названія острыхъ орудій у басковъ, находитъ въ нихъ доказательства того, что неолитическій вѣкъ, вѣкъ полированного камня, не прошелъ бесслѣдно для жителей Испаніи и Франціи, не принадлежащихъ къ арійскому племени. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ антропологовъ, языкъ служить весьма важнымъ указателемъ.

Эльстонъ, въ своей замѣчательной книгѣ о «Началахъ англійской исторіи», приходитъ не совсѣмъ къ одинаковымъ заключеніямъ съ Даукинсомъ, но и не употребляетъ такого строго-научнаго метода, какъ тотъ. Онъ не отождествляетъ неолитическихъ народовъ Англіи съ иберійцами и отказывается видѣть кельтовъ въ тѣхъ круглоголовыхъ людяхъ, которые смѣшались съ иберійцами.

По мнѣнію Эльстона, это были финны, пришедшіе съ береговъ Балтійскаго моря; кельты же пришли позже и никогда не были совершенно вытѣснены англо-саксами. Это — та же вѣчная реакція полу-знанія и фантазіи противъ великой исторической школы, которою можетъ по справедливости гордиться современная Англія, и замѣчаніе Стѣбса, сказавшаго о своихъ соотечественникахъ: «наша цивилизація—англійская, а не кельтская», остается во всей силѣ, потому что кельтской цивилизаціи, въ собственномъ смыслѣ слова, никогда и не было. И во Франціи также цивилизація не кельтская, а романская.

Впрочемъ, помимо этихъ подробностей, всѣ три сочиненія, на которыя я указалъ, имѣютъ капитальное значеніе, давая возможность составить себѣ точное понятіе о развитіи человѣчества, отъ самаго его начала, не только въ Англіи, но и во всей западной Европѣ. Въ книгѣ Ивэнса можно найти всѣ техническія свѣдѣнія о бронзовомъ вѣкѣ; но съ общей и философской точки зрѣнія, наибольшую важность имѣетъ сочиненіе Даукінса, въ которомъ такъ отчетливо объясняется переходъ отъ до-историческихъ временъ ко временамъ новѣйшимъ. Это лучшее и, можно сказать, единственное вступленіе къ исторіи, начинающее свое повѣствованіе съ той точки, гдѣ оканчиваются геологія и антропология.

IV.

S. Nichol: „Byron“. London. 1 vol. 8° 216 p. 1881.

Многіе спросятъ себя, быть можетъ, остается ли еще что-нибудь сказать о Байронѣ новаго и интереснаго, послѣ всего, что уже писалось о немъ въ его біографіяхъ и въ журналахъ. Въ сущности вопросъ въ томъ—дѣйствительно ли Байронъ такой великій человѣкъ, такой поэтъ-герой, какими его себѣ представляютъ. Если да, то эта тема неистощима; если нѣтъ, то о немъ уже и безъ того слишкомъ много говорено. Но общее отношеніе критики къ книгѣ Никола (о которой было говорено уже въ «Вѣстникѣ Европы») показываетъ, что авторъ «Чайльдъ-Гарольда», хотя и спущенный на нѣсколько ступеней съ того пьедестала, на которомъ онъ стоялъ лѣтъ двадцать тому назадъ, все-таки остается въ ряду величайшихъ геніевъ, какими прославилась Англія въ послѣднее столѣтіе. Можно оспаривать достоинства нѣкоторыхъ изъ его произведеній, но нельзя не удивляться другимъ. Изученіе же твореній великаго человѣка всегда

представляетъ интересъ, и критика всегда находитъ въ нихъ что-нибудь новое, въ особенности, когда, не смотря на всѣ комментарии, взгляды на нравственное значеніе этого человѣка еще продолжаютъ расходиться.

Что думать о Байронѣ, какъ о человѣкѣ? Дѣйствительно ли это такой непокорный, необузданный умъ, подверженный ужаснымъ, непрерывнымъ вспышкамъ; такое «отравленное воображеніе», по любимому выраженію Тэна? Дѣйствительно ли въ немъ соединяются Гарольдъ, Манфредъ и Донъ-Жуанъ? Тэнъ, опираясь на почти вѣрную теорію, по которую онъ примѣняетъ довольно произвольно, вдается въ этотъ случай въ преувеличенія, которыя кажутся, однако, правдоподобными, потому что они какъ будто основаны на солидныхъ данныхъ. Я уже имѣлъ случай указать на его заблужденіе, когда онъ изображаетъ современниковъ Шекспира, какъ дикарей, а эпоху возрожденія, этотъ чудный расцвѣтъ человѣчества, какъ эпоху варварскую. Такъ и тутъ онъ прилетаетъ «викинговъ» и говоритъ о «мрачномъ бѣшенствѣ скандинавскихъ морскихъ волковъ, когда они, въ открытой лодкѣ, подъ небомъ, прорѣзаннымъ молніями, предавались бурѣ, охватившей ихъ своею бѣшеною атмосферой» («Littérature anglaise», IV, p. 342). «Этотъ инстинктъ, прибавляетъ онъ, находится въ крови; съ нимъ родятся, какъ родятся львомъ или бульдогомъ».

Хорошъ комплиментъ всей англійской джентри! Но правда ли это? — вотъ въ чемъ вопросъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что предки Байрона прибыли въ Англію съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, что потомки ихъ со славой сражались возлѣ своихъ королей; что при Эджевиллѣ осталось на полѣ битвы до семи Байроновъ, и пр., — но тѣмъ же самымъ можетъ похвастаться въ отношеніи своихъ предковъ и большинство другихъ англійскихъ пэровъ, а не у всѣхъ же у нихъ темпераменты львовъ и бульдоговъ. Другой критикъ въ томъ же духѣ утверждаетъ, что Байронъ «динамизировалъ мятежный духъ расы, находившейся цѣлыя вѣка внѣ закона». Ничуть не бывало: эта раса была, напротивъ того, господствующею, и не только не находилась внѣ закона, а сама издавала законы.

Все это слишкомъ мало серьезно и подобными преувеличеніями можно испортить всякое дѣло. Если доискиваться психологической наслѣдственности, безспорно имѣющей вліяніе, то не затѣмъ заходить во времена Рагнара Лодброга, а слѣдуетъ ограничиться въ точности извѣстными ближайшими фактами. Въ общемъ наслѣдственные antecedentes были скорѣе благоприятны, чѣмъ

вредны, хотя біографы Байрона, притягивая все къ одной цѣли, изображаютъ характеръ Катерины Гордонъ самыми черными красками. Допустимъ, что она была женщиной нервной, даже истерической; но это еще не значитъ, что домъ ея былъ такой львиной берлогой, какъ его иные описываютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и мать и сынъ были крайне вспыльчивы, и одна изъ ихъ бурныхъ ссоръ положила конецъ ихъ совмѣстной жизни; но почему напримѣръ Тэнъ говоритъ единственно объ этой ссорѣ, забывая о цѣломъ годѣ счастья и покоя, который провелъ Байронъ ранѣе съ своею матерью? То же самое и относительно воспитанія: давно всѣми признано, что великій поэтъ былъ лѣнтяемъ и гораздо болѣе занимался боксированьемъ, чѣмъ своими учебниками. Онъ почти ничего не читалъ и въдобавокъ привезъ съ собою въ Кембридж своего прирученнаго медвѣдя. Но вотъ, для примѣра, перечень книгъ, прочитанныхъ будущимъ великимъ поэтомъ въ 1807 г.: многіе изъ философовъ, масса поэтовъ; изъ ораторовъ: Демосеенъ, Цицеронъ и пренія англійскаго парламента за нѣсколько лѣтъ; изъ романистовъ: Сервантесъ, Фильдингъ, Смоллетъ, Ричардсонъ, Стернъ, Раблэ, Вольтеръ. Какъ видно, боксъ и стрѣльба въ цѣль не помѣшали девятнадцатилѣтнему юношѣ запастись такимъ багажемъ, съ которымъ онъ могъ смѣло вступить на литературное поприще; онъ и пришелъ не съ пустыми руками.

Байрона, можно сказать, жегъ священный огонь, дѣлающій людей великими; страсть къ писательству не давала ему покоя. Минто, авторъ превосходной біографіи Байрона, напечатанной въ 1875 г. въ «Encyclopedia Britannica», говоритъ, что герой его во всякомъ случаѣ сдѣлался бы поэтомъ, но что, вѣроятно, онъ не былъ бы поэтомъ революціи, если бы родился въ достаткѣ. Однако Шелли и Лэндоръ родились въ достаткѣ, а это не помѣшало имъ сдѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ пророками новѣйшихъ временъ. «Англія полагала въ это время,—говоритъ Тэнъ,—что она ведетъ борьбу за нравственность и свободу». Во всякомъ случаѣ,—не за свободу! Англійское правительство въ XVIII вѣкѣ стало такимъ испорченнымъ, что возбуждало въ себѣ ненависть и доходило положительно до преступленій. Англійская аристократія, обезумѣвъ отъ страха въ виду французской революціи, ударилась въ произволъ и отобрала всѣ народныя права, которыя сама же она помогала когда-то завоевывать. Людей сажали въ тюрьмы за одно неосторожное слово, подслушанное шпиономъ; тѣхъ, кто требовалъ парламентской реформы, ссылали въ колоніи. Какъ ни суровы были англійскіе

законы, ноолигархія требовала еще болѣе суровыхъ, и приближалось время, когда англичанамъ суждено было увидѣть у себя стѣсненіе свободы печати, приостановку дѣйствія закона о личной неприкосновенности (*habeas corpus*), отміну права собраній, разрѣшеніе домовыхъ обысковъ. До такихъ крайностей рѣдко доходило дѣло даже и въ деспотическихъ государствахъ; мудрено ли, послѣ того, что Байронъ, при его свободолюбивомъ умѣ, былъ возмущенъ подобнымъ порядкомъ вещей? И это было не одно только политическое давленіе, но что еще хуже—и нравственная непереносимость. Это также возбуждало протестъ поэта, хотя и легкомысленнаго въ любви, но, несомнѣнно, челоуѣка съ душой. Байрона обвиняли еще въ грубыхъ, грязныхъ страстяхъ, но, кто знаетъ, не приписывали ли ему критики своихъ собственныхъ наклонностей? Мало ли въ мірѣ такихъ пресмыченныхъ людей—пресмыченныхъ отъ самой школьной скамьи—которые смотрятъ на женщину, вѣѣ брака, просто, какъ на животное. Эти-то люди, эти «гошпеш» всѣхъ временъ и находятъ удовольствіе въ грубѣйшей испорченности. Но Байронъ не принадлежалъ къ этой породѣ людей, къ несчастью, многочисленной. Его скорѣе можно причислить къ такимъ людямъ, какъ Сень-Прё, способныхъ искренно писать къ каждой изъ своихъ любовницъ то, что Сень-Прё писалъ Юліи: «Умремъ, моя дорогая подруга, умремъ, возлюбленная моего сердца!» Всѣмъ извѣстно, какую страсть питалъ восьмилѣтній Байронъ къ маленькой дѣвочкѣ, Мэри Дэффъ; но въ этомъ повтореніи исторіи Данте и Беатриче нѣтъ ничего удивительнаго: это только признакъ рано сказавшагося необыкновенно впечатлительнаго темперамента. Вспомнимъ глубокое и продолжительное горе поэта по случаю смерти той, которую онъ называетъ Тирзой, въ 1811 г. Настоящее имя это молодой женщины до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Минто полагаетъ, что это та самая незнакомка, которая, какъ вторая Джессика долго находилась при Байронѣ, переодѣтая мужчиной.

Болѣе справедливо мнѣніе графини Гвиччіоли, которая увѣрила, что авторъ «Лары» могъ бы быть отличнымъ мужемъ, еслибы жена его смотрѣла сквозь пальцы на нѣкоторыя незначительныя увлеченія. Но, на свое несчастье, онъ вступилъ въ бракъ съ одной изъ тѣхъ ограниченныхъ и властолюбивыхъ женщинъ, которыя какъ будто созданы на то, чтобы служить контрастомъ тѣхъ качествъ, которыя приписываются ихъ полу. — «Когда вы покончите съ вашей дурной привычкой писать стихи?» — спросила она однажды своего мужа. Этихъ словъ достаточно для ея характеристики. Но это не помѣшало англійскому

обществу поднять крикъ негодованія и обвинить Байрона въ грубости, когда бывшей миссъ Мильбанкъ заблагодарившись покинуть свой домашній очагъ, который она счѣла сдѣлать нестерпимымъ для своего мужа. Всѣ эти ханжи и фанатики, всѣ эти Пексниффы обонхъ половъ приняли сторону «несчастной, покинутой женщины» противъ ея «развратнаго» мужа. Рассказывали, между прочимъ, что Байронъ сдѣлалъ однажды своей женѣ ужасную сцену и, въ бѣшенствѣ, бросилъ въ огонь великолѣпные золотые часы. Въ 1868 г., маркиза де-Буасси, бывшая графиня Гвиччиоли, написала книгу о Байронѣ, любовь котораго прославила эту женщину;—но книгу совершенно ничтожную, только доказавшую еще разъ, что въ литературномъ дѣлѣ сердце не можетъ замѣнить ума. Вмѣсто драгоценныхъ свѣдѣній, которыхъ можно бы ожидать отъ автора, мы находимъ въ этой книгѣ только старушечью болтовню. Къ несчастью, это произведеніе дало поводъ одной американской «моралисткѣ» излить на беззащитнаго покойника весь ядъ, который находится въ запасѣ у мстительной, фанатической женщины, считающей себя въ правѣ быть тѣмъ болѣе наглою, что она выступаетъ въ качествѣ защитницы религіи и нравственности.

Это произведеніе, появившееся въ 1869 г. въ «Atlantic Monthly», приняло потомъ размѣры тома въ 500 страницъ, изданнаго въ Лондонѣ, въ 1870 г., подъ заглавіемъ «Lady Byron vindicated» («Месѣ за леди Байронъ») и за подписью Генриетты Бичеръ Стоу! Вотъ, напримѣръ, что говоритъ въ этой книгѣ. Опровергая показаніе графини Гвиччиоли, «любовницы» поэта, которая утверждаетъ, что въ разлуку супруговъ была виновата леди Байронъ, г-жа Бичеръ Стоу сваливаетъ всю вину на лорда Байрона, котораго она обвиняетъ въ кровосмѣшеніи съ его сестрой Августой (мистриссъ Лей). «Леди Байронъ,—говоритъ г-жа Бичеръ Стоу,—лично передала мнѣ слѣдующіе факты: 1) что преступленіе, оттолкнувшее ее отъ ея мужа, было кровосмѣшеніе; 2) что она сдѣлала это открытіе, замѣтивъ непристойныя отношенія между своимъ мужемъ и его сестрой; 3) что Байронъ самъ призналъ этотъ фактъ и старался оправдать его и сдѣлать жену своею сообщницею, а когда она отказалась, то онъ возненавидѣлъ ее и прогналъ». Даже сама мистриссъ Стоу поняла, какъ невеликодушно подобное обвиненіе противъ покойника со стороны его вдовы, и вотъ какъ она оправдывается. «Леди Байронъ привела такіе доводы, послѣ которыхъ я сочла своимъ долгомъ обнародовать всю эту исторію. По ея словамъ, она, въ продолженіе всей своей жизни, сознавала неопѣненную

важность истины и знала по опыту, какая ужасная вещь — ложь, и какъ пагубно быть ея сообщникомъ, хотя бы однимъ молчаніемъ. Лордъ Байронъ деморализировалъ ложью нравственное чувство (*demoralised the moral sense*) Англіи. Между тѣмъ, сочиненія его должны были выйти дешевымъ изданіемъ для народа, и леди Байронъ, вѣрившая въ наказаніе и награду въ будущей жизни и въ отвѣтственность за наши земные грѣхи, была убѣждена, что лордъ Байронъ долженъ страдать, видя, какъ разрослось посѣянное имъ зло. «Мнѣ часто думается, — прибавила она, — что для души его не будетъ покоя, пока вины его не будутъ заглажены».

Такимъ образомъ для успокоенія души Байрона нужно было заклеить его память неизгладимымъ пятномъ. Что касается до доказательствъ этой гнусности, то мистриссъ Бичеръ Стоу сообщаетъ намъ только слѣдующее: «Я не наводила на этотъ счетъ точныхъ справокъ, но на вопросъ мой, предложенный въ общей формѣ, леди Байронъ отвѣтила, что она имѣетъ въ рукахъ письма и документы, достаточно подтверждающіе ея слова. Зная силу ея характера, трезвость ея ума, аккуратность въ дѣлахъ и близкое знакомство съ фактами въ занимающемъ насъ дѣлѣ, я вполнѣ полагаюсь въ этомъ случаѣ на ея мнѣніе». Остается ко всему этому прибавить, что Бичеръ Стоу находилась передъ тѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ оклеветанной сестрой Байрона, мистриссъ Лей. Поступокъ Бичеръ Стоу можно объяснить только жаждой рекламы и въ этомъ отношеніи она достигла цѣли, такъ какъ отнынѣ невозможно писать біографію Байрона, не упомянувъ объ этомъ грязномъ произведеніи.

Послѣ развода съ женой, въ 1816 г., лордъ Байронъ покинулъ Англію, которая сдѣлалась для него необитаемою, а немного позже, подобныя же причины понудили и Шелли распрощаться съ своимъ отечествомъ. Ни тому, ни другому, не суждено было возвратиться. Оба нашли себѣ новое отечество въ странѣ Данте, гдѣ встрѣченное ими сочувствіе вознаградило ихъ за несправедливость ихъ соотечественниковъ. Англія томилась въ это время подъ игомъ лорда Кэстльри, опиравшагося на аристократію и на высшую буржуазію; въ ней не было мѣста для свободного ума.

Изъ любовныхъ связей Байрона въ Італіи самую интересной была связь его съ графиней Гвиччіоли. Въ романахъ часто рассказываются исторіи великихъ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ, которыхъ любовь разслабила и сдѣлала бесплодными. Во всѣхъ этихъ романахъ женщина обрѣзываетъ крылья генія, какъ

Далила обрѣзала волосы Самсона. Но романъ Байрона совершенно противорѣчить этимъ фикціямъ: въ продолженіе своей двухлѣтней связи съ графиней Гвичіоли (съ 1820 по 1822), онъ написалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній.

Если что повредило Байрону въ новѣйшее время, такъ это вниманіе, которое начали обращать на художественную форму. Стихъ его не довольно гладокъ, не довольно тщательно отдѣланъ, — хотя нѣкоторые изъ строфъ «Канна» достойны стать на ряду со стихами «Потеряннаго Рая». По нашему мнѣнію, Тэнъ дѣлаетъ ошибку, придавая огромное значеніе «Манфреду» и только вскользь упоминая о «Каннѣ», совершеннѣйшемъ изъ произведеній Байрона въ этомъ родѣ. Но лучшимъ, самымъ граціознымъ произведеніемъ этого поэта остается «Донъ Жуанъ», полный ума и страсти, и который увѣковѣчилъ за нимъ право на вѣчную славу въ потомствѣ.

У Байрона не было, быть можетъ, той глубокой вѣры въ науку и человѣчество, какую мы находимъ у Шелли; но этотъ скептикъ, — какъ его принято изображать, — умеръ въ Греціи, куда онъ явился защищать справедливость и свободу. «Его благородное мужество, — говоритъ Суинбёрнъ, — его похвальное презрѣніе ко всему презрѣнному, его ненависть ко всему ненавистному, дѣлаютъ память его дорогою для всякаго, кто достоинъ судить о немъ».

А. Р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

АРТУРА ГОРДОНА ПИМА.

ЭДГАРА ПОЭ.

*Окончаніе *).*

Глава XII.—Жребій.

Я уже прежде думалъ о той минутѣ, когда мы будемъ доведены до послѣдней крайности, и втайнѣ рѣшился претерпѣть лучше какую угодно смерть, нежели прибѣгнуть къ послѣднему средству. Предложенія Паркера не слышалъ ни Огюсть, ни Петерсъ. Я отозвалъ Паркера въ сторону и долго убѣждалъ его, умолялъ, во имя всего для него святого, отказаться отъ своей мысли и не сообщать ея другимъ.

Онъ выслушалъ меня, не пытаясь опровергать моихъ доводовъ, и я начиналъ уже надѣяться, что мнѣ удастся его убѣдить; но когда я кончилъ, онъ замѣтилъ, что все сказанное мною справедливо, но онъ страдалъ такъ долго, какъ только можетъ страдать человѣкъ; бесполезно умирать всѣмъ, когда есть возможность смерти спасти всѣхъ; прибавивъ, что я могу избавить себя отъ труда отговаривать его, Паркеръ сказалъ, что онъ на это окончательно рѣшился еще до появленія судна, и только это обстоятельство помѣшало ему раньше выступить съ своимъ предложеніемъ.

*) См. выше: июнь, 711 стр.

Я попытался склонить его отсрочить по крайней мѣрѣ исполненіе своего замысла до другого дня, такъ какъ какое-нибудь судно могло еще придти намъ на помощь. Но онъ отвѣтилъ, что ждалъ и безъ того такъ долго, какъ только возможно; что ему нельзя жить безъ какой-нибудь пищи; а слѣдовательно, осуществленіе его мысли, отложенное до другого дня, состоится слишкомъ поздно—по крайней мѣрѣ для него.

Видя, что его ничто не трогаетъ и что кротостью тутъ взять нельзя, я заговорилъ иначе; я сказалъ, что ему должно быть извѣстно, что я менѣе всѣхъ ихъ пострадалъ отъ нашихъ бѣдствій и слѣдовательно я въ настоящую минуту гораздо сильнѣе и здоровѣе не только его, но даже Петерса и Огюста; короче, что я въ состояніи употребить силу, если сочту это необходимымъ, и если онъ попытается какии бы то ни было образомъ сообщить остальнымъ свой ужасный проектъ, я, не колеблясь, брошу его въ море. Въ отвѣтъ на это, онъ схватилъ меня за горло и, вынувъ ножъ, сдѣлалъ нѣсколько тщетныхъ попытокъ нанести мнѣ ударъ въ животъ. Взыбленный, я толкнулъ его до самаго края брига, съ твердымъ намѣреніемъ бросить его за бортъ. Его спасло вмѣшательство Петерса, который подошелъ и разнялъ насъ, спросивъ о причинѣ ссоры. Паркеръ сообщилъ ему все прежде, чѣмъ я нашелъ средство помѣшать этому. Дѣйствіе его словъ было еще ужаснѣе, чѣмъ я ожидалъ. Огюстъ и Петерсъ, которые, кажется, давно ужъ тайнѣ питали страшную мысль, которую Паркеръ просто высказалъ первый, согласились съ нимъ, и настаивали на томъ, чтобы немедленно привести ее въ исполненіе. Я надѣялся-было, что по крайней мѣрѣ у одного изъ нихъ достанетъ нравственнаго мужества и самообладанія стать на мою сторону и воспротивиться осуществленію этого страшнаго намѣренія. Лишившись этой надежды, мнѣ было необходимо позаботиться о собственной безопасности, а потому я объявилъ имъ, что охотно соглашаюсь на предложеніе и прошу только повременить съ часъ, чтобы дать окутывавшему насъ туману время разсѣяться. Послѣ долгихъ переговоровъ я добился отъ нихъ обѣщанія подождать. Какъ я и надѣялся, благодаря неожиданно поднявшемуся вѣтру, туманъ разсѣялся до истечения часа; но такъ какъ на горизонтѣ не видѣлось никакого судна, мы приготовились бросить жребій.

Съ крайней неохотой распространяюсь я объ ужаснѣйшей сценѣ, которая затѣмъ послѣдовала, — сценѣ, которую никакія послѣдующія событія не могли изгладить изъ моей памяти. Покончу съ этой частью моего разсказа такъ быстро, какъ это дозво-

ляетъ самое свойство описываемыхъ событій. Единственный способъ, которымъ мы могли располагать для этой ужасной лотереи, былъ — кинуть жребій кусочками дерева. Условлено было, что держать ихъ буду я. Я ушелъ на одинъ конецъ брига, а мои бѣдные товарищи молча заняли мѣста на другомъ, повернувшись ко мнѣ спиною. Вся энергія, которая такъ долго поддерживала меня, теперь исчезла, оставивъ меня безсильной жертвой самого презрѣннаго, самого жалкаго страха. Сначала я не могъ найти въ себѣ довольно силы, чтобы оторвать и собрать щепочки; пальцы положительно отказывались служить мнѣ, колѣни такъ и стучали другъ объ друга. Я быстро перебралъ въ умѣ тысячу нелѣпныхъ средствъ, чтобы избѣгнуть участія въ этой ужасной азартной игрѣ. Я хотѣлъ броситься къ ногамъ моихъ товарищей, умолять ихъ уволить меня отъ этой необходимости; кинуться на нихъ неожиданно, убить одного, словомъ, подумалъ обо всемъ, кромѣ того — чтобы исполнить, что слѣдовало. Наконецъ, потерявъ много времени на эти нелѣпныя соображенія, я опомнился, услыхавъ голосъ Паркера, который умолялъ меня вывести ихъ наконецъ изъ страшной тревоги. И тутъ еще я не могъ рѣшиться тотчасъ расположить щепки, какъ слѣдовало. Я сталъ припоминать всякія хитрости, какія употребляются шулерами, чтобы заставить одного изъ моихъ бѣдныхъ товарищей по несчастью вытянуть самую короткую щепку, такъ какъ было условлено, что тотъ, кто вытянетъ ее, умретъ для сохраненія жизни остальныхъ.

Когда всякое промедленіе было уже невозможно, я, чувствуя, что сердце готово разорваться въ груди, подошелъ къ баку, гдѣ ожидали меня товарищи. Я протянулъ руку со щепками; Петерсъ тотчасъ дернулъ. Онъ былъ свободенъ! его щепка не была самая короткая. Я собралъ всю свою энергію и протянулъ жребій Отюсту. Онъ тотчасъ выдернулъ свой и также оказался свободнымъ. Въ эту минуту вся свирѣпость тигра овладѣла моимъ сердцемъ, я почувствовалъ къ Паркеру, моему ближнему, моему бѣдному товарищу, самую сильную, самую сатанинскую ненависть. Но чувство это было непродолжительно; съ судорожной дрожью и закрытыми глазами я протянулъ къ нему двѣ остальные щепки. Прошло добрыхъ пять минутъ, пока онъ рѣшился выдернуть свою, и во все это время я ни разу не открылъ глазъ. Наконецъ одну изъ щепокъ быстро выдернули изъ моей руки. Жребій былъ брошенъ, но я не зналъ, за меня онъ или противъ. Никто не говорилъ ни слова, я не смѣлъ выйти изъ незнакомости, взглянувъ на щепку, которая у меня оставалась. Петерсъ схватилъ меня за руку; я рѣшился взглянуть, но тотъ-

часть увидалъ, по лицу Паркера, что я спасенъ, а онъ—обреченная жертва. Я судорожно вдохнулъ и упалъ на палубу безъ чувствъ.

Я во-время пришелъ въ себя, чтобы видѣть развязку трагедіи и присутствовать при концѣ того, кто, какъ виновникъ предложенія, былъ, такъ сказать, собственнымъ убійцей. Онъ не оказалъ никакого сопротивленія, и когда Петерсъ нанесъ ему ударъ въ спину, тотчасъ упалъ мертвымъ.

Не стану подробно описывать страшнаго пира: эти вещи можно вообразить, но слова не достаточно сильны, чтобы поразить умъ безусловнымъ ужасомъ дѣйствительности. Достаточно будетъ сказать, что утоливъ, до нѣкоторой степени, въ крови жертвы бѣшеную жажду, снѣдавшую насъ, и отдѣливъ съ общаго согласія руки, ноги и голову, которыя мы бросили въ море вмѣстѣ съ внутренностями, мы съѣли остальное тѣло, кусокъ за кускомъ, въ теченіе четырехъ на-вѣки достопамятныхъ дней: 17, 18, 19 и 20-го іюля.

19-го пошелъ чудный дождь, продолжавшійся минутъ пятнадцать, двадцать; мы собрали немного воды посредствомъ простыни, которую выудили изъ каюты тотчасъ послѣ бури. Собранное количество никакъ не превышало полу-галлона, но и этого жалкаго запаса было достаточно, чтобы возратить намъ немного силъ и надежды.

21-го мы снова дошли до послѣдней крайности.

22-го, пока мы всѣ трое сидѣли, прижавшись другъ къ другу и меланхолически размышляя о нашемъ плачевномъ положеніи, я вдругъ вспомнилъ, что когда срубили бизань-мачту, Петерсъ передалъ мнѣ одинъ изъ топоровъ, прося меня убрать его, и что я его положилъ на одну изъ коекъ на бакѣ. Теперь мнѣ пришло въ голову, что еслибы намъ удалось найти его, мы, пожалуй, могли-бы разрубить палубу надъ каютой баталера и безъ труда раздобыться припасами.

Когда я сообщилъ этотъ проектъ товарищамъ, они испустили слабый крикъ радости, и мы немедленно направились къ баку. Обмотавъ веревку вокругъ тѣла, какъ при прежнихъ нашихъ попыткахъ, я смѣло нырнулъ, быстро добрался до койки и тотчасъ же вернулся съ топоромъ. Его привѣтствовали съ восторгомъ. Мы принялись рубить палубу со всей энергіей возродившейся надежды.

Петерсъ и я работали по-очереди; что же касается до Огюста—его раненая рука мѣшала ему оказать намъ какую-либо помощь. Такъ какъ слабость не позволяла намъ работать болѣе минутъ

или двухъ, не отдыхая, скоро стало очевиднымъ, что намъ понадобится нѣсколько часовъ для исполненія подобной задачи. Соображеніе это, однако, не смутило насъ, и проработавъ всю ночь при свѣтѣ луны, утромъ 23-го, на разсвѣтѣ, мы добились своего.

Петерсъ нырнулъ и вскорѣ возвратился съ небольшимъ кувшиномъ, который, къ великой нашей радости, оказался наполненнымъ оливками. Мы ихъ раздѣлили и съѣли съ величайшей жадностью, потомъ опять спустили Петерса.

На этотъ разъ успѣхъ превысилъ всѣ наши ожиданія, такъ какъ онъ тотчасъ возвратился съ большимъ окоромъ и бутылкой мадеры. Каждый изъ насъ выпилъ теперь по небольшому глотку вина, зная по опыту, какъ опасна была бы неумѣренность. Окорокъ, если не считать фунтовъ двухъ, около пяти, совершенно испортился отъ морской воды. Уцѣлѣвшую часть мы раздѣлили на три доли. Петерсъ и Огюстъ, не въ силахъ будучи побороть свой аппетитъ, тотчасъ съѣли свои порціи; что до меня, я былъ осторожнѣе, и опасаясь жажды, съѣлъ только небольшой кусочекъ своей. Потомъ мы немного отдохнули отъ трудовъ.

Къ полудню, нѣсколько оправившись и укрѣпившись, мы возобновили свое нападеніе на припасы,—Петерсъ и я ныряли поочередно, всегда съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, до солнечнаго заката. Въ этотъ промежутокъ намъ посчастливилось добыть еще четыре кувшинчика оливокъ, новый окорокъ, большую бутылъ, въ которой заключалось безъ малаго три галлона отличной мадеры и, чему мы всего болѣе обрадовались, небольшую черепаху изъ породы *galapago*, — капитанъ Барнардъ, въ моментъ выхода «Грампуса» изъ гавани, принявъ ихъ нѣсколько со шкуны *Magu Pitto*, которая возвращалась изъ путешествія въ Тихій океанъ. Въ послѣдующей части настоящаго разсказа я часто буду имѣть случай говорить о черепахахъ этого вида. Ихъ по преимуществу находятъ, какъ это извѣстно большинству моихъ читателей, на группѣ острововъ Галапагосскихъ, самое названіе которыхъ произошло отъ этого животного, такъ какъ испанское слово *galapago* значитъ: *присноводная черепаха*. Ея своеобразная форма и поступъ заставляютъ иногда называть ее: черепаха-слонъ. Часто попадаются громадныя. Я самъ видалъ такихъ, которыя вѣсили отъ тысячи-двухъ-сотъ до тысячи-пяти-сотъ фунтовъ, хотя не помню, чтобы кто-нибудь изъ путешественниковъ упоминалъ о черепахахъ этого вида, вѣсившихъ болѣе восьмисотъ фунтовъ. Видъ ихъ странный, даже отталкивающий. По-

ходка очень медленная, мѣрная, тяжелая; тѣло поднимается отъ земли почти на футъ. Шея длинная и чрезвычайно тонкая; обыкновенная длина ея отъ восемнадцати дюймовъ до двухъ футовъ. Я убилъ одну, у которой разстояніе отъ плеча до оконечности головы было не менѣ трехъ футовъ десяти дюймовъ. Голова удивительно похожа на голову змѣи. Черепахи эти могутъ жить не ѣвши въ теченіе такого долгаго времени, что это почти невѣроятно. По одной особенноти своего организма эти страннныя животныя напоминаютъ верблюда. У нихъ всегда имѣется запасъ воды въ мѣшки у начала шеи. Убивая ихъ, послѣ того, какъ онѣ въ теченіи цѣлаго года были лишены всякой пищи, иногда находили въ мѣшкахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ черепахъ до трехъ галлоновъ совершенно прѣсной и свѣжей воды. Питаются онѣ преимущественно дикою петрушкой и сельдереемъ, а также портулакомъ, солянкой и индѣйской смоквой,—это послѣднее растеніе, чрезвычайно для нихъ полезное, существуетъ въ изобиліи на отлогостяхъ холмовъ у берега, гдѣ водится самое животное. Черепаха эта, отличная и чрезвычайно питательная пища, несомнѣнно способствовала сохраненію жизни многихъ тысячъ моряковъ, занятыхъ китоловствомъ и другими промыслами въ Тихомъ океанѣ.

Наша добыча была не изъ очень крупныхъ и вѣсила, вѣроятно, 65 или 70 фунтовъ. Это была самка, въ отличномъ состояніи, чрезвычайно жирная; въ мѣшки ея заключалось болѣе $\frac{1}{4}$ галлона прѣсной и чистой воды. Это было настоящее сокровище; упавъ на колѣни, мы горячо возблагодарили Бога за это облегченіе. Радостно перелили мы воду изъ мѣшка черепахи въ кружку, отбили горлышко бутылки, такъ что съ помощью пробки изъ нея образовалось нѣчто въ родѣ стакана. Каждый изъ насъ выпилъ по такому полному стакану, и мы рѣшили ограничиться этой порціей въ день, пока длится нашъ запасъ.

Въ теченіе двухъ, трехъ послѣднихъ дней, погода стояла сухая и тихая; одѣяла, которыя мы вытаскивали изъ каюты, совершенно высохли, также какъ наша одежда, такъ что эту ночь—съ 23 на 24—мы провели, относительно говоря, покойно, и наслаждались мирнымъ сномъ, поужинавъ оливками и ветчиной, а также выпивъ немного вина. Черепаху нашу, которую намъ очень хотѣлось не убивать какъ можно дольше, мы перевернули на спину и тщательно привязали.

Глава XIII.—Наконецъ!

24-го іюня. При восходѣ солнца мы приготовились-было возобновить свои попытки, но пошелъ ливень, и мы всѣ свои заботы сосредоточили на собираніи дождевой воды съ помощью простыни, уже служившей намъ для этой цѣли. Другого средства у насъ не было какъ натянуть средину простыни съ помощью оторванной отъ русленей бизань-мачты желѣзной оковки. Вода, собравшись въ центрѣ, стекала въ нашу кружку. Мы почти наполнили ее, когда сильный шеваль, налетѣвшій съ сѣвера, заставилъ насъ прекратить это занятіе; бригъ начало качать такъ сильно, что мы болѣе не могли держаться на ногахъ. Къ полудню вѣтеръ засвѣжѣлъ, къ ночи уже дулъ крѣпкій вѣтеръ при страшной зыби.

25-го іюля. Сегодня утромъ отъ стихшей бури остался только вѣтерокъ, съ помощью котораго можно идти со скоростью десяти узловъ въ часъ. Къ нашему большому огорченію оказалось, что два кувшина съ оливками и весь окорокъ снесены за бортъ. Мы порѣшили еще не убивать черепаху, и пока удовольствовались на завтракъ нѣсколькими оливками и небольшою порціей воды, смѣшанной съ виномъ. Мы провели печальный и очень тяжелый день. Въ полдень солнце было у насъ почти надъ головой. Мы поняли, что этотъ длинный рядъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ угналъ насъ къ экватору. Къ вечеру мы увидали нѣсколько акулъ; одна изъ нихъ, громадная, порядочно насъ напугала, приблизившись къ намъ совершенно безцеремонно. Одну минуту, когда палуба отъ качки сильно погрузилась въ воду, чудовище положительно плыло надъ нами; оно нѣсколько минутъ билось надъ самымъ люкомъ и сильно ударило Петерса хвостомъ. При тихой погодѣ мы легко-бы поймали его.

26-го іюля. Вѣтеръ стихъ, море также. Рѣшились возобновить ловлю припасовъ изъ каюты баталера. Послѣ тяжелой работы, продолжавшейся цѣлый день, убѣдились, что съ этой стороны болѣе надѣяться не на что,—за ночь перегородеки поломало и припасы скатились въ трюмъ. Отвертіе это привело насъ въ отчаяніе.

27-го іюля. Море почти гладкое, при легкомъ вѣтрѣ.

28-го іюля. По прежнему хорошая погода. Бригъ начало такъ страшно накренивать, что мы опасаемся, какъ-бы его окончательно не перекувырнуло.

29-го іюля. Погода все та же. Раненая рука Огюста начи-

насть обнаруживать гангренозные симптомы. Пріятель мой жалуется на оцѣпенѣніе и страшную жажду; острой боли нѣтъ. Мы ничего не могли сдѣлать для облегченія его, натирали его раны уксусомъ отъ оливокъ; пользы, повидимому, никакой. Мы сдѣлали для него все, что было въ нашей возможности, и утروили его порцію воды.

30-го іюля. День чрезвычайно жаркій, безъ вѣтра. Огюсту гораздо хуже, онъ видимо слабѣетъ столько же отъ недостатка хорошей пищи, какъ отъ ранъ. Онъ постоянно умоляетъ избавить его отъ страданій, говоря, что жаждетъ одной смерти. Мы съѣли наши послѣднія оливки. Рѣшено завтра утромъ убить черепаху.

31-го іюля. Черепаха наша оказалась гораздо менѣе мясистой, чѣмъ мы предполагали, хотя была хорошаго качества; количество всего добытаго мяса не превышало десяти фунтовъ. Съ цѣлью сохранить часть его какъ можно дольше, мы наръзали его на очень тонкіе ломтики, наполнили ими три оставшіеся кувшина и бутылку изъ-подъ мадеры и залили уксусомъ изъ-подъ оливокъ. Мы порѣшили ограничиться порціей въ четыре унціи въ день; всего мяса намъ должно было хватить на тринадцать дней. Въ сумерки—сильнѣйшій дождь, сопровождаемый молніей и сильными ударами грома, но такой непродолжительный, что намъ удалось собрать только съ полъ-кружки воды. Съ общаго согласія мы все отдали Огюсту, которому теперь было совсѣмъ плохо. Напитокъ, казалось, приносилъ ему слабое облегченіе. Рука его вся почернѣла отъ кисти до плеча. Ночи были холодны какъ ледъ. Мы каждую минуту ожидали, что онъ испуститъ послѣдній вздохъ. Онъ страшно исхудалъ, глаза совсѣмъ ввалились.

1-го августа. Погода все та же; штиль, при палащемъ солнцѣ. Ужасно страдаемъ отъ жажды. Вода въ кружкѣ совсѣмъ гнилая, кипитъ червями. Нѣкоторое облегченіе принесло намъ купаніе въ морѣ, но къ этому средству мы могли прибѣгать только изрѣдка, благодаря постоянному присутствію акулъ. Теперь намъ стало ясно, что Огюстъ погибъ. Около полудня онъ скончался въ сильныхъ конвульсіяхъ; уже нѣсколько часовъ какъ онъ не говорилъ ни слова. Смерть его внушила намъ самыя печальныя предчувствія и такъ сильно на насъ подѣйствовала, что мы пролежали возлѣ тѣла цѣлый день, и если обмѣнялись словомъ, то только шопотомъ. Лишь при наступленіи ночи рѣшились мы встать и бросить тѣло за бортъ. Оно было невыразимо безобразно и такъ разложилось, что, когда Петерсъ попробовалъ

его приподнять, цѣлая нога осталась у него въ рукѣ. Когда эта истлѣвшая масса упала въ море, мы увидали, при фосфорическомъ свѣтѣ, озарившемъ его, семь или восемь акулъ, ужасные зубы которыхъ издавали, пока онѣ рвали на ключья свою добычу, зловѣщій трескъ, который можно было различить на разстояніи цѣлой мили.

2-го августа. Погода все та же; штиль ужасный, жара невыносимая. Заря застала насъ въ состояніи самаго жалкаго унынія и полнаго физическаго истощенія. Жажда была невыносима; тщетно пытались мы утолить ее виномъ, это значило подливать масла въ огонь. Пробовали облегчить свои страданія смѣсью вина съ морской водой; но немедленнымъ послѣдствіемъ этого была сильнѣйшая тошнота, такъ что мы больше на это не покушались. Въ теченіе цѣлаго дня мы не безъ тревоги ждали случая выкупаться, но тщетно; плашкоть нашъ буквально со всѣхъ сторонъ осаждали акулы; безъ всякаго сомнѣнія тѣ же самыя чудовища, которыя наканунѣ съѣли нашего бѣднаго товарища, ежеминутно ожидали новаго угощенія въ такомъ же родѣ. Ни крики, ни движенія наши, казалось, не пугали ихъ. Одна изъ самыхъ крупныхъ, которую Петерсъ тяжело ранилъ ударомъ топора, тѣмъ не менѣе подошла къ намъ совсѣмъ близко. Въ сумерки показалась туча, но, къ крайнему нашему разочарованію, прошла безъ дождя. Невозможно себѣ представить, до чего насъ мучила жажда. Изъ-за этихъ мученій, а также изъ страха передъ акулами мы провели ночь безъ сна.

3-го августа. Никакой надежды на облегченіе. Бригъ все болѣе и болѣе накренивается, такъ что на палубѣ совсѣмъ стоять нельзя. Занялись прискакиемъ безопаснаго мѣста для вина и остатковъ черепахи, чтобы не лишиться ихъ въ случаѣ, еслибы пришлось перекувырнуться. Вырвали два большихъ гвоздя, вколотили ихъ въ кузовъ корабля на разстояніи приблизительно двухъ футовъ отъ воды, что было не очень далеко отъ кила, такъ какъ мы почти были на боку. Къ этимъ гвоздямъ мы привязали наши припасы. Цѣлый день жестоко страдали отъ жажды. Купаться нельзя было изъ-за акулъ, которыя не оставляли насъ ни на минуту. Спать невозможно.

4-го августа. Незадолго до разсвѣта мы замѣтили, что корабль поворачивается килемъ вверхъ. Сначала поворотъ совершался медленно, постепенно, но вскорѣ движеніе стало все быстрѣе и быстрѣе, и прежде чѣмъ мы успѣли опомниться, насъ съ страшною силой отбросило въ море, и мы барахтались на глубинѣ

нѣсколькихъ сажень ниже уровня воды. Огромный кузовъ брига былъ какъ разъ надъ нами.

Чувствуя, что мои силы совершенно истощились, я почти не дѣлалъ никакихъ усилій для спасенія своей жизни и въ нѣсколько секундъ примирился съ мыслью о смерти. Но и въ этомъ я ошибся, — меня вынесло на поверхность... и я очутился, насколько могъ судить, приблизительно ярдахъ въ двадцати отъ брига. Судно повернулось килемъ вверхъ и бѣшено раскачивалось со стороны на сторону, вокругъ, во всѣхъ направленіяхъ; море сильно волновалось. Петерсъ исчезъ. Бочка жиру плавала въ нѣсколькихъ футахъ отъ меня; другіе предметы съ брига были разбросаны по сторонамъ.

Всего болѣе пугало меня сосѣдство акулъ. Чтобы отогнать ихъ, я началъ сильно бить воду руками и ногами и плылъ къ бригу, который снова занялъ прежнее положеніе среди массы пѣны. Я убѣжденъ, что этой хитрости, не смотря на всю ея простоту, обязанъ своимъ спасеніемъ. Благодаря счастливой случайности, я цѣлымъ и невредимымъ добрался до брига, но такъ былъ истощенъ, что никогда бы не взобрался на него безъ помощи Петерса, который, вскарабкавшись на киль съ другой стороны, явился передо мной къ великой моей радости и бросилъ мнѣ конецъ веревки.

Едва избѣгли мы этой опасности, какъ вниманіе наше было обращено на другую, не менѣе ужасную: умереть съ голоду. Всѣ наши запасы исчезли, также какъ простыни, одѣяла, съ помощью которыхъ мы до сихъ поръ собирали дождевую воду, и кувшинъ, въ которомъ сохраняли ее. Мы были въ отчаяніи. Желая воспользоваться, насколько возможно, первымъ дождемъ, мы сняли съ себя рубашки, чтобы употребить ихъ вмѣсто простынь. Въ теченіе цѣлаго дня не появилось никакого подобія тучи. Страданія, причиняемые жаждой, становились невыносимы. Ночью Петерсу удалось проспать съ часъ тревожнымъ сномъ; что до меня, мои страданія не позволяли мнѣ сомкнуть глазъ ни на минуту.

5-го августа. Въ этотъ день поднявшійся свѣжій вѣтерокъ пронесъ насъ черезъ массу водорослей, среди которыхъ намъ повезло найти одиннадцать маленькихъ крабовъ, которые послужили намъ, за нѣсколько пріемовъ, превкусной пищей. Такъ какъ чешуя у нихъ была очень нѣжная, мы ихъ ѣли цѣликомъ. Не видя и слѣдовъ акулъ среди водорослей, мы рискнули выкупаться и оставались въ водѣ часа четыре, въ теченіе которыхъ жажда наша замѣтно уменьшилась.

6-го августа. Мы были обрадованы частымъ и непрерывнымъ дождемъ, который шелъ съ полудня до наступленія сумерекъ. Горько оплакивали мы нашу кувшинъ и бутылку, такъ какъ, не смотря на недостаточность нашихъ настоящихъ приспособленій для собиранія воды, мы могли бы наполнить одинъ изъ этихъ сосудовъ, если не оба. Намъ удалось однако утолить жгучую жажду, давая рубашкамъ пропитаться водою и выжимая ихъ такъ, чтобы животворная влага попадала намъ прямо въ ротъ. Цѣлый день прошелъ въ этомъ занятіи.

7-го августа. На самомъ разсвѣтѣ мы оба въ одинъ мигъ увидѣли на востокѣ парусъ, *видимо направлявшійся къ намъ!* Мы привѣтствовали это чудное видѣніе продолжительнымъ и слабымъ крикомъ восторга и тотчасъ начали дѣлать всевозможные сигналы, махали рубашками, прыгали такъ высоко, какъ позволяла наша слабость, даже кричали изъ всѣхъ силъ, хотя судно находилось отъ насъ на разстояніи, по меньшей мѣрѣ, пятнадцати миль. Однако, оно продолжало приближаться къ намъ, и мы поняли, что если оно не измѣнитъ своего направленія, то вѣроятно подойдетъ къ намъ настолько, что экипажъ увидитъ насъ. Черезъ часъ мы легко могли различить людей на палубѣ.

Это была длинная и низкая шкуна, повидимому обладавшая многочисленной командой. Тутъ мы извѣдали сильную тревогу, такъ какъ не могли себѣ представить, чтобы насъ не видали, и дрожали при мысли, чтобы люди эти не пожелали предоставить насъ нашей участи. Слава Богу, намъ на этотъ разъ суждено было обмануться; вскорѣ мы замѣтили внезапное движеніе на палубѣ судна, на которомъ тотчасъ подняли англійскій флагъ. Поль-часа спустя мы были въ каютѣ. Шкуна эта была *Jane Guy*, изъ Ливерпуля, капитанъ Гвай.

Глава XIV.—Альбатросы и пингвины.

Jane Guy была красивая шкуна, вмѣщавшая сто-восемьдесятъ тоннъ. Носъ ея былъ очень заостренъ, и въ хорошую погоду это былъ лучший ходокъ, какового я когда-либо видалъ. Экипажъ ея состоялъ изъ тридцати-пяти человекъ хорошихъ моряковъ, не считая капитана и подкапитана.

Капитанъ Гвай былъ вполне изящный джентльменъ, обладавшій замѣчательною опытностью въ дѣлѣ торговли съ югомъ, которой онъ посвятилъ большую часть своей жизни; но ему не доставало энергій. Онъ былъ совладѣльцемъ корабля, на кото-

ромъ путешествовалъ, и пользовался неограниченнымъ полномочиѣмъ для крейсированія въ южныхъ моряхъ, и на грузки всякаго товара, какой ему удастся добыть безъ труда. Въ распоряженіи его были, какъ водится въ подобныхъ экспедиціяхъ, ожерелья, зеркала, огнивы, топоры, пилы, струги, ножины, долота, буравчики, тѣрки, молотки, гвозди, ножи, бритвы, иголки, нитки, фаянсъ, каленкоръ, дешевыя украшенія и другіе предметы въ томъ же родѣ.

Шкуна вышла изъ Ливерпуля 10-го іюля, миновала тропикъ Рака 25-го, а 29-го, достигнувъ Саа, одного изъ острововъ Зеленаго мыса, запаслась тамъ солью и другими необходимыми для путешествія припасами. 3-го августа она покинула Зеленый мысъ и держала на юго-западъ, направляясь къ берегамъ Бразиліи, такъ, чтобы пересѣчь экваторъ между 28° и 30° западной долготы. Это обыкновенный путь судовъ изъ Европы на мысъ Доброй-Надежды. Въ тотъ день, когда капитанъ Гвай принялъ насъ на свою шкуну, она находилась на высотѣ мыса Санъ-Роже— 31° западной долготы—изъ чего можно заключить, что мы уклонились, не менѣе какъ на двадцать-пять градусовъ, съ сѣвера на югъ!

На шкунѣ къ намъ отнеслись съ тѣмъ добродушіемъ, какого требовало наше жалкое состояніе. Дней черезъ пятнадцать, въ теченіе которыхъ постоянно держали на юго-востокъ, при хорошей погодѣ и легкомъ вѣтрѣ, мы съ Петерсомъ совершенно оправились отъ нашихъ лишеній и страданій; и вскорѣ прошлое представлялось намъ скорѣй въ видѣ страшнаго сна, отъ котораго насъ освободило пробужденіе, чѣмъ въ видѣ цѣлаго ряда событій, дѣйствительно совершившихся.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мы продолжали нашъ путь, безъ особыхъ приключеній. 16-го сентября, когда мы находились вблизи мыса Доброй-Надежды, шкуну, въ первый разъ съ ея выхода изъ Ливерпуля, потрепало. Въ этихъ мѣстностяхъ, всего чаще съ южной и восточной стороны мыса—мы находились на западной—морякамъ часто приходится бороться съ сѣверными бурями, которыя дуютъ съ страшной силой. Онѣ всегда сопровождаются сильной зыбью; одна изъ самыхъ опасныхъ ихъ особенностей это—внезапная переменна вѣтра. Напримѣръ, настоящій ураганъ дуетъ съ сѣвера или сѣверо-востока, черезъ минуту съ этой стороны нѣтъ ни вѣтеринки,—буря перескочила на юго-западъ. Просвѣтъ на юго-западѣ самый вѣрный признакъ подобной перемены, что даетъ судамъ возможность принять необходимыя предосторожности.

Было около шести часовъ утра, когда буря налетѣла, по обыкновенію съ сѣвера. Къ восьми часамъ вѣтеръ значительно усилился. Рѣдко видалъ я такое бунующее море. Передъ самымъ закатомъ солнца, на юго-западѣ появился просвѣтъ, котораго мы ожидали съ нетерпѣніемъ, — часъ спустя одинъ малый передній парусъ былъ въ дѣйствиіи. Еще двѣ минуты, и мы, не смотря на всѣ предосторожности, точно по мановенію волшебнаго жезла, лежали на боку. Къ счастью, оказалось, что шивалъ съ юго-запада продолжался одно мгновение; намъ удалось подняться, не потерявъ ни одного изъ большихъ запасныхъ деревьевъ. Къ утру мы находились почти въ такихъ же благопріятныхъ условіяхъ какъ и до начала бури. Капитанъ рѣшилъ, что спасеніе наше почти чудо.

13-го октября мы находились въ виду острова принца Эдуарда, подъ $46^{\circ} 53'$ южной широты и $37^{\circ} 46'$ восточной долготы. Скоро мы обогнули острова Кроуе, а 18-го достигли острова Кергуэленъ или Отчаянія въ южно-индійскомъ океанѣ, и бросили якорь въ Christmas-Harbour, на глубинѣ четырехъ сажень.

Этотъ островъ или, вѣрнѣе, эта группа острововъ лежитъ на юго-востокъ отъ мыса Доброй-Надежды. Она была открыта въ 1772 году французомъ, барономъ Кергуэленъ, который, воображивъ, что земля эта — часть обширнаго материка, по возвращеніи сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ докладъ, возбуждившій тогда сильное любопытство. Правительство на слѣдующій годъ опять послало туда барона, съ цѣлью провѣрить открытіе, и тогда только ошибка была замѣчена. Въ 1777 году, капитанъ Куэкъ далъ главному острову этой группы имя *острова Отчаянія*, вполне заслуженное. Приближаясь къ берегу, можно было бы предположить противное, такъ какъ скаты почти всѣхъ холмовъ, съ сентября по мартъ, покрыты самой блестящей зеленью. Этотъ обманчивый видъ даетъ маленькое растеніе, напоминающее баданъ и изобилующее на этихъ островахъ, гдѣ, за исключеніемъ его, почти нѣтъ слѣдовъ растительности.

Мѣстность гористая, хотя ни одинъ изъ этихъ холмовъ не можетъ назваться горой. Вершины ихъ вѣчно покрыты снѣгомъ. Имѣется нѣсколько гаваней; Christmas-Harbour самая удобная.

На островѣ Кергуэленъ изобилуютъ тюлени съ хоботами или морскіе слоны. Пингвиновъ тутъ множество, четырехъ различныхъ семействъ. Королевскій пингвинъ, заслужившій это названіе по своему росту и красотѣ, самый крупный. Верхняя часть его тѣла обыкновенно сѣрая, иногда съ лиловатымъ оттѣнкомъ; ниж-

няя—самого чистаго бѣлаго цвѣта. Голова, такъ же какъ и ноги, черная и очень блестящая. Но главная краса заключается въ двухъ широкихъ золотистыхъ полосахъ, идущихъ съ головы до груди. Клювъ длинный, иногда розовый, иногда ярко-красный. Ходятъ эти птицы очень прямо, съ величавой осанкой, голову носить высоко, а крылья держать опущенными внизъ, точно двѣ руки. Королевскіе пингвины, которыхъ мы нашли на островѣ, немного крупнѣе гусей. Представители другихъ породъ, пингвини-шасагопѣ и пр., значительно мельче, перья ихъ совсѣмъ не такъ красивы.

Кромѣ пингвина, на этомъ островѣ находится много и другихъ птицъ, изъ числа которыхъ можно назвать олуту, утку, зеленого морского ворона, морскую ласточку и наконецъ альбатроса. Альбатросъ одна изъ самыхъ крупныхъ морскихъ птицъ юга. Онъ принадлежитъ къ породѣ рыболововъ или морскихъ чаекъ, добычу свою хватаетъ на лету, переставая летать только, чтобы ухаживать за птенцами. Эта птица и пингвины связаны самой странной симпатіей. Гнѣзда ихъ строятся по чрезвычайно однообразному образцу,—гнѣздо альбатроса всегда находится въ центрѣ небольшого квадрата, образуемаго гнѣздами четырехъ пингвиновъ.

Когда наступаетъ время насиживания, птицы эти собираются большими стаями, и въ теченіе нѣсколькихъ дней какъ бы обсуждаютъ лучшій образъ дѣйствій. Потомъ принимаются за дѣло. Онѣ выбираютъ ровное пространство, обыкновенно обнимающее три или четыре акра, какъ можно ближе къ морю, хотя всегда на такомъ разстояніи, чтобы оно обижать ихъ не могло. Покончивъ съ этимъ, птицы общими силами принимаются чертить, съ математической правильностью, квадратъ или какой-нибудь другой параллелограмъ, соответствующій свойствамъ почвы и достаточно обширный, чтобы вмѣстить все населеніе, не болѣе,—этимъ онѣ какъ-бы выражаютъ намѣреніе закрыть доступъ въ колонію всякому бродягѣ, который не участвовалъ въ работахъ по устройству лагеря. Одна изъ сторонъ площади идетъ параллельно берегу моря и остается открытой для входа и выхода.

Обозначивъ границы своего жилища, птицы начинаютъ очищать площадь отъ всякаго сору, подбирая все камень за камнемъ и вынося вонъ, но оставляя у самыхъ пограничныхъ линій, такъ что съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ матеріку, образуется стѣна. У этой стѣны, съ внутренней ея стороны, онѣ устраиваютъ совершенно гладкую и ровную аллею, шириной отъ 6 до 8 футовъ, которая опоясываетъ весь лагерь.

Затѣмъ всю площадь дѣлятъ на маленькіе, совершенно равные квадраты. Для этой цѣли птицы проводятъ узкія дорожки, перекрещивающіяся подъ прямымъ угломъ, на всемъ отгнренномъ имъ пространствѣ. На каждой точкѣ пересѣченія находится гнѣздо альбатроса, а въ центрѣ каждаго квадрата—гнѣздо пингвина, такъ что каждый пингвинъ окруженъ четырьмя альбатросами, и каждый альбатросъ равнымъ числомъ пингвиновъ. Гнѣздо пингвина состоитъ изъ дыры, вырытой въ землѣ, настолько глубоко, чтобъ единственное его яйцо оттуда не вывалилось. Альбатросъ прибѣгаетъ къ нѣскольکو мѣнѣе простому приспособленію и устраиваетъ небольшое возвышеніе. Онъ обдѣлываетъ его землей, водорослями и раковинами, а на вершинѣ устраиваетъ свое гнѣздо.

Птицы эти особенно стараются никогда не оставлять гнѣздъ незапатыми въ продолженіе всего насѣживания, и даже до тѣхъ поръ, пока потомство настолько не окрѣпнетъ, чтобъ самому заботиться о себѣ. Во время отсутствія самца, который отправляется къ морю на поиски за пищей, самка исполняетъ свои обязанности, и только по возвращеніи своего товарища позволяетъ себѣ покинуть гнѣздо. Предосторожность эта необходима вслѣдствіе склонности къ мошенничеству, которая господствуетъ въ колоніи, жители которой, безъ зазрѣнія совѣсти, воруютъ другъ у друга яйца при каждомъ удобномъ случаѣ.

Глава XV.—Острова Невидинки.

Проохотившись, безъ особаго успѣха, въ теченіе трехъ недѣль на тюленей, мы 12-го ноября вышли изъ Christmas-Harbour, и черезъ пятнадцать дней достигли острововъ Тристанъ д'Акунья, лежащихъ между $37^{\circ} 8'$ южной широты и $12^{\circ} 8'$ западной долготы.

Группа эта, такъ хорошо извѣстная теперь и состоящая изъ трехъ острововъ, была первоначально открыта португальцами. Позже ее посѣтили голландцы, въ 1643, и французы—въ 1767 году. Эти три острова образуютъ треугольникъ. У всѣхъ трехъ берегъ очень высокъ, въ особенности на главномъ островѣ Тристанъ д'Акунья. Это самый большой островъ цѣлой группы: онъ имѣетъ 15 миль въ окружности, и такъ высокъ, что въ ясную погоду бываетъ видѣнъ на разстояніи 80 или 90 миль. Часть берега въ сѣверу возвышается надъ моремъ болѣе, чѣмъ на 1000 футовъ. На этой высотѣ существуетъ плоская возвышенность, простирающаяся почти до самаго центра острова, а на ней возвышается гора, подобная пику Тенериффа. Нижняя

часть этой горы покрыта довольно крупными деревьями, но верхняя—голая скала, обыкновенно закрытая облаками и покрытая снѣгомъ въ теченіе большей половины года. Съ сѣверо-западной стороны находится бухта, съ берегомъ изъ чернаго песку, куда шлюпка легко можетъ пристать.

Слѣдующій по величинѣ островъ называется *Недоступный*. Точное положеніе его— $37^{\circ} 7'$ южной широты, и $12^{\circ} 24'$ западной долготы. Онъ имѣетъ 7 или 8 миль въ окружности и со всѣхъ сторонъ представляется въ видѣ конусообразнаго, природнаго укрѣпленія. Вершина совершенно плоская; вся страна безплодна.

Островъ Nightingale, самый маленькій и самый южный, лежитъ подъ $37^{\circ} 26'$ южной широты и $12^{\circ} 12'$ западной долготы. У южной его оконечности находится довольно возвышенный рифъ, состоящій изъ маленькихъ и скалистыхъ острововъ. Почва безплодная и неровная; глубокая долина пересекаетъ часть острова.

У береговъ этихъ острововъ встрѣчаются въ изобиліи всевозможныя морскія животныя и птицы. Бить также часто попадаетъ въ этой мѣстности. Легкость, съ какою нѣкогда ловили этихъ животныхъ, была причиной того, что группу этихъ острововъ, со времени открытія ея, часто посѣщали. Капитанъ Паттенъ, изъ Филадельфіи, посѣтившій островъ Тристанъ д'Авуны въ 1790 г., не нашелъ тамъ четвероногихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дикихъ козъ,—теперь островъ снабженъ всѣми нашими лучшими домашними животными. Вскорѣ послѣ капитана Паттена, капитанъ Колькунтъ, командиръ американскаго брига Бетси, бросилъ якорь близъ самаго большаго изъ описываемыхъ острововъ, съ цѣлью запастись провіантомъ. Онъ посадилъ лукъ, картофель, капусту и множество другихъ овощей, которыя и теперь находятся тамъ въ изобиліи.

25 марта 1824 г. судно Бервикъ, капитанъ Джефри, шедшее изъ Лондона въ Вандименову землю, пристало къ острову. Въ то время нѣкій англичанинъ, по имени Глассъ, называлъ себя губернаторомъ острововъ, имѣя подъ командой двадцать человѣкъ мужчинъ и трехъ женщинъ. Ко времени нашего прибытія губернаторъ еще былъ живъ, но маленькая община размножилась,—на Тристанъ д'Авуны было шестьдесятъ-пять человѣкъ, не считая второстепенной колоніи, изъ семи человѣкъ, на островѣ Nightingale. Намъ не стоило никакого труда запастись нужнымъ количествомъ провіанта, такъ какъ барановъ, свиней, быковъ, зайцевъ, птицы, козъ, всякой рыбы и овощей тутъ было

щаволь. Мы бросили якорь у самого большого острова, на глубинѣ восемнадцати сажень, и очень удобно перевезли на шкуру все, въ чемъ нуждались. Капитанъ Гвай купилъ у Гласса пятьсотъ тюленьихъ шкуръ и небольшое количество слоновой кости. Мы пробыли тутъ недѣлю, а 5-го декабря направились на юго-востокъ, съ цѣлью произвести изслѣдованіе относительно группы острововъ, называемыхъ Аврора, на счетъ существованія которыхъ выражались самыя различныя мнѣнія.

Утверждаютъ, будто острова эти были открыты въ 1862 командиромъ трехъ-маттового судна *Аврора*. Въ 1790, капитанъ Мануель-де-Оярвидо, командиръ трехъ-маттового судна Принцесса, увѣрялъ, что онъ проходилъ между этими островами. Въ 1794 году испанскій корветъ Атревида отправился въ плаваніе съ цѣлью провѣрить ихъ точное положеніе; въ запискѣ, изданной королевско-гидрографическимъ обществомъ въ Мадридѣ въ 1809 году, объ этомъ изслѣдованіи говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Корветъ Атревида произвелъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ этихъ острововъ, съ 21-го по 27-е января, всѣ необходимыя наблюденія. Острова этихъ три, лежатъ они почти на одномъ и томъ же меридіанѣ, средній нѣсколько пониже».

Наблюденія командира Атревиды даютъ слѣдующіе результаты относительно точнаго положенія каждаго острова. Сѣверный лежитъ подъ $52^{\circ} 37' 24''$ южной широты и $47^{\circ} 43' 15''$ западной долготы. Средній—подъ $53^{\circ} 2' 40''$ южной широты и $47^{\circ} 55' 15''$ западной долготы; наконецъ, южный—подъ $53^{\circ} 15' 22''$ южной широты и $47^{\circ} 57' 15''$ западной долготы. 27-го января 1820 капитанъ англійскаго флота Джеймсъ Ведель отправился изъ Штатенъ-Ланда на поиски за Аврами. Въ своемъ донесеніи онъ говоритъ, что, не смотря на самыя тщательныя разслѣдованія и на то, что онъ проходилъ не только черезъ пункты, точно указанные командиромъ Атревиды, но и кружилъ возлѣ нихъ во всѣхъ направленіяхъ, ему не удалось открыть и признать земли. Эти противорѣчивыя донесенія побуждали другихъ путешественниковъ искать этихъ острововъ. Странно сказать, что пока одни бороздили море во всѣхъ направленіяхъ въ указанномъ мѣстѣ и ничего не находили, другіе—и ихъ не мало—положительно заявляютъ, что видѣли ихъ и даже проходили вблизи ихъ береговъ. Капитанъ Гвай намѣревался не щадить усилій, чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ. Мы продолжали нашъ путь, при переменчивой погодѣ, до 20-го, и наконецъ очутились въ указанной мѣстности, подъ $53^{\circ} 15'$ южной широты и 47°

58' западной долготы. Не замѣчая и признаковъ земли, мы сначала все держали на западѣ, до 50° западной долготы. Потомъ повернули на сѣверъ, наконецъ, на востокъ, кружили въ теченіе трехъ недѣль, при прекрасной погодѣ, безъ малѣйшаго тумана, и наконецъ вполнѣ убѣдились, что если острова когда-нибудь тутъ и существовали, въ настоящее время отъ нихъ не оставалось и слѣдовъ.

Глава XVI.—Экспедиція къ полюсу.

Прежде, чѣмъ приступить къ этой части моего разсказа, я постараюсь дать краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ попыткахъ, сдѣланныхъ до настоящаго времени, для достиженія южнаго полюса.

Экспедиція капитана Кука первая, о которой мы имѣемъ положительныя данныя. Въ 1772 онъ направился на югъ на своей *Resolution*, въ сопровожденіи лейтенанта Фюрно, командовавшаго судномъ *Adventure*. Въ декабрѣ онъ находился на 58 параллели южной широты. Здѣсь онъ встрѣтилъ ледяныя банки толщиною отъ 8 до 10 дюймовъ, простирающіяся на сѣверо-западъ и юго-востокъ. Ледъ этотъ лежалъ глыбами, такъ тѣсно сплоченными, что судамъ только съ большимъ трудомъ удавалось проходить между ними, и наконецъ окончательно преградилъ имъ дорогу, что повторилось и въ ноябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года.

Въ 1803 году императоръ Александръ I поручилъ капитанамъ Крузенштерну и Лисянскому совершить кругосвѣтное плаваніе. Не смотря на ихъ усилія проникнуть къ югу, они не могли идти далѣе 59° 58' южной широты и 70° 15' западной долготы. Тутъ они встрѣтили сильныя теченія по направленію къ востоку; льдовъ было множество, льду не было видно.

Въ 1822 капитанъ англійскаго флота Джемсъ Ведель проникъ съ двумя небольшими судами далѣе на югъ, чѣмъ кто-либо изъ прежнихъ мореплавателей, причемъ не встрѣтилъ даже особыхъ затрудненій.

11-го января 1823 года капитанъ Веньяминъ Моррель отплылъ отъ острова Кергуэленъ на американской шхунѣ *Wasr*, съ цѣлью проникнуть какъ можно далѣе на югъ. 1-го февраля онъ находился на 64° 52' южной широты и 118° 27' восточной долготы.

Извлекаю изъ его дневника слѣдующій отрывокъ:

«Вѣтеръ вскорѣ засвѣжѣлъ. Мы воспользовались случаемъ,

тобы направиться на востокъ, и такъ какъ мы были вполне убѣждены, что чѣмъ далѣе мы пойдемъ къ югу за 64° , тѣмъ менѣе намъ придется опасаться льдовъ, мы стали держать нѣсколько южнѣе; пройдя Антарктическій кругъ, достигли $60^{\circ} 15'$ южной широты. Вдали видѣлось только нѣсколько небольшихъ льдинъ.

Нахожу также слѣдующую замѣтку отъ 14 марта: «Море было совершенно чисто отъ большихъ ледяныхъ горъ. Въ то же время температура воздуха и воды была, по меньшей мѣрѣ, на 13 градусовъ выше, чѣмъ намъ когда-либо случалось видѣть между 60° и 62° южными параллелями. Мы находились на $70^{\circ} 14'$ южной широты, температура воздуха была 47, воды 44. Тогда мы замѣтили, что уклоненіе компаса было на $14^{\circ} 27'$ къ востоку. Много разъ проходилъ я Антарктическій кругъ, подъ различными меридіанами, и постоянно наблюдалъ, что температура воздуха и воды становилась тѣмъ мягче, чѣмъ далѣе я заходилъ за 65° южной широты, причемъ уклоненіе магнитной стрѣлки уменьшалось въ той же пропорціи. Пока я находился на сѣверѣ отъ этой мѣстности, между 60° и 65° , судно верѣдео съ большимъ трудомъ прокладывало себѣ путь между громадныхъ и безчисленныхъ льдинъ, которыя имѣли иногда отъ одной до двухъ миль въ окружности, и возвышались надъ уровнемъ моря болѣе, чѣмъ на пятьсотъ футовъ». Почти лишенный воды и топлива, а также достаточно сильныхъ инструментовъ, капитанъ Моррель принужденъ былъ возвратиться, не попытавшись пройти далѣе къ югу, хотя совершенно чистое море открывалось передъ нимъ. Онъ утверждаетъ, что еслибъ эти важныя соображенія не заставили его вернуться, онъ навѣрное бы проникъ, если не до самаго полюса, то по крайней мѣрѣ до 85 -й параллели.

Въ 1831 году, капитанъ Бриско, командиръ брига *Lively*, находясь, 28 февраля, подъ $66^{\circ} 30'$ южной широты и $47^{\circ} 31'$ восточной долготы, увидалъ землю и «положительно различилъ, сквозь хлопья снѣга, черныя вершины горнаго кряжа». Онъ пробылъ въ этой мѣстности мѣсяцъ, но не могъ подойти къ берегу болѣе чѣмъ на десять миль изъ-за ужасной погоды. Видя, что ему не сдѣлать никакого открытія въ это время года, онъ отправился зимовать на Вандименову Землю.

Въ началѣ 1832 года онъ снова направился къ югу, и 4-го февраля увидалъ землю на юго-востокъ отъ $67^{\circ} 15'$ южной широты и $69^{\circ} 29'$ западной долготы. Оказалось, что это—островъ, лежащій у наиболѣе выдающейся части уже прежде открытой

имъ страны. 21-го того же мѣсяца, ему удалось высадиться на берегъ и завладѣть островомъ отъ имени Вильгельма IV, окрестивъ его островомъ Аделаида, въ честь королевы англійской.

Таковы главнѣйшія попытки, которыя были сдѣланы съ цѣлью проникнуть какъ можно дальше къ югу. Обширное поле изслѣдованій открывалось передъ нами. Съ страстнымъ и жгучимъ любопытствомъ прислушивался я къ словамъ капитана Гвай, когда онъ выражалъ рѣшимость смѣло двинуться на югъ.

Глава XVII.—Земля.

26-го, въ полдень, мы находились подъ 64° 23' южной широты и 41° 25' западной долготы. Мы увидали нѣсколько крупныхъ льдинъ, и не особенно большую ледяную гору. Вѣтеръ держался юго-восточный. Когда дулъ западный, что случалось очень рѣдко, онъ неизмѣнно сопровождался сильнымъ дождемъ. Снѣгъ ежедневно, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Термометръ 27-го показывалъ 35°.

1-го января 1828. Мы совершенно окружены льдинами. Бурный, сѣверо-восточный вѣтеръ дулъ цѣлый день до самаго вечера.

2-го января. Погода сносная. Къ полудню мы миновали Антарктической кругъ. Къ югу было видно мало льду, хотя за нами тянулись обширныя ледяныя горы. Мы смастерили нѣчто въ родѣ лота изъ большого желѣзнаго горшка, вмѣщавшаго двадцать галлоновъ, и лесу длиною въ 200 сажень. Теченіе влекло насъ къ югу, со скоростью четверти мили въ часъ. Температура воздуха около 33°, уклоненіе магнитной стрѣлки 14° 28' къ востоку.

5-го января. Продолжаемъ подвигаться къ югу, не встрѣчая большихъ препятствій. Сегодня громадная стая альбатросовъ пронеслась надъ шкуной.

7-го января. Море по прежнему почти свободно. Продолжаемъ нашъ путь безпрепятственно. Видѣли на западѣ нѣсколько ледяныхъ горъ поразительныхъ размѣровъ; послѣ полудня прошли очень близко отъ одной изъ этихъ массъ, вершина которой возвышалась, конечно, не менѣе чѣмъ на 400 сажень надъ уровнемъ океана. Основаніе ея имѣло, вѣроятно, $\frac{3}{4}$ мили въ окружности, изъ нѣсколькихъ трещинъ на скатахъ ея бѣжали ручейки.

10-го января. Раннимъ утромъ мы имѣли несчастье лишиться одного изъ матросовъ, который упалъ въ море. Это былъ американецъ, по имени Петръ Вреденбургъ, уроженецъ Нью-Йорка и одинъ изъ лучшихъ матросовъ на шкунѣ.

Холодъ сильный, постоянные сѣверо-восточные вѣтры съ градомъ. Видѣли нѣсколько громадныхъ ледяныхъ горъ; съ востока горизонтъ замыкается массами льда, глыбы котораго нагромождены другъ на друга въ видѣ амфитеатра. Вечеромъ замѣтили нѣсколько кусковъ дерева, носящихся по волнамъ, надъ ними витало безчисленное множество птицъ, въ числѣ которыхъ находились глупыши, альбатросы и какая-то большая, голубая птица съ необыкновенно яркими перьями.

12-го января. Исполненіе нашего замысла стало дѣломъ крайне сомнительнымъ; въ направленіи полюса ничего не видно кромѣ, повидимому, безпредѣльной ледяной горы. Идемъ все на западъ въ надеждѣ открыть проходъ.

14-го января. Утромъ достигли западнаго края огромной ледяной горы, преграждавшей намъ дорогу; обогнувъ ее, вышли въ открытое море, гдѣ не видно было ни кусочка льду. Шли къ югу, не встрѣчая серьезныхъ препятствій до 16-го. Никто на шкунѣ болѣе не сомнѣвается въ возможности достигнуть полюса.

17-го января. День—полный событій. Несчетныя стаи птицъ пролетали надъ нами, направляясь къ югу; мы стали стрѣлять въ нихъ,—одна, родъ пеликана, доставила намъ отличную пищу. Около полудня, вахтенный завидѣлъ небольшую ледяную банку и на ней какое-то очень крупное животное. Такъ какъ погода была хорошая, капитанъ приказалъ привести двѣ шлюпки и отправиться посмотреть, что тамъ такое. Мы съ Диркомъ Петерсомъ сопровождали подшкипера въ большей изъ двухъ шлюпокъ. Подойдя къ ледяной банкѣ, мы увидали, что она занята чудовищнымъ медвѣдемъ, арктической породы, размѣрами своими значительно превышавшимъ размѣры самыхъ крупныхъ животныхъ этого рода. Всѣ мы были хорошо вооружены, а потому, не колеблясь, сразу напали на него. Нѣсколько выстрѣловъ ранило животное въ голову. Чудовище, не обративъ на это вниманія, ринулось съ своей ледяной глыбы и поплыло, разинувъ пасть, къ шлюпкѣ, въ которой мы съ Петерсомъ находились. Вслѣдствіе происшедшаго среди насъ смятенія, никто не заготовилъ второго выстрѣла; медвѣдю удалось перекинуть половину своей туши къ намъ на шкафутъ, прежде чѣмъ были приняты достаточныя мѣры къ отраженію его. Только проворство и рѣшимость Петерса и спасли насъ. Вскочивъ на спину громаднаго животнаго, онъ вонзилъ ему въ затылокъ ножъ и сразу попалъ въ спинной мозгъ. Животное упало въ воду бездыханнымъ, но потащило за собою и Петерса. Послѣдній скоро выплылъ, ему

бросили веревку; прежде чѣмъ сѣсть въ шлюпку, онъ привязалъ къ ней трупъ побѣжденнаго животнаго. Мы съ торжествомъ возвратились на шкуну, таща за собой нашъ трофей. Въ медвѣдь этомъ, когда его вымѣрили, оказалось добрыхъ 15 футовъ. Шерсть его была совершенно бѣлая, очень грубая и курчавая. Глаза были кроваво-краснаго цвѣта, больше глазъ арктическаго медвѣдя, морда округленнѣе, она почти напоминала морду бульдога. Мясо его было нѣжное, но пахло рыбой, тѣмъ же менѣе команда съ жадностью угощалась имъ и объявила, что это пища знатная.

Едва успѣли мы поднять нашу добычу на шкуну, какъ вахтенный радостно крикнулъ: «Земля!» По счастью поднялся сѣверо-восточный вѣтеръ, и мы скоро были на берегу. Это оказался низменный и скалистый островокъ, имѣвшій около мили въ окружности и совершенно лишенный растительности.

Мы уже проникли болѣе чѣмъ на 8° далѣе къ югу сравнительно съ прежними мореплавателями. Погода могла назваться пріятной, дулъ легкій, но постоянный вѣтеръ. Небо обыкновенно было ясно, по временамъ на горизонтѣ показывался легкій туманъ, но онъ всегда былъ очень непродолжителенъ. Намъ представлялось только два затрудненія: топливо было на исходѣ, и симптомы скорбута уже обнаружались среди команды. Соображенія эти начинали оказывать вліяніе на умъ мистера Гвая и онъ сталъ подумывать о возвращеніи на сѣверъ.

Глава XVIII.—Новые люди.

18-го января. Мы продолжали нашъ путь къ югу при такой же прекрасной погодѣ, какъ въ предшествующіе дни. Море было совершенно гладкое, сѣверо-восточный вѣтеръ довольно теплый, температура воды 53°. Въ теченіе дня мы видѣли нѣсколько китовъ; несчетныя стаи альбатросовъ пронеслись надъ судномъ. Мы выудили кустъ, покрытый такими же красными ягодами, какъ ягоды боярышника, и тѣло чрезвычайно страннаго, очевидно земноводнаго, животнаго. Въ немъ было три фута длины на шесть дюймовъ высоты, его четыре ноги были чрезвычайно коротки и вооружены длинными, ярко-красными когтями, очень напоминающими кораллы. Все тѣло было покрыто шелковистой, гладкой, совершенно бѣлой шерстью. Хвостъ былъ тонкій, какъ у крысы, длиною фута въ полтора. Голова напоминала голову кошки, за исключеніемъ ушей, обвислыхъ какъ у собаки. Клыки были такіе-же ярко-красные, какъ и когти.

19-го января. Въ этотъ день, когда мы находились подъ 83° 20' широты и 43° 5' западной долготы, вахтенный снова завидѣлъ землю; внимательно всмотрѣвшись, мы убѣдились, что это островъ, принадлежащій къ группѣ изъ нѣсколькихъ, чрезвычайно-обширныхъ острововъ. Берегъ былъ отвѣсный, внутренность острова казалась поросшей густымъ лѣсомъ, чему мы сильно обрадовались. Часа черезъ четыре послѣ того какъ мы завидѣли землю, мы бросили якорь на глубинѣ десяти сажень, въ разстояніи мили отъ берега, такъ какъ сильный прибой, съ мелькающими то тамъ, то сямъ водоворотами, дѣлалъ приставаніе прямо къ берегу довольно неудобнымъ. Мы получили приказаніе привести двѣ самыя большія шлюпки, и хорошо вооруженный отрядъ, въ который вошли и мы съ Петерсомъ, принялся отыскивать проходъ въ рифъ, опоясывавшемъ островъ. Пройскавъ нѣсколько времени, мы нашли желаемое и уже входили въ проходъ, какъ завидѣли четыре большія шлюпки, наполненныя людьми, повидимому хорошо вооруженными, отчаливавшія отъ берега. Мы дали имъ подойти, и такъ какъ они двигались съ необыкновенной быстротой, то скоро были отъ насъ на такомъ разстояніи, что можно было переговариваться. Тогда капитанъ поднялъ бѣлый платокъ на концѣ весла; дикари остановились и вдругъ затрепали, заговорили очень громко, испуская по временамъ возгласы, среди которыхъ мы могли различить слова: *ана-му-му* и *лама-лама!* Они продолжали трещать съ добрыхъ полъ-часа; въ теченіе этого времени мы могли на свободѣ разсмотрѣть ихъ фізіономіи.

Въ четырехъ лодкахъ, имѣвшихъ навѣрное пятьдесятъ футовъ длины и шесть ширины, было всего на все сто-десять дикарей. Ростомъ они были почти съ обыкновеннаго европейца, но отличались болѣе мускулистымъ и мясистымъ сложеніемъ. Кожа у нихъ была совсѣмъ черная, волосы длинные, густые, пушистые. Одежда ихъ была изъ мѣха неизвѣстнаго чернаго животнаго, съ длинной и шелковистой шерстью, довольно прилично покрывавшая тѣло. Спита она была мѣхомъ внизъ, онъ былъ вывороченъ наружу только около шеи, вокругъ кистей рукъ и вокругъ ногъ. Оружіе ихъ состояло главнымъ образомъ изъ палицъ какого-то чернаго дерева, повидимому очень тяжелаго. Мы замѣтили, однако, и нѣсколько копій съ кремневыми остріями, и нѣсколько пращей. Дно лодокъ было наполнено черными камнями величиной съ крупное яйцо.

По окончаніи рѣчи одинъ изъ нихъ, повидимому предводитель, всталъ на носу своей лодки и подаль намъ знакъ подвести

наши шляпки къ борту ея. Мы сдѣлали видъ, что не понимаемъ его, думая, что самое благоразумное держаться, насколько возможно, на значительномъ отъ него разстояніи, такъ какъ они болѣе чѣмъ въ четыре раза превосходили насъ числомъ. Угадавъ нашу мысль, предводитель приказалъ остальнымъ тремъ лодкамъ держаться вдали, а самъ подошелъ къ намъ на своей. Какъ только онъ настигъ насъ, онъ вскочилъ на самую большую изъ нашихъ шляпокъ, сѣлъ возлѣ капитана, указывая пальцемъ на шкуну и твердя: *ана-му-му!* и *лама-лама!* Мы возвратились на шкуну, четыре лодки слѣдовали за нами на нѣкоторомъ разстояніи.

Подойдя къ борту, предводитель выразилъ знаками величайшее удивленіе и удовольствіе, онъ хлопалъ въ ладоши, билъ себя по бедрамъ и въ грудь, хохоталъ во все горло. Вся его свита вскорѣ стала ему вторить, черезъ нѣсколько минутъ гвалтъ былъ оглушительный. Обрадованный тѣмъ, что вернулся къ себѣ, капитанъ Гвай приказалъ поднять шляпки, въ видѣ необходимой предосторожности, и далъ понять предводителю, — нмѣ котораго было Ту-Витъ, какъ мы вскорѣ узнали, — что не можемъ пускать на палубу болѣе двадцати человѣкъ за-разъ. Тотъ, по-видимому, очень охотно подчинился этому распоряженію и отдалъ нѣсколько приказаній лодкамъ, изъ которыхъ одна подошла, а другія остались въ открытомъ морѣ на разстояніи приблизительно пятидесяти ярдовъ. Двадцать дикарей поднялись на шкуну и принялись рыться во всѣхъ углахъ палубы, карабкаться по снастямъ, распоряжаясь какъ дома и рассматривая каждый предметъ съ необыкновеннымъ любопытствомъ. Было очевидно, что они никогда не видали бѣлыхъ людей — цвѣтъ нашей кожи, казался, внушалъ имъ необыкновенное отвращеніе. Они воображали, что «*Јапѣ*» живое существо; можно было подумать, что они боятся ранить ее остріемъ своихъ копій, такъ заботливо держали они ихъ вверхъ. Былъ моментъ, когда вся наша команда много смѣялась надъ поведеніемъ Ту-Вита. Поваръ рубилъ дрова у кухни и случайно вознилъ топоръ въ палубу. Предводитель тотчасъ прибѣжалъ и, довольно сурово толкнувъ повара, испустилъ легкій стонъ, почти крикъ, ясно показывавшій, насколько онъ сочувствуетъ страданіямъ шкуны; потомъ принялся похлопывать и гладить рану рукой и обмывать ее морской водой изъ ведра, стоявшаго по близости.

Въ этомъ сказывалась степень невѣжества, къ которой мы вовсе не были подготовлены, и что до меня, я не могъ приписать этого притворству. Когда наши гости удовлетворили, по

и въ возможности, свое любопытство относительно снасти и палубы, ихъ повели внизъ, и тутъ уже ихъ удивленіе превзошло всѣ предѣлы. Изумленіе ихъ, повидимому, было слышимомъ сильно, чтобы выражаться словами, такъ какъ они всюду бродили молча, отъ времени до времени испуская глухія восклицанія. Оружіе заставляло ихъ крѣпко задумываться; имъ позволили брать его въ руки сколько угодно. Мнѣ кажется, что они вовсе и не подозревали примѣненія его, а скорѣй принимали его за идоловъ, видя, какъ мы его бережемъ и съ какимъ вниманіемъ слѣдимъ за всѣми ихъ движеніями, пока оно находится у нихъ въ рукахъ. При видѣ пушекъ удивленіе ихъ удвоилось. Они приблизились къ нимъ со всѣми признаками величайшаго благоговѣнія и страха, но не пожелали подробно осмотрѣть ихъ. Въ каютѣ было два большихъ зеркала,—тутъ ихъ изумленіе дошло до апогея. Ту-Витъ первый подошелъ къ нимъ, онъ стоялъ посреди каюты, лицомъ къ одному зеркалу и спиной къ другому и еще не замѣчалъ ихъ. Когда дикарь поднялъ глаза и увидалъ свое отраженіе въ зеркалѣ, я подумалъ, что онъ сойдетъ съ ума, но когда онъ круто повернулся, чтобы уйти, и снова увидалъ себя въ противоположномъ направленіи, мнѣ положительно показалось, что онъ сейчасъ испустить послѣдній вздохъ. Ничѣмъ нельзя было заставить его вторично взглянуть на ненавистный предметъ; всякія убѣжденія были тщетны; онъ бросился на полъ, закрылъ лицо руками и остался неподвиженъ, такъ что мы, наконецъ, рѣшились перенести его на палубу.

Всѣ дикари перебивали на шкунѣ, по двадцати человѣкъ; что же касается до Ту-Вита, ему было разрѣшено оставаться все время. Мы не замѣтили въ нихъ никакой склонности къ воровству. Въ теченіе всего ихъ посѣщенія, они относились къ намъ самымъ дружескимъ образомъ. Въ ихъ поведеніи были, однако, нѣкоторыя странности, въ которыхъ мы никакъ не могли отдать себѣ отчета; такъ, напримѣръ, мы ни за что не могли заставить ихъ подойти къ нѣкоторымъ безвреднымъ предметамъ, какъ-то: парусамъ, ящцу, открытой книгѣ или чашкѣ съ мукой. Мы пытались разузнать, нѣтъ ли у нихъ какихъ предметовъ, которые могли бы послужить намъ для мѣновой торговли, но намъ съ большимъ трудомъ удалось объяснить имъ нашу мысль. Къ величайшему нашему удивленію мы узнали, что острова эти изобилуютъ крупными черепаками изъ породы «Galapagos».

Это побудило капитана Гвай попытаться провѣстивъ полную развѣдку страны, въ надеждѣ извлечь изъ своихъ открытій какую-нибудь выгодную спекуляцію. Что касается до меня, у меня

была одна цѣль; я думалъ только о томъ, какъ бы безотлагательно продолжать путь нашъ къ югу. Погода стояла прекрасная, но нельзя было знать, долго ли она простоятъ. Я убѣждалъ капитана, что намъ легко будетъ бросить якорь у этой группы острововъ на возвратномъ пути и даже зимовать тутъ въ случаѣ, еслибы льды преградили намъ дорогу. Въ концѣ концовъ онъ согласился со мной—я, кажимъ-то непонятнымъ для самого себя образомъ, приобрѣлъ надъ нимъ большое вліяніе—было рѣшено, что мы простоямъ здѣсь не болѣе недѣли.

Мы сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія и, благополучно проведя, по указаніямъ Ту-Вита, шкуну среди рифовъ, бросили якорь въ разстояніи миль отъ берега, въ отличной бухтѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ. Въ концѣ этой бухты протекали, какъ намъ объяснили, три хорошенеккихъ ручейка съ отличной водою,—мы сами видѣли, что вся окрестность покрыта густымъ лѣсомъ. Четыре лодки слѣдовали за нами по прежнему, на почтительномъ разстояніи. Самъ же Ту-Витъ остался на шкунѣ, и когда мы бросили якорь, пригласилъ насъ сойти съ нимъ на берегъ и посѣтить его селеніе, лежащее внутри страны. Капитанъ согласился; десять диварей были оставлены на шкунѣ въ видѣ заложниковъ, а нашъ отрядъ, изъ двѣнадцати человѣкъ, приготовился слѣдовать за предводителемъ. Мы были хорошо вооружены, но не обнаруживали ни малѣйшаго недовѣрія. На шкунѣ были приняты всевозможныя мѣры предосторожности,—подшкиперу было строго-на-строго приказано никого не принимать во время нашего отсутствія, и еслибъ мы не вернулись черезъ двѣнадцать часовъ, послать шлюпку, вооруженную камнеметной мортирой, на поиски за нами.

Съ каждымъ шагомъ, который мы дѣлали въ этой мѣстности, мы все сильнѣе и сильнѣе убѣждались, что находимся въ странѣ, существенно отличающейся отъ всѣхъ странъ, которыя до настоящаго времени посѣщались цивилизованными людьми. Ничто изъ окружавшаго насъ не было намъ знакомо. Деревья вовсе не напоминали произведеній жаркихъ, умѣренныхъ или холодныхъ поясовъ сѣвера и существенно отличались отъ произведеній только-что пройденныхъ нами южныхъ странъ. Самыя скалы составляли новостъ по своей массивности, своему цвѣту и своему наслоенію. Источники такъ мало имѣли общаго съ источниками другихъ странъ, что мы не рѣшались пить изъ нихъ. У ручейка, пересѣкавшаго намъ дорогу—перваго, который встрѣтился на нашемъ пути—Ту-Витъ и свита его остановились напиться. Изъ-за страннаго вида этой воды мы отказались попробовать ее, пред-

положить, что она испорчена; только нѣсколько позже поняли мы, наконецъ, что таковъ характеръ всѣхъ источниковъ въ этомъ архипелагѣ. Хотя вода эта быстро стекала со всѣхъ скаловъ, какъ обыкновенная вода, она никогда не казалась прозрачною, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ образовывала каскадъ. Тѣмъ не менѣе она была такъ же чиста какъ всякая известковая вода. Съ перваго взгляда, особенно тамъ, гдѣ наклонъ былъ нечувствителенъ, она нѣсколько напоминала, по своей плотности, густой растворъ гумми-арабика въ простой водѣ. Она не была бесцвѣтна, но не была и одноцвѣтна, въ своемъ теченіи она представляла взорамъ всевозможныя видоизмѣненія пурпуроваго цвѣта, точно переливы шелковой ткани. Вода эта составляла первое звено въ длинной цѣпи чудесъ, среди которыхъ я долженъ былъ со временемъ жить.

Глава XIX. — Клокъ-Клокъ.

Мы употребили около трехъ часовъ, чтобы добраться до селенія; оно лежало болѣе чѣмъ на три мили внутрь страны, дорога пролегла по негладкой мѣстности. На пути отрядъ Ту-Вита ежеминутно усиливался небольшими группами, человекъ въ шесть, въ семь, которые, какъ бы случайно, присоединялись къ намъ. Тутъ какъ будто сказывалась система, предвзятое намѣреніе. Я сообщилъ свои опасенія капитану, но было уже поздно возвращаться; мы рѣшили, что лучшій способъ обезпечить нашу безопасность, это — выказать полнѣйшее довѣріе къ честности Ту-Вита. Мы продолжали свой путь, не переставая наблюдать за маневрами дикарей. Пройдя крутой оврагъ, мы добрались до группы жилищъ, по увѣреніямъ нашихъ проводниковъ, единственной на всемъ островѣ. Когда мы приближались къ селенію, предводитель испустилъ крикъ и нѣсколько разъ повторилъ слова: *Клокъ-клокъ*, изъ чего мы заключили, что это — названіе селенія, а, можетъ быть, нарицательное имя, примѣнимое ко всѣмъ селеніямъ вообще. Жилища имѣли самый жалкій видъ, какой только можно себѣ представить, и даже не были построены по однообразному плану. Нѣкоторые — и тѣ принадлежали *вампу* или *іампу*, мѣстнымъ аристократамъ — состояли изъ дерева, срубленнаго фута на четыре отъ края, съ наброшенной на него большой черной кожей, растилающейся по землѣ широкими складками. Подъ этой-то кожей ютился дикарь. Другія представляли простыя, перпендикулярныя отверстія, вырытыя въ землѣ и прикрытыя вѣтвями,

которыя обитатель норки долженъ былъ оттапливать, чтобы взойти, а потомъ съизнова собирать. Нѣкоторыя были сдѣланы изъ раздвоенныхъ на концахъ древесныхъ вѣтвей въ ихъ натуральномъ видѣ, причемъ верхнія вѣтви сплетались съ нижними, образуя болѣе вѣрное убѣжище отъ непогоды.

Самыя многочисленныя состояли изъ небольшихъ и неглубокихъ пещеръ, входъ въ которыя былъ закрытъ обломками скалы, съ какою цѣлю, — я понять не могъ, такъ какъ камень никогда не затыкалъ болѣе трети отверстія.

Это селеніе, если оно заслуживало такого названія, лежало въ довольно глубокой долинѣ, среди которой журчалъ источникъ такой же чудесной воды, какъ выше описанная. Мы замѣтили у жилищъ нѣсколько странныхъ животныхъ, повидимому совершенно прирученныхъ. Самыя крупныя напоминали нашу обыкновенную свинью какъ строеніемъ тѣла, такъ и хрюканьемъ; хвостъ былъ пушистъ, ноги тонки какъ у антилопы. Походка животнаго была нерѣшительная и неловкая. Было большое разнообразіе домашнихъ птицъ, разгуливавшихъ повсюду и, повидимому, составлявшихъ главную пищу туземцевъ. Въ нашему крайнему удивленію, мы замѣтили среди нихъ черныхъ, совершенно ручныхъ, альбатросовъ. Рыбы было большое изобиліе, а также черепахъ породы *Galapagos*. Дикихъ животныхъ мы видѣли очень мало, крупныхъ ни одного, а также ни одного знакомаго. Одна или двѣ громадныхъ змѣй пересѣкли намъ дорогу, но мѣстные жители не обратили на нихъ большого вниманія, изъ чего мы заключили, что онѣ не ядовиты.

Когда мы приближались къ селенію съ Ту-Витомъ и его отрядомъ, вся масса населенія устремилась намъ на-встрѣчу съ криками, среди которыхъ мы разобрали вѣчныя: *ана-му-му* и *лама-лама*. Мы были очень удивлены, видя, что эти вновь-прибывшіе, за однимъ или двумя исключеніями, совершенно наги, такъ какъ звѣринныя шкуры составляютъ принадлежность однихъ владѣльцевъ лодокъ. Все оружіе страны находилось, повидимому, также въ рукахъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ мы вовсе не видали оружія въ рукахъ жителей селенія. Тутъ была также толпа женщинъ и дѣтей, причемъ первыя не лишены были своеобразной красоты.

Жилище Ту-Вита находилось въ центрѣ селенія и было нѣсколько больше и лучше построено, чѣмъ другія. Съ большой торжественностью ввели насъ въ этотъ шалашъ, за нами тѣснилась толпа туземцевъ, такая, какую онъ только могъ вмѣстить. Ту-Витъ сѣлъ на сухіе листья, замѣнявшіе коверъ, и знаками

пригласилъ насъ послѣдовать его примѣру. Мы повиновались и очутились въ крайне-неудобномъ, чтобы не сказать *критическомъ* положеніи. Мы сидѣли на землѣ въ числѣ двѣнадцати, тогда какъ сорокъ дикарей сидѣли вокругъ насъ на корточкахъ, и такъ насъ тѣснили, что производи какой-нибудь безпорядокъ, намъ было бы невозможно пустить въ ходъ наше оружіе и даже подняться на ноги. Толпа была не только въ палаткѣ, но и внѣ ея, гдѣ, вѣроятно, толпилось все населеніе острова, которому только усилія и крики Ту-Вита мѣшали растоптать насъ ногами.

Послѣ нѣкотораго смятенія мы, наконецъ, добились короткаго молчанія, и предводитель сказалъ намъ довольно длинную рѣчь, которую мы выслушали въ глубокомъ безмолвіи, до самаго заключенія. Капитанъ Гвай отвѣтилъ на нее, увѣряя предводителя въ своей дружбѣ и вѣчномъ благоволеніи, и заключилъ свою рѣчь поднесеніемъ ему нѣсколькихъ ожерелій изъ голубого стекла, и ножа.

Обѣдъ состоялъ изъ трепетававшихъ еще внутренностей какого-то животнаго. Видя, что мы не знаемъ, какъ за нихъ взяться, Ту-Витъ принялся, намъ въ назиданіе, поглощать плѣнительное яство. Тѣмъ не менѣе мы отказались раздѣлить его съ нимъ. Когда повелитель окончилъ свой обѣдъ, мы стали допрашивать его, какъ могли ловчѣе, о томъ, какія—важнѣйшія произведенія края, и имѣются ли такія, изъ которыхъ мы могли бы извлечь выгоду. Наконецъ, онъ, казалось, понялъ, что мы хотѣли сказать, и предложилъ намъ сопровождать насъ до извѣстнаго пункта, гдѣ мы должны были, по увѣреніямъ его, найти множество моллюсковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *морской лани*. Мы съ радостью ухватились за этотъ предлогъ вырваться изъ тѣснившей насъ толпы. Мы вышли изъ палатки и, въ сопровожденіи всего населенія деревни, направились къ юго-восточной окраинѣ острова, недалеко отъ того мѣста, гдѣ стояла на якорѣ наша шкуна. Мы прождали тутъ около часа, пока четыре лодки не были приведены къ мѣсту, гдѣ мы находились. Во время нашей экскурсіи мы убѣдились въ справедливости словъ Ту-Вита, и возвратясь на шкуну, распростились съ нимъ, взявъ съ него слово, что онъ, въ теченіе 24-хъ часовъ, доставить намъ столько утокъ и черепахъ Galapagos, сколько его лодки въ состояніи вмѣстить.

Глава XX.—Замыо погребены!

Предводитель сдержалъ слово, и въ изобиліи снабдилъ насъ свѣжей провизіей. Мы нашли черепахъ очень вкусными; утѣ превосходили своими качествами лучшія породы нашихъ дикихъ птицъ, онѣ были необыкновенно мягки, сочны, вкусны. Кроме того, дикари привезли намъ громадное количество темнаго сельдерея и ложечной или скорбутной травы, и полную лодку свѣжей и сушеной рыбы. Сельдерей былъ для насъ настоящимъ угощеніемъ, а ложечная трава оказала самое благотѣльное дѣйствіе и излѣчила тѣхъ изъ нашихъ людей, у которыхъ уже обнаружались признаки болѣзни. За всѣ эти вкусныя вещи мы предложили туземцамъ ожерелья изъ голубыхъ бусъ, мѣдныя украшенія, гвозди, ножи, куски краснаго холста, они, по-видимому, были въ совершенномъ восторгѣ отъ обмѣна. Мы устроили на берегу правильный торгъ, и дѣло велось въ такомъ порядкѣ, каковаго мы никакъ не ожидали со стороны дикарей, судя по ихъ поведенію въ селеніи Клокъ-клогъ.

Все шло прекрасно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Видя, съ какою легкостью можно нагрузить корабль морской ланью и какую помощь могутъ оказать туземцы при собираніи этого моллюска, капитанъ рѣшился войти въ соглашеніе съ Ту-Витомъ относительно постройки удобныхъ зданій, для заготовленія его, и вознагражденія какъ ему, такъ и тѣмъ изъ его людей, которые возьмутся набрать это морское лакомство въ возможно большемъ количествѣ, пока мы воспользуемся хорошей погодой, чтобы продолжать нашъ путь къ югу. Было заключено условіе, вполне удовлетворительное для обѣихъ сторонъ; рѣшили, что по окончаніи необходимыхъ приготовленій, какъ-то: выбора мѣста, возведенія части зданій, для которыхъ потребуется весь нашъ экипажъ, шкуна снимется съ явора, оставивъ на островѣ трехъ человѣкъ для наблюденія за осуществленіемъ проекта, сулившаго намъ большія выгоды, такъ какъ моллюскъ этотъ на многихъ рынкахъ, и главнымъ образомъ на китайскомъ, цѣнится чрезвычайно высоко. Мы немедленно свезли на берегъ все необходимое для закладки зданій и очистки почвы. Мы выбрали обширное и ровное пространство на восточномъ берегу бухты, гдѣ находились въ равномъ изобиліи вода и лѣсъ, на удобномъ разстояніи отъ главныхъ рифовъ, на которыхъ можно было добывать морскую лань. Мы всѣ горячо принялись за работу; вскорѣ, къ величайшему удивленію дикарей, мы срубили надлежащее коли-

чество деревьевъ, а дня черезъ два-три постройка такъ подвинулась, что мы могли предоставить окончаніе этого дѣла тремъ изростамъ, которыхъ должны были оставить здѣсь.

Въ концѣ мѣсяца всѣ наши приготовленія къ отъѣзду были уже сдѣланы. Мы дали слово явиться въ селеніе съ торжественнымъ, прощальнымъ визитомъ, и Ту-Витъ такъ упорно настаивалъ на необходимости исполнить наше обѣщаніе, что мы не сочли приличнымъ оскорбить его отказомъ.

1-го февраля мы съѣхали на берегъ. Шесть человѣкъ осталось на шкунѣ съ приказаніемъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не подпускать къ себѣ ни одного дикаря, во-время нашего отсутствія, и постоянно оставаться на палубѣ.

Пушки были снабжены двойными зарядами картечи. Шкуна стояла на якорѣ въ разстояніи миля отъ берега, никакая лодка не могла подойти къ ней ни съ какой стороны, не будучи замѣченной и не подвергшись немедленно огню нашихъ камнететныхъ мортиръ.

За вычетомъ шестерыхъ, оставленныхъ на шкунѣ, отрядъ нашъ состоялъ всего изъ тридцати-двухъ человѣкъ. Мы были вооружены ружьями, пистолетами, кинжалами. Человѣкъ сто воиновъ, одѣтыхъ въ черныя, звѣриныя шкуры, вышло намъ на-встрѣчу къ мѣсту высадки, чтобы конвоировать насъ. Мы, не безъ нѣкотораго удивленія, замѣтили, что они совершенно безоружны; когда мы стали спрашивать Ту-Вита на этотъ счетъ, онъ просто отвѣтилъ: *«тамъ, гдѣ всѣ братья, нѣтъ нужды въ оружіи»*.

Мы миновали источникъ и ручей, о которыхъ говорено выше, и вступили въ узкое ущелье, извивавшееся среди холмовъ. Ущелье это было скалистое и очень неровное до такой степени, что въ нашу первую экскурсію въ Клокъ-клокъ намъ только съ большимъ трудомъ удалось пробраться черезъ него; оно имѣло въ длину пожалуй миля полторы и даже двѣ, и дѣлало тысячу изгибовъ среди холмовъ—вѣроятно, во времена отдаленныя, оно составляло русло потока. Словомъ, въ цѣломъ мірѣ не было лучшаго мѣста для засады.

Не смотря на это, мы, въ безуміи своемъ, такъ понадеялись на наши силы, на исчезновеніе оружія у Ту-Вита и его подданныхъ, на вѣрное дѣйствіе нашего огнестрѣльнаго оружія, которое составляло еще тайну для туземцевъ, что позволили дикарямъ открывать и замыкать шествіе. Человѣкъ пять, шесть ихъ шло впереди, чтобы показывать намъ путь; они очень за нами ухаживали и отметаили съ дороги крупные камни и об-

ломки, затруднявшіе наше движеніе. За ними двигался нашъ отрядъ. Мы шли, прижавшись другъ къ другу, заботясь только о томъ, какъ бы насъ не разлучили. За нами слѣдовала вся масса дикарей, соблюдавшая необыкновенный порядокъ и декорумъ.

Дирекъ Петерсъ, нѣкто Вильсонъ Алленъ и я шли впрямъ отъ товарищей, рассматривая по дорогѣ необыкновенныя наслоенія стѣны, нависшей надъ нашими головами. Разсѣлина въ скалѣ привлекла наше вниманіе, она была достаточно велика, чтобы человѣкъ могъ свободно взойти въ нее, уходила въ гору футовъ на 18, на 20 по прямому направленію, и потому уклонялась влѣво. Высота этого отверстія, насколько могъ проникнуть нашъ взглядъ, была футовъ въ шестьдесятъ, въ семьдесятъ. Изъ трещины ея выглядывало два, три малорослыхъ деревца, нѣсколько напоминающихъ орѣшину,—мнѣ захотѣлось ихъ рассмотреть. Быстро приблизясь съ этой цѣлью, я сорвалъ пять или шесть орѣшковъ и поспѣшно удался. Обернувшись, я замѣтилъ, что Петерсъ и Алленъ послѣдовали за мной. Я попросилъ ихъ податься назадъ, сказавъ, что дамъ имъ нѣсколько орѣшковъ. Они повернулись и прокрадывались къ дорогѣ, Алленъ уже находился почти у отверстія разсѣлины, какъ я вдругъ почувствовалъ сотрясеніе, непохожее ни на что до сихъ поръ извѣданное мной и которое внушило мнѣ смутную мысль, что основанія нашего земного шара внезапно разверзлись, и часъ всемірнаго разрушенія близокъ.

Глава XXI.—Искусственная катастрофа.

Едва я сколько-нибудь пришелъ въ себя, какъ почувствовалъ, что почти задыхаюсь, барахтаюсь среди непрогляднаго мрака въ массѣ рыхлой земли, тяжело рушившейся на меня со всѣхъ сторонъ и грозившей окончательно засыпать меня. Страшно испугавшись этой мысли, я сѣлся на ноги, что мнѣ, наконецъ, и удалось. Я простоялъ неподвижно нѣсколько минутъ, стараясь понять, что со мной случилось, гдѣ я нахожусь. Вскорѣ, надъ самымъ моимъ ухомъ, раздался глубокій стонъ, а затѣмъ голосъ Петерса, который, именемъ Бога, умолялъ меня прийти ему на помощь. Съ трудомъ сдѣлавъ шага два, я прямо повалился на голову и плечи моего товарища, котораго нашелъ по поясъ ушедшимъ въ массу рыхлой земли. Я принялся освобождать его со всей энергіей, на какую былъ способенъ, въ чемъ, наконецъ, и успѣлъ. Какъ только мы опомнились отъ страха и

удивленія, мы оба пришли къ заключенію, что стѣнки разсѣлины, въ которую мы рѣшились проникнуть, обрушились въ силу собственной тяжести и что, будучи погребены за живо, мы навѣки погибли. Долго предавались мы самому ужасному отчаянію. Я твердо убѣжденъ, что ни одна изъ катастрофъ, которыми изобилуетъ жизнь человѣческая, не можетъ вызвать такого пароксизма физическихъ и нравственныхъ страданій, какъ та, какою насъ постигла. Быть погребенными за-живо! Мракъ, окружающій жертву, страшное стѣсненіе въ легкихъ, удушающія испаренія влажной земли сливаются съ страшной мыслью, что находясь въ положеніи похороненнаго мертвеца, и наполняютъ сердце человѣческое невыносимымъ, леденящимъ ужасомъ, о которомъ невозможно себя составить и поватія!

Наконецъ, Петерсъ рѣшилъ, что намъ, прежде всего, слѣдуетъ убѣдиться, какъ велико наше несчастіе и ощутью пробираться по нашей темницѣ, такъ какъ не вполне невозможно, чтобъ намъ удалось найти выходъ. Я ухватился за эту надежду и, призвавъ на помощь всю свою энергію, пытался проложить себѣ путь черезъ эту груду разбросанной земли. Едва я сдѣлалъ шагъ, какъ до меня дошелъ лучъ свѣта, правда, едва-замѣтный, но достаточный, чтобы убѣдить меня, что мы не погибнемъ сейчасъ же за неимѣніемъ воздуха. Мы нѣсколько ободрились и старались увѣрить другъ друга, что все пойдетъ какъ нельзя лучше. Перелѣзши черезъ груду обломковъ, которая преграждала намъ дорогу по направленію къ свѣту, мы подвигались съ меньшимъ трудомъ. Вскорѣ мы могли различать окружавшіе насъ предметы и убѣдились, что находимся почти въ концѣ прямолинейной части разсѣлины, около того мѣста, гдѣ она поворачивала влѣво. Еще нѣсколько усилий, и мы достигли этого поворота, въ которомъ съ невыразимой радостью увидали длинную трещину, которая тянулась вверхъ.

Тутъ я вспомнилъ, что насъ было трое покинувшихъ ущелье, чтобы взойти въ разсѣлину,—товарищъ нашъ Алленъ еще не нашелся, и мы рѣшили вернуться и розыскать его. Послѣ долгихъ поисковъ, Петерсъ закричалъ мнѣ, что поймалъ товарища нашего за ногу, но что все тѣло его такъ засыпано землей, что вытащить его невозможно. Я вскорѣ убѣдился, что слова Петерса были слишкомъ справедливы, что жизнь должна была угаснуть уже давно. Съ сердцемъ, полнымъ грусти, мы предоставили тѣло его участи и снова направились къ повороту разсѣлины.

Размѣры трещины едва позволяли намъ пролѣзть черезъ нее; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, мы снова преда-

лись отчаянію. Не помню, сказалъ ли я выше, что возвышенности, среди которыхъ извивалось главное ущелье, состояли изъ вещества, напоминающаго мыловку или жиронитъ. Стѣнки трещины, по которымъ мы пытались карабкаться, были изъ того же вещества, такіа скользкія и влажныя, что ноги наши едва могли удерживаться на наименѣ крутыхъ мѣстахъ. Мы, однако, черпали мужество въ отчаяніи, хватались руками, рискуя убиться, за небольшія выпуклости изъ сланцеватой, нѣсколько болѣе твердой глины, и добрались, наконецъ, до натуральной платформы, откуда можно было видѣть клочокъ голубого неба за поросшимъ густымъ лѣсомъ оврагомъ.

Оглянувшись назадъ и разсмотрѣвъ нѣсколько хладнокровнѣе проходъ, черезъ который вышли, мы убѣдились, по виду его стѣнокъ, что онъ образовался недавно, изъ чего заключили, что сотрясеніе, такъ неожиданно поглотившее насъ, каковы бы ни были причины его, въ то же время открыло намъ этотъ путь къ спасенію. Мы почти истомились отъ нашихъ усилій, были такъ слабы, что едва могли держаться на ногахъ и сказать слово. Петерсу пришла мысль подать сигналъ товарищамъ выстрѣломъ изъ пистолета, благо они остались у насъ за поясомъ — тогда какъ ружья и кинжалы мы потеряли на днѣ пропасти. Дальнѣйшія событія показали, что, еслибъ мы выстрѣлили, мы бы въ этомъ горько раскаялись; но по счастью, слабое подозрѣніе уже пробудилось въ умѣ моемъ, — мы имѣли осторожность не дать знать дикарямъ, гдѣ находимся.

Отдохнувъ съ часъ, мы медленно направились къ выходу изъ оврага и, пройдя небольшое разстояніе, услышали страшный вой. Съ величайшей осмотрительностью проскользнули мы къ узкому отверстию, откуда намъ легко было обнять взглядомъ всю окрестность, и тутъ страшная тайна землетрясенія открылась намъ въ одинъ мигъ съ перваго взгляда.

Наша обсерваторія находилась невдалекѣ отъ вершины самой высокой горы кража. Ущелье, по которому двигался нашъ отрядъ, извивалось подъ нами, футовъ на пятьдесятъ вглубь. На протяжении по крайней мѣрѣ ста ярдовъ дно этого ущелья было засыпано безпорядочными обломками камней и грудями земли. Способъ, которымъ была низвержена эта масса, былъ также простъ, какъ и очевиденъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вдоль восточной стороны ущелья, намъ были видны врыты въ землю столбы. Въ этихъ мѣстахъ земля не подалась, но вдоль пропасти въ томъ мѣстѣ, откуда отдѣлилась масса земли, очевидно было, по нѣкоторымъ слѣдамъ въ почвѣ, что и тутъ были врыты такіе же

столбы, какъ тѣ, которые были у насъ на глазахъ, на разстояніи ярда одинъ отъ другого, на протяженіи около трехсотъ футовъ въ разстояніи приблизительно десяти футовъ отъ края пропасти. Крѣпкія связки съ виноградной лозы еще держались на уцѣлѣвшихъ столбахъ; очевидно было, что такія же веревки были привязаны къ прочимъ столбамъ, и что, по данному сигналу, дикари, ухватившись за концы ихъ, низвергли, съ помощью этого могучаго рычага, весь скатъ холма на дно пропасти. Въ участи нашихъ бѣдныхъ товарищей сомнѣваться нельзя было. Мы одни избежали этой подавляющей, искусственной катастрофы. Мы были единственными бѣлыми, оставшимися въ живыхъ на островѣ.

Глава XXII.—Топели-ли!

Положеніе наше въ томъ видѣ, въ какомъ оно намъ представилось теперь, едва ли было менѣе ужасно, чѣмъ когда мы считали себя погребенными на вѣки. Намъ не представлялось другой перспективы какъ быть убитыми дикарями или влачить среди нихъ жалкое существованіе плѣнниковъ. Мы, правда, могли, въ теченіе нѣкотораго времени, укрыться отъ нихъ среди холмовъ и, въ крайнемъ случаѣ, на днѣ пропасти, откуда только-что вышли, но намъ пришлось бы умереть съ холоду и голоду въ теченіе долгой полярной зимы.

Вся окрестность кипѣла дикарями, новыя толпы прибыли на плоткахъ съ острововъ, лежавшихъ къ югу, несомнѣнно, чтобы помочь въ разграбленіи шкуны. Она по прежнему спокойно стояла на яворѣ въ бухтѣ. Мы не видѣли никакихъ средствъ предупредить находившихся на ней людей объ опасности, не навлекая смерть на свою голову, да и въ этомъ случаѣ мы имѣли мало надежды быть имъ полезными. И такъ, мы вынуждены были оставаться въ своей засадѣ простыми зрителями битвы, которая не замедлила завязаться.

Черезъ полчаса приблизительно мы замѣтили, что около семидесяти плотовъ наполнились дикарями и обогнули южный край бухты. У нихъ, казалось, не было другого оружія, кромѣ короткаго палица и камней, наваленныхъ на дно лодокъ. Вслѣдъ за тѣмъ, другой, еще болѣе значительный отрядъ приблизился по противоположному направленію.

Четыре лодки быстро наполнились туземцами, которые живо заработали веслами, чтобы присоединиться къ прочимъ. Въ одно мгновеніе, какъ бы чудомъ, Жапе была осаждена несмѣтнымъ пол-

чищемъ разъяренныхъ людей, очевидно рѣшившихся овладѣть ею во что бы то ни стало.

Въ томъ, что предпріятіе это увѣчается успѣхомъ, мы не смѣли сомнѣваться ни минуты. Шесть человекъ, оставленныхъ на шкунѣ, какъ бы ни была велика рѣшимость ихъ защищаться, далеко не могли управиться съ орудіями, и во всѣхъ отношеніяхъ были неспособны поддерживать такую неравную борьбу. Я почти не могъ себя представить, чтобы они оказали малѣйшее сопротивленіе, но въ этомъ я ошибался. По какой-то непонятной причинѣ, вѣроятно вслѣдствіе волненія нашихъ бѣдныхъ друзей, первый залпъ былъ вполне неудаченъ. Ни одна лодка не была задѣта, ни одинъ дикарь раненъ. Единственнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нихъ этими неожиданными выстрѣлами и дымомъ, было чрезвычайное удивленіе; оно было такъ велико, что я нѣсколько минутъ думалъ, что они оставятъ свое намѣреніе и возвратятся на берегъ. Залпъ съ бабборда произвелъ самое ужасное дѣйствіе. Картечь и ядра изъ крупныхъ орудій совершенно перерѣзали семь или восемь плотовъ и положили на мѣстѣ около тридцати или сорока дикарей, тогда какъ не менѣе сотни, по большей части тяжело раненныхъ, было выброшено въ воду. Оставшіеся, совершенно потерявъ голову, тотчасъ начали поспѣшное отступленіе, не давъ себѣ времени вытащить своихъ изувѣченныхъ товарищей. Успѣхъ этотъ, однако, былъ слишкомъ поздній, чтобы спасти нашихъ энергическихъ товарищей.

Толпа съ лодокъ, въ числѣ слишкомъ полутора ста человекъ, уже была на шкунѣ. Ничто болѣе не сдерживало бѣшенства этихъ скотовъ. Наши были сбиты съ ногъ и, въ одно мгновеніе, разорваны на клочья.

Видя это, дикари съ плотовъ очнулись отъ страха и толпой явились на грабежъ. Въ пять минутъ Јапѣ представляла жалкое зрѣлище безпримѣрнаго опустошенія. Палуба была пробита, сорвана, снасти, паруса уничтожены точно волшебствомъ, затѣмъ все полчище этихъ негодяевъ соединенными усиліями вытащило судно на берегъ и предоставило его попеченіямъ Ту-Вита, который, въ продолженіе всей битвы, какъ искусный полководецъ, не сходилъ съ своего обсерваціоннаго пункта среди холмовъ, но теперь, когда побѣда была полная, удостоилъ прибѣжать съ своими мохнатымъ штабомъ и взять свою долю добычи. Движеніе Ту-Вита, который до этой минуты находился въ ближайшемъ отъ насъ сосѣдствѣ, позволило намъ выйти изъ засады и произвести рекогносцировку. На разстояніи приблизительно пятиде-

сати ярдовъ отъ входа въ оврагъ мы увидали небольшой источникъ, у котораго утолили томительную жажду, снѣдавшую насъ. Невдалекѣ отъ этого источника мы замѣтили нѣсколько орѣшнѣ. Отвѣдавъ плодовъ ихъ, мы нашли ихъ съносными и похожими вкусомъ на обыкновенные, англійскіе орѣшнѣ. Мы тотчасъ наполнили ими наши шляпы, снесли ихъ въ оврагъ и возвратились собирать орѣхи. Въ то время, какъ мы дѣйательно предавались этому занятію, шумъ въ кустахъ сильно напугалъ насъ; мы уже готовы были прокрасться въ свое убѣжище, какъ большая, черная птица медленно и тяжело поднялась изъ кустарника. Я такъ былъ пораженъ, что не зналъ, что дѣлать, но у Петерса хватило присутствія духа поймать ее за горло. Она бышено билась и такъ страшно кричала, что мы чуть-было ее не выпустили, боясь, чтобы шумъ не привлекъ дикарей. Наконецъ, однако, здоровый ударъ ножомъ сразилъ ее, и мы ее стащили въ оврагъ.

Немедленно позаботились мы о томъ, какъ бы сдѣлать наше убѣжище, по возможности, безопаснымъ, и съ этой цѣлью закрыли вѣтвями кустарниковъ отверстіе, о которомъ говорено выше, то самое, черезъ которое увидали клочокъ голубого неба, когда, поднявшись изъ пропасти, достигли платформы. Мы оставили только очень небольшое отверстіе, достаточно широкое, чтобы позволить намъ наблюдать за бухтой, не рискуя быть замѣченными снизу. Черезъ нашу щель мы слѣдили за всѣми движеніями дикарей.

Они окончательно ограбили шкуну и теперь собирались поджечь ее. Вскорѣ дымъ густыми столбами повалилъ изъ люка, а тамъ огненный столбъ взвился съ бака. Мачты, остатки парусовъ тотчасъ вспыхнули, пожаръ быстро распространился вдоль всей палубы. Толпа дикарей еще оставалась на шкунѣ, разбивая большими камнями, топорами, пушечными ядрами всѣ болты, всѣ оковки, всѣ мѣдныя украшенія. На берегу, на лодкахъ, на пармахъ было навѣрное тысячъ десять туземцевъ. Мы ожидали катастрофы, и надежда наша не обманула насъ. Первымъ симптомомъ было сильное содрасеніе. Дикари, очевидно, были удивлены и прервали на минуту свое занятіе и свои крики.

Они собирались уже вновь приняться за работу, какъ изъ пространства между деками вдругъ вырвалась масса дыму, потомъ, какъ бы изъ самихъ нѣдръ его, поднялся длинный и блестящій огненный столбъ; воздухъ въ одно мгновеніе наполнился страшной смѣсью дерева, металла, человѣческихъ членовъ, и наконецъ произошелъ, во всей силѣ своей, главный взрывъ, повалившій

насъ на землю, въ то время, какъ холмы отражали многоголосное эхо этого грома, и цѣлый дождь невидимыхъ простымъ глазомъ обломковъ осыпалъ насъ со всѣхъ сторонъ.

Опустошеніе среди туземцевъ превзошло самыя лучшія наши надежды; они пожали плоды своего предательства. Около тысячи человѣкъ погибло отъ взрыва, другая тысяча, по меньшей мѣрѣ, была страшно изувѣчена. Вся поверхность бухты была буквально усыяна этими несчастными, которые барахтались и тонули; на берегу дѣла шли еще хуже. Они казались совершенно перепуганными внезапностью и полнотой своего пораженія и не дѣлали никакихъ усилій, чтобы подать другъ другу помощь. Наконецъ мы замѣтили совершенную перемену въ ихъ настроеніи. Отъ полного оцѣпенѣнія они вдругъ перешли къ самой крайней степени возбужденія; они бросались въ разныя стороны, подбѣгали къ одному мѣсту у бухты и тотчасъ убѣгали, съ самымъ страннымъ выраженіемъ бѣшенства, страха и любопытства на лицѣ, вопя изо всей силы своихъ легкихъ: Текели-ли! Текели-ли!

Вскорѣ большая толпа удалилась въ горы, откуда черезъ нѣсколько времени вышла съ деревянными копьями. Они отнесли ихъ на то мѣсто, гдѣ происходила самая большая давка, и толпа раздалась, какъ-будто чтобы показать намъ предметъ, вызвавшій такое сильное волненіе. Мы увидали что-то бѣлое, лежавшее на землѣ, но не могли тотчасъ разобрать, что это такое. Наконецъ мы поняли, что это тѣло страннаго животнаго съ красными клыками и когтями, которое мы выудили 18-го января. Капитанъ приказалъ сохранить его, желая сдѣлать изъ него чучелу и привести его въ Англію. Оно было выброшено на берегъ взрывомъ, но вопросъ, почему оно вызвало такое сильное волненіе среди дикарей, превосходило наше пониманіе. Хотя толпа собралась не въ дальнемъ разстояніи отъ животнаго, никто изъ нихъ, повидному, не желалъ подойти къ нему ближе. Вскорѣ люди, вооруженные воями, вогнали ихъ въ землю вокругъ тѣла, и едва покончивъ съ эгой церемоніей, вся несмѣтная толпа ринулась вглубь острова, продолжая вопить: Текели-ли! Текели-ли!

Глава XXIII. — Лабиринтъ.

Въ теченіе слѣдующихъ шести или семи дней мы оставались въ своей засадѣ, выхода лишь нарѣдка, и всегда съ соблюденіемъ величайшихъ предосторожностей, за водой и орѣхами.

Мы устроили на платформѣ родъ хижины и мебелировали ее постелью изъ сухихъ листьевъ и тремя большими, плоскими камнями, которые служили намъ и каминомъ, и столомъ. Огня мы добыли безъ труда треніемъ другъ о друга двухъ кусковъ дерева, изъ которыхъ одинъ былъ мягкій, другой твердый. Птица, которую мы такъ кстати поймали, послужила намъ прекраснѣйшей пищей; но когда мы ее съѣли, оказалась положительная необходимость позаботиться о продовольствіи. Орѣхи не утоляли голода; кромѣ того, если мы, бывало, поѣдимъ ихъ вдоволь, у насъ дѣлались жестокія колики и даже сильныя головныя боли. Мы видѣли у берега нѣсколько крупныхъ черепахъ и поняли, что намъ легко будетъ завладѣть ими, лишь-бы удалось добраться до нихъ, не обративъ на себя вниманія туземцевъ. Мы рѣшились попытать счастья.

Сначала мы спустились вдоль южнаго ската холма, который, какъ намъ казалось, представлялъ менѣе препятствій; но едва мы прошли сто ярдовъ, какъ путь былъ намъ совершенно прегражденъ отлогомъ ущелья, въ которомъ погибли наши товарищи. Мы оглябли край его на пространствѣ около четверти мили, но насъ опять остановила пропасть неизмѣримой глубины, и такъ какъ намъ невозможно было спуститься въ нее, мы принуждены были возвратиться назадъ.

Мы направились на востокъ, но потерпѣли такую-же неудачу. Продѣлавъ съ часъ такую гимнастику, которая могла сломать намъ шею, мы наконецъ убѣдились, что просто спустились въ обширную пропасть изъ чернаго гранита, дно которой было покрыто тонкой пылью и откуда мы могли выбраться только по той-же дорогѣ, по какой спустились. Нечего дѣлать, опять поплелись по опасной дорогѣ, а затѣмъ испробовали сѣверный хребетъ горы. Тутъ мы вынуждены были двигаться со всевозможными предосторожностями, такъ какъ самая легкая неосторожность могла выдать наше присутствіе дикарямъ. Мы поползли на четверенькахъ; отъ времени до времени намъ приходилось ложиться на землю плашмя и тащиться, хватаясь за кустарники. Благодаря всѣмъ этимъ предосторожностямъ, мы прошли еще очень незначительную часть пути, какъ добрались до пропасти, еще болѣе глубокой, чѣмъ всѣ видѣнныя нами до сихъ поръ, которая вела прямо въ главное ущелье. Опасенія наши вполне подтвердились; мы были совершенно изолированы. Окончательно истомившись отъ всѣхъ этихъ усилій, мы возвратились на платформу, и бросившись на наше ложе изъ листьевъ, проспали нѣсколько часовъ глубокимъ и благотворнымъ сномъ.

Послѣ этого безплоднаго изслѣдованія, мы занимались въ течение нѣсколькихъ дней осмотромъ вершины горы съ цѣлью убѣдиться, какіе дѣйствительные ресурсы она могла намъ представить. Мы увидали, что здѣсь невозможно найти никакой пищи, за исключеніемъ вредныхъ орѣховъ и ложечной травы, которая росла на очень незначительномъ пространствѣ и скоро истощилась. 15-го февраля, насколько я помню, ея уже не оставалось ни былинки, орѣховъ становилось мало. Трудно было представить себѣ болѣе отчаянное положеніе. 16-го мы снова начали оглядывать ограды нашей тюрьмы въ надеждѣ найти какой-нибудь выходъ, но тщетно. Мы спустились также въ дыру, поглотившую насъ, съ слабой надеждой найти какое-нибудь отверстіе, ведущее въ главное ущелье. И въ этомъ намъ суждено было разочароваться; но мы нашли и принесли съ собой ружье.

17-го мы вышли, рѣшившись тщательно осмотрѣть пропасть изъ чернаго гранита, въ которую попали при нашей первой развѣдкѣ.

Намъ безъ труда удалось, какъ и въ первый разъ, достигнуть дна этого углубленія и осмотрѣть его на досугъ. Это было положительно одно изъ самыхъ странныхъ мѣстъ на свѣтѣ, и намъ было трудно повѣрить, чтобы оно было дѣломъ одной природы. Пропасть имѣла отъ восточнаго края до западнаго приблизительно 500 ярдовъ. Сначала, т.-е. на разстояніи ста футовъ отъ вершины холма, стѣны пропасти были очень мало похожи между собой и, казалось, никогда не были соединены, такъ какъ одна поверхность состояла изъ жировика, а другая изъ рухляка. Средняя широта или разстояніе между двумя стѣнами составляла 60 футовъ. Въ другихъ же мѣстахъ исчезала всякая правильность формаций. Тѣмъ не менѣе, спускаясь еще ниже, за указанную мною черту, разстояніе быстро сокращалось и стѣны становились параллельными, хотя еще на нѣкоторомъ разстояніи сохранялось различіе въ составѣ и характерѣ ихъ поверхности. На разстояніи пятидесяти футовъ начиналось полное однообразіе, стѣны оказывались совершенно схожими относительно состава, цвѣта и направленія; онѣ были изъ чернаго, очень блестящаго гранита, а разстояніе между обѣими сторонами составляло 20 ярдовъ.

Дно пропасти было покрыто фута на три почти неослабимой пылью, подъ которой мы снова нашли черный гранитъ. Вправо, съ нижняго края, находилось небольшое отверстіе. Мы направились въ нему, отстраняя груды мелкихъ и острыхъ камней. Тѣмъ не менѣе, мы готовы были упорствовать, замѣтивъ

слабый свѣтъ, который проникалъ съ противоположной стороны. Мы съ трудомъ пробрались на разстояніи тридцати футовъ и увидели, что это отверстіе было низкимъ сводомъ правильной формы, дно котораго было покрыто тою же неосязаемою пылью, которая покрывала дно главной пропасти. Яркій свѣтъ озарилъ насъ, и послѣ новаго усилія, мы очутились въ другой, высокой галлерей, исполнѣ похожей на ту, которую мы только-что оставили. Длина этой пропасти была 550 ярдовъ. Мы и здѣсь нашли небольшое отверстіе, похожее на то, чрезъ которое мы вышли изъ первой пропасти, также заваленное массой мелкихъ, желтоватыхъ камней. Мы проложили себѣ черезъ нихъ дорогу и увидели, что на разстояніи сорока футовъ находится третья пропасть. Длина ея—320 ярдовъ, съ одной стороны ея находится широкое отверстіе въ шесть приблизительно футовъ, углубляющееся въ скалу на разстояніи 15 футовъ и заканчивающееся слоемъ рухляка.

Далѣе не было другой пропасти, какъ мы впрочемъ того и ожидали. Мы готовы были оставить эту разсѣлину, въ которую свѣтъ едва проникалъ, когда Петерсъ обратилъ мое вниманіе на рядъ іероглифовъ, находившихся на поверхности рухляка, заканчивавшаго западню. Съ легкимъ усиліемъ воображенія можно было принять знакъ, находившійся съ лѣвой стороны, за грубое воспроизведеніе человѣческой фигуры съ протянутой рукой.

Другіе же знаки Петерсъ принялъ за буквы, но я скоро разубѣдилъ его въ этомъ, указавъ ему на нѣсколько большихъ кусковъ рухляка, валившихся на землѣ и соответствовавшихъ углубленіямъ въ стѣнѣ, чѣмъ ясно было доказано, что это дѣло одной природы.

Убѣдившись, что эти странныя углубленія не дадутъ намъ средства выбраться изъ нашей темницы, мы, унылые и полные отчаянія, выправились опять къ вершинѣ холма.

Глава XXIV.—Бѣгство.

20-го, видя, что намъ нѣтъ возможности долѣе питаться одними орѣхами, употребленіе которыхъ причиняло намъ жестокаго страданія, мы рѣшились сдѣлать отчаянную попытку спуститься по южному скату холма. Послѣ продолжительнаго осмотра мы открыли узкій проходъ, около двадцати футовъ ниже края пропасти; Петерсу удалось попасть въ него; я также спустился туда, хотя и съ большимъ трудомъ, и мы убѣдились, что есть возможность спуститься до самаго конца, вырѣзывая нашими но-

жами ступени въ стѣнѣ. Съ трудомъ можно себя представить, до какой степени предпріятіе наше было дерзко. Спустившись, наконецъ, съ помощью разныхъ хитростей и чрезвычайныхъ усилий, съ страшной высоты, мы прежде всего позаботились за-
паслись пищей и съ этой цѣлью отправились на охоту за чере-
паками. Едва сдѣлали мы сто ярдовъ, какъ пять дикарей бро-
сились на насъ изъ маленькой пещеры и оглушили Петерса
ударомъ дубины. Когда онъ упалъ, вся шайка кинулась на него,
боясь упустить изъ рукъ свою добычу, и тѣмъ дала мнѣ воз-
можность придти въ себя отъ изумленія. Я далъ по нападаю-
щимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пистолета; двое дикарей упали,
а третій, готовый въ эту минуту всадить въ Петерса копье,
вскочилъ на ноги и тѣмъ освободилъ моего товарища. Петерсъ
также имѣлъ пистолеты, но рѣшилъ, не пользуясь ими, вѣрнѣе
своей страшной мускульной силѣ. Овладевъ дубиной одного изъ
упавшихъ дикарей, онъ мгновенно снесъ черепъ тремъ оставшимся
въ живыхъ, тѣмъ оставилъ за нами поле битвы. Все это про-
изошло такъ быстро, что намъ едва вѣрилось, что это произошло
въ дѣйствительности; мы стояли воалѣ труповъ въ какомъ-то
странномъ созерцаніи, какъ вдругъ раздавшіеся вдали крики за-
ставили насъ очнуться. Ясно было, что выстрѣлы подняли на
ноги дикарей и что намъ представлялась большая опасность
быть накрытыми. Чтобы вернуться къ горѣ, намъ слѣдовало идти
въ направленіи криковъ, и еслибы даже мы имѣли возможность
достигнуть подошвы, намъ все же не удалось бы подняться на
гору, не будучи замѣченными. Положеніе наше было крайне
опасно, и мы не знали, въ которую сторону бѣжать, когда одинъ
изъ дикарей, котораго мы уже считали мертвымъ, быстро вско-
чилъ на ноги, пытаясь ударить. Мы захватили его, готовясь убить,
какъ вдругъ Петерсу пришло въ голову, что намъ можетъ быть
выгодно принудить его сопровождать насъ въ нашей попыткѣ
къ бѣгству. Мы потащили его съ собой, давая ему понять, что
убьемъ его, если онъ окажетъ малѣйшее сопротивленіе. Черезъ
нѣсколько минутъ онъ сдѣлался совершенно покорнымъ и слѣ-
довалъ за нами въ направленіи берега.

До сихъ поръ неровности почвы скрывали отъ насъ море, и
мы съ изумленіемъ увидали, что оно находится въ разстояніи
двухсотъ ярдовъ отъ насъ. Когда мы очутились у бухты, мы въ
великому ужасу нашему замѣтили, что огромная толпа тузем-
цевъ, вышедшихъ изъ селенія и двигавшихся со всѣхъ концовъ
острова, направляется на насъ съ воемъ дикихъ звѣрей и съ
угрожающими движеніями. Мы готовы были вернуться и попы-

таться вскачь убѣжища за неровностями почвы, какъ вдругъ увидѣли двѣ лодки. Мы бросились къ нимъ и, достигнувъ ихъ, убѣдились, что онѣ не заняты. Мы немедленно овладѣли одной изъ нихъ и, вмѣстѣ съ нашимъ плѣнникомъ, направились въ море. Не успѣли мы отплыть пятидесяти ярдовъ, какъ намъ стало ясно, что мы сдѣлали огромную ошибку, предоставивъ другую лодку дикарямъ, которые тѣмъ временемъ приближались къ бухтѣ и быстро продолжали свое движеніе. Времени терять было нельзя. Сомнительно было, чтобы при самыхъ большихъ усиліяхъ мы могли поспѣть во-время, чтобы раньше ихъ овладѣть лодкой. Дикари, быстро приближались къ намъ. Мы также гребли со всей энергіей отчаянія и когда достигли спорнаго пункта, нашли тамъ одного лишь дикаря, котораго заставили дорого заплатить за его чрезвычайное проворство; Петерсъ всадилъ ему пулю въ голову, когда онъ готовъ былъ ступить на берегъ. Когда мы завладѣли лодкой, передовые изъ дикарей находились отъ насъ на разстояніи двадцати или тридцати шаговъ. Мы сначала попытались было спустить лодку, но видя, что она слишкомъ глубоко ушла въ песокъ, Петерсъ, нѣсколькими ударами ружейнаго приклада разбилъ ее. Тогда мы снова вышли въ море и, на этотъ разъ избавились отъ опасности. Масса дикарей, достигнувъ разбитой лодки, подняла самый ужасный крикъ отчаянія, разочарованія. Ясно было, что мы не могли ожидать помилованія, еслибы попались имъ въ руки. Они сдѣлали безумную попытку преслѣдовать насъ на разбитой лодкѣ, но видя, что она ни къ чему болѣе служить не можетъ, выразили свое негодованіе новыми ужасными криками и снова бросились къ своимъ холмамъ.

Глава XXV.—Бѣлый великанъ.

Мы очутились въ громадномъ и уныломъ Антарктическомъ океанѣ, на легкой лодочкѣ, безъ всякихъ припасовъ, кромѣ трехъ найденныхъ въ ней черепакъ. Кромѣ того, не слѣдовало забывать, что недалеко до продолжительной полярной зимы и необходимо было зрѣло обдумать, какой путь избрать. Въ виду у насъ было шесть или семь острововъ, въ разстояніи пяти или шести миль другъ отъ друга, но они не манили насъ. Идя съ сѣвера на Jane Guu, мы постепенно оставили за собой страны льдовъ,—пытаться возвратиться на сѣверъ было бы безуміемъ, особенно въ такое позднее время года. Мы рѣшились смѣло держать на югъ.

До сихъ поръ Антарктическій океанъ не давалъ себя знать намъ сильными бурями или слишкомъ крупными волнами, но лодка наша была, чтобы не сказать больше, очень легкой постройки, не смотря на свои размѣры, и мы живо принялись за работу, чтобы исправить ее, насколько позволяли наши очень ограниченныя средства. Дно лодки составляла простая кора, — кора какого-то неизвѣстнаго дерева. Тимберсы были сдѣланы изъ крѣпкихъ, ивовыхъ побѣговъ. Отъ носа до кормы было пространство въ пятьдесятъ футовъ, на шесть футовъ ширины и четыре съ половиной глубины. Трудно намъ было повѣрить, чтобы лодка эта могла быть произведеніемъ владѣвшихъ ею невѣжественныхъ туземцевъ; нѣсколько дней спустя, мы узнали, отъ нашего плѣнника, что лодки эти, дѣйствительно, были построены обитателями группы острововъ, лежавшей на юго-западъ отъ страны, въ которой мы ихъ нашли, а въ руки нашихъ ужасныхъ варваровъ попали случайно.

То, что мы могли сдѣлать для исправленія нашей лодки, были сущіе пустяки. Мы замѣтили нѣсколько широкихъ щелей на обонхъ концахъ и ухитрились заткнуть ихъ ключами отъ нашихъ шерстяныхъ рубашекъ. Съ помощью липкихъ веселъ мы устроили вокругъ носа родъ панциря, съ цѣлю ослабить силу волнъ. Мы поставили два весла, вмѣсто мачтъ, одно противъ другого. Къ этимъ мачтамъ мы привязали парусъ, сдѣланный изъ нашихъ рубашекъ, что было не легко, такъ какъ намъ, въ этомъ случаѣ, невозможно было добиться помощи отъ нашего плѣнника, хотя онъ не отказывался помогать при всѣхъ другихъ операціяхъ. Видъ холста дѣйствовалъ на него самымъ страннымъ образомъ. Мы никакъ не могли убѣдить его прикоснуться и даже приблизиться къ нему; онъ задрожалъ, когда мы захотѣли употребить силу, и закричалъ во все горло: Текели-ли!

Покончивъ со всѣми нашими приготовленіями, мы пошли на юго-востокъ, а тамъ повернули и прямо на югъ. Погоду никакъ нельзя было назвать неприятой. Съ сѣвера постоянно дулъ очень легкій вѣтерокъ, море было очень гладкое, свѣтъ постоянный. Мы убили самую крупную изъ нашихъ черепахъ, она дала намъ не только пищу, но и обильный запасъ воды, и продолжали свой путь, безъ особенныхъ событій, въ теченіе семи или восьми дней; за это время мы, должно быть, быстро подвигались къ югу, такъ какъ вѣтеръ былъ намъ постоянно благопріятный, и сильное теченіе уносило насъ туда, куда мы сами стремились.

1-го марта. Нѣсколько необыкновенныхъ явленій доказали намъ, что мы вступаемъ въ страну новиннокъ и чудесъ. Высокая

забѣса изъ легкаго, сѣраго пара постоянно являлась на южной сторонѣ горизонта, то расширяясь и разукрашиваясь, благодаря длиннымъ, свѣтовымъ полосамъ, идущимъ то съ востока на западъ, то съ запада на востокъ, то снова сжимаясь, такъ что вершина ея представляла одну ровную линію, короче обнаруживая изъ удивительныя видоизмѣненія сѣвернаго сіянія. Температура моря, казалось, возвышалась съ каждымъ мгновеніемъ, цвѣтъ его замѣтно измѣнился.

2-го марта. Сегодня мы узнали отъ нашего плѣнника нѣсколько подробностей касательно острова, на которомъ произошло похищеніе, его жителей, и ихъ обычаевъ. Узнали, что группа состоитъ изъ восьми острововъ; что они управляются однимъ королемъ, котораго зовутъ Тсалемонъ или Псалемунъ, живущимъ на самомъ маленькомъ островѣ; что черный мѣхъ, составляющій одежду воиновъ, даетъ громадное животное, которое водится только въ долинѣ близъ резиденціи короля; что жители этихъ острововъ не строятъ другихъ судовъ, кромѣ плоскодонныхъ паромовъ; что его самого зовутъ Ну-Ну и что названіе только-что покинутаго нами острова—Тсалаль.

3-го марта. Температура воды была чрезвычайно высока и цвѣтъ ея, постоянно измѣняясь, скоро потерялъ свою прозрачность и принялъ молочный оттѣнокъ. Вокругъ насъ море было всегда спокойно, но мы съ удивленіемъ замѣчали, справа и слева, на различныхъ разстояніяхъ внезапныя и быстрыя поверхностныя волненія, которымъ, какъ мы скоро убѣдились, всегда предшествовали странныя колебанія въ области сѣроватаго пара на южной сторонѣ горизонта.

4-го марта. Такъ какъ сѣверный вѣтеръ значительно ослабѣвалъ, я, съ цѣлю увеличить нашъ парусъ, вытащилъ изъ кармана бѣлый платокъ. Ну-Ну сидѣлъ подлѣ меня, и когда платокъ коснулся его лица, впалъ въ сильныя конвульсіи, за которыми послѣдовалъ полный упадокъ силъ и полное оцѣпенѣніе.

5-го марта. Вѣтеръ совершенно стихъ, но было очевидно, что сильное теченіе продолжало увлекать насъ къ югу. Не смотря на странный оборотъ, какой принимало наше путешествіе, мы не чувствовали никакого страха. Полярная зима очевидно приближалась, но безъ связанныхъ съ нею ужасовъ. Я испытывалъ физическое и нравственное безсиліе и только.

6-го марта. Паръ поднялся на нѣсколько градусовъ выше горизонта и мало-по-малу утрачивалъ свой сѣроватый цвѣтъ. Температура воды была чрезмерно высока, а цвѣтъ ея совершенно молочный. Въ этотъ день было сильное волненіе возлѣ самой

лодки. Бѣлая, очень тонкая пыль, похожая на пепелъ, сыпалась на лодку и покрыла поверхность моря на значительное пространство, тогда какъ трепетаніе свѣтовыхъ частей пара исчезало и волненіе стихало. Ну-Ну бросился на дно лодки лицомъ внизъ и невозможно было убѣдить его подняться.

7-го марта. Мы разспрашивали Ну-ну о причинахъ, побудившихъ его соотечественниковъ уничтожить нашихъ товарищей, но онъ находился въ такомъ страхѣ, что не было возможности добиться отъ него благоразумнаго отвѣта. Онъ продолжалъ лежать на днѣ лодки и отвѣчалъ на наши вопросы лишь одними идіотскими жестами.

9-го марта. Пепелъ продолжалъ сыпаться вокругъ насъ въ огромномъ количествѣ. Паровая завѣса на югѣ поднялась на значительную высоту надъ горизонтомъ и начала принимать нѣкоторую опредѣленность формы. Я могъ сравнить ее лишь съ безграничнымъ водопадомъ, тихо ниспадавшимъ въ море съ высоты огромнаго вала, доходившаго до неба. Гигантская завѣса застила всю южную сторону горизонта.

21-го марта. Глубокій мракъ окружалъ насъ, но изъ глубины океана истекалъ блестящій свѣтъ, касавшійся нашей лодки. Мы были почти подавлены пепельнымъ ливнемъ, который засыпалъ насъ и лодку, но таялъ, падая въ воду. Вершина водопада совершенно терялась во мракѣ и въ пространствѣ. Было, тѣмъ не менѣе, очевидно, что мы приближались къ нему съ страшной быстротой. По временамъ, среди этой пелены, зіяли широкія отверстія; черезъ эти отверстія, за которыми волновалась неопредѣленная масса образовъ, прощепали сильные порывы вѣтра, волновавшіе огненный океанъ.

22-го марта. Мракъ еще болѣе сгустился и лишь нѣсколько умирался свѣтомъ воды, отражавшей натаченную предъ нами бѣлую завѣсу. Множество гигантскихъ, бѣлыхъ птицъ вылетали изъ-за таинственной завѣсы съ неизмѣннымъ крикомъ: тежеля-ли! Ну-ну слегка пошевелился на днѣ лодки; но дотронувшись до него, мы убѣдились, что онъ пересталъ существовать. Тогда мы ринулись въ вѣдра водопада, среди которыхъ разверзлась бездна какъ бы для того, чтобы принять насъ; но въ эту минуту поперекъ нашего пути явился окутанный покрываломъ человѣческій образъ, размѣрами своими далеко превосходящій обитателей земли.

Цвѣтъ кожи этого видѣнія былъ бѣлоснѣжный.

О. П.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

Лсбѣ колосевъ мягкій порохъ
И ясную лазурь,
Я не любилъ, любуясь нивой,
Ни темныхъ тучъ, ни бурь...
Но налетѣла туча съ градомъ,
Шумить-гремять во мглѣ;
И я съ колосьями, какъ колось,
Прибитъ къ сырой землѣ...
Къ сырой землѣ прибитъ—и стыну,
Разбитый и нѣмой,
И ужъ не все-ль равно мнѣ—солнце
Иль туча надо мной!?

2.

Глаза и умъ, и вся блестяшь ты,
Невзгодъ житейскихъ далека...
И молча взоромъ говоришь ты,
Какъ ночью лампа маяка...
Но я, пловецъ,—завидя пламень,
Своимъ спасеньемъ дорожу,
И, обходя подводный камень,
Отъ блеска дальше ухожу...

Вотъ, если-бъ я волной былъ шумной —
 Вѣтрамъ послушною волной,
 Съ какой бы ропотной мольбой,
 Съ какой бы страстью вольнодумной
 Примчался я къ твоимъ стопамъ,
 Чтобъ хоть на малое мгновенье
 Выиграть-разбиться и — слезамъ
 Давъ волю, выплакать забвенье
 Своимъ безумствамъ и страстямъ.

3.

Я умеръ, и мой духъ умчался въ тотъ вѣтеръ,
 Что сотканъ звѣздными лучами;
 Я не могу къ тебѣ вернуться въ пыльный мѣръ
 Съ его порокомъ и цѣпами.

Прощай! Ты слышишь дня однообразный гулъ
 И для тебя онъ скучно-свѣтелъ;
 Но день твой предо мной какъ молнія мелькнулъ,
 И въ немъ тебя я не замѣтилъ.

Ты видишь ночи тѣнь вдетъ на смѣну дня;
 Но я твоей не вижу ночи;
 Какое жъ дѣло мнѣ, ты любишь ли меня
 Или другому смотришь въ очи...

Я на землѣ постигъ измѣнчивость страстей:
 Смерть погасила жаръ недужный...
 Не бойся жъ ревности и не проси моей
 Взаимности, тебѣ не нужной...

Я. Полонскій.

ВЪ МАРЕММЪ

ОЦЕРКИ ИЗЪ РОМАНА УЙДА.

I.

Въ Гроссето большое оживленіе. День торговый, когда со всѣхъ окрестныхъ холмовъ стекается туда рабочій людъ для присканія занятій. Октябрь на дворѣ. Воздухъ посвѣжѣлъ, лихорадки исчезли и съ наступленіемъ осени жизнь въ Мареммѣ проснулась. Населеніе Мареммы истощено лихорадками, но Лукка и Пистойя снабжаютъ ее крѣпкими и здоровыми работниками. Мѣстные дѣвушки отдаютъ предпочтеніе сосѣдямъ. Послѣдніе не могутъ служить примѣромъ вѣрности и часто покинутая, въ своей глѣбѣ, жалуется на измѣну друга. Сегодня въ Гроссето произошло большое смятеніе. Ночью карабинеры привезли въ городъ только-что схваченнаго атамана разбойничьей шайки въ горахъ Санта-Фиора, Сатурнино Мастарну.

Симпатіи народа всѣ на его сторонѣ. Онъ не обиралъ бѣдника, былъ набоженъ, убивалъ только богатыхъ да иностранцевъ. Разказы о немъ сокращали длинные зимніе вечера. «Это нашъ Мастарна», говорилъ съ участіемъ къ его судьбѣ простолюдинъ. Для Мареммы Мастарна былъ героемъ. Мѣстные власти смотрѣли на него сквозь пальцы, зная, что поимка его произведетъ дурное впечатлѣніе на народъ. Только убійство важнаго иностранца вынудило правительство схватить разбойника.

Глаза всѣхъ устремлены на тюрьму. Вотъ показался Мастарна. Руки его связаны и самъ онъ крѣпко привязанъ къ сѣдлу. Онъ мрачно поводитъ своими громадными черными глазами; у него длинные, въющіеся на концахъ, волосы, черты лица правильны

и красивы, полныя губы ярко-краснаго цвѣта, лобъ низкій, широкія плечи и грудь. Одѣтъ онъ въ куртку изъ козей шкуры, штаны изъ невыдѣланной кожи, поясъ ярко-краснаго цвѣта, шляпа съ широкими полями и золотымъ шнуромъ, придерживающимъ образокъ Мадонны.

Если бы въ эту минуту нашелся смѣльчакъ, Мастарна былъ бы освобожденъ, но итальянецъ много болтаетъ а на дѣло рѣшается не скоро.

Изъ толпы вышла старуха съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами и голубыми глазами; ея наружность и произношеніе рѣзко отличались отъ остальныхъ. Когда-то Мастарна спасъ ея внучка, заблудившагося въ лѣсу. Старушка даже ходила благодарить его и благословила образкомъ Мадонны. Теперь ей хотѣлось угостить его виномъ за его доброе дѣло. Карабинеры съ трудомъ, но пропустили ее къ нему.

— Выпей вина, Мастарна, — сказала она, поднося ему стопку.

— Это ты, Джоконда? — сказалъ онъ, но до вина не дотронулся.

— Да, это я, Джоконда; какимъ образомъ ты попался?

— Мнѣ измѣнили... Джоконда, я сналъ когда-то твоего мальчишку, — сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту.

— Да. Ты — душегубецъ; но моего внучка ты спасъ. Оттого мнѣ и жалъ тебя.

— Такъ спаси мою малютку.

— А у тебя есть ребенокъ?

— Есть, и я люблю его.

Старушка обѣщаетъ ему взять ребенка и тогда Мастарна выпиваетъ поднесенное ею вино. Она сняла у него со шлани образокъ Мадонны, благословеніе его умершей подруги, красавицы Серапин, матери ребенка. Два раза въ годъ Джоконда Романелли прѣзжала въ Гроссето для сбыта своей пряжи и полотна, которое ткала сама, и для закупокъ. Орбетелло было ближе отъ Санта-Торсилла, гдѣ она жила, но въ Гроссето народъ былъ честнѣе, по ея мнѣнію. Она запрягла мула. Путь ея лежалъ черезъ пустынные окрестности Гроссето, черезъ каменоломни Альбереза, дороги были очень плохи и узки и шли по болотистой почвѣ. Вотъ показался песчаный берегъ съ росшими на немъ тощими алоэ. Вдали видѣлись Апеннины а на поверхности моря выступалъ островъ Джильо, поросшій лѣсомъ. Она дома.

Санта-Торсилла, скорѣе деревушка, — но ее почему-то называютъ городомъ, — лежитъ у небольшого залива. Въ далекомъ прошломъ онъ былъ морскимъ портомъ этрусковъ. Но съ тѣхъ

поръ море ушло на цѣлую милю отъ берега. Народонаселеніе очень малочисленное, бѣдное, занимается мелкою торговлею: рыбою, камнями и углемъ.

Домикъ Джоконды стоялъ подлѣ гавани. Онъ былъ каменный, на дубовомъ срубѣ. Большая дубовая дверь защищала входъ, подоконники были зазубрены, а на окнахъ рѣшетки изъ проволоки. Полъ и потолки были каменные. Кровля крыта красною черепицею. Сама она занимала двѣ комнаты, третью предоставляла мулу, курамъ и большой черной свиньѣ. Для варки пищи былъ открытый очагъ.

Задавъ корму мулу, она спрятала въ надежное мѣсто деньги и приготовила себѣ скромный ужинъ изъ овощей. Кумушки, узнавъ о ея возвращеніи, прибѣжали ее спросить о новостяхъ и въ особенности о Сатурнино. Но она была не словоохотлива. Сорокъ лѣтъ уже она вдовѣла, жила одиноко, похоронивъ всѣхъ своихъ, даже мальчика, спасеннаго Сатурнино; она мало сообщалась съ окружающими ее. Мужъ привезъ ее изъ Нижней Савойи. Родные ея не хотѣли этого брака. Но человѣкъ ей нравился и она послѣдовала за нимъ, не боясь гнилого воздуха Мареммы. Сначала дѣла шли хорошо. У него была своя тартана, но счастье измѣнилось, пришлось продать тартану. Онъ занялся рыбною ловлею и утонулъ. Съ тѣхъ поръ, какъ нужда посѣтила ее, Джоконда не писала роднымъ: изъ гордости ей не хотѣлось писать имъ о своемъ горѣ. Такъ прекратились ея сношенія съ семейю.

Крѣпко уснула старушка, но всю ночь ей грезился Сатурнино. Она встала рано съ твердымъ рѣшеніемъ идти въ покинутое имъ гнѣздо на вершинѣ горы Фіора и взять ребенка. Надѣвъ котомку и взявъ крѣпкую палку, она пустилась въ путь. Онъ былъ не близкій и трудный. На горахъ Санта-Фіора почти нѣтъ дорогъ; онѣ покрыты густою растительностью, безмолвіе нарушается только крикомъ выпи, звономъ колокольчика пасущихся овецъ или ковъ, громко жующихъ сочную траву.

На этихъ густо заросшихъ лѣсомъ обрывавъ стояла когда-то Сатурнія; остатки стѣнъ ея еще видны до сихъ поръ, обросшіе лавромъ, буксомъ и мышьимъ тѣрномъ. Тутъ недалеко родился Сатурнино сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ; тутъ есть кабачокъ, обычные посѣтители котораго—пастухи, дровосѣки и погонщики муловъ.

Джоконда поднимается все выше и выше; уже вмѣсто дубовъ и пробочнаго дерева ей попадаются по дорогѣ одні сосны; она ступаетъ по глыбамъ гранита, разбросаннымъ по крутому

подъему: Снѣгъ покрываетъ вершины. Снѣжій, но холодный, вѣтеръ напомнилъ ей родную Савойю. Кругомъ ничего. Вотъ нѣсколько домиковъ, сложенныхъ изъ камня. Но вездѣ пусто. Только лужи крови и ломанное оружіе свидѣлствуютъ о бывшей рѣвнѣ. Она крикнула. Отвѣта нѣтъ. Но вотъ послышался лай собаки. Она идетъ по его направленію въ крайній домикъ. Дверь легко отворилась. Ея глазамъ представилась странная картина. Кругомъ повсюду были разбросаны драгоцѣнности: доротія шали, вавры, золото, камни, а посреди комнаты на полу спала дѣвочка лѣтъ двухъ съ небольшимъ; подлѣ нея, прикрывая ее своимъ тѣломъ, стояла громадная бѣлая собака. Щечки ребенка разгорѣлись, длинныя черныя рѣсницы были спущены, золотистые локоны разметались подъ головкой; въ рученѣхъ дѣвочка сжимала сухую корку хлѣба. Собака заворчала, но обнюхавъ старуху, позволила ей взять ребенка. Не дотронувшись ни до чего, Джоконда завернула дѣвочку въ платокъ и пустилась въ обратный путь. Собака была одной породы съ вѣрною собакою Одиссея. Она послѣдовала за ними. За ея чудную пушистую шерсть, Джоконда назвала ее Леоне.

Дѣвочку окрестили и назвали Маріей. Только одного священника посвятила Джоконда въ свою тайну. На распросы остальныхъ коротко отвѣчала, что ребенка и собаку оставила ей умершая пріятельница. Болтать и объявлять, что это дочь Сатурнино, было совершенно лишнее. Дѣвочку бы только избаловали и испортили изъ любви къ отцу. А Сатурнино былъ не далеко. Его заключили въ кандалы на островѣ Горгона. Время прошло быстро. Дѣвочкѣ уже шесть лѣтъ. Она стройная, какъ пальмочка, съ живыми темными глазами; своимъ здоровымъ видомъ она рѣзко выдѣляется отъ остальныхъ. Въ Италіи часто встрѣчаются дѣти, напоминающія ангеловъ, писанныхъ великими мастерами. Дѣвочка походила на нихъ, только у нея не было кротости въ глазахъ, а ротикъ часто складывался въ презрительную усмѣшку. Но черты ея были очень схожи съ чертами лица архангела Гавріила Карло Дольче, плохая копія котораго, современная художнику, находилась въ единственной церкви Санта-Торсилла.

У дѣвочки была страсть къ морю. Она купалась во всякую погоду. «*C'è una vela*»: точно чайка, — сказать про нее рыбаки, примѣчая ее между пѣнившимися волнами.

Никто не звалъ ее Маріей къ большому горю Джоконды, а кто — Веліей (чайкой), кто еще Музонгеллой (спѣсивой). Последнее прозваніе ей дали ребятишки за то, что она отворачивалась отъ

нихъ и не хотѣла съ ними играть ¹⁾. Когда священникъ говорилъ дѣвочкѣ о Богѣ и Его святыхъ, она отвѣчала: «какое мнѣ до нихъ дѣло». Ее гораздо болѣе интересовали рыбы, пойманныя въ сѣти; ей было жаль ихъ и она часто бережно вынимала ихъ изъ невода и слѣдила какъ рыбки быстро уплывали. Частенько доставалось ей за это.

Никто не смѣлъ обидѣть ея друга Леоне. Плохо приходилось тому. Разъ она чуть не бросила горящую головней въ обидчика, а въ другой—съ ножомъ кинулась на человѣка, который пустил въ Леоне камень. Джоконда наказала ее за это, но убѣдить ее въ томъ, что она поступила дурно, не могла.—Леоне кусаетъ же тѣхъ, кто обижаетъ меня,—утверждала дѣвочка.

Молодой рыбакъ подарилъ ей коралловую вѣтку.—Какой чудный цвѣтъ,—замѣтила ея сверстница.—Когда подростемъ и пойдѣмъ съ муломъ въ городъ,—замѣтила другая постарше,—давай сдѣлать изъ нея бусы.—Но у дѣвочки было другое на умѣ. Она взяла лодку старика Андреино и направилась въ море туда, гдѣ росли кораллы.

Вода была прозрачная. Дѣвочка бросила вѣтку въ море и съ радостью слѣдила какъ вѣтка медленно опускалась въ пучину.

Наклонности дѣвочки пугали Джоконду. «На что бы она была способна,—думала старушка,—если бы узнала, что ея отецъ томится въ неволѣ!» Вѣчно одна, дѣвочка только въ церкви сидѣла смирно, слушая органъ или пѣніе. Часто ея звонкій голосъ присоединялся къ хору. Инстинктивно ее влекло все прекрасное. До восьми лѣтъ она жила, не отдавая себѣ отчета. Но вотъ однажды она спросила Джоконду:

— Ты—моя мать?

На суровомъ лицѣ Джоконды показалась улыбка.

— Боже! дитя—мнѣ вѣдь больше семидесяти лѣтъ!

— Гдѣ же моя мать?

— На небесахъ,—сказала Джоконда, а подумала она: «на вѣрное въ аду, бѣдняжка!»

Дѣвочка задумалась.

— А гдѣ же отецъ?

— Къ чему ты спрашиваешь?

— Потому что у другихъ есть и отецъ и мать, а мои гдѣ? Этого вопроса Джоконда давно ждала и боялась.

— Отецъ твой умеръ.

¹⁾ Far il muso,—надуваться, спѣсивиться.

— Потонулъ въ морѣ?—спросила дѣвочка.—Въ Санто-Торсилла часто люди тонули.

— Да,—сказала Джоконда, глядя на сѣверъ, гдѣ была Горгона.

— На рыбной ловлѣ?—спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, милочка,—сказала Джоконда и сердце ея болѣзненно сжалось. — Нѣтъ, милая, онъ былъ горецъ, онъ жилъ тамъ на верху въ горахъ; не думай объ этомъ, не надо.

Дѣвочка не поняла ничего; она насупила брови и задумалась, стиснувъ зубы.

— Мнѣ кажется, я помню его,—медленно вымолвила она наконецъ.—Я помню, какъ онъ цѣловалъ меня и въ эту минуту я задѣла за что-то холодное, блестящее и мнѣ стало больно; тогда онъ положилъ это въ сторону, потомъ помню дымъ, крики, выстрѣлы; тогда я испугалась и подползла подъ Леоне и спряталась. Я помню это хорошо.

— Ты видѣла это во снѣ,—сказала Джоконда рѣзко. Ей было тяжело, что это что-то холодное и блестящее безъ сомнѣнія былъ кинжалъ, обогранный кровью не одной жертвы и задѣвший дѣвочку. Но дѣвочка качала головою и стояла на своемъ.

— Нѣтъ, я хорошо помню.

— Хорошо, что животные не могутъ говорить,—подумала старушка, когда дѣвочка сѣла на полъ, нѣжно обвивъ руками шею Леоне.

Время не стоитъ. Музонгеллѣ уже пятнадцатый годъ.

— Господи, ты скоро уже будешь взрослою дѣвушкой,—говорила старушка, съ трепетомъ глядя на развивающуюся красоту дѣвушки.

— А ты бы хотѣла, чтобъ я была мальчикомъ. Не все ли равно? Я работаю не хуже мужчины. Жаль одного, что у меня нѣтъ своей лодки.

— Подумала ты когда-нибудь о томъ, что я умру?

— Умрешь!.. Т.-е. какъ это? Когда уходятъ люди въ землю, какъ и все остальное; потомъ говорятъ, идутъ къ Богу,—я такъ слышала. А ты развѣ хочешь умереть?

— Хочу или нѣтъ, а придется. Ну что ты тогда намѣрена дѣлать?

— Не знаю.

Помолчавъ, Музонгелла прибавила:—Я брошусь въ море и умру.

— Ты! Я говорю о себѣ.

— Да, я тоже умру, если ты умрешь.

Старушка была глубоко тронута, но со страхомъ взглянула на дѣвочку.

— Такъ ты меня такъ крѣпко любишь?

— А это любовь?—спросила дѣвочка.—Мнѣ бы не хотѣлось жить безъ тебя; не знаю, это ли ты называешь любовью.

— Конечно, это любовь,—сказала Джоконда.

Глаза бабушки наполнились слезами. Всегда ли Музонгелла будетъ довольна своимъ житьемъ и окружающею ее средою. Пока она была вполне довольна тою одеждою, которую ткала для нея бабушка: суровое полотняное—лѣтомъ, зимою—изъ бѣлой или синей шерсти. Но что будетъ дальше? Лучше бы всего ей выйти замужъ. Но изъ нея не выйдетъ домовитой хозяйки.

Когда бабушка предложила ей помѣстить ее въ общину сестеръ, ходившихъ за больными, Муза воспротивилась: она задохнется въ четырехъ стѣнахъ.

— Черезъ годъ тебя возьметъ какой-нибудь рыбакъ.

— Нѣтъ, не возьметъ,—сказала дѣвушка, не понимая словъ бабушки.—Молодые завидуютъ моей силѣ. Старики берутъ меня съ собою, они добрые, въ особенности старый Андреино.

Джоконда не объяснила ей то, что подразумевала.

«Сама скоро сообразить», подумала она, а громко прибавила:

— Донъ Пьетро говорить, что ты поешь какъ ангелъ. Это лучше, чѣмъ править лодкою; это пріятно Господу.

— Я пою только для себя,—сказала дѣвочка,—и люблю пѣть на морѣ. Въ церкви пыльно и душно, это не по мнѣ.

— Замолчи! замолчи! Церковь—святое мѣсто, а въ морѣ можно утонуть.

— Славная смерть,—сказала Муза безпечно.

Джоконда вздрогнула.

— На днѣ моря столько чудеснаго,—прибавила дѣвочка.

— Дитя, не толкуй о такихъ вещахъ; смерть не шутка и море измѣнчиво.

— Море хорошо,—вступилась Муза, точно обижаютъ кого-нибудь ей дорогого.—Оно лучше земли. Ты бы хотѣла, чтобы я была мальчикомъ, а я сама очень бы желала быть морскою чайкой.

— Чайка не поетъ.

— Летать лучше, чѣмъ пѣть. Я вѣдь не сама пою, а у меня что-то поетъ въ горлѣ, но когда я плаваю или ныряю, я вся тутъ.

Муза любила трудъ на открытомъ воздухѣ, только бы ее не запирали въ комнату. За ночь море нанесло на берегъ много

водорослей. Она взяла грабли, собрала траву и переносила ее въ стойло къ мулу. Нароботавшись, она попросила у баловашаго ее Андреино лодку. Старики часто заглядывали на выросшшую красавицу, думая о ней для своего внука Нандо. Отувившись въ открытомъ морѣ, Муза была счастлива и довольна. Дулъ южный попутный вѣтеръ и лодочка быстро неслась по волнамъ. Изрѣдка Муза бралась за весла. Море было тихо, прелестно въ это свѣтлое утро. Берегъ исчезъ. На горизонтѣ видѣлись плывшіе корабли. Въ дали, закутанные туманомъ, неясно выдѣлялись Корсика и Каприя. Эльба была недалеко. Дѣвушка безсознательно правила на сѣверъ по направленію острова Горгоны. Она причалила къ утесу Сассо-Скритто, ея любимое мѣсто, которое она часто посѣщала въ праздничные дни. Это былъ цѣлый рядъ скалъ, у подножія которыхъ шла песчаная береговая полоса въ уровень съ моремъ, а за ними тянулось безконечное пространство, поросшее верескомъ, молодымъ кустарникомъ, лѣсомъ; кое-гдѣ попадались болота, потоки перерѣзывали поляны, а громадныя лужи стоячей воды заросли тростникомъ; а въ маѣ мѣсяцѣ и рисъ голубою лентою своихъ цвѣтовъ опоясывалъ эти воды, отъ испареній которыхъ такъ страдали жители Мареммы. Въ лѣсахъ росли колючіе кустарники, въ нихъ вили гнѣзда хищныя птицы. Тишина нарушалась только крикомъ этихъ птицъ, свистомъ бекаса, или хрюканьемъ кабана. А между тѣмъ тутъ когда-то стояли города, красовались дворцы и башни, теперь же все заросло терніемъ и душистыми бобками; желтая болотная лилія, пурпуровая и розовая анемона, вѣтреница, пунцовые тюльпаны, золотоцвѣтъ и другіе цвѣты пестрымъ ковромъ покрыли мѣстность, гдѣ жилъ въ давно прошедшее время славный и сильный народъ.

Сассо-Скритто былъ крутой и высокій утесъ; на вершинѣ его находились развалины крѣпости, по склонамъ росли мирты, алоэ и розмаринъ, у подножія лежали глыбы бѣло-розоваго мрамора. На пескѣ у моря пестрѣли царскія кудри и кусты пахучаго божьяго дерева. Морской берегъ густо заросъ тростникомъ, въ которомъ куликъ клалъ свои яйца, высоко въ воздухѣ носился кондоръ, перетаскивая въ свое гнѣздо, свитое въ развалинахъ или въ пещерахъ, сухія вѣтки и траву.

Муза любила лежать тутъ въ травѣ, слѣдя за полетомъ фламинговъ, которые подобно розовому облаку съ наступленіемъ весны прилетали съ береговъ Сардиніи, за работою дроздовъ, копавшихся въ пескѣ, за утками, собиравшимися отлетѣть на сѣверъ, за водяными ласточками, охотившимися на комаровъ и

игушекъ. Тутъ она знакомилась и дружилась съ этимъ міромъ, который ей былъ гораздо дороже и привлекательнѣе, чѣмъ міръ Санта-Торсилла. Спустившись съ утеса, она чувствовала себя счастливою и довольною на этомъ громадномъ пространствѣ, гдѣ паслись стада буйволовъ, бѣгали кабаны—они не трогали ее—и жились серны. Безъ усталы въ самый палачій зной бродила Муза по травѣ и лѣсу. Она была необыкновенно сильна и здорова. Лихорадка ни разу не коснулась ея. Ступивъ на одинъ изъ возвышавшихся холмиковъ, она вдругъ почувствовала, что земли уходитъ подъ нею, схватившись за вѣтвь можжевельника, она встала на ноги и увидѣла отверстіе въ землѣ.—Вѣроятно, жилище одного изъ ея друзей; ей захотѣлось узнать, чье именно, и вотъ она стала выдергивать траву и мохъ; въ этомъ мѣстѣ въ особенности растительность была очень богата, и глазамъ ея представилась каменная лѣстница, спускающаяся внизъ. Страхъ ей не былъ знакомъ, любопытство разгоралось, а предприимчивый характеръ не далъ долго задуматься. И вотъ она вся съежившись, съ большимъ трудомъ сошла по ступенямъ въ подземелье. Блѣдные лучи солнца освѣщали ей путь. Лѣстница оканчивалась портикомъ; по бокамъ его были высѣчены въ скалѣ съ одной стороны фигура крылатого генія, державшаго факелъ, съ другой—лежащаго льва. Ступени и портикъ заросли травой и какими-то колючимъ кустарникомъ. Съ помощію ножа, который она всегда носила съ собою, ей удалось пробить себѣ дорогу далѣе. Она очутилась въ четырехъ-угольной комнатѣ, выбитой въ скалѣ; въ углу въ нишѣ, имѣвшей видъ собачьей конуры, лежала горсть пепла и стояла урна изъ глины чернаго и краснаго цвѣта. Царствовалъ полнѣйшій мракъ. Муза никакъ не могла отдать себѣ отчета, гдѣ она и что все это значить. Къ сожалѣнію, подлѣ нея не было ученаго, который, объяснилъ бы ей, что это—преддверіе въ семейному склепу (*cellula genitoris*), пепелъ принадлежитъ любимой собакѣ, а въ урнѣ хранится безъ сомнѣнія пепелъ вѣрнаго раба; сожигали только группы низшихъ существъ; господинъ долженъ лежать въ слѣдующемъ покоѣ¹⁾.

Появленіе Музы спугнуло громадную сову; она тяжело, шлепая крыльями, пролетѣла мимо нея; стаи летучихъ мышей съ пискомъ заматались взадъ и впередъ. Въ глубинѣ Муза разглядѣла, наконецъ, дверь съ какимъ-то страннымъ изображеніемъ (это была фигура Тифона съ злымъ лицомъ и локонами, пере-

¹⁾ Замѣтимъ, что рассказъ Уйда привязанъ къ одному дѣйствительному открытію памятниковъ этрусской древности этого рода, въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка.—Пр. пер.

витыми гирляндю цвѣтовъ). Дверь не подавалась. Музѣ пришлось употребить много усилій; точно невидимая сила сзади придерживала ее. Комната тоже была высѣчена въ скалы, по обѣимъ сторонамъ входа лежали каменные львы. Ей стало страшно. Между тѣмъ вмѣстѣ съ нею въ подземелье проникъ свѣжій воздухъ и солнце. Вокругъ стѣнъ тянулись каменные скамейки; на нихъ и на каменныхъ же сидѣньяхъ стояли вазы и кувшины, выдѣланные изъ черной и изъ бѣлой, раскрашенной разными цвѣтами глины; тутъ же стояли бронзовыя лампы, надѣвныя изъ янтаря и слоновой кости. Арка въ стѣнѣ вела въ другое болѣе обширное помѣщеніе. Какъ вкопанная остановилась Муза у входа передъ тѣмъ, что представилось ей глазамъ. На стѣнахъ этого покоя были нарисованы всевозможныя фигуры: однѣ пировали за столомъ, другія танцевали передъ алтарями, третьи вели въ поводу какихъ-то особенныхъ животныхъ, четвертыя играли на лирахъ, пятны ѣхали на коняхъ всевозможной масти. Эти изображенія окаймляли гирлянды лотуса. На эти подробности Муза не обратила вниманія. Она впилась глазами и, вся дрожа отъ страху, не могла оторвать ихъ отъ каменной гробницы, на которой покоилась фигура воина въ бронзовомъ вооруженіи и съ золотымъ шлемомъ на головѣ, золотой щитъ лежалъ подлѣ него; на полу стояла золотая чаша и такая же лампа съ потухшимъ свѣтильникомъ. Шлемъ воина обвить былъ гирляндю дубовыхъ листьевъ изъ золота, на груди его лежалъ скипетръ изъ слоновой кости съ золотымъ орломъ.

Дѣвушка никогда не слыхала объ этрускахъ, когда-то властвовавшихъ въ ея Мареммѣ. Она продолжала стоять неподвижно, устремивъ взоръ на чудное явленіе. Какъ вдругъ въ одно мгновеніе она воинъ и его вооруженіе исчезли на ея глазахъ; вмѣсто нихъ на каменной гробницѣ лежала горсть праха.

Это ли смерть, — подумала Муза, — не та ли смерть, о которой толковала сегодня Джоконда, или это наводненіе? И вдругъ почему-то, безпричинно, ей стало жалъ исчезнуваго воина. Ей показалось, что онъ и другіе, которые тутъ лежали, сродни ей, близкіе ей люди. Почему бы и не такъ? Вѣдь Джоконда не знала, откуда она явилась, и нашла ее гдѣ-то въ горахъ.

Но теперь ужасъ вполнѣ овладѣлъ ею. Она хотѣла крикнуть, голосъ замеръ у нея въ груди и она лишилась чувствъ.

Когда она вернулась, было поздно; Джоконда и собака встрѣтили ее у гавани.

На разспросы Джоконды она отвѣчала сначала неохотно, но затѣмъ рассказала, что видѣла.

Старушка знала, въ чемъ дѣло.

— Ты набрела на могилу. Тутъ много зарыто такихъ покойниковъ подъ землею. Мы называемъ эти могилы *buche delle fate* (юговинца колдуній). Я слышала, что это—покойники великаго народа; они зарывали съ собою золото и драгоценности. Пользы имъ это не принесло никакой; могилы ихъ также заросли травою. Изъ этихъ могилъ часто добываютъ клады. Но по моему, мертвецовъ не хорошо обирать. Ты вѣдь ничего не взяла?

Старушка велѣла ей молчать о видѣнномъ, чтобы не подумали худого о ней.

— Я думаю,—сказала Муза, ложась спать:—что эти покойники мнѣ сродни.

— Можетъ быть; никто не знаетъ, откуда они.

— Какъ я попала къ тебѣ?

— Я нашла тебя въ каштановомъ лѣсу на горахъ.

— Я думаю,—сказала Муза, помолчавъ и глядя на звѣздное небо:—что мертвецы спятъ только днемъ, а ночью свѣтять тамъ.

— Оставь мертвыхъ. Ты молода. Спи.

Муза повернулась къ стѣнѣ; по лицу ея текли слезы.

Никто въ Санта-Торсилла ничего не зналъ объ этихъ могилахъ. Къ тому же Муза молчала и ничего не могла узнать о нихъ болѣе подробнаго. За усыпальницею Лукумо—исчезнувшій воинъ былъ именно онъ—находились еще два погоя; въ нихъ также лежалъ прахъ отъ похороненныхъ тамъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ покойниковъ. Стѣны и потолки были также разрисованы и тутъ хранились золотыя украшенія: кольца, ожерелья, запястья, свѣтильники и разная утварь изъ слоновой кости и финифти.

Преодолѣвъ страхъ, Муза стала очень часто посѣщать подземелье.

Она обладала богатымъ воображеніемъ. Едва умѣя читать и писать, не знакома ни съ исторіей, ни съ повѣіемъ, развѣ только по отрывкамъ «Освобожденнаго Іерусалима» или «Неистоваго Орlando», устно передаваемымъ народомъ, она сама импровизировала на заданныя темы. Въ ея импровизаціи было столько огня, поэзіи, такими яркими красками передавала она то, что рисовало ей ея воображеніе, что будь она въ другой средѣ, изъ нея вышла бы художница. Обыкновенно свои импровизаціи она сопровождала игрою на лютнѣ, сдѣланной еще сыновьями Джоконды. Любви она не знала, хотя ей уже было пятнадцать

лѣтъ и она вполне развилась; гибкая, стройная, съ большими черными глазами и золотистыми кудрями, она отвѣчала презрительно усмѣшкою на любовныя рѣчи нерѣдка появлявшихся здѣсь молодыхъ людей. Но когда она глѣла о любви, глосъ ея звучалъ страстно; при этомъ Джоконда качала головой, въ страхѣ помышляя о будущемъ.

Брачная жизнь не правилаъ Музѣ, она знала о ней только съ тяжелой стороны и на предложеніе Андреино выйти за его Нандо разсмѣялась, прибавивъ:

— Замужъ выйти! Знаю, что это такое: жена сиди дома за прялкою, пока мужъ на морѣ, затѣмъ онъ пойдетъ въ кабакъ, а жена иди собирай хворостъ на берегу и морскую соль. Эта жизнь не по мнѣ.

Джоконда старилась и знала, что жить ей осталось не долго. Ей уже стукнуло восемьдесятъ шесть лѣтъ. Будущность Музы ее сильно тревожила. Она останется одна на свѣтѣ, и вот старушка потребовала съ нея торжественную клятву, что ни одинъ мужчина не прикоснется въ ней безъ церковнаго благословенія. Яркая краска покрыла щеки Музы, но она исполнила желаніе старушки. Джоконда вспомнила о своихъ братьяхъ Антонѣ и Іоакимѣ Санетисъ и написала имъ письмо тайкомъ отъ Музы, поручая имъ дѣвушку. Но старушка забыла, что братья были гораздо старше ея. Отвѣта не пришло.

Добродушный Андреино помогъ Музѣ сдѣлать подобіе лодочки, что дало ей возможность еще чаще бывать въ излюбленномъ ею мѣстѣ. Жилище мертвецовъ было ей дороже хижинъ сосѣдей. Грязь и вонь итальянскаго городка невообразима. Вся жизнь на улицѣ. Крики и постоянныя ссоры сосѣдей, брань мужчинъ и оборванные, полунагіе ребятишки, вотъ невеселая картина мѣстныхъ нравовъ.

Полумракъ подземелья былъ для Музы дороже дневного свѣта. Узнать, добиться истины объ этихъ мертвецахъ стало ея завѣтною мечтою. Она выучилась лучше читать. Но кромѣ житій святыхъ или объявленій, прибитыхъ въ гавани, другихъ источниковъ для чтенія не было. Муза не взяла себѣ ни одного изъ золотыхъ украшеній; все, что находилось въ усыпальницѣ, она почитала и берегла какъ святыню.

Была самая середина лѣта. Все пернатое населеніе перипрталось и притихло. Одна Муза, не боясь полуденнаго зноя, бодро ступала по выгорѣвшей травѣ. У самаго подземелья, входъ въ которое она всегда тщательно закрывала камнями и хворостомъ, стоялъ мальчикъ лѣтъ десяти; кудравый, полунагой, едва при-

крытый козьею шкурой, какъ истый сынъ Пана, онъ игралъ на тростниковой дудкѣ, замѣнявшей ему свирѣль, выдѣлывая всевозможныя трели. Передъ нимъ паслись его козы — черныя, бѣлыя, сѣрыя; онѣ щипали сухую траву, пугливо озираясь вокругъ.

— Ето ты и зачѣмъ ты здѣсь? — спросила дѣвушка Зеффирино или Зирло ¹⁾, — прозвание, данное мальчику за его умѣнье хорошо насвистывать. Муза скоро подружилась съ нимъ и они, усѣвшись на траву, раздѣлили свой скромный обѣдъ: ломоть хлѣба и бутылка прѣсной воды была у каждаго съ собою.

Вдругъ козы перестали щипать траву, подняли головы и жалостно заблѣяли.

— Будетъ буря, — сказалъ Зеффирино, — онѣ всегда ее предчувствуютъ. — Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ грянулъ страшный ударъ грома, за нимъ другой, третій, молнія поминутно сверкала, все небо было точно объято пламенемъ, поднялись волны, море забушевало, вѣтеръ свирѣпствовалъ съ ужасной силой, но не выпало ни капли дождя. Зеффирино въ ужасѣ бросился ницъ на землю. Жалко стало мальчика Музѣ, и она рѣшилась открыть ему свое тайное убѣжище. Быстро открывъ свое подземелье, она силою втокнула его туда. Козы были смущенныя его и тотчасъ бросились за нею. Къ вечеру стихло. Отъ подземелья до Сассо-Скритто, гдѣ причалила Муза, цѣлыхъ три мили. На берегу ее ожидало невиданное ею зрѣлище. Красный дискъ заходящаго солнца, казалось, покоился на волнахъ, отъ него шелъ свѣтлый, яркій конусъ, по обѣимъ сторонамъ котораго появилось по красному солнцу.

Смотря на это явленіе, Муза примѣтила на поверхности воды человѣка: онъ видимо терялъ силы и тонуть. Броситься въ море было для нея дѣломъ одной минуты. Она плавала какъ рыба и, схвативъ утопающаго за поясъ, поплыла назадъ. Къ счастью, берегъ былъ не далеко; иначе не смотря на свою силу, она не справилась бы съ утопающимъ. Положивъ его на песокъ, она сдѣлала все, что нужно, чтобы привести его въ чувство. Въ Санта-Торсилла утопленники были не рѣдкость и Муза видѣла, что дѣлали рыбаки, чтобы привести ихъ въ себя.

У спасеннаго ею человѣка было клеймо на плечѣ и голова была выбрита.

«Навѣрное, каторжникъ, бѣжавшій изъ тюрьмы», подумала Муза, но она не струсила, ей стало только жалъ его.

¹⁾ Дроздъ.

Изъ разговора съ нимъ она узнала, что онъ Сатурнино, о которомъ она слыхала въ дѣтствѣ. Разбойнику стало страшно — онъ не довѣряетъ ей, она можетъ его выдать.

— Я тебя не выдамъ, — отвѣтила Муза, — какъ никогда не указывала охотнику слѣда кабана.

Вдали послышался конскій топотъ. Карабинеры искали бѣглеца. Муза скрыла его въ своемъ подземельѣ. Сатурнино просилъ у нея хлѣба, вина, а главное ему нуженъ ножъ. Уже ночь. Муза рѣшилась отправиться домой и тихонько отъ Джоконды достать все просимое несчастнымъ и принести ему. Ей было больно поступить такъ со своею благодѣтельницею, но на другой день она покается ей во всемъ.

Превозмогая страшную усталость, она вернулась, принесла все, что просилъ Сатурнино. Подземелье опустѣло, онъ бѣжалъ и унесъ съ собою всѣ золотыя вещи. Страшно больно быть обманутой въ первый разъ, но для Музы еще ужаснѣе то, что надругались надъ ея сватынею, обобрали ея мертвецовъ.

Дома новое ужасное горе. Джоконда не проснулась утромъ, она заснула вѣчнымъ сномъ. На раздирающій душу крикъ Музы собѣжались сосѣди.

На другой же день Джоконду похоронили. Очень немногіе ее провожали, одинъ Андрейно шелъ со свѣчею. Небрежность, поспѣшность живыхъ людей отдѣлаться отъ только-что умершаго и скорѣе зарыть его въ землю возмутила душу Музы. Она бѣжитъ людей, запирается дома у себя одна съ своимъ горемъ. Священникъ указалъ ей, гдѣ спрятаны деньги Джоконды, и передалъ Музѣ, что она — ея наслѣдница. Отъ него вѣсть идетъ далѣе. Сосѣди не прочь съ нею подружиться, — у нея есть деньги, — и цѣлою гурьбою являются они къ ней съ различными предложеніями, ласками и любезностями. Муза не отвѣчаетъ имъ тѣмъ же. Тогда посыпались на нее угрозы и заявленія, что старушка должна имъ всѣмъ. Это была явная гнусная ложь — старушка ни кому не должна. Въ Музѣ воспалила гордость и презрѣніе, она бросаетъ имъ кувшинъ съ деньгами и, покуда они подбираютъ разсыпавшіяся монеты, покидаетъ домъ, взявъ съ собою мула, Леоне, прялку, лютню и кое-что изъ домашняго скарба. Рѣшено, подземелье будетъ ея жилищемъ. Одною ночью, выкопавъ гробъ Джоконды, Муза перевозитъ его въ лодкѣ и съ помощью мула и ставитъ его въ подземельѣ. Ей кажется, что старушка должна быть довольна: она не забыта, не брошена тамъ одиноко.

Сатурнино снова поймали. Онъ скрывался въ кабакѣ. Хозяйка кабака попробовала продать золотую этрусскую р

захваченною Сатурнино. По этому его открыли. Извѣстіе объ этомъ принесъ въ Сан-Ліонардо, гдѣ жилъ Зеффирино, странствующій торговецъ. Сан-Ліонардо принадлежалъ въ одному изъ тѣхъ итальянскихъ мѣстечекъ, домики которыхъ обыкновенно гнѣдятся на горахъ и вся жизнь населенія сосредоточена въ этихъ домикахъ и въ церкви съ красною черепичною кровлей. За пределами своего мѣстечка они ничего не знаютъ. Всѣ новости доходятъ туда случайно, занесенныя какимъ-нибудь странствующимъ музыкантомъ или мелкимъ торговцемъ.

Зеффирино прибѣжалъ сообщить ей о поимкѣ Сатурнино. Муза говорила ему о томъ, что разбойникъ укралъ. Она была очень рада, что Сатурнино наказанъ. Зеффирино сталъ ея маленькимъ фактотумомъ. Онъ исполнялъ всѣ ея порученія, продавалъ сметенныя ею корзинки, маты, пряжу, закупалъ для нея ленъ и все, что было нужно. Она за это кормила его вкусною поленкою или тарелкою супа, и платила ему нѣсколько чентезимовъ. Онъ приносилъ ей козьего молока, которое она всегда дѣлила со своимъ старымъ другомъ Леоне. Мальчикъ былъ лакомка, итеръ и не прочь бы обмануть Музу, что впрочемъ онъ и дѣлалъ, обчитывая ее, гдѣ можно, но боялся Музы, хотя и очень любилъ ее и по своему былъ ей преданъ. Онъ не находилъ ничего дурного въ поступкѣ Сатурнино, но свое мнѣніе держалъ при себѣ: скажи онъ его, ему сильно бы досталось отъ Музы.

Зеффирино хотѣлось, чтобы Муза перебралась на зиму въ Сан-Ліонардо. Онъ сердился и заявилъ, что зимою не будетъ исполнять ея порученій.

— Я останусь здѣсь, — возразила Муза. — И лѣтомъ и зимою, когда тебѣ захочется вкуснаго супу или грибовъ, ты одинаково будешь исполнять мои порученія.

Муза содержала подземелье въ большой чистотѣ. Вставая, она молилась по латыни, какъ научила ее старушка, подлѣ ея могилы, затѣмъ все убирала, купалась въ морѣ, Джоконда ее приучила къ большой чистотѣ и опрятности. Утварь, сдѣланная тому двѣ тысячи лѣтъ назадъ, служила Музѣ для домашнего употребленія; нѣкогда эти чаши, кувшины, вазы были, безъ сомнѣнія, украшеніями на пирахъ людей, прахомъ которыхъ была усыпана здѣсь земля. Муза свято хранила всѣ эти остатки древности, не зная ихъ историческаго значенія. Она жила совершенною жизнью. Сидя вечеромъ у входа своего убѣжища, она играла на лютнѣ и пѣла или прислушивалась къ шуму волнъ; въ ясныя ночи она подолгу наблюдала за ходомъ луны

и звѣздъ. Она принимала близко къ сердцу интересы окружающаго ее пернатого и четвероногого населенія. Лѣтомъ и весною она была тутъ полною царицею, никто не рисковалъ нарушить покой этой мѣстности, всѣ боялись ея злокачественнаго воздуха. Но съ наступленіемъ осени, въ неудовольствію Музы, показывались охотники на кабановъ, птицеловы разставляли свои сѣти и она была счастлива, когда ей удавалось разорвать ихъ и освободить крылатыхъ плѣнниковъ; появлялись пастухи со своими стадами; она избѣгала попадаться имъ на глаза, чтобы они не открыли ея подземелья. Она не чувствовала одиночества, счастливая своею свободою жизнью, да и посѣщенія Зеффирино вносили немного разнообразія и оживляли ее. Мальчикъ былъ ласковъ, въ особенности, когда ему это было нужно, и она привязалась къ нему, какъ часто случается, что сильное существо привязывается къ болѣе слабому.

Но вотъ скоро зима. Уже растапутымъ треугольникомъ пролетѣли стаи журавлей; здѣсь показались пиголицы, вернувшіяся изъ Нидерландовъ и лѣсовъ Германіи; граціозною, волнообразною линіей пронеслись ибисы, направляясь въ Египетъ или Индію. Изъ Швейцаріи и Швеціи въ Суданъ или на берега голубого Нила летѣли вороны, опускаясь здѣсь ненадолго для отдыха. Вѣчно странствующія перепелки покрыли здѣшнюю мѣстность. Ночью тишину нарушали цѣлыя полчища дикихъ утокъ, прилетѣвшихъ съ сѣверныхъ морей въ тосканскія лагуны. Названія всѣхъ этихъ крылатыхъ странниковъ не были знакомы Музѣ, но ей хорошо было извѣстно, въ какое время года каждый изъ нихъ долженъ появиться или улетѣть отсюда. Сильная буря выкинула лодку съ веслами; какова была радость дѣвушки,—ей казалось, что у нея выросли крылья.

II.

Въ самомъ началѣ мая слѣдующей весны Муза, катаясь по морю, замѣтила не далеко отъ берега стоявшій корабль; онъ шелъ изъ Сициліи. Моряки окликнули ее, спрашивая о глубинѣ дна и что предвѣщала туманъ на горизонтѣ. Муза любила моряковъ и охотно имъ отвѣчала. Молодой никперъ, красавецъ, родомъ изъ Палермо, по имени Даніэлю, изъ дома Вилламанья, перевѣсился черезъ бортъ и бросилъ ей въ лодку апельсиновъ и плодовъ. Муза улыбнулась ему, показавъ при этомъ

два ряда жемчужныхъ зубовъ. Даніэлло поплылъ за нею и въ одно время съ ней причалилъ у берега.

— Дѣвушка, — сказалъ онъ, идя подлѣ нея: — я изъ страны прекрасной, какъ прекрасно само море; берега ея роскошны, а холмы покрыты обильною растительностью, какъ обильна грудь молодой матери для перворожденного; тамъ питаются плодами, занимая виномъ и приправляя любовью и пѣснями; но и въ моей родной Сициліи я не видалъ красавицы равной тебѣ.

Она взглянула ему прямо въ лицо и нахмурила брови.

— Другъ, я взяла твои плоды, думая, что ты ихъ далъ мнѣ просто изъ дружбы; если же въ моему подарку ты прибавляешь ложь, то я брошу ихъ въ море.

Сициліецъ раскрылъ свои темные блестящіе глаза; все лицо его улыбнулось.

— Ложь! Я никогда не говорилъ болѣе искренно. Если мои слова тебѣ не нравятся, это только говорить въ пользу твоего благоразумія. Умоляю тебя, скажи, кто ты?

— Я никто, — рѣзко отвѣтила Муза. — Меня зовутъ Музонгеллой и Веліей. Возвращайся обратно на свой корабль и оставь меня, я пойду домой.

— Гдѣ ты живешь?

— За утесами; въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега.

— Могу я посѣтить тебя?

— Нѣтъ.

Долго, страстно убѣждалъ Музу красавецъ Даніэлло. Но она на отрывъ отказала видѣться съ нимъ. Онъ хотѣлъ взять ее въ жены, она будетъ жить въ довольствѣ и изобиліи, его родные окружатъ ее ласкою, они поселятся подъ чуднымъ небомъ Сициліи. На всѣ эти рѣчи, полныя страсти и любви, Муза только презрительно улыбалась. Даніэлло далъ ей сроку четыре мѣсяца, по истеченіи этого времени онъ будетъ здѣсь опять, и умолялъ ее встрѣтить его.

Такая сильная любовь, зарождающаяся въ одно мгновеніе, не рѣдкость подъ голубымъ небомъ Италіи.

— Нѣтъ, я не приду, — отвѣтила Муза на всѣ мольбы Даніэлло: — если хочешь видѣть меня, то разыщи меня самъ, но ты не въ состояніи будешь найти меня.

— Я найду тебя, вѣдь ты сказала, что тебя зовутъ Веліей и Музонгеллой. — Онъ еще не окончилъ своей фразы, какъ Муза уже убѣжала. Онъ не послѣдовалъ за ней; какое-то неопредѣленное чувство страха остановило его. Эта встрѣча не произвела никакого впечатлѣнія на Музу, не пробудила въ ней никакого чувства.

О будущемъ она не думала. Вернувшись къ себѣ, Муза замѣтила, что входъ въ подземелье открытъ. Вѣроятно, пришелъ Зирло и ждетъ ея возвращенія. Она спустилась и лицо ея стало мрачнѣе тучи, глаза засверкали подобно молніи. Въ ея свѣтилицѣ, въ ея невѣдомомъ никому убѣжищѣ сидѣло двое незнакомцевъ. Оба рисовали.

— Какъ осмѣлились вы, — крикнула она со страшнымъ гнѣвомъ. — Все это *ихъ* и мое. Вы оскверняете, вы богохульствуете; вонъ отсюда! вонъ! или я натравлю на васъ мою собаку.

Незнакомцы отъ неожиданности сильно смутились. Ея появленіе казалось имъ сверхъестественнымъ, а она неземнымъ существомъ. Они стали извиняться: они искали этрусскую могилу и маленький пастушокъ указалъ имъ ее. Незнакомцы вообразили, что она недовольна тѣмъ, что ее предупредили и предложили ей денегъ. Ея негодованіе и взглядъ, полный презрѣнія, которыми она встрѣтила предложенную ей серебряную монету, поставили ихъ въ полное недоумѣніе. Рѣшивъ, что она сумасшедшая, они ушли, но красота ея поразила ихъ и втайнѣ они положили вернуться.

Муза горько заплакала. Измѣна Зирло — онъ продалъ ее за нѣсколько монетъ — больно отозвалась въ ея сердцѣ. Теперь путь въ ея убѣжище открытъ, она должна проститься съ покоемъ и уединеніемъ, каждую минуту кто-нибудь можетъ придти. И это сдѣлалъ Зирло, тотъ Зирло, которому она такъ довѣрялась! Горько было ей; но вмѣстѣ съ тѣмъ злость и гнѣвъ на Зирло душили ее. Она вышла. Недалеко отъ подземелья, Зирло, какъ ни въ чемъ не бывало, пасъ свое стадо. Хитрый мальчишъ думалъ своимъ присутствіемъ отвести ей глаза. При видѣ его, мѣра ея негодованія переполнилась. Какъ стрѣла пустилась она за нимъ. Онъ понялъ, что она догадалась, и кинулся бѣжать. Но Муза была проворнѣе его. Она скоро догнала его, схватила и сильно тряхнувъ, бросила на землю. Упреки, угрозы посыпались изъ устъ ея. Мальчишъ лежалъ неподвижно.

Дома сидя въ полумракѣ, ей пришло въ голову, зачѣмъ она не убила его. Не страхъ или жалость, а сознаніе своего происхожденія и презрѣніе къ негодяю помѣшали ей.

Утромъ слѣдующаго дня, сидя у входа за работою — она плела корзинки изъ тростника — и случайно поднявъ голову, она увидѣла одного изъ вчерашнихъ посѣтителей. Онъ шелъ такъ быстро, какъ позволялъ ему низкорослый, колючій кустарникъ, переплетенный ползучими и вьющимися растеніями и травами. На видъ ему было лѣтъ тридцать; онъ былъ высо-

ного роста, красивымъ его нельзя было назвать, но все лицо его озарялось блескомъ большихъ голубыхъ глазъ.

При видѣ его Муза поднялась, грозная и недовольная, рѣзкимъ голосомъ выговаривая ему за его вторичное посѣщеніе. Но въ одно мгновеніе лицо ея измѣнилось, голосъ смягчился, незнакомецъ назвалъ себя: Морицъ Санетисъ, внукъ брата Джовонды. Еще вчера онъ узналъ ее, но не хотѣлъ сказать этого при своемъ товарищѣ. Онъ нанялъ ее по письму, написанному Джовондою его дѣду. Письмо не застало въ живыхъ ни дѣда, ни даже отца его, а онъ въ это время путешествовалъ по Азіи. По возвращеніи своемъ онъ прочелъ письмо и съелъ своимъ долгомъ развѣдать ее. Муза повела его къ гробу Джовонды и преклонила колѣна. Это уваженіе къ памяти ея благодѣтельницы тронуло молодого человѣка, хотя онъ не былъ изъ числа людей, сильно влюбленныхъ. Въ Музѣ онъ видѣлъ совершеннаго ребенка. Происхожденіе ея было ему извѣстно, но онъ ничего не сказалъ ей объ этомъ.

На его совѣтъ ѣхать съ нимъ, поселиться въ Савойѣ съ его сестрами въ горахъ, гдѣ такая роскошная природа, цѣлые сады яблокъ и вишенъ, она рѣшительно отказалась: она не покинетъ родной ей Мареммы; она здѣсь ни въ чемъ не нуждается, и большаго, лучшаго не желаетъ. Морицъ провелъ у нея цѣлый день и просилъ позволенія вернуться, чтобы окончить свои рисунки внутренности могилъ.

Онъ приходилъ ежедневно, но рѣдко видѣлъ Музу. Она избѣгала его и видимо была недовольна его присутствіемъ; она начала только потому, что онъ принадлежалъ къ семьѣ Джовонды. Онъ былъ для нея чужимъ, пришельцемъ изъ незнакомой ей міра, изъ круга людей образованныхъ, привыкшихъ къ изобилію и роскоши. Онъ не скрывалъ отъ нея, что богатъ: отецъ его нажилъ состояніе, отлично поведя дѣла свои на Женевскомъ озерѣ; самъ онъ былъ художникъ. Муза чуждалась его и боялась городовъ, о которыхъ онъ столько рассказывалъ, боялась, что онъ уговоритъ ее ѣхать съ нимъ, а въ этихъ городахъ духота, мало воздуха, нѣтъ приволья Мареммы. Часто, видя, что онъ идетъ, Муза брѣсалась въ лодку и, сильно работая веслами, быстро исчезала изъ виду.

Морицъ былъ очень честный и хорошій человѣкъ; онъ не желалъ надобѣдать, хотя, можетъ быть, и могъ настоять на томъ, чтобы она слѣдовала за нимъ въ его семью. Впрочемъ письмо Джовонды не могло еще служить неопровержимымъ доказательствомъ, и возбудивъ дѣло, Морицъ откроетъ убѣжище Музы и можетъ

навлечь на нее всевозможныя непріятности, а главное: тайна ея рожденія станетъ извѣстна, — и горькая участь постигла бы незаконную дочь каторжника. Двѣ недѣли прожилъ Морицъ въ Гроссето и рѣшился еще разъ попробовать уговорить Музу. Она встрѣтилась ему съ муломъ, навьюченнымъ тростникомъ, изъ котораго она плела корзинки и маты.

— Какъ измѣнился ты, ты боленъ, воздухъ Мареммы тебѣ вреденъ, увѣжай скорѣе отсюда, — были ея первыя слова. Морицъ чувствовалъ себя нехорошо. Эти слова давали мало надежды на успѣхъ.

— Почему же ты такъ здорова здѣсь, — спросилъ онъ.

— Потому что я — коренная жительница Мареммы, потому что я очень опрѣтна, не какъ другіе, я купаюсь два раза въ день въ морѣ; а для пріѣзжихъ воздухъ еще вреднѣе.

Для Морица, городского жителя, жизнь дѣвушки молодой, красивой, въ подземельѣ казалась тѣмъ-то невозможнымъ, невѣроятнымъ. Для Мареммы, гдѣ многіе живутъ подъ открытымъ небомъ, въ этой жизни, конечно, не было ничего ужаснаго.

— Поѣдемъ со мною, — настаивалъ онъ: — я поселю тебя на фермѣ, гдѣ жила въ юности Джоконда, ты ничѣмъ не будешь мнѣ обязана, ты будешь прастъ и театъ и этимъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.

— На дняхъ морякъ, родомъ изъ Сициліи, предлагалъ мнѣ слѣдовать за нимъ, онъ хотѣлъ жениться на мнѣ, онъ — хозяинъ судна, а я люблю моряковъ, и я отвѣтила ему, что не покину Мареммы.

— Не всегда можно довѣряться моряку, — возразилъ съ раздраженіемъ въ голосъ Морицъ.

Всѣ его увѣщанія не повели ни къ чему. Муза стояла на своемъ и прибавила, что какъ не загнать дикаго сѣраго гуся на птичій дворъ, такъ и ее нельзя убѣдить поселиться тамъ, гдѣ кровли домовъ сходятся одна съ другою. При словѣ: опасность, Муза показала Морицу ножъ, который всегда носила за поясомъ, и глаза ея свернули огнемъ, а щеки покрылись яркою краскою; не даромъ въ жилахъ ея текла кровь Мастарны, подумалъ Морицъ. Муза терпѣла его только потому, что онъ былъ Санетисъ, она даже угостила его ягодами, которыхъ набрала себѣ на обѣдъ, и напоила студеной водою изъ источника.

Морицъ записалъ ей свой адресъ.

— Если я тебѣ буду нуженъ, напиши и я буду здѣсь тотчасъ-же.

Муза нисколько въ немъ не нуждалась, и не сказала ему ни одного ласковаго слова.

— У тебя нѣтъ сердца, Муза.

— Я вѣдь Музонгелла, — отвѣтила она улыбаясь. — Счастливаго пути!

Уединеніе, о которомъ такъ заботилась Муза, настало для нея полное. Однажды, вернувшись домой, она не нашла мула. Одинъ Зирло могъ украсть его. Дѣйствительно, отъ подземелья, по направленію въ Сан-Діонардо шли слѣды двухъ дѣтскихъ ногъ и четырехъ копытъ. Муза побѣжала туда. Зирло не было дома. Ее встрѣтилъ отецъ его весьма непривѣтливо. Домашко былъ бѣдный, грязный, пропитанный запахомъ чеснока, и старикъ жевалъ опять тотъ же чеснокъ. На ея требованіе отдать мула, онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ ни о какомъ мулѣ, и грозилъ ей придти съ товарищами выкурить ее изъ подземелья, называя ее цыганкою и колдуньей; могли съ нихъ драгоценностями принадлежали всѣмъ, а не ей одной; сынъ разсказалъ ему о пропажѣ золота, которое она, конечно, украла. Даромъ ей это не сойдеть, да и съ мальчишкой она не имѣла никакого права такъ расправляться. Бѣдняжка убѣжалъ изъ дому, боясь ея кулаковъ. Старикъ не сказалъ, что мальчикъ ушелъ съ торговцемъ разными товарами, которые везъ бѣдный, старый мулъ, а денежки за него были у старика хорошо припрятаны.

Исчезновеніе Зирло теперь нисколько не огорчило Музу, но она сильно горевала о мулѣ, которому придется работать на старости лѣтъ.

Одно горе слѣдовало за другимъ. Леоне погибъ жертвою своей преданности и любви къ ней. Вотъ какъ это случилось. Былъ жаркій день. Муза, утомленная зноемъ, заснула въ лѣсной чащѣ. Два охотника немного навеселѣ, замѣтили ее и хотѣли воспользоваться ея сномъ. Но Леоне бодрствовалъ. Онъ бросился на нихъ, съ силою оттолкнулъ одного и схватилъ за горло другого. Но въ это время первый поднялся и выстрѣлилъ ему прямо въ голову. Леоне упалъ за-мертво, обливаясь кровью. Выстрѣлъ разбудилъ Музу и прежде, чѣмъ охотники могли кинуться на нее, она выхватила изъ-за пояса ножъ. При видѣ ножа трусы обратились въ бѣгство. Прокляла Муза свой сонъ. Ея вѣрный другъ, товарищъ дѣтскихъ игръ, лежалъ въ лужѣ крови у ногъ ея бездыханнымъ трупомъ. Цѣлый день просидѣла Муза неподвижно подлѣ него. Уже вечерѣло, когда она, взваливъ тѣло его къ себѣ на плечи, понесла его домой. Подъ кустами мирты она похоронила вѣрную собаку.

Впервые Муза чувствовала себя не по себѣ. Измѣна отравила ей жизнь. Но все-таки она не жалѣла о своемъ отказѣ Морицу; ни разу не вспомнила Даніелло, который по ея понятіямъ былъ гораздо ближе ей.

Между тѣмъ Морицъ проживалъ во Франціи, занимаясь живописью; но работа шла вяло. Думы его были далеко. Изъ-за образовъ, которые воспроизводила его кисть, ему все время мерещилась яркая красота и темные глаза дочери Сатурнино; ее восточный типъ ясно говорилъ Морицу о происхожденіи Мастарно изъ лидійской народности. Постоянно думая о Музѣ, онъ волновался и досадовалъ на нее. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣсть мучила его, точно онъ не исполнилъ своего долга, не довершилъ порученія Джовонды. Эта мысль не давала ему покоя. Парижанинъ по привычкамъ, въ душѣ онъ былъ истый горецъ, человѣкъ простой и высоко нравственный. Но желаніе видѣть снова Музу овладѣвало имъ все болѣе и болѣе. Въ Парижѣ онъ рисовалъ на память ея портретъ. Товарищи восхищались его красавицею и давали ей всевозможныя имена мифологическихъ богинь. Но въ одно прекрасное утро Морицъ мазнулъ кистью по полотну, заперъ студию и исчезъ.

Между тѣмъ судьба, *fatum* древнихъ, не покидала Музу. Наступилъ августъ. Накатавшись по морю въ своей уютной лодкѣ, на которой ей удалось прикрѣпить сосновую мачту съ парусомъ. Муза подъ вечеръ вернулась въ подземелье. Опять кто-то у нея. Повернувшись спиною ко входу, незнакомецъ сидѣлъ у ея потухшаго очага. Не страхъ, а ярость почувствовала Муза. Пастухъ это или охотникъ? Она схватилась за ножъ. Незнакомецъ вздрогнулъ, какъ преслѣдуемое животное, и упалъ къ ея ногамъ.

— Я пропну у тебя кровь, — сказалъ онъ, цѣлуя подошву ея грубой шерстяной юбки. — Я — невинный, несчастный человѣкъ, меня преслѣдуютъ. Спаси меня!

На лицѣ Музы выразилась жалость. Она все еще держала ножъ въ рукѣ, но сомнѣніе исчезло.

— Кто ты? — спросила она.

— Я былъ заключенъ на Горгонѣ; я бѣжалъ вмѣстѣ съ Сатурнино; во время бури мы потеряли другъ друга. Я встрѣтился съ нимъ черезъ нѣсколько дней тамъ, гдѣ онъ скрывался. Онъ рассказалъ мнѣ о подземельѣ и совѣтовалъ идти сюда. Я раненъ и усталъ, прости меня.

Съ нимъ сдѣлался обморокъ. На плечѣ у него была рана; изъ нея текла кровь. Муза перевязала рану, намочила голову холодной водой и налила въ ротъ нѣсколько капель вина.

Онъ очнулся и сталъ благодарить ее. Лихорадка трясла его, все тѣло болѣло отъ усталости. Муза не обратила вниманія на замѣчательную красоту этого человѣка. Для нея онъ былъ только страдальцемъ и несчастнымъ,—этого было достаточно. Она ухаживала за нимъ, какъ ухаживала бы все равно и за раненымъ животнымъ или раненою птицею. Имя Сатурнино не произвело на нее никакого впечатлѣнія; она вспомнила только, что онъ обобралъ могилу.

Муза развела огонь, но ночью было уже довольно свѣжо и незнакомецъ дрожалъ отъ холоду.

— Ты не бросишь меня,—сказалъ онъ, боязливо взглянувъ на нее своими большими темными глазами. Муза стояла надъ нимъ во всемъ блескѣ силъ и здоровья; слова эти вызвали у нея слегка презрительную усмѣшку.

— Затѣмъ ты пришелъ ко мнѣ, если думаешь противное?

Но она потребовала клятвы отъ незнакомца въ томъ, что все, находящееся въ могилѣ, будетъ для него святынею.

— Все,—отвѣчалъ онъ,—начиная съ тебя. — Онъ клялся ей также въ томъ, что невиненъ въ убійствѣ любимой женщины, за которое осужденъ.

— Она измѣнила тебѣ?

— Нѣтъ не измѣнила и не была зарѣзана мною. Богъ слышитъ то, что я говорю.

— Хорошо. Я вѣрю,—сказала она просто. — Ты можешь потомъ рассказать мнѣ больше. Теперь же ты нездоровъ, усталъ и въ лихорадкѣ. Я устрою тебѣ постель изъ листьевъ—другой у меня нѣтъ—въ дальней комнатѣ, тебѣ лучше пойти туда.

Она провела его, уложила, и въ своей невинности никогда не подумала о томъ, что они оба молоды. Спокойно легла она на свое ложе и только иногда при шорохѣ ночью вскакивала, боясь, не идетъ ли кто за ея гостемъ. Его она не боялась.

Солнце еще не вставало, когда она уже была на ногахъ и и заглянула къ нему. Лампа потухла, онъ спалъ и въ полумракѣ она ясно разглядѣла очертанія его головы и плечей.

Она выкупалась въ морѣ и въ первый разъ въ жизни взглянула на себя внимательно въ зеркало, похороненное тутъ съ какою-нибудь красавицею. Она гладко зачесала волосы, въ зеркало она примѣтила что была очень красива. Ей вспомнились слова Джомонды, «но она говорила это изъ любви ко мнѣ», подумала дѣвушка. Она положила зеркало на траву и, нагнувшись надъ нимъ, продолжала себя разглядывать. Въ эту минуту гадѣй, ужасный скорпионъ пробѣжалъ по стеклу и усѣлся на красивой,

съ украшеніями, серебряной рамкѣ. «Боже! неужели заниматься собой, такой же страшный грѣхъ, какъ страшнѣе этотъ скорпіонъ; впрочемъ, это тоже не разъ твердила Джоконда».

Надо было приготовить пищу гостю; къ счастью, у домашней птицы она нашла три яйца: это будетъ посытнѣе, чѣмъ одна трава и зелень, которыми питалась она. Больной проснулся, пища поддержала его и онъ чувствовалъ себя точно немного бодрѣе. Имя его было Луитбрандъ д'Эсте.

— А меня зовутъ Музой, — сказала дѣвушка.

Луитбрандъ разсказалъ ей, что прошелъ годъ и три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ онъ бѣжалъ изъ тюрьмы и скитался по горамъ, прячась въ лѣсной чащѣ.

Эта ужасная жизнь, потеря крови отъ ранъ и воздухъ Мареммы сдѣлали свое дѣло. У Луитбранда развилась гнилая лихорадка. Муза лечила его травами, кормила, насильно вливая пищу въ конвульсивно сжатый ротъ. Временами все тѣло его горѣло, какъ въ огнѣ, или дѣлалось совершенно ледянымъ. Жажда была невыносимая. Муза его не покидала, она не спала ночей, сидя у его постели, ухаживала за нимъ, стараясь облегчить его страданія. Она почти не выходила изъ своего подземелья, жизнь внѣ его ее болѣе не занимала. Еще въ дѣтствѣ такимъ же образомъ она выходила въ теченіе цѣлой зимы морскую ласточку, которой охотникъ прострѣлилъ крыло. Но когда рана зажила, ласточка, расправивъ крылья, улетѣла. Маленькая Муза проводила ее глазами, полными слезъ.

У Луитбранда было уже два страшныхъ приступа лихорадки. Муза знала, что третій смертеленъ. Но время шло, приступа не было, когда Эсте страдалъ безсонницей, она брала свою люльку и пѣла ему. Пастухъ, проходя недалеко ночью, слышалъ пѣніе и въ страхѣ прибѣжалъ домой, гозоря, что мертвецы ночью поютъ подъ землею.

Пошла пятая недѣля пребыванія Эсте въ подземельѣ. Силы стали къ нему возвращаться. Муза была очень счастлива, но заботы выросли. Пока Луитбрандъ былъ боленъ, ему немного было нужно, но съ началомъ выздоровленія онъ не будетъ сытъ тою пищею, которою кормилась она. Ему нужно будетъ давать мяса и вина, а гдѣ взять ихъ? А главное, Муза боялась за его безопасность; если придутъ въ ея подземелье и увидятъ его, все пропало, его непременно схватятъ; кромѣ того, какая-то безотчетная грусть закралась въ сердце Музы, ей случалось даже плакать. Она не сознавала причины, но чувствовала, что ея беззаботная юность исчезла!

Прежде вполнѣ въ себя, Лунтбрандъ выразилъ ей, сколько онъ ей признателенъ за ея безкорыстные попеченія. Муза вообще не любила, чтобъ ее хвалили, и сухо отвѣтила ему, что она сдѣлала бы тоже для всякаго раненаго звѣря.

Эсте было всего двадцать пять лѣтъ; онъ былъ приговоренъ къ тридцатилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Онъ постоянно думалъ о своемъ безвыходномъ положеніи. Неужели ему суждено провести всю жизнь здѣсь въ нѣдрахъ земли, рядомъ съ давно истлѣвшимъ прахомъ этихъ мертвецовъ; но выйти отсюда значило идти на явную опасность—попасть снова въ тюрьму.

Имъ одновременно овладѣвало чувство страха и пламенное желаніе уйти отсюда; эти думы такъ занимали его, что не давали ему возможности замѣтить красоту дѣвушки, жившей подлѣ него. Кромѣ того, у него все-таки не было полного довѣрія къ ней. Ему казалось, что когда-нибудь она выдастъ его. Онъ не замѣчалъ, какъ она берегла его, какъ дрожала отъ малѣйшаго шороха, она, незнакомая со страхомъ. Теперь она пугалась даже тѣни, вереницы возовъ на горизонтѣ, стада буйволовъ, рога ихъ казались ей дулами отъ ружей карабинеровъ. Она вздрагивала отъ выстрѣла охотника, и сердце ея болѣзненно сжималось, но не изъ жалости за своихъ пернатыхъ любимцевъ,—она забывала о нихъ.

— Что ты сдѣлаешь, если меня схватятъ, — спросилъ ее Эсте.

— Насъ не возьмутъ живыми, — отвѣтила она.

Онъ не обратилъ вниманія на то, что она соединяла свою судьбу съ его. Въ этотъ день она только острѣе отточила его кинжалъ и свой ножъ.

— Вотъ все, что у насъ есть, — сказала она съ грустью, думая о ружьяхъ карабинеровъ.

Эсте вздрогнулъ.

Исторія его осужденія не была извѣстна Музѣ: ей какъ-то невольно было разспрашивать его, а онъ молчалъ. Мальчишески онъ учился прилежно, былъ серьезенъ и скромнъ. Въ бѣдномъ домѣ отца жизнь его не могла иначе сложиться. Единственнымъ его развлеченіемъ было давать серенады дамамъ сердца. Онъ считалъ себя вполнѣ счастливымъ человѣкомъ, когда любимая имъ женщина ласкала его, когда онъ въ ночной тиши при лунномъ сіяніи, подъ звуки лютни, причаливалъ въ лодкѣ въ ея палатцо.

Былъ прекрасный осенній день, какіе бываютъ въ Маремѣ въ октябрѣ и ноябрѣ. Муза пошла пѣшкомъ въ Теламоне,

чтобъ продать тамъ корзины и собранныя лекарственныя травы. Прежде она никогда не продавала ихъ; Джоконда научила ее собирать полезныя травы, но никогда не торговала ими, а лечила даромъ. До Теламоне сухимъ путемъ было восемь или девять миль. Муза рада была пройтись снова по знакомымъ мѣстамъ; но все-таки она шла торопливо, ей хотѣлось скорѣе вернуться домой, чтобы ни одной лишней минуты не оставлять его одного. Въ бѣдномъ, грязномъ мѣстечкѣ Теламоне она не нашла покупателей. Старый рыбакъ въ своей фелукѣ взялся довести ее до Орбетелло за небольшую плату.

Въ гавани таможенные чиновники потребовали съ нея пошлину за товаръ. Денегъ у нея не было. Они взяли нѣсколько корзинокъ, конечно гораздо больше, чѣмъ слѣдовало.

Въ гавани на столбѣ было наклеено объявленіе. Старикъ обратилъ на него вниманіе Музы. Правительство предлагало большую денежную награду тому, кто поможетъ словить графа Луитбранда д'Эсте, бѣжавшаго изъ тюрьмы Горгоны годъ и три мѣсяца тому назадъ. Видно было, что объявленіе нѣсколько разъ срывали и опять наклеивали. Въ народѣ по этому поводу говорили: почему не зарѣзать свою возлюбленную, если она измѣняетъ, вѣдь журавль убиваетъ же свою невѣрную подругу!

Сердце замерло у Музы, но она всегда владѣла собою, и старикъ ничего не прочелъ у нея на лицѣ, сказавъ ей, что она въ своихъ странствованіяхъ легко можетъ встрѣтить бѣглеца и указать его. Она спокойно, и не безъ хитрости возразила ему:

— Мнѣ кажется, что на счетъ его можно быть вполне спокойнымъ, воздухъ Мареммы навѣрное давно уморилъ бѣднягу. Чтобъ ты сдѣлалъ, Фебо, еслибы вздумали предлагать награду тому, кто укажетъ на товары, провозимые контрабандою въ Маремму?

Фебо, какъ и большинство рыбаковъ, былъ контрабандистъ.

Въ Теламоне появленіе Музы произвело сильное впечатлѣніе; мужчины не скрывали своего восхищенія, такъ что ей пришлось накинуть на голову капюшонъ. Нѣкоторые изъ женщинъ узнали ее и спросили, гдѣ она живетъ. Она неопредѣленно имъ отвѣчала, что нашла себѣ работу. Добрый и умный старикъ аптекарь охотно взялъ ея травы и далъ ей взаменъ хини и вина. Жена его купила у нея корзины, но далеко не щедро заплатила за нихъ; когда Муза уходила, старикъ сунулъ ей въ руку нѣсколько серебряныхъ монетъ, говоря:

— Тебѣ слишкомъ мало заплатили; купи на это мяса твоему больному.

— Я принесу вамъ самыхъ рѣдкихъ растеній, — сказала она дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ, — и ничего не возьму съ васъ за это. Вы такъ добры.

И точно застыдившись выказаннаго чувства, она пустилась бѣжать. На концѣ улицы ее ждалъ старикъ, требуя условленную плату. Муза удивилась и отказалась платить: вѣдь онъ обязался доставить ее обратно. Старикъ, видя ея отказъ, сталъ грозить, что кликнетъ власть и укажетъ ея жилище. Уже Муза готова была отдать все, что онъ требовалъ, какъ за спиною раздался знакомый голосъ шкипера «Озиліатриче».

— Ничего не плати ему, мое судно доставить тебя, куда хочешь.

Фебо зналъ, что съ Даніэлло шутить нельзя: онъ не задумывается надъ кольтеллотой ¹⁾.

Муза колебалась. Она совсѣмъ не рада была приходу Даніэлло, и вполголоса продолжала упрашивать Фебо доставить ее обратно, или дать ей свою лодку. Но старикъ отказалъ ей. Остальные рыбаки тоже отказали ей въ ея просьбѣ. Причина ихъ отказа были сборы на ловлю рыбы, въ большой массѣ появившейся у береговъ. Ловля должна была произойти острогомъ, ночью, при свѣтѣ фонарей. Рыбаки цѣлыми группами бродили по берегу, сидѣли, болтали, курили въ ожиданіи ночи.

Даніэлло не отставалъ отъ Музы. Смыслъ его рѣчей былъ тотъ же, что и четыре мѣсяца тому назадъ. Она просила его объ одномъ: оставить ее, а главное не отыскивать, гдѣ она живетъ.

Не далеко отъ гавани работало нѣсколько каторжныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ Сатурнино. Муза и онъ узнали другъ друга. Муза уже не питала къ нему ненависти. Развѣ не онъ прислалъ къ ней Лунтбранда. Она сказала ему нѣсколько словъ и сунула въ руку серебряную монету. Голосъ ея вдругъ напомнилъ ему давно прошедшее время, голосъ его Серапинъ, а смотря на Музу здѣсь при дневномъ свѣтѣ, онъ находилъ въ ней черты своей юности, когда руки его не были обогреты кровью. Голосъ надсмотрщика не далъ ему возможности продолжать разговоръ съ Музой.

Даніэлло предлагалъ ей довести ее на «Озиліатриче»; она отвергла это предложеніе.

— Не даромъ тебя зовутъ Музонгеллой, — говорилъ онъ ей. Еслибы не желаніе поскорѣе вернуться къ Эсте, она бы

¹⁾ Ударъ ножомъ.

переночевала въ Орбетелло. Исхода не было и она согласилась, чтобы одинъ изъ матросовъ Овнлэтриче довезъ ее до Теламоне. Благовѣстили въ Аве Магіа, когда она причалила, и, поблагодаривъ матроса, безъ оглядки побѣжала домой, крѣпко прижимая къ груди пачку съ хиной; здѣсь хина цѣпилась на вѣсь золота.

Она встрѣтилась только съ погонщикомъ муловъ, онъ выбралъ ее, потому что лошадь его испугалась фонаря, который несла въ рукѣ Муза; она зажгла его, чтобы не завязнуть въ болотѣ. Громадный орелъ почти задѣлъ ее своими крыльями, такъ низко летѣлъ онъ, перебираясь съ Монте Амiato на Гималайскій хребетъ или горы Атласа. Богъе никого. Въ полночь она постучалась въ подземелье. Д'Эсте провелъ ужасный день; его мучило сомнѣніе и онъ дрожалъ за себя. При видѣ ея, ему стало совѣстно своихъ подозрѣній, онъ кинулся цѣловать ея поги.

— Я принесла хины и чистѣйшаго лаврима, — сказала она весело съ отѣвномъ упрека въ голосѣ. — Почему ты не довѣряешь мнѣ? Я никогда не лгу.

— Прости меня. Люди, которыхъ преслѣдуютъ, пугаются даже тѣни.

Онъ не зналъ, какъ высказать ей свою благодарность. Она объ этомъ не думала и желала только, чтобы онъ скорѣе поправился. Его долгія и сильныя страданія такъ огорчали ее.

— Да, я страдаю. Но что тебѣ до того, — сказалъ онъ ей такъ же, какъ и она отвѣтила однажды Морицу Санетису.

Она наполнила его виномъ и съ простою милою граціей принялась за хозяйство. Надо было развести огонь, чтобы сварить супъ изъ принесеннаго ею мяса. Эсте слѣдилъ глазами за ея приготовленіями. Въ первый разъ онъ понялъ, чѣмъ онъ обязанъ этой дѣвушкѣ: хворость и еловыя шишки для топлива собирала она своими руками, она же прала и ткала, убирала все, кормила и поила его, а между тѣмъ онъ сидѣлъ сложа руки. Совѣсть заговорила въ немъ, ему неловко было чувствовать себя обязаннымъ во всемъ женщинѣ. Теперь онъ сталъ уговаривать ее, по крайней мѣрѣ, прилечь, отдохнуть; но она не согласилась: она не ляжетъ, пока не сваритъ супъ для него. Но сама она не измѣнила своего ужина и какъ всегда поѣла сухого хлѣба и выпила воды.

Пока варился ужинъ для Эсте, они разговаривались. Бесѣда ихъ коснулась прежде всего тѣхъ, кто былъ похороненъ здѣсь. Музѣ всегда хотѣлось узнать ихъ исторію; Эсте рассказалъ

ей, кто были этруски, объяснилъ ей ихъ значеніе, ихъ прошлую славу. Понятія Музы были болѣе чѣмъ ограничены; она полагала, что Христосъ и этруски были современниками. Лунтбрандъ вывелъ ее изъ заблужденія. Онъ далеко не былъ ученымъ, но ей познанія его казались, конечно, очень обширными, и она съ благоговѣніемъ слушала его.

Съ большою осторожностью сообщила Муза Лунтбранду, что голова его оцѣнена и что ей извѣстенъ его графскій титулъ, о которомъ онъ умолчалъ, назвавъ себя. Невольная дрожь пробѣжала по тѣлу Эсте при первомъ извѣстіи. Что же касается до его титула, то съ тѣхъ поръ, какъ семья ихъ обѣдѣла, онъ не имѣлъ никакого значенія. Въ давно прошедшее время графы д'Эсте были знамениты своимъ богатствомъ и значеніемъ. Въ настоящее время отъ ихъ величія остались развалины дворца въ Мантуѣ, а городокъ Эсте, когда-то принадлежавшій имъ, отошелъ отъ нихъ и посѣщается теперь путешественниками, которые интересуются постройками Браманте и Сансовино и церквами, украшенными Джованни Беллини.

Любезность, сказанная Эсте на счетъ красоты Музы, въ первый разъ вызвала краску на лицѣ семнадцатилѣтней Музы и она поспѣшила опровергнуть его слова, увѣряя, что она не красива.

Исторія любви и осужденія Лунтбранда глубоко тронула Музу, никогда не слышавшую ничего подобнаго. Эсте былъ влюбленъ въ молодую, прекрасную донну Аловзію Горжьясъ, жену старика и скряги Пьетро ди-Альбано. Три года длилось блаженство молодыхъ людей. Свиданья ихъ происходили ночью. Въ роковой вечеръ на окнѣ стоялъ по обыкновенію условный знакъ—букетъ цвѣтовъ и лампа; значить, она одна. По веревкѣ онъ влѣзъ въ окно счастливый и радостный. Красавица лежала на постелѣ и, казалось, уснула. Онъ подошелъ. О ужасъ! Въ груди ея зіяла рана, кровь струилась на полъ. Кинжалъ его, забытый у нея на дняхъ, лежалъ подлѣ. Какъ безумный упалъ онъ на бездыханное тѣло. Въ это время вошли люди, улыбки были на лицѣ, его схватили и онъ былъ приговоренъ. Это убійство было дѣломъ рукъ стараго ревнивца. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, въ маскарадѣ нѣсколько неосторожныхъ словъ, сказанныхъ ей Эсте, были, вѣроятно, подслушаны мужемъ.

— Ужасною мстью отомстилъ онъ мнѣ,—закончилъ Лунтбрандъ.—Онъ поставилъ женѣ великолѣпный мавзолей, а меня сбросилъ на вѣчную погибель.

Эта любовь стояла преградою между имъ и Музою. Образъ безвременно погибшей застилалъ отъ его глазъ красоту дѣвушки,

жившей подлѣ него. Да и буря, вынесенная имъ, оставила глубокіе слѣды; рана сердца еще не зажила.

Но мы оставили Давіелло на берегу; нужно замѣтить, что разговоръ между Сатурнино и Музой былъ замѣченъ Давіелло. Когда Муза ушла, Сатурнино замѣтилъ устремленный на него взглядъ молодого шкипера. Онъ сдѣлалъ ему знакъ подойти и сообщилъ, что онъ—отецъ Музы. Отъ этихъ словъ голова закружилась у Давіелло.

Въ Сициліи не питають особенной симпатіи къ разбойникамъ; кромѣ того Давіелло былъ изъ хорошей и очень строгой семьи моряковъ и считалъ Мастарну великимъ грѣшникомъ. Хотя это происхожденіе и придавало для нилкаго воображенія Давіелло нѣкоторую прелесть Музѣ, окружая ее ореоломъ таинственности, но все-таки въ этомъ было что-то ужасное. Но хитрый разбойникъ уже подмѣтилъ въ глазахъ юноши любовь къ его дочери и хотѣлъ извлечь изъ этого пользу.

Давіелло не могъ заснуть и долго бродилъ по берегу. Море было усыяно цѣлой мириадой лодочекъ съ фонариками, какъ блуждающіе огоньки, сновавшихъ взадъ и впередъ по зеркальной поверхности моря.

Рано утромъ Давіелло уже стоялъ подлѣ Сатурнино; онъ вторично спрашивалъ его, дѣйствительно ли онъ отецъ Музы. Онъ подтвердилъ это, прибавивъ, что она не знаетъ, кто ея отецъ. Именемъ его любви къ дочери разбойникъ умолялъ его помочь ему бѣжать. Эта просьба была болѣе, чѣмъ нелѣпа. Освободить разбойника значило погубить себя. Но вмѣстѣ съ этимъ у Давіелло являлся страхъ: что если Сатурнино объявитъ, что онъ отецъ ея, и заявить на нее свои права? Что станетъ тогда съ нею? Онъ не отказалъ ему и не далъ слова. Болѣе чѣмъ когда-нибудь сталъ онъ помышлять о томъ, чтобы склонить ее выйти за него замужъ. «А какая сильная, здоровая мать для его будущихъ дѣтей!» и пылкое воображеніе сицилійца уже рисовало себѣ семейную картину, посреди которой Муза занимала главное мѣсто.

Наступила осень, лѣса Мареммы изъ зеленого окрасились въ золотой и красный цвѣта. Длинные вечера Эсте сокращалъ своими разсказами изъ исторіи и мифологіи. Муза прядла при свѣтѣ древней этрусской лампы и внимательно слушала его. Въ ея воображеніи рисовались новыя картины, являлись незнакомые образы.

Для Луитбранда Муза была другомъ, товарищемъ, не болѣе. И какъ могъ онъ понять и оцѣнить ее? Женщина, любимая имъ,

была слабое, пустое, бесполезное существо — хорошенькая игрушка; а эта дѣвушка была вся сила, энергія, она подавляла его своимъ превосходствомъ, да и сознание, что онъ обязанъ ей, мучило его. Только великія натуры не признаютъ чувства благодарности бременемъ, для мелкихъ же оно кажется тяжелымъ жерновомъ. Къ сожалѣнію, Эсте не принадлежалъ къ первымъ. Чувства Эсте къ Музѣ были, вѣроятно, въ родѣ тѣхъ, которыя питалъ скороненный здѣсь Лукумо къ своему вѣрному рабу. Лунтбрандъ позволялъ себѣ даже сердиться на нее, если она слишкомъ долго оставляла его одного. А кто же, какъ не онъ, былъ причиною того, что Музѣ было больше дѣла, больше заботъ. Но когда ему случалось благодарить ее, она была болѣе, чѣмъ вознаграждена за всѣ свои труды. Муза любила его безсознательно. Искра страсти еще тлѣла, но при первомъ удобномъ случаѣ могла вспыхнуть.

Оба были такъ молоды и такъ красивы. Когда болѣзнь прошла, румянецъ снова заигралъ на щекахъ Эсте, вѣстѣ со здоровьемъ вернулась надежда на что-то. Когда наступала ночь, онъ выходилъ изъ подземелья, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Его красивая фигура съ правильными чертами лица, освѣщенная луною, выдѣлялась на темномъ фонѣ ночи, напоминала собою статую Аполлона.

Муза уже безъ сожалѣнія ловила теперь рыбу: надо было готовить обѣдъ, и вотъ она смѣло закидывала сѣти. Рано утромъ, при розовомъ рассвѣтѣ Муза спустилась съ Сассо-Оскритто и сѣла въ лодку. Окончивъ ловлю и убирая лодочку въ надежное мѣсто, она услышала за собою шумъ веселья. Прежде чѣмъ она успѣла вымолвить слово, Морицъ Санетисъ уже стоялъ передъ нею. Онъ пришелъ, потому что безпокоился о ней, думалъ, желалъ ее видѣть, и если бы не встрѣтилъ на берегу, конечно, пошелъ бы къ ней. Последнее болѣе всего испугало Музу. Она отклонила его вопросъ о томъ, все ли живеть она одна. Лгать она не хотѣла. Эта уклончивость не избѣгла отъ проникательности Морица. Она показалась ему еще прелестнѣе, лицо оживилось, приняло болѣе осмысленное выражение. Слѣдовать ему за собою она строго запретила, общая на другой день придти сюда, и быстро взбѣжавъ, какъ горная козочка на вершину утеса, исчезла въ низко нависшихъ дождевыхъ облакахъ.

Лунтбрандъ на этотъ разъ былъ очень недоволенъ ея долгимъ отсутствіемъ. Его раздраженіе еще увеличилось, когда онъ узналъ, что она бесѣдовала на берегу съ молодымъ человѣкомъ.

Ему стало досадно, что-то въ родѣ ревности заговорило въ немъ. Имъ овладѣло безпокойство: а что, если этотъ незнакомецъ хочетъ увести ее, пересадить этотъ полевой цвѣтокъ въ городъ?

Но Муза не умѣла лгать и утромъ на другой день объявила, что идетъ на свиданіе съ Санетисомъ. Лувтбрандъ вышелъ изъ себя. Онъ не пуститъ ее, не позволитъ. Послѣднее вызвало улыбку у нея. Если она захочетъ, она довольно сильна, чтобы вырваться и поставить на своемъ. Но Эсте пригрозилъ, что если она пойдетъ на свиданіе, онъ тоже уйдетъ и отдастся въ руки правосудія.

Какъ ни невѣроятно казалось Музѣ нарушить данное ея слово, но дѣлать было нечего, эти угрозы заставили ее покориться. Смиренно склонила голову гордая Музонгелла и покорно сѣла за прядку. Эсте плелъ корзины. Цѣлый день они ни слова не сказали другъ другу. Но въ этотъ день Эсте впервые замѣтилъ всю красоту Музы, все то, что до сихъ поръ какая-то завѣса скрывала отъ него. Образъ Алонзинъ поблѣднѣлъ.

Напрасно Морицъ приплывалъ въ Сассо-Скритто, Муза не приходила въ назначенное мѣсто. Лодка ея спокойно стояла у берега, видно, что никто не дотронулся до нея въ эти дни. Онъ же постоянно думалъ о Музѣ, воображая ее окруженной опасностями. Онъ не былъ въ состояніи уѣхать и поселился въ Теломоне. Ему пришло въ голову просить у властей разрѣшенія видѣться съ Сатурнино, какъ онъ усылхалъ о его бѣгствѣ. Въ Орбентелло только и было рѣчи о томъ, какъ Сатурнино ночью бросился въ море; пули и ядра полетѣли въ слѣдъ бѣглецу; онъ, конечно, погибъ, но тѣла не нашли; полагали, что его съѣли въ изобиліи водившіяся тутъ акулы. Между тѣмъ никто не обратилъ вниманія на то, что Озніатриче долго простояла на якорѣ, ожидая попутнаго вѣтра, именно такого, который дулъ въ эту ночь, никто не заподозрилъ шкипера Даніалло, а кто же, какъ не онъ, помогъ Сатурнино и принималъ его на свой корабль?

Бѣгство Сатурнино объяснило все Морицу. Муза скрыла у себя отца и вотъ причина, почему она такъ боится его посѣщенія. Ему стало совѣстно, что онъ заподозрилъ чистую, невинную дѣвушку въ какой-нибудь любовной интригѣ. Но онъ все-таки не уѣхалъ изъ грязнаго мѣстечка Теломоне; все было имъ забыто: искусство, общество точно болѣе не существовали для него. Одна мысль постоянно преслѣдовала его: увидѣть во что бы то ни стало Музу.

По росшему подлѣ подземелья громадному, вѣтвистому дубу,

онъ узналъ мѣсто. Муза бродила не далеко, собирая грибы и хворостъ; она несла на головѣ цѣлую связку сухихъ вѣтокъ, несколько не сгибаясь отъ ея тяжести. Трудъ никогда не утомилъ Музу. Для Морица-художника она въ эту минуту показалась олицетвореніемъ чего-то неземного, типомъ лѣсной дриады. Но вотъ онъ приблизился къ ней, и снова повторилъ свои просьбы, молилъ уѣхать отсюда, простить ему его присутствие здѣсь, въ память Джоконды, наконецъ, подумать о будущемъ. Не видя, что ничто не дѣйствуетъ, онъ наконецъ сослался на законъ и сказалъ, что именемъ его потребуетъ отъ нея жить такъ, какъ ей подобаетъ. При этихъ словахъ съ Музою произошло что-то чрезвычайное. Ее можно было сравнить развѣ съ разъяренной львицей. Глаза ея зажглись огнемъ, напомнившимъ, что она не даромъ — дочь Мастарны, а въ рукѣ свернула ножъ; въ остервенѣніи бросилась она на Морица, требуя отъ него клятвы, что онъ не сдѣлаетъ того, чтб говорить. Мысль объ опасности, грозившей Лунтбранду, почти затмила ей рассудокъ. Морицъ стоялъ неподвижно: вѣдь не могъ же онъ бороться съ женщиной. Онъ отказался дать клятву, но обѣщалъ не приходить въ подземелье; но видѣть ее издали, слѣдить за нею никто не могъ запретить ему. Только мысль, что онъ изъ семьи Джоконды, остановила руку Музы и заставила ее опомниться.

На горѣ близъ Сан - Ліонардо Сантисъ купилъ виллу и поселился въ ней, чтобъ такимъ образомъ быть ближе къ Музѣ.

Чтобы сократить время и внести свою небольшую долю въ хозяйство, Эсте лѣпилъ различныя вещи изъ глины, большею частью женскія головки, имѣвшія чрезвычайное сходство съ Музой. У него была способность къ скульптурѣ и Муза могла продавать эти издѣлія въ городѣ. Глядя на эти головки, Муза невольно примѣчала свое сходство съ ними и не могла не замѣтить, что она красива; но никогда не позволяла себѣ остановиться на этой мысли, помня хорошо совѣтъ Джоконды. Это сильно сердило Лунтбранда. Вообще воспоминаніе о старушѣ не нравилось ему; она какъ будто налагала узы на дѣвушку, сдерживала ее; память Джоконды являлась какъ бы помѣхою, преградою между нимъ и Музою.

Вотъ ударили къ Ave Maria. Эсте и Муза работали, онъ лѣпилъ, она по обыкновенію прала. Вдругъ онъ отбросилъ работу и приблизился къ дѣвушкѣ.

— Овца и голубь имѣютъ подругъ, — сказалъ онъ нѣжнымъ шопотомъ и наклоняясь къ ней. — А ты... ты не любишь меня, хотя и расположена ко мнѣ.

Она оставила пряжу и съ безповойствомъ взглянула на него.

— Ты любишь женщину, которая жила въ Мантуѣ, — сказала она сухо.

— Да, — отвѣтилъ Эсте, вздохнувъ и вздрогнувъ при этомъ. — Но что прошло, то прошло. Она дорого стоила мнѣ. Ужасное воспоминаніе оставила она о себѣ.

— Какая же это любовь? — сказала Муза, презрительно улыбаясь: такое чувство казалось ей жалкимъ, ничтожнымъ.

— Наша любовь была именно такою, — отвѣтилъ онъ. — Сначала она была похожа на теплую лѣтнюю ночь, а кончилась бурей, въ которой мы оба погибли. Да, я любилъ ее... Въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ я ни разу не взглянулъ на тебя; развѣ ты не помнишь? Теперь я прозрѣлъ, а ты просишь меня ослѣпить.

— Я не понимаю, — сказала она, смущенная и испуганная. — Если ты развѣ любилъ ее, то, значить, любилъ на всегда. Неужели потому что она умерла, ты долженъ намѣниться? Къ чему ты смотришь на меня? Я служу тебѣ, дѣлаю что могу; со мною ты въ безопасности; это все, что тебѣ нужно, такъ какъ ты лишенъ свободы.

— Да, я простился съ свободой.

Голосъ его звучалъ все нѣжнѣе, онъ опустился къ ногамъ ея и сѣлъ, отодвинувъ пряжу. Его пристальный взглядъ смутилъ ее и точно приковалъ на мѣстѣ. Но, сдѣлавъ усиліе надъ собою, она встала; ей было досадно, ее охватилъ неопредѣленный страхъ чего-то, слезы потекли изъ глазъ.

— Я была до сихъ поръ такъ счастлива, — проговорила она, какъ бы упрекая его за эту тяжелую минуту.

Онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Ты знала только зарю жизни, я поведу тебя къ полудню. Чего ты боишься?

Рука его касалась ея руки, губы искали ея губъ. Они все забыли и не слышали, какъ вошелъ Морицъ Санетисъ.

Примѣтивъ его, они вскочили и схватились за ножи.

— Стойте! — сказалъ онъ. — Я пришелъ предостеречь васъ. Изъ Сан-Міонардо собирается сюда цѣлая шайка влодѣевъ. Они воображаютъ, что въ могилахъ скрыто золото. Я подслушалъ ихъ и вотъ причина моего прихода.

Отъ быстрой ходьбы и отъ неожиданности того, что представилось его глазамъ, у него захватило дыханіе.

Не смотря на испугъ при появленіи Морица, Эсте не потерялъ присутствія духа; отстранивъ Музу, онъ всталъ и съ

большимъ достоинствомъ, совершенно по-рыцарски, подошелъ къ Морицу и назвалъ себя:—Я—графъ Лунтбрандъ д'Эсте,—сказалъ онъ:—если вы врагъ мнѣ, то выдайте меня; я—бѣжавшій преступникъ.

Муза не вымолвила ни слова; Эсте крѣпко держалъ ее за руку и только по глазамъ ея Морицъ могъ судить о ея волненіи.

— Графъ Лунтбрандъ д'Эсте,—сказалъ Морицъ, едва сдерживаясь, сердце сильно стучало у него въ груди,—я васъ не знаю, я никого не преслѣдую. То, что сказано мною, я только-что слышалъ въ горахъ; они придутъ сюда послѣ Ave Maria.

Эсте необходимо было скрыться, какъ ни страдало его самолюбіе, какъ онъ ни боялся, чтобы Морицъ не счелъ его за труса. Но Муза наставляла и увлекала его, говоря:—пойдемъ, милый, пойдемъ!—Густая чаща укрыла ихъ.

Морицъ остался одинъ. Тяжелыя, мрачныя думы сократили время; имя Эсте казалось ему знакомымъ, а также и лицо: гдѣ могъ онъ его видѣть? Тутъ вспомнилъ онъ Мантую, судъ надъ нимъ и обвиненіе. Убитый видъ графа Эсте, по его мнѣнію, вовсе не былъ слѣдствіемъ утрызвеній совѣсти, какъ полагали судьи, а скорбью о любимой женщинѣ. Почему же теперь ему показался онъ виновнымъ въ убійствѣ!

Въ два часа ночи угольщики ворвались въ подземелье. Алчность такъ и читалась на лицѣ каждого изъ нихъ, а мысль воспользоваться одиночествомъ Музы дѣлала ихъ еще отвратительнѣе. Смѣлый отпоръ Морица, а главное, взведенные курки его пистолетовъ быстро удалили трусовъ, къ тому же они видѣли, что обманулись. Нигдѣ не было никакихъ признаковъ золота. По свисту Морица, Эсте и Муза вернулись: это былъ условный знакъ.

На другой день Морицъ въ глубокомъ раздумьѣ стоялъ у окна своей виллы. Онъ собирался уѣхать. Онъ сознавалъ, что здѣсь ему болѣе нечего было дѣлать. По склону горы шла Муза. Неужели къ нему? Да, вотъ она вошла въ аллею, въ домъ; она благодаритъ его за оказанную имъ обоимъ помощь. Странно, тяжело звучитъ ея голосъ въ ушахъ Морица; полное отсутствіе женской стыдливости непріятно дѣйствуетъ на него. Неужели она можетъ такъ прямо говорить о немъ, о своей жизни съ нимъ.

Морицъ не понималъ, что она не краснѣла, потому что ей не отъ чего было краснѣть.

Именемъ Джоконды онъ все-таки повторилъ ей просьбу вер-

нуться въ иной жизни. Обѣ Эсте онъ позаботится самъ и доставить его въ безопасное мѣсто. Краска сбѣжала съ лица Музы, когда Морицъ предложилъ ей снарядить на свой счетъ корабль и дать возможность Эсте бѣжать на немъ за границу, съ условіемъ, что она не послѣдуетъ за нимъ. Но тѣмъ не менѣе Муза общалась сообщить о его предложеніи Эсте: пускай онъ самъ сдѣлаетъ выборъ. Морицъ не скрылъ отъ Музы, что все это онъ дѣлаетъ для Эсте только ради ея. На завтра она общалась ему принести отвѣтъ.

III.

Эсте лѣпилъ изъ глины, когда вернулась Муза. Онъ даже не приподнял головы при ея приходѣ, только недовольнымъ тономъ спросилъ, откуда она. — Кто-нибудь изъ насъ долженъ былъ сходить поблагодарить Морица за все добро, которое онъ намъ сдѣлалъ, — отвѣтила Муза и затѣмъ передала Эсте предложеніе Санетиса. Услыхавъ его, Эсте выронилъ работу изъ рукъ. Ему казалось невозможнымъ, чтобы совершенно чужой ему человѣкъ оказалъ подобную услугу. Дѣйствительно, предложеніе выходило изъ ряду обыкновенныхъ. У Эсте былъ крайне подозрительный характеръ; въ Санетисѣ онъ чувствовалъ своего соперника и потому легко могъ заподозрить его въ неискренности предложенія; онъ не утерпѣлъ и высказалъ свою мысль Музѣ; она не сразу поняла его.

— Развѣ ты не видишь? Неужели ты такъ проста? — Онъ поможетъ мнѣ бѣжать для того, чтобы разлучить меня съ тобою. Онъ любить тебя и добьется взаимности. Ты — плата, которую онъ потребуетъ за мою свободу.

При этихъ словахъ Муза вспыхнула.

— Я этого не думаю, — сказала она съ увѣренностью. — Онъ человѣкъ великодушный; на него можно положиться. Онъ спасетъ тебя, если ты этого пожелаешь.

На вѣскольکو мгновеній имъ овладѣло страшное желаніе принять предложеніе Морица, чтобы снова вдохнуть свободно; но тотчасъ это желаніе смѣнила мысль, что предложеніе исходить отъ соперника; въ любви Морица къ Музѣ онъ не могъ сомнѣваться и полагалъ, что предложеніе сдѣлано подъ вліяніемъ не великодушія, а ревности. Напрасно Муза видѣла здѣсь только доброе намѣреніе; Эсте утверждалъ противное и сердился на нее за то, что она не соглашается съ нимъ. По его мнѣнію,

Морицъ прекрасно зналъ, что Эсте нигде не могъ показаться, его выдадутъ повсюду. Внутренно онъ сознавалъ, что, живя у Музы, онъ выказывалъ много эгоизма и трусости и навлекая своимъ присутствіемъ опасность на Музу. Въ порывѣ откровенности, онъ громко упрекалъ себя за это. Муза испугалась этого порыва и сказала:

— Не думай объ этомъ. Ты знаешь, ты знаешь...—Но она не договорила, у нея оборвался голосъ; ей трудно было выразить словами то, что она чувствовала.

— Я знаю! знаю, какъ ты добра ко мнѣ, хотя за послѣднее время ты была жестока и холодна.

— Нѣтъ—для тебя никогда!

— Да! даже и для меня ты—Музонгелла, потому что ты не любишь меня! Слушай. Ты задаешь мнѣ трудную задачу: пойти къ нему, или остаться съ тобою, и то другое одинаково низко. Зачѣмъ ты передала мнѣ его предложеніе? Зачѣмъ ты поставила меня въ такое затрудненіе? Человѣкъ въ моемъ положеніи похожъ на птицу со сломаннымъ крыломъ; какъ онъ ни бейся, онъ не подымется. Ты только увеличила мою пытку. Отнеси ему обратно его оружіе, я не хочу ничѣмъ быть ему обязаннымъ. Онъ мнѣ прислалъ подобное предложеніе только для того, чтобы я почувствовалъ, насколько я безсиленъ. Обязанъ я кровомъ тебѣ или ему, я—тотъ же ничій.

Она не въ состояніи была слѣдить за быстро мѣнявшимся направленіемъ его мыслей, но слова его глубоко ее огорчили. Она не замѣтила несправедливости, заключавшейся въ нихъ; Муза жалѣла объ одномъ, что она передала предложеніе Санктиса. Она всегда терялась передъ разсужденіями Эсте и чувствовала себя ниже его; она, не боявшаяся никого, дрожала передъ нимъ, любовь ея къ нему не имѣла границъ.

— Если на самомъ дѣлѣ, — продолжалъ онъ страстно, — ты хочешь моего отъѣзда, чтобы избавиться отъ меня...

— Я!..—Ея глаза договорили остальное.

— Тѣмъ не менѣе я не могу воспользоваться его помощію или ѣхать на его средства. Онъ любить тебя. Это вѣрно. Я — осужденный, это правда, но когда-то я былъ свободенъ, когда-то я былъ Лунтбрандъ д'Эсте. Я еще не палъ такъ низко, чтобы отказаться отъ тебя взамѣнъ моей свободы, или быть обязаннымъ хотя бы часомъ свободы тому, кто хотѣлъ бы тебя отнять у меня!

Муза отшатнулась отъ него, по лицу ея разлилась краска, и на немъ выразилось удивленіе и смущеніе.

— Я увѣрена,—сказала она съ усиленіемъ,—я тутъ не при чемъ. Я убѣждена, что у него нѣтъ подобныхъ мыслей относительно меня. Онъ хочетъ помочь тебѣ, потому что онъ добрый человѣкъ, но если ты не хочешь...

Все лицо ея сіяло улыбкою, губы дрожали, а сердце сильно билось.

— Я тебѣ передала,—прошептала она,—чтобы ты самъ рѣшилъ. Мнѣ было очень трудно сказать тебѣ это!

Онъ быстро окинулъ ее глазами.

— Къ чему ты вѣчно говоришь, что не любишь меня!—закричалъ онъ, нервно смѣясь радостнымъ смѣхомъ, понимая свою побѣду. Это былъ первый смѣхъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла любимая имъ женщина.

При этомъ тѣнь пробѣжала по ея лицу.

— Я никогда не говорила этого,—отвѣтила она.—Я не могу для тебя быть тѣмъ, чѣмъ была она; она вѣдь тутъ. Почему смерть даетъ намъ право на измѣну? Мертвые только ушли раньше насъ.

— Ты не должна думать о ней!—сказалъ онъ сердито.—Она бы не стала беспокоить себя изъ-за тебя, или, можетъ быть, убилъ бы тебя, какъ ее убилъ ея мужъ.

— Она молчала: инстинктомъ она вѣрно угадывала все, но рассуждать было ей не по силамъ.

— Я устала,—сказала она наконецъ,—очень устала. Мнѣ надо уснуть и отдохнуть. Утромъ я должна пойти къ нему и сказать, что ты остаешься; должна ли я взять съ собою его пистолетъ?

— Да. Скажи ему, что я не принимаю подарка отъ человѣка, который тебя любитъ!

— Онъ не любитъ меня. И я не могу ему сказать этого.

— Снеси ихъ ему обратно, хотя для меня они очень драгоценны. Онъ не станетъ презирать меня болѣе, чѣмъ уже презираетъ, и по крайней мѣрѣ я ничѣмъ не буду ему обязанъ. Скажи ему, что когда я буду убѣжденъ, что ты меня не любишь, тогда я избавлю тебя отъ моего тяжелаго присутствія безъ его помощи. Это будетъ очень легко. Горгона не далеко, а смерть подъ рукою, во всякой лоцинѣ, въ болотахъ.

Муза вздрогнула.

— Ты знаешь, что я люблю тебя, — сказала она серьезно и, не прибавивъ болѣе ни слова, ушла къ себѣ въ комнату.

Она встала рано на зарѣ; утро было очень холодное и туманное; солнце еще не вставало, только облака уже приняли розоватый отливъ, а на востокѣ еще горѣла утренняя звѣзда.

Не далеко пришлось идти Музѣ; у подножія скалъ, она встрѣтила Морица. На лицѣ ея онъ прочелъ отвѣтъ Эсте и страшно поблѣднѣлъ. У Морица сорвалось съ языка нѣсколько жесткихъ упрековъ; онъ сердился на Эсте не какъ на счастливаго соперника, а какъ на человѣка, ставившаго Музу въ еще болѣе опасное положеніе.

Муза вышла изъ себя; она не позволяла оскорблять Эсте. О ихъ взаимной любви она не сказала ни слова, но Санктисъ понялъ это. Онъ сталъ просить ее подумать о томъ, что она дѣлаетъ, живя такимъ образомъ и бросая понапрасну дары, которыми такъ щедро надѣлила ее природа. Онъ умолялъ ее объ этомъ не ради себя, а только ради ея самой. Лучше было бы для нея, если бы она полюбила кого другого, а не этого человѣка, который кромѣ несчастія ничего не принесетъ ей. Неужели ея гордость, — а Морицъ былъ хорошо знакомъ съ нею, — не страдаетъ отъ подобнаго образа жизни?

— О себѣ я не думаю, и тебѣ нечего думать обо мнѣ, — сказала она совершенно просто. — Пока я нужна ему, я его не покину; когда онъ не будетъ имѣть во мнѣ надобности, тогда я уйду. Теперь мнѣ пора, позволь мнѣ идти.

Онъ видѣлъ, что слова его бесполезны и, взглянувъ на нее, глубоко вздохнулъ. У него явилось сильное желаніе сказать ей, кто ея отецъ, но онъ удержался и только просилъ ее передать Эсте его письмо къ нему. — Напрасно ты запечаталъ его, — сказала Муза, — я бы и такъ не прочла его. — Не даромъ она была дочь своего отца. Сатурнино загубилъ не мало человѣческихъ душъ; но однажды умирающій путешественникъ просилъ его доставить любимой имъ женщинѣ пачку дулатовъ, иначе она бы умерла съ голоду, и разбойникъ въ точности исполнилъ его просьбу. На «прощай» Музы, Морицъ ничего не отвѣтилъ.

Два раза перечелъ Эсте письмо Санктиса; ему довольно трудно было понять человѣка гораздо выше его въ нравственномъ отношеніи. Морицъ писалъ слѣдующее: «Я посвящаю жизнь мою на то, чтобы постараться доказать вашу невинность; въ Мантуѣ я одинъ вѣрилъ въ нее во время суда надъ вами. Если мнѣ это удастся, я прошу васъ объ одномъ: когда вы будете свободны, не забудьте вашего долга относительно ея, выполните его передъ лицомъ всѣхъ людей. Морицъ-Антонъ Санктисъ».

Эсте не былъ въ состояніи повѣрить въ чистоту цѣлей Санктиса, въ полнѣйшее отсутствіе у него эгоизма. Но Муза отрицала, что Санктисъ ее любитъ, и въ доказательство привела въ при-

мѣръ сидѣльца: тотъ совершенно иначе говорилъ съ нею. Это вызвало опять неудовольствіе со стороны Эсте. Онъ воображалъ, что никто никогда не взглянулъ на Музу. Она успокоила его: сидѣлецъ болѣе не вернется, и говоря это, глаза ея выражали столько любви къ Эсте, что онъ не могъ не замѣтить этого. Онъ подошелъ къ ней и прильнулъ губами къ ея волосамъ. Она отстранила его и сказала, что между ними не можетъ быть рѣчи о любви. Онъ долженъ остаться вѣрнымъ покойной, она бы не забыла его, если бы онъ умеръ; она бы еще сильнѣе полюбила его, онъ не могъ въ этомъ сомнѣваться.

Но онъ не соглашался съ нею. Почему имъ не любить другъ друга? Той уже не было на свѣтѣ. Они же одни въ мірѣ, и любить другъ друга. Онъ опять приблизился къ ней и хотѣлъ обнять ее, но ея взглядъ удержалъ его. Она не отрицала того, что любить его, но онъ не долженъ прикасаться къ ней; они будутъ жить, какъ жили до сихъ поръ. Она никогда не покинетъ его, но онъ долженъ уважать ее.

Муза ушла; у гроба Джовонды она преклонила колѣни и долго и горячо молилась. Онъ не посмѣлъ слѣдовать за нею. Дѣйствительно ли онъ любилъ ее? Можетъ быть, это была только чувственная любовь и ревность, желаніе обладать ею, чтобы другіе не завладѣли. Вѣроятно искренней, настоящей любви не существовало.

Размолвка продолжалась; въ подземельѣ теперь мало говорили между собою: Эсте былъ постоянно раздраженъ, Муза чего-то боялась. Нельзя было забыть произнесенныхъ словъ, а между тѣмъ эти слова нарушили ихъ простыя, товарищескія отношенія.

Глядя на Музу издали, когда она работала, озаренная лучами солнца, у Эсте явилось къ ней чувство благоговѣнія, и ему казалось, что она не создана для земной любви. Но затѣмъ болѣе низкій инстинктъ подсказывалъ ему, что она сама призналась ему въ любви. Забывъ все, чѣмъ обязанъ ей, онъ однажды сказалъ ей: я прошу хлѣба, а ты подаешь мнѣ камень. Онъ не понималъ какую страшную боль причинялъ онъ ей этими словами. На Музу иногда нападалъ неопредѣленный страхъ, ей казалось, что она не совладѣетъ собою; она готова была бы бѣжать отсюда, но это было бы трусостью, которая въ ея глазахъ была преступленіемъ. Да и какъ бѣжать? на кого покинуть Эсте; одинъ онъ умереть съ голоду. Эсте не могъ понять ея возвышеннаго, честнаго характера. Онъ не разъ говорилъ ей, что она холодна какъ ледъ, а между тѣмъ въ душѣ ея горѣлъ огонь и одна громадная сила воли его сдерживала. Могъ ли

онъ мнѣть ее, онъ, привыкшій къ легкимъ побѣдамъ, къ женщинамъ, для которыхъ любовь была игрушкою, забавою? Когда онъ говорилъ ей: «Ты не любишь меня!» въ глубинѣ сердца, онъ невольно сознавалъ, что такъ, какъ она любитъ, его не любила ни донна Алоизія, ни всѣ другія, взятія вмѣстѣ. Онъ называлъ ее жестокой, но чувство признательности, однако, не позволяло ему воспользоваться ея одиночествомъ.

— Уже расцвѣли эти цвѣты въ полѣ,—сказалъ онъ, беря ее крѣпко за руку, въ которой она держала букетъ крокусовъ. — Уже пошелъ другой годъ?

— Да. Развѣ ты забылъ? Я говорила тебѣ, что наступилъ февраль.

— Ты говорила? Да, но здѣсь всѣ мѣсяцы одинаковы. Для несчастныхъ людей время теряетъ значеніе.—Если бы ты полюбила меня, я бы сталъ считать дни,—тихо шепнулъ онъ ей.

Она покраснѣла и молчала, только высвободила изъ его руки свою руку.

— Отчего ты такъ неласкова?—сказалъ онъ сердито.—Мы бѣдняки могли бы по крайней мѣрѣ быть богаты любовью. Зачѣмъ ты такъ холодна?

— Ты обѣщалъ мнѣ, что я буду священна для тебя,—сказала она слабо протестуя и едва осмѣливаясь напомнить ему о первыхъ дняхъ, проведенныхъ имъ тутъ, чтобы онъ не подумалъ, что она напоминаетъ ему то, чѣмъ онъ ей обязанъ.

— Кто для насъ священнѣе того, кого мы любимъ,—сказалъ онъ тономъ, который отнялъ у нея силу противорѣчить ему и успокоилъ ея смутную тревогу.

— А чѣмъ ты любишь? Только не меня. Если бы завтра ты былъ свободенъ, ты не остался бы здѣсь по доброй волѣ.

— Мы бы ушли вмѣстѣ,—сказалъ онъ, помолчавъ немного. Мы бы улетѣли какъ эти ласточки. Ахъ, зачѣмъ ты говоришь о невозможномъ!

— Если бы ты дѣйствительно любилъ меня, — сказала она серьезно,—это мѣсто было бы для тебя лучше всѣхъ земныхъ дворцовъ. Если бы мнѣ предложили жить во дворцѣ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ ты мнѣ столько рассказывалъ, я бы не стала жить въ немъ, потому что мы съ тобою встрѣтились здѣсь.

Онъ вздохнулъ; онъ былъ недоволенъ и досадовалъ. Въ другой разъ на его мольбы и упреки она отвѣтила, что въ дѣтствѣ она дала слово Джокондѣ—еще не понимая его смысла,—что ни одинъ мужчина не дотронется до нея безъ церковнаго благословенія. Эсте вышелъ изъ себя: вѣчно воспоминаніе о двухъ покойникахъ

стояло неодолимою преградою между нѣмъ и Музою. Она просто не любитъ его. Пусть уходитъ съ сициійцемъ или Морицемъ Санкетисомъ, куда ей угодно, они оба имѣютъ право при дневномъ свѣтѣ вести ее въ церковь.

Точно можемъ эти слова кольнули ее въ сердце, но она кротою возразила ему:

— Они мнѣ не нужны. Я отослала ихъ. Съ того дня, какъ ты пришелъ, я думаю только о тебѣ одномъ. Почему намъ не жить, какъ мы жили до сихъ поръ?

— Одни только слова, — сказала Эсте нетерпѣливо. — Подѣлуй меня разъ, и я повѣрю...

Она вся вспыхнула и задрожала.

— Я общалась ей, а ея уже болѣе нѣтъ въ живыхъ, — сказала она тихо и серьезно.

Странно разсерженный онъ отошелъ отъ нея.

— И ты смѣешь говорить, что любишь меня!

— Ты оскорбляешь меня! — пролепетала она. Онъ мучилъ ее и ей уже начинало казаться, что она виновата, но все-таки находила его жестокимъ.

Онъ отвернулся отъ нея, она боязливо издали слѣдила за нимъ взглядомъ; онъ продолжалъ хранить молчаніе, тогда она вышла, чтобы собрать хворостъ.

— Кто изъ твоихъ любовниковъ ждетъ тебя въ кустахъ? — крикнулъ онъ ей съ озлобленіемъ.

— У меня нѣтъ ихъ, — сказала она, остановилась и, повернувшись къ нему лицо, прибавила: — тебя я люблю всею душою, но ты меня не понимаешь.

— Такъ же какъ и ты меня, — сказалъ онъ злобно. — Ты полагаешь, что живого человека можно любить одинаково, какъ мумію, лежащую въ гробу. Живи здѣсь между гробницами, всвѣщенными изъ скалъ, ты стала такою же холодною, какъ онъ. Ты вѣрно думаешь, что въ жилахъ течетъ вода, а не кровь...

Могъ ли этотъ упрекъ относиться къ ней, у которой кровь кипѣла какъ лава? Краска стыда и досады покрыла ея щеки.

— Можетъ быть, и такъ, — отвѣтила она съ горечью. — Не даромъ меня зовутъ Музонгеллой.

Музѣ понадобилось съѣздить въ Орбетелло, чтобы купить вина и масла, которое все вышло. Эсте не могъ удержаться, чтобы при ея уходѣ не сказать ей нѣсколько колкостей; но, впрочемъ, скоро спохватился. Она позаботилась обо всемъ, что было ему нужно на нѣсколько часовъ, ея отсутствія.

Весна была въ полномъ разгарѣ; въ лѣсу животные и птицы

всладжались жизнью. Музѣ вездѣ попадались парочки и тѣхъ, и другихъ. Отойдя нѣсколько шаговъ, у Музы явилось непреодолимое желаніе взглянуть еще разъ на Лунтбранда, но такъ, чтобы онъ не видалъ ее. Надъ подземельемъ она устроила отверстие для выхода дыма; она взошла на приторокъ и наклонилась: въ отверстие можно было разглядѣть, что происходило внутри. Лунтбрандъ лежалъ, его безпомощный, убитый видъ возбуждалъ въ ней сильное чувство жалости. Неужели онъ правъ? Неужели на самомъ дѣлѣ она такъ жестока ему? Но она не вернулась.

Въ Орбетелло на вопросъ старика аптекаря, второму она завесла, корзинку рѣдкихъ грибовъ, скоро ли она выйдетъ за-мужъ за молодого человѣка, для котораго онъ отпускалъ хину, она покраснѣла, какъ маювъ цвѣтъ.

По дорогѣ ей попался на-встрѣчу плутъ Андреино, вѣчно увѣрявшій ее въ своей дружбѣ къ ней; онъ спрашивалъ ее хитро подмигивая, о ея житьѣ-бытьѣ и о томъ, какъ она поживаетъ со своимъ другомъ, и затѣмъ, устремивъ на нее пристальный взглядъ, прибавилъ: не слыхала-ли она чего нибудь о молодомъ человѣкѣ, за поминку котораго правительство обѣщало такую большую сумму денегъ. Большого усилія стоило Музѣ сдержаться; но она овладѣла собою: она знала, на что способенъ старикъ, если только догадается о мѣстожительствѣ Эсте, и отвѣтила спокойно, что ровно ничего не слыхала. И чтобы навести страхъ на старика, она ловко перевела разговоръ на контрабандистовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Андреино.

Уложивъ въ лодочку свои покупки, Муза пустилась въ обратный путь. Уже вечерѣло. Небо было покрыто тучами. Море сильно волновалось. Лодочка съ трудомъ боролась съ волнами. Упали крупныя дождевыя капли, а за ними пошелъ страшный ливень. Волны подымались все выше и выше и заливали лодочку; ежеминутно волна, налетая на нее, готова была ее опрокинуть. Одна изъ волнъ смыла со дна ея весь запасъ масла и вина. Музѣ ежеминутно грозила та же участь. Объ управленіи лодкою нечего было и думать и Муза отдалась вполнѣ на волю расхажившейся стихіи. Она не думала о себѣ, смерти она никогда не боялась; но теперь именно ей не хотѣлось погибнуть, хотѣлось жить для него; да и безъ нея онъ бы погибъ навѣрное. Но вотъ налетѣлъ громадный валъ и опрокинулъ лодку, далеко выбросивъ Музу. Она захлебнулась и лишилась чувствъ.

Когда она пришла въ себя и открыла глаза, она лежала

доха у ярко пылавшаго очага. Эсте стоя на коѣннѣхъ подлѣ нея, согрѣвалъ въ своихъ рукахъ ея руки.

— Что случилось?—спросила она; но вдругъ вспомнила все, что было, и сильно горевала о пропажѣ провиній.

— Что за дѣло,—шепнулъ онъ ей, наклоняясь надъ нею.— Ты спасена, ты жива.

Вмѣсто отвѣта она слабо улыбнулась и закрыла глаза. Ей такъ хорошо было тутъ, тепло, мокрое платье высохло на ней, она согрѣлась. Голова ея покоилась на связкѣ хвороста, покрытой козьей шкурой; она лежала блѣдная, а ея маленькія бѣлыя босыя ноги лежали на другой такой же шкурѣ. Слабая и безпомощная она казалась для Эсте дорожке, чѣмъ тогда когда, полная здоровья и силы, она трудилась для него.

Она никакъ не могла понять, какъ она очутилась дома и испугалась: ей пришло въ голову, не принесъ ли ее кто чужой. Тогда Эсте рассказалъ ей все, что произошло, весь свой ужасъ, когда разразилась буря, какъ онъ искалъ ее, какъ нашелъ ее въ темнотѣ, наступивъ на нее ногою. Онъ забылъ опасность, второй подвергался, бродя по берегу, онъ думалъ только о ней. Онъ подымалъ ее и принесъ домой.

Она слушала его въ глубокомъ молчаніи съ широко раскрытыми глазами, боясь проронить хотя одно слово.

Когда онъ кончилъ, изъ ея груди вылетѣлъ слабый крикъ, въ голосѣ ея слышны были слезы:

— Ты сдѣлалъ это для меня?—сказала она тихо съ удивленіемъ.—Ты подвергалъ себя опасности для меня.—Онъ склонился надъ нею и поцѣловалъ ее.

Она вся улыбнулась, вздохнула и крѣпче обвила руками его шею.

Весна была въ полномъ блескѣ. Все расцвѣло. Въ чащѣ пѣли соловьи. Вся природа ликовала. И въ подземелье заглянуло счастье; согласие было полное. Любовь часто преодолеваетъ обстоятельства; природа сильнѣе всѣхъ законовъ человѣческихъ.

Между тѣмъ въ Мантуѣ поселился Санктисъ. Жители съ удивленіемъ смотрѣли на него. Постоянно угрюмый и задумчивый, онъ велъ уединенную жизнь. Онъ выходилъ ежедневно на прогулку; мысли его были постоянно въ Мареммѣ. Онъ продолжалъ заниматься живописью, списывая картины въ дворцахъ и монастыряхъ нѣкогда славной Мантуй. Но никто не обратилъ вниманія на то, что незнакомецъ ежедневно наблюдаетъ за старымъ мужемъ равно погибшей донны Алонзін. Для всѣхъ его

горе было искреннимъ, только одинъ Санктисъ считалъ его убійцею и изыскивалъ средства доказать его виновность.

То, что говорилъ аббатъ Морицу во время суда надъ Эсте, было оттолокскомъ общества; старій ревнивецъ казался всѣмъ удрученнымъ горемъ, всѣ видѣли мавзолей изъ бѣлаго мрамора, который онъ воздвигъ своею невѣрною супругѣ. Его считали чуть не святымъ человекомъ.

Хотя Морицъ имѣлъ мало довѣрія къ Эсте, но онъ надѣялся, что, сдержавъ свое слово передъ Эсте, онъ обяжетъ его быть вѣрнымъ Музѣ. Онъ судилъ по себѣ.

Между тѣмъ Муза была вполне счастлива. Когда ей случилось выйти изъ подземелья, ей казалось, что вся природа улыбается. Она не завидовала болѣе птицамъ, суевившимся у своихъ гнѣздъ; радостная пѣсенка жаворонка казалась ей вполне понятною. «Я тоже счастлива! я тоже живу!» восклицала она вся сія радостью. У сильныхъ натуръ радость и горе одинаково безграничны. Гордости Музы и слѣда не осталось; она безмолвно подчинялась волѣ любимаго ею человека. Муза никогда до сей поры не думала о своей наружности, теперь же у нея явилось желаніе нравиться, ей случалось прикалывать цвѣты къ своей скромной одеждѣ, или убирать ими волосы. Вся ея фигура такъ и сіяла счастьемъ; даже Эсте примѣтилъ перемѣну, происшедшую въ ней. Ставъ по обыкновенію цвѣты у Джовонды, Муза мысленно просила у нея прощенія и была въ немъ убѣждена ради ихъ обоюднаго счастья. Ея обиденная жизнь нисколько не измѣнилась. Напротивъ, въ счастіѣ Муза, казалось, почерпала новыя силы для работы и труда. Въ Эсте была вся ея жизнь, весь міръ заключался въ немъ одномъ.

Но самъ Эсте, добившійся того, чего желалъ, обладавшій такою дѣвушкою, былъ ли онъ счастливъ и доволенъ? Увы! не вполне. Цѣль была достигнута, капризъ исполненъ. Ему опять было скучно, дни тянулись безъ конца. Если она замѣчала его тоску, онъ извинялся передъ нею, ссылаясь на то, что это вполне понятно въ его грустномъ положеніи. Муза не могла наполнить его жизни. У него даже являлось сожалѣніе, зачѣмъ на мѣстѣ ея не прежняя его любовь. Въ немъ все какъ будто заглохло. Онъ было думалъ, что оживетъ подъ пламенною любовью Музы, но ошибся. Даже теперь онъ вспоминалъ свою Алоизію, горевалъ, что не можетъ снова обнять ее.

Всегда ровная, спокойная, покорная, Муза прискутила ему. Зачѣмъ она всегда одинаково ласкова съ нимъ? Онъ вспомнилъ свои ссоры съ Алоизіей и сладость минутъ, слѣдовавшихъ за при-

мирениемъ. Но Муза не знала кокетства, не понимала его. Все существо ея дышало искренностью и невинностью. Себѣ цѣны она не знала, и ставить себя высоко ей не приходило въ голову. Море смиростивилось надъ нею: буря выбросила лодочку на берегъ недалеко отъ Сассо-Скритто. Но она не пускалась болѣе въ дальнія странствованія: Эсте не любилъ, когда она выходила и почти не отпускалъ ее отъ себя. Крылья вольной птички были подрѣзаны. Но теперь ей это было все равно.

Бродя у моря въ лѣтній день въ громадной соломенной шляпѣ своей работы, Муза опять встрѣтила Даніелло Вилламанья. Онъ только-что вернулся сюда и искалъ ее. Онъ сильно похудѣлъ. Онъ повторилъ свое предложеніе, отвѣтъ ея былъ, конечно, тотъ же, но ей стало жаль его. Сердце ея было мягче. Любовь смягчила его. Даніелло очень хотѣлось сказать, что она дочь Сатурнино; но онъ промолчалъ, только сообщилъ ей, что разбойникъ бѣжалъ изъ тюрьмы. Это извѣстіе вызвало улыбку на ея лицѣ. Ея тонъ ободрилъ его и придалъ ему смѣлости; онъ сталъ наставлять, чтобы она указала ему свое жилище, не то онъ непременно розыщетъ его.

Чтобы выйти изъ этого положенія, Муза рѣшилась прибѣгнуть къ крайнему средству, взглянувъ ему прямо въ лицо, она произнесла:

— Что тебѣ за дѣло, гдѣ я живу? Оставь меня въ покоѣ. Ты слишкомъ гордъ, чтобы придти туда, гдѣ ты будешь лишній. Правда, я живу съ человекомъ, котораго люблю. До всего остального мнѣ нѣтъ никакого дѣла. — Она сказала это такимъ спокойнымъ голосомъ, что въ истинѣ ея словъ нельзя было сомнѣваться. Онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, точно камень упалъ ему на голову.

— Если такъ?—вымолвилъ онъ наконецъ,—то конечно мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Я думалъ, что сердце твое чисто какъ мраморъ, на которомъ еще ничье имя не начертано; почему бы не начертать на немъ мое—безъ сомнѣнія, я тебѣ кажусь сумасшедшимъ.

Сказавъ это, онъ бросился стремглавъ въ свою лодку и, сильно работая веслами, исчезъ за скалами Сассо-Скритто. Муза была рада, когда онъ ушелъ и ни минуты не жалѣла о подаркахъ, которые онъ принесъ ей и которыхъ она, конечно, не взяла. Съ облегченнымъ сердцемъ вернулась она домой.

Эсте оканчивалъ въ это время статую Музы; онъ глѣпилъ ее изъ сѣрой глины, которую она доставала ему изъ русла Омбоне. Онъ изобразилъ ее съ голыми ногами и руками, какъ будто

она только-что вышла изъ моря, на головѣ она придерживала древній бронзовый кувшинъ. Сходство было поразительное. Муза съ недоумѣніемъ смотрѣла на статую: неужели это ея изображеніе?

— Тебѣ пріятно будетъ узнать, что Сатурнино свободенъ. — Она не сказала кто сообщилъ ей это извѣстіе, чтобы не возбуждать его ревность. Эсте не выказалъ радости. Ему было только досадно, что человѣкъ, руки котораго обогрѣны кровью столькожъ жертвъ, на свободѣ, а онъ, невинный, осужденъ скрываться, чтобы не быть заключеннымъ въ тюрьму.

Муза съ болью слушала его; въ его словахъ она видѣла сожалѣніе и сильное желаніе вырваться отсюда. Онъ утѣрялъ ее въ противномъ, но ей плохо вѣрилось. Она дурно спала эту ночь, даже плакала во снѣ. Она видѣла сонъ, будто она слѣдить за отлетомъ фламинговъ, крылья ихъ тяжело висятъ, они всѣ пропитаны ея кровью и чѣмъ дальше они улетаѣли, тѣмъ больше силы покидали ее, и когда они исчезли въ яркихъ солнечныхъ лучахъ, ей показалось, что она умерла.

Въ эту же самую ночь совершилось въ Мантуѣ событіе, о которомъ всѣ заговорили на слѣдующій день и много народу толпилось подлѣ мавзолея донны Алонзін. Санетисъ окончилъ свое дѣло. Онъ собралъ всѣ доказательства, нашелъ старыхъ слугъ и въ одинъ прекрасный день явился ко всѣмъ уважаемому судѣ въ Мантуѣ и сказалъ ему прямо въ лицо, что онъ убійца. Чтобы смягчить тяжесть наказанія, въ ту же ночь старикъ написалъ откровенную исповѣдь, сознаваясь въ преступленіи. Онъ самъ зарѣзалъ жену и взвалилъ вину на ея соблазнителя, чтобы отомстить ему за безчестіе.

Морицъ хотѣлъ самъ принести Лутбранду извѣстіе о его освобожденіи. Но судьба рѣшила иначе. Окончивъ дѣло, онъ заболѣлъ. Призванные врачи пустили ему кровь и лишили его силы бороться съ недугомъ, и тѣмъ ускорили его кончину. Онъ умеръ одинъ, окруженный наемными слугами. Умирая, онъ хотѣлъ что-то сказать, но силы измѣнили ему.

Съ наступленіемъ лѣта Музѣ пришлось отправиться въ Теламоне, чтобы купить провіантъ; лѣтомъ пищи нельзя было найти подъ рукою. Послѣднее время она чувствовала себя не совсѣмъ хорошо, часто уставала, но не сознавала своего положенія. Въ лодкѣ, окруженная моремъ, она почувствовала себя крѣпче.

Въ Теламоне тотъ же старикъ Андреино, что-то подозрѣвавшій, указалъ ей на прилѣпленное объявленіе; оно гласило на этотъ разъ о полномъ прощеніи, оправданнаго графа Лутбранда д'Эсте и обѣщало награду тому, кто уважаетъ его мѣстопробываніе.

Строки, небо, земля, море, все какъ будто закружилось въ глазахъ Музы.

Она не сомнѣвалась, что, получивъ снова свои права, онъ уйдетъ отъ нея. Она рѣшила ничего не говорить ему. Кромѣ ея и Моррица Санетиса никто на свѣтѣ не зналъ, гдѣ находится Эсте. Но передъ Андрейю она ничего не показала, она всегда была скрытна и осторожна. Теперь старикъ вполнѣ успокоился въ своихъ подозрѣніяхъ; онъ полагалъ, что еслибы они были справедливы, то Муза прельстилась бы обѣщанною наградою.

Причавивъ у Сассо-Скритто, она забыла купленную провизію и пустилась бѣжать домой; но твердо рѣшила, — такъ думала она, — ничего не говорить ему: она не выпуститъ его, а кромѣ ея никто не скажетъ ему ничего. Приближаясь къ подземелью, она замедлила шаги: а если онъ прочтетъ истину на ея лицѣ? Зной стоялъ невыносимый. Она заглянула, что дѣлается въ подземельѣ. Эсте спалъ. Чтобы не было такъ жарко, онъ легъ на каменную гробницу, гдѣ когда-то лежалъ воинъ въ золотомъ вооруженіи. Эсте былъ блѣденъ какъ мертвецъ; грудь его слабо поднималась, губы были крѣпко сжаты, длинныя рѣсницы спускались на впалыя щеки. Широкая рубашка плохо скрывала исхудалое тѣло. У него былъ жалкій, безпомощный видъ. Взглянувъ на него, она поняла всю свою вину, если скроетъ отъ него истину. Ей стало безгранично жаль его, жаль себя; Она долго просидѣла подъ деревомъ надъ подземельемъ въ задумчивости, не замѣчая времени, только изрѣдка у нея срывались съ языка восклицанія: «Онъ уйдетъ! онъ уйдетъ! Боже, помоги мнѣ!» Солнце садилось, когда она услышала голосъ Эсте, онъ звалъ ее, беспокоясь ея долгимъ отсутствіемъ. Услышавъ его, она очнулась, вскочила и прежде, чѣмъ онъ могъ сказать слово при видѣ ея, крикнула ему:

— Ты свободенъ! Иди туда, прочти!

Онъ взглянулъ на нее и весь задрожалъ. Онъ стоялъ передъ нею въ отверстіи подземелья. Вся фигура его измѣнилась, онъ точно ожилъ, воскресъ. Онъ схватилъ ее за обѣ руки.

— Что? что такое? — закричалъ онъ. — Что ты говоришь? Повтори, скорѣй, скорѣй!

Ей казалось, что отъ счастья онъ улетитъ, исчезнетъ въ воздухѣ, какъ этрусскій воинъ.

— Это правда, — сказала она сухо, высвобождаясь отъ него. — Поди самъ и взгляни. Тебя ищутъ, ты свободенъ.

Она вырвалась отъ него и убѣжала въ глубь подземелья.

Эсте не двинулся. Но вдругъ онъ порывисто выбѣжалъ на

открытый воздухъ, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, что можно свободно дышать имъ, глядѣть на всю необъятную ширь неба и моря, не прятаясь болѣе подобно пресмыкающимся.

— Боже! ты не оставилъ меня!—воскликнулъ онъ въ восторгѣ.

Онъ смѣялся смѣхомъ, которымъ смѣются дѣти, и крупныя слезы катились по щекамъ. Онъ былъ свободенъ, но точно что-то острое кольнуло его въ сердце, когда онъ вспомнилъ, что въ Мантуѣ уже нѣтъ въ живыхъ любимой имъ когда-то женщины.

Когда прошли первыя минуты восторга, онъ вернулся въ подвалье и позвалъ Музу. Она не пришла къ нему, а изъ другой комнаты отвѣтила:

— Я очень устала, дай мнѣ отдохнуть.

Онъ снова просилъ ее повторить, что она видѣла, гдѣ и какъ прочла объявленіе. Онъ боялся вѣрить, Муза теперь была подлѣ него, но онъ не замѣчалъ ея, она уже перестала для него существовать. Онъ рвался на волю, ему хотѣлось жизни, къ которой онъ привыкъ, городского шума, хотѣлось видѣть людей. Муза предложила ему сѣсть въ ея лодку и слѣздить въ Теламоне, чтобы собственными глазами убѣдиться въ истинѣ ея словъ. Она совѣтовала ему ѣхать, а между тѣмъ въ сердце точно говорило ей, что онъ не вернется. Эсте нѣжно обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ; онъ обѣщалъ скоро вернуться, вечеромъ или самое позднее въ полночь. Онъ увѣрялъ ее въ своей любви, въ томъ, что никогда не забудетъ ее; онъ только прочтетъ объявленіе, посмотритъ на людей и вернется.

Широко и сильно взмахнулъ онъ веслами. Вѣтерокъ въ ту минуту принесъ съ горъ хорошо знакомый ему ароматъ помегранцевыхъ цвѣтовъ; отрадно втянулъ онъ въ себя воздухъ. Ему хотѣлось жизни полной, прежней, хотѣлось снова окунуться въ нее всѣмъ существомъ своимъ.

Напрасно ждала его Муза, прошла недѣля съ его отъѣзда, о немъ не было ни слуху ни духу. Для Музы настали ужасные дни, ночи были еще невыносимѣе. Притаившись, какъ испуганная лань, проводила она цѣлыя часы у могилы Джоконды. Все случившееся ей казалось тяжелымъ сномъ. Она не роптала, покоряясь безмолвно своей судьбѣ. Она ожидала того, что случилось, когда прочла, что онъ свободенъ. вмѣстѣ съ покинувшимъ ее счастьемъ ей казалось, что все кончено. Тишина, слѣдующая за разставаньемъ, имѣетъ большое сходство со смертію. Въ душѣ Музы было такъ же темно, какъ въ угасшемъ свѣтильникѣ. На

седьмой день послѣ ухода Эсте Муза примѣтила идущаго челоуѣка, онъ велъ мула. Она подумала, что это былъ Эсте и сердце ея радостно забилось. Но увы, это былъ незнакомецъ. Появленіе его теперь нисколько не встревожило ее, ей было все равно, кто бы ни пришелъ.

Незнакомецъ заговорилъ съ нею и спросилъ, она ли обитательница подземелья; къ ней есть письмо отъ графа Эсте, его господина. Онъ прислалъ ей подарки и денегъ. Но одно письмо имѣло для нея значеніе, на остальное она даже не взглянула. Эсте вспомнилъ ее, этого было достаточно, чтобы сердце ея наполнилось благодарностью; она забывала, что сама постоянно думала о немъ. Все лицо ея оживилось, глаза заблестѣли счастьемъ, щеки покрылись румянцемъ. Она схватила письмо и убѣжала съ нимъ въ подземелье. Ей не хотѣлось, чтобы посторонній былъ свидѣтелемъ ея счастья. Посланіе было не очень длинное, и полно вѣжности и извиненій въ томъ, что не вернулся къ ней, — ему необходимо было съѣздить въ Мантую, такъ какъ счастье рѣдко приходитъ одиноко: вмѣстѣ съ свободою, онъ получилъ громадное наслѣдство въ Римѣ, куда и долженъ теперь поѣхать; въ скоромъ времени онъ придетъ за нею или самъ придетъ. Онъ просилъ ее не считать его неблагодарнымъ, онъ столько ей обязанъ, просилъ сказать, куда она пойдетъ, чтобы онъ могъ найти ее. «Люби меня всегда», писалъ онъ, въ концѣ письма. Когда онъ писалъ эти строки, ему думалось: «неужели она будетъ вѣчною обузою въ моей жизни? Я многимъ обязанъ ей, но что мнѣ дѣлать съ нею въ обществѣ?»

Присылка денегъ ее оскорбила. Съ большимъ трудомъ нацарапала она ему отвѣтъ: «Я здорова. Мнѣ ничего не нужно. Я всегда твоя; объ этомъ илѣнше говорить. Отсылаю тебѣ все, что ты прислалъ мнѣ; подарковъ я не желаю, а деньги мнѣ не нужны. Я всегда буду здѣсь. Думай обо мнѣ, когда пожелаешь меня вспомнить. Она подписалась: *вѣчно тебя преданная*.

Слуга, видя, какъ измѣнилось ея лицо, когда она увидѣла деньги, подумалъ, что вѣроятно письмо было неласково.

Вѣрный слуга принесъ обратно Эсте письмо и возвращенные деньги и подарки, посланные въ роскошной коробкѣ.

Эсте разозлился. Одаривъ ее, онъ думалъ, что успокоитъ мучившую его совѣсть. Именно то, что она ничего не проситъ, его тяготило и заставляло чувствовать всю нивость его поступка.

Прошла осень, наступила зима. Эсте не показывался. Но у Музы было утѣшеніе. Она готовилась сдѣлаться матерью. Изысканіе надумилъ ее сойтись теперь съ одной женщиной, же-

вою пастуха, которая вмѣстѣ съ мужемъ, дѣтьми и стадами приходила каждую зиму въ Маремму.

Въ мартѣ, когда только что распустились первые цвѣты, родился сынъ Эсте. Онъ прожилъ всего нѣсколько дней. Отчаяніе Музы не имѣло границъ. Не было возможности отнять изъ ея объятій тѣло младенца. Останься онъ живъ, въ немъ Муза нашла бы утѣшеніе въ своемъ горѣ. Теперь она была совершенно одна. Отъ всего ея счастья у нея оставалась дѣтская могилка, вся покрытая цвѣтами.

Никогда Музѣ не приходило на мысль пойти къ Эсте. Что бы она сказала ему? Ей пришлось бы упрекать его въ измѣнѣ и неблагодарности; на это она не была способна. Ея любовь была ея религіей.

Молодость ея увяла вмѣстѣ съ ея малюткой. Въ тайникѣ ея души была какая-то смутная надежда, но на что, она не знала. Ежедневно въ своихъ молитвахъ она горячо молилась за него: онъ, можетъ быть, не возвращался, боясь ея упрековъ. Какъ же мало онъ зналъ ее!

Былъ канунъ Иванова дня. Муза какъ обыкновенно сидѣла у входа въ подземелье, постоянно прислушиваясь къ малѣйшему шороху и ожидая Эсте. Она увидала нѣсколько человѣкъ, шедшихъ съ подводой, запряженной парой воловъ. Они шли прямо къ ней. Человѣкъ, шедшій впереди, повидимому, главный, грубо спросилъ ее, она ли живетъ въ подземельѣ. Она не отвѣтила ему. Говорившій былъ именно тотъ самый управляющій богатаго князя Альтамонте, который почти выгналъ ее изъ дому послѣ смерти Джоконды. До него дошла молва о богатствахъ, скрытыхъ въ могилахъ, и, какъ человѣкъ жадный, онъ хотѣлъ забрать въ свои руки все золото и драгоценности; онъ потребовалъ, чтобы Муза ему указала, гдѣ хранятся сокровища, и отдала ихъ. Муза не отрицала, что сокровища были, но сказала, что они всѣ похищены Мастарною. Онъ не повѣрилъ ей, или вѣрнѣе, не хотѣлъ вѣрить и наставлялъ, что она скрыла ихъ всѣ подъ землей. Онъ велѣлъ работникамъ начать раскопки. Муза возстала противъ этого. Ей не за кого было теперь бояться, но мѣсто было ей дорого, по воспоминаніямъ и ей не хотѣлось, чтобы чужія руки прикоснулись къ нему. Но съ ней не разговаривали. Управляющій велѣлъ связать ее. Завязавъ ей руки за спину, ее бросили тутъ же на землю. И вотъ закипѣла работа; изъ подземелья полетѣли вещи, всѣ переломанныя; все перевернули, доискиваясь золота, котораго не находили. Нашли нѣсколько золотыхъ вещицъ, не попавшихъ въ руки Сатурнино:

при видѣ ихъ глаза управляющаго разгорѣлись, ему хотѣлось еще и еще. Разрыли могилку малютки и открыли гробикъ, младенецъ вполне сохранился; на тѣлѣ не было никакихъ знаменъ насилія, замѣтили рабочіе. Но управляющему нужно было сорвать надъ кѣмъ-нибудь свою злобу и онъ заявилъ, что ребенокъ прижить Музою съ ея любовникомъ и убить ею, и что онъ заявитъ объ этомъ властямъ. Еслибы онъ умеръ своею смертию, прибавилъ онъ, она не отказала бы ему въ христіанскомъ погребеніи.

Когда увидали и открыли гробъ Джоконды, тѣло ея находилось въ подземельѣ совершенно высохло, но не разложилось, на Музу посыпались новыя упреки, новыя обвиненія. Бѣдная Муза лежала безъ движенія, мысленно благодаря небо за то, что Эсте не былъ здѣсь.

Управляющій рѣшилъ взять Музу съ собою, чтобы передать ее въ руки правосудія. Когда ее хотѣли поднять, она воспротивилась.

— Что я сдѣлала?—закричала она.

— Не теряйте съ нею словъ,—сказалъ управляющій.—Она отвѣтитъ передъ судьями.—Напрасно Муза протестовала, напрасно говорила о своей невинности; управляющій требовалъ, чтобы она въ противномъ случаѣ отдала драгоценности. На это она даже не возразила. Ея молчаніе сочли за вину. Ее везали на телѣгу и повезли въ Орбетелло. Рабочіе боялись взглянуть на нее, управляющій увѣрялъ ихъ, что у нея очень дурной глазъ.

Отъ солнечнаго удара—дорога шла по открытой мѣстности—Муза впала въ безпамятство. Остановились, чтобы привести ее въ чувство, управляющій боялся быть за нее въ отвѣтъ. Когда она пришла въ себя, она поняла весь ужасъ своего положенія.

Прежде чѣмъ вѣхать въ городъ, чтобы придать законную форму своему поступку, управляющій подговорилъ своего пріятеля, бригадира карабинеровъ, и тотъ прислалъ ему нѣсколько человекъ вооруженныхъ солдатъ. Съ саблями наголо ввели бѣдную Музу въ городъ. Ее заключили въ тюрьму по обвиненію въ томъ, что она скрыла мертвое тѣло. Она не понимала, въ чемъ ее обвиняютъ, такъ какъ она никому не сдѣлала зла. Но въ ней уже не было того духу, который нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе придавалъ бы ей силы бороться и вырваться отъ своихъ мучителей и даже съ помощью ножа прочистить себѣ дорогу. Любимый человекъ былъ потерянъ для нея, ребенокъ умеръ, до остального ей было все равно.

Вмѣсто прежняго приволья, она помѣщалась въ комнатѣ,

освященной маленькимъ окошечкомъ. Съ нею вмѣстѣ посадили проститутку, посаженную сюда за убійство молодого человѣка; безстыдная женщина гочно на зло рассказывала ей разные ужасы; но Муза не слушала ее: грязное къ чистому не приставало. Музу беспокоило одно, чтобы Эсте безъ нея не пришелъ въ подземелье и не заподозрилъ ее въ измѣнѣ.

Ея спокойствіе, ея ясный взоръ на судѣ смутилъ судей, они были убѣждены въ ея невинности. Управляющій и рабочіе дали присягу въ истинѣ своихъ показаній.

Муза, хотя и была смущена обстановкою суда, и кромѣ того ей въ первый разъ приходилось говорить передъ такимъ большимъ числомъ людей, тѣмъ не менѣе она какъ умѣла, но довольно толково объяснила, почему она перенесла въ подземелье тѣло Джоконды, почему зарыла тѣло младенца подлѣ, — ей не хотѣлось разставаться съ ними. На замѣчаніе судьи, что такимъ образомъ она лишила послѣдняго христіанскаго погребенія, она съ ироніей отовздалась къ этому акту, въ которомъ главною цѣлью было, по ея мнѣнію, поскорѣе развязаться съ покойникомъ.

— Таковъ законъ, — возразилъ судья.

— Жестокій, глупый и слѣпой законъ, — сказала она рѣзко, вспоминая справедливость суда въ Мантуѣ.

— Законъ священъ и всесиленъ, — сказали съ гнѣвомъ судья. — Кто былъ вашимъ любовникомъ?

На это она рѣшительно отказалась отвѣчать, какъ ей ни старались доказать, что законъ вынудить ее.

— Этого законъ не въ состояніи сдѣлать, — сказала она спокойно и съ пренебреженіемъ.

Судья былъ въ недоумѣніи; она казалась ему невинною, но съ другой стороны были показанія управляющаго всесильнаго князя Альтамонте.

Музу снова отвели въ тюрьму. Тутъ только она поняла всю разницу, которая заключается между тюрьмою и свободою, и радость Эсте стала ей понятна. Она не сошла съ ума, потому что изъ окошечка видѣла небо и море и дышала морскимъ воздухомъ, а главное, что привязывало ее къ жизни, была надежда, что Эсте узнаетъ объ ея участи и придетъ къ ней.

Когда, наконецъ, ей сказали, что кто-то спрашиваетъ ее, она вся встрепенулась и бросилась на-встрѣчу пришедшему, смѣясь и плача. Но передъ нею стоялъ не Эсте, а Даніэлло. На его лицѣ выражалось глубокое горе, онъ былъ блѣденъ и сильно изволнованъ.

Муза сдѣлала шагъ назадъ и отвернулась отъ него. Онъ

просилъ ее позволить ему помочь ей спастись изъ тюрьмы, но она отвергла его предложеніе.

— Они должны отпустить тебя, — сказалъ онъ. — Они должны это сдѣлать! Бѣдняжка, ты не сдѣлала ничего дурного.

— Ничего, — повторила она усталымъ голосомъ. — Но мнѣ не вѣрять. Развѣ я бы убила его ребенка?

Произнося эти слова, ея голосъ звучалъ такою нѣжностью, что Даніелло стало тяжело ее слушать, но онъ не показавъ ей этого и продолжалъ:

— Ты никому не причинила зла. Ты была добра даже къ птичкамъ и животнымъ, милая, бѣдная моя!

Говоря это, онъ не былъ въ состояніи удержать своихъ рыданій.

— А гдѣ тотъ трусъ и измѣнникъ, котораго ты любила? Гдѣ же онъ? Будь онъ проклятъ!

Услышавъ эти слова, Муза вскочила, глаза ея заблестали прежнимъ огнемъ.

— Не смѣй такъ говорить о немъ. Какое тебѣ дѣло? Ты мнѣ чужой. Уходи, уходи!

— Но онъ измѣнилъ тебѣ?

— Что тебѣ до этого? Ты мнѣ не братъ. Ступай прочь.

Даніелло рѣшилъ самъ дѣйствовать. Онъ нанялъ адвоката; необходимо было отыскать женщину, которая присутствовала при рожденіи ребенка Музы. Это стоило не мало труда, хлопотъ, денегъ и времени; Даніелло ничего не жалѣлъ. Наконецъ женщину нашли, исхивъ чуть не всѣ Апеннины.

Былъ призванъ священникъ, крайне удивившійся тому, что гробъ Джоконды Романелло былъ вырытъ и унесенъ съ кладбища, но онъ далъ показаніе въ пользу Музы. Дѣвушка, воспитанная покойницей, была хорошаго, честнаго поведенія. Онъ ничего не могъ сказать о ея происхожденіи, такъ какъ его предшественникъ не повѣрилъ ему тайны, переданной ему Джокондою. Даніелло тоже умолчалъ объ этомъ.

Въ октябрѣ при открытіи засѣданія, адвокатъ настоялъ, чтобы дѣло Музы слушалось однимъ изъ первыхъ. Жена пастуха дала свое показаніе: ребенокъ умеръ вскорѣ послѣ рожденія; въ противномъ случаѣ его бы, конечно, окрестили въ Теламоне. Простая рѣчь крестьянки произвела хорошее впечатлѣніе на судью и публику. Противная сторона вызвала свидѣлемъ Зеффирино. Мальчишка при Музѣ задрожалъ и поблѣднѣлъ. Она окинула его взглядомъ, полнымъ презрѣнія.

Онъ съ напускною наивною разсказалъ о сокровищахъ,

находившихся въ подземельѣ, о томъ, какъ они исчезли въ одну ночь неизвѣстно куда, о жестокомъ обращеніи Музы, которое вынудило его даже покинуть родительскій домъ, чтобы быть дальше отъ нея.

Муза въ отвѣтъ на его показаніе разразилась цѣлымъ потокомъ упрековъ. Онъ забылъ то добро, которое она ему дѣлала.

Послѣ долгихъ преній, ей объявили, что она свободна; вину ея нельзя было опредѣлить по неимѣнію доказательствъ. Когда всѣ формальности были соблюдены, она очутилась на улицѣ одна, безъ крова, безъ друзей и безъ денегъ. Но все-таки она была рада и ей стало еще болѣе ясною радость Эсте.

При выходѣ изъ тюрьмы ее встрѣтилъ ея врагъ управляющій; униженно извиняясь, онъ просилъ ее снова вернуться въ подземельѣ и прибавилъ, что Джоконда и ея малютка похоронены на городскомъ кладбищѣ. Причиною его любезности было предложеніе Даніелло Вилламаны платить ему сто скуди въ годъ съ тѣмъ, чтобы Муза могла спокойно жить въ подземельѣ.

Муза направилась къ берегу. По дорогѣ гадкая старуха оставила ее съ гнусными предложеніями. Но Муза почти не раслышала, что она говорила ей. У нея была одну минуту мысль отыскать Эсте, но она тотчасъ же отогнала ее, не желая своимъ появленіемъ напоминать ему, чѣмъ онъ обязанъ ей. Надо было вернуться въ подземелье, куда ее опять влекло, но сухимъ путемъ было очень далеко. Къ ней подошелъ ея ангелъ хранитель Даніелло. Онъ предложилъ ей доставить ее туда. Но она опять отказалась и поблагодарила его за сдѣланное ей добро; но обо всемъ, что онъ сдѣлалъ для нея, она понятія не имѣла. О томъ, что въ Сициліи она могла найти лучшій кровъ, онъ не осмѣлился намекнуть ей, предвидя заранѣе ея отвѣтъ.

На вопросъ, кто былъ ея другомъ, Муза ничего не отвѣтила Даніелло, но краска, покрывшая ея щеки при имени Эсте, убѣдила Даніелло, что его предположенія были вѣрны. Муза ушла, не желая продолжать разговора, и скрылась на поворотѣ изъ гавань сицилійца.

Радостно забилося сердце Музы, когда послѣ долгой ходьбы, она, наконецъ, увидала знакомый вѣковой дубъ, росшій надъ гробницей Лукумо.

Въ лѣсныхъ дебряхъ Сардиніи Даніелло нашелъ Сатурнино. Они долго бесѣдовали у пылавшаго костра, разведеннаго разбойниками, снова собранной Матарною шайки. Атаманъ былъ счастливъ на свободѣ, принявшись за прежнюю жизнь. Въ первый разъ во всю свою жизнь послѣ разговора съ сицилійцемъ,

Сатурнино почувствовалъ, что на немъ лежитъ священная обязанность. Мщеніе заговорило въ немъ.

— Или ты, или я, — сказалъ ему Даніэлю.

— Мастарны лечатъ сами свои раны, — отвѣтилъ атаманъ.

Между тѣмъ многого въ могилахъ не хватало у Музы; большая часть вещей была переломана, въ томъ числѣ веретено и лютия Музы. Ея статуя, выгнѣнная Эсте была унесена; управляющій въ своемъ невѣжествѣ считъ ее за произведеніе греческаго или римскаго искусства.

Потекла скучная однообразная жизнь для Музы; казалось, вмѣстѣ съ тѣломъ Джоконды исчезло божье благословеніе. Тоска тяжелымъ камнемъ лежала на сердцѣ у Музы; ея сила и бодрость исчезли вмѣстѣ съ исчезнувшимъ счастьемъ. Но она все ждала Эсте; ложась спать и вставая эта мысль постоянно была у нея на умѣ.

Однимъ ноябрьскимъ утромъ она увидала человѣка, котораго тотчасъ узнала, хотя онъ былъ въ одеждѣ пастуха, и волосы его изъ черныхъ стали совершенно бѣлыми.

— Ты — Сатурнино Мастарна, — сказала она равнодушно.

— Да, я Сатурнино, — отвѣтилъ онъ, и подумалъ: «вотъ дочь моей Серапіи и моя, она похожа на насъ обоихъ; жизнь и огонь угасли въ ней, и все это онъ надѣлалъ».

Вспомнивъ, что Сатурнино прислалъ ей Эсте, она стала пріѣздивше съ нимъ и предложила ему войти и поѣсть.

Мастарна какъ-то боязливо смотрѣлъ на нее и вдругъ спросилъ:

— Ты дала пристанище Эсте?

Она поблѣднѣла и отвѣтила:

— Я.

— Ты кормила его, ходила за нимъ, спасла его, любила, отдала ему все, а когда его освободили, онъ оставилъ тебя, забывъ — не такъ ли?

Она подняла голову и холодно взглянула на него.

— Если бы я бранила его, то и тебѣ бы дала право бранить его. Оставь его въ повоѣ.

— Я прислалъ его къ тебѣ. Я!

— Потому-то я и приняла тебя, — сказала она и голосъ ея звучалъ такъ нѣжно, что даже зачерствѣлое сердце Мастарны дрогнуло. Онъ ничего не возразилъ, вспомнивъ ту ночь, когда самъ послалъ его.

Онъ не сказалъ ей, что онъ — отецъ ея. Ему не хотѣлось, чтобы она знала это послѣ того, какъ онъ обокралъ подземелье

и она знала, что руки его омочены кровью. Онъ не хотѣлъ ея судьбу связать со своею судьбою. Онъ чувствовалъ теперь столько любви къ ней и эта любовь заставляла его молчать.

Муза сидѣла, не обращая на него вниманія. Сатурнино обдумывалъ планъ, какъ отомстить соблазнителю. Невольно на лицѣ его выразились его мысли и онъ судорожно сжалъ рукоять кинжала. Муза была поражена ужаснымъ выраженіемъ его лица, она даже вскрикнула, взглянувъ на него, и спросила:

— О чемъ ты думаешь? Что тебѣ представляется?—Сатурнино вздохнулъ и собрался уходить. Но передъ уходомъ просилъ Музу положить ему на голову ея руку и пожелать, чтобы ему были прощены всѣ его грѣхи.

— Желаю тебѣ всего хорошаго на землѣ,—сказала она кротко,—и чтобы Господь смилостивился надъ тобою послѣ смерти. Благословляю тебя за то, что ты послалъ его ко мнѣ.

При послѣднихъ словахъ Музы у Сатурнино съ языка сорвался проклятіе, лицо его стало темнѣе тучи.

— Неужели памяти о немъ я обязанъ, что ты прикоснулась рукою моею головы?—пробормоталъ онъ.

Долгимъ, прощальнымъ взглядомъ глядѣлъ на нее Сатурнино; она же снова впала въ апатію. Онъ ушелъ и направился на югъ по дорогѣ въ Римъ.

Прошло нѣсколько времени послѣ его ухода. Муза все сидѣла задумавшись; вдругъ у нея мелькнула мысль, зачѣмъ Сатурнино отправился въ Римъ, и почему у него было такое страшное лицо, когда онъ произносилъ имя Эсте, такая ненависть въ глазахъ. Инстинктивно она догадалась объ опасности, грозившей Эсте. Муза скоро собралась въ путь и пошла по слѣдамъ Сатурнино; они были ясно видны въ помятой травѣ.

Сатурнино шелъ не по большой дорогѣ. Здѣсь власти его не искали, но все-таки безопаснѣе было идти лѣсомъ или кустарникомъ. Онъ не отошелъ и трехъ миль, когда Муза нагнала его. Съ ея стороны нужно было много осторожности, чтобы не быть имъ замѣченною; у него расправа будетъ не долга, если онъ ее замѣтитъ, думала Муза. А теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь жизнь ея нужна для спасенія Эсте, а что ему грозитъ опасность, въ этомъ она болѣе не сомнѣвалась.

Отъ восхода до заката солнца Сатурнино дѣлалъ отъ пятнадцати до двадцати миль съ небольшими роздыхами. Болѣе всего боялась Муза потерять его изъ виду во время сна, если онъ встанетъ раньше ея и уйдетъ. Кто тогда укажетъ ей дорогу къ Риму? Мѣстность ей была совершенно незнакомая. Она спала

тревожно и уставъ за день, не имѣя отдыха ночью, она чуть не выбилась изъ силъ. У нея уже не было прежней силы и энергій. Сатурнино чувствовалъ себя въ этой мѣстности совершенно какъ дома. Каждая тропинка была ему знакома. Чѣмъ болѣе они приближались къ Риму, тѣмъ растительность дѣлалась бѣднѣе, наконецъ они пошли по совершенно открытой мѣстности. Сатурнино сталъ очень остороженъ, онъ шелъ опустивъ голову, погруженный въ свои думы. Его всякую минуту могли схватить. Разъ отрядъ карабинеровъ заставилъ его свернуть въ сторону и, повернувшись, онъ замѣтилъ Музу, но не узналъ ея; она такъ низко надвинула на лобъ капюшонъ отъ своей одежды, что онъ принялъ ее, вѣроятно, за мѣстную поселянку.

О Римѣ Муза знала только, что тамъ живетъ Эсте. Но издали увидавъ куполъ Св. Петра, она преклонила колѣни. Они вошли въ городъ на пятны сутки, сдѣлавъ въ пять дней шестьдесятъ миль. Въ толпѣ Муза не теряла изъ виду Сатурнино, онъ цѣлою головою былъ выше всѣхъ.

По дорогѣ Сатурнино зашелъ въ кабацекъ, чтобы узнать, гдѣ живетъ Эсте. Палаццо его былъ за Тибромъ, ему тотчасъ указали его. Нѣкогда это была великолѣпная вилла одной изъ папскихъ любовницъ. Муза, стоя за дверью, слышала весь разговоръ. Она нисколько не удивилась, она ожидала этого. Сатурнино стоялъ спиною къ двери и не могъ ее видѣть. Когда онъ вышелъ разгоряченный виномъ, на лицѣ его была написана такая ярость, что Муза, спрятавшаяся за дверью, чуть не кинулась на него съ ножомъ. Ради Эсте она способна была даже на преступленіе. Страхъ, что она можетъ промахнуться, одинъ удержалъ ее.

Былъ канунъ Елизаветина дня; въ церквахъ шла служба, народу на улицахъ было много. Всегда богомольный Сатурнино на этотъ разъ не заглянулъ въ церковь. Еще раза два онъ спросилъ, какъ ему пройти. Черноокая транстеверинка, указывая ему догогу, отвѣтила:—красавецъ графъ и такой щедрый; вонъ онъ тамъ живетъ, гдѣ на кровлѣ статуи; послѣднюю зиму онъ очень весело жилъ, но бѣдныхъ не забывалъ. Все лѣто его не было, гдѣ-нибудь веселился. Теперь онъ вернулся, дома, только онъ не одинъ, этого никогда не бываетъ; онъ ужъ очень веселый господинъ...

Муза была слишкомъ далеко, чтобы слышать слова ея.

Громадная дубовая дверь палаццо была открыта настежъ. Разодѣтый привратникъ только-что вышелъ напротивъ къ приятелю. Широкая лѣстница бѣлаго мрамора вела наверхъ, она

вся была освѣщена серебряными лампами. Муза крадучись слѣдовала за Сатурнино. Въ большой прихожей, отдѣленной отъ лѣстницы драпировкою, сидѣло нѣсколько лакеевъ.

Сатурнино вошелъ въ прихожую, Муза спряталась за драпировкою. При появленіи Сатурнино лакеи повскакали со своихъ мѣстъ; они были поражены его видомъ. Онъ такъ важно передалъ имъ свое приказаніе пойти доложить о немъ Эсте, что двое изъ нихъ безпрекословно побѣжали исполнять его, другіе стояли въ недоумѣніи. — Подите, скажите вашему барину, что здѣсь я, Сатурнино Мастарна. Скажите ему, что ради нашей старой дружбы я прошу его выйти и поговорить со мною.

У Музы такъ страшно билось сердце отъ волненія и ужаса, что она почти забыла о томъ, что сейчасъ увидитъ Эсте. Она думала только объ одномъ, какъ спасти его. Сквозь маленькое отверстіе занавѣси она видѣла, какъ Сатурнино сунулъ руку въ кожаный мѣшокъ и, вѣроятно, держалъ наготовѣ кинжалъ.

Двери изъ внутреннихъ комнатъ отворились; въ нихъ показался Эсте. На лицѣ его было удивленіе и беспокойство.

— Какъ ты неостороженъ?—сказалъ онъ вполголоса.—Я не забылъ тебя, я далъ тебѣ убѣжище, но зачѣмъ ты пришелъ сюда?

Сатурнино едва далъ договорить ему.—Вотъ зачѣмъ,—крикнулъ онъ и въ воздухѣ сверкнулъ кинжалъ. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ нанести ударъ, Муза, какъ лвица, бросилась на него, вырвала кинжалъ изъ его рукъ и притиснула его со страшною силою къ колоннѣ.

— И ты тоже!—воскликнулъ Эсте; ему пришло на память все, чѣмъ онъ обязанъ ей, и онъ смолкъ.

— Я бы не пришла,—пролепетала она, не обращая вниманія на кровь, струившуюся изъ раны, которую она себѣ сдѣлала, порѣзавшись о лезвіе кинжала и все-таки продолжая крѣпко сжимать его въ рукѣ.—Я бы никогда не пришла сюда, никогда, но онъ хотѣлъ убить тебя, и я всю дорогу слѣдовала за нимъ.—Сказавъ это, она упала безъ чувствъ на полъ у ногъ его. Сатурнино не сказалъ болѣе ни слова; онъ задыхался, всѣ жилы его налились кровью, въ глазахъ стояли красные круги, кровь бросилась ему въ голову.

— Она—дочь Серапіи,—наконецъ съ трудомъ выговорилъ онъ:—а ты, ты не уйдешь отъ меня!

Напрасно онъ напрягалъ все усилія, чтобы вырваться изъ рукъ державшихъ его людей, и броситься на Эсте, кровь только сильнѣе прилиwała ему къ головѣ. Въ глазахъ у него потем-

нѣло и онъ тяжело опустился на полъ, люди не въ силахъ были удержать его, затѣмъ вдохнулъ и умеръ. На шеѣ у него висѣлъ серебряный образокъ, — благословеніе Джомонды.

Когда Муза пришла въ себя, Эсте былъ подлѣ нея. Онъ стоялъ на коѣннѣхъ передъ нею, цѣловалъ ее, просилъ прощенья. Она лежала неподвижно, только крѣпко сжимала его руку въ своей рукѣ. Извѣстіе о смерти Сатурнино не произвело на нее никакого впечатлѣнія. Для нея теперь онъ былъ только врагомъ Эсте. Она привстала и, заглянувъ прямо въ лицо Эсте, произнесла застѣнчиво, какъ будто боясь, что онъ оттолкнетъ ее:

— Мой ребенокъ умеръ.

— Твой и мой! — сказалъ Эсте, чувствуя раскаяніе.

— Нашъ, — прибавила она нѣжно. — Онъ жилъ всего нѣсколько дней; я сдѣлала все, что могла. — Она заплакала; онъ поцѣлуями осушилъ ея слезы.

Когда Муза хотѣла уйти, чтобы вернуться въ подземелье, онъ крѣпко прижалъ ее къ сердцу и страстно сказалъ:

— Ты не должна уходить! Никогда. Что ты думаешь обо мнѣ? Развѣ мы можемъ теперь разстаться! Если бы я зналъ...

Онъ не докончилъ, онъ вспомнилъ другія узы, другія привязанности.

Занавѣсь у дверей колыхнулась, въ нихъ показалась фигура женщины въ бѣломъ съ золотистыми волосами; на груди ея былъ приколотъ букетъ пунцовыхъ розъ, на шеѣ было надѣто старинное серебряное ожерелье. Смѣясь подошла она къ Эсте, и, взглянувъ на лежавшую Музу, сказала съ улыбкою:

— Онъ — мой. Онъ былъ когда-то вашимъ? Отлично! затѣмъ же вы позволили ему уйти!

Муза не произнесла ни слова, пристально разглядывая незнакомку. Но вдругъ все стало ей ясно, она вскочила и выбѣжала вонъ.

Когда Эсте вырвался изъ рукъ прелестницы, онъ побѣжалъ за Музою; но уже было поздно. Она исчезла изъ виду. Можетъ быть, въ эту минуту онъ дѣйствительно полюбилъ ее.

На шестой день Муза прибѣжала въ подземелье. Но прежней Музы не осталось и слѣдовъ. Это была какая-то тѣнь. Передъ глазами ея постоянно стояла фигура женщины — ея соперницы, въ ушахъ звучалъ голосъ Эсте, остальное перестало существовать для нея.

Вернувшись домой, она съ жадностью напилась воды, помылась и вынувъ ножъ изъ-за пояса, она укрѣпила рукоять его крѣпко въ скалистомъ полу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше

лежало тѣло ея младенца, и затѣмъ кинулась на остріе. Глубоко въ сердце вонзился острый ножъ.

Когда на другой день за нею пришли посланные ея друга, они нашли ея бездыханное тѣло. Эсте похоронилъ ее тутъ же въ подземельѣ. Зарывая ее въ землю, ему казалось, что съ нею онъ похоронилъ полъ-жизни. Но все забывается: съ теченіемъ времени и Эсте забылъ Музу.

Мирты и розмарины густо разрослись у входа въ подземелье и совершенно закрыли его; какъ было при жизни, такъ и послѣ смерти оно стало ея вѣчнымъ убѣжищемъ.

Е. А.

ДѢТСКІЙ ВОПРОСЪ

Замѣтка изъ народно-общественной жизни.

Къ числу наиболѣе трогательныхъ мѣстъ Евангелія несомнѣнно принадлежать и тѣ, гдѣ рѣчь идетъ о „малыхъ сихъ“. Слова Христа, относящіяся къ „малымъ симъ“, должны бы послужить основой для нравственнаго ученія, имѣющаго глубокой общественный смыслъ и истинно-прогрессивное значеніе. Сущность этого ученія сводилась бы къ признанію высокой общественной стоимости дѣтей, а его практическое приложеніе повело бы къ широкой чисто общественной постановкѣ „дѣтскаго вопроса“. Такое ученіе, несомнѣнно, возникнетъ,—его элементы уже теперь имѣются на лицо, и кое-гдѣ, въ образованныхъ странахъ, уже сдѣланы попытки положить начало правильному общественному попеченію судьбъ дѣтей въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Но все это пока только попытки, болѣе или менѣе робкія и скромныя, и современная цивилизація еще очень далека отъ того времени, когда теорія и практика указаннаго нравственнаго ученія о дѣтяхъ разовьются съ тою широтою и силою, какія необходимы, чтобы положить конецъ скорбной эпопее о дѣтяхъ покинутыхъ, о дѣтяхъ, гибнущихъ въ нищетѣ или въ деморализующей средѣ, о дѣтяхъ-бродягахъ, о дѣтяхъ трущобъ и тюремъ...

Два начала, присущія современной цивилизаціи, ручаются за возникновеніе въ будущемъ грандіозныхъ учрежденій, призванныхъ обезпечивать судьбу дѣтей. Это, во-первыхъ, развитіе гуманности, смягченіе нравовъ, усиленіе участія къ ближнему и другіе общественно-психологическіе факторы этого рода. Во-вторыхъ, это—все болѣе и болѣе возрастающее развитіе *общественности*—въ смыслѣ стремленія и умѣнія соединять личныя силы и средства для дости-

женія тѣхъ или другихъ общихъ цѣлей, для удовлетворенія тѣхъ или иныхъ общихъ потребностей. Въ числѣ послѣднихъ есть одна, которая уже теперь заявляетъ о себѣ съ большою настойчивостью. Это—потребность обезпечить будущность дѣтей. Въ виду невозможности для однихъ и трудности для другихъ достигнуть этого путемъ личныхъ усилій и средствъ, необходимо должно возникнуть стремленіе соединить эти силы для устройства общественныхъ учреждений, призванныхъ обезпечивать судьбу дѣтей.

Но, къ сожалѣнію, развитіе общественной инициативы въ указанномъ направленіи, если не уничтожается, то значительно замедляется весьма серьезными препятствіями, вытекающими изъ самой сущности современныхъ общественныхъ отношеній. Вопросъ оказывается гораздо мудренѣе и сложнѣе,—постараемся освѣтить его кое-какими чертами и тѣнями...

I.

Древность неоднократно повѣствуетъ намъ объ избіеніи младенцевъ. Повѣствуетъ о томъ и наше цивилизованное время. Нѣсколько тысячъ тому назадъ въ Бернѣ были арестованы сунруги Зиссе, которые съ 1872 по 1881 года убили шесть младенцевъ, ими же рожденныхъ. Такихъ и подобныхъ фактовъ встрѣчается не мало въ уголовной хроникѣ нашего времени. Но есть существенная разница между избіеніемъ младенцевъ въ древности и ихъ избіеніемъ въ наше время: она заключается не только во внѣшнихъ пріемахъ избіенія,—она лежитъ глубже и сводится къ слѣдующему.

Въ старину Ироды и Фараоны избивали чужихъ дѣтей,—дѣтей того племени, которому они хотѣли отомстить или вообще причинить существенное зло. Въ тѣ времена на дѣтей смотрѣли, какъ на одно изъ первыхъ благъ. Не имѣть дѣтей или потерять ихъ считалось тяжкимъ несчастіемъ. И вотъ, почему ярость Иродовъ и Фараоновъ обращалась, прежде всего, на дѣтей тѣхъ, которымъ хотѣли причинить зло. Вотъ, почему также послѣднею и самую страшною изъ египетскихъ казней было избіеніе младенцевъ египетскихъ. Сыны Израиля, сидя въ плѣну Вавилонскомъ, мечтаютъ о томъ, какъ бы разбить о камень дѣтей враговъ своихъ... Избіеніе дѣтей, несомнѣнно часто производившееся въ старину, показываетъ, не только грубость нравовъ, но и чрезвычайную общественную стоимость дѣтей древности. Эта стоимость подтверждается и прямыми указаніями памятниковъ. Гимны Ригъ-Веды изобилуютъ такого рода обращеніями къ божеству: „дай намъ коровъ, лошадей и дѣтей!“ И такая фор-

мула какъ нельзя лучше отмѣчаетъ общественную стоимость дѣтей въ эпоху Ведъ. Коровы и лошади, составляя главное богатство индійцевъ того времени, играютъ первостепенную роль на страницахъ Ригъ-Веды, и вся поэзія, и весь культъ, составляющіе содержаніе этого памятника древности, имѣютъ въ концѣ-концовъ ту практическую цѣль, чтобы содѣйствовать сохраненію и увеличенію всякаго рода земныхъ благъ и, прежде всего, домашняго скота. Грубо-наивное сопоставленіе дѣтей съ коровами и лошадьми показываетъ, что и дѣти цѣнились дорого. Подобныя же воззрѣнія на дѣтей находимъ мы въ Авестѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ классической древности, наконецъ, въ Библии, гдѣ высокая цѣнность дѣтей отмѣчена цѣлымъ рядомъ сказаній.

Въ противоположность дѣтямъ Ведъ, Авесты и Библии, дѣти современной цивилизаціи не имѣютъ уже такой общественной стоимости, и современное дѣтоубійство производится не для того, чтобы отнять у врага одно изъ его цѣннѣйшихъ благъ, а чтобы самимъ избавиться отъ ненужнаго бремени. Такой именно смыслъ имѣютъ по большей части современные явленія дѣтоубійства, плодонизгнанія, подкидыванія дѣтей, и т. п.

Вышеупомянутые супруги Зиссе цинически заявили на судѣ, что они не имѣли средствъ содержать дѣтей, и что ихъ ремесло (разнощива) не благопріятствовало уходу за дѣтьми. Вотъ именно такихъ „ремеслъ“, не позволяющихъ имѣть дѣтей, развилось чрезвычайно много въ современной культурѣ, съ тѣхъ поръ, какъ масса оторвана отъ земли и орудій труда. Общественная стоимость дѣтей есть этический продуктъ, вырастающій на чисто-экономической почвѣ. Въ теченіе вѣковъ эта стоимость измѣнялась соотвѣтственно измѣненію экономическихъ формъ, въ прямой зависимости отъ этихъ послѣднихъ, причемъ другіе факторы цивилизаціи оказывали только косвенное вліяніе.

Какимъ образомъ современный экономическій складъ обуславливаетъ низкую общественную стоимость современныхъ дѣтей, это уясняется данными статистики, указаніями современной экономической науки и, наконецъ, разнообразными фактами текущей уголовщины. Въ этой послѣдней для насъ въ данномъ случаѣ любопытны факты заурядные, типичные, въ родѣ, наприм., слѣдующаго. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Парижѣ, дѣвица Эрнестина Б., въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, явилась въ полицію и заявила, что покинутая любовникомъ, она осталась безъ пристанища и безъ средствъ, и не знаетъ, что дѣлать и куда дѣться. Полицейскій комиссаръ приказалъ накормить ее и распорядился, чтобы ее помѣстили въ больницу. Утоливъ голодь, Эрнестина Б. разразилась

рыданиями.—„Посадите меня въ тюрьму!“—воскликнула она—„я уже убила одного ребенка!“ И она рассказала, какъ два года тому назадъ она родила въ родовспомогательномъ заведеніи, какъ ей не удалось помѣстить ребенка въ пріютъ, какъ она потомъ задушила его, и какъ бросила его въ отхожее мѣсто... Слѣдствіе подтвердило эти показанія.

Исторія дѣвницы Эрнестины—исторія очень старая, но все еще остающаяся новою, и по нынѣшнему времени, исторія гораздо болѣе типичная, нежели систематическое дѣтоубійство супруговъ Зиссе. Судъ констатировалъ полную одеревенѣлость супруговъ Зиссе,—у Эрнестины В. полицейскій комиссаръ нашелъ нѣкоторый запасъ челоуѣчности. Она задушила ребенка въ голодномъ отчаяніи, она умертвила его, потому что не нашлось для него мѣста въ пріютѣ. А въ пріютѣ не нашлось мѣста потому, что онъ переполненъ уже обездоленными существами. Во всякомъ случаѣ, друзья челоуѣчества найдутъ нѣчто утѣшительное въ слезахъ Эрнестины,—если сопоставить ее съ супругами Зиссе. Но съ другой стороны,—какой страшный упадокъ общественной стоимости дѣтей и какой ужасающій прогрессъ безчелоуѣчія совершила цивилизація съ того времени, когда проливались слезы Рахили, „плачущейся чадъ своихъ, яко не суть“ и—до слезъ Эрнестины, пролитыхъ въ полиціи!

Чада Рахили погибли не отъ Рахили и не отъ того общества, къ которому она принадлежала. Они погибли отъ посторонней силы, отъ чужой руки, которая вооружилась противъ нихъ именно потому, что ихъ общественная цѣнность была высока, что общество дорожило ими. Они нужны были обществу.

Дѣти современныхъ Эрнестинъ не нужны ни самимъ Эрнестинамъ, ни обществу. Имъ не приготовлено мѣсто на пиру жизни. Въ извѣстномъ количествѣ общество ихъ терпитъ, помѣщая въ пріюты, чтобы тамъ выростить ихъ кое-какъ для нужды и лишеній или для фабрики—для производства такъ-называемой „прибавочной стоимости“. Излишекъ же обрекается на гибель. Эрнестины являются, такъ-сказать, только исполнительницами такого общественнаго приговора. Такая печальная роль выпала на ихъ долю какъ фатальная кара за неповиновеніе тому высшему принципу современной культуры, который гласитъ: „не рождай!“ Не рождай—ибо существо, которое ты произведешь на свѣтъ Божій, будетъ лишено всякой общественной стоимости. Если ему удастся-таки, вопреки разнымъ шансамъ, выжить и возмужать,—оно получитъ только сомнительное „право“ на удовлетвореніе минимума жизненныхъ потребностей, —„право“, приобретаемое продажей своей рабочей силы по ея рыночной цѣнѣ и всегда въ сильной степени ограниченное фабрич-

ними кризисами. Далекое не заманчива эта карьера „производителя прибавочной стоимости“ и обладателя рыночной цѣны труда, но еще тяжелѣе и опаснѣе періодъ дѣтства и отрочества, который нужно пережить, прежде чѣмъ завоевать себѣ эту карьеру. Дѣтство, оставленное лишеніями, отрочество, обреченное на непосильный фабричный трудъ, или на жалкую жизнь подмастерья, тысячи шансовъ гибели или деморализаціи,—таковы условія, среди которыхъ часто живутъ, растутъ и гибнутъ дѣти XIX вѣка.

Изъ совокупности этихъ условій складывается сущность „дѣтскаго вопроса“, который, вмѣстѣ съ женскимъ, входитъ какъ составная часть въ предѣлы общаго рабочаго вопроса. Можно различно понимать и освѣщать отношеніе этой части къ ея цѣлому. Но вотъ соображеніе, которое во всякомъ случаѣ необходимо принять во вниманіе для правильной постановки вопроса. Никогда еще человѣчество не жило въ такой степени будущимъ, мыслью о будущемъ, какъ именно современное цивилизованное человѣчество. Съ этимъ прогрессивнымъ направленіемъ современной жизни положеніе дѣтей находится въ вопіющемъ противорѣчій. Увлекаемая процессомъ быстрого экономическаго развитія, современная культура неуклонно идетъ къ новой высшей организаціи труда и распредѣленія. Но въ то же самое время она систематически отнимаетъ у будущаго—его людей, его творцовъ. Она ихъ отнимаетъ, создавая для дѣтей крайне неудобныя нормы развитія, порождая явленія деморализаціи, вырожденія, дѣтоубійства и пр., и пр. Но, повинувшись высшему закону, заправляющему размноженіемъ существъ, Эрнестины не внемлютъ приказу бытовыхъ условій. И если, рождая, онѣ убиваютъ дѣтей своихъ, то это еще хорошо, что онѣ при этомъ плачутъ.

II.

Жакъ Бертильонъ (сынъ извѣстнаго статистика Бертильона) издалъ въ 1880 г. популярную книжку: „La statistique humaine de la France“. Книжка эта, любопытная во многихъ отношеніяхъ, даетъ также нѣкоторыя указанія по вопросу, насъ занимающему.

Статистическія данныя, собранныя Бертильономъ, прежде всего показываютъ, что населеніе Франціи увеличивается крайне слабо. Они обнаруживаютъ и коренную причину этого явленія. Причина эта заключается въ слабой рождаемости французовъ. На 1,000 женщинъ отъ 15-ти до 50-ти-лѣтняго возраста приходится во Франціи ежегодно 102 рожденія, между тѣмъ какъ, напр., въ Англіи ихъ—136, въ Пруссіи—150, въ Баваріи—156 и т. д. Слаба рождаемость

у менолучныхъ ирландцевъ. Но и тѣ, какъ оказывается, въ этомъ отношеніи стоятъ выше благополучныхъ гражданъ Франціи: на 1,000 ирландокъ приходится въ годъ 114 рожденій.

Съ глубокой патриотической скорбью сопоставляетъ Бертильонъ эти цифры. И эта скорбь любопытна не менѣе самихъ цифръ. Жакъ Бертильонъ—писатель, во многихъ отношеніяхъ типичный для современной буржуазной Франціи. При хорошихъ специальныхъ знаніяхъ, при ясномъ умѣ, онъ не возвышается однакоже надъ уровнемъ господствующихъ идей... Вообще онъ не изъ числа тѣхъ писателей, которые рискуютъ остаться непонятыми или неоцѣненными окружающей общественной стихіей. Онъ близокъ, онъ сродни этой стихіи—по духу, по своему углу зрѣнія, по способу пониманія вещей, и его устами скорбитъ о дѣтяхъ сама буржуазная Франція, „плачущаяся чадъ своихъ, яко не суть“...

„Всѣ страны Европы, — говоритъ авторъ на 75-й страницѣ книги, — безъ единого исключенія, болѣе плодovitы, чѣмъ Франція; почти всѣ онѣ превосходятъ насъ на одну треть. А Германія — такъ та имѣетъ вдвое болѣе дѣтей, чѣмъ мы“.

Отчего же зависить столь малая рождаемость дѣтей во Франціи?

Прежде всего, она не зависить отъ бесплодія расы. Факты показываютъ, что французская раса способна къ высокой рождаемости. Въ Алжирѣ рождаемость французевъ уже выше, чѣмъ во Франціи. Извѣстно также, что въ самой Франціи рождаемость такъ-называемаго 4-го сословія, т.-е. рабочихъ, не отличается слабостью. Истинная причина явленія скрывается въ средѣ того класса мелкихъ собственниковъ, крестьянъ-землевладѣльцевъ, торговцевъ средней руки и пр., который составляетъ основной краѣ современной Франціи. Франція, какъ извѣстно, есть классическая страна сбереженій. „Сбереженіе“—знаменитая *épargne* — есть именно лозунгъ этого слоя. Какъ только у француза есть клочекъ земли, лавка или вообще какая бы то ни было недвижимость, какъ только онъ собственникъ и хозяинъ,—у него непременно 1 ребенокъ, иногда 2, но не больше. Имѣть лишняго ребенка считается непозволительною роскошью. Во всякомъ случаѣ, это—ущербъ сбереженіямъ. Вотъ что читаемъ мы у Бертильона: „Во Франціи семьи (т.-е. семьи мелкихъ собственниковъ) опредѣляютъ съ изумительной расчетливостью число дѣтей, которое онѣ могутъ себѣ позволить... Такъ поступаетъ большинство семей собственниковъ, а кто же у насъ болѣе или менѣе не собственникъ? Франція есть страна мелкихъ буржуа. Изрѣдка они рискуютъ имѣть 2 дѣтей; часто они ограничиваются однимъ ребенкомъ, чтобы имѣть только одного наследника“... Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у Бертильона слѣдующее любопытное вычисленіе сбереже-

ній на дѣтяхъ: еслибы, — прикидываетъ онъ, — Германія обладала столь же малой рождаемостью, какъ Франція, то она ежегодно имѣла бы на 560,000 душъ менѣе дѣтей, чѣмъ она имѣетъ теперь. Принимая въ соображеніе размѣры смертности дѣтей, можно положить, что изъ этого числа достигнуть 20-ти-лѣтняго возраста всего 343,000. Полагая въ 4,000 фр. стоимость содержанія и воспитанія, мы получимъ для этихъ 343,000 дѣтей цифру 1.376,000,000. Итакъ, превосходство нѣмецкой рождаемости надъ французской ежегодно обходится Германіи въ 1 миллиардъ триста семьдесятъ шесть миллионъ франковъ. „Такъ вотъ эту-то сумму, — говоритъ Бертильонъ, — вмѣсто того, чтобы тратить ее на дѣтей, какъ это дѣлаютъ нѣмцы, мы причесть въ сундуки или помѣщаемъ въ разныхъ предпріятіяхъ французскихъ и иностранныхъ“.

Итакъ, вотъ основныя причины, отъ которыхъ зависитъ малая рождаемость французовъ: стремленіе къ сбереженію и забота о цѣлости наслѣдства. Къ этимъ двумъ причинамъ — психическаго и экономическаго порядка — нужно прибавить еще третій — географическій и вмѣстѣ съ тѣмъ культурный — *пространство*.

Предъ нами пространство, ограниченное извѣстными географическими предѣлами и, въ силу извѣстныхъ политическихъ и культурныхъ причинъ, раздѣленное на клочки. На этихъ клочкахъ сидятъ „petits bourgeois“; сидятъ и сберегаютъ; податься имъ некуда. Размножаться значило бы для нихъ потерять клочки и изъ petits bourgeois перейти въ пролетаріатъ. Они предпочитаютъ сидѣть на клочкахъ и — не рождать больше двухъ дѣтей.

Мы видимъ здѣсь явленіе крайне-любопытное. Классъ мелкихъ собственниковъ и предпринимателей борется съ одной стороны съ такъ-называемымъ перенаселеніемъ, которое фатально должно превратить ихъ въ пролетаріевъ, а съ другой стороны — съ захватами крупной собственности и крупной индустріи, которыя также стремятся ихъ поглотить и обратить въ пролетаріатъ. Та же самая борьба наблюдается и у другихъ народовъ; но только у разныхъ народовъ она ведется различно, съ различными приемами и подробностями. Нѣмцы и англичане, уступая захватамъ крупной собственности и промышленности, превращаются въ пролетаріевъ и затѣмъ весьма охотно эмигрируютъ большими массами.

Вопросу объ эмиграціи посвящена въ книжкѣ Бертильона особая глава. Статистическія данныя, сюда относящіяся, показываютъ, что эмиграція и сильная рождаемость идутъ, такъ — сказать, рука объ руку. Нѣмцы и англичане сильно размножаются и сильно эмигрируютъ. Напротивъ того, французы мало эмигрируютъ и слабо размножаются. Указывая на это явленіе, Бертильонъ не скрываетъ

своей зависти по отношенію къ нѣмецкой и англійской эмиграціи,— въ особенности къ англійской. Ему завидно, что англичане такъ сильно, такъ быстро размножаются и колонизируютъ цѣлыя части свѣта, распространяя свой языкъ и свою культуру по всему лицу земли. Онъ желалъ бы того же и для французовъ. Онъ желалъ бы, чтобы Франція боролась съ перенаселеніемъ не воздержаніемъ отъ дѣтей, а эмиграціей,— но только такой эмиграціей, которая бы не наносила ущерба французской расѣ. Бертильонъ хочетъ, чтобы французы, эмигрируя и колонизируя, напр., Алжиръ, оставались французами, сохраняли свой языкъ и тяготѣли все къ той же великой *patrie une et indivisible*. Это отечество, освобожденное отъ излишка населенія, располагая свободными землями и клочками, принялось бы усиленно рождать,—населеніе все возрастало бы,— пока опять все пространство не будетъ занято и всѣ клочки захвачены. Тогда —опять эмиграція, опять усиленная рождаемость и т. д.

Если хотите знать, почему Бертильонъ такъ хлопочетъ о переселѣніи этого явленія на французскую почву, то я скажу вамъ, что имъ руководятъ соображенія и стремленія самой возвышенной пробы. Онъ желаетъ прежде всего славы своему отечеству. Если—говоритъ онъ—появится новый Вольтеръ, онъ будетъ прочитанъ всего 45-ю милліонами (французы, швейцарцы, бельгійцы и пр.). Но если это будетъ писатель нѣмецкій,—его прочтеть вдвое большее число людей. Если, наконецъ, это будетъ англичанинъ,—его прочтутъ во всѣхъ частяхъ свѣта... Аргументъ — свидѣтельствующій о любви къ отечеству, но мало убѣдительный для „излишне-воздержныхъ“ поселенъ и *petits bourgeois*, которые этого новаго Вольтера прочтутъ послѣдними (если только прочтутъ)... Нельзя не сознаться также, что вопросъ о грядущихъ Вольтерахъ не такъ-то легко идетъ рядомъ съ вопросомъ о рождаемости, опредѣляемой прихода-расходными книгами. Далѣе, Бертильонъ желаетъ для Франціи могущества—экономическаго и политическаго. Для экономическаго могущества нужны *рабочія руки*. Французское земледѣліе и промышленность, по мнѣнію Бертильона, страдаютъ отсутствіемъ рукъ. Приходится приглашать съ большими издержками рабочихъ изъ Бельгій и Пьемонта. Увеличеніе населенія избавило бы Францію отъ необходимости выписывать иностранцевъ—для полученія заработной платы: она имѣла бы свои „руки“ — болѣе дешевыя. Обиліе своихъ дешевыхъ рукъ создастъ экономическое могущество Франціи. Могущество политическое зиждется на арміи. Армія сильна своей численностью. Франція, продолжая отставать отъ другихъ народовъ численностью своего населенія, не будетъ въ состояніи выставить достаточно многочисленной арміи.—Такъ вотъ для чего также нужно увеличеніе народонаселе-

нія! Нужно быть всегда готовымъ къ истребленію людей, къ войнѣ, — на этомъ зиждется могущество и благоденствіе народовъ!

Изысканно-воздержные собственники установили бухгалтерію дѣтскаго рожденія. Это не значитъ, что имъ чужды идеалы Бертильона, — это значитъ, что общественная стоимость дѣтей крайне низка. Но еще ниже представится она съ высоты идеаловъ, выставленныхъ Бертильономъ, ибо эти идеалы требуютъ пространства для дѣтскаго рожденія — и для рекрутчины.

Они были бы по-истинѣ ужасны — эти „идеалы“, если бы ихъ сила и свирѣлость не умѣрялись и не устранились даже — цѣлымъ рядомъ другихъ явленій эти идеалы уже отживаютъ свое время; несомнѣнно, самъ Бертильонъ гораздо лучше своихъ теорій, которыя поддерживаются имъ въ силу традиціи. Возрастающее отвращеніе отъ войны, отъ милитаризма, развитіе демократическихъ началъ все ослабляетъ „идеалы“ шовинистовъ и расчищаетъ почву для развитія общественной солидарности. Успѣхи этой послѣдней необходимо должны повести и къ улучшенію участи дѣтей.

Успѣхи обществъ на поприщѣ общественной солидарности, безъ сомнѣнія поставятъ дѣтскій вопросъ въ другомъ свѣтѣ, и выразятся напр. въ устройствѣ правильнаго общественнаго попечительства надъ дѣтьми безъ различія званія и состоянія. Уже теперь мы можемъ наблюдать тотъ фактъ, что самоуправляющееся общество прежде всего основываетъ школу и пріютъ. И чѣмъ лучше и шире его самоуправленіе, тѣмъ эта школа лучше, и пріютъ гуманнѣе. И наоборотъ. Расширеніе и улучшеніе образованія и воспитанія въ связи съ общимъ улучшеніемъ судьбы дѣтей явится въ свою очередь могучей силой для дальнѣйшаго развитія общественной солидарности, и если окончательное рѣшеніе „дѣтскаго вопроса“ неотдѣлимо отъ рѣшенія рабочаго вопроса вообще, то съ другой стороны и этотъ послѣдній не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго улучшенія участи дѣтей: дѣти — это само будущее...

Д. К.—И.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1882.

Перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ; различіе между первоначальнымъ проектомъ и окончательной редакціей закона; общее значеніе этой мѣры. — Постепенная заплата подушной подати. — Упраздненіе главнаго комитета объ устройствѣ селскаго состоянія. — Измѣненіе правилъ о наказаніяхъ за кражу со вломомъ. — Проектъ устава о вакселяхъ.

Въ маѣ 1881 года произошло, почти одновременно, нѣсколько перемѣнъ въ личномъ составѣ высшей администраціи; гр. Лорисъ-Меликовъ, гр. Милютинъ и г. Абаза уступили мѣсто гр. Игнатьеву, генералу Ванновскому и г. Бунге. Общественное мнѣніе не даромъ увидѣло въ этой перемѣнѣ признакъ перехода къ другому направленію, признакъ отступленія отъ системы, съ которой было соединено имя гр. Лорисъ-Меликова. Въ маѣ нынѣшняго года перемѣна совершилась только одна, но по значенію своему она развѣ не многимъ уступаетъ прошлогоднимъ. Графъ Игнатьевъ считался представителемъ опредѣленной политики; увольненіе его отъ званія министра внутреннихъ дѣлъ неизбѣжно возбуждаетъ вопросъ о томъ, какой политики будетъ держаться его преемникъ. Фактическими данными для разрѣшенія этого вопроса мы пока еще не располагаемъ; имя гр. Толстого даетъ поводъ только къ догадкамъ, болѣе или менѣе правдоподобнымъ. Не заглядывая въ будущее, остановимся на ближайшемъ прошедшемъ; посмотримъ, что сдѣлано и достигнуто графомъ Игнатьевымъ въ годичный періодъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Несомнѣнной заслугой бывшаго министра должно быть признано то вниманіе, съ которымъ онъ относился къ интересамъ крестьянскаго населенія. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что въ этомъ отношеніи гр. Игнатьевъ явился только продолжателемъ дѣла, начатаго при его предшественникѣхъ. Пониженіе выкупныхъ платежей

и обязательное довершеніе выкупной операціи были рѣшены въ принципѣ еще въ началѣ прошедшаго года; мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что вступленіе гр. Игнатьева въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ замедлило реформу и измѣнило нѣкоторыя подробности ея не къ лучшему. Проектъ, уже внесенный на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, былъ подвергнутъ новой переработкѣ, съ участіемъ небольшого числа свѣдущихъ людей. Мнѣніе „большинства“ свѣдущихъ людей, т.-е. шести или семи произвольно выбранныхъ частныхъ лицъ, привело къ той однообразной рублевой скидкѣ, которая восторжествовала надъ принципомъ соразмѣрности выкупныхъ платежей съ доходностью земли. На очередь былъ поставленъ, дальше, вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ; но выдвинуть на сцену онъ былъ еще при гр. Лорисъ-Меликовѣ, включившемъ его изслѣдованіе въ кругъ дѣятельности ревизующихъ сенаторовъ. Къ той же эпохѣ относится новый порядокъ арендованія казенныхъ земель, прекращеніе раздачи этихъ земель въ частныя руки. Необходимость коренныхъ переимѣнъ въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи была заявлена еще въ извѣстномъ разговорѣ гр. Лорисъ-Меликова съ представителями печати (въ сентябрѣ 1880 года); декабрьскій циркуляръ того же года привлекъ земство къ участию въ преобразовательной работѣ. Учрежденіе, въ ноябрѣ 1881 года, особой комиссіи для составленія проекта административной реформы было естественнымъ результатомъ сенаторскихъ ревизій, предпринятыхъ по мысли графа Лорисъ-Меликова. На долю самого гр. Игнатьева остается, такимъ образомъ, только возбужденіе питейнаго вопроса и затѣмъ, можетъ быть, дѣятельное участіе въ составленіи положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ. Это послѣднее положеніе обнародовано за нѣсколько дней до увольненія гр. Игнатьева; въ какой мѣрѣ оно соотвѣтствуетъ своей цѣли—мы увидимъ ниже. Что касается до питейнаго вопроса, то шуму, правда, онъ надѣлалъ много, но разрѣшеніе его не подвинулось впередъ ни на одинъ шагъ. Мы не утверждаемъ, чтобы въ этомъ былъ виноватъ бывшій министръ; но въ дѣлѣ столь первостепенной важности менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь достаточно однихъ добрыхъ намѣреній. Полнота неудачи указываетъ на непригодность средствъ, избранныхъ для достиженія цѣли. Присоединять къ активу гр. Игнатьева, какъ это дѣлаютъ его друзья, приступъ къ замѣнѣ подушной подати—мы не видимъ никакихъ основаній; въ принципѣ отмена подушной подати рѣшена давно; на первую очередь она поставлена еще въ 1879 году; мысль о постепенности и соотвѣтствующій ей планъ дѣйствій принадлежитъ министерству финансовъ. Итакъ, крупной инициативы по крестьянскому дѣлу въ управленіе гр. Игнатьева мы не видѣли; но хорошо уже и то, что

онъ понялъ необходимость дѣятельности, исполнилъ задуманное дѣло, остался вѣрнѣе правильно опредѣленной дорогѣ. Съ этой точки зрѣнія министерская дѣятельность графа Игнатъева, продолжавшаяся только одинъ годъ, не можетъ не быть признана болѣе плодотворной, чѣмъ семилѣтняя дѣятельность П. А. Валуева или десятилѣтняя дѣятельность А. Е. Тимашева. Дѣлать гр. Игнатъева отвѣтственнымъ за тѣ или другіе слухи, появляющіеся въ средѣ народныхъ массъ, было бы болѣе чѣмъ несправедливо; мы знаемъ по опыту, что распространеніе такихъ слуховъ возможно и при самомъ полномъ равнодушіи высшихъ административныхъ сферъ въ крестьянскому дѣлу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить извѣстное объявленіе Л. С. Макова, опубликованное въ 1879 году. Источники неосновательныхъ толковъ слѣдуетъ искать скорѣе въ многолѣтнемъ игнорированіи крестьянскихъ нуждъ, чѣмъ въ запоздалыхъ, но тѣмъ болѣе неотложныхъ попыткахъ помочь народу.

Въ сферѣ общаго государственнаго управленія гр. Игнатъевъ, по словамъ болѣе расположенной къ нему газеты, „искусно, насколько позволяли обстоятельства, держался среди двухъ совершенно противоположныхъ теченій нашей политики“ и „проявлялъ тѣ же свойства, какія онъ заранѣе выказалъ въ дипломатіи“. Похвала иногда бываетъ похожа на порицаніе; такую она вышла и въ настоящемъ случаѣ. Садиться между двумя стульями въ обществѣ считается не заслугой, а ошибкой. Съ нашей точки зрѣнія, впрочемъ, опредѣленіе газеты не совсѣмъ правильно; если можетъ быть рѣчь о „двухъ совершенно противоположныхъ теченіяхъ нашей политики“, то гр. Игнатъевъ стоялъ гораздо ближе къ тому изъ нихъ, которое принято называть консервативнымъ. Положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ; положеніе о поднадзорныхъ; фактическія ограниченія судебной гласности; пріостановка начатаго при гр. Лорисъ-Меликовѣ пересмотра законовъ о печати; приготовлявшійся, если вѣрить слухамъ, проектъ новыхъ для нея стѣсненій; цѣлый рядъ административныхъ мѣропріятій противъ газетъ и журналовъ — вотъ доказательства нашей мысли, не требующія дальнѣйшаго поясненія. Призывъ свѣдущихъ людей не наклоняетъ вѣсовъ въ противоположную сторону; способъ приглашенія свѣдущихъ людей — равно какъ и характеръ вопросовъ, переданныхъ на ихъ обсужденіе — устраняетъ возможность видѣть въ этой мѣрѣ что-либо существенно важное, существенно отличное отъ прежнихъ экспериментовъ того же рода.

Исходя изъ убѣжденія, что народное благо требуетъ возможно большаго уравниванія всѣхъ составныхъ частей, всѣхъ группъ и клас-

совъ населенія, мы относимся совершенно различно къ двумъ сторонамъ политики гр. Игнатьева, одинаково восхваляемымъ его приверженцами. Мы считаемъ большой заслугой съ его стороны возбужденіе остзейскаго вопроса, назначеніе сенаторской ревизіи въ прибалтійскія губерніи, — но не сочувствуемъ мѣрамъ бывшаго министра относительно евреевъ. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ именно объ уменьшеніи несправедливыхъ различій, объ устранинн устарѣвшихъ привиллегій, о возведеніи угнетенныхъ племенъ и сословій на степень полноправныхъ гражданъ русскаго государства; во второмъ случаѣ имѣются въ виду новыя стѣсненія, новыя ограниченія, несомнѣнно тягостныя для еврейскаго населенія, но бессильныя ограждать отъ него массу русскаго народа. „Народная политика“, въ специфическомъ смыслѣ этого слова, казалась намъ вредной именно потому, что она была въ сущности политикой узко-національной; флагъ ея прикрывалъ самыя разнообразныя стремленія, начиная съ заботливости объ истинныхъ нуждахъ народа и до нетворства національнымъ предразсудкамъ.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что обѣщаніе, данное гр. Игнатьевымъ въ первомъ его циркулярѣ — преслѣдовать *лишечіе*, гдѣ бы оно ни обнаруживалось — не осталось вовсе безъ исполненія. Нельзя сказать, чтобы всѣ раскрытыя „лишечія“ повлекли за собою „заслуженную кару для виновниковъ“; практика прежнихъ лѣтъ научила насъ, однако, цѣнить во что-нибудь даже ту степень энергіи, которая понадобилась для извѣстной развязки оренбургскаго земельного дѣла, для преданія суду, и притомъ безъ ограниченія гласности, высшихъ интендантскихъ чиновниковъ, генералъ-штабъ-доктора Буна, гг. Ломкарева и Токарева. Ожидать отъ такихъ отдѣльных мѣръ радикальнаго искорененія злоупотребленій конечно нельзя, но совершенно безслѣдно онѣ пройти не могутъ, хотя бы въ смыслѣ напоминанія о принципѣ равенства передъ закономъ.

Вопросъ о крестьянскомъ поземельномъ кредитѣ, поставленный на очередь много лѣтъ тому назадъ, разрѣшенъ, наконецъ, положеніемъ о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, Высочайше утвержденнымъ 18-го мая. Для правильной оцѣнки новаго закона необходимо припомнить, съ какими препятствіями должна была бороться основная мысль его. Первый источникъ противудѣйствія, съ самаго начала встрѣченнаго ею, слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что за крестьянскій поземельный кредитъ стояло земство, стояла „либеральная“ пресса — два фактора, долго находившіеся въ загонѣ, да и въ послѣднее время далеко не освобожденные отъ тяготъ

нихъ на нихъ подозрѣній. Наиболѣе вліятельные органы консервативной партіи явились рѣшительными противниками нововведенія. Они восставали противъ *сословнаго и благотворительнаго* характера предполагаемой мѣры, допускали организацію мелкаго поземельнаго кредита только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ одинаково открытъ для лицъ всѣхъ сословій, чтобы максимумъ его былъ опредѣленъ въ десять или пятнадцать тысячъ рублей ¹⁾. Право на кредитъ признавалось преимущественно за *исправными состоятельными хозяевами*, а не за крестьянами, бѣдствующими вслѣдствіе малоземелья; единственнымъ условіемъ ссуды должно было служить достаточное обезпеченіе ея покупаемою землею. Всякое иное устройство мелкаго поземельнаго кредита, всякое приуроченіе его къ потребностямъ однихъ крестьянъ, и притомъ крестьянъ малоземельныхъ или безземельныхъ, выставилось уступкой ходячимъ „либеральнымъ“ взглядамъ, опаснымъ поощреніемъ опасныхъ лжеученій. Съ другой стороны раздавались голоса, отрицавшіе крестьянскій поземельный кредитъ во имя блага самихъ крестьянъ; приводились цифры и факты съ цѣлью доказать, что покупка земель въ кредитъ приведетъ къ окончательному разоренію крестьянъ, обременивъ ихъ тяжелыми платежами, которыми весьма скоро перестанетъ соответствовать доходъ съ вынаханной, истощенной земли ²⁾. Отиравляясь отъ различныхъ исходныхъ точекъ, оба консервативные лагеря приходили, такимъ образомъ, къ одному и тому же заключенію: крестьянскій поземельный банкъ ненуженъ или даже вреденъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, оба московскіе журнала выражали не только свое личное мнѣніе; тѣмъ значительнѣе была опасность, угрожавшая проекту закона о крестьянскомъ банкѣ. Отсрочка, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть равносильна отклоненію закона, — а для отсрочки всегда легко найти основанія или предлоги. Вопросъ о крестьянскомъ банкѣ имѣетъ несомнѣнную связь съ вопросомъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, какъ потому, что для обоихъ нужна государственная помощь, такъ и потому, что переселеніямъ можетъ способствовать удешевленіе и правильное устройство поземельнаго кредита; отсюда возможность утверждать, что оба вопроса должны быть разрѣшены одновременно — другими словами, что съ вопросомъ о крестьянскомъ банкѣ нечего торопиться. Многія земскія собранія подали голосъ за организацію мелкаго поземельнаго кредита, хода-

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1882 г. № 4, статья г. Головина: „Что такое крестьянскій кредитъ“. Весьма недружелюбно встрѣтили новый законъ и „Московскія Вѣдомости“ (№ 153).

²⁾ „Русь“ 1882 г., № 2 и 3, статья „земледѣльца“: „Крестьянскій банкъ и его будущность“.

тайствовали о пособіи этому дѣлу со стороны правительства; отсюда возможность утверждать, что предварительно изданія Положенія о крестьянскомъ банкѣ, оно должно быть передано на обсужденіе земскихъ собраній, или имъ должно быть какъ-нибудь иначе предоставлено высказаться по этому предмету. Между всѣми этими подводными камнями законъ о крестьянскомъ банкѣ прошелъ благополучно, въ томъ смыслѣ, что его движеніе не было остановлено ими на неопредѣленное время; но онъ вышелъ изъ ихъ среды далеко не такимъ, какимъ вступилъ въ нее. Первоначальный проектъ закона извѣстенъ намъ довольно хорошо, на основаніи газетныхъ сообщеній, никѣмъ въ свое время не опровергнутыхъ и не оспоренныхъ; мы можемъ сравнить его съ окончательнымъ текстомъ закона и опредѣлить этимъ путемъ характеръ перемѣнъ, которымъ онъ подвергся.

Главное различіе между тѣмъ, что предполагалось сначала, и тѣмъ, что дѣйствительно сдѣлано, заключается въ опредѣленіи условій, дающихъ доступъ къ пользованію вновь организуемымъ кредитомъ. Право на полученіе ссудъ предоставлялось и прежде, предоставляется и теперь сельскимъ обществамъ въ полномъ составѣ, товариществамъ изъ крестьянъ и отдѣльнымъ крестьянамъ; но на основаніи положенія, ссуды могутъ быть выдаваемы всѣмъ безъ различія юридическимъ или физическимъ лицамъ вышеприведенныхъ категорій, между тѣмъ какъ на основаніи проекта получать ссуды могли только тѣ изъ нихъ, которыя не владѣютъ землею въ достаточномъ количествѣ. Для сельскихъ обществъ (и притомъ только для тѣхъ, которыя владѣютъ землею на общинномъ правѣ) размѣръ ссуды, по проекту, не долженъ былъ превышать суммы, необходимой для доведенія принадлежащей обществу земли до высшаго (или указного) надѣла, опредѣленнаго Положеніемъ 19-го февраля и исчисленнаго по наличному, во время выдачи ссуды, числу душъ лишь мужескаго пола. Товарищества могли получать ссуды для покупки земли, приобретаемой съ цѣлью выселенія, въ количествѣ, также не превышающемъ высшаго надѣла; для приобретенія отъ такихъ товариществъ оставляемой ими надѣльной земли предполагалось выдавать ссуды обществамъ, изъ среды которыхъ они выдѣлялись. Выдача ссудъ отдѣльнымъ крестьянамъ допускалась лишь тамъ, гдѣ земли крестьянскаго надѣла не состоятъ въ общинномъ пользованіи, и притомъ лишь крестьянамъ безземельнымъ или владѣющимъ неполнымъ подворнымъ участкомъ законнаго или обычнаго въ данной мѣстности размѣра. Всѣ эти ограниченія должны были служить гарантіей въ томъ, что ссуды будутъ доставаться именно и исключительно крестьянамъ, наиболѣе нуждающимся въ

землѣ, и что земля, купленная съ помощью ссуды, не будетъ обращаться въ предметъ спекуляціи. Для достиженія этой послѣдней цѣли предполагалось, сверхъ того, установить, что до окончательнаго погашенія банковаго долга земля, купленная на выданныя банкомъ деньги, можетъ быть перепродаваема такимъ лишь сельскимъ обществомъ, товариществомъ изъ крестьянъ и отдѣльнымъ крестьянамъ, которые сами имѣли бы право пріобрѣсти землю при содѣйствіи банка. Въ текстѣ обнародованнаго закона мы подобнаго правила не встрѣчаемъ — и это вполне понятно, такъ какъ отсутствіе ограниченій при покупкѣ влечетъ за собою отсутствіе ихъ и при перепродажѣ. Намъ скажутъ, можетъ быть, что недостающее въ законѣ можетъ быть восполнено инструкціей, составленіе которой, на изложенныхъ въ Положеніи о банкахъ главныхъ основаніяхъ, поручено государственному совѣтѣ министру финансовъ. Инструкція эта должна „опредѣлить подробныя правила для дѣйствій банка и его отдѣленій“; другими словами, она должна служить развитіемъ того, что сказано въ Положеніи. Развитие и дополненіе — понятія существенно различныя; одно изъ нихъ едва ли можетъ быть поставлено на мѣсто другого. Начала, устраненныя изъ Положенія, едва ли найдутъ себѣ мѣсто въ инструкціи — по крайней мѣрѣ въ той ея части, которая подлежитъ, по смыслу мнѣнія государственнаго совѣта (пункт. IV), опубликованію во всеобщее свѣдѣніе. Если и допустить, что инструкція дастъ преимущество малоземельнымъ крестьянамъ передъ многоземельными, нуждающимися — передъ ненуждающимися, обществомъ — передъ отдѣльными лицами, то это легко можетъ остаться неизвѣстнымъ большинству заемщиковъ, и тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе страдаютъ отъ недостатка земли, лишены будутъ возможности настаивать на осуществленіи своего права. Столь же мало вѣроятно, чтобы инструкція могла создать трудно преодолимые препятствія къ перепродажѣ участковъ, купленныхъ при содѣйствіи банка, въ руки любого кулака, лишь бы только онъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію, или любыхъ кулаковъ-крестьянъ, образовавшихъ товарищество съ взаимнымъ ручательствомъ другъ за друга.

Указанное нами различіе между первоначальнымъ проектомъ и обнародованнымъ теперь закономъ мы считаемъ весьма серьезнымъ. Единственнымъ (и вполне достаточнымъ) основаніемъ къ организаціи мелкаго поземельнаго кредита исключительно для крестьянъ была именно нужда въ землѣ, господствующая среди крестьянскаго сословія и неудовлетворимая безъ правительственной поддержки. Разъ что нужда въ землѣ перестаетъ быть необходимымъ условіемъ ссуды, сословный характеръ банка теряетъ свою главную *raison d'être*, и преимущество послѣдовательности остается на сторонѣ тѣхъ, кото-

рые—какъ г. Головинъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“—предлагали сдѣлать мелкій поземельный кредитъ доступнымъ для всякаго желающаго. То же самое слѣдуетъ сказать и о такъ-называемомъ *благотворительномъ* характерѣ банка, т.-е. о сравнительной дешевизнѣ кредита и о пожертвованіяхъ, которыя онъ можетъ повлечь за собой для государства (припомнимъ, что исправный платежъ процентовъ по свидѣтельствамъ крестьянскаго банка и возвратъ капитала обеспечиваются, по ст. 14-ой Положенія, не только принятыми въ залогъ землями, но и общими средствами правительства). Когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы поднять и поддержать бѣднѣйшій, наиболѣе обремененный классъ населенія, тогда нѣтъ затраты, которая была бы слишкомъ велика, лишь бы только она дѣйствительно способствовала достиженію желанной цѣли; но когда въ кругъ лицъ, могущихъ воспользоваться услугой, вводятся *исправные, состоятельные*, пожалуй даже богатые хозяева, тогда цѣлесообразность жертвъ со стороны государства можетъ сдѣлаться весьма сомнительной. Кругъ дѣйствій крестьянскаго банка, по крайней мѣрѣ на первое время, будетъ, по всей вѣроятности, очень ограниченный, требованія ссудъ будутъ превышать сумму допущенныхъ къ выпуску свидѣтельствъ; при такомъ положеніи дѣлъ дорогъ каждый рубль, безусловно вредна каждая ссуда, не оправдываемая несомнѣнною, настоятельною нуждою. Весьма важно въ нашихъ глазахъ и то обстоятельство, что въ первоначальномъ проектѣ на первомъ планѣ стояли интересы крестьянскихъ обществъ, а Положеніе 18-го мая не дѣлаетъ никакого различія между интересами обществъ и отдѣльныхъ лицъ. Проектъ допускалъ отдѣльныхъ крестьянъ къ пользованію ссудами въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ общиннаго владѣнія, и ограничивалъ помощь товариществамъ случаями выселенія ихъ изъ общества. Подорвать общиннаго владѣнія онъ не могъ; напротивъ того, онъ поощрялъ образованіе новыхъ общинъ, улучшая этимъ самымъ положеніе общинъ существующихъ. Онъ оставался вѣрнымъ духу Положеній 19-го февраля, затруднившихъ—хотя и не въ той мѣрѣ, въ какой это было бы желательно—распаденіе общины. Положеніе 18-го мая, открывая полный просторъ ссудамъ на покупку земли товариществами и отдѣльными крестьянами, хотя бы и не съ цѣлью выселенія, хотя бы и въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, наноситъ послѣднему косвенный, но сильный ударъ. Облегчая переходъ отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, оно уменьшаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, размѣръ ссудъ, на которыя могутъ рассчитывать общества и выдѣляющіеся изъ нихъ, съ цѣлью образованія новыхъ общинъ, группы.

Первоначальный проектъ Положенія опредѣлялъ размѣръ ссуды

(съ соблюденіемъ ограниченій, о которыхъ мы говорили выше) въ 80%, съ нормальной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — съ спеціальной оцѣнки. Положеніе 18-го мая ограничиваетъ его, въ случаѣ выдачи ссуды по спеціальной оцѣнкѣ, 75% съ оцѣночной суммы, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ предоставляетъ опредѣленіе размѣра ссуды, для каждой губерніи, министру финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы наибольшій размѣръ ссуды нигдѣ не превышалъ: при общинномъ пользованіи — ста-двадцати-пяти рублей на каждую наличную въ сѣльскомъ обществѣ или товариществѣ душу мужского пола, а при подворномъ владѣніи — пятисотъ рублей на каждого отдѣльнаго домохозяина. Спеціальная оцѣнка допускается Положеніемъ, какъ и проектомъ, въ особо уважительныхъ случаяхъ, а также тогда, когда въ составѣ приобретаемаго съ содѣйствіемъ банка земельного участка будутъ заключаться угодья, имѣющія особенную цѣнность. Подъ именемъ „особо уважительныхъ случаевъ“ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, разумѣть крайнюю необходимость участка для крестьянъ (напр. для выгона, для прогона скота, для водопоя), соотвѣтственно которой онъ особенно высоко оцѣнивается землевладѣльцемъ. Въ этихъ случаяхъ, какъ и при дѣйствительно-высокой цѣнности угодій, крестьянамъ, покупающимъ землю, безъ того уже предстоитъ тяжелое бремя; пониженіе банковской ссуды дѣлаетъ его еще болѣе чувствительнымъ. Чѣмъ меньше крестьяне получаютъ изъ банка, тѣмъ болѣе имъ придется занять изъ другого источника, на гораздо менѣе льготныхъ условіяхъ; громадность процентовъ на дополнительную сумму можетъ сдѣлать покупателей несправными плательщиками передъ банкомъ. Нельзя не пожалѣть, поэтому, объ уменьшеніи размѣра ссуды по спеціальной оцѣнкѣ, сравнительно съ проектомъ — на пять процентовъ; при покупкѣ земли цѣлымъ обществомъ или большимъ товариществомъ, особенно въ губерніяхъ черноземныхъ, оно можетъ составить для покупателей расчетъ весьма замѣтный. Неподвижность высшаго размѣра ссуды по нормальной оцѣнкѣ — 125 рублей на душу — также можетъ имѣть неблагоприятныя послѣдствія. Нужда въ землѣ чувствуется всего сильнѣе крестьянами, получившими даровой надѣлъ — а ихъ особенно много въ такихъ губерніяхъ (Тамбовской, Воронежской, Саратовской), гдѣ земля дорога и за 125 рублей на душу трудно приобрести участокъ, которымъ, вмѣстѣ съ надѣломъ, обезпечивалось бы крестьянское семейство.

По первоначальному проекту предполагалось открыть крестьянскій поземельный банкъ при главномъ выкупномъ учрежденіи, должность управляющаго банкомъ соединить съ должностью предсѣдателя этого учрежденія, а предсѣдательство въ отдѣленіяхъ банка предо-

ставить управляющимъ отдѣленіями государственнаго банка или казенными палатами. Положеніе 18 мая даетъ крестьянскому банку и его отдѣленіямъ значеніе самостоятельныхъ учреждений; управляющіе банкомъ и отдѣленіями назначаются министромъ финансовъ. Въ составъ отдѣленій входятъ, кромѣ управляющаго, одинъ членъ по назначенію губернатора и два члена по избранію губернскаго или уѣзднаго земскаго собранія—смотря по тому, распространяется ли кругъ дѣйствій отдѣленія на цѣлую губернію или на одинъ только уѣздъ. Независимо отъ отдѣленій, такимъ образомъ организованныхъ, проектъ предполагалъ допустить открытіе отдѣленій крестьянскаго банка и при губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управахъ, по ходатайству о томъ земскихъ собраній и съ разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, съ тѣмъ, чтобы въ оцѣнкѣ земель принимали участіе уполномоченные отъ обоихъ административныхъ вѣдомствъ и чтобы относительно отчетности и операций земскія отдѣленія были подчинены на общемъ основаніи центральному управленію банка. Въ Положеніи 18 мая о земскихъ отдѣленіяхъ банка не говорится ни слова. Намъ кажется, что преимущество и въ этомъ отношеніи было на сторонѣ первоначальнаго проекта. Мы не поддерживаемъ того мнѣнія, по которому завѣдываніе крестьянскимъ поземельнымъ кредитомъ слѣдовало бы отдать всецѣло въ руки земства, съ оставленіемъ за правительствомъ только финансовой операціи—выпуска закладныхъ листовъ или свидѣтельствъ. Отношеніе земскихъ собраній къ вопросу о крестьянскомъ кредитѣ слишкомъ различно, чтобы отъ нихъ можно было ожидать единства въ веденіи дѣла,—единства, необходимаго въ видахъ справедливости, въ видахъ равномѣрнаго, по возможности, распредѣленія кредита между одинаковыми категоріями нуждающихся. Нѣкоторые земскія собранія (напр., тамбовское) признали организацію крестьянскаго кредита совершенно излишней; сдѣлать ихъ безконтрольными распорядителями несочувственнаго имъ дѣла, значило бы, безъ сомнѣнія, обресть его на вѣрную неудачу. Съ другой стороны, правительство, дающее средства на организацію кредита и непосредственно заинтересованное въ ея успѣхѣ, не могло, очевидно, ограничиться пассивною ролью банкира или поручителя. Противъ сосредоточенія дѣла въ рукахъ центральнаго правительственнаго учрежденія, противъ введенія административныхъ должностныхъ лицъ въ мѣстныя отдѣленія банка мы, поэтому, не возражаемъ; мы думаемъ только, что лучшимъ средствомъ къ правильному совмѣщенію обоихъ элементовъ—правительственнаго и земскаго—были бы именно земскія отдѣленія банка. Отдѣленія крестьянскаго банка, по ст. 8-й Положенія, исполняютъ слѣдующія обязанности: 1) принимаютъ заявленія о выдачѣ ссудъ и представ-

имѣть объ утвержденіи ихъ, 2) содѣйствуютъ продавцамъ и покупателямъ, при совершеніи сдѣлокъ, сообщеніемъ нужныхъ свѣдѣній, 3) выдаютъ разрѣшенныя ссуды, 4) ходатайствуютъ о льготахъ и рассрочкахъ въ платежахъ по ссудамъ, въ случаѣ бѣдствій, постигшихъ заемщиковъ, и 5) дѣлаютъ распоряженія по взысканію просроченныхъ ссудъ. Изъ числа этихъ обязанностей, помѣнованныхъ въ пункт. 2, 3 и 5 имѣютъ чисто формальное значеніе и могутъ быть исполнены одинаково хорошо, изъ кого бы ни состояло отдѣленіе. Ходатайство о льготахъ и рассрочкахъ, по статьѣ 29-й Положенія, должно быть основано на удостовѣреніи земской управы; слѣдовательно законъ и теперь отдаетъ разрѣшеніе этого вопроса въ руки земства. Остается затѣмъ разсмотрѣніе прошеній о ссудахъ; въ этомъ, существенно важномъ фазисѣ дѣла могли бы принимать участіе, вмѣстѣ съ земствомъ, мѣстные представители администраціи и казны, мнѣніе которыхъ всегда имѣлось бы въ виду центрального управленія банка, такъ какъ отъ него зависитъ окончательное разрѣшеніе ссудъ. Земскія отдѣленія банка могли бы быть допущены даже какъ общее правило, безъ всякой опасности для дѣла; но еще легче было принять смѣшанную систему, предложенную въ первоначальномъ проектѣ—т.-е. существованіе земскихъ отдѣленій на ряду съ правительственными. Быстраго возрастанія числа правительственныхъ отдѣленій, особенно уѣздныхъ, ожидать нельзя, потому что оно потребуетъ немаловажныхъ расходовъ и значительнаго увеличенія личнаго состава чиновъ министерства финансовъ; между тѣмъ, земскія уѣздныя отдѣленія могли бы открываться одно вслѣдъ за другимъ, безъ затратъ со стороны правительства и съ небольшими затратами со стороны земствъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ, просто возлагали бы всѣ обязанности отдѣленія на земскую управу. Представителями правительства въ земскомъ уѣздномъ отдѣленіи могли бы служить уѣздный казначей и уѣздный исправникъ. Привлеченіе земства къ болѣе дѣятельному участію въ отдѣленіяхъ банка имѣло бы еще и ту хорошую сторону, что оно увеличило бы интересъ земства къ этому дѣлу, заставило бы его смотрѣть на него какъ на *свое* дѣло, которое оно ведетъ и за которое нравственно отвѣчаетъ. Уменьшенію расходовъ по управленію банкомъ содѣйствовало бы, далѣе, предначертанное первоначальнымъ проектомъ соединеніе должностей, а также призваніе въ совѣтъ банка двухъ или трехъ уполномоченныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній, избираемыхъ, по особой очереди, на годъ или на полгода. Нашлись бы лица, которыя согласились бы исполнять эти обязанности безвозмездно—а земство почувствовало бы себя еще ближе придвинутымъ къ дѣлу, для котораго оно уже такъ много потрудилося. Съ уменьшеніемъ расхо-

довъ по управленію сдѣлалось бы возможнымъ и пониженіе доводительнаго платежа, предназначеннаго, между прочимъ, на покрытіе этихъ расходовъ. Лишніе полъ-процента въ годъ—прибавка далеко не безразличная для заемщиковъ изъ среды крестьянъ.

Перечисливъ тѣ пункты, по которымъ Положеніе 18-го мая уступаетъ первоначальному проекту, мы должны указать и на другую сторону медали. Сумма, на которую министръ финансовъ можетъ ежегодно выпускать, собственною властью, свидѣтельства крестьянскаго поземельнаго банка, возвышена съ трехъ до пяти милліоновъ. Большого значенія эта переменъ не имѣетъ, потому что первоначальный проектъ, какъ и обнародованное теперь Положеніе, допускалъ выпускъ свидѣтельствъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, и въ высшемъ противъ нормы размѣрѣ; мы отмѣчаемъ ее только потому, что видимъ въ ней намѣреніе правительства расширить, по возможности, кругъ дѣятельности банка. Гораздо важнѣе уничтоженіе тѣхъ стѣснительныхъ правилъ, которыми обставлена была, въ первоначальномъ проектѣ, выдача ссудъ по специальной оцѣнкѣ, а также допущеніе разсрочекъ. Ссуды по специальной оцѣнкѣ, т.е. выше нормы, предполагалось было выдавать не иначе, какъ въ случаѣ пріятія мѣстными уѣздными земствомъ обязательства пополнить недовыручку, которая могла бы оказаться при принудительной продажѣ участка. Такимъ же обязательствомъ со стороны земства обуславливалась разсрочка недоимокъ. Само собою разумѣется, что принимать на себя отвѣтственность за недовыручку, могущую оказаться черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ послѣ выдачи ссуды или разсрочки недоимки, земства соглашались бы рѣдко, и постановленія, въ высшей степени благопріятныя для заемщиковъ, оставались бы почти мертвой буквой. Положеніе 18-го мая никакихъ обязательствъ отъ земства не требуетъ, никакой отвѣтственности на него ни при выдачѣ ссудъ по специальной оцѣнкѣ, ни при разсрочкѣ недоимокъ не возлагаетъ. Ходатайствуя о томъ или другомъ, земство будетъ имѣть возможность руководствоваться исключительно потребностями заемщиковъ и обстоятельствами даннаго случая. Достаточной гарантіей противъ неосновательныхъ ходатайствъ и слишкомъ высокихъ специальныхъ оцѣнокъ будетъ служить желаніе земствъ поддержать свой нравственный авторитетъ въ глазахъ правительства, избѣжать отказовъ на будущее время. Существенной переменой къ лучшему представляется, наконецъ, невключеніе въ законъ той статьи первоначальнаго проекта, по которой крестьяне, для полученія ссуды въ высшемъ размѣрѣ (по специальной оцѣнкѣ), должны были представить удостовѣреніе, что они располагаютъ по меньшей мѣрѣ натою частью покупной цѣны приобретаемаго участка.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что въ Положеніи 18-го мая есть значительныя пробѣлы, устраняющіе возможность немедленнаго его осуществленія. Оно не содержитъ въ себѣ ни правилъ о совершеніи крѣпостныхъ актовъ на участки, приобретаемые съ содѣйствіемъ банка, ни правилъ о продажѣ этихъ участковъ съ публичнаго торга, въ случаѣ несправности заемщиковъ. Составленіе этихъ правилъ возложено государственными совѣтомъ на министра финансовъ, по соглашенію съ министрами юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Открытіе банка и его отдѣленій состоится—какъ видно изъ пункт. II и III мнѣнія государственнаго совѣта—лишь тогда, когда вышеупомянутыя правила будутъ утверждены въ законодательномъ порядкѣ. Соглашеніе между министрами, новое разсмотрѣніе дѣла въ государственномъ совѣтѣ—все это потребуетъ не мало времени, по всей вѣроятности около года. Намъ кажется, что движеніе законодательныхъ работъ сдѣлалось бы гораздо успѣшнѣе и быстрѣе, еслибы замѣченные въ нихъ пробѣлы пополнялись самимъ государственнымъ совѣтомъ, безъ обращенія вопроса въ подлежащія министерства. При такомъ порядкѣ, обнародованіе Положенія о крестьянскомъ банкѣ замедлилось бы, можетъ быть, на нѣсколько недѣль, но за то законъ могъ бы быть приведенъ въ дѣйствіе тотчасъ же послѣ его изданія. Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы одновременно съ утвержденіемъ правилъ, составляющихъ необходимое дополненіе къ Положенію 18-го мая, были разосланы и опубликованы инструкціи, предусмотрѣнныя пункт. IV-мъ мнѣнія государственнаго совѣта; въ противномъ случаѣ исполненіе закона можетъ быть отсрочено еще на долгое время.

Какихъ результатовъ можно ожидать отъ Положенія 18-го мая? Весьма многое зависитъ, въ этомъ отношеніи, отъ инструкцій, которыя будутъ даны банку и его отдѣленіямъ, отъ условій, которыя будутъ соблюдаемы при выдачѣ ссудъ. Допустимъ, что эти условія будутъ подходить по возможности близко къ постановленіямъ первоначальнаго проекта—другими словами, что право на полученіе ссуды будетъ опредѣляться не одною только очередью, а степенью потребности въ землѣ, что общинному владѣнію будетъ отдаваемо преимущество передъ крестьянскою личною собственностью, что крестьянскій банкъ на самомъ дѣлѣ явится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по основной своей мысли: орудіемъ къ уменьшенію золъ, происходящихъ отъ малоземелья. Скептическое отношеніе къ банку, происходящее изъ отрицанія этихъ золъ, мы считаемъ лишеннымъ всякаго основанія. Приверженцы „теоріи достаточности крестьянскихъ надѣловъ“—напр. „земледѣлецъ“, пишущій въ „Руси“—игнорируютъ потребность крестьянъ въ лугахъ, въ выгонѣ, въ другихъ

хозяйственныхъ удобствахъ, независимыхъ отъ пашни. На практикѣ, между тѣмъ, однимъ изъ главныхъ побужденій къ покупкѣ земель будетъ служить именно эта потребность, неудовлетвореніе которой часто доводитъ крестьянъ до самаго бѣдственнаго положенія. Что касается до пашни, то недостатокъ ея—одна изъ причинъ, затрудняющихъ для крестьянъ переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству. Получивъ въ свое распоряженіе большее количество пахатной земли, крестьяне будутъ имѣть возможность засѣять часть ея кормовыми травами, не уменьшая посѣва хлѣбовъ, необходимыхъ для пропитанія. Безъ отдѣльныхъ случаевъ разоренія, вызванныхъ покупкой земли въ несоразмѣрно большомъ количествѣ, по слишкомъ высокой цѣнѣ, или нераціональнымъ пользованіемъ землею, дѣло, конечно, не обойдется; но они будутъ составлять исключеніе, ничего не говорящее противъ самаго закона. Стремленіе крестьянъ и крестьянскихъ обществъ къ покупкѣ земель, стремленіе личныхъ землевладѣльцевъ, особенно изъ числа бывшихъ помѣщиковъ, къ продажѣ своихъ имѣній—это факты, съ которыми слѣдуетъ считаться; Положеніе 18-го мая не создаетъ ни того, ни другого, а только открываетъ передъ ними болѣе широкую и правильную дорогу. Вопросъ не въ томъ, останется ли значительное число имѣній въ рукахъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, а въ томъ, къ кому перейдутъ эти имѣнія: къ крестьянамъ ли, непосредственно въ нихъ нуждающимся, или къ посредникамъ, которые будутъ торговать ими по мелочамъ, въ ущербъ крестьянамъ и по меньшей мѣрѣ не къ выгодѣ для самой земли. Весьма любопытны, съ этой точки зрѣнія, свѣдѣнія, собранныя кромскихимъ (орловской губерніи) уѣзднымъ земствомъ объ имѣніяхъ или участкахъ земли, проданныхъ въ кромскомъ уѣздѣ землевладѣльцами-дворянами лицамъ другихъ сословій, начиная съ 1867 года. Изъ числа 61 имѣнія или участка сельскими обществами куплено только три, разночинцами—пять, купцами и мѣщанами—15, отдѣльными крестьянами—38; изъ числа покупателей-крестьянъ, двадцать занимаются торговлей или содержатъ кабаки, постоялые дворы, мелочныя лавки. Всего куплено земли 10,093 десятины, въ томъ числѣ сельскими обществами—1,073 десятины, разночинцами—562¹/₂ десятины, неторгующими крестьянами—893 десятины; все остальное, т.-е. почти 7,500 десятинъ, куплено купцами, мѣщанами и торгующими крестьянами. Аналогическія явленія представляютъ, безъ сомнѣнія, и многіе другіе уѣзды.

Гораздо серьезнѣе другое опасеніе, противоположнаго свойства,—опасеніе, чтобы крестьянскій банкъ не оказался палліативной мѣрой, едва замѣтно уменьшающей зло крестьянскаго малоземелья. Пять милліоновъ рублей въ годъ, на которые можно приобрѣсти приближи-

тельно отъ ста до двухъ сотъ тысячъ десятинъ земли (предполагая, что средняя цѣна десятины будетъ колебаться между 25 и 50 рублями) — сумма весьма небольшая, сравнительно съ потребностью въ землѣ даже въ случаѣ значительнаго увеличенія ея, воспользуются ею, безъ сомнѣнія, далеко не всѣ нуждающіеся. Какъ велико будетъ количество земель, предлагаемыхъ къ продажѣ—этого теперь нельзя предвидѣть; весьма можетъ быть, что всего меньше ихъ окажется именно тамъ, гдѣ будетъ самый сильный спросъ на нихъ. Съ большимъ затрудненіемъ для крестьянъ будетъ сопряжено, по всей вѣроятности, присканіе денегъ, необходимыхъ для доплаты за землю, сверхъ суммы, выдаваемой банкомъ. Весьма существенную пользу могутъ принести здѣсь земства, организовавъ для крестьянъ, именно съ этою цѣлю, дополнительный поземельный кредитъ. Большихъ средствъ для такого кредита, ограниченнаго, если нужно, случаями особенной важности, не понадобится, и устройство его почти вездѣ окажется по силамъ земства. Доставляя крестьянамъ, на льготныхъ условіяхъ, недостающія имъ для покупки средства, земскія собранія могутъ приобрѣсти значительное вліяніе на весь ходъ операціи и способствовать направленію ея къ желанной цѣли, т.-е. къ приобрѣтенію земли именно тѣми сельскими обществами и группами крестьянъ, для которыхъ она составляетъ самую настоятельную потребность. Замѣтимъ, въ заключеніе, что право на полученіе ссудъ не ограничено, по смыслу Положенія 18-го мая, крестьянами той мѣстности, въ которой покупается земля; воспользоваться ссудой могутъ, слѣдовательно, и переселенцы или, лучше сказать, съ ея помощью могутъ быть принимаемы переселенія. Губерніи, въ которыя преимущественно направленъ потокъ переселенія, сдѣлаются, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ и главныхъ театровъ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка и его отдѣленій.

Общій выводъ нашъ таковъ: Положеніе 18-го мая, разсматриваемое какъ одна изъ мѣръ къ улучшенію народнаго быта, какъ первый шагъ къ организаціи кредита для крестьянъ, можетъ принести свою долю пользы, если въ примѣненіи его не будетъ упущена изъ виду его основная мысль и если въ совмѣстной дѣятельности правительства и земства установится та гармонія, примѣры которой мы до сихъ поръ видѣли слишкомъ рѣдко. На одномъ пунктѣ, отдѣльномъ отъ всѣхъ остальныхъ, достиженіе гармоніи, впрочемъ, едва ли мыслимо; она предполагаетъ коренное измѣненіе всѣхъ вообще отношеній между земствомъ и администраціей.

Два мѣсяца тому назадъ мы бросили взглядъ на прошедшее подушной подати, по поводу слуховъ о постепенной ея отмигнѣ. Слухи эти

оправдались; именнымъ указомъ 18-го мая—въ одинъ день съ утвержденіемъ Положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ—объявлено о замѣнѣ подушной подати, начиная съ будущаго 1883-го года, другими источниками дохода. Съ 1883-го года повелѣно прекратить взиманіе: 1) подушнаго въ пользу казны сбора съ мѣщанъ, 2) подушной подати съ приписанныхъ къ волостямъ безземельныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, и 3) подушной подати съ крестьянъ, получившихъ отъ помѣщиковъ въ даръ четвертую часть высшаго или указнаго надѣла. Неудобства постепенности въ отиѣнѣ такого налога, какъ подушная подать, были уже указаны нами въ одномъ изъ прежнихъ обзорѣній; теперь намъ остается отнестись къ ней, какъ къ совершившемуся факту. Срокъ, къ которому должно быть окончено преобразование, первоначально предполагалось установить восьмилѣтній; въ указѣ 18-го мая онъ не опредѣленъ вовсе, а министру финансовъ предложено внести въ государственный совѣтъ, въ теченіе 1883-го г., предположенія о порядкѣ постепенной отиѣны подушной подати съ прочихъ, не поименованныхъ выше разрядовъ плательщиковъ. Позволительно надѣяться, что при окончательномъ разрѣшеніи вопроса срокъ завершенія реформы будетъ назначенъ по возможности близкій; только тогда явится увѣренность въ томъ, что начатое дѣло будетъ доведено до конца безъ замедленій и отсрочекъ, только тогда можно будетъ примириться съ тою неравномѣрностью обложенія, которую неизбежно влечетъ за собою принятая форма постепенной отиѣны. Отказавшись отъ мысли объ одновременной отиѣнѣ всей подушной подати, правительство имѣло свободу выбора между двумя системами: оно могло либо понижать постепенно, въ одинаковой для всѣхъ пропорціи, существующій окладъ сбора, либо освобождать отъ него вполне, по очереди, сначала одні, потомъ другія категоріи плательщиковъ. Судя по указу 18-го мая, оно остановилось на второй системѣ — и сожалѣть объ этомъ нельзя, какъ потому, что немедленное облегченіе наиболѣе обремененныхъ классовъ населенія представляется совершенно справедливымъ, такъ и потому, что постепенное, медленное уменьшеніе оклада было бы менѣе замѣтно для плательщиковъ. Чѣмъ дольше, однако, будетъ продолжаться такой порядокъ, при которомъ одні группы населенія совершенно изъяты отъ налога, а другія продолжаютъ платить его сполна,—тѣмъ чувствительнѣе будутъ становиться его неудобства. Единственный правильный исходъ изъ этого положенія — сокращеніе переходной эпохи, не только путемъ увеличенія другихъ налоговъ или созданія новыхъ источниковъ дохода, но и путемъ уменьшенія государственныхъ расходовъ. Отиѣна подушной подати достигнетъ своей цѣли въ такомъ лишь случаѣ, если параллельно съ нею будетъ идти коренное преобразование всей

нашей податной системы. Оцѣнить значеніе и вѣроятные результаты предпринятой реформы можно будетъ, поэтому, только тогда, когда сдѣлается извѣстнымъ, чѣмъ предполагается замѣнить исключаемыя изъ бюджета суммы подушной подати.

Упраздненіе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, состоявшееся 25-го мая, едва ли будетъ имѣть замѣтное вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла. Въ свое время главный комитетъ оказалъ существенно важныя услуги, охраняя, насколько это отъ него зависѣло, интересы крестьянъ, оставаясь вѣрнымъ общему духу Положеній 19-го февраля; но первый департаментъ сената, являющійся теперь преемникомъ главнаго комитета, будетъ, безъ сомнѣнія, идти по той же дорогѣ — ручательствомъ въ этомъ служить прежняя дѣятельность его по нѣкоторымъ отраслямъ крестьянскаго дѣла. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ возникнуть только относительно тѣхъ случаевъ, которые должны быть разрѣшены не по буквальному смыслу закона. Статья 3-я мѣнія государственнаго совѣта, высочайше утвержденнаго 25-го мая, обязываетъ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія представлять такіе случаи на разсмотрѣніе сената; но какъ долженъ поступать съ ними сенатъ — объ этомъ въ новомъ законѣ ничего не говорится. Можетъ ли онъ разрѣшать ихъ собственною властью? Если не можетъ, то въ какомъ порядкѣ долженъ доводить о нихъ до свѣдѣнія Государя? Всего цѣлесообразнѣе, повидимому, было бы намѣтить въ общихъ чертахъ предѣлы чрезвычайной власти сената и условія пользованія ею, съ тѣмъ, чтобы въ этихъ предѣлахъ и при этихъ условіяхъ сенатъ могъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Само собою разумѣется, что всѣхъ чрезвычайныхъ случаевъ предвидѣть нельзя и что нѣкоторые изъ нихъ не подойдутъ ни подъ какое общее опредѣленіе, — но для послѣднихъ могло бы быть испрашиваемо каждый разъ особое разрѣшеніе. Сдѣлать это разрѣшеніе безусловно необходимымъ, какъ только встрѣчается затрудненіе въ примѣненіи буквы закона, значило бы, быть можетъ, побудить сенатъ къ слишкомъ формальному взгляду на дѣла, требующія, по самому своему свойству, возможно болѣе свободы отъ формализма. Сила главнаго комитета заключалась именно въ томъ, что онъ могъ, въ случаѣ надобности, рѣшать дѣло не по развѣ навсегда установленному шаблону, а согласно съ данными обстоятельствами, согласно съ истинными потребностями и интересами крестьянъ; нельзя не пожелать, чтобы сенатъ получилъ не только отдаленное право, но и дѣйствительную возможность идти въ этомъ отношеніи по стопамъ главнаго комитета.

Намъ случалось слышать опасенія, что закрытіе главнаго комитета отзовется неблагоприятно на тѣхъ отрасляхъ крестьянскаго дѣла, которыя не закончены до сихъ поръ, что оно отвлечетъ отъ нихъ вниманіе правительства, смѣшаетъ ихъ съ массой другихъ, менѣе важныхъ административныхъ вопросовъ. Опасенія эти кажутся намъ лишенными основанія. Существованіе главнаго комитета не помѣшало крестьянскому дѣлу находиться болѣе десяти лѣтъ въ забвеніи и загонѣ; упраздненіе комитета совпадаетъ, напротивъ того, съ новымъ, болѣе благоприятнымъ фазисомъ въ исторіи крестьянскаго вопроса— съ изданіемъ Положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, съ началомъ отмѣны подушной подати, съ пониженіемъ выкупныхъ платежей, съ измѣненіемъ взгляда на крестьянскія переселенія. Стоить только сознать важность и необходимость извѣстныхъ мѣръ, энергически принятыя за проведеніе ихъ въ жизнь — въ органѣ, контролирующемъ ихъ исполненіе, никогда не окажется недостатка. Искусственное обособленіе крестьянскаго дѣла, на высшихъ и среднихъ ступеняхъ управленія—вовсе не *conditio sine qua non* для его успѣха; скорѣе напротивъ.

Поступленіе *всѣхъ* жалобъ на губернскія присутствія прямо въ сенатъ, помимо министерства внутреннихъ дѣлъ, представляется мѣрой вполне рациональной, обеспечивающей не только болѣе быстрое движеніе дѣлъ, но и болѣе правильное ихъ разрѣшеніе. Быстротѣ дѣлопроизводства много можетъ способствовать еще другая мѣра, намѣченная въ законѣ 25-го мая. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено составить и внести въ государственный совѣтъ соображенія о томъ, не слѣдуетъ ли предоставить губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ право не только отмѣнять несогласныя съ узаконеннымъ порядкомъ рѣшенія нижнихъ инстанцій, но и замѣнять ихъ своими рѣшеніями, коль скоро постановленіе нижней инстанціи будетъ признано со стороны губернскаго присутствія неправильнымъ по существу. Другими словами, кассационную власть, принадлежащую теперь, во многихъ случаяхъ, губернскимъ крестьянскимъ присутствіямъ, предполагено замѣнить правомъ перерѣшенія дѣла, безъ обращенія его вновь на разсмотрѣніе нижней инстанціи. Такая перемѣна представляется вполне цѣлесообразной. Формы дѣлопроизводства, въ крестьянскомъ дѣлѣ, имѣютъ совершенно второстепенное значеніе; кассация, понятная въ сферѣ чисто судебной, здѣсь рѣшительно неумѣстна. Роль кассационнаго суда такъ же мало подходитъ къ губернскимъ крестьянскимъ присутствіямъ, какъ и къ уѣзднымъ; реформа, предстоящая первымъ, коснется, безъ сомнѣнія, и послѣднихъ. Нужно надѣяться, что они перестанутъ быть кассационной инстанціей по дѣламъ, подсуднымъ

должностному суду, и уступать мѣсто судебной апелляціонной инстанціи, потребность въ которой такъ давно и такъ сильно чувствуется народомъ.

Состоявшееся недавно измѣненіе правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ будетъ имѣть послѣдствіемъ значительное уменьшеніе числа дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. Сколько именно возникало въ послѣднее время дѣлъ о кражѣ со взломомъ — этого опредѣлить съ точностью нельзя, потому что въ сводѣ статистическихъ свѣдѣній, издаваемой министерствомъ юстиціи, число дѣлъ о кражѣ показывается общою цифрой, безъ обособленія отдѣльныхъ видовъ кражи; но приблизительное понятіе о взаимномъ отношеніи этихъ видовъ можно составить себѣ по даннымъ о числѣ подсудимыхъ, оправданныхъ или осужденныхъ судомъ присяжныхъ. Такихъ подсудимыхъ, по дѣламъ о кражѣ, въ 1877-мъ г. было 17,589; въ кражѣ со взломомъ или покушеніи на нее обвинялись изъ нихъ 10,650, т.-е. около 60½%. Общее число подсудимыхъ въ 1877-мъ г. было 40,210; подсудимые по дѣламъ о кражѣ со взломомъ составляли, следовательно, около 26½%, а подсудимые по всѣмъ дѣламъ о кражѣ — около 43¼%. Къ послѣднему отношенію весьма близко подходитъ отношеніе числа дѣлъ о кражѣ къ общему числу дѣлъ, возникшихъ и производившихся въ 1877 г. Производилось въ 1877 г. 149,698 дѣлъ, изъ нихъ о кражѣ — 64,381 (43%); возникло въ 1877 г. 88,930 дѣлъ, изъ нихъ о кражѣ — 40,376 (45½%). Сходство приведенныхъ отношеній даетъ намъ право предположить, что число дѣлъ о кражѣ со взломомъ относится къ числу дѣлъ о всѣхъ видахъ кражи и къ общему числу уголовныхъ дѣлъ приблизительно такъ же, какъ число подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ кражѣ со взломомъ — къ числу подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ разныхъ видахъ кражи, и къ общему числу подсудимыхъ. Допустивъ это предположеніе, мы получимъ для 1877 года около 23 тысячъ вновь возникшихъ или около 38 тысячъ состоявшихся въ производствѣ дѣлъ о кражѣ со взломомъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что громадное большинство дѣлъ о кражѣ со взломомъ подойдетъ подъ дѣйствіе новаго закона, т.-е. будетъ изъято изъ вѣдомства общихъ судовъ и включено въ кругъ вѣдомства мировой юстиціи. Тяжкіе виды взома (подкопы и т. п.), остающіеся въ вѣдѣніи общихъ судовъ, встрѣчаются сравнительно рѣдко; всего чаще взломъ ограничивается поврежденіемъ замковъ, запоровъ, дверей, употребленіемъ поддѣльныхъ или подобранныхъ ключей, — т.-е. такими формами, которыя отнесены новымъ закономъ къ подсудности мировыхъ учрежденій. Весьма вѣроятно, что онѣ обнимаютъ собою болѣе 75% всѣхъ случаевъ кражи со взло-

номъ. Число дѣлъ, возникающихъ въ общихъ судахъ, уменьшится, такимъ образомъ, почти на цѣлую четверть. Естественнымъ результатомъ такого уменьшенія будетъ съ одной стороны сокращеніе личнаго состава чиновъ судебного вѣдомства, съ другой стороны — ускореніе производства дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ установленіямъ, и не столь долгое предварительное содержаніе обвиняемыхъ подъ стражей. Сокращеніе числа судебныхъ слѣдователей, членовъ окружного суда и товарищей прокурора дастъ возможность улучшить матеріальное положеніе судебныхъ слѣдователей и облегчить привлеченіе къ этой, въ высшей степени важной, должности болѣе опытныхъ и знающихъ судебныхъ дѣателей. Само собою разумѣется, что для достиженія этой цѣли необходимо, какъ мы говорили еще недавно по поводу дѣла гг. Пейтчъ, уравнивать званіе судебного слѣдователя съ званіемъ члена окружного суда и оградить самостоятельность слѣдователей утвержденіемъ ихъ въ должности и болѣе правильнымъ регулированіемъ ихъ отношеній къ прокурорскому надзору.

Къ хорошимъ сторонамъ новаго закона слѣдуетъ отнести и уменьшеніе наказанія за обыкновенную кражу со взломомъ. До сихъ поръ высшей мѣрой наказанія за это преступленіе служила отдача въ арестантское отдѣленіе на два съ половиной года, низшей — отдача въ рабочій домъ на одинъ годъ и четыре мѣсяца. Теперь мировымъ учрежденіямъ предоставлено присуждать за обыкновенную кражу со взломомъ къ тюремному заключенію на время отъ шести мѣсяцевъ до полутора года; другими словами, мировой судья или мировой съѣздъ можетъ назначить за кражу со взломомъ такое же наказаніе, какъ и за простую кражу, при обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину подсудимаго, съ тою лишь разницей, что въ послѣднемъ случаѣ тахімш тюремнаго заключенія — годъ, въ первомъ — полтора года. При обстоятельствахъ, особенно уменьшающихъ вину подсудимаго, наказаніе за обыкновенную кражу со взломомъ можетъ быть понижено до трехъ мѣсяцевъ тюрьмы. Чрезмѣрная тяжесть наказаній, опредѣлявшихся до сихъ поръ за кражу со взломомъ, хотя бы и самымъ ничтожнымъ, часто заставляла присяжныхъ оправдывать подсудимыхъ ¹⁾ или по крайней мѣрѣ отрицать фактъ взлома, даже когда онъ былъ вполне доказанъ.

Оборотная сторона медали, это — уничтоженіе для обвиняемыхъ въ обыкновенной кражѣ со взломомъ тѣхъ гарантій, съ которыми

¹⁾ Въ 1877 г. изъ числа подсудимыхъ, обвинявшихся въ кражѣ со взломомъ, было оправдано около 31%; изъ числа подсудимыхъ, обвинявшихся въ другихъ видахъ кражи — не болѣе 25%.

сопращено производство дѣла передъ судомъ присяжныхъ. Въ мировыхъ учрежденіяхъ они гораздо чаще будутъ оставаться безъ защиты, чаще будутъ лишены средствъ къ оправданію; самый судъ присяжныхъ имѣетъ несомнѣнные преимущества передъ судомъ мировымъ, особенно единоличнымъ, — а перенести дѣло въ мировой сѣздъ съумѣетъ не всякій подсудимый. Възвѣсивая достоинства и недостатки реформы, мы готовы, однако, признать, что преимущество скорѣе на сторонѣ первыхъ. При множествѣ дѣлъ о кражѣ со взломомъ, производство ихъ передъ судомъ присяжныхъ отличалось иногда, въ послѣднее время, нѣсколько рутиннымъ характеромъ, мало благоприятнымъ для правосудія. Предсѣдательствующій на судѣ, обвинитель, защитникъ — всѣмъ случалось относиться къ дѣламъ этого рода спустя рукава, какъ къ самой скучной и неблагодарной части ихъ работы; ихъ прикѣръ могъ дѣйствовать заразительно и на присяжныхъ. Механизмъ суда присяжныхъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у насъ теперь существуетъ, не отличается ни легкостью, ни простотой; нужно много усилій, чтобы пустить его въ ходъ (припомнимъ процедуру предварительнаго слѣдствія и преданія суду) и чтобы упрочить правильность его движенія. Въ дѣлахъ менѣе важныхъ медленность производства не всегда уравнивалась тщательностью разбора. Жалѣть объ изыятіи обыкновенной кражи со взломомъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ мы, поэтому, не станемъ; но въ виду новаго и весьма существеннаго расширенія власти мировыхъ учреждений, нельзя не пожелать, чтобы нравственный и умственный уровень ихъ соответствовалъ все болѣе и болѣе положенію, занимаемому ими въ нашемъ общественномъ строѣ. Къ вопросу объ условіяхъ, необходимыхъ для достиженія этой цѣли, мы еще возвратимся.

Проектъ новаго устава о векселяхъ, составленный особою коммиссіею, много разъ подвергавшійся пересмотру и приготовленный теперь, наконецъ, къ внесенію въ государственный совѣтъ, распубликованъ недавно во всеобщее свѣдѣніе, съ цѣлью вызвать замѣчанія частныхъ лицъ и печати. Большинство спорныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ проектомъ, имѣетъ чисто юридическій, спеціальнѣйшій характеръ; мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, ближе соприкасающихся съ жизнью. Дѣйствующій вексельный уставъ допускаетъ, какъ извѣстно, дни граціи или обожданія, — т.-е. такой промежутокъ времени (отъ трехъ до десяти дней), въ продолженіе котораго, несмотря на истеченіе срока, нельзя ни требовать взысканія по векселю, ни протестовать его въ неплатежѣ. Проектъ устава отиѣняетъ это правило; вексель *можетъ* быть представленъ къ платежу въ са-

мый день истечения срока, *долженъ* быть предъявленъ къ платежу и, въ случаѣ неполученія платежа, протестованъ не позже второго дня по истеченіи срока. Постановленіе проекта кажется намъ слѣдующимъ безусловнымъ. Въ отношеніи къ векселямъ, писаннымъ на срокъ (къ числу такихъ векселей мы относимъ не только векселя, писанные на опредѣленный день, но и векселя, писанные на опредѣленное время по написаніи или по предъявленіи, а также векселя армарочные), дни обожданія слѣдуетъ признать, согласно съ проектомъ, совершенно излишними. Они являются здѣсь не чѣмъ инымъ, какъ простымъ удлинненіемъ срока векселя; векселедатель или плательщикъ, въ большинствѣ случаевъ, считаетъ срокомъ векселя не день, въ немъ назначенный, а послѣдній день обожданія, и сообразно съ этимъ готовится къ платежу. Гарантіей исправнаго платежа дни обожданія здѣсь, поэтому, служить не могутъ. Отъ векселедержателя, желающаго обезпечить за собою право требованія платежа въ извѣстный день, всегда зависитъ этого достигнуть, назначивъ срокъ векселя десятью днями раньше. Совершенно другое дѣло — векселя, писанные по предъявленію; для этихъ векселей срокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и обязанность платить, наступаетъ въ самый день предъявленія, иногда совершенно неожиданно для плательщика. Нѣсколько дней обожданія — напримѣръ три, какъ это установлено дѣйствующимъ закономъ именно для векселей, писанныхъ по предъявленію — имѣли бы здѣсь весьма большую важность и могли бы значительно уменьшить число протестовъ. Намъ могутъ возразить, что векселедатель нетрудно предупредить всякую внезапность, выдавъ вексель не просто по предъявленію, а на опредѣленное время по предъявленіи; но назначеніе срока далеко не всегда въ рукахъ векселедателя. Онъ можетъ уступить требованію векселедержателя, можетъ даже не знать послѣдствій векселя, писаннаго по предъявленію, и поставить себя такимъ образомъ въ самое критическое положеніе. Если проектъ считаетъ возможнымъ опредѣлить крайній срокъ, въ продолженіе котораго вексель, писанный по предъявленію, долженъ быть предъявленъ къ платежу, подъ опасеніемъ невыгодныхъ для векселедержателя послѣдствій, то что же мѣшаетъ установить, помимо воли сторонъ, извѣстный наименьшій срокъ, до истеченія котораго платежъ по векселю, писанному по предъявленію, не былъ бы обязательенъ для должника?

Излишнею строгостью отличается также, по нашему мнѣнію, то постановленіе приложенныхъ къ проекту правилъ о введеніи въ дѣйствіе новаго вексельнаго устава, по которому мировыя учрежденія не въ правѣ предоставлять вексельному должнику отсрочки или разсрочки въ платежѣ. Ограничиваемое такимъ образомъ право ин-

ровныхъ учрежденій составляетъ одну изъ лучшихъ сторонъ устава гражданскаго судопроизводства; всякое стѣсненіе его крайне нежелательно. Вексельный должникъ можетъ быть поставленъ въ столь же затруднительное положеніе, какъ и всякій другой; разсрочка можетъ быть и для него единственнымъ спасеніемъ отъ полного разоренія. Въ рукахъ разумнаго судьи она неопасна и для заимодавца, а противъ злоупотребленія ею всегда могутъ быть приняты мѣры. Сохранить за мировыми учрежденіями право разсрочки и по векселямъ тѣмъ болѣе необходимо, что обязываться векселями, на основаніи проекта, можетъ каждый, имѣющій право вступать въ обязательства по договорамъ,—слѣдовательно, не одни только лица торговаго сословія, въ примѣненіи къ которымъ скорѣе еще была бы понятна особая строгость вексельнаго права.

КОРРЕСПОНДЕНЦІА ИЗЪ ВѢНЫ.

12 (24) іюня, 1882.

ТРИ ГОДА УПРАВЛЕНІЯ ГР. ТААФЕ.

Мы привыкли относиться болѣе или менѣе скептически къ такъ-называемымъ политическимъ программамъ, къ тѣмъ общимъ формуламъ, въ которыхъ выражаются или должны выражаться политическіе взгляды и стремленія той или другой партіи, того или другого министерства. Часто, слишкомъ часто, эти формулы оказываются не чѣмъ инымъ, какъ фразами, за которыми скрываются какіа-либо непопулярныя въ обществѣ тенденціи, иногда—просто узкій эгоизмъ партій или отдѣльных лицъ. Но даже въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда политическая программа является не маской, но искреннимъ выраженіемъ взглядовъ партіи или правительства, нѣкоторый скептицизмъ имѣетъ все-таки основаніе. Политическая жизнь до того усложнилась, что въ рѣдкіе моменты у выдвинувшихся на арену дѣятельности лицъ и партій является возможность выразить въ краткой, удобопонятной формулѣ систему своихъ взглядовъ и стремленій, а еще рѣже бываетъ возможность провести эти взгляды и стремленія съ достаточной энергіей и послѣдовательностью. Въ результатѣ получается, что содержаніе даннаго политическаго направленія далеко не соотвѣтствуетъ выставленной программѣ, такъ сказать, заглавію его, и что огромное количество силъ и таланта тратится, съ одной стороны, на критику этой, потерявшей свое первоначальное значеніе программы, а съ другой—на ненужную и часто невозможную защиту ея.

Приступая къ сведенію итоговъ государственной дѣятельности настоящаго министерства, какъ самаго могучаго фактора внутренней политики Цислейтаніи, прежде всего необходимо отдѣлать истинное направленіе и цѣли его отъ тѣхъ случайныхъ фразъ, которыя составляютъ его казовую программу.

Три года тому назадъ во время общихъ выборовъ правительству удалось произвести соглашеніе между чешскими и нѣмецкими феодалами Богеміи, на основаніи котораго чешскимъ феодаламъ было уступлено 10 депутатскихъ мѣстъ въ рейхсратѣ; тогда вся чешская партія рѣшила оставить свою 15-лѣтнюю политику воздержанія и принять участіе въ парламентской жизни; въ палатѣ депутатовъ централисты очутились въ меньшинствѣ, и гр. Таафе сдѣлался гла-

ую кабинета. Такъ какъ новый составъ парламента и кабинета образовался благодаря компромиссу между двумя упомянутыми группами богемскихъ феодаловъ, то гр. Таафе, долго не думая, сформулировалъ программу кабинета въ чрезвычайно красивой фразѣ: *примиреніе австрійскихъ національностей между собою*. За все протекшее трехлѣтіе эта программа служитъ предметомъ самой ожесточенной полемики. Министерство и поддерживающіе его политическія партіи и органы прессы доказываютъ, что оно дѣйствительно примиряетъ національности; оппозиція и оппозиционная печать приводятъ доказательства, что политика правительства не только не примиряетъ, но, напротивъ того, повела къ ожесточенію національной борьбы. Пресирательства эти тянулись цѣлые годы, въ теченіе которыхъ политика правительства успѣла принять довольно опредѣленное направленіе.

Примирить между собою 10 различныхъ національностей Австріи, принадлежащихъ къ тремъ наиболѣе выдающимся племенамъ Европы, изгладить слѣды старой политической и культурной распри между ними, — такая задача, какъ бы она на первый взглядъ ни казалась привлекательной и достойной государственнаго дѣятеля, при болѣе внимательномъ анализѣ здѣшней политической жизни окажется во-первыхъ, неосуществимой, а во-вторыхъ, ненужной, по крайней мѣрѣ, въ такой неопредѣленной формѣ, въ какой она является въ программѣ гр. Таафе. *Примирять* можно элементы, находящіеся въ *прямой* враждѣ или антагонизмѣ; такой антагонизмъ можетъ существовать въ Австріи въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ (напр. въ Чехіи, Буковинѣ, Штиріи и др.); слѣдомательно, если вообще допустить возможность примиренія, то только по отношенію каждой національности съ ея непосредственными сосѣдями. Примирить южно-тирольскихъ итальянцевъ съ чехами, крайнскихъ словинцевъ съ буковинскими румунами, галицкихъ русиновъ съ хорватами — есть негнѣность, такъ какъ эти народности не приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и знаютъ о существованіи другъ друга лишь по слыхамъ. Даже въ коронныхъ земляхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ распри между національностями вовсе не пустила такихъ глубокихъ корней въ народныя массы и не имѣетъ такого остраго характера, какъ это можно было бы заключать по отзывамъ органовъ партій. Даже въ Чехіи и Моравіи, пользующихся репутаціей постоянного очага сильнѣйшей національной борьбы, массы чешскихъ и нѣмецкихъ крестьянъ цѣлый годъ живутъ мирно бокъ о бокъ, не питая ни малѣйшей вражды другъ къ другу; тоже самое происходитъ во многихъ промышленныхъ центрахъ Чехіи и Моравіи. Дѣятельное участіе въ національной борьбѣ принимаютъ

лишь интеллигентные слои общества—студенчество, чиновничество, торговый и литературный миръ,—словомъ, люди болѣе или менѣе организованные, или способные организовать въ національно-политическія партіи. Агитація этихъ слоевъ общества отъ времени до времени успѣваетъ вовлечь въ борьбу и народныя массы, но болѣею частью не надолго. Активное и постоянное участіе въ національной борьбѣ массы народа принимаютъ лишь въ тѣхъ сравнительно немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ та или другая національность занимаетъ исключительное социальное положеніе (напр. въ вост. Галиціи, гдѣ крестьянское населеніе состоитъ изъ русиновъ, а землевладѣльцы почти исключительно изъ поляковъ; въ сѣв. Далмаціи, гдѣ итальянцы монополизировали въ своихъ рукахъ крупную и мелкую торговлю, и др.). Въ этихъ случаяхъ борьба уже не чисто національная, но имѣетъ экономическую подкладку.

Такимъ образомъ первоначальная программа гр. Таафе—примиреніе національностей—оказывается въ своей общей формѣ неточной и неудобноисполнимой. Не менѣе трудной задачей оказалось и примиреніе враждебныхъ національно-политическихъ партій. Партіи боролись и борятся между собою не изъ какой-нибудь спорной идеи, но за конкретное обладаніе властью. Партія, въ данное время обладающая властью, всѣми средствами противится усиленію другой, враждебной. Примириться съ ней, значить подѣлиться съ ней властью, насѣженными мѣстами въ администраціи и представительствѣ, большими окладами жалованья, политическимъ вліяніемъ, доставлявшимъ столько матеріальныхъ и всякихъ другихъ выгодъ. До такого самоотверженія не доходила добровольно ни одна политическая партія; до нея не дошли и австрійскія національныя партіи, поэтому о примиреніи ихъ между собою не можетъ и быть рѣчи: всякая уступка берется съ бою, всякій компромиссъ дѣлается подъ давленіемъ необходимости.

Въ теченіе всего почти конституціоннаго періода новѣйшей исторіи Австріи, предшествовавшаго министерству Таафе, руководившимъ государственнымъ принципомъ, какъ парламента, такъ и правительства, былъ централизмъ, т.-е. стремленіе создать изъ Австріи могучее государство, „единое и нераздѣльное“, гдѣ вся административная власть сосредоточена въ сильномъ центральномъ правительствѣ, а законодательная—въ центральномъ парламентѣ, гдѣ для всѣхъ частей имперіи существуетъ единообразная администрація и единообразное законодательство. Такой принципъ могъ зародиться и найти поддержку лишь въ той изъ австрійскихъ національностей, которая въ исторіи Австріи играла роль завоевателей, политическихъ и культурныхъ. Такую роль играли въ Австріи нѣмцы. Подъ

покровительствомъ до-конституціоннаго правительства они успѣли занять выгодныя позиціи во всѣхъ коронныхъ земляхъ и на всѣхъ политическихъ поприщахъ; у нихъ всегда оказывалось достаточное количество людей, способныхъ и охотныхъ сдѣлаться просвѣтителями *in partibus infidelium*, причемъ имъ немаловажнымъ рычагомъ служило превосходство нѣмецкаго языка и литературы. И весь этотъ многочисленный контингентъ бойцовъ за развитіе нѣмецкой культуры и нѣмецкаго централизма усердно принялся за свою миссію—политическое подавленіе и культурное обезличиваніе не-нѣмецкихъ народностей. Нѣмецкіе централисты почти всегда выставляли на помеху своимъ либеральнымъ программамъ, стремленіе охранить конституцію отъ посягательствъ правительства; но либерализмъ этотъ никогда не составлялъ главной сути ихъ программы, ни даже отличительнаго свойства ея. Существенная задача ихъ, какъ и всѣхъ народовъ-завоевателей, заключалась въ исключительномъ политическомъ и экономическомъ господствѣ въ чужой странѣ, въ изглаживаніи національных особенностей послѣдней въ пользу распространенія своей культуры и языка.

Чѣмъ больше гнетъ нѣмецкаго централизма ложился на австрійскія народности, тѣмъ труднѣе становилось достиженіе государственной задачи его—созданіе могущественной, „единой и нераздѣльной“ Австріи. Во всѣхъ почти народностяхъ стали развиваться сепаративныя стремленія, выказавшіяся въ длинномъ рядѣ заговоровъ и болѣе или менѣе внушительныхъ демонстрацій. Побѣды прусскихъ войскъ въ 1866 году вполне обнаружили слабость и расшатанность государства и нанесли рѣшительный ударъ господствовавшей системѣ. Оказалось, что Австріи нельзя сдѣлаться нѣмецкимъ государствомъ и ей приходилось искать другой точки опоры. Эту точку опоры правительство думало найти въ системѣ австро-венгерскаго дуализма: имперія была раздѣлена на двѣ половины, изъ которыхъ каждая должна была образовать изъ себя централистическое цѣлое. Но разъ Австрія вступила на этотъ путь, она должна была слѣдовать по нему; возвратиться къ старымъ централистскимъ принципамъ оказалось немислимымъ. Пришлось шагъ за шагомъ дѣлать уступки, нарушая старую центральную программу; вслѣдъ за мадярами выступили съ своими требованіями польскіе автономисты, выступили хорваты, итальянцы,—и правительству приходилось уступать. Но, не смотря на эти уступки, государственная программа номинально оставалась прежняя, и, что еще хуже, почти нетронутымъ сохранился прежній административный и законодательный механизмъ.

Таково было положеніе дѣлъ до 1879 года, когда правительство

нашло себя вынужденнымъ окончательно порвать съ централистской партіей и централистской системой. Разрывъ выразился весьма рѣзкимъ образомъ въ тронной рѣчи, которой императоръ Францъ-Іосифъ открылъ парламентъ; въ ней онъ привѣтствуетъ чешскихъ депутатовъ, занявшихъ свои мѣста въ парламентъ послѣ 15-лѣтняго отсутствія, признаетъ справедливость требованій чешской партіи и провозглашаетъ принципъ примиренія національностей.

Логика и историческій опытъ могли и должны были совершенно ясно опредѣлить программу новаго министерства. Если оказалось невозможнымъ сдѣлать изъ Австріи сильное государство путемъ преобладанія и политическаго гнета одной австрійской національности надъ всѣми остальными, путемъ насильственной германизации и національнаго обезличиванія послѣднихъ, то правительство, въ видахъ самосохраненія, должно стремиться группировать отдѣльныя національности вокругъ себя и привязывать къ себѣ, давая имъ возможно большія гарантіи самостоятельнаго народнаго развитія; эти гарантіи должны служить самой прочной связью между составными частями государства и правительствомъ, или вѣрнѣе, династіей. Задача правительства въ 1879 году заключалась, стало быть, не въ примиреніи національностей между собою, но въ примиреніи ихъ всѣхъ съ династіей Габсбурговъ посредствомъ перестройки всего государственнаго механизма на федеративныхъ началахъ. Но для такого крутого поворота, а главное, для откровеннаго признанія необходимости его, гр. Таафе оказался слишкомъ осторожнымъ человѣкомъ. Есть слова, одинъ звукъ которыхъ способенъ внушить страхъ правительствамъ. Къ этимъ словамъ принадлежитъ въ Австріи слово „федерализмъ“: съ нимъ связаны воспоминанія о 1848 годѣ, о Комунѣ, о республикѣ; позднѣйшія попытки на почвѣ федерализма были слишкомъ кратковременны и неудачны. Встрѣтились препятствія и посеребизнѣ. За обнаруженіемъ ясной федералистической программы должны были слѣдовать важныя законодательныя реформы, пересмотръ конституціи, расширение правъ земскихъ сеймовъ, т.-е. рядъ законодательныхъ работъ, инициативу которыхъ правительство могло взять, лишь опираясь на сильное большинство въ парламентѣ или же, въ крайнемъ случаѣ, на большинство избирателей; на это кабинетъ гр. Таафе не можетъ рассчитывать и теперь, послѣ трехъ-лѣтней дѣятельности. Наконецъ, гр. Таафе, подобно всѣмъ дюжиннымъ государственнымъ людямъ, держался того извѣстнаго мелочнаго правила, что конституціонное министерство не должно сразу выполнять взятую на себя задачу, но лишь по мѣрѣ необходимости дѣлать уступки требованіямъ; эта мелочность, выражавшаяся въ излишней медлительности, въ созиданіи на каждомъ шагѣ ненужныхъ

проволочекъ и затрудненій, была окрещена столь популярнымъ въ высшихъ кругахъ названіемъ „консервативной политики“.

Всѣмъ упомянутыми обстоятельствами достаточно объясняется ихъ неопредѣленность издавнаго гр. Таафе лозунга (примиреніе и пр.), такъ и вообще всѣ слабыя стороны и ошибки правительственной политики.

Ходъ политической жизни оказался сильнѣе и послѣдовательнѣе графа Таафе, и самъ опредѣлилъ дѣйствительную и единственно возможную программу правительства, отказавшагося отъ старыхъ традицій; графу Таафе ничего не оставалось дѣлать, какъ подтвердить и, воистину, въ чрезвычайно осторожной и уклончивой формѣ. Программа эта формулируется въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) постепенное уменьшеніе централистической системы въ администраціи и законодательствѣ, 2) политическія уступки наиболѣе вліятельнымъ автономистскимъ партіямъ и 3) привлеченіе на свою сторону народныхъ массъ путемъ проведенія наиболѣе популярныхъ въ народѣ политическихъ и экономическихъ законодательныхъ мѣръ.

Изъ настоящаго очерка читатель увидитъ, какъ мало гр. Таафе успѣлъ сдѣлать для исполненія важнѣйшихъ пунктовъ своей программы. Подняты вопросы самаго существеннаго характера, разрабатываются множество важныхъ законопроектовъ, но сдѣлано очень мало. На каждомъ шагу мѣшали отчасти слабость и разнородность парламентскаго большинства, на которое приходится опираться министерству, отчасти упомянутые „консервативные принципы“.

Больше всего удалось сдѣлать гр. Таафе въ области собственно администраціи. Самый составъ кабинета, въ которомъ раньше участвовали и централистскіе элементы (Штремайеръ, Кремеръ, Штрейтъ), теперь очищенъ отъ послѣднихъ и представляетъ болѣе или менѣе однородное цѣлое. То же самое произошло въ провинціальной администраціи: нѣсколько земскихъ намѣстниковъ, явно державшихъ сторону централистской партіи, замѣнены лицами, болѣе соответствующими программѣ правительства (за послѣдніе пять мѣсяцевъ назначены новые намѣстники въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, — коронныхъ земляхъ, имѣющихъ наиболѣе важное политическое значеніе). Подобныя измѣненія произошли въ наличномъ составѣ судебного и школьнаго вѣдомствъ.

Нисколько не умаляя значенія основательной переборки въ наличномъ составѣ администраціи, особенно провинціальной, мы тѣмъ не менѣе должны признать, что эта мѣра только второстепенная, и только тогда можетъ оказаться дѣйствительно полезной, когда вся система администраціи будетъ перестроена по новому. Дѣло не въ

лицахъ администраторовъ, а въ томъ, чтобы прочнымъ, законодательнымъ путемъ измѣнилось политическое положеніе администраторовъ относительно земскаго и вообще народнаго представительства, потому что въ этомъ и кроется главная причина недостатковъ современной австрійской администраціи.

Административный механизмъ Австріи весьма сходенъ съ тѣмъ, который въ настоящее время существуетъ въ Россіи. Намѣстники 17 коронныхъ земель (Statthalter или Landes-Präsident, — соответствуетъ нашему генералъ-губернатору) непосредственно подчинены министру внутр. дѣлъ и совершенно независимы отъ земскихъ сеймовъ и земскихъ управъ (Landtag и Landes-Ausschuss); въ земскихъ управлахъ, школьных совѣтахъ и финансовыхъ совѣтахъ они председательствуютъ и пользуются правомъ veto. Подвѣдомственные имъ 358 окружныхъ начальниковъ (Bezirks-Hauptmann, — соответствуетъ нашему исправнику) опять совершенно независимы отъ окружныхъ представительствъ и ихъ управъ (Bezirksvertretungen, соответствующія нашимъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, введены только въ Штирію, Чехію, Галицію, Буковину и Тироль). Общинные представительные совѣты (волостные сходы и правленія) отягощены массой полицейскихъ и вообще фискальных обязанностей; кругъ ихъ дѣйствія весьма ограниченъ мѣстной администраціей. Училищные инспектора, провинціальныя и окружныя, назначаемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія и подвѣдомственные ему, опять совершенно независимы отъ земскихъ, окружныхъ и коммунальных выборныхъ совѣтовъ и т. д. Недостатокъ системы заключается не въ томъ только, что народное представительство зачастую окончательно парализовано, но еще больше въ медленности и нековоротливости администраціи, въ огромномъ отягощеніи бюджета двойнымъ рядомъ исполнительныхъ органовъ (правительственныхъ чиновниковъ и мѣстныхъ управъ или исполнительныхъ комитетовъ, зависящихъ отъ выборныхъ собраній), въ массѣ возникающихъ между чиновниками и выборными недоразумѣній и споровъ изъ-за вопросовъ о компетентности, споровъ, которые тоже рѣшаются въ двойныхъ инстанціяхъ — административныхъ и представительныхъ, и т. д.

Еще въ 1876 году гр. Гогенвартъ, несомнѣнно самый крупный изъ современныхъ политическихъ дѣателей Австріи, внесъ въ палату проектъ административной реформы на началахъ провинціальной автономіи. По этому проекту правительственные чиновники, областныя, окружныя и общинныя, назначаемыя министерствами, стоятъ во главѣ исполнительныхъ комитетовъ, избираемыхъ представительными собраніями, и отвѣтственны передъ послѣдними; крупныя несогласія между органами администраціи и представительными собраніями рѣ-

наются или отставкою первыхъ, или распущеніемъ послѣднихъ и объявленіемъ новыхъ выборовъ. Проектъ этотъ, выработанный весьма тщательно, представляетъ изъ себя, конечно, не идеаль администраціи федеративнаго государства, но возможно лучшую систему, признанную въ настоящее время. Само собою разумѣется, что въ 1876 году законопроектъ Гогенварта не имѣлъ никакихъ шансовъ, чтобы пройти въ парламентъ: централистское большинство палаты депутатовъ не допустило его даже до второго чтенія. Съ того времени взаимныя отношенія между членами администраціи и представительными собраніями въ нѣкоторыхъ провинціяхъ улучшились вслѣдствіе назначенія новыхъ чиновниковъ, но общее положеніе осталось такимъ же запутаннымъ и неудовлетворительнымъ, какимъ оно было раньше. Необходимость административной реформы признана всѣми, начиная съ императора, который еще въ 1879 году общалъ ее въ своей тронной рѣчи. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ назначена была коммиссія, которая два года разрабатывала этотъ вопросъ и лѣтомъ прошлаго года выработала проектъ, отдѣльными части котораго были предложены на обсужденіе земскихъ сеймовъ. Законопроектъ этотъ представлялъ изъ себя не реформу, но какія-то не существенныя заплата на существующую систему; самая крупная изъ предложенныхъ переменъ заключалась въ учрежденіи окружныхъ представительныхъ собраній въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ. — Всѣ безъ исключенія сеймы нашли предложенныя правительствомъ поправки неудовлетворительными и отвергли ихъ. На этомъ окончилась двухлѣтняя дѣятельность первой коммиссіи, и реформа вступила во второй фазисъ развитія, который обѣщаетъ дать болѣе успѣшныя результаты. Въ началѣ этого года императорскимъ рескриптомъ назначена была особая коммиссія, которой дано было длинное названіе: *„Коммиссія для изысканія средствъ къ удешевленію и упрощенію администраціи“*; она состоитъ наполовину изъ высшихъ чиновниковъ, наполовину изъ частныхъ лицъ, приглашенныхъ по выбору правительства; предсѣдательство поручено гр. Гогенварту. Подъ вліяніемъ послѣдняго работы коммиссіи быстро подвигаются впередъ, и вѣроятно въ осени будетъ готовъ законопроектъ, который въ существенныхъ чертахъ будетъ заключать въ себѣ повтореніе законопроекта Гогенварта 1876 года, и въ которомъ, конечно, „удешевленіе“ администраціи будетъ стоять далеко не на первомъ планѣ ¹⁾. Одно странное названіе коммиссіи характеризуетъ гр. Таафе и его боязнь извѣ-

¹⁾ Газеты сообщаютъ, на основаніи официальныхъ источниковъ, главнѣйшіе пункты, на которыхъ сосредоточены работы этой важной коммиссіи. Она обратила вниманіе преимущественно на децентрализацию управленія. Вотъ общія положенія, относительно которыхъ коммиссія уже пришла къ соглашенію: 1) Передача извѣстныхъ функ-

стныхъ словъ. Названіе „административная реформа“ возбудило въ 1876 году негодованіе высшаго чиновничества, придворныхъ кружковъ и пр.; поэтому теперь рѣшено дать тому же законопроекту другое, болѣе невинное названіе, въ расчетъ, что онъ возбудитъ меньше вниманія. Очень можетъ быть, что такая политика, напояющая политику страуса, прячущаго свою голову, не лишена нѣкотораго практическаго смысла; но во всякомъ случаѣ она не можетъ свидѣтельствовать о сознаніи своей силы и энергіи.

Въ смыслъ удовлетворенія главнѣйшихъ требованій автономистскихъ партій дѣятельность гр. Таафе была направлена преимущественно на болѣе строгое и согласное съ закономъ примѣненіе знаменитой 19-й статьи „основныхъ государственныхъ законовъ“, составляющихъ неотъемлемую основу австрійской конституціи. Эта 19-я статья, съ самаго 1861 года служившая предметомъ самыхъ горячихъ споровъ между партіями, гласитъ, что „во всѣхъ коронныхъ земляхъ имперіи всѣ обычные въ странѣ языки признаются равноправными для употребленія въ учебныхъ, судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ“. Законъ не опредѣляетъ точнѣе—ни чтó слѣдуетъ понимать подъ словомъ „обычный въ странѣ языкъ“, ни въ чемъ должна заключаться „равноправность“ языковъ; поэтому администраціи каждой провинціи, даже cadaго округа, предоставлена была возможность истолковывать и примѣнять 19-ю статью по своему усмотрѣнію. При централистскихъ министерствахъ администрація, разумѣется, вовсе не примѣняла этой статьи. Оказалось,

что министерствъ финансовъ, торговли и земледѣлія въ вѣдѣніе земскихъ управъ и намѣстничествъ, напр. заведенія государственными землями, лѣсами и рудниками; заведенія государственными селско-хозяйственными, лѣсными и горными учебными заведеніями, расклады и взиманія податей, и др. 2) Всеобщее введеніе окружныхъ представительныхъ собраній и расширеніе ихъ круга дѣйствій путемъ передачи въ ихъ вѣдѣніе нѣкоторыхъ функцій намѣстничествъ. 3) Расширеніе круга дѣйствій коммунальныхъ представительствъ. 4) Уничтоженіе нѣкоторыхъ намѣстничествъ и соединеніе нѣкоторыхъ коронныхъ земель въ одну административную и представительную единицу (при этомъ, вѣроятно, имѣется въ виду, чтобы новыя провинціи болѣе соотвѣтствовали этнографической группировкѣ населенія). 5) Уменьшеніе количества государственныхъ чиновниковъ. 6) Замѣна въ судахъ 1-й инстанціи существующаго теперь канцелярскаго судопроизводства болѣе простымъ и дешевымъ—устнымъ. 7) Введеніе института мировыхъ судей для гражданскихъ и уголовныхъ исковъ, не превышающихъ нѣкоторой нормы.

О самой важной части Гогенвартовскаго проекта 1876 года, т.-е. объ отвѣтственности органовъ провинціальной администраціи передъ мѣстными представительными собраніями теперь пока ничего не говорится. Но такая отвѣтственность болѣе или менѣе должна де факто явиться, какъ только усилится политическое значеніе провинціальныхъ представительныхъ собраній. Можетъ даже случиться, что автономисты достигнутъ этого при обсужденіи законопроекта въ палатѣ.

что во всей почти Австріи одинъ только нѣмецкій языкъ — „обычный“ въ странѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Силезіи, съ сплошнымъ чешскимъ и польскимъ населеніемъ, нѣмецкій языкъ былъ признанъ обычнымъ; то же самое случилось во многихъ округахъ Чехіи и Моравіи, со сибирскими нѣмецко-славянскими населеніемъ, гдѣ, въ силу 19-й статьи, оба языка должны пользоваться одинаковыми правами. Малорусскій языкъ въ Галичинѣ, гдѣ $\frac{2}{3}$ населенія — русины, словенскій языкъ въ южной Штиріи и Каринтіи тоже признаны были не обычными, потому что, по толкованію централистовъ и ихъ администраціи, языки эти — во самостоятельныя и не литературныя языки, но испорченные жаргоны, употребительныя только среди крестьянъ, и т. под. Одновременно съ этимъ администрація явно поддерживала дѣятельность разныхъ частныхъ фреймовъ, занимавшихся отмѣчиваніемъ народа; въ особенности она покровительствовала такъ-называемому „школьному союзу“; этотъ союзъ, служившій централистской партіи однимъ изъ самыхъ активныхъ средствъ пропаганды, имѣлъ цѣлью основаніе въ мѣстностяхъ съ славянскимъ населеніемъ элементарныхъ и среднихъ нѣмецкихъ заведеній. Въ общемъ результатѣ, вмѣсто равноправности языковъ, получилась насильственная германизация не-нѣмецкаго населенія, въ которой администрація въ лучшемъ случаѣ относилась пассивно, бѣльшей же частью весьма покровительственно.

Не мало приходится встрѣчать людей, которымъ понятіе равноправности, въ примѣненіи къ народу и народному языку, представляется какимъ-то весьма абстрактнымъ понятіемъ, чѣмъ-то въ родѣ французскихъ *Liberté, Egalité, Fraternité*, т. е. очень хорошими словами, пріятно дѣйствующими на чувство, но которыхъ въ конкретной формѣ можно выразить лишь написавши ихъ на фронтонахъ присутственныхъ мѣстъ. Такой взглядъ часто приходится встрѣчать въ Россіи, Франціи, и другихъ странахъ съ болѣе или менѣе этнографически однороднымъ населеніемъ. Но стоитъ нѣсколько пожить въ такой странѣ, какъ Австрія, чтобы убѣдиться въ противномъ, чтобы увидѣть, какихъ непосредственно-осязательныхъ результатовъ слѣдуетъ ждать отъ національной равноправности и какую жесткую и жестокою конкретность принимаетъ господствующая неравноправность.

Позволю себѣ нѣсколько дольше остановиться на этомъ вопросѣ, чтобы показать огромную важность 19-й статьи и ея вѣрнаго толкованія; вполне достаточно будетъ, если я изъ огромнаго количества конкретныхъ случаевъ, о которыхъ ежедневно приходится слышать и читать, приведу два-три случайно взятыхъ примѣра. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ люблянской газеты „*Slovenski Narod*“ разсказывается слѣдующій случай: крестьянинъ-словинецъ въ южной Штиріи получилъ въ наслѣдство участокъ земли. Вводъ во владѣніе

совершается мѣстнымъ судьей округа, но земскій судъ въ Грацѣ долженъ предварительно утвердить право владѣнія; за это полагается гербовая пошлина въ 5 гульденовъ. Прошеніе, поданное крестьяниномъ, и другіе документы, писанные на словинскомъ языкѣ, были приняты судьей и отосланы въ Грацъ. Ни крестьянинъ, ни судья не думали вовсе о равноправности словинскаго языка съ какимъ-либо другимъ; документъ писанъ на словинскомъ языкѣ по той простой причинѣ, что въ той мѣстности никто не говоритъ и не пишетъ по-нѣмецки. Грацскій земскій судъ, на основаніи какихъ-то старыхъ статистическихъ данныхъ, нашелъ, что мѣстность, гдѣ долженъ производиться вводъ во владѣніе, лежитъ въ полосѣ, гдѣ „обычный“ языкъ—не словинскій. Бумаги поступаютъ въ официальному переводчику для перевода на нѣмецкій языкъ; послѣдній находитъ, что словинскій оригиналъ документовъ писанъ не настоящимъ словинскимъ языкомъ, но испорченнымъ или устарѣвшимъ, и всѣ бумаги возвращаются назадъ крестьянину съ требованіемъ новыхъ документовъ и 10 гульд. гербовыхъ за неудавшіеся переводы и т. д. Окончательный вводъ во владѣніе произошелъ черезъ 1½ годъ послѣ подачи прошенія, и вся переписка и переводъ стоили крестьянину 48 гульденовъ; весь участокъ, изъ-за котораго шла переписка, оцѣненъ въ 300 гульденовъ и онъ два года оставался необработаннымъ. Приведенный случай вовсе не рѣдкость; въ любой провинціальной газетѣ можно встрѣтить массу такихъ или еще болѣе разительныхъ примѣровъ. Иногда дѣло подобнаго рода усложняется еще тѣмъ, что возникаютъ несогласія изъ-за „обычнаго“ языка между двумя судебными учрежденіями, и тогда дѣло затягивается еще дольше, до окончательнаго рѣшенія его въ двухъ или трехъ высшихъ инстанціяхъ. Малые процессы изъ-за 10—20 гульденовъ, вслѣдствіе вопроса объ обычномъ языкѣ тянутся иногда цѣлые годы и сопряжены для тяжущихся съ затратами, въ нѣсколько разъ превышающими цифру иска. Нерѣдко въ уголовныхъ процессахъ случается, что обвиняемые и свидѣтели, иногда даже присяжные, не знаютъ по-нѣмецки, въ то время какъ допросы и пренія ведутся на нѣмецкомъ языкѣ при помощи переводчика. „Могавска Orlica“ въ номерѣ отъ 18 іюня сообщаетъ о подобномъ процессѣ, происходившемъ недавно въ Остравѣ. Массы народа начинаютъ въ концѣ концовъ бояться судовъ и документовъ, потому что каждую минуту рискуютъ сдѣлать что-либо на не „обычномъ“ языкѣ, и тогда это сопряжено съ огромной тратой времени и денегъ.

Другой примѣръ изъ области педагогики. На прошлой недѣлѣ въ либеральной брюннской газетѣ „*Tagespost aus Mähren und Schlesien*“ появился отчетъ объ экзаменѣ, произведенномъ въ одной нѣмецкой школѣ близъ Брюнна (Берна), въ мѣстечкѣ Зегенготесъ, населенномъ

исключительно рудоконами-чехами. Школа устроена нѣмецкимъ школьнымъ союзомъ и поддерживается вкладъщиками коней, нѣмецкими патриотами; рудоконны должны посылать своихъ дѣтей въ эту школу, такъ какъ другой нѣтъ въ окрестностяхъ. На экзаментѣ, при которомъ, между прочимъ, присутствовалъ правительственный школьный инспекторъ, оказалось, что 7-8-лѣтніе мальчики, посѣщающіе школу уже 1½—2 года, не въ состояніи говорить съ учителемъ по-нѣмецки, а такъ какъ уставъ школьнаго союза запрещаетъ преподаваніе на чешскомъ языкѣ, то учитель долженъ объясняться съ учениками при помощи знаковъ; преподаватель закона божія, послѣ тщетныхъ попытокъ добиться отъ непонимающихъ его учениковъ отвѣта на нѣмецкомъ языкѣ, долженъ былъ задавать вопросы по-чешски. Органы моравскихъ централистовъ рассказывая объ этомъ фактѣ, приходятъ, на основаніи его, къ заключенію о тупости и неспособности чеховъ вообще, и умалчиваетъ о томъ, что въ данной мѣстности никто, кромѣ администраціи коней, не знаетъ по-нѣмецки, и что дѣти круглый годъ не слышатъ нѣмецкаго языка ни отъ кого, кромѣ своего учителя. Настоящій смыслъ этого факта для насъ выяснится, если примемъ во вниманіе, что во всѣхъ славянскихъ мѣстностяхъ Австріи нѣмецкій школьный союзъ и другіе, не менѣе дѣятельные органы централистской партіи успѣли понастроить сотни подобныхъ школъ, откуда дѣти ничего не выносятъ, кромѣ ненависти ко всякому ученію, гдѣ они тупѣютъ и дичаютъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обречены на систему преподаванія, приспособленную для глухонѣмыхъ. Тутъ, въ этихъ нѣмецкихъ школахъ, построенныхъ въ чисто славянскихъ мѣстностяхъ, происходитъ даже не отмѣчиваніе славянскаго населенія, но насильственное пониженіе его умственнаго уровня.

Вліяніе, которое неравноправность народностей оказываетъ на общественную жизнь, весьма рѣзко бросается въ глаза на каждомъ шагѣ. Всякій, кто хоть сколько-нибудь познакомился съ населеніемъ Вѣны, города, куда стекаются представители всѣхъ австрійскихъ народностей, знаетъ, съ какимъ презрѣніемъ, съ какимъ чувствомъ превосходства вѣнскій нѣмецъ, къ какому бы слою общества онъ ни принадлежалъ, говорить о любой изъ австрійскихъ національностей. Böhm, Polak (или чаще, Wasser-Polak), Rusniak, Krowat (чаще Zwiebel-Krowat), Slowak, — всѣ эти названія въ устахъ австрійскаго нѣмца равносильны обиднымъ ругательствамъ. О каждой не-нѣмецкой народности сложились самыя оскорбительныя анекдоты, прибаутки и т. п. Въ простонародныхъ театрахъ, въ балаганахъ Пратера, въ народной литературѣ и поэзіи, чехъ, словакъ, хорватъ неизмѣнно играетъ чрезвычайно обидную роль; онъ всегда глупъ, грязенъ, лживъ, вороватъ, и, конечно, всегда остается въ дуракахъ; его всегда

ловать, уличаютъ и тутъ же наказываютъ ко всеобщему удовольствію. Въ „образованной“ части общества отношеніе къ не-нѣмецкимъ народностямъ нисколько не лучше; тутъ оно даже лишено того добродушія, которое можно подмѣтить въ народномъ юморѣ. Въ произведеніяхъ лучшихъ австро-нѣмецкихъ беллетристовъ послѣдняго двадцатилѣтія мы какъ рѣдкое исключеніе встрѣчаемъ человѣчное отношеніе къ славянскимъ народностямъ. Вездѣ чехъ является, совершенно какъ въ балаганахъ, въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ: онъ — полицейскій шпионъ, или недобросовѣстный чиновникъ, или просто поставленъ авторомъ въ смѣшное положеніе, гдѣ обнаруживается его глупость, неповоротливость и т. д. Въ кружкахъ, принадлежащихъ къ сливкамъ интеллигенціи, въ кружкахъ литераторовъ, артистовъ, политиковъ и пр. вы, говоря о національномъ вопросѣ, обыкновенно встрѣчаете самыя возмутительныя взгляды; отъ самыхъ просвѣщенныхъ изъ нихъ, людей, не скрывающихъ своихъ республиканскихъ убѣжденій, весьма часто приходится получать отвѣты въ родѣ слѣдующихъ: „Помилуйте, развѣ можно серьезно говорить объ уравненіи нѣмцевъ съ словаками? Les droits de l'homme нужны только людямъ, а ваши „Rusniaken“ покажутся нуждаются только въ огромномъ количествѣ мыла, чтобъ очиститься отъ своей грязи“ и т. п. Въ февралѣ мѣсяцѣ, во время засѣданій делегацій, гр. Аппони, одинъ изъ самыхъ передовыхъ депутатовъ венгерскаго сейма, сравнилъ босняковъ и герцеговинцевъ съ клонами, и вся либеральная нѣмецкая печать въ Вѣнѣ была въ восторгѣ отъ этого остроумнаго сравненія.

Вліяніе общественнаго мнѣнія, созданнаго подъ вліяніемъ политическаго преобладанія нѣмцевъ, особенно сильно отражается на образованныхъ людяхъ, принадлежащихъ къ неравноправнымъ народностямъ. Въ школѣ, въ судѣ, въ обществѣ онъ на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ презрительное отношеніе къ своей національности и языку, и мало-по-малу начинаетъ самъ раздѣлять этотъ взглядъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ озлобляется противъ нѣмцевъ, въ худшемъ — онъ начинаетъ стыдиться своего языка и происхожденія. Но во всѣхъ случаяхъ онъ чувствуетъ себя какъ бы паріей; національность его лежитъ на немъ точно горбъ, котораго не сбросишь и не скроешь, который на каждомъ шагѣ выдаетъ его и дѣлаетъ смѣшнымъ. — Какую важную роль играетъ тутъ не столько культурное неравенство, сколько политическая неравноправность, видно уже изъ того, что общественное мнѣніе нѣмецкаго австрійскаго общества преслѣдуетъ именно тѣ національности, которыя больше всего обдѣлены въ смыслѣ политической равноправности: общественное мнѣніе относится гораздо мягче къ полякамъ, нежели къ чехамъ, а къ мадьярамъ даже сочув-

ственно, не смотря на то, что литература, языкъ и культура мадьяръ стоятъ гораздо ниже чешскихъ.

Позволивъ себѣ это отступленіе, возвращаюсь къ рассмотрѣнію вопроса, что гр. Таафе сдѣлалъ, если не для полнаго водворенія національной равноправности во всѣхъ сферахъ общественной жизни (такая задача, какъ и „примиреніе“, не можетъ быть сразу выполнена посредствомъ правительственныхъ декретовъ и парламентскаго законодательства), — то по крайней мѣрѣ для уменьшенія самыхъ возмутительныхъ проявленій политической неравноправности. Эта задача была тѣмъ болѣе выполнима, что, какъ мы уже замѣтили, австрійская конституція даетъ администраціи чрезвычайно широкій просторъ въ толкованіи и примѣненіи 19-й статьи основныхъ законовъ.

Года полтора тому назадъ гр. Таафе издалъ такъ-называемый *Sprachenverordnung* для Чехіи и Моравіи, т.-е. декретъ, которымъ, на основаніи 19-й статьи конституціи, предписывается всѣмъ чиновникамъ Чехіи и Моравіи соблюдать строжайшую равноправность чешскаго языка съ нѣмецкимъ; подобный же декретъ былъ изданъ министрами юстиціи и народнаго просвѣщенія. Эти предписанія, въ связи съ нѣкоторыми переѣздами въ наличномъ составѣ провинціальной администраціи, составили для чешской народности важный шагъ впередъ, какъ въ смыслѣ приобрѣтенія многихъ чисто конкретныхъ выгодъ, въ родѣ улучшенія школьнаго дѣла и облегченія судопроизводства въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, — такъ и вообще, въ смыслѣ поднятія національнаго достоинства. Относительно послѣдняго еще большее значеніе имѣло раздѣленіе нѣмецкаго университета въ Прагѣ на два отдѣльныхъ университета, нѣмецкій и чешскій. Раздѣленіе это послѣдовало, согласно императорскому рескрипту отъ 11 апрѣля прошлаго года, послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія централистской оппозиціи въ обѣихъ палатахъ. Теперь, когда открытіе перваго чешскаго университета уже послѣдовало, чешская партія выдвинула новое требованіе — открытія другого чешскаго университета въ Брннѣ (Бернѣ, въ Моравіи).

У насъ вполне естественно является вопросъ, отчего это *Sprachenverordnung*, составляющее не болѣе какъ подтвержденіе одного изъ основныхъ законовъ конституціи, относилось лишь къ чехамъ Богеміи. Неужели же 19-я статья не имѣла въ виду словинцевъ южной Штиріи, и галицкихъ русиновъ, и буковинскихъ румуновъ, и истрійскихъ сербовъ, и пр.? Такой вопросъ и былъ поставленъ министерству еще въ прошломъ году въ формѣ запроса, на который министр юстиціи Пражакъ далъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: „Законодательство предоставляетъ правительству выполненіе 19-й

статьи, не ограничивая его никакими обстоятельными опредѣленіями, поэтому правительство въ каждомъ данномъ случаѣ руководствуется собственнымъ усмотрѣніемъ; оно издало декретъ для Чехіи и Моравіи, потому что, по его усмотрѣнію, этого требовали интересы упомянутыхъ двухъ провинцій; какъ только обстоятельства укажутъ на необходимость подобной мѣры въ какой-либо другой коронной землѣ, министерство не замедлитъ принять ее". Отвѣтъ этотъ, въ переложеніи на простой языкъ, равносильнъ тому, что правительство не считаетъ нужнымъ отвѣтить на вопросъ.

Оно и понятно. Издавая „Sprachenverordnung" для Богеміи и Моравіи, правительство дѣйствовало подъ давленіемъ „обстоятельствъ", но такихъ обстоятельствъ, которые имѣютъ весьма мало общаго съ интересами чешскаго народа. Чешскіе автономисты, напрасно продолжавшіе цѣлый годъ исполненія обѣщаній, данныхъ имъ въ тронной рѣчи, погрозили правительству, что будутъ вотировать противъ бюджета,—и гр. Таафе обнародовалъ Sprachenverordnung; черезъ годъ потребовалась новая взятка, и правительство заставило обѣ палаты принять законъ объ открытіи чешскаго университета. Мѣсяца четыре тому назадъ, во время преній о бюджетѣ въ палатѣ депутатовъ, правительство наткнулось на сопротивленіе словинскихъ автономистовъ, во главѣ которыхъ стоитъ гр. Гогенвартъ. Чтобы поборотъ это сопротивленіе, министръ юстиціи издалъ декретъ о равноправности словинскаго языка съ нѣмецкимъ въ Штиріи и Каринтіи. Черезъ мѣсяцъ словинскіе депутаты снова заупрямились по поводу новаго таможеннаго тарифа; послѣдовалъ такой же декретъ со стороны министра народнаго просвѣщенія. Теперь говорятъ, что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ издать Sprachenverordnung для Силезіи, гдѣ населеніе состоитъ приблизительно поровну изъ нѣмцевъ, чеховъ и поляковъ. Какія побуждающія обстоятельства дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ, не знаю въ точности, но не сомнѣваюсь, что безъ сильныхъ побужденій гр. Таафе не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки требованіямъ автономистовъ.

Какъ мало гр. Таафе хлопочетъ о справедливомъ примѣненіи 19-й статьи относительно тѣхъ народностей, отъ которыхъ онъ не можетъ ждать непосредственной политической выгоды, нагляднымъ примѣромъ можетъ служить положеніе русиновъ въ Галиціи, гдѣ роль народа-завоевателя играютъ поляки. Русиnamъ теперь такъ же плохо приходится подъ гнетомъ поляковъ, какъ прежде полякамъ и чехамъ подъ гнетомъ нѣмецкихъ централистовъ,—и русины дѣйствуютъ противъ этого гнета такъ же точно, какъ прежде дѣйствовали мадьяры, поляки и чехи: не находя защиты и гарантіи своихъ національныхъ правъ у австрійскаго правительства, они ищутъ какой-

либо опоры въ Австріи. Русинскій вопросъ осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ихъ борьбѣ съ поляками дѣйствовать не только національно-политическіе моменты, но еще въ большей степени экономическая борьба и религіозная жизнь. Правительство, для котораго польская партія составляетъ необходимую опору въ парламентѣ, закрываетъ глаза на возмутительный гнетъ, таготивушій на русинахъ, и вѣроятно будетъ закрывать глаза до тѣхъ поръ, пока у послѣднихъ возникнутъ серьезныя сепаратистскія стремленія. Тогда правительству, конечно, придется сказать рѣшительное слово.

Перехожу къ послѣдней по времени законодательной работѣ, которая была произведена парламентомъ при участіи и подъ непосредственнымъ вліяніемъ министерства и которою графу Таафе удалось столь эффектнымъ образомъ завершить трехлѣтіе своей политической дѣятельности, какъ министра-президента. Я говорю о реформѣ избирательной, принятой палатой депутатовъ въ концѣ марта, а палатой господъ — въ концѣ прошлаго мѣсяца. Мы увидимъ, какъ мало гр. Таафе заслужилъ популярность, которую онъ приобрѣлъ въ Австріи и за границей по случаю проведенія этой „реформы“.

Изъ всего конституціоннаго законодательства, созданнаго въ 1861 году „отцомъ австрійской конституціи“, Антономъ Шмерлингомъ, самая сложная и запутанная, самая нецѣлесообразная часть — та, которая касается народнаго представительства вообще и избирательныхъ законовъ въ особенности. Бар. Шмерлингу поручена была задача создать народное представительство, которое какъ можно меньше ограничивало бы авторитетъ правительства, и какъ можно меньше мѣшало бы на ходъ государственныхъ дѣлъ, — и онъ блистательно исполнилъ свою задачу. Создана была палата господъ, на составъ которой правительство имѣетъ исключительное вліяніе, такъ какъ правительству предоставлено право во всякое время назначать въ эту палату какое угодно количество новыхъ пожизненныхъ или наслѣдственныхъ членовъ. Но этого было мало; нужно было и палату депутатовъ устроить на такихъ началахъ, чтобы она была покорнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства и чтобы составъ ея какъ можно меньше отвѣчалъ повятію о народномъ представительствѣ. Для этого была создана дѣйствующая до нынѣ избирательная система.

Въ основу этой системы положенъ былъ извѣстный принципъ группировки избирателей по ихъ социально-экономическимъ категориямъ (*Interessenvertretung*), т.-е. каждая экономическая категория данной коронной земли должна представлять изъ себя отдѣльную избирательную группу. Такихъ группъ было сдѣлано четыре: 1)

крупные землевладельцы; избирателями въ этой группѣ признаются тѣ изъ крупныхъ землевладельцевъ, которые платятъ ежегодно, смотря по мѣстности, 100—250 гульд. прямыхъ налоговъ; эта группа имѣетъ въ палатѣ депутатовъ 85 представителей. 2) Представители крупной торговли и промышленности, избираемые торговыми палатами; эта группа посылаетъ 21 депутата. 3) Категория городскихъ избирателей, посылающая въ палату 116 депутатовъ; избирательный цензъ, въ этой категоріи равенъ 10 гульд. прямыхъ налоговъ; и 4) сельскіе избиратели, посылающіе всего на всего 131 депутата; избирательный цензъ, смотря по мѣстности, 5—10 гульденовъ прямыхъ налоговъ; въ этой категоріи депутаты выбираются не прямой подачей голосовъ избирателей, но посредствомъ довѣренныхъ лицъ (одно довѣренное лицо на каждые 500 жителей).

Было бы слишкомъ долго и утомительно приводить всѣ подробныя опредѣленія, исключенія и оговорки, заключающіяся въ избирательномъ законѣ, всѣ логическія погрѣшности и вопиющія несправедливости, вытекающія изъ него. Ограничусь приведеніемъ нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ. При 22-милліонномъ населеніи Австріи, общее количество избирателей въ Австріи—1.290,000, общее количество депутатовъ—353. Слѣдовательно, среднимъ числомъ 1 депутатъ приходится на 3,700 избирателей и 63,000 жителей. Эти отношенія значительно измѣняются, если разобрать ихъ по отдѣльнымъ избирательнымъ категоріямъ. Категория крупныхъ землевладельцевъ всѣхъ коронныхъ земель имѣетъ въ палатѣ депутатовъ 85 представителей, т.-е. $\frac{1}{4}$ всего числа депутатовъ. Если еще принять во вниманіе, что изъ 200 членовъ палаты госнодъ (я не считаю принцевъ крови, которые никогда не участвуютъ ни въ преніяхъ, ни въ голосованіяхъ) по крайней мѣрѣ 170 человекъ принадлежатъ тоже къ крупнымъ землевладѣльцамъ, то мы получимъ, что крупное землевладѣніе имѣетъ въ обѣихъ палатахъ 255 представителей, противъ 295 представителей отъ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія.—Въ Чехіи группа крупныхъ землевладельцевъ, въ которой число избирателей, обладающихъ законнымъ цензомъ, не превышаетъ 550 человекъ, посылаетъ въ парламентъ 23 депутата, т.-е. на каждые 27 избирателей приходится одинъ депутатъ; въ городскихъ же округахъ Чехіи 1 депутатъ приходится на 8,000 избирателей; въ городскихъ и сельскихъ округахъ Чехіи, вмѣстѣ взятыхъ, 1 депутатъ приходится на 80,000 чел. сельскаго и городского населенія. Въ Моравіи каждые 19 избирателей изъ группы крупныхъ землевладельцевъ посылаютъ одного депутата, въ то время какъ 1 депутатъ отъ сельскихъ избирателей приходится на 95,000 сельскаго населенія. Нѣкоторые монастыри въ Галиціи, обладающіе многими крупными по-

мѣстными, посылаютъ каждый по одному депутату, въ то время какъ на каждые 165,000 человекъ сельскаго населенія приходится по одному депутату. Городъ Вѣнна съ 700,000-нымъ населеніемъ посылаетъ 12 депутатовъ, но вѣнскія предмѣстья съ 400,000 населеніемъ причислены къ сельскимъ избирательнымъ округамъ, не пользуются правомъ прямыхъ выборовъ и посылаютъ всего 4 депутатовъ (т.-е. 100,000 человекъ на одного депутата). А между тѣмъ эти предмѣстья (Fünfhaus, Sechshaus, Hernals и др.) ничѣмъ рѣшительно не отличаются отъ сосѣднихъ городскихъ участковъ. То же неравномерное отношеніе существуетъ между представительствомъ Праги, Граца и др. и представительствомъ предмѣстievъ этихъ городовъ.

При опредѣленіи избирательнаго ценза австрійское законодательство тоже грѣшитъ самымъ грубымъ образомъ противъ логики и справедливости. Въ 1868 году тогдашній министръ финансовъ, Брестель, одинъ изъ либераловъ 1848 года, изобрѣлъ весьма остроумную уловку для повышенія избирательнаго ценза безъ измѣненія существующаго законодательства. Бюджетъ расходовъ былъ раздѣленъ на двѣ части, ординарный и экстраординарный; соотвѣтственно съ этимъ и бюджетъ покрытія, а вмѣстѣ съ нимъ и прямые налоги были раздѣлены на ординарные и добавочные; при составленіи избирательныхъ списковъ администрація принимала во вниманіе лишь одни ординарные налоги, не смотря на то, что добавочные иногда равнялись имъ, а въ нѣкоторые года даже превышали ихъ. Получалось, напр., что въ городахъ, гдѣ избирательный цензъ равенъ 10 гульденамъ, городской житель, платящій 20 гульденовъ прямыхъ налоговъ не попадалъ въ избиратели на томъ основаніи, что изъ этихъ 20 гульденовъ только 9 записаны въ ординарные налоги, остальные же 11 числятся добавочными. Фокусъ этотъ вполне удался и практикуется до сихъ поръ; за послѣдніе 14 лѣтъ случилось одинъ только разъ, въ 1870 году, во время клерикально-федералистскаго министерства Гогенварта, что правительство сочло нужнымъ исправить эту очевидную несправедливость, и только за этотъ годъ при составленіи избирательныхъ списковъ были приняты во вниманіе не одни только ординарные налоги, но всѣ прямые налоги вообще.

Недостатки настоящихъ избирательныхъ законовъ и необходимость ихъ исправленія давали себя чувствовать на каждомъ шагѣ; почти каждый годъ въ парламентъ вносились проекты-поправки избирательныхъ законовъ, но централистское парламентское большинство 1872—79 годовъ всякій разъ отвергало ихъ, опасаясь ослабленія своей партіи въ парламентѣ. По той же причинѣ, гр. Таафе и настоящее парламентское большинство первые два года тоже открещивалось отъ всякой попытки измѣнить избирательные законы, и по-

асей вѣроятности таже участь постигла бы и теперь эту реформу, если бы въ послѣднемъ случаѣ не примѣнялись интересы чешской партіи вообще и чешскихъ феодаловъ въ особенности.

Группа чешскихъ землевладѣльцевъ, числящая въ себѣ 546 избирателей, посылаетъ въ парламентъ 23 депутата. Выборы въ этой группѣ, по существовавшимъ законамъ, производились по *scrutin de liste*, такъ что вся эта группа представляла изъ себя одну избирательную единицу, т.-е. каждый изъ 546 избирателей сразу подавалъ свой голосъ за всѣхъ 23 депутатовъ. Такъ какъ группа эта была раздѣлена на двѣ партіи—чешскую и нѣмецкую, то стоило какой-либо изъ нихъ имѣть перевѣсъ нѣсколькихъ голосовъ въ общемъ числѣ избирателей, для того, чтобы всѣ 23 выбранныхъ депутата принадлежали къ сильнѣйшей партіи, и чтобы противная партія не имѣла въ палатѣ ни одного представителя. Такъ оно и было до 1879 года. Нѣмецкой партіи удалось подъ покровительствомъ централистскаго министерства и посредствомъ разныхъ неблаговидныхъ продѣлокъ приобрести незначительное большинство избирателей, и чешскіе феодалы не имѣли ни одного депутата въ палатѣ. Въ 1879 г. стараніями гр. Таафе состоялся компромиссъ между обѣими феодальными партіями, на основаніи котораго нѣмецкой партіи предоставлено было 13 депутатскихъ мѣстъ, а чешской — 10. О вліяніи этого компромисса на общій ходъ политики я уже говорилъ раньше. По мѣрѣ того какъ въ парламентѣ усиливалась чешская партія и борьба заостралась, стала все больше выясняться шаткость и ненадежность компромисса 1879 г., который могъ быть нарушенъ любой изъ партій при первыхъ выборахъ. Чтобы избѣжать этой шаткости, старо-чешскій депутатъ Цейтгаммеръ весною прошлаго года внесъ проектъ поправки избирательнаго закона, насколько онъ касается группы крупныхъ землевладѣльцевъ Чехіи. Предложеніе Цейтгаммера сводится къ слѣдующему: отъ 544 избирателей этой категоріи отдѣляется особая группа тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые владѣютъ ленными помѣстьями на основаніи особыхъ королевскихъ грамотъ (*Fideicommiss*); эта группа, состоящая изъ 54 избирателей, составляющихъ сливки чешской родовой аристократіи, выбираетъ отдѣльно 5 депутатовъ; остальные 490 избирателей раздѣлены по мѣстнымъ округамъ на 5 отдѣльныхъ группъ, избирающихъ каждая отдѣльно 3—4 депутата. Отъ подобной замѣны прежняго *scrutin de liste* мелкими избирательными группами чешская партія надѣется вмѣсто прежнихъ сомнительныхъ 10 депутатскихъ мѣстъ имѣть при слѣдующихъ выборахъ 16 или 18. Но какъ бы эта поправка ни была выгодна для чеховъ, она имѣетъ чисто оппортунистскій характеръ и нисколько не заслуживаетъ названія реформы. Наобо-

ротъ даже, создавая особенную избирательную группу фиденкомиссарныхъ ленныхъ владѣльцевъ, она усиливаетъ привилегіи феодаловъ и еще больше увеличиваетъ несправедливость существующей системы представительства ¹⁾.

Одновременно съ предложеніемъ Цейтгаммера въ палату были внесены двѣ другія поправки избирательныхъ законовъ. Одна изъ нихъ, предложенная радикальнымъ депутатомъ Кронаветтеромъ, заключалась въ двухъ пунктахъ: 1) уничтоженіе выборовъ черезъ довѣренныхъ лицъ и введеніе прямой подачи голосовъ въ сельскихъ избирательныхъ округахъ, и 2) предоставленіе избирательнаго права всѣмъ платящимъ прямыя налоги, независимо отъ величины послѣднихъ. Сущность другой поправки, внесенной извѣстнымъ клерикаломъ Линбахеромъ, заключалась въ уменьшеніи избирательнаго ценза для сельскихъ и городскихъ избирателей съ 10 гульд. прямыхъ налоговъ на 5; вслѣдствіе послѣдней поправки общее количество сельскихъ и городскихъ избирателей (1.290,000 чел.) увеличится на 100,000 чел., т.-е. на 7 1/2%.

Всѣ три предложенія были переданы на разсмотрѣніе парламентской комиссіи, которая, послѣ десятидневнаго обсужденія, представила въ мартѣ мѣсяцѣ два доклада: докладъ большинства комиссіи предложилъ палатѣ принять законопроектъ Цейтгаммера и Линбахера и отвергнуть проектъ Кронаветтера. Меньшинство комиссіи, состоявшее изъ членовъ централистской партіи, внесло совершенно новый проектъ избирательной реформы, въ которомъ предлагались: 1) уменьшеніе избирательнаго ценза для городскихъ избирателей до 5 гульденовъ, а для сельскихъ—до 2 гульденовъ прямыхъ налоговъ; 2) вычисленіе избирательнаго ценза на основаніи всѣхъ прямыхъ налоговъ, а не однихъ ординарныхъ; 3) причисленіе къ городскимъ избирательнымъ округамъ въ городскихъ предмѣстьяхъ. Пренія по поводу всѣхъ этихъ законопроектовъ продолжались недѣлю двѣ, и окончились принятіемъ проектовъ Линбахера и Цейтгаммера, и забаллотировкой проекта Кронаветтера.

Само собою разумѣется, что министерство приняло дѣятельное участіе въ этомъ вопросѣ и имѣло весьма важное вліяніе на упомя-

¹⁾ Въ этой привилегированной группѣ номинально значится 54 избирателя, но изъ нихъ около 16 человѣкъ не могутъ пользоваться избирательнымъ правомъ по несовершеннолѣтію, принадлежности къ иностраннымъ государствамъ и т. под. Остается 38 избирателей, изъ которыхъ 24 или 25 уже засѣдаютъ въ палатѣ господъ въ качествѣ пожизненныхъ или наслѣдственныхъ членовъ. Изъ остальныхъ 14 или 15 человѣкъ избирается 5 депутатовъ. На дѣлѣ выходитъ, что всѣ крупные аристократы Чехіи, за исключеніемъ 10 человѣкъ, засѣдаютъ въ парламентѣ въ качествѣ народныхъ представителей!

нудное рѣшеніе его. Въ засѣданіи налѣзъ депутатовъ 19-го марта гр. Таафе весьма обстоятельно излагалъ свой взглядъ на затронутые вопросы; его объясненія сводятся къ слѣдующему. 1) Онъ считаетъ, что предложеніе Цейтгаммера выражаетъ вполне законное и справедливое требованіе чешской народности и лучшихъ представителей ея—чешскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ; что съ принятіемъ этого законопроекта будетъ навсегда устраненъ предметъ споровъ между чешскими и нѣмецкими крупными землевладѣльцами Чехіи. 2) Одновременно справедливымъ относительно массы населенія онъ считаетъ расширеніе избирательнаго права, предложенное Линбахеромъ, путемъ уменьшенія ценза съ 10 гульд. до 5 гульд. 3) Предложенія Кронаветтера о введеніи прямыхъ выборовъ въ сельскихъ округахъ онъ не можетъ одобрить, такъ какъ законъ о косвенныхъ выборахъ составляетъ одинъ изъ основныхъ законовъ конституціи; для пересмотра же конституціи онъ считаетъ настоящий моментъ крайне неудобнымъ. 4) Другія предложенія, касающіяся расширенія избирательнаго права, онъ въ настоящее время также не можетъ поддерживать; принятіе ихъ повело бы къ слишкомъ быстрому измѣненію состава избирателей, что для консервативнаго государства, въ родѣ Австріи, всегда сопряжено съ рискомъ. Онъ вполне сознаетъ, что избирательные законы допускаютъ еще дальнѣйшія измѣненія въ смыслѣ внесенныхъ предложеній, но эти реформы должны быть отложены на будущее время.

Итакъ, гора родила мышь! „Реформа“ избирательныхъ законовъ, признанныхъ недостаточными, нелогичными, несправедливыми, реформа, на которую затрачено было столько труда, времени, ораторскаго краснорѣчія и офиціознаго пафоса, окончилась весьма незначительнымъ увеличеніемъ числа избирателей, при сохраненіи всѣхъ коренныхъ недостатковъ этого закона, мало того, при усиленіи политической привилегіи крупнаго землевладѣнія!

Читатель, я думаю, согласится, что расширеніе избирательнаго права, обусловленное принятіемъ законопроекта Линбахера, слишкомъ незначительно, чтобы заслуживать громкое названіе „избирательной реформы“. А между тѣмъ, за этой жалкой заплатой на обветшавшее законодательство сохранилось такое громкое названіе, и въ массѣ населенія она сдѣлала весьма популярнымъ имя гр. Таафе, котораго считаютъ главнымъ виновникомъ этой „реформы“.

Такимъ образомъ и эта часть программы гр. Таафе была выполнена имъ въ чисто „консервативномъ“ духѣ, т.-е. съ возможно меньшими уступками требованіямъ справедливости, и съ выдачей обѣщаній большихъ уступокъ въ будущемъ.

Надо было бы еще рассмотреть, что графъ Таафе сдѣлалъ для выполненія послѣдней, самой существенной части своей программы, т. е. той части, которая относится къ улучшенію экономическаго положенія страны. Но, къ сожалѣнію, за послѣднее трехлѣтіе въ этомъ отношеніи не было сдѣлано ничего существеннаго ни на поприщѣ законодательства, ни въ сферѣ правительственнаго воздѣйствія, несмотря на то, что необходимость законодательныхъ и административныхъ мѣръ въ этомъ направленіи становится съ каждымъ годомъ очевиднѣе и настоятельнѣе, по мѣрѣ того, какъ ухудшается экономическое положеніе массы крестьянъ и городскихъ рабочихъ. Единственная и не особенно важная законодательная мѣра, принятая за три года управленія гр. Таафе и подъ его вліяніемъ, это новый законъ противъ ростовщиковъ ¹⁾. Затѣмъ имѣются десятки чрезвычайно важныхъ законопроектовъ, разрабатывающихся въ парламентскихъ, правительственныхъ и смѣшанныхъ коммиссіяхъ и комитетахъ, и еще большее количество обѣщанныхъ гр. Таафе административныхъ мѣръ. Если полагаться на обѣщанія гр. Таафе и увѣренія офиціозныхъ газетъ (а положиться, конечно, мудро), то съ будущей осени должна начаться реформаторская дѣятельность гр. Таафе на поприщѣ социально-экономическомъ. Изъ числа обѣщаній особенное вниманіе обращаетъ на себя рядъ проектовъ, направленныхъ къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ: законопроектъ противъ свободнаго раздѣла крестьянскихъ участковъ при продажѣ или по завѣщанію владѣльца; созданіе земскаго кредита для крестьянъ; опредѣленіе правъ крестьянскихъ союзовъ и т. д. Затѣмъ обѣщано гр. Таафе выработка ряда финансовыхъ законовъ для облегченія тяжести налоговъ, лежащихъ на массѣ народа: введеніе налога на биржевыя сдѣлки, налога на предметы роскоши, реформа подоходнаго налога и пр. Въ парламентской коммиссіи въ настоящее время выработывается весьма важный проектъ промысловаго закона (*Gewerbegesetz*), имѣющій цѣлью регулированіе отношеній между рабочими и нанимателями, введеніе государственнаго надзора за фабриками и промышленными заведеніями, учрежденіе обязательныхъ рабочихъ корпорацій, страховыхъ и больничныхъ кассъ, третейскихъ судовъ и пр.

Нужно отдать справедливость гр. Таафе, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ему на административномъ поприщѣ приходилось сталкиваться съ интересами рабочаго и крестьянскаго населенія, онъ велъ себя

¹⁾ Реформа поземельнаго налога, принятая парламентомъ года 1½ тому назадъ, составляетъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ разныхъ парламентскихъ и правительственныхъ коммиссій; поэтому гр. Таафе не можетъ считаться отвѣтственнымъ ни за достоинства, ни за недостатки этой реформы.

съ большимъ тактомъ и безпристрастіемъ, чѣмъ вели себя министры либеральной эпохи. Такъ, напр., во время многочисленныхъ стачекъ въ чешскихъ угольныхъ копяхъ, администрація всякій разъ выступала въ роли болѣе или менѣе безпристрастнаго посредника между хозяевами копей и стачниками и нисколько не прибѣгла къ насильственнымъ мѣрамъ противъ стачниковъ, чего далеко нельзя сказать о „либеральныхъ“ предшественникахъ гр. Таафе.

Австрійскія либеральныя газеты, а за ними и большинство западно-европейскихъ органовъ печати весьма часто нападаетъ на отрицательныя стороны дѣятельности гр. Таафе и приходятъ къ весьма неодобрительнымъ выводамъ. Больше всего обвиняютъ его во-первыхъ, въ клерикальных стремленіяхъ, выражающихся въ поддержкѣ, которую онъ оказываетъ законопроекту Линбахера о сокращеніи срока обученія въ народныхъ училищахъ, а во-вторыхъ, въ преслѣдованіи ложной и гибельной фанансовой системы, въ подтвержденіе чего приводятся главнымъ образомъ его бывшія сношенія съ Бонту и, какъ слѣдствіе ихъ, увеличеніе дефицита. Безпристрастный разборъ этихъ обвиненій убѣдитъ, какъ мнѣ кажется, въ ихъ неосновательности. Начать съ того, что графа Таафе никакъ нельзя считать отвѣтственнымъ за дефицитъ: государство, которое, подобно Австріи, не особенно одарено природными богатствами, но должно содержать 300,000-ую армію и огромный контингентъ чиновниковъ, не можетъ не страдать хроническимъ дефицитомъ, будь его министры семи падеи во лбу; дефициты всѣхъ европейскихъ государствъ зависятъ больше отъ условій внѣшней политики, чѣмъ отъ той или другой фанансовой системы.—Гораздо серьезнѣе и основательнѣе представляются намъ упреки, дѣлаемые гр. Таафе за поддержку Бонту и отношенія съ Union Générale и Länderbank. Эти не вполне еще выяснившіяся отношенія дѣйствительно составляютъ самое темное мѣсто политической дѣятельности гр. Таафе. Но, припоминая событія, предшествовавшія основанію Länderbank, мы приходимъ къ заключенію, что гр. Таафе въ то время былъ въ безвыходномъ положеніи, откуда единственную возможность спасенія подавалъ Бонту. Въ концѣ 1879 года централистскіе тузы биржи стали противъ министерства, затрудняли всѣ его финансовыя операціи, разсчитывая этимъ путемъ принудить его подать въ отставку. Въ эту критическую минуту явился проходимецъ Бонту съ предложеніемъ какихъ угодно количествъ французскаго золота. Гр. Таафе схватился за это средство избавиться отъ терроризма вѣнской биржи, — золото посыпалось дождемъ, Бонту былъ признанъ чуть ли не спасителемъ Австріи, и... конецъ извѣстенъ читателямъ.

Но самымъ неосновательнымъ и несправедливымъ изъ обвиненій, дѣлаемыхъ гр. Таафе оппозиціонной печатью, — это обвиненіе въ клерикализмѣ, на томъ основаніи, что онъ поддерживаетъ поправку школьныхъ законовъ въ смыслѣ, требуемомъ клерикальной партіей. Министерство Таафе не произошло изъ какой-нибудь одной партіи, не держится на одной партіи (и въ этомъ, можетъ быть, заключается главная причина его прочности). Оно опирается на парламентское большинство, состоящее изъ 4-хъ отдѣльныхъ партій, изъ которыхъ клерикальная партія далеко не самая слабая. Если клерикальная партія отстанетъ отъ большинства, централисты снова приобретутъ перевѣсъ въ палатѣ и министерство должно пасть. Слѣдовательно, министерство не можетъ игнорировать существенныя требованія клерикаловъ, а самое главное изъ этихъ требованій — принятіе законопроекта Линбахера. Но, не смотря даже на требовательность и угрозы клерикаловъ, гр. Таафе вовсе не оказалъ имъ особенно горячей поддержки. Уже почти два года, какъ законопроектъ Линбахера подъ разными формами переходилъ изъ палаты депутатовъ въ палату господъ и обратно, безъ того, чтобы обѣ палаты пришли къ окончательному соглашенію; но гр. Таафе относительно его никогда рѣшительно не высказывался, лавировалъ, смотря по обстоятельствамъ и настроенію политическихъ партій, то поддерживалъ его, то заявлялъ свою индифферентность, и только благодаря его поведенію законопроектъ не былъ принятъ до сихъ поръ. Гр. Таафе держится относительно клерикаловъ своей обыкновенной „консервативной“ политики, политики оттягиванія и проволочекъ, и съ этой партіей онъ, пожалуй, даже „консервативнѣе“, чѣмъ съ остальными. Изъ этого можно дѣлать какіе угодно выводы, но только не о клерикальныхъ стремленіяхъ его.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что изъ обширной программы, заключавшейся въ тронной рѣчи и неоднократно подтвержденной гр. Таафе, выполнено чрезвычайно мало. Мы видимъ далѣе, что всѣ важнѣйшіе шаги, которые приходилось дѣлать гр. Таафе для выполненія своей задачи, сдѣланы имъ не иначе какъ послѣ долгихъ проволочекъ и подъ сильнымъ давленіемъ тѣхъ или другихъ условій. Гр. Таафе только позволяетъ историческому теченію уносить себя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сопротивляться послѣднему было бы бесполезно. Такая пассивность въ австрійскомъ государственномъ членѣ составляетъ несомнѣнное достоинство, потому что всѣ государственные люди Австріи искони вѣковъ ставили себѣ задачей — во что бы то ни стало идти *противъ* теченія исторіи.

С. К.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюля, 1882.

—*К. Д. Кавелинъ. Крестьянскій вопросъ. Исследование о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. Спб., 1882.*

Книга г. Кавелина составлена изъ статей, появившихся въ прошедшемъ году въ „Вѣстникѣ Европы“; въ приложеніи къ ней напечатано письмо, написанное авторомъ въ отвѣтъ на возраженіи одного изъ органовъ провинціальной печати („Zeitung für Stadt und Land“). Газетѣ, привыкшей смотрѣть на все и на всѣхъ съвозъ очки зауряднаго, нѣмецко-буржуазнаго міросозерцанія, трудно было понять значеніе, придаваемое г. Кавелинымъ крестьянству, какъ настоящему четвертому сословію, какъ синониму русскаго народа. Она заподозрила автора въ узкомъ націонализмѣ, въ игнорированіи основныхъ формъ западно-европейской цивилизаціи. Отвѣтъ г. Кавелина поучителенъ не только для тѣхъ, противъ кого онъ непосредственно направленъ, не только для одностороннихъ и отстающихъ западниковъ, но и для московскихъ нео-славянофиловъ, для мистиковъ національной „самобытности“. „Крестьянинъ,—говоритъ г. Кавелинъ,—для меня социальный типъ и принципъ, какой бы онъ ни былъ національности. Капскій боеръ, нѣмецкій михель, французскій жакъ, пошехонецъ и пензякъ представляются мнѣ видоизмѣненіями, разновидностями одного и того же генерическаго понятія... Мнѣ рисуется въ будущемъ, для моей родины, тотъ же идеалъ законнаго порядка, свободы и гарантій, какъ и вамъ, но въ другихъ формахъ и съ другими путями для его достиженія. Я вижу впереди мою родину необозримымъ моремъ осѣдлаго, свободнаго, трудящагося, благоустроеннаго крестьянства, съ сильною центральной властью, обставленною высшей интеллигенціей, постоянно вырабатываемой страной, но не составляющей ни юридически, ни экономически при-

видѣніи какого бы то ни было класса, сословія или общественной группы". И такъ, дѣло не въ томъ, что нашъ крестьянинъ одаренъ отъ природы ему одному только свойственными качествами, призванъ отъ вѣка къ заранѣе предопредѣленной цѣли; дѣло въ томъ, что въ силу географическихъ и историческихъ условій крестьянство является у насъ громаднымъ большинствомъ населенія и не имѣетъ ни противъ себя, ни рядомъ съ собою другихъ, крѣпко сложившихся, общественныхъ группъ или сословій. Оставаясь на почвѣ фактовъ, г. Кавелинъ констатируетъ различіе, дѣйствительно существующее между Россіей и Европой; но различіе, естественно образовавшееся, не можетъ быть чѣмъ-то абсолютнымъ, неподвижнымъ, всегда себѣ равнымъ — и вотъ почему „законный порядокъ, свобода, гарантіи“, выработанные Европой, представляются, въ глазахъ г. Кавелина, доступными и для Россіи. Она приобрѣтетъ ихъ другимъ путемъ, создастъ для нихъ другія формы—но это и не можетъ быть иначе; исторія не повторяется, и различію обстановки необходимо должно соответствовать различіе результатовъ. Г. Кавелинъ совершенно правъ, говоря, что въ его взглядахъ нѣтъ ничего узко-національнаго; „я не принадлежу къ кваснымъ патріотамъ,—такъ заключаетъ онъ свое письмо, — и очень этимъ горжусь“. Самобытность, какъ ее понимаетъ г. Кавелинъ, не имѣетъ, очевидно, ничего общаго съ самобытностью въ смыслѣ „Руси“ или союзниковъ г. Аксакова.

Содержаніе книги г. Кавелина, безъ сомнѣнія, хорошо памятно нашимъ читателямъ. Цѣнность ея, какъ вклада въ литературу крестьянскаго вопроса, обуславливается въ особенности тѣмъ, что она касается всѣхъ главныхъ сторонъ предмета, ярко освѣщая ихъ внутреннюю связь, ихъ взаимную зависимость. Съ нѣкоторыми положеніями автора можно не соглашаться, противъ нѣкоторыхъ предлагаемыхъ имъ мѣръ можно спорить; отказать ему въ знаніи народа, въ сочувствіи народнымъ нуждамъ едва ли кто-нибудь рѣшится. Въ официальныхъ сферахъ крестьянскій вопросъ слишкомъ долго считался поконченнымъ, рѣшеннымъ. Возродившійся интересъ къ нему еще далеко непроченъ; самое право на существованіе едва ли признано за нимъ безповоротно. Пятнадцатилѣтняя недомыслие не можетъ быть пополнена двумя-тремя законами и нѣсколькими административными распоряженіями. При такихъ условіяхъ болѣе чѣмъ когда-либо необходимы указанія впередъ, напоминанія о томъ, какъ мало сдѣлано, какъ много предстоитъ еще сдѣлать. Программа реформъ, излагаемая г. Кавелинымъ, не заключаетъ въ себѣ ничего мечтательнаго, ничего неудобносполнимаго; ея умѣренность устраняетъ возможность обвиненій и перетолкованій, по крайней мѣрѣ нетенденціозныхъ. „Пока у насъ не выработается опредѣленныхъ, ясныхъ

понятій о крестьянствѣ и крестьянскомъ вопросѣ, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — до тѣхъ поръ мы будемъ, какъ доселѣ, шататься изъ стороны въ сторону, подвергая массы народа самому тяжелому, не заслуженному испытанію, а весь нашъ бытъ — весьма серьезной опасности“. Въ этихъ словахъ ясно намѣчена та цѣль, достиженію которой несомнѣнно способствуетъ книга г. Кавелина.

— Бар. Н. А. Корфъ. Наши педагогическіе вопросы. Изданіе фирмы: „Сотрудникъ школъ“, А. К. Залѣвскій. Москва, 1882.

Бар. Н. А. Корфъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые всего больше потрудились у насъ надъ организаціей начальной народной школы. Не отдыхая на лаврахъ, онъ продолжаетъ разрабатывать излюбленный имъ вопросъ, преимущественно съ тѣхъ сторонъ, которыя выдвигаются впередъ новыми требованіями жизни. Изъ числа статей, напечатанныхъ имъ въ послѣднее время въ разныхъ журналахъ и изданныхъ въ свѣтъ, въ видѣ отдѣльнаго сборника, московскою фирмой: „Сотрудникъ школъ“, наибольшаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя касаются рецидива безграмотности, какъ зла, и повторительной воскресной школы, какъ лекарства. Случаи рецидива безграмотности, т.-е. забыванія всего выученнаго въ начальной школѣ, были замѣчены уже давно; но честь первыхъ систематическихъ изслѣдованій по этому вопросу принадлежитъ бар. Корфу и сотрудникамъ его, графинѣ П. С. Уваровой и К. В. Ковалевскому. Необходимость такихъ изслѣдованій была настоятельна; „рецидивъ безграмотности“ становился уже однимъ изъ тѣхъ „словечекъ“, съ помощью которыхъ такъ легко подкопаться подъ новое учрежденіе, дискредитировать хорошее дѣло. Если начальная сельская школа, — говорили ея противники, — не даетъ и не можетъ дать своимъ ученикамъ никакихъ прочныхъ знаній, то стоитъ ли затрачивать на нее большія суммы, заботиться о ней, какъ объ одномъ изъ главныхъ условій народнаго развитія? Разъ навсегда составленныя фразы о жалкихъ результатахъ ученія въ начальной школѣ повторялись иногда и по недомыслию или рутинѣ, безъ намѣренія повредить успѣхамъ школьнаго дѣла. Яркій примѣръ этого рода мы находимъ въ статьѣ бар. Корфа объ обществѣ улучшенія народнаго труда. Въ объявленіяхъ, разосланныхъ учредителями общества всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ, всѣмъ городскимъ управленіямъ, всѣмъ предводителямъ дворянства, встрѣчаются слѣдующіе афоризмы, высказанные какъ нѣчто бесспорное, не требующее доказательствъ: „Распространеніе въ средѣ низшихъ классовъ населенія одного общаго или книжнаго образованія приноситъ не-

рѣдко болѣе вреда, чѣмъ пользы... Наша начальная школа, не дающая никакихъ приложимыхъ къ практической жизни знаній, въ большинствѣ случаевъ приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ: выходящіе изъ нея или скоро вовсе забываютъ пройденное въ школѣ, или стремятся выйти изъ своей среды, или же, наконецъ, добиваются поступленія въ среднія и высшія учебныя заведенія, которыми они нерѣдко покидаютъ, не окончивъ въ нихъ курса. Этимъ путемъ образовался вездѣ и образовывается у насъ наиболѣе вредный для государства классъ *недовольныхъ*". Оставимъ въ сторонѣ фантастическія предположенія о томъ, что *начальная школа возбуждаетъ въ своихъ ученикахъ стремленіе выйти изъ крестьянской среды*—предположенія, доказывающія только полное незнакомство съ деревенскою жизнью; остановимся на догадкѣ о *скоромъ и полномъ* забываніи всего пройденнаго въ школѣ. Эту догадку учредители общества смѣло принимаютъ къ *большинству* учениковъ, окончившихъ курсъ въ начальной школѣ. Если бы мы полюбопытствовали узнать, какія положительныя данныя лежатъ въ основаніи столь точнаго вывода, то получили бы въ отвѣтъ, по всей вѣроятности, неопредѣленную ссылку на общезвѣстность факта, отмѣченнаго печальнымъ именемъ *рецидива безграмотности*". Благодаря бар. Корфу, злоупотребленіе этой ссылкой перестаетъ, наконецъ, быть возможнымъ. Онъ обратился отъ общихъ мѣстъ, ниѣмъ и ничѣмъ не пробѣренныхъ, къ дѣйствительности, къ опыту, и убѣдился въ томъ, что пресловутый рецидивъ—скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Вездѣ, гдѣ было произведено изслѣдованіе, въ нѣсколькихъ селеніяхъ губерній екатеринославской, таврической, смоленской, московской, владимірской, *только* разучившихся чтенію и письму не встрѣтилось вовсе; между тѣмъ, въ иныхъ мѣстахъ промежуткомъ времени между выходомъ изъ школы и испытаніемъ доходило, среднимъ числомъ, до *восьми лѣтъ*. Читающихъ машинально, въ шести селахъ александровскаго и мариупольскаго уѣздовъ, оказалось не болѣе 8%, въ четырехъ селахъ бердянскаго уѣзда—не болѣе 6%. Въ послѣдней мѣстности число читающихъ удовлетворительно и весьма удовлетворительно составляло до 92%. Ошиблись въ писаніи чиселъ до тысячи, по всѣмъ тремъ уѣздамъ, только 7% изъ подвергавшихся испытанію; немногимъ больше былъ процентъ неправильно написавшихъ числа свыше милліона. Изъ 350 бывшихъ учениковъ начальной школы, въ двухъ уѣздахъ екатеринославской губерніи, только одна десятая часть оказалась неспособною написать сочиненіе на тему о пользѣ грамотности. Приходъ всѣ эти утомительныя цифры, бар. Корфъ не думаетъ скрывать, что большинствомъ учениковъ забывается многое, слишкомъ многое, какъ вслѣдствіе краткости курса въ начальной школѣ и

ранняго выхода изъ нея, такъ и вслѣдствіе неблагопріятныхъ условий деревенской жизни. Отсюда—необходимость повторительной воскресной школы, горячо пропагандируемой авторомъ. На херсонскомъ учительскомъ съѣздѣ, руководителемъ котораго, въ прошедшемъ году, былъ бар. Корфъ, двѣсти пятьдесятъ учительницъ и учителей не только единогласно поддержали его мысль о повсемѣстномъ открытіи такихъ школъ, но и выразили готовность преподавать *безвозмездно* по три часа въ каждый воскресный день учебного года. Это заранѣе устраняетъ доводъ о невозможности возложить новое бремя на преподавателей начальной школы, безъ того будто бы отягощенныхъ непосильною работой. Положеніе начальныхъ учителей и учительницъ далеко незавидно, это правда; но оно незавидно не потому, чтобы отъ нихъ требовалось слишкомъ многое, а потому, что они получаютъ, въ большинствѣ случаевъ, крайне скудное вознагражденіе, зависать отъ множества официальныхъ и неофициальныхъ начальниковъ и не имѣютъ передъ собой хоть сколько-нибудь обезпеченнаго будущаго. Въ сельскихъ школахъ, по справедливому замѣчанію бар. Корфа, преподаваніе обнимаетъ собою не болѣе полугода; продолжительностью отдыха уравнивается, до известной степени, усиленный трудъ въ остальное время года. Само собою разумѣется, что готовность учителей принять на себя безвозмездный трудъ въ воскресной школѣ не исключаетъ вознагражденія этого труда со стороны земствъ, ему сочувствующихъ; случаевъ отказа земскихъ собраній отъ всякаго содѣйствія воскреснымъ школамъ будетъ, по всей вѣроятности, немного. Такъ смотритъ на дѣло и бар. Корфъ; мысль его, вполне раздѣляемая нами, состоитъ только въ томъ, что въ крайнемъ случаѣ воскресная школа можетъ быть организована безъ особыхъ затратъ со стороны земства. Мы знаемъ уѣзды, въ которыхъ уже положено начало этому дѣлу, и вполне убѣждены, что при отсутствіи внѣшнихъ препятствій оно не замедлитъ стать твердой ногой вездѣ, гдѣ существуютъ земскія учрежденія.

Недавнее административное распоряженіе, уменьшившее препятствія къ открытію въ деревняхъ простыхъ школъ грамотности, облегчить принятіе нѣкоторыхъ мѣръ, рекомендуемыхъ бар. Корфомъ или мимоходомъ упоминаемыхъ въ его книгѣ, напримѣръ, приглашеніе помощниковъ учителей изъ числа окончившихъ курсъ въ начальномъ училищѣ, выдачу земствомъ вознагражденія за каждого ученика, обученнаго грамотѣ помимо официальной школы. Въ одномъ изъ сочиненій, написанныхъ на заданную бар. Корфомъ тему о пользѣ грамотности, мы встрѣтили любопытный рассказъ о томъ, какъ авторъ сочиненія обучилъ своего брата чтенію по получен-

нимъ отъ учителя подвижнымъ буквамъ. Разсказъ этотъ заинтересовалъ насъ въ особенности потому, что одинъ изъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ петербургской губерніи рѣшилъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, выдавать каждому ученику, окончившему курсъ въ начальной школѣ, по экземпляру подвижныхъ буквъ и по руководству къ обученію грамотѣ. Основаніемъ этого рѣшенія послужила надежда, что около нѣкоторыхъ изъ числа бывшихъ учениковъ образуются небольшія школы грамотности, не уступающія тѣмъ, которыя основываются отставными солдатами, обученными по старой методѣ грамотѣми изъ крестьянъ, дьячками и т. п. При существованіи повторительныхъ воскресныхъ школъ, такія школы грамотности сдѣлаются еще болѣе возможными; въ будничные дни занимаясь обученіемъ, учитель-подростокъ по воскресеньямъ будетъ учиться самъ и становиться все болѣе и болѣе способнымъ къ преподаванію.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько фактическихъ данныхъ, поразившихъ насъ при чтеніи книги бар. Корфа. Защищая права малорусскаго языка въ малорусской народной школѣ, авторъ ссылается на примѣръ мадьяръ, столь извѣстныхъ своею нетерпимостью и справедливо упрекаемыхъ за нее нашими „націоналами“. Оказывается, однако, что изъ 15,715 народныхъ училищъ Венгріи преподаваніе велось на мадьярскомъ языкѣ только въ 7,179, на мадьярскомъ и мѣстномъ—въ 2,083, на нѣмецкомъ или румынскомъ—въ 3,801, на *одномъ изъ славянскихъ нарѣчій*—въ 2,636 (въ томъ числѣ на русинскомъ или *малорусскомъ* языкѣ—въ 471)! Изъ статьи: „Народное училище въ богатомъ селѣ“, мы узнаемъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ иногда излишняя регламентація учебнаго дѣла. Въ селѣ Бѣленькомъ (екатеринославской губерніи) существовало одноклассное народное училище (вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія), число учениковъ котораго доходило до 120. Съ преобразованиемъ училища въ двухъ-классное, это число упало до 70—не потому, что уменьшилась бы охота учиться, а потому, что на каждый классъ полагается не болѣе 60 учениковъ. Пройти черезъ оба класса школы, т.-е. посѣщать ее въ теченіе пяти лѣтъ, могутъ лишь весьма немногіе крестьянскіе мальчики; второй классъ остается поэтому почти пустымъ (въ обоихъ отдѣленіяхъ его числятся только 11 учениковъ), а въ первый классъ принимаютъ далеко не всѣхъ желающихъ, за *отсутствіемъ вакансій*. Баронъ Корфъ выводитъ отсюда необходимость обращенія училища опять въ одноклассное; намъ кажется, что болѣе цѣлесообразнымъ было бы измѣненіе правилъ, стѣсняющихъ пріемъ въ первый классъ училища. При незначительномъ числѣ учениковъ второго класса, преподаваніе въ первомъ классѣ могло бы быть раздѣлено между обоими учителями; еще

легче было бы устроить дѣло въ случаѣ назначенія третьяго учителя, которое бар. Корфъ признаетъ необходимымъ и при обращеніи училища въ одноклассное. Весьма интересны свѣдѣнія о женской воскресной школѣ, учрежденной въ Харьковѣ Х. Д. Алчевскою еще въ 1870 г. Они показываютъ, какъ много можетъ сдѣлать, даже при неблагоприятныхъ условіяхъ, правильно направленная энергія нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Чѣмъ больше хорошаго мы узнаемъ о харьковской воскресной школѣ, тѣмъ печальнѣе было увидѣть, изъ другой статьи бар. Корфа, что педагогическое собраніе школы рѣшило не допускать въ нее евреевъ. Уменьшить еврейскую замкнутость, со всѣми ея вредными результатами—вредными не для однихъ только евреевъ,—всего скорѣе можетъ именно общеобразовательное вліяніе школы; отказывать имъ въ этомъ вліяніи—плохое средство къ разрѣшенію еврейскаго вопроса.

— Труды перваго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. Изданіе К. В. Рукавишниковъ. Москва, 1882.

Попечителю московскаго Рукавишниковскаго пріюта для малолѣтнихъ, К. В. Рукавишникову, пришла счастливая мысль испросить разрѣшеніе на открытіе съѣзда представителей всѣхъ русскихъ исправительныхъ колоній и пріютовъ. Разрѣшеніе это было дано, и съѣздъ состоялся въ Москвѣ, въ октябрѣ прошедшаго года. Отчетъ о его работахъ составляетъ объемистый томъ, не лишенный общаго интереса. Нельзя не пожалѣть, что въ составъ его не вошелъ хотя бы краткій обзоръ дѣятельности тѣхъ учреждений, представители которыхъ присутствовали на съѣздѣ. Свѣдѣнія по этому предмету, какъ видно изъ журнала втораго засѣданія, были сообщены съѣзду, но не вошли въ стенографическій отчетъ. Между тѣмъ, весьма желательно было бы узнать, сколько воспитанниковъ числится въ каждомъ заведеніи, какъ они распределяются между сословіями, по приговорамъ какихъ судовъ и за какія преступленія они помѣщены въ колонію или пріютъ, во что обходится содержаніе каждого изъ нихъ, много ли между выпущенными воспитанниками оказывается рецидивистовъ и т. п. Теперь всѣ эти данныя приходится собирать изъ отдѣльныхъ отчетовъ, не всегда удободоступныхъ; группировка ихъ въ одно цѣлое значительно облегчила бы изученіе дѣла. Знакомымъ съ петербургскою колоніей не разъ приходилось задумываться надъ громадностью ея расходовъ, надъ частыми перемѣнами въ воспитательскомъ ея персоналѣ; съ помощью бюджета другихъ

колоній и ихъ исторіи можно было бы опредѣлить, насколько эти явленія случайны или, наоборотъ, неизбежны ¹⁾).

Новость дѣла заставила сѣздъ потерять не мало времени на обсужденіе вопросовъ черезъ-чуръ общихъ, черезъ-чуръ теоретическихъ. Такъ напримѣръ, члены сѣзда много спорили о томъ, должны ли колоніи и пріюты считаться мѣстомъ наказанія или исправительнаго воспитанія. Споръ этотъ почти не сходилъ съ отвлеченной почвы и заключился рѣшеніемъ, значеніе котораго уяснить себѣ довольно трудно. Сѣздъ, по большинству голосовъ, постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы за исправительными заведеніями для малолѣтнихъ былъ признанъ характеръ заведеній воспитательныхъ, а отнюдь не мѣстъ наказанія. Такое ходатайство было бы понятно, если бы рѣчь шла объ изданіи новаго закона или отдѣльных для каждаго заведенія уставовъ; но и законъ, и уставы существуютъ и не мѣшаютъ большинству пріютовъ дѣйствовать именно въ качествѣ воспитательныхъ заведеній. Другой вопросъ, вызвавшій продолжительныя пренія, касался временного отпуска воспитанниковъ; и въ этомъ отношеніи сѣздъ не выработалъ ничего новаго, а высказался только въ пользу отпусковъ, на самомъ дѣлѣ уже давно практикуемыхъ заведеніями. Другіе вопросы, болѣе важныя, были рассмотрѣны весьма коротко или отложены до слѣдующаго сѣзда (созвать его предполагено въ Кіевѣ, въ 1884 году); сюда относятся, напримѣръ, вопросъ о томъ, какимъ занятіямъ должно быть отдано предпочтеніе — сельско-хозяйственнымъ или ремесленнымъ, и вопросъ объ образовательномъ уровнѣ лицъ, которому поручается ближайшее наблюденіе за воспитанниками. Предложенный харьковскимъ обществомъ вопросъ о томъ, „какими дисциплинарными мѣрами и вообще при какой организаціи дисциплины въ нашихъ исправительныхъ заведеніяхъ достигаются наилучшіе результаты“, былъ исключенъ, не извѣстно почему, изъ числа предметовъ, подлежащихъ обсужденію сѣзда, и рассмотрѣнъ въ частномъ, непубличномъ собраніи экспертовъ. Гласному разбору подвергся только вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, причемъ оказалось, что они допускались до сихъ поръ только въ пріютахъ студенецкомъ (близъ Варшавы) и ярославскомъ. Представитель варшавскаго общества доказывалъ ихъ пользу, представитель ярославскаго общества заявилъ, что оба случая примѣ-

¹⁾ Изъ послѣдняго отчета общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ (за 1881 годъ) видно, что воспитанниковъ въ петербургской колоніи было 90, а содержаніе ея обошлось, не считая экстренныхъ расходовъ, въ 38½ тис. руб. на каждаго воспитанника приходится такимъ образомъ около 428 руб. — сумма несравнительно большая. Если даже вычестъ изъ расхода стоимость издѣлій и произведеній колоніи, то на каждаго воспитанника придется болѣе 330 р.

ненія ихъ имѣли самыя печальныя послѣдствія. Сѣздъ по большинству голосовъ высказался противъ тѣлесныхъ наказаній.

Большого сочувствія заслуживаютъ постановленія сѣзда объ ограниченіи, въ извѣстныхъ случаяхъ, родительской власти надъ дѣтьми, помѣщенными или подлежащими помѣщенію въ исправительныя пріюты. Варшавскимъ обществомъ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ принято за правило учреждать патронатъ надъ тѣми изъ бывшихъ воспитанниковъ студзенецкаго пріюта, которые не поступаютъ на попеченіе къ родителямъ. Изъ числа 16 воспитанниковъ, взятыхъ родителями, рецидивистовъ оказалось два, изъ числа 94, оставшихся подъ патронатомъ общества—только одинъ. Эти цифры весьма знаменательны; вмѣстѣ съ другими фактами, приведенными на сѣздѣ, онѣ громко говорятъ за необходимость противодѣйствія вреднымъ вліаніямъ, хотя бы послѣднія коренились въ семьѣ бывшаго воспитанника. Само собою разумѣется, что сѣздъ, заключенный въ предѣлы своей специальности, могъ коснуться только одной стороны вопроса, имѣющаго общее значеніе. Злоупотребленія родительскою властью далеко не всегда имѣютъ уголовный характеръ; они должны быть предусмотрѣны закономъ гражданскимъ. Родительская власть должна потерять то слишкомъ абсолютное значеніе, которое признается за нею дѣйствующимъ законодательствомъ; обязанности родителей должны быть опредѣлены гораздо точнѣе, права дѣтей—получить болѣе и лучшее обезпеченіе. Эта задача конечно, не будетъ забыта комитетомъ, которому порученъ пересмотръ нашихъ гражданскихъ законовъ.

- *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи.* Рязанскій уѣздъ. Выпускъ I. Изданіе рязанскаго губернскаго земства. Москва, 1882.
- *И. И. Василевъ.* Опытъ статистическо-географическаго словаря Псковскаго уѣзда. Изданіе псковскаго губернскаго статистическаго комитета. Псковъ, 1882.

Статистическо-географическій словарь Псковскаго уѣзда, составленный г. Василевымъ, содержитъ въ себѣ алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ уѣзда, а также рѣкъ, озеръ, болотъ, горъ и вообще собственныхъ именъ, служащихъ названіемъ какой-либо мѣстности. Противъ cadaго селенія означено имя волости, общества и прихода, къ которымъ оно принадлежитъ, число дворовъ и разстояніе отъ Пскова, становой квартиры и центра волости; противъ cadaго сельскаго общества—число душъ ревизскихъ и наличныхъ, число селеній, входящихъ въ составъ общества и число десятинъ земли, состоящихъ въ его владѣніи; противъ каждой волости число находящихся въ ней населенныхъ мѣстъ, церквей, часовенъ, учи-

лищъ, мельницъ, заводовъ, лавокъ, а также краткія свѣдѣнія о промыслахъ мѣстныхъ жителей. Справочное значеніе такого словаря не подлежитъ сомнѣнію, но съ положеніемъ уѣзда, съ жизнью населенія онъ насъ не знакомитъ и знакомить не можетъ. Совершенно другую цѣну имѣетъ сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи, къ изданію котораго приступило рязанское губернское земство; онъ можетъ быть поставленъ на одинъ уровень съ извѣстными статистическими работами московскаго губернскаго земства. Не ограничиваясь простой группировкой многочисленныхъ и разнообразныхъ данныхъ, касающихся крестьянскаго хозяйства, составители сборника освѣщаютъ ихъ въ двухъ статьяхъ, полныхъ самаго живого интереса. Одна изъ нихъ посвящена землевладѣнію вообще, распредѣленію его между сословіями, его размѣрамъ, величинѣ крестьянскихъ надѣловъ; другая рассматриваетъ формы общиннаго владѣнія, существующія въ рязанскомъ уѣздѣ. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ фактахъ, особенно важныхъ и интересныхъ. Выше во внутреннемъ обзорѣнн мы говорили о переходѣ земли изъ рукъ прежнихъ помѣщиковъ, преимущественно въ руки торговаго и промышленнаго сословія. Явленіе это замѣтно и въ рязанскомъ уѣздѣ. Въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ (1867—1881) число землевладѣльцевъ (на правѣ личной собственности) увеличилось слишкомъ въ полтора раза (вмѣсто 3038—4756), а средній размѣръ владѣнія уменьшился въ столько же разъ (вмѣсто 61 десятины—39). Если раздѣлить всѣ владѣнія, по ихъ размѣру, на четыре категоріи: менѣе 50 десятинъ, отъ 50 до 200, отъ 200 до 1000 и болѣе 1000, то окажется, что въ первыхъ двухъ группахъ количество земли значительно увеличилось (въ первой—съ 14,694 дес. до 24,492, во второй—съ 18,680 до 21,157), въ третьей осталось почти безъ перемены, а въ четвертой значительно уменьшилось (съ 98,762 дес. до 83,920). Въ 1867 г. дворяне составляли одну пятую часть всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ, и имъ принадлежало девять десятыхъ состоящей въ личной собственности земли; теперь они составляютъ менѣе $\frac{1}{10}$ общаго числа владѣльцевъ и владѣютъ двумя третями земли. Число владѣльцевъ изъ крестьянъ увеличилось на 82%; количество принадлежащей имъ земли возросло на 195%; число владѣльцевъ изъ купцовъ увеличилось на 88%, количество принадлежащей имъ земли—на 658%! Въ 1867 г. имъ принадлежало 4,479 десятинъ, теперь принадлежитъ 33,951. Средній размѣръ купеческихъ владѣній повысился съ 131 десятины до 530. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что многіе изъ числа крестьянъ, покупающихъ землю въ большомъ количествѣ—крестьяне только по имени, а на самомъ дѣлѣ промышленники или торговцы. Во второй группѣ (отъ 50 до

200 дес.) крестьяне составляют $12\frac{1}{2}\%$ числа владѣльцевъ, и имъ принадлежит $10\frac{1}{2}\%$ земли; въ третьей группѣ (отъ 200 до 1000 д.) они составляютъ болѣ $3\frac{1}{2}\%$ числа владѣльцевъ и имъ принадлежит 3% земли. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что всѣ крестьяне-землевладѣльцы третьей группы и большинство крестьянъ-землевладѣльцы второй группы отличаются отъ купцовъ только по имени, и что процентъ владѣнія, купеческаго de facto, значительно выше показаннаго въ сборникѣ. Масса крестьянъ-земледѣльцевъ покупаетъ мелкіе участки земли, тѣ участки, на которые, по выраженію составителей сборника, съ пренебреженіемъ смотритъ купецъ, которые не удовлетворяютъ дворянина. Въ первой группѣ (менѣе 50 десятинъ) крестьяне составляютъ почти 92% общаго числа владѣльцевъ, и имъ принадлежит $77\frac{1}{2}\%$ земли; средній размѣръ ихъ владѣнія— $5\frac{1}{2}$ десятинъ. 1484 крестьянина владѣютъ землею въ размѣрѣ отъ одной десятины до пяти (въ среднемъ выводѣ—немного менѣе трехъ десятинъ); 1407 крестьянъ владѣютъ землею въ размѣрѣ меньшемъ, чѣмъ одна десятина (въ среднемъ выводѣ 0,6 дес.). Какъ та, такъ и другая группа мелкихъ владѣльцевъ возросла, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, приблизительно въ полтора раза. „На клочкѣ земли менѣе десятины,—замѣчаютъ по этому поводу составители сборника,—нельзя, безъ сомнѣнія, вести самостоятельнаго хозяйства; но какъ подспорье, при общей незначительности крестьянскаго надѣла, и они играютъ видную роль. Крестьяне очень высоко цѣнятъ ихъ, и дѣйствительно эти клочки нерѣдко даютъ возможность не бросать хозяйства даже *одному* человеку, т.-е. имѣющему надѣльной земли лишь на одну надѣльную душу.“ Эти строки, виждь съ подтверждающими ихъ фактами, не мѣшало бы обдумать тѣмъ, которые возстаютъ противъ мелкаго, специально-крестьянскаго поземельнаго кредита, утверждая, что покупка земли можетъ привести только къ разоренію крестьянъ. Какъ высоко цѣнятъ крестьяне землю—и собственную, и надѣльную—это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ нѣкоторыхъ общинахъ разанскаго уѣзда (приблизительно въ одной десятой) доходъ съ надѣльной земли гораздо ниже лежащихъ на ней платежей. „Среди такихъ деревень,—говорятъ составители сборника,—нерѣдко слышишь, что хотѣли бы вовсе избавиться отъ земли; но это отдѣльные голоса, не общее мнѣніе и даже не мнѣніе большинства; рядомъ съ такими мрачными возгласами слышишь: а все же земля-матушка даетъ коровку продержатъ, лошаду справить; мужику безъ скотины—что прежде барину безъ мужика—никакъ нельзя; надо ее кормить... безъ землицы, какой ни-на-есть, не обойтись мужику.“

Въ отдѣлѣ о формахъ владѣнія землею весьма любопытны свѣ-

дѣнія объ общинахъ, рѣшившихся на переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному. Письменными актами такой переходъ оформленъ только въ пяти общинахъ рязанскаго уѣзда (изъ 633); въ одиннадцати общинахъ состоялось о немъ словесное постановленіе міра. Въ одной изъ первыхъ пяти общинъ передѣлъ земли производится постоянно, несмотря на приговоръ объ установленіи подворнаго владѣнія; въ двухъ другихъ многіе сѣтуютъ на совершившійся фактъ и желали бы возвратиться къ старому порядку. Изъ числа общинъ второй категоріи подворное владѣніе установилось прочно только въ пяти. Собственниковъ крестьянъ, *отдѣльно* выкупившихъ свой наѣлъ, въ рязанскомъ уѣздѣ весьма мало; *естъ они оставили свою землю въ череполосномъ владѣніи съ остальными домохозяевами общины* (отсюда видно, насколько основательны надежды, что отиѣна общиннаго владѣнія повлечетъ за собою немедленное улучшеніе крестьянскаго хозяйства). Въ общинахъ, сохранившихъ общинное владѣніе, существуютъ разныя формы и сроки передѣла. Тамъ, гдѣ земля хороша, гдѣ доходъ съ нея превышаетъ платежи или почти равняется имъ, господствуетъ передѣлъ по числу наличныхъ душъ мужескаго пола. Изрѣдка при такой подушной разверсткѣ принимается въ соображеніе и женская половина населенія: „и дѣвка жрать хочетъ“, „дѣвка не баранъ—не зарѣжешь“, энергично иллюстрируютъ крестьяне подобныя рѣшенія. Въ другихъ общинахъ, гдѣ земля похуже, она разверстывается потагольно или по работникамъ, причемъ, однако, принимается въ расчетъ, можетъ ли тагольникъ „оправдать подати“ (уплатить налогъ), есть ли ему, съ чѣмъ взяться за землю, „соху осилить“. На зажиточнаго домохозяина „наваливаютъ“ землю и „подати“, свыше числа имѣющихся въ его семьѣ работниковъ, только тогда, когда больше не на кого навалить, „а то вѣдь и самого богатѣя задавишь!“ Изъ 396 общинъ коренные (т.-е. общіе) передѣлы были, послѣ 10-й ревизіи (т.-е. послѣ 1858 года), въ 140 (35%); въ ста общинахъ идутъ въ настоящее время болѣе или менѣе оживленные споры по поводу передѣловъ, нѣкоторыя изъ нихъ ждутъ ревизіи или „приказа“ приступить къ передѣлу; въ остальныхъ 156 вопросъ о передѣлѣ поднимается изрѣдка, нѣкоторые изъ нихъ увѣрены, что земля наѣлена навсегда, что самый разговоръ о передѣлѣ преступенъ. Между различными мѣстностями уѣзда общины трехъ вышеозначенныхъ категорій распределяются далеко неравномѣрно; на югѣ уѣзда, гдѣ земля сравнительно хороша, передѣлъ встрѣчается рѣдко (въ 25 общинахъ изъ 254), на сѣверѣ, гдѣ земля песчаная и малоплодородная—весьма часто (въ 115 общинахъ изъ 142). Отсюда явствуется, что „распространенность коренного передѣла находится въ тѣсной связи съ соотношеніемъ

между платежами, лежащими на надѣльной землѣ, и ея доходностью; чѣмъ это соотношеніе менѣе выгодно, чѣмъ болѣе земля обременена платежами, тѣмъ большее число общинъ вовлекается въ передѣлъ, и обратно—передѣлы менѣе распространены тамъ, гдѣ земля особенно цѣнится". Въ высшей степени интересно все сказанное въ сборникѣ о томъ, какимъ образомъ выкупные платежи отражаются на понятіяхъ крестьянъ о передѣлѣ; но наша замѣтка безъ того уже длинна, и цѣль ея достигнута, если намъ удалось обратить вниманіе читателей на почтенный трудъ рязанскаго земства. Лѣтъ черезъ десять, когда статистическія работы этого рода будутъ окончены въ большинствѣ земскихъ губерній, изученіе важнѣйшихъ сторонъ русскаго общественнаго строя сдѣлаетъ такой шагъ впередъ, котораго мы не дождались бы и въ сто лѣтъ отъ официальныхъ статистическихъ учреждений.

—*Ernest Renan. L'eau de Jouvence. Suite de „Caliban“. Paris, 1881.*

Года четыре тому назадъ Эрнестъ Ренанъ написалъ „философскую драму“: „Калибанъ“, пришитую бѣлыми нитками къ „Бурѣ“ Шекспира, но составлявшую, въ сущности, не что иное, какъ новое орудіе въ старой борьбѣ противъ демократическаго начала. Въ свое время мы дали о ней отчетъ въ „Вѣстникѣ Европы“ ¹⁾. Читатели припомнятъ, можетъ быть, что Калибанъ — воплощеніе матеріи, грубой силы — восторжествовалъ надъ Просперо, т.-е. надъ мыслью, надъ наукой, надъ умственной аристократіей. Овладевъ властью, онъ оказался, однако, къ общему удивленію, способнымъ къ прогрессу. Эта черта едва намѣчена въ „Калибанѣ“; въ новой драмѣ Ренана, служащей продолженіемъ прежней, она выступаетъ на видъ гораздо ярче, знаменуя собою нѣкоторый поворотъ въ образѣ мыслей Ренана. Съ этой точки зрѣнія „L'eau de Jouvence“ не лишена интереса. „Я думалъ сначала, — говоритъ Ренанъ въ предисловіи къ новой своей драмѣ, — о такомъ исходѣ, который восхитилъ бы консерваторовъ. Просперо былъ бы возстановленъ на престолѣ миланскаго герцогства; Аріэль сталъ бы во главѣ партіи возмездія. Я увидѣлъ, однако, всю невыгодность подобной развязки. Я люблю Просперо, но не очень-то долюбиваю его приверженцевъ. Калибанъ, улучшенный властью, нравится мнѣ больше. Воскресить Аріэля только для того, чтобы опредѣлить его въ католическую семинарію, у меня не хватило духа. Просперо—высшій разумъ, лишенный на время власти надъ низшими частями человѣчества—долженъ отказаться отъ всякой

¹⁾ 1879 г. № 1, стр. 95—125.

мысли о побѣдѣ съ помощью старыхъ орудій. Калибанъ оказываетъ намъ болѣе услугъ, чѣмъ могъ бы оказать Просперо, реставрированный іезуитами и папскими зуавами. Такая реставрація, при данныхъ условіяхъ, была бы не возрожденіемъ, а катастрофой". Сообразно съ этимъ новымъ взглядомъ, Ренапъ выставилъ партію Просперо въ самомъ смѣнномъ и антипатичномъ свѣтѣ. „Служа правому дѣлу, — восклицаетъ одинъ изъ вождей ея, баронъ Сервадіо, — мы служимъ скупицу, плохо оплачивающему наши услуги; но если мы его покинемъ, то намъ платить, пожалуй, никто не станетъ". Депутатія отъ миланскихъ вельможъ является къ Просперо, въ его удивленномъ парискскомъ жилищѣ, чтобы пригласить его къ открытію военныхъ дѣйствій противъ Калибана. „Мы достигли уже громадныхъ результатовъ, — говоритъ ея ораторъ, — мы почти разорили миланскую промышленность. Дѣла идутъ какъ нельзя хуже. Голодный народъ готовъ возстать противъ правительства, въ которомъ онъ справедливо видитъ виновника своихъ дѣйствій. Владѣя болѣею частью общественнаго богатства, мы можемъ дать народу достатокъ или повергнуть его въ нищету... Республика хороша тѣмъ, что она сама даетъ средства къ нападенію на нее. Требуется доказать, что въ странѣ, управляемой народнымъ собраніемъ, невозможенъ прочный порядокъ. Достигнуть этого весьма легко. Чтобы показать, что порядокъ нѣтъ, мы его нарушаемъ. Мы производимъ въ собраніи страшный шумъ, собраніе закрывается, миролюбивые люди ужасаются при видѣ такого скандала, — мы ужасаемся вмѣстѣ съ ними, вопіемъ и поднимаемъ руки къ небу. Наша главная тактика — побуждать къ безпорядкамъ. Нужно сказать, что Калибанъ изрядно затрудняетъ нашу задачу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ достигъ власти, онъ ведетъ себя — противная обезьяна! — довольно мудро. Мы надѣялись на его безумство — онъ не оправдываетъ нашей надежды. Но это только вопросъ времени; безпорядки во всякомъ случаѣ неизбежны — и черезъ три мѣсяца вы будете герцогомъ миланскимъ". Просперо отказывается отъ реставраціи, достигаемой такими средствами: „я былъ главой государства, — отвѣчаетъ онъ, — буду имъ, можетъ быть, опять; но никогда не буду главой заговора противъ моего народа". Заговорщики сердятся, настаиваютъ: „наше призваніе — бороться съ Калибаномъ, вы должны вести насъ противъ Калибана, для того мы и признаемъ васъ своимъ главою". Ничего не добившись, они уходятъ, называя Просперо идеологомъ и спрашивая себя, нельзя ли противопоставить ему его собственнаго сына. Картина, какъ видно, снята съ натуры, съ тою только разницей, что Просперо мало похожъ на графа Шамбора или принца Наполеона. Чтобы избавиться отъ назойливыхъ сторонниковъ, Просперо скрывается въ

Авиньонѣ, въ тѣни папскаго престола; его убѣжище открыто—и съ просьбой о выдачѣ или о заточеніи его обращаются къ папѣ въ одно и то же время и миланскіе вельможи (считая Просперо измѣнчившимъ дворянству), и „свободные граждане“ Милана. Покровительствуетъ падшему герцогу—кромѣ папы, нуждающагося въ его знаціяхъ для чисто личныхъ цѣлей — Калибанъ (!), только для того и появляющійся на сцену.

Переимѣна, происшедшая въ убѣжденіяхъ Ренана, не такъ велика, какъ кажется съ перваго взгляда. Торжество Калибана, въ глазахъ Ренана, только меньшее изъ двухъ золъ; его отношеніе къ массѣ осталось высокоумнымъ, слегка презрительнымъ. „Нравственность,—говоритъ онъ устами Просперо,—существуетъ только для тѣхъ, которые, какъ мы, имѣютъ высокое призваніе. Кто занимаетъ выдающееся мѣсто въ рядахъ человѣчества, тотъ долженъ возложить на себя строгія обязанности, долженъ подчинить свою жизнь труднымъ правиламъ,—настолько же труднымъ, насколько велики его привилегіи. Но обыкновенныхъ, бѣдныхъ людей нужно оставить въ покое. Желать, чтобы они были добродѣтельными, значить требовать отъ нихъ слишкомъ многого“. Какъ бы то ни было, лучшія страницы „Eau de Jouvence“—именно тѣ, которыя внушены Ренану отверженіемъ къ лицемѣрію, къ невѣжеству, къ рутинному консерватизму. Папа, ищущій наслажденій, но не совсѣмъ спокойный на счетъ отдаленныхъ ихъ послѣдствій, вышелъ у него такимъ же живымъ лицомъ, какъ и любовница папы, Врунессенда, проникнутая всю мягкостью и нѣжностью эпикуреизма. Всего менѣе удачнымъ кажется намъ воскресеніе Аріэля, приковываемаго къ жизни чувственною любовью къ Селестинѣ; не вполне умѣстны также выходы противъ Германіи, которыя были бы понятны развѣ на другой день послѣ войны 1870—1871 г. Фантастическая сцена, въ которой Просперо видитъ гильотину и слышитъ пѣніе карманьоловъ, такъ же мало связана съ цѣлымъ, какъ и сцена появленія боговъ и великановъ въ „Калибанѣ“.

— *Славянский Ежегодникъ*. Альманахъ и сборникъ статей по славяновѣдѣнію, издаваемый Кіевскимъ Славянскимъ Обществомъ подъ редакціей А. В. Стороженка. Выпускъ пятый. Кіевъ, 1882.

Первые четыре выпуска „Славянскаго Ежегодника“ изданы были, въ 1876—79 годахъ, Н. П. Задерацкимъ, кіевскимъ любителемъ славянства, умершимъ недавно еще въ молодыхъ лѣтахъ. Біографіей этого скромнаго труженика (род. 1845, ум. 1880) и начатъ нынѣшній выпускъ „Ежегодника“. Сборникъ Задерацкаго составлялся изъ

историческихъ и этнографическихъ статей о славянствѣ, частью самостоятельныхъ, частью переводныхъ, и могъ съ пользою служить для русскихъ читателей, которымъ спеціальныя славянолюбцы дадутъ вообще очень многого пособій для знакомства съ предметомъ. Кіевское „славянское общество“ возникло благою мыслью продолжать изданіе, начатое Задерацимъ и которое остается теперь единственнымъ литературнымъ „органомъ“ нашего комитетскаго славянолюбія. Книжка (241 стр., мал. 8°) раздѣлена на два отдѣла: беллетристическій и научный. Новая редакция, повидимому, намѣрена обратить больше вниманія на первый изъ этихъ отдѣловъ, по слѣдующему основанію: „Намъ всегда казалось, — говоритъ переводчикъ чешскихъ новѣстей, помѣщаемыхъ въ сборникѣ, — что ознакомленіе русскаго общества съ славянами можетъ быть сдѣлано гораздо дѣйствительнѣе и цѣлесообразнѣе путемъ художественнаго изображенія жизни, нежели путемъ ученыхъ изслѣдованій и изложеній, мало интересныхъ (?) и не всегда доступныхъ нашей публикѣ вообще... Намъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, слѣдуетъ остерегаться отъ увлеченій, за которыя обыкновенно приходится горько расплачиваться. Вотъ почему намъ болѣе всего теперь необходимо возможно широкое распространеніе въ нашей публикѣ знакомства съ чехами, сербами, болгарами и пр., а это удобнѣе всего можетъ быть достигнуто путемъ ознакомленія ея съ художественно-реальной литературой этихъ племенъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что даже такое скромное желаніе у насъ довольно затруднительно, за недостаточнымъ (къ стыду нашему!) количествомъ людей, хотя бы теоретически знакомыхъ съ славянскими нарѣчіями. Правда, онѣ изучаются у насъ на филологическихъ факультетахъ, но лишь студентами славянскаго отдѣленія, обыкновенно очень малочисленными; да и изъ нихъ лишь немногіе посвящаютъ себя *спеціально* славяновѣдѣнію. Изъ этого можно видѣть, что у насъ въ людяхъ ощущается недостатокъ даже въ этой области знанія. Но все-таки, на обязанности и этихъ немногихъ у насъ славяновѣдовъ лежитъ не только заниматься разными вопросами грамматики, древностей и пр., но и переносить на родную почву лучшія поэтическія и художественно-реальныя произведенія славянскихъ литературъ, гдѣ вѣрное изображеніе дѣйствительности и типовъ народныхъ можетъ сослужить хорошую службу обществу“.

Въ этихъ замѣчаніяхъ много справедливаго. Справедливо сознание, что у насъ очень мало людей даже для исполненія скромныхъ работъ, для ознакомленія съ славянствомъ — такъ слабы на дѣлѣ наши славянскіе интересы, о которыхъ такъ много кричатъ. Справедливо, что у насъ слишкомъ мало обращалось вниманія на поэти-

ческую литературу современнаго славянства, въ которой можно было бы найти хорошее средство для знакомства съ его внутренней жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, наши славяновѣды, въ своихъ занятіяхъ предметомъ, по большей части или направляются въ древность, такъ что труды ихъ имѣютъ лишь чисто спеціальную цѣнность, оставаясь недоступны обыкновеннымъ читателямъ; или въ теоретическія сужденія о славянской идеѣ, о противоположности славянскаго міра съ Западомъ, о нашемъ предназначеніи и т. д.,—изъ чего читатель, наклонный въ эту сторону, извлекаетъ не знаніе славянства, а только фантазіи объ немъ, пустота которыхъ, разумѣется, дастъ себя знать рано или поздно, и тѣмъ просто отталкивается читатель много взгляда на вещи. Но авторъ приведенныхъ замѣчаній нѣсколько рискованно отзывается о „научныхъ изложеніяхъ“, не интересныхъ или недоступныхъ для публики. Дѣло въ томъ, что безъ „научныхъ изложеній“ нѣтъ никакой возможности дать публикѣ понятіе о славянствѣ, довольствуясь для этого только „художественно-реальными“ произведеніями славянскихъ литературъ. Вѣрнѣе было бы сказать, что нашему обществу необходимо познакомиться съ *современнымъ* положеніемъ славянства, и путемъ „научныхъ изложеній“, и путемъ переводовъ изъ славянской „художественно-реальной“ литературы. Одна эта литература никакъ не въ состояніи дать, даже для обыкновенныхъ читателей, яснаго представленія о положеніи славянскихъ племенъ; она можетъ служить только иллюстраціей, дополненіемъ къ изложенію ихъ настоящаго политическо-общественнаго и культурнаго состоянія. Нужно, прежде всего, простое правдивое изложеніе фактовъ славянской жизни, съ ея дѣйствительными стремленіями, которыя направлены, конечно, на ближайшіе интересы племени и окрашены всѣми историческими и бытовыми его особенностями. Относительно этого существеннаго предмета у насъ распространено много самыхъ превратныхъ представленій. Наши славяновѣды слишкомъ привыкли говорить о славянской жизни съ точки зрѣнія тенденціозно ими поставленной „славянской идеи“ и русскаго „предназначенія“, и съ этой точки зрѣнія нерѣдко строго юрять западное и южное славянство въ равнодушіи и даже во враждебности къ этой „идеѣ“: на дѣлѣ славянство остается просто чуждо властолюбивымъ фантазіямъ нашего славянофильства и заботится прежде всего о своихъ настоятельнѣйшихъ нуждахъ, понимая вопросы съ своей собственной точки зрѣнія. Изъ этого произошло уже не мало недоразумѣній, очень мало полезныхъ для славянскаго дѣла: напомнимъ для примѣра различныя славянофильскія требованія—къ чехамъ, чтобы они принимали православіе (легко сказать!), къ полякамъ, чтобы они отказались отъ своего языка, къ

сербамъ, чтобы онѣ съ сердечными удовольствіемъ переносили всякія дѣла русскіхъ добровольцевъ, къ болгарамъ и т. д. Надо же, наконецъ, чтобы наше общество увидѣло вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и поняло прежде всего, что каждое изъ славянскихъ племенъ желаетъ оставаться самимъ собой, не желаетъ надъ собою навязчивой опеки, заглавающей въ самую душу народной жизни съ своимъ притязаніемъ. Въ этомъ кроется одна изъ коренныхъ причинъ взаимнаго непониманія и недовѣрія между славянскими народами, и если возможно въ славянскомъ мірѣ прочное соглашеніе и единодушіе, оно возможно только послѣ разъясненія этого уродливаго недоразумѣнія, послѣ признанія народной личности славянскихъ „братъевъ“ и послѣ отказа отъ невозможныхъ затѣй. Къ объясненію этого важѣйшаго пункта въ славянскомъ вопросѣ можетъ, безъ сомнѣнія, послужить и „художественно-реальная“ литература, но только съ необходимымъ комментариемъ; обычная литература этого рода, на которую хочетъ обратить вниманіе редакція „Славянскаго Ежегодника“, дастъ очень мало для объясненія этихъ основныхъ отношеній славянской жизни. Дѣло въ томъ, что западно- и южно-славянская художественная литература далеко не такъ „реальна“, какъ мы привыкли понимать реализмъ по нашей собственной литературѣ. Не только у сербовъ и хорватовъ, но и у гораздо болѣе богатыхъ литературно чеховъ и поляковъ до сихъ поръ очень сильны направленія, отъ которыхъ мы давно уже отвыкли; они все еще живутъ въ стилѣ романтической эпохи, и чистый реализмъ, вошедшій у насъ въ плоть и кровь литературы со временъ Пушкина и Гоголя, есть у нихъ еще большая рѣдкость. Всего больше онъ привился—у чеховъ, а также отчасти и сербовъ—въ изображеніяхъ сельскаго быта, но и здѣсь, напр., не въ стилѣ Тургенева или нашихъ новѣйшихъ народниковъ, а въ стилѣ Ауэрбаха или Рейтера, съ прибавкой пасторали. Реализмъ уже гораздо слабѣе въ романѣ, берущемъ темы изъ жизни средняго, а тѣмъ паче высшаго образованнаго круга. Русскаго читателя болѣею частію будетъ поражать книжная натянутость цѣлаго тона и отсутствіе изображенія тѣхъ отношеній, которыя именно господствуютъ въ общественно-политической жизни, напр., въ чешскомъ романѣ мы обыкновенно напрасно искали бы изображенія національной борьбы чешскаго общества, политическихъ отношеній къ нѣмцамъ. Для романа и даже для специально бытовыхъ, притомъ и „формистическихъ“, повѣстей и рассказовъ отведена область приключеній, „психологическій анализъ“, изображеніе не типовъ народныхъ, а болѣе характеровъ. У сербскихъ писателей, какъ, напр., и у Миличевича, переводъ изъ котораго помѣщенъ въ настоящей книжкѣ „Ежегодника“, чаще является прямо этно-

графическая картина. Нѣтъ сомнѣнiя, что познакомить русскую публику съ произведенiями этого рода въ западныхъ и южныхъ славянскихъ литературахъ очень полезно; но безъ комментарiевъ и „научныхъ изложенiй“ онѣ не объяснятъ русскому читателю славянской жизни, какъ ожидаетъ редакция „Ежегодника“.

Въ 5-мъ выпускѣ помѣщены слѣдующiя статьи. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ: „Горные рассказы“, Алонза Ираска; „Зимнiе вечера“, М. Миличевича. Ираска — молодой и чрезвычайно плодовитый чешскiй романистъ и повѣствователь, пользующiйся большою извѣстностью и сочиненiя котораго (конечно, въ большемъ количествѣ переведенныя) могутъ дать понятiе о типѣ чешскаго романа. Миланъ Миличевичъ — очень извѣстный сербскiй писатель, нѣсколько лѣтъ тому назадъ издавшiй классическую книгу: „Княжество Сербiя“, подробное географическое описанiе страны, и въ послѣднiе годы написавшiй нѣсколько сочиненiй повѣствовательно-этнографическаго характера, въ томъ числѣ „Зимнiе вечера“. Имя его не въ первый разъ появляется въ русской книгѣ; нѣкогда статьи его о Сербiи печатались въ „Русской Вѣсткѣ“. — Въ научномъ отдѣлѣ помѣщены: „Ученiе Товянскаго, преимущественно социальное-политическое“, статья г. Макушева; „Юлiй Словацкiй“, Хр. Яшуржинскаго; „Два сербскихъ монастыря“, г. Кулаковскаго; „Философствующiй поэтъ, пѣвецъ астрономическихъ мировъ“, г. Стеновича; „Болгаре, поселенцы малороссiйскаго края и Бессарабiи“, Петра Задерацаго (отда прежняго издателя „Ежегодника“; статья, перепечатанная изъ „Москвитинна“ 1845 года).

Товянскiй — извѣстный польскiй мистикъ, игравшiй роль въ польской эмиграци, особливо въ сороковыхъ годахъ, и между прочимъ имѣвшiй большое и нездоровое влiянiе на Мицкевича. Онъ умеръ въ 1878 году, и г. Макушевъ посвятилъ его жизнеописанiю нѣсколько статей (въ „Р. Вѣстникѣ“, 1879). Въ настоящей статьѣ авторъ излагаетъ самое ученiе Товянскаго, указывая его богословскiя основанiя и социальное-политическiя черты. Какъ обыкновенно бываетъ въ мистическихъ сектахъ, ученiе Товянскаго исполнено фантастическаго произвола, противорѣчiй, и въ числѣ его странностей было извѣстное поклоненiе памяти Наполеона, почти чисто религiозное. Безграничное національное самолюбiе выразилось въ представленiи польскаго народа, какъ народа избраннаго, „носителя правды“ — въ томъ родѣ, какъ Достоевскiй приписывалъ это избранничество и ношенiе правды русскому народу... Г. Макушевъ заключаетъ свое изложенiе слѣдующими словами. „На мистицизмѣ и шарлатанствѣ Товянскiй основалъ свою *божественную миссiю*“ (припомниъ, что Достоевскаго ученики его называли, въ порывахъ своего восторга, „пророкомъ“). „Но здо-

ровое общество не признало бы его мессією: онъ могъ подвизаться въ этой роли только среди наиболѣе *болѣзненной* части польской эмиграціи, самъ представляя собою *болѣзненное* явленіе". По мнѣнію автора, „увотреблять выраженіе *via ignis*, говоря объ его дѣятельности, какъ это сдѣлалъ Малацкій, слишкомъ много для него чести" (хотя самъ авторъ называетъ его шарлатаномъ); „онъ не заслужилъ также прозвищъ лжепророка и еретика, какъ называли его ревностные католики изъ эмиграціи. Это былъ просто *болѣзной* человѣкъ, дѣйствовавшій среди болѣзненнаго общества"... Несомнѣнно, что мистики подобнаго рода всегда имѣютъ въ себѣ нѣчто болѣзненное; но въ данномъ случаѣ для полной вѣрности вывода нужно прибавить, что онъ дѣйствовалъ среди не только болѣзненнаго, но и несчастнаго общества.

Г. Ящуржинскій далъ коротенькій біографическій очеркъ и разборъ двухъ произведеній Словацкаго, трагедіи „Мазела" и поэмы „Отецъ зачумленныхъ". Имя Словацкаго впервые названо въ русской литературѣ только въ послѣдніе годы, и статья г. Ящуржинскаго, написанная съ сочувствіемъ къ таланту знаменитаго польскаго поэта, является очень кстати.

Статья „Философствующій поэтъ" говоритъ о сборникѣ стихотвореній одного изъ извѣстнѣйшихъ чешскихъ писателей, Яна Неруды, подъ названіемъ: „Космическія пѣсни", гдѣ предметомъ рефлексированной лирики являются небесныя свѣтила. Идея „Пѣсенъ"—оригинальна; но ея могло бы достать на три-четыре, много на десятокъ стихотвореній, а не на четыре десятка (почти), какъ у Неруды: авторъ статьи „Ежегодника" беретъ подъ свою защиту стихотворенія Неруды (противъ кого?), но соглашается, что „нѣкоторыя между ними возбуждаютъ лишь невольную улыбку снисхожденія въ читателѣ". Намъ кажется, что только „нѣкоторыя" изъ стихотвореній героини, а большинство натянуто и придумано.

Надо желать, чтобы кѣвское славянское общество продолжало изданіе „Ежегодника"; онъ можетъ быть очень полезенъ для тѣхъ читателей, которые интересуются славянствомъ. Надо бы только давать больше *общихъ* статей о славянской современной жизни и обратить больше вниманія на отдѣлъ книжныхъ новостей, который въ настоящемъ выпускѣ чересчуръ скуденъ.

СЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Четырнадцать часовъ пути, — и сельское захоlustье смѣнилось для меня обстановкой столицы, да еще не въ обычномъ ея положеніи, а въ исключительномъ, даже парадномъ.

Вчера около полудня выбрался я изъ своей затерявшейся въ степи усадьбы, раннимъ вечеромъ добрался до желѣзно-дорожной станціи и сѣлъ въ вагонъ; а утромъ былъ уже въ Москвѣ и озабочивался рѣшеніемъ вопроса, съ какой стороны приняться мнѣ за обзоръ всероссійскаго торжества промышленности, какую установить точку зрѣнія, чтобъ изъ представляемаго этимъ торжествомъ матеріала сдѣлать наиболѣе близкіе къ правдѣ выводы. Я указываю на это лично до меня касающееся обстоятельство не безъ основанія. Въ самомъ дѣлѣ, перейти, безъ всякой постепенности, изъ самой захоlustной нашей провинціи къ учрежденію, специально предназначенному для убѣжденія въ успѣхахъ нашей культурной жизни — фактъ существенный, и присутствіе его несомнѣнно отразится на моихъ письмахъ о выставкѣ. Дѣлаю оговорку: если я буду недостаточно объективенъ въ моемъ отчетѣ и это будетъ поставлено мнѣ въ вину, то, по всей справедливости, обвинительный приговоръ долженъ состояться при соображеніи смягчающихъ обстоятельствъ. Изъ провинціи вообще, и изъ русской современной деревни въ частности, трудно вывести безпечальную воспримчивость къ торжествамъ и къ трубнымъ звукамъ ничѣмъ не омрачаемаго торжества. Впрочемъ я не расположенъ пассивно подчиниться этому, особенно естественному въ настоящее время настроенію...

Многіе утверждаютъ, что настоящая выставка, долженствующая свидѣтельствовать о процвѣтаніи и совершенствованіи разныхъ сторонъ нашей культурной жизни — учрежденіе нѣсколько не сезонное. Но что же можно считать соответственнымъ настоящему, нами переживаемому внутреннему политическому сезону? Что касается до меня, я готовъ смотрѣть на выставку сочувственно и смотрѣть на ея учрежденіе, какъ на фактъ большого общественнаго значенія. Въ то время, когда идетъ столько жаркихъ споровъ о культурныхъ и другихъ свойствахъ русскаго народа и общества, о способности ихъ

дѣйствовать въ нѣкихъ болѣе широкихъ и свободныхъ формахъ, выставка такая, кака въ Москвѣ въ настоящее время открыта, способна свидѣтельствовать, что мы многое можемъ и въ обществѣ представляемъ такихъ же людей, какъ и другіе. Правда, наша способность дѣйствовать, какъ и другіе, заявляется выставкою только въ сферѣ промышленнаго производства; но и это уже много значить. Выставка несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что мы можемъ многое сдѣлать; не всегда дѣлаемъ — это такъ, но можемъ дѣлать, способны дѣлать. Наглядное же убѣжденіе въ собственныхъ силахъ имѣетъ весьма важное воспитательное значеніе какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для общества. Последнее дѣло, когда человѣкъ отдѣльно или общество придетъ къ убѣжденію въ своемъ безсиліи. Ему остается только пассивное состояніе безвыходной апатіи—нравственно-умственная смерть. Другое дѣло—сознаніе въ себѣ дѣятельныхъ способностей: оно бодритъ человѣка, бодритъ и общество, не даетъ успокоиться одною матеріальною стороною своего быта... Съ этой точки опоры можетъ дѣйствительно совершаться подъемъ народнаго духа, обезпечиваться обществу правильная постановка средствъ къ его развитію и совершенствованію. Представители нашего отечественнаго новизнизма не хотятъ понять этого и стараются въ подходящія минуты вызывать въ обществѣ чувство воинственнаго азарта, способнаго заслонять сознаніе дѣйствительныхъ условій, обезпечивающихъ внутреннее развитіе. Но вѣдь только соблюденіе именно этихъ условій и способно вызывать уваженіе къ намъ извнѣ...

Состоятельность въ сферѣ производительности въ наше время когда преобладаютъ тенденціи экономическаго характера, имѣетъ очень большое значеніе. Убѣжденіе въ способности производства по настоящему времени должно считаться однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ общественнаго сознанія. Признаніе этой способности равняется признанію права участія въ направленіи судебъ общечеловѣческаго движенія въ совершенствованіи культурной жизни.

☞ Не будетъ преувеличеніемъ утвержденіе, что выставка можетъ дать отвѣты на многіе вопросы и возбудитъ многіе поминутыя жгучіе вопросы.

Наша жизнь идетъ не ладно, но выставка будетъ блестяща...

Не заходя на выставку, я заранѣе, съ полною вѣроятностью, представлялъ себѣ, какія дилеммы производства встрѣчу я тамъ. Тамъ будетъ удивительный уголь, будутъ удивительныя кружева, удивительныя рельсы, удивительныя учебныя пособія и пр., и пр. Все удивительное, стоящее на уровнѣ самаго высокаго промышленнаго прогресса, я не только на уровнѣ, но, какъ дѣйствительно и бывало уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже выше этого уровня. Помню, въ Москвѣ

было много разговоровъ о томъ, что на послѣднюю выставку въ Парижѣ одинъ русскій фабрикантъ представилъ шелковый тюль, или что-то въ этомъ родѣ, въ такомъ совершенствѣ, что эксперты диву дались и даже заподозрили указаніе мѣста производства удивительнаго фабриканта. Для убѣжденія въ справедливости этого указанія было командировано нѣсколько лицъ въ качествѣ согласователей, которые на мѣстѣ убѣдились, что онъ работаетъ на русской фабрикѣ, русскими руками... Въ одномъ изъ отчетовъ московскаго технического училища былъ рассказъ о томъ эффектѣ, который произвела на филадельфійской выставкѣ коллекція работъ воспитанниковъ училища и собраніе моделей, опредѣляющихъ методъ преподаванія въ немъ, кажется практической механики. Оказалось, что русское училище въ значительной степени самостоятельно выработало такой превосходный способъ соединенія теоретическаго и практическаго преподаванія механики и машиностроенія, что практическому янки также пришлось разводить руками... Наше военное министерство или, точнѣе, одно или нѣсколько изъ подвѣдомственныхъ ему учреждений выставили коллекцію учебныхъ пособій. Коллекція опять обратила на себя исключительное вниманіе. Правда, американцы очень удивлялись тому, что учебную выставку дало военное министерство, а министерство, специально вѣдающее учебную часть, министерство народнаго просвѣщенія, какъ говорится, блистало своимъ отсутствіемъ. Но это недоразумѣніе не помѣшало эффекту: выводили заключение, что наши элементарныя школы если чѣмъ и страдаютъ, то излишнею роскошью учебныхъ пособій. Откуда же, и что должно означать это противорѣчіе между блестящими образчиками нашего труда и цѣлымъ ходомъ нашего внутренняго быта?

Переходъ отъ сѣрыхъ тоновъ дѣйствительной жизни, выражающейся для меня за послѣднее время въ бытѣ русской, глухой деревни, жизни съ уровнемъ запросовъ и удовольствованій далеко ниже средняго, — къ яркимъ колерамъ выставочнаго торжества, знаю, будетъ слишкомъ рѣзокъ. Явится затрудненіе къ примиренію данныхъ, представляемыхъ нашею жизнью съ данными, нѣбующими явиться при обзорѣ выставки; явится хаосъ неудобосоглашаемыхъ противорѣчій.

I.

Такъ какъ поѣздъ московско-рязанской желѣзной дороги немного запоздалъ, то мнѣ не долго пришлось ждать отхода спеціальнаго выставочнаго поѣзда. Платформа для перевозки пассажировъ на пароходъ желѣзною дорогою на выставку устроена въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ рязанскаго вокзала и отъ находящихся съ нимъ на одной площади петербургскаго и ярославскаго. Такъ какъ положеніе этой площади центрально относительно сообщений и она соединена при помощи конно-железной дороги съ очень отдаленными пунктами широко раскинувшейся Москвы, и при томъ идущая къ выставкѣ паровая железная дорога по соединительнымъ линіямъ забираетъ пассажировъ съ вокзаловъ курскаго, нижегородскаго, то паровое сообщеніе служить хорошую службу. Железно-конныя дороги, линіи которыхъ получила въ послѣднее время весьма значительное развитіе, съ своей стороны облегчаютъ сообщеніе. Можно положительно сказать, что безъ этихъ средствъ сообщенія посѣщеніе выставки было бы до невозможности затруднено; а теперь, подъ вліяніемъ конкуренціи и на извозникахъ, въ случаѣ надобности, ѣхать можно. Они не чувствуютъ себя исключительными хозяевами сообщенія и не ломаютъ такихъ безобразныхъ цѣнъ, какія ломали десять лѣтъ назадъ во время политехнической выставки 1872 года.

Надо признаться, что выставка съ той стороны, съ которой подъѣзжаетъ къ ней железно-дорожный поѣздъ, представляетъ зрѣлище далеко не эффектное. Это, впрочемъ, задняя сторона выставочной территоріи; ея показная сторона — съ петербургскаго шоссе, на который выходитъ главный фасадъ и устроены главные подъѣзды для экипажей. Потерявши около получаса въ ожиданіи возможности заручиться входнымъ билетомъ, я наконецъ достигъ цѣли. Еще одна касса у железно-дорожной выставочной станціи была бы не лишней; а то потеря времени и сутолока тѣмъ болѣе непріятны, что онѣ могли быть легко устранены.

Такъ какъ опытъ научилъ меня, что осмотръ выставокъ надо начинать съ того, что ориентироваться въ ея помѣщеніяхъ, то я, не останавливаясь въ машинномъ отдѣленіи, куда попалъ отъ входа, по соединительной галлерей перешелъ въ главное зданіе выставки.

Оно представляется въ видѣ кольца, внутри котораго разбитъ небольшой скверъ съ четырьмя очень красивыми фонтанами и эстрадой для неизмѣнныхъ при всякой торжественной оказіи военныхъ музыкантовъ, которые ее скоро и заняли. Охотниковъ до трубныхъ звуковъ, группируемыхъ въ бравурные марши и удалыя полки, и въ выставочной публикѣ оказалось болѣе чѣмъ довольно: многіе даже торопились оставить помѣщенія выставки, чтобъ поблаженствовать у эстрады.

Въ главномъ зданіи выставки размѣщены слѣдующія группы:

IV группа — горный отдѣлъ. Въ нее именно и входилъ по соединительной галлерей, соотвѣтствующей входу на выставку со стороны станціи паровой железной дороги.

По окружности кольца направо отъ этого отдѣла, расположены:
Выставка произведеній Царства Польскаго.

Выставка произведеній Финляндіи.

III группа—сельско-хозяйственный отдѣлъ.

VII группа—произведенія заводской обработки.

V группа—мануфактурный отдѣлъ.

VI группа—здѣлія фабричныя и ремесленныя. Помѣщеніе этой группы соотвѣтствуетъ главному входу выставки, съ петербургскаго шоссе или, проще, съ очень бойкой лѣтою и въ обыкновенное время дороги въ петровский паркъ.

Отдѣлъ произведеній Кавказа и Туркестана помѣщенъ рядомъ съ финляндскимъ.

Отдѣлъ кустарной промышленности, безспорно одинъ изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ, разбитъ не безъ ущерба желательному отъ него эффекту. Часть его любопытнѣйшихъ коллекцій помѣщена между сельско-хозяйственнымъ и финляндскимъ отдѣлами, а часть въ отдѣльномъ помѣщеніи, расположенномъ между главнымъ зданіемъ и павильономъ I и II группъ—художественнаго и научно-учебнаго отдѣловъ.

Но главнымъ зданіемъ далеко не исчерпываются помѣщенія выставки. Такъ, сзади главнаго кольцеобразнаго зданія находится большой павильонъ отдѣла садоводства, а за нимъ помѣщеніе для выставки животныхъ съ выводнымъ манежемъ. Кромѣ того, имѣется немало отдѣльныхъ помѣщеній, устроенныхъ военнымъ вѣдомствомъ, обществомъ краснаго креста, обществомъ спасенія на водахъ и частными лицами. Въ послѣднихъ, выставки имѣютъ видъ торговыхъ заведеній. Нѣкоторыя изъ выставленныхъ машинъ находятся въ дѣйствіи. Такъ, въ помѣщеніи фирмы Бургардъ и Урлаубъ работаютъ пульсометры, причемъ объясняется устройство этихъ ухищреній современной механики. По виду нескладные аппараты производятъ по истинѣ удивительную работу. Четыре пульсометра, при помощи паровика и остроумнаго приспособленія резиновыхъ клапановъ внутри снаряда, могутъ подавать воду на высоту четырнадцати сажень въ количествѣ двѣнадцати тысячъ трехсотъ ведеръ въ часъ. Рядомъ устроена желѣзная башня Бромлея съ огромнымъ бакомъ на верху и работающими посмѣнно девятью паровыми машинами. Отсюда выставка во всѣхъ частяхъ снабжается водою. Это центръ выставочнаго водоснабженія и выставка завода Бромлея.

Тутъ же размѣщены и мельницы, и колокольни, и пловучая спасательная станція, и лѣсопильня, и пчельникъ. Не совсѣмъ исправно, но ѣздитъ электрическая желѣзная дорога, отъ петербургскаго механическаго завода Сименса и Гальске. Есть павильонъ товарищества

электрическаго освѣщенія Яблочкова и К°. Недостають телефоновъ, со всѣми къ нимъ приспособленіями. Впрочемъ, не ручаюсь, можетъ быть, они и дѣйствуютъ, но я ихъ не встрѣтилъ.

Кромѣ этого имѣется концертный залъ, просторный, изящный, могущій вмѣщать до полуторы тысячи человѣкъ.

Матерьяла масса и расположенъ этотъ матерьялъ, полагая, наилучшимъ способомъ. Можно бы, конечно, сдѣлать въ этомъ отношеніи нѣкоторыя замѣчанія, но легче, конечно, дѣлать замѣчанія, чѣмъ устроить самое дѣло. Но что въ правѣ сказать всякій посѣщающій выставку, это то, что обзоръ ея нисколько не облегченъ какими бы то ни было руководящими пособиями.

Правда, есть „Указатель всероссийской промышленно-художественной выставки“. Издавъ его нѣкто г. Мартыновъ, „контрагентъ управленія выставки“, издавъ, конечно, на монопольномъ правѣ; а гдѣ является такое право, тамъ, разумѣется, нѣтъ повода предполагать въ „контрагентѣ“ намѣренія ломать голову въ видахъ наилучшаго исполненія дѣла. Съ точки зрѣнія обыкновенной, не канцелярской логики, трудно даже представить себѣ, для чего понадобилось монополизировать такое дѣло, какъ изданіе указателя. Г. Мартыновъ — контрагентъ, его указатель оффиціальныи, и пусть оставался бы оффиціальнымъ: за полученіемъ свѣдѣній оффиціальной достовѣрности жаждуще къ нему и могли бы обращаться. Но цѣлесообразность указателя, отъ котораго зависитъ самымъ существеннымъ образомъ успѣхъ выставки въ нравственно-умственномъ отношеніи, вовсе не исчерпывается оффиціальнымъ характеромъ указателя. Перепечатываніе экспонентскихъ фактуръ, въ видѣ сборника, право не такое дѣло, для поощренія котораго стоило бы снабжать его монополіей. Нѣтъ сомнѣнія, что не будь монополіи, явились бы указатели и болѣе толковыя, и болѣе отвѣчающіе цѣли. А теперь худъ ли, хорошъ ли изданный „контрагентомъ управленія“ — бери его; не знаю, что выигралъ отъ этой коммерческой операціи бюджетъ выставки. Но публика отъ нея въ проигрышѣ, — и именно лучшая часть публики, которая понимаетъ разницу между сознательнымъ, активнымъ и безсознательнымъ пассивнымъ отношеніемъ къ объекту смотрѣнія. Сколько я ни помню нашихъ выставокъ, всѣ онѣ страдали отсутствіемъ цѣлесообразныхъ пособій къ ихъ обозрѣнію, и вина этому именно въ монополизированіи права изданія указателей. Безъ этого, и на ряду съ оффиціальнымъ каталогомъ выставки, несомнѣнно явились бы дѣйствительные путеводители, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть объяснительныя свѣдѣнія и относительно исторіи развитія даннаго производства и его техническихъ сторонъ, и его значенія въ общемъ ходѣ промышленнаго строя. Могли бы составиться отдѣльные указатели

по группамъ, по отдѣламъ. Надо думать, что и экспоненты приняли бы въ этомъ участіе, потому что устраненіе недоразумѣній, господствующихъ въ публикѣ, было бы и въ ихъ интересахъ.

Выставки, безспорно, могутъ имѣть громадное образовательное значеніе, но единственно при условіи сознательнаго ихъ разсматриванія. Посѣтитель выставки, видѣвшій одну только витрину, но вполне уяснившій ея содержаніе, воспользуется образовательнымъ вліяніемъ выставки едва ли не больше, чѣмъ тотъ, который обѣжалъ ее всю. Какое значеніе могутъ имѣть объяснительныя средства для обозрѣвающихъ выставки и музеи, весьма удобно можно наблюдать на самой публикѣ. Гдѣ можно встрѣчать ее собранную всего тѣснѣе? Тамъ, гдѣ дается какое-нибудь объясненіе. Худо ли, хорошо ли дается объясненіе, но публика льнетъ къ этому мѣсту, лица оживлены, вниманіе на-сторожѣ... Сравните лица другой части публики, которая путается по обширнымъ заламъ выставочныхъ помѣщеній, безъ всякаго руководства, безъ всякихъ указаній,—не трудно будетъ увидѣть, для какой части публики выставка выполняетъ свое дѣло, оправдываетъ одну изъ существенныхъ сторонъ своего назначенія, какъ средства нагляднаго образованія.

Повторяю, облегченіе возможности публикѣ, посѣщающей выставку, относиться къ обозрѣваемому сознательно должно составлять одну изъ главныхъ задачъ ея устроителей. И съ этой стороны составленіе указателя не можетъ ставиться въ зависимость отъ экономическихъ расчетовъ учредителей, кто бы они не были. Ужъ лучше было бы пожертвовать виѣшностью: пусть павильоны и витрины экспонентовъ были бы не столь роскошны, но въ каждомъ отдѣлѣ можно было за доступную цѣну приобрести брошюры, объясняющія доступно экспонируемыя производства, ихъ техническую сторону, экономическое значеніе, какъ выразителя извѣстной отрасли производительнаго труда.

Но относительно примѣненія монопольнаго права управленіемъ выставки есть уже совсѣмъ курьезъ. Оно передало монополію кормить и поить посѣтителей выставки одному изъ московскихъ трактирщиковъ, г. Лопашову. Содержаніе трактировъ, ресторановъ—безспорно промыселъ,—и встрѣтить на промышленной выставкѣ, по своему существу учрежденіи состязательномъ, монополизацию одной, но Москвѣ очень видной промышленности, является для каждого болѣе, чѣмъ неожиданнымъ. Монополія портитъ производителя вообще—это извѣстно. Трактирщика она должна портить гораздо сильнѣе, чѣмъ всякаго другого промышленника. Дѣло темное, соблазнъ усиленной наживы такъ великъ, возможность произвола въ обращеніи съ карманомъ потребителя такъ доступна. Въ результатѣ одна монополія родила

нѣсколько, и принципъ состязанія оказался невыдержаннымъ до смѣшного. Пиво можно пить только одного завода, вступившаго въ соглашеніе съ „контрагентомъ управленія“, шипучія воды опять одного завода, и напр. маленькая бутылочка сельтерской воды (ставанъ) стоитъ на выставкѣ 15 коп. Конечно, маленькія непріятности не мѣшаютъ большимъ удовольствіямъ, но зачѣмъ дѣлать и маленькія, когда въ томъ никакой надобности не настояло.

Вопросъ о томъ, удалась ли выставка, долженъ быть рѣшенъ по частямъ, въ зависимости отъ того, какъ смотрѣть на ея цѣли, на ея задачи. Что касается внѣшности и богатства матеріала, онъ долженъ быть рѣшенъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ смыслѣ положительномъ. Нѣкоторые отдѣлы по разнообразію выставленныхъ предметовъ, по ихъ красотѣ, изяществу и внутреннимъ достоинствамъ, способны выдержать самую строгую критику. Рѣшительно можно забыть, что находишься только на всероссийской выставкѣ, что эти шелка, кружева, эти машины сдѣланы русскими руками для русскаго потребленія, въ предѣлахъ далеко не благоденствующей, далеко еще не просвѣщенной Россіи.

Послѣ бѣглого осмотра выставки, особенно нѣкоторыхъ ея отдѣловъ, можно не безъ нѣкоторой основательности придти къ заключенію, что производительная способность нашего отечества достигла того уровня, стоя на которомъ, нѣтъ мѣста трусливому чувству зависти къ промышленному развитію западно-европейскихъ странъ, а есть мѣсто довольству, основанному на сознаніи своей силы, надеждамъ и упованіямъ самымъ свѣтымъ, самымъ радужнымъ. Но... это впечатлѣніе значительно ослабѣваетъ послѣ болѣе обстоятельнаго знакомства съ содержаніемъ выставки, когда изъ пестраго, блестящаго общаго фона выдѣляются частности и съ ними возникаютъ недоумѣнія, вопросы о направленіи нашихъ производительныхъ силъ, о значеніи нѣкоторыхъ, особенно выдающихся на выставкѣ отраслей производствъ въ общемъ направленіи нашей промышленной жизни, о степени пользованія народомъ-обществомъ плодами несомнѣнно доказываемаго выставкою промышленнаго прогресса. Я постараюсь, по мѣрѣ возможности, отвѣтить на эти вопросы, но прежде необходимо войти въ нѣкоторыя подробности выставочныхъ отдѣловъ въ связи съ бѣглымъ очеркомъ дѣйствительнаго состоянія тѣхъ отраслей производствъ, которыя они призваны представлять.

II.

При подробномъ разсмотрѣніи содержанія выставки невольно обращаешь вниманіе на то, какіе отдѣлы отличаются особенною солидностью.

Одною изъ первыхъ въ этомъ отношеніи группъ приходится считать пятую группу, издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ), изъ хлопка, шелка, шерсти, льна и пеньки. Это одинъ изъ наиболѣе представительныхъ, и очень характерный отдѣлъ.

Изъ всѣхъ отраслей обрабатывающей промышленности, едва ли какая другая воспользовалась въ такой степени услугами механики и химіи, какъ обрабатывающая волокнистыя вещества и особенно хлопокъ. Ни одна отрасль выстѣтъ съ тѣмъ не является столь истинной представительницей характерныхъ чертъ современнаго производства. Въ сферѣ этой отрасли, какъ нигдѣ, можно наблюдать и чудеса современнаго промышленнаго генія, и наиболѣе типичныя черты отношеній труда къ капиталу. Въ исторіи ея развитія опять, какъ нигдѣ, можно прослѣдить вліяніе условій производства на бытовую жизнь народа, на выработку его привычекъ, наклонностей.

Въ нашемъ отечествѣ эта отрасль промышленности не утратила своихъ типичныхъ особенностей. Если эти особенности не заявляютъ себя такими рѣзкими чертами, какія приходится наблюдать въ чисто мануфактурныхъ мѣстностяхъ нѣкоторыхъ западныхъ странъ, то это зависитъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ условій нашего экономическаго быта; но общая тенденція та же.

Возникнувъ вслѣдствіе инициативы правительства ¹⁾, хлопчатобумажная промышленность всегда пользовалась его исключительнымъ вниманіемъ. Неудивительно поэтому, что капиталы охотно помѣщались въ различныя мануфактуры, обрабатывающія хлопокъ. Хлопчатобумажная промышленность получила съ теченіемъ времени огромное развитіе, причемъ искусственно создавалась для весьма крупныхъ капиталовъ и для весьма многочисленнаго населенія зависимость отъ иностраннаго сырого продукта. Теперь есть цѣлые районы съ

¹⁾ Механическое пряденіе хлопчатобумажнаго волокна началось въ 1805 году на правительственной фабрикѣ, основанной близъ Петербурга, именно въ видѣ ознакомленія съ этимъ дѣломъ русскихъ предпринимателей. Промышленники сначала туго поддавались на новую отрасль, но потомъ, при помощи тарифнаго покровительства, капиталы были привлечены къ этому дѣлу и теперь она получила весьма грандіозные размѣры. При этомъ наклонность искать покровительства нисколько не ослабла. Предприниматели по хлопчатобумажной промышленности неизмѣнно являются самыми горячими соборниками протекціонизма въ торговой политикѣ.

центрами хлопчатобумажного производства, имѣющими рѣшающее вліяніе на судьбу населенія, силою вещей приуроченнаго къ нимъ. Иваново-Вознесенскъ не въ шутку можетъ быть названъ русскимъ Манчестеромъ, и отъ хода дѣла въ мануфактурахъ его района зависятъ многія сотни тысячъ душъ. Какъ на любопытную иллюстрацію, наглядно указывающую степень размѣровъ, нынѣшней хлопчатобумажной мануфактуры, можно указать на тотъ фактъ, что заведенія фирмы „Саввы Морозова сыновья“ вырабатываютъ столько, сколько около пятидесяти лѣтъ назадъ вырабатывали всѣ хлопчатобумажныя фабрики вмѣстѣ.

Относительно этой мануфактуры имѣются подъ рукою слѣдующія данныя.

Производство олицетворяется двумя фабриками, одной прядильной и другой ткацкой. Обѣ онѣ расположены въ покровскомъ уѣздѣ мѣдвѣдской губерніи. Первая, въ селѣ Никольскомъ, основана въ 1830 г.; вторая, въ селѣ Вауловѣ, — въ 1859. Паровыхъ машинъ работаетъ 42 въ 978 силъ, веретенъ прядильныхъ 98,388, станковъ ткацкихъ механическихъ 2,052, ручныхъ 600. Рабочихъ при фабрикахъ 12,570, при торфяной разработкѣ и кирпичныхъ заводахъ 5,740. Итого 18,310. Это постоянные, вѣроятно при фабрикахъ живущіе; потому что, кромѣ этихъ, подъ рубрикой „на сторонѣ“, указано еще 7,490. Всего 25,800 человѣкъ! Годовой оборотъ производства 8,328 тысячъ рублей. Безспорно такая мануфактура могла бы съ достоинствомъ, по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи стоять въ ряду мануфактуръ любой страны.

Возможность развитія хлопчатобумажной мануфактуры въ такіе гигантскіе образцы какъ нельзя болѣе убѣждаетъ, что для капитала создано въ этой сферѣ производства весьма достаточное приволье. Къ сожалѣнію, въ условія дѣятельности въ физическомъ мірѣ входитъ непремѣннымъ ингредиентомъ ограниченность пространства. Именно въ силу этого исключительное покровительство той или другой формѣ производства должно быть примѣняемо съ крайней осмотрительностью.

Мануфактуры хлопчатобумажныя представляютъ наиболѣе выраженный типъ современной формы капиталистическаго производства. Это безусловно — сфера „большой промышленности“, гдѣ уже нѣтъ мѣста мелкимъ производителямъ, гдѣ и основной капиталъ, и оборотный требуется условіями производства въ размѣрахъ, доступныхъ только очень сильнымъ капиталистамъ. Конкуренція въ этой сферѣ возможна только при огромныхъ капиталахъ и при веденіи дѣла въ уровень съ европейскими производителями, при соображеніи хода дѣла на европейскихъ мануфактурахъ, европейскихъ рынкахъ... Это

промышленность, въ которой есть мѣсто и биржевому азарту, и спекуляціи, влекущимъ за собою такъ-называемое перепроизводство (overproduction) съ возможностью самыхъ тяжелыхъ послѣдствій для заинтересованныхъ въ ней представителей рабочаго класса.

Въ Россіи насчитывается приблизительно 55 бумагопрядильнъ. Общій оборотъ около 65 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ на каждую отдѣльную мануфактуру приходится болѣе одного милліона оборота. Есть заведенія съ оборотомъ менѣе ста тысячъ, но ихъ очень немного и кромѣ того онѣ находятся внѣ мануфактурныхъ районовъ. Ихъ продукты находятъ себѣ вѣроятно мѣстное потребленіе, потому что надѣлія изъ хлопка стремятся все болѣе и болѣе вытѣснять надѣлія изъ льна, даже въ крестьянскомъ обиходѣ.

Бумаготкацкое производство, еще сравнительно недавно имѣвшее характеръ мелкой промышленности, все больше и больше переходитъ въ мануфактуру. И въ этой области производства мелкому предпринимателю-хозяину мѣста не остается. Мануфактура выталкиваетъ его или, вѣрнѣе, уже вытолкнула изъ положенія независимаго производителя: ему остается или сойти съ дороги, по которой движется могучее чудовище, или слиться съ нимъ, потерявъ право личной инициативы, утративъ личную независимость, превратившись въ малоцѣнную, легкозамѣнимую часть громаднаго механизма, гдѣ машина—все, а человѣкъ рабочій—очень немного.

Бумаготкацкое производство занимаетъ около 400 съ небольшимъ фабрикъ съ 54,000 станковъ. Оборотъ его—55,000 тысячъ рублей; рабочихъ 61,000. Особенно крупными оборотами отличаются мануфактуры, ткущія миткаль: ими главнымъ образомъ и выражается процессъ поглощенія мелкаго производства крупнымъ. Другія бумажныя матеріи, разные сорта бумажнаго трико, твина, плица и т. п. еще переживаютъ періодъ, допускающій возможность существованія для небольшихъ мастерскихъ.

Ситцепечатное производство, такъ сказать — цѣль, къ которой идутъ производства бумагопрядильное и бумаготкацкое. Большая часть миткаля идетъ къ потребителю черезъ ситцепечатныя фабрики. Это тоже вполне мануфактурное производство, уже совсѣмъ устранившее съ рынка мелкаго производителя. И безъ него этому производству становится тѣсно. Условія производства таковы, что оно должно идти и идти все расширяясь. А потребленіе обусловливается средствами потребителей. Средства эти измѣнчивы, особенно у насъ, гдѣ потребитель въ массѣ—земледѣлецъ, всецѣло зависящій отъ непредвидимыхъ, неустранимыхъ обстоятельствъ стихійнаго характера. Является излишекъ продукта, доходящій въ концѣ концовъ до такихъ размѣровъ, что является необходимость сокращать производ-

ство, распускать рабочихъ, убавлять заработную плату. Это явленіе очень хорошо знакомо уже русскому рабочему люду, занатому въ хлопчато-бумажныхъ мануфактурахъ. И создавать искусственнымъ покровительствомъ еще большее расширеніе этого производства — не расчесть. Оно и такъ стоитъ въ положеніи, не исключаящемъ возможность спекуляціи.

Въ настоящее время ввозится въ Россію хлопка около 7000 тысячъ пудовъ, изъ котораго только незначительная часть бухарскаго и кавказскаго, т.-е. русскаго колоніальнаго. Все остальное количество идетъ изъ Америки, почти въ полномъ составѣ проходя черезъ англійскіе рынки. Такимъ образомъ промышленность, имѣющая едва ли не первое мѣсто въ ряду различныхъ отраслей нашего производства, стоитъ въ безусловной зависимости отъ иностраннаго продукта, на предложеніе котораго могутъ вліять и разныя случайныя обстоятельства, и рассчитанная спекуляція. Такое положеніе дѣла не можетъ не приниматься въ соображеніе, когда раздаются протекціонистскіе возгласы, вызывающіе о необходимости во что бы то ни стало покровительствовать хлопчато-бумажному производству. Судить о состояніи нашей хлопчато-бумажной промышленности по ея продуктамъ на выставкѣ не представляется возможности. Проходя мимо витринъ съ штуками миткала и ситца, образцами пряжи съ непонятными обозначеніями „медіо, ватеръ“, и т. п., публика едва ли подозреваетъ, мимо какихъ достопримѣчательностей промышленности она проходитъ. Будь толковый указатель, отношеніе публики къ витринамъ Морозова, Малютинныхъ было бы совсѣмъ иное. Проникаться убѣжденіемъ въ достоинствахъ продуктовъ публикѣ не по силамъ; а составить понятіе о значеніи промышленности, если бы ей оказана была помощь, она могла бы, и не безъ пользы.

Пряжа и ткани изъ хлопчатой бумаги представлены сорока-двумя экспонентами. При этомъ, отдѣлъ ситцевъ не можетъ считаться богатымъ, особенно въ тѣхъ сортахъ, которые имѣютъ интересъ для эксперта. Азіатскіе сорта представлены далеко не роскошно. При этомъ резко бросается въ глаза то обстоятельство, что Иваново именно представлено вовсе бѣдно. Кстати, мы не встрѣтили ни въ указателѣ, ни въ витринахъ нѣкоторыхъ старыхъ ивановскихъ фирмъ, которыя щеголяли на прежнихъ мануфактурныхъ выставкахъ своими издѣліями, именно вывознаго, азіатскаго образца.

Классъ 35 той же V группы представляетъ продукты обработки льняного волокна и пеньки. Сопоставленіе этой группы съ предыдущею крайне любопытно. Въ этомъ классѣ имѣется только 16 экспонентовъ. Капиталь видимо не особенно охотно льнетъ къ этой промышленности, обрабатывающей отечественный продуктъ. Отсюда от-

сталость производства, допускающая огромный излишек сырого материала, вывозимаго за-границу. Средніе сорты полотень (высокихъ сортовъ нѣтъ) выставлены только двумя-тремя фирмами, а больше выставлены грубые сорты издѣлій, свидѣтельствующіе о томъ, что представители льняной промышленности въ нашемъ отечествѣ не вносятъ въ дѣло того соревнованія съ иностранными производителями, которое такъ рѣзко заявляетъ себя въ промышленности хлопчато-бумажной. Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, что отечественный продуктъ далеко не вызываетъ такого усердія въ обработкѣ, какъ хлопокъ—продуктъ привозный. Но у капиталистическаго предпринимательства есть свои правила. Обороты съ продуктами льна не представляютъ въ настоящее время (хотя, можетъ быть, и могли бы представлять) данныхъ къ такому быстрому расширенію потребленія,—условіе, необходимое для современнаго капитала, помещаемаго въ производство, а между тѣмъ матеріалъ является менѣе податливымъ для технической обработки. Отсюда понятно то обстоятельство, что въ зависимость отъ ввознаго сырца-хлопка ставятся и огромные капиталы, и многочисленное населеніе, а отечественный сырецъ-ленъ вывозится за-границу. Мало того: культура льняного волокна слабѣетъ, уступая мѣсто истощающей культурѣ льняного сѣмени, которое вывозится за-границу, между прочимъ, для выращиванія волокна. Когда раздаются голоса о покровительствѣ нашей промышленности, то невольно возникаетъ вопросъ, какъ пользовались и пользуются этимъ покровительствомъ ея представители. Вотъ—отрасль промышленности, безъ сомнѣнія, имѣющая данныя для борьбы съ любой конкуренціей. Что сдѣлало отечественное предпринимательство для развитія этой промышленности?

Обработка льняного волокна еще далеко не усвоила характера крупнаго мануфактурнаго производства. Правда, есть нѣсколько фабрикъ съ миллионными оборотами и съ тысячнымъ персоналомъ рабочихъ, но за то есть цѣлыя районы, наглядно доказывающіе, что эта отрасль производства не пережила еще фазиса мелкой промышленности. „Въ Указателѣ фабрикъ и заводовъ“, П. А. Орлова (Спб. 1881), имѣющемъ въ нѣкоторомъ отношеніи почти officialный характеръ, указано по черниговской губерніи десять полотняныхъ фабрикъ, изъ которыхъ оборотъ самой крупной опредѣленъ въ 5,200 р. при двадцати рабочихъ. Это уже мастерская, а не мануфактура. Характерно, что сравнительно высшіе сорты полотень работаютъ именно мелкія фабрички. Крупныя, очевидно, отказываются отъ всякой конкуренціи съ производителями полотень изъ-за границы и вообще въ эту сторону не тянутъ. Такъ, едва ли не самая крупная мануфактура по обработкѣ льна и пеньки—мануфактура

А. А. Штиглица. Товарищество нарвской льнопрядильной мануфактуры парадируетъ паруснымъ полотномъ, дерюгомъ для мѣшковъ, брезентовымъ полотномъ и мѣшками.

Между предметами этого отдѣла встрѣчается, между прочимъ, и джута, въ зависимость отъ которой еще не давно наши пересолившіе протекціонисты готовы были ставить судьбы отечественнаго земледѣлія. Сказать по совѣсти, мнѣ было немного странно встрѣчать продукты джуты, выставленные русскими мануфактуристами послѣ тѣхъ разговоровъ, которые недавно еще раздавались о бѣдствіяхъ, имѣющихъ произойти отъ ввоза джутоваго мѣшка. Сколько высказывалось интереса въ отечественному земледѣлію вообще и льноводству въ частности. А умиселъ, оказывается, другой тутъ былъ. Джута пробуетъ большой промышленностью, и... если проба окажется въ пользу матерьяла, то, конечно, отъ эксплуатаціи ея она не откажется, чтобы тамъ ни сдѣлалось и съ земледѣіемъ и съ льноводствомъ, которыя пригодятся ей только для того, чтобы *augmenter les arriarages*, когда явится желаніе ходатайствовать о повyshenіи тарифа.

Шерстяное производство представлено на выставкѣ очень богато и представляется очень большимъ количествомъ экспонентовъ. Нѣкоторые предметы по качеству матерьяла, видѣлкѣ продукта и его отдѣлкѣ рѣшительно не оставляютъ ничего желать. Но уровень добротности продуктовъ этой промышленности, идущей въ радовое потребленіе, говорятъ люди компетентные, далеко не выражается тѣмъ, чѣмъ приходится любоваться на выставкѣ. Технические усовершенствованія, если можно такъ выразиться, — палка о двухъ концахъ. Они даютъ возможность понижать качества продукта, несколько не жертвуя виѣшнимъ видомъ. Это-то отрицательное свойство усовершенствованной техники находитъ себѣ выраженіе въ шерстяной промышленности какъ нигдѣ. Въ результатѣ образуется возможность давать рынку товары, внутреннимъ достоинствомъ далеко не отвѣчающіе своему наружному виду. По тѣмъ образцамъ, которые можно видѣть на выставкѣ, разумѣется, нельзя заключать о рыночномъ товарѣ, и смотря на нихъ, можно только заявлять фактъ, что шерстяная промышленность достигла у насъ совершенства, по настоящему времени чуть не идеальнаго. Такіе кашемиры, драпы, трико,—что лучше нечего и желать.

Обработка шерсти имѣетъ для Россіи огромное значеніе, тѣмъ болѣе, что эту отрасль промышленности обрабатывается исключительно отечественный продуктъ. Правда, иноземная шерсть начинаетъ попадать на русскія мануфактуры, но пока сравнительно въ незначительномъ количествѣ, и разумѣется, производители шерсти

въ силахъ остановить развитіе этого привоза. Мы переживаемъ такое время, когда производителю не проходитъ даромъ апатичное, пассивное отношеніе къ своему дѣлу. Защищать отъ иностранной конкуренціи русское овцеводство было естественнѣе русскимъ овцеводамъ. Тарифное покровительство, обременія потребителей, можетъ только принижать уровень производства; причемъ естественно предположить положеніе, изъ котораго не въ состояніи будутъ вывести его никакія протекціи.

Изъ всѣхъ отраслей обработки шерсти самымъ выдающимся представляется суконное. Ему посвящено 463 фабрики, съ оборотомъ въ 58,650 тысячъ р. съ персоналомъ рабочихъ въ 69,124 ч.

Производство легкихъ шерстяныхъ тканей и платковъ представляется 167 фабриками съ оборотомъ въ 21,875 т. р. и съ персоналомъ рабочихъ въ 22,640.

Шерстопрядильное — 67 фабрикъ съ оборотомъ въ 5,852 т. р. при 4,845 рабочихъ.

Кромѣ того, ковровое производство, шерстовязальное и войлочное имѣетъ оборотъ около 425 т. р., занимая около 1,500 рабочихъ. Такимъ образомъ общій итогъ по обрабатывающей шерсть промышленности представляется въ такихъ цифрахъ: фабрикъ и мастерскихъ: заведеній-фабрикъ и мастерскихъ около 800; оборотъ — 86,000 тыс. р.; число рабочихъ около 100,000.

Шелкоткацкое производство, надо думать, идетъ у насъ, тоже хорошо. Остановившись передъ новою витриною этого класса, право невольно задумаешься, гдѣ находятъ себѣ потребители такіа дорогія, такіа роскошныя матеріи.

Все шелкоткацкое производство представляется 154 фабриками съ оборотомъ въ 7,875 т. р. при 10,850 рабочихъ.

Высшіе сорта тканей производятся мануфактурами, которыя могутъ располагать сильнымъ пособіемъ усовершенствованной и совершенствуемой техники. Издѣлія этого рода рѣшительно могутъ состязаться съ заграничными, не уступая имъ въ изяществѣ рисунка и качествѣ ткани. Витрины этого отдѣла собираютъ около себя очень много публики, особенно дамъ. Восхищеніямъ часто нѣтъ предѣловъ. Витрины съ дорогими матеріями возбуждаютъ оживленный интересъ и безъ всякаго указателя. Не то что шпильки съ медіо или некрасивые клочки хлопчатобумажнаго сырца.

Витрины съ парчами и... исчерпывается группа V. Объ этихъ послѣднихъ могу сказать: блестятъ, поглотивъ массу усидчиваго кропотливаго труда и—дороги.

Производство, — котораго мануфактурный режимъ совсѣмъ не коснулся и, можетъ быть, не коснется никогда. Здѣсь еще всецѣло ца-

рять ручной станокъ: по своему существу оно осталось и, пока будетъ существовать, останется внѣ промышленнаго движенія. Рутиненъ способъ производства, рутинна внѣшность. Цѣнность опредѣляется массою употребленнаго цѣннаго матеріала и иногда хитростью, главное, многодѣльностью рисунка, не совпадающею съ количествомъ. Не смотря на яркое сіяніе, продукты парчевого производства носить на себѣ печать первобытности и... безвкусія, хотя по этой мануфактурной части у насъ въ Россіи, говорятъ, есть знаменитости.

III.

Изъ отдѣловъ, наиболѣе способныхъ производить впечатлѣніе своею внѣшностью, слѣдуетъ считать отдѣлъ „горной и соляной промышленности“ и преимущественно тѣ изъ его помѣщеній, которыя отведены металламъ. Здѣсь есть и золото, и серебро и, платина; есть мѣдь, олово, свинецъ, соль, каменный уголь; есть сталь, чугунъ, желѣзо, словомъ, образцы всевозможныхъ ископаемыхъ богатствъ родной земли. И все это въ красивой группировкѣ съ внѣшностью, способной производить наибольшій эффектъ,—и эффектъ грандіозенъ.

А между тѣмъ, именно тѣ отрасли горнаго промысла, которыя всего могущественнѣе сказываются на экономической жизни страны, едва ли могутъ похвастать у насъ правильностью постановки.

Обратимся ли мы къ желѣзодѣлательной промышленности, возьмемъ ли снабженіе страны каменнымъ углемъ, выходятъ даже въ нѣкоторомъ родѣ несообразности. Виноваты тутъ не одни производители; но кто бы ни былъ виноватъ, дѣло отъ того не измѣняется... Такъ какъ желѣзо и уголь лежатъ въ основѣ современной промышленной жизни, то всѣ неправильныя явленія въ порядкѣ ихъ добыванія и распредѣленія отражаются на экономической жизни страны самыми неутѣшительными послѣдствіями. На постройку двигателей, на исполнительные механизмы, въ какой бы отрасли промышленности они ни примѣнялись, нуженъ чугунъ, нужно желѣзо. Непремѣннымъ условіемъ промышленнаго развитія страны являются пути сообщенія и при обширности территоріи именно желѣзныя дороги—опять чугунъ, желѣзо. Что будетъ впереди, неизвѣстно, но до сихъ поръ единственная сила, оказывающаяся удобною для превращенія ея въ движеніе съ наибольшей напряженностью и распредѣляемостью, при наименьшихъ издержкахъ, есть теплота. Безъ нея непроеизводительны самыя хитрыя механическія комбинаціи. Вооруженія, которыя подчиняются тоже закону прогрессивнаго развитія и совершенство-

ванія, стоять въ зависимости отъ производства желѣза. Такимъ образомъ все, чѣмъ можетъ быть сильна матеріально страна на данной ступени общественнаго развитія, при условіяхъ международныхъ отношеній настоящаго времени, приходитъ въ зависимость отъ того, въ какомъ положеніи стоитъ она къ снабженію себя желѣзомъ и топливомъ. А такъ какъ топливомъ, наиболѣе соотвѣтственнымъ, можетъ считаться каменный уголь, то уголь и желѣзо могутъ считаться рѣшающими агентами современной культурной жизни.

Мы богаты разными дарами природы и изъ міра духовнаго, и изъ міра матеріальнаго. Но, не въ обиду нашему національному чувству будь сказано, дарами этими мы неумѣемъ пользоваться. Въ результатѣ мы оказываемся слабыми тамъ, гдѣ по теоретическимъ соображеніямъ должны бы оказываться очень сильными.

Великое часто познается изъ малаго и отдѣлъ горнозаводской промышленности на настоящей всероссійской выставкѣ можетъ, едва ли не болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой, наводить на размышленія.

Возьмемъ каменноугольную промышленность. Тутъ есть и образчикъ шахты, образчикъ каменноугольнаго напластованія въ натуральную величину, есть образцы орудій, употребляемыхъ въ производствѣ, средствъ передвиженія, употребляемыхъ при работѣ въ рудникахъ. Знаменитый Губонинъ устроилъ цѣлый гротъ съ вызолоченными углекопами по угламъ, а одинъ владѣлецъ антрацитовыхъ копей въ донецкомъ районѣ украсилъ свои предметы флагами и цитомъ съ пророческимъ изреченіемъ Петра: „сей минераль не намъ, но потомкамъ нашимъ полезенъ будетъ“... Есть изящныя подѣлки изъ каменнаго угля, есть глыбы не въ одну сотню пудовъ. Эффектно и, если довольствоваться внѣшностью, утѣшительно; но за всякою внѣшностью есть существо дѣла и оно не въ пользу нашей углепромышленности. Это въ нѣкоторомъ отношеніи даетъ себя чувствовать и выставочный отдѣлъ. Хотя отдѣльные экспоненты заявляются на выставкѣ очень эффектно, но въ общемъ экспонентовъ мало и характеръ выставленныхъ ими продуктовъ имѣетъ, такъ сказать, праздничный, исключительный характеръ. Каменноугольная промышленность такого рода, что выставка средствъ добыванія не можетъ опредѣлять дѣла. Любопытна степень пользованія этими средствами; но она-то не особенно ясно выражена, и насколько выражена не даетъ поводовъ къ радостямъ. Въ каменноугольной промышленности возрастаніе производства единицами, даже десятками миллионовъ пудовъ, не можетъ производить впечатлѣнія. И хотя изъ таблицъ, данныхъ нѣкоторыми экспонентами, можно видѣть увеличеніе производства за десять лѣтъ съ одного миллиона на десять, но въ общемъ все-таки изъ обзорѣнія выставленъ углепромышленниковъ не выносятся впечатлѣнія дѣла живого, бодр-

раго, свѣжаго. Чувствуется на этой промышленности какой-то гнетъ, къшащій ей принять размѣры, соответствующіе естественнымъ богатствамъ страны и ея настоящимъ потребностямъ.

По отношенію къ такому громоздкому продукту, какъ каменный уголь, слабое развитіе его добыванія и потребленія не можетъ быть отнесено на счетъ апатическаго отношенія къ дѣлу съ одной стороны потребителей, съ другой—производителей. Очевидно, слабое относительно развитіе угольной промышленности зависитъ отъ вѣкъ стоящихъ условій,—и именно отъ разобщенія пунктовъ производства съ пунктами потребленія. Уголь—матеріалъ, не способный выдерживать дорого стоящей перевозки, и значеніе путей сообщенія, главная роль которыхъ состоитъ въ сближеніи производителя съ потребителемъ, нигдѣ не заявляетъ себя съ такою ясностью, какъ въ оборотахъ съ каменнымъ углемъ. Наши желѣзные дороги, какъ извѣстно, плохо отвѣчаютъ своему назначенію по перевозкѣ грузовъ вообще. Это обстоятельство по отношенію къ угольной промышленности дѣйствуетъ, можно сказать, роковымъ образомъ. Благодаря нестройнѣ въ этомъ дѣлѣ, допускающему участіе личныхъ расчетовъ (извѣстно, что у насъ есть дороги, фактически владѣмыя и эксплуатируемыя на правахъ частной собственности) тормозится промышленность, имѣющая рѣшающее и экономическое, и общегосударственное значеніе. Является несообразная необходимость потреблять лѣса, когда имѣются громаднѣйшіе запасы минеральнаго топлива, и даже ввозить уголь изъ-за границы. И по качеству, и по количеству угля мы если не могли бы вывозить его, то во всякомъ случаѣ могли бы удовлетворять всѣ наши потребности въ топливѣ. А теперь почти 40 процентовъ каменнаго угля ввозится изъ-за границы и уничтожаются лѣса, значеніе которыхъ для благосостоянія страны и науки, и практикою нашей современной хозяйственной жизни поставлено вѣ всякаго сомнѣнія.

По даннымъ 1880 г. добыча угля достигла слишкомъ до двухсотъ милліоновъ пудовъ. Если сравнить эту цифру съ цифрой за 1860 г., когда угля добывалось около десяти милліоновъ, то прогрессъ въ промышленности окажется громаднымъ. Но о всякой величинѣ слѣдуетъ судить по сравненію, и сдѣлавъ таковое, получается значительное ослабленіе эффекта. Потребленіе угля за тотъ же 1880 г. опредѣляется въ 315 милліоновъ. Такимъ образомъ около 35% пополняется извнѣ, ввозится изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ Англіи (около 90 м. п.).

Что касается до отдѣльныхъ экспонентовъ, то нѣкоторые изъ нихъ приложили стараніе для того, чтобы выяснитъ по возможности положеніе своего производства, напр. обставили свои продукты табличками,

планами, картинами, орудіями производства, такъ, что въ общемъ этотъ отдѣлъ можно считать однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразно представленныхъ. Въ этомъ же отдѣлѣ можно встрѣтить и торфъ, матеріалъ, оцѣниваемый по всей справедливости далеко не въ соответствии съ его значеніемъ, какъ топлива. Какъ горючій матеріалъ, торфъ въ одномъ количествѣ вѣсовыхъ единицъ заключаетъ болѣе количество углерода, чѣмъ дрова. Слѣдовательно, его тепловая потенція сильнѣе. Распространеніе его весьма обширно: есть указанія, что торфъ имѣется въ Россіи въ 45 губерніяхъ, и площадь его, удобная для разработки, равняется болѣе чѣмъ 100,000 кв. в. Если принять толщину залежей торфа въ 7 футовъ, то, по расчету специалиста инженеръ-технолога, г. Никитинскаго, объемъ его составитъ 25 миллиардовъ кубическихъ сажень съ вѣсомъ въ 875 миллиардовъ пуд. Это еще при не особенно тщательныхъ розысканіяхъ. Но и указаннаго количества за глаза довольно, чтобы не нуждаться въ топливѣ. Разработка торфа находится по истинѣ въ младенчествѣ и далеко не привлекаетъ къ себѣ капитала и предпримчивости въ видахъ эксплуатаціи его, какъ рыночнаго товара. Не смотря на то, что торфяное производство представляется, нѣсколькими экспонентами но все это производители, такъ сказать, пробующіе. Если экспонируется торфяное производство нѣсколько крупныхъ размѣровъ, такъ это товариществомъ нѣколько мануфактуры (Саввы Морозова сыновья). Тамъ это дѣло ведется на широкихъ основаніяхъ. Площадь торфяныхъ залежей, принадлежащихъ товариществу, исчисляется въ 1,300 десятинъ. Въ 1881 г. разработкою торфа занималось слишкомъ 5,000 рабоч., причемъ добыто слишкомъ 8 милліоновъ пудъ торфу.

Вообще торфъ почти не идетъ на рынокъ; онъ разрабатывается для потребностей самихъ производителей. Мануфактурамъ всего естественнѣе сдѣлать начинъ въ дѣлѣ замѣны дровъ углемъ и торфомъ. Въ томъ ихъ прямой интересъ. Относясь равнодушно къ снабженію себя топливомъ, помимо дровъ, онѣ идутъ противу себя и своихъ интересовъ и придутъ въ концѣ-концовъ къ такому положенію, котораго не въ состояніи будутъ улучшить никакія тарифныя покровительства. Ихъ ходатайства имѣютъ авторитетъ,—это доказываютъ неизмѣнно благопріятные исходы ихъ ходатайствъ о таможенномъ покровительствѣ,—но эти ходатайства должны направиться на иной путь. Можетъ быть, ходатайство объ усовершенствованіи средствъ перевозки минеральнаго топлива, подкрѣпленное ясно-выраженнымъ стремленіемъ замѣнять имъ растительное, имѣло бы успѣхъ въ правительственныхъ сферахъ и дало бы послѣдствіемъ увеличеніе средствъ перевозки каменнаго угля и пониженіе тарифа. Для желѣзныхъ дорогъ у насъ сдѣлано такъ много, что позволительно требо-

вать отъ нихъ и службы, отвѣчающей существеннымъ интересамъ страны. Замѣну лѣсного матеріала минеральнымъ топливомъ надо считать однимъ изъ такихъ интересовъ.

Желѣзодѣлательная промышленность представлена на выставкѣ весьма разносторонне. Здѣсь есть и руда, есть чугуны, есть разныхъ сортовъ желѣзо и сталь, рельсы, газопроводныя и водопроводныя трубы и т. п. И по матеріалу, и по расположенію его, этотъ отдѣлъ очень эффектенъ и нѣкоторые экспоненты положительно, какъ говорится, отличились. Но, опять приходится дѣлать тоже замѣчаніе, что и по поводу углепромышленности. Очевидно, есть матеріалъ, есть умѣнье. По отзывамъ специалистовъ образцы стали, выставленные нѣкоторыми экспонентами, въ состояніи выдержать самое строгое сравненіе, самую придирчивую критику. А между тѣмъ, все же мы не можемъ обойтись своимъ желѣзомъ, все же мы являемся данниками чужеземной промышленности. А что было бы съ этой нашей промышленностью, если бы она была предоставлена самой себѣ, мудро и сказать. Какимъ образомъ ухитряются иностранцы одолѣвать насъ въ этомъ дѣлѣ, рѣшительно трудно понять, — здѣсь уже не требуется приложенія высшихъ категорій труда, зависящаго отъ высшей культуры и производителя и рабочаго. „Запасы желѣза у насъ неистощимы“ — стереотипная фраза, а между тѣмъ мы не можемъ обходиться своими желѣзными и стальными издѣліями, причемъ потребленіе желѣза на человѣка у насъ только около 12 ф., тогда какъ въ Англіи около 5 пудовъ, въ Бельгіи 4 п., въ Соединенныхъ Штатахъ и Франціи около 3, въ Германіи около 2. А вѣдь потребленіемъ желѣза измѣряется степень культурной жизни въ странѣ.

Ходя по выставкѣ, невольно задумываешься, почему при несомнѣнномъ обиліи сырого матеріала, при несомнѣнномъ присутствіи для пользованія имъ необходимыхъ и физическихъ, и нравственныхъ силъ, мы никакъ не завоеуемъ себѣ промышленной независимости.

Въ этомъ отдѣлѣ напр., пожалуй, можно радоваться тому успѣху, который сдѣлала желѣзодѣлательная промышленность за послѣдній десятокъ лѣтъ. Но для этого потребовалось сильное правительственное вмѣшательство, выразившееся громадными законами и обязательными для желѣзныхъ дорогъ распоряженіями относительно употребленія рельсовъ русскаго производства. Промышленность, скорѣе одна изъ ея отраслей — рельсовое производство, оживилась, и даже, какъ это всегда бываетъ при усиленномъ покровительствѣ, приняла нѣсколько окраску спекуляціи: устроилось нѣсколько новыхъ желѣзо- и сталедѣлательныхъ заводовъ исключительно для рельсоваго производства. Но нельзя же не сказать, что возникновеніе этихъ заводовъ обязано случаю и произошло искусственно. Будетъ, конечно, очень жаль,

но весьма возможно, что быстро возникнувъ, они быстро и упадутъ, если имъ не будетъ оказываться покровительство, имѣющее перейти въ хроническое.

Желѣзодѣлательная промышленность болѣе всѣхъ отражаетъ на себѣ экономическія условія страны. Для развитія ея необходимо населеніе съ высокимъ сравнительно уровнемъ бытовыхъ запросовъ; въ частности нужны наиболѣе совершенныя средства перевозки и соответствующее топливо, которымъ нельзя считать дрова изъ нашихъ быстро исчезающихъ лѣсовъ. Словомъ, нужно усиленное потребление при возможности дешеваго предложенія. Современное производство желѣза стоитъ въ условіяхъ, далеко не отвѣчающихъ этой вполне справедливой формулѣ.

По золотопромышленности, какъ и слѣдуетъ ожидать, экспонентовъ немного; можно сказать, что ихъ какъ разъ столько, чтобы не было повода сказать, что о золотой промышленности забыли. А публика очень интересовалась этимъ отдѣломъ и я самъ былъ свидѣтелемъ сожалѣнія, высказаннаго вслѣдствіе несбывшейся надежды увидѣть самородное золото. Россія добываетъ около $\frac{1}{8}$ части всего золота, добываемаго въ мірѣ. Въ 1880 г. его добыто слишкомъ 2,600 пудовъ, стоимостью на 200 слишкомъ милліоновъ. Такъ какъ добыча золота сосредоточена главнымъ образомъ въ частныхъ рукахъ, то золотопромышленникамъ можно было нѣсколько позаботливѣе явиться на торжество промышленности. А то—страна съ исключительно развитою золотопромышленностью, а, судя по выставкѣ, ея какъ будто и нѣтъ въ странѣ.

Производство серебра почти не представлено, да и представить его сколько-нибудь эффектно было бы извращеніемъ дѣйствительности. Производство это падаетъ съ каждымъ годомъ; и скоро, вѣроятно, наступитъ время, когда споры о монетной единицѣ устроятся сами собою; возможно, что два драгоцѣнные металла получатъ одинаковую цѣнность, а далѣе, можетъ быть, цѣнность серебра еще превзойдетъ цѣнность золота.

За то выставка произведеній мѣдноплавильныхъ заводовъ и заведеній обрабатывающихъ мѣдь можно назвать блестящею, не столько въ количественномъ, сколько въ качественномъ отношеніи. Изъ мѣднаго колчедана, мѣдныхъ и латунныхъ листовъ, трубъ и проволокъ выстроены цѣлые павильоны. Техника обработки мѣди, судя по предметамъ, достигла очень высокой степени совершенства.

Есть образцы и издѣлія изъ свинца, цинка, платины, даже иридія, но они теряются въ подавляющей массѣ чугуна, желѣза и мѣди.

IV.

Въ естественной связи съ отдѣломъ горнозаводской промышленности стоитъ группа VI—издѣлія изъ металловъ, и отдѣлъ машинъ и аппаратовъ (въ группѣ IX).

Частью особенно эффектною, привлекающею особенно публику, въ сожалѣнію является въ VI группѣ выставка произведеній фабрикантовъ серебряныхъ издѣлій, гг. Овчинникова, Хлѣбникова, Сазикова. Говорю: въ сожалѣнію, ибо толпы у ихъ витринъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о нежелательномъ уровнѣ запросовъ публики отъ выставки. О чемъ могутъ говорить эти витрины? Только о томъ, что у немногихъ единицъ есть возможность платить безумныя деньги за издѣлія, не удовлетворяющія ни нуждамъ матеріальнаго потребленія, ни запросамъ художественнаго вкуса. Что въ этихъ массивныхъ чашахъ, блюдахъ, стоящихъ громадныхъ денегъ и годныхъ только для сохраненія подъ стекломъ? Въ практическомъ отношеніи, это—безполезности; въ художественномъ—что бы ни говорили о нихъ въ этомъ отношеніи, все же они дальше фабрикаціи не идутъ, и фабрикаціи, надо сказать, довольно рутинной. Красивое не всегда художественно,—т.-е. красивое въ смыслѣ простой приглядности. Это особенно замѣтно въ ихъ издѣліяхъ на фигурахъ. Гдѣ цвѣты, арабески, тамъ еще ничего, тѣмъ болѣе, что все это фантастично, а на фантазію закона нѣтъ; но гдѣ фабрикація берется за воспроизведеніе фигуръ, вообще натуры, тамъ элементъ художественности слабѣетъ до послѣдней степени. Выставлены напримѣръ серебряныя фигуры двухъ женщинъ: одна должна изображать „Волгу“, другая „Нефть“. Попробовать бы поставить эти статуэтки въ обстановку дѣйствительно художественныхъ произведеній, хотя бы въ помѣщеніе художественнаго отдѣла, такъ безъ объясненія, что онѣ сдѣланы изъ серебра, многіе, очевидно, удивилась бы, зачѣмъ попали онѣ туда. Теперь же на нихъ любятъ. Матеріалъ—серебро, цѣнность чрезвычайная: поводъ собираться толпѣ и удивляться. Но фактъ, что отечественная промышленность развила до неимѣнія въ мірѣ конкурентовъ только въ этой отрасли промышленности, способъ наводитъ на мысли совсѣмъ не утѣшительнаго характера. Всѣ наиболѣе цѣнныя издѣлія гг. Сазикова, Овчинникова и Хлѣбникова имѣютъ подарочный характеръ, рассчитаны на „поднесенія“. Смотря съ этой точки зрѣнія, несравненный успѣхъ, пріобрѣтенный московскими фабрикантами серебряныхъ издѣлій, является фактомъ крайне любопытнымъ.

Ювелирное отдѣленіе тоже собираетъ массу публики. Витрина юве-

лира Болина, совсѣмъ небольшая витрина, заключаетъ вещей изъ брилліантовъ и прочихъ драгоцѣнныхъ камней чуть не на миллионъ рублей. Одна діадема оцѣнивается въ 120,000 р. А дальше? Какія чудеса въ другихъ витринахъ! Брошка въ видѣ головки пугала изъ разныхъ драгоцѣнныхъ камней, виноградная кисть изъ жемчуговъ, мухи и насѣкомыя изъ брилліантовъ, рубиновъ, листья изъ изумрудовъ, цвѣты, ужъ право и не знаю изъ чего. На черномъ бархатѣ брилліанты чуть не въ орѣхъ!

Какъ бы въ напоминаніе публикѣ о суетности всѣхъ этихъ драгоцѣнностей, одинъ московскій магазинъ выставилъ фальшяные камни. Сопоставленіе любопытное и даже назидательное. Современнаго культурнаго человѣка, надо полагать, брилліантами не удивишь, а дикаря приведешь въ изумленіе и стеклышками.

Къ этой же группѣ (VI) принадлежатъ бронзовыя издѣлія и имитаціи бронзы. Выставлено очень роскошно; за то издѣлія практическаго характера, которыя вслѣдствіе большого потребленія вошли въ сферу фабрично-заводской выработки, представлены довольно слабо. Даже самовары, этотъ перлъ отечественной изобрѣтательности, являются въ ограниченномъ количествѣ и въ очень однообразномъ видѣ. Ножевый товаръ имѣетъ много образцовъ, но выставка его тоже монотонна и носитъ на себѣ характеръ рутинны, хотя несомнѣнно въ этой промышленности есть фирмы съ очень хорошей репутаціей. Но издѣлія всѣхъ этихъ Завьяловыхъ, Калякиныхъ и пр. страдаютъ малымъ изяществомъ формы и отсутствіемъ стремленія разнообразить свои издѣлія. Ножъ, ножикъ, ножичекъ — и все почти одной формы съ однимъ приспособленіемъ. Безъ сомнѣнія, качество издѣлій нашихъ хотя бы горбатовскихъ ножевыхъ фабрикъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, рѣшительно не уступаетъ заграничнымъ, но по формѣ уступаютъ — не только англійскимъ, но и нѣмецкимъ. Этимъ объясняется — хотя бы и неосновательно — предубѣжденіе русской публики противъ отечественныхъ ножевыхъ издѣлій въ пользу заграничныхъ. И, надо думать, сойдя фабриканты этого рода издѣлій съ рутиннаго пути, по которому идутъ дѣдушкинныя слѣдомъ и имъ конкуренціи заграничныхъ издѣлій бояться нечего. Что касается дешевизны, то работа хотя въ томъ же Павловѣ, дешева невѣроятно. Впрочемъ, обо всемъ этомъ еще скажемъ, когда будемъ говорить о кустарномъ производствѣ.

Предметы машиннаго и инженернаго отдѣла, который имѣетъ связь съ горнозаводскимъ, встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ, хотя имѣется для машинъ и отдѣльный павильонъ, довольно просторный и весьма исправно занятой.

На современныхъ выставкахъ машинный отдѣлъ не можетъ быть

не обилён: не удивительно, что онъ обилён и на настоящей все-россійской. Нѣкоторыя машины-двигатели и исполнительныя машины находятся даже въ движеніи; но вообще машины предоставляется разсматривать въ состояніи покоя. Для специалистовъ-механиковъ это, конечно, безразлично, но для публики вообще—нѣтъ. И въ этомъ именно отдѣлѣ очень часто приходилось слышать воспоминанія добрымъ словомъ политехнической выставки 1872 г., устроенной въ память Петра Великаго московскимъ обществомъ естествознанія.

Главная часть предметовъ машиннаго отдѣла помѣщается въ отдѣльномъ павильонѣ вправо отъ главнаго зданія. Оріентироваться въ этой массѣ колесъ, рычаговъ, винтовъ нѣтъ возможности для обыкновеннаго смертнаго. И публика ходитъ единственно ради совершенія обряда.

Если говорить объ общемъ впечатлѣніи, то машиностроеніе, судя по тому, какъ оно представлено на выставкѣ, сдѣлало большой шагъ впередъ и стоитъ на прочной основѣ. Между прочимъ, для русской публики, интересующейся отечественной промышленностью, должно быть весьма пріятенъ фактъ, что и въ этой сферѣ производствъ русскому находится мѣсто не только въ качествѣ чернорабочаго. Миѣ, по крайней мѣрѣ, было очень пріятно встрѣчать имена русскихъ конструкторовъ, обозначенныхъ на выдающихся предметахъ. Такія обозначенія сдѣланы не всѣми экспонентами; а между тѣмъ эти обозначенія безъ особенной натяжки можно считать самою любопытною стороною выставки механическаго отдѣла.

Машиностроеніе есть безспорно производство, имѣющее рѣшающее значеніе на промышленное развитіе страны, и обходиться своимъ персоналомъ для потребностей производства представляется крайне важнымъ. Еще совсѣмъ не далеко то время, когда русскаго механика можно было встрѣчать въ качествѣ самородка, способнаго только изобрѣтать какіе-нибудь изумительные часы или сходить съ ума, задавшись неразрѣшимою задачею изобрѣсти вѣчное движеніе. Теперь есть цѣлесообразно устроенныя техническія училища, предприниматели-фабриканты разубѣдились въ необходимости иностраннаго руководства, и теперь не рѣдкость — огромныя мануфактуры, гдѣ нѣтъ на первомъ мѣстѣ иностранца. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ нельзя было представить себѣ прядильную безъ англичанина, красильную или тканепечатную безъ нѣмца или француза, а теперь это уже есть, и это весьма важный шагъ нашего промышленнаго развитія.

Настоящая потребность отечественной промышленности въ машинахъ еще далеко не удовлетворяется отечественной производи-

тельностью. Машинъ ввозится на сумму около 15 миллионѣвъ рублей, при собственномъ производствѣ на 50 миллионѣвъ. Отношеніе не особенно неблагопріятное, если принять во вниманіе, что машиностроеніе возникло у насъ сравнительно очень недавно. Изъ заводовъ, экспонирующихъ въ классѣ 63 (исполнительные механизмы), только весьма не многіе старѣе десяти лѣтъ, остальные всѣ моложе. И много значить привычка и рутина. Если въ извѣстномъ производствѣ работаетъ десять машинъ англійскаго производства, то трудно предположить, чтобы одиннадцатый предприниматель въ сферѣ этого же производства не выписалъ себѣ машины изъ Англіи, хотя русская машина стоила бы дешевле, а по достоинствамъ была вовсе не хуже.

Вслѣдствіе этого, слишкомъ розовыя надежды на тарифное покровительство слѣдуетъ считать рѣшительно неосновательными. Пошлина въ десять процентѣвъ цѣнности безспорно очень высока, но можетъ ли она задержать потребление иностраннаго продукта и поудить къ замѣнѣ его отечественнымъ, если нѣтъ довѣрія къ этому послѣднему? Отвѣтъ ясенъ. Если предприниматель затрачиваетъ двадцать-пять тысячъ въ механизмы, то у него надо предположить такой основной и оборотный капиталъ, при которомъ лишній расходъ въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей не можетъ считаться значительнымъ. Будущность русскаго машиностроенія безспорно блестящая, но тормозится она не конкуренціей иностранныхъ производителей, а нашими внутренними порядками. Какимъ громаднымъ тормозомъ является здѣсь невозможность широкаго пользованія минеральнымъ топливомъ. Вся средняя полоса, лишенная лѣсовъ, почти лишена возможности примѣненія паровыхъ двигателей. Недостатокъ или, лучше, нераспространенность технико-механическихъ знаній также тормозитъ въ весьма значительной степени дѣло расширенія русскаго машиностроенія. Всякій сельскій хозяинъ хорошо знаетъ, что значить завести въ хозяйствѣ сколько-нибудь сложный механизмъ, и стоитъ одному потерпѣть неудачу, чтобы распространеніе полезной и выгодной машины затруднилось. Ошибочно думать, что дешевизна машины имѣетъ исключительное вліяніе на ея потребленіе. Выгода отъ пользованія машиною такъ велика при ея цѣлесообразности, что лишняя затрата на ея приобрѣтеніе ровно ничего не значить.

Машиностроеніе развивается у насъ—это фактъ, развивается при многихъ невыгодныхъ условіяхъ, опредѣляемыхъ именно отечественнымъ нестроеніемъ. Всякую агитацію за уничтоженіе этихъ нестроений я понимаю, но не понимаю закланія интересовъ потребителей въ пользу сомнительныхъ интересовъ производителей. Понятно по-

ощрение промышленности въ виду ясно сознанныхъ пользъ страны. Но поощреніе промышленности ради промышленности, ради личныхъ интересовъ нѣсколькихъ производителей—абсурдъ, тѣмъ болѣе опасный, что онъ вноситъ элементъ искусственности въ такое дѣло, которое можетъ крѣпнуть, развиваясь только нормально. Ни при какихъ условіяхъ не создается такъ легко склонность къ спекуляціямъ, съ неизбежными кризисами, какъ при неосторожномъ примѣненіи таможеннаго покровительства. Хотя предпринимателямъ, конечно, пріятно дѣйствовать въ привилегированномъ положеніи, но приносить имъ въ жертву интересы общества, рабочаго населенія, итативаемыхъ въ искусственно-вдутое производство—не расчетъ для государства.

О классѣ желѣзно-дорожныхъ принадлежностей нечего и говорить. Если желѣзно-дорожныя предпріятія несутъ въ дѣйствительной жизни службу, далеко не соответствующую тѣмъ громаднымъ затратамъ, которыя сдѣланы на нихъ обществомъ, то въ качествѣ экспонентовъ они всегда и вездѣ безупречны. Какіе вагоны, какіе локомотивы, какія обстоятельныя таблицы, планы!.. Судя по выставкѣ, право, пришлось бы считать наши желѣзныя дороги совершеннѣйшими во всемъ мірѣ. Но припоминается ихъ задолженность государству, припоминаются разные случаи съ пассажирскими поѣздами, съ передвиженіемъ грузовъ, и произволъ въ распоряженіи тарифами... И меня не прельстили удивительные локомотивы изъ мастерскихъ главнаго общества, удивительное (вѣроятно) руководство къ желѣзно-дорожному счетоводству г. Волицкаго, „фонарь-монстръ“ г. Гринберга.

Я вышелъ изъ помѣщенія желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, убѣжденный въ истинѣ того афоризма, что „не все то золото, что блеститъ“.

V.

Группа VII (произведенія заводской обработки)—одна изъ самыхъ разнообразныхъ. Чего только нѣтъ въ ней,—сахаръ, водка, пиво, табакъ, мыло, свѣчи, духи, клей, лакъ, кожи, гуттаперча и каучукъ, бумага изъ тряпья и дерева, крахмалъ, поташъ, масляныя краски, химическіе продукты, стекло, фаянсъ, фарфоръ.

Всего роскошнѣе, какъ и слѣдуетъ ожидать, представлена водка. Ее подъ разными наименованіями выставили полсотни экспонентовъ; но винокуренныхъ заводчиковъ немного, все больше владѣльцы складовъ и „водочные заводчики“. Эти послѣдніе, какъ извѣстно очень любопытные производители. За извѣстный акціонъ они фактически

уполномочиваются продавать въ запечатанных бутылкахъ свои спиртуозные фабрикаты, причемъ цѣна назначается не соотвѣтственно чистотѣ, крѣпости, вообще достоинству содержимаго въ бутылкѣ, а ради затѣдливаго ярлика, невѣроятной формы бутылки, хитро, придуманнаго названія напитка, невѣстнаго подѣ курьезнымъ обозначеніемъ „спеціального“.

Когда я просматривалъ указатель выставки, то подивился многочисленности экспонентовъ изъ разряда „водочныхъ заводчиковъ“. Когда же обратился за справкой къ „Указателю фабрикъ и заводовъ“ Орлова, то оказалось, что водочныхъ заводовъ 364, съ производствомъ въ 38,000 тысячъ руб. и рабочимъ персоналомъ только въ 4,160 рабочихъ! Последнее условіе весьма любопытно. Такого отношенія оборота къ числу рабочихъ не имѣетъ почти ни одна отрасль промышленности. Это значитъ, что предприниматель стоитъ въ положеніи, допускающемъ возможность полученія такой выгоды отъ труда рабочаго, какого не достигается примѣненіемъ въ другихъ отрасляхъ промышленности самыхъ хитрыхъ приспособленій. Цифра оборота въ 2,000 р. на рабочаго считается очень высокою, а въ этомъ замѣчательномъ производствѣ есть заведенія, которыя имѣютъ оборотъ въ 400 тысячъ при 20 рабочихъ. Словомъ, оборотъ въ 20 тысячъ на рабочаго составляетъ далеко не рѣдкость, но цифра его достигаетъ иногда едва не до 50,000. Что же даетъ эта невѣроятная промышленность населенію страны; за какой рискъ получаетъ такую высокую выгодность для предпринимателя; что за продукты выставлены экспонентами изъ этой области промышленности? Водка очищенная, водки сладкія и горькія, наливки; этимъ исчерпывается производство. По отзывамъ людей, знакомыхъ съ дѣломъ, выгода производства заключается главнымъ образомъ въ возможности продавать водку произвольныхъ градусовъ за произвольную цѣну; разсыропливаніе и ароматизированіе напитковъ даетъ возможность удовлетворять вкусу потребителей разными средствами внѣ зависимости отъ содержанія алкоголя. Выгода очевидная и процвѣтаніе промышленности, столь блистательно себя заявившей на выставкѣ, болѣе чѣмъ понятно. Въ то время, какъ винокурение обставлено, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, контролемъ по отношенію къ каждому градусу изготовляемаго вина, водочное производство цвѣтетъ сравнительно очень независимо и — разцвѣло въ самый роскошный цвѣтокъ. Что касается до очистки вина, то и это производство тоже не предполагаетъ ни особеннаго риска, ни особенныхъ затратъ. И кромѣ того, выдѣленіе очистки водки въ особое производство отъ винокурения, при дорогой оцѣнкѣ этого нехитраго дѣла, можетъ считаться положительно вреднымъ для народнаго здоровья. Очищенное хлѣбное вино является такимъ образомъ исключительнымъ продуктомъ

и цѣна его, съ наложеніемъ на нее предпринимательскаго барыша еще для водочнаго заводчика, становится уже такъ высока, что исключаетъ продуктъ изъ общаго, народнаго потребленія. Народъ, неся на себѣ почти цѣлкомъ всю тяжесть питейнаго обложенія съ придачею всей стоимости содержанія кабатчиковъ, этихъ не официальныхъ, но дѣйствительныхъ сборщиковъ питейнаго налога, пьетъ вино неочищенное, другими словами—вино, отравленное амиловымъ алкоголемъ. Это особенно важно въ виду распространенія вина изъ картофеля.

Неочищенное вино разнится отъ дѣйствительно очищеннаго не только признаками, опредѣляемыми вкусомъ и обоняніемъ, но и по существу. Сивушный запахъ, свойственный неочищенному вину, свидѣтельствуетъ о присутствіи въ винѣ амиловаго алкоголя, вещества, какъ доказано, весьма вредно дѣйствующаго, особенно на пищеварительные пути. Растворъ этиловаго алкоголя въ водѣ, что и представляется хорошо очищеною водкою, далеко не въ той мѣрѣ дѣйствуетъ на организмъ, какъ водка съ примѣсью амиловаго алкоголя, извѣстнаго подъ именемъ сивушнаго масла. Въ присутствіи его особенно при несовершенномъ питаніи, есть большая вѣроятность отравленія, не только въ формѣ остраго опьяненія, но и хроническаго — алкоголизма, обычное явленіе котораго представляетъ у насъ запой.

Это весьма выдающаяся часть столь важнаго для нашего отечества питейнаго вопроса. Смотрѣть на вопросъ, только съ финансовой точки зрѣнія представляется рѣшительно неудобнымъ. Уже если наше государственное хозяйство сложилось такъ, что образовалась прямая зависимость бюджета отъ питейнаго акциза, то надо похлопотать о томъ, чтобы обезпечить по крайней мѣрѣ качество продукта отъ завѣдомо вреднаго элемента, каковымъ слѣдуетъ считать сивушное масло. Агитація въ пользу обращенія въ потребленіи вина только очищеннаго, свободнаго отъ амиловаго спирта, можетъ составить почтенную задачу для нашихъ техническихъ и ученыхъ обществъ.

Пивоваренное производство представлено сравнительно съ винокурениемъ очень скромно. И это, пожалуй, вполне естественно: эта отрасль промышленности у насъ никакъ не можетъ развиваться до возможности конкурировать съ водкой. Если въ городскомъ населеніи съ уничтоженіемъ откуповъ потребленіе пива возросло, то въ сельскомъ со введеніемъ акциза оно рѣшительно упало. Прежде въ сельскихъ кабакахъ можно было встрѣтить, и пиво и медъ, теперь о нихъ нѣтъ и помину: водка, и только водка.

Акцизное обложеніе—форма взиманія, которая считается удобною не однимъ нашимъ финансовымъ управленіемъ; но въ немъ есть

особенности, способныя дѣйствовать иногда на производство весьма угнетающимъ образомъ. Одною изъ такихъ особенностей является несомнѣнно стѣсненіе производства различными формальностями и взиманіе налога до оборота продуктомъ. Для крупнаго производителя эти условія не представляются слишкомъ обременительными, а для мелкаго они равносильны почти исключенію изъ сферы производства. Такъ, акцизъ убилъ у насъ винокуренные заводы сельскохозяйственнаго типа, акцизъ же мѣшаетъ развитію пивовареннаго производства, тогда какъ замѣна вина пивомъ была бы несомнѣннымъ выигрышемъ для населенія.

Теперь отношеніе потребленія пива къ водкѣ у насъ представляется очень невыгоднымъ. Для Россіи оно выражается въ такихъ цифрахъ: на одно лицо за одинъ годъ идетъ около 8 литровъ пива и 16 литр.¹⁾ водки. Въ Германіи 6 литр. винограднаго вина, 93 литра пива и 10 литровъ водки. Во Франціи отъ 120—125 литр. вина, 3 литра водки и 18—21 литр. пива. Въ Великобританіи 2,5 литр. вина, 6 литровъ водки и 147 литровъ пива. Въ Швеціи 0,36 литр. вина, 11 литровъ пива и 10,34 литровъ водки. Отношеніе далеко не выгодное и улучшить его—прямой расчетъ въ виду интересовъ народнаго благосостоянія.

Сахарное производство получило у насъ весьма широкое распространеніе и весьма можетъ быть распространилось бы еще шире, если бы не тотъ же акцизъ. Теперь свеклосахарные заводы доступны только капиталистамъ, хотя по существу производства добываніе сахара-сырца возможно и безъ большого основнаго и оборотнаго капитала. Если по условіямъ производства оно доступно мелкимъ производителямъ, то облегчить сахаровареніе было бы дѣломъ, чрезвычайно важнымъ для сельскаго хозяйства. Сахаръ теперь сталъ продуктомъ первой необходимости и облегченіе его производства расширило бы районъ разведенія свекловицы, что устранило бы возможность колебанія цѣнъ вслѣдствіе неурожая, всегда болѣе вѣроятнаго на тѣсно ограниченномъ районѣ, чѣмъ на болѣе распространенномъ. О значеніи введенія культуры свеклы въ возможно большемъ количествѣ русскихъ хозяйствъ нечего и говорить. Наконецъ по условіямъ климата и почвы мы могли бы сдѣлаться едва ли не первостепенными экспортерами сахара на европейскіе рынки. Теперь, если сахаръ и вывозится, то благодаря тарифному покровительству вывозу, а главное—слабому внутреннему потребленію. Сахарное производство имѣетъ оборотъ около 60,000 тыс. р., употребляя до 90,000 рабочихъ.

Табакъ представленъ многими экспонентами, и эта отрасль промышленности получила у насъ весьма серьезное развитіе и въ каче-

¹⁾ Литръ=0,0818 русскаго ведра.

ственномъ, и въ количественномъ отношеніи. Вынося весьма тяжелый акцизъ, оно продолжаетъ развиваться: очевидно, свойство продукта позволяетъ производству развиваться въ условіяхъ даже и не совсѣмъ легкихъ. Выставлены сорта отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ.

Табачное производство имѣетъ оборотъ почти въ 32,000 тыс. р., изъ которыхъ до 10,500 тыс. р. уплачивается въ акцизъ. Но этимъ не исчерпывается значеніе табачной промышленности, потому что въ эту цифру входитъ только стоимость фабричныхъ оборотовъ. Къ этому должны быть прибавлены: обороты отъ выращиванія табаку, плантаціи котораго занимаютъ около 52,000 десятинъ, производя продукта на 7 почти миллионъ рублей.

Мнѣ пришлось бы не кончить очень долго, если бы я сталъ останавливаться съ нѣкоторой подробностью на каждой отдѣльной промышленности, имѣющей свое представительство въ VII группѣ. Выражать свое мнѣніе о качествѣ продуктовъ внѣ моей компетентности. Я остановлюсь немного на одной изъ значительнѣйшихъ отраслей фабрично-заводской промышленности, именно—на производствѣ химическихъ продуктовъ.

Это—слабая сторона нашей промышленности; хотя въ общемъ ходѣ нашего промышленнаго развитія она подвигается, но далеко не въ той степени, въ которой желательно бы, принимая во вниманіе быстрое развитіе ея за-границей и сильный запросъ на ея продукты дома. Ни въ одной отрасли промышленности не происходитъ такого быстраго движенія подъ вліяніемъ научныхъ успѣховъ химіи. И вотъ отраженіе этого-то движенія и трудно подсмотрѣть въ предметахъ 54 клас. VII группы. Я помню этотъ классъ на мануфактурной выставкѣ 1870 г. и скажу совершенно убѣжденно, что прогрессъ, сдѣланный за 10 лѣтъ, не можетъ считаться въ этой сферѣ производства особенно блистательнымъ. Что было тамъ, то есть и тутъ; что отсутствовало тамъ, отсутствуетъ и здѣсь. А между тѣмъ, этимъ отсутствіемъ именно и свидѣлствуется отсталость производства. Извѣстно, какую огромную роль играютъ теперь красящіе пигменты, добываемые изъ каменнаго угля. Искусственныя краски совершенно вытѣсняють, изъ современной техники тканекрашенія и тканепечатанья, естественныя краски. Они почти отсутствуютъ, а присутствуетъ то, надъ чѣмъ судъ уже сравнительно давно произнесенъ. Мнѣ пришлось встрѣтить, напримѣръ, подъ фирмою одного изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ химическихъ продуктовъ крапъ изъ дербентовой марены, индиго. Очевидно, почтенный производитель живетъ заднимъ числомъ. Маренной пигментъ теперь совершенно вытѣсненъ искусственнымъ ализариномъ, и добываться въ производствѣ его совершенства, допускающаго выставочное показываніе, напрасный и нецѣлесообразный трудъ. То же самое и съ индиго. Оно добыто

тоже искусственное и уже входить въ практику мануфактуръ, можетъ приготовляться заводскимъ образомъ. Анилины тоже отсутствуютъ, если и присутствуютъ, то не выдаются, ибо иначе я встрѣтилъ бы ихъ въ замѣтныхъ количествахъ и замѣтномъ разнообразіи, ибо очень интересовался найти движеніе въ этой промышленности.

Слабое развитіе у насъ производства химическихъ продуктовъ обыкновенно объяснялось существованіемъ налога на соль. Для нѣкоторыхъ производствъ это объясненіе было вѣрно, но объяснять имъ неуспѣшность хода производства во всемъ его объемѣ значить дѣлать слишкомъ широкія обобщенія. Напротивъ, обозрѣвая отдѣлъ химическихъ продуктовъ, можно именно придти къ ошибочному заключенію, что тѣ производства именно и процвѣтаютъ, какія находятся въ зависимости отъ доступности соли: выставлено множество образцовъ соды, сѣрной кислоты и т. п.

Есть, очевидно, кромѣ налога на соль и другія обстоятельства, которые держали промышленность въ застоѣ до его уничтоженія и продолжаютъ держать и послѣ его исчезновенія. Что это за причины—не знаю, но во всякомъ случаѣ, апатія предпринимателей, при недостаткѣ въ ихъ средѣ специальныхъ знаній, тутъ не безъ значенія. Съ ней ничего не подѣлаютъ никакой разъ самые подготовленные, самые прогрессивные техники.

Н. Богомоловъ.

НЕКРОЛОГЪ.

МАКАРІЙ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ.

Въ ночь съ 9-го на 10-е іюня, въ селѣ Чернзовѣ, дачномъ мѣстопребываніи митрополитовъ московскихъ, умеръ отъ апоплексіи одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской іерархіи и первостепенный церковный писатель, митрополитъ московскій Макарій. Въ мірѣ онъ назывался Михаилъ Петровичъ Булгаковъ, родился 19 сентября 1816 года, сыномъ бѣднаго священника въ селѣ Сурковѣ, новооскольскаго уѣзда курской губерніи. Дѣтство его прошло въ крайней нуждѣ; отецъ скоро умеръ и мать осталась съ пѣтерными дѣтьми на рукахъ и двѣнадцатью рублями пенсіи (приводимъ свѣдѣнія его біографовъ). Михаилъ Булгаковъ былъ помѣщенъ въ духовное училище и, хотя былъ мальчикъ очень болѣзненный, вскорѣ сталъ первымъ ученикомъ. На его счастье имъ заинтересовался епископъ курскій Іліодоръ, присутствовавшій однажды на экзаменахъ; Іліо-

дѣръ вознелъ въ его положеіе и помочь семьѣ. Въ курской семинаріи (вторая ступень духовной школы) онъ опять встрѣтилъ расположеніе со стороны ректора, архимандрита Ельнидифора, впоследствии архіепископа таврическаго. У него Михаилъ Булгаковъ проводилъ каникулы и, какъ говорить, ему особенно обязанъ своимъ развитіемъ. Въ 1837 Булгаковъ, кончивъ семинарскій курсъ, поступилъ въ кievскую духовную академію; еще на четвертомъ академическомъ курсѣ, въ 1841, онъ принялъ монашество и въ томъ же году рукоположенъ въ іеродіакона и на другой день по окончаніи курса въ іеромонаха. Въ августѣ того же года іеромонахъ Макарій былъ избранъ бакалавромъ кievской академіи по кафедрѣ русской церковной и гражданской исторіи, а въ 1842 переведенъ въ петербургскую академію на кафедру догматическаго богословія. Получивши санъ архимандрита, онъ въ 1849 назначенъ былъ инспекторомъ академіи, въ 1851 сталъ викарнымъ епископомъ винницкимъ и ректоромъ академіи, которымъ и оставался до 1857 года. Съ тѣхъ поръ началась его практическая дѣятельность какъ іерарха. Назначенный въ 1857 епископомъ тамбовскимъ, онъ былъ потомъ съ 1859 епископомъ харьковскимъ, съ 1868, по смерти Іосифа Синашени, архіепископомъ литовскимъ и вилненскимъ, съ 1879 митрополитомъ московскимъ.

Ученая дѣятельность Макарія была посвящена теоретическому богословію и исторіи русской церкви. Первымъ трудомъ его была „Исторія кievской академіи“ (1843), которая была въ нашей литературѣ однимъ изъ первыхъ специальныхъ изслѣдованій этого рода. Затѣмъ слѣдовала „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ (1846), которая тотчасъ поставила автора въ ряду авторитетныхъ историковъ: темный предметъ былъ рассмотрѣнъ съ весьма обстоятельной критикой и новыми свѣдѣніями. По теоретическому богословію Макарій оставилъ высоко цѣнимые труды: „Введеніе въ православное богословіе“ (1847) и въ особенности „Православное догматическое богословіе“, обширный трудъ въ пяти томахъ (1849—52). Наконецъ, снова по церковной исторіи онъ написалъ „Исторію раскола“ (наименѣе важная изъ его книгъ) и многіе годы работалъ надъ „Исторіей русской церкви“; смерть застала его на двѣнадцатомъ томѣ этого сочиненія, составляющаго чрезвычайно важный вкладъ въ изученіе нашей исторіи. Значеніе этого труда заключается не только въ той внимательной критикѣ, о которой мы упоминали, но и въ массѣ историческаго матеріала, впервые введеннаго въ изслѣдованіе изъ древнихъ рукописей. Не только въ то время, но и донинѣ остается еще множество неизданныхъ памятниковъ старины, необходимыхъ какъ для исторіи церкви, такъ и для исторіи литературы, или изданныхъ мало удовлетворительно: древнихъ поученій, словъ, посланій, житій, „похвалъ“ и т. п. Встрѣчаясь съ ними на

пути своихъ изысканій, Макарій собиралъ рукописи, изслѣдовалъ, слѣчалъ ихъ, опредѣлялъ ихъ редакціи и, пользуясь въ текстѣ извлеченными изъ нихъ фактами, въ примѣчаніяхъ приводилъ выписки, печаталъ цѣлыя древніе тексты, которые являлись у него въ первый разъ въ печати. Это была, такимъ образомъ, работа не надъ однимъ готовымъ книжнымъ матеріаломъ, но и розысканіе самого матеріала.

Іерархическая дѣятельность покойнаго митрополита Макарія будетъ, вѣроятно, повсѣднѣе разсказана людьми, имѣющими къ тому необходимый матеріалъ. Упомянемъ здѣсь только объ его стремленіяхъ къ измѣненію и улучшенію юридическаго и бытового положенія духовенства, — положенія, которое ведетъ наконецъ къ численной недостаточности священства (какъ о томъ свидѣлствуетъ недавній указъ святѣйшаго синода), — объ его дѣятельности преподавательской, о которой уже вспомнили съ сочувствіемъ его бывшіе слушатели въ петербургской духовной академіи, — объ его отношеніи къ интересамъ „свѣтской“ литературы, какъ оно выразилось въ его памятной рѣчи по поводу Пушкинскаго торжества, и какъ оно еще никогда, кажется, не было выражаемо лицами его сословія. Упомянемъ здѣсь также объ его отношеніи къ одному новѣйшему церковно-историческому труду, которому митрополитъ Макарій содѣйствовалъ авторитетомъ своего признанія и, кажется, также денежными средствами, — хотя упомянутый трудъ веденъ былъ въ иномъ духѣ и даже совсѣмъ противорѣчилъ взглядамъ самого Макарія: этотъ фактъ дѣластъ послѣднему великую честь.

Въ 1867, бывши еще въ Харьковѣ, Макарій пожертвовалъ изъ своихъ средствъ 120,000 руб. для учрежденія премій за лучшіе научныя сочиненія, — преміи должны были выдаваться одинъ годъ отъ святѣйшаго синода за сочиненія, относящіеся къ духовной литературѣ, другой годъ отъ академіи наукъ за сочиненія свѣтскія. Въ 1869 при юбилей кievской духовной академіи онъ пожертвовалъ еще 25,000 также для научной преміи.

„Свѣтскія“ учрежденія давно отдали дань научнымъ заслугамъ митрополита Макарія. Съ 1853 онъ былъ почетнымъ членомъ археологическаго общества, съ 1854 членомъ русскаго отдѣленія академіи наукъ (въ изданіяхъ этого отдѣленія онъ участвовалъ своими трудами); въ 1855 онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета, въ 1856 — харьковскаго; въ 1869 онъ получилъ степень доктора исторіи отъ университета петербургскаго, и пр.

15 іюня были совершены похороны митрополита Макарія въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, съ большимъ торжествомъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е июля, 1882.

Разрывъ между „Русью“ и „Московскими Вѣдомостями“.—„Наркотизмъ фразы“, ведущій въ „омерзительныя объѣты“.—Вредныя легенды и не менѣе вредныя боевыя девизы.—Возможность примиренія между „либеральной прессой“ и „Русью“.—Новый Нарциссъ въ образѣ писателя, вліяющаго на сферы и громащаго „гг. рецензентовъ“.—Еще о женскихъ врачебныхъ курсахъ.—Московский городской голова и начальныя городскія училища.

Съ самаго начала изданія „Руси“ между нею и „Московскими Вѣдомостями“ установился союзъ, безмолвный, но тѣмъ не менѣе крѣпкій; онъ вмѣстѣ громили „лже-либеральную прессу“ и „такъ-называемую либеральную партію“, отождествляли либерализмъ съ нигилизмомъ, стояли горой за классическое образованіе, уповали на мировыхъ посредниковъ, привѣтствовали государственный переворотъ въ Болгаріи. Разногласіе по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ,—напр., еврейскому,—не мѣшало добрымъ отношеніямъ и не доходило до открытаго спора. Вопреки своимъ традиціямъ, вопреки основнымъ началамъ стараго славнофильства, „Русь“ продолжала пребывать въ одномъ лагерѣ съ бюрократами *par excellence*, съ продолжителями тѣхъ людей, которые въ сороковыхъ годахъ считали Кирѣевскихъ и Хомякова чуть не врагами порядка и государства. Мѣсяца полтора тому назадъ положеніе дѣлъ внезапно измѣнилось; между союзниками произошелъ разрывъ, инициатива котораго принадлежитъ, однако, не „Руси“, а „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Говорить о существѣ вопроса, послужившаго яблокомъ раздора, мы, къ сожалѣнію, не въ правѣ; но для насъ интересны и политическіе приемы обѣихъ сторонъ. Арсеналъ „Московскихъ Вѣдомостей“ не отличается разнообразіемъ; онъ состоитъ изъ немногихъ тяжелыхъ орудій, мало отличающихся одно отъ другого даже по формѣ. Въ февралѣ или мартѣ 1880 года—въ самомъ началѣ той эпохи, для которой придумано *post facto* вовсе не подходящее къ ней названіе „диктатуры сердца“,—брюганъ г. Каткова поражалъ своихъ противниковъ словами, произнесенными Нечаевымъ въ залѣ московскаго окружнаго суда. Возражая тогда „Московскимъ Вѣдомостямъ“, мы замѣтили, между прочимъ ¹⁾: „И такъ, еслибы одному изъ осужденныхъ революціонеровъ вздумалось крикнуть теперь: *податная реформа!* — то

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1880 г. № 4, внутреннее обозрѣніе, стр. 780.

нужно было бы положить veto и на этотъ вопросъ?" Кто бы могъ предвидѣть, что два года спустя то же обвиненіе и тотъ же, приблизительно, отвѣтъ встрѣтятся вновь, но уже не въ полемикѣ „консерваторовъ" съ „либералами", а въ полемикѣ „Московскихъ Вѣдомостей" съ бывшимъ товарищемъ по оружію—съ „Русью"! Восклицаніе Нечаева, съ присоединеніемъ къ нему на этотъ разъ словъ Желябова, опять извлечено изъ редакціоннаго архива и выдвинуто на сцену какъ ultima ratio противъ задушевной мысли г. Аксѣева. „Пугачевъ,—отвѣчаетъ на это „Русь",—провозглашалъ въ своихъ „манифестахъ" освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и надѣленіе ихъ землею. Стала ли, послѣ того, самая мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ тождественною съ идеей пугачевщины или крамолы? Нѣтъ такихъ истинъ, даже самаго высшаго значенія, которыхъ именемъ все и живо не величались бы самыя враждебныя имъ доктрины. Достаточно вспомнить инквизицію или хоть орденъ іезуитовъ,—но развѣ ими *скомпрометировано* христіанство?" Безусловная правота „Руси" не подлежитъ въ данномъ случаѣ никакому сомнѣнію; но развѣ не характеристично, что она, именно она, должна прибѣгать къ подобнымъ оправданіямъ? Обвиняя „Русь", органъ г. Каткова остался вѣрнымъ самому себѣ; давно уже извѣстно, что несогласіе съ „Московскими Вѣдомостями" равносильно солидарности съ крамолой. Вся уступка, допускаемая ими, состоитъ въ томъ, что рядомъ съ солидарностью намѣренною, сознательною, въ которой виновны „же-либералы", можетъ быть солидарность безсознательная, невольная, въ которую и впала „Русь". „Вотъ въ томъ-то и бѣда,—говорятъ „Московскія Вѣдомости" въ одной изъ статей своихъ противъ „Руси":—люди добросовѣстные часто сами не знаютъ, чего хотятъ, между тѣмъ какъ недобросовѣстные хорошо знаютъ, чего хотятъ". Называя, въ другомъ мѣстѣ, разсужденія „Руси" *блаонамѣренною болтовнею*, „Московскія Вѣдомости" продолжаютъ: „одной благонамѣренности недостаточно для того, чтобы уберечься отъ обмана и не попасть въ его сѣти. Надобно положить зарокъ на свой языкъ и перо, и если кто владѣетъ общественнымъ словомъ, тотъ не долженъ бросать сужденія о политическихъ предметахъ безъ достаточной обдуманности и зрѣлаго убѣжденія. Надобно пуще всего бояться фразы; напротивъ фразы всего вреднѣе дѣйствуетъ на умъ и благонамѣренныхъ живьемъ отдастъ въ руки интриги. Фраза—*блудовое дѣло*; упившись ею, можно очутиться *невѣдомо* и *проснуться въ омерзительныхъ объятіяхъ*". Интрига, проникшая на страницы „Руси", напыщенная, дѣланная, но въ сущности невиннѣйшая фраза, приводящая въ „омерзительныя объятія",—это геркулесовы столбы сыскаго усердія! Еслибы

„Московскія Вѣдомости“ захотѣли пойти еще дальше, имъ не оставалось бы ничего иного, какъ схватить самихъ себя и отдаться въ руки правосудія.

Требованіе „Руси“, не поправившееся „Московскими Вѣдомостямъ“, не заключало въ себѣ ничего новаго; оно высказывалось много разъ съ достаточною опредѣленностью и ясностью. Какимъ же образомъ могло случиться, что обѣ газеты такъ долго шли рука объ руку? Со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ это объясняется тѣмъ, что онѣ нашли въ „Руси“ неожиданную, драгоцѣнную помощь противъ стараго врага—либерализма. Чтобы заставить ихъ поссориться съ такимъ союзникомъ, нужны были совершенно особенныя обстоятельства, о которыхъ теперь не время говорить подробно; нужно было, чтобы спорный вопросъ придвинулся къ той чертѣ, на которой теорія начинаетъ граничить съ практикой и борьба лицъ усложняется собою борьбу принциповъ. Но что заставляло „Русь“ идти на буксиръ „Московскихъ Вѣдомостей“ и что заставляло ее забывать о коренномъ несогласіи съ ними? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить до извѣстной степени предисловіе къ книгѣ г. Шарапова: „Будущность крестьянскаго хозяйства“ (Часть первая. Москва, 1882). Г. Шараповъ — не только сотрудникъ „Руси“, но и поклонникъ г. Аксакова, знамя котораго онъ называетъ „хорошимъ, чистымъ, безъ пятнышка“. Значеніе г. Аксакова онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Интеллигенція совсѣмъ было уже приготовилась. Фракъ, бѣлый галстукъ, стаканъ воды съ сахаромъ или безъ сахару — и „Милостивые Государи!“ Не знаю, повѣрите вы, или нѣтъ, но ужъ и роли были приблизительно распределены. *Является Аксаковъ и какъ метлой выметаетъ все это*“. Вооруживъ г. Аксакова столь необходимыми оружіемъ, г. Шараповъ констатируетъ, однако, существованіе „недоразумѣній, ошибокъ, или вѣрнѣе—неосторожностей“, изъ которыхъ главная—положеніе, занятое „Русью“ относительно „Московскихъ Вѣдомостей“. „Катковъ и Аксаковъ,—говоритъ г. Шараповъ,—не полемизируютъ и видимо держатся одинъ за другого. Увы! къ несчастію, я это долженъ признать ¹⁾. Лично я считаю этотъ союзъ, по крайней мѣрѣ со стороны редактора „Руси“, огромной ошибкой“. Изобразивъ обычными въ извѣстномъ лагерѣ красками и чертами все безсильіе „либерализма“, г. Шараповъ продолжаетъ: „неужели противъ такихъ ужасныхъ манифестацій одна „Русь“ не въ состояніи идти, а необходимъ еще союзникъ Катковъ? Впрочемъ, это мое личное мнѣніе; Аксаковъ думаетъ иначе. Ему дорога въ Катковѣ одна черта, которая представляетъ въ наше время,

¹⁾ Книга г. Шарапова вышла въ свѣтъ до разрыва, упомянутого нами выше.

дѣйствительно, великую рѣдкость: это правильное и глубокое русское чувство. Это чувство выдвинуло Каткова сразу въ польскомъ вопросѣ. Аксаковъ не могъ забыть, что тогда только онъ да Катковъ и явились въ качествѣ русскихъ гражданъ. Тѣмъ же гражданномъ оказался Катковъ и во время приснопамятнаго берлинскаго трактата. Какъ бы то ни было, нѣжность г. Аксакова къ г. Каткову не исчезла и до сихъ поръ, не смотря на перчатку, высокомерно брошенную послѣднимъ. Все негодование, все рѣзкія и оскорбительныя слова „Русь“ по прежнему берегаетъ для „либераловъ“; прикасаясь къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, она надѣваетъ бархатныя перчатки. Въ той самой статьѣ, въ которой „Русь“ должна была оправдываться по обвиненію въ солидарности съ Печаевымъ и Желябовымъ, мы встрѣчаемъ расшаркиваніе передъ „Московскими Вѣдомостями“ и сочувственное одобреніе ихъ настойчивыхъ стремленій—стремленій „разсѣять тотъ призракъ могущества, который выросъ у насъ изъ оппозиціонныхъ элементовъ и приобрѣлъ обаятельную силу даже надъ умами многихъ лицъ, стоящихъ на чредѣ власти“. А между тѣмъ, истинное значеніе этихъ „стремленій“ выясняется все больше и больше; выясняется также и сила, которою они располагаютъ. Говоря о перемѣнѣ въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, „Русь“ выражаетъ надежду, что новый министр „не поддастся страстнымъ внушеніямъ тѣхъ, которые мечтаютъ, будто усиленіе дѣятельности канцелярско-бюрократическаго механизма дѣйствительно усиливаетъ, а не расширяетъ власть; которые вѣруютъ, будто казенно-полицейскій духъ, воспринувъ въ правительствѣ съ новой отвагой, способенъ дѣйствительно оживить, а не окончательно умертвить и безъ того подавленный духъ органической жизни цѣлой страны“. Противъ кого направлены эти слова? Противъ „либераловъ“, съ которыми такъ неустанно боролась „Русь“? Нѣтъ; противъ теоретиковъ реакціи и бюрократизма, съ которыми она долго не расходилась и до сихъ поръ не разошлась совершенно. Болѣе яркаго свѣта на прошедшее „Русь“ не могли бы бросить самыя ожесточенныя ея противники. „Die ich rief die Geister“,—можетъ она сказать сама себѣ, словами гётевскаго „Zauberlehrling“,—„werd'ich nun nicht los“.

Мы остановились на разрывѣ между „Русью“ и „Московскими Вѣдомостями“ вовсе не для того, чтобы потѣшиться чужою ссорой, вовсе не для того, чтобы вывести изъ нея заключеніе о слабости нашихъ противниковъ. Печальная исторія, рассказанная нами, имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, интересъ другого рода. Она свидѣтельствуетъ о томъ, что настала пора покончить съ вредными легендами, отказаться отъ употребленія устарѣвшихъ или съ самаго начала нигуда негодныхъ боевыхъ девизовъ. Къ числу легендъ, отжившихъ свое

время, мы относимъ прежде всего повѣсть о минимыхъ заслугахъ г. Каткова по польскому вопросу. Отпоръ, данный Россіей возстанію и иностранному вѣдѣтельству, не сдѣлался ни на волосъ сильнѣе отъ фразъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Защита всего того, что было сдѣлано въ привислянскихъ и западно-русскихъ губерніяхъ на пользу крестьянъ, на пользу массы народа, никогда не составляла монополии двухъ великихъ „гражданъ“, прославляемыхъ г. Шараповымъ. Монополіей того изъ нихъ, о которомъ мы теперь говоримъ, былъ только духъ національной нетерпимости, была система полицейскаго насильственнаго обрусенія, принесшая столько горькихъ плодовъ и парализовавшая столько полезныхъ начинаній ¹⁾. „Правильное, глубокое русское чувство“ не стало бы дѣлать различія между населеніемъ окраинъ и центральныхъ губерній: оно не создало бы того двулицкаго Януса, который смотрѣлъ на западъ, по крайней мѣрѣ иногда, глазами Самарина и Милютина, на востокъ—всегда глазами „Вѣсти“. Двойственность политики возможна только въ критическія минуты государственной жизни—и если въ западномъ краѣ такъ скоро воскресли прежнія традиціи, то это было логическимъ результатомъ реакціи, которую „Московскія Вѣдомости“ не переставали рекомендовать съ самаго 1862-го года. Не простою случайностью слѣдуетъ считать и то, что время наибольшаго торжества „Московскихъ Вѣдомостей“ было временемъ опалы для славянофильской печати, что появленіе „Руси“ сдѣлалось возможнымъ лишь вслѣдствіе поворота, надъ которымъ теперь—разъ, что виновники его отправлены Немезидой на „отдыхъ и врачеваніе“ (см. „Моск. Вѣд.“, № 152)—такъ горько пронизиваетъ г. Катковъ. Союзниками „Московскихъ Вѣдомостей“ могутъ быть только тѣ, которымъ безусловно противна всякая свобода мысли, всякая личная инициатива, всякая общественная дѣятельность. Если положенія, проповѣдуемыя г. Катковымъ, такія же непреложныя истины, какъ то, что А есть А и не есть не А, то рядомъ съ ними, очевидно, не остается мѣста ни для какихъ другихъ; если смыслъ этихъ истинъ—полновластіе администраціи и безмолвіе общества, то „бюрократическо-канцелярскій строй“—послѣднее слово государственной мудрости и единственное

¹⁾ Той же системы „Московскія Вѣдомости“ продолжаютъ держаться и теперь; такъ, напр., въ корреспонденціи изъ Ковна (№ 159) предлагается, для устроенія польской агитаціи въ мѣстностяхъ съ литовскимъ населеніемъ, не принимать на службу лицъ польскаго происхожденія, отъ служащихъ поляковъ отбирать подписки о неупотребленіи польскаго языка въ общественной жизни, такими же подписками обязать аптекарей, врачей, частныхъ повѣренныхъ, содержателей ресторановъ и лавокъ, безусловно воспретить употребленіе польскаго языка въ католическихъ церквахъ и духовныхъ семинаріяхъ, и т. п.

будущее, возможное для Россіи. Никакихъ недоразумѣній при такой постановкѣ вопроса нѣтъ и быть не можетъ; „Московскія Вѣдомости“— въ этомъ имъ нужно отдать полную справедливость—усердно поработали надъ тѣмъ, чтобы показать себя въ истинномъ свѣтѣ. Неужели же и теперь, послѣ всего пережитого и выслушаннаго нами, г. Аксаковъ будетъ видѣть опасность не тамъ, гдѣ она дѣйствительно существуетъ? Неужели въ виду подлиннаго и вѣсомитѣннаго ультра-бюрократизма „Московскихъ Вѣдомостей“ онъ будетъ продолжать борьбу противъ мнимаго бюрократизма „либераловъ“? Признаковъ желанной перемены мы, къ сожалѣнію еще не замѣчаемъ; боевой девизъ „Руси“ еще не измѣнился. „Сознаніе нашего общества,—читаемъ мы въ одной изъ недавнихъ передовыхъ статей славянофильской газеты (№ 22),—все еще затемнено, гораздо менѣе готово къ необходимому для насъ возрожденію, чѣмъ даже сознаніе самихъ носителей власти, и съ бѣльшимъ упорствомъ, чѣмъ когда либо исповѣдуетъ принципъ Петровой цивилизующей дубинки—только въ болѣе деликатной формѣ, т.-е. въ *формѣ фальшиво-либеральнаго, бюрократическаго верховодства русскимъ народомъ*“. Упорствомъ, „бѣльшимъ, чѣмъ когда-либо“, страдаетъ не русское общество, а самъ г. Аксаковъ. Пускай онъ хоть разъ, отложивъ въ сторону избитое клише, объяснитъ опредѣленно и прямо, когда, гдѣ и какъ выражалось притязаніе русскаго общества на „бюрократическое верховодство русскимъ народомъ“. Одну или нѣсколько фразъ, допускающихъ истолкованіе или перетолкованіе въ этомъ смыслѣ, онъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь и отыщетъ; но ему останется еще доказать, что именно въ этихъ и только въ этихъ фразахъ выражается мнѣніе общества или хотя бы мнѣніе большинства „либераловъ“, ему останется согласить ихъ съ массой заявленій противоположнаго свойства. Не лучше ли ему выступить на тотъ путь, на которомъ ожидала его встрѣтить „либеральная“ печать, когда она такъ сочувственно приняла вѣсть объ основаніи „Руси“? Какъ ни различны идеалы этой печати и идеалы г. Аксакова, точкой соприкосновенія между ними могло бы послужить уваженіе къ свободѣ мысли, желаніе услышать голосъ русскаго народа. Мы знаемъ и помнимъ всѣ грѣхи г. Аксакова противъ свободы мысли, но помнимъ и прежнія его заслуги. Еще недавно онъ торжествовалъ—и тогда мы не нашли бы возможнымъ обратиться къ нему съ такими словами; теперь обстоятельства переизмѣнились—не переизмѣнятся ли вѣстѣ съ ними и образъ дѣйствій „Руси“?

Походъ, открытый „Московскими Вѣдомостями“ съ развернутымъ знаменемъ и барабаннымъ боемъ, направленъ не только противъ свободы мысли, не только въ защиту „бюрократическа-канцелярскаго строя“; онъ направленъ и противъ реформъ, предпринятыхъ въ по-

слѣднее время съ цѣлью улучшенія народнаго быта. „Поднимались какіе-то вопросы о недостаткѣ земли въ Россіи, о необходимости переселеній“—вотъ какими тономъ говорить теперь объ этихъ реформахъ газета, два года тому назадъ, въ эпоху „вѣяній“, сама включившая въ свою программу *облегченіе крестьянскихъ переселеній*. Во всѣхъ недавно изданныхъ „Московскія Вѣдомости“ видать „какую-то суетливостъ, снѣшную заботу о томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать что-нибудь для крестьянъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ—дѣлается ли именно то, что нужно, и въ той ли постепенности, въ какой требуется интересами тѣхъ, кого хотятъ *облагодѣять* (sic!). Такъ ниня няньки стараются утѣшить и успокоить разкапризлившагося ребенка, подсовывая ему первыя попавшіяся подъ руку игрушки и лакомства, не заботясь о томъ, какъ мало сообразно это съ разумными воспитательными цѣлями... Поднять общій уровень народнаго благосостоянія—не одно и то же, что удовлетвореніе нининыхъ народныхъ нуждъ, заявляемыхъ такъ-называемымъ либеральнымъ лагеремъ, и для рѣшенія этой задачи нужно не то, что предлагается въ извѣстныхъ либеральныхъ рецептахъ“. Итакъ, пониженіе выкупныхъ платежей, отиѣна подушной подати, учрежденіе крестьянскаго банка—это все игрушки и лакомства, поднесенныя ребенку вопреки правиламъ здоровой педагогикі! Начать нужно было съ другого конца, то-есть, вѣроятно, съ приглашенія болѣе энергическихъ нянекъ—съ учрежденія мировыхъ посредниковъ, облеченныхъ широкою властью надъ крестьянами; тогда всѣ вопросы о малоземельѣ, о податномъ бремени разрѣшились бы сами собою, подобно тому, какъ разрѣшились Щедринскимъ героемъ вопросы объ „изобиліи и неизобиліи“. Когда такіа теоріи выдаются за аксіомы, своевременно ли терять заряды въ борьбѣ противъ фантастическаго бюрократизма „либераловъ“?

Мы упомянули мимоходомъ о книгѣ г. Шарапова: „Вудущность крестьянскаго хозяйства“. Самая книга представляетъ мало замѣчательнаго; это—перепечатка разныхъ статей и рефератовъ, отрицающихъ малоземелье, какъ источникъ бѣдственнаго положенія крестьянъ, и превозносящихъ спасительную силу искусственныхъ туковъ. Полемическій задоръ, вносимый авторомъ въ развитіе этой темы, тратится имъ совершенно по напрасну; можно быть „либераломъ“ и допускать пользу удобренія и желать, чтобы у крестьянъ было побольше для него иѣста—другими словами, можно стоять за увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія и виѣстѣ съ тѣмъ за улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Заключенный въ свои настоящіе предѣлы, вопросъ о тукахъ перестаетъ быть поводомъ къ тенденціозному шуму, а г. Шараповъ хочетъ именно шума, какъ можно больше

шума. Гора не идетъ къ Магомету—Магометъ по неволѣ идетъ къ горѣ; читающій міръ очень мало знаетъ о г. Шараповѣ—г. Шар-
повъ самъ рекомендуетъ себя читающему міру. Подобно г. Каткову,
толкующему о *наилучшихъ личнѣхъ отношеніяхъ* своихъ къ гр. Ло-
рисъ-Меликову и гр. Игнатьеву, г. Шараповъ заявляетъ о вліяніи
своемъ на *сферы*, приводитъ выписку изъ письма, писаннаго имъ
въ отвѣтъ на запросъ одного „администратора“, какъ провести въ
крестьянское ховайство искусственные удобренія. „Конечно,—говоритъ
онъ въ предисловіи,—я долженъ радоваться, если вижу, что тамъ
гдѣ-то, въ *сферахъ*, я можетъ быть и служу иногда совѣтомъ, въ
томъ смыслѣ, что иная пущенная мною идея находитъ почву и
иногда падаетъ не на голый камень. Но увы! вырастаетъ изъ нея
все-таки совершенно не то, чего желаешь. Нѣкоторыя мои идеи,
дѣйствительно, брались за базисъ нѣвѣстныхъ предположеній (лю-
бопытно было бы знать, какихъ?), но... можетъ быть, я и самъ этому
виноватъ, излагая дѣло только въ общихъ чертахъ,—результаты
выходили микроскопическіе“... Дальше г. Шараповъ сообщаетъ, что
у него образовался небольшой кружокъ читателей исключительно
въ провинціи, и притомъ состоящій весь изъ людей деревни. О со-
ставѣ и силѣ этого кружка онъ имѣетъ только случайныя свѣдѣнія,
но знаетъ, что въ немъ нѣтъ двухъ самыхъ дорогихъ элементовъ:
мужика и молодежи. Отсутствие послѣдней сокрушаетъ г. Шарапова
больше всего; въ этомъ отношеніи онъ „бесконечно завидуетъ“ г.
Энгельгарту. Мы должны признаться, что скорбь г. Шарапова для
насъ не вполне понятна. Стоитъ ли автору грустить о томъ, что
его не читаютъ глупые или по меньшей мѣрѣ неумные люди? „Если
бы наша публика,—говоритъ г. Шараповъ въ другомъ мѣстѣ того
же предисловія,—а въ особенности молодежь, были вообще умны, они
поняли бы это (т.-е. не-солидарность г. Аксакова съ г. Катковымъ)
и ужъ конечно не обвинили бы Аксакова“... Молодежь не шута убѣж-
дена, „что у мужика не душа, а паръ, и что ему нужно вдохнуть
новую либеральную душу“. Молодежь не слушаетъ г. Шарапова,
потому что онъ „говоритъ съ трибуны, къ которой молодежь не под-
ходитъ, которая окружена особаго рода частоколомъ; и перелѣзть
черезъ этотъ частоколъ нельзя безъ особеннаго мужества, безъ
яснаго самостоятельнаго мышленія. Ну, а этими качествами, по
правдѣ сказать, наша молодежь не блистаетъ. Да и одна ли мо-
лодежь?“ Повторяемъ еще разъ, о чемъ же г. Шарапову сокрушаться?
Его слушаютъ и даже иногда слушаются *сферы*, его читаютъ, о
немъ спорятъ въ провинціи, его мысли, „облеченныя далеко не въ
банальную форму обыкновенныхъ газетныхъ статей“, появляются на
на страницахъ „очень распространеннаго и вліятельнаго изданія“—

чего же ему еще нужно? Почему онъ такъ дорожить слушателями неумными, не умѣющими ясно и самостоятельно мыслить? Или, можетъ быть, проповѣдь г. Шарапова дастъ имъ и умъ, и способность самостоятельнаго мышленія?.. Читающее общество—не толкующій рынокъ, на которомъ продавецъ зазываетъ къ себѣ покупателей. Какъ бы громко ни кричалъ тотъ, чей товаръ не идетъ съ рукъ, какъ бы презрительно онъ ни отзывался о своихъ конкурентахъ, въ какомъ бы привлекательномъ свѣтѣ онъ ни выставлялъ свою лавку, онъ не дождется тѣхъ, кого ему нужно. Вывѣска здѣсь дѣло второстепенное; въ лавку, куда никто не заглядывалъ, повалить толпы, какъ только тамъ заведется товаръ, заслуживающій вниманія. Доказательство этому—успѣхъ лекцій г. В. Соловьева, котораго никто, конечно, не считалъ къ лагерю, излюбленному молодежи. Если проповѣдь искусственныхъ тузовъ не пользуется такимъ же успѣхомъ, виновать въ этомъ только проповѣдники.

Весьма жаль, что недостатокъ мѣста мѣшаетъ намъ привести фликомъ обращеніе г. Шарапова къ „гг. рецензентамъ“, напечатанное въ самомъ началѣ его книги. „Ахъ господа, господа!“—такъ начинается это обращеніе:—„что это у васъ за скверная привычка такая, взявши книгу въ руки, прежде всего слѣдствіе произвести: что, молъ, авторъ либераль или консерваторъ? А потомъ соотвѣтственно съ этимъ и рецензія пишется... Увѣряю васъ, что относительно меня вы спутаетесь. Я не либераль въ вашемъ смыслѣ, тѣмъ болѣе не консерваторъ... А что я съ нашими либералами сражаюсь, то есть не сражаюсь, а просто смѣюсь надъ ними, такъ это понятно. Больно ужъ они комичны... Но это еще не значитъ, чтобы я не смѣялся точно также и надъ консерваторами... Нужды нѣтъ, что здѣсь я не смѣюсь! Есть причины“... Каковъ тонъ, какова развязность? Какъ высоко парить г. Шараповъ надъ партіями или, лучше сказать, какъ безцеремонно зазываетъ къ себѣ читателей! Ну какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не познакомиться съ писателемъ, одинаково смѣющимся и надъ либералами, и надъ консерваторами! Негодующихъ рецензій, на которыя, повидимому, рассчитывалъ г. Шараповъ, онъ едва ли дождется; есть явленія, на которыя достаточно указать—и пройти мимо.

Мы говорили въ прошедшій разъ о постановленіи петербургской городской думы, ассигновавшей 15,000 рублей на содержаніе женскихъ врачебныхъ курсовъ. Это постановленіе, какъ и нужно было ожидать, возведено гдѣ слѣдуетъ на степень *амтаици* (!) въ пользу курсовъ. Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“, подписавшійся „отцомъ семейства“, сомнѣвается даже въ правѣ городского обще-

ственного управленія завѣдывать женскими врачебными курсами, хотя завѣдываніе это было предложено городу военнымъ министерствомъ. Увеличеніе женскихъ правъ, по словамъ корреспондента, было *навязано* нашимъ женщинамъ и дѣвицамъ „въ наиболѣе благоприятное время для *новизны* отъянній и подъ давленіемъ (1) либеральной прессы“. По здравому смыслу, съ правами должна была возрасти и гражданская отвѣтственность женщины; но объ этой сторонѣ дѣла въ прессѣ не было и рѣчи, „коварная агитація истерпывала вопросъ областью однихъ правъ“. „Неоспоримыхъ цифровыхъ показателей, дѣйствительно ли существуетъ у насъ жизненная необходимость въ врачахъ женскаго пола“, до сихъ поръ на лицо не имѣется. Агитація опирается „на фактическія данныя сомнительной дѣйствительности, неловко прикрывая затаенное намѣреніе произвести этими квази-жизненными данными давленіе на убѣжденія респективныхъ (?) правительственныхъ сферъ и побудить ихъ къ принятію подсказываемаго агитаціей поспѣшнаго рѣшенія“. Мы желали бы знать, прежде всего, о какомъ *рѣшеніи* говорить г. „отецъ семейства“? Женскіе врачебные курсы существуютъ, порядокъ приѣма слушательницъ установленъ, вопросъ о средствахъ содержанія курсовъ разрѣшенъ постановленіемъ петербургской думы. Правда, не опредѣлены окончательно права женщинъ-врачей; но не объ этомъ, конечно, хлопочетъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Не ясно ли, что агитація дѣйствительно есть, — но агитація не въ пользу, а противъ женскихъ врачебныхъ курсовъ? Оружіе, приготовляемое агитаторами — это — „аттестаты зрѣлости“; представить ихъ могутъ лишь весьма немногія „аспирантки на курсы“ — требованіе ихъ было бы, слѣдовательно, равносильно временному закрытію курсовъ, отъ временнаго закрытія не трудно уже перейти и къ совершенному упраздненію. Чтобы достигнуть столь желанной цѣли, корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ не отступаетъ передъ явнымъ искаженіемъ фактовъ. Наиболѣе благоприятнымъ временемъ для *новизны* отъянній является у него 1879 годъ, когда на самомъ дѣлѣ безусловно господствовала реакція. Новыя права являются *навязанными* женщинамъ и дѣвицамъ; по какому же нравственному принужденію съ самаго начала стали поступать и до сихъ поръ ежегодно поступаютъ на курсы цѣлыя сотни „аспирантокъ“, не говоря уже о тѣхъ, которыя не могутъ быть приняты по недостаточности знаній или по отсутствію вакансій? „Либеральная пресса“ не предлагала усилить отвѣтственность женщинъ, соразмѣрно съ получаемыми ими вновь правами; но развѣ существовало или существуетъ какое-либо сомнѣніе на счетъ того, что женщина-врачъ, какъ врачъ, отвѣтственна передъ закономъ наравнѣ съ врачомъ-мужиной? О какой еще дополнительной отвѣт-

ственности можетъ быть рѣчь? Если авторъ смѣшиваетъ отвѣтственность съ обязанностью, то и здѣсь сомнѣніе невозможно; получая права, женщина ipso facto принимаетъ на себя всѣ соответствующія ей обязанности. Отказъ въ медицинской помощи, напримѣръ, женщина-врачъ можетъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда могъ бы отказъ въ ней и обыкновенный медикъ. Говорить о „неоспоримыхъ цифровыхъ показателяхъ“, по которымъ можно было бы судить о необходимости женщинъ-врачей. Если здѣсь разумѣются свѣдѣнія о числѣ женщинъ-врачей, нашедшихъ себѣ практику въ городахъ и селахъ, о числѣ больныхъ, къ нимъ обращающихся, то все это можно привести въ ясность настолько, насколько оно извѣстно относительно врачей-мужчинъ; значеніе голыхъ цифръ можетъ быть притомъ разъяснено отзывами земскихъ управъ и собраній. Если ибѣются въ виду свѣдѣнія о числѣ больныхъ женщинъ (особенно крестьянокъ), которыя не рѣшились бы обратиться къ врачу-мужчинѣ и получили помощь именно благодаря врачу-женщинѣ, то опредѣлить это число точными цифровыми данными, безъ сомнѣнія, невозможно, — но подтвердить наличность подобныхъ случаевъ весьма легко, опять таки съ помощью земства. Никакихъ „цифровыхъ показателей“ липамъ, раздѣляющимъ мнѣніе г. „отца семейства“, въ сущности и ненужно: женскіе врачебные курсы осуждены ими а priori, какъ уступка „новымъ вѣяніямъ“ и „либеральной прессѣ“. Если курсы выдержать штурмъ, предпринятый противъ нихъ рутинерами реакціи, то они будутъ обязаны этимъ глубокой и жизненной идеѣ, лежащей въ ихъ основѣ.

Во московской городской думѣ обсуждался недавно вопросъ о томъ, что нужно—новые тротуары, бульвары и къ нимъ рѣшетки, или начальныя училища? Финансовая коммиссія, по большинству голосовъ, нашла невозможнымъ открытіе въ нынѣшнемъ году двѣнадцати новыхъ начальныхъ училищъ; представитель меньшинства коммиссіи, А. И. Кошелевъ, утверждалъ, что средства на этотъ предметъ могутъ быть добыты путемъ сокращенія расходовъ на тротуары и т. п. Въ преніяхъ думы принялъ участіе городской голова, г. Чичеринъ. Начало и конецъ его рѣчи ¹⁾ были посвящены заявленіямъ о томъ, что онъ—ревнитель народнаго образованія, что онъ посвящаетъ ему всю свою жизнь; въ срединѣ онъ умолялъ думу не соглашаться на открытіе новыхъ школъ. „Если обсуждать данный вопросъ по сердцу,—воскликнулъ онъ,—то надо открыть школы; если обсудить хлѣо разсудкомъ, то слѣдуетъ воздержаться, такъ какъ остается не-

¹⁾ См. „Современныя Извѣстія“ № 116.

разрѣшеннымъ вопросъ, на что мы будемъ содержать эти школы. Мы, русскіе, привыкли вообще жить выше своихъ средствъ и этотъ же принципъ вносить и въ общественное дѣло. Москва, по мнѣнію городского головы, должна подать примѣръ борьбы противъ этой дурной привычки. Не знаемъ, чѣмъ обсудили спорный вопросъ присутствовавшіе гласные—сердцемъ или разсудкомъ; несомнѣнно только то, что они не вняли мольбамъ г. Чичерина и желаннаго послѣднимъ примѣра не показали. Большинствомъ 36 голосовъ, противъ 32, рѣшено открыть въ Москвѣ двѣнадцать новыхъ училищъ съ августа нынѣшняго года. Московскій городской голова считается избранныкомъ интеллигенціи, его противниковъ отнести обыкновенно къ такъ-называемой черной сотнѣ; на этотъ разъ, однако, черная сотня оказалась больше расположенной къ дѣлу народного образованія, чѣмъ думская интеллигенція. Не трудно понять, почему большинство гласныхъ не убѣдилось доводами г. Чичерина. Русская привычка жить выше средствъ вредна въ особенности потому, что она идетъ рука объ руку съ бросаньемъ денегъ на прихоти, на пустяки, съ крайнею скупостью на общепользные расходы. Отъ городовъ, отъ земствъ „разсудокъ“ требуетъ вовсе не сбереженій во что бы то ни стало, а производительныхъ тратъ, конечно, соответствующихъ средствамъ населенія. Средства Москвы далеко еще не истощены; по выраженію одного изъ гласныхъ (Н. И. Мамонтова), городскіе ея налоги „до смѣшнаго малы“, сравнительно съ налогами другихъ европейскихъ городовъ; по словамъ другого гласнаго (А. И. Кошелева), городъ тратитъ много лишняго, напр., на музыку, на отдѣлку бульваровъ. Вотъ въ какую сторону могли бы быть направлены мольбы городского головы, „посвятившаго всю жизнь народному образованію“; вотъ путь, на которомъ онъ могъ бы избѣжать конфликта между „сердцемъ и разсудкомъ“. Введеніе квартирнаго налога, предлагавшееся во время преній однимъ изъ гласныхъ, положило бы конецъ всякимъ сомнѣніямъ о томъ, на какія средства содержать новыя городскія школы.

Издатель и редакторъ М. Стасюлевичъ.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗВЫСТЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

Авг
АВГУСТЪ, 1882.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1882.

- I. — ПСАЛМОПЬВЕЦЪ ДАВИДЪ. — Стихотвореніе. — К. Р.
- II. — ОТЪВѢДЪ. — Очеркъ. — Г. Ф.
- III. — МИРНЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ войскъ корпуса генерал-лейтенанта Циммермана. — IV. — Сидистрилъ. — Ил. Андрияновъ.
- IV. — БЕЗПЛАТНЫЙ УРОКЪ. — Картинки изъ убогой жизни. — В. Шидова
- V. — РУДОЛЬФЪ ВИРХОВЪ. — Биографическій очеркъ. — И. С.
- VI. — СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Въ опера. — II. Успокоеніе. — II. Якубовича
- VII. — НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ АФРИКАНСКАГО МАТЕРИКА. — I. — В. Ф.
- VIII. — ТАВОРИТЫ и ихъ общественно-политическіе идеалы. — I-III. — С. А. Венгерова
- IX. — СВЯЗКА ПИСЕМЪ. — Разсказъ Генри Джонса младшаго. — Ф. П.
- X. — ДЪТАМЪ. — Изъ Лонгвелло. — Владимира Орлова.
- XI. — СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ въ его представителяхъ. — VIII. — Эмманъ Зола. — К. К. Арсеньева
- XII. — ХРОНИКА. — Отъ Красноводска до Хивы. — Х. Гельмана.
- XIII. — ВКУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Финлясская мѣра, вызвавшая постепенную зміну подушной подати. — Измѣненія и дополненія устава о гербовомъ оборѣ. — Измѣненія таможеннаго тарифа; общій ихъ характеръ; пошлны на предметы роскоши; замѣны дѣловыхъ пошлынъ абсолютны; обложеніе пошлыно учебныхъ пособій и русскихъ книгъ, напечатанныхъ за-границей. — Новый уставъ о табачномъ оборѣ; недостатки дѣйствующаго до сихъ норъ закона; мѣры, приняты къ ихъ устраненію. — Общее значеніе трехъ разсмотрѣнныхъ реформъ. — Правила о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ. — Приступъ къ составленію гражданскаго уложенія. — Положеніе работы въ коммисіи М. С. Каханова. — Приостановленіе газеты „Земство“
- РАШАНКА, Г. КУЛИША. — Письмо въ редакцію. — Н. И. Костомарова.
- А. ЛЕНРОТЪ, основатель національной литературы въ Финляндіи. — Письмо изъ Финляндіи. — К. Якубова.
- ПЕРВЫЙ ЯПОНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. — Н. Чижова.
- КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ КІЕВА. — Я.
- КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА. — Г. Р. Г.
- СЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ. — Письма въ редакцію. — VI. — Н. М. Богомолова
- ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — В. П. Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи. — А. В. Прилежскій. Что такое кустарное производство? — Ernest Renan. L'Ecclésiaste. — До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. А. А. Пастранцева
- ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Смерть М. Д. Скобелева. — Его символическій образъ, какъ солдата, администратора и полководца. — Славянофильскія взгляды на дѣло козловъ. — Источники популярности и имени, пользующагося. — Катастрофа на московско-курской желѣзной дорогѣ. — Еще нѣсколько словъ о „народной политикѣ“
- С. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Причитанія свѣрснаго крал, собранныя Е. В. Барсовымъ. Часть II. — Исторія храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Соот. М. Мостовскій. — Историческіе этюды русской жизни. Вл. Микшицка. Томъ второй. — Сибирь, какъ колонія. Н. М. Ядринцева.

СТИХОТВОРЕНІЕ

ПСАЛМОПѢВЕЦЪ ДАВИДЪ.

О царь! скорбитъ душа твоя,
Томится и тоскуетъ —
Я буду пѣть; пусть пѣснь моя
Твою печаль врачуетъ.

Пусть звуковъ арфы золотой
Святое пѣснопѣнье
Утѣшить духъ унылый твой
И облегчить мученье.

Ихъ человекъ создать не могъ,
Не отъ себя пою я:
Тѣ пѣсни мнѣ внушаетъ Богъ,
Не пѣть ихъ — не могу я.

О царь! ни звучный лязгъ мечей,
Ни юныхъ дѣвъ лобзанья
Не заглушать тоски твоей
И жгучаго страданья;

Но лишь души твоей больной
Святая пѣснь коснется,
Мгновенно скорбь отъ пѣсни тѣй
Слезами изольется.

И вспрянетъ духъ унылый твой,
О царь, и торжествуя
У ногъ твоихъ, властитель мой,
Пусть за тебя умру я.

1881.

Б. Р.

ОТЪБЗДЪ

ОЧЕРКЪ.

I.

Свинцовый туманъ надвинулся надъ городомъ, легъ по мостовой, по домамъ, по скользящимъ тротуарамъ, забирался во все щели, врывается черезъ окна въ комнаты, наполняя ихъ какою-то блесоватою полутьмой. Былъ всего четвертый часъ, а между тѣмъ Левъ Дмитріевичъ Еленевъ принужденъ былъ зажечь свѣчу, такъ какъ единственное окно его крошечной, сырой и промозглой комнаты, пріютившейся гдѣ-то совсѣмъ подъ крышей, упиралось въ стѣну, почему даже и въ ясные дни въ нее проникало весьма мало свѣта.

Левъ Дмитріевичъ уже часа два тому назадъ вернулся домой весь измокшій, съ осклизнымъ отъ тумана лицомъ и волосами, усталый и измученный, съ паспортомъ и желѣзно-дорожнымъ билетомъ до N-ской станціи въ одномъ карманѣ и съ тридцатью рублями денегъ въ другомъ. Все это, т.-е. паспортъ, билетъ и деньги, было результатомъ пятичасовой бѣготни по разнымъ канцеляріямъ, присутствіямъ и проч. Въ антрактахъ между канцеляріями, онъ забѣгалъ въ одну редакцію маленькой газетки, гдѣ надо было получить лежащія теперь у него въ карманѣ тридцать рублей за отданный недѣли двѣ уже назадъ переводъ. Редактора постоянно не оказывалось дома, такъ что Левъ Дмитріевичъ совсѣмъ было уже отчаялся, но въ одинъ изъ антрактовъ онъ-таки на него настѣлъ и получилъ, что значительно прояснило его душу, такъ какъ безъ этихъ денегъ онъ неминуемо долженъ былъ «пропадать». Въ концѣ-концовъ даже двадцатичетырехлѣт-

нія ноги Льва Дмитріевича начали подкашиваться и онъ, кое-какъ пересчитавши сто двадцать ступеней своей облитой помои и грозящей паденіемъ лѣстницы, едва сбросивши пальто и шапку, повалился на кровать. Такъ пролежалъ онъ, закинувши руки подъ голову, съ полузакрытыми глазами, ни о чемъ не думая, а только чувствуя что-то горькое и обидное, подступавшее къ сердцу, туманившее глаза... Онъ и самъ не могъ опредѣлять, что это такое такъ залегло въ груди, такъ сдавливаетъ горло, а ежели бы и могъ, то, вѣроятно, улыбнувшись своею обычной дергающеюся полуулыбкой, обозвалъ бы все это «дурацкой сентиментальностью»...

Левъ Дмитріевичъ черезъ нѣсколько часовъ долженъ былъ уѣхать отсюда, изъ этого города, гдѣ такъ много пережилъ, такъ много похоронилъ, и вотъ лежалъ онъ одинъ, здѣсь, въ сырой и промозглой конурѣ, и никто не войдетъ и не скажетъ «прощай», и не къ кому ему пойти и сказать «прощай»... То-есть, пожалуй, можно и пойти и сказать, даже штукъ двадцать дворовъ обѣгать, даже перецѣловаться, но вѣдь все это можно съ такимъ же успѣхомъ продолжать и не вставая съ постели, адресуясь къ стѣнамъ, стульямъ и тому подобнымъ предметамъ. Но Левъ Дмитріевичъ не думалъ этого, а просто лежалъ съ полуоткрытыми глазами, устремленными въ блѣсоватый просвѣтъ окна, отдыхая отъ сегодняшней бѣготни. Такъ прошелъ часъ, два; онъ все лежалъ, не шевелясь, и началъ-было уже впадать въ легкое забытье, какъ вдругъ почувствовалъ, что по его щекѣ катится что-то застывшее и холодное, оставляя за собою узенькую полосу неприятнаго зуда. Онъ изумленно расширилъ глаза, приподнялъ замѣвшую руку и, проведя нѣсколько разъ пальцами по зудѣвшему мѣсту, встряхнулся и привсталъ съ постели. Въ ту же минуту за хозяйской перегородкой что-то захрипѣло, застонало и часы пробили четыре. Левъ Дмитріевичъ съ послѣднимъ ударомъ поспѣшно обдернулся еще разъ, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ, и, зажегши свѣчу, вытащилъ изъ-подъ кровати маленький и успѣвшій уже запылиться чемоданчикъ. Изъ ящика перекосившагося комода въ чемоданчикъ перешло не очень-то много вещей: три-четыре довольно потертыхъ рубахи, кое-что еще изъ бѣлья, немного поношенный, но еще довольно сносный черный сюртукъ — кажется, все. Но присмотрѣвшись ко всему этому скарбу внимательнѣе, можно было замѣтить, что бѣлье было очень хорошее и на платѣ виднѣлось полустертое клеймо одного изъ лучшихъ портныхъ. Очевидно, все это были, такъ-сказать, остатки прежняго величія. За бѣльемъ въ чемо-

данъ перешли валявшіяся на столѣ бумаги и съ десятокъ разной величины книгъ. И здѣсь опять вытиснутыя на корешкахъ заглавія книгъ могли бы, вѣроятно, возбудить нѣкоторое недоумѣніе въ знавшемъ, такъ-сказать, «соціальное положеніе» Льва Дмитріевича въ данную минуту. Тутъ можно было замѣтить стереотипное нѣмецкое изданіе «Фауста», маленькія книжечки Таухницевскаго Шекспира, стереотипное же изданіе Пушкинскаго «Евгенія Онѣгина», славянскую біблію, «Житіе протопопа Аввакума» и еще нѣсколько не менѣе странно подобранныхъ книгъ. Уложивши все это, Левъ Дмитріевичъ снялъ со стѣны еще какую-то довольно большую гравюру въ орѣховой рамѣ и началъ старательно ее улаживать. Это была великолѣпная и, повидимому, дорогая гравюра Мурильевской «свѣтащейся» Мадонны. Рамка никакъ не укладывалась сверху книгъ, такъ что пришлось ихъ выбросить и уложить между бѣльемъ. Наконецъ, Льву Дмитріевичу удалось — такъ уложить ее совершенно удобно и безопасно, и онъ, примостивши сверху послѣднюю книгу, приподнялся съ полу, но тотчасъ же сильно поблѣднѣлъ, въ глазахъ потемнѣло, въ ушахъ зазвенѣло, непріятныя, горячія мурашки пошли по всему тѣлу, комната заходила кругомъ, онъ пошатнулся и схватился за подвернувшійся подъ руку край стола. Такъ онъ простоялъ съ секунду, держась одной рукой за столъ, а другой сжавъ голову, и потомъ, все еще блѣдный, опустился на стулъ.

— Ахъ, чтобъ тебѣ!.. Все съ миеины съ проклятой никакъ не оправлюсь, — бормоталъ Левъ Дмитріевичъ, вспоминая при этомъ случаѣ способъ своего питанія за послѣдніе два-три года.

Онъ просидѣлъ такъ, опустивши голову на руки, какъ-то досадливо глядя на свѣчку, нѣсколько минутъ, потомъ, закуривши папиросу, прошелся по комнатѣ и въ задумчивости по привычкѣ опустилъ руку въ жилетный карманъ, чтобъ взглянуть который часъ. Но часовъ не было — съ мѣсяцъ уже назадъ они были проданы и часть денегъ проѣдена, а другая пошла на покупку той самой Мадонны, которая теперь лежала между бѣльемъ въ чемоданѣ. Левъ Дмитріевичъ усмѣхнулся досадливо-добродушной улыбкой и рѣшилъ, что надо спросить, который часъ, у хозяйки. Онъ уже направился къ двери, какъ за нею послышался шорохъ, какъ-будто кто-то нащупывалъ ручку, силясь отворить. Приоткрывши дверь, онъ не сразу разобралъ появившуюся закутанную фигуру и такъ какъ никого не ожидалъ, то съ нѣкоторымъ непріязненнымъ изумленіемъ всматривался въ нее.

— Что, Еленевъ?.. Ахъ, да это вы!..

Но по голосу онъ уже узналъ...

— Ольга Михайловна? Вотъ не ожидать! Войдите, пожалуйста!

Онъ посторонился отъ двери и пропустилъ ее.

— Вы еще не уѣхали? Какъ я рада... Боялась, что не застану васъ,—говорила она, немного застѣнчиво, снимая шляпу и пальто.

— Ну, здравствуйте,—продолжала она, застѣнчиво улыбаясь и протягивая ему руку.

— Здравствуйте,—проговорилъ онъ тоже, улыбаясь глазами и крѣпко сжимая протянутую руку.—Вотъ стулъ, а сейчасъ...

И онъ принялся сбрасывать со стула какой-то наваленный хламъ.

Ольга Михайловна сѣла и молча, съ опущенными глазами, машинально стала перебирать что-то на столѣ. Еленевъ тоже стоялъ молча, прислонившись спиной къ притолкѣ. Онъ никакъ не ждалъ ее и даже растерялся. Такъ прошло съ минуту. Наконецъ Ольга Михайловна робко подняла на него глаза и заговорила:

— Вотъ хорошо, что я васъ застала... А то мнѣ перепутали, сказали, что вы завтра уѣзжаете... только нынче утромъ узнала...

Она на секунду остановилась и, взглянувши на чемоданъ, продолжала:

— Вы ужъ уложились? Вотъ... а я вамъ тутъ... кое-что принесла... на дорогу...

И она принялась развязывать принесенный съ собою небольшой узелъ.

— Отопните-ка чемоданъ... я уложу... вотъ тутъ...

— Что это, Ольга Михайловна?

— Да тутъ рубашки вамъ... носки...—говорила она, сосредоточенно роаясь въ узлѣ, уже не конфузясь и не краснѣя, какъ будто исполняя привычное дѣло.—Отопните-ка...

— Зачѣмъ же это, Ольга Михайловна?

Она на минуту подняла глаза отъ узла.

— Какъ зачѣмъ?.. Богъ знаетъ, куда ѣдете. Богъ знаетъ, на долго ли...

Она на секунду остановилась и передохнула.

— Я знаю, бѣлья у васъ мало... Тамъ вамъ некому будетъ,—докончила она, смотря на него такъ просто, все съ той же спокойною грустью, и снова наклонилась къ узлу.

Еленевъ простоялъ еще съ минуту, не перемѣняя позы, при-

стально глядя на ея гибкую, какъ у дѣвочки, наклоненную надъ узломъ фигуру, на волнистую прядь темныхъ волосъ, красиво свившуюся на лобъ, на рѣзко отдѣляющійся на темномъ фонѣ полуосвѣщенной комнаты изящно очеркнутый профиль...

Она встала, держа на рукахъ отобранныя изъ узла вещи.

— Что же вы?

Онъ молча нагнулся къ чемодану, отперъ его и приподнял крышку. Она, опускаясь, мелькомъ взглянула на него, застѣнчиво улыбаясь и, опустившись на колѣни, наклонилась къ чемодану.

— О! какъ у васъ уложено... Богъ знаетъ, какъ,—проговорила она, оборотивъ къ нему голову и снова улыбаясь.—Вотъ и картина... такъ разобьется... я переложу...

Она мелькомъ взглянула на гравюру, отложила ее, но потомъ опять взяла въ руки и поглядѣла пристальнѣе.

— Божія Матерь, кажется,—полушумленно подумала она.—Только у насъ рисуютъ не такъ...

Она опять мелькомъ и какъ-то пыливо взглянула на Елену, снова прислонившись къ притолкѣ и, отложивши гравюру въ сторону, принялась выбрасывать вещи изъ чемодана...

Въ комнатѣ было тихо. За перегородкой, съ легкимъ звономъ пошумливалъ прикрытый самоваръ, свѣча, тускло мерца, освѣщала то наклонявшуюся, то вновь поднимавшуюся фигуру Ольги Михайловны, ея проворно бѣгающія и ловко кладущія одну за другой вещи руки. Еленевъ стоялъ, уставивши разсѣянный взглядъ куда-то въ даль, и все вокругъ него подернулось какимъ-то туманомъ, а сквозь туманъ вырѣзываются опять какіе-то длинные переходы, корридоры, окна, мрачно освѣщающія залу, заваленную разными узлами, узелочками, книгами и всякимъ другимъ хламомъ. И все это швыряется и торопливо перебрасывается, съ крикомъ, съ гамомъ... И посреди всего этого она, какъ онъ увидѣлъ ее въ первый разъ мелькомъ, мимоходомъ, также сосредоточенно наклонившаяся какъ и сейчасъ, также нагибающаяся и разгибающаяся, съ той же печальной улыбкой, съ тѣми же дивными, полными тихой грусти глазами, съ тѣмъ спокойно-святимъ лицомъ, чистая среди всей этой грязи, занятая одной мыслью—облегчить, пособить, облегчить хоть на каплю, хоть на мгновенье, ходила она и просила, и надѣдала, и докучала... И такъ цѣлые дни, недѣлю за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, не видя конца...

Утро тамъ, остальной день—бѣготня изъ одного конца города въ другой, то что-нибудь устроить, то опять что-нибудь добыть—книгъ, денегъ, то по грошевымъ урокамъ, чтобы провормить себя, мужа...

И онъ, Еленевъ, тоже попалъ подъ ея опеку... Онъ помнилъ эти мѣсяцы и годы леденящаго одиночества и тоски безъ человѣческаго слова, безъ человѣческаго звука, и посреди этого томленія вдругъ—пачка книгъ, журналъ, газетный листокъ, какая-нибудь незначущая вещичка—бузетъ полевыхъ цвѣтовъ... И онъ оживалъ, становился бодрѣе, смѣлѣе смотрѣлъ впередъ...

А въ послѣдніе два-три мѣсяца...

Еленевъ какъ только вступилъ, какъ онъ выражался, во всѣ права «предмета одушевленнаго», т.-е. получилъ возможность произвольно передвигаться съ одного мѣста на другое, тотчас же пошелъ къ ней. Онъ и вообще непременно пошелъ бы поблагодарить ее «за все и прочее», какъ мысленно подсказывалъ ему обычный бѣсенокъ, а тутъ еще случился именно такой періодъ, когда онъ былъ, такъ-сказать, въ размягченіи. Странно какъ-то это вышло. Тамъ, встрѣчаясь на минуту, они чувствовали себя совсѣмъ, совсѣмъ знакомыми; здѣсь же, въ ея тѣсной комнаткѣ, вдругъ, сразу, все это оборвалось... какъ будто что-то такое неожиданно встало между ними. Онъ пробормоталъ что-то дѣйствительно въ родѣ «за все и прочее»; она, раскраснѣвшись и не отвѣчая, даже, можетъ быть, совсѣмъ не разобравши, какъ-то совсѣмъ даже официально попросила его садиться... Левъ Дмитриевичъ посидѣлъ, поѣрзалъ на стулѣ, обругалъ ни съ того, ни съ сего, какую-то журнальную статью, спросилъ объ какихъ-то совсѣмъ ему неинтересныхъ людяхъ и, внутренне бѣсясь на себя чуть не за каждое слово, мучительно сосредоточился уже на томъ, какъ бы ему встать и уйти. Но тутъ все дѣло поправилъ раздавшійся изъ какой-то бездны голосъ, возвѣстившій о томъ, что самоваръ готовъ... Надо было остаться. Голосъ изъ бездны такъ смѣшно завопилъ, что оба они раскѣялись и ледъ былъ разбитъ. Левъ Дмитриевичъ тутъ только вспомнилъ, что ругая статью, спрашивая о разныхъ мало интересныхъ ему людяхъ, онъ совсѣмъ потерялъ изъ виду дѣйствительно его интересовавшее. Онъ спросилъ объ ея мужѣ... Да, она видится съ нимъ... Онъ здоровъ, не жалуется... Перемѣнился? О, нѣтъ...

Отвѣты были совсѣмъ пусты, но чуткое ухо Еленева уловило въ нихъ что-то едва звучащее, подавленное, что-то надтреснутое, скорбно-ироническое... Потомъ, они перешли къ чему-

то другому, разговоръ то потухалъ, то опять возобновлялся самъ собою...

Такъ совсѣмъ незамѣтно прошелъ вечеръ, и когда Еленевъ всталъ, чтобъ идти, было уже поздно.

Дня черезъ три онъ опять зашелъ къ ней и опять вечеръ прошелъ незамѣтно и Левъ Дмитріевичъ, идя домой по хрустящему подъ ногами ледку, именно думалъ о томъ, какъ незамѣтно прошелъ вечеръ и что они говорили совсѣмъ, совсѣмъ, казалось, о пустякахъ, и что онъ, кажется, уходя смѣялся и говорилъ, что переливали изъ пустого въ порожнее, а вотъ теперь ему не хочется домой, а хочется идти все дальше и дальше, или сѣсть въ сани и поѣхать и слушать мягкій скрипъ разворачивающихся снѣгъ полозьевъ, и ни о чемъ, ни о чемъ не думать...

Онъ и не замѣтилъ, какъ вошелъ къ себѣ на лѣстницу и уже стоялъ въ своей комнатѣ; но сбросивши пальто, онъ вдругъ, крѣпко сжалъ руками голову, будто сился что-то припомнить, и какая-то искорка, испуганная искорка промелькнула въ его глазахъ...

Больше онъ уже не былъ у Ольги Михайловны. Встрѣчались они еще нѣсколько разъ, но мелькомъ, гдѣ-нибудь у общихъ знакомыхъ, на улицѣ, въ какой-нибудь приемной... встрѣчались, говорили какія-то слова...

Между тѣмъ Ольга Михайловна уже успѣла переложить чемоданъ и задумчиво перебирала книги, примѣривая и стараясь уложить ихъ поудобнѣе.

— Какія у васъ странныя книги, — мелькомъ замѣтила она, опять искоса пытливо его оглянувши.

Еленевъ вздрогнулъ и очнулся.

— Странныя? Отчего же? — разсѣянно сказалъ онъ.

Она, не отвѣчая, захлопнула крышку и, повернувши ключъ въ замкѣ, оперлась рукой объ полъ и устало приподнялась.

— Ну, вотъ вамъ... Теперь отлично, — говорила она, подавая ключъ и отряхивая руки одну о другую.

Потомъ она встряхнула головой, словно желая разогнать набѣжавшія мысли и, перейдя комнату, опять наклонилась надъ почти опорожненнымъ узломъ, что-то доставая оттуда.

— Ольга Михайловна! — расхохотался Еленевъ, когда она, улыбающаяся, повернулась къ нему. — Ну, однако, какія у васъ крѣпкія традиции! Вѣдь я теперь, слава Богу, изъ опекаемыхъ вышелъ...

— Все-таки... хоть проводить васъ... Богъ знаетъ, куда ѣдете, Богъ знаетъ, когда...—начала она торопливо, но потомъ, вдругъ, на секунду остановилась сосредоточенно и, опустивши руки, наклонилась надъ столомъ.

— А я ужъ вашъ вкусъ выучила, вотъ видите, — продолжала она, снова смѣясь и устанавливая на столъ сладкій пирогъ и полбутылки легкаго вина.—Вѣдь угадала?

Онъ взглянулъ на этикетку и засмѣялся.

— Угадали!

— Ну вотъ... Чѣмъ же откупорить? Вилкой? Ну, какъ же?

Она смѣялась, глядя какъ онъ возился и досадливо бормоталъ, когда вилка то-и-дѣло срывалась.

— Нѣтъ, гдѣ вамъ... Давайте, я умѣю...

Она отняла у него бутылку и съ напряженной миной принялась надъ нею возиться. Вилка все срывалась. Онъ смѣялся и дразнилъ ее.

— Нѣтъ, вотъ увидите... Сейчасъ! — раскраснѣвшись и съ блестящими глазами говорила она, налегая на вилку.

Разщепленная пробка не выдержала и проткнулась въ бутылку такъ неожиданно и быстро, что Ольга Михайловна споткнулась и чуть не упала... Еленевъ торжествовалъ.

— А что? А что?—смѣялся онъ.

— А вы и того не съумѣли бы, — говорила она, быстро дыша и съ смѣющимися глазами поправляя сбившіеся волосы.

Они ѣли, продолжая смѣяться и болтать и какъ будто забывши, что, быть можетъ, въ послѣдній разъ въ жизни вмѣстѣ ѣдятъ и болтаютъ...

— Ну-съ,—сказалъ Еленевъ,—теперь по всѣмъ правиламъ должны слѣдовать тосты...

Онъ налилъ вино въ стаканъ и въ какую-то, неизвѣстно какъ здѣсь очутившуюся и съ отбитой ручкой, чашку.

— Вы, въ качествѣ дамы, получаете чашку и должны провозглашать...

— Нѣтъ, я не умѣю, это вы должны...

— Помилуйте! Я отъѣзжающій. Это противъ всѣхъ правилъ.

— Ну вотъ... Чтожъ я провозглашу? — плачевно, опуская руки, говорила Ольга Михайловна.

Она придвинула къ себѣ чашку съ виномъ и вдругъ задумалась. Веселость, улыбка слетѣли съ лица и оно опять сдѣлалось такое же строгое, задумчивое и печальное; глаза перестали смѣяться и опять подернулись тѣмъ-то скорбящимъ и грустнымъ.

— Что же бы, въ самомъ дѣлѣ, вамъ пожелать, — прого-

ворила она медленно, задумчиво вглядываясь въ его тоже уже неулыбавшееся лицо и машинально приподнимая рукою чашку. — Что же бы вамъ пожелать?

Онъ прошелся раза два по комнатѣ, судорожно хрустя пальцами сложенныхъ рукъ, потомъ, подойдя къ столу, взялъ свой стаканъ и остановился противъ нея.

— Что бы пожелать? Вотъ что пожелайте...

Легкая улыбка тронула его сжатые губы, но голосъ звучалъ серьезно и задумчиво.

— Пожелайте... Знаете, какъ въ постѣ молятся: «духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія, любви»...

— Да, — сказала она, приподнимая и протягивая къ нему чашку.

Они чокнулись. Еленевъ залпомъ выпилъ весь стаканъ.

— Э, да вы только пригубили! — замѣтилъ онъ, улыбаясь, когда она поставила чашку на столъ. — Негодится...

— Нѣтъ, нѣтъ! У меня сейчасъ голова кружиться начнетъ, — говорила она морщась, улыбаясь и оттапливаясь отъ него руками.

— Ну, Богъ васъ проститъ...

— Ну, а мнѣ что вы пожелаете? — сказала она, опять смирно усѣвшись.

— Вамъ? Ничего. Вамъ нечего желать... Вы сами со всѣмъ справитесь...

— Нечего?

Онъ опустилъ голову на руки и заговорилъ какъ бы про себя:

— Конечно... Что же я самъ пожелаю? «Смиренномудрія, терпѣнія, любви»...

Она засмѣялась.

— Такъ развѣ пожелать, чтобы поменьше всего этого у васъ было... Что жъ еще? Счастья?...

Онъ остановился и тоскливо взглянулъ на нее.

— Левъ Дмитриевичъ...

— Ну да, ну да...

Онъ замахалъ руками и опять опустилъ голову. Что-то такое тамъ въ мозгу ползло и бродило, неопредѣленное, безформенное, что-то стучало въ вискахъ, давило грудь. «Это вино», подумалъ онъ, «отвыкъ я»... И опять что-то неясное, какъ плывущія тучки. «Тихо какъ», мелькаетъ сквозь туманъ. За перегородкой, среди мертвенной тишины, отчетливо слышны удары молотка. Онъ бессознательно началъ считать...

— Левъ Дмитріевичъ?

— А!

Онъ вздрогнулъ и поднялъ на нее немного затуманившійся взглядъ. Потомъ, раза два прошелся по комнатѣ и, совсѣмъ оправившись, остановился противъ нея.

— Вы что-то говорили... Виновать...

— Да...

Она немного запнулась и легкая краска подернула ее лицо.

— Видите... я хотѣла... Есть у васъ деньги?

— Есть, немного,—изумленно отвѣчалъ онъ.

— Это вы что изъ редакціи?

— Да...

— Такъ мало, значить... Я вамъ принесла денегъ... немного... вотъ...

Она торопливо порылась въ карманѣ и, доставши, протянула ему руку съ деньгами.

— Мнѣ не надо денегъ, Ольга Михайловна.

Она машинально опустила руку на столъ и еще больше покраснѣла. Что-то, слышавшееся сейчасъ въ его голосѣ, что-то, какъ показалось ей, холодное и непріятное, больно отдалось у нея внутри. Съ секунду она помолчала, а потомъ заговорила, очень тихо и прерывисто, какъ бы пересиливая себя.

— Какъ же не надо, Левъ Дмитріевичъ?.. Вѣдь я знаю, у васъ, значить, только рублей тридцать денегъ... Это только развѣ доѣхать... Чтожъ вы тамъ будете дѣлать? Вѣдь это не Петербургъ, работы тамъ не найдешь... Какая тамъ можетъ быть работа... По крайней мѣрѣ скоро...

Она остановилась передохнуть, но онъ перебилъ ее:

— Я не такъ сказалъ... не то что не надо, но изъ этихъ денегъ...

— Изъ какихъ денегъ, вы думаете?—быстро перебила она его.

— Значить, это ваши деньги?

Она молчала, безсознательно комкая рукой брошенные на столъ деньги.

— Ну, вотъ видите... Какъ же я возму...

Еленевъ повернулся и походилъ по комнатѣ, но, мелькомъ взглянувши на нее, вдругъ остановился и какъ-то сразу съжился. Ольга Михайловна приподнялась со стула и стояла передъ нимъ немного поблѣднѣвшая, съ сильно измѣнившимся лицомъ.

— Вотъ видите, Левъ Дмитріевичъ,—заговорила она прерывисто, нѣсколько дрожащимъ голосомъ и, очевидно силась сдер-

живаться:—вотъ видите, какой вы высокомерный, самолюбивый, мелочной...

Голосъ ея оборвался, на глазахъ блеснули слезы, но она пересилила себя и проговорила:

— Вы скорѣе съ голоду умрете, чѣмъ свое самолюбьишко мелочное... Да, мелочное, пошлое... Стыдно вамъ...

Она опять остановилась и, опустившись на стулъ и закрывъ лицо руками, уже едва сдерживая слезы, несвязно проговорила:

— Стыдно, Левъ Дмитриевичъ!

Еленевъ стоялъ передъ нею, какъ ошеломленный. Онъ никакъ не ожидалъ этого; онъ никакъ не думалъ, что скажетъ что-нибудь обидное; онъ ни какъ не думалъ, что она такъ пойметъ его.

— Ольга Михайловна, Ольга Михайловна! Чегожь это? — растерянно повторялъ онъ, самъ не зная, что говорить.

Онъ совсѣмъ растерялся, то подходилъ къ ней, то опять отходилъ и начиналъ шагать по комнатѣ, не зная что сказать. Наконецъ онъ овладѣлъ собой и, остановившись возлѣ нея, заговорилъ спокойно и мягко:

— Вы совсѣмъ не такъ поняли меня, Ольга Михайловна... Неужели же вы могли подумать... Неужели же я хоть на минуту бы постыдился, или мнѣ было бы непріятно взять деньги у васъ...

Она подняла на него глаза.

— Нѣтъ, Левъ Дмитриевичъ, вы всегда...

— Никогда,—перебилъ онъ ее горячо:—никогда! Я не хочу брать вашихъ денегъ только и единственно потому, что они вамъ нужны, чѣмъ мнѣ... Вотъ... Я не знаю, какъ заставить васъ повѣрить этому... мнѣ было бы очень больно...

Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и взялъ ее за руки.

— Вѣрите ли вы мнѣ, Ольга Михайловна?

— Вѣрю,—тихо и потупившись сказала она и потомъ, поднявъ на него глаза и тихонько освобождая свою руку, прибавила:

— Только вы напрасно думаете, что мнѣ нужны...

— Оставьте это, Ольга Михайловна! — досадливо перебилъ онъ ее.

— Я по крайней мѣрѣ приѣду и ужъ къ мѣсту, а вамъ предстоитъ Богъ знаетъ, гдѣ, и Богъ знаетъ, какъ мыеаться...

Онъ замолчалъ и опять быстро заходилъ по комнатѣ.

— Ну, хорошо,—сказала Ольга Михайловна, съ какой-то страдающей миной,—хорошо. Все же не могу я васъ такъ отпустить... Не могу... Я только какъ подумаю...

Она остановилась и невольно сжала руками голову и потомъ, что-то вспомнивши, радѣстно начала:

— Вѣдь вамъ должны въ редакціи?

— Да, пятьдесятъ. Только отдать общали недѣли черезъ дѣй, а мнѣ ждать нельзя, вы знаете... Да еще, можетъ, и соврутъ...

— Нѣтъ, не соврутъ, я знаю!.. — торопливо перебила она его. — Я знаю... И я здѣсь пробуду еще мѣсяцъ и вотъ видите, здѣсь пятьдесятъ тоже, и я получу...

Она, вся волнуемая, остановилась и передохнула. Еленевъ все еще не бралъ протягиваемыхъ ему денегъ, что-то обдумывая.

— Да что же вы, Левъ Дмитріевичъ!

Онъ улыбнулся, молча взявъ у нея изъ рукъ деньги и, найдя на столѣ клочекъ бумаги, принялся что-то писать.

— Что это вы?

— Записку въ редакцію... Вотъ спрячете...

Она свернула и спрятала, потомъ вынула изъ кармана неуклюжіе серебряные часы и взглянула на нихъ.

— Что это вы?

— Шестой часъ... пора мнѣ...

— Еще куда-нибудь узелъ отволочь? — онъ улыбнулся.

— Ахъ, Левъ Дмитріевичъ, Левъ Дмитріевичъ! Все-то вамъ смѣхъ, — говорила она, надѣвая платокъ. — Нѣтъ, деньги тутъ мнѣ общали сегодня, такъ надо сходить.

Онъ, не отвѣчая, помогъ ей надѣть пальто, отыскать калоши и потомъ, не глядя на нее, отступилъ къ столу.

— Ну, прощайте, — выговорила она смущенно и неловко протягивая руку.

Онъ молча пожалъ ее.

— Знаете, Ольга Михайловна, — выговорилъ онъ послѣ коротенькой паузы, робко и нерѣшительно: — знаете, вѣдь дѣло оъ васъ не уйдетъ... Ужъ отдайте мнѣ сегодняшній вечеръ...

— Опоздаете вы, пожалуй, Левъ Дмитріевичъ, — нерѣшительно сказала она.

— О, нѣтъ... Да и не позволять мнѣ опоздать, — прибавилъ онъ улыбаясь. — Вѣдь я этой ночью долженъ ѣхать... Времени много... право... Я велѣлъ самоваръ...

Съ минуту она еще какъ будто колебалась, но потомъ сняла пальто и шляпу и снова смирно усѣлась на стулѣ.

II.

Часы за хозяйской перегородкой уже нѣсколько разъ принимались хрипѣть, самоваръ затухалъ и по временамъ только едва, едва побрякивалъ. Разговоръ, вертѣвшійся то около недавняго прошлаго, то около того глухого городишка, куда ѣхалъ Еленевъ, оборвался.

Ольга Михайловна сидѣла, подперши подбородокъ руками, разсѣяннымъ взглядомъ блуждая по комнатѣ; Еленевъ тоже задумчиво ходилъ изъ угла въ уголъ, по временамъ подходя къ столу и прихлебывая полуостывшій чай.

— Глупо это сложилось, точно,—проговорилъ онъ, усаживаясь противъ нея и какъ бы резюмируя разговоръ:—да ничего не подѣлаешь...

Ольга Михайловна вздрогнула и перевела на него глаза.

— И вамъ не страшно, Левъ Дмитриевичъ?

— Есть-таки немножко,—отвѣчалъ онъ улыбаясь:—пожалуй точно, насчетъ работы плохо придется...

Болѣзненная судорога пробѣжала по ея лицу и тронула глаза.

— Охъ, я ужъ не знаю, какъ вы...—отвѣчала она, стискивая руки и откидываясь отъ стола.—Да кромѣ того... одни вѣдь вы тамъ будете, совсѣмъ...

— Ну, изъ этихъ-то пеленокъ, положимъ, я вышелъ...

Ольга Михайловна посмотрѣла на него, укоризненно покачивая головой.

— Гордости много въ васъ, Левъ Дмитриевичъ.

— Вотъ ошиблись-то,—перебилъ онъ ее смѣясь:—напротивъ, смиреніе, а не гордость; вездѣ люди, вездѣ человѣки... Да по правдѣ сказать, мнѣ все это сантиментальное хныканье на подвѣдѣхъ міровой скорби до смерти надоѣло! Ненавижу я это хныканье, подлое оно, лакейское... Обстоятельства, давящая сила... Но на чтó же ты-то *человѣкъ*, «образъ и подобіе божіе»? Обстоятельства!.. Да наплевать мнѣ на обстоятельства... Если я страдаю, то всегда самъ виноватъ, *самъ*, и знать это нужно—иначе я лакей! А то выйти на торжище и безобразничать: я, моль, и такой и сякой, и умный, и чувствительный, да давящая сила! Давящая сила! Да я-то что? Инфузорія что-ли, муха какая? Вѣдь это неуваженіе къ себѣ... А коли ужъ избить такъ, что двигаться не можешь, ну, и умирай молча, безъ хныканья, уйди куда-нибудь. У зѣбры и у того есть благородный инстинктъ: онъ идетъ умирать куда-нибудь въ глушь, не лакействуетъ... Что вы

хмуритесь? Знаю, что хотите сказать. А святые, а подвижники, они тоже *сами* виноваты? Такъ вѣдь это особая статья... Тамъ и рѣчи не можетъ быть о жалобѣ... «Блаженны, когда повосать васъ имени моего ради... Радуйтесь и веселитесь»... Ахъ, да и не вѣрю я, не вѣрю этимъ героямъ *par excellence*... Истинный героизмъ не ищетъ случая, истинный героизмъ тамъ между «младенцами», которымъ открыто то, что утаено отъ «премудрыхъ и разумныхъ»... А гдѣ декорация, «обстановочка», вѣтъ тамъ героизма, тамъ только раздутая претензія микроскопической личности, тамъ... Мнѣ ли ужъ этого не знать, — вдругъ съ злобой горечью перебилъ онъ себя: — чего другого, а это все продѣлано... Не пустяя слова говорю, Ольга Михайловна, все это выстрадано, въ мучительномъ стыдѣ, въ стыдѣ за себя, въ тоскѣ смертной... Да это еще что, — махнулъ онъ рукой, — хныканье! Хуже есть, слюнявость эта самодовольная... ходить, съ подвигами другъ друга поздравляють...

— Ахъ, Левъ Дмитріевичъ, Левъ Дмитріевичъ!

— Ей Богу не стыдно, Ольга Михайловна! Потому, измалодушествовался русскій человѣкъ, жестоко: и по части воровства съ одной стороны, и по части «подвиговъ», съ другой... Всюду-то у него охота смертная, да участь горькая...

Ольга Михайловна даже вспыхнула.

— Стыдно напоминать, Левъ Дмитріевичъ. А наши сестры милосердія, а медицинскія студентки на войнѣ, а...

— А я сама, могли бы вы заключить...

— Левъ Дмитріевичъ!..

Но онъ не замѣтилъ ея укоризненнаго восклицанія, не замѣтилъ, что она могла принять его послѣднія слова за иронію, и горячо продолжалъ:

— Да, вы сами, вы — олицетворенный и прекрасный подвигъ... но вы не въ счетъ... А что же вы мнѣ тычете: сестры милосердія, медицинскія студентки... Что же я говорю-то? Охота смертная, да участь горькая! Какъ намъ дадутъ «подвигъ» оформленный, готовый, въ рамки забитый подвигъ, гдѣ надо «не разсуждать, а повиноваться», мы сдѣлаемъ невозможное, сдѣлаемъ чудеса! Ихъ и дѣлали, и сестры, и студентки, и солдаты, и даже добровольцы въ Сербіи... Ну, а ежели сперва «разсуждать» приходится...

Онъ вдругъ оборвалъ и разсмѣялся.

— Эхъ, куда я хватилъ однако... Въ духъ пророка Іліи обличенье... Даже не идетъ по моему кающемуся званію...

— Вотъ вы всегда такъ, Левъ Дмитріевичъ, — замѣтила Ольга

Михайловна, слабо улыбаясь: — шутовствомъ какимъ-нибудь кончите...

— Что станете дѣлать... Это всегда такъ съ людьми, которые изъ кусочковъ разноцвѣтныхъ, какъ вотъ мѣшанское одѣяло, спиты... Впрочемъ, бросимъ это, очень ужъ это въѣдающаяся матерія: какъ начнешь, такъ и не кончишь...

Онъ на секунду остановился, а потомъ продолжалъ съ смѣющимися глазами и шутливо:

— Да... возвращаюсь въ прежнему; такъ видите ли, насчетъ одиночества не сомнѣваюсь, ибо «omnia mea secum porto», а вотъ насчетъ «наукъ и художествъ», такъ-сказать, точно, плохо придется... Особенно насчетъ художествъ: ни тебѣ картина, ни тебѣ что... Вотъ Сальвини, говорятъ, на будущій годъ сюда придетъ... Терзаться буду...

— Вы развѣ любите театр? Вотъ не ожидала...

— Вотъ видите, я васъ сегодня поминутно изумляю. Да, люблю—еще и очень хорошій...

— Что же этотъ, вашъ Сальвини?

— Видѣлъ я его разъ, въ пюхенькой роли только... Въ родѣ какъ нашъ Мочаловъ...

— Это когда за границей были?

— Да... Ну, некогда тогда было... я тогда все изслѣдованіемъ «о причинахъ богатства народовъ» по парижскимъ ресторанамъ занимался...

— Зачѣмъ этотъ тонъ, Левъ Дмитріевичъ?

— Что-жъ дѣлать, вѣрно говорю.

И онъ примокъ, уныло опустивши голову. Ольга Михайловна тоже молчала, машинально мѣшая ложечкой остывшій чай: Такъ прошло минутъ десять; тиканье часовъ опять явственно доносилось изъ-за перегородки.

— Что это вы тогда по-латыни сказали?—вдругъ спросила Ольга Михайловна, поднимая на него глаза.

Онъ не сразу понялъ.

— По латыни? Ахъ да!—улыбнувшись продолжалъ онъ:— «Omnia mea secum porto»... Примѣрно такъ: «все свое несу съ собой»...

— Вотъ видите, а говорите—смиреніе...

Глаза ея лукаво засвѣтились, и губы тронулись насмѣшливой складкой.

— Чѣмъ же не смиреніе?—смѣялся онъ.

— Ну, вѣтъ, никакого въ васъ смиренія нѣтъ... Ужъ я знаю...

— Почему вамъ знать?

— Да ужъ знаю...

Она помолчала и опять лукаво посмотрѣла на него.

— Помните, какъ вы года три тому назадъ мужу письмо изъ-за границы писали, длинное такое, листовъ пять...

— Что-жъ, тамъ больше фактическое изложеніе,—проговорила онъ шутливо, а между тѣмъ весь такъ и вскинулся.

— Да. А все не то Рудинимъ, не то Печоринимъ пахнетъ...

— И вообще «гамлетизированнымъ поросенкомъ»,—докончилъ расхохотавшись Еленевъ. — Что-жъ? Mea culpa! Mea maxima culpa!

— А все-таки письмо было хорошее,—задумчиво выговорила Ольга Михайловна и замолчала.

Еленевъ тоже помолчалъ, а потомъ, шутливо улыбаясь, выговорилъ:

— Ну теперь мы другъ друга хвалить сейчасъ начнемъ.

Задумчиво смотрящіе глаза Ольги Михайловны подернулись слабой улыбкой.

— Я знаю, вы шутить мастеръ...

— О, да, вы меня основательно-такъ изучили,—продолжалъ онъ тѣмъ же шутливымъ тономъ.

Она встрепелась и подняла голову.

— О, нѣтъ!.. Я васъ совсѣмъ не знаю... совсѣмъ... А мнѣ бы хотѣлось васъ знать,—говорила она задумчиво и печально глядя на него.—Мнѣ бы хотѣлось знать, какой вы были ребенкомъ, какая у васъ была мать...

Еленевъ сѣлъ къ столу и, опустивъ голову, смотрѣлъ въ недопитый стаканъ, тихонько поворачивая пальцами обѣихъ рукъ блюдечко.

— У васъ вѣрно была хорошая мать,—продолжала Ольга Михайловна тихо, какъ бы говоря сама съ собой.

— Да,—выговорилъ онъ, не поднимая глазъ.

Она оглянулась на него и вдругъ смѣшалась.

— Вы простите, Левъ Дмитріевичъ,—заговорила она торопливо и съ «виноватой» улыбкой,—можетъ быть, я...

— Богъ съ вами, Ольга Михайловна! Я просто задумался...

Онъ провелъ рукой по лбу и по волосамъ.

— Да, у меня мать была хорошая... Вотъ посмотрите,—продолжалъ онъ, вынимая что-то изъ бумажника и подавая Ольгѣ Михайловнѣ.—Это ея портретъ, очень похожъ...

Это была превосходно сдѣланная на слоновой кости миниатюра молодой женщины съ золотистыми волосами и съ удиви-

тельно тонкимъ профилемъ. Ольга Михайловна пристально всматривалась въ портретъ.

— Посмотрите,—продолжалъ Еленевъ, заглядывая съ боку:—неправда ли, точно,—мало было—

«Въ ней истинно прекраснаго... Глаза,
Одни глаза, да взгляды... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной...»

— Да,—сказала Ольга Михайловна, не поднимая головы отъ портрета.—Откуда эти стихи?

— Это изъ Пушкина... монологъ Донъ - Жуана... И онъ кончается:

«А мужъ ея былъ негодяй суровый—
Узналъ я поздно...»

— Она умерла, когда мнѣ было лѣтъ шестнадцать... Вотъ вамъ одна половина моей исторіи; ну, а другая...

Онъ опять прошелся раза два по комнатѣ и снова облако пробѣжало по его лицу.

— А другая половина... Но это очень долго, и лучше я вамъ расскажу одну нѣмецкую сказку, хорошую сказку...

— Ну?—проговорила она.

Онъ еще разъ прошелся по комнатѣ, потомъ снова сѣлъ противъ нея и, хлебнувши нѣсколько глотковъ остывшаго чаю, началъ.

— Было это дѣло въ переходное время, какъ теперь любятъ выражаться, когда старомоднаго чорта, надъ которымъ всѣ уже подсмѣивались, смѣнилъ нынѣшній Мефистофель (въ скобкахъ сказать, и ему уже пора выйти изъ моды). Вотъ на первыхъ порахъ онъ и выдумалъ довольно тонкую штуку—сдѣлалъ такое зеркало, что весь міръ отражался въ немъ въ извращенномъ видѣ: все доброе, вся правда жизни уходила въ туманную даль, рѣзко же выступали только зло и ложь. Долго Мефистофель морочилъ людей своимъ зеркаломъ, но морочилъ по одиночкѣ, пока не уронилъ его и не разбилъ въдребезги. Мефистофель былъ въ отчаяніи, но случилось нѣчто совсѣмъ ужъ неожиданное. Порошинки чуднаго зеркала разлетѣлись по свѣту и, падая людямъ въ сердце, вмѣстѣ съ вдыхаемою пылью, производили тоже дѣйствіе, какъ нѣкогда цѣлое зеркало. Ну-съ, все это присказка, а вотъ и сказка...

Жили-были мальчикъ и дѣвочка, Кай и Герда; жили они у своей старой, доброй бабушки и любили цвѣты и птичекъ, поля

и рощи, любили зимнія сказки и лѣтнюю работу, любили свою добрую бабушку и слѣпую сосѣдку Марту и старую сѣрую кошку сосѣдки, и особенно любили другъ друга. Но вотъ, однажды, порошинка волшебнаго зеркала попала Каю въ сердце и странное что-то съ нимъ сдѣлалось... Сталъ онъ, вдругъ, то мраченъ и угрюмъ, то язвительнъ и насмѣшливъ... И смѣялся онъ и надъ сказками старой бабушки, и надъ слѣпой сосѣдкой, и надъ ея сѣрой кошкой, и надъ птичками и цвѣтами, и надо всѣмъ, что прежде онъ такъ любилъ, и даже надъ Гердой...

Однажды, какъ и всегда задумчивый, вышелъ онъ за околицу, волоча за собой салазки. Но прежняя игра уже не занимала его. Вдругъ онъ увидѣлъ проѣзжавшіе мимо него большіе и роскошные сани. Шала, какъ часто это дѣлалъ прежде, привязалъ онъ свои салазки къ санямъ и любо ему было шибко катиться по гладкой и убитой снѣжной дорогѣ. Но когда сани отѣхали довольно далеко и онъ хотѣлъ отвязаться, вдругъ женщина, сидѣвшая въ саняхъ, наклонилась и взяла его къ себѣ. «Знаешь ли меня, мой мальчикъ,—сказала она низкимъ, проникающимъ въ душу голосомъ,—знаешь ли ты меня, снѣжную царицу? Не здѣсь твое мѣсто, не въ этой глухой деревнѣ. Я вовеку тебя съ собой и весь міръ откроется передъ тобой и будешь владѣть ты этимъ прекраснымъ міромъ!».. Кай поднялъ глаза и взглянулъ ей въ лицо. Она была дивно хороша, но холодный ужасъ сжалъ сердце мальчика, когда всмотрѣлся въ ея ледяныя, неподвижныя, застывшія черты... Онъ хотѣлъ встать и уйти, но вдругъ почувствовалъ, что не можетъ... Какая-то невидимая сила приковала его къ мрачной красавицѣ... И вотъ наступила минута, страшная минута... Могильный холодъ въ груди, давищая пустота въ головѣ, въ сердцѣ... А все прошлое проходить, какъ туманное видѣніе и манить, и дразнить, и зоветь опять туда, къ родному камельку, къ старымъ сказкамъ, къ Гердѣ, къ любви и жизни... Невольнымъ движеніемъ Кай опустился на колѣни, машинально сложилъ руки и хотѣлъ выговорить тѣ давно забытыя слова... Но не было уже тѣхъ словъ въ сердцѣ его... Онъ напрягъ страшно память, но... вмѣсто «Господи помилуй!» могъ припомнить только табличку умноженія...

Еленевъ остановился, немного ѣжась, будто отъ холода и хрустя пальцами сжатыхъ рукъ. Было совсѣмъ тихо. За перегородкой только кто-то ворочался, чѣмъ-то ѣрзая по полу. Ольга Михайловна сидѣла, подперши подбородокъ руками, какъ застывшая.

— Откуда вы берете такія сказки?

Но онъ не слышалъ и, помолчавши еще немного, продолжалъ:
 — А между тѣмъ Герда пустилась его розыскивать. Много
 глѣ странствовала она по свѣту, много мытарствъ прошла она,
 но, наконецъ, одна добрая волшебница, сжалившись надъ нею,
 сказала, гдѣ Кай и что съ нимъ. «Я помогу отыскать тебѣ твоего
 Кая», сказала волшебница, «но вынуть порошинку изъ его
 сердца не въ моей власти. Пусть любовь твоя подскажетъ, какъ
 сдѣлать это»... А Кай въ это время сидѣлъ среди огромной и
 великолѣпной ледяной залы во дворцѣ снѣжной царицы. Онъ
 уже былъ взрослый человѣкъ. Онъ много жилъ, много видѣлъ,
 много учился, много перенесъ, любилъ, страдалъ... И вотъ, когда
 все обратилось въ призракъ и фантомъ, когда завѣса была разо-
 драва сверху до низу, когда всѣ иллюзіи рушились и осталась
 только горечь въ сердцѣ, пустота въ груди, томительная тоска
 несбывшихся желаній, погибшихъ надеждъ, жгучее презрѣніе ко
 всему и ко всѣмъ:—и къ безумію, казалось, когда-то столь увле-
 кательнаго, столь самоотверженнаго подвига, и къ толпѣ осмѣива-
 шей и заплывавшей это безуміе, когда одинъ только туманящій
 голову стыдъ воспоминаній тягостныхъ и печальныхъ высту-
 пилъ на мѣсто жизни и счастья,—тогда вновь явилась къ нему
 снѣжная царица и привела его въ свой дворецъ, въ ту ледя-
 ную залу, и сказала, указывая на разбросанныя по полу ледяныя
 буквы: «смотри! вотъ ледяныя буквы. Сложи изъ нихъ лишь
 одно слово «вѣчность» и снимутся оковы съ души твоей и уйдутъ
 муки изъ твоего сердца, и снимутся язвы съ твоей совѣсти! И
 прозрѣешь и увидишь! И явится міръ передъ душой твоей, очи-
 щенный и омытый, и встанетъ передъ тобой во всемъ своемъ сіяніи
 вся правда и красота жизни, и вновь откроется для тебя и жизнь, и
 любовь, и радость! И не будетъ для тебя ничего тайнаго и все при-
 мирится! Сложи только одно слово». И, сказавши это, она исчезла.
 Кай лихорадочно принялся за работу. Зналъ онъ, что дѣло
 идетъ объ жизни, зналъ, что ежели не сложить слова,
 не будетъ больше жизни ему... И онъ призвалъ все на по-
 мощь: умъ, чувство, воображеніе, житейскій опытъ, науку, ис-
 кусство... но буквы не складывались въ слова... Онъ сдѣлалъ
 послѣднее усиліе, волосы его начали сѣдѣть, кровавый потъ
 выступилъ на лбу... Но слово не складывалось... Съ безжизнен-
 нымъ, помутившимся взглядомъ въ смертной тоскѣ опустилъ онъ
 безсильно руки...

И вотъ тутъ-то вошла Герда... но онъ не узналъ ея... И
 она сѣла рядомъ съ нимъ, и взяла похолодѣлыя его руки въ
 свои, и положила голову на его плечо, и тихо, тихо, начала

говорить ему о прошломъ: о нѣхъ деревнѣ, о старой бабушкѣ, о слѣпой сосѣдкѣ, о рощахъ и лугахъ, гдѣ они когда-то вмѣстѣ бѣгали, обо всемъ, что онъ такъ любилъ когда-то, о жизни, о любви, о счастьѣ... Кая слушала, и будто какая завѣса спала съ глазъ его, и будто какой-то свѣтъ проникалъ въ сердце его—и вдругъ, онъ увидѣлъ и узналъ ее, ее, свою Герду, и сразу, все, все прошлое освѣтилось и предстало, и, склонившись къ ней на грудь, онъ зарыдалъ, и плакалъ долго, неудержимо, и не стыдно было ему этихъ слезъ, и сладки были ему эти слезы... А ледяныя буквы вдругъ сами собой поднялись высоко въ воздухъ и сложились въ слово—и *Вѣчность*, въ чудномъ сіяніи заблестала надъ головой рыдающаго Кая...

Напрягшійся голосъ его, оборвался и смолкъ. Ольга Михайловна сидѣла, какъ застывшая, вся подъ впечатлѣніемъ разсказа, съ широко открытыми, какъ будто испуганными глазами.

— Вы хорошо умѣете разсказывать, — наконецъ проговорила она тихо, расправляясь и перемѣняя позу.

Потомъ она встала и, сдѣлавши нѣсколько шаговъ по комнатамъ, остановилась противъ него.

— Какая же это Герда вынула осколокъ изъ вашего сердца? — сказала она, немножко улыбаясь, и вдругъ сильно покраснѣла.

Онъ разсмѣялся.

— Никакая! Вынула сама жизнь...

— Жизнь? — переспросила она разсѣянно, думая о другомъ.

— Да, жизнь, — отвѣчалъ онъ уже серьезно и почти печально.

— Можетъ быть, здѣсь участвовалъ и этотъ портретъ, напирѣвъ, — продолжалъ онъ, слегка дотрогиваясь пальцами до лежащей на столѣ миниатюры: — этотъ портретъ тоже, какъ жизнь, какъ элементъ жизни; можетъ быть, и еще... Да мало ли что!..

Онъ на секунду остановился и потомъ проговорилъ тихо и задумчиво, какъ бы про себя:

...«А голосъ

«У нея былъ тихъ и слабъ, какъ у больной!...»

— Вотъ и у васъ голосъ «тихъ и слабъ, какъ у больной», — вдругъ сказалъ онъ.

— У меня?

— И съ такимъ-то голосомъ, — продолжалъ онъ, не отвѣчая: — придется, Богъ вѣсть, гдѣ...

Онъ вдругъ оборвалъ и, вставши, снова заходилъ, мелькомъ взглядывая на опять усѣвшуюся Ольгу Михайловну.

За перегородкой зашуршали часы и принялись бить. Ольга

Михайловна подняла голову и, пристально куда-то смотря, шевелила губами.

— Девять... А въ десять поѣздъ... Вы опоздаете, Левъ Дмитриевичъ!

Она принялась одѣваться.

— Или ужъ васъ проводить на вокзалъ, — вдругъ сказала она, останавливаясь съ полунадѣтымъ рукавомъ.

— Нѣтъ, лучше не надо... Дальнѣе проводи...

Она подошла къ нему, протянула руку:

— Ну, что же...

И вдругъ онъ почувствовалъ ее голову на своемъ плечѣ и вслѣдъ затѣмъ услышалъ какой-то странный, нестройный звукъ сдержаннаго рыданія... Безсознательнымъ жестомъ онъ обнялъ ее станъ, а другой рукой слегка отвелъ лежавшую у него на плечѣ голову и прильнулъ губами къ ее губамъ. Но почти въ ту же минуту почувствовалъ, что ее рука уперлась ему въ грудь, отталкивая его...

— Левъ Дмитриевичъ!

Онъ отшатнулся. Этотъ мучительный, какой-то стонущій крикъ такъ и ожегъ его. Она стояла передъ нимъ блѣдная, съ немного сбившимися волосами, нервно вздрагивающая, съ широко раскрытыми, полными мучительнаго недоумѣнія, почти ужаса, глазами... Онъ слышалъ еще нѣсколько минутъ мертваго молчанія, слышалъ потомъ, какъ она торопливо одѣвалась, какъ скрыпнула дверь... Онъ всталъ и осмотрѣлся. Комната была пуста... И вдругъ, вся кровь бросилась ему въ голову и снова тяжело прихлынула къ сердцу и сдавила его, до боли, до крика... За что? Во имя чего?...

— И этимъ кончить... Такъ, такъ... Глупо, глупо... Нѣтъ, бѣжать, догнать ее, сказать ей все, все...

Онъ то бросался къ двери, то опять возвращался, не зная, что дѣлать. И потомъ, отчаянно заломивши руки, сжалъ голову и рухнулъ на стулъ. Онъ совсѣмъ забылъ, что надо собираться, ѣхать, и сидѣлъ такъ, съ бессильно упавшей на столъ головой...

Прошло пять минутъ, десять, онъ все сидѣлъ, не мѣняя позы. Вдругъ дверь скрыпнула. Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Вотъ шаги... Онъ вскочилъ и съ глухимъ, безумнымъ рыданіемъ бросился къ ней. Она отшатнулась и отвела его рукой. Она стояла передъ нимъ такая же строгая, спокойная, съ тѣмъ же какъ будто скорбнымъ лицомъ, какъ всегда...

— Мы и не простились съ вами, Левъ Дмитриевичъ, — выго-

ворила она тихо и спокойно:—надо какъ слѣдуетъ, когда увидимся...

Она протянула руку. Онъ молча сжалъ эту маленькую, холодную ручку.

— Ну, прощайте...

Она подняла обѣ свои руки, отвела волосы съ его лба и, наклонившись, поцѣловала этотъ поблѣднѣвшій лобъ.

Когда Еленевъ поднялъ голову, ея уже не было въ комнатѣ.

Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ молча, смотря въ одну точку, и потомъ, вдругъ какъ подкошенный рухнулся грудью на столъ и, судорожно охвативъ его руками, зарыдалъ безъ слезъ, глухо, съ безумнымъ отчаяньемъ...

Г. О.

МИРНЫЕ ЭПИЗОДЫ

изъ

ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

ВОЙСКЪ КОРПУСА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА ЦИММЕРМАНА.

IV. СИЛИСТРИЯ ¹⁾.

Знакомство съ конакомъ. — Осмотръ турецкаго лазарета. — Приѣмъ у хозяина квартира. — Очерки нравовъ болгаръ, армянъ и грековъ. — Распри духовенства восточныхъ церквей.

По вступленіи нашего отряда въ Силистрію, 10 февраля, согласно условіямъ перемирія, мнѣ предстояло отправиться въ конакъ. Зданіе конака сторожили пѣшіе заутіи. На первой ступени лѣстницы встрѣтилъ меня заколоченный отъ усердія турецкій офицеръ, безконечно длинный, невыразимо желтый, съ круто вывороченной ладонью надъ красной феской. Постоянно оборачиваясь и изгибаясь, какъ бы предупреждая о возможности спотыкнуться на ступеняхъ высокой лѣстницы, подвелъ онъ меня къ дверямъ совѣта. Здѣсь встрѣтилъ я каймакама санджака, Юсуфа-Зіа, съ которымъ, вопреки условіямъ перемирія, но въ силу обстоятельствъ, пришлось дѣлать и власть, и досужее время. Послѣ краткаго привѣтствія и рукопожатій переступилъ я наконецъ заветный порогъ этого гражданскаго храма. Новая, невидѣнная мною картина поражаетъ своею оригинальностью. «Какая

¹⁾ См. выше: 1881, дѣл. 692 стр.

смѣсь одеждъ и лицъ, племень, нарѣчій, состояній!» — невольно припомнилъ я слова Пушкина, вглядываясь въ эту толпу: передо мною степенные турки въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, какими рисовались они въ періодъ могущества этого народа, — отормленные, сѣдобородные, важные, во всей красотѣ своего восточнаго наряда.

Какъ я обрадовался, что инстинктъ подсказалъ мнѣ при входѣ въ конакъ шапки не снимать; мы вошли въ комнату, не обнаживъ своихъ головъ передъ этими врагами-чалмоносцами.

Оборачиваясь назадъ. Полный контрастъ въ цвѣтахъ и лицахъ: здѣсь стояли почтенные служители алтарей восточныхъ церквей — болгарскій игумень въ строгомъ монашескомъ одѣяніи, и рядомъ съ нимъ священники греческой и румынской церквей, всѣ въ черныхъ рясахъ, съ лицами исхудалыми и запуганными; но уже улыбки радости и вѣры въ хорошее будущее блуждали на этихъ лицахъ. Снимаю шапку и подхожу подъ благословеніе cadaго изъ нихъ.

Начались обычныя представленія: муфтій, кади! — выкрикиваетъ каймагамъ. Жму имъ руки, а самъ вспоминаю слова Салим-паши: «ограниченные люди». Далѣе дѣти Алима-паши: что за красавцы мужчины, хотя не первой молодости, высокіе, сильные, но истиннѣ лучшіе представители европейской красоты. Затѣмъ рядъ грековъ, болгаръ и армянъ, — мѣстныхъ торговцевъ, — толстыхъ, коротконогихъ, съ масляными, разбѣгающимися во всѣ стороны глазами; всѣ они одѣты были въ европейскіе костюмы съ фесками на головахъ.

А вотъ еще типъ: — мой адъютантъ! — говоритъ Зіа. Всмотрѣюсь: подъ красной феской стоялъ настоящій ожирѣвшій еврей, съ толстымъ круглымъ носомъ сиваго отлива, подернутаго кровавыми прожилками. Одѣтъ онъ былъ въ военное платье; присутствуетъ онъ меня суетливо по-иѣмекки, съ гортаннымъ акцентомъ.

— Кто вы такой? — невольно его допрашиваю.

— Турокъ, мусульманинъ, такой-то! — снѣшитъ онъ отвѣтитъ, чтобы предупредить дальнѣйшіе вопросы о вѣрѣ и племени.

Ну что же, думаю себѣ: можетъ быть, за какія-нибудь государственныя заслуги повернуло его правительство въ турецкую вѣру. Жму и ему руку по примѣру другихъ.

Оказалось потомъ, что заслуги его были дѣйствительно почетныя, только съ турецкой точки зрѣнія: появился онъ въ Болгаріи изъ Польши, былъ самымъ завзятымъ шпіономъ и, исправляя въ Руссухъ должность смотрителя базаровъ, отправилъ мно-

гихъ невинныхъ людей на висѣлицу. Хотя я потомъ и обмывалъ усердно свои руки, но уже было поздно. Нужно быть очень осторожнымъ въ знакомствахъ съ турецкими джентльменами: кого только не принимаетъ турецкая администрація въ свои ряды и не выдвигаетъ на показъ! Дѣло въ томъ, что туркамъ хорошо знакома честность и они усердно практикуютъ ее въ своей частной жизни, но никакого понятія не имѣютъ о чести — *point d'honneur*; едва-ли слово это даже существуетъ въ ихъ лексиконѣ понятій; почему вчера только-что сорвавшійся съ петли висѣльникъ, осужденный за кражу и убійство, сегодня принимается ими одинаково благодушно съ известнымъ по своимъ заслугамъ труженникомъ.

Впрочемъ, не намъ, европейцамъ, подлежитъ бросать въ нихъ камнями обвиненія за эти пробѣлы въ нравственномъ кодексѣ. Мы грѣшимъ другою крайностью: давая излишнее значеніе понятію о чести, навязанному намъ средневѣковою жизнью, не мы ли въ свою очередь относимся снисходительно къ людямъ, далеко не удовлетворяющимъ условіямъ честности: изъ свѣтскаго тщеславія разрушающимъ семейное счастье, не платящимъ по лавкамъ и постоянно живущимъ на счетъ чужаго труда, раздавателямъ неоплатныхъ векселей, до тла разоряющихъ скромныя семейства, — словомъ, къ лицамъ, зараженнымъ такъ-называемыми свѣтскими пороками, — и усердно пожимаемъ имъ руки, если они вполне удовлетворяютъ традиціоннымъ условіямъ чести — платятъ, напримѣръ, исправно свои карточные долги и не оставляютъ безъ дуэли наносимыхъ имъ оскорбленій. Пробѣлы турецкаго кодекса едва ли не менѣе вредятъ интересамъ ближняго.

Почтенный новопредставленный адъютантъ блисталъ отсутствіемъ чести и честности; кромѣ того, отъ души ненавидимъ былъ всѣмъ населеніемъ Силистріи; но я долженъ былъ мириться съ его близостью къ каймакаму въ виду того обстоятельства, что изъ всей администраціи турецкой онъ одинъ только и былъ способенъ понимать приказанія его и быстро приводить ихъ въ исполненіе; остальные же чиновники, за исключеніемъ впрочемъ армянина-секретаря, также неисправимаго шпіона, отличались замѣчательною бестолковостью.

Послѣ представленія членовъ конана, я сказалъ имъ рѣчь, приличную обстоятельствамъ. Въ ней обнадежилъ турокъ въ нашемъ безпристрастіи, и въ доказательство привелъ недавніе факты русской справедливости — включеніе ихъ наравнѣ съ христіа-

нами въ составъ совѣтовъ всѣхъ тѣхъ городовъ, которые заняты были русскими войсками, причѣмъ не забыть упомянуть о томъ заботливомъ вниманіи, которымъ пользуются со стороны нашего правительства всѣ мусульмане, живущіе въ Россіи; совѣтовалъ также поскорѣе забыть бурно прожитое прошлое и заняться текущими, повсемѣстно разстроенными дѣлами; предлагалъ услуги каждому, въ нихъ нуждающемуся, и прибавилъ, что дверь моя ни днемъ, ни ночью не будетъ закрываться для обиженныхъ и угнетаемыхъ. Рѣчь мою съ жаромъ переводилъ юный болгаринъ.

Затѣмъ я пригласилъ духовенство восточныхъ церквей на завтра въ церковь для присутствія при молебнѣ, который будетъ отслуженъ по случаю благополучнаго занятія Силистріи.

Тутъ же условился съ каймакамомъ какъ относительно порядка несенія совмѣстной полицейской службы, такъ и охраненія въ городѣ спокойствія, для чего предложилъ, впредь до приведенія дѣлъ въ нормальный порядокъ, позакрывать всѣ кабаки, трактиры и инныя увеселительныя заведенія. А въ концѣ, согласно заранѣе составленной мною программѣ и просьбамъ Салиме-пашы, предложилъ ему посѣтить турецкій госпиталь.

Фаэтовъ каймакама, запряженный парой сѣрыхъ лошадей, не замедлилъ насъ туда доставить. Въ большомъ зданіи госпиталя помѣщалось до 150 человекъ медицинскаго персонала, собраннаго турками передъ оставленіемъ ими города со всѣхъ окрестныхъ отрядовъ, и до 200 больныхъ. При нихъ считалось 7 докторовъ. Стройно встрѣтили и привѣтствовали меня турецкіе врачи, хирурги и аптекари, затѣмъ разошлись по своимъ камерамъ.

Госпиталь поразилъ меня найденнымъ въ немъ порядкомъ: нигдѣ не видѣлъ я такой чистоты и роскоши въ матеріалахъ. Каждый больной имѣлъ свой скорбный листъ съ обозначеніемъ исторіи болѣзни. Больные одѣты были прилично условіямъ гигиены. Воздухъ въ камерахъ чистый, живительный; запаха махорки и лекарственныхъ снадобій не было помину. Кровати желѣзныя, 1½-спальныя, съ чистымъ бѣльемъ, двумя высокими подушками, мягкими высокими волосяными тюфяками и легкими теплыми одѣялами, подшитыми бѣлыми простынями. Все это имѣло одну мѣру и покрой. Дай Богъ мнѣ въ лучшей порѣ моей жизни пользоваться такимъ роскошнымъ ложемъ, какъ турки этого госпиталя! Въ числѣ ихъ было не больше 15 человекъ раненыхъ. Главный докторъ—турокъ въ коричневомъ платьѣ, съ лицомъ, изрѣзаннымъ мелкими морщинами, простодушнымъ, озабоченнымъ и отчасти комичнымъ,—суетился больше другихъ. Остальные—армяне или греки, также въ военныхъ костюмахъ—предупреди-

только рассказывали о причинахъ, ходѣ болѣзней и надеждахъ на выздоровленіе.—Обойдя всѣ камеры и аптеку, я похвалилъ врачей за вниманіе къ больнымъ и пообѣщалъ въ свое время увѣдомить Салиме-пашу о найденномъ мною порядкѣ, и въ то же время предложилъ имъ по всѣмъ ихъ нуждамъ обращаться непосредственно ко мнѣ во всякое время. Они видимо остались довольны исходомъ посѣщенія.

Каймакамъ довелъ меня до квартиры—дома богатого болгарскаго купца. Всѣ окна въ немъ блистали огнями. Вхожу въ него, и меня поражаетъ приготовленный обѣденный столъ, годный для вальтасаровскаго пира. Четыре полновѣсныхъ бронзовыхъ канделябра о четырехъ рожкахъ каждый, поставленные на этомъ столѣ, ярко освѣщали комнату.

Семейство состояло изъ престарѣлаго хозяина, жены, ему подъ возрастъ, четырехъ сыновей, одѣтыхъ въ черные фраки съ бѣлыми галстуками и фесками на головахъ, и еще большаго числа женщинъ, блиставшихъ всѣми цвѣтами радуги.

Начались радостныя поздравленія всего семейства на мѣстномъ нарѣчій болгарскаго языка, какъ говорятъ, до крайности изуродованномъ... Горячія ихъ пожеланія, всѣми членами выражаемыя, я не понимаю; заговорилъ по-русски—въ свою очередь они не понимаютъ меня. Прошу садиться—не садятся. Выходить старшая сноха съ какою-то ношею подъмышкою и пододвигаетъ къ ногамъ моимъ мягкія туфли, прося въ нихъ обуться. Отказъ мой не понимается и не принимается; напротивъ того рукою своею она указываетъ мнѣ еще на кровать, стоящую недалеко отъ накрытаго обѣденнаго стола, сооруженную изъ краснаго дерева, съ искусно вырѣзанными колоннами. Кровати такихъ бесполезныхъ размѣровъ я въ жизнь свою не видывалъ—это не двухъ-спальная, а по крайней мѣрѣ четырехъ-спальная; на ней такъ же удобно разлечься вдоль, какъ и поперекъ; богатое шелковое одѣяло широкими складками драпировалось по всей ея поверхности.

Съ удивленіемъ отступаю отъ нея и натыкаюсь на сноху уже съ развернутымъ богатымъ халатомъ. Просто съ ума схожу—не знаю, чтó съ ними дѣлать. Спѣшу разложить на столѣ дорожные портфель, чернильницу и бумаги, въ надеждѣ, что поймутъ мое желаніе заниматься дѣлами, и отступать. Оборачиваясь назадъ, вижу, что пышный халатъ вновь раскрывается и готовится охватить меня въ свои ненавистныя объятія. Собираю бумаги и нерешою въ другую комнату—раздается тупотъ тяжелыхъ ногъ, и все семейство съ халатомъ, какъ съ

семейною хоругвою, валить въ нее, съ глупою бабою впереди. Ни слова, ни жестъ, ни молюбы, ни просьбы—ничто не вразумляетъ ихъ. Я рѣшительно теряюсь въ догадкахъ, скоро ли кончится эта нелѣпая комедія? А пора бы ¹⁾. Къ счастью, появленіе младшаго сына, также во фракѣ, но уже безъ фески, съ прѣдѣлительною рѣчью на французскомъ языкѣ, а также моего переводчика осмысливають наши отношенія.

Иные болгары—настоящіе дѣти. Не зная формъ европейской жизни, они предлагаютъ свой своеобразный комфортъ съ наивною дикарей. Имъ кажется, что для смертнаго нѣтъ выше наслажденія, какъ возможность вкусить сладкій отдыхъ подъ мягкими и широкими трапеями.

Съ прибытіемъ послѣднихъ двухъ лицъ завязался на французскомъ языкѣ бойкій разговоръ или, лучше сказать, бойкія навязчивыя со стороны мужчинъ предложенія рекомендовать ихъ начальникамъ разныхъ частей. Судя по ихъ словамъ, слѣдовало полагать, что въ рукахъ ихъ находятся всѣ нити мѣстной торговли: общали они поставять или продавать провіантъ, фуражъ, мѣшки, розовое масло, мыло, словомъ, кому что нужно; недоставало только элексира жизни до полного каталога бродившихъ когда-то у насъ по степямъ венгерскихъ шарлатановъ.

Юный переводчикъ мой предупреждаетъ, что семейство это не пользуется безукоризненной репутаціей по торговымъ дѣламъ. Это было единственное семейство изъ цѣлаго города, покушавшееся очернить имя нашего солдата, какъ сказано будетъ впереди. Несмотря на богатство, никто изъ членовъ его не былъ выбранъ впоследствии на общественную службу. Они были настоящіе чорбаджи — поклонники турокъ, — оттого вѣроятно и отвели мнѣ у нихъ квартиру.

На всѣ назойливыя ихъ просьбы я далъ рѣшительный отказъ, послѣ чего они разсыпались какъ нечистая сила отъ ладона. Повдно вечеромъ покончились мои канцелярскія занятія подробнымъ донесеніемъ о занятіи Силистріи, но текуція дѣла шли своимъ чередомъ. Они касались церковнаго вопроса, столь важнаго, что я рѣшаюсь посвятить ему особую главу.

Ночью отправился я въ объѣздъ по городу. Мертвая тишина царила въ немъ. Свѣжій бодрящій холодъ ускорялъ дыханіе. Изрѣдка гдѣ-то перебраивались собаки.

Чистое небо внятно смотрѣло милліонами звѣздъ. Что по-

¹⁾ Не откладывая въ долгій ящикъ, я долженъ былъ провѣрить—сохранился ли порядокъ въ городѣ, отправлены ли во всѣ концы его патрули, и написать донесеніе.

илетъ оно намъ, — думалось мнѣ, — слетитъ-ли по звѣзднымъ лучамъ ангелъ мира или опять загуляетъ турецкій ятаганъ? Мысль эта, я думаю, приходила каждому изъ насъ; отрядъ былъ видимо слабъ сравнительно съ массою мусульманъ. Онъ втѣнулся подѣ вечеръ въ городъ въ составѣ всего 1500 человекъ, а въ городѣ въ концу кампаніи набралось до 40 тысячъ жителей, изъ которыхъ двѣ трети выпадало на долю мусульманъ.

Но вотъ раздался мѣрный стукъ шаговъ. Я приостановилъ свой казачій разъѣздъ на площадѣ, гдѣ сходились кривыя улицы. Вдали, на концѣ одной изъ нихъ, быстро прошелъ отрядъ. Шаги слышались все сильнѣе и были видимо не его; онъ проскользнулъ вдали какъ тѣнь; дѣйствительно, изъ-за угла передъ нами показался новый патруль нашихъ солдатъ. Два турецкихъ заплія съ ружьями на плечахъ маршировали рядомъ съ ефрейтеромъ, дружно съ патрулемъ отбивая заученный тактъ. Типичныя фигуры ихъ рѣзко отдѣлялись отъ сѣрыхъ солдатскихъ шинелей. Патруль скрылся за сосѣднимъ угломъ улицы. Сильный главный караулъ стоялъ въ центрѣ города, близъ конака, раздѣляя также дозорную службу съ турками, и такіе же стерегли всѣ городскія ворота.

Успокоенный строгимъ отправленіемъ гарнизонной службы, я легъ въ свою бивуачную постель и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Нужно ли говорить, что утромъ на другой день явилось желаніе узнать прежде всего, благополучно ли прошла ночь. Инстинктивно приподнял занавѣску окна, выходящаго на внутренній дворъ: теперь утренній туманъ покрывалъ землю, группа казаковъ сонливо возилась около коней; а по срединѣ двора торчалъ исправно-одѣтый ординарецъ — турецкій запліе. Едва онъ меня замѣтилъ, какъ немедля вытанулъ въ струнку и приложился къ фескѣ. Явилась мысль испытать его усердіе — велѣлъ позвать переводчика. Запліе прошелъ мимо меня сдержанной походкой, а потомъ изъ усердія бросился бѣжать со всѣхъ ногъ.

Простой этотъ самъ по себѣ фактъ имѣлъ знаменательный и уснокоительный смыслъ: говорилъ въ пользу дивившагося въ городъ безропотнаго повиновенія турокъ нашей власти.

Юный переводчикъ мой, Константинъ Марковъ, былъ сыномъ зажиточнаго гражданина города Рушукъ, болгарина Хаджи Дмитрія. Какъ было сказано выше, онъ окончилъ свое воспитаніе во французской коллегіи Константинополя. Передъ обложеніемъ Рушукъ онъ вмѣстѣ съ семействомъ бѣжалъ въ Варну,

къ египетскому принцу Гассану, который приобрѣлъ между тамошними христіанами завидную извѣстность своимъ милосердіемъ и мягкимъ съ ними обращеніемъ. Марковъ рассказывалъ, что въ Варѣ онъ нашелъ много болгаръ-сверстниковъ, стекшихся съ разныхъ концовъ Турціи, ради той же дѣли. Жилось имъ хорошо, спокойно, пока не пала на нихъ усердная опека славянскихъ братій, много, болѣе просвѣщеннаго племени. Лстыво и вкрадчиво влѣзли они въ души этой простодушной молодежи. Въ короткій срокъ открыли въ нихъ всѣ свойства комитаджей (такъ назывались турками болгарскіе патріоты, собиравшіеся въ комитеты), почему и начались ссылки молодыхъ болгаръ во внутреннія провинціи малой Азіи. Поздно умудрилъ ихъ тяжелый этотъ опытъ жизни. Довѣріе замѣнилось паникой: заглѣзли они кучками въ темные углы отдаленныхъ кварталовъ, и тамъ по цѣлымъ днямъ не проявляли и признаковъ жизни. Славянскіе братья набирались между тѣмъ воинственнаго духа; вооружились, накупили лошадей. По цѣлымъ днямъ въ квартирахъ ихъ гремѣли шпоры, бряцали сабли и раздавались громкія бахвальства относительно будущихъ подвиговъ. Наконецъ однимъ раннимъ утромъ, блестящимъ на солнцѣ строемъ вышли они на войну, но скоро вернулись обратно по одиночкѣ, укрывавсь вечернею мглою. Разнесся тогда слухъ, будто не повезло имъ на первомъ ристалищѣ. Непосредственно ли имъ понаехали бока или разметало ихъ въ числѣ другихъ турецкихъ отрядовъ отъ напора русскихъ войскъ, и великъ ли былъ этотъ строй,—Марковъ не могъ этого сказать, но зналъ досконально, что съ того времени побавилось у этихъ славянскихъ братій не только спѣси, но и самаго усердія къ вопросамъ внутренней политики. Охладили они почему-то къ дѣлу, и затѣмъ суетливую свою дѣятельность перенесли на другое поприще.

Несмотря на молодость, Марковъ былъ горячій патріотъ. На его юномъ лицѣ, не привывшемъ еще носить маски, налагаемой невзгодами жизни, какъ на барометръ, можно было слѣдить за состояніемъ общественнаго духа болгаръ, среди которыхъ онъ жилъ и на служеніе которымъ готовился отдать всѣ свои силы.

Поздно вечеромъ въ день занятія Силистріи вошелъ онъ ко мнѣ, видимо разстроенный.

— Что-нибудь у васъ залегло на душѣ. Отчего вы такъ разстроены?

— Болгары послали меня предупредить васъ,—началъ онъ запинаясь:—что если молебень будетъ служить въ греческой

первыи, то не только священники, но и прихожане не будутъ присутствовать на немъ—храмъ будетъ пустъ.

Итакъ, едва овладѣли мы Силистріей, какъ уже поднялся церковный болгарскій вопросъ. Явленіе это было для меня тѣмъ болѣе неожиданное, что въ Тульчѣ, по занятіи ея отрядомъ генерала Янова, молебнъ отслуженъ былъ духовенствомъ обѣихъ враждующихъ церквей, въ одномъ и томъ же храмѣ, — и въ то же время, крайне непріятное: болгары Силистріи пользовались репутаціей далеко не блестящей; они были настолько бѣгавши и мало развиты, что и въ послѣдніе дни существованія турецкой власти не могли сдѣлаться во едино для поддержанія болгарскаго вопроса. Живя въ бойкомъ промышленномъ центрѣ, всѣ свои помыслы они обратили исключительно на стяжаніе земныхъ благъ. Лучшіе изъ нихъ не знали настоящаго болгарскаго языка, а говорили на его нарѣчій; даже фамиліи свои подписывали армянскими буквами, которыя онѣ изучили при торговыхъ оборотахъ. Вновь приобретаемую свободу они перетолковывали въ самомъ узкомъ эгоистическомъ смыслѣ—съ помощью русскихъ прижать турокъ такъ сильно въ стѣнѣ, чтобы можно было вырвать у нихъ безъ всякихъ усилій все ихъ достояніе. Относительный порядокъ и безопасность, введенныя Салме-пашою въ городѣ, представляли сферу, удобную для развитія ихъ рѣзвости и смѣлости въ требованіяхъ. Дурная эта завкаса распространена была по всей Добруджѣ и въ Силистріи—своимъ санджакомъ, съ тѣмъ, однако, существенною разницею, что въ Силистріи она была вполне понятна: своеволие, необузданная дикость турецкой сволочи давали тамъ право разыграться во всей силѣ чувству мщенія. Въ Силистріи же наоборотъ существованіе болгаръ было болѣе или менѣе обезпечено; поводовъ къ мщенію или вовсе не было или они были очень слабы.

Между тѣмъ, настоящія отношенія силистрійскихъ болгаръ ко всѣмъ остальнымъ не-болгарскимъ жителямъ, какъ христіанамъ, такъ и мусульманамъ, были настолько враждебны или дурно направлены, что могли скомпрометировать всю ихъ зарождавшуюся политическую жизнь. У болгаръ въ то время въ Силистріи не было друзей, а были одни только враги, тайные или явные. Чтобы бороться съ обоими вражьиими лагерями, нужно было имѣть, кромѣ физической крѣпости еще и большую лову политическую зрѣлости; но именно ея-то у болгаръ и не доставало.

Чтобы понять, какими тонкими нитями было перепутано существованіе разноплеменныхъ жителей Силистріи, и указать, гдѣ

именно находились тѣ раны на болгарскомъ тѣлѣ, которыя могли страдать при этихъ отношеніяхъ, необходимо сдѣлать очеркъ не только этнографическихъ особенностей этихъ враждующихъ между собою народовъ, но коснуться и церковныхъ ихъ распрей.

Восточная Болгарія по своему слабо развитому обществу напоминаетъ отчасти западныя американскія степи. Какъ и тамъ, большая часть болгаръ не вела осѣдой жизни. Они на время спускались туда съ южныхъ горъ для принятія должности пастуховъ по деревнямъ турецкимъ и татарскимъ. Стада ввѣрялись имъ безконтрольно и за хорошую прибыль: вмѣсто денегъ получали они право на участіе въ извѣстной весьма большой долѣ этого пастушескаго хозяйства, которая нерѣдко доходила до 25% изъ всего стада овецъ. Такія отношенія ставили здѣшнихъ болгаръ въ весьма выгодныя условія, потому, что деревенскіе мусульмане, въ остальныхъ $\frac{3}{4}$ своего степного хозяйства, входили собственниками весьма мелкихъ паевъ; боязнѣ же за ввѣряемый имъ цѣнный капиталъ заставляла относиться къ болгарамъ съ предупредительностью, исключавшую даже самую тѣнь притѣсненія. Такимъ образомъ эта зажиточность восточныхъ болгаръ, въ связи съ ихъ независимостью и тою бодростью духа, которую вселяетъ степная ночевая жизнь, подъ открытымъ небомъ, воспитала въ нихъ духъ отваги, дикости и настойчивости. Когда же настоящая война привела въ хаотическое состояніе хозяйство всей восточной Болгаріи, то эти пастухи очутились праздными и обѣдѣвшими, словомъ, вполне приготовленными къ кровавой распрѣ съ турками. Къ нимъ примкнули впоследствии волонтеры, приученные къ военному строю нашей кавалеріей, и разный сбродъ, и прежде не имѣвшій опредѣленнаго положенія. Ими большую часть управляли два натуральныхъ чувства—жажда мести и желаніе возвратить силою отобранное состояніе.

Какъ ни были законны эти стремленія болгаръ, но они не могли быть терпимы нашей арміей: по духу своей организаціи она требовала порядка во всѣхъ занимаемыхъ ею мѣстахъ, а диваріи эти торчали у ней какъ бѣльмо въ глазу и сильно озабочивали во всѣхъ предпріятіяхъ.

При каждомъ кавалерійскомъ бивуакѣ вы непременно встрѣтили бы двухъ-трехъ подобныхъ незнакомыхъ братушекъ. Легкій посохъ въ ихъ рукахъ скорѣе указывалъ на ихъ миролюбивыя наклонности; а приниженность заставляла относиться къ нимъ съ чувствомъ состраданія. Вы ихъ прогоните съ одного конца лагеря, они явятся въ другомъ, и гдѣ-нибудь да будутъ

утощены благодушнымъ солдатомъ. Но это не нищія, а соглاداتъ тѣхъ единомышленниковъ, которые гнѣздятся гдѣ-то тамъ по балкамъ и пустымъ деревнямъ. Едва замѣтить признаки сбора поля въ походъ, какъ сей же часъ извѣщаютъ о томъ своихъ собратій, а тѣ, по выходѣ поля съ бивуака, собравшись толпами, слѣдуютъ за нимъ едва замѣтными на горизонтѣ точкамъ; но жизнь свою они прочно связываютъ съ колонною: попробуйте выказать хотя небольшое расположеніе къ проводникамъ болгарамъ, какъ уже большая толпа этихъ смиренныхъ странниковъ врѣжется въ нее; попробуйте ихъ прогнать—ни-за-что не успѣете; не смотря на самыя энергическія мѣры, вамъ удастся отдалить ихъ только за горизонтъ вашего зрѣнія. Набѣги въ Добруджѣ предпринимались, конечно, секретно и производились болѣею частью по опустѣлымъ мѣстамъ; но присутствіе незримаго наблюдателя всегда замѣчалось въ этихъ видимому необитаемыхъ мѣстахъ—то скирда соломы гдѣ-нибудь загорится, то мельница безъ мельника и зерна завертится. Если эти явленія происходили впереди, то служили вѣрнымъ признакомъ присутствія непріятеля; но часто тѣ же явленія повторялись и сзади отряда или въ деревнѣ при бивуакѣ; тогда уже никто не сомнѣвался въ присутствіи братушекъ—это они даютъ знать о направленіи движенія своимъ запоздавшимъ единомышленникамъ.

Наконецъ непріятель открытъ—отрядъ бросается на него прямо, а братушки въ это время дѣлаютъ обходное движеніе. Пользуясь общою суматохою, нападаютъ на замѣченные стада, которыя непріятель отдаетъ имъ, изъ страха къ русскимъ, безъ боя, и пока длится кавалерійская схватка, они уже мчатся назадъ съ добычей, можетъ быть, съ лихвою захваченной противу понесенныхъ ими потерь и убытковъ, и потомъ скрытыми балками прибавятъ къ мѣсту назначенія. Пройдетъ недѣля, другая, смотришь: къ аванпостамъ приближаются болгары—бѣженцы съ покорною просьбою пропустить ихъ скорѣе въ Добруджу, потому что по пятамъ ихъ гонятся турки и собираются захватить ихъ съютъ, въ сущности ими же ранѣе отбитый у турокъ. Какъ повѣрить правильность ихъ заявленій во время войны, когда и въ мирное время паспортная система никогда тамъ не практиковалась? Приходится, конечно, уступить, а вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпить совершившійся фактъ неправильнаго овладѣнія чужою собственностью.

Болгары—отличные ходоки. Движенія ихъ быстры, усталости они не знаютъ; въ своихъ легкихъ чевякахъ они не отстаютъ отъ конницы, не смотря на быстрый ходъ лошадей.

Конечно, подобныя набѣги не всегда проходили безнаказанно; иногда попадали они и въ лапы турокъ; но тутъ поражала васъ та сила къ жизни, которая овладѣвала болгарами при видѣ истинны; какъ будто и они воспитаны были на фатализмѣ.

Освобождайте, сколько хотите, болгарина изъ когтей турка, развязывайте ему веревки, вѣзавшіяся въ ихъ мускулистое тѣло, оборванному возвращайте жизнь и свободную циркуляцію крови, — ни малѣйшая искра благодарности или просто радости отъ избавленія не засѣлится въ глазахъ этихъ смышленыхъ людей — испугнется и пойдетъ равнодушно при колонахъ. Нужно ли прибавлять, что, по свойству человеческой природы, такой субъектъ невольно дѣлается вашимъ протеже; нѣсколько разъ во время похода вы заботливо разузнаете, не отстаетъ ли отъ колонны освобожденный вами плѣнникъ; дѣлаете ему приличныя, выведенныя изъ недавняго житейскаго его опыта нравственныя внушенія, и когда менѣе всего ожидаете — вамъ донести, что онъ уже исчезъ изъ колонны; а тамъ, на другой или третій день, на какомъ-нибудь bivouacъ, по соединеніи колоннъ въ общій отрядъ, найдете того же болгарина сидящаго подъ карауломъ, сообща съ плѣнными турками, за тѣ безпорядки и грабежи по неприятельскимъ деревнямъ, которые не терпятъ въ нашей арміи, и съ одинаковымъ безпристрастіемъ преслѣдуются какъ среди болгаръ, такъ и башки-бузукъ.

— Ба, ба, братушка! Ты какъ опять сюда попалъ? — спросишь, бывало, его; а братушка только потягивается, да сонливо хлопаетъ глазами: онъ сладко выснался рядомъ съ турчинномъ.

То были субъекты, по истинѣ сами себя обрекавшіе на страданія.

Въ довершеніе картины слѣдуетъ прибавить, что деревенскіе болгары, какъ въ Добруджѣ, такъ и въ прилегающихъ къ ней мѣстностяхъ, отличаются еще двумя, казалось бы, несовмѣстимыми качествами.

Спросите вы у болгарина, можетъ ли онъ увести васъ какое-то жилище мѣсто, лежащее на пути вашего отряда, въ которое онъ никогда и не заглядывалъ. Болгаринъ непремѣнно отвѣтитъ вамъ утвердительно; вы ему доверитесь и онъ, ни мало не колеблясь, заводитъ вашу часть, Богъ вѣсть, куда, и когда вы станете ему внушать, что дѣланіе его — безъ толку водить такую крупную часть, какъ кавалерійскій отрядъ, куда глаза глядятъ — нехорошо и вредно, — онъ наввно отвѣтитъ, что хотя отрядъ и сдѣлалъ лишнее, а все же достигъ своего назначенія, и на слѣдующій день готовъ вести васъ вновь по неведомому ему пути. Они-

биться въ расчётахъ, позабыть или купить противное тому, что имъ ему поручали,—ему ни по чемъ.

За то солиденъ онъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ; пунктуально и строго ведетъ онъ его по преданіямъ, заведеннымъ предками. Ни за что не купить товаръ, привезенный съ европейскихъ рынковъ, а непременно у себя дома приготовить все, что нужно для его непримотановаго хозяйства. Работаетъ онъ хотя грубо и безъ вкуса, за то прочно. Въ этомъ отношеніи онъ существенно разнится съ татарами и турками; у послѣднихъ наоборотъ, почти весь домашній скарбъ, утварь и одежда, привезенный изъ Англіи, Австріи или Америки. Англія особенно много навезла въ нимъ разныхъ ситцевъ, миткалей, гвоздей и др. металлическихъ подѣлокъ. Обстоятельства эти сильно вліяли на политическіе расчёты англичанъ: мусульмане имъ были полезны, и они ихъ поддерживали; болгары наоборотъ бесполезны, если не вредны, и они ихъ тѣснили.

Можетъ быть, въ силу того же консерватизма, болгаринъ простираетъ до неограниченности любовь къ своей худобѣ. У него въ извѣстномъ избыткѣ атары овецъ; здравый политическій и экономическій смыслъ, вѣдалось, долженъ бы посоветовать ему продать часть этой движимости русскимъ войскамъ, вслѣдствіе нужды готовымъ безъ торга заплатить все, что имъ запросятъ; болгаринъ упрямится и ни за что овецъ своихъ не уступить.

Арташники поневолѣ должны обращаться за покупками къ татарамъ, которые, хотя также отлично знали цѣну своему товару, но были сговорчивы тамъ, гдѣ видѣли для себя явную пользу.

Болгары—враги роскоши; за то заботливость распространена у нихъ повсюду. Ни въ городахъ, ни въ селавъ мы не встрѣтимъ нищихъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ—въ рубищахъ, прикрывающихъ незначительныя раны. Между ними попадаются только нуждающіеся, т.-е. бѣдные, тепло и чисто одѣтые въ толстое суконное платье, съ бараньей шапкой на головѣ. Такіе нищіе приводятъ въ смущеніе: какъ не ловко дать ему не только копѣечку—обычное подаваніе русскому нищему,—но даже другиривенный. Ихъ солидный видъ вызываетъ въ болѣе солидной помощи.

Болгары скоро уставали въ оказаніи помощи русскимъ солдатамъ: дадутъ ведро воды, кусокъ хлѣба; по городамъ приготовить въ первый день вѣнгерскаго прихода вкусный острый обѣдъ, а затѣмъ, какъ бы ни въ томъ же ни нуждались, и за большія деньги не повторять своего гостепріимнаго вниманія.

Все, здѣсь написанное о болгаряхъ, относится исключительно до болгаръ восточной полосы; въ другихъ мѣстахъ я не былъ.

Интеллигенція выдѣлялась на этомъ пространствѣ рѣдкими свѣточами, — однимъ, двумя ревнителями просвѣщенія въ цѣломъ городѣ. Какъ кажется, болѣе сосредоточивалась она къ сторонѣ Коварны, по берегу Чернаго моря, и по городамъ, лежащимъ при устьѣ Дуная; по деревнямъ такихъ дѣятелей не замѣчалось; тамъ проживалъ и господствовалъ простой черныи людъ, погруженный въ тяжелыя крестьянскія заботы.

По городамъ, нами проходимымъ, встрѣчали мы тучныи отцовъ семейства, наивныхъ до способности вѣрить въ дѣтскія сказки относительно обычныхъ законовъ природы, но за то способныхъ считать за сказку всякое новое открытіе или воззрѣніе на широкомъ полѣ научно-политической дѣятельности. Молодежь — дѣти ихъ — напротивъ того рвалась къ новой, невѣдомой имъ жизни. Всякую новинку жадно схватывали въ посѣщаемыхъ ими харчевняхъ, на базарахъ и въ другихъ толчеяхъ человеческой жизни. Принимали на вѣру всякія политическія бредни своихъ доморощенныхъ авторитетныхъ мыслителей; а послѣдніе, не имѣя солидной научной подготовки, въ свою очередь свято вѣрили всякимъ эксцентричнымъ воззрѣніямъ, хлестко изложеннымъ современными публицистами. Схваченныя верхушки знаній, и безъ анализа заученныя, производили настоящій сумбуръ въ ихъ головахъ, родили крайнія мнѣнія и еще болѣе сильныя самомнѣнія, при которыхъ всякое патріархальное значеніе ихъ отцовъ исчезало какъ солома въ пламени; а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалась и всякая связь между рядомъ стоявшими поколѣніями, — связь, столь необходимая для правильнаго развитія самой общественной жизни, потому, что при этомъ только условіи бурныи мысли умѣряются или уравниваются спокойнымъ водѣйствіемъ житейскаго опыта.

Словомъ, духовная пропасть раздѣляла ихъ, и для старѣйшаго возраста молодежь имѣла такое же значеніе, какое имѣетъ для вѣса, тяжело нагруженнаго, пара пылкихъ лошадей, обрвавшая въ порывахъ усердія дышло съ постромками: вѣсъ стоитъ неподвижно на дорогѣ жизни, а тѣ запальчиво рвутся впередъ, въ неизвѣданную даль.

Болгаринъ порою вѣтренъ, порою упрямъ, но смиренъ. Брани и грубаго обращенія съ дѣтми не встрѣтишь по всей Болгаріи. О затрепинахъ, пинкахъ и розгахъ они понятія не имѣютъ. Ласковость же матерей достойна подражанія... Съ болѣзнью сердца смотреть они, непонятые, на неукротимые порывы своей моло-

дежи, но вернуть ее къ своимъ пенатамъ не имѣютъ ни силъ, ни власти.

— Плохія времена наступили, — твердитъ почтенный попъ Иванъ въ Базарджикѣ: — не слушаютъ насъ дѣти! Соберутся вмѣстѣ, схватятъ книги; много ли вычитываютъ изъ нихъ, того не вѣдаемъ; а что потомъ гурьбою таскаются по харчевнямъ и почти каждый день полушьянне возвращаются домой — то вѣрно знаемъ. Такой же и мой сынъ. Поговори ты съ нимъ, благодѣтель мой! Авось, онъ тебя послушается. Да кого же имъ и слушаться какъ не васъ, вы вонъ и турчанъ побѣдили.

Почтенный печальникъ забывалъ, конечно, что не всегда орудіе смерти руководило мыслью жизни.

— Поговори, поговори, благодѣтель. Да только заведи объ этомъ рѣчь, знаешь, сторонкой, издалека, чтобы онъ и не догадался, откуда починъ идетъ; а то испортишь все дѣло. Перестали нынѣ они насъ слушаться, перестали. Вѣрь послѣ того въ ученіе и книжную мудрость. А тутъ какъ на зло и винить не вого; самъ съ дѣтства ему твердилъ: учись! ученіе — свѣтъ! А на повѣрку вышло, что оно хуже тьмы.

Удалось мнѣ сына его пристроить и къ временной администраціи на низшія ступени; но не туда рвался неукротимый духъ юноши — ему хотѣлось безъ подготовки властвовать и срывать не посѣянные имъ цвѣты въ жизни. Мѣсяца черезъ полтора прискутили уже ему новыя однообразныя занятія, и онъ оставилъ службу.

Такая же неустойчивость въ воззрѣніяхъ, легкость характеровъ и вялость въ духовныхъ стремленіяхъ старшихъ поколѣній замѣчались и среди болгаръ Силистріи, съ тою только разницею, что здѣсь молодежи вовсе не замѣчалось; отлетѣла ли она куда въ иные края или не имѣла здѣсь никакого общественнаго значенія, этого объяснить не умѣю, и не ей принадлежала тогда въ этомъ городѣ общественная дѣятельность по примѣру Базарджика, куда стеклась она изъ Добруджи и изъ Варны. Здѣсь, напротивъ того, господствовалъ сухой эгоизмъ пожилыхъ лицъ, склонныхъ болѣе къ мелкому торгашеству и быстрому обогащенію съ помощью русскихъ на счетъ турокъ. Но именно послѣдняго благополучія мы и не могли предоставить этимъ почтеннымъ отцамъ семействъ; напротивъ того, сами рады были всѣми неправдами удержаться на занятой нами позиціи, не затрогивая существовавшихъ отношеній разныхъ племенъ, городъ и санджакъ населявшихъ, не говоря уже о нравственныхъ причинахъ.

Суди по этимъ наброскамъ, незнакомый съ жизнью болгаръ въ правѣ спросить: гдѣ же добрыя качества этого народа? неужели мы ратовали и разорялись ради сомнительнаго рѣдства по его крови, дважды смѣшанной съ кровью гунновъ? Эти качества у него дѣйствительно существуютъ; они капитальны; но ихъ нужно искать въ иной сферѣ — въ семейной жизни. Она тѣмъ въ кругѣ, для насъ замкнутомъ, а потому мы ее и мало изучили.

Болгаринъ честенъ, трудолюбивъ, трезвъ; закалъ его духа такъ силенъ, что, благодаря этому качеству, въ продолженіе 500 лѣтъ онъ съ успѣхомъ отстаивалъ вѣру своихъ отцовъ, не считая на страшныя изсѣзанія, которыми нерѣдко подвергался отъ турокъ за эту вѣру. Такому продолжительному рабству не подвергался ни одинъ христіанскій народъ, причемъ онъ не имѣлъ даже духовнаго утѣшенія въ церкви, которая въ продолженіе всего рабства находилась въ рукахъ лукавыхъ грековъ-фанариотовъ, нерѣдко продававшихъ интересы этого народа туркамъ ради своихъ жорыстливыхъ цѣлей. Мало шло въ нему утѣшеній и со стороны прочихъ христіанскихъ народовъ. Мы видѣли, съ какою ненавистью обрушился на него весь Западъ передъ войною при одной вѣсти объ его освобожденіи. Словомъ, онъ былъ настоящій пасмынокъ Европы, презираемый и осмѣиваемый ею. Но онъ не мстилъ ненавистью за презрѣніе, не сдѣлался человѣконенавидцемъ; а напротивъ того, какъ юноша, обращался къ ней съ довѣріемъ всякій разъ, когда она случайно дарила его своимъ вниманіемъ, и при этомъ успѣлъ сохранить во всей чистотѣ свою церковь, нравственные идеалы и человѣческое достоинство. Трудно требовать большаго отъ человѣка.

Болгаринъ — горячій патриотъ и высоко-нравственный семьянинъ. Всѣ эти качества, вмѣстѣ взятыя, даютъ ему почтенное положеніе среди европейскихъ народовъ, и они должны гордиться, включая въ семью свою этого многовѣкового страдальца; всѣ же общественные недостатки зародились въ немъ отъ долгаго пребыванія подъ своеобразнымъ гнетомъ турокъ. Этотъ властелинъ распорядился его судьбою, какъ капризный деспотъ: равнодушный по природѣ, онъ давалъ болгарамъ возможность спокойно уживаться около себя и богатѣть на счетъ своего кармана; когда же болгаринъ становился ему въ тягость, то моментально всныживалъ и рѣзалъ головы правому и виноватому, имущество ихъ обращалъ въ свою пользу. При такой безхитростно-дивной политикѣ турокъ, конечно, не могли правильно развиваться и политическіе инстинкты самихъ болгаръ. Имъ непонятны стали другія отношенія къ враждебнымъ племенамъ, какъ въ формѣ мщенья и воз-

недѣя, которыя потомъ опрокидывались на ихъ же головы. Но ясный политическій инстинктъ въ немъ не заглухъ: попробуйте только наметнуть ему, что въ сношеніяхъ съ враждебными народами нужно вносить выдержку, терпѣніе, и властвовать надъ нимъ не силою оружія, а немусно разставленными сѣтями, онъ сразу васъ пойметъ, очнется и добродушно предложитъ вамъ руководить его первыми шагами.

Что же касается семейныхъ добродѣтелей, то, конечно, не духовенству своему онъ имъ обязанъ.

Болгарскій попъ простъ, необразованъ, корыстливъ; умъ его мзестелѣтъ, едва познавъ обряды таинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заглушилъ въ себѣ всѣ родники духовной жизни ¹⁾. Тѣмъ не менѣе болгарскій священникъ не презиралъ школы, и хотя особенно о ней и не радѣлъ, но терпѣливо спосилъ въ своемъ приходѣ какъ церковное достояніе, преемственно полученное отъ Византіи. Относительно патріотизма выработались у него также своеобразныя понятія: на болгарство смотрѣлъ онъ какъ на сѣдалище христіанства, почему и считалъ его краеугольнымъ камнемъ церкви—путемъ спасенія въ будущей жизни.

Во всѣмъ благомъ въ жизни болгаринъ обязанъ былъ своей женщинѣ, какъ матери, жемѣ и дочери. Она примирала его съ жизнью и создавала счастливый уютный уголокъ, въ которомъ онъ могъ спокойно вздохнуть отъ оскорбленій и печали.

Нынѣшніе болгаринъ и болгарка по духу—точно два разные типа въ одномъ и томъ же племени. По типу своему болгарка болѣе всего приближается къ малороссианкѣ; также смутна и полна жизни въ красивыхъ овалѣхъ своихъ формъ; только складъ ихъ доведетъ до большаго совершенства рѣзцомъ бытовыхъ условій: мусульманинъ поднялъ бы на сѣбѣ женщину, исполняющую на полѣ мужскія работы; почему значительную часть года она проводитъ дома и не грубѣетъ такъ сильно, какъ наши деревенскія красавицы, работающія лѣтомъ за сохой и съ восоем ²⁾. Станъ ея болѣе стрѣенъ и черта лица болѣе тонка; это—идеализированная хохлушка.

¹⁾ Явнымъ онъ и не могъ быть: наставникомъ его былъ греческій попъ—сухой эгоистъ, а лучшихъ образцовъ онъ и не видѣлъ.

²⁾ Канинъ, австріецъ, добросовѣстный изслѣдователь Болгаріи, другого мнѣнія. Онъ находитъ, что нигдѣ въ Европѣ не отягощена женщина такими непосильными трудами, какъ въ Болгаріи, Сербіи и Черногоріи. Замѣтилъ его касался исключительно западной части Болгаріи, здѣсь же говорится о трудѣ женщинъ восточной половины; кромѣ того, разница во взглядахъ могла произойти и отъ привычки видѣть австріянокъ извлеченными отъ полевыхъ работъ, особенно въ горныхъ округахъ.

Болгарка не знаетъ совращеній и искушеній, испытываемыхъ европейскою женщиною, почему въ обращеніи съ посторонними мужчинами она проста, обходительна и довѣрчива какъ ребенокъ; они для нея—друзья и братья: поздно вечеромъ войти въ комнату одиноко спящаго мужчины, поправить подушку подъ его головою и вести при немъ задушевный разговоръ съ своею подругою, при слабомъ мерцаніи салнаго огарка—для нея дѣло обычное. Женственные инстинкты спятъ въ ея стройномъ тѣлѣ, какъ двѣнадцать дѣвъ въ заколдованномъ лѣсѣ, пока не зазвучатъ сердечныя струны, тронутыя чистою любовью хорошаго человѣка. Соединяясь съ нимъ на вѣкъ, она никогда не забывала своей родины. Посмотрите, какъ померкнетъ блескъ ея лучистыхъ глазъ, зачернѣютъ и расширятся зрачки и съ какою алчностью станетъ она схватывать каждое ваше слово, когда разговоръ коснется страданій и спасенія ея братій-болгаръ. Вы тогда обратитесь для нея въ пророка, страстотерпца и покровителя ея родины. Нѣтъ тѣхъ честныхъ жертвъ, которыхъ бы она не принесла въ тотъ часъ за ваше спасеніе.

Вольной и незаконной любви она не знаетъ; трудится на всякой общественной ступени, въ богатствѣ и бѣдности, одинаково усердно; почему, усталая, засыпаетъ крѣпко, а встаетъ свѣжая и бодрая, какъ сама природа въ весеннее утро.

Передъ ней, какъ передъ святиней, смиралась уста нашихъ ловкихъ, неутомимыхъ ловеласовъ, а если вольное слово и дерзало долетать до ея уха, то также мало вредило ея воображенію, какъ кусокъ гнилой грязи бѣлому чистому мрамору.

Случалось намъ видѣть ее и въ общественной дѣятельности на должности начальницы школы. Здѣсь она дѣлалась неузнаваема. Въ ней начинала уже проглядывать вся пылкость ея натуры: на ученицъ она смотрѣла, какъ на своихъ дѣтей—будущихъ гражданокъ свободной Болгаріи. Жертвовала имъ всѣми своими мыслями и спокойствіемъ; развивала исполнѣ всѣ свои права надъ школою и стояла за нее горю; словомъ, сбрасывала она тогда свою скромную замкнутость, а взамѣнъ ея принимала приличныя званію officialный тонъ и важность. Голосъ ея тогда звучалъ самоувѣренно и говорила она смѣло и краснорѣчиво. Особенно краснорѣчива и задушевна была рѣчь, сказанная одною изъ нихъ при первомъ занятіи въ эту кампанію нашими войсками города Тульчи.

Россія можетъ похвалиться, что большая часть изъ этихъ достойныхъ наставницъ была ею воспитана и приготовлена къ

патріотической дѣятельности. Въ особенности много хорошихъ наставницъ вышло изъ воронцовской школы, въ Одессѣ. Нужно ли говорить, что при такомъ направленіи, при такомъ закатѣ духа, болгарка, какъ и всякая женщина, живущая сердцемъ, должна была принимать живое участіе въ религіозныхъ вопросахъ, и дѣйствительно, вліяніе ея на судьбу церкви было громадно. Была пора, а именно въ началѣ 70-хъ годовъ, когда болгарская церковь, поколебленная въ своихъ основахъ ненавистью и недовѣріемъ болгаръ къ константинопольскому патріарху, готовилась развалиться на части. Это было время происковъ миссіонеровъ всѣхъ западныхъ церквей, и особенно сильно и опасно вліялъ на нее римскій престолъ. Вкрадчивые служители Рима заполонили-было самое сердце Болгаріи — Терново, ушли въ немъ прочно и оттуда повели горячую пропаганду. Тогда Станка, жена одного вліятельнаго патріота Едро, уговорила мужчинъ-болгаръ не показываться на улицахъ города, а сама въ это время собрала всѣхъ своихъ подругъ, вмѣстѣ съ ними ворвалась въ домъ миссіонеровъ, связала ихъ по рукамъ и ногамъ, уложила на возы вмѣстѣ съ домашнею ихъ рухлядью и затѣмъ вывезла далеко за городъ, откуда на наемныхъ подводахъ отправила ихъ далѣе за предѣлы санджака. Такъ какъ подвигъ этотъ былъ совершенъ одними женщинами безъ участія мужчинъ, то онъ получилъ такую смѣшную окраску, при которой ревнители католичества посоветились вновь раскидывать свои сѣти въ Терновѣ и оставили этотъ городъ. Уважу еще на одинъ примѣръ ихъ сердечной энергіи: когда нужно было освободить городъ Казанъ отъ послѣдняго грека-монаха, но съ такимъ расчетомъ, чтобы привезенная имъ съ Афона святиня — рука святителя Николая — осталась среди народа, также женщина, сестра мѣстнаго учителя, взялась вырастить эту святиню изъ рукъ монаха, и исполнила обѣщаніе свое очень удачно. Въ болгарской женщинѣ—вся будущность Болгаріи. Со временемъ, когда школа развернетъ ея природный здравый умъ, подъ охраной ея высокихъ помысловъ, спокойно и правильно разовьется на новыхъ началахъ семейная жизнь, не разрывая традиціонныхъ связей съ прошлымъ; она же создастъ и массы новыхъ борцовъ не только для внѣшней политической дѣятельности, но и для внутренней, противу легкомысленныхъ увлеченій ¹⁾.

¹⁾ Книжка придерживается того же мнѣнія относительно нравственныхъ достоинствъ болгарскихъ женщинъ и въ этой сферѣ ставитъ ихъ выше мужчинъ.

Завиденъ складъ и общественныя отношенія болгаръ. Среди ихъ нѣтъ раздѣленія на классы по состояніямъ. Всѣ одинаково пользуются милостями неба, смотря по своимъ силамъ и средствамъ, оттого и отношенія между ними въ высшей степени просты и симпатичны.

Изъ другихъ христіанскихъ народовъ, населяющихъ Силистрію, какъ по числу, такъ и по дѣятельности, выделялись армяне и греки.

Армяне населяли отдѣльный кварталъ. Они составляли аристократію города. Дома ихъ, красивые, удобные, крѣпко построенные, болѣею частью тонули въ садахъ, окруженныхъ крѣпкими стѣнами. Дѣятельность ихъ была не шумная, но солидная; торговля имѣла почтенныя связи съ отдаленными иностранными фирмами, шла ровно и поддерживалась столько же обдуманними мѣрами, какъ и легкими расчетами, издавна ими практикуемыми. Они занимались главнымъ образомъ продажей мѣстныхъ сельскихъ продуктовъ на иностранные рынки и торговлей дорогими восточными тканями, которые привозились ими изъ Малой Азіи.

Армянинъ — жиронъ, съ лоснящимся здоровымъ лицомъ, медленною походкою и лукавыми глазами. Равнодушный въ мѣстныхъ народныхъ интересахъ, онъ держалъ сторону турокъ, потому что въ нихъ видѣлъ силу, полезную для своей коммерческой дѣятельности. Вместе съ тѣмъ, изъ рядовъ ихъ преимущественно являлись самые усердные и искусные шпионы для турецкой полиціи и враждебные болгарамъ совѣтники. Живя съ турками рука объ руку, они пользовались ихъ покровительствомъ и большими привилегіями; такъ напримѣръ дома ихъ наравнѣ съ турецкими вѣдомыми были отъ постоа войскъ, который постоа всю свою тяжесть падалъ исключительно на болгаръ и грековъ.

Принадлежали они къ католической церкви, которая, подобно католику, считалась ихъ для общественныхъ дѣлъ въ дисциplinированная масса. Школа была тѣсно связана съ церковью, пользовалась ихъ особеннымъ покровительствомъ и была мѣстомъ соединенія всѣхъ армянъ — ихъ биржеи и монастырь. Тамъ армянъ и тою обдумывалась каждый шагъ и каждое слово, имѣющее въ общественную жизнь; она давала тонъ въ сношеніяхъ съ турками.

Входя плотно въ составъ турецкой имперіи, армяне, конечно, не могли имѣть своего консула, по примѣру грековъ, и своего вожака, по примѣру албанцевъ; но церковь чрезъ посредниче-

ство своего епископа или, лучше сказать, высшего его представителя—римского папу—защищала ихъ отъ притѣсненій и заботилась объ ихъ выгодахъ. Вновь поставленный архіепископъ ихъ, Киркоръ по имени, занималъ третье мѣсто въ армяно-католической іерархіи. Онъ былъ достойнымъ представителемъ народа и церкви; отличался большимъ житейскимъ тактомъ и тонкимъ народивымъ умомъ. По вѣку ему нельзя было дать болѣе 40 лѣтъ, онъ былъ полонъ жизни и энергіи, держалъ себя со смирениемъ, вызывавшимъ глубокое уваженіе. Рождественники его, и въ томъ числѣ мать, также женщины умныя, далеко не старыя, жили въ Силистріи; они составляли уездъ, связывавшій главу ихъ епархіальной церкви съ городомъ.

Грекамъ принадлежала роль посредниковъ торговли. Часть изъ нихъ составляла принятый людъ, захваченный войною, такъ сказать, и временно заключенный въ стѣнахъ крѣпости. Сюда входили матросы, инженеры и нѣсколько судовозовъ. Мѣстные жители-греки, болѣею частью занимались или мелкою торговлею, или такимъ промысломъ, который соприкасался съ жизнью судовъ—содержали харчевни, погреба, хлѣбо-пекарни; а также усердно занимались маклерствомъ. Дѣятельность ихъ, хотя была и суетливая и шумная, но не давала вѣрныхъ доходовъ, почему многіе вели загадочное существованіе,—ихъ, кажется, кормили болѣе ноги и пронырство, чѣмъ солидные расчеты. Были падки на знакомства, причѣмъ любили болѣе посѣщать, чѣмъ принимать у себя дома.

Не смотря на разнообразіе разъединявшей грековъ дѣятельности, они имѣли точку сближенія въ лицѣ своего консула — почтеннаго захудалшаго профессора реторики и математики какой-то афинской школы. Болѣзненность и слабость его организма не вредила дѣлу; своимъ добродушіемъ и хлѣпотливостью на пользу грековъ онъ болѣе успѣвалъ въ ихъ сліяніи, чѣмъ энергія иного, болѣе мощнаго дѣателя. Греки его любили и очень гордились его ученостью, нѣсколько, впрочемъ, поблекшею.

Евреевъ въ городѣ не замѣчалось; а какихъ туда судьба и занесла, тѣ скоро вытѣснялись пронырливой дѣятельностью армянъ и грековъ; съ ними тягаться евреямъ было трудно; вдобавокъ и крестьянныя болгарскія, трудолюбивыя, расчетливыя и нехлюпчія, не выказывали особенной склонности къ ихъ обогащенію. Румыны жили въ пригородной слободѣ и мало выжили на жизнь самого народа, не держали тамъ своего пастыря.

Изъ этого описанія видно, что каждое изъ христіанскихъ племенъ жило и трудилось въ своемъ строго очерченномъ кругѣ,

который, казалось, долженъ бы устранить всякій поводъ къ распрямъ; но онѣ не замирали. Армяне, избравъ болгаръ возлами отнущенія за тяжкій грѣхъ свой въ глазахъ турокъ — поклоненіе кресту, — алыми наговорами вносили въ эти христіанскія семейства верѣдню самую смерть, вызвавшую къ отмищенію; въ свою очередь болгаръ съ грѣхами раздѣляли церковныя распри. Хотя церковный вопросъ уже давно и безповоротно рѣшенъ былъ въ пользу первыхъ, — болгарская церковь сдѣлалась вполнѣ самостоятельной, — но грѣхи не могли простить имъ того, что потеряли свою гегемонію, а вмѣстѣ съ нею и средства жить насчетъ болгаръ. Церковная вражда эта хотя отъ времени и перешла въ болѣзнь хроническую, но не потеряла своего острого характера.

Такимъ образомъ весь христіанскій міръ Силистріи пребывалъ во враждѣ; онъ волновался ненавистью, поминутно шевелился въ глубинѣ душъ черныя и грязныя инстинкты, почему борьба не получала характера бушующаго моря, а скорѣе смердящаго болота, въ которое втагивали они другъ друга искусно разставляемыми приманками.

Когда же дѣло касалось первенства церквей, то и духовныя лица, обыкновенно скромныя и тихія, принимали живое участіе въ столкновеніяхъ своихъ мірянъ; они окрылялись тогда гнѣвомъ, и орлами налетали другъ на друга. Въ такую пору жизнь христіанскихъ обществъ принимала характеръ, поистинѣ унижательный и вызывающій глубокое сожалѣніе; а турки пользовались этимъ, какъ даровымъ спектаклемъ, чтобы насладиться съ одной стороны картиной униженія христіанъ, а съ другой сознаніемъ своего нравственнаго превосходства. Провозглашали они, напримѣръ, торжественное водосвятіе въ день крещенія, на Дунаѣ, приводили музыку; а сами собирались чуть не цѣлымъ народомъ, заранѣе предвкушая всю прелесть христіанскаго самоуниженія. Процессія съ хоругвями, священники съ крестами, въ полномъ облаченіи, стягивались въ опредѣленный часъ къ Иордану, и когда приближалось время освященія воды, то каждая церковь, стремясь поддержать свое первенство, старалась первой приступить къ совершенію священнаго обряда. Этотъ-то моментъ и составлялъ любимѣйшую забаву турокъ: онъ вызывалъ рядъ грубыхъ схватокъ.

Опущу занавѣсъ надъ безобразіями, совершаемыми здѣсь въ простотѣ сердца этими ревнителями православія, еще болѣе потому, что дикими омерзительными этими схватками въ сущности

руководило высокое стремленіе—желаніе поддержать первенство своей церкви.

Послѣ этого самобичеванія во имя мира и любви, въ разстерзанныхъ ризахъ, съ лицами, пылающими яростью гнѣва, подъ звуки музыки и дьявольскаго смѣха турокъ, духовенство расходилось по своимъ приходамъ, вспоминая на пути тѣ ловкіе удары, которые раздавало или получало отъ другихъ.

Я называлъ бы себя счастливымъ, еслибы хотя половина изъ переданнаго мнѣ въ Силистріи и здѣсь написаннаго относительно церковныхъ распрей оказалась выдумкою.

Я далъ себѣ слово употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры чтобы уничтожить хотя здѣсь эту позорную распрю.

И. Андріановъ.

БЕЗПЛАТНЫЙ УРОКЪ

КАРТИНКИ ИЗЪ УЗДНОЙ ЖИЗНИ.

Это было лѣтъ пять-шесть тому назадъ. Началась вторая половина августа. Мои школьные товарищи готовились уѣзжать съ первымъ пароходомъ, отправлявшимся изъ города черезъ два дня; наканунѣ было рѣшено, пока мы всѣ находимся на лицѣ, устроить еще разъ прогулку за городъ съ чаемъ и, по возможности, въ большой компаніи. За лѣто такихъ прогулокъ состоялось у насъ не мало и хотя не всѣ онѣ были одинаково удачны, но въ общемъ у каждого изъ насъ осталось отъ нихъ настолько пріятное впечатлѣніе, что наканунѣ вечеромъ въ городскомъ саду, гдѣ рѣшался вопросъ о послѣдней, такъ сказать, генеральной прогулкѣ, не слышалось ни одного протестующаго голоса.

Въ виду предстоящаго удовольствія, вплоть до самаго обѣда я находился въ отличномъ расположеніи духа; но когда пришло время двинуться въ путь, веселая возбужденность мгновенно уступила мѣсто досадѣ: я отлично зналъ, во сколько часовъ слѣдовало выйти изъ дому (отъ трехъ до половины четвертаго), но того, гдѣ предположено было собраться и куда идти — рѣшительно не зналъ. Я какъ-то прослушалъ эти подробности; для меня главная прелесть прогулки заключалась совсѣмъ не въ томъ, въ какомъ именно пунктѣ проведемъ мы нашъ послѣдній вечеръ, а единственно въ томъ, что мы проведемъ его среди полей и лѣсовъ и еще разъ всѣ вмѣстѣ.

Побывавъ послѣдовательно у троихъ изъ товарищей, которые должны были отправиться вмѣстѣ съ нами, я ни одного изъ нихъ не засталъ дома и, выходя отъ послѣдняго, о мѣстѣ прогулки зналъ ровно столько же, какъ и въ ту минуту, когда

только-что догадался о своей оплошности. Между тѣмъ часы мои показывали почти четыре. Необходимо было спѣшить изъ всѣхъ силъ. Но куда же дальше идти? Размысливши, я нашелъ, что самое благоразумное съ моей стороны будетъ отправиться за справкою къ Тагановымъ—тамъ всегда знали куда, на сколько времени и зачѣмъ уходили братъ и сестра.

— Надя и Степа уѣхали за городъ съ Саврасовыми, вотъ уже съ полчаса времени, — отвѣтила тетка Тагановыхъ на мой послѣдній вопросъ: дома ли Степанъ Ивановичъ и его сестра? — Я полагала, что вы также съ ними, — прибавила она.

— Да съ ними же и долженъ бы быть, но я, видите ли, не слыхалъ, гдѣ собираются, и проѣзжалъ всѣхъ, — сообщилъ я не безъ горечи.

— Какая жалость! Какъ же вы такъ?

— Можете вы сказать, куда они отправились?

— Опять въ Ступино! — безнадежно махнула рукой Людмила Петровна, — впередъ на лодкѣ, а обратно — берегомъ. Предполагаютъ, что луна будетъ, только наврядъ будетъ луна...

Я не дослушалъ разсужденій почтенной дамы и, какъ изъ лука стрѣла, понесся къ берегу, смутно надѣясь, что успѣю застать общество еще у перевоза.

На перевозѣ я узналъ, что большая компанія господъ отправилась въ лодкѣ внизъ по рѣкѣ въ то время какъ звонили къ вечернѣ. Часъ назадъ, стало быть. Часъ! Усердная бѣготня по городу порядочно-таки упарила меня, но время было дорого, и закуривъ папирску, я спѣшно зашагалъ къ Ступину. Предстояло пройти пять верстъ по неровной, неудобной дорогѣ и я очень скоро почувствовалъ серьезное утомленіе. Чтобы облегчить себя, я разстегнулъ сюртукъ, и вѣтеръ, дувшій мнѣ на-встрѣчу, скоро прохладилъ меня и возстановилъ мои упавшія-было силы.

На этотъ разъ прогулка удалась исполнѣ. Покончивъ съ чаемъ, собираніемъ грибовъ и игрою въ горѣлки, мы очень долго оставались на откосѣ берега, не смотря на обильную росу и весьма ощутительную свѣжесть воздуха, — никто не хотѣлъ уходить домой прежде, чѣмъ взойдетъ луна. Въ ожиданіи было пропѣто нѣсколько пѣсенъ. Я веселился безъ мѣры, но послѣдствія этой прогулки лично для меня вышли крайне печальныя — я сильно простудился, пришлось вынести воспаленіе легкихъ, и кончилось тѣмъ, что врачи не пустили меня въ Петербургъ.

— Ъхать учиться въ такомъ положеніи да еще съ тѣмъ, чтобы работать въ лабораторіи, это значитъ обречь себя на вѣрную смерть. Мнѣ собственно все равно, но я считаю своею обя-

занностью сказать, чѣмъ вы рискуете, — говорилъ лечившій меня докторъ. Другой и третій, приглашенные для совѣщанія, объявили тоже самое, добавивъ предупрежденія противъ петербургскаго климата и противъ обычныхъ помѣщеній и питанія студентовъ. Матушка и сестра плакали и упрашивали пожить этотъ годъ дома, а силы мои восстанавливались такъ медленно, что въ концѣ концовъ пришлось уступить.

Скучный это былъ годъ. И считаешь, и погуляешь, среди дня поспишь, а дня все еще остается... При этомъ отвратительнѣйшее состояніе духа! Пока стояла хорошая погода, жилось еще туда-сюда, но съ началомъ осенней слякоти я рѣшительно пришелъ въ отчаяніе — совсѣмъ некуда стало себя дѣвать. Заниматься какъ слѣдуетъ я не могъ, ходить въ гости становилось, наконецъ, совѣстно, потому что во всѣхъ домахъ, куда я былъ вхожъ, я давно уже успѣлъ обить всѣ пороги.

Тагановы больше всѣхъ другихъ терпѣли отъ моихъ частныхъ посѣщеній. Со Степой мы были закадычными друзьями во всѣхъ восьми классахъ гимназіи, съ его сестрой старые знакомые, а тетушка ихъ, какъ заботливая ворчунья, хлѣбосола и вообще добрая предобрая женщина, являлась такимъ пріятнымъ дополненіемъ семейства, что меня невольно тянуло къ нимъ всякій разъ, когда выходя изъ дому, я намѣревался зайти къ кому-нибудь другому. Мнѣ представлялось, что тутъ время проходить небесмысленно, во всякомъ случаѣ съ большимъ смысломъ, чѣмъ у кого бы то ни было изъ остальныхъ моихъ знакомыхъ.

Надежда Ивановна, сестра Степы, занималась языками, исторіей и математикой, читала также исторію литературы, и мнѣ нерѣдко приходилось выслушивать ея просьбы — помочь ей въ ея занятіяхъ, что я всегда исполнялъ съ большимъ удовольствіемъ. Она собиралась поступить на курсы и уѣхала бы въ Петербургъ нынѣ же, если бы передъ самымъ отъѣздомъ не вышло правилъ о дополнительныхъ экзаменахъ, къ которымъ она оказалась неготовой. Отдавая большую часть дня серьезному умственному труду, дѣвушка была тѣмъ веселѣе и оживленнѣе по вечерамъ, въ часы отдыха, и ея негромкій, но удивительно музыкальный и заразителный смѣхъ увлекалъ насъ всѣхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Степа, возвращаясь изъ управы, рассказывалъ какой-нибудь анекдотъ изъ области своей земской практики или какое-нибудь городское происшествіе. Разумѣется, это бывало лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда анекдотъ оказывался веселымъ, что случалось не особенно часто; когда же Степа, приходя домой, сообщалъ о слухахъ, мѣропріятіяхъ и т. д. печальнаго характера, Надежда

Ивановна глубже всѣхъ другихъ чувствовала неправду и тяжесть сообщеннаго обстоятельства, и, мало-по-малу, у меня образовалась привычка, читая что-нибудь замѣчательное или слыша какое-нибудь полное значенія извѣстie, въ самыхъ выдающихся мѣстахъ, взгляды на серьезное, все проникнутое мыслью и сердечнымъ участiемъ лицо Надежды Ивановны. Дѣлалось это почти инстинктивно. Я искалъ утѣшенія, и, право, увидавъ такое ясное пониманiе настоящей стороны дѣла и такое полное выраженiе состраданiя, я обыкновенно чувствовалъ себя до нѣкоторой степени какъ будто облегченнымъ.

Я приходилъ къ Тагановымъ обыкновенно часовъ въ семь и время до появленiя въ гостиной Степы, т.-е. добрыхъ два часа, проводилъ въ обществѣ одной Надежды Ивановны. Тетушка и ея вѣчная спутница, Мусташка, присоединялись къ намъ передъ самымъ чаемъ, который всегда слѣдовалъ непосредственно за Степой. Степа же былъ такъ точенъ, что никогда не опаздывалъ болѣе, чѣмъ на какiя-нибудь десять-пятнадцать минутъ.

Если Надежда Ивановна не предлагала мнѣ вопросовъ по математикѣ и не спрашивала мнѣнiй моихъ по литературѣ, мы принимались съ ней за чтенiе той или другой такъ-называемой серьезной книги, и нужно сознаться, что никогда не читалъ я съ большимъ толкомъ и болѣею пользою, какъ именно въ этотъ періодъ моей жизни. Этимъ я обязанъ также Надеждѣ Ивановнѣ. Иногда, случалось, прочтешь что-нибудь, думая совершенно о другомъ, и извѣстная страница совсѣмъ не останется въ памяти, но, при первомъ же разсужденiи затѣмъ о прочтенномъ, Надежда Ивановна какъ нарочно, бывало, сошлется на эту самую, незамѣченную мною страницу, заставить ее прочесть снова, и пропущенное мѣсто, такимъ образомъ, запомнится, наконецъ, какъ слѣдуетъ. Толстые журналы, а также газеты читали въ присутствiи Степы, всего чаще онъ самъ читалъ. Читалъ Степа очень хорошо и если иногда вздумаетъ, бывало, по недорозумѣю или усталости отказаться отъ роли чтеца, то мы всѣ, вкупѣ съ Людмилой Петровной, въ одинъ голосъ приставали къ нему съ просьбою почитать. Когда случалось, что его замѣнялъ нерѣдко бывавшій у Тагановыхъ ординаторъ земской больницы Семенъ Васильевичъ Литовеннъ — мы всѣ оставались недовольны чтенiемъ. Семенъ Васильевичъ читалъ внятно, совершенно правильно останавливаясь на знакахъ препинанiя, словъ не перевиралъ, но читалъ такъ однотонно и всѣ персонажи въ его чтенiи говорили до того одинаково, такъ мало слышалось въ его интонаціи выраженныхъ въ статьѣ, повѣсти или романѣ чувствъ, что надлежа-

ищаго впечатлѣнія никакъ не получалось. Съ любимыми авторами въ періодическихъ изданіяхъ мы съ Надеждой Ивановной въ такихъ случаяхъ неизмѣнно поступали такъ, что заставляли Степу перечитывать намъ ихъ произведенія на другой день.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ нетерпѣливѣе кончалъ я дома вечерній чай, который у насъ подавался рано, потому что въ семьѣ имѣли обыкновеніе ужинать, и тѣмъ досадливѣе посматривалъ на часовую стрѣлку, на мой взглядъ отъ шести до семи часовъ двигавшуюся на моихъ часахъ до невозможности медленно, хотя въ продолженіе остальной части сутокъ я находилъ, что часы идутъ какъ слѣдуетъ. Едва стрѣлка покажетъ, бывало, три четверти седьмого, я проворно выбѣгалъ изъ дому, быстро проходилъ немногіе кварталы, отдѣлявшіе мою квартиру отъ дома Тагановыхъ и всякій разъ немножко раньше семи звонилъ у ихъ двери. Отпирала почти всегда Надежда Ивановна. Сниметь крючекъ и безмолвно отойдетъ къ двери въ залъ, прислонится къ косяку головой и плечомъ и такъ ждетъ, пока я снимаю пальто и балоши. Потомъ молча же пожиметъ мнѣ руку и мы вмѣстѣ проходимъ по залу въ гостиную, которая всегда имѣла одинъ и тотъ же видъ, по крайней мѣрѣ тотъ ее уловить, который я замѣчалъ въ ней: двѣ свѣчи на кругломъ столѣ передъ диваномъ, между ними книги и тетради или газеты и журналы, иногда какая-нибудь работа Надежды Ивановны. Обыкновеніи нѣсколькими фразами, мы принимались за ученіе или за чтеніе — и такъ изо дня въ день. Эти первыя минуты встрѣчи производили на меня чрезвычайно отрадное дѣйствіе. Мнѣ чувствовалась особенная симпатія ко мнѣ въ безмолвной встрѣчѣ милой дѣвушки и въ ея ясной улыбкѣ, которая постоянно озаряла ея лицо, когда мы помѣщались на свои обычные мѣста.

Разъ я, теперь уже не помню почему, запоздалъ съ своимъ вечернимъ визитомъ и пришелъ къ Тагановымъ уже не въ семь, а около восьми часовъ. Меня впустилъ Степа и довольно нетерпѣливо началъ:

— Что это вы сегодня — точно нарочно опоздали? У насъ съ сестрой цѣлая баталія вышла...

— Что такое?

— А вотъ сама скажетъ.

Надежда Ивановна, противъ своего обыкновенія, не шла мнѣ на-встрѣчу. Она, какъ-то вся съѣжившись, сидѣла въ углу дивана, плотно завернувшись въ черный платокъ, накиннутый на плеча, и имѣла такой видъ, точно сильно забла. Блѣдная, съ плотно сжатыми губами, съ совершенно непонятнымъ для меня

выраженіемъ лица она очень обезпокоила меня въ первую минуту. Для меня было вполне ясно, что съ ней случилось что-то, изъ ряда вонъ непріятное.

— Что тутъ у васъ произошло, Надежда Ивановна?—спросилъ я, садясь подлѣ нея.

— А вотъ прочтите,—проговорила она, перебросивъ на столѣ въ мою сторону мелко исписанный почтовой листочекъ.

«Наденька, милая! Кромѣ васъ совсѣмъ не знаю, къ кому обратиться—никого не вижу и, справедливо или несправедливо, всѣхъ подозреваю въ трусости; вы же, я увѣрена, не показываетесь единственно потому, чтобы не надѣяться. Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что я одну васъ только и могу еще просить помочь мнѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: Катя во время исторіи съ отцомъ простудилась и такъ серьезно прихворнула, что на время зимнихъ мѣсяцевъ Литовкинъ запретилъ ей выходить изъ дому даже въ гимназію. Выходить, такимъ образомъ, что у ней долженъ пропасть цѣлый учебный годъ даромъ. Не возьметесь ли вы заняться съ нею въ теченіе зимы и помочь ей перейти въ слѣдующій классъ будущей же весной? Сама я не имѣю ни малѣйшей возможности сидѣть съ нею—приходится работать изъ всѣхъ силъ ради хлѣба. Когда увидимся, я объясню вамъ все подробно и вы сами увидите, что времени у меня совсѣмъ нѣтъ. Между прочимъ, я потому еще прошу объ одолженіи именно васъ, что платить за уроки рѣшительно нечѣмъ; вы же могли бы потрудиться безъ вознагражденія. Впрочемъ, если почему-нибудь вы найдете неудобнымъ для себя мое предложеніе, не стѣсняйтесь, ради Бога, сказать мнѣ это прямо! Искренно васъ любящая Анна Ситникова». Вотъ что прочелъ я по указанію Надежды Ивановны.

Я зналъ нѣсколько семейство Ситниковыхъ, хотя знакомъ съ ними не былъ. Мужъ былъ губернскимъ статистикомъ, считался либераломъ, не столько, впрочемъ, либераломъ, сколько оригиналомъ и чудачкомъ по своему независимому характеру и привычкамъ. Жена была развитой и точно такъ же, какъ и мужъ, либеральной, но почему-то нѣкоторые считали ее умѣе ея мужа. Вдобавокъ она была замѣчательная музыкантна, обладала хорошимъ инструментомъ и немножко пѣла. Лѣтомъ по вечерамъ вокругъ квартиры Ситниковыхъ нерѣдко устраивалось настоящее гулянье, если изъ оконъ слышались музыка и пѣніе. Я самъ не однажды пользовался даровымъ концертомъ и, за отсутствіемъ концертовъ настоящихъ, всегда вынесилъ отъ игры Ситниковой чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Кругъ знакомства Ситниковыхъ

былъ весьма ограниченный, по большей части это была молодежь учащаяся и учащая, вообще молодежь, и говорили, будто Анна Евграфовна имѣетъ огромное вліяніе на своихъ юныхъ друзей, въ смыслѣ развитія ихъ независимости, стремленія къ осмысленному труду и т. д. Пока я хворалъ, съ Ситниковыми случилось несчастье — мужа выслали. Почему, за что, куда, я ничего не зналъ, такъ какъ слышалъ объ этомъ тотчасъ по выздоровленіи и, самъ не знаю почему, можетъ быть, по неокрѣпшей еще воспримчивости, пропустилъ слышанное мимо ушей. А потому со мною никто не заговаривалъ объ этомъ. Все это въ одну минуту встало въ моей памяти при чтеніи письма Ситниковой.

— Да, это не можетъ не волновать, — сказала я, возвращая письмо. Надежда Ивановна скользнула по мнѣ взглядомъ и не отозвалась ни однимъ словомъ на мое замѣчаніе.

— Когда же вы къ ней думаете? — спросилъ я, помолчавъ съ минуту.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! — порывисто воскликнула Надежда Ивановна, опираясь о край стола скрещенными пальцами рукъ и близко наклоняясь ко мнѣ: — въ томъ-то и дѣло, что записка эта ставитъ меня въ невозможное положеніе.

Въ ея тонѣ мнѣ ясно слышалась мучительная жажда сочувствія и поддержки.

— Въ невозможное положеніе? — повторилъ я, недоумѣвая.

— Именно, въ невозможное. Вы себя представить не можете, до какой степени слѣдить за каждымъ шагомъ Анны Евграфовны. Анна Евграфовна очевидно не подозреваетъ этого, иначе она ни за что не обратилась бы ко мнѣ, я ее очень хорошо знаю. Представьте, солдаты переодѣваются поденщиками и приходятъ на дворъ Пяткина для разныхъ работъ. То дрова нилить наймутся, то снѣгъ свозить, то что-нибудь другое работаютъ и въ это время зорко слѣдить, не пойдетъ-ли она куданибудь, не принесутъ-ли ей письма, не зайдетъ-ли къ ней кто и т. д. Домъ Пяткина огромный, во флигелѣ и нижнемъ этажѣ живетъ всякій сбродъ, и этотъ сбродъ также слѣдитъ за ней.

— Будто она такъ неблагонадежна?

— Полиція не входитъ въ это, ей поручено наблюдать, вотъ она и старается...

— Мнѣ кажется, молва преувеличиваетъ бдительность полиціи. Откуда у нашей мирной полиціи возьмется такая изворотливость? — усомнился я.

— Нѣтъ ужъ это-то вѣрно, братъ! — положительнымъ тономъ

отозвался Стёпа изъ-за газеты, которая, какъ видно, не мѣшала ему слышать нашъ разговоръ.

Вошла Людмила Петровна съ чайными чашками, внесли самоваръ, и разговоръ оборвался на минуту. Въ это время раздался звонокъ и скоро къ намъ присоединился докторъ Литовкинъ.

— Что это вы сегодня какіе?—спросилъ онъ, поворачиваясь отъ Стёпы къ Надеждѣ Ивановнѣ и обратно, какъ только поздоровался съ ними.

Надежда Ивановна подала и ему записку Ситниковой, и вообще повторилось почти тоже самое, что было и со мной, при объясненіи въ чемъ дѣло.

— Гм!..—заключилъ Литовкинъ чтеніе. — Дѣйствительно, вѣдь у ней,—прибавилъ онъ, тщательно складывая письмецо,—положеніе самое крайнее. Всѣ отступились, всѣ отвернулись, точно будто она сдѣлала что-нибудь до того постыдное, что даже купить у нея что-нибудь есть уже позоръ... Чортъ знаетъ, что такое! Сколько у ней съ однимъ ея роляемъ возни было! И все черезъ разныхъ салонницъ, больше не черезъ кого. И все-таки никакъ не удалось продать. Сегодня взяли на прокатъ за три рубля въ мѣсяцъ къ монастырскому попу, это шесть сотъ рублевый-то! Но она и тому рада...

— Вольно же ставить себя въ такое положеніе!—гнѣвно возыска изъ-за самовара свой голосъ Людмила Петровна. Мушкетъ слегка зарычала.

— Ктожъ ставить? Кто себѣ врагъ...—началъ было Литовкинъ.

— Однако!—прервала его Людмила Петровна.—Вы не можете сказать, что Аннѣ Евграфовнѣ услужили другіе, ни подъ какимъ видомъ! Она достаточно потрудила сама для своего положенія.

— Я не о томъ, Людмила Петровна!

— Вы говорите, всѣ отвернулись? По неволѣ отвернешься... Всякому тоже не очень сладко отправиться слѣдомъ за Егоромъ Ивановичемъ... Что въ томъ, что ничего поворнаго тутъ не было? Это то же, какъ понимать...

— Во всякомъ случаѣ Анну Евграфовну жалъ.

— Вы вотъ ее жалѣете, а мнѣ такъ мужа ея жалъ до смерти—не такія его лѣта, да и здоровье не такое, чтобы мнѣяться Богъ знаетъ по какимъ захолустьямъ!

— И мужа жалъ,—задумчиво протянулъ Литовкинъ.

— Помните, какъ не жалъ! Развѣ онъ самъ заслужилъ свою кару? Развѣ онъ давалъ этому оборванцу Головину пере-

писывать казенныя бумаги и потомъ, когда того посадили, развѣ Егора Ивановича затѣя была доставлять ему и обѣды, и чай, и табакъ? Будьте увѣрены—это Анна Евграфовна распорядилась!

— Это вѣрно, Людмила Петровна!—филантропія у ней была въ большомъ ходу,—согласился Литовкинъ.

— Дождетесь вы въ свою очередь добраго со своими частыми визитами къ ней,—предостерегла его Людмила Петровна.

— Ну, съ какой стати! Что съ меня взять, я врачъ—куда зовутъ, туда и обязанъ идти.

— Что же это еще за Головинъ?—спросилъ я у Литовкина.

— Студентикъ тутъ былъ. Со второго курса его къ намъ прислали. Умный, смиренный какъ будто, изъ за какой-то тамъ сходки попался. Я его около года лечилъ. Средствъ, разумѣется, никакихъ. Жилъ перепиской да уроками, которые давалъ тайкомъ отъ администраціи. Какъ онъ познакомился съ Ситниковыми, я не знаю, знаю только, что онъ занимался съ ихъ дочкой и, между прочимъ, бралъ переписку по статистикѣ, составлялъ или помогалъ составлять Ситникову какія-то тамъ волостныя карты и т. д. Однажды, вѣроятно съ безхлѣбницы, а можетъ, и ради общественной пользы, какъ ему казалось, напечаталъ онъ двѣ корреспонденціи, основой которыхъ оказались еще неизданныя статистическія работы Ситникова. Или корреспонденціи показались мѣстной администраціи непріятными, или она угадала автора и захотѣла наказать его за то, что онъ пишетъ, не имѣя права писать,—это его знаетъ, какъ было дѣло, извѣстно только, что у Головина сдѣланъ былъ обыскъ, который совершенно подтвердилъ догадку, что авторъ извѣстныхъ корреспонденцій есть именно онъ. При этомъ у Головина нашли достаточное количество статистическаго матеріала, даннаго ему Ситниковымъ собственнo для переписки; но администрація сообразила, что бумаги эти Ситниковъ далъ Головину совсѣмъ не какъ переписку, а какъ матеріалъ для обличительной корреспонденціи.

— Что вы рассказываете Семенъ Васильевичъ! Ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть, чтобы Головинъ безъ согласія Ситникова взялъ его цифры и выводы для своей статьи. Что ни говори, а Головинъ никогда не позволилъ бы себѣ сдѣлать этого безъ разрѣшенія Ситникова!

— Ну, какъ бы тамъ ни было, Головина упрятали, а Ситникову ничего... Какъ о лицѣ, которое обладало всѣми гражданскими правами и занимало официальное положеніе, о немъ нѣкоторое время шла переписка, и только черезъ мѣсяцъ или

около того послѣ заключенія Головина, получилось разрѣшеніе водворить Егора Ивановича въ N—ской губерніи, что и было исполнено немедленно.

— А въ этотъ мѣсяцъ, пока у губернатора шла переписка, Ситниковы еще усугубили свое положеніе этими обѣдами Головину и тѣмъ, что совершенно открыто, не только отъ своего имени, а самолично носили ему въ контору замка табакъ, чай, книги и все другое, что ему требовалось и что по закону можно было передать, — тономъ крайняго неудовольствія сообщилъ Степа и отъ волненія всталъ даже съ мѣста.

— Что-жъ тутъ такого особеннаго—чай, книги? Я одно время въ Петербургѣ около трехъ мѣсяцевъ носилъ въ Литовскій замокъ и чай, и книги, и бѣлье товарищу, котораго терпѣть не могъ, носилъ на томъ единственномъ основаніи, что тому вздумалось указать на меня, какъ на земляка. Не бросить же его было въ такомъ положеніи, въ самомъ дѣлѣ?—тѣмъ болѣе, что, при всей моей антипатіи къ нему, чего-нибудь положительно дурнаго я за нимъ ничего не зналъ. И ничего мнѣ за это не слѣзали, — сказала я Степѣ.

— Такъ это въ Петербургѣ, гдѣ во всему этому успѣли присмотрѣться и прислушаться и гдѣ администрація можетъ лучше знать разницу между настоящимъ преступленіемъ и кажущимся, какова напримѣръ филантропія Ситниковыхъ, а здѣсь совсѣмъ другое дѣло, это всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, — сурово произнесъ Степа.

Долго, еще шли разсужденія по поводу Ситниковыхъ, но къ концу вечера они опять свелись на «невозможное положеніе» Надежды Ивановны.

— Мнѣ странно, что въ настоящемъ случаѣ Анна Евграфовна сама себя противорѣчитъ.—Когда я бывала у ней и намъ приходилось говорить по поводу послѣднихъ исторій, она всегда настоятельно и всегда одно и тоже твердила, что изъ-за пустяка никогда не слѣдуетъ портить жизнь, что никогда не нужно ставить себя въ компрометирующее положеніе, если обстоятельства не достаточно серьезны и если не вполне ясно, что, рискуя собой, можешь спасти многихъ или увеличить хотя сколько-нибудь, но несомнѣнно увеличить сумму человѣческаго счастья и т. д. Какимъ образомъ занятія съ ея Катей могутъ увеличить человѣческое счастье или спасти кого-нибудь—я не понимаю, — говорила Надежда Ивановна, говорила зло, очевидно думая исключительно о себѣ, и въ концѣ рѣчи такъ скверно улыбнулась и такъ вы-

разительно повела плечами, точно замѣченное ею противорѣіе Ситниковой заслуживало безмѣрнаго презрѣнія.

Каждое, вновь сказанное слово Надежды Ивановны все сильнѣе и сильнѣе раздражало меня; съ каждымъ вновь сказаннымъ ею словомъ образъ прежней доброй, чистой, безморыстной дѣвушки, готовой, казалось, жизнь положить за другихъ, покрывался все болѣе тучнымъ туманомъ. Для меня становилось все очевиднѣе, что я любилъ собственную мечту, и я чувствовалъ себя такъ, какъ будто присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ самаго дорогого для меня существа.

Между тѣмъ голосъ Надежды Ивановны продолжалъ:

— Перейдетъ или нѣтъ еще ея Катя съ моею помощію въ слѣдующій классъ—я совсѣмъ не увѣрена, что въ состояніи буду помочь ей на столько; а для меня лично это necessarily кончится тѣмъ, что мнѣ не выдадутъ свидѣтельства о благонадежности, безъ котораго нѣтъ никакой возможности поступить на курсы. Что важнѣе? Если Катя просидитъ и два года въ одномъ классѣ, то большой бѣды для нея отъ этого не будетъ, между тѣмъ какъ для меня невозможность отправиться въ Петербургъ будетъ рѣшительно бѣдой.

Въ послѣднихъ словахъ Надежды Ивановны была нѣкоторая доля правды, но, благодаря своему волненію, я едва ихъ замѣтила.

— Но въ то же время мнѣ сильно жаль Анну Евграфовну и тяжело отказать ей. И что стоитъ Стѣпѣ помочь мнѣ! До вѣснаго прихода, господа, я цѣлый часъ ухаживала его помочь, но такъ и не могла ничего добиться...

— Чего же вы отъ него хотите?—спросилъ Семенъ Васильевичъ.

— Чтобы онъ нашелъ кого-нибудь для занятій съ дѣвочкой Анны Евграфовны. Ему это было бы легко—у него столько знакомыхъ! Я написала бы ей, что, приготовляясь сама, никакъ не могу взять урока, а вотъ что братъ нашелъ ей тоже дарового наставника. Мы могли бы сами платить за занятія съ Катей, но Аннѣ Евграфовнѣ не зачѣмъ было бы знать объ этомъ, —только онъ и слышать ни о чемъ подобномъ не хочетъ.

— Благодарю покорно!—васмѣшливо отнесся къ сестрѣ Стѣпа:—что это будетъ такое, какъ не та же самая филантропія Ситниковыхъ, о которой мы только-что говорили? Ну, представь ты себѣ такой, вполне вѣроятный случай: едва ты напишешь или я напишу Аннѣ Евграфовнѣ о томъ, что тебѣ некогда заняться съ ея дѣвочкой, но что мы нашли для этого другого человѣка,

которому также не нужно платить и т. д. — вдругъ у ней обморокъ! Ты думаешь, меня по головкѣ поглажать? Весьма возможно, Надежда Ивановна, что тоже самое, что случилось съ Егоромъ Ивановичемъ, повторится и со мной, да и для тебя безъ неприятныхъ послѣдствій не обойдется то обстоятельство, что ты поддержишь дружескія отношенія съ людьми, неблагонадежность которыхъ доказана.

— Господи! о чемъ мы такъ долго толкуемъ, если дѣло только въ томъ, чтобы найти дарового репетитора? И чего я думала цѣлый вечеръ! Да я съ величайшимъ удовольствіемъ возьму урокъ у Ситниковой, только представьте меня ей или напишите ей объ этомъ, — предложилъ я.

Въ первую минуту всѣ обрадовались неожиданно представшемуся выходу, и Литовкинъ успѣлъ крикнуть, что дилемма рѣшена, но затѣмъ тотчасъ же началась цѣлая буря. Не только Людмила Петровна, но даже и Литовкинъ, не хотѣли и слышать о томъ, чтобы я «лѣзъ въ петлю». Надежда Ивановна протестовала сильнѣе всѣхъ другихъ, но, испортивши еще съ часъ, я убѣдилъ ее наконецъ дать мнѣ записку къ Ситниковой.

Уже въ исходѣ второго часа возвратился я отъ Тагановыхъ, да такъ и не заснулъ до утра. Ночь прошла въ мучительныхъ размышленіяхъ о только-что испытанномъ мною разочарованіи отъ неожиданнаго превращенія идеальной семьи Тагановыхъ въ самыхъ заурядныхъ утробниковъ. Думалось также о наличныхъ условіяхъ нашей общественной и частной жизни и о множествѣ другихъ вещей, которыя казались одна другой мрачнѣе. Очень можетъ быть, что человѣкъ, болѣе меня умудренный жизненнымъ опытомъ, принимая во вниманіе историческіе законы, отнесся бы къ случаю, такъ страшно меня изволновавшему, совершенно спокойно, но я не въ силахъ былъ сдѣлать этого. Я глубоко и тяжело страдалъ въ эту бессонную ночь, и чувства, испытанныя мною тогда, оставили глубокій слѣдъ.

Въ одной изъ среднихъ улицъ города, въ угловомъ домѣ чиновника Пяткина, во второмъ этажѣ, находилась квартира Ситниковой, оставившей за собою одну изъ комнатъ той самой квартиры, гдѣ она жила при мужѣ. Комната была очень большая, но такъ какъ въ ней помѣщалось все семейство Ситниковыхъ, вся ихъ мебель и всѣ вещи, какія только были у нихъ, то она казалась весьма незначительныхъ размѣровъ. Уголъ прямо противъ входной двери, отгороженный широкою, вмѣщалъ въ себѣ

различную утварь въ видѣ посуды, кой-какихъ запасовъ и т. п. необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ предметовъ. На право отъ двери, за выступомъ голландской печки, стоялъ диванъ, обитый зеленой съ бѣлыми разводами матеріей, изъ какой была занавѣска, скрывавшая отъ постороннихъ глазъ часть комнаты, обращенную въ спальню. Рядомъ, въ углу, этажерка съ книгами и нотами. По наружной стѣнѣ, въ простѣнкахъ между окнами, два ломберные стола, нѣсколько стульевъ, крошечный столикъ, дѣтское высокое кресло и другое большое, глубокое и массивное.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать, я отправился къ Ситниковой и засталъ ее дома. Меня впустила моя будущая ученица и въ ту же минуту изъ-за занавѣски, раздѣлявшей комнату на двое, вышла сама Анна Евграфовна. Это была женщина лѣтъ 35—37, нѣсколько выше средняго роста, темно-волосая, съ желтоватымъ болѣзненнымъ лицомъ, одѣтая въ черное. Я объяснилъ причину своего прихода, отдалъ записку Надежды Ивановны и сѣлъ въ ожиданіи, по приглашенію хозяйки.

Во время чтенія записки лицо Анны Евграфовны покрылось густымъ румянцемъ, но она быстро оправилась, и обращаясь ко мнѣ, уже снова владѣла собою.

— Что-жъ, все равно,—заговорила она:—я буду вамъ очень благодарна, но мнѣ хотѣлось бы знать, убѣждены ли вы, что ничѣмъ не рискуете при этомъ?

Я поспѣшилъ увѣрить ее въ своей совершенной безопасности.

— Я тоже думаю. Прежде всего, никто не будетъ знать, что вы занимаетесь бесплатно, а затѣмъ, что-же кто бы то ни было можетъ имѣть противъ того, чтобы нашъ ребенокъ продолжалъ образованіе?

— Понятное дѣло!—согласился я.

Порѣшили, что я буду приходить всякій день послѣ обѣда, такъ часовъ въ пять-въ шесть. Заниматься по утрамъ оказывалось неудобнымъ: Анна Евграфовна, обремененная разными хозяйственными хлопотами, часто вплоть до обѣда, не имѣла возможности смотрѣть за своими маленькими дѣтьми, и въ это время съ ними обыкновенно возилась Катя. Впоследствии я узналъ, что маленькихъ было двое—мальчикъ четырехъ лѣтъ и другой немногимъ больше года.

Сильно желая я переждать нѣсколько дней прежде, чѣмъ пойти къ Тагановымъ снова, но такое желаніе казалось мнѣ малодушнымъ и я отправился къ нимъ съ отчетомъ о свиданіи съ Ситниковой въ тотъ же вечеръ. Тамъ все было по старому.

Граціозная маленькая дѣвушка, встрѣтивъ меня, стала у двери въ знакомой позѣ. Я нахожу ее какъ прежде прелестной, но теперь я знаю, что она чужая мнѣ, и при видѣ ея не чувствую ничего, кромѣ острой боли.

— Были у Анны Евграфовны?

— Былъ.

— Ну и что же?

— Предложеніе мое принято. Занятія начну съ завтрашняго же дня.

— Отлично!—радостно звенить голосомъ Надежды Ивановны и она особенно крѣпко жметъ мою руку. Въ ясномъ, симпатичномъ лицѣ ея нѣтъ и тѣни вчерашняго жесткаго выраженія, и вообще она кажется снова такою, какою бывала въ лучшія минуты до вчерашняго вечера.

— Какъ отнеслась Анна Евграфовна къ моему отказу,—не огорчилъ онъ ее?

— Мы не говорили объ этомъ.

— А записку вы не догадались захватить обратно?

Я громко рассмѣялся. Надежда Ивановна также рассмѣялась и сказала, что сдѣлала послѣдній вопросъ ради спокойствія тетушки, которая, благодаря запискѣ, не спала всю ночь. Я вспомнилъ, что я также не спалъ эту ночь, и снова рассмѣялся.

Въ этотъ вечеръ Тагановы всѣ до одного были прекрасно настроены и исполнены самыхъ великодушныхъ чувствъ къ своимъ ближнимъ; но у меня разболѣлась голова и я рано простился съ ними.

Анна Евграфовна перемывала чайную посуду, а Катя вмѣстѣ съ братьями сидѣла на полу среди цѣлаго вороха игрушекъ, когда я пришелъ на первый урокъ. При видѣ меня картина быстро измѣнилась. Анна Евграфовна встала мнѣ на-встрѣчу и по пути взяла на руки младшаго сына; Катя пошла зажечь лампу на приготовленномъ для занятій столѣ, а мальчуганъ побѣжше, забравъ игрушки въ охапку, исчезъ за занавѣской и оттуда, сначала тихо, а потомъ чуть не съ ревомъ, принялся требовать огня. Слышно было, какъ игрушки, одна за другой, выскользали изъ его рукъ и катились въ разныя стороны. Наконецъ лампу зажгли, игрушки собрали, и мы съ Катей приступили къ дѣлу. Она обстоятельно познакомила меня какъ съ тѣмъ, что прошла во второмъ классѣ, такъ и съ тѣмъ, что по программѣ должна пройти за третій классъ, и въ заключеніе при зналась, что очень мало помнитъ изъ того, что учила. Ея блѣдное, худенькое личико, сильно напоминавшее мать, вспыхнуло

при этомъ сознаніи и она поспѣшила встать въ этакерѣ за какою-то книгой.

Началась диктовка:

«Голову няня вдремотѣ склонила,
«На полѣ съ лѣжанки чюлокѣ уронила»,

и т. д. писала Катя. Попробовалъ я сдѣлать нѣсколько вопросовъ по географіи и потерпѣлъ полнѣйшее фіаско: дѣвочка безъ малѣйшаго затрудненія перемѣщала не только города, но цѣлы обширныя области изъ одного государства въ другое, произведенія одной страны переносила въ другую, противоположную, и т. д. Испытаніе по арифметикѣ дало болѣе утѣшительныя результаты, но и тутъ правило товарищества явилось такимъ камнемъ преткновенія, передъ которымъ пришлось отступить. Такимъ образомъ, оказывалось, что повтореніе необходимо начать чуть не съ азавъ.

— Вы не сбѣжите отъ насъ?—спросила Анна Евграфовна, когда я подошелъ къ ней проститься.

— Это почему?

— Да очень ужъ несостоятельно оказывается моя дочка.

— Полноте, пожалуйста! Но меня дѣйствительно изумляютъ это полное отсутствіе определенныхъ знаній.

— Я объясняю это тѣмъ, что ученіе Кати съ самаго начала шло безалаберно: то одинъ займется, то другой, каждый по своему, въ гимназій оиатъ по своему; при этомъ было нѣсколько промежутковъ, въ которые съ нею никто не занимался.

— Давно она не ходитъ въ гимназію?

— Съ весны. Какъ сдала экзамены, такъ и не бывала. Она захворала какъ разъ передъ началомъ ученія.

— Отчасти, быть можетъ, болѣзнь ослабила память?

— Нѣтъ, память у ней превосходная и способности есть, лишь бы лѣниться не стала.—Добрый вечеръ!

И память, и способности моей маленькой ученицы оказались дѣйствительно превосходными, въ усердіи ея также не было недостатка, но намъ постоянно мѣшали и мы крайне медленно подвигались впередъ. Не только вниманіе Кати поминутно отвлекалось отъ урока, но мое собственное вниманіе постоянно оказывалось поглощеннымъ совершенно посторонними предметами. Она еще какъ-то ухищралась сосредоточиться на урокѣ, но я, особенно въ первое время, ничего не могъ, какъ слѣдуетъ, ни сообразить, ни объяснить, и это, можетъ быть, потому, что до сихъ поръ мнѣ никогда не приходилось заниматься при та-

кихъ неподходящихъ условіяхъ, тогда какъ Катя имѣла достаточно времени, чтобы притерпѣться.

— Ты куда нарядника положила?—шепчетъ Катѣ братишка.

— Не помню.

— Скажи же, Катя!

— Не знаю, не знаю... уйди, Одея!

— Вотъ нитки здѣсь, а нарядника нигдѣ не могъ найти,—уже слезливымъ тономъ продолжаетъ Одея.

— Уходи, не мѣшай! Потомъ найду,—отстраняетъ его Катя, принимаясь за прерванную работу.

— Скажи, куда спрятала, тогда и уйду!—рѣшительно заявляетъ мальчикъ.

— Оедоръ!—слышится изъ занавѣски голосъ Анны Евграфовны, и Одея отходитъ.

Но только-что устраненное препятствіе обыкновенно тотчасъ же замѣняется новымъ,—то ребенокъ разревется, то придетъ кто нибудь и т. д.

Между лицами, посѣщавшими Анну Евграфовну, всего чаще, почти каждый день, являлась хозяйка дома, Авдотья Петровна Пяткина. Это была чрезвычайно оригинальная женщина. До этого такія фигуры я видалъ только на каррикатурахъ, и живой экземпляръ каждой своею особенностью, начиная съ живописнаго костюма и кончая способностью болтать безъ конца, сильно занималъ меня и среди всѣхъ другихъ помѣхъ былъ чуть ли не самой серьезной помѣхой при моихъ занятіяхъ съ Катей.

Низенькая, тучная, уже почти старая, съ полусѣдой крошечной косой, заколотой на затылкѣ роговою гребенкой, Авдотья Петровна одѣвалась въ платье какого-то совершенно необыкновеннаго покроя и въ такія короткія, что они едва доходили ей до половины голени. Было ли платье ея праздничнымъ или простымъ, его покрой неизмѣнно оставался одинъ и тотъ же. Не берусь объяснить его, знаю только, что именно благодаря формѣ платья, Авдотья Петровна имѣла въ высшей степени комичный видъ. На груди у всѣхъ ея платьевъ находился остро-конечный, глубокій вырѣзъ и тотчасъ подъ нимъ, между полами, вѣчно торчала колоска грубой, часто грязной сорочки, вмѣстѣ съ серебрянымъ крестикомъ на буромъ, сальномъ гайтанѣ. Она постоянно являлась безъ платка и постоянно извинялась въ этомъ, но иногда, въ видѣ исключенія, плечи ея покрывала старинная ковравая шаль, всѣ четыре конца которой смотрѣли обыкновенно въ разные стороны. Каблуковъ Авдотья Петровна

не носила и ея приходъ, если дверь почему-нибудь оказывалась незапертой, мы замѣчали только тогда, когда она подходила къ намъ совсѣмъ близко. Острый запахъ трески, луку, пота и еще чего-то противнаго быстро распространялся по комнатамъ съ ея появленіемъ.

— Здравствуйте! Извините, пожалуйста,—какъ дома сидѣла, такъ и пошла. Сейчас довязала чулки Алексѣю Степаничу, другіе начинать, глядя на ночь, не захотѣлось; дай, думаю, схожу на минутку кверху—развлекусь хоть немного. Легла я въ сумеркахъ-то полежать, да такъ что-то голова разболѣлась... Изурочилась, что-ли, или, можетъ, стѣны-то отходятъ, такъ угорѣла. Позѣвота напала, моченьки нѣтъ. И какая же на улицѣ опять теплынь стала! Охъ, матушки мои, у меня капуста, надо быть, оттаяла, не позабыть бы выложить на держку въ маленькую кадочку,—говорить Авдотья Петровна, на долго усаживаясь къ столу, за которымъ работаетъ Анна Евграфовна.

— Не осудите, какая я захлестанная, прямо изъ бани къ вамъ. Пятый день, какъ баню топили, а моей Агафѣ и думушки нѣтъ, что ни колода, ни кадки не опростаны. Силу даве за чаемъ и вдругъ такъ что-то сердце вскипѣло... Ты, говорю, опростала ли банную-то посуду? Она такъ и ахнетъ!.. Вы не повѣрите—съ пупомъ все застыло! Что же, миленьки, нечего дѣлать, нагрѣла воды, да и давай сама ворочать... Ну, и подлый же народецъ,—только бы нажраться да выснаться,—говорить Авдотья Петровна въ другой разъ.

— Катенька, дитятко, все учится,—замѣчаетъ она.

— Да, учится,—тихо проианоситъ въ отвѣтъ Анна Евграфовна.

— Вотъ какъ вы же,—все за работой, какъ ни приду. Отъ этого вы и слабая такая. Днемъ-то мелете, мелете, а придетъ ночь, и ночью нѣтъ съ дѣтьми-то настоящаго покоя. Вамъ ужъ такъ нужно подгонять: какъ только дѣти заснутъ и самими въ ту жъ минуту ложиться, чтобы хоть первой-то спенъ взять.

— Что вы, Авдотья Петровна? Дѣти въ восьми часамъ уже спятъ, ужели мнѣ ложиться въ постель съ этикъ поръ?

— А вы какъ бы думали? Прездорово! Вонъ у насъ Иванъ Митричъ, нахлѣбничекъ-то мой, все спитъ да спитъ, такъ какой гладкій сталъ. Ладно пословица говорить: «поѣвши спать, поигравши спать, то мое и дѣло, та и работа». Думала, нынѣ оплатится мнѣ сколь-нибудь—принесъ отъ авторовъ роли переписывать; нѣтъ, прахъ его возьми, все проотдыхалъ... Завтра съ отказомъ идти хочеть.

— Не уступить ли онъ мнѣ свою работу?—спросила Анна Евграфовна.

Авдотья Петровна взялась вести переговоры и на слѣдующій день я засталъ Анну Евграфовну за перепиской.

Меня Авдотья Петровна только занимала, но Анну Евграфовну она рѣшительно мучила. Нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, она постоянно заводила рѣчь о предметахъ самаго деликатнаго свойства и распространялась о нихъ такимъ откровеннымъ образомъ, какъ будто находилась съ Анной Евграфовной съ глазу на глазъ. Въ то время, какъ Анна Евграфовна употребляла немовѣрные усилія для того, чтобы, несмотря на матеріальныя затрудненія, на гнетущія заботы объ отсутствующемъ мужѣ, несмотря на ежедневный непосильный трудъ и всеобщее отчужденіе, казаться спокойной и бодрой, Авдотья Петровна часто одной коротенькой фразой разрушала ее геройское самообладаніе.

— Ну, вышло по-моему. Будто ужъ я не знаю. Кому надобны валны игрушки, хотя бы онѣ сто цѣлковыхъ стоили? Еще хуже, какъ дорогія-то. За пароходъ, говорить, двое по тридцати копѣекъ давали—не посмѣла отдать, а барабанъ, да эту, что въ коробочкѣ-то, такъ никто и не поглядѣлъ даже,—сообщаетъ Авдотья Петровна, появляясь съ вечернимъ визитомъ.

— Мама! Ты сказала, не знаешь, гдѣ барабанъ?!..—слышится изъ-за занавѣски раздражающій вопль Федя, не успѣвшего заснуть. Анна Евграфовна уходитъ успокоить его и долго не показывается обратно.

— Охъ, дѣти, дѣти, дѣточки дорогіе! Вотъ и не боли материнское сердце, глядя на нихъ... Господи, прости и помилуй! хотя бы ради младенцевъ-то... До свиданія, Анна Евграфовна! Если надумаете подушки продавать, такъ пришлите Катеньку сказать мнѣ,—я по утру же и сбѣгаю за Трифоновной. Да вы не всѣ разомъ валите. Вѣдь и Егоръ Ивановичъ... Хотя нужно разнужно ему деньги, не всѣ же онъ ихъ за одинъ духъ издержать. Ну, сперва сколь можете пошлите, а тутъ опосля... Ужъ какъ мнѣ жалъ бѣлыя вашего, ахъ, Боже мой! — и полиціи не взяли,—особенно громко говоритъ Авдотья Петровна, выразительно жестикую передъ занавѣской.

— Сегодня ужъ съ картами пришла,—радостно сообщаетъ она на слѣдующій день,—сколько разъ собиралась захватить и все позабывала!

— Что такое?—спрашиваетъ Анна Евграфовна, неохотно отрываясь отъ работы.

На этотъ разъ она переписываетъ какія-то вѣдомости, съ мельчайшими графами, съ безчисленнымъ множествомъ цифръ; цифры такъ тѣсно размѣщены, что перемѣшать ихъ ничего не стоитъ, при томъ дѣти такъ шумятъ и такъ часто обращаются къ ней съ разными вопросами, просьбами и т. п., что къ концу вечера она начинаетъ сомнѣваться въ точности своей работы, а такъ какъ работа эта срочная, то Анна Евграфовна почти съ ужасомъ смотритъ въ широкое благодушное лицо хозяйки, препятствуя въ ней новое препятствіе.

— Погадаю вамъ о Егорѣ Ивановичѣ, — показывая колоду картъ, объясняетъ ей Авдотья Петровна.

— О, нѣтъ, не надо! Не вѣрю и некогда, — съ нѣкоторымъ раздраженіемъ говоритъ Анна Евграфовна.

— А вы пишете, я у себя на колѣняхъ разложу, не помѣшаю вамъ, — успокоиваетъ ее Авдотья Петровна.

Убѣдившись, что гаданіе неизбежно, Анна Евграфовна беретъ перо, а Авдотья Петровна, проворно тасуя карты, отчетливо, съ нажимомъ на каждомъ словѣ, произноситъ: «Тридцать шесть картъ, себѣ солгите, мнѣ сущую правду скажите! Какъ атаману-эсаулу служили, такъ и мнѣ послужите! Если точно трефовый король Егоръ Ивановичъ здоровъ и ничего худого съ нимъ не случилось, такъ чтобы и надъ головой у него, и съ глазъ, и на сердцѣ ни одной разъединственной дурной карты не было!»

Анна Евграфовна внимательно свѣряетъ только-что написанное съ подлинникомъ и убѣждается, что послѣдняя строка написана у ней два раза. Она молча протягиваетъ руку, чтобы взять съ нашего стола перочинный ножикъ и, мимоходомъ, разсѣянно взглядываетъ на меня. Блѣдное лицо ея странно утомлено, въ сопуренныхъ слегка глазахъ нетерпѣніе и досада.

— Вы не находите, что противъ безцеремонныхъ набѣговъ Авдотьи Петровны необходимо принять мѣры? — спросилъ я ее въ этотъ вечеръ, когда мы оставались одни.

— Не хватитъ у меня умѣнья... — устало улыбнулась мнѣ въ отвѣтъ Анна Евграфовна.

— Да вѣдь она мучитъ васъ! — горячо сорвалось у меня.

— Васъ, точно, мучить. И если бы вы знали, какъ мнѣ совѣстно передъ вами за неизмѣнное присутствіе этой разговорной машины, но устранить ее я не могу, а потому и заговаривала съ вами объ этомъ, — серьезно и печально проговорила Анна Евграфовна.

Я почувствовалъ себя крайне неловко при такомъ оборотѣ разговора и не зная, что сказать далѣе.

— Какъ прогнать женщину, къ которой каждый день приходится обращаться за различными услугами?—начала было Анна Евграфовна, но въ эту минуту дверь широко распахнулась и на порогѣ показалась нарядная, неизвѣстная мнѣ дама.

— Туда ли я опять попала?—вслухъ спросила она себя, съ трудомъ освобождая изъ двери безконечный шлейфъ свѣтлаго шелкового платья.

— Софья Андревна? — удивилась Анна Евграфовна.

— Вотъ вы гдѣ!—радостно отнеслась къ ней вошедшая, и здороваясь нѣсколько разъ поцѣловала ее.

— А я, представьте, направилась къ вамъ по парадному подъезду и цѣлую четверть часа ждала тамъ прежде, чѣмъ мнѣ шперли и объяснили, какъ къ вамъ пройти. Но мнѣ, помнится, кто-то говорилъ, что вы остались въ старой квартирѣ?...

— Такъ въ старой же и есть, только не во всей...

— Что будете дѣлать! Я думаю, во многомъ пришлось ограничить себя?

Анна Евграфовна оставила вопросъ безъ отвѣта. Гостя сбросила шубу и платокъ, бывшій у ней на головѣ, привела въ порядокъ различныя ленты и висточки на своемъ роскошномъ платьѣ и настоящей модной картинкой расположилась на диванѣ рядомъ съ Анной Евграфовной.

— Не понимаю, что было у васъ въ этой комнатѣ раньше?—недоумѣвала она, во всѣ стороны поворачивая свою эффектно причесанную голову, съ бѣлой розой по правую сторону косы.

— Канцелярія помѣщалась. Вы здѣсь не бывали раньше.

— А-а! Знаете, у васъ очень мило...

— Ну, еще бы!

— Seriously. Главное—не выѣзжать...

— Главное—свѣтло, сухо и не дорого.

— Да, да, это прежде всего,—но и вообще удобно: безъ хлопотъ, середина города, отъ базара, отъ гостиннаго двора близко. Тамъ что?

— Тамъ спимъ.

— Пишетъ вамъ Егоръ Ивановичъ?

— Какъ же. Онъ нерѣдко пишетъ.

— Позволяютъ? — это хорошо. Ну, что, какъ онъ тамъ? Здоровье его какъ?

— Здоровъ. Особеннаго ничего не сообщаетъ.

— Надѣется ли онъ?

— На что?

— На оправданіе, на возвращеніе... Ужасно, собственно говоря...

— Трудно разсчитывать на что-нибудь такъ скоро.

— Но все же онъ писалъ, разумѣется, объяснилъ, просилъ?

— По всей вѣроятности.

— Ужели онъ ничего не говоритъ объ этомъ въ своихъ письмахъ вамъ.

— Ни слова.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ у васъ остальные дѣти?—я одну Катю вижу. Здравствуй, душечка!—подъ самымъ моимъ носомъ Софья Андреевна протанула руку взглянувшей на нее Катѣ.

— Дѣти спать уже,—вольно вамъ являться съ визитомъ въ такое время. Откуда вы въ самомъ дѣлѣ?..

— Ахъ, не говорите! Матвѣй Ивановичъ—именинникъ сегодня, вотъ я съ утра и порѣшила навѣстить васъ непременно сегодня же. Званые обѣды Пріамовыхъ всегда скучны до невозможности и оставаться еще на чай нѣтъ никакой охоты. Мужу нравится какъ изъ-за стола, такъ за карты... Онъ какъ усѣлся, я и объявила, что чувствую себя дурно и сидѣть дольше рѣшительно не могу. Какъ же, говорятъ, лошадь еще не пришла, но я настояла, чтобы позвали извозчика, и прямо къ вамъ. Вы не повѣрите, Анна Евграфовна, я не одинъ разъ поплакала изъ-за того, что нельзя бывать у васъ.

Не вѣрить не было никакой возможности—все лицо посетительницы дышало неподдѣльной искренностью, ея губы нервно дрожали, въ глазахъ стояли самыя настоящія слезы.

— Мужъ не велитъ?—спросила Анна Евграфовна.

— Не то, что не велитъ, а было, знаете, нѣсколько случаевъ... Вспомнишь о васъ, онъ и пойдетъ!.. Страшно боятся, чтобы и за старое знакомство чего не вышло. Какъ тутъ пойдешь? Случится что-нибудь—всю жизнь попрекать станеть.

— Зачѣмъ же вы все-таки пришли?

— Ахъ, Боже мой!—Мнѣ давно хотѣлось къ вамъ. У васъ я чувствую себя совершенно свободно и могу говорить по душѣ, безъ всякихъ опасеній, безъ всякой задней мысли. Часто, по вечерамъ, когда нѣтъ гостей и сама никуда не иду, является сильнѣйшее желаніе отправиться къ вамъ, но опять думаю: узнаетъ мужъ, такъ будетъ отъ него. Разъ совсѣмъ-было послала лошадь за вами,—Антонъ Терентьичъ у Лилиныхъ на свадьбѣ пировалъ, горничную я также до утра отпустила, — и записку уже написала, но потомъ опомнилась: кучеръ могъ разболтать,

наконецъ, дѣти и даже няня... Она у меня только на дѣло стара и слаба, а если подсмотрѣть да подслушать, такъ ее взять, — съ младенческой наивностью изливалась Софья Андревна.

— Я не могла бы повѣхать къ вамъ, Софья Андревна.

— Наконецъ, я рѣшила воспользоваться именинами Матѣя Ивановича, а тутъ еще за обѣдомъ столько о васъ говорили, что я просто возмущилась!

— Стбигъ!

— Я имъ говорю, — со всякимъ можетъ случиться. Я около пяти лѣтъ, говорю, была знакома съ Анной Евграфовной и ничего за ней не замѣчала... Я, говорю, поражаюсь, какъ легко забрасываете вы грязью человѣка...

— Такъ, такъ. — Отлично знаю, какъ вы ополчаетесь за истину. Вы всегда были храбрая, — смѣется Анна Евграфовна.

— Я говорю, — никто ничего не знаетъ, а всѣ толкуютъ!.. Подаютъ мороженое, я и ѣсть не стала. Кругомъ хохочутъ надо мной...

— Вы и вправду смѣшная бываете въ такихъ случаяхъ, — продолжая смѣяться, замѣчаетъ Анна Евграфовна.

— Вамъ также порядочно досталось; вы вѣдь м-г Шиловъ, если не ошибаюсь? — неожиданно обратилась ко мнѣ Софья Андревна.

— Къ вашимъ услугамъ! — поклонился я.

— Ну, такъ вотъ и вамъ также!

Анна Евграфовна, все время весело подтрунивавшая надъ Софьей Андревной, вся встрепелась.

— А Василій Андреевичъ чѣмъ не угодилъ? — озабоченно спросила она.

— Литовкинъ божится, что онъ уроки вашей Катѣ даетъ, больше ничего. Ему говорятъ: онъ — Катѣ, а м-те Ситникова ему — и пошли... За васъ ни одного слова, ни звука!..

— Такъ что только вы и остались безъ мороженого?.. Тѣмъ больше вамъ чести! — продолжаетъ шутить Анна Евграфовна, но она уже не смѣется и брови ея такъ и остаются сдвинутыми.

Я кончилъ отмѣчать урокъ къ слѣдующему разу и поспѣшилъ проститься съ Анной Евграфовной и ея пріятельницей.

На другой день, когда я совсѣмъ уже готовъ былъ отправиться къ Ситниковой, ко мнѣ вошла моя мать.

— Если можешь, то останься на минутку, нужно сказать тебѣ кое-что, — сказала она, опускаясь на стулъ.

— Могу, мнѣ не къ спѣху.

— На урокъ идешь?

— Да.

— Начальница сдѣлала предостереженіе Лизѣ.

— Какого рода?

— Была она у директора на именинахъ вчера и тамъ все время только о томъ и толковали, что ты каждый день бываешь у Ситниковой.

— Ну-съ?

— Я не стала бы передавать вамъ этого, но мнѣ очень жаль вашего брата: молодой человекъ рискуетъ всей своей будущностью, — сказала Ольга Демидовна Лизѣ.

— Очень благодаренъ за участіе!

— Лиза страшно встревожена и я также...

— Хочется вамъ слушать сплетни! Вы отлично знаете, что все это сплетни, одни сплетни! — вскипятился я.

— Ты не такъ меня понялъ, Вася!

— Кажется, понялъ.

— Не думаешь ты, что это можетъ повредить Лизѣ?

— Ея-то какимъ образомъ?

— Скажутъ, брать... Пожалуй изъ гимназій велѣтъ убраться, нынѣ все возможно...

— Да вы чего собственно ждете?

— Ничего не жду. Я просто боюсь.

— Ну, боятесь чего?

— И обыска, и ссылки, всего на свѣтѣ боюсь, — тихо промолвила мать и заплакала.

— Мамаша!

— Съ людьми же бываетъ, — скажутъ, знакомъ...

Чувство досады помѣшало мнѣ дослушать до конца.

— Сойди, сойди, Катя! Сойди, упадешь! — еще на лѣстницѣ услышала я крикъ Федя, и отворивши дверь, едва не опрокинулъ лампы, стоявшей на полу у самаго порога. Катя съ вьюшкой въ рукѣ стояла на какомъ-то ящикѣ, взгроможденномъ на придвинутомъ къ печкѣ столѣ, пыталась закрыть трубу, но Федя изо всѣхъ силъ тянулъ ее за край платья внизъ и она никакъ не могла исполнить своего намѣренія.

— Уведите его прочь, Василій Андреевичъ! — обратилась она ко мнѣ вполголоса.

Я успокоилъ Федю на счетъ сестры, помогъ Катѣ сойти съ шаткихъ подмостковъ и спросилъ, гдѣ Анна Евграфовна.

— Недавно заснула, — все также тихо проговорила Катя.

— Она здорова?

— Отъ папы письмо получили сегодня и мама такъ плакала, что у ней разболѣлась голова.

— Послѣ того она гулять ходила, — добавилъ Оедя.

— Ходила, но прогулка не помогла ей сегодня и она не обѣдала даже.

— Когда мы ѣли, мама печку затопляла, — вставилъ Оедя.

— Да, — подтвердила Катя, — затопила печку, сказала, чтобы я неберегла Петю, а сама легла и заснула.

— А ты насъ однихъ оставить хотѣла... — упрекнулъ Оедя сестру.

— Я хотѣла за Авдотьей Петровной сходить, попросить ее закрыть трубу, поставить для насъ самоваръ; нарочно Петѣ сахару дала, чтобы онъ молчалъ, но Оедя заболелъ и на минутку остаться одинъ, — пояснила мнѣ Катя.

— Ступайте къ хозяйкѣ теперь, если нужно, я посижу здѣсь вмѣсто васъ, — предложилъ я ей.

Катя ушла. Замѣтивъ ее отсутствіе, Петя, до этого мирно сосавшій сахаръ, поднялъ плачь и разбудилъ Анну Евграфовну. Она вышла изъ-за занавѣски, сжимая виски обѣими руками, и когда приблизилась ко мнѣ, я увидѣлъ, что она серьезно больна: глаза съ трудомъ глядѣли изъ-за опухшихъ вѣкъ, на щекахъ горѣлъ аркій румянецъ, сухія губы были полуоткрыты, а рука почти обожгла меня.

— Какъ это вы такъ скоро разнемоглись? — спросилъ я.

— Сама не знаю. Утромъ только голова болѣла, но потомъ я долго была на воздухѣ, и когда вернулась, начался ознобъ. Теперь опять жарко...

— Нужно Литовкина позвать поскорѣе.

— Сейчасъ и Литовкина...

— Непремѣнно. Вы очень нехороши.

— Гдѣ его взять теперь?

— Я отыщу, гдѣ бы онъ ни былъ, — пообѣщалъ я и тотчасъ же отправился за Семеномъ Васильевичемъ.

Когда я вернулся съ докторомъ, въ квартирѣ Ситниковой былъ настоящій сѣдомъ.

— Что это, батюшки! Что это, матушки! Срамъ какой! Экъ раскричался!.. Все бы тебѣ маму да маму... У мамы головка болитъ. Вы же ее умалили... О-о-о, бай, бай! — неистово вопила Авдотья Петровна, прыгая изъ угла въ уголъ съ Петей на рукахъ.

Петя отчаянно ревелъ; Оедя также ревелъ, требуя ужина; Катя гремѣла тарелками за ширмами и кричала оттуда Оедѣ,

чтобы онъ ждалъ. Анны Евграфовны не было видно. Литовкинъ прошелъ за занавѣску.

— Ничего опредѣленнаго, кромѣ сильнѣйшей лихорадки, нѣтъ пока,—сообщилъ онъ на мой вопросительный взглядъ, вернувшись отъ больной, и сѣлъ къ столу, чтобы написать рецептъ.

— Пока! значить потомъ можетъ быть нѣчто худшее?

— Можетъ быть, можетъ и не быть. Если бы не этакій аль...—кинулъ онъ въ сторону голосившихъ дѣтей.—Во всякомъ случаѣ, приливъ къ легкимъ значительный. Идемте, подвезу васъ.

Я принялся искать шапку.

— Если и вы—извините, не знаю, какъ васъ назвать—уйдете, кто же сходитъ у насъ за лекарствомъ?—спросила меня Авдотья Петровна.

— И то, бабушка, важна правда! Захватите рецептъ, Василий Андреевичъ—отовзался Литовкинъ.

— Ну, ужъ и горлышки, Христосъ съ вами, ребеночек! Только передъ самымъ вашимъ приходомъ утомонились. Большенькій-то хуже и малышка—и руками, и ногами, чистое наказаніе!—встрѣтила меня Авдотья Петровна во возвращеніи изъ аптеки.

Я объяснилъ ей, какъ и когда давать лекарство и пожелалъ спойной ночи.

— Повремените еще маленечко, сдѣлайте милость! Старикъ мой не знаетъ, что я заночую здѣсь, надо сходить, сказать ему. Я молча повиновался.

— Долго ли вотъ, подумаешь, извести семью—расталили врознь, разорили... Тотъ нишеть, чуть ноги волочить, а теперь и эта встанеть, либо нѣтъ...—ворчала Авдотья Петровна, отскивая свое ковровое покрывало.—Это забота ее уложила. Пока былъ кой-какой хламъ, худо-ли, хорошо-ли, танулась, а какъ дожилась до рукъ и не видужила. Что и говорить, хочешь, не хочешь, на четыре рта всякій день принасти надо! Дѣтей при отцѣ-то къ бѣленькому хлѣбцу привыкли, а теперь и чернѣйшій въ честь. Она же молчаливая, никогда ничего такого ни выразить: жала да жала на сердцѣ, вотъ ее и розняло,—въ самое ухощептала мнѣ Авдотья Петровна.

Добрый часъ прошелъ, врежде, чѣмъ она вернулась отъ своего старика, таща подушки и одѣяло.

— Очень я васъ задержала, простите великодушно! Ничаго нельзя. Пришла, взглянула, такъ и есть—среди самой ночи квашня стоитъ! Вѣдь ты ее такъ въ растворѣ и исчетешь, дура! говорю. Стоитъ, ротъ розинула... Развазала, попробовала, теплая

претензия и такъ вслѣдствіе отдастъ, хоть сейчасъ мѣсить, такъ въ пору! Ахъ, ты, проклятая! А вѣдь такъ поглядѣть, такъ дѣвца на три перерѣза...—заговорила Адагья Петровна, сбросивъ на диванъ свою кошу.

Я снова пожелалъ ей спокойной ночи.

Съ тѣхъ поръ, какъ я ввѣлъ урокъ у Ситниковой, я не бывалъ у Тагановыхъ вечеромъ и вообще навѣщалъ ихъ довольно рѣдко. Сначала Степа и Надежда Ивановна дѣлали мнѣ выговоры по этому поводу, но потомъ мало-по-малу привыкли къ моему рѣдкому присутствію въ ихъ гостиной и въ послѣднее время, если я не показывался къ нимъ цѣлыя двѣ-три недѣли, то и тогда не дѣлали на мой счетъ никакихъ замѣчаній. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, т.-е., что веротнѣя дружескія отношенія между мною и Тагановыми перешли въ простое знакомство—приглашеніе поужаовать на обрученіе Надежды Ивановны съ какимъ-то Карломъ Христофоровичемъ Фриманомъ явилось для меня полнѣйшей неожиданностью. Я долго глядѣлъ на блестящій листокъ приглашенія, но вмѣсто официальныхъ выраженій, оттиснутыхъ на немъ какимъ-то особенно затѣйливымъ шрифтомъ, читалъ нѣчто совсѣмъ несообразное съ обстоятельствами.

Лучезарной феей, въ розовомъ облакѣ газа, кружевъ и цвѣтовъ, предстала предо мною Надежда Ивановна въ день, назначенный для ея обрученія. Она ласково улыбнулась мнѣ и протанула обѣ руки, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ представила меня своему жениху, стоявшему тотчасъ за нею. Высокій брюнетъ, съ наружностью джентльмена-юриста, мнѣвшій счастье быть женихомъ Надежды Ивановны, отвѣтилъ мнѣ одною изъ принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ любезностей, и мы разошлись въ разныя стороны. Часъ спустя, очутившись въ кадрили на мгновеніе рядомъ съ Надеждой Ивановной, я не выдержалъ и спросилъ ее: курсы, стало быть, въ сторону?

— Теперь только мартъ, Василій Андреевичъ!—крикнула она, улетаая къ своему кавалеру.

Литовинъ и я ушли съ праздника, не дождавшись ужина.

— Почти два года была моею суженой и вдругъ... на поди!—съ нервнымъ смѣхомъ проговорилъ Литовинъ, проходя мимо ослѣпленныхъ огонь только-что оставленнаго нами дома.

— Надежда Ивановна была вашей суженой?!—вздумался я.

— По крайней мѣрѣ, я такъ надѣялся... Впрочемъ, это уже юркая выходитъ замужъ, прежде, чѣмъ я успеваю сдѣлать предложеніе.

— Вы серьезно говорите все это?

— Какъ только можетъ быть серьезно. Очень жаль, что это такъ, но тѣмъ не менѣе...—развелъ руками Семенъ Васильевичъ.

— Гдѣ же вы были раньше?

— Зачѣмъ дѣвушки врутъ, позвольте васъ спросить? Не то врутъ, не то не вѣдаютъ, что творить... Это все равно—гдѣ я былъ. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что Надежда Ивановна неожиданно для самой себя дала слово стать женой этого Адама или Германа Христофоровича.

— Почему вы знаете?

— Я вамъ говорю. Развѣ возможно сознательное рѣшеніе, когда нѣтъ еще и мѣсяца, какъ они познакомились.

— Не всѣмъ же нужны для размышлений такіе длинные сроки, какъ вамъ напримѣръ. Вамъ же и хуже—просѣвали вотъ...

— Если я просѣвалъ Надежду Ивановну, такъ просѣвалъ единственно изъ-за этихъ ея курсовъ, чортъ бы ихъ взял! Казалось чуть не святотатствомъ стать на дорогѣ, когда въ виду нѣются курсы...

— Остается выбрать новую суженую...

— Благодарствуйте! Такъ никогда не женишься. Нѣтъ, я когда-нибудь вотъ этакъ же, очерти голову...

Очень немного, всего нѣсколько дней пролежала Анна Евграфовна въ постели, но болѣзнь страшно ее обезсилила. Было что-то дѣтски безпомощное во взглядѣ и во всей ея фигурѣ, когда я снова увидѣлъ ее. Она сидѣла на своемъ прежнемъ мѣстѣ, въ глубокомъ креслѣ у стола и пила приготовленный Катей чай, когда я вошелъ.

— Встали, слава Богу!—искренно обрадовался я.

— Встала, но никуда не похужу...—грустно отозвалась Анна Евграфовна.

— Что такое?

— Силы совсѣмъ пропали, ноги точно чужія, едва встану, такъ и потемнѣетъ въ глазахъ.

— Литовкинъ что говорить?

— Надѣется, что силы придутъ потомъ. Онъ, повидимому, вполне доволенъ исходомъ моей болѣзни.

— Ну и прекрасно. Нельзя же сразу...

Я предложилъ Катѣ возобновить наши занятія, прерванныя болѣзью Анны Евграфовны, и такъ какъ на этотъ разъ намъ не мѣшали, то мы занимались дольше и усидчивѣе обыкновеннаго. Дѣти весь вечеръ сидѣли унизками. Сначала я не зналъ, чѣмъ объяснить ихъ мирное настроеніе, но присмотрѣвшись къ тому, чѣмъ они были заняты, понялъ, что причиной порядка и

тишины было присутствіе подлѣ нихъ матери и ея незанятая рука. Въ самомъ дѣлѣ, до этихъ поръ я никогда не видалъ Анны Евграфовны праздною. Она вѣчно сидѣла поглощенная тѣмъ или инымъ грошевымъ, обыкновенно срочнымъ заказомъ, въ родѣ переписыванія ролей, и для дѣтей у ней не оставалось ни минуты свободной. Дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, не встрѣчая во-время удовлетворенія самыхъ законныхъ своихъ потребностей, раздражались и поднимали шумъ изъ-за всякаго пустяка, и до сихъ поръ я былъ совершенно согласенъ съ Авдотьей Петровной, что мальчики Анны Евграфовны — «чистое наказаніе!» Теперь же я съ наслажденіемъ любовался ими. Изображая ляха-извозчика, Одея стоялъ на креслѣ за спиной Анны Евграфовны и вмѣсто возжей употреблялъ ея свободно опущенныя косы. Онъ дѣлалъ это такъ осторожно, что казалось ничуть не беспокоилъ ея. Дернувъ за косы сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, онъ наклонился черезъ плечо матери, пылливо заглядывалъ ей въ лицо и, заглянувши, всякій разъ цѣловалъ его. И всякій разъ рука матери, въ отвѣтъ на ласку, любовно и крѣпко прижимала его маленькую головку къ своей щецѣ. Петя сидѣлъ подлѣ на высокомъ стулѣ, придвинутомъ къ самому столу. Анна Евграфовна, не смотря на свою слабость, одну за другой вырѣзывала для него изъ бумаги фигуры животныхъ, выгибала имъ ноги и ставила ихъ на столѣ передъ Петей, объясняя ему при этомъ всѣ замѣчательныя свойства «коровки», если это была коровка, или «лошадки», если это была лошадка. Петя слушалъ съ солиднымъ видомъ, выразительно кивалъ головой въ знакъ того, что понимаетъ, и когда мать умолкала, онъ просилъ ее еще кого-нибудь вырѣзать.

Прошло нѣсколько дней.

— Сегодня Литовкинъ у меня былъ, снова выслушалъ и выстукалъ и изволилъ запретить мнѣ всякія работы, — крайне изволнованно отвѣтила Анна Евграфовна на мой обычный вопросъ о ея здоровьѣ.

Подозрѣвая, что Анна Евграфовна не имѣетъ возможности дать себѣ необходимаго отдыха, и въ то же время находя не ловкимъ спросить ее, какъ она думаетъ быть, я потерянно молча смотрѣлъ на нее.

— А чтобы не скучала — газеты прислалъ, — указала она на край стола. При этомъ въ лицѣ ея что-то дрогнуло, она склонилась къ ручкѣ кресла и неудержимо глухо зарыдала.

Я сдѣлалъ невольное движеніе по направленію къ ней, но

Катя молча удержала меня за руку и жестомъ попросила отойти. Она поставила на столъ матери стаканъ воды, коротко и спокойно сказала ей объ этомъ и подошла ко мнѣ, чтобы начать урокъ. Бѣдная дѣвочка очевидно страдала, но она рѣшительно не желала дать замѣтить этого, и мы непосредственно перешли къ раздробленію и превращенію именованныхъ чиселъ.

Меньше чѣмъ черезъ недѣлю послѣ этого я засталъ Анну Евграфовну за шитьемъ. Въ комнатѣ не было свободного мѣста, всюду лежали свертки кумача и синей китайки.

— Откуда у васъ такое обиліе красныхъ и синихъ матерія? — спросилъ я, не находя для себя стула.

— Будутъ еще бѣлыя и другія, если съ этими я успѣю справиться во-время, — отвѣтила Анна Евграфовна.

— Ужъ вы не подрядъ ли какой взяли?

— Именно. Взялась шить на пароходы Сысоева. Это пока одежда для матросовъ, тамъ будутъ еще флаги, шторы, чехлы на мебель и проч.

— Вы, стало быть, выходили?

— Нѣтъ. Это все Авдотья Петровна устроила. Она даже отбила у кого-то этотъ подрядъ, сбавила по двѣ копейки на парѣ, ей и отдали.

— Напрасно она не по пяти копѣекъ сбавила...

— Это пустяки! Когда я все перешью, я буду почти богата. Одно досадно — всю работу необходимо кончить къ концу апрѣля, это значить въ полтора мѣсяца какіе-нибудь.

— И безъ машины...

— Да, ужъ такъ придется. Авдотья Петровна пробовала было достать для меня машину на прокатъ, но съ нея потребовали въ залогъ чуть не полную стоимость машины, она и отступилась.

У моей сестры была отличная ручная машина, на ней никто никогда не шилъ, но я не смѣлъ и заикнуться о ней. Въ последнее время въ моей семьѣ снова, едва ли не каждый день, сыпались проклятія на голову Анны Евграфовны, раздавались просьбы оставить ее, шли непрерывные упреки и слезы. Дѣло въ томъ, что вечера во время болѣзней Ситниковой я проводилъ дома, а такъ какъ это случилось непосредственно за первымъ разговоромъ моей матери со мной объ опасности знакомства съ Анной Евграфовной, то она и вообразила, что я послушался ее и бросилъ свой урокъ. Убѣдившись въ своей ошибкѣ, мать моя, обыкновенно кроткая и непритязательная, совершенно вышла изъ себя, что называется, наговорила мнѣ пропасть обидныхъ вещей

и весь день проплакала, повторяя время отъ времени, что Богъ непремѣнно накажетъ меня. И въ этотъ разъ, и впослѣдствіи я не однажды пускался въ пространныя объясненія, пытаюсь разогнать ни на чемъ не основанный страхъ моей матери, а также доказать, что Анна Евграфовна совсѣмъ не такое чудовище, какимъ она ее представляетъ себѣ, но это рѣшительно ни къ чему не повело. По прежнему не проходило дня безъ того, чтобы домашніе не передали мнѣ какого-нибудь нелѣпаго слуха или какой-нибудь глупѣйшей сплетни, имѣвшихъ болѣе или менѣе отдаленное отношеніе къ Аннѣ Евграфовнѣ, и не попричитали надо мной по этому поводу. При этомъ роли распредѣлялись такъ: Лиза новость скажетъ, мать объяснить ее, сдѣлаетъ неизбежныя, по ея мнѣнію, выводы и примется нить. Я не могъ пожаловаться на недостатокъ собственнаго терпѣнія, но, наконецъ, мнѣ до того все это опротивѣло, что я рѣшился переговорить еще съ сестрой. Мать была у всенощной; Лиза сидѣла въ столовой, исправляя тетради вѣреннаго ей класса.

— Я къ тебѣ съ просьбой, Лиза!—обратился я къ ней.

Она подняла голову, но не дождавшись продолженія, вновь занялась тетрадями, и красный карандашъ ея быстро забѣгалъ по страницамъ, проводя черту за чертою.

— Брось ты эту канитель!..

— Чего тебѣ?

— Сдѣлай одолженіе, не передавай больше никакихъ слуховъ о Ситниковой при матери, они такъ волнуютъ ее, между тѣмъ все это вздоръ!

— Какъ будто она не можетъ услышать отъ другихъ то же самое!

— Однако, до сихъ поръ всегда выходило такъ, что ты сообщала новость...

— Я не подозрѣвала, что о нѣкоторыхъ вещахъ ради тебя обязана молчать.

— Хотя бы и ради меня. Согласись, что нѣтъ ничего пріятнаго въ такомъ положеніи дѣлъ, къ чему еще усугублять его?

— Не найдешь ли болѣе справедливымъ послѣдній вопросъ адресовать къ собственной персонѣ?—рѣзко проговорила Лиза, и отбросивъ бывшую у ней на колѣнахъ тетрадку, въ страшномъ гнѣвѣ вышла изъ столовой.

Не смотря на то, что никакого толковаго разговора съ сестрой у меня не вышло, она все-таки послушалась меня и послѣ моего обращенія къ ней ни разу не принесла ни одной новости съ «политическимъ» оттѣнкомъ. Но она была совершенно права, увѣ-

рая меня, что мать легко может и помимо ее узнавать то, что знает весь городъ. Дѣйствительно, казалось, самый воздухъ былъ зараженъ тмою-темъ сенсационныхъ слуховъ, ропотомъ, ужасомъ, стономъ, проклятіями, побѣдными кликами варварскаго наступленія и многими множествомъ другихъ одуряющихъ примѣсей, и проникая въ наши мирныя жилища сквозъ дотошъ непроницаемыя стѣны, самъ по себѣ не только смущалъ и леденилъ сердца, но нерѣдко приводилъ въ ярость наиболѣе безобидныхъ людей.

Воскресное до-обѣда. Въ нашей гостиной пріятно пахнетъ кофе, который мать начинаетъ разливать для насъ. Я читаю газету. Сестра и ее гостя, Сашенька Котельникова, рискуя ослѣпнуть, разбираютъ листъ приложенія къ «Модному Свѣту», на которомъ десятками различныхъ, правильныхъ и неправильныхъ линий, точекъ, кружечковъ и прочаго обозначены всевозможныя выкройки. Онѣ бьются «цѣлый часъ, отыскивая какой-то «бочекъ» и, повидимому, совершенно поглощены своимъ занятіемъ.

— А, знаете что, я совсѣмъ было-позабыла вамъ сказать,—говоритъ Сашенька, выпрямляя свой станъ и обводя всѣхъ насъ затуманившимся взглядомъ,—Зоя съ мѣста убрала. Ахъ, еслибы вы видѣли, какъ мать плачетъ!

— Это невѣроятно! Откуда ты знаешь это?—сомнѣвается Лиза.

— Какая Зоя, ужъ не Караулова ли?—спрашиваетъ мать.

— Да, Караулова Зоя. Она вмѣстѣ съ Лизой и со мной кончила,—поясняетъ Сашенька.

— Что же у ней вышло?—Дѣвушка была такая милая, помнится, говоритъ мать.

— Миѣ все еще не вѣрится,—продолжаетъ сомнѣваться сестра.

— Вотъ тебѣ разъ! Не вѣрится, когда я съ матерью ее говорила! Отставка уже подписана, но документовъ ей не выдаютъ... По всей вѣроятности, на дняхъ Зоя пріѣдетъ сюда, — куда ей иначе?..

— Какъ же такъ? Тебѣ вѣдь она писала,—или это Желваковой,—что ни одной церковной службы не пропускаетъ, что по постами вѣсть постное, съ разнымъ своимъ начальствомъ ладитъ какъ нельзя лучше, что школа идетъ превосходно и все такое?—недоумѣваетъ Лиза.

— И Желваковой, и миѣ писала.

— Что же за причина?—угрюмо допытывается мать.

— Она, видите ли, съ Трепетовой переписывалась,—помните,

тоже съ нами кончила?—Та недавно въ чемъ-то попала въ у ней письмо Зои взяли. Просто, выходить, за знакомство,—просто-душно заключаетъ Сашенька.

— Слышнѣнь, Василій Андреевичъ?—многозначительно спрашиваетъ меня мать.

Даже Оекла! Уже чтобы, казалось, могла понимать наша кухарка Оекла, эта неграмотная, въ высшей степени ограниченная баба, а и та разъ изъ-за политики чуть не сбила меня съ ногъ.

— Баа-а-рыня!—точно въ принадлежъ умопозступленія вопить Оекла, съ такой силой распахивая дверь въ корридоръ, гдѣ я надѣвалъ калоши, что я едва устоялъ на ногахъ.

— Что съ тобой? Къ чему такъ орешь? Чтѣ нужно?—обратился я къ ней.

Оекла оторопѣла.

— Чтѣ тебѣ нужно?

— Мнѣ показалось, за дверьми барыня шабарчить...

— Ну?

— Ну и ничего. Хотѣла сказать ей одно слово...

— Съ чего же тебя такъ разнесло?

— Нисколько не разнесло, только-что хотѣла сказать, чтобы посмотрѣли поскорѣе, покаль еще у воротъ возжаются...

— На что посмотрѣть? Кто у воротъ?

— Ступайте, глядите сами, отъ насъ съ крыльца виднехочко: въ Петру Акимычу сына привезли, это что прошлогодъ въ ученье-то уѣхалъ, Колинъкой зовутъ. Которое въ чулану ближе, въ то окошко глядите,—наставляла вслѣдъ Оекла. А за ужиномъ я совершенно неожиданно услышалъ отъ моей матери, что между сыномъ Петра Акимыча и мной есть извѣстное соотншеніе и что я точно также дождусь... и т. д., и т. д. Я написалъ одному изъ товарищей, спрашивая, не пріютить ли онъ меня на лѣто въ своемъ Лыковѣ, и порѣшилъ, что въ случаѣ благопріятнаго отвѣта сбѣгу изъ дома тотчасъ же, какъ только Катя сдастъ экзамены.

Невѣроятно, чтобы съ помощью машины можно было, въ теченіе сутокъ положимъ, изготовлять большее количество сорочекъ и шароваръ, чехловъ, шторъ и прочаго, нежели сколько изготовляла ихъ Анна Евграфовна безо всякой машины. Она вся ушла въ свой завазъ, и это замѣчалось рѣшительно во всемъ, чтѣ окружало ее. Всегда уютно прибранная комната теперь имѣла довольно неряшливый видъ. На полу цѣлыя кучи обрѣз-

ковъ кумачу, парусины, китайки и бѣлой бумаги, которую, играя, нарѣзали дѣти, обрывки нитокъ, неприбранные игрушки и проч. Все это цѣпляется за ноги и волочится слѣдомъ за вами... На мебели такой толстый слой пыли, какой можетъ образоваться только въ долгій рядъ дней. Очень часто на столѣ, стояла все еще немытая посуда, хотя самоваръ давно потухъ и сдѣланный, но невыпитый чай, иногда уже въ чашку налитой и все-таки невыпитый, простылъ совершенно. Некогда, некогда и некогда! Ни умытъ, ни одѣтъ дѣтей некогда, пускай обойдутся какъ-нибудь сами собою за это время—дорога всякая минута! Потому что все приведется въ порядокъ, потому что все наверстается, теперь же необходимо спѣшить изъ всѣхъ силъ, чтобы не лишиться возможности заработать насущный кусокъ, безъ котораго семья пропадетъ съ голоду. Сама Анна Евграфовна, до этого всегда безукоризненно одѣтая, сидитъ съ нечесанною головою, въ смятомъ платьѣ, въ не совсѣмъ свѣжемъ воротничкѣ, и вы съ разу видите, что она не замѣчаетъ ни васъ и ничего другого, за исключеніемъ того нива, надъ которымъ судорожно скользить вверхъ и внизъ ея правая рука. Рука эта стала совсѣмъ прозрачною и до жадности худой. Вообще Анна Евграфовна жестоко похудѣла и ея лицо приняло совершенно несвойственное ему выраженіе замкнутости и суровости. Я видѣлъ ее всякій день, но тѣмъ не менѣе ея переменѣна поражала и пугала меня. Часто, опершись обѣими руками о ручки кресла, она отклонялась назадъ и, выпрямивъ уставшую грудь, съ большимъ трудомъ, вслухъ дѣлала глубокое дыханіе. При этомъ она обыкновенно закрывала глаза, и я спѣшилъ отвернуться, чтобы не видать, до какой степени походить она на покойницу.

— Мама! Мнѣ совсѣмъ нечего дѣлать!..—такимъ скорбнымъ тономъ обращается Федя къ матери, что даже у меня переворачивается сердце.

— Ненаглядный!—страстно и въ то же время горько слышится съ устъ Анны Евграфовны. Она порывисто сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ заброшеннаго ребенка, и крупныя слезы мочить грудь красной рубашки, которую она точаетъ.

— Я ужъ лучше спать пойду, мама!—продолжаетъ Федя.

— Если хочется, такъ ступай себѣ...

— Ну, значить, дай мнѣ поѣсть!

— Подожди минутку—мнѣ некогда, голубы!..

— Безъ ужина, что ли, спать?—со слезами спрашиваетъ мальчикъ.

— Зачѣмъ безъ ужина. Или подожди, или возьми за ширмой на комодѣ молоко въ стаканѣ...

— Которое отъ Пети осталось? — Нѣтъ, этого я не хочу, — Петя всегда хлѣба крошить...

— Жди въ такомъ случаѣ Катю.

Я спѣшу освободить Катю, но опаздываю. — Одея уже заснулъ безъ ужина и нераздѣтый.

— Ровно у васъ тюрьма, прости Господи! — замѣтила развѣ Авдотья Петровна: — время стоять такое чудесное, что не радуешься, а у васъ, ни дать ни взять — середина зимы. Хотя бы одну раму вынули, все бы воздухъ полегче сдѣлался.

— Ахъ, Богъ съ нимъ, съ вашимъ чудеснымъ временемъ! Развѣ вы позабыли, что апрѣль уже начался? — Есть мнѣ когда вынимать рамы, — брезгливо отозвалась Анна Евграфовна.

Однажды, замѣтивши на этажеркѣ порядочную кучу газетъ, я спросилъ Анну Евграфовну, ужели она находитъ время еще для чтенія?

— Какое! Газеты съ самаго начала возвращаются непрочитанными. Давно слѣдовало бы отказаться отъ нихъ, но я все еще надѣюсь, что какъ-нибудь выпадетъ свободная минутка и я почитаю... А Семенъ Васильевичъ въ свою очередь повидимому очень радъ случаю отсылать прямо ко мнѣ вновь получаемые номера. Взгляните, тутъ между прочимъ всѣ послѣдніе номера «Врача» — такъ, не снимая бандероли, и приносятъ.

— Хотите, буду читать для васъ по вечерамъ?

— Еще что?.. Нѣтъ, пожалуйста! Будетъ съ васъ и Катя...

— Да развѣ мнѣ не все равно здѣсь или дома пробѣгать газету, тѣмъ болѣе, что изъ библіотеки мнѣ приносятъ эту же самую?

— Ну, право, мнѣ совѣстно. Васъ постоянно будутъ прерывать и вы на другой же день раскаетесь, а сказать, пожалуй, не скажете...

— Давайте, хоть попробуемъ!

Такъ какъ урокъ съ Катей всегда кончался у меня почти одновременно съ тѣмъ, какъ дѣти ложились спать, то нашему чтенію никто не мѣшалъ и за первую исполнѣ удачною пробой оно вошло въ наши вечера, какъ нѣчто обязательное. И я, и Анна Евграфовна только выиграли отъ этого. Я за послѣднее время жилъ настолько одиноко, что чрезвычайно обрадовался возможности общенія мыслей съ человѣкомъ, котораго безвѣчно уважалъ и при которомъ свободно, не боясь окрика, могъ высказывать самые сокровеннѣйшіе мои взгляды и думы. Самъ я какъ собесѣдникъ не былъ, разумѣется, для Анны Евграфовны

особенной находкой, но за отсутствіемъ всякаго общества имѣлъ значеніе и я. Очень можетъ быть, что въ часы, посвященные чтенію, шитье Анны Евграфовны шло медленнѣе обыкновеннаго, но за то она несомнѣнно отдыхала въ эти часы. Печатное слово, какъ отголосокъ живого міра, удивительно дѣйствовало на нее. Во время чтенія Анна Евграфовна необыкновенно оживлялась, дѣлалась сообщительной и какъ бы позабывала личные невзгоды, и я всегда неохотно кончалъ чтеніе, хотя отлично зналъ, что за каждый лишній часъ, проведенный въ присутствіи Анны Евграфовны, я получу возмездіе... Газеты того времени не представляли ничего особеннаго въ смыслѣ такъ-называемыхъ высокихъ идей и ихъ не только неуклоннаго, а хотя каковаго бы то ни было проведенія въ жизнь, но онѣ возбуждали тѣмъ сильнѣе и часто по поводу ихъ мы вели безконечные разговоры, обозрѣвая настоящее со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, опредѣляя причины, обуславливающія такое положеніе дѣлъ, его естественныя послѣдствія и т. д. Благодаря этимъ разговорамъ, мало-по-малу, передо мной окончательно выяснился нравственный обликъ моей собесѣдницы и мнѣ стало еще больше смотрѣть, какъ она таеетъ въ тискахъ своего безотраднaго положенія.

Настала Пасха. Начался звонъ, поднялось праздничное шмуганье вокругъ, но Анна Евграфовна ни на одинъ часъ не сложила своей работы, а чтобы дѣти не остались безъ кулича и красныхъ яицъ, она не спала всю ночь.

Наканунѣ я получилъ отъ пріятеля отвѣтъ на свое письмо. Онъ выражалъ живѣйшую радость по случаю моего намѣренія провести лѣто въ его имѣніи, увѣдомлялъ, что увѣзжаетъ домой въ началѣ мая, и убѣдительно просилъ прибыть къ нему не позже этого времени. Я точно выросъ, получивши увѣренность, что могу, наконецъ, уйти изъ этого міра сплетень, духоты и безсердечія, и первый день Пасхи леталъ какъ на крыльяхъ; но едва заглянулъ я въ Аннѣ Евграфовнѣ — праздничное настроеніе разомъ съ меня соскочило.

— Ну, это плохо. Я стану смертельно скучать, когда вы уѣдете, и въ концѣ-концовъ, вѣроятно, совсѣмъ позабуду человѣческую рѣчь, — сказала Анна Евграфовна, выслушавъ о моемъ намѣреніи отправиться съ началомъ лѣта въ деревню.

День за день время дошло до экзаменовъ. Катя нѣсколько трусила, но я былъ совершенно увѣренъ въ ней и не ошибся. Черезъ недѣлю, когда сдѣлался извѣстенъ результатъ испытаній, оказалось, что она по всѣмъ предметамъ получила удовлетвори- тельныя отмѣтки.

Торжествуя удачу, мы устроили на открытомъ воздухѣ чай, не смотря на протестъ Анны Евграфовны и ея жалобы на то, что мы отрываемъ ее отъ работы въ послѣднюю минуту. Я и Катя своими руками стащили самоваръ, чашки и проч. въ крошечный садикъ, разбитый въ углу огорода, перенесли туда нитки, иглы и разныя лоскутья, необходимыя Аннѣ Евграфовнѣ, и она по неволѣ должна была уступить намъ.

— Сегодня не слѣдовало этого дѣлать, а завтра было бы отлично. Для меня не можетъ быть отдыха, пока я не закрѣплю послѣдняго конца, — хмуро проговорила она, садясь за чай.

— Ужели завтра конецъ вашей каторжной работѣ? — спросилъ я, не смѣя вѣрить, что это дѣйствительно такъ.

— Я кончила бы еще сегодня, если бы вы не мѣшали мнѣ. — А знаете что? — совсѣмъ не стоило такъ утруждать себя!.. Мнѣ не причтется и двухъ рублей, когда я отдамъ всѣ свои долги, — уныло, съ печальной улыбкой проговорила Анна Евграфовна.

Время отъѣзда моего было рѣшено окончательно. Я отправился на слѣдующій день въ девять часовъ утра на одномъ изъ тѣхъ пароходовъ Сысоева, на которые работала Анна Евграфовна.

Прелестная весенняя погода, сухая, ясная теплая, продолжавшаяся передъ этимъ около двухъ недѣль, круто перешла въ сырость, въ высшей степени непріятную. Духъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, Реомюръ упалъ до нуля; въ крупномъ холодномъ дождѣ, время отъ времени, мелькали пушинки снѣга, — всюду топились печи, въ нѣкоторыхъ домахъ вновь, хотя и не такъ тщательно какъ это дѣлается осенью, вставляли зимнія рамы.

— Вотъ такъ май! — слышалось на каждомъ шагѣ. Не смотря на то, что май въ нашихъ мѣстахъ рѣшительно всякій годъ ознаменовывается суровою погодой, даже самые старые изъ обывателей никакъ не могутъ привыкнуть къ этому настолько, чтобы не удивляться, когда за теплыми апрѣльскими днями начинаются холода и ненастье и имъ приходится дрожать за свои цвѣтники и огороды и проч.

Отправившись съ прощальнымъ визитомъ къ Аннѣ Евграфовнѣ, я съ трудомъ шагаль противъ вѣтра и дождя и порядкомъ смокъ, пока дошелъ.

Здѣсь такъ же, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, топились печь и зимнія рамы вновь защищали окна, но все это было сдѣлано нѣсколько поздно, — Петя лежалъ въ жару и жестоко кашлялъ, у Анны Евграфовны начиналась лихорадка.

Грустно прошелъ нашъ послѣдній вечеръ. Больной ребенокъ

мѣшалъ завязаться какому бы то ни было разговору, и мы сидѣли молча, думая каждый про себя свои невеселыя думы. Не находилъ въ себѣ силъ выносить гнетущую муку этого безмолвія, я поспѣшилъ проститься съ Анною Евграфовной, искренне желая ей всевозможныхъ благъ.

На утро погода была почти не лучше. За ночь выпалъ обильный снѣгъ, и картина мѣстности, съ зелеными деревьями среди снѣжной равнины, съ лѣтними экипажами на зимней дорогѣ, съ готовымъ къ отплытію пароходомъ у зимняго берега, своей дикой несообразностью производила странное впечатлѣніе и меня лично раздражала. Къ довершенію дурного настроенія, приходилось ждать лишній часъ, потому что раньше не успѣли нагрузить дрова.

Сестрѣ необходимо было въ классъ, матушкѣ — на базаръ. Мы поцѣловались въ послѣдній разъ и онѣ уѣхали.

Я сидѣлъ на палубѣ, курилъ папиросу за папиросой и до того ушелъ въ себя, что не видѣлъ и не слышалъ ничего изъ окружающаго.

— Эй вы, сокровище! Чуть не удрали, не простившись!.. — раздался надо мной голосъ Семена Васильевича.

— Я былъ у васъ разъ десять. Даже сегодня, отправляясь сюда, заходилъ еще.

— Сегодня меня до семи часовъ утащили къ Ситниковой.

— Видно мальчику стало хуже?

— Какой тутъ мальчикъ! — сама слегла.

— Я вчера видѣлъ ее на ногахъ...

— Ничего не значить.

— Что же съ ней такое?

— Въ этихъ случаяхъ я всегда говорю: бронхіальный катарръ. Я право не знаю, что буду съ ней дѣлать... Человека необходимо тянуть, а, вы понимаете, одними лекарствами этого не сдѣлаешь...

Раздался третій свистокъ. Мы обнялись, крѣпко пожали другъ другу руки и разошлись, каждый въ свою сторону.

В. Шиловъ.

РУДОЛЬФЪ ВИРХОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Рудольфъ Вирховъ, юбилей котораго съ такимъ торжествомъ праздновался недавно въ Германіи, представляетъ одну изъ величайшихъ знаменитостей нѣмецкой науки и въ то же время одну изъ самыхъ высокихъ въ нравственномъ отношеніи личностей во всей Германіи. Его жизнь, съ самой ранней молодости и до сего дня протекшая на виду у всѣхъ, въ неутомимыхъ научныхъ трудахъ и непрерывной общественной и политической дѣятельности, была такъ безукоризненна, такъ далека отъ всякой тѣни какихъ-либо эгонистическихъ, и еще того менѣе, корыстныхъ стремленій, что даже клевета никогда не осмѣливалась воснудиться этой гордости нѣмецкаго народа. У Вирхова есть враги—у какого знаменитаго ученаго и въ особенности у какого выдающагося политическаго дѣятеля ихъ нѣтъ! Въ послѣднее время особенно, онъ, вмѣстѣ съ другой звѣздой науки, профессоромъ Моммзеномъ, сдѣлался мишенью самыхъ недостойныхъ выходокъ печати, враждебной той политической партіи, къ которой принадлежать оба эти ученые. Цѣлая кляка газетъ, повинная приказаніямъ управляющихъ ими изъ-за кулисъ могущественныхъ «внушителей», буквально ежедневно обдастъ Вирхова потоками неприличнѣйшей брани и грубыхъ и мелкихъ насмѣшекъ. Но даже и эта кляка людей, пишущихъ по заказу и потому ни передъ чѣмъ не останавливающихся, никогда не рисковала хотя бы намекомъ затронуть нравственные качества Вирхова. Будучи, съ самаго возникновенія прогрессистской партіи, главою и признаннымъ вождемъ этой партіи, которой онъ былъ однимъ изъ основателей, Вирховъ сумѣлъ остаться чистъ ото всѣхъ заблужденій, отъ всѣхъ увле-

ченій матеріальными выгодами, которыя такъ часто теперь ставятся въ упрекъ либераламъ. Извѣстная эпоха такъ-называемаго «грюндерства», послѣдовавшая за золотымъ дождемъ, излившимся на Германію въ видѣ 5-миліардной французской контрибуціи, эта печальная эпоха всеобщей погони за легкой наживой, въ которой потерѣло крушеніе столько незапятнанныхъ дотолѣ репутацій, изъ которой такое множество политическихъ дѣятелей вышло если и не положительно запятанными, то все же съ рыльцемъ въ пушку, прошла, не носувшись имени Вирхова. Князья и графы, представители древнихъ родовъ, продавали свои имена за учредительскіе пай въ какой-нибудь двусмысленной компаніи; безупречные, казалось, дѣятели оказывались во главѣ дутыхъ предпріятій. Но имя Вирхова, безъ котораго уже много лѣтъ не обходилось ни одно учрежденіе общественной пользы, ни одно предпріятіе, государственное, общинное или частное, имѣющее въ виду интересы науки, или благо народное, ни разу не появлялось ни въ какой компаніи, преслѣдующей цѣли наживы. Соображеніе личной выгоды, матеріальныхъ благъ, какъ будто не существовало вовсе для этого великаго ума, съ юности посвятившаго себя служенію родинѣ, наукѣ и человечеству. Поэтому-то теперь политическіе враги его, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ отыскать ни одного камешка, которымъ можно было бы бросить въ знаменитаго ученаго. Бранными словами они осыпаютъ его щедро, но дальше этого не могутъ сказать ничего. «Демагогъ, скрытый республиканецъ», вотъ единственные тяжкіе обвиненія, какія они смогли выставить противъ Вирхова. Но и тутъ, употребляя эпитетъ «скрытый», они слѣшаютъ оговориться, что не сомнѣваются въ его искренности и считаютъ его увѣреніи въ преданности монархическому принципу не умышленнымъ обманомъ съ его стороны, или маской, носимой въ видѣ временной уступки существующей дѣйствительности, а только заблужденіемъ, чистосердечнымъ невѣдѣніемъ профессора насчетъ конечныхъ цѣлей его партіи. Такія оговорки повторяются не только съ парламентской каеэдри, — гдѣ говорятъ хоть и политическіе недруги Вирхова, но все же люди большею частію порядочные, которые не меньше остального общества уважаютъ своего славнаго согражданина, — но встрѣчаются и на страницахъ упомянутой илии газетъ, борзописцы которыхъ не знаютъ никакого удержу. Даже эти люди понимаютъ, что обвиненіе Вирхова въ неискренности, или, еще того хуже, въ умышленной лжи было бы слишкомъ бессмысленно. Если такъ относится къ Вирхову враги, то легко представить себѣ, какъ смотрятъ на него друзья, а въ таковыиъ

принадлежить безусловно вся Германія, за исключеніемъ теряющейся въ массѣ, небольшой группы самыхъ ярыхъ политическихъ противниковъ и ихъ приспѣшниковъ. Что касается до медицинскаго міра, то въ немъ—во всемъ, не исключая и людей противоположныхъ политическихъ убѣжденій—Вирховъ пользуется не просто глубокимъ уваженіемъ, какъ гениальный реформаторъ, справедливо называемый «отцомъ современной медицины»; это—какое-то благоговѣйное поклоненіе, полная почтительная нѣжность любви. Не говоря уже о студентахъ, которые безъ преувеличенія молятся на Вирхова, пожилые медики, ученые профессора, давно успѣвшіе составить себѣ самостоятельное имя въ наукѣ, съ гордостью называютъ себя «учениками Вирхова» и лучшую славу свою видятъ въ томъ, что они принадлежатъ къ его «пшюль». Самъ никогда не знавшій зависти, никогда, съ самыхъ первыхъ шаговъ своей блестящей карьеры не льстившійся стать кому-либо поперегъ дороги, а напротивъ всегда старавшійся помочь всякому, кому только могъ, выдвинуть, оказать поддержку каждому дарованію, Вирховъ всю жизнь пользовался счастливой и завидной участью не внушать зависти другимъ. Этому столько же способствовали великія заслуги его, безспорное превосходство первыхъ же ученыхъ трудовъ, сразу поставившихъ его такъ высоко, что о мелкой зависти, о соперничествѣ не могло быть и рѣчи, сколько и его скромность, выражающаяся не только во всѣхъ его дѣйствіяхъ, но и въ манерѣ держать себя. Даже теперь, когда онъ служитъ предметомъ общаго уваженія не только въ Германіи, но и во всемъ образованномъ мірѣ (достаточно вспомнить его недавнее, въ концѣ прошлаго года путешествіе въ Англію, на медицинскій конгрессъ въ Лондонѣ, и въ Россію, на антропологическій съѣздъ въ Тифлисѣ: это былъ непрерывный рядъ овацій, которыми иностранцы спѣшили выразить свое удивленіе великому ученому и честному гражданину)—даже теперь, не зная его въ лицо, при встрѣчѣ съ Вирховомъ никто не скажетъ, что это человѣкъ, имя котораго съ почтеніемъ произносится на обоихъ полушаріяхъ,—такъ просто онъ держитъ себя, такъ мало старается выдвинуться впередъ. Имъ гордятся вся Германія, но въ немъ самомъ нѣтъ и тѣни гордости или самонадѣянности.

Но за то, когда дѣло касается общественныхъ вопросовъ, интересовъ науки, или, въ особенности, блага народа, блага бѣдныхъ классовъ, тогда Вирховъ преображается. Спокойный, мягкій и скромный человѣкъ превращается въ пламеннаго оратора, въ безстрашнаго борца. Часто случается слышать обвиненіе Вирхова

въ честолюбіи; многіе говорятъ: «онъ честолюбивъ, ему мало казалось одной научной славы, онъ хотѣлъ еще играть политическую роль». Между тѣмъ нѣтъ ничего несправедливѣе такого упрека. Не честолюбіе или корысть, а именно наука и горячая любовь къ страдающему человѣчеству толкнули Вирхова на политическій путь. Вотъ, какъ онъ самъ высказывается объ этомъ въ предисловіи къ своему обширному сборнику статей изъ области общественной медицины ¹⁾: «Рядъ особенныхъ обстоятельствъ рано призвалъ меня къ участию въ разрѣшеніи великихъ и трудныхъ вопросовъ общественной медицины. То по officialному порученію, то вслѣдствіе случайнаго стеченія событій, то, наконецъ, добровольно, въ виду важности явленій, мнѣ часто приходилось въ жизни выбирать предметомъ своихъ изслѣдованій разныя запутанныя проблемы, которыя иной разъ находились лишь въ весьма отдаленной связи съ прочими моими работами. Цѣлый рядъ самыхъ тяжелыхъ эпидемій прошелъ передъ моими глазами. Страшныя бѣдствія, отъ которыхъ страдали цѣлыя населенія, приходилось мнѣ наблюдать, изучать и описывать въ качествѣ officialнаго докладчика. Война, голодъ и зараза служили предметами моихъ наблюденій и эти наблюденія имѣли рѣшающее вліяніе на положеніе, которое я занялъ въ жизни. Они прежде всего привели меня къ практической политикѣ; они обратили на меня вниманіе моихъ согражданъ въ то время, когда потребовалось осуществить нѣкоторыя изъ великихъ задачъ общинной дѣятельности; они же побудили меня принять officialное положеніе, вмѣстѣ съ которымъ я принялъ на себя обязанность оказывать вліяніе на многія дѣла управленія и законодательства... Несомнѣнный фактъ, что мои работы въ значительной степени, гораздо больше, чѣмъ я самъ рассчитывалъ, обратились къ общественной жизни, и это обстоятельство опредѣлило мѣсто, которое я занялъ въ свѣтѣ». Мысль, руководившая Вирховомъ въ теченіе всей его жизни и которую онъ высказывалъ постоянно, повторяя ее во многихъ своихъ сочиненіяхъ, между прочимъ въ первомъ же № ежедѣльнаго изданія, предпринятаго имъ въ іюлѣ 1848 г. подъ названіемъ «Медицинская реформа», — эта мысль заключалась въ томъ, что «врачи суть естественные адвокаты бѣдныхъ, и значительная часть соціального вопроса входитъ въ ихъ юрисдикцію». Въ другомъ мѣстѣ, въ одной изъ самыхъ блестящихъ статей своихъ: «о стремленіи къ единству въ научной медицинѣ»,

¹⁾ Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiete der öffentlichen Medicin und der Seuchenlehre, Berl. 1879.

онъ говорить: «Если медицина желаетъ дѣйствительно выполнить свои великія задачи, она должна непременно захватывать политическую и социальную жизнь. Она должна указывать обществу и содѣйствовать устраненію препятствій, мѣшающихъ нормальному осуществленію жизненныхъ потребностей людей. Только, когда она дойдетъ до этого, станетъ медицина тѣмъ, чѣмъ она должна быть, т.-е. общимъ благомъ всѣхъ».

Какъ могли такія мысли зародиться и укрѣпиться въ умѣ человѣка, всецѣло преданнаго кропотливымъ работамъ въ тихомъ уединеніи анатомическаго кабинета, далеко отъ всѣхъ тревоженій обшденной жизни? Потому что въ началѣ своей ученой карьеры Вирховъ посвятилъ-было себя исключительно теоретическимъ занятіямъ, не думая вовсе ни о практической, ни тѣмъ менѣе объ общественной медицинѣ, которая въ то время еще и не существовала. Какъ могло случиться, что эта послѣдняя заняла впослѣдствіи первенствующее мѣсто въ его жизни и настолько овладѣла всѣми его помыслами, что заставила его, ненавидѣвшаго волненія и шумъ, ученаго, броситься въ омутъ политической жизни съ тѣмъ, чтобы ужъ никогда не покидать его болѣе? Это обусловилось частью событіями его дѣтской жизни въ школѣ, сдѣлавшими его особенно воспріимчивымъ къ незаслуженному страданію и къ несправедливости, каковаго бы рода она ни была, частію случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, какъ самъ онъ говоритъ въ только-что приведенной цитатѣ.

Вирховъ родился 13 октября 1821 г., въ маленькомъ померанскомъ городкѣ Швевельбейнѣ. Отецъ его, довольно состоятельный и пользовавшійся общимъ уваженіемъ купецъ, ни за что не хотѣлъ рано посылать любимаго сына въ школу, гдѣ, по его мнѣнію, ребенка непременно замучать, насильно принуждая его къ превосходящему его силы ученію. Поэтому маленький Рудольфъ до 13 лѣтъ оставался дома, что впрочемъ, отнюдь не мѣшало ему учиться, такъ какъ отецъ ничего не жалѣлъ для образованія сына и старался всегда окружать его лучшими учителями, какихъ только можно было найти въ маленькомъ городкѣ. Послѣднимъ учителемъ, преподававшимъ мальчику древніе языки, былъ священникъ, второй проповѣдникъ швевельбейнскаго собора. Метода этого почтеннаго педагога, который пришелся особенно по душѣ старику Вирхову, состояла въ томъ, чтобы, не принуждая дѣтей къ трудному и всегда нестерпимо скучному для нихъ заучиванію грамматическихъ правилъ, заставлять ихъ прямо писать и переводить тотчасъ же послѣ того, какъ они выучатся читать и переводить. При этомъ

онъ, конечно, объяснялъ имъ и правила, но наизусть зубрить не давалъ ничего. Этотъ способъ преподаванія такъ понравился маленькому Рудольфу, что онъ полюбилъ древнѣе языки, и онъ такъ охотно занимался ими, что часто для собственнаго удовольствія дѣлалъ переводы, которые не были заданы ему учителемъ. Держать мальчика дома долѣе 13-лѣтняго возраста не призналъ удобнымъ даже его бабовень-отецъ, и на 14 году онъ былъ помѣщенъ въ гимназію въ Кёслингъ. Тамъ директоръ пришелъ въ такой восторгъ отъ его знанія латинскаго языка, что мальчикъ потомъ до самаго выхода изъ гимназіи оставался его любимцемъ. За то учитель греческаго языка, теологъ Гривенъ, сухой рутинеръ и педантъ, никакъ не могъ переварить мысли, чтобы кто-либо на свѣтѣ могъ хорошо дѣлать греческіе переводы, не вызубривъ наизусть Бутманову грамматику. Онъ возненавидѣлъ маленькаго Вирхова съ самаго перваго момента и потомъ не переставалъ преслѣдовать въ теченіе всего курса. Упорно стоя на своемъ, что безъ грамматики нельзя знать языка, онъ постоянно обвинялъ Вирхова въ обманѣ, утверждалъ при всемъ классѣ, что онъ навѣрное какъ-нибудь хитрымъ манеромъ приносить съ собой заранѣе сдѣланный кѣмъ-нибудь переводъ, и обѣщалъ изловить его. Напрасно несчастный ребенокъ упрашивалъ дать ему перевести что угодно тутъ же у стола учителя, и дѣйствительно не разъ исполнялъ это, не прибѣгая даже къ помощи словаря. Ничто не могло убѣдить тупоумнаго учителя и избавить мальчика отъ незаслуженныхъ подозрѣній, которые часто принимали крайне оскорбительныя формы. Гривенъ позволялъ себѣ обыскивать Вирхова, поручалъ другимъ ученикамъ подсматривать за нимъ и т. п., словомъ, на каждомъ шагѣ оскорблялъ его самолюбіе и отравлялъ ему школьную жизнь. Легко представить себѣ, какъ все это должно было дѣйствовать на мальчика, отъ природы правдиваго и честнаго, но самолюбиваго и къ тому же не привыкшаго ни къ чему подобному дома, гдѣ отецъ и мать обожали своихъ дѣтей. Болѣе слабая, менѣе богато одаренная натура непременно ожесточилась бы, и ребенокъ, если и не сдѣлался бы въ самомъ дѣлѣ лживымъ и злобнымъ, то навѣрное потерялъ бы всякую охоту къ труду. Къ счастью Германіи, Вирховъ былъ не таковъ. Несправедливыя преслѣдованія и униженія, которымъ онъ подвергался, повлияли на него только въ двухъ отношеніяхъ: они запечатлѣли въ немъ на вѣкъ во-первыхъ страстную, до фанатизма доходящую любовь къ истинѣ, къ правдивости, и не менѣе страстную ненависть къ несправедливости и къ апріорнымъ теоріямъ. Всю

свою жизнь потомъ не могъ онъ выносить предвзятыхъ мнѣній, которыя люди обращаютъ чуть не въ догматы религіи единственно потому, что они освящены вѣками. Охоты въ труду онъ не потерялъ. Напротивъ, преслѣдованія рутинера-учителя только болѣе подстрекали его трудиться еще усилѣннѣе, чтобы доказать несправедливость какъ наносимыхъ ему обидъ, такъ и рутинной теоріи, во имя которой все это дѣлалось. При выпускѣ, его ожидало новое испытаніе, которое окончательно утвердило все будущее направленіе его ума. Экзамены онъ сдалъ блистательно и вся коллегія профессоровъ единогласно признала его достойнымъ степени абитуриента, одинъ Гривенъ остался вѣренъ себѣ. Отрицать, противъ всякой очевидности, знанія Вирхова онъ не могъ, но объявилъ торжественный протестъ противъ того, чтобы признавать его абитуриентомъ, потому что «молодой человѣкъ не имѣетъ моральной зрѣлости для поступленія въ университетъ». На этотъ нелѣпый протестъ не обратили вниманія, и юный абитуриентъ, будущая слава Германіи, могъ снова поступить въ берлинскій университетъ; но нравственное вліяніе на него этой послѣдней выходки злобнаго рутинера было громадно. Товарищъ и пріятель Вирхова, извѣстный археологъ Шлиманъ, рассказывая этотъ эпизодъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи «Иліусъ», говоритъ, что онъ наложилъ послѣднюю печать на энергическій характеръ Вирхова, окончательно и навсегда убивъ въ немъ вѣру въ авторитетъ. Юноша тогда же поклялся никогда не принимать на вѣру никакихъ общепринятыхъ теорій и считать за истину только то, что provato точнымъ опытомъ и доказано математически. Этой клятвѣ онъ остался вѣренъ всю свою жизнь. Довѣрчивый почти до легковѣрія въ частныхъ отношеніяхъ съ людьми, которыхъ онъ по честности своей натуры никогда не подозрѣваетъ ни въ чемъ дурномъ, покуда бьющіе въ глаза факты не заставляютъ его, наконецъ, убѣдиться въ злѣ, онъ въ наукѣ не допускалъ ни малѣйшаго эмпиризма. Точный опытъ, тщательное изслѣдованіе каждаго явленія, провѣрка всякаго мнѣнія, всякой догадки, какъ бы ни казались они основательны, вотъ путь, которымъ онъ шелъ и который помогъ ему вывести медицину на твердую почву съ того моря гипотезъ, по которому она носилась до него, какъ корабль безъ кормила и вѣтриль. Всѣ его произведенія носятъ на себѣ этотъ характеръ строгаго опыта. Что Вирховъ одаренъ блестящимъ гениемъ и той острой умственной зрѣнію, которая почти равняется провидѣнію, въ этомъ нельзя сомнѣваться въ виду великихъ и разнообразныхъ заслугъ его почти во всѣхъ областяхъ естество-

знанія. Не могъ бы одинъ человѣкъ и притомъ въ относительно короткій промежутокъ времени—Вирхову недавно только минуло 60 лѣтъ — совершить такую поражающую массу открытій, создать цѣлыя отрасли новыхъ наукъ, какъ сдѣлалъ это Вирховъ, если бы онъ не обладалъ таюю могучею силою познания, для которой достаточно одного намека, чтобы такъ-сказать схватить весь предметъ и сразу осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Несомнѣнно, и внезапное вдохновеніе не разъ посѣщало Вирхова во время его работъ, но даже слѣда этого нельзя подмѣтить въ его произведеніяхъ. Читая ихъ, можно думать, что тутъ все добыто исключительно жегъзненнымъ трудомъ, шагъ за шагомъ, медленно и съ усиленіемъ. Нигдѣ нѣтъ гипотезы, предположенія, ничего случайнаго, вездѣ логически развивающаяся цѣпь самыхъ точныхъ доказательствъ. Камень за камнемъ разобралъ онъ ветхое зданіе старой эмпирической медицины и построилъ новое, спаявъ всѣ эти камни неразрушимымъ цементомъ строго-научнаго опыта. Въ этомъ отношеніи тупоуміе Гriebена оказало, можетъ быть, Вирхову, а черезъ него и всемірной наукѣ, большую услугу, чѣмъ могъ бы сдѣлать самый лучший и добрейшій профессоръ. При всей геніальности Вирхова, кто знаетъ, явился ли бы онъ такимъ энергическимъ реформаторомъ въ медицинѣ, еслибъ вынесенныя въ дѣтствѣ незаслуженныя униженія не внушили ему такого глубокаго отвращенія къ бездоказательнымъ увѣреніямъ.

По окончаніи гимназическаго курса Вирховъ переселился въ Берлинъ. Но прежде, чѣмъ навсегда покинуть Кёслингъ, онъ доставилъ себѣ удовольствіе отомстить своему врагу Гriebену, фактически доказавъ всѣмъ его товарищамъ полную несостоятельность его мнѣнія о непремѣнной необходимости знанія грамматики для изученія какаго-либо языка. Безполезно упоминать, что эта месть, и по замыслу, и по исполненію, была достойна такого благороднаго характера, какъ Вирховъ. Именно, пользуясь вакантнымъ временемъ, юноша въ Кёслингѣ еще за сѣлъ за изученіе итальянскаго языка и до отъѣзда въ Берлинъ, т.-е. въ нѣсколько недѣль, изучилъ его настолько, что могъ свободно читать, писать и переводить безъ помощи словаря.

Перебравшись въ Берлинъ, Вирховъ поступилъ въ институтъ Фридриха-Вильгельма (медицинскій институтъ при университетѣ), гдѣ и преданъ съ жаромъ изученію медицины. Судьба особенно благопріятствовала ему. Самъ рѣшившій въ душѣ изслѣдовать каждое явленіе прежде, чѣмъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе о немъ, онъ имѣлъ счастье напасть на профессора, который именно началъ примѣнять экспериментальный методъ, при по-

мощи микроскопа и химическаго анализа. Это былъ гениальнѣйшій и счастливѣйшій естествоиспытатель того времени, знаменитый Іоганнъ Мюллеръ. Подъ его руководствомъ дѣлалъ Вирховъ первые шаги на поприщѣ незнакомой ему науки и подъ его наблюденіемъ началъ самостоятельные труды свои. Онъ и до сихъ поръ съ благоговѣйнымъ умиленіемъ вспоминаетъ этого перваго профессора своего и скромно говоритъ, что если самъ успѣлъ «принести нѣкоторую пользу» наукѣ, то этимъ онъ прежде всего обязанъ Іоганну Мюллеру. Мюллеръ скоро отличилъ Вирхова въ числѣ другихъ студентовъ и сблизился съ молодымъ человѣкомъ, сдѣлавъ его участникомъ своихъ творческихъ работъ. Неповѣдимая тайна зарожденія въ животномъ организмѣ, эта великая загадка жизненной дѣятельности, надъ разрѣшеніемъ которой трудились естествоиспытатели и мыслители всѣхъ временъ, составляла главный предметъ занятій и Мюллера, и къ этимъ-то изысканіямъ, которыя онъ велъ экспериментальнымъ путемъ, онъ приобщилъ Вирхова. Понятно, какъ сильно способствовало это развитію Вирхова, какой широкій міръ новыхъ идей открыло его пылливому уму и какъ поощрало его къ труду.

Весною 1843 г. Вирховъ, не достигшій еще и 22 лѣтъ, окончилъ курсъ въ институтѣ и поступилъ сверхштатнымъ врачомъ въ вѣдѣстную больницу Шаритѣ въ Берлинѣ. Тутъ онъ пробылъ полтора года, дѣятельно работая въ различныхъ отдѣленіяхъ этого громаднаго заведенія. Работы его обратили на себя вниманіе профессора Роберта Фрорица, бывшаго въ то время провекторомъ анатомическаго театра при Шаритѣ. Осенью 1844 г. къ немалому негодованію другихъ, старшихъ его по годамъ и по службѣ, врачей, новичекъ Вирховъ, по спеціальній просьбѣ Фрорица, назначенъ былъ въ ассистенты къ нему. Для молодого ученаго это было самое желательное изъ всѣхъ мѣстъ, и радость его и благодарность за неожиданную протекцію не знали границъ. Рассказывая друзьямъ о своей молодости, Вирховъ не разъ говорилъ, что безъ этого назначенія, которое упало къ нему, какъ съ неба, потому что онъ въ то время мало и зналъ Фрорица, ему потребовалось бы 10—15 лѣтъ, чтобы выполнить то, что онъ, въ качествѣ ассистента провектора, могъ сдѣлать въ 3—4 года. Тутъ началъ онъ свои первые самостоятельныя изслѣдованія въ той области науки, которая составляетъ такъ-сказать средоточіе всей медицины, именно въ *патологической анатоміи*, въ ученіи о болѣзненныхъ измѣненіяхъ въ органахъ.

Привлекши къ себѣ Вирхова, Фрорицъ задалъ ему для пер-

ваго, исполнѣ самостоятельнаго труда тому, надѣ разработкой которой давно уже трудились самъ онъ и, подѣ его руководствомъ, нѣкоторые другіе ученые, разсматривая ее каждый съ различной точки зрѣнія и различнымъ путемъ. Тема эта была *воспаленіе венъ*, или *флебитисъ*. Какую первостепенную важность имѣлъ тогда этотъ вопросъ въ медицинѣ, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ главныхъ тогдашнихъ представителей патологической анатоміи, парижскій профессоръ Жанъ Кривилье выставилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, какъ непреложный тезисъ, что «воспаленіе венъ господствуетъ надѣ всей патологіей». Этотъ тезисъ являлся, очевидно, послѣднимъ отголоскомъ того древняго, какъ міръ, воззрѣнія въ медицинѣ, по которому причина всѣхъ болѣзней заключается въ дурныхъ «сокахъ» и что исцѣлить ихъ надо не въ какомъ нѣмъ мѣстѣ, какъ въ крови, которая есть источникъ и вмѣстилище жизни. Тотъ, кто пожелалъ бы добраться до первоначальнаго корня этой теоріи, долженъ былъ бы углубиться далеко во мракъ доисторическихъ вѣковъ. Собственно, гипотеза о «сокахъ» принадлежитъ Гиппократу, который изложилъ ее въ формѣ цѣлаго ученія, получившаго названіе «гуморальной патологіи», но и Гиппократъ, надо полагать, не самъ изобрѣлъ это ученіе, а только оформилъ тѣ свѣдѣнія о врачебномъ искусствѣ, которыя онъ, какъ и вообще греки, заимствовалъ съ востока, по всѣмъ вѣроятіямъ изъ странъ евфратскихъ. Что касается до воззрѣнія на кровь, какъ на исключительное вмѣстилище жизни, то оно видимо было однимъ изъ первѣйшихъ понятій человѣчества, какія изъ вѣка въ вѣкъ передавались отъ одного народа къ другому. Достаточно указать, что понятіе это легло въ основу всѣхъ древнѣйшихъ извѣстныхъ законодательствъ, какъ религіозныхъ, такъ и гражданскихъ, по которымъ пролитіе крови—не просто убійство, а именно «пролитіе крови»—считается величайшимъ грѣхомъ и тяжчайшимъ изъ преступленій. Оно встрѣчается даже въ устномъ законодательствѣ Ноя, предписанія котораго, по библейскому преданію, этотъ второй прародитель человѣчества получилъ непосредственно отъ самого Бога. Существеннѣйшую часть этихъ несложныхъ предписаній составляетъ строжайшее воспрещеніе проливать человѣческую кровь и ѣсть мясо животныхъ съ кровію. Въ самой библіи находится выраженіе, что «кровь того, кто прольетъ человѣческую кровь, должна быть пролита человѣческою же рукою». Кроме того, у Моисея встрѣчается ясное указаніе и на медицинское воззрѣніе на кровь, какъ на источникъ жизни. Въ книгѣ 3, въ главѣ 17 три раза съ особеннымъ удареніемъ повторено: «жизнь тѣла—въ его крови». Питомецъ и ученикъ

египетскихъ жрецовъ, Моисей отъ нихъ получилъ свои знанія. Слѣдовательно, у египтянъ надо уже предположить это понятіе о крови, которое у Гиппократѣ переродилось въ ученіе о вредныхъ сокахъ, сохранившееся и понинѣ, хотя уже не въ медицинѣ, благодаря Вирхову, а только въ просторѣчій. Кому не случалось безчисленное множество разъ слышать, что разные виды варивовъ, сыпь, волотуха и т. п. происходятъ отъ того, что «дурные соки выходятъ наружу», а нѣкоторые воспаленія — отъ «прилива» вредныхъ соковъ къ пораженному мѣсту. Ясно, что древняя идея, хотя и отвергнутая наукой, живетъ еще въ понятіяхъ людей, точно такъ же, какъ и въ ихъ языкѣ. Однако, какъ ни неизбежна казалась гипотеза о дурныхъ сокахъ, какъ о причинѣ всѣхъ болѣзней, но и она съ теченіемъ времени и съ постепеннымъ развитіемъ знаній нашла себѣ опаснаго конкурента. Именно, еще во времена Цицерона проживавшій въ Римѣ врачъ, грекъ Асклепиадъ, объявилъ ученіе Гиппократѣ о сокахъ совершенно ошибочнымъ и противопоставилъ ему свою собственную теорію, по которой источникъ жизни находится, напротивъ, въ твердыхъ частяхъ тѣла, причемъ и причина болѣзней отыскивалась въ измѣненіи состоянія этихъ же частей. Эта новая гипотеза, которую, въ отличіе отъ гиппократовой «гуморальной патологии», стали впоследствии называть «патологіей твердыхъ частей» вызвала противъ себя ожесточенные нападки послѣдователей Гиппократѣ; итакъ, эти двѣ теоріи почти двѣ тысячи лѣтъ жили въ постоянной и непримиримой враждѣ между собою, раздѣляя медицинскій міръ всѣхъ образованныхъ странъ на два почти равные, по количеству сторонниковъ ихъ, враждебные лагерь. Кромѣ этихъ двухъ, было еще множество другихъ менѣе распространенныхъ теорій, изъ которыхъ каждая выбирала какую-нибудь особенную часть организма, въ которой, по ея увѣренію, находился главный очагъ жизненныхъ силъ и измѣненіе или перерожденіе именно этой части считала источникомъ всѣхъ болѣзней. Иллины прибавляли, что всѣ эти теоріи и гипотезы были чисто эмпирическими, не представлявшими ни малѣйшей тѣни точнаго доказательства въ подтвержденіе своихъ положеній.

Вотъ на какой зыбучей почвѣ покоилась медицина, когда Вирховъ приступилъ къ порученному ему Фрорипомъ изслѣдованію о воспаленіи венъ. Для ориентированія по ней, у него была только одна путеводная звѣзда, — высказанное еще въ половинѣ 30-хъ годовъ мнѣніе Фрорипа, что задача патологической анатоміи должна состоять въ томъ, чтобы при посредствѣ микроскопа и химическаго анализа изслѣдовать внутреннее строеніе и со-

ставъ пораженныхъ органовъ, а также и возникновеніе болѣзненныхъ продуктовъ. Владѣть микроскопомъ и дѣлать химическіе анализы Вирховъ научился въ совершенствѣ еще подъ руководствомъ Іоганна Мюллера и въ этомъ направленіи приступилъ къ дѣлу.

Секціи, которыя онъ дѣлалъ, не дали ему рѣшительно ни одного доказательства въ пользу которой-либо изъ господствующихъ системъ, но за то привели къ открытію, по существу весьма простому, но которое, однако же, ускользало до тѣхъ поръ отъ вниманія другихъ изслѣдователей,—именно, что воспаленіе венъ находится въ прямой зависимости отъ сгущенія крови въ трубочкахъ этихъ сосудовъ. Проверивъ его новыми опытами, Вирховъ блистательно доказалъ свое открытіе рядомъ вивисекціонныхъ экспериментовъ на собакахъ и такимъ образомъ заложилъ новый фундаментъ одной изъ важнѣйшихъ частей медицины. Но эта работа, сразу обратившая на Вирхова вниманіе ученаго міра, наглядно показала ему самому крайнюю недостаточность и шаткость существующихъ свѣдѣній о крови, о волокнистомъ веществѣ и пр. Это заставило его предпринять цѣлый рядъ побочныхъ работъ, которыя первоначально должны были служить вспомогательными средствами для главной цѣли, а между тѣмъ превратились каждая во столько же блестящихъ, самостоятельныхъ трудовъ по разнымъ вопросамъ. Такъ возникли его изслѣдованія о закупориваніи кровеносныхъ сосудовъ сгустками крови, о прохожденіи черезъ трубочки сосудовъ твердыхъ частицъ, увлекаемыхъ силою кровообращенія, о волокнистыхъ веществахъ, объ образованіи пигментовъ, о значеніи бѣлаго вещества въ крови и т. д. Всѣ эти изслѣдованія, подобно первому, не доставили ни малѣйшей опоры ни одной изъ старыхъ системъ, но за то дали много основаній противъ каждой изъ нихъ. Молодой ученый, поклявшійся не вѣрить бездоказательнымъ теоріямъ и не признавать рутинны, могъ считать себя вполне удовлетвореннымъ: каждый шагъ его на избранномъ поприщѣ былъ смертельнымъ ударомъ какому-нибудь вѣковому заблужденію, которое невѣжество людское признавало за истину, каждый взмахъ его скальпеля и пера уничтожалъ рутину. Онъ являлся нововводителемъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Осенью 1846 г. Фроринъ вышелъ въ отставку и Вирховъ, едва 25 лѣтъ отъ роду, временно занялъ его мѣсто, фактъ непримѣрный въ лѣтописяхъ Шарпѣ. Въ слѣдующемъ 1847 г. онъ сдѣланъ былъ приватъ-доцентомъ при берлинскомъ университетѣ и тогда же окончательно утвержденъ былъ въ должности

прозектора. Еще раньше того онъ уже настолько убѣдился въ полнѣйшей несостоятельности старой традиціонной патологіи, что рѣшился открыто атаковать ее, что и исполнилъ въ обширномъ критическомъ разборѣ вышедшаго незадолго передъ тѣмъ сочиненія знаменитаго вѣнскаго профессора Рокитанскаго. Этотъ трудъ, окончательно упрочившій славу Вирхова, какъ нововводителя, появился зимою 1846 г. въ «*Medicinische Zeitschrift des Vereins für Heilkunde*». Со вступленіемъ въ должность прозектора, Вирховъ началъ длинный рядъ разнообразныхъ научныхъ изданій, которыя продолжаются и до сего дня и въ общемъ объемѣ превосходятъ все, что когда-либо было напечатано какими бы то ни было другимъ ученымъ, а по содержанію своему, по богатству новыхъ идей и замѣчательныхъ открытій не имѣютъ ничего подобнаго себѣ.

Именно тогда онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Рейнгардтомъ, основалъ выходящій два раза въ годъ журналъ «*Архивъ для патологической анатоміи и фізіологіи и для клинической медицины*». Это изданіе, давно уже сдѣлавшееся настольной книгой всякаго врача въ Германіи, Вирховъ ведетъ одинъ съ 1852 г. послѣ смерти Рейнгардта. Въ январѣ нынѣшняго года онъ выпустилъ 78-й томъ. Ученые труды, изданія, участіе въ медицинскомъ обществѣ поглощали все время Вирхова. Онъ занимался всѣмъ этимъ со всею страстью ученаго и со всѣмъ пыломъ молодости, и самая мысль о какой-либо иной, и особенно политической, дѣятельности не приходила ему въ голову. А между тѣмъ судьба уже готовила ее... Въ началѣ 1848 г. въ верхней Силезіи разразилась тифозная эпидемія, о которой газеты того времени рассказываютъ ужасающія вещи. Вирховъ получилъ отъ министерства просвѣщенія порученіе отправиться туда, «чтобы, какъ сказано было въ инструкціи, сколько можно основательнѣе изслѣдовать сущность эпидеміи въ научномъ отношеніи». Вирховъ изслѣдовалъ сущность эпидеміи, но это изслѣдованіе заставило его изучить и нѣчто другое, чего ни самъ онъ, ни пославшіе его не имѣли въ виду. Верхняя Силезія — самая бѣдная страна во всей Пруссіи. Мелкихъ собственниковъ тамъ почти совсѣмъ нѣтъ. Вся провинція раздѣлена между нѣсколькими колоссально богатыми помѣщиками-юнкерами. Масса народонаселенія — не нѣмецкая, а славянская — и до сихъ поръ находится въ самомъ безпощадномъ угнетеніи у помѣщиковъ-нѣмцевъ; можно представить себѣ, что это было до революціи 1848 г. Передъ Вирховомъ раскрылись такія страшныя картины нищеты, страданія, невѣжества, гнета и всякаго рода социальныхъ неспра-

ведливостей, самой возможности которыхъ онъ и не подозрѣвалъ, живя въ мирной тишинѣ своихъ лабораторій и кабинета. Возмущенный видѣннымъ, онъ вернулся изъ Силезіи въ состояніи близкомъ къ иступленію и немедленно же, не задумываясь ни минуты, бросился въ водоворотъ политической жизни. Онъ рассказываетъ самъ, что ему казалось невозможнымъ, немислимымъ, даже преступнымъ спокойно сидѣть и заниматься хотя бы и научными проблемами, имѣющими лишь въ отдаленномъ будущемъ принести пользу человечеству, когда тутъ же рядомъ и въ настоящую минуту живетъ столько зла и столько невыразимыхъ страданій. Каково было его состояніе въ то время, какія мысли кипѣли въ его пылкой головѣ, лучше всего видно изъ слѣдующихъ характеристическихъ словъ, находящихся въ его статьѣ, помѣщенной во второмъ выпускѣ «Архива», въ дополненіе къ его отчету о силезской эпидеміи, который онъ раньше читалъ въ «Обществѣ научной медицины». «Я уже окончилъ свои изслѣдованія и выводы мои были готовы, когда событія заставили меня поспѣшить домой, чтобы, въ виду новой французской республики, принять и съ своей стороны участіе въ разрушеніи нашего векаго государственнаго зданія. И позже я не поколебался прочесть помянутые выводы въ собраніи избирателей 6-го берлинскаго округа, готовившихся избрать представителей въ нѣмецкое національное собраніе. Эти выводы могутъ быть выражены въ трехъ словахъ: полная и неограниченная демократія». Тогда же, т.е. въ 1848 г., онъ, вмѣстѣ съ другимъ своимъ товарищемъ, Лейбушеромъ, основалъ новое еженедѣльное изданіе: «Медицинская реформа». Это было уже изданіе болѣе публицистическаго, чѣмъ научнаго характера, и въ немъ, по общему признанію и по мнѣнію самого Вирхова, помѣщены лучшія изъ когда-либо писанныхъ имъ статей. Къ сожалѣнію, это изданіе продержалось не болѣе полутора года. Со введеніемъ осаднаго положенія при наступившей реакціи оно должно было прекратиться.

Съ момента возвращенія Вирхова изъ Силезіи жизнь его раздвояется. Въ немъ какъ бы появляются два разные человека: мирный, не заботящійся ни о чемъ, кромѣ своей науки, кабинетный ученый и энергическій политическій дѣятель, весь отдающійся политическимъ интересамъ дня. Благодаря его изумительной, почти сверхъ-естественной рабочей силѣ, способности работать 24 часа въ сутки, не утомляясь, и безъ труда переходить отъ одного занятія, отъ одного порядка идей къ другому, совсѣмъ иного рода, научные труды Вирхова нисколько не страдали отъ такой двойственной жизни. Наука и политика шли у него парал-

тельно, не мѣшая одна другой. Напротивъ, его гений какъ бы еще болѣе закалялся и окрылялся отъ этого. Возвращаясь къ наукѣ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ кичушей политической дѣятельности, бурныхъ преній въ сеймѣ и т. п., его пылливый умъ какъ будто приобреталъ еще болѣе гибкости и силы, взглядъ — еще болѣе вѣрности и прозорливости, мысль — болѣе широты и полета. И обратно, послѣ усиленныхъ научныхъ трудовъ онъ являлся болѣе нежели когда-нибудь могучимъ борцомъ, увлекательнымъ ораторомъ и блестящимъ публицистомъ. Такимъ образомъ у Вирхова наука и политика не только не вредили, но даже приносили пользу другъ другу, служа ему одна отдохновеніемъ отъ другой. Была, однакоже, одна сфера занятій, въ которой онъ сдѣлывался и не шелъ уже параллельно, а составляли одно цѣлое. Эта область была — общественная медицина, т.-е. санитарная часть, надъ которой Вирховъ работалъ съ особеннымъ рвеніемъ и настойчивостію, покуда не добился того, что ее поставили на должную почву. Уже въ 1848 г., тотчасъ по возвращеніи изъ Силезіи, онъ выступилъ съ требованіемъ, чтобы было учреждено обще-германское медицинское министерство, на обязанности котораго лежали бы какъ заботы объ образованіи медиковъ, такъ и наблюденіе за санитарными условіями страны. Санитарныя условія не составляютъ дѣла однихъ частныхъ лицъ, писалъ онъ тогда. Это — дѣло общественное и государственное. Государство обязано заботиться о здоровьѣ своего населенія, и народъ имѣетъ право требовать отъ правительства, чтобы оно обставило его существованіе такими общественными условіями, при которыхъ масса населенія каждой данной мѣстности и каждая отдѣльная личность въ ней могли бы жить, сообразно съ потребностями здоровья и съ требованіями рациональной гигиены. Къ чему служить «ислѣдованіе эпидемій въ научномъ отношеніи,» когда условія жизни народа таковы, что они служатъ лучшей почвой не только для развитія заразы, но и для самостоятельнаго зарожденія эпидемій. Нужно, конечно, оказывать всевозможную помощь въ бѣдствіи, но еще нужнѣе постараться сдѣлать невозможнымъ самое появленіе подобныхъ бѣдствій, а для этого только одно средство — общественная медицина, подлежащая вѣдѣнію общинъ и государства. «Медицинское дѣло, — утверждалъ Вирховъ, — должно быть подвергнуто радикальной реформѣ (отсюда и названіе его журнала — «Медицинская реформа»). Одновременно съ общимъ министерствомъ должны быть учреждены медицинская академія, какъ высшая научная инстанція, и санитарный совѣтъ, при которомъ находился бы техниче-

скій совѣщательный комитетъ изъ ученыхъ экспертовъ и который пользовался бы властью исполнительной во всемъ, что касается общественныхъ санитарныхъ условій». Задачи общественной медицины Вирховъ тогда же изложилъ подробно въ цѣломъ рядѣ блестящихъ статей и съ тѣхъ поръ не переставалъ дѣлать все, что только было въ его силахъ, чтобы осуществить на дѣлѣ свои идеи. Не довольствуясь публицистическою пропагандой и дѣятельностью въ этомъ направленіи въ парламентѣ, гдѣ санитарные вопросы составляли такъ-сказать его личную спеціальность, помимо общихъ политическихъ вопросовъ, и гдѣ онъ постоянно требовалъ и почти всегда добивался принятія разныхъ необходимыхъ законовъ по этой части, онъ, для пріобрѣтенія большаго вліянія на дѣла, пошелъ служить по выборамъ въ коммунальныхъ учрежденіяхъ. Наконецъ, онъ старался возбудить всѣми силами дѣятельность врачей въ этомъ направленіи, образовывалъ разнообразныя медицинскія общества, добивался для нихъ болѣе широкихъ правъ, неустанно проповѣдывалъ въ частныхъ собраніяхъ, въ публичныхъ лекціяхъ, въ печати, что врачи не должны представлять какіе-то замкнутые въ тѣсныхъ рамкахъ своего города кружки, на подобіе ремесленныхъ цеховъ, а должны образовать отдѣльное, самостоятельное сословіе, и имъ, а не невѣжественнымъ въ дѣлѣ медицины чиновникамъ, должны быть поручены наблюденія и заботы о народномъ здоровьѣ. Усилія Вирхова въ этомъ отношеніи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Благодаря его неутомимой дѣятельности, Германія и въ особенности города ея достигли мало-по-малу той высокой степени совершенства въ санитарномъ отношеніи, на которой они стоятъ теперь. Ученому политѣку удалось добиться болѣе части своихъ предположеній, хотя и не всѣхъ еще, и въ теченіе не менѣе какъ нѣсколькихъ десятилетій лѣтъ. Пруссійскій сеймъ никогда не отказывалъ въ деньгахъ, требовавшихся на устройство тѣхъ учреждений и исполненіе тѣхъ общественныхъ работъ съ санитарными цѣлями, за которыя ратовалъ Вирховъ, и къ чести германскихъ правительствъ надо замѣтить, что они съ своей стороны вняли краснорѣчивымъ увѣщаніямъ Вирхова и принимались постепенно осуществлять его планы еще во время реакціи, т.-е. тогда, когда на самого Вирхова вездѣ почти смотрѣли очень и очень косо, а въ Пруссіи и прямо преслѣдовали его.

Горячее участіе, которое онъ принималъ въ парламентскихъ выборахъ на Святой 1849 года, не прошло ему даромъ. Правительство тѣмъ менѣе склонно было оставить молодого ученаго безнаказаннымъ, что его докладъ о силезской эпидеміи произ-

шелъ страшное впечатлѣніе во всей Германіи, гдѣ онъ получилъ всеобщую и громкую извѣстность. Докладъ перепечатали во всѣхъ газетахъ, точно такъ же, какъ и рѣчь Верхова, сказанную по поводу его въ собраніи избирателей, и все это вмѣстѣ сильно способствовало крайнему возбужденію общественнаго мнѣнія. Немедленно же послѣ выборовъ Верховъ, безъ всякой причины и даже безъ предварительнаго предувѣдомленія, внезапно отставленъ былъ отъ своего прозекторскаго мѣста. Отставка эта продолжалась, правда, весьма недолго, всего нѣсколько недѣль. Общество было такъ возмущено этой несправедливостью, а въ ученомъ и въ особенности въ медицинскомъ мірѣ поднялась такая агитація въ пользу Верхова, что правительство предпочло лучше уступить, чѣмъ создавать новаго мученика, тѣмъ болѣе неудобнаго, что отдѣлаться отъ него. удаливъ его, напряміръ, въ изгнаніе, не было никакой возможности. Въ то время реакція только еще начиналась, осадное положеніе не было еще введено, и для того, чтобы подвергнуть кого-либо наказанію, надо было доказать его виновность передъ судомъ, а къ Верхову придраться было не за что: онъ не совершилъ ничего такого, что выходило бы изъ предѣловъ закона. Да, впрочемъ, и впослѣдствіи, въ эпоху самой тяжелой реакціи, произволъ въ Пруссіи никогда не переступалъ извѣстныхъ границъ. Всякое свободное движеніе подавлялось безпощадно, «вольный духъ» преслѣдовался неутомимо и неумолимо, но все это съ соблюденіемъ, по крайней мѣрѣ, внѣшняго вида законности. Во-первыхъ, Пруссія, изъ политическихъ видовъ, старалась казаться либеральнѣе, не знавшей никакого удержу въ дикой реакціи, соперницы своей Австріи, которую она такимъ образомъ нравственно вытѣсняла изъ Германіи, дѣлая ее ненавистной всему народу. Во-вторыхъ, и это имѣло не послѣднее значеніе, il y avait encore des juges à Berlin. Столица Фридриха Великаго слишкомъ живо еще помнила своего короля-философа, преклонявшаго свою державную волю передъ волей простого мельника, когда на сторонѣ этого мельника было право, и берлинскіе судьи не дошли еще до той угодливости, какую многіе изъ нихъ выказываютъ теперь. Законъ былъ еще дѣйствительно закономъ, а не игрушкой въ рукахъ сильныхъ міра сего, и какъ ни щедро разсыпались приговоры и наказанія, но все же требовалась хоть тѣнь вины со стороны обвиняемаго. Безъ этой тѣни никакая власть не могла бы заставить судъ произнести обвинительный приговоръ. Поэтому, министерство, уступая общественному мнѣнію, предложило Верхову снова занять свое прозекторское мѣсто,—хотя, дѣлая съ виду эту

уступку, оно постаралось удовлетворить и собственному злему чувству: у Вирхова отняли половину получаемого имъ прежде содержанія. Вирховъ былъ человѣкъ достаточный, матеріальная потеря не причинила бы ему особеннаго затрудненія; но такъ какъ служба при подобныхъ отношеніяхъ вообще не пріятна, а тутъ къ тому же было основаніе ожидать новыхъ придирокъ, то онъ предпочелъ самъ отказаться отъ министерскаго предложенія. Между тѣмъ коллегія профессоровъ медицинскаго факультета въ юрцбургскомъ университетѣ, ссылаясь на общепризнанную уже тогда знаменитость Вирхова и выставивъ на видъ, какъ выгодно было бы для университета имѣть такого ученаго въ своей средѣ, обратилась къ своему (баварскому) правительству съ просьбой предложить каведру Вирхову. Правительство немедленно исполнило эту просьбу, Вирховъ принялъ предложеніе и осенью 1849 г., въ качествѣ ординарнаго профессора, переѣхалъ въ Юрцбургъ, гдѣ и пробылъ дѣльных семь лѣтъ.

Южная Германія приняла молодого ученаго съ распростертыми объятіями. Недавно на одномъ изъ безчисленныхъ обѣдовъ, дававшихся ему по случаю его юбилея, въ дружеской послѣобѣденной бесѣдѣ, Вирховъ, вспоминая событія своей жизни, признавался, что послѣ дѣтства въ родительскомъ домѣ это семилѣтнее пребываніе въ Юрцбургѣ составляетъ лучшую эпоху въ его жизни. Сначала ему было чрезвычайно тяжело разставаніе съ Берлиномъ, съ которымъ онъ успѣлъ сродниться, гдѣ у него завязались дружескія отношенія и прочія связи. Но потомъ радушіе и любовь южанъ такъ его привязали къ новому мѣсту жительства, точно оно было ему роднымъ. Эту сердечную симпатію къ южной Германіи Вирховъ сохранилъ и до нынѣ. Прусакъ родомъ, онъ конечно, любитъ Пруссію и желаетъ ей всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ и процвѣтанія, но въ немъ нѣтъ и слѣда той исключительности и властолюбія, которыя составляютъ отличительныя черты пруссаковъ. Нѣтъ и прусской военственности, страсти къ военному блеску, военнымъ почестямъ и славѣ. Въ этомъ отношеніи онъ—истинный южно-германецъ. Могущество государства нравится ему, но гражданская свобода для него дороже, и когда приходится выбирать между тѣмъ и другимъ, онъ не колеблется жертвовать первымъ, чтобы сохранить второе. Въ эпоху самаго сильнаго и всеобщаго увлеченія громомъ побѣдъ и славы, увлеченія, доходившаго до настоящаго умопомраченія въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Вирховъ былъ въ числѣ немногихъ исключительныхъ натуръ, не поддавшихся общему настроенію. Тогда это до нѣкоторой степени отдалило

отъ него многихъ изъ его самыхъ горячихъ поклонниковъ, и теперь еще борзописцы противной партіи часто ставятъ ему въ вину эту холодность въ величію родины. Но отрезвившаяся нынѣ масса общества и народа не только давно простила ему эту миную вину, но именно за нее такъ же высоко ставятъ Виrhoва-политика, какъ ставятъ Виrhoвъ-ученый. Едвали будетъ ошибкой предположить, что этой твердостью въ политическихъ убѣжденіяхъ онъ столько же, какъ и личному своему характеру, обязанъ влиянію той небольшой группы людей, которыхъ недавно еще полунасмѣшливо называли «послѣдними могиканами 1848 года» (теперь надъ ними никто уже не смѣется; напротивъ) и съ которыми Виrhoвъ познакомился и близко сошелся во время пребыванія своего въ Вюрцбургѣ.

Въ научной дѣятельности Виrhoва, это пребываніе было не менѣе счастливо для него. Здѣсь, въ Вюрцбургѣ, онъ сдѣлалъ величайшія свои открытія и написалъ самыя знаменитыя свои сочиненія.

Здѣсь онъ, можно сказать, создалъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей антропологіи — краниологію; такъ расширили и до того радикально измѣнили его изслѣдованія то небольшое, что существовало въ этой наукѣ до него. Тутъ начались его антропологическія изученія, которыя превратились съ теченіемъ времени въ рядъ громадныхъ трудовъ, проложившихъ новыя пути и въ этой наукѣ. Здѣсь, наконецъ, онъ положилъ послѣдній камень новаго фундамента современной медицины величайшимъ изъ своихъ открытій, доказавшимъ, что первичная форма жизни есть клѣточка, и что какъ жидкія, такъ и твердыя части животнаго организма состоятъ изъ комбинаціи различныхъ системъ клѣточекъ, въ ненормальномъ состояніи которыхъ надо искать и причинъ болѣзненныхъ явленій. Всѣ эти великія работы потребовали, разумѣется, много времени и еще больше усидчиваго, напряженного труда. Такому всеобъемлющему естествоиспытателю, какъ Виrhoвъ, не особенно трудно было дойти до открытія клѣточки. Разъ сознавъ несостоятельность старыхъ теорій и убѣдившись путемъ изученія мірозданія въ цѣломъ, а не въ одномъ только человѣкѣ, что въ животномъ царствѣ есть много живыхъ существъ, не имѣющихъ вовсе ни костей, ни крови, относительно легко было, спустясь по лѣстницѣ животнаго царства отъ высшихъ до низшихъ формъ животныхъ, добраться до тѣхъ, которыя состоятъ изъ одной клѣточки. Но между открытіемъ этой живой клѣточки и фактическимъ доказательствомъ, что высшіе организмы представляютъ то, что Виrhoвъ въ своей первой лекціи объ этомъ предметѣ

назвалъ «государствомъ кѣлочекъ» (Zellenstaat), что всѣ элементы тѣла: кости, хрящи, связки, волокна, слизи и пр. составляютъ отдѣльныя сложныя «территоріи кѣлочекъ» (также выраженіе Вирхова), и что, наконецъ, не только каждая такая территорія, но и каждая кѣлочка, независимо отъ общей жизни всего организма, живетъ еще и своей собственной самостоятельной жизнью, — между этими двумя вещами лежитъ еще неизмѣримое пространство, которое требовалось пройти путемъ долгихъ тщательныхъ изслѣдованій и пополнить несомнѣнными опытами безчисленные пробѣлы, на каждомъ шагѣ встрѣчавшіеся въ наукѣ. Вирховъ выполнилъ эту колоссальную задачу. Онъ не только въ подробности изслѣдовалъ внутреннее строеніе, химическій составъ и свойства каждаго элемента тѣла, но о каждомъ изъ нихъ написалъ отдѣльное сочиненіе и только тогда, вооруженный безспорными, точно доказанными фактами, выступилъ съ новой системой, которая сдѣлалась теперь основой и сосредоточіемъ всей медицины — съ *целлюлярной патологіей*. Лекціи объ этой послѣдней онъ началъ и большое сочиненіе свое о ней издалъ нѣсколько позже, но отдѣльные подготовительные труды появлялись въ свѣтъ, по мѣрѣ завершенія, еще въ Вюрцбургѣ. Каждое изъ нихъ составляло эпоху въ наукѣ и слава Вирхова разносилась далеко по образованному міру.

Эта слава, возростая съ каждымъ годомъ, разшевелила; наконецъ, зависть прусскаго правительства, которому стало очень досадно видѣть, что природный пруссакъ вмѣсто того, чтобы блескомъ своего имени увеличивать значеніе Пруссіи, не только украшаетъ собою довольно непріятную для этого государства Баварію, но еще служитъ, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, постояннымъ укоромъ прусскому правительству, которое изъ мелкой злобы выжило изъ Берлина такое свѣтило науки, какъ Вирховъ. Во всякой иной странѣ это немного значило бы; мало ли великихъ гениевъ подвергалось всюду несправедливымъ преслѣдованіямъ, и часто такъ и умирало вдали отъ родины, не возбудивъ этимъ нисколько негодованія общества; но въ Германіи иное дѣло. Въ ней, раздѣленной на массу маленькихъ и бѣдныхъ, но независимыхъ другъ отъ друга государствъ, не только міровой гений, какъ Вирховъ, но нѣсколько выдающихся ученыхъ, писателей, поэтъ, художникъ, артистъ служили предметомъ особаго вниманія сильныхъ міра сего и соперничества ихъ между собою. Не имѣя возможности щеголять другъ передъ другомъ неприступностію крѣпостей и превосходствомъ армій, которыхъ у нихъ не было, владѣтельные князья щеголяли количествомъ

и достоинствомъ шло въ своихъ маленькихъ государствахъ, превосходствомъ своихъ университетовъ и академій, роскошью своихъ музеевъ и картинныхъ галлерей, а болѣе всего — блескомъ ученыхъ, писателей и пр., проживавшихъ въ ихъ резиденціяхъ, подъ сѣнію ихъ дворовъ. Залучить къ себѣ какую-нибудь знаменитость и величаться ею передъ другими бывало предметомъ самолюбія для разныхъ владѣтельныхъ особъ; нѣ-за этого велись интриги, возникала вражда и т. д. Въ этомъ соперничествѣ на почвѣ культуры заключалось одно изъ великихъ благодѣяній имѣ столь осмѣиваемаго партикуляризма и обратившейся въ пословицу преданности нѣмцевъ монархическому принципу и личностямъ своихъ монарховъ. Образованное меньшинство сознавало, а масса народа чутьемъ понимала, что никогда нѣмецкая культура, наука, литература, искусства не развились бы такъ роскошно и разнообразно, если бы не существовало политической раздробленности, которая съ одной стороны обеспечивала широкій просторъ развитію индивидуальных особенностей каждой мѣстности, съ другой — именно этимъ соперничествомъ мелкихъ государей — могущественно способствовала усиленію умственной дѣятельности и охраняла свободу мысли и слова. Подчиненный и часто угнетаемый въ политическомъ отношеніи, въ умственной жизни нѣмцкій народъ всегда пользовался обширною свободой главнымъ образомъ потому, что его выдающимися умамъ и талантамъ, идущимъ впереди общества, не было надобности входить въ сдѣлку съ своими убѣжденіями, скрывать или подчинять ихъ требованіямъ данной минуты и данныхъ лицъ. Увѣренные, что всегда найдутъ себѣ и пріютъ и почетное положеніе не въ одномъ, такъ въ другомъ государствѣ, столь же близкомъ имъ по нравамъ, языку, обычаямъ и пр., они чувствовали себя нравственно и матеріально болѣе независимыми, чѣмъ ихъ иностранные собратья. Кромѣ того, этотъ порядокъ вещей представлялъ и еще одну выгоду: таланты въ Германіи не гибли безвременно, не пропадали, затертыя плохими обстоятельствами и средой, какъ это такъ часто случается въ другихъ странахъ. Отъ владѣтельныхъ князей культурное соперничество перешло постепенно къ обществу. Каждый городъ, чуть не каждое мѣстечко непремѣнно хотѣли имѣть свою знаменитость и это, разумѣется, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что сколько-нибудь замѣтный талантъ непремѣнно оцѣнивался и выдвигался впередъ. Кому не случалось слышать раздающіяся всюду жалобы на то, что молодымъ начинающимъ писателямъ чрезвычайно трудно, почти невозможно найти помѣщеніе для своихъ произведеній, потому что всѣ гг. издатели прежде всего

требуютъ отъ авторовъ «имени», т.-е. извѣстности. Въ Германіи подобныя жалобы почти немислимы. Тамъ каждое научное или литературное произведеніе, если только въ немъ есть хоть крупица дарованія, всегда найдетъ себѣ издателя и всегда же эта крупица будетъ отмѣчена мѣстной печатью. При такихъ условіяхъ пребываніе въ томъ или другомъ государствѣ такого свѣтила науки, каковымъ сдѣлался Вирховъ, представляло вовсе не мало-важное дѣло и, напротивъ, являлось серьезнымъ общественнымъ вопросомъ, глубоко волновавшимъ все общество. Общему политическому гнету общество можетъ подчиниться, можетъ даже примириться съ нимъ довольно легко, потому что отъ этого гнета у него всегда есть прибѣжище въ его богатой умственной жизни; но чтобы его родное свѣтило озаряло своимъ блескомъ не его, а сосѣдній городъ — нѣтъ, этого ни одинъ истинный добрый нѣмецъ не можетъ вынести равнодушно! Прусскому правительству тѣмъ менѣе можно было игнорировать это обстоятельство, что оно, преслѣдуя свои политическія цѣли, усиленно старалось привлечь къ себѣ симпатіи всей Германіи, а между тѣмъ такой, въ существѣ дѣла неважный вопросъ, какъ пребываніе Вирхова въ Юрцбургѣ вмѣсто Берлина, могъ существенно повредить его дѣлу. Поэтому правительство давно уже подумывало, какъ бы поправить сдѣланную семь лѣтъ тому назадъ ошибку, какъ берлинскій университетъ неожиданно помогъ ему, обратившись съ просьбой къ министру Раумеру пригласить Вирхова снова въ Берлинъ. Раумеръ не только съ радостью ухватился за эту просьбу, но даже создалъ нарочно для Вирхова не существовавшую дотолѣ особенную кафедру патологической анатоміи.

Вирховъ не отказался вернуться въ столицу Пруссіи, но поставилъ условіемъ, чтобы на мѣсто прежняго анатомическаго театра при Шаритѣ учрежденъ былъ при университетѣ особенный «патологическій институтъ», снабженный хорошей химической лабораторіей и всѣмъ вообще необходимымъ для науки, какъ-то: библіотекой, всевозможными коллекціями и т. п. На всѣ эти требованія Раумеръ согласился съ величайшей готовностью и въ нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе лѣта 1856 г., патологическій институтъ былъ устроенъ въ томъ самомъ видѣ, какъ этого желалъ Вирховъ, такъ что уже въ осени знаменитый ученый могъ перебраться на новое мѣстожительство, котораго съ тѣхъ поръ не покидалъ болѣе. Это было торжество, какое рѣдко кому выпадаетъ на долю и неудивительно, если Вирховъ всегда съ особеннымъ горделивымъ удовольствіемъ вспоминаетъ эту побѣду, одержанную имъ надъ правительствомъ. Въ самомъ дѣлѣ,

здѣсь не было никакой тѣни интриги политической или частной, никакой протекціи, никакого грубаго побужденія: это была честная побѣда умственного превосходства надъ матеріальной властью, и счастлива страна, гдѣ подобныя побѣды возможны, гдѣ власть признаетъ превосходство умственной силы и не считаетъ ниже своего достоинства преклониться передъ гениемъ.

Годъ спустя Вирхову выпало на долю другое торжество, хотя и менѣе важное въ нравственномъ отношеніи, за то болѣе блестящее по внѣшней обстановкѣ. Зимой 1857 — 58 гг. онъ открылъ рядъ публичныхъ лекцій съ опытами о цѣллюлярной патологіи. На эти лекціи толпами сбѣгался весь Берлинъ, а медики, отъ первокурсныхъ студентовъ до убѣжденных сѣдинами старцевъ, стекались отовсюду, со всѣхъ концовъ государства, чтобы послушать славнаго учителя и посмотрѣть собственными глазами, какъ онъ дѣлаетъ свои чудные опыты, разбирая передъ восхищенными зрителями сложный составъ «государства клѣточекъ» и воочию доказывая всѣмъ, что клѣточка есть дѣйствительно первичная форма всякаго элемента какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ тѣлѣ, и что изъ нея, изъ клѣточки, исходитъ вся жизненная дѣятельность организма и въ ней же гнѣздится зародышъ всѣхъ его болѣзней. Спокойные, хладнокровные нѣмцы приходили въ неистовый восторгъ, подобіе которому представляли только лекціи Александра Гумбольдта, читанныя тутъ же въ Берлинѣ ровно за 29 лѣтъ передъ тѣмъ и представлявшія для слушателей такое же чудесное откровеніе, какъ и чтенія Вирхова. Никому не приходило въ голову вступать съ нимъ въ полемику, оспаривать его воззрѣнія, подвергать сомнѣнію его выводы. Люди, выросшіе и состарѣвшіеся на старыхъ теоріяхъ, отказывались отъ вѣрованій всей своей жизни и съ энтузіазмомъ привѣтствовали геніальнаго нововводителя, котораго весь ученый міръ называлъ «отцомъ современной медицины».

Вирхова, однако, вся эта слава не отуманила. Напротивъ, казалось, что чѣмъ больше раскрывалась передъ нимъ книга природы, тѣмъ больше жаждалъ онъ читать ее все далѣе, съ наслажденіемъ упиваясь этимъ чтеніемъ. Неутомимость его въ трудахъ поражала всѣхъ знавшихъ его. Ночь и день, зиму и лѣто, онъ работалъ и работалъ. Каникулы, служащія для другихъ временемъ отдохновенія и забвенія всякаго труда, у него, наоборотъ, являлись временемъ особенно усиленныхъ занятій, такъ какъ онъ посвящалъ ихъ научнымъ путешествіямъ то по Германіи, то за границу, чтобы дѣлать наблюденія и собирать матеріалы для будущихъ работъ. Иногда эти путешествія соединены бывали

съ большими затрудненіями и непріятностями, главнымъ образомъ вслѣдствіе препятствій, которыя невѣжество людское воздвигаетъ на пути ученаго изслѣдователя. Разъ Вирховъ чуть не подвергся серьезной опасности, — до такой степени озлобилось противъ него населеніе тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ производилъ изслѣдованія надъ кретинизмомъ. И добро бы одинъ простой народъ возмущился наблюденіями ученаго, по невѣдству своему заподозривъ въ нихъ какія-нибудь дурныя цѣли, но и образованное общество возстало, такъ что Вирхову, для продолженія своихъ опытовъ, пришлось обратиться къ защитѣ властей. Случилось это, впрочемъ, еще раньше того, какъ вполне утвердился его слава, именно на второй годъ его пребыванія въ Вюрцбургѣ. Въ южной Германіи, какъ разъ невдалекѣ отъ этого города, находятся цѣлыя мѣстности, съ необыкновеннымъ множествомъ кретиновъ. Это явленіе не могло ускользнуть отъ вниманія Вирхова; онъ заинтересовался имъ и принялся изучать кретинизмъ (это и послужило исходнымъ пунктомъ упомянутыхъ работъ его по краниометріи). Сначала онъ, слѣдуя по пути, уже раньше проложенному другими учеными, принялся за изслѣдованіе череповъ кретиновъ, что особенно удобно было дѣлать въ Вюрцбургѣ, такъ какъ въ тамошнемъ университетѣ имѣется богатѣйшая коллекція такихъ череповъ. Но эти изслѣдованія, не смотря на всѣ его старанія, не дали ему отвѣта на главный занимавшій его вопросъ: отъ какихъ именно причинъ происходитъ явленіе кретинизма? Онъ установилъ тотъ фактъ, что ростъ черепа обуславливается постепеннымъ съ годами окостенѣніемъ хрящевидныхъ швовъ, связывающихъ кости черепа, а ненормальныя формы головы являются вслѣдствіе вызываемаго различными причинами преждевременнаго, въ дѣтствѣ, окостенѣнія какого-либо шва, или нѣсколькихъ изъ нихъ; открылъ и подробно описалъ четыре основныя патологическія формы череповъ (макро-, микро-, долихо-, и брахицефали; каждой изъ этихъ формъ Вирховъ посвящаетъ отдѣльное сочиненіе); но перерожденіе какихъ именно швовъ причиняетъ кретинизмъ, не могъ добиться, потому что измѣреніе череповъ несомнѣнныхъ кретиновъ доказало ему, что между ними встрѣчаются самыя разнообразныя основныя формы головъ, тогда какъ лица живыхъ кретиновъ всегда имѣютъ между собой нѣчто общее, что дѣлаетъ ихъ чрезвычайно похожими другъ на друга. Тогда Вирховъ прибѣгъ къ обычному и любимому своему методу изслѣдованія, за необходимость употребленія котораго онъ ратовалъ всю жизнь и недавно еще съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выступилъ на защиту его въ Лондонѣ, т.-е. онъ бросилъ изслѣдованіе мерт-

ныхъ костей и обратился къ наблюденію надъ живыми организмами. Съ этой цѣлью онъ объѣздилъ шагъ за шагомъ долины Майна и Таубера, весь Штейгевальдъ и Гасбергъ, ходя изъ дома въ домъ и всюду розыскивая кретиновъ, черепа которыхъ тутъ же принимался измѣрять и осматривать во всѣхъ подробностяхъ. За это-то и озабочился на него, особенно потому, что Вирховъ открывалъ такіе случаи кретинизма, которые родными тщательно скрывались. Во многіе дома его не хотѣли пускать, общество составляло заговоръ противъ него, на него приносили жалобы, а изъ одного города ему просто пришлось уѣхать ночью, тайкомъ, — такъ разсвирѣпѣлъ народъ. Но все это ни мало не охладило рвенія Вирхова. Наблюдая, измѣряя, изслѣдуя, онъ добился-таки своей цѣли: открылъ, что какъ умственное тупоуміе, такъ и общій своеобразный типъ лица кретиновъ обуславливаются преждевременнымъ окостенѣніемъ швовъ базиса черепа...

Переѣхавъ въ Берлинъ, Вирховъ, если возможно, еще съ большимъ жаромъ предался своимъ занятіямъ. На лекціи и опыты его стекались отовсюду не только студенты и оканчивающіе образованіе врачи, но и такіе, которые давно уже занимались практикой и даже самые знаменитые ученые, какъ напримѣръ, окулистъ Грефе, который не пропускалъ ни одной лекціи Вирхова. Вскорѣ прежней аудиторіи стало недостаточно, пришлось ее расширить, а также и построить новую обширную химическую лабораторію специально для Вирхова. Попасть въ его ассистенты было завиднымъ счастіемъ и почти вѣрнымъ путемъ въ извѣстности. Многіе изъ этихъ ассистентовъ представляютъ теперь если не свѣтила, то все же замѣтныя звѣзды и звѣздочки на научномъ небѣ Германіи. Вокругъ Вирхова сгруппировались лучшія медицинскія силы и изъ нихъ образовалась цѣлая школа, представители которой разсѣяны теперь по всей Германіи, и всюду, слѣдуя въ этомъ примѣру своего учителя, неутомимо стараются примѣнять его принципы какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни. Каковы эти принципы и что можетъ выиграть нѣмецкая наука и нѣмецкій народъ отъ ихъ примѣненія, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка рѣчи, произнесенной на одномъ изъ юбилейныхъ обѣдовъ ученикомъ и горячимъ поклонникомъ Вирхова, профессоромъ докторомъ Гицомъ. Обѣдъ этотъ давался юбиляру именно «школой», представители которой съѣхались для этого торжества со всѣхъ концовъ Германіи, и Гицъ говорилъ, по ихъ порученію, отъ лица всѣхъ собравшихся. Выставивъ всѣ великія заслуги Вирхова, выразивъ глубокую благодарность за громадное количество положительныхъ свѣдѣній, которымъ обя-

заны ему его ученики, ораторъ продолжалъ: «Но, еслибы то, что мы получили отъ васъ, заключалось единственно въ опредѣленномъ количествѣ знаній, собравшаяся здѣсь школа едва ли имѣла бы тотъ характеръ, который теперь принадлежитъ ей по праву. Мы сидимъ здѣсь, представители самыхъ различныхъ областей медицинскою науки: анатомы и фیزیологи, патологическіе анатомы и фармакологи, клиницисты и хирурги, гинекологи и глазные врачи, ветеринары и пр. и пр. Каждый изъ насъ занимается своею отдѣльною спеціальною и болѣею частію вдали другъ отъ друга. Но тѣмъ не менѣе всѣ мы чувствуемъ, что мы связаны неразрывной цѣнью одинаковаго образа мыслей, одинаковыхъ воззрѣній на свою задачу. Какъ же возникла въ насъ эта общность мысли? Есть знаменитыя школы, образователи которыхъ съ творческою силою соединили всю сумму доступныхъ имъ знаній и, выливъ ихъ въ извѣстную опредѣленную форму, въ этой формѣ и передали своимъ ученикамъ, какъ капиталъ, которымъ мы могли жить долгое время, иногда всю жизнь. *Вы не такъ учили насъ! Вы всегда и прежде всего приучали насъ мыслить самостоятельно, учили независимой критикѣ.* Какъ вы сами стоите въ этомъ отношеніи передъ нами, рыцаремъ безъ страха и упрена, такъ вы и изъ учениковъ своихъ старались сдѣлать храбрыхъ борцовъ, которые выше всего на свѣтѣ ставили бы безусловную истину, не увлекаясь ни предвзятыми теоріями, ни общепринятыми мнѣніями или предразсудками, ни собственными симпатіями и антипатіями, ни какими бы то ни было иными соображеніями на свѣтѣ. И въ то же время, при всей этой чуткости къ личной независимости, которую вы сумѣли влить въ душу вашихъ учениковъ, вы научили ихъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относиться къ трудамъ предшествовавшихъ поколѣній. Вы всегда и всегда повторяли намъ, что научные труды всѣхъ временъ и всѣхъ странъ составляютъ одно великое цѣлое, а тѣ, которые этимъ трудамъ посвящали свою жизнь, представляютъ одну тѣсно связанную общностью цѣлей армію, каждый отдѣльный воинъ которой храбро сражался въ свое время и на своемъ мѣстѣ и потому имѣетъ право требовать должнаго уваженія къ его дѣяніямъ. Своими лекціями, такъ же какъ и своими работами, вы возбуждали въ насъ историческій смыслъ, сознаніе, что жизнь науки есть великій процессъ развитія, въ которомъ каждая послѣдующая фаза не только подготовлена, но и обусловлена предыдущей. Есть еще одинъ пунктъ, на которомъ вы особенно настаивали въ незабвенныхъ бесѣдахъ своихъ съ учениками. *Вы учили насъ смотреть на научны*

труды, какъ на важнейшее звено въ великой цепи гуманитарныхъ стремлений. Вы всегда представляли сами и намъ передали то высокое воззрѣніе на всеобщую медицину, по которому она представляется не только наука о человѣкѣ, но и работа на пользу человечества».

Какъ въ наукѣ Вирховъ ставилъ самъ и внушалъ своимъ ученикамъ ставить выше всего на свѣтѣ истину, такъ и въ политикѣ онъ выше всего ставилъ свободу и право. И здѣсь, какъ тамъ, онъ училъ своихъ послѣдователей ни для какихъ соображеній въ мірѣ не жертвовать и малой долей этихъ драгоценнѣйшихъ благъ человѣческой культуры, и самъ первый показывалъ въ этомъ примѣръ. Избранный въ депутаты прусскаго сейма тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Берлинъ, онъ въ томъ же 1856 г. сдѣлался однимъ изъ основателей и главнымъ вождемъ прогрессивной партіи. Эта партія, отдѣлившаяся отъ національно-либераловъ, которые и тогда уже выказывали недвусмысленную склонность превратиться въ слѣпое орудіе прусскаго правительства, до послѣдняго времени не имѣла большого числа представителей въ сеймѣ, но ея нравственное вліяніе на ходъ дѣлъ было всегда громадно. Оттого-то ее и возненавидѣлъ такъ кн. Бисмаркъ. Этимъ вліяніемъ она въ значительной степени обязана Вирхову, неуклонной твердости его въ убѣжденіяхъ, безупречной чистотѣ его имени и его неутомимой дѣятельности. Свыше кѣры заваленный научной работой, онъ тѣмъ не менѣе взялъ на себя обязанности докладчика финансовой коммисіи въ сеймѣ и въ этомъ званіи велъ ожесточенную борьбу за каждую статью расхода. Быть докладчикомъ въ особенности по финансовымъ дѣламъ чрезвычайно трудно, потому что это требуетъ массы очень пристальной работы. Но Вирхова это не остановило. Онъ очень часто предпочиталъ отложить въ сторону необязательную научную работу, чѣмъ поступиться хотя бы однимъ грошемъ народныхъ денегъ. Его роль во время извѣстнаго конфликта правительства съ сеймомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (1862—1865) извѣстна. Онъ стоялъ во главѣ оппозиціи и его рѣчи въ ту эпоху сдѣлали его имя, какъ политическаго дѣятеля, столь же знаменитымъ во всей Европѣ, какъ оно было уже знаменито въ наукѣ. Это была на долгое время его лебедина пѣсня. Послѣ прусско-австрійской войны и въ особенности послѣ созданія германской имперіи онъ не являлся уже болѣе ни въ прусскій сеймъ, ни въ имперскій парламентъ. При каждомъ выборахъ въ нему являлись депутаціи отъ гражданъ, умолявшія его принять депутатскій мандатъ, но онъ упорно отка-

звался. «Я не гошусь теперь, — говорил онъ, — при существующемъ настроеніи страны, я не могу быть ея представителемъ и мнѣ нечего дѣлать въ парламентѣ. Можетъ быть, я доживу еще до того времени, когда мой голосъ опять понадобится народу; тогда я явлюсь, если онъ позоветъ меня, но теперь нѣтъ». Его ожиданіе осуществилось. Имперія, которой онъ не любилъ и благодѣтельности которой не вѣрилъ, считая ее, напротивъ, величайшимъ зломъ для народа, могилой его свободы, — эта имперія потеряла теперь обаяніе въ глазахъ всѣхъ, и не только потеряла, но сдѣлалась ненавистна. И теперь, когда предчувствованныя имъ посягательства кн. Бисмарка на гражданскую свободу народа зашли такъ далеко, что никто въ странѣ не сомнѣвается, куда все это ведетъ, теперь Вирховъ исполнилъ свое обѣщаніе и явился на зовъ народа.

На послѣднихъ выборахъ онъ принялъ депутатство отъ города Берлина и въ первый разъ вступилъ въ германскій имперскій парламентъ. Въ настоящее время голосъ Вирхова снова раздастся съ парламентской каѳедры и снова увлекаетъ гражданъ, которыхъ онъ зоветъ къ защитѣ своихъ попираемыхъ правъ. Трогательное и возвышенное зрѣлище представляла овація, которую сдѣлали ему берлинскіе рабочіе по возвращеніи его съ Кавказа. Они собрались въ количествѣ около 500 человѣкъ и съ факелами провожали его на юбилейный обѣдъ въ Кайзергофъ, гдѣ поднесли ему лавровый вѣнокъ съ живыми цвѣтами и адресъ, въ которомъ просили его явиться снова въ ряды ихъ представителей и защитниковъ народа, и взять въ свои руки интересы рабочаго сословія. Можетъ быть, впервые въ жизни Вирховъ плакалъ, отвѣчая рабочимъ, изъ которыхъ многіе тоже не могли удержать слезъ. Консервативныя газеты увѣряли, конечно, что эта овація была поддѣлана, чуть ли даже не куплена за деньги. Очень возможно, что она была замышлена и подготовлена не самими рабочими, хотя это и сомнительно (о подкупѣ, разумѣется, смѣшно и говорить въ этомъ случаѣ). Но въ любви и довѣріи рабочихъ къ Вирхову нѣтъ ничего поддѣльнаго. Даже тѣ изъ нихъ, которые ненавидятъ либеральную буржуазію вообще, считая ее эксплуататоромъ и главнымъ источникомъ всѣхъ бѣдъ рабочаго сословія, даже анти-семиты — такихъ между рабочими собственно мало, но все же попадаются, — и тѣ выделяютъ Вирхова изъ общей массы буржуазіи и либеральныхъ партій въ парламентѣ. Послѣднимъ они мало, или вовсе не вѣрятъ, но «Вирховъ, говорятъ они, другое дѣло. Это душа, небесная душа, а не человѣкъ. Этотъ ни за деньги, ни за поче-

сти не продать своихъ мѣнѣй и никакія преслѣдованія не заставлять его измѣнить дѣлу, за которое онъ разъ взялся. Онъ всегда такимъ былъ и всегда жилъ для другихъ. Нѣтъ, этотъ не эксплуататоръ, хоть и сынъ купца. Вирховъ—честный человѣкъ и другъ рабочихъ».

Въ продолжительный періодъ времени, когда Вирховъ держался вдали отъ политической жизни, ограничиваясь лишь дѣятельностью въ коммунальномъ управленіи города Берлина и участіемъ, въ качествѣ совѣщательнаго члена, въ разныхъ санитарныхъ коммиссіяхъ, онъ все свое время посвящалъ наукѣ. Онъ работалъ и писалъ по всѣмъ отраслямъ медицины, не исключая даже ветеринарной, въ сферу которой завелъ его огромный трудъ его «О болѣзненныхъ опухоляхъ»; но любимымъ занятіемъ была антропология, о развитіи которой въ Германіи онъ особенно старался, еще въ 1849 г., высказавъ въ «Медицинской реформѣ», что «главная цѣль всѣхъ человѣческихъ знаній должна заключаться въ повозрастающемъ на твердой основѣ естественныхъ наукъ изученіи человѣка во всѣ времена и во всѣхъ проявленіяхъ его жизни». Нѣтъ ни одного изъ извѣстныхъ доселѣ вопросовъ антропологии, о которомъ Вирховъ не писалъ бы и въ которомъ не сдѣлалъ бы болѣе или менѣе замѣчательнаго открытія. Онъ дѣлалъ археологическія розысканія по всей Германіи и съ тою же цѣлью посѣтилъ по нѣскольку разъ всѣ страны Европы и отчасти Азіи. У него есть сочиненія объ окаменѣлыхъ остаткахъ человѣческихъ тѣлъ, объ урнахъ, о бронзовомъ періодѣ, о курганахъ, о свайныхъ постройкахъ и пр. и пр. Онъ прочелъ всю доступную знанію современнаго человѣка книгу вселенной, трактующую о человѣкѣ и, конечно, не было еще другого ученаго, который совмѣщалъ бы столько знаній и оказывалъ столько неоцѣненныхъ услугъ наукѣ и человѣчеству. Въ настоящее время онъ специально занимается антропологіей. Работающее подъ его руководствомъ и имъ же основанное въ 1869 г. «Нѣмецкое антропологическое общество» насчитываетъ теперь въ своей средѣ нѣсколько тысячъ членовъ, изъ которыхъ весьма многіе,—ученики Вирхова и послѣдователи его,—пользуются громкой извѣстностью. Вирхову теперь 60 лѣтъ, но онъ еще бодрый, свѣжій, здоровый человѣкъ, которому на видъ нельзя дать болѣе 50. Онъ такъ легко переноситъ самыя утомительныя путешествія, перемѣну климата, пищи и образа жизни, какъ не удастся иному и молодому человѣку.

Н. С.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ВЪ ОПЕРѢ.

Чудная музыка нѣжитъ мой слухъ.
Мрачнаго Фауста скорбь безъисходная,
Гордости, злобы, ироніи Духъ
И Маргариты любовь благородная —
Все отражается въ сердцѣ моемъ...
Ужась, тоска и любовь чередуются,
А очарованнымъ взорамъ рисуются
Храмы, сады и фонтаны кругомъ.
Что за поэзія дивная, властная,
Близкая скорби всегдашней моей!
И, въ дополненіе поэзіи всей,
Я твои очи встрѣчаю прекрасныя...
Чуднымъ восторгомъ сверкаютъ они!
Мягкихъ кудрей я волну вижу зыбкую,
Важу уста молодыя съ улыбкою:
Не омрачайте ихъ, черные дни!
Ахъ, неужли жъ эти грезы чудесныя —
Грубый обманъ, потѣшающій умъ?
Весь этотъ блескъ, эта буря и шумъ,
Всѣ эти звуки небесныя!..
Черезъ минуту все скроется, все:
Блѣдная жизнь колею обычною
Вновь потечетъ, пустотой безграничною
Сердце пугая мое...

О! если такъ...

Мои думы тяжелыя,
Скорбь мою ты вѣдь поймешь, милый другъ?
Не преступленіе-ль—минута веселая,
Каждая греза и радостный звукъ?..
Видишь, болить мое сердце безумное!
Плакать готовъ я надъ думой своей
И умолять тебя: «бросимъ скорбь

Зрѣлище шумное!»

Не обвиняй меня! Вспомни, что тамъ —
Тамъ, за стѣною театра волшебнаго —
Море холоднаго мрака, враждебнаго
Нашимъ блестящимъ мечтамъ.
Ежится тамъ нищета, тамъ утрачено
Жизни желанье, тамъ злоба кипить,
Слово проклятiя робко звучить...
Другъ мой! кому то проклятье назначено?

.
Тотъ же все блескъ, та же музыка шумная
Льется въ мой слухъ гармоничной волной.
Плачетъ душа моя, плачетъ —безумная,
Полная скорби святой!

II.

УСПОКОЕНІЕ.

Яркія звѣзды горять надъ землею...
Тамъ, гдѣ владычицей ночь безконечная,
Движутся стройной, великой толпой
Хоры ихъ чудные, вѣчные.

Тихо тамъ, тихо, какъ въ храмѣ святомъ
Въ часъ, когда нѣтъ въ немъ докучнаго пѣнія!
Не оттого ли и въ сердцѣ моемъ
Къ небу такое стремленіе?

Черною злобой устала дышать
Эта душа молодая и нѣжная
И обняла ее кротко, какъ мать,
Ночь безконечная, ночь безмятежная!

II. ЯКУВОВИЧЪ.

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ АФРИКАНСКАГО МАТЕРИКА.

I *).

Объ Африкѣ мало сказать, что она извѣстна съ самой глубокой древности. Быть можетъ, здѣсь, на берегахъ Нила человѣкъ ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, достигъ высокой культуры, и отсюда разувнзавалъ объ остальномъ чловѣчествѣ, открывалъ невѣдомыя страны, распространялъ блага цивилизаціи. Весь берегъ Средиземнаго моря рано покрывся цвѣтущими поселеніями и вошелъ въ круговоротъ всемірной исторіи. Позднѣе, завоеванія Рима проникли далеко въ глубь пустыни, изборужденной караванными путями. Затѣмъ, исламъ быстро покорилъ извѣстныя страны

*) Къ составленію настоящей статьи послужили слѣдующія сочиненія:

- Die geographische Erforschung des Afrikanischen Continents von den ältesten Zeiten bis auf unsere Tage, von D-r Philipp Paulitschke. Wien, 1880.
- Afrika im Lichte unserer Tage, von Josef Chavanne. Wien, 1881.
- Im Reiche des Muata Jamwo, von D-r Paul Pogge. Berlin, 1890.
- Sieben Jahre in Süd-Afrika, von D-r Emil Holub. Wien, 1881.
- Serpa Pinto's Wanderung quer durch Afrika, vom Atlantischen zum Indischen Ocean durch bisher größtentheils gänzlich unbekannte Länder. Uebersetzt von H. von Woberer. Leipzig, 1881.
- To the Central African Lakes and Back, by Joseph Thomson. London, 1881.
- Sahara und Sudan, von D-r Gustav Nachtigall. Berlin, 1879 (вышелъ одинъ I томъ).
- Kufra, Reise von Tripoli nach der Oase Kufra, von Gerhardt Rohlfz. Leipzig, 1881.
- Petermann's Mittheilungen, 1880 и 1881.

Африки, и путемъ богомолій связалъ самые отдаленные ихъ пункты съ центромъ магометанскаго міра. Еще позднѣе, съ первыхъ лѣтъ океанскаго плаванія стало извѣстнымъ очертаніе почти всего материка, хотя смѣлые авантюристы спѣшили въ Индію, не теряя времени на посѣщеніе неизвѣстныхъ береговъ, которые имъ ничего не обѣщали. Вскорѣ флагъ Португаліи сталъ развѣваться надъ огромнымъ протяженіемъ береговой линіи. Европейскія поселенія умножались. За піонерами, которыхъ влекла жажда приключеній или страсть къ завоеваніямъ, пошли торговцы, миссіонеры, наконецъ, люди науки. Ихъ число все возрастало; въ теченіе вѣковъ, затрачена на ознакомленіе съ материкомъ громадная сумма усилій.

И, однако, за чертою ничтожной береговой полосы, онъ упорно оставался неизвѣстнымъ остальному міру; а на сѣверѣ пустыня надвигалась, заносила слѣды прежнихъ поселеній, становилась непроходимѣе. Вся внутренность материка только потому не оставалась на картахъ бѣлымъ мѣстомъ, что ее наполняли скудными свѣдѣніями, а главное фантазіями, заимствованными у арабовъ и миссіонеровъ. Судамъ материкъ былъ закрытъ сплошнымъ берегомъ и порогами или водопадами рѣкъ. При движеніи сухимъ путемъ, препятствія также оказались непреодолимыми: путникъ вездѣ встрѣчалъ мучительный климатъ, безводіе или непролазную чащу; болѣзни; мусульманскій фанатизмъ или враждебность туземцевъ; дикихъ звѣрей, съ которыми прежнимъ оружіемъ слишкомъ трудно было бороться; вредныхъ насѣкомыхъ, съ которыми борьба безславнѣе и труднѣе. Личныя впечатлѣнія извращались ненормальнымъ состояніемъ духа; а свѣдѣнія, собираемыя путемъ разспросовъ, искажались невѣжествомъ, обманомъ, взаимнымъ непониманіемъ и, наконецъ, путаницей названій: обозначеніемъ многихъ предметовъ однимъ именемъ и одного и того же — разными именами. Однако, по мѣрѣ развитія жизни и науки въ Европѣ въ XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ, интересъ, возбуждаемый Африкой, все усиливался; число путешествій возрастало; добытые результаты становились богаче и научнѣе. За всѣмъ тѣмъ, общій ихъ итогъ въ первой четверти XIX вѣка все еще былъ такъ скуденъ, что Риттеръ, при глубокомъ изученіи всего наличнаго географическаго матеріала и при исключительной способности обобщенія, не имѣлъ свѣдѣній о самой большой части внутренняго материка, и представленіе объ общемъ его характерѣ создалъ невѣрное.

Настоящій переломъ въ исторіи изслѣдованія Африки совершился со второй половины нашего вѣка, когда, вслѣдъ за откры-

тѣмъ высокихъ горъ восточнаго берега англійскими миссіонерами, Кранфомъ и Ребманомъ, впервые появилось на картѣ оз. Укереве, растянутае отъ 0, 5° с. ш. до 13, 5° ю. ш., т.-е. покрывающее приблизительно всю теперешнюю область центральныхъ озеръ. Вѣсть объ этомъ воодушевила Бѣртонъ, Спика и Грантъ, и привела къ открытію Танганяники, настоящаго Укерева (Викторія-Ніанза) и истока Нила изъ этого озера. Немного позднѣ Бекеръ, идя съ сѣвера, открылъ Мвутанъ (Альбертъ-Ніанза) и Синія горы. Этой-то озерной области были посвящены и послѣднія пятнадцать лѣтъ жизни столь извѣстнаго и у насъ Ливингстона. Передъ тѣмъ, съ 1851 по 1859 г. онъ исходилъ во всѣхъ направленіяхъ широкій поясъ между обѣими океанами, открылъ верхнее теченіе Замбези и водопадъ Викторіи, — вполнѣ картинно описанный Моромъ, — составилъ карту этого пространства, и первый выяснилъ главныя черты его горнаго образованія. Затѣмъ, по слуху о существованіи большого озера на сѣверѣ, онъ открылъ озеро Ніасса, прошелъ къ Танганянкѣ съ юга и открылъ озеро Моаро и Бангвеоло и ту рѣку, прослѣженную подъ именемъ Луалабы, въ которой онъ не подозрѣвалъ Конго. Въ болотахъ Бангвеоло онъ и умеръ, изнеможенный тридцатилѣтними трудами и, быть можетъ, терзаемый смутнымъ подозрѣніемъ, что мысль, которой онъ отдалъ свои послѣднія силы и въ пользу которой такъ рѣшительно высказался, — мысль о соединеніи Танганяники и Бангвеоло съ Ниломъ была ошибкой. Забота о судьбѣ Ливингстона привела на африканскую почву Стэнли и Камерона, которые потомъ совершили знаменитые свои походы поперекъ материка. Камеронъ (1872—1875) открылъ рѣку Лукуга, которая уноситъ воды Танганяники къ западу, и, хотя не успѣлъ доказать безусловно тождество Луалабы съ Конго, но доказалъ невозможность ея соединенія съ Ниломъ; изслѣдовалъ верховья бассейна Конго и собралъ данныя для составленія карты громаднаго пространства, которое до него посѣщали только невѣжественные португальскіе торговцы. Стэнли (1874 — 1877) послѣ многихъ важныхъ изслѣдованій въ озерной области открылъ самое южное изъ нилскихъ озеръ, Авениару, и, наконецъ, разрѣшилъ капитальный вопросъ о тождествѣ Луалабы съ Конго, теченіе котораго прослѣдилъ до моря.

Въ другихъ частяхъ материка, въ это самое время, нѣмецкій путешественникъ Бартъ (1851 — 1858) первый проникъ въ области къ югу отъ озера Чадъ, открылъ долину Бенуэ и рѣку Шари, и первый—и до сихъ поръ единственный—достигъ Тим-

букту съ востока и изслѣдовалъ теченіе Нигера въ этомъ направленіи. Дюверье (1859—1861), среди величайшихъ трудностей, представляемыхъ природой и мусульманскимъ фанатизмомъ, изслѣдовалъ всю сѣверо-западную Сахару и выяснилъ значеніе высшаго ея пункта, горнаго плато Хогара, достигающаго 2500 метровъ высоты. Рольфъ двадцатилѣтними неутомимыми трудами всѣхъ болѣе сдѣлалъ для изслѣдованія Марокко, Сахары и Ливійской пустыни, пересѣкъ материкъ и плавалъ по Бенуэ и Нигеру. Нахтигаль первый изъ всѣхъ европейцевъ проникъ въ самое сердце Сахары, въ невѣдомую горную область Тибести и посѣтилъ Фецанъ, Борну и проч. Швейнфуртъ (1868—1871) изслѣдовалъ бассейнъ западныхъ притоковъ Нила, открылъ землю людоѣдовъ Нямъ-Нямъ, племя карликовъ Акка, извѣстное еще Геродоту, и большую, бѣгущую къ западу рѣку — Уалле, притокъ Конго. Египетское правительство, при содѣйствіи Бекера, Гордона, Гесса и мн. др. ввело въ кругъ постоянного воздѣйствія цивилизаціи громадное пространство и составило карту этихъ областей. Отъ нижне-гвинейскаго берега Дю-Шайлю (1855—1865) проникъ далеко вглубь материка; а позднѣе Саворніанъ-де-Брацца (1875—1877) прослѣдилъ рѣку Огове до самаго источника, и открылъ Алимю и другіе притоки праваго берега Конго.

Русскихъ именъ въ спискѣ изслѣдователей Африки не встрѣчается со времени путешествій Рафаловича и Ковалевскаго въ Египетъ, въ сороковыхъ годахъ; хотя мы до извѣстной степени можемъ считать своимъ москвича, д-ра Юнкера, настоящее путешествіе котораго въ землѣ Нямъ-Нямъ чрезвычайно интересно географовъ. Изъ выдающихся сочиненій на иностранныхъ языкахъ у насъ есть въ переводѣ работы Дю-Шайлю, Ливингстона, Швейнфурта и Бекера и одна книга Стэнли, но затѣмъ даже капитальный трудъ Камерона: *Across Africa* (2 vol. 1877), и второе, несравненно важнѣйшее сочиненіе Стэнли, *Through the Dark Continent* (1878) въ нашей литературѣ неизвѣстны. Результаты этихъ двухъ экспедицій настолько громадны, что все-таки должны были огласиться хотя бы по измѣненіямъ въ учебникахъ географіи; но съ позднѣйшими работами у насъ знакомы слишкомъ немногіе; тогда какъ въ Европѣ онѣ именно теперь возбуждаютъ наибольшій интересъ. Въ предлагаемой работѣ мы и задались цѣлью ознакомить читателя съ этими новѣйшими трудами по изслѣдованію Африки, въ числа которыхъ самыми замѣтными должны быть признаны путешествія Нахти-

гали, Погге, Серпа Пинто, Рольфа и Томсона ¹⁾. Однимъ изъ важѣйшихъ и любопытѣйшихъ является здѣсь вопросъ: насколько цивилизаціонное воздѣйствіе Европы оказалось благотворно для Африки, какъ велики шансы дальнѣйшаго его распространенія, и не грозитъ ли оно существованію туземнаго населенія, низшей и слабѣйшей расы? Мы постараемся передать съ возможной полнотой факты, способные освѣтить этотъ вопросъ, и надѣемся, что читатель согласится съ нашими, вообще оптимистическими выводами.

Сначала займемся главнымъ образомъ южной половиной материка, а сѣверную рассмотримъ особо; такъ какъ тамъ извѣстное орографическое различіе совпадаетъ съ рѣзкой климатической обособленностью и иными бытовыми формами, установившимися подъ вліяніемъ ислама.

Подводя итогъ совершенному въ послѣдніе тридцать лѣтъ многочисленными дѣятелями на поприщѣ изслѣдованія Африки, вѣлья не признать, что первое мѣсто въ ихъ ряду безспорно принадлежитъ англичанамъ. Они и на остальныхъ имѣли огромное возбуждающее вліяніе. Нѣтъ, напримѣръ, сомнѣнія, что именно это вліяніе легло въ основу той *случайности*, которая привлекла на африканскую почву Стэнли. Англичанамъ принадлежитъ также честь прямого благотворнаго воздѣйствія въ Египтѣ и Занзибарѣ. За ними несомнѣнно слѣдуютъ нѣмцы; и уже потомъ, на вѣкоторомъ разстояніи, французы, итальянцы и друг. Научный интересъ къ дѣлу и личное рвеніе изслѣдователей все возрастаютъ; драгоценныя данныя накапливаются быстро; бѣлыхъ мѣстъ на картѣ съ каждымъ годомъ все меньше; шансы на распространеніе цивилизующихъ элементовъ растутъ... И, однакожъ, очевидно, что наиболѣе блестящій, *героическій* періодъ изслѣдованій кончился. *Такихъ* открытій, какія сдѣланы, уже не предстоить. Можно сдѣлать важныя открытія, но они нѣкого уже не взволнуютъ, какъ нѣкого не взволновало недавнее открытіе источниковъ Нигера. Задачи сгузились и строже опредѣлились. Въ то же время, не смотря на все сдѣланное и на поразительный, буквально страшный мартирологъ піонеровъ, трудность достиженія теперешнихъ, менѣе эффектныхъ цѣлей нисколько не уменьшилась. Напротивъ, иное стало труднѣе. Эти трудности вообще до того велики, въ торжествѣ надъ ними элементъ слу-

¹⁾ Въ ближайшемъ будущемъ предстоить изданіе любопытнаго путешествія Ленца изъ Марокко въ Тимбукту и С. Луи, и Матеуччи, изъ Египта черезъ Вадаи и Борну въ Атлантическому океану. Затѣмъ, съ особеннымъ интересомъ ожидаются результаты теперешней экспедиціи Стэнли вверхъ по Конго.

чайности такъ очевидно, что, конечно, торжествуютъ въ этой борьбѣ не непременно самые сильные—и не всегда самые слабые гибнуть.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о тѣхъ изслѣдователяхъ, чьими трудами мы преимущественно пользовались, кромѣ Нахтгала и Рольфа, которыхъ относимъ въ слѣдующую статью.

Книга д-ра Погге появилась въ 1880 (путешествіе его относится къ 1875—76 г.). Ему позволено было присоединиться, на собственный счетъ, въ качествѣ охотника, къ экспедиціи майора Гомейера, лейтенанта Луеса и ботаника Сою; но они всѣ трое возвратились съ пути больные; а онъ продолжалъ кампанію одинъ. Задачей экспедиціи было розысканіе давнихъ торговыхъ путей, загложшихъ вслѣдствіе упадка португальскаго владычества, отгѣсненнаго къ берегу, и въ особенности вслѣдствіе частыхъ перемѣщеній племенъ внутри материка. Предполагалось также изслѣдовать, совершенно еще неизвѣстное тогда, среднее и верхнее теченіе Конго и его притоковъ и проникнуть въ таинственное царство Муата Ямбо. Послѣднее и выполнено докторомъ, который говоритъ, что тамъ, въ самомъ сердцѣ Африки, разстилается на сотни миль удобно проходимый, благодатный край, тѣнистый, красивый, превосходно орошенный и чрезвычайно плодородный, гдѣ нѣтъ ни эпидемій, ни болотныхъ лихорадокъ, и нравы населенія позволяютъ путешествовать вполне безопасно. «Чудный край,—говоритъ Погге:—климатъ какъ въ сѣверной Германіи, только не такъ жарко... Вездѣ свѣжая, здоровая вода и превосходная почва. Дожди изобильные; наводненія невозможны».

О нѣкоторыхъ непріятныхъ сторонахъ книги мы упомянемъ ниже; а затѣмъ она вообще любопытна, правдива и свѣдѣтельствуешь о мужественномъ отношеніи къ личнымъ невгодамъ. Только въ интересахъ истины, а не для собогѣанованія, читатель узнаетъ, что развязный, собою и всѣмъ вообще довольный докторъ возвращался оборванный, опаршивѣвшій, съ двумя сломанными ребрами, вообще крѣпко больной.

Португальская экспедиція 1877 года въ южную центральную Африку была снаряжена подъ впечатлѣніемъ слишкомъ многихъ и горькихъ разоблаченій, сдѣланныхъ путешественниками относительно порядковъ въ южно-африканскихъ колоніяхъ Португаліи. Португалія какъ бы проснулась изъ вѣковаго оцѣпенѣнія. Въ 1875 году состоялась отмена невольничества, а затѣмъ была рѣшена и экспедиція, долженствовавшая вдохнуть

новую жизнь въ пораженный гангреной край, восстановить связь съ славнымъ прошедшимъ и обезпечить Португаліи почетное мѣсто въ ряду европейскихъ націй, энергически взявшихся за дѣло изслѣдованія Африки. Средства были ассигнованы большія—около 70,000 нашихъ рублей. Экспедиція была вѣрена тремъ лицамъ: капитану флота Капелло, его пріятелю Ивенсу и, незнакому имъ обомъ, майору Серпа Пинто. Повидимому Капелло и Ивенсъ не желали имѣть третьяго спутника. Къ тому же Пинто, будучи моложе годами и моложе чиномъ, оказался человекомъ склоннымъ выставляться впередъ, заслонять другихъ, и въ то же время человекомъ суевѣрнымъ, раздражительнымъ. Какъ бы то ни было, они на первыхъ же переходахъ отъ него отдѣлились, прибѣгнувъ для этого къ коварному маневру, но имъ не повезло. Они проскитались около двухъ лѣтъ и достигли берега въ самомъ жалкомъ видѣ, съ ничтожными результатами. Пинто, напротивъ, успѣлъ совершить путешествіе весьма блестящее. Онъ прошелъ мѣстами, большею частью еще неизслѣдованными, къ верхнему Замбези, откуда хотѣлъ продолжать изслѣдованія; но тутъ разыгралась катастрофа, подготовленная происками португальскихъ торговцевъ: бунтъ части носильщиковъ, нападеніе туземцевъ и побѣгъ остальныхъ носильщиковъ со всей кладью,—вслѣдствіе чего Пинто былъ вынужденъ перейти на торныя англо-голландскія торговыя дороги, и болѣе интересная часть его приключеній кончилась.

Португальцы встрѣтили соотечественника съ восторгомъ, который и въ остальной Европѣ нашелъ сочувственный откликъ: лондонское географическое общество почтило его своей золотой медалью; книгу немедленно перевели на главные языки. Научные результаты оказались существенны и навсегда обезпечиваютъ Пинто одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду изслѣдователей Африки. Онъ чрезвычайно удачно выбралъ направленіе къ рѣкѣ Замбези по водораздѣлу, гдѣ на очень близкомъ разстояніи берутъ начало многія рѣки и въ томъ числѣ Куандо (Чобе), главный правый притокъ Замбези, точно опредѣлялъ источники этихъ рѣкъ, прослѣдилъ часть ихъ теченія и составилъ детальныя карты всей этой полосы и карту верхняго Замбези, которую онъ считаетъ гораздо болѣе вѣрною, нежели карта Ливингстона. На всемъ пройденномъ пути Пинто опредѣлялъ географическое положеніе множества мѣстъ, уровень, предѣльные температуры и колебанія барометра, собралъ любопытныя свѣдѣнія о край и жителяхъ. Все это добыто упорными усиліями среди всякаго рода испытаній и спасено блестящимъ мужествомъ

въ критическія минуты. Человѣкъ нервный и неровный, Пинто является такимъ и въ своей книгѣ. Разсказчикъ онъ плохой и увлекающійся, но итоги у него подведены отчетливо и наглядно; а порывы фантазіи, которые ему иногда мѣшаютъ, въ большинствѣ случаевъ, располагають къ нему читателя.

Томсонъ, молодой шотландецъ, двадцати-одного года, только-что кончившій курсъ въ эдинбургскомъ университетѣ, гдѣ занимался преимущественно геологіей, не имѣлъ и въ помышленіи, что можетъ попасть въ Африку. Не додумавшись еще, что ему съ собой дѣлать, онъ случайно увидалъ объявленіе о снаряженіи географическимъ обществомъ экспедиціи подъ начальствомъ опытнаго географа Кейта Джонстона, предложилъ свои услуги и былъ принятъ въ качествѣ «геолога и натуралиста» экспедиціи—довольно, впрочемъ, скромной по замыслу, такъ какъ на нее было ассигновано всего 1500 ф. с. На первыхъ же переходахъ, Джонстонъ опасно заболѣлъ и умеръ; а Томсонъ, несмотря на сознаніе неподготовленности, рѣшился идти дальше. Экспедиція его была вполнѣ удачна во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ того только, что пришлось идти не всегда тѣмъ путемъ, какъ бы хотѣлось. Подводя итоги своего странствія, онъ говоритъ, что первый достигъ оз. Ніасса съ сѣвера, первый прошелъ оттуда къ озеру Танганикѣ; открылъ и описалъ нѣсколько неизвѣстныхъ племенъ; первый сдѣлалъ попытку указать геологическое строеніе области великихъ озеръ; нѣсколько выяснилъ вопросы о теченіи нѣкоторыхъ рѣкъ и въ особенности вопросъ объ отливѣ водъ Танганьки. Онъ утверждаетъ также, что хотя проложеніе дорогъ крайне благотѣльно въ цивилизаціонномъ отношеніи, но что за предѣлами береговой полосы онѣ окупиться не могутъ, такъ какъ край, по недостаточной производительности, не можетъ быть серьезнымъ рынкомъ для европейскихъ товаровъ.

Въ книгѣ чеха, д-ра Эмиля Голуба, мы нашли менѣе фактическаго матеріала для нашей работы, такъ какъ большая часть двухъ толстыхъ томовъ его путешествія посвящена южно-африканскимъ колоніямъ Англіи, Трансваалу, вымирающимъ готтентотскимъ племенамъ и проѣзжему англо-голландскому тракту къ Замбези, т.-е. предметамъ, имѣющимъ огромную, а пожалуй и болѣе документальную литературу. При дворѣ царя Чипопы, «вѣстителя Замбези», докторъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ; но самое путешествіе его оттуда въ страны, менѣе вѣдомыя, вверхъ по рѣкѣ,—путешествіе, къ которому онъ готовился нѣсколько лѣтъ,—продолжалось полтора дня. Карты, приложенныя къ книгѣ, составлены безъ инструментовъ и, по замѣчанію ком-

петентныхъ авторитетовъ, ими можно пользоваться лишь съ осторожностью. Невольно проникаешься тѣмъ же чувствомъ и при пользованіи этнографическимъ матеріаломъ. Докторъ — эффектный писатель и такъ дорожитъ занимательностью своей книги, что украсилъ ее сотней или болѣе страницъ, посвященныхъ охотничьимъ приключеніямъ неизвѣстныхъ лицъ въ отдаленныя эпохи. Главное его вниманіе было обращено на зоологическія и ботаническія коллекціи, которыя имъ и вывезены въ Европу; и съ этой стороны, его трудъ можетъ имѣть серьезное значеніе. Описанія картинъ природы у него искренни и хороши. Успѣху книги всего болѣе способствовало дорогое ея изданіе на англійскомъ языкѣ, которое объясняется отчасти интереснымъ для англичанъ содержаніемъ многихъ страницъ; притомъ докторъ умѣлъ найти себѣ «высокихъ и полезныхъ покровителей».

Страницы, посвященныя сборамъ и приготовленіямъ къ походу, интересны у всѣхъ путешественниковъ, часто проникнуты особенной свѣжестью, энергіей и воодушевленіемъ. Всѣ они чистосердечно рассказываютъ, какъ понимали дѣло, въ чемъ ошиблись, и всѣ даютъ полезные совѣты преемникамъ. Прежде всего тутъ представляется вопросъ: какъ лучше идти, одному или съ товарищами? И оказывается, что въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятность ссоръ, со всѣмъ пагубнымъ ихъ вліяніемъ на настроеніе духа, здоровье и дальнѣйшую дѣятельность, такъ велика, что даже въ виду очевидныхъ выгодъ совмѣстнаго странствія — раздѣленія труда, возможности работать, пока товарищъ подвергается процедурѣ приѣмовъ и переговоровъ, замѣны и ухода во время болѣзни, продолженія дѣла въ случаѣ смерти, — многіе держатся того мнѣнія, что лучше идти одному. Даже тѣ, которые высказываются въ пользу похода съ однимъ или нѣсколькими товарищами, совѣтуютъ, чтобы глава экспедиціи былъ значительно старше и авторитетнѣе, и предостерегаютъ противъ короткости и сближенія. Швейнфуртъ прямо рекомендуетъ вовсе между собой не разговаривать. Рольфсъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ благовоспитанность; но очевидно, что она недостаточно ограждаетъ, такъ какъ бывали ссоры между совершенными джентльменами, крайне прискорбныя даже въ научномъ отношеніи, вслѣдствіе страстной полемики и упрямаго отстаиванія фальшивыхъ теорій. Всѣ согласны въ томъ, что знаніе языка, понятнаго хотя нѣкоторымъ туземцамъ, даетъ путешественнику неисчислимыя выгоды, позволяетъ совсѣмъ иначе сходиться съ людьми, понимать происходящее вокругъ него, и устраняетъ превратное воспріятіе обѣими сторонами вопросовъ и отвѣ-

товъ при переговорахъ черезъ переводчика. Всѣ также предупреждаютъ, что въ Африкѣ, и даже въ Сахарѣ, бываетъ не только жарко, но и очень холодно, такъ что необходимо заготовиться теплымъ платьемъ и одеялами. Нужно быть готовымъ кормиться чѣмъ придется и по возможности приучать себя къ пище туземцевъ; но необходимо поддерживать свои силы, быть сытымъ, и стараться улучшать свою пищу. Въ этомъ отношеніи крайне важна возможность имѣть мясные консервы. Эта возможность и обладаніе хининомъ составляютъ очень существенное преимущество новѣйшихъ путешественниковъ передъ прежними, лишенными этого блага. Крѣпкіе и не толстые люди переносятъ африканскій климатъ лучше; и вообще считается хорошимъ признакомъ, ежели человекъ заболѣетъ съ самаго начала, быстро поддается болѣзни и потомъ быстро поправляется. Гораздо опаснѣе лихорадки, развивающіяся лишь послѣ долгаго пребыванія въ тропическомъ климатѣ. Многие полагаютъ, что утомленіе всего пагубнѣе для путешественника, и потому совѣтуютъ поберегать силы; но Томсонъ, напротивъ, настоятельно утверждаетъ, что спасеніе именно въ дѣятельности, — въ томъ, чтобы не поддаваться усталости, не впадать въ бездѣйствіе и безучастіе, которое всего опаснѣе. Относительно личнаго снаряженія, отмѣтимъ еще рѣшительное предпочтеніе англо-индійскаго «шлема» и совѣтъ почаще смачивать голову. Большинство высказывается противъ палатокъ, даже въ Сахарѣ, а тѣмъ болѣе въ прочихъ мѣстностяхъ, гдѣ туземцы много устрояютъ отличные шалаши; тогда какъ палатки мучительны, въ особенности маленькія, которыя подъ силу носильщикамъ. Даже въ большой палаткѣ Рольфа въ Сахарѣ развивалась иногда температура до 60° Ц. Совѣтуютъ все снаряженіе, по возможности, брать съ мѣста и не возлагать надеждъ на покупку вещей на послѣднихъ станціяхъ. Металлическіе, дѣйствительно непромокаемые ящики крайне важны для путешественника; но заставлять голыхъ людей носить на плечѣ подъ тропическимъ солнцемъ двухпудовыя острорубные жестяные ящики, конечно, злодѣйство; и потому необходимо такіе ящики обшивать и скруглять края. Ноша одного человека считается фунтовъ въ 60—70, иногда и немного больше, и кромѣ этого у каждаго небольшой тючекъ съ личнымъ имуществомъ. Всѣ негры носятъ кладъ на плечѣ или на головѣ, подкладывая травяной кружокъ; а на спинѣ не носятъ никогда. Западно-бережные носильщики ущемляютъ кладъ въ деревянные вилы, причемъ рука впереди, на длинномъ рычагѣ; а во время короткихъ остановокъ можно ухватить конецъ вилъ въ землю

или подвѣшивать ихъ на деревья. Понятно, что вьючное животное, дѣйствительно приспособленное къ мѣстнымъ условіямъ, какъ, напр., верблюдъ въ Сахарѣ, чрезвычайно облегчило бы движеніе экспедицій. Но куда приходится обходиться безъ такого облегченія. На нижне-гвинейскомъ берегу дрессировуютъ быковъ, но не подъ вьюкъ, а только подъ-верхъ, и Погге отзывается съ большой похвалой объ этомъ способѣ движенія, возможнымъ, однаковъ, только тамъ, гдѣ нѣтъ мухъ тсе-тсе. На Занзибарскомъ берегу примѣнимъ одинъ оселъ, который выдерживаетъ укушеніе этой мухи; но Томсонъ настоятельно совѣтуетъ не связываться съ нимъ: считается, что онъ замѣняетъ двухъ человѣкъ; но возня съ ними при выступленіи, злостномъ сбрасываніи влады, поправкѣ и починкѣ вьюка, и въ особенности при переправахъ, такъ велика, что приходится затрачивать на каждого осла человѣкъ по десяти, которые такъ на весь день и выбиваются изъ нормальнаго настроенія духа; а постоянные погонщики приходятъ отъ ругательства и битья въ такое изступленіе, что можно опасаться, какъ бы они вовсе съ ума не сошли.

Въ виду затруднительности и дороговизны движенія отъ Занзибарскаго берега при несеніи клади людьми, очень важна попытка бельгійской международной ассоціаціи ввести тутъ перевозку на слонахъ. Вопросъ былъ только въ томъ, можетъ ли слонъ выдерживать укушеніе мухи тсе-тсе? Оказалось, что можетъ. А затѣмъ болѣе подходящаго вьючнаго животного для этой части Африки нельзя и вообразить. Конечно, при потерѣ каждого слона, придется бросать много клади; но на практикѣ бываетъ также очень великъ убытокъ отъ дезертирства. Слонъ несетъ кладъ двѣнадцати человѣкъ; движенія втрое быстрѣ носильщика. Принявъ въ соображеніе равныя практическія условія и дешевизну пущи полагаютъ, что одинъ слонъ замѣнитъ 50 человѣкъ. Успѣхъ этого предпріятія Бельгійскаго общества (пріученія слоновъ) будетъ огромнымъ шагомъ въ дѣлѣ цивилизаціи Африки. Теперь носильщикъ стоитъ 1 ф. ст. въ мѣсяцъ; и доставка одной тонны (62 пуда) товара отъ берега къ Танганикѣ обходится иногда до 500 ф. ст., не считая убытковъ отъ дезертирства и кражи. Перевозка на слонахъ совершенно измѣнитъ всѣ теперешнія отношенія, приблизитъ втрое берегъ и дастъ возможность содержать на путяхъ отъ него транспортныя станціи, которыя еще ускорятъ и удешевятъ сообщеніе и окончателно прекратятъ гоньбу невольничьихъ партій. Тогда, въ области озеръ сдѣлаются возможными дѣятельныя европейскія поселенія, которыя послужатъ новымъ базисомъ для дальнѣйшаго движенія внутрь материка.

Постараемся теперь, въ надеждѣ на справку читателя съ картой африканскаго материка, изобразить общія черты его строенія, насколько оно выяснено новѣйшими изслѣдованіями ¹⁾.

Въ землевѣдѣніи Риттера, Африка схематически изображается, какъ высокое южное плоскогоріе и сѣверный хребетъ, раздѣленные обширной низменной равниной Сахары. Теперь эта схема требуетъ существенной поправки, такъ какъ дѣйствительныхъ низинъ оказывается въ Африкѣ очень мало. Ничтожныя пространства, углубленныя ниже уровня моря, у Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, за Кыренейскимъ плато и въ Алжирѣ, не могутъ идти въ счетъ. Узкая береговая полоса и дельты рѣкъ составляютъ едва $\frac{1}{4500}$ часть всей поверхности. Относительно невысоки нѣкоторыя мѣстности въ западной части Сахары и береговое пространство между Сенегаломъ и послѣдними развѣтвленіями Атласа. Но вообще уровень пустыни не ниже 350—400 метровъ, и значительная ея часть образуетъ громадные горные массивы. Въ среднемъ выводѣ уровень материка—580 метровъ, такъ что онъ всей своей массой поднятъ высоко надъ поверхностью океана. Южная, клинообразная часть материка, однакожъ, гораздо выше; сѣверная, эллиптическая—ниже. Отношеніе между ними по высотѣ приблизительно какъ 5: 2, но рѣзкой грани или уступа нѣтъ.

Законъ параллельности горныхъ краевъ къ береговой линіи въ Африкѣ очевиденъ, въ особенности въ южной половинѣ. Нигдѣ, однакожъ, нѣтъ горнаго хребта съ явственнымъ гребнемъ, который бы высоко возносился надъ окружающей мѣстностью. Напротивъ, горныя массы занимаютъ весь материкъ, поднимаясь крутыми уступами и покрывая своими развѣтвленіями огромныя пространства даже на очень высокомъ уровнѣ. Такой сплошной массой представляется цѣлая треть материка отъ дельты Конго, по верховьямъ его притоковъ и притоковъ Нила, до Абиссиніи. Южная оконечность, водораздѣлъ между котловиной Конго и Замбези, область центральныхъ оверъ и Абиссинія составляютъ части этой сплошной полосы, сливающихся между собою на уровнѣ 900—1500 метровъ, надъ которыми поднимаются дальнѣйшіе уступы горныхъ массъ. Къ сѣверу отъ бассейна Конго слоны этой же полосы сливаются на различномъ уровнѣ съ сѣверно-экваторіальнымъ водораздѣломъ, грядой Судана, массивами Сахары и грядой вдоль Краснаго моря. Какъ бы впадинами въ материковой массѣ являются, въ направленіи отъ сѣвера къ югу,

¹⁾ Большая часть вновь добытыхъ фактовъ нанесена на карту Африки въ Hand-atlas von D-r Richard Andree.

слѣдующія мѣстности: за краемъ Атласа и ничтожнымъ прибережнымъ уступомъ — полоса пустыни съ среднимъ уровнемъ 10 метровъ ниже поверхности моря; затѣмъ, за возвышенной грядой Сахары — котловина озера Чадъ; за грядой Судана — долина Бенуэ и дальнѣйшее пониженіе; потомъ котловина Конго и, наконецъ, бассейнъ озера Нгами и прочихъ соленыхъ озеръ къ югу отъ Замбези; причемъ, соответственно общему повышенію уровня къ югу, повышается и уровень впадныхъ мѣстъ.

Однообразное и сплошное строеніе африканскаго материка доказываетъ, что онъ возникъ въ отдаленныя геологическія эпохи. Въ третичныя эпохи совершились лишь немногія мѣстныя измѣненія. Это, конечно, обуславливаетъ и простоту геогностическаго характера и геологическаго образованія. Но въ этомъ отношеніи до сихъ поръ подвергнуты спеціальному изслѣдованію такія ничтожныя частицы внутренняго пространства и даже берега, что широкіе выводы и обобщенія представляются слишкомъ рискованными.

Само собою разумѣется, что сказанное выше объ однообразіи въ строеніи явственно выступаетъ только въ общихъ чертахъ. Расположеніе высотъ и другія условія могутъ и на близкомъ разстояніи дать двумъ мѣстностямъ совсѣмъ разный характеръ. Но при всѣхъ уклоненіяхъ, вездѣ можно прослѣдить общія черты: строеніе уступами, покрывающими своими развѣтвленіями громаднаго пространства, при сравнительно незначительномъ поднятіи закраинъ и внутреннихъ грядъ или краей.

Для правильнаго представленія объ *уступахъ*, какъ береговыхъ, такъ и внутреннихъ, необходимо имѣть въ виду, кромѣ ихъ обширности, которая даже по ширинѣ выражается десятками и сотнями верстъ, еще и то обстоятельство, что ихъ поверхность лишь въ немногихъ мѣстностяхъ имѣетъ равнинный характеръ; а вообще пересѣчена множествомъ второстепенныхъ грядъ и отдѣльныхъ, частью скалистыхъ высотъ, которыя нерѣдко подняты значительно выше общаго уровня слѣдующаго уступа, причемъ самыя закраины уступовъ къ внѣшней сторонѣ круты, а внутрь пологи. Наиболѣе рѣзкія эти общія черты въ Абиссиніи, которая составляетъ какъ бы восточный угловой устой центральной Африки, совершенно обособленную исполинскую цитадель. Особенно поразителенъ восточный край, который идетъ, почти по меридіану, непрерывнымъ гребнемъ въ 2,400—3,000 метровъ высоты, съ мало отдѣляющимися отдѣльными вершинами. Едва ли это не самая крутая горная стѣна на всемъ земномъ шарѣ; и впечатлѣніе, ею производимое, тѣмъ сильнѣе, что она поднимается надъ

совершенно плоскимъ и распаленнымъ сахарскимъ берегомъ; а у озера Алельбадь, гдѣ добывается соль для всей Абиссиніи, уровень этой плоскости даже на 61 метръ ниже поверхности Краснаго моря. Подняться на горную стѣну съ навьюченными муломъ можно лишь по самымъ немногимъ тропинкамъ. Внутри плато, разбитаго на громадные горные массивы, мы встрѣчаемъ крайнее выраженіе другой черты, также общей всей возвышенной части материка: чрезвычайную глубину рѣчныхъ ущелій. Синій Ниль обжитъ въ отвѣсныхъ стѣнахъ въ 1,200 метровъ.

Самыя высокія точки всего материка расположены по закраинѣ восточнаго берега, немного южнѣ экватора. Тутъ есть нѣсколько вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, и наиболѣе извѣстныя изъ нихъ Килимандшаро (5,694 метр.) и Кенія (5,400 метр.). Къ нимъ склонамъ и примыкаетъ область экваторіальныхъ озеръ, которая и открыта была вслѣдствіе открытія этихъ вершинъ. На всемъ пространствѣ этой области озеръ чрезвычайно много; а въ сѣверной половинѣ района имъ, такъ сказать, счету нѣтъ. Наиболѣе крупныя расположены на уровнѣ отъ 500 до 1,300 метровъ, и изъ нихъ къ системѣ Замбези принадлежитъ Ніасса; къ системѣ Конго—Тангананка, Бангвеоло и Моэро; и, наконецъ, къ системѣ Нила—Укереве, Мвутанъ, Мута-Нзиге и Акеніара. Воды могучихъ рѣкъ, расходящихся такъ далеко, тутъ почти соприкасаются. Рѣка Малагаради, восточный притокъ Тангананки, а стало быть и Конго, беретъ начало всего въ 400 верстахъ отъ Индійскаго океана.

Къ сожалѣнію, точное направленіе водораздѣла въ озерной области и далѣе къ сѣверо-западу еще не изслѣдовано. Узловая мѣстность водораздѣла, откуда онъ расходится по радіусамъ къ массивамъ Сахары, къ Судану и къ градѣ между долинами Бенуэ и Конго, до сихъ поръ остается краемъ невѣдомымъ, и можно только надѣяться, что эту задачу,—важнѣйшую изъ всѣхъ представляемыхъ еще африканскимъ материкомъ,—удастся разрѣшить смѣлому и опытному изслѣдователю, д-ру Юнкеру, находящемуся теперь въ этихъ краяхъ. Съ нею вмѣстѣ разрѣшится и капитальный вопросъ объ обособленности возвышенной гряды Судана отъ центрально-африканскаго плато.

Названіе Судана присвоено широкому поясу, пересекающему всю Африку, отъ Атлантическаго океана до Сенаара на протяженіи 4,500 верстъ. До сихъ поръ еще въ учебникахъ географіи удерживается Риттеровское представленіе о Суданѣ, какъ о первомъ уступѣ центральнаго плато, причемъ Сенааръ, Кордофанъ и Дарфуръ были названы западными группами Абиссинскихъ

горъ. Риттеръ не имѣлъ и приблизительнаго понятія о размѣрахъ долины Нила, и вообще полагалъ, что африканскій материкъ не прорѣзывается ни единой большой рѣкой. Теперь — и въ особенности послѣ работъ египетскаго генеральнаго штаба, принятыхъ въ 1875 году — несомнѣнно, что Суданъ составляетъ особую возвышенную гряду, отдѣленную отъ южной части материка не только промежуточной низменной полосой, но и геологическими признаками.

На западномъ берегу невдалекѣ отъ дельты Нигера, угловымъ сѣвернымъ устоемъ центральнаго плато является пикъ Камерона или Монго-ма-Лоба — горная масса, круто поднимающаяся изъ моря и покрывающая площадь въ 2,000 кв. верстъ, причемъ поразительно смѣлыя очертанія главнаго пика возносятся надъ цѣлою группой второстепенныхъ вершинъ до высоты 4,193 мет.

Края южной Африки характеризуются глубокими разсѣлинами, отвѣсныя стѣны которыхъ изрыты причудливѣйшимъ образомъ, причемъ вершины срываны, такъ что горы всего чаще имѣютъ видъ усѣченныхъ конусовъ или пирамидъ, и типъ знаменитой Столовой горы, близъ Капштадта, повторяется несчетное число разъ. У подошвы этихъ горъ лежатъ безпорядочныя громады оторванныхъ скалъ и каменныхъ глыбъ. По дну иныхъ разсѣлинъ бѣгутъ рѣки; но въ большинствѣ случаевъ онѣ только размываются дождями и затѣмъ пересыхаютъ. Вообще онѣ завалены обломками скалъ и щебнемъ, и расчистка пути (дурного) въ нѣкоторыхъ изъ нихъ стоила величайшихъ усилій. Другихъ же путей отъ берега внутрь края тутъ нѣтъ вовсе.

На всемъ пространствѣ южной и центральной Африки островъ материка покрытъ растительнымъ ковромъ травъ, кустовъ и лѣса. Почва обнажена только по кручамъ горныхъ грядъ и ущелій, да вездѣ много гранитныхъ или базальтовыхъ утесовъ, рѣзко очерченныхъ, странныхъ, которые въ иныхъ мѣстностяхъ скучиваются массами и придаютъ ландшафту дикій и суровый видъ. Самое могучее развитіе растительности представляетъ котловина Конго, гдѣ по мягкимъ холмамъ, болотамъ и заводямъ отъ вѣка стоитъ непроницаемая чаща тропическаго лѣса. Въ другихъ мѣстностяхъ высокоствольные лѣса встрѣчаются болѣе или менѣе широкими полосами, вообще подступая ближе къ рѣкамъ; но низкая лѣсная поросль и кустарникъ господствуютъ, а на еще большемъ пространствѣ, особенно въ южной Африкѣ, разстилаются луговая холмистая равнины, усѣяныя рощами или отдѣльными группами развѣсистыхъ деревьевъ. Такіе луга покрываютъ и большую часть бассейна соленыхъ озеръ, по самымъ

берегамъ которыхъ все еще растутъ баобабы и красивыя акаціи, тогда какъ обнаженныхъ солончаковъ очень немного. Путь подъ тѣнью высокоствольныхъ лѣсовъ—праздникъ въ походной жизни, особенно гдѣ не смущаетъ крикъ безсчетныхъ попугаевъ; но на африканскомъ материкѣ лѣса вообще не имѣютъ настоящаго тропическаго характера. Вдали отъ береговой полосы пальмъ мало, а высокихъ и могучихъ экземпляровъ нѣтъ вовсе. Только въ очень немногихъ уголкахъ Африки очарованный путникъ испытываетъ глубокое, трудно-выразимое чувство, вступая подъ высокіе своды, гдѣ солнце въ первые часы утра не въ силахъ разсѣять мрака, и гдѣ, надъ порослью папоротниковъ, стоятъ исполины въ 70 и 100 футовъ до перваго развѣтвленія и въ 200 футовъ высоты, опирающіеся на странно развитые корни, переплетенные сѣтью толстыхъ лѣанъ и фантастическихъ ползучихъ растений. Одинъ только такой сказочный лѣсъ легко доступенъ: онъ находится на Занзибарскомъ берегу подъ 5° ю. ш., въ знаменитой мѣстности Узамбара. Поразительно красивы также иныя мѣстности на нижнихъ уступахъ Абиссинскаго плато, по рѣкѣ Анзебѣ и надъ Санимъ Ниломъ. Черный гранитъ, быстрые струи, вся роскошь тропической зелени и солнце юга, конечно, легко слагаются въ волшебную картину; но африканскому путешественнику рѣдко приходится наслаждаться этою картиною: общій уровень материка такъ высокъ, что дневныя колебанія температуры громады, ночью просто холодно; и вслѣдствіе этого, даже подъ тропиками, характеръ мѣстности не поражаетъ особенной роскошью. За всѣми тѣми, мелколиственные, не слишкомъ высокіе лѣса Африки представляютъ неисчерпаемое богатство самыхъ драгоценныхъ древесныхъ породъ и изобилуютъ фруктовыми деревьями, дающими превосходные, но отчасти и весьма ядовитые плоды. Ярководистыя деревья и кусты распространяютъ благоуханіе иногда томительное, одуряющее. По берегамъ рѣкъ часто растетъ исполинскій тростникъ; и гдѣ берега не скалистые, тянется широкая болотная полоса, насыщенная водой. Вездѣ, гдѣ паденіе незначительно, рѣки густо поростають пестрой водяной растительностью; но рѣки съ большимъ пробѣгомъ могутъ имѣть такой характеръ только на известной части своего теченія; такъ какъ, не смотря на большую глубину рѣчныхъ ущелій, имъ приходится стремиться къ морю съ очень значительной высоты. Отсюда, почти во всѣхъ рѣкахъ Африки, множество быстрыхъ, пороговъ и водопадовъ; такъ что шумъ водопада въ лѣсу—по преимуществу африканскій шумъ; и его самый могучій, все заглушающій звукъ отъ вѣна гремитъ въ водопадѣ Викторіи, гдѣ

рѣка, въ двѣ версты шириной раздѣленная базальтовыми островами, увѣнчанными пальмами, вдругъ обрывается въ бездонную щель; и только вѣтеръ порой относитъ непроглядные клубы водяной пыли, сверкающіе радугами. Какъ уже было замѣчено, лѣса всего ближе и гуще подступаютъ къ рѣкамъ. И тѣмъ ровнѣе ихъ ростъ, тѣмъ пагубнѣе развиваются по долинамъ миазмы отъ застоя водъ послѣ разлива во время дождей. Подъемъ водъ бываетъ такъ великъ, что на Замбези Пинто видѣлъ слѣды стоянія воды на 33 футахъ выше нормальнаго уровня. Сплошные разливы образуются и вдали отъ рѣкъ, вездѣ, гдѣ мѣстность имѣетъ болѣе или менѣе равнинный характеръ; такъ что всякое сообщеніе надолго прекращается; и тамъ, гдѣ вода стоитъ въ непролазной чащѣ лѣсной поросли, кустарника и высокихъ травъ, какъ, напримѣръ, на Занзибарскомъ, и въ особенности на Сомалийскомъ берегу, все это необовримое зеленое море насевозъ пропитывается заразными миазмами. Открытыя луговныя пространства также заливаются, но здѣсь вода стекаетъ скорѣе и болѣе развивается меньше. Мы уже упоминали эти африканскія преріи, мягко волнистыя, съ проступающими утесами причудливой формы, скрашенныя рощами и группами деревьевъ самыхъ красивыхъ очертаній. Къ концу сухого времени, здѣсь все выжженная пустыня; послѣ дождей—несравненное приволье для неслетныхъ стадъ. Этотъ просторъ вольной жизни—у которой, однажкъ, смерть за плечами, такъ какъ хищниковъ много—глубоко поражаетъ путешественника. Нельзя оторвать глазъ отъ этой картины довольства, простоты, мира. Всего поразительнѣе она въ южной Африкѣ. Еще недавно, тутъ были и слоны. Теперь, въ югу отъ Замбези, ихъ очень мало, и, въ погонѣ за ними, охотники со всѣхъ четырехъ концовъ встрѣчаются уже въ самыхъ центральныхъ мѣстностяхъ.

Понятно, какой красоты долженъ достигать африканскій пейзажъ надъ лазурью громадныхъ озеръ съ высотъ, которыя ихъ окаймляютъ въ ранніе часы, когда разсѣиваются въ лучахъ солнца утренніе туманы. Понятно, что здѣсь должны быть страшныя грозы, когда набѣгаютъ, все застилающія, черныя тучи, и небеса ниввергаютъ потоки огня и воды, а кругомъ лѣсныя исполины съ трескомъ валятся, и вся природа, и все существо человѣка трепещутъ подъ непрерывными раскатами и оглушительными ударами грома. Легко передумать и думы путника въ этой обстановкѣ, въ темныя тропическія ночи, съ ихъ таинственными звуками и страннымъ мерцаніемъ южныхъ звѣздъ, въ такомъ одиночествѣ и отдаленіи отъ всего родного, и при фантастическомъ

напоминаніи о дѣйствительности, въ видѣ востра, дикихъ криковъ и пляски чуждыхъ, демоническихъ фигуръ.

Негрское населеніе Африки, какъ извѣстно, дѣлится на множество различныхъ племенъ. Однакожъ, шаблонныя черты негрскаго типа настолько еще преобладаютъ въ общемъ сознаніи, что изслѣдователи, впервые вступающіе на африканскую землю, поражаются рѣзкимъ несходствомъ отдѣльныхъ племенъ, замѣчаемымъ иногда на близкомъ разстояніи и среди одинаковыхъ мѣстныхъ условій. Такихъ непосредственныхъ впечатлѣній мало, конечно, для сколько-нибудь научнаго расчлененія расы; и нельзя надѣяться, чтобы данныя для этого могли быть собраны скоро. Ни измѣрять черепа, ни тѣмъ болѣе составлять изъ нихъ коллекціи путешественникъ не можетъ: это было бы оскверненіемъ могилы и самымъ злостнымъ колдовствомъ и было бы очень небезопасно. Даже примѣненіе фотографіи было бы весьма рискованно, такъ какъ даже простѣйшія инструментальныя наблюденія становятся невозможными. Случается, что послѣ встрѣчи вполне дружелюбной, дикая ярость вспыхиваетъ по самому ничтожному поводу, непредусмотримому и независящему отъ воли путешественника, и жизнь все время виситъ на волосѣхъ. Въ землѣ Уруа, Томсона обирали за вымѣнъ ножа, за сдѣланный вопросъ, даже за плевокъ, какъ доказательство колдовства. Въ концѣ-концовъ, у него отняли все, кромѣ записной книжки, и возвратили потомъ часы единственно изъ страха налить на себя бѣду.

Изъ числа легко схватываемыхъ внѣшнихъ признаковъ, однимъ изъ самыхъ ненадежныхъ оказывается цвѣтъ кожи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, прожитыхъ въ негрскихъ земляхъ, Нахтигаль пришелъ къ убѣжденію, что даже въ Нигриціи цвѣтъ кожи совершенно черный, какъ черное дерево, составляетъ свойство личное, а не племенное. Другіе оттѣнки выдержаны также нестрога. Изъ двухъ племенъ, живущихъ рядомъ, въ условіяхъ, повидимому, сходныхъ, одно можетъ оказаться гораздо темнѣе, другое свѣтлѣе. Въ тѣлосложеніи и чертахъ лица различія еще больше: есть безобразныя длинноногія племена, почти совсѣмъ безъ шеи, съ большимъ животомъ, плоскимъ носомъ и выпяченными челюстями; и, напротивъ, племена положительно красивыя, стройныя, съ атлетическимъ развитіемъ мышцъ и лицами, напоминающими черты кавказской расы. Въ иныхъ племенахъ мужчины представительнѣе; въ другихъ женщины красивѣе, причемъ иныхъ дѣвушекъ путешественники прямо называютъ очень хорошенъкими.

Извѣстно общее вліяніе климатическихъ условій на развитие племенного типа. Въ тропиковъ, негрская раса вообще худаетъ и слабѣетъ. По замѣчанію Нахтигала, неграмъ, выведеннымъ изъ Судана, не по себѣ даже въ великолѣпномъ климатѣ Туниса и Триполи: они тамъ приходятъ въ довольно жалкій видъ и даютъ плохое потомство. Въ южной оконечности Африки, мы также видимъ лишь закудахнувшихъ представителей расы. Негры замѣчательно выносливы къ холоду; но такъ какъ ночныя и утреннія температуры немногими градусами выше, а изрѣдка даже ниже нуля, свойственны, въ извѣстное время года, возвышеннымъ частямъ материка, то ихъ конечно не легко выдерживать совсѣмъ недѣльнымъ людямъ; и понятно, что они сонные жмутся къ вострамъ такъ близко, что получаютъ сильныя обжоги. Но, гдѣ суровость климата слишкомъ велика, расовый типъ принижается; такъ что горныя племена вообще болѣе жалки, и печать убожества видна на всемъ складѣ ихъ жизни. Негрскія племенные единицы вообще, впрочемъ, малочисленны и неустойчивы. Онѣ иногда быстро развиваются, и потомъ столь же внезапно приходятъ въ упадокъ или вовсе истребляются. Языки и нарѣчія менѣе подвержены колебаніямъ. Случается, что языкъ переживаетъ истребленіе племени, и вообще распространеніе языка захватываетъ районъ болѣе широкій, нежели вѣдѣнія племенные отличія или обычаи.

Украшеніе своей особы—вопросъ, близкій сердцу всѣхъ негровъ. Цѣль его, какъ и вездѣ, есть привлеченіе сердецъ и устрашеніе враговъ, и средства—тѣже: притиранія, блескъ заимствованныхъ красокъ, звѣриныя шкуры или хвосты и птичьи перья. Все это, конечно, примѣняется такъ своеобразно, что возбуждаетъ въ насъ улыбку; въ особенности, когда мы видимъ, до какой степени тутъ въ ходу тщеславіе. Негру весело, ежели онъ можетъ наклеить на лобъ пестрый ярлыкъ, снятый съ бутылки, и разумѣется, это поражаетъ европейца, хотя строй мыслей, который въ этой формѣ находитъ удовлетвореніе, нельзя признать вовсе несвойственнымъ остальному человѣчеству. Мода властвуетъ и въ африканскихъ дебряхъ. Она позволяетъ щеголю показываться утромъ въ помятомъ видѣ, со слѣдами вчерашней окраски на лицѣ, выпачканномъ золой костра, у котораго онъ спалъ; но послѣ полудня, туалетъ долженъ быть приведенъ въ порядокъ, тѣло вновь вымазано и краски, ежели нужно, возобновлены—смотря по большей или меньшей торжественности случая. Непредвидѣнныя колебанія моды ставятъ иногда европейцевъ въ большое затрудненіе, внезапно обезцѣнивая привезенный ими товаръ. Только бѣлый каленкоръ всегда и вездѣ въ спросѣ.

При небольшихъ размѣрахъ одежды, преобладающее значеніе получила прическа, достигающая особенной пышности именно у мужчинъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ, женщины заплетаютъ волосы въ чрезвычайно мелкія косички и устраниваютъ изъ нихъ сооруженія, которыя Пинто находитъ похожими на теперешнія дамскія шляпки (1877). Но чаще онѣ являются коротко остриженными, съ пробритымъ треугольникомъ среди. Мужчины иногда пробриваютъ на головѣ разные узоры. Для сооруженія пышныхъ причесокъ употребляютъ массу фальшивыхъ волосъ и разныя подкладки, въ томъ числѣ палки, длиною до одного фута. Украшеніемъ служатъ бусы и перья. Волосы густо промазываются саломъ, такъ что становятся похожими на комы грязи. Уборка головы въ этомъ вкусѣ требуетъ двухъ или трехъ дней; но за то держится по мѣсяцу и болѣе. Для сна тогда подкладываютъ подъ голову особые брусья съ выемками, и такъ какъ это довольно стѣснительно, то мудренныя прически замѣняются иногда париками или львиной гривой. Немногіе счастливы, у которыхъ растетъ скудная борода, любятъ влетать въ нее фальшивые волосы и солому, такъ что все вмѣстѣ также превращается въ комокъ грязи.

Женщины украшаютъ себя подпиливаніемъ верхнихъ рѣзцовъ и выпиливаніемъ двухъ нижнихъ. Спилываютъ, болѣею частью только два внутренніе угла; но встрѣчается и острая форма подпилки зубцами.

Тѣло смазывается жиромъ или масломъ, въ томъ числѣ касторовымъ. Когда толпа негровъ заберется въ шалашъ, вонь отъ этого и отъ всякой неопрятности такая, что съ непривычнымъ можетъ сдѣлаться обморокъ. Иногда къ маслу примѣшиваютъ красную глину, что сообщаетъ тѣлу изъ-красна бурый лоскъ; но чаще дѣлаютъ разныя отмѣтины или узоры на лицѣ и на тѣлѣ, какъ по обычаю требуется, сухой глиной, красной или бѣлой. Иногда является татуировка, простыми, прямолинейными фигурами, и у женщинъ преимущественно на груди и животѣ.

Лишь очень немногія племена прикрываютъ шкурами или каленкоромъ значительную часть тѣла, и тогда открытыя части оказываются нѣсколько свѣтлѣе. Кусокъ матеріи въ обхватъ по бедрамъ все еще составляетъ значительную роскошь; а гораздо чаще довольствуются тряпками, кускомъ шкуры, полоской коры, листьями, травой или нитками бусъ. Иногда обходятся и безъ этого; но вожди и вельможи любятъ являться подъ зонтикомъ, даже когда нѣтъ солнца. Бумажные лоскуты никогда не моются, и скоро рвутся въ клочья; но, повидимому, непроницаемость не

считается необходимой: Томсонъ видѣлъ дамскій костюмъ, состоявшій изъ очень маленькаго лоскута рыболовной сѣти. Онъ говоритъ, что впечатлѣніе наготы утрачивается очень скоро; и, при темномъ цвѣтѣ кожи и въ особенности при татуировкѣ, одежда начинаетъ казаться излишней. Онъ сталъ, напротивъ, конфузиться собственнаго бѣлаго тѣла. Вообще, мужчины прикрываютъ наготу болѣе женщины; но въ нѣкоторыхъ, немногихъ мѣстностяхъ они ходятъ совершенно нагіе, а женщины подвязываютъ лоскуты или куски кожи. Тамъ мужчины стыдятся всякаго намека на одежду: прикрыться, значить—обабиться.

Негрская раса, при всѣхъ указанныхъ колебаніяхъ, проявляетъ значительную живучесть и силу сопротивленія гнету неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Для жизни въ жаркомъ поясѣ, она имѣетъ то огромное преимущество, что способна выносить прямое дѣйствіе лучей тропическаго солнца. Мнѣніе, будто бы негры не подвержены лихорадкамъ и диссентеріямъ, которыя такъ жестоко испытываютъ мужество европейцевъ и столько изъ нихъ сразили, лишено, однако, основанія. Они также заболѣваютъ, и иногда, въ особенности отъ мѣфитическихъ испареній послѣ разлива воды, болѣзнь свирѣпствуетъ эпидемически, унося массы жертвъ. Погге замѣчаетъ, что при леченіи негровъ европейскими средствами нужно, по крайней мѣрѣ, удваивать приемы.

Негры живутъ въ селеньяхъ, по нѣскольку сотъ, а гдѣ и по нѣскольку тысячъ человѣкъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ поселенія расположены довольно густо; въ другихъ нѣтъ обитаемыхъ мѣстъ на нѣсколькихъ переходахъ. Между поселеніями различныхъ племенъ пролегаетъ обыкновенно болѣе или менѣе широкая полоса лѣсной чащи. Ограды дѣлаются главнымъ образомъ противъ вооруженныхъ нападений. По крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ жители чувствуютъ себя отъ нихъ безопасными, селенья остаются открытыми, не смотря на изобиліе дикихъ звѣрей. На кольяхъ ограды бывають насажены цѣлыя сотни череповъ на различныхъ степеняхъ разложенія. Огражденные селенья, конечно, скученнѣе, и стало быть неопрятнѣе, въ особенности, ежели есть скотъ, загоняемый въ ту же ограду. Жилыя людей побогаче состоятъ изъ нѣсколькихъ шалашей, обнесенныхъ плетнемъ, тогда какъ одинокіе шалаши бѣдныхъ стоятъ безъ огражденія. Нечистоты никогда не удаляются; убогая утварь остается немытой. У иныхъ, напротивъ, жилыя и утварь содержатся въ чистотѣ и купанье въ большомъ ходу, не смотря на присутствіе кроводиловъ. Въ самомъ близкомъ разстояніи отъ крайне неопрятныхъ селеній, Томсонъ встрѣтилъ, на сѣверномъ берегу озера Ніасса, настоящую Арва-

дію; и вообще опрятныя щеголеватыя селенія не рѣдкость. Располагаясь среди лѣса, инныя племена считаютъ необходимымъ вырубить всѣ деревья на значительномъ пространствѣ; и такія расчистки свидѣлствуютъ, конечно, объ огромной массѣ затраченнаго труда. Постройка шалашей идетъ дружно и быстро; на привалахъ они поспѣваютъ одно время съ котломъ. Самая распространенная форма шалашей—цилиндръ съ конической крышей, вышиною отъ одной до трехъ сажень. Цилиндръ плетеный, иногда промазанный глиной; а крыша спускается болѣе или менѣе низко, даже вплоть до земли, такъ что свѣтъ проникаетъ только во входное отверстіе. Въ Муссумбѣ, даже въ царскихъ шалашахъ, это отверстіе не выше двухъ-трехъ футовъ, и монархъ можетъ предстать толпѣ или скрыться отъ взоровъ не иначе, какъ на четверенькахъ, что не наноситъ ущерба его достоинству. Но немедленная смерть постигла бы дерзновеннаго или несчастнаго, который бы увидалъ, какъ онъ ѣстъ или пьетъ. Бываютъ сборныя избы, куда сходятся для работы и разговора, особенно во время дождей. Въ такихъ собраніяхъ, подъ одушевленную бесѣду, иногда прерываемую рукоплесканіями, изготовляются луки и стрѣлы, дынови, утварь и т. п.

Негръ, конечно, только въ исключительныхъ случаяхъ испытываетъ ту степень нужды, удовлетвореніе которой требуетъ ежедневнаго упорнаго труда, и можетъ, вовсе не трудясь, существовать цѣлые мѣсяцы. Если простѣйшія его потребности удовлетворены, онъ не склоненъ надсаживаться ради увеличенія своего благосостоянія; но иногда онъ работаетъ съ порядочною энергіей; и силы требуется съ его стороны тѣмъ больше, что онъ располагаетъ самыми недостаточными орудіями. Постройка жилья, способнаго выдерживать дѣйствіе тропическихъ дождей, конечно, требуетъ извѣстнаго мастерства, и съ ежегоднымъ ремонтомъ передъ дождями всегда большая возня. Топоръ у негровъ совсѣмъ плохой, и однакожъ они имъ рубятъ большія деревья, до того твердыя, что ихъ едва беретъ револьверная пуля. Передъ наступленіемъ дождей, работа около жилья, въ огородѣ и въ полѣ идетъ такая, что, по замѣчанію Томсона, неграмъ почти невогда глядѣть на путешественника. Какъ бы ни плоха была обработка земли, все-таки, при единственномъ ручномъ орудіи, она должна быть трудна; а большая часть продуктовъ даетъ по двѣ жатвы, стало быть поле и огородъ обрабатываются дважды, и затѣмъ нужно дѣятельно отстаивать ихъ противъ безчисленныхъ хищниковъ. Такимъ же образомъ, и мука для похлебокъ получается самымъ первобытнымъ и труднымъ способомъ—толченіемъ въ

ступѣ. Распределеіе работъ между двумя полами очень неодинаково въ различныхъ мѣстностяхъ; но вообще наклонность сваливать самое трудное на женщинъ нельзя признать преобладающей; но трудомъ невольничьимъ вездѣ пользуются, сколько могутъ, хотя положеніе невольниковъ разное, и у нѣкоторыхъ племенъ они являются какъ бы членами семьи. Земледѣліе почти вездѣ на первомъ планѣ; а скотоводство имѣетъ существенную важность только въ немногихъ мѣстностяхъ, отчасти потому, что крупный скотъ не держится тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ муха тсе-тсе, а козы, овцы и свиньи являются лишь слабымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Вообще негры ѣдятъ мясо изрѣдка, но и неразборчивы въ мясѣ до послѣдней крайности: не брезгаютъ ни хищниками, ни крысами, любятъ чрезвычайно собакъ, отвратительнымъ образомъ обжираются падалью, объѣдами хищниковъ. При недостаткѣ соли, жгутъ траву и посыпаютъ мясо золой. Саранча, гусеницы, бѣлые муравьи также считаются лакомыми блюдами. Во время уборки полей и огородовъ и созрѣванія превосходныхъ лѣсныхъ фруктовъ, негры сильно объѣдаются; но, въ случаѣ надобности, негръ обходится немногимъ, напримеръ, въ походѣ ѣстъ одинъ разъ въ сутки — на вечернемъ привалѣ, и не всегда въ волю. Путешественники много разъ имѣли случай замѣтить, что во время походныхъ голодовокъ негры всегда удѣляютъ имъ первые розысканные или добытые куски. Есть племена людоедовъ; но они живутъ въ глубинѣ материка и до сихъ поръ мало извѣстны.

Вездѣ, куда успѣла проникнуть европейская водка, негры оказываются къ ней очень падкими. Вполнѣ губительно она свирѣпствуетъ среди вырождающихся готтентотскихъ племенъ въ англійскихъ колоніяхъ. Толпы пьяныхъ женщинъ, безобразныхъ и неопрятныхъ выше всякаго воображенія, бродятъ съ дикими ругательствами по улицамъ англійскихъ поселеній, возникшихъ вслѣдъ за открытіемъ алмазныхъ копей. Негръ-готтентотъ, грика или коранна, готовъ за бутылку водки на всѣ преступленія. Но, вообще, внѣ этихъ исключительныхъ условій, негры все-таки лучше сопротивляются губительному дѣйствию огненной воды, нежели другія дикія расы, можетъ быть потому, что они вообще пьютъ много, преимущественно пиво и пальмовое вино. У сильныхъ міра идутъ, почти ежедневно, жестокія попойки. Пьютъ оба пола, и оба также курятъ и нюхаютъ табакъ, который разводится почти повсемѣстно. Курятъ также коноплю, имѣющую одуряющее свойство.

Пляска и музыка занимаютъ огромное мѣсто въ жизни нег-

ровъ. Есть разные барабаны, рога, цитры и другіе инструменты. По селеніямъ звуки такихъ оркестровъ, пѣнье, возбужденные голоса слышатся ночи на пролетъ. Въ походѣ негры любятъ развлекать себя пѣньемъ; но въ большую жару всегда плетутся молча. На привалахъ, въ хорошую погоду, музыка и пляска идутъ своимъ чередомъ, не смотря ни на какое утомленіе. Пляшутъ негры всегда съ азартомъ: земля дрожитъ, пыль столбомъ, и преобладающій характеръ пляски очень несскромный.

Впечатлѣнія путешественниковъ относительно нравственной природы негровъ вообще неблагоприятны. Томсонъ, однакожъ, справедливо замѣчаетъ, что для вѣрныхъ выводовъ нужно долго жить въ краѣ и знать языкъ; а путешественникъ все видитъ при исключительныхъ условіяхъ, и многое, неизбежно должно ему представляться въ извращенномъ видѣ. Онъ вообще внушаетъ смутный страхъ и его появленіе чрезвычайно волнуетъ воспримчивое населеніе дикарей. Его считаютъ способнымъ наслать на край всякія бѣды, всегда замышляющимъ что-нибудь злое, и въ особенности боятся захвата невольниковъ. Обманъ и насиліе противъ подобныхъ существъ могутъ быть только похвальны, и сдерживаются единственно страхомъ передъ ихъ видимой и предполагаемой силой. Съ другой стороны, извѣстно, что отъ нихъ можно поживиться. Самъ путешественникъ всего чаще боленъ, совершенно утрачиваетъ нравственное равновѣсіе, раздражается до звѣрства, изнемогаетъ иногда до полусознательнаго состоянія и потери памяти и плетется въ такомъ видѣ иногда многіе дни сряду. Томсонъ замѣчаетъ, что путешественники не скупаются на подробности досадъ и терзаній, которыя имъ приходится выносить со стороны носильщиковъ; но не говорятъ, что тѣ выносятъ со стороны людей, утратившихъ всякую власть надъ собой и приходящихъ въ иступленіе по самому ничтожному поводу. Пинто также сознаетъ трудность нравственнаго положенія путешественника, и въ одномъ изъ тѣхъ искреннихъ порывовъ, которые украшаютъ его книгу, онъ выражается приблизительно такъ:—Положеніе исключительное: все кругомъ враждебно—и климатъ, и люди. Видитъ одинъ всевышній Судья—одна совѣсть. Приходится ограждать честь предпріятія и свое нравственное достоинство въ обстоятельствахъ, когда страсти слишкомъ легко сбиваютъ съ прямого пути. Оваціи, оказанныя мнѣ за преодолѣніе матеріальныхъ препятствій, я бы скорѣе призналъ заслуженными побѣдой въ страшной внутренней борьбѣ.—Такимъ образомъ, путешественнику вообще трудно вѣрно оцѣнить нравственную сторону туземцевъ и особенно тѣ ихъ черты, которыя могутъ появляться

въ личныхъ отношеніяхъ. Есть, конечно, свидѣтельства, составленныя и многочисленными резидентами-миссіонерами; но они всего чаще грѣшатъ извѣстной односторонностью, а главное, касаются только племенъ, давно уже подверженныхъ европейскимъ воздѣйствіямъ и въ значительной мѣрѣ утратившихъ самобытность.

Въ большинствѣ случаевъ результаты этого воздѣйствія скудны и неприглядны. Въ иныхъ мѣстностяхъ, ничего, кромѣ зла, не принесли покуда и арабы. На караванныхъ путяхъ вездѣ развратъ. Населеніе изолгалось, наторѣло въ попрошайничаньѣ, вымогательствахъ и воровствѣ. Нѣчто подобное *туристамъ* вызываетъ вездѣ, и африканскія дебри едва ли могутъ превзойти въ этомъ отношеніи иные европейскіе портовые города. Туристъ самъ бѣдствуетъ и развращаетъ населеніе даже при наилучшихъ побужденіяхъ; а въ Африку такіе благонамѣренные путники стали проникать лишь недавно. Большинство пришлыхъ людей португальцевъ, голландцевъ, англичанъ или арабовъ, до сихъ поръ должны быть признаны, по выраженію Пинто, крайне жалкими апостолами цивилизаціи. Они являются къ неграмъ со всѣми приемами и подвохами самой наглої эксплуатаціи; обманываютъ ихъ систематически, разжигаютъ ихъ пороки и слабости, спаваютъ ихъ, подбиваютъ вождей на новыя вымогательства въ свою пользу; гдѣ можно, прибѣгаютъ и къ открытому насилію. Погге, всего менѣе расположенный къ сантиментальному взгляду на негровъ, прямо говоритъ, что ихъ развратили; что они стали обманывать потому, что ихъ самихъ слишкомъ много обманывали, и что извѣстныя области отказались признавать главенство Португаліи именно вслѣдствіе невыносимаго произвола и насилій торговцевъ. Подальше въ глубь материка, въ сторонѣ отъ проторенныхъ путей, его встрѣчали привѣтливо, не вымогали, не попрошайничали и не крали. Тутъ ему пришлось отстаивать свое добро только противъ властителя края и знатныхъ особъ обоего пола. Томсонъ также замѣтилъ разницу въ характерѣ населенія на обычныхъ путяхъ и въ сторонѣ отъ нихъ. Пинто, который едва не погибъ вслѣдствіе недоброжелательства и козней португальскихъ торговцевъ, со страстью говоритъ о томъ, до какой степени путешественнику пріятнѣе и безопаснѣе проходить по совершенно непочатымъ мѣстностямъ. Тамъ, гдѣ правильная торговля невозможна, гдѣ путевые расходы такъ громадны, что только товаръ, способный дать 300—400% барыша, въ состояніи ихъ выносить, и рискъ болѣзни, смерти и потери всего имущества такъ велики, что пионерами цивилизаціи являются часто не только забубенныя головы, неразборчивыя на средства,

но и презрѣннѣйшіе негоды, не останавливающіеся ни передъ какимъ злодѣйствомъ. Между тѣмъ, при столкновеніи съ цивилизаціей, низшія расы вообще поддаются прежде всего вліянію разлагающихъ ея элементовъ, пагубныхъ для прежняго строя ихъ жизни. Чтобы новое могло возникнуть, прежнее роковымъ образомъ должно разложиться, разпаться, ослабнуть. Ничего привлекательнаго подобный процессъ не можетъ представлять.

Степень всего этого бываетъ конечно различна, смотря по условіямъ и особенно по характеру воздѣйствія. На югѣ готтентотскія племена, которымъ пришлось столкнуться съ голландскими боэрами и англійскими колонистами, всегда были жалкими представителями челоуѣчества. Теперь, подъ вліяніемъ пьянства и подчиненности чуждому строю жизни, они еще болѣе жалки и быстро вымираютъ. Порядочный процентъ работаетъ, спивается и мретъ въ алмазныхъ копияхъ и на золотыхъ приискахъ или составляетъ низшій слой городского населенія. Затѣмъ, въ дальнихъ селеніяхъ, тѣ же шалаши и та же убогая языческая жизнь, причеиъ, однакожъ, иныя племена гораздо крѣпче и счастливѣе и болѣе подаютъ надеждъ на улучшение быта. Но всѣ эти люди, даже самыя жалкіе успѣли освоиться съ мыслью, что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть невольниками. Англичане и боэры отняли у нихъ много земли; но въ теперешнихъ селеніяхъ утратилось самое представленіе о возможности нападенія сосѣдей, разоренія полей, угона скота, увода плѣнныхъ и т. п. Вслѣдствіе частыхъ и продолжительныхъ сношеній съ европейцами, въ общее сознаніе все-таки должно было проникнуть множество понятій, чуждыхъ дикарямъ, и составляющихъ подготовительные шаги къ высшему уровню жизни. А въ сосѣднемъ, независимомъ царствѣ Бамангватѣ, англійскимъ миссіонерамъ, при содѣйствіи умнаго и доброжелательнаго царя Камы, удалось достигнуть такихъ успѣховъ, что тутъ жизнь уже вступила въ періодъ созиданія, и рѣшительно взяла верхъ надъ первоначальными темными сторонами переходной эпохи. Пинто не вѣритъ въ способность негровъ къ усвоенію цивилизаціи. Онъ считаетъ, что эта «мечта экзальтированныхъ умовъ» могла бы осуществиться тогда только, еслибъ на каждаго чернаго приходилось по одному бѣлому. Онъ думаетъ, что проникнулъ въ душу негра и не прочелъ въ ней ничего, кромѣ алчности, подлости передъ сильнымъ, жестокости къ слабому. Въ разныхъ случаяхъ, онъ, однакоже, самъ судить иначе, а цивилизацію въ царствѣ Камы признаетъ фактомъ и только полагаетъ, что она непрочно и зависитъ единственно отъ личности властителя. Однакожъ, онъ же рассказываетъ, что

когда Кама, въ виду интригъ отца и брата, отрекся-было отъ престола, — «населеніе, успѣвшее оцѣнить его мудрое господство, возстало поголовно и возвратило ему власть». Населеніе полюбило европейцевъ, заимствовало у нихъ религію, употребленіе плуга, счетъ на деньги, европейское платье, обычай ходить безъ оружія, хотя огнестрѣльное оружіе есть у многихъ. Все это Пинто признаетъ дѣломъ трехъ англійскихъ миссіонеровъ. Царя Каму онъ называетъ совершеннымъ джентльменомъ и говоритъ, что онъ безпрестанно въ народѣ, безъ оружія и безъ конвоя, причемъ его привѣтствуютъ и кланяются ему съ видимой привязанностью. Во время голода, онъ накупилъ огромные запасы хлѣба и раздавалъ нуждающимся.

Какъ далеко отъ этой картины до негрскихъ царей-фетишеровъ съ неотлучнымъ палачемъ и придворными, которые бросаютъ растирать плеви руками.

Затѣмъ достаточно упомянуть о Либеріи, самостоятельно созданной неграми, подъ вліяніемъ европейскихъ идей.

Такимъ же образомъ и вліяніе арабовъ, вліяніе ислама, запятнанное всѣми ужасами невольничьяго промысла, успѣло однакоже поднять негрскія царства Судана до уровня, все еще фанатическаго и мрачнаго, но уже допускающаго совсѣмъ иной складъ жизни и иное развитіе личности, нежели порядки Ашанти и Дагомея. Въ лицѣ египетскаго правительства и теперешнаго султана занзибарскаго, исламъ оказался даже способнымъ проводить свое цивилизующее вліяніе по инициативѣ или побужденію Европы. Это началось недавно; но добрые результаты уже видимы, и нѣтъ основаній сомнѣваться въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи.

Но трудно признать что-либо доброе, искупающее въ результатахъ трехсотлѣтняго владычества Португаліи на огромномъ протяженіи береговой линіи обоихъ океановъ. Смѣлые португальскіе торговцы и торговцы цвѣтные, воспитанные въ ихъ школѣ, исходили материкъ въ разныхъ направленіяхъ, проложили прочныя караванныя пути и завязали торговыя сношенія съ самыми отдаленными мѣстностями. Если бы эти пути были нанесены на карту и эти мѣстности описаны, наши свѣдѣнія объ южной Африкѣ давно бы достигли значительной полноты. Но эти люди были не только неспособны къ выполненію подобной задачи, но и всего менѣе расположены проливать свѣтъ на поприще своихъ темныхъ дѣланій. Каждый, напротивъ, старался замести свои слѣды и отпугивать другихъ отъ пробитой тропы. Почувывъ въ Пинто человека вреднаго, современные представи-

тели вѣковой системы пустили въ ходъ всякія козни, чтобы его погубить, успѣли загородить ему свои заповѣдныя пути и заставили броситься на голландско-англійскую проѣзжую дорогу. Путиами, ими проложенными, шли только новыя виды обирания туземцевъ, спаиваніе, сифилисъ, захватъ невольниковъ. Въ мѣстностяхъ болѣе близкихъ къ берегу, гдѣ прямое насиліе было безопасно, хищничества и злодѣйства дошли до того, что туземцы, наконецъ, прибѣгли къ репрессаліямъ. За сильнаго обидчика сталъ расплачиваться слабый, и туземцы такъ вошли во вкусъ этого дѣла, и изобрѣли цѣлую систему грабежа, которая прочно установилась на обширномъ пространствѣ и сдѣлалась грозой торговцевъ, такъ что менѣе отчаянные люди вовсе отказались отъ снаряженія каравановъ. Столкновенія возникаютъ теперь въ каждомъ селеніи и удовлетвореніе вымогается совсѣмъ несоразмѣрное и притомъ не только за убытки дѣйствительныя, но и за фиктивные. Хозяину каравана приходится расплачиваться за магійскую провинность своихъ людей; и такія провинности нарочно возбуждаются подсылкой женщинъ, подбрасываніемъ вещей и т. п. Подъ вліяніемъ такихъ порядковъ, португальскія колоніи Нижне-Гвинейскаго берега не только пришли во всѣхъ отношеніяхъ въ жалкій упадокъ, но и значительно уменьшились въ размѣрѣ. Пинто, отстаивая съ жаромъ честь своей родины, говоритъ, что она непричастна этимъ поворнымъ фактамъ; что ихъ нельзя ей ставить въ вину, какъ нельзя обвинять Францію въ событіяхъ коммуны, Италію — въ калабрійскихъ разбояхъ, Америку — въ убійствѣ Линкольна! Однакожъ, онъ же «настоятельнѣе протестуетъ противъ системы отправки въ колоніи гнуснѣйшихъ и порочнѣйшихъ представителей столичныхъ подонковъ, системы, которая была главной причиной упадка многихъ самыхъ богатыхъ нашихъ колоній, подводнымъ камнемъ, столько разъ, грозившимъ намъ гибелью». Онъ вынужденъ сознаться, что хотя въ Португаліи не хотѣли вѣрить ужасамъ, рассказаннымъ Ливингстономъ и Камерономъ, общественное мнѣніе возстало, чело-вѣческая душа отказывалась вообразить, — но, къ сожалѣнію, все это въ главныхъ чертахъ вѣрно.

* Однакожъ, еслибы даже вся лѣтопись отношеній высшихъ формъ цивилизаціи въ Африкѣ не представляла ничего, кромѣ подобнаго возмутительнаго зла, пришлось бы съ нимъ примириться въ виду ужасовъ самобытной африканской жизни и неспособности негрской расы подняться до иного уровня безъ вѣшняго воздѣйствія, безъ того, указаннаго уже процесса разложенія или разпаванія первобытныхъ формъ, для позднѣйшей

мѣны ихъ новыми. Тяжело видѣть, что, вслѣдствіе ничѣмъ не сдержанной похоти самыхъ пресрѣнныхъ продуктовъ цивилизаціи и устраненія ея добрыхъ и честныхъ силъ, этотъ процессъ вырождается въ такія чудовищныя формы и застываетъ въ нихъ такъ надолго. Но онъ все-таки необходимъ, онъ все-таки путь къ лучшему—и въ данномъ случаѣ, очевидно, единственно возможный путь. Его примѣненіе къ другимъ низшимъ расамъ нерѣдко приводитъ къ ихъ истребленію или вымиранію. Этой участи обречены американскіе краснокожіе, австралійцы, ново-зеландцы и многіе островитяне, быть можетъ, низшія готтентотскія племена. Но негрская раса африканскаго материка поставлена, кажется, иначе. Въ этой борьбѣ за существованіе, при столкновеніи съ болѣе развитыми расами, негра выручаетъ дѣтская подвижность духа, большая способность примѣняться ко всякимъ условіямъ, перенимать; довольство малымъ; фیزیологическія преимущества по отношенію къ климату, и, наконецъ, огромная производительная энергія, въ смыслѣ сохраненія типа даже въ отдаленныхъ помѣсяхъ и поглощенія въ себя типическихъ признаковъ другихъ расъ, такъ что, напримѣръ, Рольфсъ выражаетъ убѣжденіе, что негрская раса поглотитъ и арабовъ, и берберовъ.

Негры всѣ—безписьменные варвары. Въ теченіе тысячелѣтій они нигдѣ не сдумали выйти изъ первобытнаго состоянія. Роскошная природа, позволяющая не трудиться по цѣлымъ мѣсяцамъ, глубоко укоренила въ нихъ основную черту варварства, склонность жить настоящей минутой, не загадывать, предпочитать малѣйшее немедленное благо всему болѣе далекому, неохоту трудиться ради результатовъ, не непосредственно осязуемыхъ, равнодушіе ко всякимъ отдаленнымъ цѣлямъ. Невольничество потому именно такъ глубоко въѣлось въ африканскую жизнь, что невольника можно заставить все за себя сдѣлать—даже позаботиться о завтрашнемъ днѣ. Близкое, легко доступное, напротивъ, сильно прельщаетъ негра. Онъ любитъ всякое возбужденіе и отдается ему съ большой страстностью, будь то музыка, пляска, оргія или бой. Оттого, конечно, африканскія дебри такъ и залиты кровью. Въ негрѣ нѣтъ расчетливой жестокости малайца или краснокожаго. Онъ не измышляетъ побѣжденному врагу медленныхъ пытокъ и не наслаждается его страданіями. Но мечта о хищническомъ набѣгѣ для него полна прелести. Онъ заранѣе торжествуетъ, снаряжается и украшаетъ себя по боевому, хитро подкрадывается, застигаетъ върасплохъ, врывается страшный, и рѣжетъ десятками презрѣнныхъ, которые кричатъ о пощадѣ. Вражеское селеніе горитъ; женщины и дѣ-

бушки — трепещущая добыча; пошелъ пьяный пиръ, обжорство безъ границъ, торжествующая, изступленная пляска. Все, принадлежавшее врагу и чего нельзя унести, побѣдитель истребитъ: жилье, запасы, поля. Кто уцѣлѣлъ, всѣхъ угонитъ къ себѣ, заставитъ на себя работать, промѣняетъ, черепами убитыхъ украсить ограду селенія. Исполненіе подобныхъ замысловъ нельзя откладывать, потому что врагъ можетъ предупредить, и въ этой рѣзні нападающій почти всегда беретъ верхъ. Въ новодѣ нѣтъ надобности: достаточно слуха, что племя живетъ въ достаткѣ или что оно слабо. Тому, кто самъ не смѣетъ подумать о нападеніи на другого, остается только бѣжать въ мѣста недоступныя, въ горы, болота, непролазную чащу.

Такъ было искони, и тоже происходитъ теперь. На путяхъ, описанныхъ за немногіе годы, новые пришельцы нерѣдко встрѣчаются съ новыми племенами, а прѣжнія людныя поселенія застанутъ въ жалкомъ упадкѣ или совершенномъ запустѣніи. Цѣлыя мѣстности иногда въ конецъ опустошаются. Идя путемъ Буртона и Спинка, Томсонъ многое нашелъ совсѣмъ уже не такъ, какъ оно было тогда. Пинто, конечно, ошибается, признавая поселенія мелкихъ племенъ болѣе удобнымъ полемъ для дѣятельности миссіонеровъ, такъ какъ тамъ будто бы не бываетъ тѣхъ оптовыхъ истребленій, которыми прославились крупныя негрскія государства. Но онъ упускаетъ изъ виду, что взаимное истребленіе мелкихъ племенъ еще губительнѣе. Оно недостаточно предупреждается конфедераціями, къ которымъ они часто прибѣгаютъ; такъ что первымъ, нѣсколько прочнымъ шагомъ въ улучшенію ихъ жизни является подчиненіе ихъ подъ одну сильную руку. Тамъ, гдѣ этотъ процессъ совершился, существованіе становится все-таки болѣе обезпеченнымъ, хотя уровень жизни по прежнему первобытный и низменный.

Организація крупнаго негрскаго государства представляетъ смѣсь неограниченной деспотіи съ феодальными порядками. Повелѣніямъ монарха предѣла не положено. Жизнь и имущество каждаго въ его рукѣ и, посредственно, въ рукѣ приближенныхъ, облеченныхъ его довѣріемъ. Но степенъ подчиненія отдѣльных мѣстностей все-таки разная. Округа и области состоятъ подъ властью цѣлой іерархіи вождей. Въ своемъ районѣ каждый всесилентъ, беретъ съ подвластныхъ, сколько можетъ, и пользуется ихъ трудомъ; а самъ платитъ выспшему и исполняетъ его требованія. Въ каждомъ селеніи старшина называется отцомъ обывателей, а они его дѣтьми. Они строятъ ему жилье, обрабатываютъ поле, несутъ лучшую часть каждой штуки убитой дичи. Безъ

его разрѣшенія никто не смѣетъ входить ни въ какія сдѣлки. Подчиненіе округовъ, ближайшихъ къ центру власти, полнѣе. Дани тутъ собираются чаще, требованія болѣе разнообразны и расправа короче. Такіе округа раздаются обыкновенно приближеннымъ вельможамъ, постоянно находящимся при особѣ царя. Дальнія области отбываютъ дань рѣже, нѣтъ только однажды въ годъ, вообще—кто чѣмъ можетъ по мѣстнымъ условіямъ: невольниками, костью, кожами, цыновками, мѣдью. Въ нѣкоторыхъ государствахъ кость, медь и соль составляютъ регалию и сполна идутъ въ царскую казну. Въ принципѣ царь раздаетъ округа и области, или отнимаетъ ихъ по своему усмотрѣнію, и можетъ въ нихъ распоряжаться, какъ захочетъ. Но на практикѣ, ежели дань отбывается исправно, онъ не вмѣшивается во внутренніе порядки и допускаетъ даже замѣщеніе правителей по мѣстному обычаю. Противъ неисправныхъ данниковъ высылаются экзекуціонные отряды, всего чаще съ приказаніемъ казнить виновнаго. Посылка подобныхъ отрядовъ, военныхъ экспедицій, или снаряженіе царемъ торговыхъ каравановъ составляютъ истинное бѣдствіе для населенія, такъ что оно разбѣгается и села пустѣютъ.

Возвращеніемъ въ столицу начальники экспедицій не спѣшатъ и затягиваютъ выгодныя командировки на мѣсяцы и годы; а съ выручкой отъ ввѣренныхъ товаровъ иногда исчезаютъ. Въ случаѣ войны, всѣ подвластныя области обязаны выставить вооруженную силу. Огнестрѣльное оружіе не рѣдкость; но негры все еще предпочитаютъ старинныя мушкеты, ради большаго заряда, который ихъ веселитъ. Раны, наносимыя стрѣлами и копьями, всегда опасны, вслѣдствіе зазубренной фигуры наконечника. Кромѣ того, оружіе часто бываетъ отравлено: мажутъ ядомъ—хотя и не всегда смертельнымъ—древко у наконечника, и при выступленіи въ походъ обертываютъ это мѣсто древеснымъ листомъ, для предохраненія отъ дождя и росы. Иныя племена такъ хитры, что смазываютъ ядомъ шипы придорожнаго кустарника и втыкаютъ отравленные колючки въ землю.

Царства основываются счастливымъ завоеваніемъ и держатся всего крѣпче суевѣрнымъ представленіемъ о тайной силѣ, приущей царю, о его неуязвимости, способности совершать спасительныя для народа волшебства и отвращать бѣды. Въ дни, когда царь отправляетъ эти высшія свои функціи, обычные приемы превращаются, и никто не дерзаетъ къ нему проникнуть. Въ царствѣ Муата-Ямво царскій авторитетъ утвержденъ такъ прочно, что теперешній властитель—тринадцатый по счету потомокъ основателя царства. Дѣвнадцать его предшественниковъ погребены

всѣ въ одномъ мѣстѣ, которое почитается священнымъ. Напротивъ, въ царствѣ Бороде или Луи на верхнемъ Замбези, произошедъ въ послѣдніе годы цѣлый рядъ кровавыхъ переворотовъ, который начался въ 1877 г. съ умерщвленія царя Чипопи (или Сенопо). Онъ царствовалъ долго, и хотя неудовольствіе подданныхъ, раздраженныхъ его жестокостію, заставило его однажды перенести столицу и уступить управленіе обширными областями своей дочери, однакожъ, передъ нимъ все-таки трепетали, вслѣдствіе убѣжденія въ его страшномъ фетишерскомъ могуществѣ. Когда онъ неосторожно рискнулъ нѣсколькими предсказаніями, проверка которыхъ была слишкомъ легка и которыя не исполнились, обаяніе исчезло и давно таившаяся ненависть вспыхнула. Голубъ, долго жившій при дворѣ Чипопи, говоритъ, что даже высшіе сановники ежеминутно трепетали за свою жизнь. Интрига, зависть, желаніе овладѣть имуществомъ, не щадилъ никого. Составлялся доносъ въ вышнихъ умыслахъ противъ особы властителя — и человекъ погибалъ. И въ дальнихъ областяхъ часто привлекали такихъ несчастныхъ. Чипопа тайно приказывалъ палачу убивать даже тѣхъ, которые выдерживали испытаніе ядомъ. Негри трепещутъ передъ жестокими правителями. Оттого они охотно вѣряютъ власть женщинамъ. Палачъ не отходитъ отъ Муата-Ямбо; но въ числѣ придворныхъ при немъ всегда и другіе сановники, обязанные наблюдать, чтобы онъ не напивался и не курилъ — именно въ предупрежденіе приступовъ жестокости. И дѣйствительно, за нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія Погге въ Мусумбѣ, казней было всего четыре, хотя тенерешній Муата-Ямбо считается человекомъ жестокимъ и до крайности подозрительнымъ.

Послѣ царя и вождей, вліятельнѣйшими лицами въ негрскомъ мірѣ являются лекаря, колдуны и заклинатели дождя — три категоріи обособленныя, хотя въ приѣмахъ должно, конечно, быть много общаго и рука руку моетъ всегда. О лекаряхъ Погге говоритъ, что хотя они обставляютъ леченіе амулетами и наговорами, но въ дѣйствительности располагаютъ нѣсколькими хорошими растительными средствами, которыя имѣютъ то преимущество передъ европейскими, что всегда свѣжи, тогда какъ европейскія лекарства нерѣдко оказываются испорченными. Въ его партіи былъ негръ, которому онъ, въ случаѣ болѣзни, не задумался бы вѣрить себя. Врачъ Голубъ также признаетъ, что они умѣютъ справляться съ дисентеріей, лихорадкой, кашлемъ, катарромъ легихъ, кровотечениями и укушеніемъ змѣй. Пинто также замѣчаетъ, что заклинатели дождя рѣдко ошибаются въ своихъ предвѣщаніяхъ, вслѣдствіе очень чуткаго и внимательнаго

наблюденія атмосферическихъ явленій. Колдуны опредѣляютъ истинную причину всего случившагося, прозрѣваютъ въ будущее, ограждаютъ людей отъ бѣды и содѣйствуютъ ихъ благополучію. Негру недоступно понятіе о высшей волѣ, правящей міромъ. Онъ не поклоняется ни солнцу, ни лунѣ, ни идоламъ. Но все, ближайшимъ образомъ его окружающее, можетъ проникнуться враждебной силой, стать фетишемъ, и есть люди, способные извѣстнымъ образомъ направлять эту силу, особенно мертвецы, ежели не выполнено что слѣдуетъ надъ ихъ тѣломъ, или не отомщено за нихъ кому-нибудь. Есть, впрочемъ, и средства защитить себя: рога и когти животныхъ, разные составы, лоскуты, наговоры, и всѣмъ этимъ располагаетъ колдунъ. Смерть — всегда дѣло фетиша. Колдунъ узнаетъ, кто тутъ виновенъ, и большею частью бываетъ виновенъ умершій. Ежели виновный живъ, онъ долженъ откупиться, удовлетворить родныхъ — или же доказать свою невинность принятіемъ яда, къ которому прибѣгаютъ и въ большей части спорныхъ случаевъ. Обыкновенно ядъ бываетъ не смертельный. Кого изъ тяжущихся спорѣ вырветъ, тотъ и правъ. Ежели обвиненнаго вовсе не вырветъ, онъ виноватъ. Очень часто исцеленія эти производятся не на самихъ тяжущихся, а на дѣтахъ или на собакахъ. Всякія стихійныя явленія, не задумываясь, относятъ къ фетишерству. Когда въ Муссумбѣ умерла принцесса и молнія расщепила дерево на плантаціи Муата-Ямво, никто не сомнѣвался, что это дѣло фетишера. И когда онъ былъ, наконецъ, узнанъ и схваченъ, толпа бѣшено обступила царя и требовала казни. Въ другихъ земляхъ, фетишеру, принявшему ядъ, даютъ отлежаться. Но въ Муссумбѣ онъ можетъ спастись только, ежели его вырветъ мгновенно. Иначе его тутъ же прикалываютъ. Должно погибнуть и все принадлежавшее фетишеру. Семья идетъ въ рабство, частью къ вождямъ, частью къ пострадавшимъ; скотъ также разбирается по рукамъ, жилие разрушаютъ, поле опустошается.

Источникъ такого отношенія въ семьѣ вреднаго человѣка заключается, однакожъ, въ одной изъ лучшихъ сторонъ негрскаго быта, а именно въ сильно развитомъ чувствѣ родства и круговой поруки. Негръ крѣпко стоитъ за своихъ. Ежели человѣкъ пострадалъ, никто не оспариваетъ права его родныхъ на вознагражденіе. Ежели онъ провинился и самъ расплатиться не можетъ, родные непременно должны отвѣтить. Престарѣлыхъ родотвенниковъ, однакожъ, во многихъ мѣстностяхъ убиваютъ; въ-подъ родительской власти выходить рано и особеннаго уваженія или привязанности къ родителямъ не питаютъ. Мнѣнію,

будто бы негръ не знаетъ родины, несправедливо. Ея не могутъ знать уведенные въ неволю дѣтьми; но взрослые забываютъ ее не скоро и возвращаются черезъ годы. Одна изъ причинъ, почему въ невольничьихъ партіяхъ взрослыхъ мужчинъ такъ мало, заключается именно въ томъ, что ихъ и на цѣпи удержать трудно. Только океанъ окончательно отрываетъ негра отъ родныхъ мѣстъ; съ материка онъ бѣжитъ. Въ связи съ этимъ и другая хорошая сторона негровъ: уживчивость со своими. Ссоръ или дракъ между односельчанами, или носильщиками въ караванѣ, мало. Если человѣкъ виноватъ и въ установленномъ порядкѣ за это наказывается, то каждый готовъ наброситься; но въ подобныхъ случаяхъ, отношенія вообще добрыя. Общительность очень развита: негръ не только охотно пристаётъ ко всякой толпѣ и вмѣшивается во всякій разговоръ, но не стѣсняясь идетъ и во дворъ, и въ шалашъ въ каждому. Бѣлыхъ такъ обступаютъ, что Томсонъ не могъ отбиться отъ толпы даже во время необходимыхъ уединенныхъ прогулокъ. Даже дворъ вѣстителя болѣею частью доступенъ свободному негру. Собесѣдованія завязываются легко, и къ нимъ у негра несомнѣнный талантъ. Онъ рассказываетъ съ большимъ одушевленіемъ, образы находятъ удачныя, рѣчь строить складно.

Быть можетъ, въ этомъ талантѣ и въ живости воображенія заключается лишнее неощреніе къ неправдѣ, которая такъ развита у всѣхъ негровъ — вовсе дикихъ и полудицилизованныхъ. Два негра, спрошенные о томъ же, всегда говорятъ разное, и всего осторожнѣе слѣдуетъ относиться къ пріятнымъ извѣстіямъ, ими сообщаемымъ, такъ какъ подобныя извѣстія часто сочиняются въ виду обычнаго подарка. Практическій Сильва Порто настоятельно убѣждалъ Пинто не вѣрить въ Африкѣ рѣшительно никому, кто много разъ не докажетъ, что *можемъ не мѣсть*. Особеннымъ мастерствомъ въ лганьѣ отличаются бихеносы, выработавшіеся подъ рукой Португаліи.

Трусости въ темпераментѣ негра вообще нѣтъ. Есть племена робкія, загнанныя, принужденныя ежеминутно трепетать за существованіе. Они же оказываются и самыми раздражительными и быстро переходятъ отъ страха къ вступленнѣйшей ярости. Не ежели негръ сразу не поддался паникѣ, не растерялся, онъ дерется храбро. Вообще напряженность активнаго сопротивленія, оказываемаго неграми европейцамъ, всего менѣе можетъ служить мѣриломъ ихъ способности къ высшему уровню быта. Пинто сравниваетъ негра съ скаковой лошадыю и говоритъ, что тѣмъ труднѣе съ нимъ возиться сначала, тѣмъ онъ потомъ послушнѣе.

На Томсона произвели самое тяжелое впечатлѣніе племена ту-пыя, апатическія, по поводу которыхъ онъ замѣчаетъ, что обезьяны гораздо любознательнѣе; и напротивъ, наиболѣе понятливымъ и способнымъ къ цивилизаціи онъ признаетъ то самое племя Варау, отъ котораго много натерѣлся и едва ушелъ живой. Правда, что негры привыкли къ ручной расправѣ и что въ походѣ европейцу чрезвычайно трудно обойтись безъ этого способа убѣжденія. Общаніями мало прельщаются и всегда требуютъ выдачи обѣщаннаго, хотя бы съ своей стороны ничего не сдѣлали. Томсонъ прибѣгнулъ было къ штрафамъ; но этимъ вызвалъ бунтъ. Въ разговорѣ по душѣ ему потомъ сказали, что ничего хорошаго въ штрафахъ нѣтъ и согласиться на нихъ никакъ нельзя. Съ тѣхъ поръ онъ махнулъ рукой, и въ случаяхъ неповиновенія прямо разстегивалъ ременный поясъ, а когда слишкомъ къ нему приставали, бросался вещами. Была одна сцена, по поводу которой онъ говоритъ, что остервенился, какъ рабовладѣлецъ: бросился въ воду за человѣкомъ, который не хотѣлъ идти куда слѣдовало; но вообще были добрыя отношенія: на походѣ онъ часто велъ дружескіе разговоры, видѣлъ участіе своихъ людей къ тому, что его занимало, и ихъ доступность впечатлѣніямъ отъ картинъ природы. У нихъ совершался одушевленный взаимный *shakehands* въ главные моменты экспедиціи, такъ что они чуть руки Томсону не выворотили. Расположеніе къ нему, вѣрность въ выполненіи обязательствъ и мужество въ перенесеніи огромныхъ трудностей они несомнѣнно доказали. Онъ ихъ не забылъ и по возвращеніи въ Англію, и выхлопоталъ имъ у Географическаго Общества медали, а двумъ главнымъ почетныя сабли. Онъ такъ увѣренъ въ возможности добрыхъ отношеній къ туземцамъ, что въ заключительныхъ словахъ разсказа выражается приблизительно такъ—конечно, съ намереніемъ на Стэнли: потрясающей новизны въ моемъ путешествіи немного, но я горжусь тѣмъ, что оно не стоило ни одной жизни; что я не допустилъ ни одного выстрѣла ни для нападенія, ни для защиты себя. Съ меня довольно того, что я доказалъ, что занзибарскіе носильщики несравненно лучше, чѣмъ ихъ изображали. Совершенную противоположность отношеніямъ Томсона къ своимъ спутникамъ мы видимъ у д-ра Погге. Тотъ вполне провинился системой торговца человѣческимъ мясомъ, но въ покровительствѣ котораго совершила часть экспедиціи. Его принципъ—палка и пощечина, безъ разговора; затыкъ достаточный кормъ, потворство своимъ въ столкновеніяхъ съ посторонними, и уступки въ мелочахъ, такъ какъ европейскія понятія о правѣ въ Африкѣ непримѣнимы.

Она съ эпитетическимъ спокойствіемъ приводитъ примѣры приложенія этихъ правилъ къ практикѣ...

Женщина въ Африкѣ вообще менѣе угнетена и пользуется значительной свободой, хотя обычай отдѣльныхъ мѣстностей на этотъ счетъ очень различенъ. Она всегда считается рабыней мужа; но фактически можетъ пользоваться большою независимостью, сама владѣетъ невольниками и располагаетъ по своему усмотрѣнію извѣстной частью всего урожая. Мы видѣли, что даже случаи избавленія женщинъ правительственными въ Африкѣ нерѣдки. Работа, болѣею частью, распределяется между обоими полами; только въ меньшинствѣ случаевъ женщина работаетъ на празднаго мужчину, какъ, напримѣръ, у зулусовъ, гдѣ ея положеніе самое жалкое. Свобода половыхъ отношеній въ значительной степени распространяется на оба пола; а во многихъ мѣстностяхъ мужья извлекаютъ даже доходъ изъ этой статьи, и презираютъ женъ, недостаточно привлекательныхъ и потому бездоходныхъ. Принадлежность дѣтей опредѣляется различно. Между прочимъ, они нерѣдко принадлежатъ старшему брату женщины, у котораго тогда и сватаютъ дѣвушку. Въ случаѣ смерти ребенка, женщина обязана выдать брату извѣстное вознагражденіе. Имѣть многихъ дѣтей считается для женщины честью и благополучіемъ, рѣдко, впрочемъ выпадающимъ на ея долю. Негрская раса не плодovitа, или по крайней мѣрѣ не настолько, чтобы преодолѣть всѣ тѣ препятствія въ быстрому размноженію, которыми, въ теченіе тысячелѣтій, обставлены были ея бытъ: многоженство, крайнюю распущенность нравовъ, уводъ въ рабство огромнаго процента населенія въ лучшемъ возрастѣ, дикое обращеніе съ младенцами (между прочимъ, когда практикуется сжиманіе головы), наконецъ, общую необезпеченность жизни и массовыя истребленія при постоянныхъ разпряхъ между племенами. Данныхъ, выражающихъ движеніе населенія, покуда не могло быть собрано, и только будущее покажетъ, насколько оно способно къ развитію по мѣрѣ улучшенія общихъ условій быта.

Способность негровъ сходиться въ крупныя общины настолько значительна, что въ главныхъ пунктахъ негрскихъ государствъ, населеніе считается десятками тысячъ, и при торжественныхъ пріемахъ могущественные вожди являются окруженные тысячными толпами. Для военныхъ предпріятій сосредоточеніе силъ бываетъ еще болѣе. Дѣйствовать противъ этихъ полчищъ европейскими войсками чрезвычайно трудно, такъ какъ успѣхъ въ открытомъ бою не рѣшается дѣла, да и не всегда

удается заставить противника принять бой; а между тѣмъ тропическое солнце и болѣзни обезсиливаютъ и губятъ европейцевъ, неустынный врагъ поражаетъ изъ лѣсной чащи, при трудныхъ переправахъ, въ глубокихъ ущельяхъ. Войны затягиваются и стоятъ милліоны, не давая въ сущности никакого результата и угрожая возможностью возобновленія во всякое время. Англичане неоднократно испытывали въ войнахъ съ ашантиями, зулусами и басуто. Французы также имѣли случай убѣдиться, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега ихъ власть въ Сенегалѣ не особенно крѣпка. Такимъ образомъ, хотя обращеніе къ оружію можетъ иногда оказаться необходимымъ, для защиты противъ воинственныхъ племенъ, способныхъ безстрашно и упорно нападать на европейцевъ,—какъ, напримѣръ, зулусы—или для прекращенія воюющихъ злодѣйствъ; но вообще это жестокое и дорогое средство даетъ плохіе результаты и прибѣгать къ нему, очевидно, слѣдуетъ лишь въ крайности, тѣмъ болѣе, что такіе факты, какъ улучшеніе порядковъ на Замбезибарскомъ берегу, успѣхъ протестантскихъ миссій на озерѣ Ніасса и въ Бамангватѣ и процвѣтаніе Либеріи доказываютъ, что цивилизаціонное вліяніе Европы въ Африкѣ возможно безъ истребленія туземцевъ. Внутри материка есть безграничныя пространства, въ высшей степени призывныя и благопріятныя для европейскихъ поселеній; но дѣло мирнаго и плодотворнаго воздѣйствія Европы находится еще въ самыхъ первыхъ стадіяхъ и потребуетъ большихъ усилій мысли и большой энергіи. При ошибочномъ направленіи, даже продолжительное воздѣйствіе остается безплоднымъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказывалось на результатахъ миссіонерской проповѣди.

Въ сужденіяхъ о дѣятельности миссіонеровъ, либеральный католикъ Пинто совершенно сходится съ протестантомъ Томсономъ. Оба они глубоко убѣждены, что проповѣдь невѣдомаго Бога еще менѣе можетъ имѣть успѣхъ въ грубой Африкѣ, нежели въ хитроумныхъ Азіяхъ.

Томсонъ говоритъ: типъ хорошаго миссіонера, по которому горѣла душа Ливингстона, не долженъ бродить съ библіей и непонятными рѣчами, а долженъ жить по вѣрѣ, быть крѣпкимъ въ словѣ, способнымъ дать надежный совѣтъ, научить, какъ лучше обработать поле, построить лодку, не допускать себя до пошора дурного поступка. Африканецъ прежде всего — матеріалистъ: все отвлеченное для него не имѣетъ смысла, хотя бы онъ и высмеивалъ эту отвлеченность. Необходимо убѣдить его въ

своей полезности, и для этого одинъ путь—удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей. Только это привлечетъ сердца и послѣ возвыситъ духъ; а выполнить это могутъ только практическіе люди, люди дѣла, а не теологи. Руки важнѣе языка тамъ, гдѣ проповѣдывать должно неуповнымъ вліаніемъ жизни, а не провозглашеніемъ непостижимыхъ догматовъ, не вызывающимъ отношеніемъ къ глубоко укоренившемуся народному обычаю. Все подобное не можетъ привлечь, а должно оттолкнуть и встрепенуть. Въ неудачахъ своихъ миссіонеры сами виноваты.

У Пинто, страницы, посвященныя этому вопросу, принадлежатъ къ самымъ лучшимъ въ книгѣ. Онъ говоритъ (дѣлаемъ не переводъ, а выборку, но болѣею частью въ подлинныхъ выраженіяхъ): «Нельзя не уважать миссіонеровъ за одно уже самоотверженіе и страданія, которыя они переносятъ; но большинство изъ нихъ на ложномъ пути; многіе бесполезны или даже вредны. Для успѣха нужно не богословіе, а примѣръ, возбужденіе къ труду. Человѣкъ не безгрѣшенъ. Въ привычныхъ общественныхъ вліаніяхъ, среди грубыхъ и дикихъ племенъ, въ убійственномъ климатѣ его внутренняя жизнь слишкомъ часто подвергается глубокому извращенію. Это удѣлъ большинства; исключеніе составляютъ люди, дѣйствительно сильныя, въ комъ неистребимы лучшія душевные движенія. Много ли можетъ быть такихъ людей? Плоть слаба, но духъ еще слабѣе: иначе такихъ чистыхъ людей достало бы для управленія міромъ.

«Миссіонеры—такіе же люди, какъ и всѣ прочіе. Это доказывается уже вѣчными распрями католиковъ и протестантовъ. Протестанты—конечно дурные—говорятъ неграмотно, что у католиковъ нѣтъ женъ потому, что купить не на что, а бѣдность—преступленіе въ Африкѣ (такъ же, какъ и въ Европѣ). Съ своей стороны и католики не брезгаютъ никакими средствами для внушенія недоуверія въ соперникамъ, и эти постыдныя распри, конечно, одна изъ главныхъ причинъ взаимнаго неуспѣха.

«Къ югу отъ Замбези край переполненъ миссіонерами, и, однакожъ, тутъ же идетъ вѣчная война съ туземцами. Этого не могло бы быть, еслибъ многіе дурные не разрушали того, къ чему стремятся немногіе добрые. Одни идутъ къ дѣлу въ простотѣ сердца, терпѣливо проповѣдуютъ правиломъ и примѣромъ, сознаютъ свою отвѣтственность; другіе умѣютъ только повторять невѣрно понятыя мѣста священнаго писанія. Они заражены тщеславіемъ, преданы личнымъ интересамъ, ради чего и снѣдаютъ рапортовать своимъ обществамъ о блестящихъ успѣхахъ, въ которыхъ стремятся средствами, недопускаемыми въ Европѣ. Они

затягиваютъ борьбу цивилизаціи съ варварствомъ. Они поддаются къ туземцу, и, не умѣя сблизиться съ нимъ честнымъ путемъ, прибѣгаютъ къ слишкомъ легкому средству, къ бунту, къ напештиванію о равенствѣ безъ обновленія, при звѣроподобной глупости и злодѣяніяхъ. Варваръ любитъ эту музыку, и ея послѣдствіемъ являются кровавыя войны».

Тутъ мы, однакожъ, должны оговориться, и оставляемъ на совѣсти автора вопросъ, не звучитъ ли въ послѣднихъ обвиненіяхъ та самая нота, которая слышалась и во время возстанія на Ямайкѣ и во время прелюдіи къ сѣверо-американской войнѣ? Замѣчаніе о томъ, что евангеліе идетъ не впрокъ и что люди набираются въ немъ пустыхъ мыслей, повторялось и повторяется въ районѣ чрезвычайно обширномъ.

Потоки крови, пролитыя въ Трансваалѣ, Пинто прямо относятъ къ проискамъ англійскихъ миссіонеровъ и клеветамъ,мышленнымъ ими противъ боеровъ. Всѣ его симпатіи на ихъ сторонѣ, и онъ приводитъ многія, дѣйствительно симпатическія черты ихъ простого, здороваго быта. Онъ не вѣритъ прочности присоединенія Трансваала къ англійскимъ владѣніямъ. «Нужно,—говоритъ онъ,—помочь съ боерами, чтобы составить себѣ понятіе объ ихъ страсти къ свободѣ и ненависти къ притѣснителю».

Успѣхи Европы въ борьбѣ съ невольничествомъ сами по себѣ довольно скромны; но ихъ можно признать значительными въ виду относительной недавности этой борьбы и тысячелѣтнаго исконнаго существованія учрежденія, пронизывающаго насквозь всѣ бытвыя отношенія магометанской и языческой Африки. Есть голоса, которые отрицаютъ не только эти успѣхи, но и самую ихъ возможность въ будущемъ. Бывшій генералъ-губернаторъ египетскаго Судана, Гордонъ, отрицаетъ ее. Погге такъ выражается: «Рабство вошло въ плоть и кровь негра. Съ его прекращеніемъ рухнули бы всѣ теперешнія формы его быта... Чтобы истребить невольничество во внутренней Африкѣ, цивилизованной Европѣ придется истребить самого негра или смѣшать его кровь съ другою». Размѣры ала, безъ сомнѣнія, громадны и работы впереди много. Однакожъ, за дѣломъ освобожденія и теперь прочно обезпечены извѣстные результаты, и результаты существенныя. Америка перестала быть экспортнымъ рынкомъ для человѣческаго мяса. Вывозъ стѣсненъ на всемъ протяженіи береговой линіи, хотя иные утверждаютъ, что онъ стѣсненъ не достаточно. На югѣ, въ сферѣ англійскаго вліянія,

невольничество исчезло. Магометавскій сѣверъ поддался Европѣ и, хотя неохотно, помогаетъ ей. Онъ во всякомъ случаѣ пересталъ поощрять невольничество, а султанъ занзибарскій такъ энергически и успѣшно поддерживаетъ европейцевъ, что Томсонъ отводитъ ему мѣсто въ ряду борцовъ противъ невольничества въ этой части Африки непосредственно послѣ Ливингстона и Кирха. По свидѣтельству Томсона, гоньба невольничьихъ партій въ чертѣ владѣній султана на материкѣ объявлена противозаконной. Виновные подвергаются конфискаціи и наказанію. Отъ Уніаніембе партіи идутъ также только по ночамъ, прячутся; хотя все еще въ значительномъ количествѣ попадаютъ на береговыхъ плантаціи арабовъ, куда спросъ очень великъ, особенно въ самое гнѣздо невольничества, Кильву. Учрежденіе миссіонерскихъ станцій въ Ливингстоніи и Блентирѣ нанесло невольничеству рѣшительный ударъ на оверѣ Ніасса и около. Это—дѣйствительно цивилизаціонные центры, хотя имъ и ставятъ въ вину, что они не побрезгали пристать къ торговымъ предпріятіямъ. Въ радіусъ ихъ дѣйствія невольничеству полагается предѣлъ, междоусобныя распри прекращаются; и конечно учрежденіе подобныхъ же станцій на путяхъ отъ Занзибарскаго берега крайне необходимо. Этотъ край сталъ слишкомъ знакомъ, слишкомъ близокъ Европѣ, чтобы она могла допускать дальнѣйшее существованіе ужасовъ, которыя все еще его позорятъ. Подводя итоги выполненной задачи, Томсонъ, подъ вліяніемъ радостныхъ впечатлѣній возвращенія на родину, нѣсколько забылъ пережитыя впечатлѣнія пути. На арабскихъ плантаціяхъ онъ не былъ; а на путяхъ, гдѣ отъ него прятались, не могъ, конечно, видѣть ни гоньбы, ни большой дѣятельности въ пересылочныхъ арабскихъ депо, гдѣ невольники накаплиются въ ожиданіи продажи туземцамъ или контрабандной отправки къ берегу. Затѣмъ онъ упускаетъ изъ виду, что его не пустили на главныя пути невольничей гоньбы, въ Уруа, въ Мавіему, отъ Тангананики назадъ на Кильву. Онъ забываетъ, что его же рукой изображены слѣдующія картины. Шелъ онъ отъ озера Ніасса къ Тангананикѣ крайне труднымъ путемъ по такимъ страшнымъ подъемамъ и спускамъ, загромажденнымъ обломиами скалъ, что нельзя было идти съ кладью и она передавалась съ рукъ на руки. И вотъ тутъ-то онъ встрѣтилъ партію женщинъ и дѣтей, скованныхъ за шею, снотыкающихся, падающихъ. Отощаніе ихъ было самое крайнее, видъ ужасный. Потомъ, въ Уджидажи, онъ видѣлъ другую партію въ такомъ же отчаянномъ видѣ. Переходъ ихъ былъ такъ ужасенъ, что изъ 3000 чел. дотащилась до мѣста только тысяча.

Приемы арабовъ и ливанцевъ въ гонѣбѣ невольниковъ одни на всемъ материкѣ. Ихъ всегда скрываютъ по 6—8 человекъ, въ томъ числѣ и дѣтей, которыхъ бываетъ много, потому что они—ходкій товаръ и часто отдаются торговцамъ за долги. Ночью сколько-нибудь подозрительнымъ скрываютъ и ноги. И все-таки побѣговъ много. Въ вѣсныхъ мѣстностяхъ приващикамъ удастся поймать бѣжавшихъ при помощи туземцевъ или склонить туземцевъ къ выдачѣ; но въ другихъ всякія попытки въ этомъ смыслѣ бесполезны. Ведутъ всегда голодныхъ, предоставляя кормиться придорожными кореньями и травами. Это совершается безъ всякаго особеннаго напряженія жестокости, просто по привычкѣ и расчету, какъ у насъ при перевозкѣ скота: кормъ дорогъ; товаръ съѣсть больше своей стоимости; нужно подкармливать уже по приходѣ на мѣсто, для продажи. Упомянутый Муата-Ямбо въ жизни невольниковъ относился такъ, что когда Погге замѣтилъ, что въ направленіи, куда онъ стрѣлялъ для пробы ружья, работали люди, и хотѣлъ остановить его, царь приказалъ ему передать, что эти люди его невольники, и продолжалъ стрѣлять, не смущаясь.

Но, какъ ни смотрѣть на общіе результаты усилій Европы въ дѣлѣ прекращенія невольничества и какое бы ни придавать значеніе единичнымъ усиліямъ въ этомъ направленіи, трудно допустить, чтобы было полезно или для европейскаго имени непостыдно такое отношеніе къ вопросу, каково счелъ приличнымъ и правильнымъ держаться д-ръ Погге. Онъ путешествовалъ формальнымъ рабовладѣльцемъ, имѣя товаръ частью даренный, частью покупной: одного мальчика ему подарили, а за трехъ другихъ онъ заплатилъ отъ 18 до 30 талеровъ. Для своей влады онъ хотѣлъ купить порядочную партію въ Кимбунду, и хотя въ то время тамъ продажныхъ невольниковъ не оказалось, но онъ все-таки совѣтуетъ другимъ путешественникамъ ограничиться наименьшомъ 6—10 человекъ хорошихъ, надежныхъ носильщиковъ на большую дистанцію, а затѣмъ можно купить... Они склонны бѣжать, и потому, при слѣдованіи по знакомой имъ мѣстности ихъ слѣдуетъ заковывать.

Признавая заслуги цивилизованныхъ націй въ борьбѣ съ невольничествомъ и существенность результатовъ уже достигнутыхъ, нельзя, однакоже, не замѣтить, что та же Европа косвенно поощряетъ невольничество. Невольникъ—статья промѣна. Берутъ его прямо лишь немногіе представители цивилизаціи; но огромное количество кости и другого товара, идущаго на европейскіе рынки, вымѣнивается именно на невольниковъ, которые соб-

ственно для этой операціи и были захвачены. Кроме того, ихъ продолжаютъ гонять въ качествѣ вьючной силы, ради бесплатной транспортировки. Конечно, это одна изъ тѣхъ прискорбныхъ не-
обязностей, которыя присущи человѣческимъ дѣламъ. Есть, одна-
вожъ, и поощреніе совершенно прямое, не оправдываемое не-
обязностью. Невольничій трудъ отрицается, но рабочая сила
нужна, и въ виду этого французское правительство терпитъ
контрабандную доставку невольниковъ съ того же Занзибарскаго
берега на французскія сахарныя плантаціи на Мадагаскарскомъ
берегу, ближайшихъ мелкихъ островахъ, и даже въ поселенія на
островѣ Занзибарѣ и Пембѣ. Доставленнымъ неграмъ выдаются,
конечно, паспорта свободныхъ гражданъ; но ихъ участь подъ
рукой прижимистыхъ и высокомерныхъ хозяевъ слишкомъ по-
нятна. И ради этой участи, они предварительно подвергаются
всѣмъ ужасамъ невольничей гонимы. Перевозка съ материка со-
вершается на арабскихъ судахъ подъ французскимъ флагомъ; и
французское правительство, считая дѣломъ чести не позволять
англійскимъ крейсерамъ заглядывать въ люки судовъ, которыхъ
бумаги въ порядкѣ, ни два раза опрашивать одно и то же судно,
даетъ возможность совершаться постыдной контрабандѣ. Въ те-
ченіе 1880 и 1881 года одинъ англійскій капитанъ успѣлъ за-
хватить съ поличнымъ 50—60 фелукъ съ 800—900 человѣкъ
невольниковъ.

В. О.

ТАБОРИТЫ

■

ИХЪ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ІДЕАЛЫ *).

Проповѣдь Гуса и негодованіе, возбужденное сожженіемъ его и Іеронима, на время соединили весь чешскій народъ въ одно негодующее цѣлое. Противъ внѣшнихъ враговъ впрочемъ Чехія въ продолженіе цѣлыхъ девятнадцати лѣтъ была какъ одинъ человѣкъ; но у себя дома противоположность отдѣльныхъ элементовъ, составившихъ совокупность движенія, не замедлила проявиться очень скоро. Гусситы распались на умѣренныхъ, сосредоточившихъ всѣ свои силы на требованія причащенія подъ обоими видами (*sub utraque*—и оттого названныхъ «подобоями» или утравкистами), или чистыхъ утравкистовъ, и «крайнихъ», поселившихся на горѣ Таборѣ и потому получившихъ названіе таборитовъ.

Въ 1420 году въ Прагѣ былъ устроенъ диспутъ между умѣренными пражанами и таборитскими священниками. Табориты собственно не предъявляли сами своей программы, но когда пражане прочли имъ цѣлый длинный обвинительный актъ, заключавшій въ себѣ обличеніе таборитовъ въ 84 ересахъ, послѣдніе ничего не возразили и сказали: «да, во всѣ эти пункты мы вѣруемъ». Пражане же формулировали свои желанія въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ:

*) Изъ очерковъ „Народныхъ движеній славянскаго племени“. См. „Богомилы“ („Слово“, 1879, № 4), „Причины гуситско-таборитскаго движенія“ („Русская Мысль“, 1881, № 12), „Провозвѣстники гуситства. Миланъ. Гусъ. Іеронимъ Пражскій“ („Русская Мысль“, 1882, № 1).

1) Чтобы слово Божіе свободно проповѣдывалось священниками. 2) Чтобы св. тайны свободно раздавались всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ подѣ обоими видами. 3) Чтобы духовенство, отказавшись отъ свѣтской власти и владѣнія имѣніями, проводило жизнь по примѣру Христа и его апостоловъ. 4) Чтобы всѣ грѣхи и безпорядки, противные божескому закону, были искоренены и уничтожены.

Первоначально этихъ статей было восемь, но потомъ онѣ были сведены къ четыремъ и такъ и извѣстны въ исторіи подѣ именемъ четырехъ пражскихъ статей.

Если сравнивать пражскія статьи съ 84 ересями таборитовъ, ихъ, конечно, придется признать «умѣренными». Но сами по себѣ, при сравненіи съ пониманіемъ христіанства въ остальной средневѣковой Европѣ, пражскія статьи представляютъ огромный шагъ впередъ. Въ нихъ заключены всѣ элементы реформациі, что и признавалъ самъ Лютеръ, называя себя гусситомъ¹⁾. Если про таборитовъ одинъ историкъ, говорить, что они явились на много вѣковъ раньше, то и, умѣренные пражане опередили интеллигентнѣйшую часть человѣчества на цѣлыхъ сто лѣтъ. Даже такъ-называемые базельскіе компактаты, признанные за гусситами тогда, когда ихъ сила была уже значительно надломлена, даже базельскіе компактаты, хотя они еще умѣреннѣе пражскихъ статей, нанесли страшный ударъ авторитету римской курии и расчистили дорогу реформаціоннымъ идеямъ.

Но не въ чистомъ утравизмѣ, удовлетворявшемся одними церковными реформами, лежитъ центръ тяжести эпохи. Значеніе той или другой идеи въ исторіи данной страны опредѣляется не абсолютными достоинствами ея, а только относительными. Есть идеи, ведущія къ необыкновенно важнымъ результатамъ въ одной странѣ и играющія второстепенную роль въ другой. Въ Германіи идеи чистаго утравизма, выразившіяся въ проповѣди Лютера, совершенно перестроили германскую жизнь, въ Чехіи же идеи, опередившія даже обще-европейскую мысль, не составляютъ центра тяжести эпохи, потому что національный гений Чехіи пошелъ дальше и чистый утравизмъ не выразилъ собою всей полноты умственнаго и нравственнаго возбужденія чеховъ начала XV столѣтія. Выразили его табориты.

Правовѣрные славянофилы, какъ Гильфердингъ, не могутъ говорить о таборитахъ иначе какъ съ содроганіемъ и хотѣли бы

¹⁾ Denis, Huss et la guerre des Hussites, стр. 466.

вовсе смыть это позорное пятно съ чистаго тѣла славянства ¹⁾. Но уже Палацкій, котораго въ наличнемъ радикализмѣ обвинить трудно, не можетъ очень часто отказать таборитамъ въ самомъ глубокомъ уваженіи, а нѣмецкій пасторъ Круммель даже восторженно отзывается о таборитахъ, какъ о непосредственныхъ предшественникахъ германскихъ протестантовъ, и въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія «Utraquisten und Taboriten» упрекаетъ даже страшнаго Жижку въ наличней мягкости ²⁾. Мы совсѣмъ не согласны съ Круммелемъ, который полагаетъ что таборитство и лютеранство—два брата-близнеца; мы того мнѣнія, что между специально-религіозной программой протестантизма и преимущественно общественными идеалами Табора лежитъ цѣлая бездна, но тѣмъ не менѣе мы съ удовольствіемъ приводимъ отзывъ благонамѣреннаго пастора, который отънынѣ, такимъ образомъ, можно съ большимъ эффектомъ противопоставить ужасу Гильфердинга: уже если пасторъ не навидывается на «звѣрскихъ» таборитовъ, то, можетъ быть, дѣйствительно, они не были такъ звѣроподобны?

Во главѣ таборитовъ стали талантливейшіе представители чешской образованности. Они много писали о своемъ ученіи, много страсти, учености и таланта положили для защиты его. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ ихъ писанія были истреблены католическою реакцію и только изъ сочиненій противниковъ мы получаемъ свѣдѣнія о Таборѣ и его идеяхъ. Дѣти своего вѣка, эти противники главнымъ образомъ интересовались догматикой и потому религіозныя мнѣнія Табора вполнѣ сохранились для исторіи. Несравненно меньше свѣдѣній сохранилось объ общественныхъ идеалахъ Табора. Но и то, что осталось, рѣзко и ярко освѣщаетъ нравственную фizioномію таборитскаго движенія.

Въ чемъ же, однако, центръ тяжести таборитства? Въ его религіозныхъ мнѣніяхъ или же въ нравственно-общественныхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднихъ. Какъ только таборитство лишилось своей общественной подкладки, оно было раздавлено. Первые же годы, когда народъ проливалъ свою кровь въ надеждѣ на лучшее общественное будущее, усилія всей Европы ничего не могли подѣлать противъ маленькаго королевства. Чистый утравизмъ, стремившійся только къ церковнымъ реформамъ, ничѣмъ выдающимся себя не ознаменовалъ и, даже достигши вѣшняго могущества, добывшись официальнаго признанія со

¹⁾ Сочиненія, т. I.

²⁾ Krummel, Utraquisten und Taboriten, стр. 59.

стороны римской курии, вообще крайне тугой на подобия вещи, словомъ вполне восторжествовавъ, чистый утраквизмъ тогда-то именно и обнаружилъ свое относительное ничтожество. Таборитство же, хотя и униженное и раздавленное, занимаетъ самыя блестящія страницы всемірной исторіи, такъ что даже современные чехи, представляющіе собою квинтъ-эссенцію всякой благонамѣренности, по неволѣ должны цѣлко ухватиться за воспоминанія о таборскихъ «братьяхъ», такъ какъ только эти послѣдніе выдвигаютъ чеховъ за узкіе предѣлы племенной исторіи и приводятъ ихъ въ связь со всѣмъ человѣчествомъ. А въ жизни этихъ братьевъ самый блестящій періодъ—первое время, когда они глубоко были убѣждены въ скоромъ наступленіи царства правды и общественной справедливости. По мѣрѣ того, какъ слабѣлъ общественно-политическій энтузіазмъ, по мѣрѣ того какъ улеглось въ братьяхъ стремленіе въ общественной справедливости, слабѣло ихъ могущество и, наконецъ, оно было сломлено въ битвѣ у Липанъ въ 1434 году, когда деморализація проникла въ лагерь таборитовъ и движеніе лишилось своей главной силы—своей идеи. Послѣ битвы у Липанъ, релігиозныя идеи таборитовъ остались въ главныхъ чертахъ тѣ же, но безъ связи съ общественными стремленіями, они уже не могли держать на прежней высотѣ «братьевъ», которые и отступаютъ на второй планъ.

Табориты, очевидно, слишкомъ рано явились со своими возрѣніями; они стали противъ тогдашняго свѣта, а онъ противъ нихъ. Несомнѣнно, что до нѣкоторыхъ принциповъ, которые они высказали прямо и какъ бы неожиданно, позднѣйшая философія додумалась только долгимъ размышленіемъ и только при помощи громаднаго ученаго матеріала—и несомнѣнно, что ихъ соціальныя стремленія не устарѣли и до сихъ поръ ¹⁾.

Такъ говорить одинъ историкъ, цитируемый г. Пыпинъ. Среди тѣхъ пошлостей, которыя обыкновенно говорятъ другіе историки по поводу таборитскихъ стремленій, вышеприведенное мнѣніе выгодно отличается своимъ желаніемъ отдать должное «ужаснымъ» сподвижникамъ Жижки и Провопа. Но вѣрнымъ его все-таки признать нельзя. Совсѣмъ не тѣмъ сильны табориты, что додумались до «нѣкоторыхъ принциповъ». Эти принципы стары какъ міръ и лицемѣрно повторяются жрецами всѣхъ культовъ безъ исключенія. Когда табориты оповѣстили Европу свои принципы, они даже и не думали приписать себѣ честь ихъ от-

¹⁾ Пыпинъ и Спасовичъ, Ист. слав. лит. 2 изд., II т., стр. 860.

критія, а прямо цитировали старую, очень старую книгу. Вот почему вышеприведенное мнѣніе вполне вѣрно полагаетъ, что «соціальныя стремленія таборитовъ не устарѣли до сихъ поръ». Но для таборитовъ и тутъ опять никакой заслуги нѣтъ: дѣйствительно ихъ стремленія не устарѣли, но не устарѣли потому, что въ человѣчествѣ, не смотря на всю его зачерствѣлость, на всю его нравственную загрубѣлость, все-таки есть такія струны, которыя на переборъ злобной формулы «*homo homini lupus*» звучать совсѣмъ иначе. Правда, слабо звучатъ эти немногія струны при обычномъ теченіи всемірной исторіи. Только изрѣдка заяать онѣ о своемъ существованіи устами одинокаго мыслителя или дѣйствіями «экзальтированныхъ» чудаковъ. Это своего рода скрытая теплота, незамѣтная для наблюдателя. Тѣмъ не менѣе она существуетъ и обладаетъ способностью накапливаться. И вотъ подобно тому, какъ навопившаяся долгимъ промежуткомъ времени физическая теплота вдругъ проявляется страшнымъ повышеніемъ температуры, такъ и нравственная теплота, незамѣтно накапливается въ избранныхъ душахъ и въ извѣстные моменты исторіи вдругъ проявляется съ такою страшною силою, съ такою неудержимою жаждою братской любви, братскаго единенія и безкорыстія, что изумленные пессимисты совсѣмъ смущенно начинаютъ думать, что человѣкъ человѣку не всегда волежъ.

Но въ сущности такое смущеніе не совсѣмъ основательно. Эти моменты такъ рѣдки, отдѣлены другъ отъ друга такимъ огромнымъ пространствомъ столѣтій, что, можетъ быть, правы тѣ, которые видятъ въ нихъ патологическую экзальтацію. Если еще число отдѣльныхъ людей, наивно мечтающихъ положить въ основу общественнаго быта не борьбу за существованіе, а истину и справедливость, не особенно мало, если каждый вѣкъ можетъ выставить своихъ Гракховъ и Томасовъ Моровъ, то массовыя стремленія этого рода крайне рѣдки. Первые христіане, богомилы, табориты, моравскіе братья, часть русскаго раскола—вотъ, пожалуй, и все. А если взять такія движенія, которыя захватили бы собою очень большія массы, то кромѣ богомиловъ и таборитовъ, пожалуй, и не назовете больше.

И вотъ гдѣ заключается историческое значеніе таборитства. Табориты не выдумали новыхъ принциповъ, но за то они представили собою величественное зрѣлище почти цѣлаго народа, забывшаго всѣ свои интересы, чтобы исполнить завѣтъ великаго учителя. Значеніе таборитства *практическое*, и совершенно правъ Гёфлеръ, говорящій, что не *ученіе* таборитовъ, а *дѣла* ихъ вzwол-

новали міръ ¹⁾. Современники были справедливо поражены этимъ необыкновеннымъ соотвѣтствіемъ слова и дѣла и могли его объяснить только діавольскимъ навожденіемъ. Вотъ что мы читаемъ въ хроникѣ Андрея изъ Брода.

«Діаволъ до такой степени ослѣпилъ ихъ (еретиковъ), что, что бы учителя ихъ ни проповѣдывали имъ, они немедленно все исполняли, хотя бы имъ при этомъ угрожала смерть или другая какая опасность; куда бы учителя и проповѣдники ни требовали идти, они немедленно отправлялись» ²⁾.

Точно такъ же, какъ Гусъ отличается отъ осудившаго его на смерть Жерсона только своею послѣдовательностью и желаніемъ согласовать слово и дѣло, такъ и табориты отличаются отъ умѣренныхъ пражанъ только своею *послѣдовательностью*. Четвертый пунктъ пражскаго исповѣданія вѣры гласилъ: «Всѣ грѣхи и безпорядки, противные божескому закону, должны быть искоренены и уничтожены». Пражане поняли этотъ пунктъ въ смыслѣ исправленія церковныхъ злоупотребленій, въ смыслѣ небольшой реформы стараго порядка, а табориты поняли его буквально въ смыслѣ дѣйствительнаго насажденія божескаго закона и когда для этого пришлось совсѣмъ упразднить старый порядокъ, они были такъ послѣдовательны, что не остановились и тутъ.

Итакъ, повторяемъ: значеніе таборитовъ, какъ и Гуса, не умственное, а нравственное; они не выдумали новыхъ принциповъ, а только крѣпко защищали старые; основной характеръ движенія не теоретическій, а практический.

Принимая во вниманіе этотъ характеръ таборитскаго движенія, не трудно понять, почему табориты совершенно пренебрегли догматикою и обратили всѣ свои силы на проведеніе своихъ идеаловъ въ дѣйствительную жизнь.

I.

За одинъ только догматическій принципъ крѣпко ухватились табориты вмѣстѣ съ чистыми утравкистами. То было причащеніе подъ обоими видами. Но подкладка этого, на первый взглядъ чисто догматическаго, требованія совершенно не догматическая. Церковь причащала подъ обоими видами только духовныхъ, чехи же требовали, чтобы всѣ люди были равны передъ Вели-

¹⁾ Fontes: I Abtheilung, VI Band, I Theil, Einleitung, стр. XXXI.

²⁾ Tractatus de origine Hussitarum, a Magistro Andrea de Broda, стр. 378.

кимъ Учителемъ и наравнѣ съ духовными символически выражали свое полное единеніе съ проповѣдывавшимъ на горѣ. Слѣдовательно, и тутъ мы имѣемъ дѣло со стремленіемъ къ всеобщему равенству. Если табориты наравнѣ съ чистыми утравкистами выставили на своемъ знамени чашу, т.-е. требованіе причащенія не только тѣла, но и крови Христовой, они однакоже очень сильно расходились съ пражанами въ толкованіи этого обряда. Табориты понимали причащеніе не въ буквальный смыслъ, а только символически. Но пусть лучше расскажетъ объ этомъ негодующій утравкистъ, Лаврентій изъ Бржезова.

«Въ это время недремлющій діаволъ, рѣшившій, чтобы каждому дано было своеволие проповѣдывать все, что каждому будетъ угодно, породилъ вреднѣйшую (прежде въ тайнѣ скрывавшуюся) ересь, подрывающую христіанское ученіе, утверждающую, что подъ видомъ хлѣба и вина, освященныхъ по христіанскому закону, раздается не дѣйствительное тѣло и кровь Христовы, а только освященный хлѣбъ и освященное вино, которые должны съѣдаться и выпиваться вѣрующими въ воспоминаніе о страданіяхъ Христа. Ибо, утверждаютъ они, на тайной вечерѣ Христосъ взялъ хлѣбъ, помолился, благословилъ его и сломилъ, говоря: «вотъ это мое тѣло, которое будетъ предано за васъ», причемъ, произнося слово «это» (hoc), онъ указалъ не на хлѣбъ и не на то тѣло, которое будто бы олицетворялось подъ видомъ этого хлѣба, — а указалъ онъ своимъ тогда еще смертнымъ пальцемъ на свое тѣло, стоявшее въ ту минуту предъ учениками и при этомъ произнесъ: «вотъ это мое тѣло», потому что оно, это тѣло, должно было быть предано во время искупленія всего челоуѣчества. Затѣмъ онъ прибавилъ: «возьмите его и раздѣлите между собой», и съ этими словами онъ отдалъ имъ священный хлѣбъ для того, чтобы воспоминаніе о пострадавшемъ для всѣхъ посѣщало ихъ каждый разъ, когда они такимъ же образомъ будутъ брать хлѣбъ и освящать его.

«Подобнымъ же образомъ фантазируютъ они и относительно Чаши, утверждая, будто бы Христосъ указывалъ здѣсь только на ту кровь, которую онъ прольетъ на крестѣ, а не на вино или на свою настоящую кровь, олицетворенную этимъ виномъ, чего тамъ будто бы и не было вовсе.

«Множество мужчинъ и женщинъ, до сихъ поръ едва не ежедневно принимавшихъ святыя дары съ величайшимъ благоговѣніемъ, почтеніемъ и глубокимъ чувствомъ, теперь, увы! заразились этимъ еретическимъ поворнымъ ученіемъ, противнымъ всему писанію. Особенно сильно распространилась ересь между жите-

лами округовъ жатецкаго, пильзенскаго и пражскаго. Забывъ софѣсть и страхъ, являлись они къ священнику и говорили, какъ будто-бы рѣчь шла о какой-нибудь обыкновенной трапезѣ: «дай мнѣ святыя дары, то-есть освященный хлѣбъ и вино, а не тѣла и крови Господней». Когда же священникъ отвѣчалъ: «ты хочешь тѣла Христова въ образѣ хлѣба, а въ образѣ вина—Его кровь?» то они отрицательно качали головой и сказали: «ты слышишь, вѣдь, что мнѣ нужны только освященные дары и больше ничего». Вслѣдствіе этого, они не хотѣли совершать когнѣпреклоненія предъ святыми дарами и насмѣхались надъ тѣми, кто это дѣлалъ. И что всего страшнѣе—гдѣ они могли, они также выбрасывали дары изъ сосудовъ; все это, чтобы уничтожить оказываніе почтенія имъ. Въ особенности выдавался при этомъ одинъ рыцарь, по имени Сигизмундъ изъ Ржекона; вмѣстѣ со своими многочисленными приверженцами обоюго пола онъ всякаго магистра или священника, который подъ видомъ вина и хлѣба признавалъ дѣйствительное тѣло и кровь Христовы, звалъ обманщикомъ и лжеучителемъ¹⁾.

Это духовное пониманіе причащенія табориты неоднократно высказывали, какъ только завязывался диспутъ съ пражанами. На знаменитомъ диспутѣ 1420 года таборитскіе магистры говорили: «не слѣдуетъ думать, что въ дарахъ, представляющихъ тѣло и кровь Христовы, дѣйствительно заключается бого-человѣкъ. И потому не слѣдуетъ преклонять когнѣй передъ дарами, какъ-бы передъ Богомъ. Кто-же преклоняетъ ихъ, тотъ идолопоклонствуетъ»²⁾.

У Прохазки, впервые напечатавшаго 81 ереси таборитовъ, находимъ слѣдующее объясненіе символическаго пониманія причащенія: таборитскіе магистры говорили, что Христосъ не можетъ быть въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ (*Quod Christus verus Deus et homo non possit esse multiplicative simul et semel in pluribus locis in communicantibus*)³⁾.

Такимъ же раціонализмомъ отличаются и остальные религіозныя мнѣнія таборитовъ. Основывали они ихъ исключительно на св. писаніи, совершенно отвергая всѣ комментаріи отцовъ церкви и средневѣковыхъ догматизаторовъ. Въ то время какъ католики говорили, что «св. писаніе только настолько обя-

¹⁾ Laurentius, стр. 412—413.

²⁾ Archiv Český, Dil III, стр. 224. Также у Laurentia, стр. 439, § 43—47.

³⁾ Prochazka, Miscellaneen der böhm. und mährischen Litteratur, Prag, 1784, стр. 281.

зательно, насколько его принимает католическая церковь»¹⁾, табориты, напротив того, въ главѣ своего исповѣданія поставили пунктъ, категорически заявляющій, что «только тому въ сочиненіяхъ и словахъ докторовъ должны вѣрить благочестивые, что прямо и ясно выражено въ библии; ибо всѣ эти сочиненія (т.-е. докторовъ) представляютъ собою ничто иное, какъ хитрость антихриста и потому должны быть отброшены, уничтожены и сожжены»²⁾.

Исходя изъ св. писанія, табориты, конечно, должны были возстать противъ всѣхъ установленій римской церкви, придуманныхъ послѣднею для усиленія своей власти. На самого папу табориты смотрѣли какъ на воплощеннаго антихриста и обманщика и безусловно отвергали его власть. Въ монастыряхъ они видѣли «разбойничьи вертепы, основанные въ противность закону Христову». «Христосъ, — говорили табориты, — сказалъ своимъ апостоламъ, а чрезъ нихъ всѣмъ священникамъ, чтобы они не уединялись, а шли бы въ міръ для проповѣди и крещенія во имя Отца, Сына и Св. Духа»³⁾.

Столь-же энергично возставали табориты противъ чистилища, послужившаго римской церкви такимъ богатымъ источникомъ дохода. «Глупо и нелѣпо вѣрить, что послѣ тѣлесной смерти души, она переходитъ въ чистилище»; не нужно поэтому «молиться за упокой души усопшихъ или совершать другіе набожные поступки». Послѣдній практическій выводъ изъ отрицанія чистилища былъ, конечно, всего непріятнѣе патерамъ, такъ какъ «другіе набожные поступки» за упокой души усопшихъ обыкновенно заключались въ приношеніяхъ, завіщаніяхъ, подаркахъ и т. п.

Въ существованіе мощей вѣрить не слѣдуетъ. Не нужно также молиться святымъ и призывать ихъ на помощь: это — идолопоклонство⁴⁾. Не нужно молиться св. Маріи и апостоламъ⁵⁾.

Изъ послѣдняго само собою вытекало отверженіе иконъ: писаніе ихъ запрещаетъ, говоря: «не сотвори себѣ кумира»⁶⁾.

Непочитаніе иконъ заразило даже умѣренные элементы.

«Не только табориты, но вмѣстѣ съ ними и многіе пражане, гдѣ только находили иконы, взрѣзывали ихъ на куски и сжи-

¹⁾ Андрей изъ Брода, стр. 242.

²⁾ Laurentius, стр. 391.

³⁾ Laurentius, стр. 395.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 392.

⁵⁾ Jan z Přibrami, въ „Výbor z literatury České“, Эрбена, Dil II, стр. 414.

⁶⁾ Laurentius, стр. 392.

гали, или же вырывали у нихъ глаза и носы и оставляли ихъ въ такомъ чудовищномъ видѣ на поворъ и поношеніе, причемъ говорили: если ты Богъ или его святой, то защити себя и ми тебѣ повѣримъ» ¹⁾.

Сохранивъ у себя нѣкоторые католическіе обряды, табориты смотрѣли на нихъ гораздо проще и не придавали имъ такой торжественности. Такъ, напр., относительно крещенія они полагали, что «дѣти не должны быть крестимы непременно въ присутствіи кумовей, съ заклинаніями (exorcismis) и въ особо освященной и благословенной для этого водѣ». Напротивъ того «ихъ можно крестить, гдѣ угодно, во всякой свѣжей водѣ» ²⁾.

Точно также табориты не отвергали послѣдняго помазанія; но они не видѣли въ немъ таинства, а считали его полезной гигиенической мѣрой ³⁾.

Не отрицали они и исповѣди, но опять не видѣли причины дѣлать изъ нея особаго обряда. «Почему нужно каяться непременно предъ священникомъ? Относительно грѣховъ отъ насъ достаточно открытъ свою душу Богу; а въ грѣхахъ смертельныхъ слѣдуетъ открыто исповѣдываться предъ лицомъ братьевъ и сестеръ (такъ называли себя табориты)» ⁴⁾. Такимъ образомъ вмѣсто исповѣди съ глазу на глазъ табориты вводили публичное покаяніе.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ только-что намѣченными главными религіозными принципами таборитовъ, находилась и внѣшняя церковная обрядность ихъ. Впрочемъ, это правильнѣе слѣдовало бы назвать отсутствіемъ всякой обрядности.

Прежде всего табориты провозгласили полное равенство мірянъ и духовныхъ. Ужасная вѣсть облетѣла королевство и чужія страны о томъ, какъ въ Чехіи портини и сапожники отправляютъ божественное богослуженіе и о томъ, что нѣтъ тамъ разницы между мірянами и священниками, и что эти же портини и сапожники, небритые и безъ тонауры, въ ежедневныхъ одеждахъ говорятъ священныя мессы ⁵⁾. И дѣйствительно, табориты говорили, что всякій человѣкъ—священникъ ⁶⁾. Мы уже знаемъ, что утракисты всѣхъ отъѣзжковъ требовали одинаковаго прича-

¹⁾ Тамъ же, стр. 397.

²⁾ Тамъ же, стр. 391.

³⁾ Krummel, стр. 91.

⁴⁾ Laurentius, стр. 396.

⁵⁾ Laurentius, стр. 394.

⁶⁾ Palacky, 7 Buch, стр. 191.

женія для мірянъ и духовныхъ и что табориты оспаривали, будто казаться нужно непременно предъ священникомъ.

У таборитовъ, впрочемъ, впослѣдствіи образовалось свое духовенство. Но это были просто люди, наложившіе на себя обѣтъ цѣломудрія и безкорыстія. Какъ только въ нихъ замѣчалось уклоненіе отъ пути добродѣтели, ихъ переставали уважать и слушать; и это было единственнымъ отличительнымъ признакомъ таборитскаго духовенства. По вѣншности таборитскіе священники ничѣмъ не выдѣлялись изъ мірянъ, сословія они не составляли и никакихъ поборовъ въ ихъ пользу установлено не было.

Въ богослуженіи была взята за идеалъ первобытная церковь. Поэтому въ немъ была установлена полная простота. Оно совершается только на народномъ языкѣ и гдѣ угодно. Изъ богослужебныхъ принадлежностей удерживался одинъ только алтарь. Всѣ же остальные были признаны выдумкою патеровъ, уклоненіемъ отъ истиннаго христіанства и потому отвергнуты. Не слѣдуетъ оставить при богослуженіи ни кризмы, ни священнаго масла, ни освященной для крещенія воды. Точно также слѣдуетъ отвергнуть чаши, одѣянія и орнаты, употребляемыя церковью. Точно также не слѣдуетъ читать каноническіе часы. Не слѣдуетъ держаться установленнаго ритуала мессы ¹⁾.

Дальше, когда рѣчь пойдетъ о такъ-называемыхъ ужасахъ таборитовъ и ихъ грабежахъ, мы приведемъ цѣлый рядъ случаевъ, когда табориты, захвативши изъ католическихъ храмовъ церковныя драгоценности: орнаты, золотныя чаши, сосуды съ драгоценными камнями и т. д., сносили все это въ одну кучу и сжигали. Этотъ рядъ случаевъ доказываетъ крайнюю недобросовѣстность католическихъ хронистовъ и новѣйшихъ изслѣдователей, объясняющихъ таборитское движеніе стремленіемъ къ грабежу: изъ факта сжиганія всѣхъ церковныхъ принадлежностей можно вывести только то заключеніе, что табориты, во что бы то ни стало, хотѣли установить при богослуженіи простоту апостольскихъ временъ.

Даже тѣ немногіе обряды, которые табориты оставили у себя изъ католическаго ритуала, были упрощены до послѣдней степени. Крещеніе дѣтей, какъ мы упоминали, совершалось безъ всякихъ церемоній, безъ кумовей, во всякой свѣжей водѣ. Масло для послѣдняго помазанія не держалось въ освященныхъ сосудахъ, а въ чемъ угодно. Когда же въ церквахъ табориты находили сосуды, наполненные святой водой или миромъ, они вы-

¹⁾ Laurentius, стр. 391.

ливали содержимое и часто позволяли себѣ даже наполнять эти сосуды нечистотами.

Что касается того единственного обряда, за который крѣпко держались табориты, то-есть причащенія, то, понимая его символически, они не окружали его никакою торжественностью. Поэтому для святыхъ даровъ не было даже особаго сосуда.

Исповѣдь и покаяніе были обставлены чрезвычайно просто. Не требовалось поста или истязанія, а просто послѣ публичнаго покаянія въ виду собравшихся «братьевъ и сестеръ» кающемуся говорили: «иди и не грѣши больше».

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что кромѣ *dies dominica*, табориты никакихъ другихъ праздниковъ не признавали ¹⁾.

II.

Усердно изучая евангеліе, табориты нашли въ немъ тѣ религиозныя начала, во имя которыхъ они подняли знамя возстанія. Тамъ же они нашли свои общественно-политическіе взгляды, свои воззрѣнія на личную и общественную нравственность.

Впрочемъ, вѣрнѣе будетъ сказать, что на евангеліи табориты основали только главное руководящее начало своего міросозерцанія. Детали же логически выведены изъ него уже ими самими.

Это начало гласитъ: всѣ люди—братья, всѣ люди равны между собою. И желая по возможности рѣзче подчеркнуть это начало, по возможности яснѣе показать, что въ немъ они видятъ центръ тяжести своего ученія, табориты называли себя братьями, а своихъ женъ и дочерей сестрами. «*Bratřie v rani Bohu*»—этимъ обращеніемъ начинаются всѣ письма Жижки. Собранія, на которыя сходились табориты, назывались братскими. Военноначальники и вообще власти таборитскія носили названіе «старшихъ братьевъ». У Прокопа Великаго, впрочемъ, былъ еще одинъ титулъ: «начальникъ братскихъ общинъ, работающихъ на погѣбши» ²⁾.

Находя, что всѣ люди равны, табориты само собою не могли признавать абсолютной верховной власти. Такъ на Базельскомъ соборѣ 1431 года обсуждалась слѣдующая таборитская ересь: «народъ и вообще подчиненные имѣютъ право наказывать, исправ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 392, 393, 396, 441.

²⁾ Denis, стр. 357.

лять и смѣнять своихъ властителей, если послѣдніе поступаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ» ¹⁾. Практически, чтобы доставить своимъ идеямъ большее торжество, табориты соглашались оставить въ Чехіи королевское достоинство; но теоретически они были республиканцы, и у себя на Таборѣ кромѣ общиннаго самоуправленія никакихъ другихъ властей не признавали. Всего сильнѣе республиканское настроеніе таборитовъ выразилось въ первые годы движенія, когда даже тѣло снисходительно относившагося къ гуситству Вячеслава IV приходилось вести тайномъ, чтобы избѣгнуть оскорбленій толпы ²⁾. Вскорѣ послѣ этого табориты напали на монастырь, гдѣ хоронили чешскихъ королей, раскрыли гробы и сохранявшіеся въ нихъ тѣла чешскихъ государей были выброшены ³⁾.

Стремясь въ всеобщему братству и равенству, табориты тѣмъ не менѣе выбрали себѣ предводителей, которымъ повиновались съ чисто-римскою безпрекословностью. Но они смотрѣли на нихъ только какъ на временную необходимость. Въ идеалѣ же имъ рисовалось то время, когда не будетъ на землѣ ни королевской власти, ни какой-либо другой, когда не будетъ подданныхъ и прекратятся всѣ поборы и подати, когда никто другого ни къ чему не будетъ принуждать, потому что всѣ люди будутъ братья и сестры между собою ⁴⁾.

«Подобно Люциферу,—говоритъ Андрей изъ Брода,—викарѣфы не хотятъ никому подчиняться: ни папѣ, ни королю» ⁵⁾. «Они рѣшили,—говоритъ другой хронистъ,—не признавать ни короля, ни императора, но управляться сами собою» ⁶⁾. Одна изъ таборитскихъ ересей гласитъ: «запрещается выбирать короля, ибо Богъ одинъ будетъ царствовать на землѣ» ⁷⁾.

Идея всеобщаго равенства до того проникла въ плоть и кровь таборитовъ, что они провели ее даже въ ту область, которая всего труднѣе поддается установленію равноправности, а именно въ семью. Такъ пунктъ 33 таборитскихъ ересей гласитъ, что жена имѣетъ право развестись съ мужемъ даже противъ желанія послѣдняго ⁸⁾. Что въ данномъ случаѣ табориты отстаивали

¹⁾ Krummel, стр. 119.

²⁾ Laurentius, стр. 341.

³⁾ Свидѣтельство Овея Сильна.

⁴⁾ Archiv Český, стр. 135.

⁵⁾ Andreas de Broda, стр. 387.

⁶⁾ Denis, стр. 286.

⁷⁾ Prochaška, стр. 289. Laurentius, стр. 487.

⁸⁾ Laurentius, стр. 488.

именно свободу личности, а не «разнуждаемость страстей», мы увидимъ дальше, когда будетъ приведенъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о необыкновенномъ, до преувеличенія доходящемъ пурнѣмъ дѣтей Табора. Не стѣсняя своихъ женъ, табориты не ограничивали также воли своихъ дѣтей и предоставляли имъ полную свободу въ тѣхъ вещахъ, относительно которыхъ дѣти не могли имѣть свое собственное правильное сужденіе. Вотъ почему табориты протестовали противъ того пункта каноническаго права, который признаетъ неправильнымъ бракъ, заключенный противъ воли родителей ¹⁾.

Но не только сословнаго и политическаго равенства добивались табориты. Они пошли логически дальше и выставили такіе идеалы, которые ясно показали, что центръ тяжести движенія не столько въ церковныхъ ересьяхъ, сколько въ общественныхъ стремленіяхъ Табора. Европа поняла это и потому сочувственный откликъ нашло въ ней воззваніе папы, приглашавшее къ крестовому походу на еретиковъ, не только за то, что они отвергли ученіе церкви, но и за то, что они угрожали «гражданскому порядку». Если всѣ люди братья, рассуждали табориты, то они и имущество свое должны братски раздѣлить между собою. «На Таборѣ нѣтъ ни моего ни твоего, — такъ опредѣляли пражане на диспутѣ 1420 года имущественныя отношенія таборитовъ, — но все имѣютъ поровну; и у всѣхъ все всегда должно быть общее и никто не имѣетъ права имѣть что-нибудь только для одного себя, кто-же имѣетъ что-либо только для одного себя, тотъ грѣшитъ смертельно» ²⁾. Чтобы привести въ исполненіе принципъ общности имущества, на Таборѣ были поставлены большія кады, куда всѣ сносили свои деньги и драгоценности и затѣмъ уже изъ всего этого сообща расходовалось на нужды братьевъ. Но не только относительно денегъ и драгоценностей былъ устроенъ таковой братскій дѣлежъ. Онъ проходилъ чрезъ весь таборитскій домашній обиходъ. Вотъ что говорится въ одной рѣмкованной хроникѣ, ораждебной таборитамъ: «На Таборѣ было общеніе въ смиреніи, въ благочестіи, въ любви, въ братской связи; одинъ съ другимъ дѣлилъ и ячмо, и кусочекъ хлѣба» ³⁾.

Страстное стремленіе къ дѣйствительно-братской жизни, къ искорененію лично-себялюбивыхъ наклонностей съ такою не-

¹⁾ Krummel, стр. 67.

²⁾ Archiv Český, Dil III стр. 220.

³⁾ Erben, Vybor z literatury České, Dil II, стр. 283.

удержимою, совершенно стихійною силою, разлилось по всей Чехіи, оно было такъ искренно, такъ безкорыстно и самоотверженно, такъ далеко отъ обычныхъ людскихъ побужденій, такъ непохоже на обычную вражду и борьбу противоположныхъ житейскихъ интересовъ, что изумленные современники были совершенно ошеломлены. Правда, католическая недобросовѣстность не остановилась передъ тѣмъ, чтобы таборитское стремленіе въ всеобщей любви и братству объяснить жаждою грабежа, и хитроумный Андрей изъ Брода прямо говоритъ: «*radix omnium, quae Wicifitae faciunt, malorum cupiditas est*»¹⁾). Но добросовѣстные серьезные наблюдатели не могли удовлетвориться подобнымъ объясненіемъ и даже негодующій Лаврентій изъ Бржезова, съ такою ревностью рассказывающій объ «ужасахъ» таборитовъ, не сомнѣвается въ искренности и безкорыстїи братскихъ стремленій Табора. Но такъ какъ это явленіе все-таки было совершенно непонятно его дюжинной натурѣ, то онъ и объясняетъ его просто глупостью. Проповѣди таборитскихъ священниковъ, рассказываетъ онъ, производили такое сильное впечатлѣніе, что, послушавши ихъ, «многіе *простаци* выказали такое рвеніе жить по примѣру апостоловъ, что продавали свое имущество за безцѣнокъ и вмѣстѣ съ женами и дочерьми стекались со всѣхъ концовъ Богеміи и Моравіи къ горамъ (таборскимъ)», гдѣ присоединялись къ образовавшейся уже общинѣ, предварительно «положивъ у ногъ таборитскихъ проповѣдниковъ свои деньги»²⁾ для общаго употребленія.

Такимъ образомъ, въ первые моменты движенія табориты вполне осуществили христіанскій идеалъ и были дѣйствительными братьями. Съ теченіемъ времени, когда энтузіазмъ нѣсколько ослабѣлъ, полная, *безграничная* общность имущества, доходившая до общихъ «кадей», не имѣетъ больше мѣста: «нади» исчезаютъ, но имущественные порядки все-таки продолжаютъ носить рѣзкій «братскій» характеръ. Такъ извѣстно, что табориты дѣлились на «полевыхъ» (рабочихъ) и «домашнихъ». Последніе занимались работами и поставляли все необходимое для полевыхъ. Табориты отъ боя переходили къ ремесламъ, и наоборотъ. Сообща засѣивалось поле, сообща собиралась жатва и потомъ дѣлилась, сообразно потребностямъ, причемъ равная доля выпадала также «братьямъ, работающимъ на полѣ брани». Такимъ образомъ почти исчезаетъ надобность въ спеціальныхъ предста-

¹⁾ Andreas de Broda, стр. 341.

²⁾ Laurentius, стр. 350.

вителяхъ обидна и мы дѣйствительно знаемъ, что табориты крайне неодобрительно смотрѣли на купеческое занятіе ¹⁾).

Подобное истинно-братское отношеніе другъ къ другу, продолжалось у таборитовъ до самой битвы у Липанъ въ 1434 г., когда могущество Табора было сломлено и организація его разстроилась. Но до этого несчастнаго сраженія табориты вполнѣ выражали дѣйствительное положеніе вещей, когда по словамъ памятниконъ того времени говорили каждому немущему: «приходи къ намъ и ты получишь нѣкоторое богатство и полную свободу» ²⁾. Забота о немущемъ ближнемъ становится ближайшею жизненною задачею всякаго таборита. Она получаетъ разрѣшеніе согласно тому, что подсказывало пробудившееся тогда съ такою необыкновенною силою стремленіе къ истинѣ и справедливости. «Табориты углублялись въ разные вопросы, — говоритъ Палацкій, — больше при помощи чувства и фантазіи, нежели ума и знанія; но у каждаго обнаружилась при этомъ такая сила вѣры и убѣжденія, что всякій считалъ своимъ домомъ непременно заботиться о благе своего ближняго» ³⁾.

Многіе убѣждены, что государство не можетъ жить правильною жизнью, если всякій слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу интересы своихъ ближнихъ. Табориты были совершенно противоположнаго убѣжденія и всѣ заботы ихъ были направлены къ тому, чтобы немущій ближній находилъ на Таборѣ братскую поддержку. Эти заботы выступали наружу даже въ такихъ вопросахъ, которые, казалось, ничего общаго съ неравнодѣльнымъ распредѣленіемъ не имѣли. Такъ, напр., въ каноническомъ спорѣ о томъ, нужно ли соблюдать посты, таборитское ученіе выступало противникомъ пощенія, на томъ основаніи, что бѣднаго посты дѣйствительно изнуряютъ, между тѣмъ какъ богатніи имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ питательныхъ постныхъ блюдъ, по своей дороговизнѣ для бѣднаго недоступныхъ ⁴⁾. Католическіе богословы были, конечно, поражены подобною мотивировкою и это имъ послужило еще однимъ яркимъ доказательствомъ того распространеннаго въ тогдашнемъ католическомъ мірѣ убѣжденія, что таборитскіе священники представляютъ собою сбродъ «портныхъ и сапожниковъ» ⁵⁾. Это объясненіе было,

¹⁾ Denia, стр. 181.

²⁾ Vybor, стр. 287 (Vaclav, Havel a Tabor — разговоръ таборита, католика и нейтральнаго).

³⁾ Palacky, 7 Buch, стр. 182.

⁴⁾ Krummel, стр. 94.

⁵⁾ Andreas de Broda, стр. 339.

однакоже, совершенно не вѣрно. Если дѣйствительно много «портныхъ и сапожниковъ» являлось въ несложной роли таборитскихъ священниковъ, то все-таки наиболѣе полные выразители таборитскихъ тенденцій были очень ученые магистры, единственное отличіе которыхъ отъ правоѣрныхъ католическихъ священниковъ заключалось въ томъ, что они при изученіи схоластической мертвой науки не утратили живой души, и потому страстный призывъ къ насажденію правды на землѣ встрѣтилъ въ нихъ восторженныхъ и преданныхъ кодификаторовъ. Очень былъ ученъ и громкое имя приобрѣлъ себѣ въ Прагѣ священникъ Янъ изъ Желива. До высокихъ степеней дошелъ бы онъ, оставшись въ лонѣ католицизма. Но онъ твердо помнилъ, о комъ преимущественно заботился основатель христіанства, и сталъ ревностнѣйшимъ таборитомъ. А быть таковымъ значило всегда и всюду думать о бѣдной, забитой массѣ. Такъ Янъ изъ Желива и поступалъ. Даже тогда, когда, опасаясь его вліянія на народъ, «умѣренные» пражане присудили его къ смерти, этотъ вѣрный выразитель таборскихъ стремленій въ послѣднія минуты своей жизни не переставалъ думать о благѣ немущихъ. «Дорогой братъ,—говорилъ онъ одному изъ своихъ помощниковъ,—не измѣняй истинѣ: скажи священникамъ нашимъ, пусть они до послѣдняго издыханія останутся вѣрны черни, бѣдному народу» ¹⁾. Таборитскіе священники вѣрно исполнили завѣтъ благороднаго мученика и, пока нерушилось таборское могущество, всегда выступали защитниками бѣдной массы. Такъ, напр., когда военные главари Табора, въ видахъ боевыхъ нуждъ, обложили крестьянъ контрибуціею, таборскіе священники, устами главнаго представителя своего, Николая изъ Пельгримова, выразили этому самое рѣшительное порицаніе ²⁾.

Да, недаромъ таборское ученіе, по живописному выраженію Лаврентія изъ Бржезова, привлекало къ себѣ народъ, «какъ магнитъ желѣзо» ³⁾. Если къ таборитству пристало много рыцарей и магистровъ, то большинство приверженцевъ его все-таки были крестьяне и ремесленники. Въ современной сатирической пѣснѣ поется, что «сеяне подыались отъ плуга и не хотѣли работать, ни молотить, ни орать, и много ремесленниковъ вмѣстѣ основывали новое ученіе» ⁴⁾.

¹⁾ Denis, стр. 333.

²⁾ Nicolaus de Pelhrimov, стр. 485.

³⁾ Laurentius, стр. 390.

⁴⁾ Vybor, II, стр. 250.

Мы уже знаемъ, насколько правдиво было объясненіе, что крестьяне изъ желанія пожить на чужой счетъ пристали къ таборскому ученію; мы уже знакомы съ тѣми «глупцами-крестьянами», которые, по словамъ Лаврентія, за безцѣною продавали свое имущество и десятками тысячъ приходили на Таборъ, чтобы положить вырученные деньги въ общія «кады» и обрѣсти тамъ душевное спасеніе въ истинно-евангельской, братской жизни, не знавшей различія между «моимъ» и «твоимъ».

Кромѣ крестьянъ къ таборитству присталъ въ огромномъ количествѣ низшій городской классъ, и правъ былъ Андрей изъ Брода, когда металъ громы на извѣстную часть чешскаго дворянства за то, что они соединились съ «vilibus ruricolis» (грязными, низкими земледѣльцами) и «fraternitate sutorum, sartorum, brachatorum, lanificum, textorum et aliorum mechanicorum»¹⁾ (сообществомъ сапожниковъ, портныхъ, тчачей и другихъ ремесленниковъ).

Но странное дѣло! Эти «низкіе земледѣльцы», убѣжденные отъ работы, эти «портные и сапожники», приставшіе къ таборитству, какъ неоднократно увѣряютъ католическіе хронисты, изъ страсти къ грабежу и веселой жизни,—почему они отличались такимъ пуританизмомъ, такой нравственной строгостью, какіе можно еще разъ встрѣтить въ исторіи развѣ у индепендентовъ Кромвеля?

Твердо рѣшившись пересоздать на началахъ братской любви и равенства весь существующій строй, твердо рѣшившись добиться торжества своихъ идей въ самомъ скоромъ будущемъ, табориты полагали, что дѣло ихъ только тогда дѣйствительно восторжествуетъ, когда помимо общественнаго строя, реформа будетъ внесена и въ личную жизнь. Вотъ почему они требовали отъ себя и отъ своихъ единомышленниковъ самой строгой, самой безупречной личной нравственности. Прага имъ всегда казалась «великимъ Вавилономъ»²⁾ — это была одна изъ таборитскихъ «ересей». Чтобы противоудѣйствовать разслабляющему вліянію столицы и былъ основанъ на горѣ Таборъ новый городъ того же имени, гдѣ было изгнано все, что имѣло связь съ «грѣховностью». О половой нравственности уже и говорить нечего. Никакая женщина легкаго поведенія не допускалась на Таборъ и всегда, когда табориты завладѣвали какимъ-нибудь городомъ, первымъ дѣломъ ихъ было разбить въ щепки публичные дома.

¹⁾ Ibidem, стр. 339 343, 349.

²⁾ Archiv Český, Dil III, стр. 219.

Въ Прагѣ первымъ актомъ «соціальной ликвидаціи» было именно разрушеніе публичныхъ домовъ, что, конечно, не замедлило вызвать сильное негодованіе благочестивыхъ католиковъ противъ безбожныхъ сектаторовъ. Къ числу первыхъ же «крайностей» таборитства относится рѣзкій протестъ противъ всякаго проявленія тщеславія и противъ тѣхъ удовольствій, которыя не заключали въ себѣ ничего духовнаго. Первые недоразумѣнія между пражанами и таборитами произошли именно вслѣдствіе того, что таборитскія женщины нападали на пышно-разодѣтыхъ пражанокъ, срывали съ нихъ блестящія украшенія и бросали ихъ въ огонь, или же стаскивали съ нихъ дорогія платья и разрывали на куски. Выѣстъ съ тѣмъ табориты возстали противъ игры въ карты и въ кости, а также противъ пьянства. Въ веселой Прагѣ имъ не удалось прекратить эти проявленія «грѣховности», но на Таборѣ онѣ преслѣдовались съ строгостью, доходившей до аскетизма. Даже игра на музыкальныхъ инструментахъ была первое время запрещена.

«Одна латинская рукопись перечисляетъ намъ занятія дозволенныя и недозволенныя «вѣрнымъ» и обрисовываетъ намъ нравственный идеалъ этихъ пуританъ XV-го столѣтія. Всѣ развлеченія, игра въ кости, карты (и др. въ этомъ родѣ) осуждаются; запрещено играть на флейтѣ, барабанѣ, трубѣ и гитарѣ для того, чтобы подъ тактъ ихъ танцовать; занятія шута, колдуна и знахаря также строго осуждены, какъ ремесло вора, утайщика, разбойника и лже-свидѣтеля. Ростовщичество есть преступленіе. Убийца отвѣтъ предъ Богомъ, даже если онъ дѣйствуетъ во имя закона, какъ напримѣръ, налечь; всякая клятва есть грѣхъ: ваше «да» пусть будетъ «да», ваше «нѣтъ» пусть будетъ «нѣтъ». Запрещается дѣлать роскошныя одежды, дорогія матеріи, утварь и предметы украшенія, которые служатъ только для тщеславія. Нѣкоторыя занятія не такъ формально осуждены, но они очень опасны для спасенія души; таковы—занятіе таможенныхъ сборщиковъ и торговля; купцы и продавцы обманываютъ другъ друга и живутъ только для того, чтобы приобретать и умножать богатства; нельзя быть купцомъ безъ того, чтобы не лгать и ложно не клясться»¹⁾.

Аскетическій ригоризмъ Табора почти ничто не потерялъ изъ своей первоначальной строгости за все время существованія секты. Страстный протестъ противъ «грѣховности» и непоколебимая рѣшимость вырвать ее съ корнемъ остается главной от-

¹⁾ Denis, стр. 281.

личительной чертой лѣвой стороны гусситства отъ правой стороны его, удовольствовавшейся одними церковными реформами и не видѣвшей надобности въ общественныхъ. Этотъ протестъ противъ «грѣховности» настолько проникалъ все нравственное существо таборитовъ, что даже при переговорахъ съ непріятелемъ они требовали отъ него, какъ *conditio sine qua non*, мѣръ противъ распущенности нравовъ; такъ, напримѣръ, ожесточенная война съ силезцами только тогда окончилась перемиріемъ, когда силезцы обѣщали рѣшительно преслѣдовать всѣ смертные грѣхи и прогнать всѣхъ женщинъ дурного поведенія ¹⁾.

Но всего любопытнѣе для характеристики того, до чего сильно было въ таборитахъ стремленіе къ нравственному обновленію и отвращеніе къ распущенности нравовъ—это переговоры, предшествовавшіе базельскому собору 1431 года. Римская церковь, уstraшенная блестящими побѣдами таборскаго оружія, рѣшилась вступить въ переговоры съ еретиками. Табориты съ своей стороны согласились отправиться на соборъ для переговоровъ, потому что вовсе не кровавое насажденіе правды было ихъ идеаломъ. Но для того, чтобы эти переговоры не превратились въ простой выигрышъ времени для католической партіи, послы Табора потребовали предварительнаго подписанія 12 пунктовъ, (такъ-называемые «Эгерскіе пункты»), которые въ главныхъ чертахъ намѣщали удовлетвореніе таборитскихъ требованій. И вотъ, пунктомъ десятымъ выговаривалось, что соборъ принимаетъ мѣры, чтобы за все время пребыванія въ Базелѣ пословъ Табора тамъ была устранена «публичная грѣховность» ²⁾. До чего силенъ долженъ былъ быть нравственный ригоризмъ, дѣлающій такой пунктъ однимъ изъ двѣнадцати, въ которыхъ надо было договариваться о столькихъ вещахъ! И соборъ понял, что требованіе очень серьезно, что несоблюденіе его опасно; были приняты рѣшительныя мѣры, чтобы не оскорбить щепетильности пословъ. Стало скучно въ веселомъ Базелѣ. Известно, какъ весело становилось въ тѣхъ городахъ, гдѣ собирались духовные соборы. Такъ, напримѣръ, на констанцскій соборъ, длившійся насаждать нравственный порядокъ въ католическомъ мірѣ, кромѣ огромнаго количества музыкантовъ и пѣсенниковъ, фигляровъ и шутовъ, пріѣхало болѣе 700 продажныхъ красавицъ, не считая тѣхъ, которые тайно занимались тѣмъ же ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 385.

²⁾ Krummel, стр. 108.

³⁾ Вильбасовъ, LVI.

Столь же весело было и въ Базелѣ. Но съ прїѣздомъ таборскихъ пословъ всякое веселье прекратилось. Магистратъ и уполномоченные собора позаботились, чтобы всякіе внѣшніе «скандалы» были устранены. Даже пляски и игра въ кости были строжайше запрещены и столь же строго было запрещено публичнымъ женщинамъ показываться на улицахъ Базеля, за все время пребыванія тамъ таборскихъ пословъ.

Мы все время говорили исключительно о посллахъ Табора, хотя подъ эгерскими пунктами подписались и уполномоченные «умѣренныхъ» пражанъ. Но послы пражанъ конечно только для того, чтобы не обнаружить предъ соборомъ раздвоеніе въ средѣ гусситства, подписали пунктъ десятый: не могли же они требовать отъ Базеля устраненія тѣхъ «скандаловъ», которые имѣли мѣсто въ самой Прагѣ и часто были причиной вражды чешской столицы съ пуристами Табора. Сообразно этому было и распредѣленіе ролей на соборѣ между гусситскими уполномоченными, очень характерное для того, чтобы усмотрѣть, въ чемъ былъ центръ тяжести каждой изъ фракцій гусситства. Такъ защиту предъ соборомъ причащенія подъ двумя видами взялъ на себя знаменитый дѣятель чистаго утравизма, Рокицана. О грѣховности же и улучшеніи нравственности говорилъ таборитъ Николай изъ Пельgrimова и говорилъ такъ рѣзко и безпощадно, такъ настойчиво требовалъ нравственнаго обновленія, что Рокицана считъ своимъ долгомъ сдѣлать ему упрекъ въ необузданности ¹⁾).

III.

Но именно въ этой-то «необузданности», если только была необузданность въ стремленіи къ нравственному совершенству, въ этой-то страстной рѣшимости устроить «царство Божіе» на землѣ, то-есть царство правды и справедливости, гдѣ человѣкъ человѣку дѣйствительно братъ, гдѣ нѣтъ различія между знатымъ и незнатымъ, между богатымъ и бѣднымъ, между священникомъ и міряниномъ, только въ этой твердой рѣшимости, породившей не менѣе твердую надежду на скорое осуществленіе своихъ идеаловъ и черпали табориты свое одушевленіе, равнаго которому нѣтъ во всей всемірной исторіи. Никогда еще одушевленіе не дѣлало такихъ чудесъ. Простые поселяне, взятые прямо отъ сохи, стали самыми непобѣдимыми вои-

¹⁾ Krummel, стр. 114.

нами дѣлой Европы, священники превратились въ полководцевъ и въ какихъ! Вся Европа трепетала предъ министромъ богословія Проконемъ Большимъ, котораго желаніе доставить побѣду своимъ идеямъ сдѣлало гениальнымъ военачальникомъ. Страхъ, нагнанный этимъ богословомъ, былъ такъ великъ, что одного имени его было достаточно, чтобы навести паническій ужасъ на испытанное въ бояхъ крестоносное войско. При Таховѣ таборитское войско, предводительствуемое Проконемъ, было несравненно малочисленнѣе крестоносцевъ. Этимъ соображеніемъ павскій легатъ старался вдохнуть мужество въ католическое войско, которое хотѣло отступить безъ боя при однихъ слухахъ о приближеніи Проконя. И дѣйствительно, слова легата произвели впечатлѣніе: крестоносцы выстроились въ боевой порядокъ. Но стоило имъ въ дѣйствительности увидѣть издали воиновъ Проконя, и они пустились въ самое дикое, беспорядочное бѣгство. Напрасно легатъ преградилъ путь бѣглецамъ, умолялъ ихъ, грозилъ, развѣртывалъ императорское знамя, ничего не помогло: въ концѣ-концовъ неудержимый потокъ увлекъ и его. При Домажлицахъ, даже вида Проконя войско не оказалось нужнымъ, чтобы привести въ смятеніе католиковъ. Едва до нихъ ушей дошли покамышъ еще отдаленные, только попутнымъ вѣтромъ правящиеся звуки таборитскаго гимна и они, обезумѣвъ отъ страха, побѣжали во всѣ стороны, бросивъ на произволъ судьбы богатѣйшій обозъ и не давая себѣ даже отчета, куда лучше бѣжать, такъ что многіе прямо налетѣли на таборитское войско. Объ еще большемъ ужасѣ, который наводилъ на католиковъ величайшій полководецъ тѣхъ временъ — Жижка, мы теперь не станемъ распространяться, такъ какъ Жижка все-таки былъ по профессіи воинъ, между тѣмъ, какъ Проконя только смѣлость, присущая всякому глубокому одушевленію, сдѣлала такимъ знаменитымъ стратегомъ.

Да, жестоко было посрамлено въ эпоху гусситскихъ войнъ такъ-называемое «военное искусство» простыми мужиками, иногда и не слыжавшими о какой бы то ни было военной выправѣ. Чтобы вполне оцѣнить размѣры этого посрамленія, нужно принять въ соображеніе, что крестоносное ополченіе, помимо огромнаго численнаго перевѣса, было сильнѣе и вѣнчаннымъ «благочестіемъ». Какъ блестяще, напримѣръ, было первое крестоносное войско. «Въ этомъ войскѣ, число котораго превышало 150 тысячъ (а таборитовъ было около 20—30 тысячъ) сообщаетъ Лаврентій изъ Бржезова, — были архіепископы, епископы, патриархъ аквилейскій, множество докторовъ и дру-

тихъ духовныхъ представителей; затѣмъ свѣтскіе вожди и князья, числомъ 40: маркиграфы, графы, бароны, множество дворянъ и гражданъ различныхъ государствъ. Своими пышными палатками они заняли огромную равнину. Здѣсь были разнообразныя племена и языки: чехи и моравы, венгерцы и кроаты, далматы и болгары, саксы и сицилійцы, куны, ясы, русскіе, пруссы, сербы, тюрингенцы, штирійцы, вейсенцы, баварцы, саксонцы, южные германцы, французы, франконцы, англичане, брабантцы, вестфальцы, голландцы, швейцарцы, лужицане, севры, вранцы, аррагонцы, испанцы, поляки, рейнскіе нѣмцы и др.» ¹⁾.

И все-таки это блестящее войско было разбито на голову крестьянами, изъ большинства случаевъ вооруженными палками, косами и цѣпами. Какъ во время французской революціи, при Вальми, опытные солдаты герцога брауншвейгскаго, ветераны Фридриха II, были разбиты республиканскою «сволючью», вооруженною тѣмъ пополамъ, такъ и въ эпоху гусситскихъ войнъ табориты блистательно доказали, какіе великіе подвиги можетъ совершать простое сознание своей правоты, сопровождаемое также сознаніемъ того, что оно борется за освобожденіе чловѣчества отъ сковывающихъ его цѣпей. И здѣсь технической сторонѣ побѣды таборитовъ надъ огромнымъ войскомъ крестоносцевъ содѣйствовало то обстоятельство, что «въ побѣдонесномъ войскѣ чеховъ богатый и бѣдный были равны между собою. Всякій былъ «братомъ» и командованіе принималъ тотъ, кто выдвигался военнымъ дарованіемъ и храбростію. Напротивъ того, у противниковъ ихъ войны занимали мѣста по происхожденію» ²⁾.

Но, конечно, главную роль, въ особенности въ тѣ времена рукопашнаго рѣшенія боя, играло воодушевленіе таборитовъ. Оно-то и создавало «всеобщее убѣжденіе, что чеховъ нельзя побѣдить силою оружія», какъ писалъ напскій легатъ Юліанъ. Оно-то и было причиной, что *пять послѣдственныхъ крестовыхъ походовъ* отразили чехи, т.-е. главнымъ образомъ табориты, такъ какъ самыя значительныя пораженія католикамъ наносили именно они, сначала подъ предводительствомъ Жижки, а потомъ Пржекопа. Что именно въ нравственномъ одушевленіи лежить центръ тяжести успѣха таборитовъ, ясно изъ того, что, какъ только исчезла пуританская «необузданность» Табора, такъ сейчасъ мало и могущество его. Тринадцать лѣтъ оборонялся Та-

¹⁾ Laurentius, стр. 374—75.

²⁾ Palacky, 8 Buch, стр. 10.

боръ отъ полчищъ цѣлой Европы, и мы видѣли выше разнообразіе «языковъ и племенъ», пришедшихъ вернуть Чехію въ лоно матери-церкви, — тринадцать лѣтъ войны Табора выходили побѣдителями, потому что ихъ первобытнымъ даже для того времени оружіемъ управляло глубокое убѣжденіе, а глубокое убѣжденіе всегда творить чудеса. Но когда предъ злостастной битвой у Липанъ 1434 года табориты, нуждавшіеся въ военной помощи, сдѣлали роковую ошибку, допустивъ, чтобы къ нимъ прістали просто люди, польстившіеся на военную добычу, никакими нравственными стремленіями не одушевленные, участь Табора была рѣшена. Помощь этихъ людей была куплена слишкомъ дорогой цѣной — утратою руководящей идеи, утратою внутреннего убѣжденія въ своей правотѣ. А разъ его потерявши, табориты превратились въ простыхъ плохо-вооруженныхъ мятежниковъ, разбить которыхъ «благоустроенному» католическому войску уже было совсѣмъ не трудно.

Не лишнее прибавить, чтобы еще указать демократическій характеръ таборитскаго движенія, что больше всѣхъ элементовъ таборитскаго войска были воодушевлены низшіе классы. «Крестьяне и ремесленники, — сообщаетъ Андрей изъ Брода, — были такъ пламенно настроены, что ихъ всегда ставили въ первые ряды войска» ¹⁾).

Свѣдѣніе это любопытно и въ другомъ отношеніи. Оно показываетъ всю нецѣлность католическаго утвержденія, что причиною тенденцій Табора была «жажда грабежа». Хороша жажда грабежа, рвущаяся лечь костями въ первыхъ рядахъ!

И если сопоставить это свѣдѣніе съ извѣстнымъ уже намъ фактомъ, какъ крестьяне за безцѣнокъ продавали свое имущество и вырученные деньги вносили въ общія «кады», если къ этому еще прибавить, какъ табориты «награбленные» ими сокровища сжигали — подробности мы приведемъ дальше — если собрать все это въ одно цѣлое, то получается такая картина глубоко-безырыстнаго воодушевленія, которая своимъ величіемъ не можетъ не произвести впечатлѣнія даже на людей, совершенно отчужденныхъ въ хорошихъ побужденіяхъ человѣческой природы.

Воодушевленіе таборитовъ было такъ велико, что оно перешло даже женщинамъ. Какъ нѣкогда Марію пришлось вступать въ отчаянную борьбу не только съ кинжальными и тевтонскими воинами, но и съ ихъ женами, такъ и католичамъ неоднократно приходилось самымъ серьезнымъ образомъ обороняться

¹⁾ Andreas de Broda, стр. 344.

противъ таборитскихъ женщинъ, которыя не уступали мужчинамъ въ пренебреженіи опасностью. Въ рѣшительной битвѣ у Жижковой горы 1420 г. крайне важную въ стратегическомъ отношеніи башню отстояла именно неустрашимость одной таборитской женщины. «Не долженъ вѣрный христіанинъ уступить антихристу», — обратилась она съ рѣчью къ оробѣвшимъ-было защитникамъ башни, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами. Но у нихъ не было оружія. Тогда они стали обороняться камнями и во главѣ ихъ была та же женщина, которую и сразили непріятельскія стрѣлы. Но зато было выиграно время, подоспѣлъ Жижка и позиція осталась за таборитами ¹⁾.

Подобныхъ случаевъ необыкновеннаго мужества таборитскихъ женщинъ можно насчитать множество. Католики иной разъ боялись ихъ больше мужчинъ: «то были настоящіе гіены», характеризуетъ ихъ съ своей точки зрѣнія одинъ изъ католическихъ хронистовъ ²⁾.

Побѣдоносное одушевленіе на полѣ сраженія никогда не является само по себѣ, самостоятельно. Оно всегда находится въ органической связи съ цѣлымъ рядомъ подготовляющихъ явленій. И, конечно, важнѣйшимъ изъ этихъ подготовительныхъ элементовъ побѣды слѣдуетъ считать дисциплину. Табориты обладали ею въ высокой степени, — и эта дисциплина тѣмъ болѣе поразительна, что табориты были сбродомъ «портныхъ, саножниковъ, ткачей» и «низкихъ, подлыхъ крестьянъ», которымъ безграничная свобода, провозглашенная Таборомъ, всего менѣе, казалось бы, должна была внушить охоту подчиняться суровымъ правиламъ жижковской дисциплины. Какъ смѣшны и нелѣпы въ виду ея возгласы историковъ о томъ, что табориты стремились къ «соціальной ликвидаціи». Хороша «ликвидация», создавшая самую дисциплинированную армию христіанскаго періода исторіи. Мы едва ли ошибемся, сказавъ, что таборитская армія была самая дисциплинированная армія послѣ римскихъ временъ. Если войны Густава Адольфа и Кромвеля были дисциплинированы не менѣе войною Жижки, то не слѣдуетъ забывать, что это было дѣйствительно спустя, когда военная наука сознала всю важность дисциплины и на нее главнымъ образомъ обратились заботы военачальниковъ. Но Жижка получилъ свое военное воспитаніе, когда о строгой дисциплинѣ не имѣли понятія. Въ средніе вѣка сраженія рѣшались личнымъ мужествомъ. Объ общемъ планѣ, тре-

¹⁾ Tomek, Jan Zižka, стр. 53.

²⁾ Denis, стр. 227.

будущемъ непрекословнаго исполненія предписаній главнокомандующаго, о строгомъ боевомъ порядкѣ, требующемъ того, чтобы каждый стоялъ на указанномъ ему мѣстѣ, и обо всѣхъ остальныхъ техническихъ подробностяхъ, превращающихъ въ наше время армію въ одно стройное цѣлое, дѣйствующее по мановенію своего вождя, обо всемъ этомъ въ средневѣковыхъ войнахъ не было помину. Да и понятно почему: средневѣковыя войска состояли изъ наемниковъ, привлекаемыхъ жалованьемъ и жаждою грабежа, исполнѣ узаконеннаго обычаями того времени. А гдѣ есть грабежъ, гдѣ всѣ помыслы солдата обращены на мародерство, и о настоящей дисциплинѣ не можетъ быть рѣчи.

Совсѣмъ иныхъ воиновъ получили въ свое распоряженіе Жижка. Католическіе хроникеры могутъ сколько угодно увѣрять, что табериты думали только о грабежѣ: на самомъ дѣлѣ воины Табора были глубоко безкорыстные люди, всѣ помыслы которыхъ были направлены къ тому, чтобы доставить торжество своимъ идеямъ. Такихъ людей можно дисциплинировать, потому что единство цѣлей создаетъ и единство духа. И дѣйствительно, Жижка ввелъ между ними дисциплину, образцовую даже для нашего времени, а для того времени безпримѣрную.

Вотъ главныя черты военной инструкціи Жижки, данной въ первыхъ мѣсяцахъ войны.

Такъ какъ «мы стремимся» къ тому, «чтобы доставить свободное толкованіе слову Божьему», и къ тому, «чтобы привести духовенство къ образу жизни Сина Божьаго, Господа нашего Иисуса Христа, и къ образу жизни апостольскому», и затѣмъ къ тому, «чтобы въ самихъ себѣ искоренить всѣ смертельныя грѣхи», а также къ тому, чтобы искоренить всѣ смертельныя грѣхи «въ короляхъ, панахъ, священникахъ, мѣщанахъ, ремесленникахъ, рабочихъ и во всѣхъ людяхъ мужескаго и женскаго пола, никого не исключая, ни старыхъ ни молодыхъ», и такъ какъ людей, «не желающихъ держаться и выполнять минереченные пункты, мы не хотимъ терять между нами и въ войскѣ», то въ виду этого «мы, Янъ братъ Жижка, Янъ Рогачъ изъ Дубы, Алевизъ изъ Ризмбурна и т. д. (идетъ длинный списокъ таборскихъ начальниковъ, выбранныхъ изъ всѣхъ сословій), мы, начальники, (hejtmané), паны, рыцари, паноны (соотвѣтствуетъ нѣмецкому «юнгеръ»), бургомистры, советники», мы «всѣ просимъ, и официально приказываемъ и желаемъ, чтобы было строгое послушаніе; ибо чрезъ непослушаніе и нерегулярныя дѣйствія мы понесли потери въ братьяхъ и пораженія терпѣли отъ непріятеля».

Слѣдуютъ затѣмъ самыя правила.

На походѣ никто не долженъ удалиться отъ своего отряда, не опережать его и не оставаться сзади. Самые отряды также не должны мѣняться мѣстами, опредѣленными военачальниками; они должны соблюдать въ заранѣ установленномъ порядкѣ. Если же кто «иначе поступитъ или сдѣлаетъ безъ приказанія старшихъ», тотъ подвергается смертной казни, «кто бы онъ ни былъ». Никто не смѣетъ сжигать попадающіеся во дорогѣ дома, никто не смѣетъ грабить. Ослушнику — смертная казнь. Если же будетъ взята военная добыча, она должна быть спесена въ одну кучу и отдана въ распоряженіе старшихъ. Кто же утаитъ что-нибудь въ свою пользу, будетъ наказанъ смертію. Запрещается всякій шумъ, всякія ссоры. Если же кто ранитъ или убьетъ своего товарища — онъ будетъ наказанъ согласно «божескому закону». За кражу, на походѣ ли, во время ли лагерной стоянки — смертная казнь. Намовецъ, въ завершеніе: «мы не хотимъ терять въ своей средѣ лѣнливыхъ, непослушныхъ, лгуновъ, злодѣевъ, ругателей, азартныхъ игроковъ, мародеровъ, грабителей, обжоръ, развратниковъ, публичныхъ женщинъ и вообще всѣхъ явныхъ грѣшниковъ и грѣшницъ: всѣхъ ихъ мы выкинемъ отъ себя. И если мы будемъ держаться и выполнять всѣ вышеописанные спасительные пункты, Господь Богъ будетъ съ нами и окажетъ намъ свою святую милость и помощь; ибо въ борьбѣ за Бога слѣдуетъ вести себя хорошо, истинно по-христиански, слѣдуетъ жить въ страхѣ Божіемъ и любви къ ближнему» ¹⁾.

Въ сущности эта дисциплина была строже римской, такъ какъ обязанности римскаго солдата ограничивались безпрекословнымъ послушаніемъ, табориты же кромѣ того не смѣли ни грабить, ни насильничать, ни даже весело проводить время. Сколько нужно было имѣть въ себѣ одушевленія, пламеннаго стремленія къ нравственному совершенствованію, чтобы въ немъ найти замѣну обычныхъ утѣхъ и наслажденій.

Но и въ ежедневномъ быту табориты, какъ намъ уже извѣстно, обнаружили не менѣе одушевленія. Обиженное мужество обыкновенныхъ солдатъ, служащихъ либо изъ-за жалованія, либо изъ страха наказанія, не ведетъ за собою никакого нравственнаго подъема внѣ военного періода. Но безпримѣрная въ исторіи храбрость таборитовъ, добровольное себя обреженіе всѣмъ ужасамъ средневѣковой войны, не можетъ не находиться въ самой тѣсной связи съ нравственнымъ возбужденіемъ и въ ежедневной жизни. Каждый таборитъ считалъ себя призваннымъ обновить человѣче-

¹⁾ Vybor, стр. 271—77.

ство, и сообразно этому устраивалъ свою частную жизнь. Мы уже знаемъ о «кадахъ», знаемъ о военныхъ и домашнихъ общинахъ, братски обработывавшихъ землю и братски потомъ дѣлившихъ между собою плоды ея. Теперь же мы хотимъ еще прибавить описаніе такъ-называемыхъ «братскихъ собраний», которое мы приводимъ непосредственно послѣ характеристики военного быта таборитовъ, чтобы сгруппировать въ одно *массовое* поведеніе ихъ—вещь крайне важная для характеристики эпохи, такъ какъ недостатки или достоинства ея выступаютъ при этомъ вполне рельефно.

Оъ «братскихъ собраний» собственно и началось обще-гусситское движеніе. Въ началѣ они назывались просто «таборами» ¹⁾ и соединили въ себѣ всѣхъ недовольныхъ распущенностью католическаго духовенства и сожженіемъ великихъ праведниковъ Гуса и Иеронима. Но затѣмъ они стали принимать все болѣе и болѣе «уравнительный» характеръ и послѣ одного изъ нихъ и былъ основанъ самый «Таборъ». Это произошло въ началѣ 1419 г. Теперь уже специально табориты являются организаторами «братскихъ собраний», на которыя, впрочемъ, приглашаютъ всѣхъ желающихъ, чтобы проповѣдовать имъ «слово божіе». Желающихъ оказалось цѣлыя тысячи.

Наиболѣе знаменитое собраніе было устроено въ день Маріи-Магдалины 22 іюля 1419 года. На него стеклось *сорокъ тысячъ* мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Вотъ какъ описываетъ его чистый утракистъ, Лаврентій изъ Бржезова, котораго всего меньше можно обвинить въ мягкомъ отношеніи къ таборитамъ.

«Священники сосѣднихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ призвали окрестный народъ въ странствію туда (на Таборъ), для большаго укрѣпленія въ истинѣ, какъ они говорили. Когда вся торжественная процессія была въ сборѣ, они выходили впередъ со святыми дарами въ рукахъ и начинали собою шествіе, двигавшееся все время при звукахъ псалмовъ и священныхъ гимновъ. Въ Таборъ съ великою радостью, также со святыми дарами, встречали ихъ тамошніе братья и сестры. Цѣлый день провели они на горѣ, предаваясь занятіямъ не легкомысленнымъ, а только такимъ, которыя служатъ для спасенія души. Три обязанности исполняли адѣсь священники: самые ученые и краснорѣчивые проповѣдовали съ раннаго утра мужчинамъ особо, а женамъ и дѣтямъ особо, поучая ихъ слову Божію и безстрашно обличая

¹⁾ Но названіе «табориты» произошло не отъ «таборовъ», а отъ горы, окрещенной библейскимъ именемъ Таборъ (по-латыни и чешски Tabor).

гордое, жадное и кичливое духовенство; другіе неподвижно сидѣли, выслушивая исповѣдь; третьи, наконецъ, отъ восхода солнца до полудня раздавали святое причастіе подъ обоими видами тѣла и крови Христовой. До 42 тысячамъ людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей было въ тотъ день роздано причастіе. Послѣ этого, всѣ расположились на горѣ на особенно приготовленныхъ мѣстахъ и предались подрѣвленію плоти своей за общей трапезой, въ братской любви раздѣляемой между всѣми; не излишество или пьянство, не шутки и веселье имѣлись при этомъ въ виду, а только бодрость для лучшаго служенія Господу. Всѣ называли другъ друга братьями и сестрами, а потому богатый дѣлился съ бѣднѣйшимъ приготовленными для себя припасами. Для пьянства здѣсь ничего не допускалось. Тутъ не терпѣлись никакіе танцы, кости, мячи, ниня какія игры; онѣ воспрещались даже дѣтямъ. За то у нихъ не слышно ни о какихъ вражахъ или ссорахъ, не раздавалось свистовъ или игры на флейтѣ и гитарѣ, какъ это всегда бываетъ при церковныхъ празднествахъ. Подобно тому, какъ во времена апостоловъ, всѣ тутъ жили однимъ сердцемъ и одной душой и стремились только къ одной цѣли—спасти свою душу и возратить духовенство въ первобытной простотѣ (апостольскихъ временъ). Когда тѣло было подрѣвлено въ умѣренной степенн, священники со всѣмъ народомъ поднялись, чтобы возблагодарить Господа, послѣ чего они обошли вокругъ всю гору, неся предъ собою св. дары. Дѣвушки шли впереди, мужчины и женщины слѣдовали за ними толпами и всѣ пѣли священные пѣсни, которыя казались подходящими. По окончаніи этого шествія, всѣ распростлались другъ съ другомъ и разошлись отрядами, откуда кто пришелъ, причемъ старались не свернуть съ большой дороги, чтобы не растоптать засѣянныхъ полей¹⁾.

Вотъ какимъ образомъ началась въ Чехіи «соціальная ликвидація», съ чѣмъ серьезно сравниваютъ таборитское движеніе нѣкоторые историки, не умѣющие отличить внутреннюю сущность, если она не выражается въ обычныхъ внѣшнихъ формахъ.

С. Венгровъ.

¹⁾ Laurentius, стр. 369.

СВЯЗКА ПИСЕМЪ

РАЗСВАЗЪ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА МЛАДШАГО.

I.

Миссъ Миранда Гопъ, изъ Парижа, къ мистриссъ Абрагамъ Гопъ, Бангоръ, Мэнъ.

5 сентября 1879.

Дорогая мама,

Я дѣлилась съ тобой моими похождениями вплоть до вторника на прошлой недѣлѣ, и хотя мое письмо еще не дошло до тебя, я начинаю другое, боясь, какъ бы у меня не накопилось слишкомъ много матеріаловъ. Очень рада, что ты читаешь мои письма всѣмъ членамъ семьи; мнѣ пріятно думать, что они будутъ знать, какъ я проживаю, а писать всѣмъ я не могу, хотя стараюсь удовлетворить всѣмъ благоразумнымъ требованіямъ. Но и неблагоразумныхъ очень много, какъ тебѣ, вѣроятно, извѣстно; я не о твоихъ говорю, дорогая мама, такъ какъ должна признать, что ты никогда не требовала отъ меня больше, чѣмъ слѣдовало. Какъ видишь, ты пожимаешь плечи: я пишу къ тебѣ прежде, чѣмъ къ кому бы то ни было. Надѣюсь, что ты не показываешь моихъ писемъ Вильяму Плату. Если онъ желаетъ читать мои письма, онъ знаетъ, какъ этого добиться. Ни за что въ мірѣ не хотѣла бы я, чтобы онъ увидалъ одно изъ этихъ писемъ, писанныхъ для обращенія въ кругу семьи. Если онъ хочетъ получить особое письмо, онъ долженъ написать мнѣ первый. Пусть напишетъ, тогда я подумаю, отвѣчать ли ему или нѣтъ. Можешь показать ему это, если хочешь; но если ты этимъ не ограничишься, я никогда болѣе къ тебѣ не напишу.

Я описывала тебѣ, въ моемъ послѣднемъ письмѣ, мое прощаніе съ Англіей, мой переѣздъ черезъ каналъ, мои первые парижскія впечатлѣнія. Я много думала о прекрасной Англіи съ тѣхъ поръ, какъ рассталась съ нею, а также обо всѣхъ знаменитыхъ историческихъ мѣстностяхъ, какія мнѣ удалось посѣтить, но пришла къ заключенію, что не желала бы жить въ этой странѣ. Положеніе женщины въ ней вовсе не кажется мнѣ удовлетворительнымъ, а ты знаешь, что къ этому вопросу я отношусь отнюдь не равнодушно. Мнѣ кажется, что въ Англіи онѣ играютъ чрезвычайно безцвѣтную роль; у тѣхъ, съ которыми я разговаривала, былъ какой-то унылый и униженный тонъ, печальный и покорный взглядъ, точно имъ не въ диковину дурное обращеніе и распеканья, и это вынуждало во мнѣ желаніе хорошенько испугать ихъ. Многихъ, да и многое въ здѣшнихъ мѣстахъ, желала бы я подвергнуть этой операціи. Приятно было бы вытрясти крахмалъ изъ нѣкоторыхъ и пылъ изъ остальныхъ. Я знаю въ Бангерѣ дѣвушекъ пятьдесятъ, которыя гораздо ближе подходятъ къ моему представленію о положеніи, которое должна занимать истинно благородная женщина, чѣмъ всѣ эти молодыя англійскія «леди». Но онѣ прелестно говорятъ тамъ, въ Англіи, и мужчины замѣчательно красивы. (Можешь показать это Вильяму Плату, если пожелаешь).

Я подѣлилась съ тобой моими первыми, парижскими впечатлѣніями, которыя совершенно соотвѣтствовали моимъ ожиданіямъ, не смотря на все, что случилось слышать и читать объ этомъ городѣ. Предметовъ, возбуждающихъ интересъ, чрезвычайно множество, климатъ замѣчательно пріятный. Солнце свѣтитъ постоянно. Должна сказать, что положеніе женщины здѣсь значительно выше, хотя отнюдь не достигаетъ американскаго образца. Обращеніе жителей, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чрезвычайно своеобразно, и я, наконецъ, чувствую, что я действительно за границей. Тѣмъ не менѣе это вполне нарядный городъ, несравненно выше Нью-Йорка, и я употребила много времени на осмотръ различныхъ памятниковъ и дворцовъ. Не буду отдавать тебѣ отчета во всѣхъ моихъ странствованіяхъ, хотя была неутомима, такъ какъ веду, какъ уже говорила тебѣ, крайне утомительный журналъ, съ которымъ позволю тебѣ ознакомиться по возвращеніи моемъ въ Бангеръ. Поживаю я отлично, и должна сказать, что иногда удивляюсь, какъ мнѣ все удается. Это только показываетъ, чего можно достигнуть съ помощью нѣкоторой энергіи и здраваго смысла. Мнѣ не случилось вовсе испытать на себѣ тѣхъ неудобствъ, связанныхъ съ положеніемъ молодой дѣвушки,

путешествующей по Европѣ безъ провожатаго, о которыхъ такъ много толковали передъ моимъ отъѣздомъ, и не думаю, чтобы когда-нибудь пришлось ихъ испытывать, такъ какъ, конечно, не намѣрена гоняться за ними. Я знаю, чего мнѣ надо, и всегда умудряюсь добыть это.

Мнѣ оказывали много любезности, иногда самой горячей, и я не испытывала никакихъ непріятностей. Я сдѣлала много пріятныхъ знакомствъ во время моего путешествія, сходилась и съ дамами, и съ мужчинами, и вела множество крайне интересныхъ разговоровъ. Я собрала пропасть свѣдѣній, за которыми отсылаю тебя въ моему журналу. Увѣряю тебя, что мой журналъ будетъ прелюбопытный. Живу я совершенно такъ же, какъ и въ Бангорѣ, и оказывается, что все идетъ отлично; а если что и не такъ,—мнѣ совершенно все равно. Я пріѣхала въ Европу не за тѣмъ, чтобы стѣснять себя условными приличіями; я могла это дѣлать и въ Бангорѣ. Ты знаешь, что я никогда не хотѣла такъ жить въ Бангорѣ; поэтому трудно ожидать, чтобы я здѣсь себя мучила. Пока я буду достигать желаемого и управляться со своими деньгами, я сочту свое предпріятіе удавшимся. Иногда я чувствую себя довольно одинокой, особенно вечеромъ, но обыкновенно мнѣ удается заняться кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь. Вечеромъ я по большей части читаю описанія достопримѣчательностей, которыя осматривала въ теченіе дня, или пишу свой журналъ. Иногда хожу въ театръ или играю на фортепьяно въ общей гостиной. Общая гостиная въ нашемъ отелѣ ничѣмъ особенно не замѣчательна, но фортепьяно лучше, чѣмъ старое страшилище въ Seaboard House. Иногда я схожу внизъ и разговариваю съ дамой, которая ведетъ книги—замѣчательно учтивой француженкой. Она очень хорошенькая, постоянно носитъ черное платье, безукоризненно спитое, говоритъ немного по-англійски; она сказала мнѣ, что ей пришлось научиться этому языку, чтобы разговаривать съ американцами, которые въ такомъ огромномъ количествѣ стекаются въ этотъ отель. Она сообщила мнѣ очень много свѣдѣній о положеніи женщины во Франціи; въ словахъ ея очень много ободряющаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она сообщила мнѣ кое-что, чего бы мнѣ не хотѣлось писать тебѣ—я еще даже не рѣшилась занести это въ свой журналъ—особенно, если мои письма будутъ передаваться изъ рукъ въ руки въ семьѣ. Увѣряю тебя, что онѣ здѣсь толкуютъ о вещахъ, о которыхъ мы въ Бангорѣ никогда не только что не упоминали, но и не думали. Она, кажется, воображаетъ, что можетъ говорить мнѣ все, потому что я сказала ей, что путешествую съ культур-

ними цѣлями. Чтожъ, я желаю знать такъ много, что иногда мнѣ представляется, будто я желаю знать все; а между тѣмъ есть вещи, которыхъ, мнѣ кажется, я знать не желаю. Но, говоря вообще, все крайне интересно; я подъ этимъ не понимаю только то, что говорить мнѣ эта француженка, но все, что я сама вижу и слышу. Мнѣ право кажется, что я должна добиться всего, къ чему стремлюсь.

Я встрѣчаюсь со многими американцами, которые, должна признаться, говоря вообще, не такъ вѣжливы со мною какъ мѣстные жители. Мѣстные жители въ особенности мужчины, гораздо, если можно такъ выразиться, *онииматальнѣе*. Не знаю, можетъ быть, американцы болѣе искренни; на этотъ счетъ я еще не пришла ни къ какому заключенію. Единственная непріятность, которую я испытываю, это—когда американцы иногда выражаютъ удивленіе, что я путешествую одна; какъ видишь, замѣчанія эти идутъ не отъ жителей Стараго Свѣта. Отвѣтъ мой всегда готовъ: «для культурныхъ цѣлей, чтобы ознакомиться съ языками и видѣть Европу своими глазами»,—повидимому это вообще удовлетворяетъ ихъ. Дорогая мама, съ деньгами я управляюсь отлично и оно *право* интересно.

II.

Та же къ той же.

16 сентября.

Со времени моего послѣдняго письма я оставила отель, и поселилась въ одномъ французскомъ семействѣ. Это нѣчто въ родѣ пансіона въ соединеніи съ чѣмъ-то въ родѣ школы, только это не похоже на американскій пансіонъ, ни на американскую школу. Здѣсь человека четыре, пять поселились съ цѣлью изучить языкъ—не брать уроки, но найти случай разговаривать. Я очень обрадовалась возможности поселиться въ такомъ мѣстѣ, такъ какъ начинала сознавать, что не дѣлаю особенныхъ успѣховъ во французскомъ языкѣ. Мнѣ казалось, что мнѣ будетъ совѣстно провести два мѣсяца въ Парижѣ и не ознакомиться ближе съ языкомъ. Я всегда такъ много слышала о французскомъ разговорѣ, а между тѣмъ оказывалось, что здѣсь я имѣла столько же случаевъ упражняться въ немъ, какъ еслибъ оставалась въ Бангорѣ. Говоря по правдѣ, я гораздо болѣе слышала французскихъ разговоровъ въ Бангорѣ отъ тѣхъ французовъ изъ Канады, что пріѣзжали къ намъ рубить лѣдъ, чѣмъ могла надѣяться когда-

нибудь услышать въ этомъ отелѣ. Дама, которая вела книги, казалось, такъ сильно желала разговаривать со мной по-англійски — вѣроятно, также для практики — что я никакъ не могла рѣшиться дать ей понять, что мнѣ это непріятно. Горничная была правдива, всѣ лавен — нѣмцы, такъ что я никогда не слышала ни одного, французскаго слова. Вѣроятно, въ магазинахъ можно было бы найти хорошую практику, но, такъ какъ я ничего не покупаю, предпочитаю тратить свои деньги для культурныхъ цѣлей — то лишена этого удобства.

Подумывала я взять учителя, но я и такъ уже хорошо знала грамматику, а учителя вѣчно засадятъ васъ за глаголы. Я находилась въ порядочномъ затрудненіи, такъ какъ чувствовала, что мнѣ не хотѣлось уѣхать, не приобрѣти, по меньшей мѣрѣ, общаго понятія о французскомъ разговорѣ. Театръ много помогаетъ и, какъ я уже писала тебѣ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, я часто посѣщаю увеселительныя мѣста. Я не встрѣчаю никакихъ затрудненій, посѣщая подобныя мѣста одна, со мной всегда обращаются съ той вѣжливостью, которую, какъ я уже писала тебѣ, я встрѣчаю повсюду. Я вижу множество дамъ безъ провожатыхъ — по большей части француженокъ — и имъ, повидимому, такъ же весело какъ и мнѣ. Но въ театрѣ говорятъ такъ скоро, что я едва могу понимать разговоръ; кромѣ того, встрѣчается множество вульгарныхъ выраженій, знакомиться съ которыми бесполезно. Тѣмъ не менѣе театръ навелъ меня на слѣдъ. На другой же день по отсылкѣ послѣдняго моего письма къ тебѣ, я отправилась въ Palais-Royal, одинъ изъ главныхъ парижскихъ театровъ. Онъ очень невеликъ, но очень извѣстенъ, и въ моемъ гидѣ отмѣченъ *deuxième zepedochkami*, что служить признакомъ значенія, придаваемого только первокласснымъ достопримѣчательностямъ. Но просидѣвъ тамъ съ полъ-часа, я убѣдилась, что не понимаю ни единого слова пьесы, такъ они трещали, такіа употребляли странныя выраженія. Я была сильно разочарована и смущена, боясь, что не добьюсь всего, за чѣмъ пріѣхала. Но пока я размышляла объ этомъ — соображая, что мнѣ дѣлать — я услышала разговоръ двухъ джентльменовъ за моей спиной. Былъ антрактъ, я невольно прислушивалась къ ихъ разговору. Они говорили по-англійски, но я узнала въ нихъ американцевъ.

— Чтожъ, — говорилъ одинъ изъ нихъ, — все зависитъ отъ того, зачѣмъ вы гонитесь. Я гонюсь за французскимъ языкомъ.

— Ну, — сказалъ другой, — а я за искусствомъ.

— Да, — сказалъ первый, — я также за искусствомъ; но больше за французскимъ языкомъ. — Тутъ, дорогая мама, съ

сознаниемъ должна сознаться, что второй употребилъ неприличное выраженіе. Онъ сказалъ:—О, въ чорту французскій языкъ!

— Нѣтъ, я не пошлю его къ чорту, — сказалъ его пріятель:— я изучу его—вотъ что я сдѣлаю. Я поселился въ семействѣ.

— Въ какомъ семействѣ?

— Въ какомъ-нибудь французскомъ семействѣ. Это единственное средство—поселиться гдѣ-нибудь, гдѣ вы можете разговаривать. Если вы гонитесь за искусствомъ, вы пожалуй выйдете не будете изъ галлерей, пройдете весь Лувръ, комнату за комнатой,—но кончатъ въ день или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но если вы желаете познакомиться съ французскимъ языкомъ, все дѣло въ томъ, чтобы пріискать семейство. Здѣсь множество французскихъ семействъ, которыя принимаютъ васъ на полный пансіонъ и даютъ вамъ уроки. Моя кузина — та самая молодая особа, о которой я вамъ говорилъ—поселилась въ такомъ кагалѣ и они ее въ три мѣсяца вышколили. Они просто приняли ее и разговаривали съ нею. Это ихъ воегдашняя метода, посадить васъ передъ собой и трещать вамъ въ уши. Вамъ приходится понимать ихъ; это дѣлается невольно. Семейство, въ которомъ жила моя кузина, куда-то переѣхало, иначе я бы постарался поладить съ ними. Семейство это принадлежало къ очень хорошему кругу; по отъѣздѣ, кузина моя переписывалась съ ними на французскомъ языкѣ. Но я намѣренъ розыскать другой кагалъ, какого бы труда это мнѣ ни стоило!

Я все это слушала съ большимъ любопытствомъ, когда онъ заговорилъ о своей кузинѣ, я уже готова была повернуться, чтобы спросить у него адресъ семейства, въ которомъ она жила; но вслѣдъ затѣмъ онъ сказалъ, что они переѣхали, а потому я не повернула головы. Другой джентльменъ, однако, казалось, не испытывалъ того же, что испытывала я.

— Чтожъ, — сказалъ онъ: — можно держаться этого, если хотите; я намѣренъ держаться картинъ. Не думаю, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ когда-нибудь явился значительный спросъ на французскій языкъ; но даю вамъ слово, что гдѣ-нибудь черезъ десять будетъ большой спросъ на искусство! Да и не временный, вдобавокъ.

Замѣчаніе это, можетъ быть, было и очень справедливо, но мнѣ нѣтъ никакого дѣла до спроса; я хочу знать французскій языкъ изъ любви къ искусству. Мнѣ не хотѣлось бы думать, что я за все это время не приобрѣла, по этой части, основательныхъ познаній. На другой же день я спросила у дамы, которая ведетъ книги въ отелѣ, не знаетъ ли она какого-нибудь

семейства, которое согласилось бы принять меня къ себѣ пансіонеркой и позволить мнѣ пользоваться ихъ разговоромъ. Она мгновенно всплеснула руками, съ многочисленными рѣзкими возгласами—на французскій ладъ—и объявила мнѣ, что ея самая близкая пріятельница содержитъ подобное заведеніе. Знай она, что я ницѣ чего-нибудь въ этомъ родѣ, она бы прежде мнѣ сказала; а сама не заговаривала объ этомъ, такъ какъ не желала причинить убытокъ отелю, сдѣлавшись причиной моего отъѣзда. Она сказала мнѣ, что это—премилое семейство, которое часто принимаю къ себѣ американокъ—а также и дамъ другихъ національностей, желающихъ изучить языкъ, и что она увѣрена, что я буду отъ нихъ въ восторгѣ. Она дала мнѣ ихъ адресъ и предложила отправиться со мной, чтобы представить меня имъ. Но я такъ торопилась, что отправилась одна и безъ труда розыскала этихъ добрыхъ людей. Они были очень рады принять меня, и мнѣ они, на первый взглядъ, очень понравились. Они, повидимому, очень разговорчивы, на этотъ счетъ можно быть покойной.

Я поселилась здѣсь дня три тому назадъ, и за это время очень часто видалась съ ними. Плата за содержаніе показалась мнѣ довольно высокой; но не слѣдуетъ забывать, что сюда же включается многое множество разговоровъ. У меня очень хорошенькая комнатка—безъ ковра, но съ семью зеркалами, двумя часами и пятью занавѣсками. Я испытала нѣкоторое разочарованіе, узнавъ по переѣздѣ, что здѣсь живетъ еще нѣсколько американцевъ съ тою же цѣлью, какъ и я. Собственно говоря, здѣсь трое американцевъ и двое англичанъ, и еще нѣмецъ. Боюсь, поэтому, чтобы разговоръ нашъ не былъ довольно смѣшанный, но еще не имѣла времени судить. Стараюсь разговаривать съ *madame de Maison-Rouge*, сколько могу—она хозяйка дома и настоящее семейство состоитъ только изъ нея и ея двухъ дочерей. Онѣ всѣ—чрезвычайно элегантныя, привлекательныя особы, я увѣрена, что мы очень сойдемся. Напишу тебѣ о нихъ подробнѣе въ слѣдующемъ письмѣ. Скажи Вильяму Плату, что я нисколько не интересуюсь тѣмъ, какъ онъ поживаетъ.

III.

Миссъ Віолетта Рэй, изъ Парижа, къ миссъ Агнесъ Ричъ, Нью-Йоркъ.

21 сентября.

Едва мы добрались сюда, какъ отецъ получилъ телеграмму, немедленно призывавшую его обратно въ Нью-Йоркъ. Причиной

этому были какія-то его дѣла, что именно, не знаю, — ты знаешь, что я никогда не понимала этихъ вещей, да и не желаю понимать. Мы только-что устроились въ отелѣ, въ прекрасныхъ комнатахъ, и мы съ мамѣ, какъ ты легко можешь себѣ представить, были сильно раздосадованы. Отецъ, какъ тебѣ извѣстно, — страшная суета, и первой его мыслью было, какъ только онъ узналъ, что ему придется возвратиться, чтобы мы возвратились вмѣстѣ съ нимъ. Онъ объявилъ, что ни за что не оставитъ насъ въ Парижѣ однихъ, что мы должны возвратиться и опять вернуться сюда. Не знаю, что, по его мнѣнію, могло съ нами случиться; вѣроятно, онъ воображалъ, что мы замотаемся. Любимая теорія отца, это — что у насъ вѣчно наваливаются и наваливаются счеты, тогда какъ нѣкоторая наблюдательность доказала бы ему, что мы несемъ тѣ же старыя *отрѣзья по цѣлымъ мѣсяцамъ*. Но у отца нѣтъ наблюдательности, ничего кромѣ теорій. Мы съ мамой, однако, по счастью сильно *напрактиковались*, и намъ удалось заставить его понять, что мы ни за что не тронемся изъ Парижа, и что скорѣй позволимъ разрубить себя на мелкіе куски, чѣмъ согласимся снова переплыть этотъ ужасный океанъ. А потому отецъ, наконецъ, рѣшилъ, что побѣдетъ одинъ, и оставитъ насъ здѣсь на три мѣсяца. Но, суди сама, какая онъ суета: отказалъ намъ въ позволеніи жить въ отелѣ, и настаивалъ на томъ, чтобы мы поселились *въ семействѣ*. Не знаю, что внушило ему эту мысль, вѣрнѣе всего какое-нибудь объявленіе, которое онъ увидалъ въ одной изъ американскихъ газетъ, издаваемыхъ здѣсь. Здѣсь есть семейства, которыя принимаютъ къ себѣ на жительство американцевъ и англичанъ, подъ предлогомъ преподаванія имъ французскаго языка. Можешь себѣ представить, что это за люди — т.-е. эти семейства. Но и американцы, избирающіе этотъ странный способъ видѣть Парижъ, должно быть, не лучше ихъ. Мы съ мамой пришли въ ужасъ и объявили, что и *силой* насъ не выведутъ изъ отеля. Но у отца есть манера добиться своего — болѣе дѣйствительная, чѣмъ насиліе. Онъ пристаетъ и суется; *тѣмъ-то*, какъ мы говорили въ школѣ, и когда мы съ мамой окончательно истомимся, торжество его бываетъ обезпечено. Мама обыкновенно истомится скорѣй, чѣмъ я, и кончается тѣмъ, что переходитъ на сторону отца; такъ что, когда они, наконецъ, соединятъ свои силы противъ меня бѣдненькой, мнѣ приходится признать себя побѣжденной. Желала бы я, чтобы ты слышала, какъ отецъ распространялся насчетъ своего «семейнаго» плана; онъ говорилъ о немъ со всѣми, съ кѣмъ встрѣчался; заходилъ къ банкиру и толковалъ съ служащими

въ его конторѣ, съ служащими на почтѣ, пытался даже обмѣниваться мыслями на этотъ счетъ съ дамами гостиницы. Онъ говорилъ, что такъ будетъ безопасно, прилично, экономно, что я усовершенствуюсь во французскомъ языкѣ, что мама узнаетъ, какъ ведется французское хозяйство, что онъ будетъ спокоенъ и не знаю—что еще. Изъ всѣхъ этихъ аргументовъ не было ни одного основательнаго, но это не составляло разницы. Всѣ его толки объ экономіи—чистая чепуха, теперь, когда всякій знаетъ, что дѣла въ Америкѣ окончательно оживились, что застои совершенно миновали и что тамъ составляютъ *нормальныя состоянія*. Мы экономничали въ теченіе послѣднихъ нѣдѣль, и я полагала, что мы поѣхали за границу, чтобы нежарить плоды этой экономіи.

Что же касается до моего французскаго языка, онъ настолько безукоризненъ, какъ я только могу желать. Увѣряю тебя, что я часто сама удивляюсь легкости, съ которой говорю, и когда я приобрѣту немного болѣе навыка относительно родовъ именъ существительныхъ и идіотизмовъ, я буду хоть куда по этой части.

Итакъ, отецъ по обыкновенію поставилъ на своемъ; мама не благородно измѣнила мнѣ въ послѣднюю минуту, и я, продержавшись одна въ теченіе трехъ дней, сказала имъ, что они могутъ дѣлать со мной, что хотятъ! Отецъ пропустилъ три парохода, одинъ за другимъ, оставаясь въ Парижѣ, чтобы убѣждать меня. Ты знаешь: онъ точъ въ точъ школьный учитель въ «Покинутой деревнѣ» Гольдсмита—*даже будучи побѣжденнымъ, онъ продолжалъ убѣждать*. Они съ мамой убѣждали семейство семнадцать—они откуда-то добыли адреса—а я легла на диванъ и отказалась отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, они заключили условія, и меня препроводили въ учрежденіе, изъ котораго пишу тебѣ. Пишу тебѣ изъ нѣдръ парижскаго *мнѣнаге*, изъ бедны второстепеннаго пансіона.

Отецъ оставилъ Парижъ только когда, по его мнѣнію, удобно устроилъ насъ здѣсь, и объявилъ *madame de Maison-Rouge*—хозяйкѣ дома, главѣ «семейства» — что проситъ ее обратить особенное вниманіе на мое французское пронахоженіе. Какъ нарочно, въ произношеніи-то я всего сильнѣе; упомяни онъ о родахъ и идіотизмахъ, замѣчаніе его имѣло бы какой-нибудь смыслъ. Но у бѣднаго папа совсѣмъ нѣтъ такта, и недостатокъ этотъ особенно рѣзко обнаружился съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ въ Европѣ. Какъ бы то ни было, онъ пробудетъ въ отсутствіи три мѣсяца, и мы съ мамой вздохнемъ свободнѣе, положеніе будетъ менѣе

выраженное. Должна признаться, что намъ дышется свободнѣе, чѣмъ я ожидала, въ этомъ домѣ, гдѣ мы уже прожили съ недѣлю. До нашего переезда я была убѣждена, что домъ этотъ окажется заведеніемъ самое низкое разбора; но должна признаться, что въ этомъ отношеніи пріятно обманулась. Французы такъ умны, что умѣютъ управлять даже подобными домами. Конечно, очень непріятно жить среди чужихъ, но такъ какъ въ сущности не живи я у *madame de Maison-Rouge*, и не жила бы въ Санъ-Жерменскомъ предмѣстьи, то не думаю, чтобы съ точки зрѣнія исключительности я была въ большомъ проигрышѣ, находясь здѣсь.

Комнаты наши очень мило убраны, столъ застѣлательно хорошъ. Мама находитъ все—домъ и жильцовъ, нравы и обычаи очень забавными, но мама неиставить не трудно. Что до меня, я, какъ тебѣ извѣстно, требую одного, чтобы меня оставляли въ покоѣ и не мѣшали мнѣ ничего общества. Я никогда не чувствовала недостатка въ обществѣ по своему вкусу, и не думаю, чтобы когда-нибудь ощутила его, пока владѣю своими умственными способностями. Но, какъ я уже сказала, домъ прекрасно поставленъ, и мнѣ удастся дѣлать, что хочу,—это, какъ ты знаешь, мое любимое занятіе. У *madame de Maison-Rouge* бедна такта — гораздо больше, чѣмъ у бѣднаго отца. Она—что здѣсь называютъ, *une belle femme*, т.-е. высокая, некрасивая женщина, съ претензіями. Одѣвается она отлично, говорить можетъ обо всемъ, и хотя она очень хорошая копія съ настоящей леди, но вечеромъ, за обѣденнымъ столомъ, когда она улыбается и раскланивается при входѣ пансіонеровъ, а сама все время глазъ не спускаетъ съ блюдъ и слухъ, я не могу ее видѣть, чтобы не вспомнить какую-нибудь *dame de comptoir*, красующуюся въ углу магазина или ресторана. Я увѣрена, что, не смотря на свое звучное имя, она нѣкогда была *dame de comptoir*. Я также увѣрена, что, не смотря на свои улыбки и на любезности, которыми она расточаетъ всѣмъ и каждому, она всѣхъ насъ ненавидитъ и готова была бы насъ убить. Она—суровая, умная француженка, которой хотѣлось бы веселиться и наслаждаться Парижемъ, и ей должно быть тобою смертная проводить все свое время среди глупыхъ англичанъ, которые бормочутъ ей нескладныя французскія фразы. Когда-нибудь она отравитъ супъ или красное вино; но надѣюсь, что это случится послѣ нашего съ мамой отъѣзда. У нея двѣ дочери, которыя, хотя одна положительно хорошенькая, — блѣдныя кеніи съ матерью.

Остальное «семейство» состоитъ, главнымъ образомъ, изъ на-

нихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ и еще болѣе возлюбленныхъ англичанъ. Здѣсь имѣется англичанка съ сестрою, они, кажется, довольно милые люди. Онѣ замѣчательно красивы, но страшно лемаются и принимаетъ крайне покровительственный тонъ, въ особенности по отношенію къ намъ, американцамъ; надѣюсь, что мнѣ скоро представится случай хорошенько отдѣлать его. Сестра его — прехорошенькая и, кажется, очень милая, но по туалету она воплощенная Британія. У насъ есть также очень любезный французъ, — маленькаго роста, — французъ, когда они милы, обыкновенно очаровательны, и имѣетъ докторъ, высокій, бѣлокурый, похожій на большого, бѣлаго быка; да двое американцевъ, кромѣ насъ съ матерью. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ изъ Бостона — съ эстетическими наклонностями, который толкуетъ о томъ, что сегодня: *настоящій день во вкусъ Cora*, и пр. Другая — молодая особа, дѣвушка, существо женскаго пола, право не знаю какъ назвать ее — изъ Вермонта или Миннесоты, или другой какой-нибудь мѣстности въ томъ же родѣ. Эта молодая особа — самый необыкновенный экземпляръ безвкуснаго *лисиама*, какой я когда-либо встрѣчала; она положительно умасна. Три раза была у Clémentine изъ-за твоей юбки, и пр.

IV.

Душъ Левереттъ изъ Парижа, къ Гарварду Тремонту, Бостонъ.

25 сентября.

Дорогой Гарвардъ,

Я осуществлялъ свой планъ, на который наметнулъ тебѣ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, и сслагалъ только объ одномъ, что не сдѣлалъ этого раньше. Въ сущности говоря, человѣческая природа — самая любопытная вещь въ мірѣ, но старинается она только передъ истинно-усерднымъ изслѣдователемъ. Въ этой жизни гостиницъ и желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ, которой дозволяются такъ многіе изъ нашихъ соотечественниковъ въ этомъ странномъ Старомъ Свѣтѣ, недостаетъ содержанія, и я прикинулъ въ отчаяніе, вида, какъ далеко я самъ зашелъ по этой пыльной, торной дорогѣ. Я, однако, постоянно жаждалъ свернуть въ сторону на какую-нибудь менѣе избитую дорожку, вырваться поглубже и посмотреть, что мнѣ удастся открыть. Но случая никогда не представлялось; почему-то мнѣ никогда не встрѣчается тѣхъ случаевъ, о которыхъ мы слышимъ и читаемъ — тѣхъ случаевъ, которые случаются съ людьми въ романахъ и біографіяхъ. А

между тѣмъ я постоянно на-сторожѣ, чтобы воспользоваться всякимъ просвѣтомъ, какой можетъ представиться, постоянно нику впечатлѣній, ощущеній, даже приключеній.

Главное: *жизнь*, чувствовать, сознавать свои способности, а не проходить черезъ жизнь механически и апатично, точно письмо черезъ почтамтъ. Бываютъ минуты, дорогой Гарвардъ, когда мнѣ кажется, будто я действительно способенъ на все—*capable de tout*, какъ здѣсь говорятъ—на величайшія извѣстности такъ же, какъ на величайшее геройство. О, имѣть возможность сказать, что жилъ—*qu'on a vécu*, какъ говорятъ французы—мысль эта имѣетъ для меня неизяснимое обаяніе. Ты, можетъ быть, возразишь, что сказать это легко, но главная штука въ томъ, чтобы заставить людей повѣрить тебѣ! Кроме того, я не хочу ложныхъ ощущеній, полученныхъ изъ вторыхъ рукъ, я хочу знанія, оставляющаго по себѣ слѣды—рубиды, лавы, мечти! Боюсь, что я тебя скандализую, можетъ быть, даже пугаю. Если ты подѣлишься моими замѣчаніями съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ клуба въ West-Cedar Street, пожалуйста, смягчи ихъ, насколько велитъ твоя осторожность. Что до тебя, ты знаешь, что я всегда имѣлъ сильное желаніе нѣсколько ознакомиться съ действительной жизнью французовъ. Тебѣ извѣстна моя сильная симпатія къ французамъ, моя природная склонность смотрѣть на жизнь съ французской точки зрѣнія. Я сочувствую артистическому темпераменту; помню, какъ ты иногда намекалъ мнѣ, что находишь мой собственный темпераментъ слишкомъ артистическимъ. Не думаю, чтобы въ Бостонѣ существовало истинное сочувствіе артистическому темпераменту; мы стремимся подвести все подъ мѣрку добра и зла. И въ Бостонѣ нельзя жить—*on ne peut pas vivre*, какъ здѣсь говорятъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы тамъ нельзя было обитать—множество людей ухитряются это дѣлать,—но нельзя жить эстетической жизнью, славу даже чувственной. Вотъ почему меня всегда такъ сильно тянуло въ французамъ, которые такъ эстетичны, такъ чувственны. Какъ мнѣ жаль, что Теофила Готье болѣе нѣтъ; мнѣ такъ пріятно было бы посѣтить его, сказать ему, насколько я ему обязанъ. Онъ былъ живъ въ послѣдній мой пріѣздъ сюда; но, какъ ты знаешь, я тогда путешествовалъ съ Джонсонами, которые лишены всякихъ эстетическихъ наклонностей и которые заставляли меня стыдиться моего артистическаго темперамента. Еслибъ я вздумалъ навѣстить великаго апостола красоты, мнѣ пришлось бы отправиться къ нему потихоньку—*en cachette*, какъ говорятъ здѣсь; а это не въ моей натурѣ, я люблю все дѣлать откровенно, на чистоту, *naïvement, au grand*

жизн. Въ этомъ вся штука—быть свободнымъ, откровеннымъ, наивнымъ. Кажется, Мэтью Арнольдъ говорить это гдѣ-то—или Суннбернъ, или Патеръ?

Когда я путешествовалъ съ Джонсонами, все было поверхностно и, въ возвращеніи на жизнь, все сводилось къ вопросу о добрѣ и злѣ. Они отличались самымъ дидактическимъ направлениемъ; искусство никогда не должно быть дидактическимъ, а что такое жизнь какъ не искусство? Патеръ гдѣ-то такъ прекрасно это поворачивъ. Боюсь, что въ обществѣ Джонсоновъ я упустилъ много благопріятныхъ случаевъ, обійи такъ былъ обрѣнъ, отдавалъ хлопчатой бумагой и перомъ. Но теперь, говори тебѣ, я рѣшился дѣйствовать самостоятельно, взглянуть въ самое сердце европейской жизни и судить о ней безъ джонсоновскихъ предубѣжденій. Я поселился въ одномъ французскомъ семействѣ, въ настоящемъ парижскомъ домѣ. Какъ видишь, я не отступилъ отъ своихъ убѣжденій, я не боюсь осуществлять свою теорію, что главное дѣло—жизнь.

Ты знаешь, что меня всегда сильно интересовалъ Бальзакъ, котораго дѣйствительность никогда не пугала, и ты почти мрачныя картины парижской жизни часто прослѣдовали меня во время моихъ странствованій по стариннѣ, неблагоустроеннѣ съ виду улицамъ по ту сторону рѣки. Объ одномъ я сомнѣваю, что мои новые друзья—мое французское семейство—не живутъ въ старомъ городѣ, *au coeur de vieux Paris*, по мѣстному выраженію. Они живутъ на бульварѣ Гаусмана, что менѣе картинно; но не смотря на это, въ нихъ сильно сказывается бальзаконскій тонъ. Madame de Maison-Rouge принадлежитъ къ одной изъ старѣйшихъ и надменнѣйшихъ фамилій Франціи; но она испытала превратности, которыя заставили ее открыть заведеніе для ограниченнаго числа путешественниковъ, которымъ надобно избѣжать дорога, которымъ дорогъ мѣстный колеретъ,—она сама это объясняетъ, она такъ хорошо умѣетъ это выразить,—короче, открытъ нѣчто въ родѣ пансіона. Не вижу, почему бы мнѣ не употребить этого названія, такъ какъ оно вполне соответствуетъ выраженію: *pension bourgeoise*, употребленію Бальзакомъ въ «Père Goriot». Помнишь ли ты *pension bourgeoise de madame Vanquer née de Comptant*? Но наше заведеніе совсѣмъ на него не похоже: въ немъ нѣтъ ничего буржуазнаго, въ немъ сказывается какое-то княжество, нѣчто аристократическое. Пансіонъ Вокъ былъ мрачный, темный, грязный; нашъ—совершенно въ другомъ родѣ, съ высокими, свѣтлыми, изящно-драпированными окнами, нѣжными, почти блѣдными цвѣтами драпировокъ и обивки, съ мо-

белю, отличающейся изысканностью и причудливостью очертаній. Madame de Maison-Rouge напоминаетъ мнѣ madame Hulot—по имени ли ты «la belle madame Hulot» въ «Les Parents Pauvres». Въ ней много прелести; что-то искусственное, утомленное, слегка намекающее на какія-то тайны въ ея жизни; но я всегда живо чувствовалъ прелесть утомленія, двойственности.

Признаюсь, что общество, которое я здѣсь нашелъ, причинило мнѣ нѣкоторое разочарованіе; оно не такое мѣстное, не такое характерное, какъ я бы желалъ. Говоря по правдѣ, оно совершенно лишено мѣстнаго характера; но, съ другой стороны, оно космополитично, и въ этомъ заключается большое преимущество. У насъ здѣсь французы, англичане, американцы, нѣмцы, и, наконецъ, ожидаютъ нѣсколько русскихъ и венгерцевъ. Меня очень занимаетъ изученіе національных типовъ; мнѣ восходо сравнивать, сопоставлять, скрѣплять сильныя, слабыя стороны, точку зрѣнія каждого. Интересно выдѣлывать собственную точку зрѣнія, усваивать собоѣ странныя, чужесемныя взгляды на жизнь.

Съ саканіемъ долженъ сознаться, что здѣшніе американскіе типы не такъ интересны, какъ могли бы быть, и, если не считать меня, исключительно женскіе. Мы вообще худы, короткой Гервардъ, мы блѣдны, угловаты. Въ насъ есть что-то жалкое, очертаніямъ нашего тѣла недостаетъ округлости, нашему организму дѣтущей вѣтшинности. У насъ мало темперамента, мы не умѣемъ жить: *mons ne savons pas vivre*, какъ здѣсь говорить. Представителями американскаго темперамента служить—не считая меня; а мнѣ часто думается, что мой темпераментъ совсѣмъ не американскій,—молодая дѣвушка и ея мать, да другая молодая дѣвушка безъ матери, безъ матери и безъ всякихъ провожатыхъ или друзей. Эти молодыя дѣвушки—довольно любезныя типы; онѣ возбуждаютъ нѣкоторый интересъ, отличаются нѣкоторой граціей, но въ нихъ скоро разочаровываешься, онѣ не держатъ того, что обѣщаютъ, не удовлетворяютъ воображенія. Онѣ холерики, художники, мало романтичны фантаски, и только одежда, юбки да обороты—у молодой дѣвушки съ матерью—отличаются изысканностью. Между ними нѣтъ ничего общаго: одна—все наипростѣе, вся ровненько, съ изысканностью высшего *bon goût*, изъ Нью-Йорка; другая—простая, хорошая дѣвушка съ злыми глазами, прямой шеей, твердой поступью,—ниѣ самыхъ нѣдръ Новой Англіи. А все же между нами большое сходство, большее чѣмъ имъ приятно было бы признать, такъ какъ онѣ посматриваютъ другъ на друга холоднымъ, надѣшривымъ, враждебнымъ взглядомъ. Обѣ онѣ—образчики эмансипированной, молодой американки,

практичныя, положительныя, безстрастныя, хитрыя, знающія не то слишкомъ много, не то слишкомъ мало. А между тѣмъ, какъ выше сказано, на нихъ лежитъ извѣстный отпечатокъ, въ нихъ чувствуется нѣкоторая грація; я люблю говорить съ ними, изучать ихъ.

Прекрасная обитательница Нью-Йорка иногда очень забавна; она спрашиваетъ меня, всѣ ли въ Бостонѣ говорятъ, какъ я — всѣ ли такъ *интеллектualmente*, какъ твой бѣдный корреспондентъ. Она вѣчно бросаетъ мнѣ Бостонъ въ лицо, я не могу отдѣлаться отъ Бостона. Другая молодая особа также пристаётъ ко мнѣ съ нимъ, но иначе; она, повидимому, питаетъ къ нему такія же чувства, какія добрый магнетанистъ питаетъ къ Магкѣ, считаетъ его какинъ-то фокусомъ свѣта для всего рода человѣческаго. Бѣдный, маленький Бостонъ, сколько жадора говорится во имя твое! Но эта дѣвушка изъ Новой Англіи, въ своемъ родѣ, странный типъ: она путешествуетъ по всей Европѣ одна, «чтобы видѣть ее», какъ она выражается, «своими глазами». Своими глазами! На что такой чопорной, такой худенькой особы, какъ она, такіа зрѣлища, на что ей это видѣть! Она все осматриваетъ, биваетъ вездѣ, идетъ своей дорогой, широко раскрывъ свои ясные, спокойные глаза, идетъ по краю глусныхъ пропастей, не подозрѣвая объ ихъ существованіи, продирается сквозь кусты терновника, не разрывая своего платья; возбуждаетъ, сама того не зная, самыя оскорбительныя подозрѣнія, и все идетъ своимъ путемъ, безстрастная, чистая, ничего не боясь, ничего не чаруя! Но тѣмъ не менѣе въ этой маленькой фигурѣ есть что-то поразительное, если вы только сумѣете стать на настоящую точку зрѣнія.

Для контраста, здѣсь есть молоденькая красавица-англичанка, съ глазами робкими какъ фіалка и таинств. же чарующимъ голосомъ! У нея прелестная головка изъ тѣхъ, какія любилъ рисовать Генсборо, и большая шляпа въ родѣ тѣхъ, какія онъ неотоянно изображалъ на своихъ портретахъ-картинкахъ, украшенная спереди огромнымъ перомъ, отъ котораго падаетъ тѣнь на ея спокойные, англійскіе глаза. У нея зеленое платье, истинно чудесное, удивительное, все вышитое тонкими узорамъ, цвѣтамъ, птицами самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, плотно облегающее спину спереди и украшенное сзади, вдоль спины, оригинальными, отливающими различнымъ цвѣтомъ пуговицами. Возрожденіе вкуса, пониманія красоты въ Англіи сильно меня интересуетъ; казалось бы, что особеннаго въ простомъ рядѣ пуговицъ, чтобы заставить человѣка мечтать, *pour donner à rêver*, какъ говорятъ

здѣсь? Мнѣ думается, что вѣнское эстетическое возрожденіе близко, что яркій свѣточъ зажжется въ Англіи, на диво всему міру. Здѣсь есть души, съ которыми я бы желалъ вступать въ общеніе; мнѣ кажется, онѣ бы поняли меня.

Эта милая англичаночка, съ ее узкими платьями, талисманами и носами, съ какой-то своеобразностью въ походкѣ, съ чѣмъ-то средневѣковымъ и готическимъ въ осанкѣ, эта хорошенькая Эвелина Вонъ, — не правда ли, прелестное имя? — во всѣхъ деталяхъ своей особы и своего туалета необыкновенно очаровательно живописна. Въ ней много женственности, *elle est bien femme*, какъ здѣсь говорятъ; она проще, мягче, округленнѣе, роскошнѣе, чѣмъ молодые дѣвушки, о которыхъ я только-что говорилъ. Разговариваетъ она мало, — настоящее, милое молчаніе. И эти глаза-фіалки, эти глаза, которые сами какъ будто бы краснѣютъ, и большая улыбка, подъ сѣнью которой лобъ кажется такимъ спокойнымъ, и оригинальный, обрисовывающій линіи, картинный одѣжда! Повторяю, это очень милый, нѣжный типъ. Съ нею брать, красивый, блондинъ, молодой англичанинъ съ синими глазами. Онъ во всему относится совершенно объективно; и онъ также очень пластиченъ.

V.

Мирада Гонъ къ матери.

26-го сентября.

Тебѣ не должно пугать, что рѣдко получаешь отъ меня извѣстїи; происходить это не отъ того, чтобы я подвергалась какому-нибудь ороуженію, не оттого, что я такъ отлично поживаю. Не думаю, чтобы я написала тебѣ, еслибъ меня постигло какое-нибудь горе; я бы сидѣла-себѣ смирно и одиноко пережила его. Но въ настоящую минуту нѣтъ ничего подобнаго; и если я не пишу тебѣ, то происходить это оттого, что меня здѣсь такъ все занимаетъ, что какъ будто бы не хватаетъ времени. Самъ Богъ привелъ меня въ этотъ домъ, гдѣ, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, я нахожу возможность съ пользой употреблять время. Удивляясь, какъ я нахожу время для всѣхъ своихъ занятій, но какъ вспомню, что я проведу въ Европѣ всего годъ, то чувствую, что не желала бы потерять ни одного часа.

Препятствій, на которыхъ я нахожусь, это — неудобства, съ которыми я встрѣчаюсь при изученіи французскаго языка, благодаря главнымъ образомъ тому, что меня окружаетъ столько людей,

говорящихъ по-англійски, и это, такъ сказать, въ самыхъ недрахъ французскаго семейства. Кажется, будто всадъ слышишь англійскій языкъ; но я, конечно, не ожидала встрѣтиться съ нимъ въ такомъ домѣ какъ этотъ. Я, однако, не теряю мужества и говорю по-французски намъ можно больше, даже съ другими пансіонерами-англичанами. Кромѣ того, я ежедневно занимаюсь съ *Mme Maison Rouge*—старшей дочерью хозяйки, и каждый вечеръ разговариваю по-французски въ салонѣ, отъ восьми до одиннадцати, съ самой *madame de Maison Rouge* и нѣсколькими ея пріятелями, которые часто заглядываютъ къ ней. Ея двоюродный братъ, м-г *Vergéux*, молодой французъ, но съчастіемъ гоститъ у нея, и я всѣчески стараюсь говорить съ нимъ какъ можно больше. Онъ мнѣ даетъ *дополнительныя* *примѣрныя уроки*, и я часто хожу съ нимъ гулять. Какъ-нибудь на дняхъ мы съ нимъ пойдемъ въ оперу. Мы составили даже очаровательный планъ посѣтить *всѣхъ* *всѣхъ* *всѣхъ* парижскихъ галлерей. Какъ большинство французовъ, онъ говоритъ съ большою легкостью, и мнѣ кажется, что бесѣда его приноситъ мнѣ дѣйствительную пользу. Онъ замѣчательно крѣпокъ и чрезвычайно вѣжливъ, говоритъ массу комплиментовъ, боюсь—не всегда искреннихъ. По возвращеніи въ Бангоръ, я повторю тебѣ кое-что, что онъ мнѣ говоритъ. Думаю, что ты найдешь ихъ чрезвычайно любопытными и очень милыми *от своего* родѣ.

Разговоръ въ гостиной, отъ восьми до одиннадцати, часто замѣчательно блестящъ, и я часто желала бы, чтобы ты или кто-нибудь изъ бангорскихъ жителей могли быть здѣсь, чтобы насладиться имъ. Даже, еслибъ ни его не помани, мнѣ кажется, вамъ было бы пріятно слышать какъ они трещатъ; они такъ много умѣютъ выразить. Мнѣ иногда думается, что въ Бангорѣ не умѣютъ выразить всего, но такъ. какъ будто и выразить-то нужно не такъ много. Кажется, что въ Бангорѣ есть вещи, которыхъ люди никогда не *высказываются* выразить, тогда какъ здѣсь, какъ я узнала при изученіи французскаго языка, вы сами не имѣете никакого понятія о томъ, что можете сказать, не попробовавъ. Въ Бангорѣ точно заранѣе уже отказывались; такъ никогда не дѣлаютъ никакихъ усилій. Я совсѣмъ не говорю этого исключительно на счетъ Вильяма Пята. Право не знаю, что вы обо мнѣ подумаете, когда я вернусь. Тоже будто я здѣсь научилась все высказывать. Вѣроятно, вы найдете меня не искренней; но развѣ не болѣе искренности въ томъ, чтобы высказывать вещи, чѣмъ въ томъ, чтобы скрывать ихъ? Я очень подружила съ всѣми въ домѣ, т.-е., я *очень* искренна—почти

со всеми. Это — самый интересный кружокъ, въ которомъ я когда-либо вращалась.

Здѣсь есть молодая дѣвушка, американка, которая не такъ мнѣ симпатична, какъ остальные, но происходить это только оттого, что сама она отъ меня отдаляется. Мнѣ пріятно было бы полюбить ее, очень пріятно, потому что она удивительно хороша и чрезвычайно привлекательна, но она какъ будто не желаетъ ни знакомиться, ни сходиться со мною. Она изъ Нью-Йорка, замѣчательно хорошенькая, съ чудными глазами и самыми тонкими чертами лица; она также замѣчательно эlegantна и въ этомъ отношеніи можетъ вынести сравненіе со всеми, кого я здѣсь встрѣчала. Но мнѣ все кажется будто она не желаетъ признавать меня или знаться со мною; будто ей хочется, какъ можно рѣче отгнѣнть различіе между нами. Это похоже на людей, которыхъ въ книгахъ называютъ *надменными*. Никогда не встрѣчалась я до сихъ поръ съ личностями въ этомъ родѣ — съ людьми, которые желали бы дать мнѣ почувствовать, что они не то, что я; первое время я сильно заинтересовалась, она такъ напоминала мнѣ гордую молодую леди изъ романа. Я цѣлый день твердила про себя: «надменная, надменная», и желала, чтобъ она осталась вѣрна себѣ. Она себѣ не изгнѣнила, это продолжалось слишкомъ долго, тогда я почувствовала себя оскорбленной. Я не могла придумать, чѣмъ я провинилась, и до сихъ поръ не придумала. Точно будто она составила себѣ на мой счетъ какую-то идею или что-нибудь отъ чего-нибудь слышала. Ведя себя такимъ образомъ какая-нибудь другая дѣвушка, я не обратила бы на это никакого вниманія, но это такая изящная и имѣетъ такой видъ, будто могла бы быть очень интересной, еслибъ я хорошенько съ ней познакомилась, что я по неволѣ много думаю объ этомъ. Я хочу добиться, какое она имѣетъ основаніе — такъ какъ она несомнѣнно имѣетъ его; очень любопытно было бы узнать. Третьягодни я подошла къ ней, чтобъ предложить ей этотъ вопросъ; мнѣ казалось, что такъ будетъ всего лучше. Я сказала ей, что желала бы ближе познакомиться съ нею, желала бы навѣстить ее въ ея комнату, — мнѣ говорили, что у нея прелестная комната, — прибавивъ, что если она что-нибудь слышала противъ меня, то, можетъ быть, скажетъ мнѣ, что именно, когда я приду къ ней. Но она отнеслась ко мнѣ холодно, чѣмъ когда-либо, и просто отклонила мое предложеніе, сказала, что никогда не слыхала моего имени и что комната ея слишкомъ мала, чтобъ принимать въ ней гостей. Вѣроятно, она говорила правду, но тѣмъ не менѣе я увѣрена, что она

имѣть какое-нибудь основаніе. Она что-то забрала себѣ въ голову, и я должна узнать *что* до моего отъѣзда, хотя бы мнѣ пришлось разспрашивать всѣхъ въ домѣ. Любопытство мое *оумно* возбуждено. Не находятъ ли она меня неважною—или не слыхала ли когда дурныхъ отзывовъ о Бангорѣ? Не думаю, чтобы это было это. Помнишь, когда Клара Барнардъ ѣздилъ гостить въ Нью-Йоркъ, три года тому назадъ, какое вниманіе ей такъ оказывали? А Клара ужъ совершенная жительница Бангора, съ головы до ногъ. Спроси Вильяма Плата, благо онъ не уроженецъ Бангора, неужели онъ не находитъ Клару Барнардъ *важною*? А пророч, какъ здѣсь говорятъ, изящества, у насъ въ домѣ есть еще американецъ—джентльменъ изъ Бостона—изъ котораго оно впрочемъ быть. Зовутъ его мистеръ Луисъ Левареттъ—прекрасное имя; я думаю ему около тридцати лѣтъ. Онъ маленькаго роста и сморщить довольно болѣзненнымъ; онъ страдаетъ печенью. Но разговоръ его замѣчательно интересенъ, и я съ восторгомъ слушаю его—у него такія прекрасныя мысли. Со-знаю, что едва ли это хорошо, такъ какъ онъ говорить не по-французски; но къ счастью онъ употребляетъ очень много французскихъ выраженій. Разговоръ его въ другомъ родѣ чѣмъ разговоръ м-г Verdier, въ немъ меньше комплиментовъ, но онъ интеллектуальнѣе. Онъ страстно любитъ картины, и подаетъ мнѣ относительно ихъ множество идей, до которыхъ я никогда бы не додумалась безъ него; я же знала бы, откуда набраться подобныхъ идей. Онъ очень высокаго мнѣнія о картинахъ; онъ думаетъ, что мы недостаточно ихъ цѣнимъ. Здѣсь имъ, кажется, придаютъ большое значеніе; но я на дняхъ никакъ не могла воздержаться, чтобы не сказать ему, что я согласна, что въ Бангорѣ мы ихъ мало цѣнимъ.

Имѣя я свободныя деньги, я накупила бы ихъ и повезла съ собою, чтобы увѣшать ими стѣны. Мистеръ Левареттъ говоритъ, что это было бы имъ полезно—не картинамъ, но жителямъ Бангора. Онъ также очень высокаго мнѣнія о французахъ и говоритъ, что мы и мы недостаточно цѣнимъ. Я не могла воздержаться, чтобы не сказать ему, что во всякомъ случаѣ они сами себя цѣнятъ достаточно высоко. Но очень интересно слышать, какъ онъ толкуетъ о французахъ, и мнѣ это такъ полезно, такъ какъ за этимъ-то я и пришла. Я говорю съ нимъ столько, сколько смѣю, о Бостонѣ, но всегда чувствую, что этого дѣлать совсѣмъ не слѣдуетъ—запретное удовольствіе.

Я могу получить бостонскую культуру въ желанномъ количествѣ по возвращеніи, если осуществлю свой планъ, свое ра-

душное видѣніе, поселиться тамъ. Теперь я должна направлять всѣ свои усилія на знакомство съ европейской культурой, а Бостонъ сохранить на запуску. Но я не въ силахъ, отъ времени до времени, заранѣе не заглянуть туда мысленно съ помощью бостонца. Невѣроятно, когда мнѣ еще удастся снова встрѣтить его; но если тамъ много такихъ, какъ мистеръ Деве-реттъ, я, конечно, не стеснусь, когда осуществлю свою мечту. Онъ настолько культуренъ, насколько можетъ быть живой чело-вѣкъ. Странно какъ подумаешь, сколько различныхъ сортовъ культуры!

Здѣсь двое англичанъ, вторые, вѣроятно, также очень куль-турны, но почему-то мнѣ не легко усвоить себѣ ихъ образъ мыслей, хотя я всѣми силами стараюсь. Мнѣ нравится ихъ ма-нера говорить, и иногда мнѣ почти кажется, что было бы хо-рошо отказаться отъ мысли научиться французскому языку, а просто попытаться научиться говорить на родномъ языкѣ, какъ говорить на немъ эти англичане. Не такъ важенъ самый ихъ разговоръ, хотя и онъ часто бываетъ довольно любопыт-ный, какъ выговоръ и мелодичность ихъ голоса. Кажется, будто они должны очень стараться, чтобы такъ говорить; но нани-англичане повидимому вовсе не стараются, ни говорить, ни что-либо дѣлать. Это—молодая дѣвушка и ея братъ. Кажется, они принадлежатъ къ аристократическому семейству. Съ ними я находилась въ частыхъ сношеніяхъ, такъ какъ охотнѣе позволяла себѣ говорить съ ними, чѣмъ съ американцами, изъ-за языка. Кажется, будто разговаривая съ ними, я почти изучаю новый языкъ.

Никакъ не предполагала я, уѣзжая изъ Бангора, что ѣду въ Европу учиться *по-англійски*! Если я дѣйствительно научусь, не думаю, чтобы вы меня понимали, когда я возвращусь, и не думаю, чтобы вы особенно плѣнились моею манерой говорить. Меня бы сильно критиковали, заговоры я такъ въ Бангорѣ. Однако, я серьезно думаю, что Бангоръ—самое требовательное мѣсто въ мірѣ; ничего подобнаго я здѣсь не встрѣчала. Скажи мнѣ всѣмъ, что я пришла къ заключенію, что они *слишкомъ замкнуты*. Но я возвращаюсь къ молоденькой англичанкѣ и ея брату. Желала бы я показать ихъ вамъ во-очію. На нее пріятно смотрѣть, она кажется такой скромной и сдержанной. Не смотря на это, однако, одѣвается она такъ, что обращаетъ на себя общее вниманіе, чего я не могла не замѣтить, когда какъ-то пошла съ нею гулять. На нее всѣ смотрѣли, но она какъ будто этого не замѣчала, пока я наконецъ не выдержала

и обратила на это ея вниманіе. Мистору Лесвереттѣ очень много-много мнѣнія о ея туалетахъ; онъ называетъ ихъ «костюмомъ будущаго». Я скорѣй назвала бы ихъ костюмомъ прошедшаго—англичане, какъ тебѣ извѣстно, такъ сильно привязаны къ прошлому. Я это на дняхъ сказала madame de Maison-Rouge—что миссъ Вонъ носить костюмъ прошедшаго. Прошлагодній, хотите вы сказать?—сказала она съ своимъ легкимъ, чисте французскимъ смѣхомъ.

Поминишь, я писала тебѣ нѣсколько времени назадъ, что я пыталась сколько-нибудь ознакомиться съ положеніемъ женщины въ Англіи, и встрѣтившись здѣсь съ миссъ Вонъ, я сочла это удобнымъ случаемъ нѣсколько увеличить запасъ моихъ свѣдѣній. Я много расспрашивала ее объ этомъ; но она, неизменно, не въ состояніи удовлетворить меня. На мой первый вопросъ она мнѣ отвѣчала, что положеніе женщины зависитъ отъ общественнаго положенія ея отца, старшаго брата, мужа и пр. Она сообщила мнѣ, что ея собственное положеніе очень хорошо, такъ какъ отецъ ея родственникъ—какой именно, я забыла—лорду. Она этимъ очень гордится; и это доказываетъ мнѣ, что положеніе женщины на ея родинѣ не можетъ быть удовлетворительно; такъ какъ, будь оно таково, оно не находилось бы въ зависимости отъ положенія ея родственниковъ, даже ближайшихъ. Лорды—не моего ума дѣло, и я выхожу изъ терпѣнія, хотя она такъ мила, какъ только можно себя представить. Мнѣ кажется, будто моя обязанность спрашивать ее какъ можно чаще, неужели она въ самомъ дѣлѣ не считаетъ всѣхъ людей равными; но она всегда отвѣчаетъ, что не считаетъ, и признается, что не смотритъ на себя, какъ на равную лэди, какъ ее тамъ зовутъ, женѣ важнаго родственника ея отца. Я стараюсь всѣми силами убѣдить ее въ противномъ; но она какъ будто не желаетъ убѣдиться; и когда я спрашиваю ее такъ ли точно думаетъ и сама лэди насчетъ того, что миссъ Вонъ ей не равна—она такъ кротко и мило смотритъ на меня, и восклицаетъ: «конечно!» Когда я ей доказываю, что это очень нехорошо со стороны лэди, она какъ-будто мнѣ не вѣритъ и твердитъ одно, что эта самая лэди—«очень милая». Я все не считаю ее милой; будь она милая, она не имѣла бы такихъ понятій. Я говорю миссъ Вонъ, что въ Бангорѣ мы считаемъ такихъ идею вульгарными; но тогда у нея появляется такое выраженіе, будто она никогда не слыхала о Бангорѣ. Мнѣ часто хотѣлось бы поколотить ее, даромъ что она такъ мила. Если ей не досадно на людей, которые возбуждаютъ въ ней подобныя чув-

ства, мнѣ досадно за нее. Мнѣ также досадно на ея брата, такъ какъ она очевидно сильно его побавляется, что бросаетъ для меня еще болѣе свѣтъ на вопросъ. Она самаго высокаго мнѣнія о своемъ братѣ, и находитъ вполне естественнымъ робѣть передъ нимъ не только физически—это, пожалуй, естественно, такъ какъ онъ страшно высокъ, силенъ, съ огромными кулаками,—но нравственно и умственно. Она, повидимому, неспособна усвоивать себѣ какіе бы то ни было аргументы, и служить для меня живымъ доказательствомъ того, что я часто слышала, а именно, что если человѣкъ робѣетъ, то никакими аргументами не побѣдить его робости.

Мистеръ Вэнъ—братъ—повидимому раздѣляетъ тѣ же предразсудки, и когда я говорю ему,—какъ часто считаю это своимъ долгомъ,—что сестра его—не его подчиненная, хотя бы она и сама это воображала, но его равная, а можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и выше его, и что еслибы мой братъ въ Бангорѣ надумалъ обращаться со мною такъ, какъ онъ обращается съ этой бѣдной молодой дѣвушкой, у которой не хватаетъ характера взглянуть на вопросъ въ его настоящемъ свѣтѣ, то тотчасъ же состоялся бы митингъ негодующихъ согражданъ для протеста противъ подобаго нарушенія неприкосновенности достоинства женщины; когда я говорю ему все это, за завтракомъ или за обѣдомъ, онъ принимается такъ громко хохотать, что всѣ тарелки звенятъ на столѣ.

Но въ такіа минуты всегда есть одинъ человѣкъ, котораго слова мои какъ будто интересуютъ. Это—нѣмецъ-профессоръ, который сидитъ рядомъ со мною за обѣдомъ и о которомъ я подробнѣе поговорю съ тобою въ другой разъ. Онъ—очень ученый и всѣмъ живо интересуется; онъ цѣнитъ многія изъ моихъ замѣчаній, и послѣ обѣда въ салонѣ часто подходитъ ко мнѣ за разъясненіями. Мнѣ иногда приходится нѣсколько призадуматься, чтобъ вспомнить, что я сказала, или что я думаю. Онъ заставляетъ васъ продолжать съ того, на чемъ вы остановились, и почти такой же охотникъ до всякихъ диспутовъ, какъ Вильямъ Плэтъ. Онъ превосходно образованъ въ нѣмецкомъ духѣ, и сказалъ мнѣ на дняхъ, что онъ—«умственная метла».

Чтожь, если это такъ, онъ чисто мететъ, что я ему и сказала. Послѣ того какъ онъ со мною побесѣдуетъ, я чувствую, будто у меня въ головѣ нигдѣ не осталось пылинки. Это—восхитительное ощущеніе. Онъ говоритъ, что онъ—наблюдатель; не сомнѣваюсь въ томъ, что здѣсь много матеріаловъ для наблюденій. Но довольно на сегодня. Не знаю, сколько времени я еще про-

буду здѣсь; я успѣваю такъ быстро, что мнѣ иногда кажется, будто я себя назначила слишкомъ много времени. Вѣроятно, у васъ холода настали быстро, какъ всегда; я иногда завидую вамъ въ этомъ отношеніи. Здѣсь глубокая осень — очень тоскливое и сырое время; и я сильно бы желала, чтобы что-нибудь вызвало меня изъ апатіи.

VI.

Миссъ Эвелина Вентъ, изъ Париза, къ леди Августѣ Фасмингъ, Врайтонъ.

Паризъ, 30 сентября.

Дорогая леди Августа, боюсь, что не буду имѣть возможности пріѣхать къ вамъ 7-го января, какъ вы любезно предложили въ Гамбургѣ. Мнѣ очень, очень жаль; это для меня большое горе. Но я только-что получила вѣсть, что рѣшено, что мама и дѣти ѣдутъ за-границу на часть зимы; мама желаетъ, чтобы я ѣхала съ ними въ Гіеръ, куда посылаютъ Джорджину для ея легкихъ. Она совсѣмъ нехорошо себя чувствовала послѣдніе три мѣсяца, а теперь, съ наступленіемъ сырой погоды, совсѣмъ расхворалась, такъ что на прошедшей недѣлѣ пала рѣшилъ созвать консилиумъ; они съ мамой повезли Джорджину въ городъ и тамъ совѣтовались съ тремя или четырьмя докторами. Всѣ они предписали югъ Франціи, но не сошлись во мнѣніяхъ относительно выбора мѣста, такъ что мама сама рѣшила остановиться на Гіерѣ, какъ на самой дешевой мѣстности. Скука тамъ, вѣроятно, страшная; надѣюсь, что пребываніе это принесетъ пользу Джорджинѣ. Боюсь, однако, что ничто не принесетъ ей пользы, пока она не согласится больше беречься; кажется, она слишкомъ капризна и упряма, и мама пишетъ мнѣ, что въ теченіе всего этого мѣсяца нужно было строгое приказаніе отца, чтобы заставить ее сидѣть дома. Она очень досадуетъ — пишетъ мама — на побѣдку за-границу и какъ будто совсѣмъ не думаетъ о расходахъ, въ которые пала была вовлечена, съ досадой говорить о томъ, что пропустить охоту, и пр. Она надѣялась начать охотиться въ декабрѣ, и все разспрашиваетъ, держитъ ли кто-нибудь въ Гіерѣ гончихъ. Подумайте только: дѣвушка хочетъ охотиться съ гончими, когда легкія ея такъ плохи! Но, вѣроятно, когда она попадетъ туда, то будетъ очень рада сидѣть смирно, такъ какъ говорятъ, что жара тамъ страшная. Можетъ быть, она и выгнать Джорджину, но я увѣрена, что мы всѣ отъ нея верхвораемъ.

Мама, однако, беретъ съ собою за-границу только Мери, Густава, Фреда и Аделанду; остальные пробудутъ въ Кингскотъ до февраля—числа до 3-го и тогда отправятся въ Истбърнъ на мѣсяцъ съ миссъ Турнаверъ, новой гувернанткой, которая оказалась преніятейшей особой. Мама беретъ миссъ Траверсъ, которая такъ долго жила у насъ, но которая годится только для младшихъ дѣтей въ Гіеръ, и, вѣроятно, нѣкоторыхъ изъ кингсвотскихъ слугъ. Миссъ Турнаверъ пользуется полнымъ довѣріемъ мамы; жалъ только, что у нея такое странное имя. Когда она къ намъ перѣѣхала, мама думала-было спросить ее, не согласится ли она переимѣнить его; но папа сказалъ, что она, пожалуй, обидится. Лэди Баттлдоуэъ заставляетъ всѣхъ своихъ гувернантокъ носить одну и ту же фамилію; она даетъ имъ за это лишніе нѣтъ фунтовъ въ годъ. Не помню, какъ она ихъ называетъ, кажется, Джонсонъ—что мнѣ всегда напоминаетъ горничную. Гувернанткамъ не слѣдуетъ имѣть слишкомъ звучныхъ именъ; фамилія ихъ не должна звучать лучше фамиліи семейства, въ которомъ онѣ живутъ. Вы, вѣроятно, слышали отъ Десмондовъ, что я не возвратилась съ ними въ Англію. Когда начали потоваривать о томъ, что Джорджину слѣдуетъ вести за-границу, мама написала мнѣ, что мнѣ всего лучше остановиться въ Парижѣ, на мѣсяцъ, у Гарольда, такъ чтобъ она могла захватить меня на пути въ Гіеръ. Это избавляетъ отъ расхода на мое путешествіе въ Кингскотъ и обратно и даетъ мнѣ случай немного усовершенствоваться во французскомъ языкѣ.

Вамъ извѣстно, что Гарольдъ пріѣхалъ сюда шесть недѣль тому назадъ подготовиться изъ французскаго языка для этихъ ужасныхъ экзаменовъ, которые предстоятъ ему такъ скоро. Онъ поселился въ одномъ французскомъ семействѣ, которое принимаетъ къ себѣ молодыхъ людей съ этой цѣлью; это нѣчто въ родѣ пансіона *съ ручательствомъ за успѣхъ*, только содержать его женщины. Мама слышала про него много хорошаго; а потому она написала мнѣ, чтобъ я ѣхала и остановилась здѣсь у Гарольда. Десмонды привезли меня и взяли на себя переговоры или заключили условіе, назовите какъ хотите. Вѣднй Гарольдъ, помнтно, совсѣмъ не былъ доволенъ; но онъ былъ очень добръ, и отнесся ко мнѣ какъ нельзя лучше. Онъ дѣлаетъ огромные успѣхи во французскомъ языкѣ; и хотя я и не думаю, чтобъ пребываніе здѣсь было такъ полезно, какъ предполагалъ папа, Гарольдъ такъ удивительно уменъ, что почти по неволѣ учится. Боюсь, что я успѣваю гораздо меньше, но, къ счастью, мнѣ не предстоитъ экзамена, если мама не вдумается задать мнѣ его.

Но Джорджина дастъ ей такъ много заботъ, и я надѣюсь, что ей не придется этого въ голову. А если придется, то я, какъ выражается Гарольдъ, *проважусь*.

Здѣсь не такъ прилично жить дѣвушкамъ, какъ молодому человеку, и Десмонды нашли *необыкновенно страннымъ* желаніе мамы, чтобъ я поселилась здѣсь. Какъ говорить мистрисъ Десмондъ, все это оттого, что она до такой крайности не обращаетъ вниманія на принятыя приличія. Но вы знаете, какой Парижъ веселый городъ, и лишь бы Гарольдъ не вышелъ изъ терпѣнія, я спокойно дождусь каравана—такъ онъ прозвалъ маму и дѣтей. Особа, которая содержитъ это заведеніе,—не знаю какъ и назвать его,—довольно странная, съ *совершенно иностранной складкой*; но она удивительно внимательна и постоянно посылаетъ гонцовъ къ моимъ дверямъ, узнать, не надо ли мнѣ чего. Слуги совсѣмъ не похожи на англійскихъ слугъ; и лакей—у нихъ всего одинъ—и горничныя врываются во всякое время, самымъ неожиданнымъ образомъ. А когда позвонишь, они являются черезъ полчаса. Все это очень неудобно; вѣроятно, въ Гіерѣ будетъ еще хуже. Тамъ, впрочемъ, въ счастью, у насъ будутъ наши собственные слуги.

Здѣсь есть нѣсколько престранныхъ американцевъ, надъ которыми Гарольдъ постоянно хохочетъ. Одинъ—ужасный маленький человекъ, который вѣчно сидитъ у камина и толкуетъ о цѣлѣ неба. Не думаю, чтобъ онъ когда-нибудь видалъ небо иначе какъ черезъ оконную раму. На дняхъ онъ поймалъ меня за платье—зеленое, которое вамъ такъ нравилось въ Гамбургѣ—и сказалъ мнѣ, что оно напоминаетъ ему девонширскій дерѣзъ, и съ полчаса толковалъ о девонширскомъ дерѣзѣ, что показалось мнѣ совершенно необыкновеннымъ предметомъ разговора. Гарольдъ увѣряетъ, что онъ—сумасшедшій. Очень странно жить въ такихъ условіяхъ, съ людьми, которыхъ не знаешь. Я хоту сказать: которыхъ не знаешь, какъ мы въ Англіи знаемъ своихъ знакомыхъ.

Остальные американцы, кромѣ сумасшедшаго,—двѣ дѣвушки, приблизительно моихъ лѣтъ, изъ которыхъ одна довольно милая. У нея есть мать; но мать вѣчно сидитъ у себя въ спальнѣ, что какъ-будто очень странно. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мама пригласила ихъ въ Кинтсвотъ, но боюсь, что мамѣ не понравится мать, которая довольно вульгарна. Другая дѣвушка также довольно вульгарна и путешествуетъ совершенно одна. Мнѣ кажется, она что-то въ родѣ школьной учительницы; но другая дѣвушка, болѣе милая, съ матерью, говорила мнѣ, что она при-

личіе, чѣмъ кажется. Она, однако, придерживается самыхъ странныхъ мнѣній—желаетъ уничтожить аристократію, считаетъ неправильнымъ, чтобъ Артуръ получилъ Кингскотъ послѣ смерти папа. Не понимаю, какое ей дѣло, что бѣдный Артуръ наследуетъ имѣніе, что было бы чудо какъ пріятно — не будь тутъ замѣшана смерть папа. Но Гарольдъ говоритъ, что и она—сумасшедшая. Онъ страшно пристаётъ къ ней съ ея радикализмомъ, и онъ такъ удивительно уменъ, что она не умѣетъ отвѣчать ему, хотя и она довольно умна.

Здѣсь есть также французъ, племянникъ или двоюродный братъ, словомъ, какой-то родственникъ хозяйки, необыкновенно противный; и нѣмецъ—профессоръ или докторъ, который ѣстъ съ ножа и на всѣхъ наводитъ страшную скуку. Мнѣ ужасно жаль, что я должна отказаться отъ своей поѣздки. Боюсь, что вы никогда болѣе не пригласите меня.

VII.

Леонъ Вердье, изъ Парижа, къ Просперу Гобену, Лилль.

28 сентября.

Дорогой Просперъ!

Давно не давалъ я тебѣ вѣсточекъ; не знаю, что мнѣ пришло въ голову сегодня напомнить тебѣ наконецъ о своемъ существованіи. Вѣроятно, причина—та, что когда мы счастливы, душа инстинктивно обращается къ людямъ, съ которыми мы нѣкогда дѣлили наши восторги и разочарованія, *et je t'en ai trop dit, dans le bon temps, mon gros Prosper*, и ты всегда слишкомъ невозмутимо выслушивалъ меня, съ трубкой въ зубахъ и въ разстегнутомъ жилетѣ, — чтобъ мнѣ не чувствовать, что я вправѣ сегодня рассчитывать на твоё сочувствіе. *Nous en sommes, nous flaquées, des confidences*—въ тѣ счастливые дни, когда при видѣ привлеченія, появляющагося на горизонтѣ, моей первой мыслью была мысль объ удовольствіи, съ какимъ я опишу его великому Просперу. Говорю тебѣ, я счастливъ, положительно счастливъ, и изъ этого признанія ты, я думаю, можешь вывести остальное. Не помочь ли тебѣ немного? возьми трехъ прелестныхъ дѣвушекъ... трехъ, мой добрый Просперъ,—мистическое число—ни больше, ни меньше. Возьми ихъ и поставь между ними твоего ненавистнаго маленькаго Леона! Достаточно ли обрисовано положеніе, угадываешь ли ты причины моего блаженства? Ты, можетъ быть, ожидаешь, что я сообщу тебѣ, что

составилъ себѣ состояніе или что дядюшка Блондо намерѣнъ рѣшился возвратиться въ лоно природы, сдѣлать меня своимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Но мнѣ нечего напоминать тебѣ, что женщины всегда играютъ роль въ благополучіи твоего корреспондента—въ его благополучіи, а гораздо болѣе въ его несчастіи. Но не стану теперь говорить о несчастіи; усмію, когда оно придетъ, когда эти барышни войдутъ въ тѣсныя ряды своихъ любезныхъ предшественницъ. Извини меня—я понимаю твое нетерпѣніе. Скажу тебѣ, кто такіе эти барышни. Ты слышалъ отъ меня о моей кузинѣ de Maison-Rouge, этой высокой, красивой женщинѣ, которая, вступивъ оторопно въ бракъ,—въ первомъ бракѣ ея, по правдѣ сказать, не были соблюдены всѣ формальности—съ почтенной развалиной, принадлежавшей къ старому дворянству Пуатю, по смерти мужа, и благодаря пожеланію своимъ разорительнымъ вкусамъ при доходѣ въ 17,000 франковъ, осталась на парижской мостовой, съ двумя маленькими чертенятами-дочерьми, которыхъ предстояло воспитать для пути добродѣтели. Ей удалось ихъ воспитать; мои маленькіе кузины строго добродѣтельны. Если ты меня спросишь, какъ она ухитрилась, я объясню тебѣ не съумѣю; это не мое дѣло и, а *fortiori*, не твое. Ей теперь пятьдесятъ лѣтъ—она признаетъ тридцать-семь; а ея дочерямъ, которыхъ ей никакими судьбами не удалось выдать замужъ, двадцать-семь и двадцать-три года,—онѣ признаютъ двадцать и семнадцать. Три года тому назадъ ей пришла трижды-благословенная мысль открыть нѣчто въ родѣ пансіона, для пользы и удовольствія космоязычныхъ варваровъ, приѣзжающихъ въ Парижъ въ надеждѣ подобрать нѣсколько крупицъ языка Вольтера или Золя. Мысль эта принесла ей счастье; лавочка хорошо работаетъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ она управлялась одними моими кузинами; но за послѣднее время потребность въ нѣкоторомъ расширеніи и улучшеніи дала себя чувствовать. Моя кузина рѣшилась на это; несмотря на расходы, она пригласила меня поселиться у нея—столъ и квартира даромъ—и наблюдать за грамматическими эксцентричностями ея пансіонеровъ. Вѣдь расширеніе-то и улучшеніе—я, добрый мой Просперъ! Живу даромъ и исправлю произношеніе прелестнѣйшихъ англійскихъ устъ. Что англійскія уста не всѣ прелестны, извѣстно небу, но все же въ числѣ ихъ довольно прелестныхъ, чтобы я былъ въ барышахъ.

Въ настоящую минуту, какъ выше сказано, я ежедневно бесѣдную съ тремя красавицами. Одна изъ нихъ беретъ частные уроки; она платитъ дороже. Моя кузина не даетъ мнѣ ни гроша

изъ этихъ денегъ; но я, тѣмъ не менѣе, смѣю утверждать, что мой трудъ вознаграждается. Я въ хорошихъ, въ очень хорошихъ, отношеніяхъ съ остальными двумя. Одна изъ нихъ — маленькая англичаночка, лѣтъ двадцати, личико изъ кипсека; самая очаровательная миссъ, какую ты или, по крайней мѣрѣ, какую я когда-либо видѣлъ. Она вся разукрашена бусами, браслетами и вышитыми одуванчиками; но главное ея украшеніе заключается въ самыхъ кроткихъ въ мірѣ сѣрыхъ глазкахъ, которые останавливаются на васъ съ глубокимъ довѣріемъ, — довѣріемъ, которое мнѣ право нѣсколько совѣстно обмануть. Кожа ея бѣлая, какъ этотъ листъ бумаги, кромѣ щеекъ, гдѣ бѣлизна эта переходитъ въ самый чистый, самый прозрачный, самый нѣжный румянецъ. По временамъ этотъ розоватый оттѣнокъ заливаєтъ все лицо ея, — этимъ я хочу сказать, что она краснѣетъ, но такъ легко, какъ легокъ слѣдъ, оставляемый твоимъ дыханіемъ на омытомъ стеклѣ.

Какъ всѣ англичанки, въ публикѣ она довольно натянута и чопорна; но очень легко замѣтить, что когда никто не смотритъ, *elle ne demande qu'à se laisser aller!* Когда бы она этого ни пожелала, я всегда въ ея услугамъ, и уже далъ ей понять, что она можетъ на меня разчитывать. Имѣю полное основаніе думать, что она оцѣнила это, хотя честность заставляетъ меня сознаться, что съ нею дѣло нѣсколько менѣе подвинулось, тѣмъ съ другими. *Que voulez vous?* Англичане народъ тяжелый, и англичанки подвигаются медленно, вотъ и все. Поступательное движеніе, однако, замѣтно, и разъ установивъ этотъ фактъ, я могу предоставить супу закипѣть, когда вадумается. Могу дать ей время собраться съ духомъ, такъ какъ очень занятъ ея *коммюренствами*. Эти не заставляютъ меня ждать, *par exemple!*

Эти молодые особы — американки, а, какъ тебѣ извѣстно, въ характерѣ этой націи подвигаться быстро. «*All right — go ahead!*» — Я приобретаю большія познанія въ англійскомъ или, вѣрнѣе, въ американскомъ языкѣ. — Онѣ подвигаются такъ быстро, что мнѣ иногда трудно бываетъ поспѣвать за ними. Одна изъ нихъ красивѣе другой; но послѣдняя — та, что беретъ частные уроки — право удивительная дѣвушка. Вотъ сжигаетъ-то свои корабли! Она бросилась въ мои объятія въ первый же день, и мнѣ почти было на нее досадно за то, что она лишила меня удовольствія, какое даетъ постепенность, взятіе укрѣпленій одного за другимъ, удовольствія, почти равнаго тому, какое доставляетъ вступленіе въ цитадель. Повѣришь ли, что ровно черезъ двѣнадцать минутъ она назначила мнѣ свиданіе? Правда, въ галлерей Аполлона,

въ Луврѣ, но это соблюдалось приличіи для начала, съ тѣхъ поръ ихъ у насъ было множество, я пересталъ вести имъ счетъ. Non, c'est une fille qui me dépayse.

Маленькая—у нея есть мать, гдѣ-то за кулисами, занортая въ шкапъ или сундукъ—гораздо красивѣе и, можетъ быть, поэтому-то она больше перемонится. Она не бѣгаетъ со мной по Парижу по цѣлымъ часамъ, она довольствуется продолжительными свиданіями въ маленькомъ салонѣ, съ полу-опущенными занавѣсками; начинаются они около трехъ часовъ, когда всѣ на прогулѣ. Она—прелесть, эта маленькая, пожалуй слѣшкомъ худая, кости нѣсколько выдаются, но детали вообще вполнѣ удовлетворительны. Говорить ей можно все. Она даетъ себѣ трудъ дѣлать видъ, что не понимаетъ, но ея поведеніе, полъ-часа спустя, успокоиваетъ васъ совершенно, о, совершенно! Тѣмъ не менѣе, высокая,—та, что беретъ частные уроки,—замѣчательнѣе. Эти частные уроки, мой добрый Просперъ, самое блестящее изобрѣтеніе нашего вѣка, и совершенно гениальная мысль со стороны миссъ Миранды! Они также происходятъ въ маленькомъ салонѣ, но при крѣпко-на-крѣпко запертыхъ дверяхъ, съ положительными приказаніями всѣмъ въ домѣ не мѣшать намъ. И намъ не мѣшаютъ, мой добрый Просперъ, не мѣшаютъ! Ни единый звукъ, ни единая тѣнь не нарушаютъ нашего блаженства. Кузина моя, право, премилая; лавочка заслуживаетъ успѣха. Миссъ Миранда высока и немного плоска; она слѣшкомъ блѣдна, она не умѣетъ такъ прелестно краснѣть, какъ маленькая англичаночка. Но у нея блестящіе, пронизательные, умные глаза, великолѣпные зубы, носъ, точно выведенный рѣзцомъ скульптора, привычка держать голову высоко и смотрѣть всякому прямо въ лицо съ самымъ дерзкимъ выраженіемъ, какое я когда-либо видалъ. Она нутешествуетъ кругомъ свѣта совершенно одна, даже безъ субретки, съ цѣлью видѣть своими глазами à quoi s'en tenir sur les hommes et les choses—les hommes въ особенности. Dis donc, Prosper, смѣшная это, должно быть, страна, гдѣ фабрикутся молодые особы, одушевленные такимъ жгучимъ любопытствомъ! Что бы намъ съ тобой когда-нибудь помѣняться съ ними ролями, да отправиться туда взглянуть на нее своими глазами. Отчего бы намъ не отправиться и не застать ихъ у себя, если ужъ онѣ являются сюда за нами. Dis donc, mon gros Prosper...

VIII.

Докторъ Рудольфъ Штаубъ, изъ Парижа, къ доктору Юлиусу Гарту, Гёттингену.

Дорогой собрать по наукѣ! Возобновляю свои бѣглыя занятія, первую часть которыхъ отправилъ вамъ нѣсколько недель тому назадъ. Я тогда упомянулъ о своемъ намѣреніи покинуть отелъ, не находя его достаточно мѣстнымъ и національнымъ. Содержать его пруссаки изъ Помераніи, и закон, безъ исключенія, всѣ изъ фатерланда. Мнѣ казалось, что я въ Берлинѣ, *unter dem Linden*, и я сказалъ себѣ, что, разъ рѣшившись на серьезный шагъ посѣтить главную квартиру галльскаго генія, я долженъ стараться какъ можно больше выкинуть въ обстоятельства, составляющія частью послѣдствія, а частью причину его неудержимой дѣятельности. Мнѣ казалось, что нельзя приобрести основательныхъ свѣдѣній безъ вступительнаго пріема, заключающагося въ томъ, чтобы поставить себя въ отношенія, подвергающіяся по возможности легкимъ измѣненіямъ отъ вторженія элементовъ, проникающихъ отъ различнаго сочетанія причинъ, въ обшденной, домашней жизни страны.

Вслѣдствіе чего я занялъ комнату въ домѣ дамы чисто-французскаго происхожденія и воспитанія, которая пополняетъ дефицитъ дохода, недостаточнаго для постоянно возрастающихъ требованій парижской системы чувственнаго удовольствія, снабжая пищей и помѣщеніемъ ограниченное число благородныхъ иностранцевъ. Я предпочелъ бы только имѣть комнату въ домѣ, а обитать въ нѣжной, очень приличнаго вида, которую я живо открылъ на той-же улицѣ; но эта комбинація, хотѣ очень ясно предложенная мною, была не угодна хозяйкѣ заведенія — женщины съ большими математическими способностями — и я примирялся съ чрезвычайнымъ расходомъ, остановившись мысленно на возможности, которая, съ подчиненіемъ обычаямъ дома, дастъ мнѣ изучить манеру моихъ товарищей держать себя за столомъ и наблюдать французскую натуру въ особенно-знаменательный фзіологическій моментъ, — въ моментъ, когда удовольствіе *окуса*, этого преобладающаго въ ней качества, производитъ вѣчто въ родѣ умственнаго выпетнія, которое, хотя легко и, можетъ быть, неуловимо для поверхностнаго наблюдателя, тѣмъ не менѣе видимо съ помощью хорошо направленнаго инструмента.

Свой инструментъ я направилъ вполне удовлетворительно — я говорю объ инструментѣ, который ношу въ своей здоровой,

нѣмецкой головѣ—и я не опасюсь потерять хотя бы единую каплю этой драгоценной влаги, по мѣрѣ того какъ она будетъ конденсироваться на пластинкѣ моихъ наблюдений. Подготовленная поверхность—вотъ въ чемъ я нуждаюсь, а я свою непереносимость подготовилъ.

Въ несчастіи, и адѣсь также мѣстные уроженцы составляютъ меньшинство. Въ домѣ всего четыре француза, имъ завѣдующихъ и въ числѣ ихъ—три женщины и одинъ мужчина. Это преобладаніе женскаго элемента само по себѣ характеристично; мнѣ вѣчего напоминать вамъ, какую ненормально-крупную роль этотъ полъ игралъ во французской исторіи. Последняя фигура—повидимому, фигура мужчины, но я не рѣшаюсь такъ непереносительно классифицировать его. Въ немъ я вижу не столько чловека, сколько обезьяну, и всякій разъ какъ слышу его разговоръ, мнѣ представляется, что я остановился на улицѣ послушать рѣзкіе звуки шарманки, къ которымъ прыжки волосатого hominidius составляютъ аккомпаниментъ.

Я уже прежде писалъ вамъ, что мое ожиданіе грубого обращенія, вслѣдствіе моего нѣмецкаго происхожденія, оказалось совершенно неосновательнымъ. Никто, повидимому, не знаетъ, да и не заботится, какой я національности, и ко мнѣ относится, напротивъ, съ тою вѣжливостью, которая составляетъ удѣлъ каждаго путешественника, уплачивающаго по счету безъ лишняго тщательной провѣрки. Это, признаюсь, нѣсколько удивило меня, и я еще неокончательно уяснилъ себѣ основную причину этой аномаліи. Моя рѣшимость поселиться во французскомъ семействѣ была въ значительной мѣрѣ внушена мнѣ предположеніемъ, что я буду существенно-непріятенъ членамъ его. Я желалъ наблюдать за различными формами, какія приметъ раздраженіе, естественно вызванное мною, такъ какъ именно подъ вліяніемъ раздраженія французскій характеръ обнаруживается всего полнѣе.

Присутствіе мое, однако, повидимому, не имѣетъ стимулирующаго вліянія, и въ этомъ отношеніи я испыталъ чувствительное разочарованіе. Они обращаются со мною какъ со всякимъ другимъ, тогда какъ изъ желанія видѣть разницу въ обращеніи со мною, я заранѣе покорился мысли, что со мной будутъ обращаться хуже. Я, какъ выше сказано, еще не вполне уяснилъ себѣ это логическое противорѣчіе; но вотъ объясненіе, къ которому я прихожу. Французы такъ исключительно заняты собою, что, не смотря на очень опредѣленный образъ, въ какомъ личность германца представлялась имъ во время войны 1870 года, они въ настоящую минуту не имѣютъ яснаго понятія объ его

существованіи. Они не совсѣмъ увѣрены, что нѣмцы существуютъ; они уже несабыли убѣдительныя доказательства этого факта, представленныя имъ девять лѣтъ тому назадъ. Нѣмецъ—нѣчто неприятное, что они рѣшили исключить изъ своихъ понятій. Я вывожу изъ этого, что мы неправы, когда принимаемъ въ основаніе гипотезу *созмеадія*; французская натура слишкомъ поверхностна, чтобы это великое и могучее растеніе могло пустить въ ней корни и дать цвѣтъ.

Я также не захотѣлъ упустить случая ознакомиться съ энзимизмами, говорящими по-англійски; въ числѣ ихъ обратилъ особое вниманіе на американскіе виды, которыхъ я здѣсь нашёлъ нѣсколько любопытныхъ образчиковъ. Два самыхъ замѣчательныхъ—это молодой человекъ и молодая дѣвушка. Первый представляетъ всѣ характеристическія черты періода народнаго упадка, сильно наводящая мнѣ на мысль мажорскаго элиминизированнаго римлянина третьяго столѣтія. Онъ—олицетвореніе того культурнаго періода, въ которомъ способность оцѣнки приобрѣла такое полное преобладаніе надъ способностью производительности, что послѣдняя погрузилась въ какое-то совершенное безплодіе, и умственное состояніе уподобилось состоянію зловоннаго болота. Я узналъ отъ него, что существуетъ несмѣтное число американцевъ, совершенно подобныхъ ему, и что городъ Бостонъ почти исключительно населенъ ими. Онъ сообщилъ этотъ фактъ съ большой гордостью, точно онъ дѣлаетъ большую честь его родной странѣ, не замѣтивъ вовсе того понижатъ трагическаго впечатлѣнія, какое онъ произвелъ на меня.

Чрезвычайно поразительно здѣсь именно то, что это явленіе, сколько я знаю—а вамъ извѣстно каковы мои познанія,—безпримѣрное и единственное въ исторіи человѣчества; достиженіе наравѣтъ послѣдняго фазиса развитія безъ прохожденія черезъ промежуточный, другими словами, переходъ плода отъ сырого состоянія къ гнилости, нераздѣленныхъ періодомъ полезной и красивой зрѣлости. У американцевъ сыръ и гнилость тождественны и одновременны; невозможно опредѣлить,—какъ въ разговорѣ этого несчастнаго молодого человѣка,—гдѣ кончается одна и начинается другая; онѣ окончательно перемѣшаны. Я предпочитаю разговоръ французскаго *homunculus*; онъ, по крайней мѣрѣ, забавнѣе. Интересно такимъ образомъ наблюдать, въ столь широкомъ размѣрѣ, сѣмена увяданія въ будто-бы могучемъ англо-саксонскомъ племени. Я нахожу ихъ почти въ столь же ощутительной формѣ въ молодой особѣ изъ штата Мэнъ, въ провинціи Новая-Англія, съ которой много бесѣдовалъ. Она нѣсколько отличается отъ выше-

упомянутого молодого человѣка въ томъ отношеніи, что способность производительности, дѣятельности въ ней менѣе замерла; она въ болѣе мѣрѣ обладаетъ свѣжестью и силой, какія имъ приписываемъ молодой цивилизаціи. Но въ несчастію, она не производитъ ничего, кромѣ зла, и ея вкусы и привычки—вкусы и привычки римской патриціанки западной римской имперіи. Она ихъ не скрываетъ, и выработала полную систему безпечнаго поведенія. Такъ какъ случаи, которые она находитъ у себя на родинѣ, ее не удовлетворяютъ, она пріѣхала въ Европу—жить, какъ она выражается, «собственнымъ умомъ». Это догма всѣмѣрнаго опыта, исповѣдуемая съ дѣйствительно необыкновеннымъ цинизмомъ, которая, воплощаясь въ молодой особѣ съ достаточнымъ образованіемъ, является въ моихъ глазахъ притворомъ цѣлому обществу.

Другое наблюденіе, наводящее меня на тотъ же выводъ—относительно преждевременнаго искаженія американскаго населенія—это отношенія американцевъ, живущихъ у меня на глазахъ, другъ къ другу. Здѣсь есть другая молодая особа, менѣе ненормально-развившаяся, чѣмъ только-что описанная мною, но тѣмъ не менѣе носящая печать этого страннаго соединенія недоконченности и ослабленія. Эти три личности смотрятъ другъ на друга съ величайшимъ недоверіемъ и величайшей неприязнью; каждая много разъ отводила меня въ сторону и увѣряла меня по секрету, что онъ или она—единственный настоящій типъ американца. Типъ, утратившійся прежде, чѣмъ онъ установился—чего и ожидать отъ этого?

Прибавьте къ этому, что здѣсь въ домѣ двое молодыхъ англичанъ, которые ненавидятъ всѣхъ американцевъ огуломъ, не дѣлая между ними никакихъ различій и благоприятныхъ сравненій, въ которыхъ тѣ востанавливаютъ, и вы, я думаю, сочтете меня въ правѣ предполагать, что, племя, говорящее по-англійски, должно позоритъ само себя, благодаря быстрому паденію и междоусобной враждѣ, а что съ его упадкомъ надеждъ на общее преобладаніе, на которую я намекалъ выше, загорится еще ярче для громогласныхъ дѣтей фатерланда.

IX.

Миранда Гопъ къ матери.

22 октября.

Дорогая мама!

Черезъ день или два отправляюсь осматривать какую-нибудь новую страну; я еще не рѣшила, какую именно. Я совершенно удовлетворена относительно Франціи и хорошо изучила языкъ. Пребываніемъ своимъ у *madame de Maison-Rouge* я какъ нельзя болѣе довольна; мнѣ кажется, будто я покидаю кружокъ истинныхъ друзей. Все шло прекрасно до самаго конца, всѣ были такъ добры и внимательны, точно я имъ родная сестра, особенно м-г Вердье, французъ, отъ котораго я приобрѣла даже болѣе, чѣмъ ожидала, въ шесть недѣль и съ которымъ общалась переписываясь. Представь себѣ меня пишущей самыя правильныя французскія письма; а если ты мнѣ не вѣришь, я сохранию черновыя и покажу тебѣ, когда вернусь.

Нѣмецъ также становится все болѣе интереснымъ, чѣмъ болѣе его узнаешь; мнѣ иногда кажется, что я такъ бы и всосала всѣ его идеи. Я узнала, изъ-за чего не влюбила меня молодая особа изъ Нью-Йорка! Изъ-за того, что я разъ за обѣдомъ сказала, что обожаю ходить въ Лувръ. Чтожъ, когда я только-что пріѣхала, мнѣ казалось, что я дѣйствительно все обожаю! Скажи Вильяму Плату, что письмо его получено. Я знала, что ему придется написать; я дала себѣ слово, что заставлю его! Я еще не рѣшила, какую именно страну посѣщу; ихъ столько, что не знаешь, на которой остановиться. Но я постараюсь выбрать хорошую и извѣдать тамъ много новаго.

Мама милая, съ деньгами я справляюсь, и оно право крайне интересно.

О. П.

ДѢТЯМЪ.

Изъ Лонгвилло.

Милыя малютки! рѣзы ваши ножи,
Но не миновать вамъ жизненной дорожки:
Ею вы пойдете — и не разъ случится
Падать, оступаться, промокать, грязниться.
Долго въ моей жизни шелъ я той дорогой,
Утомленъ, намученъ, — и теперь, съ тревогой
Въ сердцахъ, я взираю, грустный и печальный —
Какъ-то вы пройдете путь многострадальный!..

Милыя малютки! ручки ваши нѣжны,
Но вѣдь трудъ и бремя въ жизни неизбѣжны:
Будете-ль вы править, властью обладая,
Иль работой тяжелой хлѣбъ свой добывая, —
Станете ли бѣднымъ помогать въ несчастьи
Иль молить богатыхъ сами объ участьи —
Я, трудясь весь вѣкъ свой, измозоливъ руки,
Знаю, сколько будетъ ручкамъ этимъ муки!..

Милыя малютки! въ васъ сердца такъ чисты,
Но сердцамъ тѣмъ въ жизни — жребій независтный:
Имъ придется часто съ горя надрываться,
Выносить обиды, кровью обливаться,
Тѣшиться надеждой, вѣрить въ счастье, славу,
Гнѣваться, томиться, пить любви отраву...
Я, чье сердце стонетъ отъ ударовъ рока,
За малютокъ бѣдныхъ мучусь я глубоко!..

Владимиръ Орловъ.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ

ВЪ

ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.

VIII. Эмиль Зола *)

Еслибы о достоинствѣ писателя можно было судить по шуму, нѣмъ производимому, то Эмилю Зола безспорно принадлежало бы первое мѣсто между современными беллетристами. «Заговоръ молчанія», на который еще недавно, съ большимъ или меньшимъ правомъ, жаловались его друзья, уступилъ мѣсто самой широкой огласкѣ. Враговъ у Зола много, но они не считаютъ болѣе возможнымъ игнорировать его. Суровости нападеній соответствуетъ усердіе защиты. Вокругъ Зола образовался кружокъ поклонниковъ, признающихъ его главою школы, лучшимъ представителемъ французскаго натурализма. Одинъ изъ нихъ — Поль Алексисъ — издалъ цѣлую книгу о своемъ учителѣ и другѣ ¹⁾. Еще нѣсколько лѣтъ — и мы будемъ имѣть объемистую литературу о Зола и «золаизмѣ», литературу, составленную далеко не изъ однихъ только французскихъ вкладовъ. Романы Зола, точно такъ же какъ и его критическія статьи, какъ и его «экспериментальный» методъ, служатъ предметомъ преній и толковъ во всей образованной Европѣ. Если въ Германіи, въ Англіи эти толки болѣею частью неблагоприятны для Зола, то въ Италіи, въ Россіи у него есть страстные почитатели, мо-

*) См. выше: февраль, стр. 676.

¹⁾ „Emile Zola. Notes d'un ami.“ Paris, 1882.

группѣ подать руку такъ-называемой «меданской» группѣ ¹⁾. Извѣстности Зола между русскими читателями много способствовалъ нашъ журналъ, нѣсколько лѣтъ сряду печатавший его «Парижскія письма»; но мы имѣли уже случай заявить, что никогда не раздѣляли всѣхъ мнѣній нашего корреспондента ²⁾. Говоря о В. Гюго, мы разошлись съ нѣкоторыми эстетическими взглядами Зола; съ такимъ же безпристрастіемъ, съ такою же независимостью мы постараемся теперь отнестись и къ его романамъ.

Эмиль Зола — художникъ и въ тоже время критикъ, теоретикъ; этимъ объясняется многое въ его творчествѣ. Нельзя сказать, чтобы практика всегда сходилась у него съ теоріей, чтобы сочиненія его всегда и во всемъ были иллюстраціей или доказательствомъ его доктрины; но влияние послѣдней чувствуется вездѣ, чувствуется тѣмъ сильнѣе, тѣмъ рѣзче и отчетливѣе опредѣляются воззрѣнія Зола на задачи и приемы искусства. Романы Зола, въ свою очередь, бросаютъ отраженный свѣтъ на его теорію; скажемъ болѣе — вмѣстѣ съ отзывами его друзей, вмѣстѣ съ собственными заявленіями его, разсѣянными въ журнальных статьяхъ и въ предназначенныхъ для гласности бесѣдахъ, они даютъ намъ возможность понять Зола, какъ цѣльную личность, какъ писателя и человѣка.

Эпоха второй имперіи воспитала въ Зола — какъ и въ Ренанъ, въ Тэнъ, въ большинство тѣхъ «*normaliens*» (воспитанниковъ нормальной школы), надъ которыми часто смѣется Зола, но съ которыми онъ имѣетъ кое-что общее — политическій индифферентизмъ, доходящій до отвращенія къ публичной жизни, до безразличнаго отношенія къ администраціи и законодательству, къ всеобщей подачѣ голосовъ и парламентаризму. Эта черта до такой степени преобладаетъ въ Зола, что даже поклонникъ его, Алексн, признаетъ ее главнымъ его недостаткомъ. Политика, въ глазахъ Зола — это удѣлъ посредственностей и бездарностей, удѣлъ паразитовъ, умѣющихъ только жить на счетъ народа. Онъ отказывается понять, какимъ образомъ талантливые люди — въ родѣ Рошфора, Жюль Валлеса — могли промѣнять роль литераторовъ на роль политическихъ дѣятелей и публицистовъ. «Не

¹⁾ Меданъ — загородное мѣсто пребыванія Зола; именемъ „меданскихъ вечеровъ“ названъ сборникъ разсказовъ самого Зола и ближайшихъ его друзей — Момассан, Сегар, Генинга, Алексн и Юксманса („*Les soirées de Medan*“, Paris, 1880).

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1880 г. № 1, стр. 206—206.

уже ли вы не знаете, — спрашивает онъ, обращаясь къ Рош-фору ¹⁾, — что для того, кто уважаетъ силу ума, политика — крайній ресурсъ, послѣднее убѣжище, въ случаѣ абсолютной неспособности въ другому, болѣе чистому дѣлу (*quelque chose de plus propre*)? «Развѣ можно заниматься политикой, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — когда не умѣешь играть роль овцы, не умѣешь преклоняться передъ посредственностью вождей и ложью историковъ? Валлеса слишкомъ даровитъ, слишкомъ оригиналенъ, чтобы быть политическимъ дѣвателемъ — этою глупою или лицемерною вещью, не смѣющею ни выходить изъ рядовъ, ни даже смѣяться. Политика — это каторга, всѣ наши политическіе люди — жалкіе педагоги низшаго сорта ²⁾... Не удивительно ли, что молодые, одаренные таланты, передъ которыми широко открыта жизнь, могутъ увлекаться уродливою и грязною вещью, извѣстною подъ именемъ политика? Бросьте ее, несчастные! Любите лучше женщинъ, пейте, ищите стиховъ... О, какъ я ненавижу политику, съ ея оглушительнымъ и безсодержательнымъ шумомъ, съ маленькими людьми, которыхъ она намъ навязываетъ!» Въ значеніе законовъ и учреждений Зола не вѣритъ; онъ не ожидаетъ, напримѣръ, никакой пользы отъ дозволенія развода и рассматриваетъ эту мѣру преимущественно съ точки зрѣнія послѣдствій, которыя она будетъ имѣть для литературы — съ точки зрѣнія темъ, которыя она вновь создастъ, и темъ, которыя она уничтожитъ. Онъ не вѣритъ въ силу идей, въ проповѣдь гуманныхъ началъ; въ устахъ В. Гюго, напримѣръ, эта проповѣдь кажется ему не только безплодною, но и опасною. «Самыми великими изъ насъ, — восклицаетъ Зола, — будутъ не тѣ, которые стремились къ улучшенію человѣка, а тѣ, которые воображали его такимъ, каковъ онъ есть, во всей его жизненной правдѣ».

Равнодушный къ политикѣ или даже ей враждебный, Зола преклоняется передъ всемогуществомъ ума, передъ силою мысли. Онъ высоко цѣнитъ новѣйшую науку, съ ея отсутствіемъ предразсудковъ, съ ея неудержимымъ стремленіемъ къ объективной истинѣ; но его любовь къ наукѣ — скорѣе платоническаго свойства. Онъ слишкомъ мало знаетъ науку, чтобы быть горячимъ провозвѣстникомъ ея или убѣжденнымъ и преданнымъ ея слугою.

¹⁾ Эта цитата, какъ и слѣдующія за нею, заимствована нами изъ сборника статей, помѣщенныхъ Зола въ „Figaro“ въ 1880 — 1881 г. и изданныхъ недавно подъ общимъ именемъ: „Une campagne“ (Paris, 1882).

²⁾ Чтобы понять это выраженіе (*piens lamentables*), нужно припомнить, что гувернеръ или воспитатель коллежа, извѣстный подъ прозвищемъ *pien*, считается во Франціи типомъ мелкой придирчивости, тупости и узкаго цѣлительства.

Доказательствомъ этому могутъ служить и неудачныя сны его на Клода Бернара, и бессодержательность похвалъ, расхожихъ нѣмъ Литтре, и презрительное отношеніе къ Канту, въ которомъ онъ видитъ только «тицету метафизики». Единственная форма современной мысли, многимъ доступная и понятная для Зола — это искусство, обожаніе которого онъ за те и доводитъ почти до идолопоклонства. «Реальное и прочное вліяніе, — говоритъ Зола, — принадлежитъ исключительно писанной мысли. Политическіе люди, какъ бы велики они ни были, строятъ на вѣтряномъ движущемся пескѣ исторіи; мы даже не можемъ судить о нихъ, потому что нѣтъ дѣла истечки... Мы лгалимъ со смѣлоу въ тишинѣ и неподвижности нашихъ кабинетовъ, когда смотримъ на дѣятельность нашихъ такъ-называемыхъ дѣятелей. Спотыкнѣ, потѣйте, задыхайтесь отъ усилій — для насъ, наблюдателей, вы постоянно будете не чѣмъ другимъ, какъ механическими кулами, болѣе или менѣе удачно заведенными... Мы, съ нашими чернилами и нашими перьями, мы составляемъ настоящую силу; мы владемъ ушами и держимъ въ нашихъ рукахъ сердца. Если появляется артистъ, дремъ пробѣгаетъ въ шарадѣ, землі плачетъ или веселится; онъ властелинъ, онъ бессмертенъ, достояніемъ его служить вѣна... Истечнуть навсегда, упасть въ пропасть исторіи — это еще самое лучшее изъ того, что васъ (т.-е. политическихъ дѣятелей) ожидаетъ. Вы намъ принадлежите, и если мы васъ возьмемъ, вы останетесь притворженными къ нашимъ притворденіямъ. Вы пренебрегаете нами, потому что мы не распеваемъ голосами даже одной общины. Близорукіе дѣти! мы располагаемъ народами, мы распоряжаемся славой. Пылкій Ахилесъ, мудрый Улиссъ не существовали бы для почета, еслибы ихъ не воспѣлъ Гомеръ. О! отъ всей души, всею силою моеи воли, я хотѣлъ бы вознести умъ на высшую нѣмъ вершину и поклониться ему. Я хотѣлъ бы пожертвовать ему тѣломъ, я хотѣлъ бы провозгласить его господство въ наиболѣе действительной и устойчивой его формѣ — въ формѣ писанной мысли. Я посвятилъ ему всю мою жизнь, я жилъ нѣмъ и нѣмъ умру. Если я иногда несправедливъ, то это зависитъ отъ избытка любви къ нему; если я чего-нибудь стою, то стою именно этою любовью. Да, все сводится къ писанной мысли; все остальное — тщетная суета, минутныя видѣнія, уносимыя вѣтромъ». Характеристическимъ дополненіемъ къ этой тирадѣ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ книги Алекси. «Помимо патриотической скорби, которую испытывалъ Зола во время осады Парижа, онъ превелъ эти мѣсяцы въ сильнѣйшей литературной тревогѣ. Песѣ

ная глава его романа затерялась въ редакціи «*Sigle*»! Потери столь же чувствительныя для артиста, какъ и потеря Лотарингін и Эльзаса. Утраченные страницы могутъ быть записаны вновь, между темъ какъ уничтоженное слово романа невозможно восстановить въ прежнемъ ея видѣ».

Подключая писанной мысли, т. е. литературу, Зола подчиняется, между прочимъ, самому себѣ; розрабатывая силу ума, онъ прославляетъ свою собственную силу. Самовѣіе развито въ немъ до крайнихъ предѣловъ; это признаетъ его биографъ, это бросается въ глаза на каждой почти страницѣ его полемическихъ и критическихъ этюдовъ. Еще мало извѣстный, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, Зола объявляетъ во всеобщее извѣстіе (въ предисловіи ко второму изданію «*Thérèse Raquin*»), что способнымъ понять и опѣнить книгу (читай: *его* книгу) онъ считаетъ только двухъ или трехъ изъ числа современныхъ писателей. Герора въ «*Figaro*» о драмахъ, перефразированныхъ изъ «*Assommoir*» и «*Nana*», онъ констатируетъ славу, приобретенную этими романами. Роль Нана, по его словамъ, обнимаетъ «*всю человѣческую клавиатуру*» (*se rôle est suprême, car il tient tout le clavier humain*). О чемъ бы ни шла рѣчь, Зола ко всему примѣниваетъ экспериментализмъ, натурализмъ, и больше всего — воспоминаніе о собственникѣ своихъ романихъ. Весь Парижъ толкуетъ о бальвиньскомъ стандартѣ, объ избирательномъ избраніи, въ которомъ большинство не захотѣло слушать Гамбетту; Зола видитъ въ этомъ удобный случай отвѣтить на упреки, выданные за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ его изображеніемъ парижскихъ рабочихъ (въ «*Assommoir*»). Скромность, съ которою Зола иногда говоритъ о себѣ, съ которою онъ отклоняетъ званіе главы школы — только условный пріемъ, только маска, прозрачная болѣе чѣмъ на половину. Задача «*романиста-экспериментатора*», какъ ее понимаетъ Зола — «*быть господиномъ надъ добромъ и зломъ, управлять жизнью, управлять обществомъ, рѣшить всѣ проблемы социализма, доставить твердыя основы правосудію*». Можетъ ли не загружаться голова, когда сражаешь себя носителемъ подобной задачи — носителемъ, притомъ, не простымъ, не зауряднымъ, а передовымъ, знаменщикомъ и герольдомъ экспериментализма?

Самоуверенный, гордый своимъ призваніемъ, смотрящій почти на все сверху внизъ, жаждущій господства, «*интеллектуальной диктатуры*» (выраженіе Алекси), Зола все больше и больше замыкается въ тѣсномъ кружкѣ своихъ учениковъ, въ своемъ меданскомъ уединеніи. Во время своихъ литературныхъ дебютовъ онъ по необходимости посѣщалъ общество, соприкасался съ раз-

ными сферами и обстановками, сталкивался съ людьми другихъ взглядовъ и убѣжденій; теперь ничто не мѣшаетъ ему устроить свою жизнь согласно съ собственными вкусами, — а эти вкусы влекутъ его къ неподвижности, къ домашнему комфорту, къ однообразному, строго правильному образу жизни. Имъ овладѣваетъ, по примѣру Гонкуровъ, страсть къ изящной комнатной обстановкѣ, къ рѣдкостямъ, къ «*bibels*». Весь его день, подробно описанный у Алексѣя, занятъ работою надъ очереднымъ романомъ, корреспонденціей, прогулками въ окрестностяхъ Медана, нѣсколькими партіями на бильярдъ, бесѣдами съ домашними и немногими друзьями. Мы узнаемъ, на какія газеты подписывается Зола («*Figaro*», «*Gaulois*», «*Evénement*», «*Gil-Blas*», «*Voltaire*» — все изъ разряда такъ-называемой «*presse à informations*»), но не видимъ, къ социальнѣю, надъ какими книгами онъ проводитъ ночные часы, посвящаемыя имъ чтенію. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что первое мѣсто между ними занимаютъ книги, близкія къ темѣ приготавлиаемаго имъ въ данный моментъ романа. Между тридцатью девятью статьями, вошедшими въ составъ «*Une campagne*», нѣтъ ни одной, которая относилась бы къ не-беллетристическимъ отраслямъ литературы (Литтрѣ выведенъ на сцену только въ качествѣ живого урока Виттору Гюго). На половину отрѣщенный отъ дѣйствительности, Зола давно уже охладѣлъ къ «собиранію человѣческихъ документовъ», играющему такую важную роль въ его теоріи. Прежде онъ ихъ искалъ — теперь спокойно ожидаетъ ихъ, сидя у себя дома. Многое онъ узнаетъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, многое не считаетъ нужнымъ нѣслѣдовать вблизи, въ силу заранѣе составленнаго, предвзятаго мнѣнія. Напомнимъ по этому поводу любопытное письмо изъ Парижа, напечатанное нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ нашемъ журналѣ (авторъ письма, г. П. Б., лично знакомъ съ Зола и большой почитатель его таланта). «Въ разговорѣ, — говоритъ г. П. Б., — Зола почти ничѣмъ не интересуется, кромѣ литературы, романа, своихъ идей, работы молодыхъ писателей, въ которыхъ принимаетъ участіе... Зная, какъ Зола живетъ, уже не первый годъ, я откровенно замѣтилъ ему, что слишкомъ замкнутая жизнь помѣшаетъ ему въ дальнѣйшихъ романахъ разнообразить свое творчество, въ особенности по части женщинъ. — Вѣдь вы совсѣмъ не знаете женщинъ, — сказалъ я ему, — по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ создавала парижская жизнь въ эти пять-десять лѣтъ; а онѣ уже на нашихъ глазахъ замѣнились чрезвычайно. Лицо Зола немножко нахмурилось. «Это неважно — отвѣтилъ онъ: — существуетъ только

нѣсколько типовъ. Каждый знавалъ въ свою жизнь пять-десять женщинъ. Этого совершенно достаточно, остальное все разнообразности. Про Зола можно, повидимому, сказать: «*son siége est fait*». Онъ считаетъ себя обладателемъ не только истинныхъ принциповъ, но и данныхъ, необходимыхъ для ихъ воплощенія; кабинетная работа — альфа и омега его творчества. Вѣра въ «литературный экспериментъ», производимый воображеніемъ автора, освобождаетъ его отъ наблюденія.

Исключительное поклоненіе мысленной мысли естественно влечь за собою культъ формы, красоты, какъ ногоціниа той силы, съ помощью которой художественное произведеніе переживаетъ вѣка и побуждаетъ народы. Достигнуть красоты, по теоріи Зола, можно только путемъ усиленнаго труда, безмолвно-тщательной отдѣлки языка и слога. Въ этой отдѣлкѣ — величіе Флобера, главная заслуга Гонкуровъ; эту отдѣлку Зола, отъ имени цѣлой партіи, бросаетъ въ лицо своимъ противникамъ, какъ образецъ, для нихъ недостижимый. «Знаете ли вы, — читаемъ мы въ статьѣ о Сарсе и нормальной школѣ, — что Флоберъ надорвался надъ передѣлкой своихъ фразъ, что упорный, ожесточенный трудъ былъ причиной смерти Жюль Гонкура, что Эдмонъ Гонкуръ, Альфонсъ Додэ, мы всѣ проводимъ по цѣлымъ днямъ надъ одной страницей, что стремленіе въ совершенству, въ огню, въ жизни слога доходитъ въ насъ до медленнаго самоубійства? Вы не умѣете писать, у васъ никогда не хватитъ духу умереть отъ труда! Запритесь у себя въ кабинетъ, положите вашу душу въ то, что вы пишете, доведите себя до серьезной болѣзни — тогда мы съ вами поговоримъ о слогахъ!» На самомъ дѣлѣ здоровье Зола не страдаетъ отъ его работы; она слишкомъ строго разбирена, чтобы повредить ему, и подвигается впередъ слишкомъ правильнымъ шагомъ, чтобы могла быть рѣчь о «проведеніи цѣлыхъ дней надъ одной страницей» или о передѣлкѣ фразъ, какъ объ орудіи самоубійства. «Я сажусь писать, — рассказывалъ самъ Зола одному изъ итальянскихъ своихъ поклонниковъ (де-Амичису), — спокойно, методично, съ часами въ рукахъ. Я пишу каждый день, но немного, три печатныхъ страницы, ни строчкой больше, и только по утрутамъ. Я пишу почти безъ помятокъ, потому что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обдумываю предстоящую работу. Написанное я тотчасъ же откладываю въ сторону и вижу вновь только въ печати. Я могу безошибочно опредѣлить день, когда окончу романъ». Вѣрность этихъ деталей подтверждается перепечаткой ихъ въ книгѣ Алексіа. Мы узнаемъ изъ того же источника, что въ планахъ или конспектахъ, заранѣе

составляемых Зола, встрѣчаются замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: «Здѣсь двадцать страницъ такого-то описанія... такая-то сцена должна быть описана на двѣнадцати страницахъ, съ раздѣленіемъ на три части». Когда количество матеріала, сравнительно съ предназначеннымъ для него мѣстомъ, оказывается слишкомъ большимъ, Зола обрѣзываетъ матеріалъ—въ противномъ случаѣ старается растянуть его. Онъ влюбленъ въ пропорцію и симметрію; приступая, напримѣръ, къ «Страницѣ любви», онъ заранее раздѣляетъ книгу на пять частей, каждую часть—на пять главъ, и въ послѣдней главѣ каждой части рѣшилъ помѣстить по описанію Парижа, какимъ онъ представляется съ высотъ Пасси или съ Трокадеро: Парижа при восхожденіи и захожденіи солнца, Парижа ночью, Парижа подъ проливнымъ дождемъ, Парижа зимою. Этотъ планъ выполненъ съ величайшею точностью; всѣ части книги оказываются, притомъ, почти равными по объему (отъ 75 до 85 страницъ въ каждой). Отсюда титулъ «великаго механика», присвоенный Зола Амичисомъ и укрѣпленный за нимъ Алексі, съ восторженной прибавкой: «c'est de la mécanique transcendante, on s'en apercevra un jour»; отсюда сравненіе Зола съ гимнастомъ, охотно работающимъ только на высокой трапеціи, безъ предохранительной сѣтки.

Съ тѣхъ поръ, какъ Зола сдѣлался романистомъ, онъ всегда чувствовалъ особенную склонность къ щекотливымъ, скабреснымъ темамъ, къ предметамъ, въ большинствѣ случаевъ едва затронуемымъ или осторожно обходимымъ. Уже въ первомъ своемъ романѣ («la Confession de Claude») онъ вывелъ на сцену молодого человѣка, влюбляющагося въ публичную женщину. Главныя дѣйствующія лица второго романа («Thérèse Raquin»), по собственному выраженію Зола—«своты въ человѣческомъ образѣ» (des brutes humaines). «Madeleine Féral» — исторія такого же неудержимаго физическаго влеченія, какъ то, которое бросаетъ Терезу въ объятія Лорана. Почти въ каждомъ романѣ рюгони-маккаровской серіи есть эпизоды, поражающіе своею силой; иногда—какъ, напримѣръ въ «Nana» — эпизоды этого рода наполняютъ собою всю книгу. Стремленіе изображать жизнь, какъ она есть, ничего не умалчивая и ни передъ чѣмъ не отступая, пренебреженіе къ условнымъ приличіямъ, нетодованіе на притирчивость критики, на цѣломудріе ея, часто неединичное или напускное—все это толкало Зола впередъ по однажды избранной дорогѣ; едва ли, однако, можно отрицать, что удерживало его на ней и желаніе шума, огласки, отъ которой уже не далеко до извѣстности. Добиться литературной славы, а вмѣстѣ съ тѣмъ

и богатства или по меньшей мѣрѣ достатка — такова была съ самаго начала цѣль Зола, къ которой онъ стремился съ энергіей, но истиннѣ изумительною. Выросшій въ горячей, но сухой температурѣ Прованса — того Прованса, который такъ художественно воспроизведенъ въ послѣднемъ романѣ Альфонса Доде, — прошедшій черезъ писому жизни, вкусившій мяса «бѣдной коровы», Зола напоминаетъ, въ некоторыхъ сторонахъ своей натуры, и Мирабо, и Гамбетту, подобно ему полу-итальянецъ, полу-французъ: та же честолюбивость, та же выдержка, та же вѣра въ самого себя, та же способность въ колоссальному разсчету, та же умѣнье пользоваться обстоятельствами. Минута, которой такъ долго ожидалъ Зола, наконецъ настала; успѣхъ «Ассоціацій» и «Напа» превзошелъ самыя смѣлныя его надежды. Что означаетъ, на самомъ дѣлѣ, этотъ успѣхъ — это мы еще увидимъ; теперь для насъ важно только опредѣлить, какъ понимаютъ его Зола и золясты. Судя по тому значенію, которое Зола всегда придавалъ цифрѣ издержанныхъ книгою изданій, судя по торжеству и ликованію, съ которыми говоритъ Алексисъ о колоссальномъ требованіи на «Ассоціацій» и «Напа», можно смѣло утверждать, что счеты книгопродавца Шарпантье составляютъ въ глазахъ ультра-натуралистовъ бесцѣнное, «документальное» доказательство ихъ побѣды. Знаменательно и то, что критическіе отзывы Зола о французскихъ драматургахъ и романистахъ, появившіеся въ «Вѣстникѣ Европы», начиная съ 1875-го года, напечатаны въ французскомъ подлинникѣ лишь въ послѣдніе два года, т. е. послѣ того какъ Зола удалось, наконецъ, пробить ледъ общественнаго равнодушія. Онъ не перемонитъ болѣе ни съ публикой, ни съ критикой; поле сраженія осталось за нимъ, окончательное пораженіе врага или враговъ — т. е. всего противудѣйствующаго ультра-натурализму — составляетъ въ его глазахъ только вопросъ времени.

Итакъ, политическій индифферентизмъ, поклоненіе «писанной мысли», неограниченное довѣріе къ собственной смѣлѣ, постепенно увеличивавшаяся замкнутость, культъ формы, энергическая погоня за успѣхомъ — таковы, вмѣстѣ съ сухостью натуры, неспособностью къ уступкѣмъ, почти нѣмнѣною регламентаціей ежедневной жизни, характеристическія черты Зола, каковы онъ выставляетъ себя самъ и каковы рисуютъ его ближніе къ нему люди. Возвратясь египу руководящему нѣтъ, подойдемъ поближе къ лабиринту его романовъ.

«Литература сточныхъ трубъ», «гнилая литература», «литература скандаловъ» — «литература трезвой правды, высоко нравственная по своимъ цѣлямъ»: таковы противоположные эпитеты, расточаемые романистъ Зола его антагонистами и его друзьями. На русскомъ языкѣ появилась въ прошедшемъ году цѣлая книга ¹⁾, направленная противъ «реальной грязи, цинической каскадности, отвратительныхъ гнусностей» *заламала*. Другой русскій противникъ Зола, болѣе умѣренный, пишетъ о немъ статью подъ заглавіемъ: «Будьте ясны». Въ какой степени справедливо негодованіе одного, восторженное одобреніе другого крайняго лагера? Обвиненіе въ цинизмѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ критическихъ орудій, употребленіе которыхъ всего чаще обращается въ злоупотребленіе. У насъ его не избѣжалъ Гоголь, не избѣжала вся такъ-называемая натуральная школа. Во Франціи ему подвергались романы Бальзака, сатиры Барбье; въ примѣненіи къ «*Madame Bovary*» оно выразилось даже въ официальной формѣ судебного преслѣдованія. Оно можетъ быть введено, съ извѣстной точки зрѣнія, на Рабле, на Мольера, на самого Шекспира. Дѣло въ томъ, что оно строится сверху и рядомъ на личномъ вкусѣ критика, на обычаяхъ такъ-называемаго хорошаго общества, на условіяхъ, соблюдаемыхъ образованными людьми въ частной бесѣдѣ, въ ежедневной жизни. Для литературной критики это основаніе слишкомъ узко; ищущее смысла и *raison d'être* въ своемъ мѣстѣ, оно не должно быть переносимо цѣликомъ въ другую область. Литература, какъ и наука, можетъ проникать всюду, всего касаться, подъ однимъ условіемъ: отношеніе ея къ предметамъ, изысканіямъ, если можно такъ выразиться, изъ публичнаго обращенія, должно быть именно научнымъ — сдержаннымъ по существу, строго сдержаннымъ по формѣ. Цѣль оправдываетъ здѣсь средства, лишь бы только между средствами и цѣлью была полная соразмѣрность, лишь бы только каждое изъ первыхъ несомнѣнно вело къ достиженію послѣдней. Подъ именемъ цѣли мы понимаемъ, въ данномъ случаѣ, не прямо выраженное правоученіе, не готовый выводъ, непосредственно приложимый къ жизни — и то, и другое не всегда совмѣстно съ требованіями искусства, — а изображеніе факта, какимъ онъ есть, въ связи съ его причинами и результатами. Узнать и понять существующее — первый шагъ къ перемѣнѣ, разъ что необходимость ея вытекаетъ изъ простаго знакомства съ дѣйствительностью. Искусство, съ своимъ рельефомъ, съ

¹⁾ „Золанизмъ“, С. Темлинскаго. Москва, 1881.

своими свѣтовыми эффе́нтами, съ своимъ могучимъ дѣйстви́емъ на сердца и умы, является здѣсь неоцѣнимымъ союзнникомъ науки, религии, нравственной доктрины. Даже тогда, когда перемена невозможна или возможна только въ отдаленномъ будущемъ, когда зло коренится глубоко въ человѣческой натурѣ, наглядное изображеніе его законно и цѣлесообразно, какъ все, расширяющее нашу умственный горизонтъ, все, вводящее насъ въ тайны природы и жизни. Нѣтъ, однимъ словомъ, такого грязнаго предмета, такого отвратительнаго явленія, такого безразличнаго поступка, которые не могли бы быть затронуты искусствомъ; все дѣло въ томъ, для чего и въ особенности какъ оно ихъ затрону́етъ.

Допустить это общее начало, значитъ признать несправедливость многихъ нападеній противъ Зола. Для насъ совершенно непонятно, какинъ образомъ, напримѣръ, можно было заклеймить «Thérèse Raquin» именемъ: «littérature putride». Больше ужаснаго наказанія, чѣмъ то, которое терпятъ Тереза и Лоранъ, намъ было бы придумать и за самое ужасное преступленіе. Само собою разумѣется, что Зола вовсе не задавалъ себѣ задачи доказать необходимость возмездія, представить въ лицахъ, по извѣстному нѣмецкому выраженію, ein abschreckendes Beispiel; но тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на насъ внутренняя связь между виною и нравственною пыткой, испытываемой людьми, мало расположенными, ковидному, къ угрызениямъ совѣсти. Колоритъ романа такъ мраченъ, впечатлѣніе, производимое имъ, такъ тяжело, что немногія любовныя сцены, разбѣяныя въ его началѣ, не привлекаютъ къ себѣ ничьей фантазіи, даже самой податливой на раздраженія извѣстнаго рода. Рѣзкость этихъ сценъ необходима для характеристики Терезы; лишняя подробностей нѣтъ нигдѣ, исторія отношеній Терезы къ Лорану, до убійства Камилла, рассказана кратко, безъ ненужныхъ остановокъ. Недостатокъ «Thérèse Raquin» — не столько исключительность сюжета, констатированная самимъ Зола (въ предисловіи къ второму изданію романа), сколько мелодраматизмъ нѣкоторыхъ положеній (роль старушки Равенъ, послѣ того, какъ она узнаетъ о виновности Терезы и Лорана) и неискренность психическаго процесса, въ силу котораго образъ убитаго одинаково и въ одно и то же время начинаетъ преслѣдовать обоихъ виновныхъ. Близорукость критики, просмотрѣвшей настоящее значеніе романа, не могла не осердбить Зола, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это воздѣйствовало на всю дальнѣйшую его дѣятельность. Непонятый критикой и публикой, онъ тѣмъ упорнѣе сталъ въ-

ровать въ свое превосходство; обвиненный безъ достаточныхъ оснований въ нарушеніи правилъ, онъ объявляетъ имъ войну не на жизнь, а на смерть. «Возмутительно быть битымъ за ничью вину,—говоритъ онъ въ предисловіи ко второму изданію «Thérèse Raquin»:—я иногда жалѣю, что не нанесалъ ничего непримиримаго—но крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ симпатизировавшихъ меня ударовъ были бы тогда заслужены мною». Въ этихъ словахъ заключается, быть можетъ, ключъ къ многимъ страницамъ ругонъ-макиаровской эпопеи.

Романы, соединенные подъ общимъ именемъ: «Les Rouges-Macquet. Histoire naturelle et sociale d'une famille sous le second empire», могли бы быть названы, безъ большого преувеличенія, исторіей французскаго общества въ эпоху второй имперіи. Однажды избравъ эту тему, рѣшившись истощить ее всю, безъ умолчаній и смягченій, Зола долженъ былъ спуститься до самаго дна ямы, если не выпавшей, то во всякомъ случаѣ значительно углубленной наполеоновскими рокинами. Онъ долженъ былъ натолкнуться на цѣлыя массы гниющихъ вещей, иногда задернутыхъ розовыми покрывалами, иногда ничѣмъ не прикрытыхъ. Присутствіе къ анализу ихъ, воспроизвести передъ нами самый процессъ гніенія и его продукты, Зола имѣлъ полное право; въ этомъ не вина его, а заслуга. У него слишкомъ деликатны чувства, чтобы присутствовать при подобной операціи, тотъ можетъ не подходить близко къ оператору, но не можетъ называть ему своей безразличности и дѣлать его отвѣтственнымъ за свою слабонервность. Когда Зола выводитъ на сцену, въ «Cyrus», такіа фигуры, какъ неразлучникъ Сузанна Гаффнеръ и Аделина Эсманъ, какъ madame de Lantheville, проминивающая... обличеніемъ великосвѣтскихъ дамъ и кавалеровъ, какъ Сидонія Ругонъ, занимающаяся тѣмъ же ремесломъ одною ступенью пониже, онъ пользуется тою свободой, безъ которой невозможно истинно-реалистическое искусство. Когда въ «Levassier» передъ нами проходятъ тѣ сцены, среди которыхъ выросла и развилась Нана, мы чувствуемъ фатальную зависимость телѣсна отъ среды, мы изучаемъ обстановку, естественно создающую надѣвать желавшій. Когда въ «Pot-Bouille» Верта Вабръ почти безъ борьбы отдаетъ Огюсту, мы видимъ въ этомъ логическій результатъ той практической морали, которою напутствуютъ своихъ дѣтей тысячи матерей въ родѣ madame Жоссеравъ. Мы не возражаемъ ни противъ нестройки романа на любви замужней женщины къ своему пасынку («la Cécile»), ни противъ анализа ощущеній, невытискаемыхъ Мартой Муръ у

порт аббата Фома («la Conquête de Plasians»), ни противъ изображенія совместной жизни Жерменъ съ Куно и Лантье («l'Assommoir»), ни противъ введенія въ рассказъ истерическихъ женщинъ («Rob-Bouille»), ни даже противъ такихъ сценъ, какъ умываніе у Нана или туалетъ ея въ театральной уборной. Протестъ наниъ начинается только тогда, когда авторъ останавливается на томъ, что достаточно умалать, повторяетъ много разъ то, о чемъ достаточно упомянуть однажды, растягиваетъ въ длину и ширину описаніе, позволительное лишь подъ условіемъ сдержанности, неслыханно пускаетъ въ ходъ самыя яркія краски своей палитры. Этого не требуетъ реализмъ, это не оправдывается цѣлью, во имя которой работаетъ Зола. Изученіе грязи превращается здѣсь въ размышленіе ея, естественнѣйшій и социологъ становится на одинъ уровень съ фельетонистомъ или репортеромъ порнографической газеты, искусство теряетъ всякую точку соприкосновенія съ наукой. Въ одной изъ своихъ статей объ ультра-реализмѣ Зола ссылается на примѣры греческой трагедіи, въ которой предѣламо извѣстное, кровосмѣшеніе, убійство. Больше явного недоразумѣнія нельзя себѣ и представить. Дѣло, повторяемъ еще разъ, не въ предметѣ, а въ характерѣ отношенія къ нему. Греческіе трагики говорятъ о преступленіяхъ, изображаютъ ихъ послѣдствія, но никогда не описываютъ ихъ съ любовью, никогда не подчеркиваютъ ихъ малѣйшихъ деталей. Общій духъ греческой трагедіи не допускаетъ, притомъ, легкомысленнаго отношенія къ ея сюжетамъ, исключая возможность видѣть скабрешныя ихъ стороны. Въ «Germine Lacerteux» братья Гонкуры вводятъ насъ въ область уличнаго разврата; Эдмонъ Гонкуръ, въ «Fille Elisa», спускается еще ниже; Флоберъ, въ «Madame Bovary», пишетъ скорбный листъ чувственной страсти; но ни одно изъ этихъ произведеній не переступаетъ того предѣла, передъ которымъ даже не всегда останавливается Зола. Ошибки Зола заключаются не въ томъ, что онъ выводитъ на сцену кровосмѣшеніе (въ «Cyrée») или попытку изнасилованія (въ «Bon Excellence Eugène Rougon»), а въ томъ, что онъ посвящаетъ десятки страницъ любовнымъ тайнамъ Рене и Максима, въ томъ, что онъ два раза рассказываетъ всѣ подробности борьбы Ругона съ Клериндой. Нана, по мысли Зола—это ядовитая муха, выросшая среди навоза и смрада парижской нищеты и отравляющая, въ свою очередь, такъ-называемыя высшія сферы Парижа. Мысль превосходная и совершенное вѣрная; но развѣ для обществленія ея необходимо было сочинить цѣлую лѣтопись побѣдъ Нана, фотографировать длинную вереницу ея любовни-

ковъ, случайныхъ и постоянныхъ? Для того, чтобы носить страшную власть Нана надъ графомъ Мюффа, намъ вовсе не нужно видѣть всѣ безцѣлennыя сцены его униженія передъ нуртганкой. Исследуя, въ «Pot-Beuille», причины распространения разврата въ буржуазной средѣ, Зола также вдаётся въ избытокъ деталей, вовсе ненужныхъ для достиженія главной цѣли; назовемъ, для примѣра, нѣсколько разъ повторяющихся сценъ между Октавомъ и Маріей, не дающихъ никакихъ новыхъ матеріаловъ для характеристики дѣйствующихъ лицъ. Марія Пинсонъ, какъ она задумана авторомъ, служить, по крайней мѣрѣ, олицетвореніемъ типа, часто употребляющагося въ французской буржуазіи; но что сказать о madame Жюберъ (въ «Pot-Beuille»), или, какъ ее называютъ Трюбло, «madame Tout ce que vous voudrez, maia pas sa»? Можетъ быть, эта фигура и не вымыслена Зола, но во всякомъ случаѣ она настолько исключительна, что подробному описанію всей заключающейся въ ней грязи не стоило отводить такъ много мѣста. Реалистическій романъ, обнимающій всѣ стороны современной жизни, не могъ не коснуться противуестественныхъ пороковъ; но съ этой трудной частью своей задачи Зола справлялся въ первыхъ своихъ произведеніяхъ гораздо лучше, чѣмъ въ послѣднихъ. Сравнимъ легкій наметъ на причины, по которымъ камердинеръ Баптистъ (въ «Curée») набѣгалъ женскаго общества, съ тою ролью, которая отведена въ «Nana» такъ-называемой Satin и табльдоту улицы des Martyrs, или въ «Pot-Beuille» — отношеніямъ Анжели Камбардонъ къ горничной Лизѣ, — и мы должны будемъ придти къ заключенію, что чувство мѣры все больше и больше жмѣняется Зола. Прямодливецъ его натуры, вмѣстѣ съ жадной успѣха, заставляетъ его закидывать однажды брошенную перчатку все дальше и дальше.

Перчатокъ, такимъ образомъ бросаемыхъ Зола, можно считать нѣсколько. Одна изъ нихъ, которую мы уже рассмотрѣли, относится къ изображеніямъ чувственной страсти, другая — ко всѣмъ остальнымъ отраслямъ неприличнаго. Основная мысль Зола и здѣсь совершенно правильна; усилія его расширить поле свободнаго изслѣдованія, устранить чистое условіе его границы заслуживаютъ полнаго сочувствія. Тажело впечатлѣніе, производимое, напримѣръ, описаніемъ дома въ улицѣ Goutte d'or («l'Assommoir») — этой муравьиной кучѣ, въ которой ползаютъ, среди вѣки и грязи, сотни бѣдняковъ, лишенныхъ свѣта и простора; но авторъ не обязанъ жадить нашихъ нервовъ, разъ что рѣчь идетъ о необходимыхъ, существенныхъ частяхъ картины. Впечатленія, которыя употребляетъ Зола, иногда слишкомъ рѣзки; это

точно цеголяеть словами, неудобными для печати, притягиваетъ ихъ, такъ-сказать, за волосы, повторять ихъ безъ надобности не нѣсколько разъ; но и въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды—иногда, напримѣръ въ «*Assommoir*», грубость формы даже хорошо гармонируетъ съ сюжетомъ. Отталкивающее грязь становится только тогда, когда цѣлыя кучи ея наваливаются передъ нами въ любви къ искусству, когда авторъ переворачиваетъ эти кучи слѣпкомъ усердно и слѣпкомъ долго. Къ чему служить, напримѣръ, знаменитая «симфонія сыровъ» въ «*Ventre de Paris*»? Алевси объясняетъ ее тѣмъ, что весь романъ—симфонія, симфонія фды, брюха, пищеваренія цѣлой столицы. Мы постараемся доказать въ свое время, что это опредѣленіе невѣрно, узко; но еслибы оно и было справедливымъ, то оправданіемъ для описи вонючихъ газовъ мы его все-таки бы не признали. Намъ вовсе не нужно знать, какъ пахнутъ каждый изъ сыровъ, намъ нѣтъ охоты вспоминать запахъ всего того, съ чѣмъ сравниваются ихъ испаренія; никому, конечно, не придетъ въ голову повѣрять чуткость авторскаго носа. Если цѣлью Зола, намъ это можно предположить изъ заключительныхъ словъ «симфоніи», было провести параллель между вонью сыровъ и гадкими сплетнями злыхъ старушенокъ, собравшихся въ подвалѣ, то достигнуть ея можно было бы гораздо лучше и легче, не прибѣгая къ длиннѣйшимъ обязательнымъ этюдамъ. Нѣсколько мѣткихъ штриховъ, изображающихъ не столько самый запахъ сыровъ, сколько положеніе человека, имъ охваченнаго, подействовали бы на читателей гораздо сильнѣе, чѣмъ безконечная канитель названій и сравненій. Другой примѣръ мы заимствуемъ изъ послѣдняго романа Зола, «*Rot-Bouille*». Адель, служанка Жюсерановъ, разрѣшается отъ бремени; процессъ родовъ описанъ на восьми страницахъ, съ непомѣрнымъ обиліемъ деталей, изъ числа которыхъ тщательно выдвинуты на первый планъ не самые характеристическіе, а самые грубые. Анализъ того, что происходитъ въ это время въ душѣ тупой, забитой, несчастной женщины, могъ бы быть въ высшей степени интереснымъ; отрывки его мы находимъ и у Зола, но они тонутъ среди подробностей о томъ, что и какъ болѣло у Адели. Въ статьѣ о Додэ мы имѣли уже случай упомянуть, въ видѣ контраста, о той ужасной сценѣ, когда Жервеа (въ «*Assommoir*»), возвращаясь домой съ Лантье, находить своего мужа пьянымъ и окруженнымъ послѣдствіями пьянства. Нужно прочесть эту сцену, чтобы понять, до какихъ крайностей доходитъ реализмъ Зола. Половина, четверть приводимыхъ имъ деталей были бы вполне достаточны, чтобы объяснить

намъ впечатлѣніе, испытываемое Жервезой; все остальное — диллѣй балластъ, безцѣльное ослѣбленіе эстетическаго чувства, бравада, недостойная серьезнаго писателя. То же самое можно сказать о сценѣ драмы между Вартиніей и Жервезой (въ *Анжюаннѣ*), объ описаніи грязнаго бѣлья (тамъ же), о перебранкѣ прислуги на дворѣ стѣннаго дома Вабротъ (въ *«Pet-Bouille»*). Зола точно говоритъ своимъ противникамъ: «а, вы примасеждаете при видѣ грязн, вы замываете носъ, когда чувствуете дурной запахъ! Такъ вотъ же вамъ цѣлны горы нечистоты, цѣлны коллекціи вонючихъ монетарій! Васъ до сихъ поръ мѣдали, съ вами обращались одинокимъ ибжно; нужно приучить насъ къ атмосферамъ, не либнншей ничего общаго съ надуманнымъ лодукомъ селеновъ». Нолина всегда заманчива; смотрѣть на картинны, рисующія Зола, собираются цѣлны толпы, въ средѣ любителей можно найти и многихъ враговъ ультра-реализма. Небывалыя сочетанія кричащихъ красокъ способствуютъ усиленію картинн, но вмѣстѣ съ тѣмъ обрезають въ нихъ нѣтъ, уменьшая цѣлны ихъ внутреннюю цѣлны.

Переносить въ искусство всю цѣлныствительность — такое основное требованіе натурализма. Изъ этого требованія происходятъ не только увеличеніе числа явленій и предметовъ, подлежащихъ изображенію, но и особая манера изображенія, претендующая на безусловную полноту и строжайшую точность. Описание, лѣтъ его понимаютъ ультра-реалисты, должно приближаться къ жизни, передавая, по возможности, всѣ черты описываемаго, въ признака его. Это такъ-называемая «теорія протокола», противъ которой мы уже много разъ возражали; теперь насъ занимаетъ только вопросъ о томъ, какимъ образомъ примѣняетъ ее на практикѣ самъ Зола. Въ одномъ отношеніи онъ ослѣтся, лиринитъ своей доктринѣ; описаній у него, особенно въ линыхъ романахъ, чрезвычайно много, и они отличаются чрезвычайно длиною. Размѣръ судебной описи зависитъ не отъ составителя ея, а отъ числа и разнообразія подлежащихъ ей предметовъ; романистъ, добросовѣстно обрекающій себя на роль судебного пристава, перестаетъ быть полнымъ господиномъ своего матеріала. Однажды задавъ себѣ задачей воспроизвести, напимѣръ, либнннй видъ колбасной лавны, онъ не считаетъ себя въ правѣ пропустить ли одной категоріи ея товаровъ; единственная уступка, которую онъ можетъ сдѣлать старымъ привычкамъ публики — это. раздѣлить описание на нѣсколькы частей, чтобы уменьшить хоть сколько-нибудь его тяжесть. Не смотря на эту предосторожность, либннры романы Зола — напимѣръ *«le Ventre de Paris»*, *«la Faute*

de l'abbé Momret — поочередно и многократно подъ бременамъ описаній, нагроможденныхъ одно на другое. Въ «Брюхѣ Париска» общій очеркъ главнаго парижскаго рынка (Halles Centrales) служить какъ бы введеніемъ къ длинному ряду фотографическихъ снимковъ съ фруктовъ и рыбныхъ лавокъ, съ парикмахерскихъ и ювелирныхъ выставокъ, съ телегъ, наполненныхъ кисель, повидломъ, утѣшаннымъ дѣтско, подмаломъ, набитыхъ спреми. Въ «Проступѣ аббата Мурэ» описаніе Параду со всеми его алдесми, рондами, цѣвѣнками, занимаетъ почти цѣлую треть книги, подавая читателю массовое наименованій, производя на него впечатлѣніе безвѣнечнаго, во-вѣкъ иллюстрированнаго каталога. Въ концѣ книги каталогъ выступаетъ на сцену еще разъ, когда мы его всего меньше ожидали; передъ нами проходитъ перечень цѣвѣнокъ, среди которыхъ похоронила себя Альбина. Одну и ту же картинку авторъ иногда не только дорисовываетъ, но просто повторяетъ, съ легкими варіаціями; оранжерея въ домѣ Самкара («La Cigée») изображена, наприказъ, два раза. Въ «Assommoir» мы встрѣчаемъ два описанія обѣдовъ, изъ которыхъ одно занимаетъ четырнадцать, другое — тридцать страницъ. Въ большинствѣ случаевъ описанія не нужны для характеристики дѣйствующихъ лицъ, ничѣмъ не связаны съ ходомъ дѣйствія; ихъ можно читать съ одинаковымъ интересомъ — или съ одинаковымъ отсутствіемъ интереса — отдѣльно отъ книги или вмѣстѣ съ нею. Вставая въ «Page d'amour», на заранѣе предназначенныя мѣста, пять описаній Париска, Зола сдѣлалъ попытку пришить ихъ къ разсказу не одними былыми нитями; но эта попытка не удалась, потому что между Парисомъ и нитимною жизнью Елены Гранжанъ, Парисомъ и дѣтскимъ горемъ Жанны нѣтъ ничего общаго. Когда мы смотримъ на Парижъ глазами Растиныка, намѣревающагося сдѣлать изъ него орудіе своего успѣха (последнія страницы «Page Goriot»), глазами Планюса, обывающаго его въ смерти Рислера (последнія страницы «Fromont jeune et Risler aîné»), глазами Аристанда Самкара, намѣчающаго въ немъ линіи будущихъ бульваровъ (въ «Cigée» самого Зола), мы видимъ въ гигантскомъ городѣ какъ бы участника драмы, совершающейся передъ нашими глазами; описаніе его входитъ въ рамки картины, какъ необходимая составная часть ея. Въ «Page d'amour» оно играетъ роль произвольной вставки; въ самой правильности, съ которою оно возвращается, слышится усиліе, чувствуется натяжка. «Высшая механика», которою такъ восхищаются Амичесъ и Алексъ, кажется намъ просто не особенно удачнымъ расчетомъ. Для гим-

наста, увѣреннаго въ своей силѣ, уграженія «на высокой трапезин, безъ предохранительной сѣтки», составляютъ, быть можетъ, источникъ наслажденій, — но въ большинствѣ зрителей они возбуждаютъ противоположное чувство.

Мы говорили до сихъ поръ только о даннѣхъ и подробностяхъ описаній, о мѣстѣ, занимаемомъ ими въ романахъ Зола. Если обратиться къ самому существу описаній, то придется признать, что Зола далеко не всегда выдерживаетъ роль «протоколнста». Онъ изображаетъ весьма часто не только предметъ, но и впечатлѣннѣе, производимое тѣмъ или другимъ свойствомъ, тою или другою стороною предмета. Обыкновеннымъ орудіемъ его служитъ сравненіе, эпитетъ, радъ эпитетовъ. Рыбы, раскрытая наскъ которыхъ вызываетъ мысль «о снѣжкомъ толстой душкѣ, выткнутой изъ горла во время притупляющей агоніи» (*les bœufs arrondis, ouvrent une bouche épaisse, faisant songer à une âme trop grosse, rendue à pleine gorge, dans la stupéfaction de l'agonie*); блѣдно-розовый цвѣтъ, «болѣе скромный чѣмъ горячнѣе близна печально расширившагося волѣна, чѣмъ свѣтъ, брошенный на широкій рукавъ молодой румокъ» (*le rose pâle, plus discret que la blancheur chaude d'un genou entrevu, que la lueur dont un jeune bras éclaire une large manche*); абрикосы, янтарные отбѣны которыхъ напоминаютъ «горячую игру свѣта, точно отъ лучей вечерняго солнца, на затмѣннѣ брометокъ, среди короткихъ, вьющихся волосъ» (*les abricots prenaient des tons d'ambre ces chaleurs de coucher de soleil qui chauffent la nuque des brunes, à l'endroit où frisent de petits cheveux*) — такихъ картинокъ можно найти сколько угодно въ «*Ventre de Paris*», въ «*Faute de l'abbé Montret*». «Блѣзурный свѣтъ» (*une clarté blonde*), «теплая дрожь» (*un frisson tiède*), «сваренныя улицы» (*les rues se creusaient, sombres et somites* — всѣ три цитаты изъ «*Page d'amour*») — что сказать бы Зола, еслибъ встрѣтилъ такіа выраженія у В. Гюго или у одного изъ «гигролатровъ»? Чѣмъ отличаются отъ манеры В. Гюго фразы въ рождъ слѣдующей: «*Paris, qui s'allumait, s'étendait, mélancolique, et profond, apportant les songeries terrifiantes, d'un firmament où pullulent les mondes*»? Объяснить это противурѣчье между словомъ и дѣломъ, между Зола теоретикомъ и Зола-романистомъ, можно только однимъ путемъ. Зола, какъ мы уже видѣли — поклонникъ формы, поклонникъ «мраморнаго и бронзоваго» слога. Онъ знаетъ, по примѣру Флобера, Додэ и Гонкурена, а можетъ быть и по собственному опыту, что «крѣпость и звонъ металла» достигается цѣною громаднаго труда, продол-

зительной, усиленной работы надъ каждой фразой, надъ каждымъ словомъ. Въ такой работѣ—что бы онъ ни говорилъ объ ея необходимости, сколько бы ни кичился ею передъ не-реалистами—онъ не чувствуетъ способности или призванія; онъ любитъ писать быстро, аккуратно, въ определенное время и къ определенному сроку. «Убивать себя стремленіемъ къ совершенству» онъ согласенъ только на словахъ; три страницы въ день, безъ поमारокъ—вотъ истинная формула его труда. Какъ же быть, однако? «Протокальное описаніе», въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отличается отъ настоящаго протокола только языкомъ, только формой; безъ этого условія ему очевидно не остается мѣста въ области искусства. Отнимите, напримѣръ, у большей части описаній Флобера ихъ ритмъ, ихъ музыкальность—они сдѣлаются просто неудобочитаемыми. Ритмъ и музыкальности въ описаніяхъ Зола нѣтъ, снѣжная работа исключаетъ ихъ возможность; нужно было замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь другимъ—вотъ разгадка тѣхъ украшеній, образцы которыхъ приведены нами выше. Чтобы избѣжать безцвѣтности и сухости зауряднаго «протокола», Зола ударился въ противоположную крайность—въ искусственную пестроту, въ вымученное разнообразіе красокъ. Сравненіе—пріемъ по преимуществу субъективный; Полоній, призывающій вслѣдъ за Гамлетомъ сходство облака съ верблюдомъ, съ хорькомъ, съ китомъ, не такъ смѣшонъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Настроенный известнымъ образомъ, я могу увидѣть сходство тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, гдѣ я въ другой разъ самъ его не увижу; я могу убѣдить или не убѣдить другихъ въ существованіи этого сходства, смотря по тому, какъ они настроены въ данную минуту, смотря по тому, насколько и въ какую сторону у нихъ вообще развито воображеніе. Есть, конечно, сравненія, съ нестрашимой силой дѣйствующія на фантазію, освѣщающія предметъ яркимъ, для всѣхъ одинаковымъ свѣтомъ; но ихъ немного, ихъ нельзя создавать по заказу, цѣлыми пригоршнями, нельзя наполнять ими заранее определенное число страницъ. Нанизывая одно уподобленіе на другое, Зола нарушаетъ не только собственную свою теорію—теорію строгаго объективизма,—онъ нарушаетъ, просто художественную правду. Онъ показываетъ намъ дѣйствительность не такую, какою она есть, не такую, какою она отразилась въ его собственныхъ глазахъ при первомъ, непредубѣжденномъ на нее взглядѣ, а такую, какою она вышла изъ искусственной передѣлки и обработки. Сравненіе рыбей пасти съ вылетающею изъ горла толстою душою, розы—съ внезапно раскрывшимся колѣномъ, не могутъ

прийти въ голову сами собою; они очевидно придуманы Зола, придуманы имъ вслѣдствіе предвзвѣтой рѣшимости провести длинный рядъ оригинальныхъ, небывалыхъ параллелей. Оригинальность — вещь хорошая; роза, похожая на волѣно, мѣшѣ банальна, чѣмъ коралловые губы, алебастровыя плечи, — но жизни, наглядности, правды въ новой выдумкѣ столь же мало, какъ и въ старыхъ клише, стертыхъ отъ слишкомъ частаго употребленія. Цѣлыя страницы натянутыхъ сравненій производятъ впечатлѣніе прямо противоположное тому, на которое рассчитывалъ Зола; мы видимъ передъ собою не картину, а самого живописца, чувствуемъ его усилія, осваивемъ глѣза, на которыхъ онъ работаетъ, слышимъ ихъ трескъ и постоянно боимся ихъ паденія.

А между тѣмъ, Зола безспорно обладаетъ, или по крайней мѣрѣ обладалъ, всѣми качествами, необходимыми для мастера описательнаго искусства. Въ нѣкоторыхъ его романахъ, особенно въ болѣе раннихъ, попадаются картины, написанныя съ удивительнымъ изяществомъ или потрясающею силой. Ими набожнена, напримѣръ, первая глава «*La fortune des Rougon*». За прелестной идилліей ночныхъ прогулокъ Сильвера и Миетты слѣдуетъ поразительная страница, изображающая ночное шествіе вооруженной толпы, при звукахъ марсельезы, среди грандіознаго зимняго пейзажа, ярко освѣщеннаго луною. Долина Віорны описана здѣсь, можетъ быть, совершенно согласно съ дѣйствительностью, но она окрашена особымъ колоритомъ, — тѣмъ колоритомъ, въ которомъ она должна была представиться молодому энтузиасту, въ торжественную минуту его жизни. Въ описаніи Плассана, скажемъ, рельефномъ, нѣтъ ни одной черты, которая была бы лишней для пониманія трагикомедіи, разыгрываемой на этой сценѣ семьей Ругоновъ. Салонъ Ругоновъ напоминаетъ лучшія описанія Балзакъ. Назовемъ еще, для примѣра, сцену осмотра разрушаемыхъ домовъ въ «*Curée*», картину благотворительнаго базара въ «*Son Excellence Eugène Rougon*», составленіе кушечковъ въ «*Assommoir*», описаніе пассажа du Pont-neuf въ «*Thérèse Raquin*». Теорія протокола, измѣненная selon les besoins de la scène, приспособленная отчасти къ культу формы, отчасти къ заказной, спѣшной работѣ, обошла Зола не даромъ; она сжала его силу, толкнула его на ложную дорогу. Само собою разумѣется, что и въ протоколно-сравнительныхъ описаніяхъ Зола встрѣчаются сильные мѣста, удачныя подробности; его дарованіе такъ велико, что всегда и вездѣ пробивается наружу; но выше того, что достигнуто имъ въ первомъ романѣ ругоновъ-маккаровскихъ серіи, онъ никогда не поднимался. Мы увидимъ, что помимо

односторонности, обусловливаемой теоріею, этому есть еще и другія причины.

Доктрина экспериментализма проповѣдуетъ пренебреженіе къ фабулѣ, къ внутреннему единству романа, допускаетъ эпизодичность разсказа, слабую связь между его частями. На практикѣ Зола — какъ и Флоберъ, какъ и Гонкуры — идетъ не такъ далеко, какъ этого требуетъ его ученіе. Черезъ его романы почти всегда проходитъ одна главная нить, они почти всегда имѣютъ опредѣленную завязку и развязку. Въ «Thérèse Raquin», въ «Fortune des Rougon» дѣйствіе ведено съ замѣчательною сосредоточенностью и силой; близко подходятъ къ нимъ, въ этомъ отношеніи, «La conquête de Plassans». Большимъ обиліемъ эпизодовъ отличаются «Ventre de Paris» и «Assommoir»; но въ одномъ изъ нихъ все-таки выдвигается на первый планъ судьба Флорана, въ другомъ — судьба Жервезы и ея семейства. Всего слабѣе построены два послѣдніе романа Зола, «Nana» и «Pot-Bouille». Сама Нана служитъ центромъ, около котораго обращаются другія дѣйствующія лица — но этотъ центръ слишкомъ неподвиженъ, однообразіе его отражается и на всемъ остальномъ; длинный рядъ сценъ представляется, въ сущности, повтореніемъ или перестановкой крайне ограниченнаго числа данныхъ. Въ «Pot-Bouille» нѣтъ даже и такого средоточія, какимъ является Нана; Октавъ Муръ — только катупика, на которую наматывается нескончаемая нитка буржуазныхъ «адюльтеровъ». Какими мы встрѣтили участниковъ дѣйствія на первой страницѣ, такими они остаются и до послѣдней строчки романа; Кампардонъ, его жена, Валери Вабръ, madame Гедуанъ, madame Жюзёръ, madame Жоссеранъ, Теофиль, Огюсть, Клотильда, самъ Октавъ — это все стоячая вода, даже количество плѣсени на ней не возрастаетъ. Трюбло съ начала до конца ухаживаетъ за горничными, Башляръ съ начала до конца пьянствуетъ и оберегаетъ свои карманы, Дюверье съ начала до конца ищетъ развлеченій за порогомъ своего слишкомъ музыкальнаго дома. Перемѣна, да и то чисто внѣшняя, происходитъ развѣ только въ одной Бертѣ. Мы рѣшаемся сказать, что главный недостатокъ «Nana» и «Pot-Bouille» — не безнравственность, а просто скука. Пикантныхъ сценъ много и тамъ, и здѣсь, и онѣ-то, вмѣстѣ съ журнальнымъ шумомъ, и привлекаютъ массу; но въ цѣломъ оба романа до утомительности монотонны.

Отрицая въ теоріи всякіе эффекты, т.-е. такіа комбинаціи фактовъ, которыми искусственно усиливалось бы впечатлѣніе, Зола не всегда чуждается ихъ на практикѣ. Не говоря уже о

«Проступки аббата Муре» (сами приверженцы Зола называютъ этотъ романъ «une belle débauche d'art»), не говоря о послѣдней фразѣ Женевьевы въ «Madeleine Féral»: «Dieu le père n'a pas pardonné», не говоря о тѣхъ сценахъ въ «Thérèse Raquin», когда мать убитого, разбитая параличемъ, напрасно старается произнести обвинительное слово противъ убійцы, или съ нѣмымъ торжествомъ присутствуетъ при ихъ самоубійствѣ, — эффектъ, и притомъ изъ числа тѣхъ, которыми французы дали кличку: «tirés par les cheveux», можно найти даже въ «Nana», этой квинтъ-эссенціи ультра-натурализма. Мы имѣемъ въ виду послѣднюю сцену романа, когда Нана умираетъ, обезображенная оспой, а подъ окнами отеля раздаются крики: «à Berlin! à Berlin!» «Венера разлагалась. Ядовитые соки, потчерпнутые ею изъ уличныхъ канавъ, изъ покровительствуемой закономъ падали — тѣ соки, которыми она отравляла цѣлый народъ — точно подымались ей въ лицо и внесли туда свою гнилость». Эффектно также и окончаніе «Assommoir», когда похоронныхъ дѣлъ мастеръ Базушъ, котораго такъ боялась Жервеза въ дни своего счастья, котораго она потомъ, полуномѣшанная отъ голода и горя, умоляла придти за ней какъ можно скорѣе, класть ее въ гробъ, съ траурно-комическихъ прибаутками. Глубокій, истинный трагизмъ той сцены, когда жандармъ Рангадъ, изуродованный Сильверомъ, убиваетъ его, вслѣдъ за несчастнымъ полу-идіотомъ Мургомъ («La fortune des Rougon»), скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается отъ вводныхъ эффектовъ — появленія Аделаиды, совпаденія мѣста убійства съ мѣстомъ свиданія Сильвера и Миетты, и т. п. Сколько ни протестуетъ Зола противъ рутини заурядныхъ романистовъ, онъ самъ не вполне отъ нея свободенъ. Провозглашая необходимость тщательнаго наблюденія, онъ не всегда воздерживается отъ явной шаржировки, отъ сочиненія такихъ фигуръ, подлинника которыхъ дѣйствительность не представляетъ. Таковъ, напримѣръ, братъ Арканжіа въ «Faute de l'abbé Mouret», болѣе годный для фарса, для балагана, чѣмъ для серьезнаго изслѣдованія. Это олицетворенная, сплошная грубость и пошлость, безъ оттѣнковъ, безъ той примѣси наружныхъ приличій, которую всегда приносить съ собою извѣстная одежда, извѣстная профессія. Гдѣ, въ какомъ уголкѣ современной Франціи можно отыскать католическаго монаха, ползающаго на четверенькахъ, хватающагося зубами, въ присутствіи кюре, за колено его пожилой служанки, сующаго ей за пазуху горсть камешковъ, плюющаго на ея юбки? Задуманъ Арканжіа очень хорошо. Зола хотѣлъ показать, какія формы принимаетъ аскетизмъ

въ вѣпкѣ, здоровѣ тѣлѣ, созданномъ для косы, для плуга, для физическаго труда и беззаботнаго веселья, но случайно попавшемъ въ расу, спящую для безкровнаго, слабосильнаго мечтателя. Рядомъ съ другимъ, противоположнымъ типомъ асета—рядомъ съ аббатомъ Мурѣ, живущимъ въ мирѣ фантазіи и почти достигшимъ умерщвленія плоти—монахъ съ натурой и истинными Пантагрюэля могъ бы составить весьма интересный сюжетъ картины; но вмѣсто картины получилась карриатура, намалованная черевъ-чуръ яркими и однообразными красками. Ближе къ карриатурѣ подходятъ и друзья министра въ «*Son Excellence Eugène Rougon*», не отстающіе отъ него ни на шагъ, какъ свадебный поваръ отъ жениха въ какомъ-то французскомъ водевилѣ, и Башларъ или Трюбло въ «*Pot-Bouille*», и крестьяне, выведенные на сцену въ «Преступлѣнн аббата Мурѣ». На этомъ послѣднемъ обстоятельстве стоить остановиться нѣсколько подольше. Зная изъ книги Алексѣ, гдѣ и какъ проходила жизнь Зола, мы не видимъ, чтобы онъ когда-нибудь изучалъ или могъ изучать бытъ французской деревни, и притомъ именно деревни южной, провансальской. Дѣтство и первую молодость онъ проводитъ въ Э, восемнадцати лѣтъ отъ роду переселяется въ Парижъ, скоро перестаетъ ѣздить на югъ даже на лѣто, во время осады Парижа живетъ въ Марсели, потомъ опять возвращается въ Парижъ и начинаетъ совершать канникулярныя экскурсіи только съ 1875 г., т.-е. послѣ выхода въ свѣтъ «Преступлѣнн аббата Мурѣ». Алексѣ рассказываетъ весьма подробно, какимъ образомъ Зола, готовясь къ этому роману, собиралъ свѣдѣнія о бытѣ католическаго духовенства, посѣщалъ церкви, читалъ «*Imitation de Jésus-Christ*»; но о способѣ изслѣдованія деревни, играющей не маловажную роль въ романѣ, онъ не говоритъ ни слова—конечно потому, что такого изслѣдованія и не было вовсе, что его замѣнили отрывочныя воспоминанія о прогулкахъ въ окрестностяхъ Э, въ связи, можетъ быть, съ впечатлѣніемъ балзаковскихъ «*Paupers*». Что сказали бы мы о русскомъ писателѣ, который сталъ бы изображать русскую деревню, никогда не видавъ крестьянъ близки, зная ихъ только по слышкѣ? Французскій крестьянинъ—типъ не менѣе сложный, тѣмъ русскій; парижскіе рабочіе, боже-о-боже съ которыми, по словамъ Алексѣ, долго жилъ Зола, на него вовсе не похожи. Не затрудняя себя долгими приготовительными работами, Зола выбралъ небольшое количество красокъ и набросалъ, нѣсколькими ударами кисти, однообразную, но весьма опредѣленную картину. Хитрость, чувственность, грубость—вогъ три свойства, которыми онъ надѣлилъ

безразлично всѣхъ крестьянъ деревни Арто. Въ видѣніяхъ аббата Муре она не даромъ представляется, два раза, какъ куча людей, занятыхъ исключительно саморасположеніемъ. Розали Брише смѣется надъ гробомъ своего перворожденного ребенка, масленными глазами переглядываясь съ только-что завоеваннымъ мужемъ. Старикъ Брише готовъ убить свою дочь не за то, что она ввела любовника, а за то, что этотъ любовникъ слишкомъ бѣденъ. Всѣ крестьяне, появляющіеся въ романѣ—немногимъ больше чѣмъ вѣтри; истинно человѣческой черты нѣтъ ни въ одномъ изъ нихъ. Въ какой степени отразилось здѣсь общее міросозерцаніе Зола—это мы еще увидимъ; но картина нравовъ французскаго крестьянства въ «Проступки аббата Муре» несомнѣнно вышла бы менѣе одноцвѣтной, если бы въ основаніе ея, согласно рецепту натурализма—или, лучше сказать, согласно общимъ требованіямъ искусства—было положено дѣйствительное наблюденіе.

Помимо утрировки нѣкоторыхъ характеровъ, недостатковъ наблюденія замѣтенъ иногда и въ ходѣ разсказа, въ неправдоподобности приводимыхъ авторомъ фактовъ. Можетъ ли быть, напримѣръ, чтобы одинъ изъ главныхъ приверженцевъ имперіи, зная о задуманномъ покушеніи на жизнь императора, не довелъ о немъ до свѣдѣнія полиціи, въ томъ расчетѣ, что паника, вызванная покушеніемъ, проложитъ ему дорогу къ власти? Не могъ же онъ предвидѣть, что покушеніе не удастся—а смерть императора была бы гибелью для Эжена Ругона, или по крайней мѣрѣ для честолюбивыхъ надеждъ его. Да и въ случаѣ неудачи покушенія, разве дѣло репрессій не могло попасть въ другія руки? Въ министрахъ à рѳіге бонапартистскій режимъ никогда не могъ встрѣтить недостатка. Не подвергался ли, наконецъ, Ругонъ еще и той опасности, что Жильеанъ, отъ котораго онъ узналъ о заговорѣ, донесетъ о немъ куда слѣдуетъ, да еще съ прибавкой, что Ругону давно уже все извѣстно? Какъ объясняетъ бы Ругонъ, въ такомъ случаѣ, свое молчаніе? Не ясно ли, что весь этотъ эпизодъ придуманъ Зола безъ всякой фактической основы, и придуманъ, притомъ, съ явнымъ нарушеніемъ вѣроятности, общей и частной? Меньше всего могъ поступить такимъ образомъ именно Эженъ Ругонъ, вовсе непохожій на азартнаго игрока, ставящаго цѣлое состояніе на одну невѣрную карту. Болѣе возможна, но также крайне невѣроятна та настойчивость, съ которою Ругонъ заступається за своихъ друзей въ разговорѣ съ императоромъ, отвѣчая на просьбу объ увольненіи дю-Пуаза просьбой о назначеніи ему почетной награды.

Мы не видимъ услугъ, оказываемыхъ Ругону его друзьями; мы видимъ только, какъ они его преслѣдуютъ и компрометируютъ; мы-же чего же онъ могъ рисковать для нихъ своимъ положеніемъ? Не изъ привязанности же къ нимъ, о которой не можетъ быть и рѣчи; не изъ принципа: *dominant-dominant*, такъ какъ они не даютъ ему ровно ничего. Есть указаніе на то, что онъ дорожилъ ими изъ привычки къ лестнѣ, которою они его окружали; не лестницъ во времена второй имперіи всемогущій министръ всегда могъ найти сколько угодно. Незбромтна, дальше, одновременная имѣла всѣхъ друзей Ругона; судя по прошедшему, они могли знать, или по крайней мѣрѣ предполагать, что онъ падаетъ только на время и скоро опять станетъ на ноги. Ослабъ можетъ ударить большого льва только тогда, когда вполне убѣжденъ, что онъ не выдюжитъ—а этого убѣжденія не могло быть у ех-друзей Ругона. Мы желали бы знать, имѣлись ли у Зола, въ числѣ другихъ «документовъ», достовѣрные свѣдѣнія о возможности такихъ интригъ, какъ напримѣръ мнимая атака Маккара на пlassenскую мерю, придуманная Фелиси Ругонъ для мнимого возмущенія Пьера («*La Fortune des Rougon*»), или тайное освобожденіе Мура изъ дома умалишенныхъ, устроенное Маккаромъ по соглашенію съ аббатомъ Фенилемъ («*La conquête de Plassans*»). Если такихъ свѣдѣній нѣтъ, то оба мнимыхъ минатъ нельзя назвать удачными. Вернуться Маккару было весьма опасно, да и атака легко могла перейти изъ мнимой въ дѣйствительную; еще менѣе правдоподобно участіе аббата Фениля въ освобожденіи Мура. Какъ бы велика ни была ненависть Фениля къ Фоме, она едва ли доходила до желанія убійства или поджога; заранѣе предвидѣть и расчитать дѣйствія сумасшедшаго не было, притомъ, никакой возможности. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что истина принесена здѣсь въ жертву эффекту, заканчивающему романъ—ужасной сценѣ неволеи Мура надъ Фомою и гибели обоихъ среди пожара. Домъ въ улицѣ Шуазель—мѣсто дѣйствія «*Rot-Bouille*»—едва ли списанъ Зола съ натуры; соединеніе подъ одной крышей всѣхъ видовъ лицемѣрнаго, скрытаго разврата едва ли существуетъ въ дѣйствительности съ тою полнотою, какую авторъ въ данномъ случаѣ признавалъ для себя удобной.

Принадлежныхъ жани прикѣтовъ достаточно, чтобы показать, что Зола не настолько новаторъ, какъ можно было бы думать, судя по его доктринамъ. Стѣсняя его свободу, останавливая, по временамъ, размахъ его таланта, она не всегда предохраняетъ его отъ тѣхъ ошибокъ, въ которыхъ впадаютъ писатели противу-

наложной партіи. Не въ этомъ, однако, заключается главный вопросъ, насъ занимающій. Эстетическія воззрѣнія романиста могутъ служить для него опорой или помѣхой, но не отъ нихъ, въ концѣ концовъ, зависитъ его сила или его слабость. Создать высоко-художественные образы, достигнуть крайней высоты или глубины психическаго анализа, бросить яркій свѣтъ на генезисъ страстей, на источники общественныхъ болѣзней, на условія личнаго и общаго счастья, можетъ и реалистъ, и идеалистъ; исходная точка или приѣмъ работы здѣсь ничего не предвѣщаетъ. Чтобы оцѣнить Зола по достоинству, необходимо изучить въ немъ не столько главу литературной школы, не столько автора и слугу экспериментальной теоріи, сколько даровитаго писателя, посвятившаго себя изслѣдованію современнаго человѣка и современнаго общества. Ошибка критиковъ—все равно, принадлежатъ ли они къ числу друзей или враговъ Зола—состоитъ, болѣею частью, въ томъ, что они мало обращаютъ вниманія на эту сторону вопроса. Друзья Зола восхищаются его силой, его свободой отъ предрассудковъ, яркимъ колоритомъ его описаній; враги Зола, обвиняя его въ безразличности, въ выискиваніи однихъ только грязныхъ, отталкивающихъ сторонъ жизни, упускаютъ изъ виду или обходятъ молчаніемъ все то, что не можетъ служить подтвержденіемъ этихъ обвиненій. Самая широкая задача, которую поставилъ себѣ Зола, облизываетъ въ болѣе анимательному разсмотрѣнію его романовъ. Удалось ли ему, и въ какой мѣрѣ, иллюстрировать, путемъ беллетристики, великій фізіогическій законъ наслѣдственности, изобразить, въ исторіи одной семьи, типическія черты современнаго французскаго общества?

«Я постараюсь найти и прослѣдить, разрѣшая въ одно и то же время вопросъ темперамента и вопросъ среды, ту нить, которая ведетъ математически отъ одного человѣка къ другому». Такова, по опредѣленію самого Зола, задача романовъ, соединенныхъ надъ общимъ именемъ «Ругонъ-Маккаровъ». «Наслѣдственность, какъ тяготѣніе, имѣетъ свои законы»; исторія семьи, избранной Зола, должна показать дѣйствіе этихъ законовъ, условное влияние времени и мѣста. Для болѣе наглядности, къ восьмому роману серіи («Une page d'amour») приложена родословная Ругонъ-Маккаровъ. Изъ числа двадцати-шести лицъ, вошедшихъ въ составъ этой родословной, двадцать уже введены на сцену въ вышедшихъ до сихъ поръ десяти романахъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ мы встрѣтимся, вѣроятно, еще разъ, въ дальнѣйшихъ

частяхъ сери, но характеръ каждаго обрисованъ уже и теперь съ достаточною ясностью.

Отецъ Аделаиды Фуль, отъ которой происходятъ и Ругонъ, и Маккари, умеръ сумасшедшимъ. Она сама уже въ дѣтствѣ была «странной», вышла замужъ за перваго попавшагося ей подъ руку мужчину, послѣ его смерти такъ же скоро и безотчетно отдалась любовнику. Судорожные припадки, которыми она стала подвергаться послѣ первыхъ родовъ, окончательно сбили ее натуру; она жила со дня на день, въ бездѣйствіи, точно въ полуснѣ, безучастная ко всему, «какъ ребенокъ, какъ ласковое животное, уступающее своимъ истинностямъ». Смерть Маккари, жестокое обращеніе старшаго сына, долгое одиночество, воздая любовь въ внуку (Сильверу)—все это проходитъ для нея почти бесслѣдно; въ глубокой старости ея, какъ и въ молодые годы, длинные періоды прощанія нарушаются только страшными нервными кризисами, и жизнь ея въ домѣ уменьшенныхъ нѣтъ (существенно не отличается отъ жизни въ переулкѣ Сентъ-Митръ. Изъ числа ея потомковъ, двое внуковъ—Марта Ругонъ и Франсуа Муръ (сынъ Урсулы Маккари)—также кончаютъ сумасшествіемъ, правнучка, Дезире Муръ—идиотизмомъ; недалеко отъ помѣшательства, въ формѣ религіозной монаманіи, и братъ Дезире, аббатъ Сержъ Муръ. Другая правнучка Аделаиды, Жанна Гранжанъ, страдаетъ нервною болѣзью и рано умираетъ. У лавицы Антуана Маккари (побочнаго сына Аделаиды) рождается дочь Жервеза, также нѣмая запоемъ; у дочери Жервезы, Нана, пьянство матери и отца (Купо) перерождается, по опредѣленію родословной, въ истеричность. Болѣзненно воспримчивыми могутъ быть названы еще Клодъ Лантье (сынъ Жервезы и перваго ея любовника) и Сильверъ Муръ (младній братъ сумасшедшаго Франсуа), болѣзненно женственныиъ—Максимъ Ругонъ (правнукъ Аделаиды). Всѣ остальные, знакомые намъ члены семьи—Пьеръ Ругонъ и его три сына, дочь его Сидонія, Октавъ Муръ, Елена Гранжанъ, Лиза Кеню—не носятъ на себѣ никакихъ опредѣленныхъ слѣдовъ происхожденія отъ Аделаиды. Что такое, напримѣръ, Октавъ Муръ? Веселый, пустой напѣвъ, герой аршина и пяди, побѣдитель легко сдающихся женскихъ сердецъ, ни въ чемъ не похожій ни на пылкую, неравную, всю поглощенную однимъ чувствомъ мать, ни на отца, человека привычки и семейнаго очага, ни на друзей Ругонъ и Маккари, отъ которыхъ онъ происходитъ. Много ли тонокъ соприкосновенія между Лизой Кеню, воплощеніемъ флегматичнаго спокойствія, убогаго чувства долга, холоднаго разсчета, и той надломанной, надтрес-

нужей во всѣхъ направленіяхъ смысла, въ которой авторъ ее причисляетъ? Если вѣрить Зола, Лиза была настоящей Маккаръ, но Маккаръ рассудительною, упертою, убѣдившеюся въ томъ, что лучший способъ хорошо, сладко заснуть—приготовить себя собственными руками мягкую постель. Сходство между отцомъ и дочерью сведется здѣсь, въ концѣ концовъ, къ тому, что они оба были эгоистами, любителями сладкой ѣды, матеріальнаго комфорта; но въ этой формѣ оно принимаетъ черезъ-чуръ общій характеръ и перестаетъ служить иллюстраціей наслѣдственности. Нѣкоторые части рюгонъ-маккаревской серии являются, такимъ образомъ, совершенно оторванными отъ фізіологической ея темы «Pot-Bouille», напримѣръ, не поднимаетъ насъ ни на шагъ впередъ въ пониманіи нити, «математически ведущей» отъ предковъ къ потомкамъ и предвѣщающей, до нѣкоторой степени, судьбу человека. Въ другихъ случаяхъ изученію этой нити вредитъ блѣдность фигуры, связанныхъ ею съ цѣлями. Такова, напримѣръ, фигура Кледа Лантье; роль его въ «Брюлль Парижа» совершенно эпизодична, исторія его развитія остается неизвѣстной, особенности его натуры, его таланта намѣчены лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Иногда, наконецъ, исполненіе не вполне соответствуетъ намѣренію автора. Мы узнаемъ изъ родословной, что Зола хотѣлъ изобразить въ Нана истеричность, имѣющую источникъ въ изнѣствѣ родителей; на самомъ дѣлѣ, однако, Нана была вовсе не истеричною, а наоборотъ, физически здоровой женщиной. Ея развратъ—дѣло воспитанія и привычки, а не болѣзненно-расторможенного темперамента.

Все указанное нами до сихъ поръ—недосмотръ или недодѣлки въ деталяхъ; гораздо серьезнѣе недостатки самого замысла, составляющаго первую основу рюгонъ-маккаревской эпопеи. Искусство—не наука; оно имѣетъ свои цѣли, свои условія, свои приемы. Для науки одинаково важны и интересны всѣ факты, разъясняющіе вопросъ о наслѣдственности; чѣмъ больше ихъ масса, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ легче отдѣлать случайное отъ постоянного, вѣроятное отъ достовернаго, тѣмъ легче возвести разнородную догадку на степень научной гипотезы, гипотезу—на степень безспорнаго положенія. Однообразие данныхъ не въ тягость для ученаго; оно можетъ даже получить въ его глазахъ высокую цѣнность, какъ доказательство причинной связи между двумя категоріями явленій. Каждый скачокъ, посредствомъ котораго болѣзнь, уродливость, нравична порожденья отъ дѣда къ внуку, отъ прадѣда къ правнуку, минуя промежуточные поколѣнія, заслуживаетъ самъ по себѣ научнаго изслѣдованія и

будеть заслуживать его до тѣхъ поръ, пока въ атаксизмъ не останется ничего тайнаго, ничего непонятнаго для биологовъ. Далеко не такимъ представляется положеніе искусства; въ его область наследственность входитъ лишь на столько, на сколько ею обуславливается развитіе характера, на сколько ею объясняется любопытный психическій процессъ, типическая индивидуальность. Голый фактъ перехода по наследству того или другого надуга, той или другой физиологической особенности — не тема для романа, цѣлый рядъ подобныхъ фактовъ — еще менѣе. Скажите врачу или физиологу, что дѣвочка, родившаяся отъ здоровыхъ родителей, выросшая при самой благопріятной обстановкѣ, заболѣла такою же точно болѣзью, какою страдала ее прабаба; вы непременно заинтересуете его этимъ сообщеніемъ, если только онъ когда-либо задумывался надъ вопросомъ о наследственности. Перенесенное въ сферу романа, тоже самое обстоятельство окажется лишеннымъ всякаго значенія. Впечатлѣніе, производимое, первыми припадками Жанны Гранжанъ (въ «Page d'amour»), не становится болѣе сильнымъ вслѣдствіе того, что она наследовала ихъ отъ Аделанди Фукъ. Жанна — одна изъ самыхъ удачныхъ фигуръ, созданныхъ Зола; но интересъ, возбуждаемый ею, не имѣетъ ничего общаго съ ея происхожденіемъ. Замѣчательнъ не ходъ болѣзни, фатально сводящей ее въ могилу — замѣчательна картина ревности, съ которою смѣшана въ Жаннѣ любовь къ матери, картина нравственныхъ мученій, изъ которыхъ она выходитъ сначала преждевременно и односторонне созрѣвшей, потомъ преждевременно отжившей. Конечно, такая ненормальная интенсивность душевной жизни возможна только въ глубоко-погрязшемъ, болѣзненнымъ организмѣ; но унаследована ли болѣзненность, и отъ кого именно, — это въ данномъ случаѣ совершенно безразлично. «Страница любви» не потеряла бы ровно ничего, еслибы составляла самостоятельное, замкнутое цѣлое; она соединена съ другими частями серіи чисто внѣшней, произвольною связью. Въ матери Жанны, Еленѣ Гранжанъ, нѣтъ ни одной ругоновской или мажаровской черты. Увлеченіе ея докторомъ Деберлемъ вовсе не такъ странно, чтобы можно было считать его — какъ этого, вѣроятно, желаетъ Зола — признакомъ испорченной крови. Мужъ Елены былъ для нея только другомъ; продолжительное вдовство, уединенная, однообразная, нѣтъ-къ-чему не наполненная жизнь приготовили ту почву, на которой съ чрезвычайной силой и быстротой должно было разгорѣться небывалое прежде чувство. Когда Елена, на могилѣ своей дочери, вспоминаетъ объ Анри, ей кажется, что она его не знала, что онъ былъ для нея чужимъ,

что ее бросила въ его объятія какая-то непостижимая, вражеская сила. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ не то; сближеніе Деберля и Елены произошло вполне естественно, постепенно, она знала его гораздо лучше и больше, чѣмъ знаютъ въ моментъ свадьбы своихъ мужей большинство французскихъ женщинъ.

Наслѣдственность расположенія къ пьянству, какъ и вообще вліяніе пьянства родителей на организмъ дѣтей—ужасный, гротескный фактъ, справедливо освобочивающій не только медиковъ и гигиенистовъ, но и статистиковъ, социологовъ, политическихъ дѣятелей. Слѣдуетъ ли отсюда, что онъ составляетъ хорошую тему для романа? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить «Автоматоизмъ» Зола. Нисколько не отрицая значенія этой книги, мы думаемъ, что оно коренится не въ наслѣдственности порока, губительнаго для Купо и Жервези. «Я хотѣлъ изобразить,—говоритъ Зола въ предисловіи къ «Автоматоизму»,—фатальное паденіе рабочей семьи въ затуманенной средѣ нашихъ предмѣстій. Пьянство и праздность ведутъ къ ослабленію семейныхъ узъ, къ нечистотамъ скученности, къ постепенному угасанію честныхъ чувствъ, наконецъ,—къ стыду и смерти». Это задача чисто социальная, не нуждающаяся въ патологической подкладкѣ. «Мораль въ дѣйствіи», какъ называетъ Зола содержаніе своей книги, производила бы еще болѣе сильное впечатлѣніе, еслибы пьянство Купо и Жервези можно было приписать всецѣло «затуманенной средѣ», въ которую они обхвачившей. Теперь можно предположить, что Купо рано или поздно занялъ бы и при другихъ обстоятельствахъ, что Жервеза, пристрастившаяся къ вину еще дѣвочкой, по примѣру матери и вмѣстѣ съ нею, непремѣнно возвратилась бы къ старой, все сильной привычкѣ, хотя бы вся жизнь ея прошла вдали отъ парижскихъ предмѣстій. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тысячи изъ числа парижскихъ рабочихъ, ежегодно падающихъ жертвами полынней воды, родились гдѣ-нибудь въ провинціи, отъ здоровыхъ, трезвыхъ родителей, что между предками ихъ не было ни одного пьяницы, что ровесную лѣтницу пьянства, съ первой ступеньки до послѣдней, они прошли сами, исключительно подъ вліяніемъ ненормальныхъ общественныхъ условий. Судьба такихъ рабочихъ поразила бы насъ еще болѣе, чѣмъ судьба Купо и Жервези, и не оставила бы мѣста для предположеній, о которыхъ мы только что упомянули ¹⁾. Все, что есть цѣн-

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что впечатлѣнію, которое имѣлъ въ виду Зола, предать отчасти еще одно обстоятельство. Купо начинаетъ пить вслѣдствіе случайности; еслибы онъ не узналъ съ женой, еслибы медленное излдоровленіе не пришло его изъ праздноствія, его судьба и судьба его семьи могла бы быть совершенно другою.

наго въ «Assommoir», сохранило бы, во всякомъ случаѣ, всю свою силу, еслибы жена Купо и не была внучкой Аделанды Фуль, дочерью Антуана Маккара. Если смотрѣть на ругонъ-маккаровскую серію, какъ на исторію французскаго общества во время второй имперіи, — «Assommoir» является весьма существенною составною ея частью; если смотрѣть на нее какъ на демонстрацію наслѣдственности, какъ на исторію переходящей изъ рода въ родъ нервной болѣзни, то значеніе въ ней «Assommoir» равно нулю. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать заслугой со стороны романиста сто-первую вариацию на всѣмъ извѣстную тему: «дѣти пьяницъ также иногда бываютъ пьяницами». Еслибы реализмъ ограничивался разработкой подобныхъ темъ, ему оставалось бы только перейти отъ нихъ къ слѣдующимъ сюжетамъ: «у бѣлокурныхъ родителей рождаются большею частью бѣлокурныя дѣти», «у отца, имѣющаго на рукѣ лишній палецъ, можетъ родиться сынъ съ такимъ же придаткомъ», и т. п.

Самую выдающуюся роль вопросъ о наслѣдственности играетъ въ «Завоеваніи Плассана». Въ однообразную, безцвѣтную, но спокойную жизнь мирныхъ буржуа внезапно проникаетъ разлагающій элементъ, въ лицѣ одного изъ тѣхъ представителей «воннствующаго» духовенства, неразборчивость которыхъ въ выборѣ средствъ не выкупается даже мнимымъ величіемъ цѣли. Чтобы сдѣлаться властелиномъ Плассана — властелиномъ политическимъ, а не духовнымъ, — аббату Фожа нужно прежде всего стать твердой ногой въ домѣ своихъ хозяевъ. Мурѣ, любопытный и праздный, открываетъ ему доступъ въ интимную жизнь семьи; но эта первая подпорка скоро отбрасывается въ сторону за неважною, и замѣняется другою, болѣе прочною. Прямо дѣйствуя на набожность, косвенно — на чувственность Марты, аббатъ отнимаетъ у Франсуа Мурѣ сначала привязанность жены и дѣтей, потомъ первое мѣсто въ управленіи домоу, наконецъ всѣ привычки, изъ которыхъ только и слагалось мелкое, узкое его существованіе. Драма, такимъ образомъ завязанная, усложняется тою формою, которую принимаетъ любовный бредъ Марты. Неудовлетворенная, поздно проснувшаяся страсть встрѣчаетъ страшную поддержку въ хрупкихъ, натанутыхъ нервахъ, унаслѣдованныхъ Мартой отъ бабки, Аделанды. Лишенная наслажденій, она хочетъ страдать, сама наноситъ себѣ раны и побои, и затѣмъ, на пошловину сознательно, обвиняетъ или позволяетъ обвинять въ нихъ не въ чемъ неповиннаго мужа. Франсуа Мурѣ начинаютъ считать сумасшедшимъ — и это, вмѣстѣ съ прежней

нравственной ниткой, вмѣстѣ съ вѣнцомъ почтенныхъ бѣснованій Марты, вмѣстѣ съ происхожденіемъ отъ сумасшедшей бабки (мать Франсуа, Урсула Маккаръ—дочь Аделанды Фуки), дѣйствительно доводитъ его до сумасшествія. Нужно отдать справедливость Зола; развитіе болѣзни, постигающей сначала жену, потомъ мужа (хотя жену всѣ считаютъ здоровой, а мужа преждевременно причисляютъ къ больнымъ), изображено съ замѣчательною силой, и, что всего важнѣе, — не столько во внѣшнихъ признакахъ и проявленіяхъ ея, сколько въ тѣхъ скрытыхъ нитяхъ, которыя соединяютъ ее съ душевною жизнью, съ нравственными муками несчастныхъ. Наслѣдственное предрасположеніе къ умственному разстройству является и у Франсуа, и у Марты послѣдней каплей, переполняющей чашу. Предсмертную болѣзнь Куно, въ «Автоматѣ», Зола описываетъ такъ, какъ могъ бы описать ее всякій наблюдательный, хорошо владѣющій перомъ медикъ; скорбный листъ Франсуа и Марты Муре написанъ художникомъ, мастеромъ психическаго анализа. И все-таки мы рѣшаемся утверждать, что даже «Завоеваніе Плассана» могло бы быть произведеніемъ еще болѣе крупнымъ, если бы на заднемъ его планѣ не стояла фигура Аделанды Фуки и мысль о «névrose originelle». Мы лишились бы нѣсколькихъ эффектныхъ сценъ (свиданія Марты съ Франсуа въ домѣ умиленныхъ, поджога и убійства, совершаемыхъ Франсуа), но получили бы за то, можетъ быть, болѣе жизненную, болѣе простую, хотя и не менѣе драматическую развязку. Всѣ главныя дѣйствующія лица — Фожа, Франсуа, Марта — погибаютъ въ одной финальной катастрофѣ, какъ герои романтической трагедіи или сенсационнаго романа. Дальше оставался на сценѣ и слѣди съ нея не при бенгальскихъ огняхъ и колокольномъ звонѣ, они могли бы прибавить нѣсколько драгоцѣнныхъ штриховъ къ картинѣ провинціальныхъ нравовъ, составляющей, какъ мы увидимъ, главную силу «Завоеванія Плассана». Марта и Франсуа, оставленные лицомъ къ лицу съ своими воспоминаніями, прикованные къ постылому для обожъ домашнему очагу, погруженные въ тину будничнаго Einerlei, безъ всего того, чѣмъ оно прежде срашивалось въ ихъ глазахъ; Фожа, достигшій цѣли, но постоянно дрожащій за приобрѣтенную власть, подтачиваемый враждой Фениля, антипатіей епископа, скандалами Трушье, борьбою разнородныхъ, плохо склеенныхъ между собою элементовъ — неужели эти фигуры, въ рукахъ Зола, были бы менѣе интересны, чѣмъ бѣшеный звѣрь, грызущій Фожа на лѣстницѣ пылающаго дома, или Марта, умирающая при заревѣ пожара?

Указывать на возможность иного плана, иной развязки — задача крайне благодарная и болѣею частью совершенно излишняя, мы это знаемъ; мы сдѣлали это только потому, что исходъ нѣкоторыхъ романовъ Зола заранее предрѣшенъ — и предрѣшенъ не въ ихъ пользу — основной его ошибкой. Наслѣдственность болѣзней — не такой центръ, около котораго удобно могла бы обращаться цѣлая серия романовъ.

Еслибы мысль, которую мы старались доказывать до сихъ поръ, и была ошибочна, исходную точку Зола слѣдовало бы признавать не исполнѣ удачной по другой причинѣ. «Первичный неврозъ» (*névrose originelle*), которымъ страдаетъ Аделанда Фуки и который отражается на болѣшинствѣ ея потомковъ, является совершенно необъясненнымъ. Первичнымъ онъ можетъ быть названъ только не отношенію къ серии болѣзней, послѣдуемыхъ Зола, но не самъ по себѣ; первое разстройство унаслѣдовано Аделандой отъ отца, о которомъ мы знаемъ ничего не знаемъ, кромѣ того, что онъ умеръ сумасшедшимъ. Понятно, что этимъ значительно уменьшается значеніе руговъ-макиаровскихъ романовъ, если разсматривать ихъ, согласно съ желаніемъ Зола, какъ отъодъ о наслѣдственности и ея законахъ. Не зная источника болѣзни, составляющей первое звено непрерывной цѣпи, мы не можемъ судить о томъ, въ какой степени вѣрно изображены ея фазисы. Мы читаемъ въ родословной, противъ имени Марти Муре: «*Hérédité en retour sautant une génération*», противъ имени Жанны Гранжанъ: «*Hérédité en retour sautant deux générations*»; но гдѣ же основаніе утверждать, въ виду наслѣдственности невроза у самой Аделанды, что Марта или Жанна — повтореніе именно Аделанды, а не ея отца, что скачовъ сдѣлалъ въ первомъ случаѣ черезъ одно, а не черезъ два, во второмъ случаѣ — черезъ два, а не черезъ три поколѣнія?

Задача Зола не ограничивается описаніемъ явленій наслѣдственности; онъ претендуетъ на наученіе ея законамъ. Эта претензія такъ и остается претензіей; мы видимъ переходъ по наслѣдству нервныхъ разстройствъ, органическихъ поврежденій, но не видимъ, чѣмъ обуславливается онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, почему болѣзнь постигаетъ однихъ, щадитъ другихъ, въ силу чего принимаетъ ту или другую форму. Возьмемъ, напримѣръ, Лизу Кеню и Жервеу Купо, столь мало похожихъ другъ на друга; онѣ — родныя сестры, первая старше второй только на одинъ годъ, въ обѣихъ преобладаетъ сходство съ матерью. Правда, воспитаніе ихъ, начиная съ восьми-десяти лѣтъ, пошло по разнымъ дорогамъ; Лиза была взята подъ кры-

лишью доброй, разсудительной старушки, Жервеа осталась под паливой Маккара, среди соблазновъ плавсавской улицы и мастерской — но различіе натуръ обрисовалось еще въ то время, когда сестры не выходили изъ отцовскаго дома. Въ какихъ фзіологическихъ законахъ слѣдуетъ искать его разгадку — на это мы не находимъ у Зола даже намёка, кромѣ предположенія о моментѣ зачатія Жервеа; но съ этимъ предположеніемъ плохо вяжется упругость и устойчивость натуры, долго выдерживающей неблагоприятныя условія и противодѣйствующей разрушенію. Еще меньше объяснено глубокое различіе между Октавомъ и Сержемъ Муре, сыновьями Франсуа и Мартин. Октавъ, сказано въ родословной, больше похожъ на отца, Сержъ — на мать; но вѣдь отецъ и мать оба принадлежали къ числу потомковъ Аделаиды, наиболѣе удрученныхъ бременемъ ея наслѣдства. Какимъ образомъ отъ такой четы могъ родиться уравновѣшенный, спокойный, здоровый, хотя и мелко плавающий Октавъ — это остается совершенно непонятнымъ. Гораздо болѣе естественнымъ представляется рожденіе отъ нея полу-идіотки Девире; и здѣсь, однако, передъ нами проходитъ только обычное, знакомое явленіе, безъ всякихъ указаній на его спеціальныя причины. У Франсуа Муре есть братъ, Сильверъ, и сестра, Елена Гранжанъ; что сдѣлало двухъ послѣднихъ глубоко отличными отъ перваго — мы не знаемъ. Обвинять Зола за то, что ругонъ-маккаровская эпопея не раскрываетъ передъ нами законовъ наслѣдственности, было бы, безъ сомнѣнія, несправедливо; ихъ ищутъ еще и наука, лишь недавно убѣдившаяся въ ихъ существованіи. Констатируя неудачу, понесенную Зола на этомъ пунктѣ, мы хотѣли только установить, что искусство не можетъ проникнуть въ чуждую для него сферу, не можетъ сразу овладѣть тѣмъ, что пріобрѣтается многолѣтними учеными изслѣдованіями. Геніальная гипотеза можетъ опередить фактическое знаніе, можетъ выставить смѣлое положеніе, предоставляя будущему пріиспаніе для него точныхъ доказательствъ; но это должно быть во всякомъ случаѣ гипотеза *научная*, т. е. основанная на достаточномъ числѣ несомнѣнныхъ научныхъ данныхъ. «Захватить и дополнить фзіологію» (выраженіе Зола въ одномъ изъ критическихъ его этюдовъ) *экспериментальный* романъ, какъ и всякій другой, не въ силахъ; стремясь къ недостижимому, онъ рискуетъ пренебречь своимъ прямымъ назначеніемъ, разсѣять по воздуху или закопать въ землю часть своей настоящей силы.

Вопросъ о наслѣдственности имѣетъ одну сторону, въ разработкѣ которой романъ вполне компетентенъ. Отъ родителей къ

дѣлать, отъ предковъ къ потомкамъ переходятъ не только патологическія или физиологическія особенности, но и способности, дарованія, черты характера, психическія предрасположенія. Все это составляетъ, конечно, предметъ изученія для физиологовъ — но не для нихъ однихъ; психологія вступаетъ здѣсь во всѣ права свои — а что такое романистъ, серьезно относящійся къ своему призванію, какъ не психологъ? Скажемъ болѣе; когда какое-нибудь свойство преобладаетъ въ массѣ народа или въ отдѣльныхъ классахъ общества, изученіе его генезиса, его перехода изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, становится задачей такъ-называемой народной психологіи, или, что все равно, соціологіи, — а соціологическія задачи издавна входятъ въ область романа. Рассматривая наслѣдственность преимущественно съ физиологической точки зрѣнія, Зола по необходимости отодвинулъ на задній планъ тѣ стороны вопроса, которыя всего больше заслуживали его вниманія; но вполне онъ о нихъ не забылъ, и именно въ нихъ онъ часто черпаетъ свою силу. Возьмемъ, напримеръ, семью Ругоновъ въ «*La fortune des Rougon*». Ни одинъ изъ сыновей Пьера и Фелиситѣ не подпалъ подъ власть некроза, завѣщаннаго Аделаидой Фувъ другимъ своимъ потомкамъ; развитіе ихъ не выброшено безжалостнымъ недумомъ изъ колѣн, въ которую его направляло психическое наслѣдство отца и матери. Какимъ образомъ это наслѣдство совершенно миновало одного изъ сыновей, Паскаля — это Зола обѣщаетъ показать въ заключительномъ романѣ серіи, героемъ котораго будетъ Паскаль Ругонъ; распредѣленіе наслѣдства въ Эженѣ и Аристидѣ ясно уже и теперь — настолько ясно, насколько вообще можно различить свойства, вложенныя въ ребенка самымъ фактомъ происхожденія его отъ данныхъ родителей, и свойства, вложенныя въ него послѣдующимъ вліяніемъ ихъ, воспитаніемъ и примѣромъ. Эженъ Ругонъ, будущій министръ имперіи — это второй Пьеръ по физической силѣ, по грубости, топорности натуры, по прямолинейности стремленій, по способу дѣйствій, настойчивому, упрямому, скорѣе взламывающему, чѣмъ отворяющему закрытыя двери; но это вывѣтъ съ тѣмъ истиннымъ смысломъ Фелиситѣ, по честолюбію, по жаждѣ вліянія и власти, по умѣнью находить послушныхъ сотрудниковъ и скрывать, до поры до времени, однажды избранныя цѣли. Аристидъ Ругонъ получилъ отъ матери хитрость, но безъ находчивости и инициативы, отъ отца — жадность, но безъ терпѣнія и выдержки; предоставленный самому себѣ, онъ дѣлаетъ только ошибки, не можетъ угадать, откуда подуетъ вѣтеръ, и перестаетъ быть неудачникомъ только тогда, когда подчиняется

брату Эжену и сестрѣ Сидоніи. Сидонія, съ которой мы знакомимся въ другомъ романѣ («la Cigée») — это Фелиситѣ, развѣненная на мелкую монету, суедающаяся безъ строго определенной цѣли, окончательно потерявшая женственность, легбющая, виѣсто своихъ, чужіе пороки. Общая черта семьи — хищничество, неумолимое, беззащитное, неразборчивое въ выборѣ средствъ. У постели умирающей Анжели (первой жены Аристиды) Сидонія спокойно предлагаетъ Аристиду другую жену, съ замараннымъ прошедшимъ, но съ хорошимъ приданнымъ — и Аристидъ принимаетъ это предложеніе (эта сцена принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ, написанныхъ Зола); Эженъ хладнокровно распоряжается арестованіемъ и ссылкой людей, ни въ чемъ неповинныхъ или виноватыхъ только въ томъ, что они стоятъ поперекъ дороги одному изъ «друзей» министра; Фелиситѣ толкаетъ нѣсколькихъ бѣдняковъ на вѣрную смерть, чтобы сдѣлать изъ ихъ труповъ пьедесталъ для своего Пьера. Вся раница только въ ширинѣ размаха, все болѣе и болѣе смѣлаго. Фелиситѣ и Пьеръ довольствуются мѣстомъ сборщика податей, крестникомъ поветнаго легіона и меблированнымъ домомъ «бѣднаго господина Пейротта»; Эжену нуженъ министерскій портфель, Аристиду — миллионы, подчеркнутые изъ гаусманновскихъ перестроекъ; даже передъ чертовой Сидоніей носится призракъ миллиардовъ, связанныхъ съ какимъ-то фантастическимъ процессомъ. Старые волки расплодили волчатъ, надѣленныхъ еще болѣе лютымъ аппетитомъ и еще болѣе острыми зубами.

Наслѣдственность привычекъ уже не въ одной семьѣ, а въ цѣлой группѣ семействъ, въ цѣломъ общественномъ слоѣ, затронута нѣсколькими романами ругонъ-маккаровской серіи. Такой рельефности и полноты, какъ въ изображеніи семьи Ругонныхъ, Зола здѣсь не достигаетъ; но Максимъ Саккаръ и Луиза де-Марель въ «Cigée», Кадина и Сариетта въ «Ventre de Paris», Нана, Полина и Викторъ въ «Assommoir», Анжела и Гюстамъ въ «Pot-Bouille» — хорошие образцы подрастающихъ поколѣній, въ мірѣ финансовой аристократіи и степенной буржуазіи, малой промышленности и рабочаго пролетаріата. Съ идеей наслѣдственности, какъ ее понимаетъ Зола, эта сторона картинны не имѣетъ, впрочемъ, непосредственной связи; она относится скорѣе къ второй главной задачѣ автора. Изъ числа только-что названныхъ нами лицъ, къ потомкамъ Аделаиды принадлежатъ лишь Нана и Максимъ; всѣ остальные — фигуранты въ трагикомедіи, средоточіемъ которой служатъ Ругонъ-Маккары.

Итакъ, въ смыслѣ этюда о явленіяхъ и законахъ наслѣд-

ственности ругонъ-маккаровская эпопея не можетъ быть поставлена на ту высоту, о которой мечтали для нея Зола. Нить, сотканная имъ, не имѣетъ ничего общаго съ строго математическою линіею. Самые крѣпкіе ея узлы—тѣ, которые завязаны по старому способу, т.-е. путемъ психическаго анализа; новый, фізіологическій цементъ не сообщалъ постройкѣ ни особой стройности и прочности, ни внутренняго единства. Между тезисомъ автора и требованіями или условіями искусства оказался разладъ, котораго не могли устранить никакія усилія таланта. Полетъ въ чужую сферу не привелъ къ окончательной неудачѣ только потому, что по обѣ стороны пути лежала широкая область, вполне доступная для романа. Эта область — современное французское общество, въ изображеніи котораго Зола часто достигаетъ поразительной силы.

«Кругъ, въ которомъ вращается мое произведеніе, завершёнъ; имперія умерла, окончилась странная эпоха безумія и поворота». Такъ говорилъ Зола въ 1871-мъ г., въ предисловіи къ труду, справедливо названному имъ «естественной и соціальной исторіей одного семейства во время второй имперіи». Порода Ругонъ-Маккаровъ создалъ не наполеоновскій режимъ, но она нашла въ немъ свое настоящее поле дѣйствій; ея плотояднымъ инстинктамъ соотвѣтствовала какъ нельзя лучше искусственно поощряемая погоня за наслажденіемъ и наживой. Элементы, изъ которыхъ сложилась эта погоня, были готовы вездѣ—въ провинціи и въ Парижѣ, вверху и внизу, среди аристократіи, буржуазіи и народа; готовы были и тѣ устои, на которыхъ она такъ долго держалась — тупость, невѣжество, страхъ, рутина, свѣтобоязнь. Припомнимъ бальзаковскую провинцію—Иссуденъ въ «Un ménage de garçon» или Ангулемъ въ «Eve et David» и «les Deux poètes», Провенъ въ «Pierrette» или Немуръ въ «Ursule Mirouet» — и для насъ сдѣлается вполне понятнымъ Плассанъ, описанный въ «la Fortune des Rougon» и «la Conquête de Plassans». Отсталый эгоизмъ легитимистовъ, трусость и ограниченность лавочниковъ, разрозненность и неразвитость массы заранѣе предрѣшали судьбу города, подобно тому, какъ тѣ же причины, въ болѣе крупномъ масштабѣ, заранѣе предрѣшали судьбу Франціи. Авантюризмъ въ родѣ Ругона долженъ былъ овладѣть городомъ, какъ авантюризмъ другого разряда овладѣлъ государствомъ. «Желтый салонъ» Ругоновъ, постепенно становящійся силой — одна изъ тѣхъ картинъ, которыя переживутъ своего автора. Маркизъ де-Карнаванъ, Рудье, Грану, Сикардо, Вюиллье — это типическіе

представители цѣлыхъ классовъ, цѣлыхъ партій, и вмѣстѣ съ тѣмъ живыя фигуры, нарисованныя рукою мастера. Паскаль Ругонъ не даромъ нашелъ въ отцовскомъ салонѣ сходство съ зѣринцемъ; большинство посѣтителей его дѣйствительно отличается отъ животныхъ только нѣкоторою утонченностью приѣмовъ, выработанныхъ инстинктомъ самосохраненія. «Вюилье (редакторъ клерикальнаго журнала, торгующій открыто—душеспасительными сочиненіями, тайно—книгами противоположнаго свойства) казался Паскалю сѣрой, ослизлой жабой, Рудье—жирнымъ бараномъ, Сикардо—старымъ, беззубымъ бульдогомъ. Но всего больше занималъ его Грану; онъ употребилъ однажды цѣлый вечеръ на мысленное измѣреніе его лицевого угла. Когда Грану лепеталъ, заикаясь, какія-нибудь бранныя слова противъ кровонійцъ-республиканцевъ, Паскаль невольно ожидалъ, что эти слова перейдутъ въ мычанье телянка; когда Грану вставалъ, Паскалю казалось, что онъ сейчасъ опустится на четвереньки. Будь любезенъ,—говорила ему мать,—старайся пріобрѣсти практику у этихъ господъ.—Я не ветеринаръ—отвѣтилъ ей, наконецъ, Паскаль. Онъ продолжалъ, однако, приходить отъ времени до времени въ желтый салонъ; Грану интересовалъ его, какъ допотопное животное». Ходъ интриги, разыгранной въ желтомъ салонѣ—интрига, въ которой Эженъ Ругонъ игралъ роль суфлера, а Пьеръ нахалъ палочкой, въ рѣшительную минуту незамѣтно перенесенной отъ него въ руки Фелиситѣ—изображенъ Зола съ искусствомъ, растущимъ по мѣрѣ приближенія къ кульминаціонному пункту романа. Ночное шествіе реакціонной банды по улицамъ Пласмана, безкровная битва въ меринъ, легенды о пулѣ, разбившей большое зеркало господина мера, паника побѣдителей, прислушивающихся къ отдаленному набату, затѣвныя только-что восшедшей звѣздой Ругоновъ, совѣщаніе Пьера съ Фелиситѣ, сонъ, который имъ послѣ того снится, западня, устроенная Маккаромъ и Фелиситѣ для республиканцевъ, финальное торжество желтаго салона—все это составляетъ эпопею, единственную въ своемъ родѣ.

Завоеванный для имперіи ругоновскою шайкой, Пласманъ ускользаетъ изъ ея рукъ, посылаетъ въ законодательный корпусъ оппозиціоннаго депутата. Его нужно завоевать вторично; отсюда романъ, названный этимъ именемъ («la Conquête de Plassans»). Завоевателемъ является теперь аббатъ Фожа; Ругоны слѣдуютъ за нимъ въ качествѣ скромныхъ сожениковъ—скромныхъ, можетъ быть, потому, что на этотъ разъ они прямо не заинтересованы въ успѣхѣ. Кампанія, блистательно вѣдѣнная аббатомъ, представляетъ много интереснаго; нѣкоторыя сцены—напримѣръ

та, когда Фожа пользуется игрой въ воланъ, какъ первымъ поводомъ къ сближенію враждебныхъ группъ,—написаны превосходно; меръ, подпрефектъ, докторъ Поркье, ла-Кондаминъ, чета Паломонъ достойны примкнуть къ галлерей портретовъ, начатой въ «*Fortune des Rougon*». Слабыхъ сторонъ, однако, въ «Завоеваніи Плассана» гораздо больше, чѣмъ въ только-что названномъ нами романѣ. Прежде всего насъ поражаетъ недостатокъ связи между обоими эпизодами въ исторіи Плассана. Кромѣ Фелиситэ и Маккара, мы не встрѣчаемся ни съ однимъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ. Куда дѣвались Грану, Рудье, Вюиллье и всѣ другіе *habitués* желтаго салона? Какимъ образомъ они утратили то господствующее или по крайней мѣрѣ вліятельное положеніе, которое было имъ дано декабрьскими днями 1851-го года? Мы узнаемъ мимоходомъ, изъ словъ Мурэ, что вслѣдъ за провозглашеніемъ имперіи Плассанъ захотѣлъ «продиктовать ей свои условія»; его не стали слушать, и онъ съ досады возвратился въ объятія легитимизма. Похоже ли это на Плассанъ, извѣстный намъ изъ «*Fortune des Rougon*»? Скажемъ болѣе, похоже ли это на какой бы то ни было французскій городъ начала пятидесятихъ годовъ? Кто тогда былъ настолько смѣлъ, чтобы диктовать или просто предлагать условія торжествующему имперіализму? Изъ какихъ «документовъ» почерпнулъ Зола эту черту въ исторіи Плассана? Этимъ еще не ограничивается несообразность. Аббатъ Фожа, являющійся въ Плассанѣ тайнымъ агентомъ бонапартизма, пускаетъ въ ходъ, для достиженія своей цѣли, такія средства, которыя были бы гораздо болѣе уместны въ эпоху высokaго имущественнаго ценза, чѣмъ въ эпоху всеобщей подачи голосовъ. Онъ лавируетъ между партіями, становится общимъ другомъ всѣхъ главныхъ коноводовъ, общается имъ великія и богатая милости, старается, однимъ словомъ, заручиться поддержкой немногихъ вліятельныхъ лицъ — и успѣшно достигаетъ своей цѣли. На городскихъ рабочихъ онъ дѣйствуетъ только черезъ Труша, путемъ сплетенъ противъ легитимистовъ, съ которыми на предъидущихъ выборахъ рука объ руку шли республиканцы. Допустимъ, что эти сплетни способствовали разрыву неестественнаго союза; успѣхъ кандидата, выставленнаго аббатомъ, остается все-таки необъясненнымъ. Республиканцевъ въ Плассанѣ было всего полторы тысячи, и они подали голосъ за шляпочника Морена; меръ города, Делангръ—креатура Фожа—получилъ тридцать три тысячи голосовъ, въ томъ числѣ голоса окрестныхъ селъ, о которыхъ прежде даже и не было рѣчи въ романѣ. Замѣтимъ, что кандидатура Делангра не была объявлена официально, что администрація поддержи-

вала ее только подъ рукою. Уменьшивъ цифры избирательныхъ голосовъ въ десять или двадцать разъ—и мы получимъ весьма правдоподобное изображеніе выборовъ при Людовикѣ-Филиппѣ. При Наполеонѣ III-мъ выборы въ провинціальныхъ округахъ происходили иначе. Подкупъ всякаго рода, прямой и косвенный, конечно игралъ въ нихъ большую роль; но послѣднее слово все-таки оставалось за массой, которую нельзя задобрить крестами и должностями. Какими сѣтями улавливались крестьяне, рабочіе, ремесленники, мелкіе торговцы—вотъ что долженъ показать намъ писатель, берущійся изобразить избирательную борьбу въ эпоху второй имперіи. Зола этого не сдѣлалъ—и вотъ почему все дѣйствіе въ «*Conquête de Plassans*», насколько оно касается не частной, а общественной жизни, кажется намъ какъ бы висящимъ на воздухѣ, какъ бы совершающимся внѣ точно опредѣленнаго времени и пространства. О развязкѣ романа мы уже говорили; нельзя не пожалѣть, что онъ обрывается такъ скоро послѣ торжества Фожа. Зрѣлище города, возмущающагося противъ своего побѣдителя—побѣдителя, сбросившаго маску вслѣдъ за побѣдой—было бы несравненно интереснѣе, чѣмъ зрѣлище пожара, зажженнаго Франсуа Мурѣ.

Переходя изъ провинціи въ Парижъ, мы находимъ ту же удушливую атмосферу, то же царство разнузданныхъ аппетитовъ. Знать и высочки, высшая администрація и крупная коммерція—всѣ грѣютъ руки около громаднаго костра, зажженнаго имперіей, или пляшутъ вокругъ него, кружась все быстрѣе и быстрѣе. Особенно яркимъ пламенемъ горитъ та часть костра, которую распоряжается баронъ Гаусманнъ. Ломки и перестройки—вотъ жирный кусокъ, на который налетаютъ со всѣхъ сторонъ вороны разной окраски, и между ними воронъ изъ гнѣзда Ругоновъ, Аристидъ Ругонъ, dit Saccard. Исторія Аристида, послѣ его пріѣзда въ Парижъ, можетъ быть поставлена на одинъ уровень съ лучшими частями «*La Fortune des Rougon*». Внезапно брошенный въ водоворотъ, къ которому его давно тянуло, онъ терзается, не знаетъ съ чего начать, куда толкнуться; запахъ миллионныхъ раздражаетъ его обоняніе, но онъ не сразу видитъ дверь, ведущую въ кладовую. Какъ хорошо, за то, онъ пользуется наставленіями своего брата, какъ ловко проникаетъ во всѣ изгибы лабиринта, представляемаго городской думой, какъ скоро чувствуетъ себя господиномъ положенія! Припомнимъ ту великолѣпную сцену, когда Аристидъ, обѣдая съ Анжелой на высотахъ Монмартра, смотритъ на Парижъ, позволенный лучами заходящаго солнца, и рѣжетъ его линіями воображаемыхъ улицъ и бульваровъ, какъ

лавомка—вкусный пирогъ, только-что принесенный изъ кухни. Благодаря женитьбѣ, устроенной Сидоніей, сонъ переходитъ въ дѣйствительность; Аристидъ богатеетъ не по днямъ, а по часамъ, и бывшій редакторъ провинціальной газетки становится биржевымъ тузомъ, принимающимъ у себя маркизъ д'Эспане и бароновъ Гуро, санаторовъ и префектовъ. Все это общество достойно своего хозяина; кромѣ ничтожества въ родѣ де-Мюсси, въ блестящихъ салонахъ улицы Монсо нѣтъ мужчины, который бы не продалъ себя или другихъ, нѣтъ женщины, которая бы не упала ниже уровня куртизанки. Такова картина, наполняющая первую часть «Сигѣе»; дальнѣйшій ходъ романа не прибавляетъ къ ней ничего существеннаго, повторенія скорѣе ослабляютъ ея эффектъ, безконечныя описанія производить утомительное впечатлѣніе. Общество, изображенное въ «Nana», стоитъ одною ступенью выше того, которое собиралось вокругъ Саккара; но сходство между ними весьма большое, разница ограничивается тѣмъ, что въ «Сигѣе» громче звучитъ нота наживы, въ «Nana» — нота чувственности или разврата. Вечеръ у графини Мюффа и ужинъ у Нана не даромъ поставлены одинъ подлѣ другого; соединительной чертой между ними является не одно только присутствіе и тамъ, и здѣсь Вандѣвра, Фошри, Штейнера, ла-Фалуаза. Маркизъ де-Шуаръ въ «Nana» и баронъ Гуро въ «Сигѣе» — вариация одного и того же типа. Интересъ «Nana» слабѣетъ, въ сожалѣнію, еще быстрѣе, чѣмъ интересъ «Сигѣе»; похождения Нана заслоняютъ собою общественную гниль, среди которой она движется и существуетъ. Правда, сама Нана — порожденіе этой гнили и одинъ изъ активныхъ ея элементовъ; но исторія ея повышений и пониженій — все-таки слишкомъ маленькое зеркало для цѣлаго общественного слоя.

Въ «Сигѣе» и «Nana» развратъ, взлелѣанный наполеоновскимъ режимомъ, поднималъ голову дерзко и открыто; въ «Pot-Bouille» мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же развратомъ, тщательно прячущимся за изящными занавѣсами и дверьми солиднаго буржуазнаго дома. Главный недостатокъ «Pot-Bouille», съ точки зрѣнія, которая насъ теперь занимаетъ — тотъ же самый, который мы уже констатировали въ «Завоеваніи Плассана». При Луи-Филиппѣ или при Макъ-Магонѣ семейства Дюверье, Вабровъ, Жоссерановъ были бы возможны ничуть не меньше, чѣмъ при Наполеонѣ III-мъ; мы не видимъ въ нихъ специфическихъ признаковъ того историческаго момента, къ которому приурочилъ ихъ авторъ. Разговоры дѣйствующихъ лицъ о римскомъ вопросѣ, о выборѣ Тьера въ законодательный корпусъ, о необходимости

«сильной власти», какъ гарантія противъ общественныхъ катклизмовъ, напоминають намъ о томъ, когда происходитъ дѣйствіе; безъ этихъ внѣшнихъ точекъ опоры, мы легко могли бы перенести его на пятнадцать—двадцать лѣтъ впередъ или назадъ. Старикъ Вабръ играетъ на биржѣ, супруги Дюверье обманываютъ родственниковъ при дѣлѣжѣ отцовскаго наслѣдства, мадамъ Жоссеранъ ловитъ жениховъ для своихъ дочерей; но что же во всемъ этомъ указываетъ именно на шестидесятые годы, предпочтительно передъ сороковыми или семидесятыми? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что неопредѣленность впечатлѣнія, производимаго «Домашнимъ очагомъ», обусловливается шаблонностью темы, на которую онъ написанъ. Это не столько картина съ натуры, сколько отвлеченный этюдъ о причинахъ, способствующихъ распространенію «адюльтера». Такихъ причинъ Зола насчитываетъ три: истерическій темпераментъ, привычка жить не по средствамъ, притупляющее воспитаніе. Сообразно съ этимъ, въ «Pot-Bouille» выведены на сцену три главные типа: Валери Вабръ, Берта Вабръ, Марія Пяшонъ. Условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились эти типы, коренятся глубоко въ французскомъ общественномъ строѣ, переживаютъ перемѣны правительствъ и государственныхъ формъ; иногда они обостряются, иногда слабѣютъ—и только это crescendo или decrescendo можетъ быть приписано тому или другому политическому режиму. Создавая свои фигуры по заранѣ определенной схемѣ¹⁾, Зола намѣтилъ только общія ихъ черты и этимъ значительно ихъ обезличилъ. Рельефнѣе другихъ вышла Берта Вабръ, метаморфоза которой совершается, съ начала до конца, на глазахъ читателей; но и она нарисована Зола безъ тѣхъ тонкихъ штриховъ, которыми мы любимся, напримѣръ, въ героинѣ «Cigée», Рене Саккаръ. Рене—не только избалованная, исковерканная парижанка; это—парижанка, воспитанная второю имперіею, это представительница особаго міра, процвѣтаніе котораго совпадаетъ съ апогеемъ наполеонизма. Берта Вабръ, сравнительно съ нею, освѣщена только на половину. Что касается до Валери, то ея истеричность мы должны принять какъ нѣчто данное, готовое; мы узнаемъ, правда, что лавла, въ которой она выросла, была полу-темная и сырая, что на лицѣ ея матери всегда было множество прыщей, что отецъ ея тридцать лѣтъ сряду продавалъ нитки и иглы—но этого для насъ, очевидно, слишкомъ мало. Недосказанность, де-

¹⁾ См. въ „Une campagne“ статью, озаглавленную: „l'adultère dans la bourgeoisie“.

наивность—это вообще слабая сторона «Pet-Bouille»; буржуазное беллетристика является передъ нами уже застывшимъ и заросшимъ, процессъ образованія его почти весь остается за кулисами.

Спускаясь еще на одну ступеньку, мы останавливаемся передъ міромъ, изображеннымъ въ «Брюхѣ Парижа». Малѣйшій торговый людъ, дѣйствующій около центральнаго рынка—это промежуточная, переходная сфера, одной ногой стоящая на буржуазной почвѣ, другою не выступившая еще изъ среды рабочаго класса. Ошибка на счетъ времени дѣйствія здѣсь невозможна; воздухъ пропитанъ не одними рыночными испареніями, но и запахомъ наживы, спекуляціи, шаттлери, шпионства, свойственнымъ «апохѣ безумія и позора». Мы уже имѣли случай замѣтить, что «Ventre de Paris»—нѣчто гораздо большее, чѣмъ симфонія тѣла или брюха. Это повтореніе, въ миниатюрѣ, той пляски вокругъ золотого тельца, крупную форму которой Зола только-что передъ тѣмъ изобразилъ въ «Сигѣ»; это картина нравственнаго упадка, обусловливаемого господствомъ матеріальныхъ интересовъ. Вкусно ѣсть и пить, мягко спать, хорошо одѣваться, увеличивать понемногу активъ счета съ сберегательной кассой—вотъ единственный идеалъ всѣхъ тѣхъ, кого Клодъ Лантье соединяетъ подъ общимъ наименованіемъ «жирныхъ» (les Gras). Между ними много такъ называемыхъ честныхъ людей, никогда не нарушавшихъ буквы гражданскаго или уголовнаго кодекса, никогда не пытавшихся даже обмѣрить или обмѣсить покувателя. Оставьте ихъ въ покоѣ—они никого не обидятъ (хотя, конечно, никому и не помогутъ); но задѣньте ихъ уютный уголокъ, помѣшайте хоть на минуту ихъ безмятежному прозябанію—и вы увидите, на что они способны. Эгоизмъ, при нормальныхъ обстоятельствахъ тихій и спокойный, сразу становится свирѣпымъ; всякое оружіе кажется ему годнымъ для самозащиты. Доносъ полиціи на брата своего мужа, Лиза Кеню сохраняетъ полное спокойствіе; ей непріятно только то, что ее предупредили другіе, что доносъ ее оказывается лишнимъ. Вечеромъ того же дня, сидя въ театрѣ вмѣстѣ съ Кеню, она проливаетъ слезы надъ бульварной мелодрамой и очень довольна своей чувствительностью. Совѣсть ее молчитъ; Флоранъ опасенъ для благосостоянія ея семьи—слѣдовательно онъ долженъ исчезнуть. Убѣдить Кеню въ правильности такого взгляда ей не стоитъ большого труда; волю же, въ самомъ дѣлѣ, было Флорану лѣзть противузаконные политическіе замыслы! Флоранъ принадлежалъ къ категоріи «худощавыхъ» (les Maigres), и притомъ тѣхъ нераскаивныхъ худощавыхъ, которые не стараются и не желаютъ проникнуть въ ряды «жирныхъ»;

самое существованіе первыхъ—безмолвный протестъ противъ послѣднихъ. Отсюда торжество «жирныхъ» при бѣдѣ, разразившейся надъ Флораномъ—торжество столь же понятное, какъ непонятно, съ другой стороны, финальное восклицаніе Клода Лантье: «*quels gredins que les honnêtes gens!*». Чрезвычайно типична въ «Брюхѣ Парижа» фигура Гавара, толстаго буржуа, драпировавшагося въ костюмъ заговорщика (*un Gras qui rose pour le Maigre*, по выраженію Клода Лантье) и непріятно удивленнаго, когда его постигаетъ соотвѣтствующая костюму участь. Шарве и Клемансъ, заключившіе между собою союзъ особаго рода, съ соединеніемъ сердець, но безъ соединенія кармановъ, также были бы очень интересны, еслибы Зола остановился на нихъ подольше. Выѣстъ съ Сильверомъ и Флораномъ, это единственные представители демократіи, до сихъ поръ выведенные на сцену въ рогонъ-маккаровской эпопее; но Сильверъ—мальчишья, Флоранъ—мечтатель, случайно вовлеченный въ политику. Шарве и Клемансъ, въ особенности первый, могли бы ввести насъ въ тѣ парижскіе кружки, гдѣ сосредоточивалась систематическая оппозиція бонапартизму; къ сожалѣнію, мы не идемъ дальше ихъ порога и должны удовольствоваться полу-комической картиной нелепаго заговора, организуемаго Флораномъ при содѣйствіи Гавара, двухъ-трехъ крикуновъ и двухъ-трехъ шпионовъ.

Въ «Брюхѣ Парижа» выведена на сцену такая общественная сфера, въ которой политическое движеніе не могло занимать большого мѣста—сфера людей *довольныхъ* и потому враждебныхъ всякой переменѣ. Совсѣмъ другое дѣло—рабочій классъ, изображаемый въ «*Assommoir*»; отсутствие политическаго элемента является здѣсь несомнѣннымъ и весьма чувствительнымъ пробѣломъ. Дѣйствіе романа начинается еще при февральской республикѣ и обнимаетъ собою большую половину царствованія Наполеона III-го. Событія, совершавшіяся въ это время, отражались на парижскомъ пролетаріатѣ такъ сильно, такъ постоянно, что трудно представить себѣ исторію хотя бы одной рабочей семьи, вовсе не затронутую ими. «*Assommoir*», по намѣренію автора—больше чѣмъ исторія одной семьи; это этюдъ надъ «зачумленной средой парижскихъ предмѣстій». Можно ли понять эту среду, оставляя въ сторонѣ одинъ изъ самыхъ могучихъ ея двигателей, одно изъ главныхъ условій, регулирующихъ и смущающихъ ея существованіе? Вѣдшимъ образомъ политика проникаетъ и въ страницы «*Assommoir*»; Лантье бранитъ имперію, Пуассонъ ее защищаетъ; Купо, 3-го или 4-го декабря, хочетъ идти на баррикады, Гуже удерживаетъ его отъ этого; но помимо нѣско-

кихъ разговоровъ, скорѣе прилепленныхъ къ роману, тѣмъ связанныхъ съ нимъ, дѣйствіе въ «Assommoir», какъ и въ «Pot-Bouille», не носить на себѣ признаковъ опредѣленной эпохи. Еще замѣтнѣе оторванность разсказа отъ другого явленія, играющаго, начиная съ сороковыхъ годовъ, важную роль въ жизни парижскихъ рабочихъ—отъ распространенія социалистическихъ ученій. Мы узнаемъ, правда, изъ книги Алекси, что Зола намеренъ посвятить социализму одну изъ ближайшихъ частей руго-маккаровской серіи; но это ничуть не мѣшало ввести его и въ «Assommoir», хотя бы въ видѣ второстепеннаго фактора. Два-три намека на существованіе социалистическихъ тенденцій мы встрѣчаемъ въ рѣчахъ Лантье, въ бесѣдахъ рабочихъ, странствующихъ по кабачкамъ; но они пропадаютъ бесслѣдно, и картина остается неполной, какъ бы недорисованной. Скажемъ болѣе: мы не видимъ у Зола той почвы, на которой растетъ социализмъ, тѣхъ особенностей общественнаго строя, которыя благоприятствуютъ его развитію. Столкновенія труда съ капиталомъ, эксплуатация рабочей силы, избытокъ богатства рядомъ съ крайней бѣдностью—все это остается въ тѣни, едва затрогивается авторомъ. Не смотря на эти недостатки, «Assommoir» принадлежитъ въ числу самыхъ сильныхъ произведеній Зола. Съ особеннымъ талантомъ изображено постепенное паденіе рабочей семьи, оканчивающееся странною смертью Куно и жалкою смертью Жервезы. Есть страницы, которыя нельзя читать равнодушно; назовемъ, для примѣра, ночную прогулку Жервезы, готовой продать себя за кусокъ хлѣба и не находящей покупателя. Ея личныя страданія поражаютъ насъ такъ же сильно, какъ и мрачный фонъ пьянства, разврата, жестокости, отчаянія, нужды—всѣхъ недуговъ громаднаго города, выступающимъ наружу въ зимній вечеръ, среди мастерскихъ, кабаковъ и бульварныхъ троттуаровъ. Рядомъ съ этой сценой можно поставить смерть маленькой Лали Бижаръ, вколотенной въ гробъ пьяницей-отцемъ и до послѣдней минуты заботящейся о малютахъ, для которыхъ она была второю матерью. Куно, отправляющійся на работу, но попадающій въ «бойню» напа Коломба и перекочевывающій затѣмъ, вмѣстѣ съ пріятелями, изъ одного «заведенія» въ другое—это живая иллюстрація того мѣста, которое принадлежитъ кабаку въ жизни парижскаго рабочаго люда. Объ обстановкѣ, при которой растетъ Нана, мы уже говорили. Можно пожалѣть, что рабочіе, введенные на сцену «Assommoir», слишкомъ похожи другъ на друга, что Гуже—единственный, рѣзко отличающійся отъ остальныхъ—слишкомъ сентименталенъ, что вниманіе Зола сосредоточилось

почти исключительно на одномъ изъ многихъ типовъ, одинаково заслуживающихъ изученія; но однообразие красокъ объясняется, до нѣкоторой степени, самой задачей автора—изученіемъ подвѣдныхъ камней, о которые всего чаще разбивался, въ извѣстной сферѣ, личное и семейное счастье. Обвинять Зола въ клеветѣ на парижскихъ рабочихъ, въ намѣренной несправедливости къ нимъ можно только въ силу такого же колоссальнаго недоразумѣнія, какимъ было обвиненіе автора «Мертвыхъ Душъ» въ клеветѣ на русское общество. Вымысленныя или неутвержденные подробности въ «Assommoir» нѣтъ; за неправильныя обобщенія, въ которыхъ можетъ дать поводъ его романъ, Зола не отвѣчаетъ. Ошибочно было бы думать, съ другой стороны, что Зола первый рѣшился посмотреть прямо въ глаза народнымъ слабостямъ и порокамъ. Существованіе зла внизу, какъ и сверху, признавали и тѣ писатели, которые больше всего были расположены къ идеализаціи народа—признавали, напримѣръ, Викторъ Гюго, признавалъ Эженъ Сю. Заслуга Зола заключается въ томъ, что онъ смѣло, ничего не умалчивая и не скрывая, коснулся одного изъ самыхъ большихъ мѣстъ парижскаго пролетаріата и ослѣпилъ его такимъ яркимъ свѣтомъ, который устраняетъ возможность забыть однажды видѣнное.

Въ «Fortune des Rougon» и «Conquête de Plassans», въ «Curée», «Nana» и «Pot-Bouille», въ «Ventre de Paris» и «Assommoir» мы видѣли различныя общественныя группы времени второй имперіи; «Son Excellence Eugène Rougon» вводитъ насъ въ тѣ сферы, откуда раздавался пароль и лозунгъ эпохи ¹⁾. Мы видимъ лишь уголокъ картины, слишкомъ широкой, чтобы можно было исчерпать ее въ одномъ романѣ; но изображеніе этого уголка оставляетъ желать весьма немногаго. Во весь ростъ нарисована только фигура Эжена Ругона, знакомая намъ уже по «Fortune des Rougon»; это бонапартистъ de la veille, рѣшительно и прочно соединившій свою фортуна съ фортуной империализма, усердно поработавшій для него въ трудное время и щедро вознагражденный его успѣхомъ. Любопытно было бы сопоставить его съ бонапартистами другого рода, вновь обращенными (bonapartistes du lendemain), запрыгнувшими въ наполеоновскую колесницу уже послѣ ея триумфа; но министр «подавленія во что бы то ни стало» (régression à outrance), превращающійся въ проповѣдника разумной свободы и мирнаго пре-

¹⁾ Остальные два романа серии—«La faute de l'abbé Mouret» и «Une femme d'amour»—нѣтъ ни общаго, ни тематическаго значенія.

пресса, интересенъ и самъ по себѣ, помимо всѣхъ параллелей. Ругонъ, упоенный сознаниемъ безграничной власти, чувствующій себя верховнымъ распорядителемъ связаннаго по рукамъ и по ногамъ народа, такъ же характеристиченъ, какъ и Ругонъ, тоскующій по потерянной министерскомъ рабѣ, какъ и Ругонъ, прославляющій съ трибуны чуждыя и ненавистныя ему идеи. Засѣданія законодательнаго корпуса, которыми начинается и заканчивается романъ—превосходная рамка для портрета, заключеннаго между ними. Безмолвный и единогласный въ 1856 г., шумный и ожесточенный въ 1861 г., законодательный корпусъ остается, въ сущности, той же коллекціей ничтожествъ, тѣмъ же сбродомъ тупоголовыхъ и испорченныхъ недорослей; сидитъ ли Ругонъ на скамьѣ членовъ государственнаго совѣта, стоитъ ли онъ, какъ министръ безъ портфеля, на возстановленной ораторской трибунѣ—ему одинаково легко руководить жалкой толпой, умѣющей отвѣчать оппозиціи только стукомъ костяныхъ ножей о пиюитры. Гораздо труднѣе для Ругона справиться съ императоромъ, шелковымъ, мягкимъ, но именно потому ненадежнымъ, какъ точна опоры. Онъ нѣсколько разъ рождаетъ Ругона—именно рождаетъ, не находя въ себѣ достаточно энергіи, чтобы удержать его,—но за то нѣсколько разъ его и поднимаетъ. Ихъ связь—это связь сообщниковъ; каждый изъ нихъ такъ много знаетъ о другомъ, что между ними одинаково невозможны и настоящая дружба, и окончательный разрывъ. Ругонъ для Наполеона III-го—все равно, что дю-Пуаза для Ругона: исполнитель, крайнее усердіе котораго сначала пріятно, потомъ тягостно. Ругонъ отдаетъ въ когти дю-Пуаза департаментъ обнѣхъ Севрѣ—императоръ отдаетъ въ когти Ругона цѣлую Францію. Трагизмъ этого положенія нигдѣ не выразился такъ ярко, какъ въ той главѣ, въ которой мы видимъ Ругона на высотѣ власти. Неудавшееся покушеніе 1858 года доставило ему портфель министра внутреннихъ дѣлъ; такъ-называемый законъ общественной безопасности вооружилъ его чрезвычайными полномочіями. Нужно прочесть у Зола, какъ онъ пользуется ими, какія инструкціи онъ даетъ санс-мону префекту, какіе циркуляры онъ пишетъ, раздана другая рукой ордена и мѣста своимъ друзьямъ, обдумывая или вспоминая свои вхожденія съ Клариндой. Нужно прочесть разговоръ его съ редакторомъ оффиціозной газеты, которому онъ задаетъ головоломку за безправствениость ея фельетоновъ. «Раскалывается ли въ концѣ героиня?» спрашиваетъ онъ редактора; «она непременно должна раскрыться, потребуйте отъ автора, чтобы онъ заставилъ ее раскрыться!» Зола достигъ въ

этой сценѣ истинно-ювеналовской силы. Торжество насилия и лицемерія вверху объясняетъ многое въ той гнили, которую мы видѣли на другихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Не вполне удачно введены въ исторію политической карьеры Ругона только такіе элементы, какъ суетливость его «друзей», какъ интриги Клоринды. О друзьяхъ Ругона мы уже говорили; они были необходимы, чтобы показать, что въ эпоху всеобщей погони за наживой министр, лично нежадный къ деньгамъ, не является еще гарантіей противъ «хищеній»; но уворство, съ которымъ Ругонъ отстаиваетъ друзей вездѣ и всегда, столь же мало вѣроятно, какъ и ихъ мѣна. Клоринда способствуетъ возвышенію Ругона, чтобы потомъ имѣть удовольствіе столкнуть его съ мѣста; такое мщеніе слишкомъ сложно, чтобы быть правдоподобнымъ. Гораздо болѣе естественнымъ было бы увольненіе Ругона въ силу извѣстнаго принципа: «*der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan, der Mohr kann gehen*».

Вторая задача Зола—таково заключеніе, къ которому мы приходимъ—удалась ему несравненно больше, чѣмъ первая. Изученіе законовъ и даже явленій наслѣдственности онъ не подвинулъ впередъ ни на одинъ шагъ, но внутренняя жизнь французскаго общества при Наполеонѣ III-мъ изображена имъ въ рядѣ картинъ, которыя едва ли скоро будутъ забыты. Съ этой точки зрѣнія ругонъ-маккаровская серія можетъ быть поставлена на одинъ уровень съ «*Comédie humaine*» Бальзака и гораздо выше «Сантиментальнаго воспитанія», въ которомъ, по мнѣнію фанатическихъ поклонниковъ Флобера, отразилась будто бы вся Франція временъ июльской монархіи и февральской республики.

Мы только-что сравнили Зола, какъ историка общества, съ Бальзакомъ и Флоберомъ; можетъ ли онъ быть поставленъ на ряду съ ними какъ портретистъ, какъ психологъ? Создалъ ли онъ такіе типы, какъ Горіо, Гранде, Гюло, Валери Марнефъ, Филиппъ Бридо, какъ Эмма Бовари? Обратятся ли фамиліи его героинь или героев въ имена нарицательныя, подобно тому, какъ это случилось съ именами Тартюффа, Альцеста, Ребекки Шарпъ, Фамусова, Скаловуба, Хлестакова, Чичикова, Рудина? Едва ли. Въ обширной картинной галлерей, образуемой ругонъ-маккаровскими романами, есть много рельефныхъ, поразительныхъ изображеній; но имъ недостаетъ почти всегда одного изъ тѣхъ условій, изъ которыхъ складается высшая типичность. Недостатокъ и силѣ впечатлѣнія вредитъ иногда меленость той или дру-

гой существенной черты, иногда случайность кризиса, измѣняющаго нравственный обликъ человѣка, иногда исключительность его обстановки или его развитія, всего чаще — отсутствіе того поэтического дарованія, благодаря которому художественный образъ сразу и цѣлкомъ запечатлѣвается въ нашей памяти, въ нашемъ воображеніи. Возьмемъ, для примѣра, аббата Фожа въ «Завоеваніи Плассана». Задуманъ и нарисованъ онъ во многихъ отношеніяхъ превосходно; но послѣднее, рѣшительное слово не сказано авторомъ, и внутренняя жизнь аббата остается для насъ неразрѣшенной загадкой. Мы не только не знаемъ его прошедшаго, но не видимъ всѣхъ пружинокъ, заставляющихъ его дѣйствовать въ настоящемъ. Чего добивается онъ, покоря Плассанъ бонапартизму? Торжества католической церкви? Но въ Плассанѣ ей никто не угрожалъ, и прежній представитель города былъ даже болѣе клерикаленъ, чѣмъ новый. Побѣды наполеонизма? Ничто не связывало Фожа съ имперіей, ничто не побуждало его безкорыстно трудиться въ ея пользу. Богатства и вѣстостей для себя лично? Фожа былъ къ нимъ равнодушенъ. Епископскаго сана и сопряженной съ нимъ власти? Это самое вѣроятное предположеніе; но оно не отвѣчаетъ на вопросъ, для чего же нужна была Фожа епископская власть? Если онъ хотѣлъ власти для власти, то онъ является снимкомъ съ Эжена Ругона, котораго онъ и вообще напоминаетъ дикою энергіей, суровостью пріемовъ. Чтѣ закалило Фожа противъ женскаго вліянія — это также не разъяснено Зола. Подчинялся ли онъ ему прежде, освободился ли отъ него послѣ долгихъ и не всегда удачныхъ испытаній, или былъ недоступенъ для него съ самаго начала, вслѣдствіе исключительнаго преобладанія одной страсти — властолюбія? Гдѣ есть мѣсто для подобныхъ сомнѣній, тамъ не можетъ быть и рѣчи о цѣльности и ясности типа. Другой примѣръ — Сержъ Мурэ въ «la Faute de l'abbé Mouret». Пока въ немъ происходитъ развитіе, совершается борьба, интересъ, возбужденный имъ, постоянно возрастаетъ; но въ самую критическую минуту его жизни Зола лишаетъ его сознанія и воли — и романъ превращается въ неправдоподобную идиллію, любовь Сержа къ Альбинѣ перестаетъ быть предметомъ психологическаго анализа. Черезъ нѣсколько времени романъ завязывается вновь, но перерывъ, однажды допущенный, чувствуется до конца; присутствуя при попыткахъ Сержа разорвать съ недавнимъ прошедшимъ, мы никакъ не можемъ забыть, что это прошедшее было пережито имъ точно во снѣ, что онъ отвѣчаетъ за него не больше чѣмъ грудной ребенокъ за поломъ игрушки. Клоринда Деле-

станъ, выросшая на парижской почвѣ, освобожденная отъ своей оригинальной обстановки, могла бы стать типичной представительницей высшихъ бонапартистскихъ салоновъ; Зола изобразилъ въ ней такую смѣсь клерикализма и итальянскаго патриотизма, придворныхъ интригъ и эмигрантской агитаціи, въ силу которой она является не столько типомъ, сколько курьёзомъ, эксцентричностью à la princesse Metternich. Лучшія созданія Зола—Эммануэль Ругонъ, его мать Фелиситэ, его братъ Аристидъ, Рене Саварь, Лиза Кеню, Жервеа, Жанна Гранжанъ, madame Жюссеравъ. Первые два возмущаются, въ нашихъ глазахъ, надъ всеми остальными; еслибы не нѣсколько интриговъ, слабо или несѣрно мотивированныхъ («друзья» Ругона, союзъ Фелиситэ съ Антуаномъ Маккаромъ), еслибы не нѣкоторая холодность освѣщенія, свойственная Зола, искусство воспроизведенія живыхъ фигуръ не могло бы идти выше и дальше.

Недостатокъ теплоты—вотъ чѣмъ отличается Зола отъ единственнаго романиста, могущаго оспаривать у него первое мѣсто въ современной французской беллетристикѣ. Прелесть и сила Альфонса Доде—это обиліе чувства, отсутствіемъ котораго блещутъ почти всѣ романы Зола. Всего больше это, конечно, зависитъ отъ натуры Зола, сдержанной, расудочной, склонной къ индифферентизму; но значительная доля вліянія принадлежитъ здѣсь и теоріи, въ силу которой для романа обязательны строгій объективизмъ. Когда Зола еще не вполне овладѣлъ этой теоріей или она еще не вполне имъ овладѣла, онъ поднимается иногда до лиризма, которымъ проникнуты, напримѣръ, многія страницы изъ его «Fortune des Rougon»—и едва ли можно отрицать, что эти страницы принадлежать въ числу лучшихъ, когда-либо написанныхъ имъ. Въ описаніи желтаго салона чувствуется превратное раздраженіе, въ описаніи ночного шествія республиканцевъ слышится отголосокъ увлеченія, наполняющаго всю душу Сильвера. Ощущенія и воспоминанія Сильвера въ послѣднія минуты передъ смертью дышать тою же нѣжностью, которою проникнуты вся идиллія его съ Миеттой. Единственнымъ фальшивымъ нотомъ въ этой идилліи—жества, принесенная на алтарь ультра-реализма; безмолвныя сожалѣнія умирающей Миетты о неполюбовѣ любви Сильвера (il aurait dû l'aimer comme tous les garçons aiment les filles... il la laissait partir petite fille, désespérée de n'avoir pas goûté aux voluptés de la vie), сожалѣнія, тотчасъ же понимаемыя и раздѣляемыя Сильверомъ—это психологическая невозможность, составляющая темное пятно въ прекрасной картинѣ. Въ послѣдующихъ романахъ та струна, которая играетъ ставъ

важную роль въ «Fortune des Rougon», не звучить почти во-все. Страсти, наслажденія, страданія, личные мечты, общественныя потребности — все это становится въ глазахъ Зола литературнымъ «пушечнымъ мясомъ», простымъ матеріаломъ для ругонъ-маккаровской постройки. Политика, законодательство, всеобщая подача голосовъ, реформа общественного строя — все это для него дѣтскія игры, которыя можно наблюдать, съ снисходительной улыбкой, но въ которыхъ нельзя принимать дѣятельнаго, задушевнаго участія. Отсюда возможность такого изображенія крестьянъ, какое мы видѣли въ «Проступѣхъ аббата Мура». Если центръ тяжести заключается исключительно въ «писанной мысли», то какой интересъ можетъ представлять чернь, ничего не вносящая въ эту сокровищницу? Не очевидно ли, что она способна только прозябать и размножаться, какъ это и дѣлаютъ, съ начала до конца романа, жители деревни Арто? Жизнь парижскихъ рабочихъ Зола видѣлъ вблизи, и потому не могъ отнестись къ ней съ такою же систематическою черствостью; и здѣсь, однако, высочайшее отношеніе къ массѣ повредило полнотѣ картины.

Наша оцѣнка романовъ Зола далеко не сходится съ степенью успѣха, который они имѣли и имѣютъ во Франціи. Успѣхъ этотъ достался на долю послѣднихъ романовъ ругонъ-маккаровской серіи; въ нашихъ глазахъ первые романы стоятъ гораздо выше. Мы не утверждаемъ, чтобы для дарованія Зола начался періодъ упадка, неизбежнаго и непрерывнаго; мы думаемъ только, что онъ вступилъ на ложную дорогу, оставилъ которую для него глѣзъ труднѣе, что именно на ней онъ одержалъ полную побѣду надъ французскою публикой. Блескъ этой побѣды ослѣпляетъ и самого Зола, и его друзей; въ громадномъ числѣ проданныхъ экземпляровъ они видятъ какъ бы верховную санкцію, которой до тѣхъ поръ не доставало волапсугу. Нужно ли доказывать, что эта санкція весьма недостаточна и ненадежна? «Nana» выдержала болѣе ста изданій, по тысячѣ экземпляровъ въ каждомъ; но забытое произведеніе забытаго автора — «Caelina ou l'enfant du mystère», Дюкре-Дюминилля (жившаго въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка) — разошлось въ нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ экземпляровъ ¹⁾. Не дальше, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, таковой же успѣхъ вынאלъ на долю «Парижскихъ тайнъ» Эжена Сю — а кто теперь ихъ читаетъ? Можно ли поручиться за то, что «Nana» или «Pot-Bouille» не предстантъ такая же

¹⁾ См. недавно вышедшіе «Souvenirs littéraires» Максима Дюжана, въ которыхъ приведены и другіе примѣры трудно объяснимаго теперь успѣха (стр. 402—404).

участъ? Широкая популярность послѣднихъ романовъ Зола, какъ и романовъ Э. Сю или Дюкре-Дюминилля, основана, во всякомъ случаѣ, не на художественныхъ ихъ достоинствахъ. Романисты, только-что названные нами, привлекали читателей запутанностью приключеній, эффектною разсказа; Зола привлекаетъ новостію и смѣлостію картинъ, пикантною положеній, шумомъ газетной полемики. Мы желали бы знать, какъ опредѣляютъ появленіемъ Зола сравнительную цѣну прежнихъ и новѣйшихъ его романовъ. Если они находятъ, что первые по меньшей мѣрѣ не уступаютъ послѣднимъ, то какое же значеніе они могутъ придавать суду публики, забравшей «Fortune des Rougon» и жадно поглощающей «Nana» и «Pot-Bouille»? Если неудача первыхъ частей ругонъ-макаровской эпопеи ничуть не умалитъ ихъ достоинства, то гдѣ же основаніе гордиться успѣхомъ послѣднихъ? Широкий запросъ на «Assommoir» и слѣдующіе за нимъ романы обезпечилъ матеріальное благосостояніе Зола; но мы боимся, что онъ понизитъ общій уровень труда, предпринятаго авторомъ. Апогеемъ таланта Зола остается, въ нашихъ глазахъ, «la Fortune des Rougon», т.-е. первый, по времени, ругонъ-макаровский романъ. «La curée», «le ventre de Paris», «la conquête de Plassans», «Son Excellence Eugène Rougon» стоятъ еще очень высоко, хотя недостатки растутъ, сильнѣе сторонъ не прибавляется; но изъ послѣднихъ четырехъ романовъ на ряду съ прежними можетъ быть поставленъ одинъ только «Assommoir». Въ «Nana» и «Pot-Bouille» ультра-натурализмъ доведенъ до крайней степени, выдающихся лицъ почти вовсе нѣтъ, картины общественной жизни менѣе характерны, чѣмъ гдѣ бы то ни было, масса ненужныхъ деталей влечетъ за собою расплывчатость, растянutosть, безцѣльность. Поднимется ли Зола опять или опустится еще ниже—этого мы рѣшить не беремся; не совсѣмъ благоприятнымъ признакомъ кажется намъ выборъ нѣкоторыхъ темъ для слѣдующихъ частей серіи. Мы узнаемъ изъ книги Алекси, что въ числѣ этихъ темъ принадлежать желѣзныя дороги и большіе магазины, въ родѣ «Magasins du Louvre» или «Au bon marché». Дѣлая средоточіемъ романа не ту или другую сторону внутренней жизни, а чисто внѣшнюю черту эпохи, рискуешь быть подавленнымъ подробностями, въ которыхъ Зола уже и теперь чувствуетъ немалую слабость. Гораздо большаго можно ожидать отъ другихъ темъ, перечисляемыхъ Алекси — отъ романовъ, которые будутъ посвящены міру военному, міру искусства, крестьянству, социализму. Удастся ли Зола, отяжелѣвшему и заранѣе предприни-

тому всё вопросы, собрать ту массу наблюдений, которой требует самая широта избранныхъ задачъ, удастся ли ему, не смотря на возрастающій индифферентизмъ, внести въ свои картины движеніе и жизнь, увидѣть и изобразить лѣсъ, не останавливаясь на созерцаніи отдѣльныхъ деревьевъ — въ этомъ, на основаніи всего сказаннаго до сихъ поръ, позволительно сомнѣваться; но соприсносноевіе съ важнѣйшими сторонами современной дѣйствительности возвратитъ ему, можетъ быть, часть той силы, которую онъ потратилъ въ послѣднее время на фотографированіе буржуазныхъ и всякихъ другихъ «адольтеровъ».

«Самыми великими изъ насъ будутъ не тѣ, которые стремились къ улучшенію человѣка, а тѣ, которые изображали его, какимъ онъ есть, во всей его жизненной правдѣ». Этотъ афоризмъ Зола, многое объясняющій въ его дѣятельности, грѣшитъ по меньшей мѣрѣ односторонностью. Величіе достигается не однимъ только путемъ, не однимъ только способомъ; путь, указываемый Зола, едва ли даже можетъ быть названъ самымъ простымъ и самымъ вѣрнымъ, особенно въ наше время. Объективизмъ дается легко въ эпохи сравнительно спокойныя и мирныя, молодымъ народамъ и цивилизаціямъ; въ періоды переходныя, какъ нашъ, среди всеобщихъ колебаній, среди борьбы стараго съ новымъ, онъ покупается, большею частью, цѣною нравственнаго изолированія, цѣною отрѣшенія отъ заботъ меньшинства и отъ страданій массы. Культъ «писанной мысли» не можетъ замѣнять другихъ идеаловъ, болѣе жизненныхъ и человѣчныхъ. «Писанная мысль» есть не только цѣль, она есть вмѣстѣ съ тѣмъ и средство—средство къ «улучшенію человѣка», къ улучшенію общества, къ уменьшенію зла, къ увеличенію суммы личнаго и общаго счастья. Понятно и законно поклоненіе уму въ той формѣ, въ какой оно выразилось въ одной изъ лучшихъ рѣчей В. Гюго—поклоненіе уму, «преобразующему общества и правительства, служащему великимъ пастыремъ поволеній, просвѣщающему массы, все болѣе и болѣе приближающему торжество права»; въ той формѣ, въ которой проповѣдуетъ его Зола, оно не можетъ имѣть вдохновляющей силы. Когда Зола выражаетъ желаніе «вознести умъ на высшую изъ вершинъ, жить и умереть только имъ, пожертвовать ему своимъ тѣломъ», намъ слышится въ этихъ словахъ то, что французы называютъ «enthousiasme à froid»; мы не вѣримъ одушевленію, питающемуся одной холодной абстракціей—не вѣримъ ему тѣмъ болѣе, что давно уже не находимъ его слѣдовъ

въ произведеніяхъ Зола. Смотри сверху внизъ на всѣхъ людей дѣла, горделиво попирая ихъ подъ ноги людей «писанной мысли», Зола упускаетъ изъ виду послѣднюю цѣль всѣхъ изслѣдованій, всѣхъ описаній, всякой умственной работы; источникомъ слабости становится для него именно то, въ чемъ онъ видитъ свою главную силу. Формулъ Зола о великихъ людяхъ можно противупоставить другую, также не чуждую односторонности, но во всякомъ случаѣ гораздо болѣе близкую къ истинѣ; можно сказать, словами нашего поэта «мести и печали»:

«Кто, служа великимъ цѣлимъ вѣка,
«Жизнь свою всецѣло отдаетъ
«На борьбу за брата-человѣка,
«Только тотъ себя переживетъ».

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ОТЪ КРАСНОВОДСКА

ДО

ХИВЫ.

Хивинскій оазисъ по плодородію почвы не безъ причины называютъ житницею средней Азіи, такъ какъ произведенія его, не смотря на ограниченность оазиса и на полную отрѣзанность его пустынями отъ окружающихъ мѣстъ потребленія, распространяются за цѣлыя тысячи верстъ и, конечно, мѣновая дѣятельность значительно бы расширилась, если бы помогали къ тому правильныя сообщенія.

До 1877 года сообщенія наши съ Хивой представляли столько затрудненій и опасностей, что за исключеніемъ движенія значительныхъ отрядовъ, нарочныхъ туркменъ, свѣжія кости которыхъ можно видѣть еще въ настоящее время въ степи, происходили только караваны, и те неправильно, сообщенія караванами, снаряжаемыми съ рискомъ и опасностью тѣми смѣльчаками, которые гнались за солидной наживой. Покупка въ Хивѣ за безцѣнокъ сырыхъ произведеній, сокращеніе на тысячу верстъ пути отъ западнаго рынка и болѣе дешевая перевозка съ лихвой окупали тѣ неудачные транспорты, которымъ суждено было сдѣлаться добычею номадовъ.

Передъ отправленіемъ каравана въ путь освѣдомлялись по слухамъ, нѣтъ ли на пути туркменскихъ шаекъ; маршрутъ каравана часто былъ секретомъ караванъ-баши, хотя обыкновенно выбирался одинъ изъ болѣе сѣверныхъ путей, идущихъ обыкновенно черезъ г. Куна-Ургенчъ и затѣмъ мимо Сары-Камышскихъ озеръ, т.е. подальше отъ гнѣзда текинцевъ. Для затрудненія движенія туркмены часто засыпали и даже отравляли колодцы на пути, или выжидали своей добычи тамъ, гдѣ перекрещивались степныя дороги.

Время года выбиралось большею частью зима, когда песчаные бураны съ пронзительно-холоднымъ вѣтромъ и снѣжными вьюгами не составляли привлекательности даже для дѣтей пустыни.

Съ такими предосторожностями и затрудненіями велось сообщеніе Красноводска съ Хивой до 1877 года. До этого времени былъ, можно сказать, нормальный степной разбой номадовъ-туркменъ (въ отношеніи къ русскимъ сдерживаемый до нѣкоторой степени воспоминаніями покоренія Хивы). Караваны въ большинствѣ случаевъ доходили благополучно, и городъ Куна-Ургентъ былъ главнымъ въ то время складочнымъ пунктомъ. Но съ 1877 года, послѣ нашихъ неудачъ съ текинцами, послѣдніе съ большею отвагою рыскали по степи, не стѣсняясь грабежомъ подъ самыми стѣнами Хивы или даже близъ Красноводска. Очевидно, они тогда воодушевились и чувствовали себя полными хозяевами на необитаемыхъ пустыняхъ. Вырвавшись изъ своихъ кѣтокъ, какъ дикіе звѣри, они съ озлобленіемъ кинулись на грабежъ по всѣмъ направленіямъ степи, передъ самыми глазами русскихъ, чтобы затѣмъ съ побѣдоносною гордостью отчаяннаго грабителя быть встрѣченными при шумныхъ ликованіяхъ толпы своихъ собратьевъ, женъ и дѣтей, или даже заслужить за свои особенные подвиги почетное званіе батыря. Караванное сообщеніе Красноводска съ Хивой при такихъ условіяхъ должно было прекратиться.

Въ это самое время мнѣ пришлось пробраться изъ Красноводска въ Хиву въ концѣ 1878 года. Меня сопровождало 57 туземцевъ (въ числѣ ихъ большая часть была туркмены, но были и персіане, киргизы и грузины) и 5 казаковъ. Все это были охотники до сильныхъ ощущеній. Каждый изъ насъ зналъ, какъ тяжело ему придется отдѣлываться, если встрѣтится на пути партія хищниковъ. Въ это время приходили то-и-дѣло слухи о текинскихъ шайкахъ въ 300—400 человекъ, рыскавшихъ по всѣмъ направленіямъ. Каждый туркменъ, сопровождавшій меня, какъ единовѣрецъ, вызвалъ бы еще большее озлобленіе, чѣмъ русскій, въ глазахъ этой шайки. Всякій изъ насъ чувствовалъ отвагу и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма понятное чувство страха и волненія. Каждую минуту невѣдомо откуда въ степи могли появиться враги, застать насъ усталыми, отрѣзанными отъ жилья и неприготовленными къ оборонѣ; да и самая оборона при такихъ условіяхъ можетъ только на весьма короткое время замедлить гибельный исходъ.

Все это невольно представлялось мнѣ, когда въ концѣ ноября 1878 года выѣзжали изъ Красноводска мои дикіе охранители и тяжело переступали несчастные вьючки, нагруженные ячиномъ тяжестью до 8 пуд., неся непосильный трудъ и замѣняя собой верблюдовъ, которыхъ, ради быстроты и легкости движенія, не

было при насъ. Не только думать о какомъ-либо комфортѣ, но даже пришлось отказаться отъ легкой палатки, которая могла бы защищать отъ невзгодъ пустыни, а главное — отъ зимнихъ морозныхъ вьюгъ. Итакъ, въ теченіе 11 дней ѣзди до хивинскаго ханства и столько же дней обратнаго пути (также во время зимы) намъ приходилось быть подъ открытымъ небомъ.

Отъѣхавши версты 4, мы поднялись на Усть-Уртъ; позади насъ видѣлся Красноводскъ, — впереди непроглядная, мертвая, безлюдная пустыня. Скоро мы подъѣхали къ первымъ колодцамъ; тутъ въ послѣдній разъ чувствовали себя безопасно. Наконецъ, мы тронулись въ глубь степи: съ этого времени нужно было отказаться отъ возможности внѣшней помощи на всамъ 700-верстномъ пути до самой границы ханства.

Снѣгу въ это время еще не было; стояла довольно теплая, сносная погода, и путешествіе продолжалось спокойно. Иногда только отстанетъ вьючная лошадь, а конвоирующие ее туркмены воспользуются временемъ перевьючки, чтобы выкурить свой чилимъ (кальянъ). Иногда нѣсколько туркменъ, опередивъ колонну, остановятся, сдѣлаютъ омовеніе рукъ пескомъ или даже просто воздухомъ и, ко времени нашего прибытія, совершаютъ намазъ; молятся долго, долго, а потомъ догоняютъ насъ. Очевидно и они уповали на защиту Аллаха.

Маршрутъ нашего пути былъ извѣстенъ только главнымъ проводникамъ; остальные, выступая изъ Красноводска, не знали, куда и зачѣмъ ѣдутъ. Отъѣхавъ версты 150 отъ Красноводска, мы уже были на опасномъ пути. Спать среди зимней вьюги подъ открытымъ небомъ и то съ выжиданіемъ ежеминутнаго нападенія было крайне утомительно; поэтому, желая найти исходъ изъ такого положенія, мы часто ѣхали ночью. Старались держаться въ сторонѣ отъ главной дороги, чтобы остаться незамѣченными и по сторонамъ посылали разъѣзды. На ночь выставлялись посты. Но увы, всѣ эти мѣры предосторожности имѣли еще значеніе, пока наши провожатые туркмены были бодрѣ, т. е. въ первые дни путешествія (да и такіа предосторожности болѣе продѣлывались для очищенія совѣсти); но скоро устали и изнурились, такъ какъ они для облегченія своихъ любимицевъ-кошей позаботились прежде времени истощить свои запасы пропитанія и выпрашивали у меня сухарей. То же вышло и съ фуражемъ, который имъ отпущенъ былъ на руки.

Тутъ-то всего болѣе почувствовалась тяжесть путешествія. Часто ночью всадники спали сидя на лошадахъ; спали и ночные сторожевые пикеты. При всемъ желаніи невозможно было подчинить дисциплинѣ дневныхъ номадовъ, видимо изнуренныхъ бессонными ночами и постоянною ѣздой. Удача нашего путешествія главнымъ образомъ

зависѣла отъ того, насколько скоро и незамѣтно мы могли проскользнуть опасныя мѣста. Партія человекъ въ 300—400 разбойниковъ могла бы преслѣдовать насъ и довести до полного истощенія; тѣмъ болѣе, что защита, которую могъ оказать туземный конвой — дѣйствующій всегда въ разсипную — очень невелика, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Волей-неволей пришлось вручить всю заботу бдительности Аллаха.

Къ счастью, явился случай, которымъ удалось воспользоваться, чтобы пробудить дремлюю толпу и поддерживать ее во время ночныхъ переходовъ въ возбужденномъ настроеніи.

Извѣстно, что на востокѣ пѣвцы имѣютъ сильную способность экзальтировать толпу. Когда мы выѣхали на вторую половину пути, то насъ нагналъ почтарь — нарочный туркменъ, ѣхавшій изъ Красноводска въ Хиву (собственно въ укр. Петро-Александровское). Онъ-то именно и оказался необходимымъ въ данномъ случаѣ человекомъ, такъ какъ онъ обладалъ даромъ пѣнія въ совершенствѣ.

Душною ночью, во голой глинистой пустынѣ часто слышалась его произвольная пѣсня, которую онъ, сидя на лошади, пѣлъ дребезжащимъ голосомъ, и эти однообразныя, дикіе звуки замѣтательно оживляли туземцевъ. Туркмены старались ближе держаться къ пѣвцу. Непрестанными возгласами поощряли они пѣвца, когда онъ, въ концѣ куплета, спускалъ свой голосъ на октаву и дребезжащую ноту тянулъ нѣсколько времени. Затѣмъ снова поднималъ голосъ и, произвольно вскрикивая, начиналъ новый куплетъ своей импровизованной пѣсни.

„Айда скорѣе, уже видна Хива!“ остряли въ авангардѣ, когда и ускоряли шагъ лошади. Эта однообразная острота, которую они, почти безъ намѣненія, понуждали движенье всей колонны, нравилась незамысловатымъ дѣтямъ пустыни, особенно когда пѣвецъ сплелъ имъ на эту остроту какую-нибудь импровизацію про хивянскихъ женщинъ или про то, какъ они въ Хивѣ будутъ ѣсть плоть и наворачивать лошадей. Подобныя куплеты заглушались общимъ шумнымъ смѣхомъ толпы, которая въ это время доходила до предѣла оживленія.

Этотъ случайный спутникъ лучше всякихъ правилъ дисциплины подѣйствовалъ на успѣхъ движенія. Благодаря общему оживленію, утомленіе чувствовалось меньше, выучки стали меньше отставать, и ночью движеніе шло такъ же быстро, какъ и днемъ.

Но вскорѣ насъ постигла серьезная неожиданность. Я уже сказалъ, что вторая половина степного пути считалась болѣе опасною, чѣмъ первая; адѣсь требовалась большая быстрота движенія и осторожность. Когда мы проѣхали еще только версты 90 второй половины пути, это живое настроеніе каравана сразу оборвалось. Это

было на колодѣ Узунъ-Кунъ (въ переводѣ „глубокій колодезь“). Только-что сдѣлали передъ этимъ переходъ въ 50 верстъ безъ воды; для сокращенія времени въ столь опасномъ мѣстѣ мы проѣхали предъидущіе колодцы, не останавливаясь на нихъ, рассчитывая сдѣлать привалъ на этихъ колодцахъ. Но въ общему нашему удивленію и огорченію, воды въ этихъ колодцахъ не находилось и одинъ изъ туркменъ, спустившійся въ глубь колодца, принесъ извѣстіе, что колодезь какъ будто заваленъ камнемъ; расчищать его, на глубинѣ въ 19 саж., оказалось рѣшительно невозможнымъ въ короткий промежутокъ времени, и некому вѣсто отдыха намъ предстояло двигаться далѣе и пройти еще около 80 верстъ безъ воды, т.-е. до Сары-Камышскихъ озеръ, гдѣ, какъ я получилъ свѣдѣнія, можно было найти прѣсную или по крайней мѣрѣ смрѣсенную воду. Но смотря на начало декабря, какъ нарочно день былъ теплый, термометръ въ полдень въ тѣни показывалъ $+8,5^{\circ}$ R, неподвижный воздухъ дѣлалъ атмосферу удумливой и сухой. Необходимо было второпиться доѣхать до воды, а здѣсь переждать только того времени, когда начнется спадаť духота въ воздухѣ. Въ 2 часа мы тронулись далѣе. Но не успѣли отъѣхать двухъ верстъ, какъ одна изъ ключевыхъ лошадей пала. Этотъ случай спутниковъ моихъ смутилъ еще болѣе: у всѣхъ лошадей изнурены усиленными переходами и этотъ печальный случай могъ повториться съ каждою изъ нихъ лошадей. Невесело смотрѣли они на такую неожиданность и происшедшую вслѣдствіе этого необходимую остановку. Они стали собираться въ кучки, тихо перетоваривались о чемъ-то между собой, что вызвало немалое подозрѣніе къ нимъ со стороны насъ русскихъ (числомъ 7 человекъ). Казакамъ волѣно было не разѣзжаться другъ отъ друга; и вскорѣ, освободивъ нашу лошадь изъ-подъ вѣша, мы выступили далѣе. Такъ движеніе шло за полночь, когда сдѣлали небольшой привалъ среди безводной пустыни,—привалъ болѣе необходимый для нашихъ животныхъ, чѣмъ для насъ самихъ. Отпустивъ лошадей на кормъ (здѣсь было порядочное количество ковыля), утомленные спутники мои тотчасъ же завалились спать и только на сторожевыхъ постахъ мелькали еще нѣкоторое время огоньки, но и сторожевые скоро заснули. Весь нашъ лагерь охранялся въ это время болѣе надежными изъ моихъ охранителей пестереди и отчасти казаками, силы которыхъ я старался беречь для случая крайней необходимости, и за всю дорогу не назначалъ имъ въ часовой. До свѣту мы поднялись и выступили далѣе.

Не имѣя возможности хорошенько отдохнуть, плохо подкрѣпленные пищей, спутники мои были крайне изнурены; многіе спали на лошадяхъ, пришлось ѣхать не спѣша, чтобы не растерять лю-

дей; приходилось то-и-дѣло справляться объ отсталыхъ. И при всемъ томъ въ этотъ переходъ одинъ персіянинъ заснулъ и отсталъ отъ насъ (его нашли уже нарочно посланные для розысковъ жители хивинскаго ханства, такъ какъ своихъ утомленныхъ людей нѣтъ невозможно было оставить для этой цѣли), — потребность въ отдыхѣ до того была неоодолима, что поборола чувство самосохраненія.

Въ 9 часовъ утра мы увидѣли издали большую темносинюю массу воды—лица у всѣхъ просіяли—то были озера Сары-Каминныя. Находясь въ глубокой впадинѣ, они представляются съ возвышеннаго берега Усть-Урта какъ на ладони и видны за нѣсколько верстъ. Долго еще прикидывала насъ вода, пона, наконецъ, мы приблизились къ самому озеру. Нѣкоторые туркмены подѣхали уже къ водѣ, чтобы дать хлебнуть ее лошадямъ, но, о горе, она оказалась такою соленою, что даже утомленные лошади не могли ее пить.

Новое и еще болѣе тяжелое впечатлѣніе! Уже 180 верстъ мы прошли безъ воды и судьба ставитъ новыя препятствія. Я зналъ, что вода въ Сары-Каминскихъ озерахъ соленая, но передъ поѣздомъ я услышалъ въ Красноводскѣ, что, отъ прилива воды изъ Аму-Дары вода въ этихъ озерахъ сдѣлалась прѣсною. О томъ, что колодцы Узунъ-Кунъ завалены, никто не зналъ, — по всей вѣроятности ихъ недавно завалили туркмены съ тѣмъ, чтобы затруднить сообщеніе съ Хивой.

Оставалось опять двигаться далѣе—до прѣсной воды, и такимъ образомъ еще пройти около 50 верстъ (до мѣста прежнихъ Сары-Каминскихъ колодцевъ).

Сдѣлать 180 верстъ безъ воды во время степнаго путешествія зимою не представлялось бы еще затруднительнымъ, еслибы можно было предвидѣть это, заранее подготовиться къ такому безводному переходу. Но въ томъ-то и дѣло, что все это случилось совершенно неожиданно; даже туркмены не предвидѣли этого обстоятельства.

Трудно представить себѣ то состояніе, въ которомъ находились мы, мучимые двухдневною жаждою, когда въдобавокъ, точно въ насмѣшку, природа показывала негодную воду, и когда измученныя лошади, понуря голову, едва передвигали ногами, усиленно перерывистое дыханіе.

Но человѣческая натура вынослива, и мы добрались, наконецъ, до прѣсной воды. Вода значительно оживила насъ; къ тому же адѣкъ было уже безопаснѣе. Но долго отдыхать и тутъ было нельзя, потому что моихъ спутникамъ поскорѣ хотѣлось освободить и себя, и своихъ лошадей отъ діеты. Киргизы въ этомъ отношеніи нѣсколько выиграли, — они воспользовались надыхающею одною изъ моихъ лошадей, зарѣзали ее и наѣлись не только за старое время, но и на будущее. Послѣ привала въ нѣсколько часовъ мы могли двигаться далѣе.

Лонгади наши не на шутку приуныли; многіе для облегченія ихъ пошли пѣшкомъ. Еще нѣсколько переходовъ, и мы подошли уже къ первому жилью хивинскихъ владѣній, откуда старшины выѣхали къ намъ на встрѣчу съ провизіей; на другой день (8 декабря) мы были въ Куна-Ургенчѣ, большомъ торговомъ городѣ ханства. Тутъ только, радушно приняты старшиною, именъ знакомымъ, мы могли придти въ себя отъ 11-ти дневнаго степного путешествія, во время котораго сдѣлали 700 верстъ.

Изъ Куна-Ургенча нужно было ѣхать въ Хиву, и я выбралъ болѣе короткую дорогу, по населеннымъ мѣстамъ, хотя и по окраинамъ ханства. Мысль объ опасности не приходила въ голову послѣ отчаянной поѣздки по степи. Не желая бесполезно утомлять людей и лошадей, я оставилъ часть ихъ въ Куна-Ургенчѣ на попеченіе губернатора, такъ какъ рассчитывалъ вернуться черезъ двѣ-три недѣли, а главное — потому, что предвидѣлась потомъ обратная и неотложная поѣздка въ Красноводскъ, для которой необходимо было набраться новыхъ силъ.

Итакъ, поутру 11-го декабря, я съ половиною своихъ всадниковъ выѣхалъ изъ Куна-Ургенча въ Хиву. Мнѣ уже не въ первый разъ приходилось быть въ ханствѣ и проѣзжать по этой дорогѣ.

Путешествіе по ханству сопровождалось торжественными встрѣчами ахсакаловъ (городскихъ старшинъ), которые большею частью были мнѣ знакомы; а бывшіе сослуживцы во время пребыванія моего въ ханствѣ старались заявить свое расположеніе и дѣлали мнѣ приношенія (яйца, лепешки, молоко, дыни и пр.), за что еще съ большимъ расположеніемъ получали щедрые подарки. По дорогѣ то и дѣло встрѣчались хивинскіе жители то верхомъ, то пѣшкомъ, то ѣхали вдвоемъ на ишакѣ и ноги ихъ едва не волочились по землѣ. Понадались и арбы, нагруженныя женщинами, которыя ѣхали подъ надзоромъ мужей на свадьбу. Свадьбы у нихъ совершаются зимой, когда прекращаются полевныя работы и, слѣдовательно, жители бываютъ свободны. Встрѣчались и партіи охотниковъ, вооруженныхъ ружьями съ соколами и собаками. Все это значительно оживляло впечатлѣнія пути. На слѣдующій день пути мы неожиданно сдѣлались участниками сраженія. Дорогою повстрѣчалась съ нами партія человекъ въ двѣнадцать вооруженныхъ, которые ничѣмъ не вызывали на себя подозрѣнія. Задніе ихъ всадники уже проѣзжали мимо меня, какъ вдругъ раздался сзади выстрѣлъ и лошадь одного изъ ѣхавшихъ впереди меня туркменъ свалилась, убитая на повалѣ. Это было 12 декабря, дѣло происходило поутру. По степи мы ѣхали съ заряженными ружьями, но при по-

ѣздѣ по ханству эта предосторожность казалась лишнею ¹⁾, хотя все время имѣлись готовыми 5 винтовокъ. Не успѣли мои всадники зарядить ружья, какъ послѣдовало еще два-три выстрѣла; тѣлохранители мои, приготовившись къ бою, разлетѣлись по одиночкѣ, оставивъ меня съ тремя казаками, какъ бы для прицѣла непріятелю. Началась перестрѣлка, во время которой наши враги, отстрѣливаясь, постепенно отступали къ хивинской крѣпости Кандель-Кала, пока въ нее не скрылись. Мои туркмены не жалѣли выстрѣловъ и во время этой баталіи, продолжавшейся около двухъ часовъ, убили одного туркмена, двухъ лошадей, и одного, оставшагося безъ лошади, сильно порабили, такъ какъ товарищи его явились къ нему на выручку и спасли его отъ смерти. Аллахъ къ намъ отнесся болѣе благосклонно и кроме лошади, убитой въ началѣ перестрѣлки, мы всѣ остались невредимы.

Такъ успѣшно завершилась наша поѣздка въ Хиву, куда мы приѣхали 14 декабря.

Что касается обратнаго путешествія въ Красноводскъ, то приходилось быть еще болѣе осторожнымъ. Все ханство знало, что изъ Красноводска приѣхали русскіе, и гдѣ-нибудь въ степи намъ могли жестоко напасть. Пришлось прибѣгнуть къ хитрости: не слѣдовало подавать вида о нашихъ сборахъ къ обратной поѣздкѣ. По возвращеніи въ Куна-Ургенчъ я говорилъ, что ѣду осматривать пока старое русло, что вернусь обратно въ ханство, и взялъ съ собой городского старшину (котораго ханъ назначилъ для моихъ поѣздокъ), при которомъ было десять джигитовъ-сартовъ, извѣстныхъ своею робостью. Когда были уже довольно далеко отъ Куна-Ургенча, я ему объявилъ, что мнѣ необходимо ѣхать еще далѣе съ рекогносцировками, и что если онъ чувствуетъ себя небезопаснымъ въ такихъ мѣстахъ, то можетъ возвратиться въ ханство; я предупреждалъ его, что ханъ съ него взыскивать за это не будетъ, такъ какъ дѣло его я считалъ исполненнымъ. Онъ только и ждалъ этого и, хотя видимо боялся возвращаться въ Куна-Ургенчъ съ однимъ только своимъ конвоемъ, но считалъ болѣе надѣжнымъ воспользоваться предстоящимъ случаемъ и тотчасъ же поѣхалъ во свои.

Когда онъ доѣхалъ до Куна-Ургенча, мы уже были за 200 верстъ отъ ханства на совершенно крѣпкихъ лошадяхъ (всѣ тяжести до этого времени везлись на подводахъ), и въ слѣдующій день сдѣлали еще 110 верстъ, такъ что всякая погоня за нами была бы безу-

¹⁾ Туркмены не хорошо приучались владѣть винтовками и по дорогѣ было нѣсколько нечаянныхъ выстрѣловъ.

сѣйшна. При такихъ только условіяхъ и можно было разсчитывать на благополучный исходъ путешествія. Мѣстныя туркестанскія власти совѣтовали мнѣ возвратиться черезъ Оренбургъ и только туркменъ (сопровождавшихъ меня) отпустить прямо на Красноводскъ, такъ какъ въ степи было слишкомъ опасно; но я рѣшился раздѣлять съ ними всѣ невзгоды и опасности и пустился въ обратный путь той же степью.

Эпизодовъ на возвратномъ пути было не много. Былъ только выстрѣлъ одного изъ моихъ персіанъ въ туркмена изъ-за ссоры, но печальныхъ послѣдствій при этомъ не было. Нашли мы одну живую лошадь на родникѣ Янгы-су (близъ Карабугарскаго залива), которою тотчасъ же воспользовались туркмены, какъ добычею. Какимъ образомъ эта лошадь попала на необитаемое мѣсто—неизвѣстно. По всей вѣроятности она была здѣсь брошена прежде проходившими номадами какъ безнадежная для дальнѣйшаго пути, но она за нѣсколько дней своего отдыха у родника приобрѣла силы настолько, что благополучно дошла съ нами до Красноводска.

Разскажу для характеристики того тревожнаго времени еще одинъ случай, передъ самымъ вступленіемъ нашимъ въ Красноводскъ.

Въ Красноводску мы подъѣхали на разсвѣтѣ. Передъ этимъ городомъ идетъ довольно крутой спускъ съ Усть-Урта; у подножія спуска въ чертѣ города находился казачій сторожевой пикетъ. Пикетные, замѣтивъ спускающуюся толпу моихъ туркменъ, туркменскій говоръ (хорошо отражавшійся отъ горъ) и отсутствіе верблюдовъ, приняли насъ за непріятеля, дѣлающаго набѣгъ, и стали готовить свои берданки. Казаки, посланные мною для предупрежденія ихъ о вступленіи въ Красноводскъ русской колонны, застали постовыхъ уже прицѣлывающимися въ насъ и готовыми сдѣлать залпъ; стояло оноеждать минуту, чтобы послѣдовало трагическое происшествіе. Когда мои казаки стали объясняться съ караульными, то послѣдніе (въ это время старые красноводскіе казаки, изъ числа которыхъ были мои спутники, сѣялись новыми) не повѣрили имъ и стали смотрѣть на нихъ съ подозрѣніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, вся сопровождавшая меня толпа мало напоминала русскую національность: казаки были закутаны въ шубы и отъ туркменъ мало чѣмъ отличались; племенные черты сгладились отъ намокшейся грязи, которою заплыли наши лица, остававшіяся почти всю дорогу немытыми. Только послѣ долгаго убѣжденія и разныхъ формальностей признали, наконецъ, въ насъ русскихъ и отворили преграду. Можно представить себѣ радость, съ которою мы поздравляли другъ друга съ благополучнымъ возвращеніемъ домой.

Вотъ условія и мѣры предосторожности, какія приходилось принимать во время степныхъ путешествій по средней Азій, да и эти мѣры, вѣроятно, не могли вполне обезпечивать безопасность отъ разбойничьихъ шаекъ текинцевъ.

Мало прошло времени съ тѣхъ поръ, но условія степной жизни совершенно переизмѣнились одновременно со взятіемъ Ахаль-Теке 12 января 1881 года. Погромъ Скобелева убѣдилъ текинцевъ, что, за грабежомъ слѣдуетъ отплата, и такъ вразумилъ ихъ, что они сразу сложили оружіе, боясь малѣйшаго повода, который бы могъ возбудить русскихъ. Съ этого времени вся туркменская степь преобразилась. Разбой совершенно прекратился и степь сдѣлалась совершенною безопасною. Вскорѣ стали снаряжаться караваны изъ Хивы на Красноводскъ, или даже прямо въ Ахаль-Теке, о чемъ прежде нельзя было и подумать. Это было началомъ глубокаго благодѣянія, выившаго на долю Россіи въ борьбѣ за цивилизацію съ дикими варварами.

Въ концѣ мая 1881 года мнѣ опять пришлось ѣхать изъ Хивы на Красноводскъ и вотъ уже при какой спокойней обстановкѣ. Насъ ѣхало всего пять человѣкъ: я, одинъ докторъ, одинъ кузнецъ и два туркмена, они же были и проводниками; при насъ было три лошади и восемь верблюдовъ. Мы выбрали болѣе прямую дорогу (черезъ гор. Ильялы и кол. Чарышлы), которая подходила ближе къ гнѣзду текинцевъ, и, слѣдовательно, прежде считалась болѣе опасною, чѣмъ сѣверная, которая шла черезъ озеро Сары-Камышъ (по которой я ѣхалъ въ 1879 году) и значительно удлиняла путь. Все вооруженіе наше состояло изъ какого-то стариннаго ружья, револьвера, пистолетовъ и пистолетовъ, которая вскорѣ по неудобству своему была уложена въ тюкъ. Ѣхали днемъ, ночью, останавливались—гдѣ хотѣли. Встрѣчали небольшіе отряды экспедицій, работавшей по изслѣдованію стараго русла Аму-Дарьи, а, приближаясь къ Красноводску, стали попадаться караваны съ верблюдами. Не было разговоровъ объ какой бы то ни было опасности въ степи, о чемъ развѣдываютъ туркмены при всякомъ удобномъ случаѣ. Да, наконецъ, и наши провожатые туркмены не чувствовали надобности взять съ собой ружей¹⁾.

Послѣ погрома 12 января въ степи, повидимому, сразу стало спокойно; мысль объ опасности такъ же мало теперь беспокоитъ путника, какъ прежде трудно было отрѣшиться отъ нея. При та-

¹⁾ Путь черезъ Чарышлы весьма удобенъ для каравановъ и потребовалъ бы не большихъ только исправленій для того, чтобы устроить колесную дорогу.

кихъ благопріятныхъ условіяхъ теперь остается только пожелать—расширить нѣкогда существовавшій здѣсь обширный оазисъ помощью орошенія степей и воспользоваться удобствомъ для развитія сообщеній съ житницею центральной Азіи. Въ этомъ отношеніи сообщеніе Хивы съ Красноводскомъ, благодаря его географическому положенію, торговому и политическому значенію, играетъ болѣе важную роль сравнительно со всѣми другими русскими пунктами, сообщающимися съ Хивой. Красноводскъ для юга средней Азіи имѣетъ такое же значеніе, какое Екатеринбургъ—для Сибири и Оренбургъ—для сѣвера средней Азіи.

Х. Гельманъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1882.

Финансовыя мѣры, вызванныя постепенною замѣною подушной подати. Измѣненія и дополненія устава о гербовомъ сборѣ.—Измѣненія таможеннаго тарифа; общій ихъ характеръ: пошлыны на предметы роскоши; замѣна цѣловыхъ пошлынь вѣсовыми; обложеніе пошлыною учебныхъ пособій и русскихъ книгъ, напечатанныхъ за-границей.—Новый уставъ о табачномъ сборѣ; недостатки дѣйствовавшаго до сихъ поръ закона; мѣры, принятыя къ ихъ устраниенію.—Общее значеніе трехъ разсмотрѣнныхъ реформъ.—Правила о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ.—Приступъ къ составленію гражданскаго уложенія.—Положеніе работы въ комиссіи М. С. Коканова.—Приостановленіе газеты „Земство“.

Отмѣна подушной подати, не смотря на ея постепенность, должна была повлечь за собою увеличеніе существующихъ или созданіе новыхъ источниковъ государственнаго дохода; того же самаго заставляла ожидать уже роспись на 1882 годъ, въ разъясненіи къ которой признавалась необходимость „заблаговременнаго отыскиванія способовъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ“, съ цѣлью „надежнаго устраниенія дефицитовъ“. Цифра, до которой тогда предлагалось дойти, составляла отъ 10 до 15 милліоновъ рублей; теперь она возвысилась, по слухамъ, до двадцати милліоновъ, именно вслѣдствіе предстоящаго, съ 1883 г., освобожденія нѣкоторыхъ категорій плательщиковъ отъ взноса подушной подати. Обнародованныя до сихъ поръ законодательныя мѣры направлены къ увеличенію гербоваго сбора, таможеннаго сбора и акциза съ табаку; имѣется въ виду еще установленіе или распространеніе крѣпостныхъ пошлынь при безмездномъ переходѣ имуществъ, а также увеличеніе сборовъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

Всего менѣе значенія, изъ трехъ совершившихся финансовыхъ реформъ, имѣетъ законъ 25-го мая, дополняющій, измѣняющій и отмѣняющій нѣкоторыя постановленія устава о гербовомъ сборѣ.

Вольного повышенія суммы гербового сбора онъ не производитъ, потому что подчиняется ему вновь только немногіе виды актовъ и документовъ, прежде отъ него изъятыхъ, не касаясь ни разнѣровъ сбора, ни общихъ его основаній. Отмѣна изъятій, составляющая съ финансовой точки зрѣнія главное содержаніе новаго закона, представляется вполнѣ дѣлессобразной и справедливой. Такъ наприимѣръ, простымъ гербовымъ сборомъ обложены свидѣтельства и билеты на срочные и безсрочные вклады, выдаваемые какъ государственными и частными кредитными учрежденіями, такъ и производящими частными банкирскими операціи товариществами и конторами; росписки тѣхъ же учреждений, товариществъ и конторъ въ пріемъ на текущій счетъ денегъ на суммы не менѣе 50 рублей, равно какъ и каждое записаніе такихъ суммъ въ расчетныя книжки безсрочныхъ вкладовъ и въ книжки текущихъ счетовъ, спеціальныхъ и простыхъ; удостовѣренія или свидѣтельства, выдаваемые частными лицами или обществами частнымъ же лицамъ или обществамъ, но частнымъ ихъ дѣламъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не было, очевидно, никакихъ основаній для льготы, и вновь устанавливаемый гербовый сборъ ни для кого не составитъ непосильнаго бремени. Оплата гербовымъ сборомъ записокъ на текущій счетъ, равно какъ и свидѣтельствъ на безсрочные и срочные вклады, упадетъ преимущественно на тѣ классы общества, которые платятъ въ казну несоразмѣрно мало и могли бы платить безъ всякаго труда несравненно больше. Мы не думаемъ даже, чтобы представлялась необходимость освобождать отъ гербового сбора взносы на сумму менѣе 50 рублей; интересы лицъ недостаточныхъ вполнѣ ограждены, по нашему мнѣнію, тѣмъ правиломъ новаго закона, въ силу котораго не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ записки въ книжки сберегательныхъ кассъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Пропорціональнымъ или простымъ гербовымъ сборомъ, смотря по суммѣ договора, обложены договоры о передачѣ контрактныхъ съ казною обязанностей, вполнѣ или отчасти, отъ одного частнаго лица къ другому; другими словами, отмѣнена не имѣвшая никакой разумной причины привиллегія казенныхъ контрагентовъ. Столь же правильнымъ, но болѣе важнымъ по ожидаемымъ матеріальнымъ результатамъ, слѣдуетъ признать обложеніе пропорціональнымъ гербовымъ сборомъ—въ видѣ представленія листа вексальной гербовой бумаги надлежащаго достоинства—тѣхъ сдѣлокъ, по которымъ государственныя и частныя кредитныя учрежденія возобновляютъ выданныя ими, съ обезпеченіемъ процентными бумагами или иную движимостью, ссуды, или разсрочиваютъ уплату этихъ ссудъ, сверхъ наибольшихъ сроковъ, опредѣленныхъ уставами для выдачи ссудъ. При существованіи крайняго срока, дальнѣе котораго

не можетъ быть выдана ссуда, каждая сдѣлка, отдающая уплату за предѣлы этого срока, является, въ сущности, новымъ займомъ и должна служить источникомъ государственнаго дохода; между тѣмъ, всѣ подобныя разсрочки ускользали до сихъ поръ отъ уплаты гербоваго сбора. Новый законъ налагаетъ конецъ этому положенію дѣлъ, поощрявшему только, въ ущербъ казнѣ, биржевую игру и банковыя спекуляціи.

Уничтожая неосновательныя изъятія отъ гербоваго сбора, законъ 25-го мая устанавливаетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, новыя льготы или точнѣе опредѣляетъ существующія. Самымъ важнымъ намѣщеніемъ является въ этомъ отношеніи новая редакція пункт. 5 ст. 43 устава о гербовомъ оборѣ. Прежняя редакція этого пункта освобождала отъ гербоваго сбора прошенія и бумаги по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію крестьянскихъ учрежденій и касающимся устройства быта крестьянъ и ихъ общественнаго управленія. Министерство финансовъ разъяснило ее въ томъ смыслѣ, что она применима лишь къ дѣламъ объ устройствѣ быта цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ или селеній, а не къ дѣламъ, въ которыхъ заинтересованы отдѣльные крестьяне. Для предупрежденія на будущее время подобныхъ недоразумѣній, затрудняющихъ для крестьянъ обращеніе въ крестьянскія учрежденія, новая редакція пункт. 5-го изложена слѣдующимъ образомъ: „по дѣламъ, касающимся устройства быта какъ крестьянскихъ обществъ и селеній, такъ и отдѣльныхъ крестьянъ, и по дѣламъ крестьянскаго общественнаго управленія“. Сверхъ того, къ числу мѣстъ и лицъ, вавѣдующихъ крестьянскими дѣлами, прибавлены въ томъ же пунктѣ уѣздыя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, непримѣнимые къ членамъ и перамъ департаментъ Сената. Зная, какъ тяжела иногда для крестьянъ уплата одного или двухъ рублей, нельзя не признать, что новый законъ и въ этомъ отношеніи составляетъ переимѣну въ лучшему.

Первоначальный проектъ закона, если вѣрять дошедшимъ до насъ слухамъ, простираетъ свое усердіе слишкомъ далеко и стремился къ распространенію гербоваго сбора на такіа сферы, которыя до сихъ поръ совершенно правильно отъ него изъяты. Предполагалось, напри- мѣръ, отменить тѣ правила гербоваго устава (ст. 66, пункт. 5 и 7), по которымъ освобождались отъ гербоваго сбора: 1) договоры о наймѣ въ сельскія рабочія или служительскія по сельскому хозяйству должности и 2) условія, заключаемыя фабрикантами съ крестьянами объ отдачѣ имъ матеріаловъ для обработки. Законъ 25-го мая оставилъ въ силѣ и то, и другое исключеніе, ограничивъ только ихъ дѣйствіе сдѣлками, заносимыми въ книги волостныхъ правленій, на сумму не свыше 300 рублей. Подобная переимѣна почти равновѣсна

сохраненію status quo, такъ какъ на высшую сумму и не въ волостныхъ правленіяхъ сдѣлки обѣихъ вышеупомянутыхъ категорій заключаются, безъ сомнѣнія, крайне рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне останутся, такимъ образомъ, свободными отъ дополнительнаго платежа, бремя котораго почти всегда падало бы на нихъ и именно для нихъ было бы особенно чувствительно. Еще болѣе тяжелымъ ударомъ для крестьянъ и вообще для людей бѣдныхъ было бы предположенное первоначальнымъ проектомъ обложение гербовымъ сборомъ бумагъ, издаваемыхъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и ими выдаваемыхъ, за исключеніемъ лишь исковъ, цѣна которыхъ составляетъ не болѣе десяти рублей. Проектированный размѣръ этого сбора — десять копѣекъ съ листа — незначителенъ только повидимому; вмѣстѣ съ судебной пошлиной и особымъ десяти-копѣечнымъ сборомъ, установленными пять лѣтъ тому назадъ, гербовый сборъ окончательно извратилъ бы характеръ мировыхъ учреждений, общедоступность которыхъ была главною цѣлью законодателя при изданіи судебныхъ уставовъ. Обязанность платить 20 копѣекъ за каждый листъ прошенія или приложенія къ нему, а также за исполнительные листы, копія съ рѣшеній и т. п., оказалась бы непосильной для массы лицъ, имѣющихъ надобность въ мировомъ судѣ и уже теперь немало затрудненныхъ въ обращеніи къ нему. Сохранивъ свободу мирового судопроизводства отъ гербоваго сбора, высшее законодательное учрежденіе оказало существенную услугу бѣднѣйшимъ классамъ населенія и осталось, на этотъ разъ, вѣрнымъ принципу, нарушенному, къ сожалѣнію, закономъ 10-го мая 1877-го года.

Вторая мѣра, предпринятая въ видахъ увеличенія государственнаго дохода — это измѣненія таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ, высочайше утвержденныя 1-го іюня. Чисто-финансовыя соображенія играли здѣсь главную роль, но рядомъ съ ними существовали и другія; нѣкоторыя пошлины возвышены съ цѣлью усилить покровительство отечественной промышленности и установить болѣе выгодное отношеніе между привозомъ и отпускомъ товаровъ. Мнѣніе „Вѣстника Европы“ о протекціонизмѣ хорошо извѣстно нашимъ читателямъ; мы остановимся, поэтому, преимущественно на финансовой сторонѣ реформы. Всего меньше возраженій возбуждаетъ наложеніе или повышеніе пошлинъ на предметы роскоши, или на такіе продукты, безъ которыхъ обходится масса населенія. Къ числу товаровъ, пропускавшихся до сихъ поръ беспошлинно, относились, напримѣръ, анисъ, тминъ, сухая горчица, корица, корка лимонная, апельсиновая и померанцевая, чернаха, янтарь, эмаль въ кускахъ,

мозанка и драгоценные камни не въ оправѣ. Теперь всѣ эти товары обложены пошлиной—и трудно представить себѣ такой законный интересъ, который этимъ могъ бы быть нарушенъ. Кто покупаетъ приправы для своего стола или украшенія для своей квартиры, для своего туалета, тотъ можетъ заплатить за нихъ и нѣсколько дороже; косвенный налогъ на такіа покупки принадлежитъ къ числу самыхъ справедливыхъ. Единственное условіе, котораго можно требовать здѣсь отъ таможенной пошлины—это такой размѣръ ея, который не препятствовалъ бы ввозу; пошлины, установленныя новымъ закономъ на перечисленные нами предметы, соответствуютъ этому условію, такъ какъ не могутъ быть названы слишкомъ высокими. Исходя изъ той же точки зрѣнія, нельзя не одобрить возвышеніе пошлины на дорогіе мѣла, фрукты (свѣжіе и сухіе), орѣхи, конфеты, пряности, каперсы, оливки, трюфли, устрицы, какао. Болѣе спорнымъ представляется, нововидному, возвышеніе пошлины на кофе (съ 1 р. 65 к. до 2 руб. 50 коп. на пудъ); намъ кажется, однако, что и оно должно быть признано совершенно правильнымъ, какъ потому, что потребление кофе въ массу населенія еще не проникло, такъ и потому, что надбавка въ двѣ съ небольшимъ копейки на фунтъ (если и предположить, что въ розничной торговлѣ она дойдетъ до пяти копѣекъ) не ляжетъ тяжелымъ бременемъ на покупателей. Увеличеніе пошлины на кофе представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что съ нудчаю, несравненно болѣе распространеннаго въ народѣ, возникаетъ около 17 рублей, т.-е. почти въ семь разъ больше противъ вновь установленной, слишкомъ въ десять разъ больше противъ прежней пошлины на кофе—а средняя цѣна чаю едва ли превышаетъ среднюю цѣну кофе болѣе чѣмъ вчетверо или втрое. Пожалѣть можно только о томъ, что высшіе сорта кофе не обложены еще болѣе высокими оборотомъ; если пудъ дешеваго кофе, стоящаго отъ 10 до 11 р., можетъ выдержать пошлину въ 2 руб. 50 коп., то пудъ дорогого кофе, цѣна котораго доходитъ до 26 рублей, могъ бы выдержать пошлину вдвое или даже втрое большую. Опасаться злоупотребленій здѣсь нельзя было бы уже потому, что даже при нецѣнномъ приращеніи всего ввозимаго кофе къ наиболѣе дешевому сорту пошлина не могла бы составить менѣе установленной теперь нормы, т.-е. менѣе 2 руб. 50 коп. съ пуда.

Одинаковое обложеніе предметовъ различной стоимости—недостатокъ, не разъ встрѣчающійся въ новомъ законѣ. Такъ напримѣръ, полотно и батистъ были обложены до сихъ поръ такъ-называемою цѣнною пошлиною, въ 33% съ объявленной цѣны. Вниманіе этой пошлины представляло на практикѣ большія неудобства; единственной гарантіей противъ злоупотребленій было право таможенныхъ

чиновниковъ задерживать товары по объявленной цѣнѣ; но такъ какъ подобная задержка веда за собою продажу товара съ аукціона, на которомъ, вслѣдствіе стачки покупателей, легко могла установиться цѣна несоразмѣрно низкая; а чиновникъ, задержавшій товаръ, отбывалъ передъ хозяиномъ за недовыручку, то случаи задержки встрѣчались весьма рѣдко, и масса товаровъ оплачивалась пошлинѣю, не соответствовавшію ихъ цѣнѣ. Рѣшимость правительства замѣнить цѣловную пошлину вѣсовой является, при такомъ положеніи дѣлъ, вполне понятною. Чтобы найти правильныя основанія для такой замѣны, оно обратилось къ экспертамъ. Между экспертами произошло разногласіе: одни полагали опредѣлять пошлину смотря по числу квадратныхъ аршинъ въ фунтѣ полотна, другіе — смотря по числу нитокъ въ кускѣ ткани известнаго размѣра (чѣмъ тоньше — и слѣдовательно дороже — полотно, тѣмъ больше число квадратныхъ аршинъ его, приходящихся на фунтъ, и число нитокъ, приходящихся на кусокъ); но всѣ единогласно находили нужнымъ установить, на томъ или другомъ основаніи, нѣсколько различныхъ размѣровъ пошлینی (отъ четырехъ до одиннадцати). Minimum пошлینی, при такомъ расчетѣ, нисходилъ до 8 или 16 коп. съ фута, максимумъ доходилъ до 1 руб. 50 коп. Мнѣніе экспертовъ не было принято, и пошлина съ полотна установлена однообразная — по 70 коп. съ фута (въ первоначальномъ проектѣ она была опредѣлена даже въ 80 коп.); только батистъ обложенъ пошлинѣю въ размѣрѣ 1 руб. 50 коп. съ фута. Съ полотна и батиста крашеныхъ, набивныхъ и пестротканыхъ, а также съ носовыхъ платковъ полотняныхъ и батистовыхъ, взимается надбавка въ 20%. Наши полотняныя фабрики занимаются преимущественно приготовленіемъ болѣе грубыхъ, болѣе дешевыхъ сортовъ полотна, т.-е. именно тѣхъ, которые облагаются теперь высокою, сравнительно, пошлинѣю. Новый законъ выгоденъ, слѣдовательно, для производителей, но невыгоденъ для большинства потребителей; въ пользу немногихъ достаточныхъ людей, покупающихъ тонкіе сорта заграничнаго полотна, устанавливается привилегія, лишенная правильнаго основанія. Безспорно, обложеніе полотна дифференціальной пошлинѣю, смотря по вѣсу квадратнаго аршина или по числу нитей въ кускѣ, было бы не совсѣмъ удобно для торговцевъ и для таможенныхъ чиновниковъ, потому что повлекло бы за собою пережѣриваніе или наслѣдованіе товара; но неудобства эти вовсе не такъ важны, чтобы ими оправдывался отказъ отъ системы, справедливость которой не подлежитъ никакому сомнѣнію, а практическая удобообустройство признана экспертами. Истинное стремленіе къ однообразію выразилось, дагѣе, и въ томъ постановленіи новаго закона, которое относится къ шерстянымъ матеріаламъ. Дѣй-

ствовавшій до сихъ поръ тарифъ различалъ шерстяныя матеріи валійныя и невалійныя, выдѣляя изъ среды валійныхъ (крошѣ байковыхъ одѣялъ и шерстяныхъ поповъ, которыя и теперь остаются обложенными особомъ, низшею пошлиною) сукно, полу-сукно, казимиръ, трико-казимиръ и бѣлую фланель (первыя четыре матеріи — съ повышеніемъ, послѣднюю — съ пониженіемъ пошлины), и раздѣляя невалійныя матеріи на три категоріи, смѣтрая по числу квадратныхъ аршинъ въ фунтѣ. Новый законъ отиѣняетъ всѣ эти различія и устанавливаетъ одну общую пошлину для всѣхъ валійныхъ и невалійныхъ шерстяныхъ матерій. Пошлина эта — 90 коп. — ниже той, которая существовала для наиболѣе цѣнныхъ матерій (1 руб. 21 коп. и 1 руб. 32 коп.), но значительно выше той, которая существовала для матерій дешевыхъ (44 коп. и 55 коп.). И здѣсь, такимъ образомъ, покупатели болѣе дорогихъ матерій выигрываютъ, покупатели болѣе дешевыхъ матерій проигрываютъ, а производство получаетъ, въ общемъ выводѣ, новую, немаловажную охрану. Правда, отъ новаго обложенія шерстяныхъ матерій ожидается увеличеніе таможеннаго дохода на полъ-милліона рублей; но этотъ результатъ могъ бы быть достигнутъ и при нѣкоторой соразмѣрности между пошлиною и достоинствомъ товара.

Цѣновая пошлина, въ дѣйствозаншемъ до сихъ поръ тарифѣ, существовала, крошѣ полотна, еще для готового бѣлья и платья (въ размѣрѣ 38 $\frac{1}{2}$ ‰). Новый законъ замѣняетъ ее и здѣсь пошлиною вѣсовой, но на этотъ разъ не однообразною. За фунтъ сшитаго бѣлья назначена пошлина въ 1 руб. 50 коп., возвышающаяся до 2 руб., если бѣлье сдѣлано изъ батиста, или вышито, или обшито кружевами. Пошлина за фунтъ готоваго платья колеблется между 1 руб. 30 коп. (простое мужское платье) и 7 руб. (платье изъ бархата, полубархата и другихъ шелковыхъ и полушелковыхъ тканей); промежуточные размѣры пошлины — 2 руб., 2 руб. 25 коп. и 3 руб. 50 коп. Повышеніи таможеннаго дохода, а слѣдовательно и усиленія охраны отечественнаго производства, отъ замѣны цѣновой пошлины на готовое бѣлье и платье вѣсовою — не предвидится; но еслибы оно и произошло, то жалѣть объ этомъ въ данномъ случаѣ не было бы причинъ. Приготовленіе готоваго бѣлья и платья находится не столько въ рукахъ фабрикантовъ, сколько въ рукахъ ремесленниковъ, трудъ которыхъ заслуживаетъ большаго поощренія; крошѣ того, самый дешевый товаръ этого рода, можетъ быть неспособенъ выдержать новую пошлину, отличаясь крайней недоброкачественностью и непрочностью, и прекращеніе его ввоза не будетъ имѣть незыгодныхъ послѣдствій для наиболѣе бѣдныхъ покупателей.

Обложеніе пошлиною нѣкоторыхъ простѣйшихъ жизненныхъ ар-

насъ, прежде ввозившихся безпошлинно (овощи съѣстные и сухія въ непрессованномъ видѣ, съѣстная рыба, молоко, сливки), равно какъ и возвышеніе пошлины на другіе припасы этого рода (муку, крупу, пельбасу, солёное и копчёное мясо, воровье-масло) можетъ отозваться неблагоприятно на положеніи пограничнаго населенія, потребностями котораго обуславливается отчасти ввозъ этихъ товаровъ. Въ примѣненіи къ нимъ болѣе осторожно было бы, можетъ быть, установить разницу между ввозомъ сухопутнымъ и морскимъ, такъ какъ моремъ идутъ преимущественно тѣ изъ вышеупомянутыхъ жизненныхъ припасовъ, которые имѣютъ значеніе лавомствъ, удовлетворяютъ не потребность, а прихоть (напримѣръ, раннія цѣбныя овощи—такъ называемыя *primeurs*). Безусловно пожалѣть можно объ увеличеніи (съ $\frac{1}{2}$ коп. до 1 коп. на пудъ) пошлины на каменный уголь, привозимый изъ тамошнимъ царства польскаго—и выѣстъ съ тѣмъ порадоваться тому, что не унамена просьба вѣжно-русскаго горнопромышленниковъ объ обложеніи пошлиной всего вообще привозимаго въ Россію каменнаго угля. Иностранная конкуренція вовсе не вредитъ развитію у насъ каменно-угольнаго производства; введеніе охранительной пошлины могло бы только замедлить улучшеніе способовъ производства и перевозки угля. Въ виду распространяющагося у насъ употребленія искусственныхъ удобреній, обложеніе пошлиной (по 10 к. съ пуда) ввозившейся до сихъ поръ безпошлинно тертой и женой кости, а также костяного угля, едва ли представляется целесообразнымъ; за то установленіе отнужденной пошлины на женую и молотую или тертую кость, въ связи съ существовавшей и до сихъ поръ отнужденной пошлиной на кость сырую, уменьшитъ, нужно надѣяться, непроизводительную для Россіи потерю столь драгоцѣннаго матеріала.

Изъ числа самыхъ слабыхъ сторонъ новаго закона принадлежитъ обложеніе пошлиной предметовъ, способствующихъ развитію образованія. По дѣйствовавшему до сихъ поръ тарифу ввозились безпошлинно термометры, барометры, микроскопы (безъ украшеній изъ бронзы и т. п.), астрономическіе инструменты, манометры, часы и хронометры астрономическіе, телескопы, водомѣрытели и газомѣрытели всѣхъ, стекла оптическія и зажигательныя, сосуди и аппараты химическіе, географическіе глобусы. Всѣ эти предметы причислены теперь къ разнымъ другимъ категоріямъ, обложеннымъ пошлиною; географическіе глобусы, физическіе, астрономическіе и химическіе инструменты востановлены, напримѣръ, на одинъ уровень съ лорнетами, театральными трубами, приборами для фотографій (оплачиваемыми по 6 рублей 60 коп. съ пуда); химическіе сосуди и аппараты обложены пошлиной смотря по матеріалу, изъ котораго они сдѣ-

лави, астрономическіе часы и хронометры сѣянами съ обыкновенными часами. Очень большого вздорожанія всѣхъ этихъ предметовъ, вслѣдствіе обложенія ихъ пошлинной, ожидать нельзя, но столь же мало вѣроятно и сколько-нибудь значительное увеличеніе, отъ той же причины, государственнаго дохода; къ чему же было отнимать у науки одну изъ привилегій, которыми она пользовалась? Если число инструментовъ и аппаратовъ, покупаемыхъ учеными и учащимися, уменьшится, подъ вліяніемъ новаго закона, хотя бы лишь на нѣсколько единицъ, то и это уже составитъ потерю, невознаградимую легкимъ возвышеніемъ таможеннаго сбора. Облагаются пошлиной, далѣе, книги, отпечатанныя за-границей на русскомъ языкѣ (безъ переплета — по 3 руб., въ переплетѣ — по 4 руб. 50 коп. съ нуда). Основаніемъ къ принятію этой мѣры послужила большая, будто бы, выгода печатанія книгъ за-границей и необходимость оградить русскія типографіи отъ заграничной конкуренціи. Въ 1871 г. ввезено было изъ-за границы 25 русскихъ изданій, въ 1878-мъ—56, въ 1880-мъ — 81; эти цифры рассматриваются какъ доказательство опасности, угрожающей русскимъ типографіямъ. Намъ кажется, что онѣ ведутъ къ противоположному заключенію. Еслибы печатаніе русскихъ книгъ за-границей дѣйствительно обходилось гораздо дешевле, чѣмъ въ Россіи, то разнѣры его увеличивались бы, безъ сомнѣнія, несравненно сильнѣе и быстрѣе. Небольшая разниа въ цѣнѣ, если она и существуетъ, не можетъ дать перевѣсъ заграничнымъ типографіямъ передъ русскими, потому что для авторовъ, живущихъ въ Россіи—т.е. для громаднаго большинства — печатаніе за-границей сопряжено съ существенными неудобствами (пересылка рукописей и корректуръ, перевозка отпечатанныхъ экземпляровъ и т. п.). Увеличеніе числа русскихъ книгъ, печатаемыхъ за-границей, объясняется не столько дѣной типографскою работою, сколько важностью вновь возникающихъ вопросовъ и трудностью обсуждать ихъ въ Россіи. Авторъ, неуцѣренный въ томъ, пройдетъ ли его сочиненіе черезъ цензурное чистилище, рѣшается иногда печатать его за-границей, чтобы оградить его по крайней мѣрѣ отъ совершеннаго уничтоженія и дать ему хоть ту ограниченную гласность, которая достается на долю русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ въ Лейпцигѣ или Берлинѣ. Онъ можетъ надѣяться, притомъ, что при измѣнившихся обстоятельствахъ его книга проинтересуетъ и въ отечествѣ, какъ это случилось, напримѣръ, съ „Письмами о современномъ состояніи Россіи“. Въ моментъ написанія ихъ, извѣщеніе ихъ въ Россіи было невозможно; прошло нѣсколько лѣтъ—и они свободно стали въ ней обращаться. Оградить русскія типографіи отъ конкуренціи съ заграничными немысль, такій обра-

зомъ, только большая свобода печати; тамошныя пошлины, вновь установленныя, не достигнуть этой цѣли, затруднивъ только, безъ всякой пользы, приобрѣтеніе русскихъ книгъ, напечатанныхъ за-границей. Кромѣ этихъ книгъ, предполагалось обложить пошлиной еще одну категорію печатныхъ изданій: книги на иностранныхъ языкахъ, если онѣ привозятся въ переплетѣ. Предположеніе это, вызванное чрезвычайной заботливостью о развитіи у насъ переплетнаго мастерства, къ счастью не осуществлялось. Еслибы приобрѣтеніе книги въ переплетѣ или безъ переплета всегда зависѣло отъ покупателя, пошлина на переплетныя книги не могла бы принести большого вреда; но множество изданій, въ особенности англійскихъ, ввозятся въ Россію не иначе какъ въ переплетѣ и обложеніе ихъ пошлиной было бы тѣмъ болѣе чувствительно для покупателей, что англійскія книги и безъ того уже, болѣею частью, стоятъ дорого, даже независимо отъ удара нашего курса.

18-го мая, въ самый день подписанія указа о постепенной замѣнѣ подушной подати, Высочайше утвержденъ новый уставъ о табачномъ сборѣ. Табакъ бесспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ предметовъ, обложеніе которыхъ болѣе справедливо и наименѣе обременительно для населенія; потребление его не вызывается необходимостью, постоянно возрастаетъ, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть ограничено безъ всякаго вреда для потребителя. Между тѣмъ, при дѣйствіи прежняго устава, наложеннаго въ 1871-мъ и измѣненнаго въ 1877-мъ году, поступленіе дохода отъ акциза съ табака увеличивалось весьма медленно; въ 1872 г., напримѣръ, собственно отъ продажи бандеролей было выручено почти 9 милліоновъ, въ 1878-мъ—около 9½, въ 1880-мъ—около 10½ милліоновъ рублей. Главные недостатки отѣненнаго теперь закона были слѣдующіе: налогомъ облагался только табакъ фабричнаго приготовленія и сырой табакъ, привозимый изъ-за границы. Съ табака мѣстнаго произрастенія, потребляемаго въ листахъ безъ фабричной переработки, акцизъ вовсе не взыскивался. Въ связи съ этимъ находилась слабость надзора за табачномъ поступленіемъ его на фабрики, вслѣдствіе чего значительная его часть перерабатывалась и поступала въ продажу тайно, безъ оплаты акцизомъ. Средній сборъ табака, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, превышалъ три милліона, можетъ быть, даже три съ половиною милліона пудовъ въ годъ; между тѣмъ, на фабрики поступало русскаго табака, въ тотъ же періодъ времени, менѣе полутора милліона пудовъ ежегодно. Контроль на фабрикахъ былъ организованъ также не очень сильно, не смотря на стѣсненія, которыми было обставлено открытіе новыхъ табачныхъ фабрикъ,

особенно мажорочныхъ. Выпускъ съ фабрикъ табака, неоплаченного акцизомъ, совершался иногда подъ видомъ продажи сырого табака оптовымъ складчикамъ, иногда съ помощью бандеролей, уже бывшихъ въ употребленіи. Продажѣ неоплаченныхъ акцизомъ табачныхъ издѣлій способствовало разрѣшеніе держать ихъ въ открытыхъ магазинахъ, вслѣдствіе чего въ ящики или пакеты, обложенный бандеролей, постоянно могли быть вкладываемы новыя издѣлія, безъ всякой ихъ оплаты. Реформа 1877 года не только не достигла цѣли, но присоединила къ прежнимъ неудобствамъ новыя, не менѣе важныя. До 1877 года для табачныхъ издѣлій разной цѣнности существовали и бандероли разной стоимости—для курительнаго и нюхательнаго табака въ 4, 8, 16, 38 и 52 коп. съ фунта, для напирь въ 9, 15 и 30 коп. съ сотни, для сигаръ въ 30, 60 и 100 коп. съ сотни. Въ 1877 году всѣ эти различныя пошлины были замѣнены однообразной, средней нормой акциза для каждаго главнаго рода табачныхъ издѣлій; для табаку, продаваемого фунтами, введены были бандероли въ 24 коп. за фунтъ, для напирь—въ 15 к. за фунтъ—въ 60 коп. за сотню. Особымъ, низшимъ сборомъ—2 к. за фунтъ—была обложена только одна мажорка. Ожидалось, отъ этой мѣры значительное повышеніе табачнаго сбора, а получилось значительное развитіе безбандерольной продажи. Низшіе сорта табачныхъ издѣлій не могли вынести высокаго сбора; число нудовъ нюхательнаго и курительнаго табаку, гласно вырабатываемаго на фабрикахъ и оплачиваемаго акцизомъ, уменьшилось въ 1878 и 1879 г., сравнительно съ 1877-мъ, слишкомъ вдвое—а такъ какъ потребление табака, повидимому, не сократилось, то остается только допустить громадное развитіе тайной выдѣлки и тайнаго сбыта ¹⁾. Благопріятствовала тому и другому слабость наказаній за нарушеніе табачнаго устава и медленность дѣлопроизводства.

Обложение табака, какъ источникъ государственнаго дохода, принимается въ разныхъ государствахъ весьма различныя формы. Во Франціи и Австріи табакъ составляетъ предметъ государственной монополіи, т.-е. государство само непосредственно заводитъ его выдѣлку и продажей. Въ Италіи также существуетъ монополія, но она отдана на откупъ компаніи нѣзвѣсколькихъ табачныхъ фабрикантовъ и капиталистовъ. Въ Англіи разведеніе табака внутри государства безусловно запрещено и доходъ съ него получается въ видѣ таможенной пошлины. Въ Пруссіи прежде взыскивался налогъ съ земли,

¹⁾ Такъ какъ установленный въ 1877 г. акцизъ съ курительнаго табака былъ почти вдвое ниже, сравнительно съ акцизомъ съ напирь, то тайная выдѣлка послѣднихъ производилась не только изъ курительнаго, но и изъ обандероленного табака.

находящейся надъ табачными плантаціями, теперь выясняется на-
логъ съ сырого табака, при выкускѣ его съ плантацій. Въ Сѣверо-
Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ система обложенія табака,
въ главныхъ чертахъ, сходна съ нашею. Возможно, наконецъ, со-
средоточеніе въ рукахъ правительства торговли сырыхъ табаконъ,
при полной свободѣ фабрикаціи табака и продажи табачныхъ надѣ-
лій. Приступая къ пересмотру нашего табачнаго устава, нужно было
опредѣлить, прежде всего, слѣдуетъ ли измѣнить самую систему
обложенія табака, или только преобразовать ее, съ сохраненіемъ
основныхъ ея положеній. Разрѣшивъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ
смыслѣ, министерство финансовъ поступило, какъ намъ кажется, со-
вершенно правильно. Въ будущемъ, болѣе или менѣе близкомъ, си-
стема полной государственной монополіи сдѣлается, быть можетъ, и
у насъ наиболее выгодной и целесообразной; но въ настоящее время
она была бы источникомъ слишкомъ большихъ злоупотребленій, даже
при ограниченіи ея одной покупкой и продажей сырого табака. О
табачномъ откупѣ нечего и говорить; питьиный откупъ у всѣхъ еще
въ слишкомъ свѣжей памяти. Англійская система немислива въ
Россіи уже потому, что разведеніе табака достигло у насъ слишкомъ
большихъ размѣровъ. Дробность русскихъ табачныхъ плантацій
крайне велика; общее ихъ число—болѣе 160,000, средній ихъ раз-
мѣръ—одна пятая десятины; значительная ихъ часть находится въ
рукахъ крестьянъ. Отсюда невозможность ввести сборъ съ сырого
табака, при отпускѣ его съ плантацій, или обложить ихъ по коли-
честву занимаемой ими земли. При такомъ положеніи дѣла не оста-
валось ничего другого, какъ приурочить взиманіе табачнаго акциза
по-прежнему къ фабричной переработкѣ табака. Сущность преобра-
зованій, вводимыхъ новымъ уставомъ о табачномъ сборѣ, заклю-
чается въ слѣдующемъ. Къ обложенію акцизомъ привлекается весь
потребляемый табакъ. Съ этою цѣлью воспрещается продажа листо-
вого табака изъ лавокъ и лавочекъ, и разрѣшается только изъ онто-
выхъ складовъ, снабженныхъ надлежащимъ патентомъ; приобрѣтеніе
листового табака разрѣшается только табачнымъ фабрикантамъ и
содержателямъ постоянныхъ онтовыхъ складовъ¹⁾; отпускъ съ план-
тацій табака въ количествѣ менѣе одного пуда не допускается; пере-
возится листовой табакъ по особымъ документамъ, дающимъ воз-
можность установить надзоръ за его провозомъ. Табачныя фабрики
до сихъ поръ можно было устранивать только въ столицахъ, губерн-
скихъ и портовыхъ городахъ; теперь ихъ разрѣшается открывать и

¹⁾ Изъ этого правила, какъ и изъ предыдущаго, допущены исключенія, кото-
рыхъ мы не приведемъ, чтобы не вдаваться въ подробности.

во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, а при возможности организаціи надзора—даже въ мѣстечкахъ и селеніяхъ. Чтобы облегчить устройство махорочныхъ фабрикъ, обязательная норма годовой выработки или бандеролей понижена, за исключеніемъ Петербурга, Москвы, Одессы, Риги и Варшавы, на половину (съ шести на три тысячи рублей). Цѣны патентовъ на оптовые склады листового табака нѣсколько повышены, за исключеніемъ лишь складовъ, въ которыхъ продается одна махорка. Выѣсто однообразнаго акциза на главныя ряды табачныхъ надѣлій установленъ для табака въ фунтахъ—четыре, для напирсъ и сигаръ—по двѣ категоріи бандеролей. Съ фунта махорки высканивается 4 копѣйки, съ тѣмъ, чтобы продажная его цѣна была не выше 24 копѣекъ¹⁾; съ фунта табака низшаго сорта (цѣною не болѣе 40 коп. за фунтъ)—12 копѣекъ, съ фунта табака второго сорта (цѣною не болѣе 1 руб. 44 коп.)—36 к., съ фунта табака перваго сорта—60 коп. Съ сотни напирсъ низшаго сорта (цѣною не болѣе 30 копѣекъ) высканивается 7½ коп., съ сотни напирсъ вышшаго сорта—15 коп. Съ сотни сигаръ низшаго сорта (цѣною не болѣе 1 руб. 20 коп.) высканивается 30 коп., съ сотни сигаръ вышшаго сорта—80 копѣекъ. Количество допущеннаго къ выпуску табака третьаго, низшаго сорта (не слѣдуетъ смѣшивать его съ махоркой), поставлено, для каждой фабрики, въ зависимость отъ количества выдѣлываемыхъ ею табака, сигаръ и напирсъ перваго, вышшаго сорта. Табачныя надѣлія низшихъ сортовъ постановлено допускать въ продажу не иначе, какъ въ помѣщеніяхъ опредѣленной величины и въ оберткахъ опредѣленнаго цѣта, съ обозначеніемъ на нихъ принадлежащаго каждому покупателю права пріобрѣтать ихъ по выставленнымъ цѣнамъ. Для удобства надзора рѣшено, между прочимъ, не допускать помѣщенія на фабрикахъ частныхъ квартиръ и внутренняго между ними сообщенія и совершенно воспретить продажу табачныхъ надѣлій изъ открытыхъ лавочекъ или другихъ помѣщеній. Правильно объ обязательномъ жилищномъ контролѣ на контролируемой низъ фабрикахъ отмѣчено, такъ какъ оно свѣрѣе ослабляло, чѣмъ усиливало дѣйствительность надзора. Судопроизводство по дѣламъ о нарушеніяхъ табачнаго устава усвоено и упрощено, наказанія за нарушенія значительно усилены; кромѣ денежныхъ штрафовъ могутъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, назначаемы арестъ и даже тюремное заключеніе.

Разсматривая новый табачный уставъ съ точки зрѣнія справедливости опредѣляемаго имъ налога, нельзя не признать, что перекіду

¹⁾ Для махорки, равно какъ и для всѣхъ табачныхъ надѣлій, продаваемыхъ въ Закавказскомъ краѣ и Сибири, установлены другія, вышшія продажныя цѣны.

къ лучшему онъ составляетъ лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но не безусловно. Возвращеніе отъ односторонняго акциза къ акцизу, сколько-нибудь соответствующему цѣнѣ надѣлій, исполнѣ правильно, равно какъ и болѣе равномерное обложеніе курительнаго табака и напирсы. Помогать здѣсь можно только о томъ, что нормѣ акциза, особенно для сигаръ и напирсы, установленно слишкомъ мало, и что высшіе сорта табачныхъ надѣлій, въ особенности сигаръ, обложены слишкомъ низко. Слабыми сторонами реформы представляются, въ нашихъ глазахъ, ограниченіе фабрикаціи табаку низшаго сорта и повышеніе акциза на махорку, тѣмъ болѣе, что на курильницахъ дешеваго табака всего тамъ-то должно отозваться запрещеніе розничной продажи листового табака. О цѣлесообразности мѣръ, принятыхъ противъ безбандерельной продажи, можно будетъ судить только по указаніямъ опыта.

Сводя въ одно цѣлое все сказанное нами о трехъ финансовыхъ реформахъ—гербовой, таможенной и табачной,—мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Общее направленіе этихъ реформъ заслуживаетъ сочувствія; оно свидѣтельствуетъ о желаніи пополнить недочетъ, образующійся вслѣдствіе отиѣны подушной подати, такими сборами, которые падали бы преимущественно на болѣе достаточные классы населенія или по меньшей мѣрѣ на предметы, безъ которыхъ сравнительно легко можетъ обойтись масса народа. Всего послѣдовательнѣе это стремленіе проведено въ законѣ, касающемся гербового сбора; въ измѣненіяхъ таможеннаго тарифа оно нѣсколько пострадало отъ примѣси протекціонизма, въ новомъ табачномъ уставѣ—отъ спеціально-финансовыхъ соображеній, въ силу которыхъ повышено обложеніе наиболѣе дешеваго, но за то и наиболѣе распространеннаго вида табачныхъ надѣлій. Другая общая черта разсмотрѣнныхъ нами законовъ—это ихъ палліативный характеръ. Новыхъ источниковъ дохода они не создаютъ, существующіе налоги увеличиваютъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой этого требуютъ текуція потребности. Измѣненія таможеннаго тарифа могутъ принести, по приблизительному расчету, около пяти, преобразование табачнаго сбора—около семи милліоновъ рублей; гербовый сборъ, вслѣдствіе закона 25-го мая, едва ли возрастетъ и на вѣль-милліона рублей. Наша финансовая система остается, такимъ образомъ, неприкосновенной; та коренная перемѣна, съ которою связывалось обыкновенно уничтоженіе подушной подати, продолжаетъ быть вопросомъ будущаго, — будущаго, по всей вѣроятности, близкаго, такъ какъ предстоитъ найти, въ теченіе немногихъ лѣтъ, эквивалентъ для пятидесяти-пяти милліоновъ, представляемыхъ еще подушною податью.

Утвержденныя 1-го іюня правила о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и о фабричной инспекціи замѣчательны въ особенности какъ первый приступъ къ дѣлу, въ западной Европѣ нигдѣшему уже цѣлую исторію. Необходимость охраны малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ, давно сознава и у насъ не только обществомъ и литературой, но и правительствомъ. Первый проектъ правилъ по этому предмету (собственно для петербургскихъ фабрикъ и заводовъ) былъ составленъ еще въ 1859-мъ году; за нимъ послѣдовало нѣсколько другихъ, болѣе общаго характера — но практическихъ результатовъ ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ, и дѣло двадцать-три года стояло на одномъ и томъ же мѣстѣ. Выстъ съ исторіей вопроса объ отиѣнѣ подушной подати, вопроса о крестьянскомъ судѣ, вопроса объ опекахъ, этотъ фактъ слѣдовало бы постоянно помнить всѣмъ тѣмъ, которые видятъ въ нашемъ законодательномъ строѣ гарантію быстрого и безпрепятственнаго осуществленія реформъ, однажды признанныхъ необходимыми въ интересахъ массы народа. Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи общественныя группы, заинтересованныя въ свободномъ, т.-е. ничѣмъ не охраненномъ отъ эксплуатаціи трудѣ малолѣтнихъ рабочихъ, гораздо болѣе вліятельны, чѣмъ въ Россіи; это не помѣшало, однако, всѣмъ названнымъ государствамъ далеко опередить насъ на пути разумнаго фабричнаго законодательства.

На основаніи 1-го пункта новаго закона, дѣти, недостигшія двѣнадцати лѣтъ отъ роду, къ фабричнымъ работамъ не допускаются. Это правило не оставило бы желать ничего лучшаго, еслибы оно имѣло безусловно обязательную силу; но министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено, въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе новаго закона, допускать къ работамъ, въ случаѣ надобности, и такихъ малолѣтнихъ, которые имѣютъ не менѣе десяти лѣтъ. Остается надѣяться, что эта „временная иѣра“ дѣйствительно окажется временною, т.-е. не теряетъ силу немедленно по окончаніи назначеннаго въ законѣ срока. Хорошо, не крайней иѣрѣ, хоть то, что никакихъ измѣнъ въ дѣйствіи закона не допущено для малолѣтнихъ, нигдѣшнихъ менѣе десяти лѣтъ отъ роду. Въ настоящее время такихъ „работниковъ“ на фабрикахъ (напримѣръ писчебумажныхъ и стеклянныхъ) не мало, и нѣкоторые фабриканты (напримѣръ, стеклянные) старались удержать за собою право пользоваться ихъ трудомъ, уѣвряя, что онъ для нихъ совершенно безвреденъ. Статистическія изслѣдованія, предпринятые московскимъ губернскимъ земствомъ, сослужили и здѣсь хорошую службу; описаніе одного изъ стеклянныхъ заводовъ клінскаго уѣзда, составленное докторомъ Эрисманомъ, обнаружало съ полною ясностью сущность условій, „безвредныхъ“ по мнѣнію гг.

фабрикантовъ. Малолѣтніе „держальщики и хлопцы“ работаютъ то въ темнотѣ, то при слишкомъ яркомъ свѣтѣ, на сквозномъ вѣтрѣ, испытывая то жаръ, то холодъ, безпрестанно рискуя оступиться и упасть въ подпольные ходы, устроенные для печогаровъ. Законъ 1-го іюня ограждаетъ отъ этой „безвредной“ обстановки малолѣтнихъ, не достигшихъ десяти лѣтъ; предполагая, чтобы административное распоряженіе не отняло той же охраны отъ малолѣтноровъ 10—12 лѣтъ.

Дѣти въ возрастѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ допускаются новымъ закономъ къ фабричной работѣ (за исключеніемъ работъ вредныхъ или изнурительныхъ, описомъ которыхъ будетъ установленъ министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ), но съ тѣмъ, чтобы она продолжалась не болѣе восьми часовъ въ сутки и не болѣе четырехъ часовъ сряду, и чтобы она производилась только днемъ, а не ночью; ночью считается время отъ девяти часовъ вечера до пяти часовъ утра ¹⁾. И здѣсь, однако, соглашенію двухъ министровъ предоставлено разрѣшать, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, ночную работу малолѣтноровъ, на срокъ не болѣе четырехъ часовъ въ сутки. Въ сравненіи съ порядкомъ или, лучше сказать, произволомъ, до сихъ поръ господствовавшимъ на фабрикахъ, эта часть закона, конечно, составляетъ чувствительную переменъ къ лучшему; но иногда удовлетворительною она казалась быть не можетъ. Во многихъ иностранныхъ государствахъ, гдѣ физическое и умственное развитіе идетъ быстрѣе и завершается раньше, чѣмъ въ Россіи, предѣломъ заботливости государства служить шестнадцатилѣтній возрастъ рабочаго (Германія, Австрія, Швейцарія), иногда даже восемнадцатилѣтній (Англія); у насъ, сообразно съ этимъ, слѣдовало бы регулировать фабричную работу по меньшей мѣрѣ до семнадцати лѣтъ ²⁾—а законъ 1-го іюня регулируетъ ее только до пятнадцати лѣтъ. Всего менѣе правильнымъ представляется допущеніе пятнадцати и шестнадцатилѣтнихъ подростковъ къ работамъ, признаннымъ вредными или изнурительными; но опредѣленіе для рабочихъ этого возраста наибольшаго числа часовъ дневной и ночной работы было бы также въ высшей степени желательно. Въ Англіи, въ Австріи, въ Швейцаріи ночная работа запрещена абсолютно до четырнадцати лѣтъ; у насъ она можетъ быть допущена, но особому административному распоряженію, уже съ двѣнадцати лѣтъ.

Пятый пунктъ новыхъ правилъ обязываетъ фабрикантовъ достав-

¹⁾ Если принять въ соображеніе, что многіе рабочіе живутъ довольно далеко отъ фабрики, то пять часовъ утра—слишкомъ ранній срокъ начала работы.

²⁾ Мы слышали, что въ первоначальномъ проектѣ предѣльнымъ возрастомъ былъ назначенъ именно семнадцатилѣтній.

дать малолѣтнимъ рабочимъ, не имѣющимъ свидѣтельство объ окончаніи курса по крайней мѣрѣ въ одноклассномъ народномъ или равномъ ему училищѣ, возможность посѣщенія такого училища не менѣе трехъ часовъ ежедневно или восемнадцати часовъ въ недѣлю. Постановленіе это кажется намъ не вполне яснымъ; ограничивается ли обязанность фабриканта освобожденіемъ малолѣтнихъ отъ работъ на определенное въ законѣ время, или онъ долженъ открыть при фабрикѣ училище, если вблизи нѣтъ школы, которую удобно и легко могли бы посѣщать малолѣтніе рабочіе? Единственнымъ правильнымъ толкованіемъ мы считаемъ послѣднее, но буквальный смыслъ закона допускать, къ сожалѣнію, и болѣе узкое его примѣненіе. Гораздо лучше было бы установить прямо, что при отсутствіи вблизи фабрики (напримѣръ, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ или 2 верстъ) начальнаго училища или при переносимости его учениками изъ числа мѣстныхъ жителей, фабрикантъ обязанъ открыть, на собственный счетъ, школу для своихъ малолѣтнихъ рабочихъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда такой расходъ былъ бы рѣшительно не соразмѣренъ съ величиной фабрики и числомъ рабочихъ.

Практика западно-европейскихъ государствъ—напримѣръ Германія—демонстрируетъ, что безъ особой правительственной инспекціи фабричное законодательство дѣйствуетъ только на бумагѣ. Учрежденіе инспекціи составляетъ поэтому существенно важную часть закона 1-го іюня. Близость инспекціи къ фабрикамъ—необходимое условіе дѣйствительности надзора. Въ такой степени будетъ осуществлено это условіе—покаместъ сказать нельзя, потому что число оруженыхъ инспекторовъ еще не опредѣлено; въ виду значительнаго оклада содержанія имъ назначеннаго (3,000 руб. въ годъ), можно думать, что ихъ будетъ не очень много (часть расходовъ по содержанію инспекціи итѣлось, впрочемъ, въ виду возложить на фабрикантовъ). Намъ кажется, что первоначальное предположеніе объ учрежденіи должности младшаго инспектора съ небольшимъ, сравнительно, содержаніемъ (1,200 руб. въ годъ), но съ правомъ назначать на эту должность лицъ неслужащихъ или служащихъ въ другихъ вѣдомствахъ было очень практично; составъ инспекціи, при такой организаціи ея, могъ бы быть не только количественно больше, но и качественно лучше, должности инспекторовъ могли бы быть предоставляемы членамъ земскихъ управъ, земскимъ врачамъ, земскимъ статистикамъ и вообще молодымъ людямъ, недавно окончившимъ курсъ и ищущимъ только возможности потрудиться на пользу массы. Должность главнаго инспектора слѣдуетъ признавать, наоборотъ, совершенно излишней; высшій надзоръ за инспекціей могъ бы быть сосредоточенъ непосредственно въ департаментѣ торговли и мануфактуръ.

Какъ бы ни была организована правительственная инспекція, для успѣшной дѣятельности ея необходимы два условія: возможность быстраго полученія свѣдѣній о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ и серьезная отвѣтственность фабрикантовъ за отступленія отъ закона. Достиженію первой цѣли способствовало бы предоставленіе всѣмъ гласнымъ земскихъ собораній права посѣщать фабрики, находящіяся въ районѣ ихъ мѣста жительства, а членамъ земскихъ и городскихъ управъ—права посѣщать фабрики, находящіяся въ предѣлахъ губерній, уѣзда или города, съ тѣмъ, чтобы производство разслѣдованія по доставленнымъ этимъ лицами свѣдѣніямъ было обязательно для инспекціи. Въ случаѣ учрежденія всесословной волости, то же самое право съ большою пользою могло бы быть распространено на волостного старшину. Что касается до отвѣтственности фабрикантовъ, то отсутствіе всякихъ правилъ по этому предмету составляетъ главный недостатокъ новаго закона. Объ обвиненіи виновныхъ передъ судомъ въ законѣ говорится, но никакихъ новыхъ карательныхъ постановленій мы въ немъ не находимъ. Если фабрикантамъ, не исполняющимъ законныхъ требованій инспектора, будетъ угрожать только денежное взысканіе по 29 ст. устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (штрафъ въ размѣрѣ не болѣе пятнадцати рублей), то все останется по старому и значеніе инспекціи будетъ чисто номинальное. Чтобы обезпечить исполненіе закона, недостаточно однихъ денежныхъ взысканій, даже высокихъ; необходимо назначить, за болѣе важныя нарушенія, арестъ, а за повтореніе ихъ—даже тюремное заключеніе, независимо отъ закрытія фабрики или запрещенія фабриканту принимать въ работу малолѣтнихъ. Неужели фабрикантъ, вредящій, вопреки закону, физическому или умственному развитію ребенка, мѣтѣ виновенъ, чѣмъ фабрикантъ, продающій табачныя надѣлія безъ предварительной оплаты ихъ акцизовъ?

Отмѣтимъ въ заключеніе еще одну хорошую черту новаго закона: министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ предоставлено, въ видѣ временной мѣры, распространять дѣйствіе его и на тѣ или другія ремесленные заведенія. Чтобы оцѣнить значеніе этого правила, стоитъ только припомнить, какъ обставленъ трудъ малолѣтнихъ въ большинствѣ нашихъ мастерскихъ, какъ обращаются съ ними мастера и подмастерья. Надзоръ инспекціи за фабриками и мастерскими не будетъ, конечно, ограничиваться тѣми сторонами дѣла, которыя прямо предусмотрены закономъ 1-го іюня; онъ будетъ настаивать имѣть предметомъ и соблюденіе прежде наданныхъ правилъ, оставшихся мертвой буквой именно вслѣдствіе отсутствія контролирующей и преслѣдующей власти. Сюда относятся, напри-

мѣръ, всѣ правила, ограждающія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и вредныхъ для здоровья вліяній. Недостатки, зависящіе не отъ способа исполненія правилъ, а отъ неполноты или мягкости ихъ, могутъ быть устранены, на основаніи собранныхъ инспекціей данныхъ, дальнѣйшимъ развитіемъ фабричнаго законодательства.

Перехода отъ оконченныхъ законодательныхъ работъ къ вновь предпринятымъ и продолжающимся, мы должны отмѣтить прежде всего фактъ, въ высшей степени важный—учрежденіе особаго комитета для общаго пересмотра дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и составленія проекта гражданского уложенія. Составъ комитета и избранной изъ его среды редакціонной комиссіи служатъ ручательствомъ въ томъ, что съ юридической стороны работа будетъ исполнена вполне хорошо; предрѣшенное заранѣе опубликованіе трудовъ комиссіи и комитета обезпечиваетъ возможность всесторонняго и своевременнаго ихъ разбора въ обществѣ и въ печати. Для увѣренности въ успѣхѣхъ недостаетъ, однако, одного существеннаго условія. Гражданское уложеніе должно удовлетворять не только требованіямъ юридической науки и юридической техники, но и требованіямъ жизни; вѣрными цѣнителями послѣднихъ юристы, предоставленные самимъ себѣ, быть не могутъ. Отказы частныхъ лицъ, сообщенные комитету или заявленные въ печати, не восполняютъ этого пробѣла именно потому, что они будутъ имѣть частный, не коллективный характеръ; сомнѣнія въ томъ, на сколько они выражаютъ собою мнѣніе общества, на сколько соотвѣтствуютъ потребностямъ народа, всегда будутъ возможны, и для разрѣшенія этихъ сомнѣній у комиссіи и комитета не будетъ никакого опредѣленнаго критерія. Прибавимъ къ этому трудность разобраться среди множества разнообразныхъ взглядовъ, не освѣщенныхъ и не согласованныхъ общимъ обсужденіемъ—и мы убѣдимся въ томъ, что въ дѣлѣ составленія гражданского уложенія болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимо участіе практиковъ, людей жизни или, по принятому въ послѣднее время выраженію, „свѣдущихъ людей“, избранныхъ съ соблюденіемъ тѣхъ условій, о которыхъ мы уже много разъ говорили. Само собою разумѣется, что моментъ, благопріятный для ихъ призыва, наступитъ лишь по окончаніи приготавительныхъ работъ редакціонной комиссіи; раньше онъ могъ бы наступить только въ такомъ случаѣ, еслибы признано было нужнымъ установить основныя положенія, обязательныя для комиссіи и комитета.

О дѣятельности другой комиссіи—для составленія проектовъ мѣстнаго управленія—появилось, мѣсяцъ тому назадъ, правительственное сообщеніе, замѣчательное въ особенности какъ первое заявленіе по этому предмету со времени назначенія новаго министра

внутреннихъ дѣлъ. Мы узнаемъ изъ него, что въ продолженіе мая и іюня между предсѣдателемъ и нѣкоторыми членами комиссіи происходили „особыя совѣщанія“, „для предварительнаго только обсужденія различныхъ способовъ разрѣшенія указанныхъ въ перечнѣ занятій комиссіи вопросовъ. Выводы, которые намѣчены въ общихъ чертахъ совѣщаніями, *ничего не предпринимая*, представляютъ возможность подготовить къ осени нынѣшняго года рядъ предположеній, которыя и будутъ внесены на обсужденіе комиссіи въ ея полномъ составѣ. Затѣмъ уже заключенія комиссіи будутъ, въ свое время, представлены на окончательное обсужденіе государственнаго совѣта, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ заключеніями тѣхъ министровъ, до вѣдомства коихъ онны будутъ касаться“. Наше вниманіе останавливается въ особенности на двухъ мѣстахъ этого сообщенія. Въ составъ комиссіи входятъ, какъ извѣстно, представители всѣхъ министерствъ, болѣею частью въ лицѣ товарищей министра. Чрезъ нихъ посредство министры могутъ своевременно узнать содержаніе проектовъ и заявить свои замѣчанія и возраженія самой комиссіи, повторивъ ихъ впослѣдствіи, если понадобится, передъ государственнымъ совѣтомъ. Сообщеніе готовыхъ проектовъ на заключеніе министровъ кажется намъ, въ виду этого, совершенно излишнею формальностью и напраснымъ замедленіемъ спѣшнаго дѣла. Мы желали бы знать далѣе, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами: *полный составъ комиссіи*? Въ прежнихъ официальныхъ сообщеніяхъ говорилось объ *усиленномъ* составѣ комиссіи, причемъ имѣлось въ виду предрѣшенное еще при учрежденіи комиссіи присоединеніе къ ней „свѣдущихъ людей“. Равносильны ли, въ данномъ случаѣ, выраженій *полный* и *усиленный*? Если не равносильны, если *полный составъ* противопоставляется *особымъ совѣщаніямъ* и означаетъ только участіе всѣхъ постоянныхъ членовъ комиссіи, то для призыва „свѣдущихъ людей“, по смыслу сообщенія, не остается мѣста. Неужели такой работѣ, какъ проекты мѣстнаго управленія, суждено получить вопреки первоначальному предположенію, чисто-бюрократическій характеръ?

Русская періодическая печать лишилась—нужно надѣяться, что только на время—одного изъ самыхъ честныхъ, самыхъ полезныхъ своихъ органовъ; съ начала іюля перестала выходить въ свѣтъ московская газета „Земство“. Охлажденіе интереса къ земскому дѣлу, вслѣдствіе утраты земствомъ—по независимымъ отъ него обстоятельствамъ—того важнаго значенія, которое начинало выпадать на его долю въ моментъ основанія „Земства“ (конецъ 1880-го года); стѣсненія печатнаго слова, особенно чувствительныя въ той сферѣ, которой посвятила себя газета,—вотъ главные причины ея доброволь-

ной по формѣ, недобровольной на самомъ дѣлѣ приѣстановен. Читателямъ извѣстно ¹⁾, что оглашеніе всего происходящаго въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ запрещено, съ нѣкоторыхъ поръ, не только подъ страхомъ легкой отвѣтственности, определенной уложеніемъ о наказаніяхъ, но и подъ страхомъ административной вѣры, несравненно болѣе серьезной? Это запрещеніе тяжело для всѣхъ періодическихъ изданій — но всего тяжелѣе оно, безъ сомнѣнія, должно было отозваться на „Земствѣ“, до крайности затрудняя для него пользованіе главнымъ его матеріаломъ. Не смотря на препятствія всякаго рода, „Земство“ въ короткое время успѣло сдѣлать довольно много; оно способствовало какъ нельзя больше всесторонней разработкѣ вопросовъ о всеобщей волости, о мѣстномъ управленіи, о пересмотрѣ земскаго положенія. Пробѣлъ, оставленный имъ въ нашей печати, будетъ тѣмъ болѣе замѣтенъ, что оно было единственнымъ спеціальнымъ органомъ нашего земскаго дѣла. Редакція „Земства“ вѣрить въ наступленіе новыхъ, лучшихъ обстоятельствъ — и мы убѣждены вмѣстѣ съ нею, что надежды на обновленіе нашего государственнаго и общественнаго быта должны рано или поздно осуществиться, законныя требованія общества должны получить удовлетвореніе.

¹⁾ См. „Внутреннее Обозрѣніе“, „В. Евр.“ № 3 нинѣшняго года, стр. 376—377.

КРАШАНКА, Г. КУЛИША.

Письмо въ редакцію.

— Крашанка русинам и полякам на велик день 1882 року, видана тием дру-
гомъ з додатком послісловья. У ві Львові. З друкарні товариства имени Шевченка,
1882.

Бываютъ книги, которыхъ содержаніе можно разбирать, не обра-
щая вниманія на имена ихъ сочинителей. Все равно, кто бы ихъ ни
писалъ—мы имѣемъ дѣло только съ тѣмъ, что написано. Но бываютъ
и такія книги, что къ содержанію ихъ нельзя относиться, не огля-
нувшись прежде—кто ихъ написалъ, и только тогда уже можно су-
дить о написанномъ. Къ книгамъ послѣдняго рода относится не-
большая брошюра, написанная по-малорусски во Львовѣ подъ загла-
віемъ, приведеннымъ нами. Ея авторъ—П. А. Кулишъ, личность из-
вѣстная у насъ въ литературномъ мірѣ. Нѣкогда онъ былъ дѣятель-
нымъ и плодотворнымъ писателемъ, посвятившимъ свое перо почти
исключительно малорусскому краю. Подъ его именемъ появились въ
свѣтъ многія сочиненія и беллетристическія, и ученныя, относящіяся
къ этнографіи, исторіи, археологіи и законодѣнію, на русскомъ
языкѣ и на его родномъ южнорусскомъ нарѣчьи, которыми онъ вла-
дѣлъ мастерски. Сочиненія эти въ свое время были принимаемы съ
большою похвалою всѣми читающими земляками автора и всѣми во-
обще, кого интересовалъ южнорусскій край. Въ глазахъ всего обра-
зованнаго общества въ Россіи г. Кулишъ занялъ первое мѣсто въ
группѣ лицъ, которымъ давалось прозвище украинофиловъ. Но въ
1874 году г. Кулишъ внезапно для всѣхъ измѣнился. Не показывав-
шись до того уже нѣсколько лѣтъ съ своимъ именемъ, онъ явился
съ сочиненіемъ, носившимъ названіе: „Исторія воссоединенія Руси“,
сочиненіемъ, въ которомъ было замѣтно болѣе претензіи на ученость,
чѣмъ дѣйствительно ученыхъ достоинствъ. Оно страдало растянuto-
стью, риторичностью и ненужными отступленіями отъ прямой нити
изложенія предмета. Въ этомъ сочиненіи авторъ выступилъ съ воз-
зрѣніями на исторію Южной Руси и на ея умственныя проявленія,
діаметрально противоположными во многомъ съ прежними своими
воззрѣніями. Это возбудило негодованіе между читателями. Въ осо-
бенности всѣхъ оскорбило тогда презрительное отношеніе г. Кулиша
къ памяти всѣми уважаемаго поэта, покойнаго Т. Г. Шевченка, ко-

того музу онъ называлъ „полулѣною и распущенною“ за то, что Шевченко въ одномъ изъ своихъ стихотвореній позволилъ себѣ отнестись къ памяти Петра Великаго и Екатерины Второй не съ чувствомъ благоговѣнiя къ ихъ мировому историческому величiю, а нодъ впечатлѣнiемъ тяжелыхъ для народа подробностей ихъ управленiя. Г. Кулишъ выразился, что тѣмъ поэта должна скорбѣть на берегахъ Ахерона о быломъ умоназвужденiи своемъ, объяснялъ такое умоназвужденiе тѣмъ, что поэтъ, по мнѣнiю Кулиша, пострадалъ отъ той первоначальной школы, въ которой получилъ то, что въ немъ можно было назвать *faute de mieux* образованiемъ, что Шевченко долго сидѣлъ на сѣдалищѣ губителей, т.-е. злоязычниковъ, что изъ творенiй Шевченка весьма небольшое количество стиховъ общество должно собрать въ житницу свою, а остальное все — не лучше сору, его не возмещаетъ вѣтръ отъ лица земли, что, наконецъ, отверженiе многого, что написано Шевченкомъ въ его худшее время, было бы со стороны общества антомъ милосердiя къ тѣмъ поэтамъ (Ист. вост. II, 25). Такiя выкладки казались тѣмъ болѣе непростительны, что многимъ были извѣстны близкiя дружескiя отношенiя г. Кулиша къ покойному Т. Г. Шевченку; было время, когда г. Кулишъ расточалъ Шевченко печати похвалы, казавшiяся многимъ уже чрезмѣрными; интересовавшiяся Малороссiею публики много лѣтъ принимала съ уваженiемъ встрѣчать портреты Кулиша и Шевченка неразлучно вмѣстѣ, какъ двухъ корифеевъ народнаго возрожденiя. Съ воззрѣнiями, подобными тѣмъ, какiя проводились въ „Исторiи воссоединенiя“, явился г. Кулишъ въ статьѣ своей, напечатанной въ двухъ номерахъ „Русскаго Архива“ за 1877 годъ, гдѣ доказывалъ, что поэтамъ, къ которымъ относились малорусскiе писатели всегда сочувственно, были не болѣе какъ разбойники, не представляющiе въ своей жизни никакой нравственной черты. Люди, бывшiе прежде поклонниками таланта и трудовъ г. Кулиша, стали теперь приписывать такую меремѣву, протекшую въ этомъ человѣкѣ, неодобрительныхъ и позешныхъ побужденiямъ; но я, пишущiй эти строки, близко знавшiй его въ теченiе многихъ лѣтъ за человѣка глубоко честнаго, приписывать это явленiе увлеченiю, свѣдѣнiю его характеру; и въ такомъ смыслѣ написалъ противъ него возраженiе, помѣщенное въ мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за 1878 годъ. Вообще тогда нѣтъ казалось, что г. Кулишъ, рѣшившiйся смотрѣть на исторiю своего роднаго края безпристрастно и трезво, не удержался на скользкой среднѣй умѣренности въ своемъ безпристрастiи, перевалился черезъ край, и хотя успѣлъ высказать зрѣлыя и справедливыя мнѣнiя, но такiе наговорилъ не мало такого, что равномѣрно было огорчительно для нѣст-

наго українського отчизнолюбів, сколько и невѣрно въ науцномъ отчизненіи.

Но вотъ, неожиданно для всѣхъ, г. Кулишъ появляется во Львовѣ и тамъ печатаетъ брошюру, противную своимъ обонимъ прежнимъ направленіямъ—и тому, съ которымъ онъ трудился цѣлыхъ тридцать прежнихъ лѣтъ, и тому, съ которымъ въ семидесятихъ годахъ текущего столѣтія являлся въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ этой своей новой брошюрѣ г. Кулишъ отличается крайнею, раболѣбною, можно сказать, угодливостію полякамъ.

Не станемъ докапываться до побужденій, руководившихъ г. Кулишомъ. Ограничимся тѣмъ, что онъ излагаетъ, по необходимости обращаясь къ личности автора, единственно настолько, насколько онъ самъ рельефно выдвигается съ нею впередъ.

Изумительно высовомѣріе автора. Настоящая книжечка издается уже вторымъ изданіемъ и авторъ приложилъ къ нему послѣсловіе, въ которомъ благодаритъ поляковъ за ласковый пріемъ перваго изданія его книжечки и затѣмъ приглашаетъ польскую интеллигенцію „спасать темныхъ людей отъ легковѣрія и псевдопросвѣщеніи отъ гайдамацкой философіи“, а отъ своихъ земляковъ русиновъ онъ уже нечасть никакого добра, потому что (стр. 40) „русское сердце (хоть еще ненаское) протѣкла поновская православная и правовѣрная ченуха“ ¹⁾. Они (русины и малоруссы)—не въ состояніи подняться до самоосужденія, будучи народомъ систематически подавленнымъ убожествомъ, народомъ послѣднимъ въ цивилизаціи между славянскими народами (стр. 39). Поводомъ къ такому презрительному взгляду на соотчичей побудило автора то, что какіе-то „зошлы“ хотѣли уронить его „Крашанку“, укоряя г. Кулиша за то, что онъ не привелъ доводовъ справедливости своихъ историческихъ воззрѣній.—„Кажется, —говорить г. Кулишъ, —человѣкъ, просидѣвшій въ бібліотекахъ и архивахъ десятки лѣтъ и напечатавшій охапку томовъ, ниѣтъ право говорить къ добрымъ людямъ безъ цитатъ и критическихъ аргументацій. Вы же кто такіе, что призываете меня на діалектическій судъ? Покажите прежде ваши научные труды. O ribaldi flagitiosi! Я пріѣхалъ въ вашу подгорную Украину оттого, что на диѣпровской Украинѣ не дають свободно проговорить человѣческаго слова, а тутъ мнѣ пришлось толковать съ телатами. Надѣюсь, что констатируя факты спосебомъ широкой исторической критики, я увижу вокругъ себя аудиторію получше. Съ вами же, кажется, и самъ Богъ ничего не сдѣлаетъ: такіе ужъ вамъ забиты гвозди въ голову!“

¹⁾ „Ненаскривъ руське сердце прососала поновська православна та правовѣрна: ченуха“.

Певатио, что г. Кулину, какъ и всякому другому, было бы очень пріятно, если бы о немъ говорили, что онъ проводилъ десятки лѣтъ въ библіотекахъ и архивахъ и напечаталъ много томовъ своихъ сочиненій; но удивительно, какъ это г. Кулинь, когда ему пришлось въ голову намѣреніе написать эти строки, не почувствовалъ на своемъ лицѣ краски стыда и не удержался отъ такого поступка. Да неужели г. Кулинь думаетъ, что онъ одинъ просиживалъ десятки лѣтъ въ библіотекахъ и архивахъ и напечаталъ озаглавленную томовъ? Неужели онъ не предполагаетъ, что есть не мало и другихъ, которые просиживали въ библіотекахъ и архивахъ столько же какъ и г. Кулинь, а быть можетъ, болѣе, чѣмъ онъ, и также напечатали много томовъ; однако они сами не провозглашаютъ объ этомъ, а дожидаются до того, когда другіе о нихъ это скажутъ? И неужели долго занимавшійся въ библіотекахъ и архивахъ и напечатавшій много сочиненій имѣетъ право требовать, чтобы всякое слово его считали непогрѣдительно какъ слово римскаго папы, не спрашивали бы у него доказательствъ, а вѣрили бы ему, смиренно восклицая: *Ipse dixit*? Вотъ уже истинно можно сказать, что г. Кулинь разныриваетъ въ лицахъ святаго притчу о высовомѣрномъ фарисей! И думаетъ ли между благочестивыми людьми въ ученыхъ спорахъ такой способъ обращенія съ противниками? Но какъ бы тамъ ни было, а мы не признаемъ за г. Кулиномъ напскій непогрѣдливости и будемъ относиться къ нему какъ и къ прочимъ подобнымъ намъ челоѣкамъ.

Г. Кулинь заявляетъ, что цѣль его — примирить поляковъ съ малоруссами. Это, конечно, доброе намѣреніе и мы готовы не мѣшать слабымъ силамъ нашихъ ему содѣйствовать. Въ настоящее время, во крайней мѣрѣ у насъ въ русской державѣ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ собственно-національной вражды между малоруссами и поляками. Малорусъ-мужикъ (а гдѣ же въ Россіи кто-нибудь видѣлъ массу малоруссовъ, которые бы не были мужиками?) не питаетъ вражды къ поляку за то, что онъ полякъ, и съ своими братьями мужиками-поляками скорѣе, пожалуй, сдружится, чѣмъ съ такими же своими братьями великоруссомъ. Если малорусскій мужикъ не любитъ поляка, то поляка-наша или его эконома-шляхтича, не любитъ такъ, какъ естественно не любить раба своего деспота, работнику—эксплуататора, закабалящаго его трудъ и его душу. Къ этому прежде присоединялась еще сторона религіозная, когда палъ-полякъ (или всего чаще ополяченный русскій) хотѣлъ насильно заставить его исповѣдывать унію. Такая нелюбовь въ былые времена была очень сильна; послѣ уничтоженія крѣпостнаго права она очень уменьшилась, однако, все еще не испарилась, да и совершенно испариться ей до сихъ поръ было невозможно, потому что землевладѣлецъ, обладая большими матеріальными сред-

отами, всегда стараются въ отношеніяхъ съ рабочими людьми устроить дѣла такъ, чтобы рабочій людъ продавалъ ему свой трудъ сколько возможно дешево, а ему за предоставляемые выгоды платилъ сколько возможно дорого. Но такія же отношенія у малорусскаго мужика являются со великимъ „павствомъ“ и съ помѣщиками великорусскаго происхожденія, и съ своими малоруссами, смѣшавшимися съ великоруссами по культурѣ во единое тѣло, да и, наконецъ, со всякими капиталистами, нуждающимися въ мужичьей трудѣ, и въ такой же степени какъ съ нагами-полями. Самые худшія отношенія у него съ іудеями, которые въ своихъ дѣлахъ съ мужикомъ являются безсердечнѣе польскихъ и русскихъ помѣщиковъ, и оттого-то возникла жидотрешка — печальное явленіе послѣднихъ лѣтъ. Очень похвально путемъ живого слова, какъ и путемъ слова печатнаго стараться улаживать подобныя недоразумѣнія и отыскивать способъ къ умиротворенію; но для этого нужно изучить къ разнымъ мѣстамъ существующія отношенія малорусскаго мужика съ землевладѣльцами и капиталистами какъ польскаго, такъ и русскаго происхожденія, и найти — чѣмъ могутъ поступиться другъ другу обѣ стороны для совместнаго дружелюбнаго пребыванія. Для г. Кулина, нивогда, сколько намъ извѣстно, не занимавшагося этими вопросами, а посвящавшаго свою дѣятельность другимъ сферамъ народной жизни, такое предпріятіе было бы не по силамъ и онъ за него не берется. Его „Крашанка“ имѣетъ совсѣмъ иную цѣль. Онъ вращается въ мірѣ исторіи и этнографіи, имѣетъ дѣло не съ массою малорусскаго народа, а съ его интеллигенціею, которая у насъ въ Россіи находится пока въ зачаточномъ и малогласномъ состояніи, а въ подгорной Украинѣ, какъ г. Кулинъ именуетъ Галичину, начинаетъ приобретать политическія права. Г. Кулинъ хочетъ опровергнуть существующіе взгляды на прошедшее и внушить нныя. Онъ обращается къ бывшимъ прежде отношеніямъ и столбовеніямъ южно-русскаго народа съ поляками. Неужели г. Кулинъ искренно говоритъ, называя (стр. 18) панскую власть въ Украинѣ — единственно возможнымъ общественнымъ порядкомъ въ таковой обстановкѣ украинской націи ¹⁾. Какъ могъ провозгласить такое сужденіе человѣкъ образованный, человѣкъ, понимающій, что культурное движеніе человѣческихъ обществъ ведетъ вовсе не къ такому идеалу, гдѣ бы меньшинство привилегированнаго сословія властвовало надъ большинствомъ производительнаго, но безправнаго престолярдія? И какъ г. Кулинъ могъ назвать порядокъ, основанный на крѣпостномъ правѣ — равною ассоціаціею капитала

¹⁾ „Внузатать уъь одиъь полость панскыя порядки, дарыъ що се булы едныи можбыи порядки у тяжкыи обставинахъ украинської націи“.

съ трудомъ, работы умственной съ работою мускульною? (стр. 20). Нѣтъ, быть не можетъ! Г. Кулишъ не думаетъ такъ, какъ говоритъ! Онъ, какъ намъ хорошо извѣстно, настолько развитъ, что не можетъ неслать за-урядъ съ какими-нибудь захолустными комѣщниками или лукавыми аристократами, готовыми принести истину въ жертву своимъ сословнымъ выгодамъ! Но, можетъ быть, намъ скажутъ, что г. Кулишъ находитъ крѣпостные порядки возможными только для прошлаго времени и допускаетъ ихъ необходимость только временно, а изъ того не слѣдуетъ, чтобъ онъ ихъ считалъ безусловно превосходными, не подлежащими упрежденію? Но противъ этого мы заранее скажемъ вотъ что: во-первыхъ, нельзя называть ихъ единственно возможными въ Украинѣ даже въ XVII, и тѣмъ болѣе въ XVIII вѣкѣ, когда козачество и тайдамачество было живымъ протестомъ народа противъ такихъ порядковъ: очевидно, что они, значить, не годились и для своего времени, когда возбудили противъ себя такіа ужасающія буря. Во-вторыхъ, рабство есть такое омерзительное явленіе, что развитой человѣкъ, находя, быть можетъ, его необходимымъ по отеченію обстоятельствъ въ далекія варварскія времена, все-таки не можетъ отзываться о немъ такъ одобрительно, какъ отзывается г. Кулишъ. Нѣтъ, нѣтъ, г. Кулишъ не думаетъ такъ, какъ говоритъ. У него есть какія-то намъ неизвѣстныя побужденія говорить противъ себя самого, говорить противно тому, что имъ самимъ много разъ было высказываемо и что всегда находило откликъ во всѣхъ добрыхъ сердцахъ.

Г. Кулишъ какъ на главныхъ виновниковъ, посѣвавшихъ вражду между Русью и Польшею, указываетъ на православныхъ духовныхъ, которые распространяли въ народѣ подложные лѣтописи и документы, наполненные клеветами на польскихъ пановъ и на польское духовенство. Правда, г. Кулишъ, указывая, что русскіе архіереи называли ляховъ чертовскими пекельниками (бісові пекельники), сознаетъ, что и римскіе прелаты считали „Русь наравнѣ съ жидами, въ королевскихъ грамотахъ русскія церкви именовались синагогами, а польское законодательство обратило русскихъ коновъ въ подданство панамъ наравнѣ съ мужиками“ (стр. 9). Слѣдовательно, поступки православныхъ духовныхъ были слѣдствіемъ какъ бы раздраженія за обиды. Но дѣло въ томъ, что г. Кулишъ неосновательно обвиняетъ духовныхъ русскихъ (стр. 11) въ составленіи подложныхъ лѣтописей (называемыхъ имъ общими именомъ чернечьихъ хроникъ), съ цѣлью оклеветать поляковъ, выдумывая разные жестокости, будто бы совершенныя ими надъ казаками и вообще русскими людьми. Онъ указываетъ на Острияцу, этого „напастника на культурныхъ людей“. Въ „Исторіи Русовъ“, приписываемой ложно Конысскому, подробно рассказывается

о томъ, какъ поляки взяли Острианицу съ другими старшинами въ монастырѣ на богомольѣ и варварски замучили всѣхъ въ Варшавѣ, не пощадивши схваченныхъ ихъ женъ и дѣтей; тогда какъ по другимъ извѣстіямъ видно, что этотъ воеждь козацкій постыдно бѣжалъ съ поля битвы въ московскую державу, поселился съ частью козаковъ въ Чугуевѣ и тамъ былъ черезъ нѣсколько времени убитъ своими же козаками. На это послѣднее событіе указываетъ одна великорусская отписка, напечатанная въ I-мъ томѣ сборника подъ названіемъ: „Воронежскіе акты“ (стр. 100). Дѣйствительно, „Исторія Русовъ“ Конисскаго, кѣмъ бы она ни была составлена (не ранѣе конца XVIII или начала XIX вѣка, судя по языку), наполнена многими невѣрностями и вымыслами, а потому вообще есть источникъ чрезвычайно мутный, и ея рассказы о свирѣностяхъ, совершенныхъ поляками надъ Острианицю и его сотоварищами, довѣрять не слѣдуетъ, особенно со всѣми подробностями, которыми этотъ рассказъ наобилуетъ; во то же событіе, хотя въ болѣе общихъ чертахъ, излагается не только въ этой подозрительной и сравнительно позднѣйшей исторіи, но и въ другихъ, болѣе старыхъ лѣтописяхъ. Такъ, въ краткомъ описаніи Малороссіи, присоединенномъ къ началу Лѣтописи Самовидца, объ этомъ событіи говорится: „Видя же козаки, что поляки умыслили ихъ всѣхъ выгубить, знову постановили между собою гетмана Острианицю, придавши къ нему въ помощь козана Гуню, и въ степу надъ рѣкою Старицею войною лахотъ побѣдили, где уже ляхи, миръ учинивши з козаками, присягли, что не будутъ вольностей ихъ нарушать и не леститимуться, но потомъ присяги не содержавши, Острианицю и Гуню убили въ Варшавѣ, а Кизима, сотника кievскаго, съ сыномъ его на палѣ вебили и многихъ знатныхъ четвертовали, а иныхъ на гачахъ за ребра вѣшали; и съ того времени великую свободу козакамъ отняли и тяжкіе и вымыслные подати наложили необычно, дерзкомъ и образи церковнымъ жидамъ распродали, дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ веремъ деревомъ витыскали и протчая“ (Лѣт. Самов., изд. 1879, стр. 218). Подобное рассказано въ Лѣтописи Грабянки (стр. 29), въ Лѣтописномъ повѣствованіи Ригельмана (1, стр. 48), въ сочиненіи исторіографа Миллера „О малороссійскомъ народѣ и о занорощахъ“ (стр. 8), пользовавшагося многими источниками старыми, наконецъ у Сименовскаго, гдѣ (стр. 13) Острианица не названъ по имени, но гдѣ событіе рассказывается такъ же какъ у предыдущихъ. Противно многимъ этимъ свидѣтельствамъ малорусскихъ лѣтописей, въ дневникѣ Окольскаго, современника событій, описывающаго тогда войну поляковъ противъ козаковъ, говорится, что Острианинъ (какъ онъ тамъ называется) бѣжалъ послѣ битвы подъ Жовниномъ, а дальнѣйшая его судьба въ московскихъ владѣніяхъ

отривается изъ великорусскихъ документовъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ малорусскихъ лѣтописяхъ гетманъ Остранинъ или Остриница называется Стефанъ, а въ великорусскихъ актахъ появившійся въ Чугуевѣ носить иное имя—Яцко. Не могъ быть развѣ этотъ Яцко другимъ лицомъ отъ того лица, котораго называютъ Стефаномъ? Что Яцко Остриница въ великорусскихъ памятникахъ носить титулъ гетмана,—это не мѣшаетъ быть обонимъ Остриницамъ различными другъ отъ друга лицами. Во время этой самой войны противъ поляковъ названіе гетмана разомъ за двумя лицами—за Остриномъ и Гуномъ. Да и слово гетманъ въ тѣ времена нерѣдко употреблялось вообще въ смыслѣ предводителя козаковъ или ватажка. Очень возможно, что было два Остринина или Остриницы, изъ которыхъ одинъ, Яцко, съ толпою козаковъ бѣжалъ въ московскіе владѣнія, другой, Стефанъ, былъ казненъ въ Варшавѣ. О жестокихъ мучительствахъ поляковъ надъ козаками, совершонныхъ именно въ это время, есть извѣстіе и въ великорусскихъ актахъ, съ такою же окраскою, какъ и въ малорусскихъ лѣтописяхъ: „черкасы, приведши съ гетманомъ своимъ Яцкомъ Остриномъ, были челоуъ великому государю, что они изъ литовской стороны въ наше московское государство пришли для того, что польскіе и литовскіе люди ихъ крестьянскую вѣру нарушили, и церкви Божіа разоряють, и ихъ побиваютъ, и жонъ ихъ, и дѣтей, собирая въ хоромы, похищаютъ, и нищадное зелье насыпають имъ въ пазухи, зажигаютъ; и сеицы у жонъ ихъ рѣзали и дворы ихъ и всякое строеніе разорили и пограбили“ (Ворон. Акты. I, 100).

Г. Кулишъ приписываетъ подложнымъ лѣтописямъ, сложенымъ монахами и монахами, выдумки о затѣйливыхъ варварскихъ казняхъ, будто бы совершонныхъ поляками надъ козацкими предводителями, попадавшимися имъ въ руки, такъ, напримеръ, о замурованіи Косинскаго въ каменной бани, о сожженіи Наливайка въ мѣдномъ быкѣ и т. п. О замурованіи Косинскаго есть извѣстіе только у одного Косинскаго, но о Наливайкѣ почти у всѣхъ малорусскихъ лѣтописцевъ, и едва ли оно вымышлено малоруссами. Нѣмцевичъ въ своей исторіи Сигизмунда III полагаетъ, что его выдумали польскіе жакі (школьники), но воспоминаніемъ объ извѣстномъ античскомъ фаларидовомъ мѣдномъ быкѣ. Впрочемъ, польскій писатель XVII вѣка патеръ Янчинскій говоритъ о Наливайкѣ, будто его казнили посадивши на раскаленное желѣзное коно, что равняется мѣдному быку, а въ стихотворной книжечкѣ „Mars Sawtomaski“ изображается казнь Павлука такъ, что его присудили посадить на желѣзное подобіе трона, надѣть на голову желѣзную раскаленную корону, а въ руки дать раскаленную желѣзную палку и въ такомъ видѣ сожжѣ-

гать; но король Владиславъ замѣнилъ эту казнь отрубленіемъ головы. Эти извѣстія, во всякомъ случаѣ, показываютъ, что у поляковъ были тогда во вкусѣ мучительныя казни и, вѣроятно, иногда совершались. Слѣдовательно, извѣстія о жестокостяхъ поляковъ надъ казаками нельзя признавать непременно выдуманными изъ злобы къ нимъ русскими попами и чернецами; какъ хочется увѣрить всѣхъ г. Кулишъ. Есть много указаній на то, что поляки въ своей расправѣ надъ южно-русскими, не хотѣвшими повиноваться ихъ власти, не отличались великодушіемъ и снисходительностью. Стоитъ вспомнить казни надъ гайдамаками послѣ уманской рѣзни и славнаго Стемпковскаго съ его незабвенною Кодицею; противъ этого едва ли осмѣлится подняться критическое перо г. Кулиша. Прибавимъ еще вотъ что: когда въ 1702 и 1703 году вѣбунтовались противъ шляхетскаго господства русскіе жители Волыни и Подолии, наны расправлялись съ ними такимъ свирѣпымъ способомъ, что уже въ 1708 году Мазепа, собиравшійся самъ измѣнить Россіи и переходить на сторону Карла XII и сотоварищъ съ нимъ поляковъ, въ письмѣ своемъ къ коронному кукмистру Тарлу, вспоминалъ о томъ, что дѣлали еще недавно поляки съ южно-русскимъ народомъ, и указывалъ, что такими мѣрами можно одолѣть этотъ народъ и расположить его къ вѣрности царю московскому. И о чемъ-то не говорится въ этомъ письмѣ, чего тамъ не припоминается: и вареніе дѣтей въ кипяткѣ, и втыканіе ихъ на конья, и разбиваніе объ уголъ хаты, и поруганія надъ женщинами, и всевозможнѣйшія истязанія, какія только выдумать въ состояніи самое разнузданное звѣрство. Сомнѣваться во всемъ этомъ нѣтъ основанія тѣмъ болѣе, что это писалъ человекъ, готовившійся отдавать Украину во власть полякамъ! Если въ XVIII столѣтіи такое вытворяли поляки, то могли еще скорѣе тоже вытворять въ XVII и XVI. А потому нельзя считать невозможными такія казни какъ Наливайка или Остриина съ товарищами на томъ только основаніи, что извѣстія о нихъ находятся въ такихъ лѣтописяхъ, гдѣ замѣчаются историческія невѣрности.

Да и какія это лѣтописи, что поддѣланы русскими попами и монахами, съ цѣлью распространить клеветы на польское шляхетство? Изъ главнѣйшихъ извѣстныхъ намъ лѣтописныхъ источниковъ нѣтъ ни одного, который былъ бы составленъ духовнымъ лицомъ. Самовидецъ, котораго прежде, какъ мы помнимъ, г. Кулишъ особенно уважалъ, былъ никакъ не попъ, не монахъ; Грабянка, Величко, Лукомскій, Зарульскій, Сименовскій—все это были люди, занимавшіе козацкіе, а не духовные чины. Остаются еще нѣсколько такихъ сказаній, которыхъ авторы неизвѣстны, но изъ нихъ нѣтъ ни одного, о

которомъ бы по какимъ-нибудь признакамъ можно было утвердительно сказать, что оно было написано духовнымъ лицомъ. Объ авторѣ „Исторіи Русовъ“, приписанной ложно Конисскому, мы не знаемъ, кто былъ онъ надинно. Тамъ много невѣрностей и потому она въ свое время, переписываясь много разъ и переходя изъ рукъ въ руки по разнымъ снискамъ (оставлявшимся по себѣ, вѣроятно, позднѣйшія прибавки и передѣлки), производила вредное въ научномъ отношеніи вліяніе, потому что распространяла ложныя воззрѣнія на прошлое Малороссіи; но тѣмъ не менѣе, мы нигдѣ не видимъ въ ней слѣдовъ, показывающихъ, чтобъ она была составлена лицомъ духовнаго званія, напротивъ все въ ней дышетъ не клерикальнымъ, а козацкимъ, и отчасти уже новодворянскимъ духомъ. Не даромъ проникательный Пушкинъ, познакомившись съ нею въ рукописи и признавая ее сочиненіемъ архіепископа Конисскаго, сказалъ по ее поводу: „видно, что сердце дворянина еще бьется подъ инокескою расою“ (Пушк. Соч. V, стр. 188). Что у этого закованнаго нами всѣмъ псевдо-Конисскаго есть выдумки, въ этомъ сомнѣваться могъ бы развѣ покойный Маркевичъ, авторъ „Исторіи Малороссіи“, составленной главнымъ образомъ по „Исторіи Русовъ“; но и то надобно замѣтить, что неизвѣстный намъ слателецъ этой исторіи пользовался народными преданіями, переходившими еще изъ устъ въ уста. Это обличается на нѣкоторыхъ мѣстахъ его повѣствованія; такъ, напримеръ, романтическая исторія писаря запорожскаго Богуслава, спасеннаго влюбившеюся въ него турчанкою Семирою (стр. 32), имѣетъ соотвѣтственную народную думу о кошовомъ Богуславѣ, хотя въ думѣ вонецъ иной: вступивши въ бракъ съ турчанкою, онъ рассердился за то, что она его непрекала христіанскою вѣрою, и, представши къ пущеннымъ изъ неволи козакамъ, зарубилъ свою жену и ушелъ въ Украйну, а по „Исторіи Русовъ“, онъ ушелъ съ нею въ христіанскую землю. Подобно этому, рассказъ исторіи псевдо-Конисскаго о томъ, какъ ксенды запрагали православныхъ людей въ невожи и разбѣжали на нихъ изъ села въ село для надзора и принужденія къ уни (стр. 40), соотвѣтствуетъ народному рассказу о томъ же съ прибавкою, что ксенды погоняли запраженныхъ людей большими церковными восковыми свѣчами; рассказъ этотъ мы слышали отъ народа въ кievской губерніи. Наконецъ, въ „Исторіи Русовъ“ важное участіе въ полтавскомъ боѣ приписывается Семону Палію (стр. 216), и въ народномъ преданіи онъ, герой, оказавшій на этой битвѣ великія услуги царю Петру и отличившійся передъ всѣми своею храбростію. Замѣчательно, что въ „Исторіи Русовъ“, тѣмъ болѣе рассказъ приближается къ позднѣйшимъ временамъ,

тѣмъ невѣрностей и вымысловъ становится менѣе и вообще повѣствованіе становится достовѣрнѣе.

Почти также, но, быть можетъ, въ меньшей степени, заключаетъ въ себѣ много невѣрностей и вымысловъ лѣтопись Самонія Величка, но нѣтъ основанія думать, чтобы этотъ господинъ, писавшій въ первой четверти XVIII вѣка, умышленно сочинялъ вздоръ; это не болѣе какъ собиратель, очень трудолюбивый, но не разборчивый, не ищущій, какъ говорится, ни мажѣйшаго нюха критики. Онъ пихалъ въ свой сборникъ все, что попадалось ему подъ руки, добросовѣстно сознавалъ, что въ числѣ помѣщенногого нѣтъ хлама, есть много фальшиваго, но не умѣлъ отличить его отъ справедливаго: „благосклонный читатель—говорилъ онъ въ своемъ предисловіи,—если что-нибудь въ моемъ дѣлѣ покажется тебѣ подозрительнымъ и невѣрнымъ, то, можетъ быть, оно такъ и есть. Если достанешь какихъ-либо другихъ, болѣе совершенныхъ лѣтописцевъ, можешь, отложивши лѣность, сообразно съ этими лѣтописцами, покрыть благоправно мое невѣжество и сдѣлать исправленія, не уничтожая и моего ничтожнаго труда“ (I, стр. 7). Эта лѣтопись отличается большимъ обиліемъ включенныхъ туда документовъ; нѣтъ ихъ нѣкоторые извѣстны въ другихъ сборникахъ и лѣтописяхъ, но нинѣ попадаютъ только здѣсь и возбуждаютъ сомнѣнія въ своей подлинности. Менѣе сомнительны тѣ, которые относятся ко временамъ ближайшимъ къ автору; за то, нинѣ, болѣею частью, сравнительно старѣйшіе, иногда противорѣчатъ извѣстному намъ ходу событій и вообще нуждаются въ самой строгой критикѣ. Къ совершенно сомнительнымъ отнесъ г. Кулишъ универсалъ гетмана Стефана Остранина, въ которомъ наглядно описываются свирѣпости и звѣрства польскихъ жолнеровъ, разставленныхъ по Украинѣ лѣвой стороны Днѣпра послѣ укрощенія восстанія Павлюка (IV, стр. 135—143). Въмѣсто аподиктического приговора надъ этихъ универсалахъ, ни на чемъ не основаннаго, кромѣ того только, что онъ не нравится защитникамъ поляковъ, лучше бы г. Кулишъ, отложивши напрасную гордыню, требующую въ себѣ безусловнаго довѣрія, разобралъ его критически и указалъ бы основанія, на какихъ должно признавать его подложнымъ, независимо отъ того — порицаетъ ли онъ или не порицаетъ поляковъ. Да и вообще было бы желательно, еслибы г. Кулишъ съ спокойнымъ духомъ занялся критическимъ изслѣдованіемъ лѣтописи Величка въ связи съ другими малорусскими лѣтописями и съ старыми документами. Едва ли кто другой способнѣе его приняться за такое дѣло; нужно ему только возвратиться къ прежнему спокойствію духа и отложить напускное высокоуміе и самоуміе: была бы это услуга наукѣ и родному своему краю „важнѣе писанія „Крашанокъ“ и всякихъ „Хуторныхъ фи-

лософій и поевій*. Во всѣхъ важныхъ лѣтонислахъ необходимо пройти рука безпристрастнаго и добросовѣстнаго критика. У насъ, какъ и у всѣхъ народовъ въ мірѣ, въ историческихъ источникахъ найдется не мало возбуждающаго сомнѣнія и недоумѣнія: разрѣшать ихъ должно спокойно. Не все же невѣрное и сомнительное есть непременно плодъ какихъ-нибудь политическихъ настроеній. Макферсонъ и Чаттертонъ дѣлали поддѣлку подъ старину безъ политическихъ цѣлей. У насъ въ сборникахъ памятниковъ народной поэзіи много подложнаго,—это очень хорошо извѣстно г. Кулишу. Вся „Запорожская Старина“ загромождена фальшивыми думами и пѣснями, будто бы записанными отъ бандуристовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ни одинъ бандуристъ не слыхалъ ихъ. Максимовичъ въ простотѣ сердца перепечатывалъ ихъ въ своихъ сборникахъ, считая чисто народными. Въ сборникѣ Метлинскаго помѣщена фальшивая дума о Самойлѣ Коломийченкѣ и пѣсли о Маломъ Гирѣ; въ „Запискахъ о южной Руси“, г. Кулиша—дума о морскомъ походѣ князя-лѣвчича и сомнительная дума о смерти бандуриста. Неужели это все поддѣлывалось съ какими-нибудь политическими цѣлями? Вотъ точно тоже и въ лѣтописяхъ. Не будемъ спорить противъ того, что тамъ найдется нечто такое, что поддѣлывалось съ политическимъ настроеніемъ, но пусть же такое скажетъ само о себѣ своимъ явнымъ смысломъ, а если задаваться заранѣе исканіемъ поддѣлокъ съ политическою цѣлью, то можно будетъ отискивать ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

Г. Кулишъ и въ произведеніяхъ народной поэзіи видитъ слѣды поповскаго лукавства, старающагося распространить клеветы на польское шляхетство. „Преподобные постники и святые молчаливыи становились съ нѣмыми возачествомъ“ (стр. 14); изъ церковныхъ и монастырскихъ зауюловъ расходится глухая пропаганда противъ польскихъ покушеній на благочестіе „(стр. 15); слѣпые кобзарь, спасая душу по монастырямъ и пѣяствуя съ возаками въ шинкахъ, слагаютъ думы о тяжелыхъ поруганіяхъ, творимыхъ жидами, панскими прислужниками надъ благочестивымъ христіанствомъ, а російская историографія, отвергая критику, принимаетъ эти думы à la lettre за историческія свидѣтельства“ (стр. 16),—такъ относится г. Кулишъ къ памятникамъ народной словесности! Онъ дѣлаетъ строгое внушеніе російской историографіи. Дѣйствительно, — скажемъ въ отвѣтъ на это,—россійская историографія признавала и, вѣроятно, не перестанетъ признавать народныя поэтическія произведенія за важные историческія свидѣтельства тамъ, гдѣ идетъ дѣло о тѣхъ міровоззрѣніяхъ, какія произвели въ народѣ происходившія съ нимъ и вокругъ него событія, о тѣхъ впечатлѣніяхъ и чувстваваніяхъ, какія возбуждали въ народномъ сердцѣ эти событія, наконецъ, о тѣхъ

послѣдствіяхъ, какія эти событія оставили въ народныхъ правахъ. Знать все это—дѣло первой важности для историка и все это даютъ намъ народныя думы, пѣсни и преданія болѣе, чѣмъ все другое. Самъ г. Кулишъ научилъ насъ такимъ образомъ смотрѣть на поэтическія народныя пѣснопѣнія и отзывался совсѣмъ иначе о слѣпыхъ кобзаряхъ, чѣмъ отзывался о нихъ теперь. Сообщивши думу о жидовскихъ откупахъ (ту самую думу, надъ которою теперь глумится въ своей „Крашанкѣ“, на 16-ой страницѣ), онъ далъ такую характеристику слѣпымъ кобзарямъ: „Всѣ они, по крайней мѣрѣ извѣстныя мнѣ, отличаются высшимъ настроеніемъ ума, при рѣдкомъ благодушіи, или, наконецъ, способностью къ фантастическимъ представленіямъ“. Затѣмъ, сообщивши, что кобзарь, передавши думу о жидовскихъ откупахъ, живъ и есть надежда, что еще долго будетъ здравствовать, г. Кулишъ прибавляетъ, что этого пожелаютъ вмѣстѣ съ нимъ, г. Кулишомъ, всѣ пѣвцы малорусской народной поэзіи, такъ много ему обязанные за сохраненіе отъ забвенія драгоценныхъ памятниконъ былого (Зап. о Южн. Руси, I. 64). Въ другомъ мѣстѣ (Зап., стр. 45) г. Кулишъ выразился о кнѣзяхъ слѣпыхъ кобзаряхъ, что они призваны вносить въ общество поселятъ религиозно-философскую стихію и такимъ образомъ поддерживать нравственную жизнь его на извѣстной высотѣ. А теперь, съ какимъ панскимъ презрѣніемъ относится г. Кулишъ къ этимъ бѣднымъ слѣпцамъ! Неужели приходится кстатіи припомнить еще то, что сказали козаки Адаму Киселю: твои русскія кости обросли польскимъ мясомъ? Но вѣдь Адамъ Кисель проползъ съ дѣтства польскимъ воспитаніемъ, а съ г. Кулишомъ произошла подобная метаморфоза въ короткое время, какъ только онъ заѣхалъ въ Галичину!

„Попы, — говорятъ г. Кулишъ, — прожужжали уши всѣмъ, будто ляхи одни виноваты за то, что земля, текущая млекою и медомъ, во время короткаго господства козацкаго покрылась нѣмыми городищами и селищами, забѣдѣла человѣческими костями и черепами“ (стр. 21). По приговору г. Кулиша, виноваты козаки, бунтовавшие противъ домашней, церковной и общественной опеки; они-то, съ голоса поповъ своихъ, выдумывали, будто паны имъ дѣлали великія несправедливости, распространяя на все шляхетство обвиненіе, какому подвергаться могло нѣсколько негодныхъ деспотовъ; они-то росписали панское жатье-бытье раемъ, а мужицкое — адомъ, и внушили такой взглядъ заходящимъ въ Украину иностранцамъ (стр. 18). Здѣсь авторъ разумѣетъ Боплана, который именно такими словами описывалъ отношенія польскихъ пановъ къ крестьянамъ. Но и у польскихъ писателей можно встрѣтить точно такія же выраженія (ср. для примѣра *Historja panowania Jana Kazimierza*, t. I, str. 160).

Къ козакамъ приставали люди съ европейскимъ образованіемъ, но, по замѣчанію Кулиша, то были уголовные преступники, безнадежные выкидыши изъ общества, малодушные измѣнники европейской культуры, думавшіе свои оскверненные имена очистить козацкимъ речесловомъ (стр. 22). „Такіе господа,—говоритъ г. Кулишъ,—сочинили великодушныя прокламаціи à posteriori козацкихъ бунтовъ, выдумывали въ подложныхъ лѣтописяхъ подвиги, столь же дѣйствительныя, какъ груши, родившіяся на вербѣ“. Имъ приписываетъ авторъ „Крашанки“ подложный универсалъ Хмельницкаго, будто бы пущенный изъ-подъ Вѣлой Церкви въ 1648 году ¹⁾).

И вотъ такимъ образомъ, кромѣ поповъ и чернецовъ являются еще одни участники творенія подложныхъ лѣтописей и вымышленныхъ документовъ: все это дѣлалось затѣмъ, чтобы оклеветать честное, благородное, великодушное шляхетство, и отсюда-то у малорусовъ неприязнь возникла къ полякамъ! Вотъ что открываетъ намъ г. Кулишъ!

Но какъ же,—спросимъ г. Кулиша,—какъ могли эти лѣтописи,—будутъ ли они подложныя или подлинныя со всѣми попавшими туда рассказами о небывалыхъ геройскихъ подвигахъ козаковъ и о личности польскаго шляхетства надъ русскимъ народомъ, со всѣми помѣщенными въ этихъ лѣтописяхъ документами,—какъ могли они въ теченіе повогнѣній имѣть вліяніе на южно-русскій народъ, даже хотя бы на ту часть его, которая умѣла читать, когда лѣтописи эти сравнительно недавно появились въ печати, а до того времени списковъ ихъ, ходившихъ по рукамъ, было такъ мало, что когда вознамѣревались ихъ печатать, то не безъ труда успѣвали отыскать нѣсколько экземпляровъ какъ рѣдкость? Большая часть публики, даже интересовавшейся исторіею Малороссіи, не подозрѣвала, что существуютъ какіе-то Самовидцы, Грабляки, Велички и проч.!

Наиболѣе вѣснымъ мѣстомъ въ „Крашанкѣ“ оказывается то, гдѣ авторъ задаетъ вопросъ. „Если по сказаніямъ украинскихъ грамотѣвъ паны жили въ Украинѣ какъ въ раю, а мужики какъ въ адѣ; если, по бабьимъ рассказамъ нашихъ историковъ (и въ числѣ таковыхъ

¹⁾ Г. Кулишъ въ особомъ примѣчаніи укоряетъ, хотя извѣстная невѣжествомъ, нашу Археографическую Комиссію за напечатаніе дважды этого универсала въ своихъ изданіяхъ. Вѣрно, г. Кулишъ по давности времени забылъ, что во II-мъ томѣ Актовъ Южной и Западной Россіи, который былъ редактированъ имъ же, г. Кулишомъ, совместно съ пишущимъ эти строки, и который заключалъ Акты, относящіеся къ 1648 году, этотъ универсалъ не былъ помѣщенъ. Напечаталъ его впоследствии г. Коляковичъ въ особомъ сборникѣ документовъ, касающихся до западнаго края. Тогда пишущій эти строки завылъ и устно и печатно, что этотъ универсалъ подложный и печатать его не слѣдуетъ. Г. Коляковичъ счелъ его подлиннымъ. Проставляю ему, если угодно, доказать его подлинность.

автора „Крашанин“) не было штыры тѣснотѣ, неволѣ и поруганіямъ надъ людьми подѣ ладскимъ игомъ, то логически надобно думать, что человекъ, испытавши, не полѣзаетъ въ другой разъ въ ярмо, которое самъ съ себя сбросилъ въ кровопролитной борьбѣ, и не воротится въ адъ, изъ котораго выскочилъ весь обожженный и искалѣченный“ (стр. 23)? „Отчего же,—продолжаетъ авторъ,—какъ только проведенъ былъ рубежъ между московскою гетманщиною и польскою Украиною, тотчасъ наступили побѣги козацкаго народа подѣ шляхетское господство... Тѣ люди, которымъ безбожное, беззаконное, челоѣкоядное панство задавало нероновскія мучительства и сатанинскія поруганія, тѣ люди, которые съ подущенія поповъ своихъ повторяли, что лучше жить въ турецкой неволѣ, чѣмъ подѣ властью пановъ, стали теперь собираться на земли тѣхъ Конецпольскихъ, Калиновскихъ, Виннивецкихъ, Любомирскихъ и т. п., которыхъ прежде желали измести съ лица земли, вырѣзать всѣхъ до послѣдняго, передунить всѣхъ и въ Украинѣ, и во всей Руси, и даже и въ Польшѣ, чтобы нигдѣ и духа ихъ не пахло“ (стр. 26)?

Этотъ вопросъ не легко разрѣшить въ настоящее время потому, что исторія внутреннего быта въ Южной Руси въ XVIII столѣтіи недостаточно изслѣдована. Однако, есть кое-что важное, на что можно въ этомъ отношеніи указать.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что южно-руссѣ, снова заселявше опустѣлую послѣ Великой Руины правобережную Украину, не всѣ пришли туда при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Тѣ, которые еще въ концѣ XVII вѣка, почти немедленно послѣ окончательнаго вывода оттуда остатковъ жителей, стали тамъ поселяться, шли туда не подѣ власть пановъ, а съ вѣрною надеждою найти тамъ приволье и раздолье. Край долго потомъ оставался въ неопредѣленномъ положеніи по вопросу: какой государственной власти онъ долженъ принадлежать? Малороссійскій гетманъ писался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, и первые переселенцы, переходившіе на правый берегъ Днѣпра, считали себя тамъ состоящими подѣ regimentомъ козацкаго гетмана. Въ такомъ смыслѣ образовались тамъ поселенія, въ которыхъ возобновился козацкій бытъ. Возрожденіе козачества на правой сторонѣ Днѣпра подняло духъ южно-русскаго народа на Волнни и Подоліи; мужики стали уходить въ козачество, и шляхетство, чуя въ томъ для себя опасность, настойчиво домогалось у польскаго правительства уничтоженія козачества, которому покровительствовалъ бывшій король Янъ Собѣскій, надѣявшійся въ козакахъ найти матеріалъ для войны противъ турокъ. Въ 1699 году состоялся сеймовый декретъ, которымъ уничтожалось козачество, и всѣ именовавшіе себя козаками должны были или поступать въ число

панскихъ подданныхъ, или выбираться вонъ изъ края. Вслѣдъ за тѣмъ произошло возстаніе южно-русскаго народа противъ поляковъ, укрощенное въ 1702 году жестокими способами, но неискоренное вовсе. Въ 1711 г. царь Петръ окончательно уступилъ Польшѣ правобережную Украину; всѣмъ тамошнимъ козакамъ съ ихъ семьями и движимымъ имуществомъ дозволялось, по ихъ желанію, перебраться на лѣвый берегъ Днѣпра и найти себѣ мѣсто жительства въ царской державѣ каждому по своей охотѣ. Вотъ съ этихъ-то поръ правобережная Украина стала достояніемъ польскаго шляхетства снова. Край послѣ того оставался еще нѣсколько лѣтъ пустынь, но потомъ, паны, захватившіе себѣ въ Украинѣ земли, стали приглашать къ себѣ отовсюду жителей, потому что, владѣя землями, нуждались въ рабочей силѣ, и обѣщали новопоселенцамъ всякія льготы, чтобы приманить къ себѣ народонаселеніе. Съ этихъ только поръ начался наплывъ новыхъ жителей въ правобережную Украину и въ значительномъ числѣ изъ лѣвобережной Украины и изъ Слободскаго края. Такой наплывъ начался не ранѣе третьяго десятилѣтія XVIII вѣка и только къ тѣмъ, которые поселились съ этого времени, а не къ тѣмъ, что прежде туда переходили, можетъ относиться вопросъ г. Кулиша: какъ могли они обращаться добровольно подъ власть польскаго панства?

Многимъ, конечно, было или казалось тяжело и невыгодно жить на своихъ мѣстахъ, когда до нихъ доходилъ слухъ, что польскіе паны зазываютъ къ себѣ народъ и обѣщаютъ разныя льготы. Малоруссы стали прельщаться этими обѣщаніями. Это по меньшей степени странно, если вспомнить, что еще сравнительно недавно тотъ же народъ бѣжалъ изъ того же края, куда теперь его приманивали. Но надобно имѣть въ виду, что переселеніе народа съ праваго берега на лѣвый совершалось не вдругъ и не въ какое-нибудь короткое время, а въ теченіе десятковъ лѣтъ. Нѣкоторые перешли отсюда очень давно, даже и тѣ, что ушли съ праваго берега Днѣпра передъ самымъ окончаніемъ Руины, передъ сгономъ остатка правобережныхъ жителей въ 1679 году, не видали своей прежней родины уже болѣе сорока лѣтъ; тѣхъ, которые ушли оттуда ранѣе, напр. въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, оставалось уже немного, а у сыновей и внуковъ ихъ воспоминанія о прежнихъ утѣшеніяхъ, творимыхъ польскими панами южно-русскому народу, потеряли свою прежнюю остроту. Вообще у простолюдина память бываетъ коротка; это можно повсюду замѣтить опытомъ; нѣрѣдко мужикъ на разспросъ, сдѣланный ему, не въ состояніи сказать, что дѣлалось съ его дѣдомъ, а тѣмъ паче съ прадѣдомъ, старина удерживается у него только въ общихъ неясныхъ чертахъ и скоро облекается воображеніемъ въ

легендарные образы, но сердцемъ онъ мало къ ней привязывается: онъ для этого слишкомъ погруженъ въ свои обиденныя заботы и некогда ему слишкомъ много задумываться надъ тѣмъ, что ему не дастъ возможности ни питаться, ни одѣться. Простолудинъ въ нѣкихъ случаяхъ такъ же бываетъ легковѣренъ и простодушенъ, какъ въ другихъ недоувѣрчивъ и злопамятенъ; онъ легко увлекается надеждою выгоды, кто бы ни подавалъ ему эту надежду; онъ легко становится звѣремъ, когда видитъ возможность отомстить за нанесенныя ему оскорбленія, но за то легко оставляетъ свою прежнюю злобу, какъ только съ нимъ становятся ласковыми. При такихъ свойствахъ, какъ только польскій панъ началъ приманивать малорусскаго мужика обѣщаніями всякаго добра, такъ малорусскій мужикъ повѣрилъ ему и шелъ къ нему на новоселье. Приманки же для крестьянина въ то время были велики въ странѣ многоземельной и плодородной, а о потерѣ вольности онъ не помышлялъ, да ему и въ голову не могло придти опасенія, чтобы, поселившись на землѣ польскаго пана, сдѣлаться его вѣчнымъ рабомъ, потому что въ тѣ времена ни въ гетманщинѣ, ни въ Слободской Украинѣ запрета къ переходу отъ одного землѣвладѣльца къ другому еще не было, и новопоселенецъ, шедшій въ правобережную Украинну, не имѣлъ представленія о томъ, чтобы забравшись одинъ разъ куда-нибудь, уже нельзя будетъ оттуда выбраться, когда дурно станетъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, условія, дѣлавшія возможнымъ возвращеніе южно-русскаго народа подъ прежнюю власть поляковъ.

Но съ самаго начала возвращенія южно-русскаго народа на свою прежнюю родину отъкрывается непрерывная борьба южно-русса, мужика, съ полякомъ, господиномъ. Козачество было совершенно искоренено въ правобережной Украинѣ: вмѣсто него возникла у польскаго шляхетства борьба съ гайдамаками. Сначала это были удалые молодцы, составлявшіе изъ себя ватаги или шайки, съ разбойническимъ характеромъ, какъ обыкновенно начинались вониствующія общества, которыя постепенно организуясь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ обращаются въ государства. Поддерживаемое запорожцами, гайдамачество скоро получило характеръ прямой борьбы мужичества съ дворянствомъ; крестьяне оказывали къ нимъ сочувствіе и помощь, наполняли ихъ ряды; гайдамачество годъ отъ году возрастало и укрѣщеніе его для польскаго шляхетства дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Г. Кулишъ увѣряетъ насъ, что польское шляхетство возростило на землѣ, политой прежде польскою и козацкою кровью, „пышно-цвѣтушій, вѣчно-поющій, вѣчно-пляшущій рай“ (стр. 26)! Быть можетъ, это и въ самомъ дѣлѣ былъ настоящій рай для дворянства, но исключительно называть его раемъ могли только

въ панскихъ дворахъ, а чтобъ мужики сочувствовали такому раю и пользовались его утѣхами—не видно, и умноженіе въ краѣ гайдамачества указываетъ совсѣмъ на противное. Мы, повтораемъ, мало имѣемъ свѣдѣній о внутреннемъ экономическомъ бытѣ народномъ въ этотъ періодъ времени, и потому не можемъ указать всѣхъ причинъ, возбуждавшихъ недовольство мужиковъ противъ своихъ господъ, которое располагало къ появленію и расширенію гайдамачества. Но по здравому разсудку можно заключать, что похвалы, расточаемыя г. Кулишомъ польскому шляхетскому господству въ Украинѣ, не вполне состоятельны.

Люди отъ добра не покинутъ своихъ жилищъ и не побѣгутъ въ лѣса собираться въ шайки! Если южно-русскіе мужики стали враждебно противъ польскаго шляхетства, то уже значительная часть вины, если не вся вина, непременно должна падать на послѣднихъ. Намъ извѣстны пока три причины, производившія въ Украинѣ явленіе гайдамачества и возбуждавшія вообще непріязнь южно-русскаго простонародія къ польскому шляхетству: 1) То, что польскіе паны ввели въ свои украинскія мѣстности іудеевъ и поручили въ ихъ управленіе разные источники доходовъ; а оттого стали происходить явленія, которыя народъ признавалъ приносящими ему ущербъ и съ матеріальной, и съ духовной стороны. 2) То, что въ самомъ шляхетскомъ обществѣ, которое г. Кулишъ изображаетъ такимъ пышно-цѣлующимъ, вѣчно-поющимъ, вѣчно-пляшущимъ раемъ, господствовали нестроенія и своеволюства, не было сдержки страстямъ, не было страха предъ закономъ и властью, не было и стыда предъ общественнымъ мнѣніемъ; зачастую обыватель-шляхтичъ, поссорившись съ своимъ сосѣдомъ, такимъ же обывателемъ-шляхтичемъ, набиралъ изъ мужиковъ ватагу, дѣлалъ съ нею наѣздъ на соперника, производилъ и допускалъ производить всякія разоренія и безчинства. Въ сохранившихся до нашего времени дѣлахъ уголовныхъ о гайдамакахъ беспрестанно попадаются участниками, а часто и предводителями гайдамацкихъ шайкъ люди „урожденные“, т.-е. люди шляхетнаго происхожденія, и такимъ образомъ оказывается, что польское шляхетство своими обычными наѣздами другъ на друга само приучало простонародіе къ самовольству и укореняло въ немъ повадку расправляться за причиненныя оскорбленія и насилія не путемъ закона, а путемъ самоуправства. Наконецъ, 3-е, самое главное: то, что польское шляхетство, побуждаемое римско-католическимъ духовенствомъ, стало по старому принуждать къ униі подвластный ему православный южно-русскій народъ.

Г. Кулишъ всѣхъ этихъ причинъ какъ будто не знаетъ, а указываетъ намъ инныя: „украинскіе негодяи (гультайство) по старой

памяти обихивались съ запорожцами; по старой памяти украинское невѣжество развѣсило уніи передъ своими дикими пастырями думъ, а эти благочестивые пастыри еще больше одичали послѣ Хмельницкаго" (стр. 26). Такимъ образомъ выходитъ, что и на этотъ разъ главнѣйшая вина падаетъ все на тѣхъ же поповъ и чернецовъ, которые уже прежде своими подложными лѣтописями и намысленными документами направили глухой невѣжественный и пьяный народъ на умныхъ и добрыхъ польскихъ дворянъ, благодѣтелей и просвѣтителей южно-русскаго края. Православные духовные виноваты за то, что укрѣпляли народъ въ вѣрѣ праотцевъ, а за то, что сами не приняли уніи въ угоду шаякетству и католическимъ есендзамъ, и не располагали своимъ примѣромъ и словомъ убѣжденія другихъ къ такому же поступку? Но еслибъ они такъ поступили, то историки (и въ ихъ числѣ самъ г. Кулишъ до своего перехода въ разрядъ недоляшковыхъ) ставили бы имъ въ упоръ, что они небрегли дѣломъ своего служенія и измѣнили данному обѣту!

Мы знаемъ изъ исторіи, что всѣ христіанскія развѣтвленія—церкви, толки, ученія, секты—всѣ образовались подъ вліяніемъ разныхъ политическихъ и національных причинъ, а не истекали непосредственно свыше. Въ каждомъ изъ существующихъ вѣроисповѣданій, вѣроятно, есть такіе истинные поклонники Христа въ духѣ и истинѣ, какихъ Онъ, по собственнымъ Его словамъ, ищетъ себѣ. Но вѣроисповѣданіе, признаваемое въ одинакихъ основахъ массою поклонниковъ, заключаая въ себѣ выработанную прошлыми поволѣніями систему правилъ и благочестивыхъ приемовъ, есть святиня, которая можетъ измѣняться только отъ внутренняго саморазвитія исповѣдующей массы, но не должна подвергаться насильственному внѣшнему давленію; и потому, въ случаяхъ такихъ насильственныхъ давленій, правда всегда бываетъ на сторонѣ подавляемой, даже и тогда, когда мы сами по своимъ убѣжденіямъ ближе стоимъ къ сторонѣ подавляющей, а исповѣдуемое подавляемою стороною признаемъ заблужденіемъ. Неправда здѣсь заключается въ самомъ насиліи, надъ кѣмъ бы оно ни совершалось, а правда—въ крѣпкой преданности тому, что подвергается гоненію. Мы, православные русскіе люди, не раздѣляемъ толковъ нашихъ сектантовъ, но готовы стоять за свободу самаго послѣдняго изъ ихъ толковъ, если только мы сами—люди просвѣщенные и человеколюбивые. Точно также просвѣщенный и человеколюбивый католикъ будетъ оказывать болѣе сочувствія къ чуждой ему схизмѣ, когда она подвергается гоненіямъ, чѣмъ къ своимъ единовѣрцамъ, когда они являются въ качествѣ гонителей и принудителей.

Мы читали въ нашихъ русскихъ газетахъ, будто польская клерикальная газета „Часъ“, по поводу напечатанной г. Кулиша „Крашанки“, подавала ея автору совѣтъ принять унію. Мы не знаемъ: справедливо ли это извѣстіе, такъ какъ сами означенной польской газеты не читали; но если это правда, то нельзя польскимъ клерикаламъ отказать въ прихотѣ и послѣдовательности. Они остаются неизмѣнно вѣрны завету своихъ отцовъ и праотцевъ. Истари уже такъ велось и усвоилось исторію, что русину или малоруссу, желающему дружить и единиться съ поляками (приобрѣтая за то отъ своихъ прежнихъ соотечичей кличку недоумка), представлялось показатъ первый доводъ искренности своего къ нимъ расположенія принятіемъ уніи. Для этой-то цѣли унія была и выдуманна!

Н. Костомаровъ.

Въ дополненіе къ письму г. Костомарова сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній съ своей стороны.

Наши литературныя связи съ „русскими“ въ Галиціи такъ слабы, что у насъ составляетъ великую рѣдкость другая книжка г. Кулиша, вышедшая ранѣе „Крашанки“: „Хуторна поэзія“ (у ві Львові, 1882); ея не имѣлъ въ рукахъ и г. Костомаровъ,—обстоятельство, которое могло бы очень успокоить господъ, устроившихъ русинскимъ патріотамъ въ Галиціи извѣстный процессъ по обвиненію въ тѣсныхъ связяхъ съ русскими, т.-е. въ русской имперіи. Когда печаталась настоящая статья г. Костомарова, мы получили свѣдѣніе о новѣйшей брошюрѣ г. Кулиша, вышедшей въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ и тамъ конфискованной: *Vergewaltigung der Basilianer in Galizien durch Jesuiten* (Wien, 1882),—и имѣющей выйти на русинскомъ языкѣ въ Лейпцигѣ.

Мнѣнія г. Кулиша чрезвычайно странно колебались въ послѣдніе годы, и настоящая брошюра, вызванная новѣйшимъ эпизодомъ въ польско-русинскихъ отношеніяхъ, въ противорѣчіе заключительнымъ словамъ г. Костомарова, направлена противъ іезуитовъ и уніи.

Брошюрѣ предшествуетъ эпитафій изъ Ренана: „Un secret instinct nous porte à être avec ceux, qui sont persécutés. Quiconque s'imaginerait arrêter un mouvement religieux ou sociale par des mesures coercitives fait donc preuve d'une complète ignorance du coeur humain et témoigne qu'il ne connaît pas les vrais moyens d'action de la politique“. „Въ то самое время,—говоритъ г. Кулишъ,—когда польскій образованный классъ съ сочувствіемъ привѣтствовалъ мою попытку примиренія русиновъ съ поляками, въ польской печати неожиданно и внезапно появилась булла святаго отца Льва XIII. Этотъ заветъ,

таиннымъ документомъ святой отецъ передаетъ базилианскій (т.-е. монашеско-уніатскій) новиціатъ въ Добромиль съ принадлежащими ему имѣніями іезуитамъ ¹⁾, и требуетъ, чтобы подъ руководствомъ іезуитовъ русинскіе монахи, базилиане, по мѣрѣ своихъ силъ подражали святому *Иосафату* (Кунцевичу) и незабвенному кievскому уніатскому митрополиту *Веніамину Рутскому*. Сколько добра принесли іезуиты Польшѣ и Руси (Rusien) своимъ руководствомъ, это такая же длинная исторія, какъ исторія польско-русинской „руины“, изъ которой два славянскіе народа едва начинаютъ поднимать свои глубоко раненыя головы. Но здѣсь будетъ идти рѣчь только о томъ, какъ *Рутскій* и *Кунцевичъ* боролись за то дѣло, которое палская булава называетъ „христіанской любовью“. Во имя исторіи, во имя той науки, которая поставила себя задачей—свѣтити передъ народами на ихъ пути къ лучшей жизни, мы дадимъ неподдѣльное свидѣтельство о тѣхъ, уже пришедшихъ въ забвеніе, дѣяніяхъ „христіанской любви“, которой теперь русинскіе базилиане должны учиться отъ тѣхъ двухъ великихъ апостоловъ XVII столѣтія, отдавши сперва самихъ себя и свое добро въ іезуитскія руки“.

И г. Кулишъ рассказываетъ дѣйствительно неподдѣльными свидѣтельствами исторію этихъ апостоловъ — извѣстную исторію страшной нетерпимости, фанатическаго и вмѣстѣ коварнаго преслѣдованія православнаго населенія западной и юго-западной Руси, — преслѣдованія, вызвавшаго наконецъ кровавый отпоръ въ лицѣ козачества. Чтобы отнять поводъ къ обвиненіямъ въ пристрастіи, г. Кулишъ приводитъ польскія и католическія свидѣтельства, изъ которыхъ ясно, что „христіанская любовь“ Рутскаго и Кунцевича была именно такая, а не иная. Авторъ кончаетъ слѣдующими замѣчаніями:

„Чье польское сердце и чье сердце у русиновъ, которые въ тѣ тяжкія времена бѣжали изъ своихъ отцовскихъ владѣній и искали спасенія въ Галичинѣ, не исполнится горестью при мысли, что не было бы никакихъ катастрофъ, произведенныхъ козачествомъ, не было бы „великой руины“, если бы не было Рутскаго и Кунцевича.

„Теперь оба они воскрешены въ Галиціи по повелѣнію изъ Рима, — въ той самой Галиціи, гдѣ ополченное и латинизированное русское дворянство нашло защиту послѣ пулавской паники, — въ той Галиціи, которая своими послѣдними силами спасла его подъ Берестечкомъ отъ окончательнаго уничтоженія. Теперь и этимъ остаткамъ, кото-

¹⁾ Г. Кулишъ прибавляетъ, что не смотря на протесты базилианъ и русинскаго духовенства, іезуиты получили, кромѣ того, отъ щедрости его свѣтѣйшества: 85,000 гульденовъ въ бумагахъ и 18,000 гульд. наличными, что, съ тремя имѣніями, монастыремъ и церковью, представляетъ сумму въ 250,000 гульденовъ.

рые были пощажены дикимъ разрушеніемъ, готовить въ Римѣ ту же судьбу, какая постигла ихъ несчастныхъ предковъ, какъ неотвратимое слѣдствіе „христіанской любви“ разныхъ Рутскихъ и Кунцевичей.

„Неужели ополченные потомки тѣхъ, извѣстныхъ гротескому Константинополю и турецкому Стамбулу русиновъ сносить свои головы передъ повелѣніемъ изъ Рима? Неужели въ польско-русиновомъ дворянствѣ не найдется уже ни одного человѣка съ яснымъ взглядомъ, какъ Левъ Сапѣга (Сапѣга)? Неужели въ этой странѣ, нѣкогда знаменитой своими великими людьми, есть теперь только люди, которые на польско-русиновомъ пожарницѣ точно такъ же послѣдуютъ за іезуитами, какъ въ то время, когда послѣдніе руками Рутскаго и Кунцевича разожгли пожаръ Польши и Руси?”

„Вы, поляки, ученики и „передовые бойцы“ европейской образованности, вы боитесь, чтобы „дикая“, всему просвѣщенному и свободному свѣту страшная московитская сила не наводнила разрушительнымъ порокомъ карпатскій край, какъ нѣкогда наводнила она окраины (Marken) европейской цивилизаціи на Днѣпрѣ? Что же вы предпринимаете противъ этого? Вы дѣлаете именно то, что вамъ несчастные предки дѣлали вмѣстѣ съ іезуитами и—сдѣлали. Несправедливостью вы не привлечете русинскаго народа; и можетъ ли быть большая несправедливость, какъ выдать русиновъ на произволъ іезуитовъ?”

Въ новой книжкѣ г. Кулиша можно встрѣтить опять нѣкоторые отголоски „Воссоединенія Руси“ и „Браншанки“, но вообще она даетъ дѣйствительныя свидѣтельства исторіи о „христіанской любви“, съ которою вводилась нѣкогда унія. На этотъ разъ мы не будемъ спорить съ авторомъ: его предостереженія объ отношеніяхъ поляковъ къ русинамъ, объ опасности и ненавистности союза съ католическимъ фанатизмомъ совершенно справедливы; пожелаемъ только, чтобы въ своихъ „попыткахъ примиренія“ онъ не покидалъ почвы „неподдѣльныхъ свидѣтельствъ“—и старыхъ, и новыхъ, и не давалъ мѣста личнымъ пристрастіямъ и раздраженіямъ, которые успѣли въ послѣднее время такъ много повредить самому себѣ и можетъ повредить самому, имъ теперь защищаемому, дѣлу.—*Ред.*

Э. ЛЕНРОТЪ,

ОСНОВАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ФИНЛЯНДИИ.

Письмо изъ Финляндии.

17-е (5-е) апрѣля настоящаго года долго останется памятнымъ въ Финляндии. Въ этотъ день по всей странѣ, начиная со столицы—Гельсингфорса—до самыхъ маленькихъ городовъ и мѣстечекъ, съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ отпраздновать былъ восьмидесятилѣтній юбилей знаменитаго собирателя памятниковъ финской народной словесности и основателя національной литературы въ Финляндии, Э. Ленрота. Что финляндцы вообще умѣютъ достойно чтить своихъ выдающихся дѣятелей, — это показывали и прежніе примѣры, въ родѣ покупки дома поэта Л. Л. Рунеберга въ Борго на общественныя средства, въ родѣ прошлогоднихъ празднествъ въ честь Л. В. Снельмана и т. д.; но настоящее чествованіе Ленрота особенно выдѣлялось своимъ трогательнымъ, душевнымъ характеромъ, что объясняется только неопѣнимыми заслугами юбиляра и той громадной популярностью и любовью, какою пользуется среди своихъ соотечественниковъ этотъ „патріархъ финскаго народа и финской литературы“, какъ называлъ его въ своей рѣчи на университетскомъ праздникѣ профессоръ Аלקвистъ.

Сыномъ бѣднаго сельскаго портного, въ убогой хижинѣ киркшинскаго Самматти (нравдской губ.) родился Элиасъ Ленротъ 28 (9) марта 1802 года. Природное неудержимое влеченіе къ наукѣ и нѣкоторыя особенныя благовѣщныя обстоятельства позволили ему получить высшее школьное образованіе, и въ 1822 году онъ поступилъ въ аборскій университетъ. Онъ слушалъ лекціи главнымъ образомъ по медицинѣ, такъ какъ профессія медика всего скорѣе могла ему дать средства къ жизни, но уже съ самаго ранняго времени его умъ болѣе всего привлекало къ себѣ наученіе финской народной словесности, народныхъ вѣрованій и обычаевъ. Онъ изучалъ существовавшія тогда по этому предмету наслѣдованія и скудные сборники пѣсенъ и сказаній, а въ 1828 году совершилъ самъ первую поѣздку свою въ восточную Финляндію для собиранія и записыванія народныхъ произведеній. Въ 1831 году онъ повторилъ поѣздку, и плодомъ этихъ двухъ путешествій явился сборникъ эпическихъ и лирическихъ народныхъ пѣсенъ подъ названіемъ „Kantele“. Но и эти двѣ поѣздки, и этотъ сборникъ были только подготовительною ступеню для дальнѣйшей дѣятельности Ленрота. Въ то время и

самъ онъ не подозрѣвалъ еще всего обилія памятниковъ финскаго народнаго творчества, не подозрѣвалъ, что въ устахъ народныхъ пѣвцовъ, въ глухихъ уголкахъ финляндской и особенно русской Карелии, жила цѣлая большая эпическая поэма и, кромѣ того, масса лирическихъ пѣсень, магическихъ рунъ, сказокъ и т. д. Въ томъ же 1831 году Ленротъ, проживая въ Гельсингфорсѣ (зуда къ тому времени былъ переведенъ и университетъ изъ погорѣвшаго Або), принялъ дѣятельное участіе въ основаніи „Финскаго литературнаго общества“, имѣвшаго потомъ громадное значеніе для развитія національнаго движенія и національной литературы въ Финляндіи. Въ слѣдующемъ 1832 году Ленротъ за свою диссертацию „О магической медицинѣ финновъ“ удостоенъ былъ степени доктора медицины и, нѣсколько времени спустя, назначенъ окружнымъ врачомъ въ маленький городъ Каяну на сѣверѣ Финляндіи. Съ этого-то времени начинается настоящая дѣятельность Ленрота по собранію произведеній народнаго творчества. Въ два года—съ 1833 по 1835—онъ совершилъ изъ Каяны четыре поѣздки въ восточную Финляндію и архангельскую губернію. Поѣздки эти, трудныя и утомительныя, продолжались по нѣскольку недѣль каждая. То верхомъ на лошади, то на лодкѣ, но больше пѣшкомъ съ тростью въ рукахъ и съ котомкой за плечами, по болотамъ и лѣснымъ тропинкамъ, забирался онъ въ самыя глухія деревушки, отыскивая народныхъ пѣвцовъ, знающихъ старинныя руны. Успѣхъ его нутешествій превзошелъ всякія ожиданія: въ массѣ записаннаго со словъ пѣвцовъ матеріала онъ открылъ большую связную эпопею. Однако, главный, собственно литературный трудъ былъ еще впереди: нужно было разобраться въ безчисленномъ множествѣ отдѣльныхъ эпическихъ обрывковъ и вариантовъ, привести ихъ въ систему и такимъ образомъ создать связанное цѣлое. И эту важную, и трудную работу Ленротъ исполнилъ съ изумительнымъ искусствомъ глубокаго знатока и ученаго, постигшаго тайну народнаго пѣсеннаго творчества. Въ половинѣ 1835 года „финское литературное общество“ получило отъ Ленрота готовую рукопись „Калевалы“, съ обширнымъ введеніемъ. Въ ноябрѣ того же года первое изданіе „Калевалы“ (заключавшее въ себѣ 12,000 стиховъ, раздѣленныхъ на 32 руны) появилось въ свѣтъ, на средства общества, и произвело сильное впечатлѣніе и въ самой Финляндіи, и внѣ ея. Дорогія воспоминанія старины, народная житейская мудрость, міровоззрѣніе, народные идеалы—все это представлено было финской эпопеей въ яркихъ и могучихъ образахъ, живыхъ и звучныхъ языкомъ. Лучшая часть финляндскаго образованнаго общества, усвоившаго себѣ шведскую образованность и шведскій языкъ и равнодушно относившагося къ финской литературѣ и финскому языку, встре-

нулась. Финноманское движение, до того времени проявлявшееся въ отдѣльных немногочисленныхъ кружкахъ, получило новую силу. Надежды на успѣшное развитіе національной литературы въ Финляндіи оживились. Въ Финляндіи, въ европейскомъ ученomъ мѣрѣ финская эпопея обратила на себя большое вниманіе: ученые поставили ее наряду съ поэмами Гомера, съ „Нибелунгами“, съ „Магабгаратой“... А скромный провинціальный врачъ, давшій это сокровище своему народу, продолжалъ между тѣмъ по прежнему трудиться надъ собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Въ 1836 — 1837 г. онъ, по просьбѣ финскаго литературнаго общества, предпринялъ новое продолжительное путешествіе въ пограничныя мѣстности улеборгской и архангельской губерній до самой Лапландіи. Это путешествіе значительно увеличило оставшійся у Ленрота отъ прежнихъ экскурсій богатый запасъ лирическихъ пѣсень, эпическихъ отрывковъ, не вошедшихъ въ „Калевалу“, пословицъ, загадокъ и т. д. Весь этотъ матеріалъ онъ опять искусно привелъ въ порядокъ и съ 1840 по 1844 г. издалъ въ трехъ большихъ сборникахъ: въ 1840 г. вышелъ въ трехъ частяхъ сборникъ лирическихъ и отчасти историческихъ народныхъ пѣсень подъ названіемъ „Кантелетаръ“, съ введеніемъ, въ которомъ Ленротъ съ глубокимъ знаніемъ и обстоятельностью выяснилъ характеръ и особенности финской народной поэзіи; въ 1842 г. вышелъ сборникъ финскихъ народныхъ пословицъ (до семи тысячъ) и затѣмъ два года спустя — сборникъ загадокъ (до тысячи семи сотъ). Плодотворная дѣятельность Ленрота по собиранію памятниковъ народной словесности вызвала къ такому же труду цѣлый рядъ молодыхъ ученыхъ: М. А. Кастрентъ, Д. Э. Европеусъ, А. Э. Альквистъ, Ф. Поленъ и др., путешествуя по порученію и на средства финскаго литературнаго общества, собрали много новаго матеріала, такъ что Ленротъ въ концѣ сороковыхъ годовъ могъ приступить къ болѣе полному изданію „Калевалы“. Это увеличенное почти вдвое противъ прежняго изданіе (около 22,800 стиховъ, раздѣленныхъ на 50 рунъ) явилось въ декабрѣ 1849 года. Но не одно только собираніе и изданіе памятниковъ народной словесности занимало Ленрота. Давъ основу для развитія національной литературы изданіемъ „Калевалы“ и „Кантелетаръ“, онъ первый въ своихъ сочиненіяхъ на финскомъ языкѣ принялся за созданіе ея. Съ обширными знаніями филолога и естествовѣда въ немъ соединился талантъ поэта и публициста. Еще будучи врачомъ въ Кааянѣ, въ 1836 году, онъ сталъ издавать на финскомъ языкѣ газету „Mehiläinen“ („Муравей“). Большая часть печатавшихся въ ней статей принадлежали его перу. Въ 1853 году онъ былъ приглашенъ въ Гельсингфорсъ для занятія въ финляндскомъ университетѣ оставшейся

важнѣею послѣ смерти М. А. Кастрена касадры финскаго языка и литературы. Въ качествѣ профессора, Ленротъ воспиталъ нѣсколько поколѣній въ любви къ родному языку, къ родной словесности. Въ то же время онъ продолжалъ свою ученую и литературную дѣятельность. Одинъ за другимъ онъ издалъ нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ на финскомъ языкѣ: „Книгу гимновъ“ (употребляемую при богослуженіи въ финляндскихъ церквахъ), „Финскую ботанику“, „Справочную книгу по законовѣдѣнію“, „Домашній лечебникъ финскаго крестьянина“ и др.; писалъ въ журналахъ статьи по этнографіи и миеологіи, переводилъ отрывки изъ Гомера и Вергилія и т. д. Избранный въ 1854 году президентомъ финскаго литературнаго общества онъ и здѣсь проявилъ свою неустанную энергію и трудолюбіе: и до тѣхъ поръ онъ принималъ живое участіе почти въ каждомъ предпріятіи общества, а съ этого времени сталъ главнымъ двигателемъ его дѣятельности по изданію финскихъ школьных учебниковъ, финскихъ переводовъ классическихъ произведеній иностранныхъ литературъ, оригинальныхъ научныхъ и художественныхъ произведеній, словарей и т. д. Въ 1862 году, Ленротъ въ званіи заслуженнаго профессора оставилъ свою должность въ университетѣ и удалился на свою родину, кирккунгиль Самматти, гдѣ живетъ и до сихъ поръ. Здѣсь онъ съ прежней энергіей и неутомимостью продолжалъ трудиться на пользу финской литературы. Въ 1863 году онъ приступилъ къ составленію полнаго финско-шведскаго словаря. Глубокое знаніе народнаго языка и финскихъ нарѣчій, близкое знакомство съ памятниками народной словесности позволило ему исполнить этотъ обширный и важный трудъ самымъ блестящимъ образомъ. Онъ работалъ надъ словаремъ болѣе 15 лѣтъ: въ 1866 году появился первый выпускъ, а въ 1881—послѣдній, 14-й выпускъ. Словарь Ленрота,—эта сокровищница финскаго языка,—по обширности своей программы и вполне удачному выполненію ея, сдѣлалъ бы честь любой изъ старыхъ европейскихъ литературъ. Но трудясь надъ словаремъ, Ленротъ не забывалъ и о народной словесности. Еще въ первое время своей дѣятельности онъ задавался мыслью собрать и привести въ систему многочисленныя финскія залинательныя руны. Другія занятія помѣшали ему, однако, взяться за это прежде; притомъ и матеріала собрано было еще мало. Къ половинѣ семидесятыхъ годовъ матеріала накопилось очень много, благодаря трудамъ какъ самого Ленрота, такъ и другихъ собирателей, и Ленротъ сталъ приводить его въ порядокъ. Въ 1880 году, „Сборникъ старинныхъ залинательныхъ рунъ финскаго народа“ появился въ свѣтъ на средства финскаго литературнаго общества, какъ и большая часть трудовъ Ленрота. Сборникъ этотъ (представляющій со-

бѣю съ внѣшней стороны большой томъ въ нѣсколько сотъ страницъ) по своему значенію для науки долженъ быть поставленъ наравнѣ съ „Калевалой“. Въ обширномъ предисловіи къ нему Ленротъ подробно выясняетъ характеръ и особенности заимательныхъ рунъ и даетъ свѣдѣнія о волшебствѣ древнихъ финновъ. Въ настоящее время маститый ученый, не смотря на свои преклонныя лѣта, готовить новое увеличенное изданіе „Кантелетаръ“.

Такова въ общихъ чертахъ многолѣтняя дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка. Уже одного открытія и изданія „Калевалы“ достаточно было бы для того, чтобы увѣковѣчить имя Ленрота въ исторіи; но это великое дѣло, какъ мы видѣли, было только началомъ его дѣятельности. Для финской народной словесности онъ одинъ сдѣлалъ то, что у многихъ другихъ народовъ совершалъ цѣлый рядъ ученыхъ и простыхъ собирателей. Какъ писатель, онъ по справедливости можетъ быть названъ основателемъ новѣйшей финской литературы. Онъ создалъ нынѣшній финскій книжный языкъ, удачно сливая въ своемъ слогѣ формы и обороты карельскаго нарѣчія, на которомъ сложены „Калевала“ и „Кантелетаръ“, съ формами и оборотами нарѣчія тавастландскаго, которое преобладало въ прежнемъ литературномъ языкѣ. Большая часть научныхъ терминовъ, принятыхъ теперь въ финской литературѣ, введены Ленротомъ.

Такими заслугами вполне объясняется популярность, какою пользуется Ленротъ въ Финляндіи. Притомъ, помимо всѣхъ его ученыхъ и литературныхъ заслугъ, Ленротъ — личность высокая въ нравственномъ отношеніи. Это — типъ „праведника“, всецѣло преданнаго любимой идеѣ, любимому дѣлу. Поразительная скромность и незлобивость отличаютъ его характеръ. Будучи на дѣлѣ однимъ изъ главныхъ столповъ финноманской партіи, онъ почти никогда не вступалъ въ полемику съ шведоманами, предоставляя это другимъ. Безъ шума, никого лично не задѣвая, онъ трудился надъ созиданіемъ національной литературы. Этимъ объясняется то, что Ленрота уважаютъ и любятъ всѣ финляндцы, безъ различія партій. Пишущему эти строки лично случалось наблюдать при разговорѣ съ финляндцами, придерживающимися шведоманскаго направленія, какъ они, наряду съ гнѣвными выходками противъ „неугомонныхъ финномановъ“, не совсѣмъ послѣдовательно, но вполне искренно съ величайшимъ уваженіемъ и сочувствіемъ отзывались о Ленротѣ. Имя престарѣлаго патріота, извѣстное даже всякому крестьянину, прешедшему народную школу, съ любовью и благоговѣніемъ произносится въ школахъ и семьяхъ. Поэтому теперь, для чествованія восьмидесяти-лѣтней годовщины его рожденія соединились всѣ — и финно-

мавы, и шведоманы. Рознь партій сказалась, однако, въ самои способѣ чествованія. Когда шли приготовленія къ юбилею, рѣшено было праздновать его не въ самый день рожденія Ленрота, 9-го апрѣля (новаго стиля), т.-е. первый день Пасхи, а въ день Эліаса (по лютеранскому календарю), 17-го апрѣля. Главное празднество въ Гельсингфорсѣ приготовлялось устроить, какъ и прежде въ подобныхъ случаяхъ, студенчество въ своемъ клубѣ. При этомъ всѣ юбилейныя рѣчи, стихотворенія и т. д. положено было произносить исключительно на финскомъ языкѣ. Но это не понравилось гельсингфорскимъ шведоманамъ, и кружокъ вліятельныхъ шведомановъ (нѣсколько чиновныхъ лицъ, группа шведоманскихъ депутатовъ сейма, купцовъ и т. п.) устроилъ въ честь Ленрота въ помѣщеніи шведскаго театра 13-го апрѣля особое празднество, на которомъ рѣчи произносились по-шведски и по-фински. Но это празднество далеко не отличалось такимъ одушевленіемъ, какъ празднество, состоявшееся 17-го апрѣля въ „студенческомъ домѣ“. Весь этотъ день былъ посвященъ Ленроту. Утромъ появились въ продажѣ юбилейныя листы и альбомы, газеты съ статьями о герояхъ дня. Въ 6 часовъ вечера въ финскомъ театрѣ начался торжественный спектакль. Поставлены были живыя картины изъ „Калевалы“, произносились стихотворенія и наконецъ дана была трагедія финскаго писателя А. Киви „Куллерво“. Полный высокаго трагизма, эпизодъ изъ „Калевалы“ о мрачномъ героѣ Куллерво ¹⁾, прекрасно обработанный въ трагедіи Киви, какъ нельзя болѣе подходилъ къ юбилею собирателя „Калевалы“ и къ настроенію публики. По окончаніи спектакля, празднованіе юбилея перенесено было въ „студенческій домъ“. Громадная зала, налицо украшенная зеленью, гербами, большимъ бюстомъ Ленрота и по бокамъ бюстами Рундберга, Кастрена, Снелъмана и Альквиста, едва вмѣщала въ себѣ всѣхъ желавшихъ принять участіе въ празднествѣ. Въ 8 часовъ вступилъ въ залу при звукахъ торжественнаго марша маститый юбиляръ съ дочерью. Затѣмъ, когда исполнена была кантата Мендельсона съ финскими текстомъ К. Крона, началось произнесеніе юбилейныхъ рѣчей, перемежавшееся игрой музыкантовъ финскаго стрѣльцоваго батальона и пѣснями студенческаго хора. Первую рѣчь, обращенную къ юбиляру, сказалъ профессоръ А. Альквистъ, ученикъ и преемникъ Ленрота по кафедрѣ финской литературы въ университетѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, талантливый финскій поэтъ. Рѣчь его, горячая и глубоко продуманная, произвела сильное впечатлѣніе. Изобразивъ яркими чертами обстоятельства появленія „Калевалы“ и

¹⁾ Этотъ эпизодъ изъ „Калевалы“ существуетъ въ прекрасномъ русскомъ переводѣ молодого финляндскаго ученаго С. В. Гельгрена. На русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ полнаго и научнаго перевода этой замѣчательной эпопеи.

значеніе этого факта въ исторіи финляндскаго общественнаго развитія, ораторъ остановился въ особенности на заслугахъ Ленрота, какъ систематизатора отрывочныхъ эпическихъ пѣсень, записанныхъ со словъ пѣвцовъ. Простое собраніе памятниконъ народной словесности, говорилъ г. Альквистъ, было сравнительно еще легкимъ дѣломъ; этимъ могли заниматься, да и занимались впослѣдствіи и многіе другіе. Но чтобы привести въ систему безчисленные отрывки и варианты, создать изъ этихъ *disjecta membra* связную и стройную эпопею, — для этого нужно было все обширное знаніе, сильное поэтическое чутье и талантъ Ленрота. Какъ любовь и чародѣйское знаніе тайнъ природы соединяють въ „Калевалѣ“ разрозненные члены героя Лемминкайнена, такъ Ленротъ связалъ и оживилъ руны „Калевалы“. Онъ — послѣдній и величайшій изъ творцовъ финскаго эпоса, Гомеромъ котораго его можно назвать по справедливости. Упомянувъ затѣмъ о другихъ трудахъ и заслугахъ юбиляра, ораторъ обратился къ нравственнымъ его достоинствамъ. И безъ этихъ дѣлъ своихъ Ленротъ былъ бы великимъ человѣкомъ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ избранникамъ, которые среди всякаго народа составляютъ соль его, которые возвышаются надъ мелочными и обыденными личными интересами жизни и, руководимые любовью, высоко держатъ знамя вѣчныхъ идеаловъ. Престарѣлый юбиляръ тихимъ голосомъ благодарилъ оратора за привѣтствіе и студентовъ за устройство праздника, котораго онъ, по его словамъ, не заслужилъ. Вторая рѣчь, сказанная г. Бергомъ, была посвящена финскимъ народностямъ. Ораторъ живыми и образными чертами обрисовалъ историческія судьбы великаго финскаго племени, которое изъ своей первоначальной родины — широкихъ степей Азіи — еще въ глубокой древности разбредлось въ разныя стороны, распалось на мелкія племена, долго боролось и много вытерпѣло, но наконецъ принуждено было уступить въ неравной борьбѣ: другія племена, болѣе сплоченныя, взяли власть надъ міромъ и образованіе въ свои руки. Между тѣмъ, продолжалъ ораторъ, финское племя — одно изъ древнѣйшихъ племенъ исторіи. Черезъ него должна проходить нить ученыхъ изслѣдованій въ глубокую древность. Будущіе выводы зарождающагося финскаго сравнительнаго языковѣданія и изслѣдованія финскихъ народныхъ сказаній и археологіи должны имѣть несомнѣнно важное значеніе для освѣщенія той древнѣйшей эпохи въ исторіи человѣчества, которую заслоняетъ еще теперь густая завѣса. „Мы, — сказалъ ораторъ, — представляемъ собой племя, во многомъ рѣзко отличающееся отъ тѣхъ народностей, которыя въ настоящій моментъ опредѣляютъ ходъ исторіи и высшую культуру человѣчества. Нашъ языкъ и міросозерцаніе совсѣмъ иного рода, чѣмъ ихъ. Но можно

признать за историческую истину, что культурный типъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе онъ привноситъ новыхъ элементовъ. И такъ же, какъ мы увѣрены въ этой истинѣ, мы можемъ быть увѣрены и въ томъ, что та самая сила, которая поддерживала насъ во всѣхъ нашихъ испытаніяхъ, дастъ намъ возможность принять участіе въ общей работѣ человечества". Ораторъ указалъ затѣмъ на признаки возрожденія финскаго племени къ культурной жизни. Ленротъ сталъ первымъ выдающимся двигателемъ этого возрожденія въ области научной и литературной. Онъ, принесшій румы „Калевалы" изъ лѣсовъ карельскихъ, пробудилъ интересъ къ произведеніямъ финскаго народнаго духа, а также интересъ къ финскимъ нарѣчіямъ. Научныя изслѣдованія по этой части, принявшія въ послѣднее время уже довольно широкіе размѣры, возникли вслѣдствіе его дѣятельности. Послѣ рѣчи г. Берга произнесено было еще двѣ рѣчи: г. Каліо сказалъ рѣчь, посвященную памяти Рунеберга и Снельмана, работавшихъ—каждый въ своей области—за одно съ Ленротомъ для пробужденія финскаго національнаго самосознанія; г. И. Кастренъ сказалъ рѣчь, посвященную родинѣ, которой ораторъ пожелалъ въ заключеніе согласія и прекращенія раздора партій. Во время праздника получено было болѣе ста поздравительныхъ телеграммъ изъ разныхъ мѣстностей Финляндіи, изъ Россіи (изъ Петербурга—отъ вѣтербургскихъ финновъ, устроившихъ тоже празднество въ честь Ленрота, изъ Дерпта—отъ эстонскихъ студентовъ, эстонскихъ женщинъ и двухъ крестьянскихъ обществъ, изъ Москвы и др. мѣстъ) и изъ за-границы (изъ Буда-Пешта—отъ нѣсколькихъ венгерскихъ ученыхъ, изъ Парижа, Рима, Стокгольма и проч.).

Въ тотъ же день праздновался юбилей Ленрота во всѣхъ финляндскихъ городахъ, во многихъ селахъ и мѣстечкахъ. „Ленротовскій праздникъ" носилъ характеръ настоящаго національнаго торжества. Въ селахъ юбилей праздновался болѣею частью въ помѣщеніяхъ народныхъ школъ; туда собиралось, кромѣ мѣстной интеллигенціи—пасторовъ, чиновниковъ, учителей, купцовъ—много крестьянъ; всадъ произносились рѣчи въ честь героя дня, пѣлись патріотическія пѣсни и т. д. Въ большихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Выборгѣ, Або, Улеборгѣ, Таммерфорсѣ, праздникъ отличался особенною торжественностью. Финляндскія газеты еще недѣлю спустя послѣ юбилея, наполнены были описаніями его празднованій. При чтеніи всего этого вчуужь радуешься за тотъ край, за тотъ народъ, который умѣетъ такъ единодушно и высоко цѣнить своихъ великихъ людей, такъ горячо любить ихъ...

К. Ягубовъ.

ПЕРВЫЙ ЯПОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ ТОКИО.

Еще не очень давно смотрѣли на Японію, какъ на страну, въ которой все замираетъ подъ неподвижностью общественнаго строя, неизмѣнностью традицій и формъ. А вотъ уже намъ приходится говорить о высшемъ научномъ образованіи, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, въ Японіи. Недавно, по нашимъ университетамъ были разсланы программы преподаванія въ недавно основанномъ японскомъ университетѣ въ Токио, — подъ заглавіемъ: „Tokio Daigaku (University of Tokio). The calendar of the departements of law, science and literature“. 2540—41 (1880—1881). Published by the university. 2540 (1880). 8°. 199. Другая половина книги на японскомъ языкѣ. Основаніе университета въ Токио относится къ семидесятымъ годамъ. Преподаваніе ведется на англійскомъ языкѣ. Студенты раздѣлены на группы, изъ которыхъ каждая изучаетъ свои предметы. Многіе изъ студентовъ отправляются для продолженія занятій въ Америку, Францію, Германію и Англію. При университетѣ издаются университетскія записки (University Magazine), гдѣ помѣщаются ученныя изслѣдованія, какъ японскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ. Дѣятельность университета направлена къ тому, чтобъ, не жалѣя силъ, поднять преподаваніе на степень университетовъ западныхъ странъ.

Университетъ въ Токио раздѣляется собственно на три факультета (отдѣленія): 1) *юридическій* факультетъ; 2) *наукъ* (нашъ естественно-математическій); 3) *литературы* (нашъ филологическій). Право изучается на юридическомъ факультетѣ. Химія, математика, физика и астрономія, біологія, инженерное искусство, геологія, минное искусство и металлургія — на факультетѣ естественно-математическомъ. Философія, политическая философія, политическая экономія, японская и китайская литература излагаются на факультетѣ филологическомъ. На всѣхъ факультетахъ курсъ ученія четырехлѣтній. Хотя намѣреваются ввести преподаваніе на всѣхъ факультетахъ на японскомъ языкѣ, но въ настоящее время преподаваніе идетъ только на англійскомъ языкѣ (у насъ въ началѣ былъ въ ходу латинскій языкъ). Студенты изучаютъ также французскій и нѣмецкій языкъ.

Распредѣленіе предметовъ по факультетамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

ЮРИДИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ.

Англійская литература	4	раза въ недѣлю.
Логика (въ теченіе $\frac{1}{2}$ года).	2	" " "
Очеркъ умозрительной философіи (въ теченіе $\frac{1}{2}$ года).	2	" " "
Исторія (исторія Франціи и Англіи).	3	" " "
Японская литература	2	" " "
Китайская литература	4	" " "
Французскій языкъ	3	" " "

Второй годъ.

Древнее японское право.	2	раза въ недѣлю.
Современное японское уголовное право	2	" " "
Англійское право.	6	" " "
Англійская конституція ($\frac{1}{2}$ учеб. года).	3	" " "
Французскій языкъ	8	" " "

Третій годъ.

Древнее японское право	1	разъ въ недѣлю.
Современное японское право. Уголовное судопроизводство. Практическія занятія.	2	" " "
Англійское право (продолженіе).	9	" " "
Важнѣйшіе моменты французскаго права.	3	" " "

Четвертый годъ.

Древнее японское право	1	разъ въ недѣлю.
Современное японское право. Уголовный процессъ. Практическія занятія.	2	" " "
Англійское право (продолженіе).	2	" " "
Публичное и частное международное право.	8	" " "
Юриспруденція.	3	" " "
Важнѣйшіе моменты французскаго права. Гражданское право	3	" " "

Въ концѣ предлагается тема для полученія ученой степени.

ЕСТЕСТВЕННО-МАТЕМАТИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ.

Этотъ факультетъ обнимаетъ шесть группъ предметовъ:

- 1) Химію.
- 2) Математику, физику, астрономію.
- 3) Біологію.
- 4) Инженерное искусство.
- 5) Геологію.
- 6) Минное искусство и металлургію.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ.

Этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ двѣ группы предметовъ:

- 1) Философія, политическая философія и политическая экономія.
- 2) Японская и китайская литература.

Академическій годъ начинается 11 сентября и оканчивается 10 июля. Онъ раздѣляется на три части: первая — до 24 декабря; вторая — до 31 марта; третья — до 10 июля. Кромѣ каникулъ (отъ 25 декабря до 7 января, отъ 1 апрѣля до 7 апрѣля и отъ 11 июля до 10 сентября) занятія прерываются по воскресеньямъ и національнымъ праздникамъ, которыхъ въ году 7.

Въ число студентовъ принимаются лица, имѣющія не менѣе 16 лѣтъ. Въ Японіи существуютъ среднія учебныя заведенія, изъ которыхъ студенты принимаются въ университетъ безъ экзамена, и которыя непосредственно связаны съ университетомъ.

Студенты подвергаются годовымъ и третнимъ экзаменамъ. Годовые экзамены начинаются 21 июня, когда студенты экзаменуются по всѣмъ предметамъ, пройденнымъ въ продолженіе года; третние за двѣ первыя трети года. Годовая отмѣтка студента по каждому предмету опредѣляется въ концѣ каждаго года такимъ образомъ, что общій выводъ, полученный на третнихъ экзаменахъ (послѣ 1-й и 2-й трети) складывается съ отмѣткою окончательнаго экзамена, и сумма дѣлится на 3. Студентъ, не выдержавшій экзамена по одному предмету, къ переэкзаменовкѣ не допускается. Студентъ, не явившійся на третней или годичный экзаменъ, долженъ поступить на тотъ же курсъ въ продолженіе первой трети слѣдующаго года и занимается тѣми же предметами, которые проходятся въ этомъ курсѣ; въ противномъ случаѣ онъ увольняется.

Въ концѣ каждаго года студентъ получаетъ свидѣтельство въ томъ, что онъ окончилъ всѣ науки за годъ (за 1, 2, 3 годъ) или, что студентъ окончилъ всѣ науки (послѣ 4-го года). Окончившій курсъ въ университетѣ, по желанію, можетъ оставаться при университетѣ для продолженія своего образованія, причемъ всѣ расходы студентъ принимаетъ на себя; но книгами и аппаратами можетъ пользоваться наравнѣ со студентами. Оставаться при университетѣ можно не дольше, какъ на два года и не меньше, какъ на годъ. При окончаніи занятій студентъ обязанъ представить профессору изучаемаго имъ предмета письменное разрѣшеніе извѣстнаго вопроса по своему предмету.

Кромѣ того дозволяется избрать одинъ или нѣсколько предметовъ для спеціальнаго изученія. Но для этого лицо, ищущее такого рода занятій, должно прежде всего удостовѣрить профессора въ своей способности заниматься избраннымъ предметомъ. Такіе студенты подвергаются экзаменамъ и получаютъ соотвѣтствующее свидѣтельство о своихъ занятіяхъ.

Что касается бібліотеки, то никто не можетъ брать сразу болѣе 10 томовъ. Студентамъ выдается одинъ томъ на двухъ человекъ и

никакъ не болѣе двухъ томовъ на каждаго студента (въ исключительныхъ случаяхъ). Студенты могутъ брать книги и на каникулы, но не болѣе трехъ томовъ въ одинъ разъ. Читальня кромѣ студентовъ открыта и для воспитанниковъ средняго учебнаго заведенія. Она бываетъ открыта и въ каникулы, кромѣ воскресеній. При университетѣ имѣется 8 кабинетовъ: зоологическій, ботаническій, минералогическій, геологическій и палеонтологическій, кабинетъ для инженернаго искусства, миннаго искусства и металлургіи, химической технологіи, археологическій.

Каждый студентъ платитъ въ треть за свое содержаніе 18 йеновъ (1 йень=1 р. 29 коп.). Допускается и уменьшеніе платы.

Познакомившись съ общей организаціей университета, остановимся на преподаваніи въ немъ юридическихъ и политическихъ наукъ. Юридическое просвѣщеніе основывается на изученіи слѣдующихъ предметовъ:

1) Древняго японскаго права. Въ продолженіе перваго года лекціи японскихъ древностей читаются юристамъ и филологамъ. Затѣмъ въ теченіе 2, 3 и 4 годовъ юристы изучаютъ памятники японскаго древняго права по опредѣленнымъ руководствамъ.

2) Современнаго японскаго права. Уголовное право читается на второмъ курсѣ, а уголовный процессъ на третьемъ и четвертомъ курсахъ. Разъ въ недѣлю преподаватель со студентами 3-го и 4-го курса ведетъ практическія занятія по судопроизводству. Студенты, при этомъ, назначаются по очереди адвокатами; имъ дается одно изъ рѣшенныхъ дѣлъ въ судѣ и они обязаны дать свое разсужденіе по поводу даннаго дѣла, какъ бы въ дѣйствительномъ процессѣ.

3) Англійскаго права. Преподаваніе ведется по учебникамъ. Берутся преподавателемъ извѣстныя части для изученія; эти части объясняются и затѣмъ студенты спрашиваются.

Въ настоящее время введены въ употребленіе слѣдующія руководства:

По элементарному праву: Blackstone; Broom, Handley's Commentaries; Terry, First Principles of law.

По конституціонному праву: Amos, English Constitution; Lieber, Civil Liberty and Self-government.

По контрактамъ: Smith; Pollock; Langdell.

По вопросу собственности: Blackstone, Commentaries; Williams on Real Property.

По вопросу о преступленіи: Bishop, Commentaries on the Criminal Law.

По вопросу о вознапражденіи вреда и убытковъ: Broom, Commentaries.

По вопросу о куплѣ и продажѣ: Langdell's select Cases on Sales.
О справедливости: Hayne, Outlines of Equity; Snell, Principles of Equity.

По вопросу о доказательствахъ: Stephen, Digest of the Law of Evidence; Best, on Evidence.

По частному международному праву. Wharton, Conflict of Laws.

По публичному международному праву: Wharton, International Law.

По юриспруденціи: Austin, Jurisprudence; Maine, Ancient Law.

4) **ФРАНЦУЗСКАГО ПРАВА.** Студенты изучаютъ на третьемъ курсѣ гражданское право (первую книгу о лицахъ), а равно и уголовное право; а на четвертомъ курсѣ изучаютъ гражданское право до конца. Французскій кодексъ употребляется какъ руководство.

Такъ какъ юридическое и политическое образованіе не мыслимы безъ изученія философіи вообще, политической философіи, политической экономіи и исторіи въ частности, то въ университетѣ ~~Токіо~~ преподаются: философія, политическая философія, политическая экономія и исторія; всѣ эти предметы относятся въ Токіо собственно къ филологическому факультету.

1) Философія читается въ теченіе *четырехъ* лѣтъ. Такъ какъ логика и элементы умозрительной философіи имѣютъ важное значеніе въ образованіи, то студенты всѣхъ трехъ факультетовъ въ первый годъ слушаютъ эти предметы вмѣстѣ съ предметами ихъ факультета.

Руководства: Джевонсъ, Элементарная логика; Bain, Senses and Intellect.

Въ продолженіе второго года излагается болѣе конкретная часть психологіи, первая начала философіи и начала біологіи. Дается очеркъ исторіи современной философіи отъ Декарта до Гегеля и Спенсера. Имѣется въ виду познакомить студента съ произведеніями многихъ философовъ и приучить его къ самостоятельнымъ работамъ. Есть также стремленіе приучить студента къ критикѣ принциповъ новыхъ и древнихъ изслѣдованій въ области чистой философіи.

Руководства: Bain, Mental science; Carpenter, Mental Physiology; Spencer, First Principles, Principles of Biology.

Пособія: сочиненія Маудсли, Эберкромби, Геккеля (исторія творенія), исторіи философіи—Швеглера и Льюиса; Bowen, Modern Philosophy.

Въ теченіе третьяго года, послѣ краткаго обобщенія главныхъ результатовъ современныхъ психологическихъ и метафизическихъ изысканій, все вниманіе сосредоточивается на моральной философіи, причѣмъ приняты слѣдующія *руководства:* Bain, Mental Science, Moral

Science; Spencer, Data of Ethics; Aristotle, Ethics; Lidwick, Methods of Ethics.

Пособія: Bentham, Principles of Morals and Legislation; Stewart, Works; Mill, Utilitarianism; Butler, on Human Nature; Kant, Metaphysic of Ethics; Hobbes, Works; Cicero, de officiis.

Четвертый годъ распадается на два курса лекцій. Первый посвященъ принципамъ психологiи, обзорѣию наиболѣе выдающихся системъ современной философіи, а также сравненію психической дѣятельности человѣка и животныхъ; умственныхъ явленій во времена цивилизованныя и первобытныя, эмоціональный и подражательный языки у животныхъ и человѣка: эволюціи въ культурѣ.

Руководства: извѣстныя сочиненія Дарвина, Льюиса, Тейлора, Леббока, Лекки (Рационализмъ въ Европѣ); Spencer, Universal Progress, and Recent Discussions; Mill, Dissertations and Discussions.

Второй курсъ занимается преимущественно исторіей метафизики, спеціально изучая произведенія Декарта, Спинозы, Беркли, Юма и Канта.

Руководства и пособія: кромѣ самихъ названныхъ философовъ, сочиненія Юма, Рейда, Магаффи, Ибервега и др.

2) Преподаваніе политической философіи занимаетъ два года, начиная съ третьяго курса. Первые лекціи посвящаются опредѣленію социологiи. При этомъ студентъ ведется къ тому, чтобы смотрѣть на общество, какъ на организмъ сложнаго устройства, исполняющій соотвѣтствующія функціи, знаніе которыхъ можетъ быть волюнѣ усвоено только при изученіи ихъ основы и происхожденія. Сообщаются свѣдѣнія о необходимыхъ основаніяхъ практической философіи; изучаются различные методы этики и политики и начинается подробное изученіе политики.

Пособія: сочиненія Спенсера, Бэджота, Моргана; Wolsey, Political Science.

Четвертый годъ назначается для спеціалистовъ и ищущихъ ученыхъ степеней. Здѣсь политика изучается въ подробностяхъ и первый разъ говорится о теоріяхъ касательно природы государства и права гражданъ. Вопросъ о гражданской свободѣ разбирается въ своихъ теоретическихъ и практическихъ видахъ. Различныя функціи правительства разбираются подробно въ связи съ исторіей политическихъ учреждений, между которыми обращается особенное вниманіе на современныя конституціи. Курсъ оканчивается краткимъ обзорѣиемъ возможныхъ и желательныхъ перемѣнъ, которыя можетъ претерпѣть въ будущемъ социальная организація. Студенты этого курса, спеціально занимающіеся политической философiей, должны представить оригинальное сочиненіе для полученія ученой степени.

Пособія: Wolsey, Political Science; Lieber; Mill, on Liberty; Stephens, Liberty, Equality and Fraternity; Harrison, Order and Progress; Mill, Representative Government.

3) Преподаваніе политической экономіи ведется въ теченіе двухъ лѣтъ, съ третьяго курса. Прежде всего обнимаются общіе принципы предмета, и главная цѣль преподаванія заключается въ томъ, чтобы упражнять силы студента на разъясненіи спорныхъ вопросовъ.

Руководства и пособія: извѣстныя сочиненія Милля, Джевонса (Money), Кернеа; Bowen, American Political Economy.

Студенты четвертаго года изучаютъ специально этотъ предметъ для полученія ученыхъ степеней. Въ концѣ изученія студентъ обязанъ приготовить самостоятельное изслѣдованіе.

Руководства и пособія: Macleod, Theory and Practice of Banking; Goschen, Foreign Exchanges; Walker, Money; Sumner, History of American Currency; Макъ-Куллохъ; Торнтонъ; Бастія и пр.

4) Курсъ исторіи—четырёхгодичный. Въ первый годъ исторію слушаютъ студенты всѣхъ факультетовъ: въ первую половину года чтенія посвящаются исторіи Англіи, во вторую—исторіи Франціи.

Руководства: The Student's Hume; the Student's France.

Пособія: Green's Short History of the English People; Stubbs, Constitutional History of England; Ranke's History of England; Lord Mahon's History of England etc.

Во второй годъ студенты занимаются конституціонной исторіей Англіи и изученіемъ нѣкоторыхъ моментовъ философіи исторіи.

Пособія по конституціонной исторіи: Stubbs's Select Charters; Stubbs's Constitutional History; Hallam's Middle Ages, Constitutional History; May's Constitutional History и др.

По философіи исторіи: Мэнъ; Спенсеръ; Guizot, History of Civilization; Freeman's Historical Essays; Bryce's Holy Roman Empire.

На третій годъ студенты изучаютъ исторію Греціи и Рима.

Руководства: the Student's Greece; the Student's Rome.

Пособія: сочиненія Грота, Курціуса, Моммзена, Мериваля, Гиббона и пр.

Четвертый годъ посвящается современной исторіи Европы и Азіи въ связи съ важными вопросами международнаго права.

Объемъ юридическаго и политическаго просвѣщенія въ университетѣ Токио еще лучше уяснится, если мы приведемъ образчики экзаменаціонныхъ вопросовъ, за академическій 1879 — 80 годъ по предметамъ юридическимъ и политическимъ.

Напр., по древнему праву: Объяснить древнѣйшія понятія о правѣ и отличить ихъ отъ современныхъ понятій. Показать различіе восточныхъ и западныхъ кодексовъ, напр., римскихъ отъ индусскихъ.

Значеніе юридическихъ фикцій. Какіе признаки архаическаго права? Древнее римское право и кодексъ среднихъ вѣковъ. Объ образованіи международнаго права,—о положеніи женщины въ римской семьѣ, о вліяніи христіанства на положеніе женщины. О формѣ древнихъ контрактовъ. Очертить происхожденіе уголовного права у разныхъ народовъ и т. п.

Вопросы по собственности, уголовному праву, контрактамъ, логикѣ, философій, политической философій, политической экономіи, исторіи—извлеченія изъ указанныхъ выше руководствъ и пособій.

Обращаетъ на себя вниманіе особенно программа *политической философій* для третьяго и четвертаго года филологовъ. Прежде всего, разбирается принципъ Милля (on Liberty) съ точки зрѣнія эволюціи, затѣмъ показывается различіе въ теоріи и практикѣ между французскимъ и англійскимъ идеаломъ свободы; указываются рациональныя основанія представительнаго управленія, значеніе термина „конституціонное самоуправленіе“, его удобства, неудобства и опасности, задача конституціоннаго самоуправленія. Далѣе, говорится о верховенствѣ закона, о практическихъ требованіяхъ его содержанія, о преимуществахъ суда присяжныхъ, о пригодности суда присяжныхъ для Японіи. Говорится о внутреннемъ противорѣчій коммунизма и социализма, и о сравненіи ихъ съ естественнымъ правомъ всеобщей подачи голосовъ.

Указываются на преимущества древней греческой городской демократіи, на дурныя тенденціи, постоянно проявляющіяся въ современныхъ демократическихъ государствахъ, на разницу между Staatenbund und Bundesstaat; на три формы союза, которыя прошли американскія колоніи.

Разсматривается современное правленіе Соединенныхъ Штатовъ, права центральнаго правительства, система управленія, отношеніе государства къ религіи.

Разрѣшается вопросъ: при какомъ государственномъ устройствѣ можетъ быть осуществлена временная или постоянная религіозная свобода?

Излагается значеніе системы Бентама.

Въ заключеніе разрѣшаются слѣдующіе вопросы: Почему нація не имѣли непрерывной жизни въ прошломъ? Есть ли національный упадокъ неизбежное явленіе? Какимъ образомъ можно его избѣгнуть въ будущемъ?

Студенты третьяго курса начинаютъ свое изученіе политической философій опредѣленіемъ социологій, причемъ нѣтъ объясняется трудность и важность „первой ступени“ въ социальной эволюціи. За сѣмъ, сообщаются свѣдѣнія о социологическихъ взглядахъ Спенсера, Мор-

гана; объ аналогіи Спенсера между біологическимъ и социальнымъ развитіемъ; о томъ какимъ образомъ нравственность дѣлается связующей нитью между религіей и правомъ; о теоретической необходимости философіи, какъ прибавленія къ другимъ специальнымъ наукамъ; о четырехъ ступеняхъ, чрезъ которыя прошло развитіе самосознанія, о замѣченныхъ въ книгѣ Спенсера фундаментальныхъ ошибкахъ вслѣдствіе особенности его метода.

Программа по философіи начинается съ разрѣшенія вопроса о степени преобладанія между современными европейскими мыслителями апіорнаго („субъективнаго“) метода и о значеніи этого метода. Затѣмъ указывается на различіе кантовскаго „критическаго идеализма“ отъ идеализма Декарта, который называется „скептическимъ идеализмомъ“, и отъ идеализма Беркли, который называется „догматическимъ идеализмомъ“; на употребленіе Кантомъ выраженій: *Anschauung*, *Vorstellung* и *Gegenstand*, и разбираются въ подробности приемы его философіи.

Далѣе, объясняются вопросы практической жизни людей съ точки зрѣнія эволюціи (какъ-то: о добрѣ, злѣ, удовольствіи, пользѣ, эгоизмѣ, альтруизмѣ и т. д., словомъ то, что составляетъ содержаніе *моральной философіи*).

Студенты филологическаго факультета, до слушанія лекцій по политической философіи, занимаются *философіей исторіи* (на второмъ курсѣ) и *исторіей философіи*.

Въ *философіи исторіи* изъясняется законъ органическаго развитія по Спенсеру (гомогенизма и гетерогенизма), описываются важнѣйшія теоріи среднихъ вѣковъ, объясняется „Возрожденіе“ и его вліяніе на европейскую исторію; разрѣшается вопросъ: есть ли основательныя данныя ожидать японцамъ золотого вѣка въ будущемъ, о которомъ говорятъ, что онъ былъ въ древности?

Исторія философіи, послѣ краткихъ общихъ замѣчаній, начинается съ изложенія философіи Декарта, Спинозы, эмпирической философіи. Говорится о Локкѣ, объ его отношеніи къ Юму; излагаются системы Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, философскіе принципы Спенсера и ихъ отношеніе къ философіи Гегеля. Въ заключеніе показывается возможность и абсолютная необходимость (теоретическая и практическая) выясненія человѣческой природы въ исторіи и т. д.

Приведенныхъ свѣдѣній о состояніи преподаванія юридическихъ и политическихъ наукъ въ университетѣ въ Токио, кажется, достаточно, чтобъ судить о предѣлахъ и направленіи юридическаго и политическаго образованія, какъ оно поставлено въ высшей японской школѣ. Какъ видимъ, въ Японіи, не смотря на позднее развитіе выс-

шаго просвѣщенія (какой-нибудь десятокъ лѣтъ) изученіе государственныхъ наукъ стоитъ вовсе не такъ низко, какъ думаетъ объ этомъ дѣлѣ большинство просвѣщенныхъ европейцевъ. Если считать семидесятыя годы годами первоначальнаго образованія университета въ Токио, то должно только удивляться, какимъ образомъ въ такое короткое время японцы успѣли собрать столько научныхъ средствъ и такъ поставить научное дѣло. (Несомнѣнно, что здѣсь дѣятельность иностранныхъ профессоровъ и предпримчивость японскихъ ученыхъ вмѣстѣ съ своимъ правительствомъ играли самую видную роль). Университетъ обладаетъ теперь *пятнадцатю-тремя* преподавателями (изъ нихъ иностранцевъ 11 человекъ и японцевъ 42 чел.) ¹⁾: на юридическомъ факультетѣ 9 ²⁾, на естественно-математическомъ 30, на филологическомъ 14 проф. Число всѣхъ студентовъ университета въ 1880—1881 академическомъ году равнялось 205 человекамъ. Сверхъ того послано за границу 15 человекъ, 10 въ Англію, 4 во Францію и 1 въ Германію. Развитие юридическаго и политическаго образованія въ Японіи поставлено въ весьма благопріятныя условія. Основныя понятія о правѣ и государственныхъ наукахъ пріобрѣтаются японцами на основаніи лучшихъ научныхъ трудовъ современной Европы. Японское образованіе миновало ту эпоху схоластики въ правовѣдѣніи и естествовѣдѣніи, съ которой началось юридическое и политическое образованіе, напр., у насъ въ Россіи.

При взглядѣ на преподаваніе права въ университетѣ въ Токио бросается въ глаза англійское практическое стремленіе пріурочить изученіе права къ непосредственному примѣненію его къ жизни. Изученію дѣйствующаго права (преимущественно англійскаго и французскаго) посвящается самое большое количество времени. Теорія права изучается по Остену, но, какъ видно изъ программы, въ весьма несовершенномъ видѣ. Такъ какъ и у самихъ англичанъ общая теорія права не имѣетъ широкаго развитія, и юридическое образованіе у нихъ преимущественно практическое, то естественно, что они и въ Японіи не могли внести въ этотъ случай ничего новаго ³⁾.

¹⁾ Хотя въ прошломъ столѣтіи были и другія времена, однако, не лишне сообщить, что при основаніи московскаго университета (1755 г.) было предположено на трехъ факультетахъ (юридическомъ, медицинскомъ и философскомъ) только 10 профессоровъ (трехъ на юридич., трехъ на медич. и четырехъ на философскомъ). См. Шеннирева, Исторія московскаго университета, стр. 13.

²⁾ У насъ долгое время послѣ основанія московскаго университета, весь юридическій факультетъ представлялъ одинъ профессоръ Дидлей, котораго вытѣснили въ Вѣну.

³⁾ Въ Англіи до послѣдняго времени не было строго научныхъ системъ права, основанныхъ на высшихъ началахъ (послѣ старыхъ трудовъ *Лока*, *Блэкстона*,

Правда, студенты въ Японіи могли бы почерпнуть не мало данныхъ для рѣшенія общихъ вопросовъ права и государства изъ лекцій по политической философій; но политическая философія (т.-е. социологія и основы государствовѣдѣнія), въ томъ видѣ, какъ она преподается въ Токио даетъ мало пособія юристу въ изученіи общей теоріи права и государства, какъ по своему объему, такъ и по своему изложенію (не на юридическомъ факультетѣ, а на филологическомъ). Дополненіемъ къ политической философій служатъ философія исторіи и исторія философій; но и эти науки излагаются пока весьма кратко и не полно (что, вѣроятно, объясняется умственными средствами студентовъ).

При взглядѣ на предметы преподаванія въ университетѣ Токио, нельзя не замѣтить еще слѣдующія особенности: 1) совершенное отсутствіе изученія древнихъ классическихъ языковъ; 2) широкое развитіе естественно-математическаго образованія и 3) особенное вниманіе къ философій. Первое можно объяснить практическими тенденціями руководителей японскаго просвѣщенія, которые, на первыхъ порахъ стремятся удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ страны. Широкое развитіе естественно-математическаго образованія опредѣляется желаніемъ поднять экономическій и промышленный бытъ Японіи. Что же касается особеннаго вниманія къ философій, которая обязательна для студентовъ перваго курса всѣхъ факультетовъ, то это объясняется тѣмъ высокимъ взглядомъ на значеніе философій для жизни, какой господствуетъ между учеными и правительствомъ въ Японіи.

Для страны, которая дремала тысячелѣтія, необходимо дать образованныхъ дѣятелей, которые опирались бы въ своей дѣятельности на твердыя научныя начала. А такія начала въ состояніи дать

Смита, Брума). Только въ послѣднее время въ научномъ направленіи англійскихъ юристовъ произошелъ переворотъ, вслѣдствіе котораго равнодушіе и отвращеніе къ иностранному образу мыслей не можетъ уже считаться національною характеристикой англійскихъ юристовъ. Этому перевороту содѣйствовало частью восстановленіе изученія римскаго права, частью знакомство съ континентальной литературой, частью открытіе новыхъ юридическихъ идей, благодаря изслѣдованіямъ *Мэна*, а главнымъ образомъ вслѣдствіе твореній *Бэнтама* и *Остена*. Послѣднему англичане много обязаны идеею объ юридическомъ методѣ. „Province of Jurisprudence Determined“ есть книга, которую каждый прочтетъ съ пользою. Вотъ эту jurisprudence и изучаютъ спеціально въ токійскомъ университетѣ, хотя въ современной англійской литературѣ есть уже болѣе систематичныя сочиненія по общей теоріи права, чѣмъ сочиненіе *Остена*. Можно указать при этомъ на весьма солидное сочиненіе *Markby's Elements of Law considered with reference to principles of general jurisprudence*, Oxford, 1874; *Holland's The Elements of jurisprudence*, Oxford, 1870 и др.

только строго научное, философское образованіе. Шатаніе умовъ въ обществѣ можетъ предотвратить только философское образованіе. Безъ такого образованія изъ университета выходили бы верхоглядь, юношество блуждало бы между теоріями мыслителей, а принимая ихъ безъ научной критики (которой нельзя выработать безъ философіи), питалось бы ложными, но оболъстительными для юношества идеями. Оспаривать значеніе строго философскаго образованія для студентовъ всѣхъ специальностей можетъ только человѣкъ не дорожающій успѣхами науки и благомъ страны. Японцы это поняли и открыли поэтому широкій доступъ философіи въ свою высшую школу ¹⁾. Наконецъ, въ японскомъ университетѣ весьма сильны требованія знанія новѣйшихъ европейскіхъ языковъ. Изученіе языковъ англійскаго и французскаго обязательно для всѣхъ студентовъ, а для натуралистовъ и нѣмецкаго ²⁾.

Усвоеніе знанія между студентами поставлено подъ точный контроль со стороны профессоровъ. Каждый студентъ, кромѣ третнихъ работъ, подвергается три раза въ годъ испытанію. Насколько эта мѣра цѣлесообразна въ педагогическомъ отношеніи, предоставляемъ судить тѣмъ, которые близко стоятъ къ университетскому просвѣщенію. Одно только можно при этомъ сказать, что это былъ въ университетѣ, тому хорошо извѣстно, что дѣлають, напримѣръ, наши студенты въ теченіе года, сколько времени они употребляютъ на изученіе каждаго предмета, почему апрѣль и май мѣсяцы у насъ, на академическомъ діалектѣ, называются „лихорадочными“ мѣсяцами и т. д.

Н. Чижовъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что у насъ въ Россіи, даже въ настоящее время философское образованіе не получило надлежащаго развитія, и въ нѣкоторыхъ университетахъ, катедра философіи по нѣскольку лѣтъ остается безъ представителя.

²⁾ И здѣсь, къ прискорбію, надо замѣтить, что въ Россіи знаніе новыхъ языковъ между студентами весьма неразвито. Наши классики не только затрудняются чтеніемъ латинскаго и греческаго языка, но бывають, что люди, окончивающіе университетскій курсъ со степенью кандидата, не умѣють читать ни на одномъ изъ европейскіхъ языковъ, кромѣ русскаго.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ КІЕВА.

Іюль, 1882.

Если отсутствіе самостоятельной, разумной и полезной общественной дѣятельности рядомъ съ отсутствіемъ свободнаго слова и печати, а слѣдовательно — и общественнаго мнѣнія, можно называть благополучіемъ, то такимъ „благополучіемъ“ Кіевъ наслаждается въ высокой степени... Къ достиженію такого благополучія мы давно стремимся, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ южный край постигло такъ называемое „исключительное положеніе“, избрѣненное обрусителями еще времени Бибикова. Но случалось, что волна этого стремленія останавливалась, какъ будто прерывалась, но такіе моменты продолжались не долго. Къ числу ихъ принадлежить короткое время 1880 г. и первые два мѣсяца 1881 г.: это была минута дѣйствительнаго подъема общественной жизни, лучъ свѣта свободнаго слова и печати... Это былъ моментъ передышки... Мартъ и апрѣль 1881 г. прошли въ какомъ-то оглядываніи и разглядываніи, а съ мая замѣчается крутой поворотъ и усиленное стремленіе главнѣйшихъ общественныхъ представителей въ старомъ реакціонномъ направленіи. Въ началѣ текущаго года оно дошло до тѣхъ предѣловъ, за которыми общество, словно атрофированное, ко всему относится равнодушно, съ апатіей. Такое общественное состояніе и на-руку именно „охранительнымъ“ дѣльцамъ, привыкшимъ удить карманную рыбу въ мутной водѣ. Слѣды общественной демократизаціи начали появляться въ такой формѣ и размѣрахъ, что случается администраціи останавливать порывы „благонамѣренности“... Читатель можетъ усомниться въ этомъ; но это фактъ.

Въ моментъ послѣдней передышки развитію „миллювій“ много содѣйствовала начавшаяся тогда сенаторская ревизія. Правда, съ самаго начала ревизіи на нее смотрѣли, какъ на обыкновенную ревизію, производимую высшимъ чиновникомъ; но мѣсяца черезъ два явились основанія взглянуть иначе, явились надежды ожидать въ недалекомъ будущемъ благопріятнаго разрѣшенія важнѣйшихъ мѣстныхъ жизненныхъ вопросовъ: о чиншевникахъ; о штундѣ; о малорусскомъ словѣ въ жизни и въ сельской народной школѣ; о введеніи въ юго-западномъ краѣ земства; о поднятіи нравственной дисциплины въ высшей и средней школѣ среди представителей той и

другой, и многих, многих второстепенныхъ вопросовъ. Прошло почти два года—ожидавшихся результатовъ ревизіи до сихъ поръ нѣтъ... Преданіе ревизоромъ суду одного мирового посредника и оправданіе его судомъ — вотъ единственный до сихъ поръ результатъ сенаторской ревизіи... Правда, послѣдовала еще къ лучшему перемѣна въ высшей мѣстной администраціи; но это косвенный лишь результатъ ревизіи...

А между тѣмъ общественная жизнь, „введенная въ нормальную колею“, въ послѣднее полугодіе представляетъ странные факты въ различныхъ сферахъ. Въ университетскомъ, напр., мірѣ, лучшие люди этого круга, имѣвшаго 20 лѣтъ назадъ громадное нравственное и воспитательное вліяніе на общество, громко заявляютъ о необходимости скорѣйшей отмѣны выборнаго начала вообще, а въ особенности объ отмѣнѣ выборовъ на пятилѣтія. Дѣйствительно, даже для посторонняго наблюдателя видно, что выборы на новыя пятилѣтія, при сложившихся *исключительныхъ* обстоятельствахъ — обратился въ средство доставлять „друзьямъ“ sinecуру. Интересы науки при выборахъ совершенно игнорируются большинствомъ избирателей, сплоченныхъ интересами, не имѣющими ничего общаго ни съ наукою, ни съ каеедрою. Молодые силы оттѣсняются; „свои люди“ занимаютъ нѣсколько кафедръ, часто не имѣющихъ слушателей... Крайняя снисходительность „временного“ лектора на экзаменахъ не примиряетъ слушателей съ плохимъ чтеніемъ предмета. Снисходительность въ такомъ случаѣ составляетъ ни больше, ни меньше, какъ естественное чувство самосохраненія лектора; вѣдь безъ снисходительности окажется очевидная малоуспѣшность, пойдутъ вопросы: какъ и почему? *незнаніе* же, аттестованное удовлетворительною отмѣткою, никакихъ докучныхъ вопросовъ не возбуждаетъ; результаты его дадутъ себя чувствовать *послѣ*, въ жизни; но это вѣдь когда еще будетъ, да и будетъ ли? и—кому тамъ придется въ голову обратить вниманіе на эти результаты...

Средняя, классическая школа, будучи введена „въ нормальную колею“, не замедлила также показать себя. Въ теченіе всего учебнаго года много говорилось на тему: поднять дисциплину; поднять уровень знаній древнихъ языковъ; поднять релігіозное чувство введеніемъ общей молитвы предъ началомъ уроковъ и т. п. Всѣ эти поднаты, усиленія чувствовались учащимися весь годъ и переносились безропотно; начались экзамены.

Кончились, наконецъ, экзамены и результаты ихъ дали нѣчто, быть можетъ, совершенно нормальное, но никогда небывалое у насъ. Въ первой классической гимназій процентъ переведенныхъ въ высшіе классы и не допущенныхъ къ пересдажѣ испугалъ самихъ экзамен-

наторовъ; но, къ сожалѣнію, испугъ этотъ вызванъ скорѣе ужаснымъ трагическимъ случаемъ. Одинъ ученикъ VIII класса, получивъ неудовлетворительную отмѣтку, кажется, за русское сочиненіе, и не получивъ аттестата „зрѣлости“, рѣшился покончить съ жизнью и нанесъ себѣ въ високъ значительно опасную рану... Цензурныя условія не позволили до сихъ поръ разъяснить этой драмы. Гимназическая администрація молчитъ. Начали, однако, по поводу случая съ несчастнымъ ученикомъ наводить все-какія справки, и мѣстная „Заря“, на основаніи официальныхъ документовъ, сообщила интересныя данныя какъ о результатахъ послѣднихъ экзаменовъ, такъ и вообще о порядкахъ въ нашей гимназіи.

Оказалось, во 1-хъ, что въ этой гимназіи переведено въ высшіе классы едва 55%. Максимумъ переведенныхъ достигаетъ 72% въ подготовительномъ классѣ; за то въ IV едва набирается 43%. Во 2-хъ, оказалось, что изъ 52 учениковъ, бывшихъ въ 1 отд. I класса при началѣ 1878—79 учебн. года, нормальнымъ путемъ до V класса дошло только семь, остальные 45 гдѣ-то отстали, или выбыли изъ гимназіи — кто по „малоуспѣшности“, кто по „домашнимъ обстоятельствамъ“. Приведенныя цифры тѣмъ болѣе кажутся рѣзкими, что въ другой кievской же гимназіи изъ 45 уч. I класса оканчиваетъ гимназію нормальнымъ путемъ девять, т. е. больше, чѣмъ въ 1-й гимназіи доходить до V класса. Значитъ, здѣсь кроются какія-либо чисто мѣстныя индивидуальныя причины, на которыя указываютъ приведенная въ „Зарѣ“ полная малоуспѣшность учениковъ 1 отд. IV кл. по обоимъ древнимъ языкамъ, исходящимся въ рукахъ одного и того же преподавателя, и результаты экзаменовъ въ III гимназіи, въ которой переведено въ высшіе классы 386 учен., 153 назначена передержка, а оставлено на второй годъ только 60. Здѣсь встрѣчаются классы, въ которыхъ вовсе нѣтъ оставленныхъ на второй годъ. Результаты экзаменовъ въ VI кл. протигимназіи перещеголяли своимъ „подъемомъ“ даже первую гимназію...

Мѣстная журналистика на дняхъ понесла потерю въ лицѣ приостановившейся до лучшихъ обстоятельствъ газеты „Трудъ“. Выраженіе „лучшія обстоятельства“, употребленное „Трудомъ“ въ прощальномъ словѣ — крайне неопредѣленно: чтб нужно разумѣть подъ ними? Конечно не матеріальныя условія (число подписчиковъ), еще менѣе литературныя силы; неуменьи перемѣну цензора? И то едвали, потому что свобода — доносить, извѣщать, клеветать въ „органъ юго-западнаго края“ и съ перемѣною цензора не стѣснилась; развѣ что „Трудъ“ не хотѣлъ пользоваться такою свободой... Во всякомъ случаѣ мы жалѣемъ о кончинѣ „Труда“ и не знаемъ, дождется ли онъ въ скоромъ времени лучшихъ обстоятельствъ.

Городское наше самоуправленіе также ждет наступленія лучшихъ обстоятельствъ, по просту—обновленія на предстоящихъ въ концѣ года выборахъ гласныхъ думы и городского головы. Подобнаго рода надежды на лучшее смѣняются чрезъ каждые четыре года! Наступаютъ выборы; нѣтъ, конечно, предшествуетъ всякаго рода агитація; являются свои Монтеки и Капулетти; но ованчались выборы, избрано нѣсколько новыхъ гласныхъ, старая завсаска осталась не тронутаю; Монтеки и Капулетти примирятся, а $\frac{4}{5}$ населенія, не имѣя вовсе представительства въ думѣ, вновь четыре года уповаютъ на лучшія обстоятельства. До какой степени въ Кіевѣ неправильно распредѣлено въ думѣ представительство, можно судить изъ цифръ сословнаго распредѣленія городского населенія и соотвѣстнаго ему количества гласныхъ. Цифры беремъ изъ одной переписи 1874 года.

Дворянъ потомственныхъ и личныхъ	19,068	думъ:	изъ нихъ гласныхъ	36
Бѣлаго духовенства	2,883	"	"	3
Гражданъ потомственныхъ и личныхъ и купцовъ	5,782	"	"	36
Мѣщанъ	41,421	"	"	—
Крестьянъ	22,342	"	"	—

Такимъ образомъ, дума наша, состоящая изъ 72 гласныхъ, представляетъ исключительно учрежденіе привилегированныхъ сословій, которыя въ числѣ около 28,000 имѣютъ 72 представителей, а мѣщане, крестьяне и отставные солдаты, всего не менѣе 70,000, не имѣютъ въ думѣ ни одного представителя!.. Отсюда совершенно понятно равнодушіе думы къ матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ непривилегированныхъ сословій... Равнодушіе это замѣчательно рельефно выступаетъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Городъ имѣетъ единственное мужское ремесленное училище съ 200 учащихъ и ни единой женской профессиональной школы. Городъ, гдѣ большая половина населенія совершенно безграмотна, имѣетъ едва 20 элементарныхъ школъ, въ которыхъ не помѣщается и 1,500 учащихъ, и въ которыхъ гигиеническія условія ниже всякой критики!.. Официально удостовѣрено, что въ прошломъ году не принято въ городскія школы по недостатку помѣщенія болѣе пятидесяти дѣтей, желающихъ учиться...

Словомъ, состояніе въ Кіевѣ народнаго образованія доказываетъ, что недостаточно быть человѣкомъ состоятельнымъ и съ высшимъ образованіемъ для того, чтобы искренно заботиться о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ бѣдняка. Еслибы матеріальные достатки и университетское образованіе были единственными двигателями заботливости о судьбѣ темныхъ согражданъ, то кіевская дума должна бы представлять образецъ такой заботливости!

Въ числѣ 72 гласныхъ кievской думы наберется не менѣе 10 такихъ, которыхъ можно назвать смѣле миллионерами, да десятиа три такихъ, конхъ состояніе считаютъ сотнями тысячъ; изъ остальныхъ гласныхъ нѣтъ ни одного такого, доходъ котораго былъ бы ниже трехъ тысячъ годовыхъ. Прибавимъ, что въ средѣ 72 гласныхъ 18 банковыхъ дѣятелей, такъ что кievская дума есть собственно представительница капиталистовъ и крупныхъ домовладѣльцевъ. Это экономическая сторона. А вотъ образовательная: въ думѣ засѣдаетъ *миллион* профессоровъ, и кромѣ того съ высшимъ образованіемъ (университетскимъ и академическимъ) болѣе двадцати гласныхъ. Слѣдовательно, значительное большинство думы — люди состоятельные, совершенно обезпеченные и съ высшимъ образованіемъ. Такъ чѣмъ же при такихъ условіяхъ объяснить равнодушіе думы къ народному образованію?.. „Недостаткомъ финансовыхъ средствъ города“; но эта пѣсня слишкомъ стара.

И понятно, почему непривилегированныя сословія ждуть новыхъ выборовъ, какъ лучшихъ обстоятельствъ. По слухамъ, ищущанство и небогатое чиновничество начинаетъ сознавать свои права и намѣрено заявить ихъ на выборахъ; но въ виду этого слуха и банковые дѣятели не дремлютъ и расчищаютъ уже и теперь себѣ дорогу, агитируя направо и налево. Не бывши пророкомъ, можно, однако, предсказать, что „плебейская“ агитація ни къ чему новому, лучшему не приведетъ. Доколѣ не послѣдуетъ коренныхъ измѣненій въ городскомъ положеніи, до тѣхъ поръ наша дума будетъ думою *сословною*; городскія дѣла будутъ въ рукахъ капиталистовъ и городское хозяйство будетъ вестись въ интересахъ лишь немногихъ; интересы же большинства, какъ класса маломощаго, всегда будутъ находиться въ полномъ пренебреженіи по существу, а формально будутъ обходиться „недостаткомъ финансовыхъ средствъ“. Какъ на яркій примѣръ подобаго обхода, можно указать на слѣдующіе факты. Отказъ думы въ содѣйствіи женской гимназіи для открытія параллелей въ низшихъ классахъ, отказъ въ своевременномъ противодѣйствіи распространенію тифозной и оспенной эпидеміи мотивировались „недостаткомъ денегъ“, и въ то же самое время дума рѣшается выдать *купеческому* собранію для постройки влубаго дома сорокъ тысячъ руб. сер. изъ суммъ, *занятыхъ* городомъ „для удовлетворенія общественныхъ нуждъ“. Чѣмъ объяснить подобное странное рѣшеніе, какъ не тѣмъ, что наша дума по составу своему представляетъ собою лишь коммерцію, капитализмъ и — какъ это ни странно — университет... Дѣйствительно, въ засѣданіи думы, разрѣшившемъ сословную ссуду, участвовало 20 коммерсантовъ и 10 профессоровъ, изъ конхъ 6, какъ

служащіе въ частныхъ банкахъ, должны быть отнесены къ той же категоріи коммерсантовъ.

Все это, какъ и очень многое подобное, указываетъ, что ни имущественный, ни образовательный ценъ не обезпечиваютъ еще правльнаго веденія общественныхъ дѣлъ... Нуженъ, слѣдовательно, еще иной ценъ, не регламентируемый никакими законами, ценъ нравственный; но такой ценъ создаетъ только жизнь, освѣщенная свободной печатью и общественнымъ мнѣніемъ.

Таковы главнѣйшіе факты общественной жизни въ центрѣ юго-западнаго края; а что же происходитъ на радіусахъ и на окружности этого „исключительнаго“ круга? Окружность, какъ извѣстно, расширена недавно присоединеніемъ къ намъ двухъ губерній: черниговской и полтавской. Это присоединеніе, какъ въ Кіевѣ, такъ, вѣроятно и въ присоединенныхъ частяхъ, не произвело никакой замѣтной перемѣны, да и не могло произвести, потому что жизнь не руководилась искусственнымъ раздѣленіемъ губерній, находившихся почти въ одинаковыхъ условіяхъ, взаимно питающихъ другъ друга и таготивующихъ къ Кіеву. Причислите административно куда угодно Черниговъ или Полтаву, но экономическая и духовная связь и зависимость всегда останутся при Кіевѣ, какъ естественномъ центрѣ таготивнаго района, населеннаго десяткомъ милліонами. Независимо кіевской исторической и религіозной святыни, независимо университета св. Владиміра и духовной академіи, Кіевъ составляетъ центръ культурный, промышленный и торговый. Центральное вліяніе Кіева съ каждымъ годомъ necessarily будетъ расширяться и крѣпнуть и никакія тенденціозныя стремленія не въ состояніи остановить его или направить въ другой центръ и будутъ лишь убыточны для края, общества и государства. Пока будутъ проявляться эти стремленія, пока будетъ продолжаться травля національностей, населяющихъ югъ и юго-западъ Россіи, до тѣхъ поръ государственное казначейство будетъ нести громадные и безполезныя затраты на поддержаніе „исключительнаго“ положенія края. Одна свобода жизни и развитія національно-этнографическихъ особенностей можетъ „слить славянскіе ручьи“ въ свободное море и дать нормальный ходъ мѣстной жизни.

Изъ радіусовъ и окраинъ нашего центра приходятъ вѣсти одна неутѣшительнѣе другой. На первомъ мѣстѣ сахарная горячка. Въ теченіе 9 мѣсяцевъ цѣны на сахаръ почти утроились: первоначально недорожаніе объясняли ранними осенними морозами, повредившими свекловичу, потомъ рѣшили, что всему виной—жидъ. Я не отвергаю, что въ сахарной спекуляціи добрая доля вины должна пасть на жидовъ, но не на евреев. Надо быть слишкомъ наивнымъ,

чтобы повѣрить сказкѣ, о томъ, что „жиды, желая пополнить убытки отъ погромовъ, возвысили цѣны на сахаръ“.

Пока въ доказательство этой „продѣлки“ не приведены несомнѣнные цифры, мы убѣждены, что сахарная спекуляція вызвана социально-экономическими причинами, частью тѣми же, которыя вызвали и поддерживали ее десять лѣтъ назадъ въ 1871—72 г., когда цѣны на сахаръ доходили до 12 р. за пудъ. Кановы бы ни были причины, но спекуляція сахаромъ оттѣснила на задній планъ всѣ нныя „злобы дня“. Куда ни пойдешь—вездѣ, даже въ кабинетѣ безсребренника какого-нибудь, только и рѣчи, что о сахарныхъ дѣлахъ.

Дрова дорожаютъ... Что за причина? бесспѣшная зима, мелководье въ Днѣпрѣ, малый подвозъ?.. Ну, нтъ: „вся лѣсная торговля въ рукахъ жидовъ“.—Попробуешь возражать, что Гавриловъ, Фатѣвъ, Задолбинный—не евреи; не и слушать не хотятъ...

Не хочу предсказывать результатовъ, какихъ надо ожидать отъ различныхъ мѣропріятій въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, напр., отъ выселенія евреевъ-биднаковъ изъ Кіева; отъ недавняго закона, воспрещающаго евреямъ арендовать и покупать земли и т. п.; но расскажу слѣдующій фактъ. Весною мнѣ довелось быть въ Подольской губерніи и слышать массу жалобъ изъ устъ образованныхъ, довольно значительныхъ русскихъ землевладѣльцевъ на еврейскую эксплуатацію при арендѣ земель. Всѣ жалобы заканчивались пожеланіемъ закона, воспрещающаго евреямъ арендованіе земель... Такой законъ состоялся, и вотъ на-дняхъ встрѣчаю двухъ подоланъ, жаждавшихъ ограничительнаго закона.

„Ну, что?—спрашиваю,—довольны?“

„Помилуйте! мы пропали теперь! Недвижимая собственность обезцѣнена! Кто же кромѣ евреевъ будетъ брать у насъ въ аренду земли?“

„А крестьяне?“

„Много ли они возьмутъ и притомъ, узнавши о новомъ законѣ, крестьяне вдругъ понизили арендную плату... Нтъ! безъ еврея нельзя, мы безъ него погибнемъ“...

И вотъ юдофобская мѣра обратила юдофобовъ въ рынокъ юдофиловъ. То же самое можно видѣть и въ другихъ случаяхъ мѣропріятій по еврейскому вопросу... Такъ оно и быть должно, такъ и будетъ до тѣхъ поръ, пока еврейскій вопросъ не перестанетъ быть еврейскимъ,—а сдѣлается русскимъ.

Существеннѣе всего приходится изъ окранныхъ и радіусовъ вѣсти о хлѣбѣ насущномъ, о предстоящемъ урожаѣ. Какъ осень и зима, такъ и весна очень мало благоприятствовали хорошему урожаю; до мая не было дождей; затѣмъ первые три недѣли шли непрерывные дожди, во многихъ мѣстахъ на пшеницѣ явилась ржавчина,

на ржи—споришья, какъ естественныя послѣдствія обильныхъ дождей. Нѣсколько дней назадъ установилась погода. Время сѣнокоса и жатвы почти совпали, одновременная уборка требуетъ чрезвычайнаго количества рабочихъ рукъ... Итакъ, результаты урожая въ полной зависимости теперь отъ уборки. Но во всякомъ случаѣ объ обильномъ урожаѣ не можетъ быть рѣчи, а запасовъ у насъ не Богъ вѣсть сколько; особенно не можетъ ихъ быть достаточно въ мѣстской губерніи. Извѣстно, что въ прошломъ году урожай былъ удовлетворительный; но послѣдовалъ знаменитый циркуляръ бывшаго губернатора Гессе о принятіи энергическихъ мѣръ къ пополненію продовольственной недохими, напомнимъшейся лѣтъ за 20. Сроку для пополненія былъ назначенъ довольно краткій и самый неблагоприятный по времени, такъ что недохимичины не знали, за что взяться: орать ли и сѣять озимь, или молотить и пополнять недохими, во избѣжаніе „энергическихъ мѣръ“... Хотя въ послѣдствіи губернаторъ, кажется, въ ноябрѣ и былъ причисленъ къ министерству, поэтому и циркуляръ его не многиѣ приведенъ въ исполненіе, но и то, что исполнено, не могло не отозваться неблагоприятно, какъ на посѣвахъ и урожаѣ, такъ и вообще на средствахъ продовольствія.

Я.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

12/14 іюля, 1882.

Прошло ровно полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ Англіи былъ изданъ важный законъ о парламентской реформѣ. Избирательная реформа 1832 г. была направлена къ тому, чтобы сдѣлать народъ дѣйствительнымъ участникомъ въ законодательствѣ страны, такъ какъ парламентъ пересталъ служить истиннымъ представителемъ ея. Члены прислаивались ничтожными мѣсточками, не имѣвшими никакихъ политическихъ мнѣній, между тѣмъ какъ большіе промышленные города оставались фактически безъ голоса. Реформа 1832 г., какъ и большая часть политическихъ и социальныхъ реформъ нашего вѣка, была дѣломъ промышленности, этой первенствующей силы въ нашей цивилизаціи — хорошей или худой, это другой вопросъ, но передъ которой все болѣе и болѣе оглушается аристократія, да, пожалуй, и интеллигенція.

Въ послѣдующіе 50 лѣтъ было нѣсколько новыхъ реформъ, довершившихъ дѣло первой, въ распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ. Но вводить реформы легче, чѣмъ примѣнять ихъ такимъ образомъ, чтобы онѣ достигали практической дѣли. Законодатели 1832 г. навѣрное не предполагали, что дѣло ихъ такъ скоро окажется неудовлетворительнымъ. Въ ихъ время задача парламента была сравнительно легка. Руководящимъ принципомъ служили преданія, прецеденты, т.-е. рутинѣ. Министры могли спокойно защищать интересы своей партіи, не подвергаясь подозрѣнію, что они жертвуютъ пользой страны для своего личнаго честолюбія; дѣлъ никогда не накоплялось слишкомъ много и довольно было небольшого напряженія силъ, чтобы покончить ихъ всѣ въ срокъ. Ожидали, что и новоприбывшіе члены подчинятся установленной рутинѣ, и нѣкоторое время они дѣйствительно такъ и дѣлали, терпѣливо покоряясь условіямъ, явно несогласнымъ съ тѣми цѣлями, для которыхъ они были присланы въ парламентъ. Дѣла шли такимъ образомъ до новѣйшаго времени, когда страна вдругъ увидѣла, что она дошла до распутия, на которомъ необходимо серьезно осмотрѣться, прежде чѣмъ выбрать себѣ новую дорогу. Всѣ сознаютъ, что парламентская реформа необходима, хотя большинство того мнѣнія, что она можетъ ограничиться введеніемъ въ парламентскій уставъ тѣхъ правилъ, которыя были предложены Гладстономъ въ февралѣ 1880 г. и которыя отчасти остаются еще не рассмотрѣнными.

Хуже всего то, что вопросъ этотъ усложняется ирландскими безпорядками. Англичане увѣрены, что парламентъ не былъ бы такъ парализованъ, еслибы не ирландская система затягиванья преній, и что стоитъ только устранить эту систему, какъ мы снова вернемся къ блаженной рутинѣ. Но дѣло вовсе не такъ просто: кромѣ ирландскихъ дѣлъ въ парламентѣ съ каждымъ годомъ накопляются важныя дѣла, имѣющія значеніе specially для Англіи, и рассмотрѣніе каждаго изъ нихъ должно отодвинуть на долгій срокъ всѣ остальные. Но, если и допустить, что парламентъ парализуется главнымъ образомъ ирландскими затрудненіями, то дилемма становится отъ этого еще менѣе разрѣшимой: ирландскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ парламентской реформы, а парламентская реформа невозможна подъ давленіемъ ирландскихъ затрудненій.

Потомство, изучая исторію нашего времени, сочтетъ невѣроятнымъ, чтобы отвѣтственные министры могли довести законодательство до такой безысходной неурядицы, до какой оно дошло теперь въ Англіи. Правительство оправдывается тѣмъ, что положеніе дѣлъ до крайности затруднительно, и что невозможно остановиться ни на одной политической мѣрѣ, противъ которой не возникало бы тотъ-

часть же серьёзныхъ возраженій. На это можно только отвѣтить, что, если дѣйствовать трудно, то бездѣйствовать и совсѣмъ невозможно. Въ Ирландіи уже происходитъ полная социальная революція; а если отвѣтственные руководители страны будутъ продолжать дремать, то и въ самой Англіи не замедлитъ произойти еще болѣе серьёзный политическій переворотъ. Если министры не чувствуютъ себя въ силахъ рѣшить лежащую на нихъ задачу, то они обязаны передать власть въ болѣе способныя руки. Если общественное мнѣніе выказывало до сихъ поръ такую необыкновенную терпимость, то это только потому, что эта политика спуста-рукава еще не успѣла повредить насущнымъ интересамъ массъ; но дай себѣ только ощутить въ чемъ-нибудь подобный вредъ, какъ имъ тотчасъ же сдѣлаемся свидѣтелями какаго-нибудь неожиданнаго шага въ исторіи развитія конституціонной формы правленія.

Парламентъ собрался послѣ Пасхи 17-го (5-го) апрѣля. Гладстонъ внесъ бюджетъ, который представлялъ мало интереснаго. Ирландская партія вела себя менѣе враждебно; очевидно было, что всѣ стороны жаждутъ испытать дѣйствіе земельного закона. Ирландцы внесли только нѣсколько поправокъ къ нему, относившихся къ тѣмъ пунктамъ, которые, какъ показала практика, не могли удовлетворить ирландскихъ фермеровъ. Нѣкоторые изъ этихъ поправокъ должны были послужить базисомъ для новаго билля, который намѣревалось внести правительство. Важнѣйшимъ изъ этихъ пунктовъ былъ тотъ, который касался лежащихъ на фермерахъ недоимокъ. Правила, введенныя на этотъ счетъ въ земельный законъ, нѣсколько не облегчаютъ въ настоящемъ положеніи фермеровъ, втянувшихся въ недоимки, и подрываютъ для нихъ все благотворное значеніе этого закона. Въ ирландскомъ биллѣ предложено, чтобы съ фермеровъ, платящихъ не свыше 30 фунтовъ ренты, недоимки были сложены не ушлатъ ими годовой ренты по августу прошлаго года и чтобы администрація выплатила землевладѣльцу ренту еще за одинъ годъ изъ общественныхъ суммъ, совершенно освобождая фермера отъ дальнѣйшей уплаты. Но еще важнѣе слѣдующій пунктъ: какъ скоро фермеромъ внесено въ судъ прошеніе о назначеніи справедливой ренты, лэндлордъ теряетъ право требовать уплаты недоимки до рѣшенія суда. Справедливость этого пункта очевидна: было бы чудовищно нелогично подвергать фермера взысканіямъ за недоимку, когда, быть можетъ, самъ судъ признаетъ ренту чрезмѣрно высокой. Въ томъ же биллѣ предлагаются мѣры къ облегченію перехода земель въ собственность фермеровъ. Билль этотъ былъ отклоненъ, но самъ Гладстонъ высказался одобрительно о нѣкоторыхъ пунктахъ его и обѣщалъ рассмотреть ихъ. Враждебнаго столкновенія на этотъ разъ не произошло.

Вообще, въ этотъ періодъ времени, въ напряженномъ положеніи Ирландіи замѣчалась нѣкоторая передышка. Хотя выселеніе фермеровъ и продолжалось и даже въ очень широкихъ размѣрахъ (въ іюлѣ, напримѣръ, выселялось среднимъ числомъ по тысячѣ семействъ въ недѣлю), но это уравнивалось благоприятными отчетами о платежѣ рентъ и объ уменьшеніи явно аграрныхъ преступленій. Однако, въ то же время дѣятельность тайныхъ агентовъ безпорядка не ослабѣвала, заявляя о себѣ убійствами политическаго характера. Люди, хорошо знакомые съ Ирландіей, всегда предвидѣли это. Системой подавленія можно вынудить только внѣшнее повиновеніе закону, но нельзя искоренить враждебнаго духа, который молча дѣйствуетъ среди отчаянныхъ умовъ и выражается преступленіями, смѣлость которыхъ растетъ соразмѣрно съ строгостями. Политика Форстера въ Ирландіи дала въ результатѣ высшую мѣру раздраженія съ низшей мѣрой пользы. Вотъ вамъ образецъ этой политики: въ апрѣлѣ въ одномъ изъ ирландскихъ округовъ вышелъ полицейскій циркуляръ съ инструкціями для защиты жизни одного судебного лица, которому были сдѣланы угрозы. Въ циркулярѣ было сказано, что полицейскій, который выстрѣлитъ по ошибкѣ въ невиннаго человѣка, заподозрѣвъ въ немъ убійцу, не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности на основаніи этого циркуляра. Чтеніе этого документа возбудило въ палатѣ сильное негодованіе и Форстеръ былъ вынужденъ сознаться, что онъ не зналъ объ его существованіи. Между тѣмъ циркуляръ этотъ дѣйствовалъ долѣе мѣсяца.

Въ этотъ періодъ относительнаго спокойствія въ палату общинъ былъ внесенъ докладъ комиссіи палаты лордовъ, которой поручено было выработать поправки въ земельному закону. Самымъ существеннымъ результатомъ трудовъ комиссіи было предложеніе облегчить для фермеровъ пріобрѣтеніе въ собственность арендуемыхъ ими земель. Для этого предлагалось, вмѣсто постепеннаго выкупа, не представлявшаго для фермеровъ никакой непосредственной выгоды, ссужать имъ выкупную сумму съ разсрочкой уплаты ея въ казну на шестьдесятъ-шесть лѣтъ по $3\frac{1}{2}\%$, или на сорокъ-шесть лѣтъ по 4% . Само собою разумѣется, что такая система выкупа гораздо выгоднѣе для лэндлордовъ, чѣмъ бесконечная борьба съ фермерами и неуверенность въ доходѣ съ земли. Лэндлорды получили бы хорошій капиталъ и избавились бы отъ тревогъ и опасностей. Замѣчательно, что ту же самую мѣру предлагали и ирландскіе члены при обсужденіи земельного закона.

Между тѣмъ, событія въ Ирландіи приняли новый оборотъ. 28-го (16-го) апрѣля лордъ Кунеръ сложилъ съ себя должность ирландскаго намістника, которая перешла къ лорду Спенсеру. Событіе это

предвидѣлось за нѣсколько дней, такъ какъ многіе признаки предсказывали важную переи́ну въ ирландской политикѣ правительства. Орудіемъ этой новой политикѣ естественно былъ избранъ лордъ Спенсеръ, какъ членъ кабинета и человѣкъ весьма опытный въ ирландскихъ дѣлахъ. Значеніе этой переи́ны не замедлило сказаться даже въ переи́нѣ тона консервативныхъ газетъ, которыя заговорили, что ирландская политика была до сихъ поръ ошибочною и что пора сдѣлать опытъ болѣе вѣннокруиной системы. На слѣдующій день, Гладстонъ далъ въ палатѣ восторженно ожидаемыя объясненія на счетъ своихъ новыхъ плановъ относительно Ирландіи. Онъ объявилъ, что лордъ Куперъ подалъ въ отставку вслѣдствіе своего несогласія со взглядами своихъ товарищей по министерству. Правительство приняло его прошеніе, имѣя въ виду необходимость, при настоящемъ критическомъ положеніи Ирландіи, какъ можно болѣе усилить непосредственное вліяніе центральной власти на исполнительную власть въ Ирландіи посредствомъ назначенія правителемъ этой страны вполнѣ отвѣтственнаго члена кабинета. Далѣе Гладстонъ сообщилъ объ освобожденіи изъ тюрьмы трехъ ирландскихъ членовъ парламента, заключенныхъ въ октябрѣ прошлаго года. Такое же распоряженіе правительство намѣревалось сдѣлать и относительно другихъ заключенныхъ, не замѣшанныхъ въ аграрныхъ преступленіяхъ. Гладстонъ прибавилъ, что правительство приняло эту мѣру исключительно подъ своею собственною отвѣтственностію и согласно принципамъ всей своей политики. (На скамьяхъ оппозиціи послышался громкій смѣхъ). Оно ни съ кѣмъ не вступало ни въ какіе переговоры и не принимало на себя никакихъ обязательствъ. Мистеръ Форстеръ отказался раздѣлить отвѣтственность правительства, — почему? Это онъ долженъ былъ самъ объяснить палатѣ. Правительство, продолжалъ Гладстонъ, не намѣревается пока требовать отъ парламента возобновленія ирландскаго охранительнаго билля; оно откладываетъ свое рѣшеніе на этотъ счетъ до дальнѣйшихъ событій. Но, при первой возможности, оно внесетъ въ палату билль о подрѣшеніи обычнаго ирландскаго закона, ограждающаго судопроизводство и права частныхъ лицъ въ Ирландіи. Гладстонъ напомнилъ при этомъ, что ближайшимъ дѣломъ парламента должно быть обсужденіе билля о парламентской реформѣ. Въ рядахъ оппозиціи снова послышался смѣхъ. Говоря объ охранительномъ биллѣ, первый министръ сдѣлалъ еще слѣдующее замѣчаніе: „Если члены тайныхъ обществъ будутъ продолжать вредить миру и безопасности въ Ирландіи, то правительство сочтетъ своимъ долгомъ потребовать противъ означенныхъ обществъ или продленія уже данныхъ ему полномочій, или же новыхъ, болѣе энергическихъ мѣръ“. Въ заключеніе Гладстонъ прибавилъ,

что охранительный законъ не только не потерпѣлъ неудачи, но наоборотъ, оказался весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ важныхъ кризисовъ.

Заявленія правительства возбуждали въ палатѣ оживленные пренія. Стаффордъ Норскотъ объявилъ, что ему непонятны причины, заставляющія правительство освободить заключенныхъ. Отказъ такого свѣдущаго въ ирландскихъ дѣлахъ человека, какъ Форстеръ, отъ солидарности съ правительствомъ въ его новой политикѣ, не можетъ не давать повода къ тревогѣ. Палата будетъ съ нетерпѣніемъ ждать объясненій Форстера на этотъ счетъ. Правительство, прибавилъ Норскотъ, само ослабило себя въ Ирландіи, буда несбыточными надежды или дѣлая угрозы, которыя ни къ чему не вели. Наставать на пересмотрѣ парламентскаго устава въ то время, когда у правительства связаны руки и оно ничего не можетъ сообщить о своихъ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ, Норскотъ также признаетъ ни къ чему не ведущимъ. Говорилъ также членъ аграрной лиги Семстонъ, энергически защищавшій правительство. Это было новымъ фазисомъ въ преніяхъ палаты. „Новая или вѣтъ настоящая политика, — сказалъ онъ, — не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что она плодотворнѣе для Ирландіи, чѣмъ прежняя. Первый министръ сказалъ правду, что освобожденіе трехъ членовъ лиги поведетъ къ поддержанію порядка и законности. Если правительство будетъ продолжать идти этимъ путемъ, если оно откажется отъ принудительной системы, разрѣшить вопросъ о недонимахъ, смѣлѣе приступить къ вопросу о владѣніи землей и оказать должную справедливость національнымъ правамъ ирландскаго народа, то англичане вскорѣ убѣдятся, что именно этотъ, а не другой путь ведетъ къ укрѣпленію дружественныхъ узъ между Ирландіей и Англіей. Въ томъ же духѣ говорили и другіе ирландскіе члены. Изъ этихъ любезныхъ преній выяснилось, что парнеллисты восторжествовали. Ни отъ одного правительства нельзя ожидать прямого признанія въ своихъ ошибкахъ и въ правотѣ своихъ враговъ, но Гладстонъ почти дошелъ до этого идеальнаго великодушія, сказавъ, что новѣйшія мѣры его „внушены свѣдѣніями, собранными отъ людей, наиболее знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Ирландіи“. Это важное заявленіе было принято сравнительно спокойно и вообще горизонтъ, казалось, начиналъ проясняться. Кто знаетъ, еслибы въ эту самую минуту не готовилось въ Ирландіи не предвидѣнныхъ событій, быть можетъ, новая политика Гладстона разрѣшила бы, хотя на время, ирландскій вопросъ.

4-го мая (22-го апрѣля) ожидалось объясненія Форстера. При началѣ засѣданія было сообщено объ освобожденіи Диллона, которое состоялось судебнымъ порядкомъ, такъ какъ онъ былъ заключенъ

въ Портлендскую тюрьму въ качествѣ подсудимаго, а не „подозрѣваемаго“, какъ остальные члены лиги. Оппозиція повела атаку. Одинъ изъ членовъ ея спросилъ, обязались ли освобожденные воздерживаться отъ противозаконныхъ дѣлій. Гладстонъ уклончиво отвѣтилъ, что правительство получило свѣдѣнія, оправдывающіе принятыя имъ мѣры, но что онъ считаетъ болѣе справедливымъ предоставить самимъ освобожденнымъ дать объясненія на этотъ счетъ. Диллонъ поднялся съ мѣста и спросилъ, подразумеваются ли подъ этимъ какія-нибудь обѣщанія съ ихъ стороны на счетъ циркуляра о неплатежѣ ренты. Тотъ же самый вопросъ былъ сдѣланъ освобожденными О'Келли и Севстономъ. Первый министръ отвѣтилъ, что, хотя каждый изъ нихъ и не назывался по именамъ, но полученныя имъ сообщенія распространялись, какъ онъ полагалъ, и на нихъ. Всѣ трое членовъ заявили на это, что они никого не уклончивали дѣлать подобныхъ сообщеній. На прямой вопросъ, отъ кого онъ получилъ эти сообщенія, Гладстонъ отвѣтилъ: отъ членовъ палаты, которымъ онъ предоставляет самимъ объясняться на этотъ счетъ, если они пожелаютъ. Всѣ понимали, что дѣло идетъ о Харнеллѣ, котораго не было въ эту минуту въ палатѣ. Гладстонъ продолжалъ стоять на томъ, что правительство было побуждено къ принятымъ имъ мѣрамъ добровольными заявлениями ирландскихъ членовъ на счетъ ихъ напѣреній. Появленіе на трибунѣ Форстера положило конецъ этому курьезному спору.

Вывшій секретарь по дѣламъ Ирландіи объяснилъ, что онъ не можетъ одобрить новаго поворота въ правительственной политикѣ и поэтому былъ вынужденъ подать въ отставку. Онъ видитъ въ освобожденіи заключенныхъ прямое поощреніе къ преступленіямъ, такъ какъ поводомъ къ ихъ аресту были: противодействіе земельному закону, попытки къ застраиванью населенія и навязыванье Ирландіи велѣній лиги, какъ „неписаннаго закона“. Онъ могъ бы одобрить освобожденіе ихъ лишь подъ тремя условіями: если бы они публично обязались воздерживаться отъ противозаконныхъ поступковъ; если бы въ Ирландіи возстановилось полное спокойствіе, или, наконецъ, если бы правительство заручилось новыми чрезвычайными полномочіями. Ораторъ находитъ, что правительство избрало самое опасное время для ослабленія закона, такъ какъ борьба противъ законаго порядка въ Ирландіи еще далеко не прекратилась. Онъ молить Бога, чтобы новая политика не повредила хорошимъ результатамъ, которые уже стали достигаться, благодаря предшествовавшимъ мѣрамъ. Форстеръ пояснилъ, что онъ самъ указалъ на лорда Спенсера, какъ на преемника Кунеру, признавая необходимымъ, чтобы этотъ постъ занималъ одинъ изъ министровъ. Онъ надѣялся, что это назначеніе

позволить ему остаться на своемъ посту, но, сообразивъ, что ему пришлось бы защищать въ палатѣ политику лорда Спенсера, онъ призналъ это несообразнымъ съ долгомъ совѣсти и предпочелъ подать въ отставку. Форстеръ далъ понять, что правительство пыталось склонить ирландскихъ членовъ къ принятію извѣстныхъ обязательствъ относительно ихъ будущей политики, но результатъ этихъ попытокъ не оправдывалъ ихъ освобожденія. Первый министръ не безъ горечи возразилъ на это, что правительство не требовало никакихъ обязательствъ и руководствовалось, какъ и всегда, единственно наиболее достоверными свѣдѣніями о положеніи дѣлъ въ Ирландіи.

Въ палату между тѣмъ пришелъ Парнелль, который въ свою очередь неспешно объяснился. Онъ напропалую объявилъ, что не думалъ принимать никакихъ обязательствъ, ни за себя, ни за своихъ друзей. Онъ не разъ выражалъ мнѣніе, что справедливое рѣшеніе вопроса о недонимкахъ могло бы въ значительной мѣрѣ содѣйствовать восстановленію порядка въ Ирландіи, и говорилъ даже, что, если бы были приняты надлежащіе мѣры къ этому, то онъ и его друзья могли бы содѣйствовать замѣренію страны. Но далѣе этого онъ никогда не заходилъ въ своихъ обѣщаніяхъ. То же самое подтвердилъ Диллонъ и О'Келли, энергически отвергавшіе всякую мысль объ уступкахъ съ ихъ стороны при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Гладстонъ ограничился простыми подтвержденіемъ ихъ словъ.

Преемникомъ Форстера въ должности статсъ-секретаря по ирландскимъ дѣламъ сдѣлался лордъ Фредерикъ Кэвендишъ. Назначеніе это было встрѣчено съ неудовольствіемъ; всѣ ожидали, что на этотъ трудный постъ будетъ назначенъ какой-нибудь выдающійся государственный человѣкъ. Указывали на лорда Гартингтона и на Чэмберлена, но правительство рѣшилось, повидимому, совершенно подчинить этотъ постъ лорду-наибѣстнику и поэтому назначило мало извѣстнаго политическаго человѣка. Какъ бы то ни было, а отставка Форстера была для всѣхъ облегченіемъ. Ни одинъ изъ правителей Ирландіи не сумѣлъ сдѣлать себя болѣе ненавистнымъ ирландцамъ, чѣмъ онъ, не смотря на его благія намѣренія. Система его была ошибочной съ начала до конца и совѣты его подготовили правительству много затрудненій. Приступивъ къ дѣлу съ самыми либеральными намѣреніями, онъ не справился съ своей трудной задачей и сбился съ дороги. Разъ вступивъ на путь принудительной политики, онъ уже не могъ остановиться и сажалъ въ тюрьмы сотни людей, позабывая, что противъ него цѣлый народъ, а народъ нельзя заключить въ тюрьму. Онъ смѣшивалъ насиліе съ энергіей и не понималъ великаго значенія выжиданія и терпѣнія.

Спустя два дня послѣ назначенія лорда Кавендиша на мѣсто Ферстера, въ субботу вечеромъ 6-го мая (24-го апрѣля), въ Лондонѣ распространился страшный слухъ: говорили, что новый статсъ-секретарь Ирландіи и товарищъ министра Воркъ пали въ Дублинѣ подъ нежными убійцъ. Никто не хотѣлъ вѣрить этому слуху, но въ воскресенье утромъ въ газетахъ появились короткія телеграммы, подтверждавшія его безъ всякихъ подробностей, а въ новодѣйствіи уже во всей Англіи только и говорили, что объ этомъ прованомъ событіи. Въ воскресенье въ три часа собрался совѣтъ министровъ, сѣдавшійся почти до семи часовъ. Ферстеръ еще передъ тѣмъ былъ у перваго министра и предложилъ временно свои услуги, еслибы въ нихъ встрѣтилась надобность. Не смотря на всеобщій ужасъ, въ публикѣ не замѣчалось ни ослобленія, ни паники; всѣ помнили, что положеніе дѣлъ требуетъ самаго серьезнаго обсужденія. Подробности убійства были изумительно просты и какъ нельзя лучше характеризовали настоящее положеніе дѣлъ въ Ирландіи. Лордъ Фредерикъ Кавендишъ, лишь за нѣсколько часовъ пріѣхавшій въ Дублинъ, пошелъ вмѣстѣ съ Воркомъ въ восьмомъ часу вечера прогуляться въ Фениксъ-Паркъ. Вдругъ на нихъ напали четверо мужчинъ и повололи ихъ ножами. Убійцы тотчасъ же всецѣли въ дожидавшіеся ихъ невдалекѣ экипажъ съ кучеромъ и умчались, никакъ не задержанные. Сцену убійства видѣло нѣсколько челоувѣкъ, но ни одинъ, повидимому, не понялъ ея значенія. Самъ лордъ-намѣстникъ, проѣзжавшій верхомъ передъ фасадомъ вице-королевскаго дворца, видѣлъ группу борющихся людей, но заключилъ, что это не что иное, какъ грубая игра гуляющихъ. Одинъ драгунскій капитанъ, гулявшій неподалеку по аллеѣ, также видѣлъ сцену убійства и принялъ ее за простую драму. Экипажъ съ убійцами проѣхалъ послѣ того мимо него и онъ закричалъ имъ, шута: „Что, жаркое было дѣло?“—„Да, жаркое“, отвѣтили они и умчались.

Само собою разумѣется, что были приняты самыя энергическія мѣры къ поимкѣ убійцъ. Объявлено было десять тысячъ фунтовъ награды тому, кто въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ укажетъ ихъ слѣды, и полное прощеніе тому, кто хотя и зналъ о планѣ убійства, но не участвовалъ въ немъ лично. Спустя нѣсколько дней было объявлено пятьсотъ фунтовъ награды тому, кто укажетъ лицъ, давшихъ пріютъ убійцамъ. Но все было тщетно; убійцы не отысканы, да, вѣроятно, и никогда не будутъ отысканы. Тѣ, кто видѣлъ ихъ, полагаютъ, что это были американцы, и въ пользу этого предположенія говорятъ многое. О'Донованъ Россъ и его шайка никогда не скрывали своего намѣренія нанести англичанамъ страшный ударъ при первомъ удобномъ случаѣ. Американцы ли или ирландцы были убійцы, во все

комъ случаѣ, они, очевидно, принадлежали къ одному изъ тайныхъ обществъ, сдѣлавшихся въ последнее время самымъ опаснымъ элементомъ въ ирландскихъ беспорядкахъ. Вожди этихъ обществъ очень мало заботятся объ аграрномъ вопросѣ и пользуются имъ только какъ средствомъ сдѣлать раздоры. Цѣль ихъ — не допускать до возстановленія порядка въ Ирландіи. Былъ ли лордъ Кэвендишъ специально намѣченнымъ жертвой или только случайною, и было ли убійство плодомъ давно созрѣвшаго плана или только побужденіемъ минуты, — все это такъ и осталось неразъясненнымъ. Гладстонъ, при первомъ же извѣстіи о катастрофѣ, телеграфировалъ намѣстнику Ирландіи, что цѣлью убійства было желаніе возбудить грубыя страсти и испортить отношенія между Ирландіей и Англіей; и это объясненіе представляется вполне вѣроятнымъ въ виду относительнаго улучшенія, которое замѣчалось передъ тѣмъ въ ирландскихъ дѣлахъ. Правительство стало на новую точку зрѣнія, которая одобрялась даже ирландскими членами палаты. Вожакамъ тайныхъ обществъ нѣтъ никакого дѣла до представителей Ирландіи и они охотно свалили бы на Парнелла и его друзей отвѣтственность въ гнусномъ злодѣяніи. Но расчетъ ихъ не удался. Англіійскій народъ отнесся къ роковому событію очень трезво и ни минуты не обвинялъ въ немъ людей, очевидно чуждыхъ ему.

Члены аграрной лиги не замедлили заявить о своемъ взглядѣ на убійство въ Фениксъ-Паркѣ. Они издали манифестъ къ ирландскому народу, за подписью Парнелла, Диллона и Дэвитта, въ которомъ говорилось:

„На зарѣ дня, открывавшаго свѣтлую будущность нашей странѣ, жестокій рокъ, преслѣдующій Ирландію, наноситъ надеждамъ ея новый ударъ, значеніе котораго не можетъ быть преувеличено. Въ этотъ скорбный часъ мы не можемъ не выразить нашего соболѣзнованія ирландскому народу, дѣлу котораго нанесенъ такой сильный вредъ, и нашего сочувствія людямъ, которые рѣшились, наконецъ, перейти съ пути насилій и недовѣрія на путь примирительной политики“. Они выражали надежду, что ирландскій народъ докажетъ, какъ возмутило его это воровское злодѣяніе надъ человекомъ, явившимся въ Ирландію съ дружественными цѣлями. „Это пятно, — говорилось въ заключеніе, — не смоется съ нашей страны, пока виновные не будутъ выданы въ руки правосудія“. Въ томъ же духѣ высказались ирландскіе депутаты и въ разговорахъ съ представителями печати.

Лордъ Фредерикъ Кэвендишъ, хотя и не игралъ видной роли въ политическомъ мірѣ, но былъ извѣстенъ какъ человекъ даровитый и пріятнаго характера. Онъ умеръ сорока шести лѣтъ. Сынъ гер-

пока Девоншира и братъ лорда Гартингтона, онъ принадлежалъ къ одной изъ наиболѣе уважаемыхъ аристократическихъ фамилій и трагическая смерть его была, безъ преувеличенія, общественнымъ горемъ, въ особенности въ сѣверной Англіи, гдѣ эта фамилія наиболѣе извѣстна. Не мало сажали и о Борѣ, который, впрочемъ, какъ постоянный членъ ирландской администраціи, могъ естественно сдѣлаться жертвою убійцы, тѣмъ лордъ Кевендинъ.

Въ воскресенье, въ засѣданіи палаты, Гладстонъ объявилъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ правительство вынуждено нѣмнѣть свои намѣренія и предложить палатѣ мѣры для пресѣченія убійствъ въ Ирландіи. Тутъ поднялся съ мѣста Парнелль, причемъ нѣкоторые, впрочемъ, немногіе, изъ членовъ вслухъ выразили неодобреніе. Предводитель аграрной лиги повторилъ то, что сказано въ ирландскомъ манифестѣ по поводу убійства, прибавивъ, что онъ не совѣтовалъ бы прибѣгать къ мѣрамъ, которыя правительство намѣрено предложить, хотя онъ и не отрицаетъ, что нѣкоторые изъ этихъ мѣръ могутъ оказаться необходимыми. Онъ убѣжденъ, что преступленіе совершено врагами дѣла, которое онъ защищаетъ, желаннымъ сдѣлать примиреніе между Ирландіей и Англіей невозможнымъ.

Упразднившееся мѣсто статсъ-секретаря Ирландіи предлагали Чарльзу Дилку; но онъ отказался принять его подъ предлогомъ, что такъ какъ должность эта не соединена съ мѣстомъ въ министерствѣ, то ему пришлось бы защищать въ палатѣ мѣры, въ обсужденіи которыхъ онъ не имѣлъ бы голоса. Тогда должность эту предлагали члену парламента Тревелиану, который принялъ ее. Тревелианъ извѣстенъ преимущественно какъ писатель и какъ авторъ превосходной біографіи Маколея („Life and Letters of Lord Macaulay“), своего дяди; теперь онъ, безъ сомнѣнія, покинетъ литературу для политики. Онъ вступилъ въ парламентъ въ 1865 г. и занималъ при настоящемъ правительствѣ постъ морского министра. Онъ сочувствуетъ примирительной политикѣ, и со времени вступленія его въ новую должность уже замѣчается благопріятная перемена въ парламентскихъ отношеніяхъ между ирландскою администраціей и ирландскими членами.

11-го мая (29-го апрѣля) въ палату былъ внесенъ обѣщанный Гладстономъ билль „для пресѣченія преступленій въ Ирландіи“. Это одна изъ самыхъ энергическихъ мѣръ, какія когда-нибудь предлагались палатѣ. Закономъ этимъ отиѣняются для нѣкоторыхъ аграрныхъ преступленій суды присяжныхъ въ Ирландіи и вводятся для нѣкоторыхъ другихъ полевые суды. Для принятія этого закона будетъ учреждена специальная судебная коммиссія изъ трехъ чло-

небъ, которая будетъ засѣдать въ томъ изъ округовъ, гдѣ обычное судопроизводство будетъ признано не отвѣчающимъ положенію дѣлъ. Подъ этотъ законъ подойдутъ: государственная измѣна, убійство, насилія надъ людьми и нападенія на жилище дома. Рѣшеніе суда должно быть единогласнымъ и противъ него можно аппеллировать къ высшей инстанціи изъ пяти судей, въ число которыхъ не должны входить судьи первой инстанціи. Законъ этотъ вызванъ невозможностью находить свидѣтелей въ Ирландіи, даже когда виновный арестованъ. Но такъ какъ свидѣтели повадятся и при новомъ судѣ, то врядъ ли правосудіе что-нибудь выиграетъ отъ этой перемѣны. Лорду-намѣстнику присвоиваются новымъ закономъ почти диктаторскія права; въ томъ числѣ право приостанавливать или запрещать газеты, требовать отъ издателей залоговъ, запрещать митинги, производить домовые обыски, арестовать свидѣтелей, уклоняющихся отъ дачи показаній, вводить въ дѣйствіе новый законъ въ любомъ изъ округовъ, взимать вознагражденіе потерпѣвшимъ съ округа, въ которомъ совершено преступленіе. Законъ этотъ будетъ дѣйствовать въ продолженіе трехъ лѣтъ. Однако все же законъ этотъ разнится отъ охранительнаго билля, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что не даетъ администраціи права держать людей въ тюрьмѣ безъ суда, какъ дѣлалъ Форстеръ. Новый билль имѣетъ и безъ этого довольно недостатковъ. Правительство дѣлаетъ важную ошибку, подавляя свободу слова и печати. Свободное и открытое обсужденіе золъ—лучшее средство помѣшать жалобамъ на зло выражаться подпольными средствами и преступными заговорами. Вводить подобный законъ въ видѣ предисловія къ благотѣльнымъ мѣрамъ, въ родѣ обѣщаннаго облегченія уплаты недоимокъ,—это такая странная мѣра, что ее трудно даже объяснить. Какъ видно, въ ирландскихъ дѣлахъ опытъ ничему не научилъ Англію. Говорятъ, проектъ этого билля былъ готовъ еще раньше убійства Кэвендиша и Ворка; стало быть, закона этого нельзя оправдать даже вспышкой негодованія.

Члены палаты съѣхались для обсужденія его прямо съ похоронъ лорда Кэвендиша, происходившихъ въ Дербиширѣ, въ присутствіи 50,000 человекъ, собравшихся изъ всѣхъ частей Англіи. Это обстоятельство способствовало возбужденію, которымъ отличалось это засѣданіе. Защищалъ законъ сэръ Уильямъ Гаркортъ, пояснившій, что онъ направленъ специально противъ тайныхъ обществъ, въ которыхъ скрывается теперь главная опасность для Ирландіи. Брайтъ поддерживалъ билль. Отвѣчая на упрекъ въ томъ, что онъ забылъ свой старый лозунгъ: „сила—не лекарство“, онъ утверждалъ, что сила—не лекарство противъ истинныхъ золъ, на которыя ирландцы въ правѣ жаловаться, но лекарство противъ преступниковъ, грозя-

щихъ безопасности людей, которые желали бы жить подъ охраной закона. Ирландскіе члены горячо возставали противъ билля. Въ особенности энергична была рѣчь Парнелля. Онъ предсказывалъ, что новый законъ потерпитъ во сто кратъ болѣшую неудачу, чѣмъ всѣ предшествовавшія мѣры. Диллонъ предсказывалъ, что онъ поведетъ только къ повторенію преступленій въ родѣ того, которое теперь всѣми оплакивается. Онъ прибавилъ, что правительство дѣйствуетъ въ руку дублинскимъ убійцамъ, которымъ только того и нужно, чтобы принудительная система оставалась въ силѣ и они могли бы держать въ своихъ рукахъ судьбу Ирландіи. Никакое оружіе, кромѣ нравственнаго чувства націи, не можетъ пресѣчь подобныхъ преступленій, а нравственное чувство будетъ теперь менѣе, чѣмъ когда бы то ни было, на сторонѣ мира. Не смотря на всѣ эти доводы, билль былъ принятъ къ обсужденію большинствомъ 327 голосовъ противъ 22.

15-го (3-го) мая правительство внесло въ палату свой билль объ облегченіи для ирландскихъ фермеровъ уплаты недоимокъ. Въ своихъ существенныхъ чертахъ билль этотъ имѣетъ поразительное сходство съ проектомъ ирландскихъ депутатовъ, который мы выше резюмировали. Стаффордъ Норскотъ не преминулъ указать на это совпаденіе, давая понять, что правительство вошло въ сдѣлку съ освобожденными членами лиги. Форстеръ, съ явно враждебнымъ правительству намѣреніемъ, представилъ документъ, подтверждавшій эту сдѣлку, но ирландскіе депутаты энергически возражали, доказывая, что Форстеръ злоупотребилъ письмомъ, въ которомъ депутатъ О'Ши, переписывавшійся, съ разрѣшенія Форстера, съ Парнеллемъ во время его заключенія, сообщилъ Форстеру, что, въ случаѣ справедливаго рѣшенія вопроса о недоимкахъ, члены аграрной лиги готовы бы содѣйствовать замиренію Ирландіи. Въ сущности же, такъ называемой „кильмэнгэмской сдѣлки“ (по имени дублинской тюрьмы, въ которой сидѣлъ Парнелль) вовсе не существовало. Консерваторы предложили отсрочить пренія до полнаго выясненія дѣла, которое, какъ выразился одинъ изъ нихъ, „не имѣетъ себѣ равнаго по гнусности“. Гладстонъ съ раздраженіемъ отвѣчалъ на это замѣчаніе. Это бурное засѣданіе не привело ни къ какому результату. Ожидали, что оно серьезно пошатнетъ вліяніе Парнелля, какъ вождя національной партіи, однако это ожиданіе, повидимому, не оправдалось. Если оно повредило кому, то это Форстеру. Его неблагоприятная попытка воспользоваться частными разговорами, чтобы оправдаться на счетъ своихъ прежнихъ товарищей, выяснила только, что онъ, подобно всѣмъ другимъ членамъ кабинета, придавалъ большую важность политикѣ Парнелля и желалъ воспользоваться его вліяніемъ.

Такимъ образомъ билль о недонимкахъ, въ которомъ правительство предлагаетъ, вмѣсто разсроченной ссуды фермерамъ, даровую выдачу имъ суммы, равной годовой рентѣ (для фермъ, приносящихъ не свыше 30 фунт. дохода), или половины общей суммы недонимки (исключая 1880—1881 г.) для уплаты владѣльцу, съ тѣмъ, чтобы вся остальная часть недонимки была зачеркнута, — билль этотъ не подвинулся ни на шагъ.

1-го іюня (20-го мая) послѣ праздниковъ Троицы палата сошлась для обсужденія билля противъ преступленій и, съ этого же засѣданія, пренія приняли такой же бурный характеръ, какъ и пренія по новоду принудительнаго закона. Ирландскіе члены возобновили свою систему затягиванья преній всѣми способами. Членъ министерской партіи, юристъ Дэви, предложилъ исключить статью о государственной измѣнѣ, не признавая возможнымъ, чтобы дѣла о преступленіяхъ противъ государства рѣшались приговорами однихъ судей, состоящихъ на службѣ государства. Министръ внутреннихъ дѣлъ отвергъ эту поправку, ссылаясь на то, что цѣль всѣхъ тайныхъ обществъ — государственная измѣна. Потомъ правительство сдѣлало уступку, ограничивъ дѣйствіе этой статьи только преступленіями, которыя будутъ совершены послѣ изданія этого закона. Поправка Дэви была отклонена, но сравнительно незначительнымъ большинствомъ 227 противъ 70. Больше сорока англійскихъ и шотландскихъ либераловъ подали въ этомъ случаѣ голосъ противъ правительства. Далѣе была предложена поправка къ статьѣ о застращиваньи. Вопросъ состоялъ въ томъ, подводится ли подъ новый билль такъ называемое „бойкотированье“. Диллонъ заявилъ, что онъ постоянно пропагандировалъ эту систему, но никогда не подвергался за это взысканіямъ. Онъ признаетъ, что этой системой часто злоупотребляли, но считаетъ этого рода опалу лучшимъ средствомъ къ предупрежденію кровавыхъ насилій. Правительство возражало, что Ирландія должна повиноваться государственными законамъ, а не предписаніямъ аграрной лиги, и рѣшительно стояло за статью, обѣщавъ только точнѣе опредѣлить, что подразумѣвается подъ бойкотированьемъ.

Спустя нѣсколько дней Гладстонъ потребовалъ, чтобы палата занялась закономъ о недонимкахъ раньше всѣхъ другихъ мѣръ, кромѣ билля противъ преступленій. Единственная изъ мѣръ, относящихся къ англійскимъ дѣламъ, которую правительство надѣется еще провести въ эту сессію, это билль противъ избирательныхъ подкуповъ. Что касается до закона о парламентской реформѣ, то первый министръ заявилъ только, что онъ считаетъ своимъ долгомъ не откладывать, если возможно, этой мѣры до будущаго года, такъ какъ отъ нея зависитъ до извѣстной степени успѣхъ другихъ мѣръ. Справед-

ливость этого замѣчанія не замедлила оправдаться. Дней черезъ десять, прошедшихъ въ бесплодныхъ преніяхъ, благодаря ирландской системѣ затягиванья, первый министръ объявилъ, что правительство рѣшилось во что бы то ни стало некончить съ биллемъ въ одно засѣданіе, какъ бы оно ни было продолжительно. Вслѣдствіе этого, засѣданіе 30-го іюня, начавшееся въ семь часовъ вечера, продолжалось до восьми часовъ вечера слѣдующаго дня. Но желанный результатъ все-таки не былъ достигнутъ. Ирландскіе члены рѣшительно противились статьѣ о вознагражденіи пострадавшихъ всѣмъ округомъ, въ которомъ совершено преступленіе. Ирландцы напрягали всѣ усилія для затяжки преній. Они говорили одинъ за другимъ, растягивая рѣчи до безконечности и повторяя все одни и тѣ же доводы. Наконецъ, въ девятомъ часу утра спикеръ объявилъ, что онъ лишаетъ ирландскихъ депутатовъ слова на все остальное время засѣданія. Произошла бурная сцена криковъ и протестовъ. О'Доннелъ закричалъ, что спикеръ „поступаетъ подло“ и подираетъ всѣ традиціи палаты, такъ какъ нѣкоторые изъ ирландскихъ депутатовъ еще не успѣли говорить. Ирландскіе депутаты покинули залу и засѣданіе кончилось послѣ того мирно.

Въ слѣдующемъ засѣданіи О'Доннелъ былъ приговоренъ за оскорбленіе спикера къ исключенію изъ палаты на двѣ недѣли. Гладстонъ предложилъ подтвердить резолюцію отъ 3-го февраля 1881 г., дающую спикеру право лишать членовъ голоса, ссылаясь на страшное положеніе дѣлъ въ Ирландіи, требующее неотложнаго принятія исключительныхъ мѣръ. Прежде всего онъ требуетъ примѣненія этого правила при обсужденіи билля о преступленіяхъ, удѣливая за собою право предложить ту же мѣру и въ другихъ случаяхъ, если онъ признаетъ это нужнымъ. Парнеллъ предложилъ отгнать въ резолюціи 3-го февраля ту статью, которою требуется для рѣшенія вопроса большинство двухъ третей голосовъ, такъ какъ при этомъ условіи, пояснилъ онъ, первый министръ никогда не добьется признанія билля о недомѣткахъ неотложнымъ. Поправка Парнелла была отклонена и резолюція восстановлена въ прежней формѣ. Въ слѣдующемъ засѣданіи Макъ-Карти предъявилъ отъ имени ирландскихъ членовъ энергическій протестъ противъ лишенія его товарищей права голоса. Протестъ этотъ былъ изложенъ въ формѣ слѣдующей резолюціи: „Имѣя въ виду, что ирландская парламентская партія была изгнана изъ палаты подъ угрозой примѣненія физической силы во время обсужденія мѣры, существенно затрогивающей права и свободу Ирландіи; имѣя въ виду, что правительство, воспользовавшись отсутствіемъ ирландскихъ членовъ, настояло на принятіи въ комитетѣ палаты важной части этой мѣры,

лишить этихъ представителей ирландскаго народа принадлежащаго имъ права обсуждать и вотиловать принудительныя мѣры противъ Ирландіи, мы, ниже подписавшіеся члены, отказываемся отъ всякаго участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи означенныхъ мѣръ комитетомъ палаты и слагаемъ на правительство всю отвѣтственность за билль, проведенный при помощи насилія и обмана и который по этому будетъ лишенъ нравственной силы конституціоннаго парламентскаго закона". По прочтеніи этой резолюціи, всѣ ирландскіе члены, за исключеніемъ четырехъ, поднялись съ мѣстъ и, среди ироническихъ возгласовъ и смѣха собранія, удалились изъ залы. Такимъ образомъ эффектъ отложенія билля произведенъ съ оставленіемъ въ запасъ нѣсколькихъ членовъ для затягиванья преній. Палата составила изъ себя комиссію и перешла къ обсужденію билля о недонимкахъ. Брайтъ защищалъ въ принципѣ этотъ билль, доказывая необходимость помочь фермерамъ даровымъ пособіемъ, а не ссудой. Примѣры прошлаго въ исторіи Англіи заставляютъ опасаться, что слишкомъ многіе воспользовались ссудами, въ тайной надеждѣ, что ихъ никогда не придется уплатить. Отказывать въ ссудахъ, разъ онѣ будутъ допущены, будетъ трудно, а между тѣмъ надежно гарантировать возвращеніе ихъ едва ли представится возможность. На предполагаемыя правительствомъ пособія будетъ достаточно, по сдѣланному вычисленію, двухъ милліоновъ фунтовъ, тогда какъ на ссуды не хватило бы и втрое болѣе суммъ.

7-го іюля (25-го іюня) въ палатѣ въ послѣдній разъ обсуждался билль противъ преступленій, и обсужденіе неожиданно привело къ пораженію правительства по поводу имъ же самимъ предложенной поправки. Случилось это слѣдующимъ образомъ: правительство уже ранѣе обѣщало измѣнить статью, дающую право полиціи входить въ ночное время въ частныя дома въ случаѣ крайней надобности. Согласно обѣщанію, новыя статскіе-секретари Ирландіи, Тревелианъ, внесъ 7-го іюля обѣщанную поправку, запрещающую полицейскимъ инспекторамъ входить въ ночное время въ обывательскіе дома иначе, какъ при существованіи серьезнаго повода къ подозрѣнію, что въ извѣстномъ домѣ собралось тайное общество. Поправка эта встрѣтила сильную оппозицію, не только со стороны консерваторовъ, но и со стороны самихъ либераловъ, которые не умѣли примѣнять либерализма къ Ирландіи. Гладстонъ пояснилъ, что ночныя обыски способны всего сильнѣе раздражать населеніе и всего менѣе благоприятствуютъ восстановленію общественнаго спокойствія. Статья была направлена противъ тайныхъ обществъ, за которыя не можетъ быть отвѣтственно все населеніе Ирландіи, гдѣ преступленія чисто аграрнаго характера сдѣланы въ послѣднее

время замѣтно рѣже. Первый министр прибавилъ, что было бы странно со стороны палаты навязывать ему полномочія, которые считаются принадлежностью какъ имъ самимъ, такъ и ирландскимъ правительствомъ. Брайтъ также поддерживалъ въ этомъ случаѣ правительство, тѣмъ не менѣе поправка была отклонена, хотя большинствомъ всего тринадцати голосовъ, послѣ чего билль былъ утвержденъ и тотчасъ сданъ въ палату лордовъ.

Правительственная партія громко обвиняла ирландскихъ членовъ за то, что они не возвратились въ палату и не спасли правительство отъ пораженія; но они поступили послѣдовательно. Будучи противниками билля въ его цѣломъ, они не могли вернуться въ палату для того только, чтобы снасти автора этого билля отъ частнаго пораженія. Никто, конечно, не могъ ожидать, чтобы это незначительное пораженіе вызвало министерскій кризисъ; при настоящемъ критическомъ положеніи дѣлъ въ Ирландіи, къ которымъ присоединились усложненія въ иностранной политикѣ, правительство слишкомъ сознаетъ свою отвѣтственность, чтобы уклоняться отъ нея. Въ слѣдующемъ засѣданіи Гладстонъ выразилъ только свое сожалѣніе по этому случаю и свою надежду, что оба билля не замедлятъ получить силу закона. Нечего было и думать, что палата успѣетъ обсудить въ эту сессію еще какія-нибудь мѣры, кромѣ билля объ избирательныхъ подкупахъ. Однако правительство не намѣрено было откладывать билля о пересмотрѣ парламентскаго устава и предложило палатѣ заняться имъ тотчасъ послѣ ирландскихъ биллей или же отсрочить сессію до осени. Последняя мѣра признается наиболѣе удобной и палатѣ вѣроятно будетъ предложено собраться снова во второй половинѣ октября. 12-го іюля было сообщено объ утвержденіи короной билля о пресѣченіи преступленій, и въ тотъ же день палата приняла въ голосованіи законъ объ облегченіи уплаты недоимокъ, включая статью, требующую дарового пособія фермерамъ, вмѣсто ссуды.

Если бы не рѣдкіе случаи, въ которыхъ билль, прешедшій черезъ всѣ фазисы обсужденія въ палатѣ общинъ, сдается въ палату лордовъ, то о существованіи этого высокороднаго собранія, какъ законодательной власти, пожалуй, давно бы позабыли. Коротенькіе отчеты объ его засѣданіяхъ, печатаемые надъ длинными столбцами преній въ палатѣ общинъ, едва замѣтны для глаза. Милорды обыкновенно собираются рано и, поговоривъ о чемъ-нибудь съ приличною джентльменамъ порядочностью, съ достоинствомъ расходятся. Рѣдко-рѣдко изъ среды ихъ возвышается чей-нибудь голосъ, напоминающій, что подобное существованіе, хотя и очень прилично, но совершенно бесполезно. Такъ, напримѣръ, нѣсколько недѣль тому

назадъ милорды съ удивленіемъ услышали отъ лорда Стенгона сожалѣніе о томъ, что ихъ палата имѣетъ такъ мало дѣла, и что желательно было бы, чтобы она принимала болѣе живое участіе въ законодательствѣ. Два единственныхъ билля, родившихся въ эту сессію въ палатѣ лордовъ, постигъ безвременный конецъ. Одинъ изъ нихъ относился къ узаконенію браковъ съ свояченицей, — вопросу, сильно занимающему въ настоящее время общественное вниманіе, въ особенности въ средѣ англійскихъ нон-конформистовъ. Но билль этотъ потерпѣлъ неудачу, хотя большинствомъ всего четырехъ голосовъ. Съ меньшинствомъ подали голоса: принцъ Уальскій, герцогъ Единбургскій, принцъ Леопольдъ и большинство либеральныхъ членовъ. Подобный результатъ предсказываетъ, что при вторичномъ внесеніи этого билля побѣда навѣрное останется за нимъ.

Второй билль палаты лордовъ, предложенный лордомъ Аргайлемъ, касался парламентской присяги. Онъ разрѣшалъ всякому члену, не желающему почему-нибудь приносить присягу, ограничиваться простыми обязательствомъ. Лордъ Аргайль находилъ, что нѣтъ ничего вреднѣе для достоинства парламента и для нравственности и религіи, какъ дѣйствующій законъ о парламентской присягѣ. Въ сущности вопросъ сосредоточивается въ томъ, могутъ ли атеисты быть допускаемы къ присягѣ. По мнѣнію лорда Аргайля, палата должна или изобрѣсти какую-нибудь новую формулу, или же отказаться отъ всякой мысли, что присяга можетъ быть дѣйствительною въ религіозномъ отношеніи. Последнее онъ признаетъ за лучшее. Билль его впрочемъ, распространенъ только на тѣхъ, кто не желаетъ принимать присяги, какъ уже и сдѣлано въ пользу квакеровъ. Графъ Карнарвонъ всталъ противъ вторичнаго чтенія этого билля, говоря, что въ сущности онъ клонится только къ поддержанію Бредло, — человека, поправшаго всякое чувство приличія. Въ томъ же смыслѣ высказался и архіепископъ Кентерберійскій, не допускающій, чтобы конституція могла быть измѣнена въ угоду человѣку, презираемому лучшими классами общества. Словомъ, палата лордовъ покинула этотъ билль; однако пренія о немъ все-таки представляли много поучительнаго.

Въ настоящую минуту общественное вниманіе отвлечено отъ ирландскихъ дѣлъ серьезными событіями въ Египтѣ. Большинство рѣшительно одобряетъ энергическія мѣры англійскаго правительства противъ Александрии и, судя по газетнымъ отзывамъ, необходимость этихъ мѣръ признана и въ другихъ европейскихъ странахъ. Едвали кто рѣшится отрицать, что интересы Англіи виѣляютъ ей въ обязанность поддержать хедива; что египетская анархія серьезно угрожаетъ безопасности Суэскаго канала, что господство Араби-паша

грозить подорвать всѣ европейскіе интересы въ Египтѣ. Слѣдуетъ однако прибавить, что въ Англіи существуетъ партія, хотя и небольшая, но считающая въ своей средѣ умныхъ и дальновидныхъ людей, которая съ самаго начала была противъ вмѣшательства Англіи въ дѣла Египта, видя въ этомъ вмѣшательствѣ возрожденіе политики лорда Биконсфильда. Политика правительства явно клонится въ пользу косвеннаго контроля Англіи надъ дѣлами иностранныхъ государствъ посредствомъ поддержанія того или другого правителя или династїи. Меньшинство же, о которомъ мы упоминали, не желаетъ никакого контроля надъ странами, не входящими въ составъ имперїи, и никакой выставки силъ въ пользу иностранныхъ монарховъ. Партія эта ссылается на то, что Англія уже испробовала этого контроля и въ Европѣ, и въ Азіи, и въ Африкѣ, и всюду потерпѣла неудачу. То, что говорится теперь по поводу опасности, грозящей англійскимъ интересамъ въ Египтѣ, говорилось и передъ афганистанскою войною, а между тѣмъ вся нація протестовала не только противъ этой войны и противъ предпринимаемаго ея правительства. Съ этой точки зрѣнія египтянамъ слѣдовало бы предоставить самимъ разбираться въ своей неурядицѣ. Само собою разумѣется, что необходимо принять совмѣстно съ другими западными державами мѣры къ огражденію безопасности европейскіхъ резидентовъ въ Египтѣ и свободы плаванія по Суэзскому каналу; но вооруженное вмѣшательство Англіи можетъ только хуже повредить тому и другому. Противники вмѣшательства увѣряютъ даже, будто оно принято подъ вліяніемъ корыстныхъ расчетовъ финансистовъ, египетскихъ кредиторовъ и акціонеровъ, для которыхъ было бы выгодно установленіе англійскаго протектората въ Египтѣ. Во Франціи и Англіи есть много богатыхъ людей, которые получаютъ въ общей сложности около 4½, милліоновъ процента съ однихъ займовъ, да болѣе 35 милліоновъ помѣщены, какъ увѣряютъ, въ различные предпріятія на берегахъ Нила. Прибавимъ къ этому, что 1,353 европейца состоятъ на службѣ у правительства хедива и получаютъ отъ него жалованье. Этотъ денежный классъ людей держитъ въ своихъ рукахъ значительную часть европейской печати и направляетъ черезъ нее политику въ пользу своихъ личныя цѣлей. Англо-французскій контроль въ Египтѣ, хотя и принесъ нѣкоторую долю пользы, но въ сущности все же означалъ господство чужеземной расы, охранявшей свои интересы всѣми способами, не исключая интриги и угрозы. Нельзя было и ожидать, что подобный порядокъ вещей будетъ вѣчно продолжаться безъ протеста со стороны туземцевъ. Съ испроверженіемъ Араби-паши прежняго порядка вещей, Англія должна была вступить въ соглашеніе съ дру-

гнии державами относительно мѣръ для поддержанія порядка, а не посылать свой флотъ для поддержанія привилегій низложенной васты, никогда не заботившейся ни объ интересахъ египетскаго народа, ни объ отвлеченной справедливости.

Когда въ Александріи произошли безпорядки и въ Константинополѣ собралась конференція, консервативная партія въ Англіи составила полу-частный митингъ для обсужденія египетскаго вопроса. Лордъ Сальсбери охарактеризировалъ на этомъ митингѣ положеніе дѣлъ какъ „безпримѣрное въ исторіи послѣдняго времени по своему важному значенію для интересовъ Англіи“. Онъ могъ бы прибавить, что, прямо или косвенно, Англія обязана настоящими затрудненіями его же собственной политикѣ. Это онъ заставилъ султана изложить Измаил-пашу, онъ настоялъ на назначеніи Тевфика-пашы, онъ добился учрежденія въ Египтѣ англо-французскаго контроля. На митингѣ онъ называлъ политику правительства въ египетскомъ вопросѣ „темной и необъяснимой“. Въ этомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, замѣшаны болѣе жизненные интересы, чѣмъ интересы владѣльцевъ египетскихъ облигацій и капиталистовъ: въ немъ замѣшаны интересы Индіи и чести англійской націи. Лордъ Сальсбери увѣряетъ, что съ учрежденіемъ европейскаго контроля египетскій народъ началъ процвѣтать и нужны были только бдительность и твердость, чтобы поддержать такое положеніе дѣлъ. Онъ отрицаетъ, что Англія была связана своимъ договоромъ съ Франціей: обязательства Англіи не заходили ни на шагъ далѣе того, что предписывалось ея интересами. Но политика обѣихъ державъ была непоследовательна. Обѣщая хедиву свою защиту, онѣ въ то же время уѣзжали Европу и Турцію, что не намѣрены оказывать хедиву никакой матеріальной поддержки.

Словомъ, лордъ Сальсбери обвиняетъ правительство въ томъ, что оно съ самаго начала не дѣйствовало энергически, а предоставило дѣло константинопольской конференціи. Такимъ образомъ, оно обмануло хедива и повредило своимъ интересамъ и своему авторитету. Теперь Англіи ничего болѣе не остается какъ исправить свою ошибку, оказавъ дѣйствительную поддержку хедиву.

Въ заключеніе, лордъ Сальсбери вздыхалъ о временахъ лорда Биконсфильда, когда у англійскаго правительства за словомъ всегда слѣдовало дѣло, и предостерегалъ, что слабая политика Англіи въ Египтѣ можетъ нанести роковой ударъ англійскому авторитету въ Индіи. Въ томъ же духѣ высказался Стаффордъ Норскотъ, послѣ чего консервативный митингъ принялъ резолюцію, требующую, чтобы англійское правительство не соглашалось ни на какое рѣшеніе еги-

петскаго вопроса, не отвѣчающее его обязательствамъ и традиціонной политикѣ Англіи.

По той или другой причинѣ³ общественное мнѣніе въ Англіи сильно желало, чтобы устройство общественныя дѣла было возложено на англійское правительство. Предлогомъ служила необходимость обезопасить Суэзскій каналъ; но для всѣхъ ясно, что этого вопроса нельзя отдѣлять отъ общаго положенія дѣла въ Египтѣ. Военные совѣтники правительства поняли это и въ военныхъ центрахъ закипѣла лихорадочная дѣятельность. Хедиву былъ посланъ совѣтъ уволить министерство и въ Египтѣ начали распространяться слухи, что Англія и Франція настаиваютъ на удаленіи министровъ, на распусценіи палаты и на иностранномъ занятіи страны. Чтобы положить конецъ этимъ усложненіямъ, хедиву былъ посланъ 25-го мая ультиматумъ, въ которомъ требовались: временное удаленіе Араби и двухъ другихъ наместовъ, съ сохраненіемъ чиновъ и заманья, и увольненіе министерства. Хедивъ согласился на эти условія, но армія открыто возбунтовалась противъ него и онъ былъ вынужденъ снова призвать Араби-наму. Этого вѣроятно не случилось бы, еслибы не общее убѣжденіе въ томъ, что Араби былъ удаченъ по предписанію европейскихъ державъ.

Событія пошли быстро. 10-го іюля Чарльзъ Дилъкъ объяснилъ въ палатѣ положеніе египетскаго вопроса. Послѣ небольшого перерыва работъ по укрѣпленію александрійскаго порта, было получено извѣстіе, что работы возобновились и что Араби-нама принудилъ хедива просить султана объ отпущеніи замещенія укрѣплять портъ. Адмиралу Сеймуру были посланы инструкціи предупредить силой продолженіе работъ. Египетское военное министерство продолжало увѣрять, что работы прекращены, но при помощи электрическаго свѣта было видно, какъ прибавлялось пушекъ на батареехъ. 7-го іюля, консулы пяти великихъ державъ прислали спросить адмирала, удовлетворенъ ли онъ отвѣтомъ египетскихъ военныхъ властей и, въ противномъ случаѣ, обѣщали попытаться достигнуть болѣе удовлетворительнаго отвѣта. Адмиралъ отвѣтилъ, что письменныя увѣренія имѣютъ мало цѣны и что онъ во всякомъ случаѣ не можетъ отступить отъ посланнаго имъ египетскимъ военнымъ властямъ ультиматума. Такъ какъ батареи продолжали укрѣпляться, то адмиралъ Сеймуръ снесся съ своимъ правительствомъ и былъ уполномоченъ предупредить 10-го іюля европейскихъ консуловъ, что черезъ 24 часа онъ откроетъ по фортамъ огонь, если до тѣхъ поръ ему не будутъ временно сданы для обезоруженія форты, господствующіе надъ входомъ въ гавань.

Началось бомбардированье. Правительство отказывалось входить

въ палатѣ въ подробности обще-европейской политики относительно Египта, ссылаясь на продолжающіяся засѣданія конференціи. Противъ бомбардированья раздались энергическіе голоса, нашедшіе себѣ сильное подтвержденіе въ одномъ фактѣ, который можно было напередъ предсказать: Джонъ Брайтъ вышелъ изъ министерства. Онъ всю жизнь былъ противникомъ войны; грѣховность войны служить основнымъ принципомъ религіозной секты, къ которой онъ принадлежить, и краснорѣчивѣйшія изъ его рѣчей были направлены противъ этого преданія варварскихъ временъ. Хотя съ самаго начала можно было предвидѣть, что путь, на который вступило англійское правительство въ египетской политикѣ, неминуемо приведетъ къ войнѣ, однако Брайтъ не переставалъ питать надежду, что болѣе благопріятный оборотъ избавитъ его отъ тяжелой необходимости отпасть отъ своихъ товарищей. Но послѣ бомбардированья Александрии оставаться въ министерствѣ значило бы, со стороны Брайта, отречься отъ всего своего прошлаго. Правительство теряетъ въ немъ сильнаго союзника. Хотя онъ и не игралъ въ кабинетѣ дѣятельной роли, но его популярность и авторитетность въ глазахъ націи давали въ немъ могучую опору министерству. Всѣ понимаютъ, что, удаляясь, онъ поступаетъ хорошо и логично и, быть можетъ, этотъ протестъ нѣсколько расколodитъ восторги тѣхъ, кто требовалъ во что бы то ни стало прижизненія грубой силы.

G. R. G.

СЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

VI ¹⁾.

На всероссійской промышленной выставкѣ отдѣлъ сельско-хозяйственныхъ произведеній имѣетъ всѣ права на призваніе его едва ли не самымъ важнымъ, самымъ любопытнымъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что изъ всѣхъ странъ Европы наше отечество представляетъ наиболѣе типично выраженными всѣ

¹⁾ См. выше: июль, 376 стр.

особенности страны сельско-хозяйственного характера. Слабый знаменатель отношенія населенія городского къ населенію сельскому, рѣзко выраженная исключительность нашего вывоза, тѣотѣіе населенія къ землѣ, далеко не исчезнушіе признаки натурального хозяйства въ бытѣ населенія—все это очень типичныя черты, не оставляющія никакого сомнѣнія въ основномъ характерѣ нашей отечественной производительности.

Между тезисами политической экономіи находится одинъ, который устави корифея науки, Д. С. Милля, высказанъ такъ: „страна едва ли можетъ имѣть производительное земледѣліе, если въ ней нѣтъ многочисленнаго не-земледѣльческаго населенія, скученнаго въ городахъ и вообще въ большихъ поселеніяхъ“. Это необходимое условіе, по мнѣнію знаменитаго экономиста, единственно, и только отчасти, можетъ быть замѣнено весьма сильно развитымъ вывозомъ земледѣльческихъ продуктовъ.

Хотя критика ученій экономической школы А. С. Смита успѣла принизить авторитетъ многихъ изъ ея положеній, считавшихся прежде непреложными, но было бы печальнымъ заблужденіемъ выводить изъ этого, что съ политической экономіей, какъ наукой, наконецо, что работы экономистовъ смитовской школы не имѣютъ уже теперь никакого значенія и не только не могутъ въ данный моментъ служить развитію общественнаго сознанія, а напротивъ, способны даже сбивать его съ настоящаго пути. Встрѣчать такое мнѣніе у насъ не рѣдкость. У насъ наука политической экономіи никогда не пользовалась особеннымъ уваженіемъ и это одна изъ слабыхъ сторонъ нашего умственного быта. Нѣтъ осторожности въ обсужденіи экономическихъ вопросовъ даже первостепенныхъ, а напротивъ, образовалась смѣлость въ сужденіяхъ, доходящая до истинной наглости. Такъ какъ крайности сходятся, то послѣднее свойство наблюдается не только у отрицающихъ политическую экономію, но и вѣрующихъ въ нее.

Въ этомъ отношеніи тезисъ, взятый изъ классическаго труда Милля, очень любопытенъ. У него, безъ сомнѣнія, есть доля правды, со всѣми данными для возведенія ея въ руководящій принципъ; есть доля и неправды, обусловленной, какъ и многое въ политической экономіи, англійскимъ происхожденіемъ науки и постановкою въ основу ея приѣмовъ не всегда цѣлесообразнаго метода дедукціи.

Правда, что земледѣліе можетъ идти успѣшно и развиваться только при условіи, если его продукты, въ мѣтовую цѣнность которыхъ входитъ значительною частью вознагражденіе производителя, будутъ оплачиваться средствами, получаемыми не отъ земледѣльческаго промысла. Но изъ проникновенія этой правдой можетъ весьма естественно возникнуть весьма неосновательное желаніе содѣйство-

вать образованій въ странѣ „не-земледѣльческаго“ сословія и даже обусловить принятіе къ тому поощряющихъ мѣръ. И при этомъ необходимо упустится изъ виду другая правда. Дѣло въ томъ, что продукты промышленнаго производства могутъ въ свою очередь потребляться сельско-хозяйственными производителями, вообще оплачиваться,—и у насъ въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь,—средствами, получаемыми отъ сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ получается замкнутый кругъ, изъ котораго, конечно, не можетъ вывести никакое одностороннее рѣшеніе. Страна можетъ имѣть большое „не-земледѣльческое“ населеніе, и сельское хозяйство будетъ находиться въ жалкомъ положеніи. Она можетъ имѣть очень большое земледѣльческое населеніе, а фабрично-заводская промышленность находится въ состояніи самаго безнадѣжнаго застоя. Сила не въ формальномъ раздѣленіи населенія страны по роду занятій, дающихъ ему средства къ существованію, а въ размѣрѣ этихъ средствъ. Ихъ уровень рѣшающимъ образомъ опредѣляетъ уровень запросовъ отъ потребления, ибо потребляемое можетъ оплачиваться только изъ этихъ средствъ. Возвышеніе этого послѣдняго уровня, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи безспорно вліяетъ на мануфактурное производство, съ одной стороны поощряя его возможностью расширенія оборотовъ, съ другой стороны предъявляя къ нему требованія доброты качества и изящества отъ продуктовъ.

Такимъ образомъ, если дѣлать населеніе страны по роду занятій, какъ дѣлаетъ въ приведенномъ афоризмѣ Милль, то слѣдуетъ непремѣнно предполагать, что и та, и другая часть пользуются значительнымъ благосостояніемъ,—притомъ прочнымъ благосостояніемъ, поддержа котораго не часто и не легко отражаетъ на себѣ отрицательныя случайности. Наше сельское хозяйство, изъ продуктовъ котораго главнымъ образомъ дѣлается оплата продуктовъ мануфактурнаго производства, едва ли находится въ положеніи, допускающемъ возможность успѣшнаго и слишкомъ широкаго развитія мануфактуръ. Вслѣдствіе разныхъ условій, отчасти духовныхъ, отчасти матеріальныхъ, частью зависящихъ отъ самыхъ производителей сельско-хозяйственнаго промысла, частью отъ нихъ не зависящихъ, наше сельское хозяйство едва ли имѣетъ данныя для предположенія возможности безусловнаго расширенія мануфактурнаго производства на его средства. По своему существу современная мануфактура имѣетъ наклонность къ возможно большому расширенію своихъ оборотовъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ она весьма скоро растетъ, привлекая къ себѣ и денежныя средства, и рабочій персоналъ, привычки котораго быстро измѣняются подъ вліяніемъ фабричнаго режима. Ростъ этотъ считается желательнымъ явленіемъ,

фактомъ, доказывающимъ прогрессъ экономической жизни страны. Но у всякой медали есть двѣ стороны, и вотъ другая-то сторона, кажется, не обращаетъ на себя должнаго вниманія въ толкахъ объ исключительномъ покровительствѣ мануфактурному производству въ его настоящей формѣ—во что бы то ни стало. Этими я, разумеется, не хочу сказать, что развитію мануфактуры должны ставиться препоны, но нельзя не признать значительной доли правды въ утвержденіи, что слишкомъ далеко заходящее усердіе къ искусственной поддержкѣ мануфактурнаго предпринимательства можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія.

Для современной мануфактуры, даже съ такимъ рынкомъ для сбыта, какому располагаетъ Англія, не устранена возможность перепроизводства. Что же сказать о нашей, обороты которой тѣсно обусловлены потребленіемъ населенія, получающаго средства только отъ земледѣлія,—средства, далеко недостаточныя и при несовершенствѣ культуры далеко не обезпеченныя, всецѣло зависящія отъ иностранныхъ стихійныхъ силъ? Мы не можемъ похвастать тѣмъ, что наше земледѣліе даетъ возможность дѣлать сбереженія: населеніе живетъ изъ года въ годъ. Одна какая-нибудь случайность, и цѣлая обширная территорія, поддерживавшая въ извѣстной части мануфактурную промышленность, ставится въ затруднительное, а то и безвыходное положеніе относительно пропитанія. Районъ сбыта мануфактурныхъ произведеній суживается, а такъ какъ современная мануфактура работая принимаетъ въ соображеніе только возможность сбыта, то въ результатѣ получается избытокъ продуктовъ, а затѣмъ сокращеніе производства, сбавка заработной платы, уменьшеніе штата рабочихъ. Все это, конечно, такого рода обстоятельства, которыя способны въ значительной степени умирять желаніе создать у насъ „не-земледѣльческое“ населеніе. Тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, избытокъ отъ работъ на мануфактурахъ вовсе не имѣетъ того рѣшающаго значенія, какой хотать придать ему наши доморощенные ультра-протекціонисты.

Въ этомъ отношеніи въ кустарномъ отдѣлѣ выставки имѣется очень любопытный предметъ. Это таблица-діаграмма, представляющая сравнительную величину заработковъ, получаемыхъ населеніемъ московской губерніи отъ разныхъ видовъ промысла.

Размѣры заработковъ представляются этою таблицею въ такомъ видѣ:

1) Отъ селскаго хозяйства на собственномъ надѣлѣ . .	19,000 тис. руб.
2) Отъ мѣстныхъ промысловъ (кустарныхъ)	9,800 „ „
3) Отъ чужихъ промысловъ	8,300 „ „
4) Заработная плата на фабрикахъ и заводахъ	4,800 „ „

Всего 41,800 тысяч рублей, въ составъ которыхъ заработокъ на фабрикахъ и заводахъ входитъ только въ размѣрѣ 4,800 тыс. руб. т.-е. 11,5%. Это—немного, особенно, если принять во вниманіе, что эти цифры, добытыя мѣстными нѣслѣдованіями, касаются московской губерніи, которая въ такъ-называемой „мануфактурной полосѣ Россіи“ фигурируетъ въ качествѣ наиболѣе типичной.

Что, думалось мнѣ, могутъ сказать на этотъ фактъ люди, распынающіеся за интересы русскихъ капиталистовъ-мануфактуристовъ подкрѣпляя свое усердіе участіемъ въ положенію русскаго простолюдина? Куда могутъ спрятать этотъ фактъ люди, высказывающіе убѣжденіе, что оставленіе земли и тяготѣніе къ мануфактурнымъ центрамъ есть законъ, бороться съ которымъ, въ виду его непреложности, не только бесполезно, но даже безразсудно? Именно такое мнѣніе, весьма авторитетно высказанное, приходилось мнѣ лично слышать года два-три назадъ въ одномъ изъ засѣданій московскаго губернскаго земскаго собранія, когда въ немъ обсуждался вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія въ интересахъ усиленія средствъ къ занятію сельско-хозяйственнымъ промысломъ. И нельзя сказать, чтобы ссылка на непреложный будто бы законъ, сдѣланный ученымъ экономистомъ—ее сдѣлалъ академикъ В. П. Везобразовъ,—не повліяла на рѣшеніе собранія, тѣмъ болѣе, что ссылка была сдѣлана въ поддержку мнѣнія одного изъ гласныхъ, слишкомъ неосторожно обобщившаго фактъ отказа отъ земли, наблюденный имъ, и формулировавшаго это обобщеніе въ очень громкую фразу: „крестьяне бѣгутъ отъ земли, крестьяне хлопчутъ освободиться отъ земли“.

Согласитесь, что діаграмма въ этомъ направленіи очень любопытна и даже поучительна.

Обобщенія—дѣло трудное, а потому я не дѣлаю ихъ, хотя данныя діаграммы даютъ къ нимъ весьма уважительный поводъ. Но во всякомъ случаѣ можно утверждать, что указанная таблица, безъ сомнѣнія, должна считаться однимъ изъ самыхъ любопытныхъ аргументовъ, которые мнѣ пришлось увидѣть на выставкѣ. Мы пожалѣли, что этотъ своеобразный предметъ выставленъ не достаточно эффектно, недостаточно удобно для ознакомленія съ нимъ публики. Стоило выставить его въ отдѣльной витринѣ и имѣть около этой витрины постоянного истолкователя. А то, какъ намъ пришлось убѣдиться, даже людямъ, очень обстоятельно ознакомившимся съ выставкой, рассказъ о таблицѣ-діаграммѣ былъ новостью.

И такъ, даже для московской губерніи, такъ сказать самой мануфактурной изъ мануфактурныхъ губерній Россіи, сельско-хозяйственный промыселъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Говорить затѣмъ о его все-

россійскому значеніи не представляется никакой надобности. Никакія натяжки не въ состояніи изобразить наше отечество страной промышленно-мануфактурнаго характера. Точно такъ же какъ никакія, самыя энергичныя мѣры покровительства интересамъ мануфактурныхъ предпринимателей-капиталистовъ не въ состояніи отодвинуть на второй планъ сознаніе настоящей необходимости помочь въ интересахъ общерусской экономической жизни нашему сельскому хозяйству въ видѣ главнаго его представителя, исконнаго сельскаго хозяйства—крестьянина-земледѣльца.

Понятно будетъ послѣ этого, если я скажу, что въ отдѣлъ сельскохозяйственныхъ произведеній я шелъ и въ такомъ настроеніи и съ главными цѣлями, съ какими не шелъ ни въ одинъ изъ многочисленныхъ отдѣловъ выставки. И, можетъ быть, именно поэтому именно онъ меня не удовлетворилъ. Потому, когда я, по возможности полно, ознакомился съ нимъ, мнѣ стало ясно, что представить въ произведеніяхъ сельскаго хозяйства его состояніе точно такъ, какъ представлено состояніе мануфактурнаго производства въ произведеніяхъ хлопчатобумажныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ фабрикъ, почти невозможно. Представители мануфактурной промышленности понимаютъ хорошо значеніе выставки; они соединяютъ опредѣленный смыслъ съ выставочной наградой, знаютъ, что эта награда можетъ служить хорошей рекламой. Они не новички въ этомъ дѣлѣ; знаютъ, что слѣдуетъ выставить, какъ выставить. Завѣдующему отдѣломъ съ ними много хлопотать не приходится—это въ нѣкоторомъ родѣ дисциплинированная армія, которая въ „мирныхъ бояхъ“ бывала. Притомъ для воспроизведенія полной и отчетливой картины состоянія мануфактурнаго производства нѣтъ надобности имѣть дѣла съ такимъ разнообразіемъ мѣстностей, какое вызывается условіями производства сельско-хозяйственнаго. Мануфактурное производство имѣетъ одинъ общій типъ. Хлопчатобумажная фабрика, будь она въ архангельской губерніи или на южномъ берегу Крыма, подчиняется одному и тому же режиму, ведется однимъ и тѣмъ же порядкомъ, употребляетъ одинъ и тѣ же машины, производитъ продукты одного и того же рода. Экспонирую только одна мануфактура, и по ней уже можно составить понятіе о положеніи въ странѣ представляемаго ею производства. Если имѣются цифры, которыя опредѣляютъ его размѣры и даютъ возможность опредѣлить число мануфактуръ, то почти съ несомнѣнною вѣроятностью можно предположить, что всѣ онѣ похожи на экспонирующую. Промышленныя заведенія по типу современной мануфактуры ставятся въ необходимость одновременно примѣнять входящія въ оборотъ приспособленія, вводить усовершенствованія. Безъ этого невозможна конкуренція,

безъ этого предприниматель будетъ раздавленъ соперничествомъ. А это, конечно, не дѣло предпринимательства. Въ сельскомъ хозяйствѣ — другое дѣло. Чуть не каждый градусъ широты даетъ разныя условія для сельско-хозяйственного промысла. Даже въ одной и той же мѣстности нѣкоторые исключительные приемы доставляютъ результаты, вполне отличные отъ получаемыхъ въ другихъ хозяйствахъ, часто отдѣляемыхъ другъ отъ друга одной мошкой. Это должно отражаться громадными трудностями на устройствѣ отдѣла въ такомъ видѣ, чтобы онъ представлялъ полную и вѣрный наглядную картину сельско-хозяйственной промышленности въ странѣ.

Какъ на слабую сторону сельско-хозяйственного отдѣла нельзя не указать на тотъ способъ распредѣленія предметовъ, который очевидно обуславливался приемомъ, введеннымъ для всей выставки.¹ Продукты однородные собраны вмѣстѣ независимо отъ мѣстности, ихъ произведенія. Относительно системы получается, правда, нѣчто упрямое, но желательныя послѣдствія обзоренія отдѣла въ значительной степени ослабляются. При дѣленіи на классы не только произведенія одной и той же мѣстности, но иногда одного и того же производителя приходится искать въ разныхъ мѣстахъ. Дѣленіе по классамъ, группировка однородныхъ предметовъ въ одно, имѣетъ бесспорно свои выгоды: оно облегчаетъ возможность оцѣнки продуктовъ черезъ сравненіе. Въ приложеніи къ прочимъ отдѣламъ сказать противъ этого способа распредѣленія предметовъ нечего. Но въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ, гдѣ выставленные продукты должны рассматриваться въ связи съ представленіемъ о мѣстности, въ которой произведены, группировка по классамъ имѣетъ наглядности картины и значительно ослабляетъ ясность впечатлѣнія. По моему мнѣнію, выставка сельско-хозяйственной промышленности много выиграла бы, если бы въ основу распредѣленія составляющаго ее матеріала было положено хотя бы принятое въ учебникахъ географіи дѣленіе Россіи на полесы. Тогда отдѣлъ распался бы на нѣсколько естественныхъ группъ, и эти группы были бы, безъ сомнѣнія, очень характерны и знакомство съ ними производило бы цѣльное ясное впечатлѣніе. Мы такъ по крайней мѣрѣ думали. Теперь же этого о сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ сказать нельзя.

Это съ вѣшной стороны.

Съ внутренней стороны, со стороны содержанія, цѣль отдѣла въ значительной степени не достигается по причинѣ, на этотъ разъ отъ устроителей нисколько не зависѣвшей.

Крестьянское хозяйство, можно сказать, совсѣмъ отсутствуетъ на выставкѣ. Принимая во вниманіе то значеніе, которое имѣютъ крестьянскіе хозяйства въ обществѣ итогъ русской сельско-хозяйственной

производительности, это, конечно, весьма существенный пробѣлъ. Правда, есть нѣсколько волостей, выставившихъ при посредствѣ земскихъ управъ, но въ общемъ онѣ теряются. Между тѣмъ русское сельское хозяйство можетъ, по всей справедливости, быть названо крестьянскимъ. Въдѣ у насъ 120,6 миллионъ десятинъ земли представляютъ крестьянское землевладѣніе, а это 27,25% всей непереходности Европейской Россіи. Сельское хозяйство на этихъ земляхъ ведется, разумѣется, самими крестьянами единственно подъ руководствомъ преданій и личнаго опыта. На этихъ хозяйствахъ безусловно всецѣло отражается міросозерцаніе русскаго земледѣльца, его представление о причинной связи явленій, его знанія изъ области техники. Но практическое значеніе свойствъ и знаній русскаго крестьянина не исчерпывается хозяйствомъ на его собственныхъ земляхъ. Огромное количество земель, находящихся во владѣніи представителей помѣстнаго сословія, такъ или иначе отражаютъ взгляды русскаго крестьянина на сельское хозяйство, его понятія объ агрономической Technikѣ и вообще о земледѣльческой культурѣ. Не говоря о томъ, что массы помѣщичьихъ земель прямо изъ первыхъ рукъ, или черезъ посредниковъ, снимаются крестьянами въ аренду и обрабатываются за свой счетъ, земли, оставшіяся у помѣщиковъ, тоже не минути крестьянскихъ рукъ, направляемыхъ крестьянскимъ міровоззрѣніемъ, крестьянскими понятіями. Много ли въ Россіи хозяйствъ, гдѣ бы строй хозяйственной жизни направлялся сознательною дѣятельностью помѣщика и для цѣлесообразнаго выраженія этой дѣятельности въ хозяйствѣ имѣлись бы необходимые средства? Очень не много. Если есть, такъ это рѣдкое исключеніе. Въ большинствѣ же въ направленіи работъ участвуетъ крестьянскій староста, въ выполненіи—опять крестьяне же съ ихъ собственными мертвыми и живыми инвентаремъ. Такимъ образомъ участіе крестьянскаго элемента въ ходѣ нашей сельско-хозяйственной промышленности имѣетъ рѣшающее значеніе, опредѣляетъ ея направленіе и ходъ.

Понятно, какъ интересно и поучительно было бы получить на выставкѣ возможность яснаго представленія объ основныхъ чертахъ сельско-хозяйственной дѣятельности русскаго крестьянства. А средствъ къ этому именно и не оказалось. Тутъ, повторяю, устраненіе отдѣла не причесть. Уже если кого винить, такъ наше общественное сознаніе, которое еще недостаточно одѣлываетъ роль „мужика“ въ ходѣ нашей экономической жизни вообще. Иначе непремѣнно заявила бы себя мѣстная инициатива. Удовлетворительны ли были бы результаты этого заявленія или нѣтъ—другое дѣло, но самая попытка выставить крестьянское сельское хозяйство была бы дѣломъ очень

почтеннымъ, свидѣтельствующимъ, что должному отдается должное. При отсутствіи этого сознанія, устраивавшимъ отдѣлъ приходилось пользоваться матеріаломъ, представленнымъ въ его распоряженіе. Сознаніе — важное дѣло и подвигаетъ на многое. Вотъ *сознало* московское земство важное значеніе кустарныхъ промысловъ и устроило выставку, по всей справедливости замѣчательную, обставило ее весьма цѣлесообразными объясненіями, которыя даются лицомъ, очевидно тоже *сознающимъ* значеніе выставки. Въ результатѣ — интереснѣйшій и поучительнѣйшій отдѣлъ. А между тѣмъ, несомнѣнно при организаціи отдѣла приходилось, одолевая не малыя трудности. Еслибы ограничиться только приглашеніемъ „господъ производителей“, то навѣрное ничего бы не вышло. Большую часть коллекцій земству приходилось составлять самому, приобретаая вещи у производителей, которые прямо отказывались эвонировать по неимѣнію на то ни средствъ, ни времени. Я понимаю, что исключительная энергія не есть свойство, очень широко распространенное, но это не устраняетъ права пожалѣть, что она не заявила себя въ данномъ случаѣ. Безъ инициативы, ею обусловленной, на выставкѣ всероссійскаго сельскаго хозяйства хозяйство крестьянское осталось не представленнымъ. Безъ этого же объ осуществленіи полной картины современнаго состоянія отечественнаго сельскаго хозяйства не можетъ быть разговора.

Но вообще, не предъявляя требованій строгой цѣлесообразности, отдѣлъ сельско-хозяйственной промышленности бѣднымъ назвать нельзя. Одинъ перечень классовъ, на которые разбита группа, даетъ понятіе о его богатомъ и разнообразномъ содержаніи. Вѣроятно, не рассчитывая на то, что сельское хозяйство, какъ оно на Руси понимается, не доставитъ достаточно матеріала, въ III группѣ приурочены „съѣстные припасы“, и подъ такимъ обозначеніемъ выставлены шоколадъ, конфеты, кумысъ, жженый кофе, горчица, виноградныя вина, — предметы, которые въ сельскому хозяйству можно причислить съ натяжкой: что имѣетъ общаго русское сельское хозяйство хотя бы, напримѣръ, съ конфетами или шоколадомъ, приготовленными на какой-нибудь *usine à vapeur*, или съ вареньями, сваренными на мѣстѣ изъ фруктовъ, вырѣченныхъ въ исключительныхъ условіяхъ южнаго берега Крыма, или съ пряниками, испеченными въ городѣ Вязьмѣ или въ городѣ Тулѣ? Не говоря о томъ, что все это можетъ мало содѣйствовать выясненію картины настоящаго положенія сельскаго хозяйства, но многое изъ этого нельзя даже приурочить по существу къ сельско-хозяйственной промышленности. Изъ того, что мельницы бываютъ въ деревняхъ, не слѣдуетъ, что паровая мельница есть заведеніе сельско-хозяйственное. Это уже

мануфактура во всемъ значеніи этого слова, точно такъ же, какъ современный намъ свеклосахарный заводъ, какъ заводъ винокуренный. Если продукты этихъ послѣднихъ помѣщены въ VII группѣ (произведенія фабрично-заводской обработки), то нѣтъ причинъ произведенія такихъ заведеній, какъ паровыя молницы или фабрики кондитерскихъ издѣлій, не помѣстить въ тотъ же отдѣлъ. Это уже вполнѣ выраженіи мануфактуры и выставка ихъ произведеній въ отдѣлѣ сельского хозяйства для человека, не знакомого съ дѣломъ, можетъ быть предметомъ недоразумѣній.

Отсутствіе на выставкѣ экспозицій заведеній, перерабатывающихъ продукты земледѣлія и сельского хозяйства на мѣстѣ, или присутствіе ихъ въ весьма ничтожной степени, именно и было бы убито для характеристики нашихъ хозяйствъ. Одной изъ слабыхъ сторонъ нашей сельско-хозяйственной промышленности, по всей справедливости, слѣдуетъ считать именно отсутствіе сельской обрабатывающей промышленности. Это отрицательное свойство придается ей разными обстоятельствами, между прочимъ, отсутствіемъ у землевладѣльцевъ, особенно среднихъ, свободныхъ капиталовъ, недостаткомъ реальныхъ знаній и технической подготовки, наконецъ акцизной системой обложенія производствъ винокуреннаго и свекло-сахарнаго. Между тѣмъ, постановка бошь-о-бокъ добывающей сельско-хозяйственной промышленности съ обрабатывающей представляетъ одно изъ условій, способныхъ весьма существенно повліять на возмнѣніе, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи, нашего сельско-хозяйственнаго производства. Особенно важное значеніе могли бы оказать сахароваренные заводы и винокуренные, устройство которыхъ въ размѣрахъ, доступныхъ среднимъ хозяйствамъ, до невозможности затрудняется условіями, обставляющими производство въ силу акцизнаго обложенія.

Такимъ образомъ постановка въ одну группу произведеній промышленности, обрабатывающей сельско-хозяйственные продукты, и произведеній промышленности добывающей дають поводъ, или могутъ давать поводъ, къ представленіямъ, далеко не соотвѣствующимъ дѣйствительности. А это соотвѣтствіе по всей справедливости, и слѣдуетъ считать главнымъ дѣломъ.

Коллекціи третьей группы (сельско-хозяйственными произведеніями и съѣстные припасы) раздѣлены по классамъ, или точнѣе, всѣ предметы выставки раздѣлены на классы и классы уже собраны въ группы. Такъ, въ третью группу вошли классы съ 15 по 28. Причемъ домашнія животныя выдѣлены въ особую группу, имѣя для своего помѣщенія особое зданіе. Въ особомъ же зданіи размѣщены классы 27-й группы—сельско-хозяйственные машины и орудія. Чтобы дать

понятіе о разнообразіи отдѣла, слывущаго у публики подъ обозначеніемъ „сельско-хозяйственнаго, а приведу перечень классовъ.

Кл. 15. Хлѣбныя зерна, травяныя и масличныя сѣмена, хмѣль.

Кл. 16. Мука и крупа.

Кл. 17. Ленъ и ленъка.

Кл. 18. Табакъ.

Кл. 19. Вино.

Кл. 20. Лѣсоводство; лѣсной матеріалъ и механическая его обработка: образцы древесныхъ породъ, образцы почвы съ образцами искусственно-выращенныхъ на нихъ древесныхъ породъ (въ отрубкахъ), доски, тѣсъ, деревянная посуда, роженіи, дышавки, бочки, ботенки, сани, основныя бумажная масса и т. п.

Кл. 21. Продукты физико-химической обработки лѣсного матеріала: скипидаръ, уксусная кислота, осноевое масло, парафинъ и т. д.

Кл. 22. Шерсть, нѣра, пухъ, волосъ, шетина.

Кл. 23. Шелкъ въ сирѣцѣ и размотанный, шелковыя отходы и отбросы, коконы, приборы по шелководству.

Кл. 24. Пчеловодство.

Кл. 25. Сало, рыбій жиръ.

Кл. 26. Сѣстные припасы.

Кл. 27. Сельско-хозяйственныя машины, снаряды и новосы.

Слѣдуетъ признать сообразно съ дѣйствительностью, что за истинное представительство современнаго русскаго сельскаго хозяйства можно вполне основательно считать только то, которое сдѣлано въ 15-мъ классѣ третьей группы. И вотъ почему. Въ общемъ наше сельское хозяйство держится первобытныхъ системъ: въ сѣверной лѣсной колесѣ—подолѣной, въ южной степной—переломной, въ средней—трепольной. Повсюдная цѣль хозяйства—разведеніе зерновыхъ хлѣбовъ съ продажей зерноу въ сыромъ видѣ. О плодотворныхъ системахъ, о продуктивномъ животноводствѣ, вообще объ интенсификаціи хозяйства у насъ идутъ только разговоры и върѣтне долго не перейдутъ изъ области разсужденія въ область факта. Обыкновенно принято считать земледѣльческое населеніе исключительно консервативнымъ. Но объяснять застой въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ только консерватизмомъ едва ли возможно. И крестьяне-земледѣльцы и дворяне-землевладѣльцы помѣстнаго сословія, кажется, дошли до такого положенія, что какой прочный консерватизмъ ни будь, а и ему удержаться нельзя. Голодовки дѣлать огромныхъ территорій стали фактомъ обычнымъ, средніе урожаи дошли даже въ такъ-называемыхъ „житницахъ Россіи“ до уровня весьма низкаго; задолженность земель частнаго землевладѣнія дошла до размѣровъ, съ усиленіемъ представленныхъ даже сильнымъ вообра-

женіемъ. При такомъ положеніи несомнѣнно самому заводу коньяку-консерватору приходится въ голову сдѣлаться прогрессистомъ. Но какъ? Этого вопроса, при первой попыткѣ привести желаніе изъ области мечты въ область дѣйствительности, миновать нельзя, а отвѣтитъ средствъ не имѣется. Наука сельскаго хозяйства есть такъ сказать синтезъ многихъ наукъ и потому сознательное обладаніе ею есть удѣлъ весьма немногихъ. Да и съ наукой, т.-е. знаніями, въ сельскомъ хозяйствѣ еще нельзя считать себя обеспеченнымъ изъ уснѣхъ. Въ этого рода промышленности требуется множество умѣй, дающихъ опытомъ. Только при помощи его составляется знаніе съ мѣстными условіями природы, только имъ вырабатывается умѣнье, такъ въ обращеніи съ людьми, участіе которыхъ необходимо въ сколько-нибудь широкомъ хозяйствѣ. Нужны, наконецъ, личныя свойства разнаго рода, безъ которыхъ сельскому хозяину не только совершенствовать свое хозяйство, но и кое-какъ вести его будетъ не въ мочь. Это какъ нельзя лучше доказывается множествомъ нѣбій, сданныхъ въ аренду, изъ которыхъ собственники бѣжали. И бѣжали не вдругъ, а по соображенію полной невозможности, получить своимъ хозяйствомъ даже то, что даетъ имъ сѣмьдесятъ, арендуящій землю изъ барыша. Отъ этого рода хозяйствъ ждать, разумеется, нечего. Затѣмъ, есть много такихъ землевладѣльцевъ, которые живутъ въ нѣбѣхъ невольнѣ: пробовали сдавать, нанимались съ арендаторомъ, нѣбѣе разоравшимъ и денегъ неплатившимъ, и рѣшились хозяйничать сами. Часть нѣбѣхъ въ такихъ хозяйствахъ раздается обыкновенно подъ посѣвъ „мушкетъ“, часть обыкновенно значительнѣйшая; другая обрабатывается за свой счетъ нанимателемъ крестьянъ, снимающихъ землю. О направленіи хозяйства въ такихъ нѣбѣхъ тоже говорить нечего. Здѣсь все дѣло идетъ на „авось“ и идти иначе не можно, ибо жѣръ, обуславливающихъ лучшую культуру, принято быть не можно: качество работъ состоитъ въ полномъ распоряженіи исполнителей, и было бы лишностью рассчитывать, что все желаніе этихъ исполнителей будетъ направлено къ наилучшему выполненію барской работы. Да на крестьянскій наемъ относительно качества работы рассчитывать нельзя даже при всей доброй волѣ, направленной самой идеальной добросовѣстностью. Что можно еще сдѣлать со своей лишкою взятой охотой при лошади, которая выходитъ хотя бы на весеннія работы нанимателемъ безъ кормицы, не видѣвши зерна во весь длинный рабочий годъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что къ обработкѣ на своей землѣ крестьяне прилагаютъ болѣе усердіе, чѣмъ къ обработкѣ чужихъ полей и наемъ. Но урожай на крестьянскихъ земляхъ нисколько не ниже урожая на земляхъ помещичьихъ. Очевидно, дѣло не въ одномъ

усердіи и оно не может замѣнить существенный недостатокъ культуры. Хозяйства этихъ двухъ родовъ являются въ нашемъ отечествѣ типичными и именно они опредѣляютъ характеръ нашей сельскохозяйственной производительности. Есть, конечно, иныя, въ которыхъ практикуется улучшеніе приемы культуры, гдѣ ведется продуктивное скотоводство, практикуется правильное систематическое удобрение полей. Но такіа хозяйства являются исключеніемъ.

У насъ въ обычай вникнуть землевладѣльцевъ въ апатическомъ отношеніи къ дѣлу, въ непониманіи своихъ интересовъ. Но такое обвиненіе можетъ высказываться безъ оговорокъ только при незнакомствѣ съ условіями нашего сельскаго хозяйства.

Въ странѣ съ бѣднымъ населеніемъ едва ли можетъ войти въ общій обиходъ интенсивное сельское хозяйство. Задача всякаго практическаго дѣла вообще, и сельскаго хозяйства въ частности, заключается въ полученіи наибольшаго чистаго дохода при сохраненіи основнаго капитала. Поэтому нельзя указать системы сельскаго хозяйства, которая была бы годна безусловно. Увеличеніе валоваго дохода, напр., полученіе максимальныхъ урожаевъ, воспитаніе слоноподобныхъ быковъ и быкоподобныхъ борововъ можетъ, конечно, дѣлать репутацію хозяйству, умѣющему доводить продукты своего полеводства и скотоводства до высокой степени совершенства. Но вопросъ о практическомъ значеніи такого хозяйства, какъ образца для подражанія, этимъ не рѣшается. Валовая выручка отъ сбыта такихъ продуктовъ будетъ больше; но будетъ ли больше чистый доходъ? Въ этомъ дѣло. И тутъ, конечно, выступаетъ рѣшающее значеніе рынка, благоприятная постановка котораго для производителя складается изъ слѣдующихъ условій: во 1-хъ, его доступности, опредѣляемой удобствомъ доставки къ нему продуктовъ и наименьшимъ количествомъ посредниковъ между производителемъ и потребителемъ; во 2-хъ, платежными средствами, идущими отъ потребителей въ оплату на потребляемые продукты. Чѣмъ выше средства существованія населенія, тѣмъ, конечно, сильнѣе рынокъ по отношенію ко второму условію. Нельзя не согласиться, что наше сельскохозяйственное производство стоитъ по отношенію къ обимъ вышеприведеннымъ условіямъ въ положеніи, крайне невыгодномъ. Наши желѣзно-дорожные пути относительно перевозки грузовъ вообще, а продуктовъ сельскаго хозяйства въ частности заявили себя далеко не удовлетворяющими своему назначенію. Средства массы населенія таковы, что потребление мяса совершенно отсутствуетъ, и даже въ городахъ потребление его ограничивается даже при возвышеніи на 50 коп. въ пудѣ. И при этомъ недостатокъ средствъ у потребителя большая ихъ часть не доходитъ до производителя, прилипая къ ру-

какъ посредниковъ-подрядчиковъ, купцовъ-спекулянтовъ и пр. Такихъ образомъ создаются условія, которыя для веденія интенсивнаго хозяйства далеко не благоприятны. Присутствіе ихъ и сказывается почти въ полномъ отсутствіи хозяйства, принимающихъ интенсивныя системы. Есть, конечно, такіа хозяйства, но они представляютъ исключенія и весьма рѣдкия.

Поэтому-то мы и назвали сельско-хозяйственный отдѣлъ выставки мало соотвѣствующимъ дѣйствительному состоянію сельскаго хозяйства въ Россіи. Намъ могутъ замѣтить, что кромѣ представленія положенія извѣстнаго производства въ данный моментъ, у выставки имѣется другая цѣль: давать образцы для подражанія, возбуждать соревнованіе и наглядно указывать мѣры въ осуществленіе на практикѣ вышнанаго возбужденія. Въ „приглашеніи департамента земледѣлія и сельской промышленности министерства государственныхъ имуществъ къ участію въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ имѣющей быть въ 1881 году въ Москвѣ всеороссійской промышленно-художественной выставки“ цѣлью выставки поставлено прямо: „наглядно представить дѣйствительное современное положеніе отечественной сельско-хозяйственной промышленности и указать, какъ усилимъ, такъ и недостатки этой важной отрасли народнаго хозяйства“. Такимъ образомъ прямою цѣлью выставки ставилось констатированіе факта. Но это, разумѣется, не исключаетъ другой цѣли—показать, что можно быти сдѣлано въ сферѣ производства, подѣйствовать примѣромъ, вызвать желаніе подражать...

Но въ этомъ-то и дѣло, что въ сельско-хозяйственномъ производствѣ даже примѣръ, подлинный, наглядный, не можетъ считаться убѣдительнымъ. Въ другихъ производствахъ эта цѣль достигается легче. Если, положимъ, фабрикантъ, обобравъ отдѣлъ интересующей его промышленности, увидитъ машину, снарядъ или познакомится съ процессомъ, улучшающимъ, удешевляющимъ продуктъ, то знакомство съ этою новостью навѣрное побудитъ его примѣнить новизну у себя въ заведеніи. Могутъ быть какія-нибудь неудачи, какъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, но при фабрикѣ всегда имѣются специалисты, которые и не приминуть ихъ устранить. Въ такой короткий срокъ можно сдѣлать множество опытовъ, которые въ концѣ концовъ и приводятъ къ желательному результату. Я лично былъ свидѣтелемъ, какъ распространялся между ситцевыми фабрикантами искусственный алмазникъ, матеріалъ, весьма существенно меняющій многое въ ситцевечатной промышленности. Предлагался нѣмецкій фабрикантъ, кажется Гессерта, давалась проба и рецензія: „положить то-то, сдѣлать такъ-то“. Интересъ замѣны продуктовъ наренъ былъ очень соблазнительнъ, а потому фабриканты очень усердно

брались за испытаніе. Практическая годность продукта была доказана очень скоро и убѣдительно: печатанные ализариниомъ сѣтцы начали являться на рынкахъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прежняго способа, довольно рискованнаго, неостливаго и сравнительно дорогого какъ не бывало.

Въ сельскомъ хозяйствѣ примѣръ не такъ убѣдителенъ. Успѣхъ во всякомъ частномъ случаѣ обставленъ здѣсь такими условіями, что онъ ни мало не обезпеченъ даже при весьма точномъ повтореніи приѣма или способа, обстоятельно указаннаго. Притомъ періодъ между началомъ опыта и его исходомъ, благоприятномъ или нѣтъ, слишкомъ длиненъ: въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ годъ. Притомъ опыты требуютъ непременно въ относительно большихъ размѣрахъ, при постановкѣ эксперимента въ условія, при наличности которыхъ ведется хозяйство.

Возьмемъ для примѣра хотя бы прекрасные зерновые хлѣба, выставленные Петровской земледѣльческой академіей съ ея фермы. Прекрасная рожь, превосходящая пшевица, овесъ, клеверъ, люцерна, перловая кукуруза, вишное сѣно, словомъ, для сельскаго хозяина самыя восхитительныя прелести.

Но что изъ этого можетъ извлечь сельскій хозяинъ, хотя бы черноземной полосы? Онъ убѣдится въ возможности выращиванія высокосортныхъ хлѣбовъ и до изнѣстна тщательной ихъ отдѣлки. Въ любомъ сѣмянномъ магазинѣ точно также можно увидать превосходные образцы зернового хлѣба, но, положимъ, тотъ же черноземный хозяинъ увидѣлъ на выставкѣ дикосишныя произведенія усовершенствованной культуры впервые, увидѣлъ и пренебрежъ желаніемъ получить такія же у себя: какой цѣлесообразный приступъ можетъ онъ для этого сдѣлать? Купить сѣмянъ и начать сѣять. Но въ этотъ способъ опытные хозяева плохо вѣрятъ: выращенные при исключительныхъ условіяхъ почвы и ухода сѣмена эти въ обычныхъ условіяхъ практическаго хозяйства являются обыкновенно малоурожайными, зачастую же вовсе пропадаютъ. А цѣны на нихъ непоимѣрны. Начать перестраивать свое хозяйство на новый ладъ—но чѣмъ руководствоваться въ этой перестройкѣ; гдѣ убѣжденіе, что перестройка именно приведетъ къ увеличенію доходности; гдѣ средства пополнить подборъ, который при введеніи новой системы хозяйства, даже въ случаѣ ея нигде и цѣлесообразности, непременно потребуетъ затратъ (напр., въ случаѣ даже вѣрнаго возвышенія доходности въ будущемъ непремѣннаго сокращенія ея въ настоящемъ)? Опыты хозяйственныхъ преобразованій, предпринимавшіеся представителями помѣщичаго сословія по уничтоженіи крѣпостнаго права, по справедливости не могутъ считаться прецедентами, сколько-нибудь

благопріятными для развитія наклонностей къ хозяйственнымъ реформамъ. Кажущаяся апатія нашихъ землевладѣльцевъ имѣетъ свои причины и иногда очень серьезные.

У нѣмцевъ есть поговорка: *Wem Gott ein Amt giebt, dem giebt er auch Verstand*. Если эта поговорка справедлива, то надо признаться, что Богъ милостивѣе къ нѣмцамъ, чѣмъ къ представителямъ русскаго землевладѣнія. Представительство это вербуетъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, но разумѣніе вещей, необходимыхъ для цѣлесообразнаго осуществленія задачъ, обусловливаемыхъ положеніемъ земледѣльца, свыше не приходитъ. Его приходится добывать личнымъ, сознательнымъ трудомъ, часто ведя борьбу съ усвоенными привычками, насилуя и свою физическую, и свою умственную природу. По печальному недоразумѣнію, для занятій сельскимъ хозяйствомъ у насъ еще не предполагается необходимости воспитательной подготовки, и теперь, менѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ Щедрина съ свойственной ему кѣтностью обозначилъ эту черту сельско-хозяйственного персонала изъ помѣстнаго сословія. Дѣйствительно, купецъ торгуетъ, поэтъ молится, офицеръ или исполняетъ команду, или самъ командуетъ; всякій дѣлаетъ свое дѣло и получаетъ къ этому дѣлу подготовку, не говоря о подготовкѣ вполне цѣлесообразную, но во всякомъ случаѣ такую, какаѣ признается для того или другого дѣла нужною. Только веденіе сельскаго хозяйства предполагаетъ отсутствіе всякой подготовки. Всякій русскій человѣкъ независимо отъ того, чѣмъ занимался онъ до тридцати, до сорока лѣтъ, если ему не повезло на дорогѣ, отвѣдывая отъ сельскаго хозяйства, сворачиваетъ къ нему и еще удивляется, что то и другое у него не ладится, что его беретъ тоска въ обстановкѣ деревни, что его гнететъ деревенская глушь, гдѣ нѣтъ ни клуба, ни губернаторскаго сада, ни театра, ни полицмейстера...

Эта роковая черта нашего сельскаго хозяйства. Нашъ сельскій хозяинъ не любитъ и не можетъ любить хозяйства: онъ тяготеетъ именно тамъ, гдѣ долженъ бы чувствовать себя, какъ рыба въ водѣ; онъ не находитъ или лучше не умѣетъ находить себѣ занятій въ деревнѣ, его тянетъ къ городу, къ канцеляріи, къ батальону...

Это характерная черта. Помѣстное сословіе искони вербовалось изъ сословія служилаго, цѣлыми поколениями выработывалась у него наклонность къ службѣ и именно коронной, допускавшей возможность по русской поговоркѣ „дѣла не дѣлать, отъ дѣла не бѣгать“. Имѣнія служили всегда добавочной статьёй дохода, увеличивающей служебный окладъ. Личное веденіе хозяйства, или нерасположеніе въ деревню, являлось въ большинствѣ послѣдствіемъ неудачъ по службѣ,

утомления. Почти никогда не мотивировалось оно сознательным предпочтением преимуществ самостоятельной, независимой жизни, обуславливающей возможность личной инициативы, при нравственной свободѣ и богатствѣ материала для умственныхъ работъ, для приложенія лучшихъ влеченій гуманизированнаго чувства.

При этомъ положеніи вещей печальная судьба помѣщичьихъ хозяйствъ весьма естественна. Можно говорить, конечно, о поднятіи уровня сельскаго хозяйства, но безъ радикальнаго измѣненія коренныхъ взглядовъ на свое положеніе въ представителяхъ помѣстнаго сословія едва ли ему существенно помогутъ какія-нибудь мѣры.

Нѣтъ того, что Лавеле ставить необходимымъ условіемъ прогресса въ земледѣльской культурѣ, — именно *gout très prononcé pour les travaux des champs*, а безъ этого вкуса деревня является захолустьемъ, которое „образованному“ человѣку не можетъ дать никакого удовлетворенія, изъ котораго надо бѣжать, бѣжать, чтобы не погрязнуть въ засасывающей тинѣ мертвящей (по распространенному въ центрахъ мѣтнію) провинціи. Еще недавно за образованнымъ человѣкомъ, выбывающимъ изъ столицы хотя бы въ родовое имѣніе съ намѣреніемъ взяться за хозяйство, признавалось *existence manquée*. Объ немъ жалѣли, его почти оплакивали, предвидя непрѣмную судьбу пропасть въ деревенской глуши, предварительно спившись съ кругу. Если онъ ѣхалъ въ провинцію на службу гражданскую или военную — ничего. Это даже признавалось иногда за необходимое для карьеры: въ качествѣ человека *au courant de la province* онъ могъ впоследствии выигрывать по службѣ. Но въ деревню, хозяйничать, „куръ шувать“ — это нѣчто ужасное, нѣчто убійственное. Когда возможность получать образованіе централизована, когда въ центрахъ господствуетъ почти презрѣніе къ деревнѣ въ ея скромной сельско-хозяйственной жизни, то, конечно, подготовки къ возможности разумно жить этою жизнью быть не можетъ. Дошло дѣло до того, что для реальныхъ училищъ, при соображеніи контингента учениковъ, рассчитывалось именно на малоспособныхъ, оказавшихся негодными для прохожденія привилегированной, классической школы. Это очень характерно.

Ходя по сельско-хозяйственному отдѣлу, я думалъ обо всемъ этомъ и, признаюсь, ничто не разгоняло моихъ невеселыхъ мыслей о настоящемъ и будущемъ, — ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, — нашего сельскаго хозяйства.

Какъ я предполагалъ, не ознакомившись съ отдѣломъ, такъ и случилось послѣ моего довольно обстоятельнаго съ нимъ знакомства. Составить себѣ понятіе по выставленнымъ предметамъ о состояніи сельско-хозяйственной промышленности, какое я составлялъ о горно-

заводской, машинодѣлательной и др., не представлялось никакой возможности. И это какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ положенію дѣла въ дѣйствительной жизни. Какъ бы то ни было, но выставка есть парадъ: ее вѣдь такъ и называютъ *сезонъ* не въ шутку „торжествомъ промышленности“. Какую же торжественную картину можно представить себѣ, даже при сильномъ воображеніи, составленную изъ атрибутовъ и продуктовъ промышленности, ведущейся безъ обуславливающихъ прогрессъ духовныхъ и матеріальныхъ средствъ, идущей неувереннымъ шагомъ единственно при указаніи сомнительной цѣлесообразности преданій, для которой, не смотря на земледѣльческій характеръ страны, не успѣлъ выработаться персоналъ, подготовленный къ дѣлу, сознательно преданный ему, — промышленности въ главной части рутинно практикуемой крестьянскимъ населеніемъ, ничего почти не получающимъ отъ государства и выносящимъ на себѣ громадную тяготу обремененія, обуславливаемую положеніемъ „великой державы“?

Вышло то, чему слѣдовало вѣрить. Крестьянскія хозяйства отсутствуют, отсутствуютъ заурядныя хозяйства среднихъ размѣровъ, ведущіяся лично собственниками. Присутствуютъ крупныя хозяйства, своего рода мануфактуры, заведующія и ведущіяся управляющими; присутствуютъ „сѣмьяныя хозяйства“, сѣмьяныя поставяты себѣ въ исключительныя условія сбыта. Продукты этого рода хозяйствъ, правда, способны увеселять зрѣніе; но кто станетъ по нимъ судить о продуктахъ нашего сельскаго хозяйства вообще и уровнѣ земледѣльческой культуры въ частности, тотъ одѣлаетъ грубую ошибку. Мнѣ кажется, устроить сельско-хозяйственную выставку всероссійскаго характера — дѣло, по условіямъ производства и по результатамъ, отъ него въ дѣйствительности получаемымъ, — дѣло непреодолимой трудности. И вообще устраивать сельско-хозяйственныя выставки при тѣхъ пріемахъ, при которыхъ устраиваются хотя бы мануфактурныя, совсѣмъ нецѣлесообразно, и у насъ въ Россіи мѣше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Для того, чтобы получить понятіе объ уровнѣ сельскаго хозяйства, знакомство съ его продуктами равно ничего не значить, или можетъ давать поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Что касается и о чемъ можетъ свидѣтельствовать, если двадцать хозяевъ, вынсаивши изъ сѣмьянныхъ магазиновъ какихъ-нибудь удивительныхъ хлѣбовъ, вырастать ихъ съ особенною заботливостію, также заботливо отсортируютъ и выставятъ въ изысканной витринѣ? Равно ничего. Въ этомъ же хозяйствѣ, столь эффектно фигурирующемъ на выставкѣ, въ общемъ хозяйствѣ можетъ вестись безусловно дурно, нѣтъ въ долгу, дохода едва хватать на оплату процентовъ по займамъ, самъ владѣлецъ отсутствовать и заявлять свое участіе

въ хозяйствѣ только перепискою съ управляющимъ о высылкѣ ему денегъ. Если я вижу кусокъ суена, выставленнаго фабрикою, то можетъ быть предугадать этой фабрики, идущее на рынокъ, ниже по качеству выставленнаго образца, но въ мнѣ не можетъ оставаться ни капли сомнѣнія, что фабрика располагаетъ средствами дать въ предѣлахъ своего оборота и рынку товаръ одинаковой добротности съ выставленнымъ образцомъ. Возможность произвести образцовый кусокъ предполагаетъ присутствіе на фабрикѣ соответствующихъ этой возможности механическихъ приспособленій; она располагаетъ непремѣнно персоналомъ съ необходимой технической подготовкой. Все это не станеть заводить предприниматель фабрикантъ для того, чтобы сдѣлать лишнюю штуку матеріи. Такое предположеніе по своей несообразности просто и въ голову придти не можетъ. Приготовить же образецъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ возможно безъ особенныхъ затратъ, помимо общихъ условій, въ которыхъ ведется хозяйство. За то, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, дѣлать по нему какіе бы то ни было выводы о производимомъ его хозяйствѣ основаній не представляется.

Если смотрѣть на сельско-хозяйственный отдѣлъ безотносительно, то его по количеству экспонентовъ, по обширности занятой имъ площади, даже по качеству предметовъ нельзя никакъ назвать бѣднымъ. Нѣкоторые хозяйства, по преимуществу крупныя, экспонируютъ блистательно. Но все это хозяйства, которыя вовсе нельзя назвать типичными ни съ какой стороны. Вотъ хотя бы нѣсколько чертъ изъ картины хозяйства въ имѣніи наслѣдниковъ кн. Васильчикова, лебедянского уѣзда, тамбовской губерніи.

Характеръ хозяйства земледѣльческо-промышленный; въ имѣніи свеклосахарный заводъ; всей земли 5707; изъ нихъ 2584 пахатной. Всѣ работы производятся машинами. Удобряется частью хлѣвнымъ навозомъ отъ крестьянъ, частью компостомъ, состоящимъ изъ свеклосахарныхъ отбросовъ, золы торфа и животнаго навоза; обработка плугами системы кн. Васильчикова. Урожай въ среднемъ за три года: свеклоплоды 90 берковцевъ, пшеницы 9 четвертей, ржи 11 четвертей.

Имѣніе гр. А. С. Уварова, чембарскаго уѣзда, пензенской губерніи. Земли въ имѣніи 19,615 дес., пахатной 11,285, залежей обрѣженнхъ кормовою травой 1,700, залежей, которыя распахиваются 125, поемныхъ луговъ 375, сѣнокосовъ и пастбищъ 180. Сѣвооборотъ трехпольный и переломный. 15 тысячъ меринесовыхъ овецъ; 1,300 свиней; 200 рабочихъ лошадей. Винокуренный заводъ, маслобойня, мельница...

Какъ можно воспользоваться примѣромъ этихъ двухъ имѣній

даже такому хозяину, который склоненъ учиться и сознательно выученное принимать въ дѣлу?

И такимъ мнѣніемъ по пространству, занимаемому на выставкѣ, по разнообразію и качеству предметовъ принадлежитъ первое мѣсто.

Затѣмъ сѣмьянина хозяйства. Это особый видъ хозяйства, который и можетъ существовать выгодно только до тѣхъ поръ, пока такіе хозяйства сравнительно немноги. Въ этихъ хозяйствахъ дѣло сводится къ полученію высшего качества зерна, не ограничиваясь предѣлами, полагаемыми торговыми рынкомъ. Обороты такихъ хозяйствъ не велики, но цѣны на продукты значительно выше обыкновенныхъ рыночныхъ цѣнъ. Судить о ихъ выгодности даже съ нѣкоторою вѣроятностью трудно, брать же ихъ примѣромъ для зауряднаго хозяина вовсе дѣло не подходящее.

Есть, кромѣ этого, хозяйства, выставившія хорошіе продукты; но я говорилъ уже, что это ни мало не поучительно. Фактъ получения хорошаго зерна, вообще земледѣльческаго продукта въ размѣрѣ, необходимомъ для его показанія — ничего не доказываетъ. Вотъ нѣкто г. Феодосіу, выставившій кукурузу, говоритъ въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ о хозяйствѣ, что у него въ среднемъ ишеница родится 100 пудовъ и это при двухпольномъ сѣвооборотѣ. Это доказываетъ, что есть на Русь благодатные углы; но изъ того, что въ мѣстечкѣ Теленештахъ оргѣвскаго уѣзда въ Бессарабіи двухпольный сѣвооборотъ даетъ такой блестящій результатъ, не слѣдуетъ, что замѣна существующаго сѣвооборота въ мѣстѣ даже не сосѣдству — дѣло рискованное, хотя при такомъ табу-сказать безначальномъ сѣвооборотѣ, какъ двухпольный, получать въ среднемъ выводѣ не десяти четвертой ишеницы — дѣло заманчивое.

Отдѣлъ сельско-хозяйственной механики помѣщается въ отдѣльномъ павильонѣ и представляетъ довольно полный ассортиментъ орудій и машинъ, которыя могутъ употребляться въ сельскомъ хозяйствѣ. Тутъ есть разнообразныя пахатныя орудія, есть сѣялки разбросныя и рядовыя, есть сѣновосилки и жатвенныя машины, молотилки конныя и паровыя, вѣялки, сортировки, зерносушилки. Словомъ, здѣсь интересующійся дѣломъ хозяинъ можетъ и ознакомиться съ устройствомъ, и облюбовать себѣ самый пріятнѣйшій комплектъ машинъ и орудій. Это тѣмъ болѣе удобно, что въ Петровскомъ-разумовскомъ на поляхъ академической фермы въ назначенные дни можно видѣть всякаго рода орудія въ дѣйствіи.

Производство земледѣльческихъ машинъ и орудій несомнѣнно имѣетъ будущее. Оно замѣтно развивается. Прибываютъ новые производители, производятся и поступаютъ въ продажу, а слѣдовательно и въ потребленіе, болѣе разнообразныя орудія. Какъ бы ни было, а

это намека на предстоящій у насъ переворотъ въ хозяйствѣ, для замѣны, по возможности, ручной работы машинной и сокращенія первой до минимума. Это понятно: удешевить производство, освободиться по возможности отъ рѣшающаго участія личныхъ волей, могущихъ отрицательно вліять на достиженіе цѣлей производства — все это такіе мотивы, которые имѣтъ причинъ исключать изъ соображеній нашихъ сельскихъ хозяевъ. Если машины, усовершенствованныя орудія сравнительно мало потребляются сельскими хозяевами, такъ это просто потому, что условія производства ихъ къ тому не понуждаютъ. Но тамъ, гдѣ это понужденіе хотя немного себя заявляетъ, тамъ машина завоевываетъ себѣ мѣсто очень быстро. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить молотилка, машина въ сущности очень не хитрая, допускающая возможность ея изготовленія съ значительной степенью практической годности даже кустарнымъ способомъ. А между тѣмъ, трудно себѣ представить, что дѣлали бы теперь средніе землевладѣльцы, если бы имъ не дано было своевременно средство для замѣны молотбы цѣпами. Хозяйство даже съ одною тысячею копеекъ было бы поставлено въ безвыходное положеніе. Выгоды молотилки и вѣялки настолько очевидны, что изъ всѣхъ машинокъ онѣ могутъ считаться наиболѣе распространенными. Ихъ и на выставкѣ много. Встрѣчаются онѣ и въ кустарномъ отдѣлѣ, гдѣ ихъ выставляютъ крестьяне-кустарники сапожковскаго уѣзда. Плуговъ и вообще пахатныхъ орудій много и однолеменныхъ очень много. Въ направленіи производства этого рода орудій очевидно не выработался самостоятельный спросъ отъ хозяевъ. Пахота плугами почему-то входитъ весьма туго въ практику русскаго хозяйства. Здѣсь производители очевидно идутъ впереди спроса, пробуя и то, и другое, и третье. Отсюда — крайнее разнообразіе орудій: видно, что установившихся, опредѣлившихся требованій еще не высказывается.

Этимъ объясняется, вѣроятно, отсутствіе самостоятельныхъ, въ Россіи выработанныхъ, типовъ даже для такихъ орудій, какъ плуги или вообще пахатныя орудія, построеніе которыхъ обусловливается спросомъ отъ ихъ работы, стоящей въ зависимости отъ почвы, подлежащей обработкѣ. Большая часть орудій суть подражанія иностраннымъ производителямъ, главнымъ образомъ Экьерту, Рансому. При этомъ разница въ цѣнахъ если иногда и бываетъ, то далеко незначительная. Нечего слѣдовательно удивляться, что потребителями предпочитаютъ оригинальныя орудія, которыхъ ввозится приблизительно на четыре милліона рублей, — сумма, почти равная съ отечественнымъ производствомъ селѣско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, и, что достойно примѣчанія, имѣющая тенденцію къ повышенію, т. е., потребитель, по крайней мѣрѣ на половину предпочи-

таетъ иностранные продукты. Взглядъ, можетъ быть, ошибочный, но принужденіемъ его измѣнить нельзя; а у нашихъ производителей зависимость къ этому себя заявляетъ весьма замѣтно. Не отличаясь особенной изобрѣтательностью, не выражая особенной энергіи въ совершенствованіи своего производства, они неизмѣнно являются самыми усердными протекціонистами. Мотивъ невинно тотъ же—содействовать русскому производству машинъ, теперь будто бы принужденному бороться съ иностранной конкуренціей путемъ удешевленія своихъ продуктовъ. Въ этомъ отношеніи любезитне замечаніе одного изъ крупнѣйшихъ производителей сельско-хозяйственныхъ машинъ, г. Лингардта, послѣдника Бутемана. „Въ своей заводской практикѣ,—говорилъ онъ въ одномъ изъ засѣданій московскаго общества сельскаго хозяйства (11 апрѣля 1879),—я особенно налегалъ на бороны и плуги, но я долженъ здѣсь съ сожалѣніемъ сказать, что отъ русскихъ заводчиковъ козлеза требуютъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ заграничныхъ. Для примѣра я укажу на *композитный* мнѣ плугъ Рансома марки Н. С., который былъ всланъ въ петровскій академіи, получилъ медали на выставкахъ въ Саратовѣ и Полтавѣ и не смотря на все это я долженъ продавать его дешевле Рансома на 11 р. Я несу при этомъ убытокъ, конечно, въ видахъ будущаго. Другой примѣръ, сѣялка Энкерта въ разбросъ. Моя *копия* съ этой сѣялки признана вполне соотвѣтственною, но чтобы продавать ее у насъ, я долженъ былъ назначить цѣну на 17 руб. дешевле коммиссіонерства „Работникъ“, берущаго за оригиналъ 187 руб.“.

Можетъ быть, но все-таки убѣдительно. Въ самомъ дѣлѣ, какую силу убѣжденія можетъ имѣть выраженіе желанія брать за копію столько же, сколько за оригиналъ, и какое сочувствіе можетъ вынуждать сіинованіе о томъ, что желаніе это не осуществляется. Землевладѣльцы, вообще лица, вводяція въ свои хозяйства машины и орудія, очевидно не отвращаются отъ привозныхъ; ихъ можно сманивать въ сторону предпочтенія русскимъ издѣліямъ дешевизной, при добротѣ качества, —это все вѣроятно. Но это желательное качество отечественнаго производства едва ли можетъ быть достигнуто устраненіемъ конкуренціи, можетъ быть, нѣсколько безпощадной производителей, но удобной для потребителей. И это тѣмъ менѣе необходимо, что машиностроеніе развивается у насъ сравнительно весьма усильно. Между тѣмъ до самаго недавняго времени въ наши технические училища даже не входилъ курсъ сельско-хозяйственной механики.

Кстати, на выставкѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ мнѣ попался фактъ весьма интересный для характеристики нашихъ механическихъ заводовъ, такъ горячо защищающихъ интересы отечественнаго

производства. Между многочисленными копиями и немногими оригиналами посетителю отдела сельско-хозяйственных машин и орудий бросается въ глаза одна „привилегированная зерносушилка“. Самая идея сдѣлать зерносушилку перевозною по условіямъ нашего климата и потребностямъ для храненія зернового хлѣба слѣдуетъ считать очень удачною. Выставочный экземпляръ изготовленъ въ починочной мастерской, находящейся въ распоряженіи изобрѣтателя, управляющаго однимъ крупнымъ имѣніемъ, если не ошибаюсь, орловской губерніи. Такимъ образомъ машина изготовлена при условіяхъ неблагопріятныхъ для ея удешевленія. По собственному сообщенію изобрѣтателя, согласно разцѣнкѣ работы и матерьяла, она обошлась ему съ небольшимъ въ четыреста рублей. И основательно разсчитывая, что при фабричной выработкѣ ея масса она ужъ никакъ не обойдется дороже, онъ напечаталъ объявленіе, что готовъ принимать заказы по цѣнѣ 500 рублей за экземпляръ. Что же оказалось по справкамъ на заводахъ: дешевле 800 рублей выпустить нельзя. Другой примѣръ: небольшой заводъ тульской губерніи выставляетъ молотилки и вѣялки. По тщательности работы, аккуратности сборки, лучшаго желать нечего. Это съ вѣшной стороны. Со стороны работы видѣвшіе эти машины на конкурсахъ—того мнѣнія, что работа молотилокъ нисколько не хуже издѣлій самыхъ крупныхъ нашихъ фирмъ, а вѣялка дѣйствовала едва ли не успѣшнѣе „вилсонокъ“ и „бутенопокъ“. Между тѣмъ, молотилка четырехконная стоитъ чуть не на 40% дешевле четырехконной же молотилки фирмы Липгардтъ и К°. Соломотрясъ клавишный, стоящій 100 р., если не 120, изъ этого завода стоитъ 50 р. И при этомъ никакихъ жалобъ на иностранную конкуренцію отъ представителей вновь возникающихъ заводовъ не заявляется громко. Недовольны представители крупнѣйшихъ фирмъ.

Вызывать промышленность искусственно, устраняя возможность конкуренціи, монополизировавъ ее—дѣло, не внушающее сочувствія. И особенно это можетъ вредно отозваться на введеніи усовершенствованныхъ орудій въ русское сельское хозяйство. Только путемъ сравненія можетъ выработаться въ практикѣ предпочтеніе продуктовъ той или другой фабрикаціи, и стѣснять возможность этого сравненія едва ли можетъ считаться полезнымъ въ виду распространенія сознательнаго отношенія къ дѣлу. Указываютъ на примѣръ Германіи, которая еще двадцать-пять лѣтъ назадъ вывозила земледѣльческія машины и орудія изъ Англіи, а теперь не только удовлетворяетъ свои потребности собственнымъ производствомъ, но вывозитъ ихъ въ другія страны, между прочимъ къ намъ на немалую цифру 2 1/2 милліоновъ. Фактъ развитія производства весьма эффект-

ный. Но исполнѣ-ли справедливо объяснять этотъ фактъ единственнаго тарифнаго покровительствомъ? Неужели вѣрно, что на развитіе нѣмецкаго машиностроенія дѣйствовала пошлина въ 80 к. съ пуда, затѣмъ въ 40 коп., затѣмъ въ 80 коп., что именно этимъ поднято производство до полнаго устраненія иностранной конкуренціи? Нѣтъ, вся сила въ томъ, что тамъ образовался сбытъ, обусловленный необходимостью вводить болѣе совершенныя системы хозяйства, гдѣ безъ орудій и машинъ обходиться нельзя: машиностроеніе выдвинуто силою вещей. Наше хозяйство вступаетъ на ту же дорогу. Мало-помалу крѣпнущее сознаніе необходимости хорошей обработки вызываетъ требованіе на плуги, пахатныя орудія; вообще желаніе, по мѣрѣ возможности, освободиться отъ произвола рабочихъ, приводитъ къ сознанію необходимости вводить болѣе производительныя орудія, съ которыми то же количество работы требуетъ меньшаго участія рабочаго труда. Рискъ относительно количества урожая отъ возможнаго произвола требованій восковъ и жнецовъ въ самый критическій моментъ хозяйственнаго года приводитъ къ необходимости заводить сѣнокосилками, жатвенными машинами. Не прошло десяти лѣтъ, какъ молотилка была рѣдкостью, а теперь землевладельцы дивятся, какъ можно обходиться безъ молотилки, какая есть возможность молотить хлѣбъ цѣпами? За примѣненіемъ машинъ дѣло не станетъ, разъ что обстоятельства укажутъ ихъ необходимость, и возвышать ихъ цѣну, устраняя конкуренцію, вліяющую какъ на дешевизну, такъ и на добротность издѣлій, вовсе не значить вѣрными шагомъ идти по пути развитія производства и потребленія. Убѣждая въ спасительномъ значеніи таможенной протекціи, даже нельзя прибѣгать къ аргументаціи, основанной на теплыхъ чувствахъ участія къ меньшей братіи. Долго ли, коротко ли, но этой меньшей братіи, нуждающейся въ заработкѣ, придется отъ машинъ весьма плохо. Можетъ быть, это съ одной стороны и лучше, что введеніе машинъ и усовершенствованныхъ орудій происходитъ у насъ постепенно.

Относительно выставки скотоводства можно сказать, что она устроена только для москвичей и самое большее—для подмосковныхъ дачниковъ. Для провинціала-хозяина, который желалъ бы познакомиться съ ней въ полномъ составѣ, не представляется къ тому возможности. Для этого пришлось бы прожить въ Москвѣ все лѣто. По недостатку ли помѣщенія, по другимъ ли соображеніямъ, предложено открывать ее по серіямъ. Такъ, былъ въ теченіе, кажется, двухъ недѣль выставленъ крупный рогатый скотъ, овцы, свиньи, козы; затѣмъ черезъ небольшой перерывъ на нѣкоторое время помѣщеніе отдѣла скотоводства было занято собаками; затѣмъ будутъ

выставлены лошади. Въ сентябрѣ осуществится выставка молочныхъ продуктовъ.

Если я скажу, что рогатый скотъ былъ хорошъ, то я, конечно, ничего не скажу. И въ томъ, что онъ хорошъ, статенъ, удойливъ, удивительнаго ничего нѣтъ. Увидѣть его—не значить прибавить что-нибудь къ знакомству съ русскимъ скотоводствомъ. Объ этомъ послѣднемъ можно сказать тоже, что сказали мы о выставкѣ сельскаго хозяйства вообще. Въ какой степени отдѣломъ скотоводства представлялась эта отрасль хозяйства, можно судить по тому, что романовская овца совсѣмъ отсутствовала. Это даже въ видахъ поученія примѣромъ непослѣдовательно. О изображеніи дѣйствительнаго состоянія скотоводства нечего и говорить; дѣйствительность такъ неприглядна и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи, что если бы ухитриться представить ее вполне вѣрно, то можно бы придти въ отчаяніе. Это было бы, конечно, не въ интересахъ торжества, но практическіе результаты могли бы получиться болѣе существенныя: они убѣдили бы въ необходимости помочь отечественному скотоводству, обративъ вниманіе на его положеніе у крестьянъ. Безкормица, падежи, небезопасность отъ продажи за недонки личныя и по круговой порука—все это такія обстоятельства, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Рогатый скотъ, корова дастъ громаднаго значенія пищевой матеріалъ. Количество скота при настоящемъ положеніи почвы, при трехпольной системѣ, является рѣшительнымъ условіемъ для успѣшнаго земледѣлія. Нѣтъ молока—недостатокъ питанія, а съ нимъ рано или поздно вырожденіе. Нѣтъ въ достаточномъ количествѣ скота, нѣтъ удобренія, нѣтъ и урожая, нѣтъ средствъ для существованія: это вопросъ рокового характера.

Общій выводъ изъ обозрѣнія сельско-хозяйственнаго отдѣла все-россійской выставки намъ представился такъ. По характеру промышленности вводить сельско-хозяйственную выставку, какъ часть универсальной выставки, не цѣлесообразно. Познакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ сельско-хозяйственнаго производства въ странѣ не представляется возможности, чему-нибудь выучиться тоже нельзя. Способъ цѣлесообразнаго устройства сельско-хозяйственныхъ выставокъ очевидно еще не выработанъ, и самымъ лучшимъ результатомъ настоящей выставки можно будетъ считать тотъ, если будетъ признана нецѣлесообразность устройства сельско-хозяйственныхъ выставокъ по шаблону, выработанному для выставокъ промышленныхъ, точнѣе фабрично-заводскихъ. Мы, кажется, достаточно выяснили ту разницу, которой нельзя не признать между, напр., ману-

фактурнымъ и сельско-хозяйственнымъ производствомъ относительно возможности составить понятіе о ихъ состояніи по продуктамъ выставочнаго характера.

О той части III группы, которая носитъ названіе „съѣстные припасы“, сказать ничего не могу. Пряники и конфеты сладки, уксусъ кисель, вина, вѣроятно, очень хороши. Если были бы дурны, ихъ бы не выставили.

Н. Богомоловъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е августа, 1882.

- В. П. Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи. Московская (центральная) промышленная область. Часть первая. Петербургъ, 1882. Изданіе департамента торговли и мануфактуръ.
- А. В. Прилежасовъ. Что такое кустарное производство? Петербургъ, 1882.

„Вопросы русскаго народнаго хозяйства,—замѣчаетъ г. Безобразовъ въ предисловіи къ своей книгѣ, —подвергаются въ обществѣ и литературѣ самымъ противоположнымъ отвѣтамъ, съ точки зрѣнія то оптимизма, то пессимизма; поэтому весьма необходимъ безпристрастный взглядъ науки на эти вопросы, независимый отъ духа партій, а для такого взгляда нужно собраніе положительныхъ фактическихъ свѣдѣній, производство мѣстныхъ изслѣдованій“. „Авторъ,—читаемъ мы дальше,—счелъ обязанностью взять на себя посильную долю во всей этой работѣ, по преимуществу принадлежащей экономической наукѣ“. Онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ, разослалъ разнымъ лицамъ программу для собиранія нужныхъ ему свѣдѣній, и полученный тѣмъ и другимъ путемъ матеріалъ задумалъ подвергнуть научной обработкѣ. Признаемся откровенно—этотъ планъ съ самаго начала возбуждалъ въ насъ нѣкоторыя сомнѣнія, усилившіяся при чтеніи книги. Намъ кажется, что авторъ рѣшился соединить несоединимое. Мѣстные изслѣдованія въ дѣлѣ изученія народнаго хозяйства бесспорно необходимы, но подъ условіемъ такой точности, такой полноты, которая возможна только при продолжительной работѣ. Онѣ не имѣютъ ничего общаго съ „путевыми впечатлѣніями“, которыя наполняютъ значительную часть сочиненія г. Безобразова. Нельзя *изслѣдовать* Рыбинскъ въ два или три дня; даже для Весьегонска, одного дня слишкомъ мало. Туристъ можетъ разсказать намъ много интереснаго, но изученія предмета мы станемъ искать не въ его бѣглыхъ замѣткахъ. На Волгѣ, между Тверью и Нижнимъ-Новгородомъ, г. Безо-

бразовъ является именно и только туристомъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ жилъ нѣсколько разъ подолгу — и глава, посвященная нижегородской ярмаркѣ, имѣетъ, сообразно съ этимъ, гораздо болѣе серьезное значеніе. Что касается до программы, разосланной г. Безобразовымъ, то она слишкомъ коротка и неопредѣленна, чтобы на основаніи ея могли быть произведены дѣйствительно цѣнные изслѣдованія (мы не говоримъ, конечно, о тѣхъ случаяхъ, когда добровольные сотрудники автора настолько знакомы съ предметомъ, что могли бы разработать его и безъ всякой извѣстности данной программы). Она умѣщается вся на одной съ небольшимъ страницѣ и состоитъ изъ десяти вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: „какія благопріятныя и неблагопріятныя условія для развитія благосостоянія рабочихъ фабричныхъ и крестьянъ? Какія главныя формы условій хозяйствъ съ рабочими, въ чемъ они измѣнились и въ чемъ ихъ недостатки?“ Послѣ такихъ образцовъ, какъ программы гг. Ефименко и Трпирова для собиранія свѣдѣній объ общинномъ владѣніи, какъ программа г. Пругавина для собиранія свѣдѣній о расколѣ, программа г. Безобразова, почти равняющаяся отсутствію программы, производитъ крайне странное впечатлѣніе. Остается узнать, какинъ образомъ изъ путевыхъ впечатлѣній и разношерстныхъ сообщений сложится стройное научное цѣлое. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ, можетъ быть, слѣдующіе отдѣлы сочиненія; вышедшая до сихъ поръ часть книги содержитъ въ себѣ очень мало научнаго, и безпристрастія въ ней ничуть не больше, чѣмъ въ обыкновенныхъ публицистическихъ разсужденіяхъ о народномъ хозяйствѣ. Ненаучнымъ характеромъ отличаются даже приложенія въ книгѣ, между которыми мы находимъ съ одной стороны старыя журнальныя статьи автора, съ другой — составленные по официальнымъ источникамъ перечисленныя списки промышленныхъ заведеній московской области, не имѣющіе никакой внутренней связи съ содержаніемъ первой части.

Для того, чтобы отзывъ нашъ о книгѣ г. Безобразова не былъ бы упрекнутъ въ бездоказательности, остановимся нѣсколько дольше на содержаніи второй главы: „Волга отъ Твери до Нижнего-Новгорода“. Волга отъ Твери до Рыбинска едва мелькаетъ передъ глазами читателей; о значеніи ея для края мы не узнаемъ почти ничего. Рыбинску отведено нѣсколько болѣе мѣста, но самыя интересныя явленія затронуты и здѣсь только мимоходомъ; о „крючничкахъ“ и ихъ артеляхъ, о беспорядкахъ, недавно происходившихъ въ ихъ средѣ, о положеніи пришлаго рабочаго населенія вообще говорится лишь нѣсколько словъ, равно какъ и объ особыхъ видахъ промышленности, созданныхъ широкимъ развитіемъ перевозочнаго дѣла („поставщики“, „овсянники“ и др.). Характеристика рыбинскаго го-

родского самоуправления не поддѣплена фактическими данными и ограничивается немногими неопредѣленными, блѣдными чертами. „Неравномѣрное распредѣленіе полицейской охраны“ интересует автора, повидимому, гораздо больше, чѣмъ неравномѣрное распредѣленіе городскихъ расходовъ, хотя къ народному хозяйству послѣдній вопросъ подходитъ, безъ сомнѣнія, ближе, чѣмъ первый. Эскурсія вверхъ по Мологи до Вельегонска обогатила книгу г. Безобразова замѣтками въ родѣ слѣдующихъ: „На Мологи и потомъ Шекснѣ мы встрѣчались со множествомъ людей, возвращавшихся съ промысла (судоходнаго). Намъ интересовалъ вопросъ объ ихъ заработкахъ. Здѣсь замѣтимъ только, что они чрезвычайно различны, не только вслѣдствіе различія въ должностяхъ, отъ высшихъ до самыхъ низшихъ, но и вслѣдствіе личнаго характера. Мы видѣли судорбочихъ, возвращавшихся домой съ деньгами (напр. у лопмановъ за три мѣсяца навигаціи на шексинскихъ туерахъ оставалось до 60 р. въ годъ, благопріятный для навигаціи), другихъ—совсѣмъ голыхъ, отъ пропитія и кученья, весьма обычныхъ въ этомъ промыслѣ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, бываетъ много ошибокъ въ сужденіяхъ о народныхъ заработкахъ, когда не принимаются въ соображеніе личныя условія и дѣлаются обобщенія на основаніи единичныхъ фактовъ“. Заработокъ смѣшивается здѣсь съ тою его долей, которая остается у рабочаго по окончаніи работы; намъ сообщается какъ нѣчто достойное вниманія или новое, что на высшихъ должностяхъ рабочій получаетъ больше, чѣмъ на низшихъ, что пьяница мало или ничего не сберегаетъ изъ заработанныхъ денегъ; ко всему этому присоединяется указаніе на какія-то ошибки, совѣтъ изучать какія-то „личныя условія“, остерегаться преждевременныхъ обобщеній. Въ бѣглой газетной корреспонденціи подобныя замѣтки намъ бы не удивили, но въ научномъ изслѣдованіи онѣ едва ли уместны. Въ Вельегонскѣ авторъ пробылъ одинъ день, но успѣлъ замѣтить, что въ общественной жизни этого города, „при всей ея патріархальности и простотѣ, не замѣчается умственной отсталости, а въ внѣшнихъ формахъ общественныхъ отношеній нѣтъ никакой грубости“; онъ успѣлъ даже опредѣлить, что „просвѣтительная струя течетъ въ Вельегонскъ изъ сосѣдняго Череповца“. Сходство съ „впечатлѣніями туриста“ довершается вводными размышленіями, на которыя очень щедръ авторъ. „Какъ далеко распространяются радіусы дѣйствія самаго мелкаго умственнаго центра, и какъ много созданіе такого центра можетъ зависѣть отъ личныхъ энергическихъ усилій одного человѣка!“ „Грустно подумать, какъ медленны дѣйствительные наши успѣхи, хотя наши желанія *прогресса* мы постоянно простираемъ за всякіе предѣлы возможнаго!“ Въ образованномъ туристѣ

всегда скрывается публицистъ; послѣднее восклицаніе показываетъ, что г. Безобразовъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Мы не видимъ въ этомъ ничего дурного—но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, толковать въ предисловіи о научномъ безпристрастіи и о независимости отъ духа партій?

Сочиненіе г. Прилежаева о кустарномъ производствѣ, не смотря на сравнительно небольшой его объемъ и скромную задачу, составляетъ для нашей экономической литературы приобретеніе болѣе крупное, чѣмъ книга г. Безобразова. Авторъ старается опредѣлить значеніе кустарной промышленности въ ряду другихъ формъ производства, установить ея типическія черты, ея характерныя особенности; настоящее положеніе ея въ Россіи не входило, собственно говоря, въ программу его труда, но играетъ въ немъ довольно большую роль, такъ какъ теоретическіе выводы автора постоянно подкрѣпляются примѣрами, почерпнутыми изъ русской жизни. Кустарнымъ производствомъ г. Прилежаевъ называетъ производство, организованное семейно, ведущееся *исключительно* семейными силами. Это опредѣленіе трудно признать вполне правильнымъ; оно слишкомъ абсолютно и не охватываетъ собою всѣхъ видовъ труда, подводимыхъ самимъ авторомъ подъ понятіе о кустарной промышленности. „Намъ могутъ основательно замѣтить,—говоритъ г. Прилежаевъ,—что назвать тѣмъ или другимъ терминомъ можно все, что угодно; нужно еще показать, что явленія, обыкновенно обозначаемыя даннымъ терминомъ, дѣйствительно носятъ тотъ характеръ, который имъ приписывается“. Обращаясь съ этою цѣлью къ фактическимъ свѣдѣніямъ о русскихъ кустарныхъ промыслахъ, авторъ приводитъ множество цифръ, изъ которыхъ несомнѣнно явствуетъ, что *преобладающій* характеръ кустарнаго производства—*семейный*; *исключительно* семейнымъ, на основаніи этихъ цифръ, его назвать никакъ нельзя. Такъ, напримѣръ, въ кустарныхъ промыслахъ московской губерніи, насчитываемыхъ московскимъ губернскимъ земствомъ, процентное отношеніе семейныхъ работниковъ къ общему числу производителей колеблется между 16 и 97%; ниже 50% оно въ четырехъ промыслахъ (изъ 18), между 50 и 75%—въ трехъ. Авторъ называетъ подобныя явленія отклоненіями отъ кустарнаго типа, искаженіями чисто семейной организаціи; но нѣтъ ли здѣсь нѣкоторой *petitio principii*, не считается ли доказаннымъ то, что еще требуется доказать? Намъ кажется, что авторъ напрасно не придаетъ никакого значенія *подспорному* характеру кустарной промышленности; роль этого признака, въ вопросѣ объ отграниченіи кустарнаго производства отъ другихъ, близкихъ къ нему формъ, развѣ немногимъ уступаетъ роли семейной организаціи. Строго научное опредѣленіе кустарнаго производства,

въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь у насъ существуетъ, едва ли, впрочемъ, и возможно вслѣдствіе разнообразія его условий. Трудъ, потраченный г. Прилежаевымъ на это опредѣленіе, былъ бы непроеводительенъ, еслибы не привелъ автора попутно къ разрѣшенію другихъ, болѣе жизненныхъ вопросовъ. Для того, чтобы признать вмѣстѣ съ авторомъ важное значеніе семейнаго начала въ организаціи кустарнаго производства, не нужно обуславливать послѣднее *исключительно* участіемъ семьи; достаточно допустить, что кустарное производство обязано своимъ происхожденіемъ семьѣ и до сихъ поръ состоитъ съ нею въ самой тѣсной связи. Изученіе этой связи и всѣхъ ея результатовъ—главная заслуга г. Прилежаева. Вліяніе семейно-правовыхъ отношеній на распредѣленіе продуктовъ между кустарями, на техническое обученіе ремеслу, на наслѣдственный его переходъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, на раздѣленіе труда изслѣдовано имъ со всею полнотою, какая только возможна при настоящемъ запасѣ свѣдѣній о русской кустарной промышленности.

Окончательные выводы автора, изложенные въ послѣдней главѣ книги, носятъ на себѣ ясныя слѣды той односторонности, которую мы замѣтили въ его опредѣленіи кустарнаго производства. Замыкая кустарную промышленность въ тѣсныя рамки семейства, онъ ограничиваетъ, именно въ силу этого, возможность ея дальнѣйшаго развитія; если исходная его точка не свободна отъ ошибки, то не можетъ быть вполне свободнымъ отъ нея и заключеніе. Авторъ противопоставляетъ кустарную форму производства артельной или ассоціаціонной, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ возможны разнообразныя ихъ сочетанія, примѣры которыхъ встрѣчаются и у насъ въ Россіи. Въ схемѣ формъ производства, составленной г. Прилежаевымъ, форма кустарная опредѣляется какъ „несвободная связь и экономическая самостоятельность производителей“ (въ томъ смыслѣ, что орудія производства принадлежатъ производителямъ, но они соединены между собою не договорнымъ соглашеніемъ, а принудительными семейными узами). На практикѣ это опредѣленіе не всегда вѣрно, потому что для совершеннолѣтнихъ членовъ семьи существуетъ, болѣею частью, возможность выхода изъ нея путемъ раздѣла, а для малолѣтнихъ „свободное договорное соглашеніе“ немыслимо и вѣкъ семьи. Вопреки мнѣнію автора, мы думаемъ, что кустарная форма производства можетъ служить и дѣйствительно служить „подготовкой къ развитію ассоціаціи, почвой для объединенія работниковъ въ артели“, и что распространеніе артельного производства—одно изъ лучшихъ средствъ къ поддержанію кустарныхъ промысловъ. Вопреки мнѣнію автора, мы думаемъ, что вытѣсненіе кустарной формы производства формою предпринимательскою—явленіе печальное, противъ котораго слѣ-

дустъ по возможности бороться, такъ какъ кустарь, въ среднемъ выводѣ, если и не богаче, то во всякомъ случаѣ счастливѣе фабричнаго рабочаго. Изъ числа практическихъ мѣръ, рекомендуемыхъ авторомъ, мы не можемъ согласиться только съ одною—съ „принятиемъ уменьшенію производительныхъ силъ семьи отъ раздробленія семей, отъ раздѣловъ“, если подъ этими словами слѣдуетъ понимать запрещеніе или крайнее стѣсненіе семейныхъ раздѣловъ. Не отвергая ихъ вредныхъ сторонъ, мы думаемъ, что еще вреднѣе было бы насильственное удержаніе членовъ крестьянской семьи подъ одною властью и одною владей.

— *Ernest Renan, L'Ecclésiaste. Paris, 1882.*

Переводъ „Эклезіаста“, съ этюдомъ о времени написанія и о значеніи этой книги, займетъ такое же почетное мѣсто между трудами Ренана, какъ и переводъ книги Іова и Пѣсни Пѣсней. Для русской свѣтской литературы это все, къ сожалѣнію, запретные предметы; мы хотимъ обратить вниманіе читателей только на тѣ немногія страницы въ предисловіи къ переводу, которыми не лишить никакого отношенія къ Библии. Интересъ ихъ обуславливается тѣмъ значеніемъ, которое получилъ въ послѣднее время, у насъ и въ Германіи, такъ-называемый еврейскій вопросъ. „Еврей,—говоритъ Ренанъ,—не такъ легко покоряется судьбѣ, какъ христіанинъ. Для христіанина бѣдность, скромное положеніе въ обществѣ—добродѣтели; для еврея—это несчастія, отъ которыхъ нужно отбиваться. Злоупотребленія, насилие, не нарушающія спокойствія христіанина, возмущаютъ еврея—и вотъ почему еврейскій элементъ, вездѣ гдѣ только онъ существуетъ, сдѣлался въ наше время сильнымъ двигателемъ реформы и прогресса. Сень-симонизмъ, промышленный и финансовый мистицизмъ нашихъ дней на половину обязаны своимъ происхожденіемъ іуданаму. Въ революціонныхъ французскихъ движеніяхъ еврейскій элементъ играетъ весьма важную роль. Возможно большую долю справедливости слѣдуетъ осуществить на землѣ. Укрѣпленность евреевъ въ торжествѣ свѣта—не аскетическая надежда на райскія блага, а философскій оптимизмъ, основанный на непоколебимой вѣрѣ въ реальность добра“... Типы, похожіе на современнаго еврея, можно найти между его предками въ весьма отдаленномъ прошедшемъ. „Пускай пройдутъ два тысячелѣтія, пускай закончится вѣкъ римской гордости, вѣкъ варварства—и вы увидите, какъ этотъ сынъ пророковъ, этотъ братъ заготовъ превратится въ чистого свѣтскаго человѣка, какъ равнодушный онъ станетъ къ обѣщанному ему же самымъ раю, какъ легко усвоитъ себѣ всѣ изгибы цивилизаціи“

цивилизациі, какъ ловко сумѣетъ пользоваться общественнымъ строемъ, созданнымъ безъ его участія, собирать плоды съ невоздѣланнаго нѣтъ поля! Можно подумать, право, что для него и только для него сражались франки, хитрили Капетинги, побѣждалъ Филиппъ-Августъ при Бувиіъ или Конде при Рокруа! Чтобы завоевать всѣ радости жизни, имѣть лучше средства, какъ объявить ихъ суетою суеты. Кому изъ насъ не знакомо тѣмъ мудреца, готового промѣнять всѣ мечты о загробной жизни на одинъ часъ земныхъ наслажденій, противника злоупотребленій—и однако не демократа, гордаго и вмѣстѣ съ тѣмъ гибкаго, презирающаго храбрость и утомительный трудъ? Нѣкогда поколебавшій землю вѣрою въ Божіе Царство, онъ теперь вѣритъ только въ богатство—и это понятно, потому что богатство для него дѣйствительная награда. Онъ умѣетъ работать, умѣетъ и наслаждаться. Нѣтъ такого увлеченія, которое заставило бы его промѣнять добычу на тѣнь ея, комфортъ на опасную славу". Въ обоихъ приведенныхъ нами стривкахъ имѣются въ виду, безъ сомнѣнія, два совершенно различные типа; возможность того и другого въ современномъ еврействѣ свидѣлствуетъ о томъ, какъ жести общіе огульные приговоры надъ цѣлой націей. Геневишъ этикъ типовъ намѣчаетъ у Ренана смѣлою рукою, не безъ преувеличеній, не безъ погони за эффектомъ; но въ основаніи своемъ онъ совершенно вѣренъ, и мы видимъ здѣсь одинъ изъ многихъ случаевъ, въ которыхъ прошедшее помогаетъ пониманію настоящаго.

— *Доисторическій человекъ каменнаго вѣка* побережья Ладожскаго озера. А. А. Иностранцева, профессора с.-петербургскаго университета. Съ 122 политическими въ текстѣ, 2 литографіями, 12 таблицами фототипій. 4°. Спб. 1882.

До-историческая археологія начинаетъ вызывать въ нашей ученой литературѣ все болѣе широкіе и многозначительные труды. Такова книга г. А. С. Уварова: „Археологія Россіи“, 1881 г., о которой мы надѣемся дать спеціальныи отзывъ; таковъ только-что вышедшій въ свѣтъ трудъ г. Иностранцева, богатый новыми научными фактами и выводами. Разнообразятся частныя изслѣдованія, раскопки кургановъ; переводятся иностранныя сочиненія по до-исторической археологіи и антропологіи, какъ книги Лейбеля, Ворсо, Лейббока, Тайлора, Тони-нара и проч. Наконецъ, и для популярнаго чтенія г. Полевой, при содѣйствіи профессора Замысловскаго, предпринялъ „Очерки русской исторіи по памятникамъ быта“, и первый выпускъ ихъ посвященъ до-исторической археологіи Россіи, т.-е. того края Европы, который теперь занятъ Россіей.

До-историческая археологія есть одна изъ тѣхъ новѣйшихъ от-

распей науки, которыхъ не мало возникло въ послѣднія десятилѣтія, когда научное изслѣдованіе открыло новыя области и новыя средства развѣданий. Она находится еще въ первой стадіи своего развитія, въ періодѣ исканія и собиранія матеріаловъ; но не смотря на то, успѣла уже открыть для историческаго знанія и антропологии новыя данныя прѣжде горизонты, не подозреваемыя ранѣе эпохи существованія и дѣятельности человѣка, заглянуть въ такую древность, отъ которой не осталось уже у человѣчества никакой памяти. Рядомъ съ успѣхами естествознанія, эта новая наука бросила новый свѣтъ на человѣческую исторію и черезъ нее на нравственныя науки.

Работы г. Иностранцева по этому предмету начались съ 1878 г. Еще гораздо ранѣе онъ занимался въ области Ладожскаго озера геологическими изслѣдованіями, и заинтересованъ былъ работами на новыхъ Сясскомъ и Оливскомъ каналахъ; интересъ почтеннаго геолога еще болѣе возросъ, и въ новомъ направленіи, когда до него дошли свѣдѣнія, что при работѣ на каналахъ найдены были археологическіе предметы, каменные орудія и черепъ. Съ тѣхъ поръ г. Иностранцевъ, съ нѣсколькими кандидатами петербургскаго университета, постоянно наблюдалъ за работами на каналѣ, внимательно слѣдилъ за находками, собиралъ, отмѣчалъ ихъ, и въ концѣ-концовъ, въ нѣсколько лѣтъ, набрался замѣчательный матеріалъ каменнаго вѣка, изслѣдованію котораго посвящена настоящая книга.

Матеріалъ былъ такъ обиленъ и разнообразенъ, что для обработки его потребовался трудъ нѣсколькихъ специалистовъ. Такимъ образомъ, извѣстный нѣтрологъ, профессоръ Кесслеръ (нынѣ покойный) подробно разобралъ многочисленныя остатки рыбъ каменнаго вѣка; профессоръ московскаго университета, А. П. Богдановъ, изслѣдовалъ найденныя черепа, г. Тихомировъ—остатки костяковъ; далѣе профессора М. Н. Богдановъ, г. Шмальгаузенъ, Д. Н. Анучинъ,—изслѣдовали остатки птицъ, растеній, сохранившихся въ торфѣ, и проч. Вывшій министръ народнаго просвѣщенія, баронъ А. П. Николай, далъ средства для изданія цѣлаго труда, который явился теперь въ большомъ томѣ, съ прекрасно исполненными рисунками.

Содержаніе книги дѣлится на шесть главъ. Въ началѣ г. Иностранцевъ подробно описываетъ геологическое строеніе южнаго побережья Ладожскаго озера, чтобы выяснитъ положеніе того геологическаго слоя, въ которомъ сохранились найденныя древности и условія котораго способствовали сохраненію череповъ и костяныхъ и деревянныхъ издѣлій. Каналы, дно которыхъ доставило отысканные предметы, идутъ недалеко отъ берега Ладожскаго озера и параллельно ему; слой, гдѣ лежали предметы, есть, какъ мы замѣтили, дно канала и состоитъ въ намывномъ торфѣ, который способствовалъ сохраненію

остатковъ каменной древности и самъ своимъ составомъ далъ матеріалъ для опредѣленія флоры тѣхъ временъ. Такимъ образомъ геологическія изслѣдованія были необходимымъ основаніемъ и введеніемъ къ изслѣдованію археологическому. — Вторая глава посвящена подробностямъ о флорѣ и фаунѣ каменнаго вѣка; здѣсь данъ подробный списокъ всѣхъ растеній, животныхъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, остатки которыхъ были восстановлены въ томъ слое, который далъ человѣческія древности. Третья глава, о человѣкѣ каменнаго вѣка, написана г. А. П. Богдановымъ, однимъ изъ самыхъ компетентныхъ ученыхъ нашихъ по вопросамъ антропологии и до-исторической археологии. Авторъ указываетъ чрезвычайную важность для науки находокъ г. Иностранцева, которые доставили еще болѣе древній матеріалъ каменнаго вѣка, чѣмъ было до сихъ поръ извѣстно по курганнымъ раскопкамъ, доставили древности торфяного слоя — не только черепа и кости, но издѣлія и обстановку этихъ до-историческихъ людей, между прочимъ издѣлія роговыя и костяныя, доселѣ находившіяся чрезвычайно рѣдко. Г. Богдановъ останавливается между прочимъ на тѣхъ сомнѣніяхъ, какія возбуждаетъ краниологія, и объясняетъ, въ какихъ условіяхъ эти сомнѣнія могутъ имѣть мѣсто, и въ какихъ возможны выводы, до значительной степени или вполне положительные. Мы сваемъ дальше о томъ, какіе выводы дѣлаетъ г. Богдановъ относительно длинноголоваго черепа, находящагося въ открытіяхъ г. Иностранцева. Слѣдующія главы, принадлежащія опять г. Иностранцеву, заключаютъ въ себѣ подробныя описанія открытыхъ имъ издѣлій доисторическаго человѣка — изъ камня, рога, кости, глины и дерева; далѣе, замѣчанія, выводимыя на основаніи этихъ издѣлій о бытовой и духовной сторонѣ жизни до-историческаго человѣка — объ образѣ его жизни (рыболовной и охотничьей), жилищѣ, питаніи, одеждѣ; объ обработкѣ дерева, кости, рога и камня; о слѣдахъ его духовно-художественной дѣятельности — въ попыткахъ орнамента на его издѣліяхъ, въ попыткахъ изображеній животныхъ, въ амулетахъ. Въ заключительной главѣ г. Иностранцевъ дѣлаетъ общіе выводы о географическихъ условіяхъ, въ которыхъ совершался бытъ до-историческаго человѣка этой области, о тогдашнемъ свойствѣ климата, объ его измѣненіяхъ съ того времени; дѣлаетъ сравненія найденныхъ животныхъ остатковъ и череповъ съ подобными находками въ Швейцаріи и Даніи; указываетъ данныя для опредѣленія относительной древности открываемыхъ остатковъ.

Таковъ составъ труда г. Иностранцева. Мы указывали на отзывъ знатока предмета, г. Анатолія Богданова, который придаетъ большое значеніе открытіямъ г. Иностранцева для до-исторической археологии Россіи: къ прежнимъ случайнымъ находкамъ остатковъ каменнаго

вѣка здѣсь является открытіе совершенно опредѣленное относительно геологическаго слоя, собраніе череповъ рядомъ съ остатками флоры и фауны, съ издѣліями до-историческаго человѣка, и въ особенности съ такими, которыя до сихъ поръ находились были чрезвычайно рѣдко по непрочности матеріала (кости, рога и дерева) — здѣсь, напротивъ, сохранились по свойству торфяной почвы.

Мы предоставимъ специалистамъ геологическую и палеонтологическую сторону настоящаго труда, и ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями объ историко-археологическихъ выводахъ, къ которымъ пришли г. Богдановъ и г. Иностранцевъ.

Одинъ изъ существенныхъ вопросовъ, который представляется въ этихъ открытіяхъ для исторіи, есть вопросъ о племенахъ и объ эпохѣ: какому изъ человѣческихъ племенъ (существующихъ или, можетъ быть, не существующихъ нынѣ) могли принадлежать эти человѣческіе и бытовые останки? Какой приблизительно періодъ времени можетъ отдѣлять этихъ людей каменнаго вѣка отъ нашего времени? — Какъ рѣшаютъ этотъ вопросъ наши ученые? Г. Богдановъ, опредѣляя человѣка каменнаго періода по открытіямъ г. Иностранцева, дѣлаетъ много цѣнныхъ замѣчаній относительно значенія этихъ открытій для общаго антропологическаго вопроса о каменномъ вѣкѣ въ Европѣ, о предѣлахъ, въ которыхъ наука можетъ ставить здѣсь свои рѣшенія о племенахъ и эпохахъ. Онъ отвергаетъ несправедливыя требованія, предъявляемыя антропологической наукой, и въ частности краниологіи: одни хотятъ отъ нея больше, чѣмъ она можетъ дать, другіе думаютъ, что она не имѣетъ права брать на себя и такіе рѣшенія, какія она даетъ. Г. Богдановъ справедливо говоритъ, что относительно такихъ отдаленныхъ періодовъ, какъ періодъ каменнаго вѣка, антропология не можетъ, и не беретъ на себя никакихъ частныхъ этнографическихъ рѣшеній и ограничивается лишь опредѣленіемъ общихъ вопросовъ о крупныхъ, основныхъ расовыхъ отличіяхъ: „краниологія можетъ отличить не француза, нѣмца и русскаго, такъ какъ эти народности, эти націи группируются по бытовымъ и политическимъ условіямъ, а не естественно-историческимъ; краниологія отличаетъ не различные роды и колѣна одной и той же исторической группы, нѣтъ, вѣкъ по бытовымъ и другимъ особенностямъ этнографы устроили свои племена, а тѣ естественно-историческія группы, которыя отличаются единствомъ кровнаго происхожденія и несутъ на себѣ признаки естественно-историческаго племени“ (стр. 95—96). Въ естественно-историческомъ наслѣдованіи Россіи особенно возможны, по словамъ г. Богданова, выводы по отношенію племенъ длинноголовыхъ и короткоголовыхъ, широкоскулыхъ и узкоскулыхъ, низкоголовыхъ и высокоголовыхъ, узконосыхъ и широко-

носыхъ: это — признаки несомнѣнно естественно-историческіе, но они — „даютъ возможность установить съ бѣльшей или меньшей опредѣленностью только большія группы, а не ихъ *историчныя подраздѣленія*, что составляетъ дѣло дальнѣйшаго изученія“... Затѣмъ, г. Богдановъ ставитъ упомянутый нами вопросъ: „принадлежали ли эти люди каменнаго вѣка къ той же индоевропейской расѣ, какъ и послѣдующее населеніе Россіи, или они были другого типа, иного происхожденія? Его ли мы должны считать за ближайшаго потомка тѣхъ предполагаемыхъ аріійцевъ, изъ коихъ обособились индо-европейскія племена, или это было нѣчто особенное?“ (стр. 97). Указавъ, что вновь открытые г. Иностранцевымъ черепя относятся къ типу длинно-головныхъ, и сопоставляя это съ тѣми фактами, что въ курганныхъ раскопкахъ средней Россіи также въ громадномъ преобладаніи встрѣчаются черепя длинноголовныя и что черепя великорусскіе вообще гораздо длиннѣе другихъ славянскихъ череповъ, г. Богдановъ рядомъ краниологическихъ соображеній (стр. 99 и слѣд.) приходитъ къ заключенію, что отысканные г. Иностранцевымъ черепя каменнаго вѣка принадлежать племенн не только аріискому, не только славянскому, но именно великорусскому. Одно изъ его заключеній высказано въ такихъ словахъ: „Въ настоящее время, имѣя предъ собою черепя каменнаго вѣка изъ различныхъ, хотя еще и не многихъ, мѣстностей Россіи, я считаю, что наибольшую научную вѣроятностью является то мнѣніе, что славяне-*великоруссы* не есть какое-либо пришедшее впоследствии, въ новыя времена, племя въ среднюю Россію, но *потомки* искони, съ каменнаго вѣка, населявшаго ее народа, представившаго значительное единство антропологическаго строенія и явившагося цѣльнымъ краниологическимъ типомъ“ (стр. 125).

Г. Иностранцевъ, въ своей заключительной главѣ, также разсматриваетъ этотъ вопросъ. Говоря вообще о рѣшеніи задачъ подобнаго рода, онъ справедливо указываетъ важность естественно-историческихъ и въ частности геологическихъ указаній для опредѣленія вопросовъ археологическихъ, и въ примѣръ указываетъ односторонность дѣленія каменнаго вѣка на отдѣлы палеолитическій и неолитическій, которые могутъ встрѣчаться, напротивъ, и въ обратномъ хронологическомъ порядкѣ. Переходя къ вопросу о племенн, которому могутъ быть приписаны открытые имъ долихоцефалическіе черепя, г. Иностранцевъ не довольствуется одними краниологическими фактами, и по поводу аріійцевъ припоминаетъ результаты, добытые сравнительнымъ языкованіемъ, по которымъ аріійцы, когда изъ нихъ выдѣлялись славяне, стояли уже на значительной (уже не каменно-вѣковой) ступени цивилизаціи, знали о золотѣ, серебрѣ и мѣди, обрабатывали гречиху, а можетъ быть и пшеницу. Авторъ припоми-

насть, что историко-филологическіе факты даютъ возможность сдѣлать заключеніе, что еще до подраздѣленія обще-славянскаго цѣлага на его отдѣльныя народности, это родоначальное племя жило въ *железномъ вѣкѣ*... Затѣмъ г. Иностранцевъ высказываетъ свой взглядъ на вопросъ о племени весьма категорически: „Если историческія свѣдѣнія объ обще-славянскомъ племени доходятъ до такой глубокой исторической древности (какъ V вѣкъ до Р. Х., когда Геродотъ рассказываетъ о сенеахъ), то очевидно, что аріицы жили въ Европѣ за нѣскольکو вѣковъ, а можетъ быть, и десятковъ — до первыхъ свѣдѣній о славянахъ. Краниологическое изслѣдованіе череповъ приладожскаго человѣка каменнаго вѣка показало, что это—не славяне (?), не финны, не монголы, но, прибавимъ мы отъ себя,—это и не аріицы. У аріицевъ уже такъ много донашихъ животныхъ, у нихъ извѣстны и металлы, а нашъ приладожскій человѣкъ зналъ только камень и кость и сумѣлъ приручить только собаку. Такое сопоставленіе заставляетъ насъ отодвинуть въ глубь времени, далеко за времена аріицевъ, человѣка каменнаго вѣка ладожскаго побережья и видѣть въ немъ представителя еще болѣе древняго родоначальнаго племени“ (стр. 237).

Если мы правильно поняли приведенное выше мнѣніе г. Богданова и это мнѣніе г. Иностранцева, то онѣ радикально противорѣчатъ одно другому, и мы скорѣе приняли бы послѣднее; но заключительныя слова г. Иностранцева возбуждаютъ опять нѣкоторое недоумѣніе. „Во всякомъ случаѣ, — говоритъ г. Иностранцевъ, — какъ это видитъ и А. П. Богдановъ, въ этомъ племени каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера мы должны признать то родоначальное племя, которое съ глубокой древности населяло Европейскую Россію и которое дало въ своихъ прямыхъ потомкахъ начало и большинства нашихъ курганныхъ племенъ. Если есть нѣкоторыя историческія данныя, доказывающія, что еще *задолго до призванія варяговъ*, Новгородская область представляла уже значительное гражданское развитіе, то въ находкахъ до-историческаго человѣка каменнаго вѣка мы можемъ видѣть не только родоначальное древо народа въ этой области (?), но и довольно густое его заселеніе во времена, теряющіяся въ глубокой древности“ (стр. 241).

Но въѣдъ г. Богдановъ видитъ въ этихъ людяхъ ладожскаго каменнаго вѣка именно предковъ славянъ-великоруссовъ, а г. Иностранцевъ, ранѣе, не считалъ этихъ каменно-вѣковыхъ людей даже и аріицами? Какъ соглашается это противорѣчіе?—Что эти люди были, *по мѣстности*, предшественниками здѣсь великоруссовъ, объ этомъ и говорить нечего: они фактически находятся на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ мы находимъ великоруссовъ; но были ли они ихъ предше-

ственниковъ по происхожденію, ихъ *племетными родоначальниками*? Въ послѣдней цитатѣ г. Иностранцевъ какъ будто приступаетъ къ мнѣнію г. Богданова; а вспоминая *историческія* данныя (собственно догадки) о состояніи Новгородской области до призванія варяговъ, еще ближе указываетъ на предполагаемую связь этого до-исторического племени съ позднѣйшими историческими дѣятелями въ этой области, т.-е. великоруссами. — На это можно замѣтить, во-первыхъ, что, говоря точнѣе, новгородцевъ нельзя отождествлять съ великоруссами, — это былъ особый отгѣнокъ русскаго племени; во-вторыхъ, что въ ту эпоху, о которой можетъ отзываться исторія, въ эпоху задолго до призванія варяговъ, побережье Ладожскаго озера было занято вѣроятнѣе не русскимъ, а финскимъ племенемъ, или, по крайней мѣрѣ, что русское племя явилось здѣсь, уже осиливши чудь, которая, пожалуй, и донынѣ сохранилась здѣсь или живьемъ, или историческими слѣдами.

Но главное недоумѣніе въ предлагаемомъ рѣшеніи вопроса о племени до-историческаго ладожскаго человѣка заключается въ слѣдующемъ: остается совершенно неопредѣленнымъ, и пока неопредѣлимымъ, промежутокъ времени, раздѣляющій историческія эпохи, о которыхъ идетъ рѣчь. Самъ г. Иностранцевъ, приводя примѣры опредѣленія продолжительности геологическихъ эпохъ у другихъ ученыхъ, признаетъ ихъ хронологическія опредѣленія совершенно гадательными, т.-е. произвольными. Въ данномъ случаѣ, едва ли сомнительно, что долженъ былъ пройти весьма значительный періодъ между временемъ существованія до-историческаго торфяного человѣка и временемъ, извѣстнымъ исторіи. На этомъ торфѣросло нѣсколько сажень почвы,росло въ теченіе цѣлаго геологическаго періода, когда измѣнились и характеръ страны, и отчасти свойства климата; едва ли сомнительно, что геологическій періодъ простирался не на столѣтія, а на тысячелѣтія, — и наполнить это время прямой преемственностью одного племени, конечно, легко, но ни мало не доказательно. — Поводъ къ другому недоумѣнію указанъ г. Иностранцевымъ. Сравнительное языкознаніе указываетъ внѣ сомнѣнія, что, выдѣляясь изъ обще-арійской семьи, славянское племя имѣло уже немалые задатки цивилизаціи, напр., между прочимъ, владѣло металлами, такъ что — переносить „славянъ-великоруссовъ“ (т.-е. еще болѣе поздній продуктъ племенного подраздѣленія) въ положеніе ладожскаго каменно-вѣкового человѣка является чистой невозможностью.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е августа, 1882.

Смерть М. Д. Скобелева.—Его симпатичный образъ, какъ солдата, администратора и полководца.—Славянофильскія выликанія надъ его могилой.—Источники популярности и имени, пользующіеся ею.—Катастрофа на московско-курской желѣзной дорогѣ.—Еще нѣсколько словъ о „народной политикѣ“.

Когда эти строки появятся въ печати, два событія, мѣсяць тому назадъ взволновавшія всю Россію—кончина М. Д. Скобелева и катастрофа на московско-курской желѣзной дорогѣ—отойдутъ, можетъ быть, на задній планъ, но едва ли перестанутъ занимать общественное мнѣніе. Каждое изъ нихъ выдается слишкомъ ярко на блѣдномъ, туманномъ фонѣ нашей будничной жизни, каждое изъ нихъ задѣваетъ, косвенно или прямо, самые жгучіе вопросы современной дѣйствительности. Запоздалое слово надъ могилами, единичной и коллективной, можетъ быть сказано въ томъ сравнительно спокойномъ настроеніи духа, которое немислимо подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія.

Какъ велика потеря, понесенная Россіей въ лицѣ Скобелева—это не требуетъ поясненій. Его заслуги на Дунаѣ, подъ Ловчей и Плевной, за Балканами, при Геокъ-Тепе—въ свѣжей памяти у всѣхъ; газетные некрологи изобразили ихъ еще разъ, въ полной, оживленной картинѣ. Образъ рыцарски-храбраго воина, заботливаго друга солдатъ, образованнаго генерала, высоко-даровитаго полководца давно уже рисовался передъ обществомъ въ лицѣ Скобелева; народныя массы, до которыхъ доходитъ только военная слава, имѣли въ немъ любимаго героя послѣднихъ войнъ. Біографическій матеріалъ, явившійся по смерти Скобелева, прибавилъ еще нѣсколько очень симпатичныхъ подробностей о его личности. Таковы, напримѣръ, слѣдующія слова, сказанныя Скобелевымъ англичанину Марвину: „Казни генерала Робертса въ Кабулѣ были ошибкой. Каковъ бы ни былъ родъ предуманной вами казни, онъ все-таки уступитъ изобрѣтательности въ этомъ отношеніи восточнаго деспота. Къ этому туземцы привыкли; мало того, казнь мусульманина невѣрнымъ порождаетъ въ туземцахъ ненависть. Я предпочелъ бы бунтъ цѣлой области казни одного туземца. Если вы побѣдите ихъ силой въ бою, они этому подчиняются, какъ волѣ Божіей. Моя система—сразу сильно ударить и наносить затѣмъ ударъ за ударомъ, пока не сломлено сопротивленіе. Съ наступленіемъ этого момента вводится строжайшая дисциплина, кромѣ

перестаетъ лѣться и съ побѣжденнымъ обходится мягко и гуманно". Вѣрнее пониманіе людей и нравовъ соединяется здѣсь съ отвращеніемъ къ безполезному кровопролитію; освѣщенный этими словами образъ дѣйствій Скобелева послѣ вліянія Геокъ-Тепе обнаруживаетъ въ немъ административный талантъ, не уступавшій, можетъ быть, его военному искусству. Чрезвычайно драгоценными кажутся намъ дагѣе тѣ черты, которыя относятся къ обращенію Скобелева съ солдатами. Онъ не только думалъ о ихъ благосостояніи, не только училъ ихъ своимъ „показомъ“, воодушевлялъ своимъ „примѣромъ“, онъ признавалъ ихъ мыслящими людьми и предпочиталъ, вопреки рутинѣ, осмысленное повиновеніе механическому, слѣпому. По удостовѣренію людей, близко его знавшихъ, онъ любилъ созывать передъ началомъ боя не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ для разъясненія имъ приѣмовъ и цѣли предстоящаго дѣла; мало того, онъ самъ ходилъ по рядамъ и истолковывалъ то же самое, по-скольку находилъ нужнымъ, простымъ солдатамъ. На дисциплину это имъ мало не вліяло; въ отрядахъ Скобелева она всегда поддерживалась какъ нельзя лучше. Убѣдившись однажды въ правильности своей системы, онъ требовалъ соблюденія ея и отъ подчиненныхъ ему начальниковъ; „принятое рѣшеніе,—читаемъ мы въ послѣднемъ передъ смертію приказѣ его по 4-му корпусу,—надлежало сообщить всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, дабы люди знали, что отъ нихъ требуется и что имъ дѣлать, и чтобы, вслѣдствіе такихъ указаній, они могли принять осмысленное участіе въ маневрѣ“. Ясный, самостоятельный умъ, свободный отъ традиціонныхъ предразсудковъ, блеститъ въ этихъ словахъ такимъ же своеобразнымъ блескомъ, какъ и въ самыхъ выдающихся военныхъ предпріятіяхъ Скобелева.

Преклоняясь передъ военными талантами, передъ военной славой Скобелева, понимая вполнѣ тѣ надежды, которыя возлагались на него, какъ на полководца, всю русскою арміею или, лучше сказать, всѣми мыслящими русскими людьми, мы должны повторить, и теперь съ еще болѣею настойчивостію, сказанное нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по поводу извѣстныхъ рѣчей, петербургской и парижской: Скобелевъ не былъ государственнымъ человекомъ. Мы не стали бы возвращаться къ этому вопросу, еслибы не шумъ, поднятый у едва закрытаго гроба слишкомъ усердными и неловкими друзьями покойнаго, еслибы не попытки эксплуатировать громкое имя въ пользу узкой доктрины или напыщеннаго доктринерства. „Скобелевъ былъ нашъ, онъ раздѣлялъ наши мнѣнія“, спѣшать прокричать на всю Россію газеты извѣстнаго направленія, приводя въ подтвержденіе своихъ словъ письма, мемуары, частные разговоры. Да, онъ держался вашихъ взглядовъ—отвѣтимъ мы имъ; но что же

изъ этого слѣдуетъ? Что сказали бы вы о живописцѣ или скульпторѣ, который сталъ бы доказывать достоинство своихъ произведеній хвалебнымъ отзывомъ знаменитаго химика или математика, о стратегѣ, который выводилъ бы превосходство своего плана изъ одобренія его публицистомъ? Конечно, вѣрнымъ цѣнителемъ, принципиальнымъ судьей можетъ быть и не-специалистъ, но въ такомъ случаѣ важны мотивы его сужденія, а не самый фактъ согласія или похвалы. Посмотримъ поближе на содержаніе документовъ, съ такимъ торжествомъ выставляемыхъ на показъ „Русь“ и „Московскими Вѣдомостями“, и мы убѣдимся, что къ славію Скобелева, какъ и къ вѣсу защищаемыхъ имъ мнѣній, они ровно ничего не прибавляютъ. Письмо Скобелева къ г. И. И. М. („Русь“, № 27) составляетъ парафразу той передовой статьи, въ которой „Русь“, въ концѣ прошедшаго года такъ неожиданно и такъ не кстати разразилась громомъ противъ берлинскаго трактата ¹⁾. Скобелевъ усвоиваетъ себѣ даже самую парадоксальную и вредную мысль г. Аксакова—мысль о причинной связи между берлинскимъ трактатомъ и внутренней крамолой. Большою самостоятельностью отличается только историческая параллель, которою заканчивается письмо. „Въ исторіи есть одинъ примѣръ гибельнаго нравственнаго паденія, вызваннаго причинами схожими; это—могущественная тогда Испанія послѣ сраженія при Лепанто. У нея также отшибло память сердца, и люди, ошеломленные свидѣтели отрицательнаго для родины мирового событія, не въ силахъ были передать потомкамъ идею святости и неизмѣнности государственнаго идеала. Поколѣніе, сражавшееся при Лепанто, оставило исторіи одно лишь имя—автора донъ-Кихота, безрукаго Сервантеса, гениальная сатира котораго потрясла въ основаніи католическую, монархическую и рыцарскую Испанію, уготовивъ вѣковое паденіе этой страны. Сервантесъ—тотъ же нигилизмъ. Caveant consules!“ Что именно хотѣлъ сказать авторъ письма, говоря объ отшибленной у Испаніи памяти сердца, объ отрицательномъ для нея мировомъ событіи—это опредѣлить довольно трудно; ясно только то, что до сраженія при Лепанто у испанцевъ былъ святой и неизмѣнный государственный идеалъ, а потомъ онъ куда-то исчезъ. Упадокъ Испаніи объясняли до сихъ поръ ея религіознымъ фанатизмомъ, свѣтобоязною инвазиціей, политикой Карла V-го и Филиппа II-го, истощавшей всѣ живыя силы страны въ разорительныхъ и ни для чего ненужныхъ войнахъ; теперь мы должны признать, что настоящія его причины—неблагодарность (вѣроятно изъ

¹⁾ Мы возражали противъ этой статьи въ январскомъ внутреннемъ обзорѣ книжнаго года.

донъ-Жуану австрійскому, побѣдителю при Лепанто?), ошеломленіе отъ побѣды, оставшейся безплодною, и сатирическій нигилизмъ Сервантеса. Мы думали до сихъ поръ, что Испанія по крайней мѣрѣ два столѣтія послѣ Сервантеса оставалась безусловно католическою и монархическою; теперь намъ говорятъ, что ея католицизмъ и монархичность были потрясены въ основаніи уже „Донъ-Кихотомъ“! И этотъ историческій дилеттантизмъ, эта игра словами рекомендуется намъ какъ нѣчто серьезное, заслуживающее изученія! Мы далеки отъ мысли обвинять въ этомъ самого Скобелева; въ частномъ письмѣ, написанномъ въ минуту увлеченія, нѣтъ надобности взвѣшивать каждое слово, набѣгать рискованныхъ сближеній. Виноваты тѣ, которые торопятся огласить непредназначавшееся для гласности, но лестное для самолюбія ихъ или повторяющее любимую ихъ ноту.

Въ другомъ письмѣ, напечатанномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 178), Скобелевъ прямо говоритъ о своихъ политическихъ идеалахъ. „Смѣю думать,—пишетъ онъ,—что рано или поздно русскимъ государственнымъ людямъ придется сознаться, что Россія должна обладать Босфоромъ, что отъ этого зависитъ не только ея величіе, но ея безопасность, въ смыслѣ оборонительномъ, и соотвѣтственное развитіе ея мануфактурныхъ центровъ и торговли. Никто, полагаю, не будетъ оспаривать, что пока польскій и западно-русскій вопросы будутъ тяготѣть надъ нами, всякое правильное развитіе въ лучшемъ народно-историческомъ значеніи этого слова будетъ крайне затруднено. Въ настоящее время, не смотря на всѣ потраченные кровавыя усилія, всѣ наши границы остались открыты вражьему нашествію, вынуждающему насъ содержать такую громадную армію, а польскій вопросъ, особенно теперь, въ виду неминуемыхъ усложненій, порожденныхъ австро-германскимъ союзомъ, держитъ насъ въ осадномъ положеніи. Только владѣя Босфоромъ, Россія сможетъ сознательно и безповоротно произнести, преждевременный пока, возгласъ разбитаго Костюшко: *finit Poloniae*“. Какимъ образомъ обладаніе Босфоромъ можетъ оградить наши, открытыя теперь, границы, какимъ образомъ Царьградъ можетъ помочь намъ въ защитѣ Варшавы—это загадка, неразрѣшимая, конечно, не для насъ однихъ. Еще важнѣе и опаснѣе, въ нашихъ глазахъ, то заблужденіе, въ силу котораго чисто-внутренніе вопросы связываются съ вѣнскими. Безспорно, вопросы польскій и западно-русскій принадлежатъ къ числу тормазовъ нашего развитія; но устранить эти помѣхи можетъ только мирное движеніе впередъ, не нуждающееся въ Босфорахъ и Царьградахъ. Вѣнское могущество Россіи никогда не было такъ велико, какъ въ первыя 50—60 лѣтъ послѣ восклицанія Костюшко—и однако именно въ это время назрѣвали и росли тѣ затрудненія, передъ ко-

торыми внезапно очутилась Россія въ 1863-мъ году. Положимъ, что на пути къ Босфору мы не встрѣтили бы ни одного англійскаго военнаго корабля, ни одного австрійскаго солдата, что занятіе Царьграда было бы встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ Европы; какимъ образомъ это могло бы облегчить для насъ погашеніе домашней вражды, сведеніе домашнихъ счетовъ? Обольщать себя и другихъ такими фантазмагоріями, значить отводить глаза отъ путей, дѣйствительно ведущихъ къ желанной цѣли, значить способствовать повторенію прежнихъ ошибокъ, растравлять старыя раны. Судя по всему тому, что извѣстно о послѣднемъ пребываніи Снегирева въ Варшавѣ, трудно предположить, чтобы въ его устахъ „конецъ Польши“ былъ синонимомъ „конца поляванъ“; но если поляки имѣютъ право на существованіе, то помимо нихъ, безъ ихъ участія польскій вопросъ, очевидно, разрѣшенъ быть не можетъ. Чтобы быть „безповоротнымъ“, слова: „finis Poloniae“ должны быть произнесены не одной Россіей.

Мы воскулились политическихъ взглядовъ Снегирева лишь настолько, насколько было нужно для объясненія агитаціи, возбужденной надъ его могилой. Богѣе печальное зрѣлище, чѣмъ эта агитація, трудно себѣ представить. Въ ней слышится, съ одной стороны, отголосокъ стараго краснаго патріотизма, съ другой—самая безцеремонная претензія говорить отъ имени народа, служить истолкователемъ народной мысли и народнаго чувства. Что сказать, напримѣръ, о подобныхъ фразахъ: „я не гадательный, а уже волиѣ несомнѣнный представлялось одно, что есть намъ что противопоставить въ защиту Россіи всему сонмищу нашихъ внѣшнихъ враговъ, какъ бы несмѣтно оно ни было, что чудная та будетъ защита, какой бы исходъ ей ни былъ, что есть человекъ, съ которымъ пошляться силами нелегко отважиться и врагамъ, *котораго одно имя стоитъ нѣмалыхъ сотнямъ армій*, про котораго еще на-дняхъ выразился одинъ изъ присутствовавшихъ при гробѣ генераловъ: *дайте музыкамъ марши и скажите имъ, что ими командуетъ Снегиревъ—у васъ готовое противъ враговъ войско*“! Если бы таково было настроеніе—не говорить: массы, а хотя бы большинства русскаго общества, не много хорошаго можно было бы ожидать въ ближайшемъ будущемъ; къ Россіи можно было бы тогда примѣнить старинное изреченіе: *quem Jupiter vult perdere, prius dementat*. Считать одного человека равнымъ стотысячной арміи, считать командуемыхъ имъ почти безоружныхъ людей готовымъ войскомъ, значило бы идти на-встрѣчу такимъ катастрофамъ, какія испытали Пруссія—въ 1806-мъ, Франція—въ 1870-мъ году. Какъ ни велика, даже въ наше время, даже въ военномъ дѣлѣ, сила генія или таланта, она имѣетъ свои границы, забывающія которыя нельзя безнаказанно. Полководецъ, могущій справиться съ

„несмѣтнымъ числомъ враговъ“, полководецъ, одно имя котораго наводитъ страхъ на противника и останавливаетъ поднятую уже руку—это иллюзія, менѣе грубая, но не менѣе опасная, чѣмъ пресловутое „закидыванье шапками“. Цѣнить и уважать своихъ великихъ людей—не то же самое, что ставить ихъ на ходули или обращать ихъ въ пугала для непріятеля. Отъ преувеличенныхъ восторговъ только одинъ шагъ до преувеличенной самонадѣянности—а отъ нея только одинъ шагъ до войны, начинаемой съ легкимъ и оканчиваемой съ тяжелымъ сердцемъ. Ошибочно было бы думать, что опасность идолопоклонства превратилась съ смертью Скобелева; на пьедесталъ, однажды возведенный, легко поставить кого-нибудь другого—нужно уважать, каковъ самый пьедесталъ, обнаружить пустоту фразъ, слагаемыхъ для его поддержки. Слава Скобелева не нуждается въ риторическомъ трескѣ; мы убѣждены, что онъ первый отвернулся бы отъ гиперболы, нагромождаемыхъ одна на другую излишнихъ рвениемъ его поклонниковъ.

Имя Скобелева было однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ, самыхъ популярныхъ во всей Россіи; это не подлежитъ никакому сомнѣнію и подтвердилось съ необыкновенною наглядностью въ первые дни послѣ его кончины. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего; наиболѣе широкой славой вездѣ и всегда пользовались знаменитые полководцы. Мальборо и Нельсонъ—до сихъ поръ любимые герои англійскаго народа; онъ знаетъ ихъ гораздо лучше, чѣмъ Вильгельма III, чѣмъ Питтовъ и Фокса, Каннинга и Грея. Въ Пруссіи не только Фридрихъ II-й—даже Блюхеръ популярнѣе Штейна. Во Франціи побѣды Наполеона I-го сохранились въ памяти массы гораздо дольше, чѣмъ всѣ бѣдствія, навлеченныя имъ на государство. Русскій народъ еще не забылъ Кутузова и Суворова, въ особенности послѣдняго—а многимъ ли знакомы имена Сперанскаго, Николая Милютина? Послѣдняя война застала Россію уже не такою темною, какою она была въ концѣ прошедшаго, даже въ половинѣ нынѣшняго вѣка; если слава тогдашнихъ полководцевъ проникала въ самыя отдаленныя деревни, то еще большую извѣстность естественно должны были получить имена, выдвинутыя впередъ событіями 1877 года. Прежде единственнымъ народнымъ глашатаемъ служила молва, передаваемая изъ устъ въ уста—теперь къ ней присоединилось печатное, газетное слово, гораздо быстрѣе и вѣрнѣе достигающее цѣли. Въ виду всѣхъ этихъ простыхъ, общезвѣстныхъ фактовъ, не странно ли искать источникъ популярности Скобелева въ его политическихъ взглядахъ, въ его славянофильскихъ убѣжденіяхъ? Не значитъ ли это, какъ говорятъ французы, *chercher midi à quatorze heures* или зажигать копѣечную свѣчку, чтобы лучше видѣть при яркомъ сол-

нечномъ свѣтъ? „Развѣ это случайность,—воскипаетъ „Русь“,—это колоссальная знаменитость, народное уваженіе, народная любовь достались на долю именно тому человѣку, который плакать, какъ ребенокъ, отступая съ русскими войсками отъ стѣнъ Константинополя, который громко, непостыдно исповѣдывалъ свою вѣру въ Россію и въ ея призваніе, какъ православно-славянской державы, который постоянно указывалъ ей на Востокъ и св. Софію?“ Мы отвѣтили на этотъ вопросъ нѣсколькими другими. Полагаетъ ли „Русь“, что смерть Скобелева произвела бы меньшее впечатлѣніе, вызвала бы меньшее народное горе, если бы она послѣдовала нѣсколькими мѣсяцами раньше, до января нынѣшняго года? А между тѣмъ, кому былъ извѣстенъ образъ мыслей Скобелева, до петербургской его рѣчи, произнесенной въ годовщину взятія Геокъ-Тепе? Его друзьями, можетъ быть, его ближайшими знакомыми—и только; никакихъ публичныхъ заявленій по этому поводу онъ до тѣхъ поръ не дѣлалъ. Дошли ли, наконецъ, до народа слова, произнесенныя Скобелевымъ въ Петербургѣ и Парижѣ? Если дошли, то понялъ ли народъ указаніе на борьбу боснійскихъ инсургентовъ противъ Австріи? Кому, за исключеніемъ опять-таки небольшого кружка, былъ извѣстенъ тотъ фактъ, что Скобелевъ плакалъ, отступая съ нашими войсками изъ-подъ стѣнъ Константинополя? Стоитъ только взглянуть на дѣло просто и прямо—и всѣ хитросплетенія славянофильскаго фразерства исчезаютъ сами собою. Чувства русскаго народа къ Скобелеву отличаются отъ чувствъ его къ Радецкому или Гурко только степенью, а не свойствомъ; разница въ степени зависитъ только отъ большаго блеска подвиговъ, совершенныхъ Скобелевымъ, и отъ молвы, разнесенной по всей Россіи бывшими его соратниками—молвы о добротѣ, искреннемъ, братскомъ отношеніи его къ солдату. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ памяти и воображеніи народа Скобелевъ занялъ мѣсто рядомъ съ Суворовымъ, не только потому, что они оба слыли необходимыми, но и потому, что оба утѣли проложить себѣ путь къ солдатскому, а, слѣдовательно, и къ народному сердцу. Это утѣные дается не каждому; можно любить солдатъ не меньше, чѣмъ любилъ ихъ Суворовъ или Скобелевъ, но не обладать искусствомъ выражать эту любовь въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она приобрѣтаетъ неотразимо обаятельную силу.

Въ какой степени заслуживаютъ вѣры измышленія „Руси“ о причинахъ популярности Скобелева, объ этомъ можно судить всего лучше по двумъ именамъ, сопоставляемымъ ею съ именемъ покойнаго генерала—именамъ Черняева и гр. Игнатьева. Извѣстность генерала Черняева мы не отрицаемъ и признаемъ вполне, что въ основаніи ея лежитъ гораздо больше сербскій походъ 1876 года, чѣмъ взятіе

Ташкента; но отъ извѣстности до популярности еще далеко—и если генералъ Черняевъ пользовался послѣднею шесть лѣтъ тому назадъ, то это еще не значитъ, чтобы она сохранилась за нимъ и по настоящее время. Плачевный результатъ сербской кампаніи, дурная слава, оставленная многими изъ числа добровольцевъ—все это не могло не отразиться и на имени генерала Черняева. Что касается до популярности графа Игнатьева, то о ней мы—и, безъ сомнѣнія, не мы одни—никогда до сихъ поръ не слыхали. Чтобы признать ея существованіе, мы подходимъ доказательствамъ болѣе сильныхъ, чѣмъ рѣчь купца на нижегородской ярмаркѣ. „Народъ,—увѣряетъ насъ „Русь“,—съ зоркимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ ходомъ прошлой войны, не исключая и дипломатическихъ переговоровъ; въ народное вѣдѣніе и ранѣе войны перешло, что есть въ Константинополѣ русскій посолъ, непохожій на прочихъ нашихъ представителей, высоко держащій русское знамя, всегда отстаивающій русскіе интересы“. Итакъ, масса народа знакома съ общими свойствами нашихъ дипломатовъ (иначе она не могла бы выдѣлять изъ ихъ среды одного, непохожаго на прочихъ); она знакома съ образомъ дѣйствій нашей дипломатіи не только во время мирныхъ переговоровъ, но и до начала войны! Дальше этого свобода фантазіи не можетъ идти; болѣе сильныхъ доказательствъ тому, что редакторъ „Руси“ не знаетъ народа, не могли бы привести и злѣйшіе противники его. „Усилилъ популярность г. Игнатьева,—читаемъ мы дальше,—санъ-стефанскій договоръ, которымъ Россія все же до извѣстной степени могла гордиться и который мы такъ поворно замѣнили, съ позволенія сказать, берлинскимъ трактатомъ!“ Жаль, что нельзя устроить нѣчто въ родѣ всеобщей подачи голосовъ по вопросу о томъ, въ чемъ заключается разница между трактатами санъ-стефанскимъ и берлинскимъ. Слѣжало ли бы разрѣшить его *большинство* крестьянъ—мы сказать не беремся, потому что не привыкли играть словами *народъ*, *народная мысль*, *народное чувство*; но что на него не слѣжало бы отвѣтить весьма и весьма многіе крестьяне, даже изъ числа наиболѣе развитыхъ—это мы знаемъ по личному опыту. Въ деревнѣ, гдѣ живетъ пишущій эти строки (деревнѣ довольно глухой, но не слишкомъ отдаленной отъ Петербурга), имя гр. Игнатьева оказалось никому неизвѣстнымъ, между тѣмъ какъ всѣ почти крестьяне хорошо знали имена не только Скобелева и Черняева, но и Радецкаго, Гурко, Лорисъ-Меликова—въ особенности Лорисъ-Меликова. Насчитывая только три популярныхъ въ Россіи имени и восклицая затѣмъ: „больше вѣдь ихъ и нѣтъ, какъ ни напрягай память“, „Русь“ доказала только слабость своей памяти; она забыла то единственное имя, извѣстность котораго осмѣиваетъ не на одной военной славѣ.

„Имя Скобелева невольно связывалось съ представленіемъ о граждущихъ тяжкихъ войнахъ и громадныхъ экономическихъ тратахъ... и однакожъ такая перспектива, ужасающая нашихъ грошovýchъ благоразумниковъ, не умалила любви и преданности къ нему народа?.. Говорите же, послѣ того, что русскій народъ равнодушенъ къ чести, достоинству и историческимъ задачамъ созданнаго имъ государства!“ Возвести рискованное предположеніе на степенъ несомнѣннаго факта и потомъ обратить этотъ фактъ въ аргументъ, подтверждающій предвзятую тему — полемическій приемъ очень удобный, но не особенно сильный. Если имя Скобелева и связывалось съ мыслью о возможной, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, войнѣ, то эту войну громадное большинство представляло себѣ чисто оборонительною, вынужденною — одною изъ тѣхъ войнъ, передъ которыми иногда не можетъ отступить самое миролюбивое государство, съ какими бы затратами, съ какими бы жертвами онѣ ни были сопряжены. Понятно, что съ думою о такой войнѣ соединялось воспоминаніе о вождѣ, наиболѣе способномъ привести ее къ счастливому концу; понятно, что подобное воспоминаніе увеличивало, а не уменьшало популярностъ Скобелева. Съ представленіемъ о войнѣ наступательной, о войнѣ изъ-за Босфора и Царьграда соединять имя Скобелева могли только тѣ, для которыхъ мрачная сторона войны сводится къ однимъ „экономическимъ тратамъ“, которые въ состояніи забывать объ ужасахъ международной рѣзни, непереводимыхъ на звонкую монету. Миролюбіе „грошovýchъ благоразумниковъ“ — не что иное, какъ уваженіе къ человѣческой жизни. Время человѣческихъ геноцидовъ, къ несчастію, еще не прошло, — но пускай же онѣ приносятся, по крайней мѣрѣ изъ-за интересовъ болѣе высокихъ, чѣмъ обладаніе городомъ или провинціею. Освобожденіе соплеменниковъ и единовѣрцевъ отъ варварскаго ига — такой, девизъ можетъ воодушевить массу народа; но мы никогда не согласимся съ тѣмъ, чтобы ее могъ вдохновить крикъ: „къ Босфору, въ Царьградъ, въ Святую Софію“; мы никогда не назовемъ „народными и святыми“ слезы, пролитыя при отступленіи отъ Константинополя. Великую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые пользуются минутою народной скорби, чтобы проповѣдывать политику приключеній и отвлекать вниманіе общества отъ насущныхъ вопросовъ внутренней народной жизни.

Катастрофа на московско-курской желѣзной дорогѣ, небывалая по своей обстановкѣ и по своимъ размѣрамъ, вызвала два единодушныя требованія, требованіе строгаго суда надъ *всеми* виновниками катастрофы и требованіе мѣръ, которыя предупредили бы возможность

ея повторенія. Нужно отдать справедливость русской печати и русскому обществу; въ защиту центрального управления желѣзной дороги, въ защиту правительственной инспекціи, въ защиту всѣхъ мѣстъ и лицъ, могущихъ оказаться солидарными съ ними, не раздался ни одинъ голосъ,—но громадное большинство, домогаясь отвѣтственности виновныхъ, даже и не думало объ экстраординарной для нихъ карѣ. Единственное извѣстное намъ исключеніе изъ общаго правила—это корреспондентъ „Руси“, доставившій ей очень ясное описаніе мѣста происшествія, очень правдоподобное объясненіе его причинъ, но не удовольствовавшійся, въ сожалѣнію, ролью специалиста-инженера. „Еслибы отиѣнилъ Государь,—читаемъ мы въ концѣ его письма,—всякое процессуальное производство, прогнать бы съ этого проклятаго мѣста все начальство да всѣхъ слѣдователей, да послалъ одного изъ великихъ князей съ неограниченной властью, давъ ему на помощь двухъ-трехъ дорожныхъ мастеровъ съ какой-нибудь хорошей линіи, да нѣсколькихъ начальниковъ станціи,—тогда доиспались бы правды, которая теперь ускользаетъ, ускользаетъ!“ Что за несчастная привычка къ произволу, что за несправимая надежда на чрезвычайныя мѣры, столько разъ уже оказывавшіяся безплодными! Истину, въ данномъ случаѣ, вовсе не такъ трудно найти; главные ея элементы уже теперь раскрыты путемъ частныхъ сообщеній. Разъяснить ихъ окончательно можетъ всего лучше гласность судебного производства. Пускай только никто не мѣшаетъ тѣмъ слѣдователямъ, которыхъ желать бы „прогнать“ корреспондентъ „Руси“—они съумѣютъ отыскать нить, ведущую отъ сторожей и машинистовъ къ самымъ верхамъ желѣзно-дорожной администраціи. Судебное вѣдомство можно упрекнуть въ чемъ угодно, только не въ потворствіи высокопоставленнымъ обвиняемымъ; если послѣдніе иногда „ускользаютъ“ отъ правосудія, то лазейкой или щитомъ для нихъ, безъ сомнѣнія, служатъ не судебные уставы. Мы ничего не имѣемъ ни противъ дорожныхъ мастеровъ, ни противъ начальниковъ станціи; но мы, право, не можемъ понять, почему они одни только заслуживаютъ довѣрія, какъ слѣдователи. Спросить бы ихъ въ качествѣ экспертовъ, разумѣется, было бы весьма полезно; но даже для экспертизы необходимы, кромѣ нихъ, лица съ болѣе широкими научными и техническими познаніями; вѣдь дѣло идетъ не только о ближайшихъ, но и объ отдаленныхъ причинахъ паденія насыпи, не только о неисправномъ ея ремонтѣ, но и о неправильностяхъ, допущенныхъ при ея постройкѣ ¹⁾. Пора, наконецъ, понять, что незачѣмъ про-

¹⁾ Чтобы устранить возможность товарищеской снисходительности и оградить экспертовъ отъ подозрѣній, слѣдовало бы назначить ихъ изъ числа профессоровъ и военныхъ инженеровъ.

кладывать, въ каждомъ экстренномъ случаѣ, особую дорогу, что гораздо лучше пользоваться существующими путями, устраняя только всѣ помѣхи, могущія задержать или остановить движеніе.

Букуевская катастрофа—только симптомъ болѣзни, повсемѣстно распространенной; уголовное преслѣдованіе—не радикальное лекарство. Вопросъ о томъ, какія мѣры предосторожности должны быть приняты на будущее время, еще важнѣе, чѣмъ вопросъ о причинахъ и виновникахъ совершившагося бѣдствія. Осмотръ всѣхъ сооружений, сколько-нибудь сомнительныхъ (ихъ въ послѣднее время указано много на разныхъ дорогахъ), немедленное исправленіе всѣхъ найденныхъ недостатковъ, усиленіе правительственнаго контроля надъ желѣзно-дорожнымъ движеніемъ—все это разумѣется само собой. Весьма важно было бы, далѣе, облегчить для людей недостаточныхъ, пострадавшихъ на желѣзной дорогѣ, обращеніе къ судебной защитѣ. Бѣднякъ, желающій предъявить искъ въ окружномъ судѣ, долженъ сначала получить отъ суда свидѣтельство на право бѣдности; потомъ просить совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ о назначеніи ему повѣреннаго; совѣтъ не всегда имѣетъ пребываніе въ томъ городѣ, гдѣ нужно вести дѣло—отсюда новыя замедленія и неудобства. Въ экстренныхъ случаяхъ много помогаетъ готовность нѣкоторыхъ присяжныхъ повѣренныхъ принять на себя добровольно и безвозмездно защиту пострадавшихъ; но законъ долженъ имѣть въ виду не экстренные случаи, а обыкновенное положеніе дѣла. Вотъ почему мы думаемъ, что всякому пострадавшему на желѣзной дорогѣ или ближайшимъ родственникамъ его слѣдовало бы предоставить всѣ привилегіи лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ представленія иска не въ мѣстѣ нахождения совѣта назначеніе присяжнаго повѣреннаго зависѣло отъ предсѣдателя окружнаго суда, и чтобы правила, установленныя относительно права бѣдности по дѣламъ гражданскимъ, были распространены на гражданскіе иски, соединяемые съ уголовнымъ производствомъ. Въ мировыхъ учрежденіяхъ дѣлами пострадавшихъ могли бы обязательно заниматься тѣ „коронные адвокаты“, необходимость которыхъ для крестьянъ такъ убѣдительно доказалъ г. Кавелинъ въ своихъ статьяхъ о крестьянскомъ вопросѣ. Еще важнѣе было бы предоставленіе суду права опредѣлять сумму убытковъ по своему усмотрѣнію, не требуя точныхъ по этому предмету доказательствъ, часто совершенно немислимыхъ. Вознагражденіе пострадавшихъ слѣдовало бы признавать во всякомъ случаѣ обязательнымъ для желѣзно-дорожнаго общества, развѣ если бы было установлено, что единственной причиной несчастія была собственная неосторожность пострадавшаго. Привлеченіе къ суду, въ случаѣ несчастія, всего состава правленія и глав-

ныхъ распорядителей движенія слѣдовало бы сдѣлать не исключеніемъ, а общимъ правиломъ, т.-е. для освобожденія отъ ответственности слѣдовало бы требовать отъ правленія доказательствъ, что несчастіе не могло быть имъ предупреждено. Коллегіальный составъ правленій, дорого стоящій, мало приносящій пользы и влекущій за собою раздробленіе ответственности, иногда равносильное ея уничтоженію, могъ бы быть замѣненъ, въ большинствѣ случаевъ, единоличнымъ управленіемъ, причемъ должность управляющаго, безъ сомнѣнія, слѣдовало бы объявить несовмѣстной съ государственною службой. Мы очень хорошо знаемъ, что корни зла лежатъ очень глубоко, что они не могутъ быть устранены безъ улучшенія нашихъ общественныхъ нравовъ, нашего общественнаго строя; намъ кажется, однако, что совокупность указанныхъ нами мѣръ не осталась бы безъ ощутительныхъ результатовъ. Необходимо, во всякомъ случаѣ, выйти изъ области полу-мѣръ и палліативовъ и необходимо поторопиться, пока не улеглось возбужденіе, вызванное катастрофой. Зрѣлище заживо-погребенныхъ людей довольно видѣть одинъ разъ; кукуевская катастрофа, вмѣстѣ съ рязанско-козловской и тилигульской—уже третье крупное предостереженіе, не считая множества мелкихъ.

Заключимъ небольшимъ замѣчаніемъ, которое кажется намъ необходимымъ. Читателямъ „Вѣстника Европы“ извѣстно, что мы никогда не были защитниками такъ-называемой „народной политики“; защиту ея мы не желаемъ принимать на себя и теперь—мы хотимъ только возразить противъ необдуманныхъ обвиненій, остріе которыхъ, направленное противъ этой политики, очень легко можетъ быть обращено совершенно въ другую сторону. Объ одномъ изъ такихъ обвиненій мы уже упомянули въ предыдущемъ внутреннемъ обзорѣ; мы старались доказать, что распространеніе тѣхъ или другихъ ложныхъ слуховъ въ средѣ крестьянъ не находится въ причинной связи съ управленіемъ графа Игнатьева, что утверждать противное—значить затруднять продолженіе реформъ, необходимыхъ для крестьянства. Теперь намъ говорятъ, что графъ Игнатьевъ „оставилъ въ наслѣдство своему преемнику не легкую задачу—возстановить равновѣсіе и правильность дѣйствій государственной машины“, что выполненіе этой задачи—„дѣло невидное, незамѣтное для публики“, но составляющее уже само по себѣ большую заслугу. Наша государственная машина дѣйствуетъ неправильно, это бесспорно; но эта неправильность—весьма сложное и давнишнее наслѣдство, въ которомъ графу Игнатьеву принадлежитъ развѣ весьма небольшая доля. Починка машины не можетъ быть произведена за

кулисами; она должна произойти открыто, передъ глазами и при участіи общества. Говорить о какомъ-то „возстановленіи равновѣсія“, какъ о „невидномъ, незамѣтномъ для публики дѣлѣ“, значить заранѣе (хотя и ненамѣренно) готовить аргументъ въ оправданіе застою, еслибы ему суждено было замѣнить недавнее движеніе, движеніе медленное, нерѣшительное, прерывистое, неполное, но все-таки движеніе.

Наше внутреннее обозрѣніе было уже набрано, когда въ собраніи узаконеній появилось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмядными способами. Разборъ его будетъ представленъ нами въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

ОПЕЧАТКИ. Въ прошлой книжкѣ, въ разсказѣ „Въ Мареммѣ“ было ошибочно набрано имя: Музонгелла; должно быть: Музончелла.

Издатель и редакторъ М. СТАСЮЛИВИЧЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1882.

Книга седьмая.—Іюль

Ожиданіе. — Изъ деревенской жизни. I—XIII. — А. В. П.	5
Судьба овчиннаго владанія въ Швейцаріи. — I—V. — Н. ЗИБЕРА	41
Стихотворенія. — С. АНДРЕЕВСКАГО.	74
Сельское хозяйство въ Пруссіи. — П. Г.—СКАГО.	76
Портъ и жизнь. — Разсказъ Болеслава Пруса. — Съ польскаго. — М. Б.	87
Стихотворенія. — Изъ Сюлли Прюдома. — I. Разбитая Ваза. II. На башнѣ. III. Борьба. IV. Сердце. V. Желаніе. VI. Сонъ. — П. ЯКУБОВИЧА.	105
Американцы—дома. — Очерки американской жизни. — I.—В. МАКЪ-ГАХАНЪ	110
Изученія русской народности. — Историко-литературный обзоръ. — VI. — И. П. Сахаровъ. — А. Н. ПЫПИНА	132
Наука и литература въ современной Англіи. — А. Р.	172
Приключенія Артура Гордона Пима. — Эдгара Поэ. — Главн XII—XXV. — Окончаніе. — О. П.	191
Стихотворенія. — Я. П. ПОЛОНСКАГО.	237
Въ Марини. — Очерки изъ романа Уйда. — Е. А.	239
Датскій вопросъ. — Замѣтка изъ народно-общественной жизни. — Д. К—АГО	300
Внутреннее Овозраженіе. — Переимѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ; различіе между первоначальнымъ проектомъ и окончательной редакціей закона; общее значеніе этой мѣры. — Постепенная замѣна подушной подати. — Упраздненіе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. — Измѣненіе правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ. — Проектъ устава о ве- селыхъ	309
Корреспонденція изъ Вены. — Три года управленія гр. Таафе. — С. К.	332
Литературное Овозраженіе. — К. Д. Кавелинъ. Крестьянскій вопросъ. — Бар. Н. А. Корфъ. Наши педагогическіе вопросы. — Труды перваго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. В. Рукавишниковъ. — Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Рязанской губерніи. Выпускъ I. Васильевъ. Опытъ статистическо-географическаго словаря Псковскаго уѣзда. — Ernest Renan. L'eau de Jouvence. — Славянскій Еже- годникъ. А. В. Стороженка	356
Съ всероссійской художественно-промышленной выставки. — Письма въ редак- цію. — I—V. — Н. М. БОГОМОЛОВА	376
Некрологъ. — Макаріи, митрополита московскій.	406
Изъ общественной хроники. — Разрывъ между „Русью“ и „Московскими Вѣдо- мостями“. — „Наркотизмъ прессы“, ведущій въ „омерзительныя объятія“. — Вредныя легенды и не менѣе вредные боевые девизы. — Возможность примиренія между „либеральной прессой“ и „Русью“. — Новый Нарциссъ въ образѣ писателя, вліяющаго на сферу и громающаго „гг. рецензентъ“. — Еще о женскихъ врачебныхъ курсахъ. — Московскій городскій голова и начальныя городскія училища	409
Бивлюграфическій листокъ. — Минеральныя воды и морскія купанья. Д. Бертен- сона и Н. Вороникина. — Стихотворенія кн. В. А. Мещерскаго. — Сказъ о тульскомъ лѣшѣи и о стальной блохѣ. Н. Лѣскова. — Изъ всемірной исторіи. М. Н. Петрова. — Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. В. Водовозова.	

Книга восьмая.—Августъ,

стр.

Псаломъвецъ Давидъ. — стихотвореніе. — К. Р.	421
Отъездъ. — Очеркъ. — Г. О.	423
Мирные эпизоды изъ военной жизни войскъ корпуса генералъ-лейтенанта Циммермана. — IV. — Силестрія. — ИВ. АНДРІЯНОВА.	445
Безвѣстный урокъ. — Картинки изъ уѣздной жизни. — В. ШИЛОВА.	468
Рудольфъ Вирховъ. — Біографическій очеркъ. — Н. С.	506
Стихотворенія. — I. Въ оперѣ. — П. Усиновіи. — П. ЯКУБОВИЧА.	534
Новѣйшія изслѣдованія африканскаго материка. — I. — В. О.	557
Тавориты и ихъ общественно-политическія идеалы. — I-III. — С. А. ВЕНГЕРОВА.	579
Связка писемъ. — Разсказъ Генри Джинса младшаго. — О. П.	608
Датинъ. — Изъ Лонгвѣлло. — ВЛАДИМИРА ОРЛОВА	642
Современный романъ въ его представителяхъ. — VIII. — Эмиль Зола. — К. Е. АРСЕНЬЕВА.	643
Хроника. — Отъ Красноводска до Хивы. — Х. ГЕЛЬМАНА.	697
Внутреннія Овограмы. — Финансовыя мѣры, вызванныя постепенною замѣною подушной подати. — Измѣненія и дополненія устава о гербовомъ сборѣ. — Измѣненія таможеннаго тарифа; общій ихъ характеръ; поминки на предметъ роскоши; замѣна цѣловыхъ поминъ въсовыми; обложеніе поминною учебными пособіями и русскихъ книгъ, напечатанныхъ за-границей. — Новый уставъ о табачномъ сборѣ; недостатки дѣйствующаго до сихъ поръ закона; мѣры, принятыя къ ихъ устраненію. — Общее значеніе трехъ разсмотрѣнныхъ реформъ. — Правила о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ. — Приступъ къ составленію гражданскаго уложенія. — Положеніе работы въ комиссіи М. С. Каханова. — Приостановленіе газеты „Земство“.	708
Крашанка, г. Кулина. — Письмо въ редакцію. — Н. И. КОСТОМАРОВА	729
Э. Лигротъ, основатель національной литературы въ Финляндіи. — Письмо изъ Финляндіи. — Е. ЯКУБОВА.	751
Первый японскій университетъ. — Н. ЧИЖОВА.	759
Корреспонденція изъ Кіева. — Я.	771
Корреспонденція изъ Лондона. — G. R. G.	778
Съ въпросійской художественно-промышленной выставки. — Письма въ редакцію. — VI. — Н. М. БОГОМОЛОВА	799
Литературное обозрѣніе. — В. П. Безобразовъ. Народное ховѣйство Россіи. — А. В. Прилежаевъ. Что такое кустарное производство? — Египетъ Велан, L'Esclésiaste. — Историческій челоуѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. А. А. Иностранцева.	825
Изъ общественной хроники. — Смерть М. Д. Скобелева. — Его симпатичный образъ, какъ солдата, администратора и полководца. — Славянофильскія вѣнчанія надъ его могилой. — Источники популярности и имени, пользующіася ею. — Катастрофа на московско-курской желѣзной дорогѣ. — Еще нѣсколько словъ о „народной политикѣ“.	838
Библіологическій листокъ. — Причитанія сѣвернаго края, собранія Е. В. Барсоульми. Часть II. — История храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Сост. М. Мостовскій. — Историческіе этюды русской жизни, Вл. Михневича. Томъ второй. — Сибирь какъ колонія. Н. М. Ядринцева.	

КНИЖНЫЙ Складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 86. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 86.
КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА
ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Антропология. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Иванна. съ 78 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3. съ пересылкою.

Опытъ критическаго изслѣдованія основаній позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Перев. съ англійск. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Письма о научной философіи. В. Лесевича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Понятіе психическаго ратна, или научное основаніе психологіи половъ. П. Е. Астафьева. Москва. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

Пресвѣтительныя идеи Бѣлинскаго. Систематическій сводъ всѣхъ главнѣйшихъ философскихъ положеній В. Г. Бѣлинскаго. Составилъ Н. Туркинъ. Москва 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Размышленія Императора Маріи Авреліи Антоніны о томъ, что важно для самого себя. Переводъ Князя Л. Урусова. Тула 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сущность христіанскаго ученія. Составилъ Д. П. Григорьевъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

Физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ

элементовъ чувства красоты. Психо-физиологическій этюдъ Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1878 г. Ц. 60 коп., съ пер. 70 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Ближе къ природѣ. Романъ. М. И. Красовъ. Въ двухъ частяхъ. Изданіе 2-е. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Въ минуты досуга. Разсказы, сценки и стихотворенія. И. Н. Измайловъ (Иксъ). Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятковскаго. Въ четырехъ томахъ. Спб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Думы и пѣсни. Стихотворенія Н. А. Панова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. I. Свифтъ. Спб. 1881 г. Ц. 75 Ц. 75 к., съ перес. 1 р. II. Вольтеръ. Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. III. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. T. IV. Вольтеръ и Екатерина II. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Записки Охотинника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ; 1847—1876 г. Третье стереотипное изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Запросы жизни. Романъ. М. И. Красовъ (Л. Е. Оболенскаго.) Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 35 коп.

*) Книжки, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны предъ ихъ заглавіемъ.

Изъ жизни женщины XIX вѣка наблюдѣнія и впечатлѣнія. Сочиненіе А. Д. Юефовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь переизданное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинками. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетъ 3 р. съ перес.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ. Биографія. Критическій обзоръ поэзіи. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Составилъ А. Голубевъ. Книжка приложена портретъ поэта, исполненный фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Неугомонное сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Л. Толстой. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. **■** Новѣйшая англійская литература въ современныхъ ея представителяхъ. Сочиненіе Тэна. Переводъ Д. С. Ивашинцова. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Отъ нечего дѣлать. Рассказы, очерки, пьесы, новеллы и шутки Барона I. Галкина. М. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни 1875—1877 гг. Эммы Золя. Второе изданіе. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

■ Полное собраніе сочиненій. Николая Федоровича Щербина. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ VII 1855—1877 г. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 3 р.

■ Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстаго съ портретомъ, факсимиле и автобиографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебряный. Ц. 1 р. 50 к. Всѣ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ календарномъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Прочитанья сѣвернаго края. Собранія Е. В. Барсовымъ. Часть I: плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп. Часть II: плачи за военные, рекрутскіе и солдатскіе. Москва, 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Побуль. Романъ Эммы Золя. Переводъ съ французскаго. Съ приложеніемъ судебного разбирательства въ Парижскомъ судѣ. Москва. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 коп.

Помпадуры и Помпадурши. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе третье. Спб. 1832 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Признаки времени и письма о провинціи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Сатиры въ прозѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. **■** Сочиненія М. С. Минина съ его портретомъ, fac-simile и биографіей составленной и вновь исправленной М. О. Де-Пуле—въ двухъ томахъ. Изданіе второе. Москва 1878 г. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к., съ перес., 4 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. (1847—1881 г.). Въ четырехъ томахъ. Изданіе третье дополненное. Спб. 1882 г. Ц. за всѣ четыре тома 6 р., съ пер. 7 р.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣнъ. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія Ф. М. Достоевскаго. Идиотъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и рассказы. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и рассказы. Ф. М. Достоевскаго. Томъ второй. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Дневникъ писателя за 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Записки изъ мертваго дома. Въ одномъ томѣ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Униженные и оскорбленные. Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Изданіе шестое. Вѣчный мужъ. Рассказъ Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Стихотворенія. Л. Е. Оболенскаго. (1868—1878). Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Стихотворенія М. П. Розенгольма. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

Сцены и рассказы изъ нѣмецкаго народнаго быта. Петра Раевскаго, 4-е дополненное изданіе. Киевъ 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Томашъ Мюнцеръ. Драматическая хроника. (Изъ времени крестьянской войны)

Германин). Л. Е. Оболенского. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Юлий Славаций. Краткій біографическій очеркъ его; трагедія: „Мазепа“; поэма: „Отец зачумленных“. Х. Яшуржинскаго. Кіевъ 1882 г. Ц. 30 коп., съ пер. 40 коп.

III. ИСТОРИЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра. Н. Карѣва. Варшава. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени. Н. Карѣва. Варшава. 1881 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Война въ Турціи. Положеніе дѣлъ и событія на Балканскомъ полуостровѣ въ 1875 и въ 1876 г. В. Рюстова. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Риттера. Съ картами и планами. Выпускъ 1-й. Спб. 1876 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Вып. 2-ой. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 90 коп.

Документы и регистры къ исторіи литовскихъ евреевъ. Изъ актовъ книгъ: метрики литовской, кievскаго и виленьскаго центральныхъ архивовъ, и нѣкоторыхъ печатныхъ изданій. С. А. Бершадскій. Т. I, 1388—1550. Т. II, 1550—1569. Спб. 1882 г. Ц. за оба тома 4 р. съ пер.

Жизнь и политика маркиза Вілопольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Славовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкой.

Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никои. Составилъ Н. Гиббенетъ. Часть первая. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Н. Н. Страхова. Томъ первый. Исторія матеріализма до Канта. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Турціи. Колясъ. Переводъ съ 2-го французскаго изданія. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Исторія американской междоусобной войны. Соч. гр. Парижскаго. Переводъ съ французскаго А. Риттера въ двухъ томахъ съ приложеніемъ трехъ картинъ къ 1-му. Спб. Ц. за два тома 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Князь Александръ Илларионовичъ Васильчиковъ. 1818—1881. Біографическій очеркъ. Состав. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ князя А. И. Васильчикова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ перес.

Крестные въ царствованіе императрицы Елизаветы II. В. И. Семейскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Маниавелли какъ политическій мыслитель. А. С. Алексѣева. Москва. 1880 г., Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 75 коп.

Общій очеркъ исторіи Европы. Эдуарда Фримана. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей Я. Г. Гуревича. Съ приложеніемъ хронологической таблицы Фримана. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

„Родъ Шереметевыхъ“. Сочин. Александра Барсукова. Книга II. Въ этой вновь вышедшей книгѣ изложена исторія фамилии Шереметевыхъ въ смутную эпоху. Къ тексту приложены снимки съ грамотъ семейнаго архива графа С. Д. Шереметева. Въ концѣ алфавитный указатель. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 6 р. Книга I. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 6 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (княжна Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Сраженіе при Гравелотъ. С. Прива. 18-го августа 1870 года. (Съ подробнымъ планомъ поля сраженія). Ц. 75 коп., съ пер. 90 к.

Н. Д. Ушинскій. Краткій біографическій очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Франко-итальянская война 1870—71 гг. Сост. военно-историческимъ отдѣленіемъ прусскаго генеральнаго штаба, съ картами, планами и приложеніями. Переводъ съ нѣмецкаго А. Риттера и Маслова. вып. 1-й. Ц. 1 р. Вып. 2-й Ц. 1 р. Вып. 3-й Ц. 1 р. 40 к. Вып. 4-й Ц. 1 р. Вып. 5-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 6-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 7-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 8-й Ц. 2 р.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Будущность крестьянскаго хозяйства. Сергій Шарановъ. (Критико-экономическія монографіи). Часть I. Москва 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значенія у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платѣхъ, съ приложеніемъ статей: „Очеркъ правитель-

ственныхъ міръ по переселенію крестьянъ послѣ издавн Положенія 19 Фев. 1861 года. Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Слб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиліа де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціею М. А. Антоновича. Слб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельского хозяйства. Слб. 1880 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

Что такое кустарное производство? А. В. Прилежаевъ. Слб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

VI. ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Басни М. А. Крылова. Съ рисунками въ текстѣ И. С. Панова. Двадцатое полное изданіе. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. Двадцатое изданіе съ приложеніемъ біографіи автора написанной П. А. Плетневымъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.—Восьмое полное изданіе съ біографіею написанною И. А. Плетневымъ. Рисунки К. А. Трутовскаго. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Бережливость Самуилъ Смайльсъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею И. С. Кутейникова. Слб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Бухгалтерія или наука книговодства по двойной системѣ. Въ двухъ частяхъ. Составилъ О. Г. Журовъ. Москва. 1874 г. Ц. за обѣ части 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Ботаника. Учебникъ естествознанія для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ. Составилъ В. Э. Иверсенъ. Слб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Вопросы школы. Недостатки современной системы образованія и необходимыя реформы школы. В. Н. Жукъ. Слб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Часть первая, изданіе второе. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. Часть вторая, изданіе второе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Историческая хрестоматія по новой и новейшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Т. I, изданіе второе. Ц. 2 р. 25 к.,

съ пер. 2 р. 75 к. Т. II, 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Исторія Граціи и Рима. (Курсъ систематическій) съ приложеніемъ хронологической таблички. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Изданіе третье.—Слб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Матъ „Ясной поляны“. Журналъ І. Н. Толстого. Дѣтскіе рассказы для семьи и школы. Книжка 1. Ц. 20 к., съ пер. 30 к. Книжки: 3, 4, 5, 6—по 15 к., съ пер. 25 к. Книжки: 8, 9—по 20 к., съ пер. 30 к. Вендери. 1881 г.

Моментъ - Горбуновъ. — Русская сказка, сочин. П. П. Ершова, съ 7 картинками и портретомъ покойнаго автора. Изд. 10-е одобрено департаментомъ народнаго просвѣщенія, для начальныхъ народныхъ училищъ. Ц. въ брошюрѣ 1 р.

Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ К. Э. Яромовскій. Съ 207 политическими въ текстѣ. Изданіе третье. Москва 1881 г. Ц. 1 р. 80 к., съ перес. 1 р. 45 к.

Краткій курсъ естествознанія составилъ А. Я. Гердъ. Въ трехъ частяхъ съ 173 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье. Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и одобренъ, какъ руководство для гимназій. Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 60 коп., съ пер. 1 р. 80 коп.

Краткая бухгалтерія по двойной системѣ для начинающихъ. Составилъ О. Г. Журовъ. Москва. 1876 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Лекціи зоологіи проф. Пола Бера. Переводъ съ французскаго д-ра І. Н. Снимова. Предисловіе Н. Р. Тарханова. Анатомія и физиологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Слб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

Маленькій оберманъ. Романъ Дженса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. (Для дѣтей). Изданіе второе. Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообразованія. Сочиненіе Ф. Губера. Переводъ съ немецкаго подъ редакціею инженера О. Зброжека. Съ 410 чертежами въ текстѣ. Слб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Мои дѣти илюминативы. А. Н. Анненской. Повѣсть для дѣтей. Слб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к., въ накѣ 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Начальная алгебра. Составилъ І. Соколовъ. Изданіе пятое съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Слб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Начертательная геометрія. Составилъ

І. Сомовъ. Изданіе третье. Спб. 1881 г. Ц. книги съ чертежами 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Начальное обученіе ариметикѣ. (Для родителей и учителей). П. А. Лтвинскій. Выпускъ 1-й. Спб. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Составилъ І. Сомовъ. Второе изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

„Начальная школа“. Книга для чтенія въ начальной школѣ, съ хрестоматіей и статьями по естествознанію, географіи и исторіи. Составилъ А. Страховъ. 256 стр. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 70 к.

Начальныя основанія математической и физической географіи. Составилъ М. Павловъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка, составленное Александромъ Катковимъ. 5-ое исправленное изданіе. Съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остромирову синску 1056—1057 г. (по изданію Востокова 1843 г.). Изъ хрестоматіи Вуслаева. Казань 1878 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Образцы сказки русскихъ писателей. Собралъ для дѣтей В. П. Авенариусъ. Съ 62 рисунками И. И. Каразина. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Въ роскошномъ перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ д-ра И. И. Галакина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 40 коп., съ пер. 1 р. 60 коп.

Послѣднія сказки Андерсона. Съ приложеніемъ сдѣланныхъ изъ самихъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Сисоевой. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Пѣсни для школы дѣтскія и народныя, на одинъ и на два голоса. Классное пособие при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Второе измѣненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Практическая ариметика. Составилъ П. С. Гурьевъ. Книга І. Нижшій курсъ доступный для всѣхъ. Ц. 75 к., съ пер. 90 к. Книга ІІ. Высшій курсъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Разсказы изъ отечественной войны 1812 года. Книга для чтенія всѣхъ возрастовъ. С. М. Любецкаго. Въ двухъ частяхъ. Ч. І: отъ Нѣмана до Москвы. Ч. ІІ: Отъ Москвы до Нѣмана. Москва 1880 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 20 коп.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка тѣмъ Де-Фое. Съ 10-ю

картинками и 36 политичками, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб., съ пересылкою.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Синтаксисъ въ образцахъ для младшаго возраста. Составилъ Конст. Фед. Петровъ. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Составилъ Конст. Фед. Петровъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Сборникъ примѣровъ и задачъ элементарной механики для реальныхъ училищъ. Е. Г. Котельникова. Изданіе 2-е. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Сборникъ грамматическихъ примѣровъ и задачъ. Курсъ второй. Синтаксисъ. Составилъ Василій Разыграевъ. Спб. 1882 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, увѣнченныхъ преміями комитета грамотности. Издано на средства члена комитета грамотности А. М. Розенталя. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ перес. 65 коп.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Четвертое изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 20 коп., съ пер. 1 р. 40 коп.

Сельская школа. Книга для чтенія, устныхъ и письменныхъ занятій въ народной школѣ. Составилъ учителя начальныхъ училищъ Н. Ерминъ и А. Вологовскій. Вторая зима обученія. Спб. 1881 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Славянская хрестоматія. Сборники по славянскимъ нарѣчіямъ: древнему церковно-славянскому, древне-русскому, болгарскому, сербо-хорватскому, словенскому, лужицкому и польскому. Съ свѣдѣніями и замѣчаніями о памятникахъ и общими характеристиками нарѣчій. Составилъ Воскресенскій. Выпускъ первый: языки древній церковно-славянскій и древне-русскій. Москва 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Спб. Комитета Грамотности изданія съ картинками:

1. Аленькой цвѣточекъ. Сказка Т. Аксакова. 2. Прохожіи. Святочный разсказъ Д. В. Григоровича. 3. Приключенія Робинзона Крузе. А. Н. Яхонтова. 4. Пестопольскій дворъ. Повѣсть И. С. Тургенева. 5. Крутиновъ. Разсказъ А. Г. Коваленской. 6. Батрачка. Повѣсть Т. Г. Шевченко. 7. Злодѣи и Петька. Повѣсть А. Ф. Погоскаго. 8. Сорочинская ярмарка. Н. В.

Гоголя. 9. Стихотворенія Н. А. Некрасова. Съ рисунками Н. Н. Каразина. Спб. 1882 г. Цѣна за всѣ книги 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ избранныхъ басенъ Крылова, Масальскаго, Хемницера, Дмитриева и Измайлова. Составилъ С. Волженскій. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Четвертое изданіе значительно дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составляетъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденціи. Удостоенное преміи на конкурсѣ Варшавскаго Коммерческаго банка. Составилъ Николай Краковскій. Спб. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Трагическія хоровыя пѣсни для школы. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Спб. 1882 годъ. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

Указанія къ рациональному устройству зданий для сельскихъ школъ. Спб. 1882 г. Ц. 10 коп. съ пер. 15 коп.

Учебникъ механики. Составилъ С. Гуржеевъ. I. Теоретическая механика. Съ 167 полнѣтпажами въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Учебный курсъ ботаники. А. Ш. Кирпотенко. Методическое руководство для среднихъ и низшихъ школъ. Выпускъ первый, курсъ подготовительный. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Выпускъ второй, морфологія и систематика съименныхъ растений. Съ 300 рисунками въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Хижина Дяди Тома. Повѣсть для дѣтей Бичеръ-Стоу. Съ хромолитографированными картинками. Москва. 1882 г. Цѣна книги въ папкѣ.

Элементарный курсъ механики. Руководство для реальныхъ училищъ. Соч. Е. Г. Котельникова. Изданіе 3-е. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Незатѣтая русская повѣсть Петровскаго времени. Л. Майкова. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Разысканія по вопросу о грамматическомъ родѣ славянскихъ и летописныхъ языкахъ. Эд. Вольтера. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

VIII. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена І. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Сила, какъ результатъ движенія. (Физико-философское изслѣдованіе). Проф. Ю. Окоровича. Спб. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Учебникъ сферической астрономіи. Составленный Д-ромъ Брюнновымъ. Перевелъ съ 3-го изданія на нѣмецкомъ языкѣ Н. П. Буцкой. Спб. 1873 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анатомія и исторія развитія члвковъ у члвковъ. Съ примѣчаніями о развитіи простыхъ уродовъ вообще. А. Таренкаго. съ 5 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Дѣтскія болѣзни. Руководство для врачей и учащихся. Э. Генохъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ проф. Н. П. Вистрова. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

Земледѣліе и скотоводство для крупныхъ хозяйствъ. Сочиненіе Ф. Бертрада. Переводъ съ четвертаго изданія под редакціей проф. А. Софѣтова. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Консидіумъ акушерства. Руководство для клиническихъ практикантовъ и врачей. І. Н. Нааке. Переводъ съ нѣмецкаго, под редакціей Д-ра В. В. Святловскаго. Спб. 1882 г. Ц. 90 к., съ пер. 1 р. 15 коп.

Курсъ нормальной гистологіи. І. Orth. Руководство къ употребленію микроскопа и практическому изученію тканей съ 107 рисунками въ текстѣ. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія Л. Даркиевича. Москва 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Наглядныя таблицы фармакологическаго дѣйствія лекарственныхъ веществъ. Ф. Берліоза. Переводъ съ французскаго. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 коп.

Обзоръ послѣднихъ успѣховъ свекло-сахарнаго производства за-границею. Составилъ инженеръ-технологъ П. Волковъ. Съ двумя таблицами чертежей. Спб. 1882 годъ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Обработка льна и механическое пряденіе льняного волокна. (Замѣтки). Составилъ А. Угаровъ. Съ 2 таблицами чертежей. Спб. 1882 г. Ц. 1 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

О причинѣ сна. Сообщеніе В. Прейера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Д. под редакціей врача П. С. Протопопова. Москва 1877 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

О разведеніи кормовыхъ травъ на по-

ляхъ. Проф. А. Совѣтова. Четвертое, исправленное и значительно дополненное издание съ 24 полиптиками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

О неуротимой раотѣ беременныхъ. Проф. М. Горвица. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Образованіе почвеннаго слоя дождевымъ червемъ Чарльза Дарвина. Переводъ съ пятого англійскаго изданія М. Ландеманъ. (съ 15 полиптиками въ текстѣ). Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ съ особымъ отдѣломъ о содержаніи и уходѣ за ними. Составилъ Я. М. Шмидевичъ. Со многими рисунками и съ раскрашенною таблицей. Спб. 1892 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Основы полевой культуры и мѣры къ ея улучшенію въ Россіи. И. А. Стебута. Второе вновь переработанное издание. Въ двухъ томахъ. Т. I. Часть первая: Введеніе. Паровой клинъ въ пару. Паровыя растенія: корнеплоды, марена и листовыя паровыя растенія, преимущественно же: воздѣлываніе сахарной свекловичи, картофеля и табака. Москва 1882 года. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

О сохраненіи здоровья женщины. Понятіе о менструаціи, беремености и гигиена этихъ состояній. Д-ра медицинны А. Н. Соловьева. Съ полиптиками въ текстѣ. Москва 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

О соединеніи костей между собою. Изъ лекціи проф. П. Ф. Лесгафта. Спб. 1882 г. Ц. 20 коп., съ пер. 30 коп.

Практическія занятія по гистологіи растеній. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Крутицкій. Съ 83-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Пряденіе кардной шерсти. Часть первая: Подготовка сырья. Составилъ П. Волковъ. Съ таблицами чертежей и полиптиками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Развитіе и происхожденіе органовъ чувствъ. Проф. Э. Геккеля. Переводъ подъ редакціей проф. Э. К. Брандта. Спб. 1882 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. D-га Felis von Niemeyer. вновь обработанное д-ромъ Eug. Seitz'омъ. Переведъ съ десятого измѣненнаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія Михайла Лютъ, т. I, в. I и II: болѣзни органовъ, дыханія, кровообращенія, пищеваженія, печени и желчныхъ путей. Т. II, в. III и IV: болѣзни органовъ мочевыхъ, половыхъ, нервной системы, кожи, двигательнаго аппарата, н-

фенкціонныя и общія разстройства питанія. Спб. 1882 г. Ц. за оба тома 6 р., съ пер. 7 р.

Руководство фармакологіи. Клиническій учебникъ проф. Бипца. Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ прибавленіемъ Н. В. Іерусалимскаго. М. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Руководство къ неотложнымъ операціямъ Луи Томаса. Просмотренное и снабженное введеніемъ проф. Вернейемъ. Переводъ со втораго пересмотрѣннаго и увеличеннаго изданія В. Гольдингера. Съ 69 рисунками въ текстѣ. Москва 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Сборникъ свѣдѣній для любителей садоводства и самоучень садовниковъ. Составилъ А. Ераковъ. О 750 однолѣтнихъ и двулѣтнихъ растеніяхъ, расположенныхъ по высотѣ ихъ и колерамъ цвѣтовъ. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Учебникъ физиологіи. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Учебникъ зубныхъ болѣзней для практическихъ врачей и студентовъ. Д-ра медицины и хирурга J. Scheff'а jun., съ 153 рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго, врачей Е. Степанова, А. Лянца и Н. Кузнецова. Москва, 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ первый. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 30 к. Выпускъ второй 2 р. 50 коп., съ пер. 3 руб.

Физиологическая химія. Проф. А. Шеффера. Кіевъ. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Формы воды. Дождь, рѣки, ледъ и ледники. Джонъ Тиндаль. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей К. Л. Кирпичева. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Х. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Женскій вопросъ. Эрнеста Легуве. Переводъ и примѣчанія по русскому законодательству М. А. Окса. Одесса 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. р. 15 коп.

Законы гражданскіе. Сводъ законовъ томъ X, часть I съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Составилъ А. Воровиковскій. Спб. 1882 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Книга Кагала. Составилъ Яковъ Брафманъ. Изданіе второе дополненное. Ц. за 2 т. 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Краткій курсъ лекцій по церковному праву. Священника М. Альбова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

О современномъ движеніи въ науку права. Проф. С. В. Пахманова. Слб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Развитіе политическихъ учреждений. Герберта Спенсера. Съ предисловіемъ Л. К. Оболенскаго и статьей „Обрядовыя учрежденія“. Слб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Системы политическаго развитія и легитимизма, и начала національности въ ихъ взаимной связи. Историко-догматическое изслѣдованіе. Всеволода Даневскаго. Слб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Слб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ проф. Ф. Мартенса. т. I. Слб. 1882 г. Ц. 8 р. 50 коп. съ пер. 4 руб.

Уложение о наказанияхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Слб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

Утилитаризмъ о свободѣ. Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. Съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Милля. Е. Ковради. 2-ое изданіе. Слб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложеніемъ Начала Русскаго Уголовнаго Законодательства. Часть общая. Проф. А. Ф. Кистяковскаго. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе. Кіевъ. 1882 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Мотивы русской архитектуры. Изданіе А. Рейнбота. За 1879 г. Ц. 10 р., съ пер. 12 руб. За 1880 г. Ц. 10 руб., съ пер. 12 руб.

О сбереженіи и возстановленіи голоса, для артистовъ и любителей искусства. Со-

ставилъ Фридрихъ Фиберъ. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ А. Крижановскій. Кіевъ 1881 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе, его будущность. Сочиненіе Е. Виолле-ле-дью. Перевелъ съ французскаго Н. Сутановъ. Москва. 1879 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко. Изданіе 2-е значительно измѣненное и дополненное. Кіевъ. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Изученіе друженнискихъ минеральныхъ источниковъ. А. А. Иностранцева. Слб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Исслѣдованіе о полной стѣи малолѣтнихъ сообщеній въ Россіи съ карт. А. Еракова. Слб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Слб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Переводные законы внутренние и иностранные или девизы. (Траты и рѣшессы). Краткое руководство къ усвоенію обращенія съ ними и къ изученію операціи посредствомъ ихъ производимыхъ съ приложеніемъ соответствующихъ предмету форкъ, правилъ, приѣмовъ и вычисленій, а также вексельнаго, фондоваго и металлическаго банковаго арбитража. Составилъ Александръ Скригинъ. Пособіе для торговыхъ людей и всѣхъ лицъ, занимающихся въ русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Одесса. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Полный карманный путеводитель для желѣзно-дорожныхъ, пароходныхъ и почтовыхъ сообщеній въ Россіи съ мая по ноябрь 1882 г., и 1200 маршрутовъ внутреннихъ сообщеній внутреннихъ и иностранныхъ. Слб. 1882 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Энциклопедическій основательный словарь. Составленный подъ редакцію В. Ключникова, въ трехъ томахъ. Слб. 1882 г. Цѣна за всѣ три тома 12 руб., съ перес. 14 руб.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 87. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 87. КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Антропология. Введеніе къ изученію человека и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Иванна. съ 78 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3. съ пересылкою.

Логическія изслѣдованія Адольфа Тренделенбурга. Переводъ Е. Корша въ двухъ частяхъ. Москва 1868 г. ч. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. ч. II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Микрокосмъ. Мысли о естественной и бытовой исторіи человека. Опытъ антропологическій Германа Лотце. Переводъ съ нѣмецкаго Корша. — Часть первая: 1 Душа, 2 тѣло, 3 жизнь. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Часть вторая: 4 человекъ, 5 духъ—6 ходъ міра. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Часть третья: 7 исторія,—8 прогрессъ,—9 общая связь вещей между собой. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 коп.

Опытъ критическаго изслѣдованія основаній позитивной философіи. В. Десевича. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Перев. съ англійск. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мысленія и чувствъ. Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Т. I Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 3 р. 75 к.

Основы для ухода за правильнымъ

развитіемъ мысленія и чувствъ. Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Т. II. Основы для развитія ума. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 коп.

Письма о научной философіи В. Лесевича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Понятіе психическаго ратна, или научное основаніе психологическаго пола. П. Е. Астафьева. Москва. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

Простѣйшія идеи Бѣлинскаго. Систематическій сводъ всѣхъ главнѣйшихъ философскихъ положеній В. Г. Бѣлинскаго. Составилъ Н. Туркинъ. Москва 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Размышленія Императора Маріи Авреліи Антоніны о томъ, что важно для самого себя. Переводъ Князя Д. Урусова. Тула 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Римская религія, отъ Августа до Антонина. Гастонъ Буассе. Переводъ Маріи Карсакъ. Москва 1878 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 30 к.

Современная англійская психологія. (Опытная школа). Т. Рибо. Переводъ П. Д. Боборыкина. Москва 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Сущность христіанскаго ученія. Составилъ Д. П. Григорьевъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Д-ра философіи Эдуарда Фенъ-Гартмана. Переводъ А. А. Козлова. въ трехъ выпускахъ. Москва 1873 г. Цѣна всѣхъ трехъ выпусковъ 4 р. 50 коп., съ пер. 5 руб.

Физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты. Психо-физиоло-

*) Книжки, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны предъ ихъ заглавіемъ.

гическій этюдъ Л. Е. Оболенскаго. Сиб. 1878 г. Ц. 60 коп., съ пер. 70 к.

Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Сочиненіе Константа Марта. Переводъ М. Борсакъ. Москва 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Аббатъ. Романъ Лидовика Галевн. Сиб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Безъ вѣсти пропавшій. Романъ Грегора Самарова. Въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ нѣмецкаго К. В. Назаревой. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Ближе къ природѣ. Романъ. М. И. Красовъ. Въ двухъ частяхъ. Изданіе 2-е. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Въ людяхъ. Повѣсти, очерки и рассказы К. М. Станюковича (отравленнаго писателя). Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Въ минуты досуга. Рассказы, сценки и стихотворенія. Н. Н. Измайловъ (Искъ). Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Графъ Н. Д. Искусловъ в его время. Материалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятиовскаго. Въ четырехъ томахъ. Сиб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Гюльستانъ. „Цвѣтникъ розъ“. Твореніе Шейха Саади Ширази съ персидскаго подлинника. Переводъ Н. Холмогоровъ. Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Глухонь. Романъ Ф. М. Рѣшетникова. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія Франца Вегеле. Переводъ съ третьяго изданія Алексѣй Веселовскій. Москва 1881 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 коп.

Деревенская поурядица. Глѣба Успенскаго. въ трехъ томахъ. Сиб. 1882 г. Цѣна за всѣ три тома 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 20 к.

Думы и пѣсни. Стихотворенія Н. А. Панова. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. I. Свифтъ. Сиб. 1881 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. II. Бокатио. Сиб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. III. Ренанъ. Сиб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. Т. IV. Вольтеръ и Екатерина II. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Его превосходительство Емелья Ругонъ. Ро-

манъ изъ временъ второй французской имперіи. Эмиля Зола. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. съ перес.

Мощными ублажающіи и мощными избивающіи. Александра Дюма (сына). Переводъ съ 7-го французскаго изданія. Москва. 1881 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Митойское. Повѣсти и рассказы А. Н. Плещеева. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Замѣтки охотника. И. С. Тургеневъ. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ каллиграфическомъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Замѣтки погребенная Густава Эмара и Кровавыя ночи Жюль Мери. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Запретъ жизни. Романъ. М. И. Красовъ (Л. Е. Оболенскаго.) Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 35 коп.

Иностранная поэты, въ переводѣ Л. Л. Михаловскаго. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка Г. Геттнеръ. Переводъ А. Пинина и А. Плещеева. Т. III нѣмецкая литература. Книга I (1648—1740 г.). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к. Т. III. Книга III отдалъ первый: классическій вѣкъ нѣмецкой литературы.—Переводъ Павла Барсова. Москва 1875 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Изъ стенограммъ. Юмористическіе очерки, сценки и картинки. Н. И. Мяснищій. Москва 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Изъ жизни женщины XIX вѣка наблюденія и впечатлѣнія. Сочиненіе А. Д. Юзефовичъ. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Известія дѣльца. Романъ въ двухъ частяхъ. Л. О. Левади. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пинина и В. Д. Спасомиха. Изданіе второе, вновь переизданное и дополненное. Сиб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересказомъ.

Известія, Финскій народный эпосъ. Переводъ Ф. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинками. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.

Картинки домашняго воспитанія. Педагогическіе этюды. А.—вой. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. съ пересказомъ.

Лугуево разбѣжники.—Романъ изъ американской жизни Фр. Герштекера, въ двухъ томахъ. Сиб. 1876 г. Ц. за оба тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Леонидъ или черты изъ жизни Наполеона. Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ Р. М. Зотова. Четвертое изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Мелочи архіерейской жизни. Картинки съ натуры Н. С. Лискова. Второе изданіе исправленное и значительно дополненное съ тремя приложеніями. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. (Опытъ новаго анализа пьесы и обзоръ созданной ею школы.). Монографія Алексѣя Веселовскаго. Москва 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Нашего века ягдди. Юмористическіе рассказы. И. Масницкаго. Москва 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Наша чудотѣя. Литонскіе чудотѣи и эксцентричностей всякаго рода. Составилъ Касьянъ Касьяшовъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

На престолѣ (очерки) В. И. Немировичъ-Данченко. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

На землѣ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго 1877—1880 г. Москва 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ. Біографія. Критическій обзоръ поэмъ. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Составилъ А. Голубевъ. Къ книгѣ приложены портреты поэта, новопечатный фотографію Лемерсье въ Парижѣ. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Неугасимое сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Л. Толстой. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер.

Нѣтъ ли въ англійской литературѣ въ современныхъ ея представителяхъ. Сочиненіе Тэна. Переводъ Д. С. Иванникова. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Нѣтъ ли въ англійской литературѣ въ современныхъ ея представителяхъ. Сочиненіе Тэна. Переводъ Д. С. Иванникова. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Обедаемые. Романъ въ трехъ частяхъ Н. С. Лискова (псевдонимъ Стебницкій). Третье изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Отъ нечего дѣлать. Рассказы, очерки, пьесы, повѣи и мѣлки Барона І. Галкина. М. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни 1875—1877 гг. Эммы Зола. Второе изданіе. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Полное собраніе сочиненій Николая Фаддеевича Щербина. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

По Волгѣ. (Очерки и впечатлѣнія лѣтней поездки). В. И. Немировичъ-Дан-

ченко. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Подлинности. О. М. Рѣшетникова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Плени и Шиня. Романъ В. И. Немировичъ-Данченко. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ VII 1855—1877 г. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 3 р.

Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстаго съ портретомъ, факсимиле и автобіографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебрянный. Ц. 1 р. 50 к. Въ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ казенноровомъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Письма о современномъ состояніи Россіи 11-го апрѣля 1879 г., 6-го апрѣля 1880. 4-е изданіе, дополненное припискою автора. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Приключенія нѣмецкой колоніи въ Америкѣ. — Романъ изъ американской жизни Фр. Герштекера. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Притчи стариннаго црва. Собранныя Е. В. Барсовымъ. Часть I: плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп. Часть II: плачи за-военные, рекрутскіе и солдатскіе. Москва, 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Противъ теченія. Историческій романъ изъ временъ Столыпина Разина. Н. Казанцова. Въ четырехъ частяхъ. Спб. 1881 г. Цѣна 8 р., съ пер. 3 р. 75 коп.

Прозанники. Юмористическіе очерки, сценки, картинки и фотографическіе снимки съ натуры Добродумнаго Юмориста. Москва 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Побулы. Романъ Эммы Зола. Переводъ съ французскаго. Съ приложеніемъ судебного разбирательства въ Парижскомъ судѣ. Москва. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 коп.

Помладуры и Помладурини. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Последній нотомонъ Чингисъ-Хана. Историческій романъ Р. М. Зотова въ трехъ частяхъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Примѣны времени и письма о примѣнахъ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Разсказы. Четыре дня, прощестіе. Трудъ, Встрѣча, Художники, Ночь, Attalea

принсера. То чего не было. Всеволода Гаршина. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

*** Русские богословы Религиозно-бытовая картина Н. С. Лискова. I: На краю свѣта. II: Владимиръ судъ (оба разсказа авторомъ вновь пересмотрѣны и исправлены. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

*** Русое Дюма Мориса. Перевелъ съ послѣдняго англійскаго изданія В. Н. Невѣдомскій. Москва 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Русская рема. Очерки и разсказы Н. С. Лискова (1880—1881). Сиб. 1881 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 8 р. 15 к.

*** Самуэля. Индійская драма Калидасы. Переводъ съ санскритскаго Алексѣя Путага. Москва. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сатиры въ прозѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Собраніе сочиненій А. А. Лунина, въ стихахъ и прозѣ съ биографическими очерками. Саратовъ 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 55.

Собраніе сочиненій А. А. Лунина, въ стихахъ и прозѣ, съ статьями о его стихотвореніяхъ. Книга первая. Саратовъ 1877 г. Ц. 60 коп., съ пер. 75 коп.

Свой хлѣбъ. Романъ О. М. Рѣшетникова. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Сочиненія М. С. Минина съ его портретомъ, fac-simile и биографіей составленной и вновь исправленной М. О. Де-Пуле—въ двухъ томахъ. Изданіе второе. Москва 1878 г. Цѣна за оба тома 8 р. 50 к., съ перес., 4 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. (1847—1881 г.). Въ четырехъ томахъ. Изданіе третье дополненное. Сиб. 1882 г. Ц. за всѣ четыре тома 6 р., съ пер 7 р.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 8-е, безъ перемѣнъ. 4 т. Сиб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія О. М. Достоевскаго.

Идиотъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и разсказы. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и разсказы. О. М. Достоевскаго. Томъ второй. Изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Дневники писателя за 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Записки изъ мертваго дома. Въ одномъ томѣ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Униженные и оскорбленные. Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Изданіе шестое. Стѣпный мучъ. Разсказъ О. М. Достоевскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50.

Стихотворенія. Л. Е. Оболенскаго. (1868—1878). Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изданіе третье, дополненное Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. съ переслывомъ.

Стихотворенія М. А. Сурикова. Третье полное изданіе. Москва 1877 г. Ц. 1. съ перес. 1 р. 25 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле. Сиб. 1882 г. Ц. 8 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

*** Сочиненія О. М. Рѣшетникова. Изданіе К. Т. Сидоренкова съ портретомъ автора, въ двухъ томахъ. Москва 1874 г. Ц. за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 коп.

Судъ присяжныхъ въ Россіи. Судебные очерки. Изъ жизни, дѣятельности, характеристикъ и бытовыхъ особенностей суда присяжныхъ въ Россіи. Н. П. Тимофѣевъ. М. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта. Петра Раевского, 4-ое дополненное изданіе. Кіевъ 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Тайновѣрный монахъ. Историческій романъ изъ жизни Петра I. Р. М. Зотова въ 3-хъ частяхъ. Пятое изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Томасъ Мюнхеръ. Драматическая хроника. (Изъ времени крестьянской войны въ Германіи). Л. Е. Оболенскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Юлій Славянинъ. Краткій биографическій очеркъ его; трагедія: „Малюта“, поэма: „Отецъ затуманенныхъ“. Х. Ямуржинскаго. Кіевъ 1882 г. Ц. 80 коп., съ пер. 40 коп.

III. ИСТОРИЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

*** Англійская конституція и ея исторія. М. Ковалевскаго. Москва. 1880 г. Ц. 75 к. съ пер. 90 к.

Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра. Н. Карфа. Варшава. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени. Н. Карфа. Варшава. 1881 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

*** Водареніе императрицы Анны Иоанновны. Историческій этюдъ проф. Л. А. Корсакова. К. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Война въ Турціи. Положеніе дѣлъ и

событія на Балканскомъ полуостровѣ въ 1876 и въ 1876 г. В. Ростова. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Риттера. Съ картами и планами. Выпускъ 1-й. Спб. 1876 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Вып. 2-ой. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 90 коп.

Греція подѣ Римскимъ владычествомъ со времени завоеванія римлянами до паденія Имперіи нхъ на востокъ 146 г. до Р. Х. 717 г. по Р. Х. Георга Финлея. Переводъ Софьи Никитенко. Москва 1877 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 25 к.

Документы и регестры къ исторіи литовскихъ евреевъ. Изъ актовъ книгъ: метрики литовской, кляскаго и виленскаго центральныхъ архивовъ, и нѣкоторыхъ печатныхъ изданій. С. А. Бершадскій. Т. I, 1888 — 1550. Т. II, 1550 — 1569. Спб. 1882 г. Ц. за оба тома 4 р. съ пер.

Дѣятели войны 1876—1878 гг. Воспоминанія и рассказы изъ событій послѣднихъ войнъ Н. В. Максимова. Въ двухъ частяхъ. — Часть I: Война въ Сербіи. Часть II: Война въ Болгаріи. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 коп.

Жизнь и политич. карьера Стасюльскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкой.

Исторія цивилизаціи во Франціи Гизо въ четырехъ томахъ. Переводъ П. Е. Виноградова и Маріи Корсака. Москва 1881 г. Ц. всѣхъ томовъ.

Историческое изслѣдованіе дѣла натуриарха Никона. Составилъ Н. Гиббенетъ. Часть первая. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

Исторія всемірной торговли. Адольфа Бэра.—Переводъ съ нѣмецкаго Э. Циммермана. Въ трехъ частяхъ. Москва 1876 г. Цѣна за три части 7 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Исторія материализма и критика его значенія въ настоящее время. Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Н. Н. Страхова. Томъ первый. Исторія материализма до Канта. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Турціи. Колласъ. Переводъ съ 2-го французскаго изданія. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Исторія американской междоусобной войны. Соч. гр. Парижскаго. Переводъ съ французскаго А. Риттера въ двухъ томахъ съ приложеніемъ трехъ картинъ къ 1-му. Спб. Ц. за два тома 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Крестыяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семейскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Князь Александръ Миларіоновичъ Василь-

чинъ. 1818—1881. Биографическій очеркъ. Состав. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ князя А. И. Васильчикова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ перес.

Кумцове и древній ступеніи статьи. Историческое воспоминаніе. Сочиненіе И. Забѣлина. Москва 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Миларіоны князь политическій мыслитель. А. С. Алексѣева. Москва. 1890 г., Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 75 коп.

Общій очеркъ исторіи Европы. Эдуарда Фришмана. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей Я. Г. Гуревича. Съ приложеніемъ хронологической таблицы Фришмана. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Римская исторія 9. Моммсена. Переводъ Н. Д. Ахшарумова. Т. I: До битвы при Пиддѣ. Съ военною картой Италіи. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 75 к. Т. II и III: Отъ битвы при Пиддѣ до смерти Суллы и революціи. Ц. 7 р., съ перес. 7 р. 75 к. Москва 1880 г.

„Родъ Шереметевыхъ“. Сочин. Александра Варсукова. Книга II. Въ этой книгѣ вышедшей книгѣ изложена исторія фамиліи Шереметевыхъ въ смутную эпоху. Къ тексту приложены снимки съ грамоты семейнаго архива графа С. Д. Шереметева. Въ концѣ алфавитный указатель. Спб., 1892 г. Ц. 4 р., съ пер. 6 р. Книга I. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 6 р.

Русская исторія въ жизнеиснаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣхъ трехъ выпусковъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Сѣтленіе архіерейскіе чинами въ древней Руси. Н. Каптерева. Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сраженіе при Гривалотѣ. С. Пржева. 1-го августа 1870 года. (Съ подробнымъ 8-аго поля сраженія). Ц. 75 коп., съ пер. 90 к.

Н. Д. Умискин. Краткій біографическій очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Франко-итальянская война 1870—71 гг. Сост. военно-историческимъ отдѣленіемъ прусскаго генеральнаго штаба, съ картами, планами и приложениями. Переводъ съ нѣмецкаго А. Риттера и Маслова. вып. 1-й. Ц. 1 р. Вып. 2-й Ц. 1 р. Вып. 3-й Ц. 1 р. 40 к. Вып. 4-й Ц. 1 р. Вып. 5-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 6-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 7-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 8-й Ц. 2 р.

Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Сочиненіе Гастона Буассье. Переводъ Маріи Корсака. Москва 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

У. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Будущность крестьянскаго хозяйства. Сергій Шараловъ. (Критико-экономическія монографіи). Часть I. Москва 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Гражданская община. античнаго міра изслѣдованіе о богослуженіи, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Сочиненіе Фюстеля де Куланжа. Переводъ Е. Корша. Москва 1867 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Сочин. Георга Людвига Маурера. Переводъ съ нѣмецкаго подлинника В. Корша. Москва 1880 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и бита поселанъ. К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. И. И. Янжулъ. Москва. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. А. П. Субботина. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пер.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и имѣностяхъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года“. Ю. Э. Янсона. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Общинное земледѣліе, причины, ходъ

и послѣдствія его разложенія. М. Ковалевскаго. Часть первая. Москва. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиліа де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. А. Антоновича. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельскаго хозяйства. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы малолѣтства въ Россіи. Сочиненіе В. В. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

Что такое вустарное производство? А. В. Прилежаевъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Алфавитный сборникъ русскихъ неправильныхъ глаголовъ. Составилъ Я. Волковъ. Спб. 1881 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Арифметика. Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической арифметики дѣтскихъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Преимущественно для оканчивающихъ свое образованіе начальнѣйшей школой и для учащихся дома. Составилъ А. Н. Канаевъ. Спб. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Атласъ минераловъ. Составленный докторъ Н. Г. фонъ-Курромъ. Съ текстомъ. А. В. Ганике. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 75 к.

Басни М. А. Крылова. Съ рисунками въ текстъ И. С. Панова. Девятнадцатое полное изданіе. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. Двадцатое изданіе съ приложеніемъ біографіи автора написанной П. А. Плетневыхъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к. — Восьмое полное изданіе съ біографіей написанной И. А. Плетневыхъ. Рисунки К. А. Трутневскаго. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Бережливость. Самуиль Смайльсъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей И. С. Кутейникова. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Біографическія картинки. Сочиненіе А. В. Грубе. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Бухгалтерія или наука книговодства по двойной системѣ. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Ф. Г. Журовъ. Москва. 1874 г. Ц. за обѣ части 3 р., съ пер. 3 р. 90 к.

Ботаника. Учебникъ естествознанія для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

Составилъ В. Э. Иверсенъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Въ школу в дома. Книга для чтенія, расположенная концентрическими кругами и примененная къ преподаванію родного языка въ народныхъ школахъ и городскихъ училищахъ. Часть I. Курсъ второго года начальной школы. Спб. 1882 г. Изданіе 10-е. Ц. 35 к., съ пер. 45 к. Часть II. Курсъ третьяго года начальной школы. Изданіе 8-е. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Вопросы школы. Недостатки современной системы образованія и необходимыя реформы школы. В. Н. Жуль. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Географія Страбона въ семнадцати книгахъ. Переводъ съ греческаго съ предисловіемъ и указателемъ Ф. Г. Мищенко. Москва 1879 г. Ц. 10 р., съ пер. 11 руб.

Естественная исторія животныхъ млекопитающихъ въ изображеніяхъ снятыхъ и раскрашенныхъ сходно съ натурою. Для нагляднаго изученія въ общественныхъ заведеніяхъ и при домашнемъ образованіи множества. Шуберта. Съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Съ немецко-французскаго подлинника. Перевелъ Г. И. Корн. Пятое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 9 р., съ пер. 10 р.

Задачи по русскому правописанію. Для учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. Составилъ П. Красногорскій. Спб. 1882 г. Ц. 85 коп., съ пер. 1 р.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Часть первая, изданіе второе. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. Часть вторая, изданіе второе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Иванъ Петровичъ Мулибинъ. Русский механикъ-самоучка. Разсказъ Е. Н. Александровой. Спб. 1882 г. ц. 15 коп., съ пер. 25 к.

Историческая хрестоматія по новой и новейшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Т. I, изданіе второе. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к. Т. II, 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Исторія Греціи и Рима. (Курсъ систематическій) съ приложеніемъ хронологической таблицы. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Изданіе третье.—Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія педагогикъ Карла Шмидта. Изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Изданіе третье, дополненное и исправленное Вихардомъ Лан-

ге. Переводъ Эдуарда Циммермана въ четырехъ томахъ. Москва 1877 г. Ц. за всѣ четыре тома 20 р., съ пер. 21 р. 50 к.

Изъ „Ясной поляны“. Журналъ Л. Н. Толстого. Дѣтскіе разсказы для семьи и школы. Книжка 1. Ц. 20 к., съ пер. 30 к. Книжки: 8, 4, 5, 6—по 15 к., съ пер. 25 к. Книжки: 8, 9—по 20 к., съ пер. 30 к. Бендеры. 1881 г.

Картинный учебный атласъ, примененный къ „Краткой отечественной географіи“, составленной подъ редакцію И. Н. Михайлова. 188 рисунка, болѣею частью, составленные и исполненные лучшими нашими художниками и граверами. Рисунки, помѣщенные въ этомъ атласѣ, даютъ возможность учителю значительно облегчить ученикамъ сознательное изученіе географіи Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Объясненія къ картинному учебному атласу. Составилъ П. Полевой. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Момоетъ - Горбуновъ. — Русская сказка, сочин. П. П. Ершова, съ 7 картинками и портретомъ покойнаго автора. Изд. 10-е одобрено департаментомъ народнаго просвѣщенія, для начальныхъ народныхъ училищъ. Ц. въ брошюрѣ 1 р.

Матакомби. Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ К. Ф. Ярошевскій. Съ 207 полтинниками въ текстѣ. Изданіе третье, Москва 1881 г. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 45 к.

Краткая англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Составилъ П. Милославскій. Казань. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Краткій курсъ естествознанія составилъ А. Я. Гердъ. Въ трехъ частяхъ съ 178 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье. Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и одобренъ, какъ руководство для гимназій. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 60 коп., съ пер. 1 р. 80 коп.

Краткая бухгалтерія по двойной системѣ для начинающихъ. Составилъ Ф. Г. Жуль. Москва. 1876 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Ключъ къ руководству Флеры. Разсказы и описанія, избранные изъ лучшихъ русскихъ авторовъ для переводовъ съ русскаго на французскій. Спб. 1882 г. Ц. 55 к., съ пер. 70 к.

Курсъ ариметикъ и собраніе ариметическихъ задачъ. Сочиненіе А. Лѣве. Въ двухъ частяхъ. Шестнадцатое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. за обѣ части 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Лекции зоологич. проф. Пала Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и физиологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

Маленькій обзорный. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. (Для дѣтей). Изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Сочиненіе Ф. Губера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей инженера Ф. Зброжека. Съ 410 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Мои дѣт. племянникъ. А. Н. Анненской. Повѣсть для дѣтей. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к., въ пер. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Начала начертательной геометріи, теорія тѣней и линейной перспективъ съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Курсъ реальныхъ училищъ. Составилъ Я. Пальмау. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Начала геометрической теоріи механики. Безъ помощи высшей математики. Сочиненіе Ш. Жиро. Переводъ съ французскаго Ф. Зброжека. Съ 167 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 35 к.

Начальная алгебра. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе пятое съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Начальная алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Сочиненіе А. Лёве въ двухъ частяхъ. Ц. за обѣ части 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Начала нестрографіи. Съ полиптиками въ текстѣ и налитографированной таблицей. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Е. Краевичъ. Изданіе третье. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Наглядное пособие при изученіи русскаго языка. (этимологич.). Для старшаго и средняго возрастовъ. Составилъ и издалъ Н. П. Шубинъ. Полное систематическое изложеніе этимологич. Предлагается преимущественно, какъ самоучитель. Москва, 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе третье. Сиб. 1881 г. Ц. книги съ чертежами 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Начальное обученіе арифметикѣ. (Для родителей и учителей). П. А. Литвинскій. Выпускъ 1-й. Сиб. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Составилъ І.

Сомовъ. Второе изданіе. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

„Начальная школа“. Книга для чтенія въ начальной школѣ, съ христоматіей и статьями по естествознанію, географіи и исторіи. Составилъ А. Страховъ. 266 стр. Сиб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 70 к.

Начальныя основанія математическаго и физической географіи. Составилъ М. Павловъ. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Начертаніе этимологич. русскаго языка, составленное Александромъ Катковымъ. 5-е исправленное изданіе. Съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остроумову сѣксу 1056—1057 г. (по изданію Востокова 1848 г.). Изъ христоматіи Вулаева. Казань 1878 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на французскомъ языкѣ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфа. Переводъ съ послѣдняго парижскаго изданія К. В. Назарьевой. Сиб. 1880 г. Цѣна метода съ ключомъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на нѣмецкомъ языкѣ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфа. Переводъ съ послѣдняго парижскаго изданія К. В. Назарьевой. Сиб. 1881 г. Цѣна метода съ ключомъ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Обзоръ господствующихъ методовъ обученія грамотѣ. Руководства Дистервега, Диттеса, Уинискаго, Водовосова, Тихонирова, Соловнина, Паулсона, Бунакова, Митропольскаго и Блинова. Сост. М. Сенговъ. М. 1882 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Объяснительный курсъ арифметики для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. В. Латинаева. Часть I. Сиб. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Основанія физики. Со многими полиптиками въ текстѣ. Составилъ Е. Краевичъ. Шестое изданіе. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Образцы слези русскихъ писателей. Собралъ для дѣтей В. П. Авераріусъ. Съ 62 рисунками И. Н. Каравина. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Въ роскошномъ перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Первоначальныя упражненія въ арифметикѣ. Сочиненіе А. Лёве. Сборникъ арифметическихъ задачъ для учащихся. Ц. 25 к., съ пер. 35 к. Руководство для учащихся. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Первые уроки изъ физики. Методическое руководство къ качественному наблюденію физическихъ явленій. Съ атласомъ изъ 180 оригинальныхъ чертежей и рису-

комъ. **Ө. Ө. Эвальда.** Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Письма къ материнѣ объ уходѣ за здоровьёмъ и больнымъ ребенкомъ д-ра М. И. Галамина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 40 коп., съ пер. 1 р. 60 коп.

Первые рассказы изъ естественной исторiи. Для дѣтей, только-что научившихся читать. **М. Выходъ.** Спб. 1876 года. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Последнiя сказки Андерсена. Съ приложенiемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненiй о происхожденiи ихъ и описанiя послѣднихъ дней жизни автора. Переводъ съ нѣмецкаго **Е. Сисоевой.** Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Первоначальные уроки русской грамматикѣ. Руководство для матерей и наставницъ. Составила **Марiя Корсаки.** Москва 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 коп.

Пѣсни для школы дѣтския и народныя, на одинъ и на два голоса. Классное пособие при обученiи пѣнiю. Составилъ **Григорiй Маремичъ.** Второе измѣненное изданiе. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Практическая арифметика. Составилъ **П. С. Гурьевъ.** Книга I. Высшiй курсъ доступный для всѣхъ. Ц. 75 к., съ пер. 90 к. Книга II. Высшiй курсъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Подвижныя буквы для обученiя грамотѣ дома и въ школѣ. Изд. **В. А. Александрова.** Спб. Ц. 15 коп., съ пер. 25 коп.

Разсказы изъ отечественной войны 1812 года. Книга для чтенiя всѣхъ возрастовъ. **С. М. Любецкаго.** Въ двухъ частяхъ. Ч. I: отъ Нѣмана до Москвы. Ч. II: Отъ Москвы до Нѣмана. Москва 1880 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 20 коп.

Родныя мѣста. Чтенiе для дѣтей **А. В. Щепкиной.** Изданiе второе съ рисунками. М. 1882 г. въ папкѣ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 20 к.

Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенiя учениковъ старшаго отдѣленiя народной школы. Составилъ **Ө. С. Матвѣевъ.** Спб. 1879 г. Ц. 40 коп., съ пер. 60 к.

Робинзонъ Крузо. **А. Анненской.** Новая переработка тѣмъ Де-Фое. Съ 10-ю картинками и 35 политипажамъ, рѣзанными на мѣдъ въ Лейпцигѣ. Второе изданiе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб., съ пересылкою.

Руководство къ обученiю грамотѣ въ школѣ и дома съ подвижными буквами. (Два листа, 426 буквъ и цифръ). Составилъ **В. А. Александровъ.** Спб. 1882 г. Ц. 30 коп., съ пер. 40 к.

Русскiй языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматикѣ, изложенной по новому плану. Синтаксисъ въ образцахъ

для младшаго возраста. Составилъ **Конст. Өед. Петровъ.** Изданiе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Русскiй языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматикѣ. Этимологiя въ образцахъ. Составилъ **Конст. Өед. Петровъ.** Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Руководство къ наглядной географiи. Составленное **А. Слюйсомъ** перевелъ преподаватель **К. Турчаковский.** Съ таблицей географическихъ чертежей. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Семейство Шаленскихъ. Изъ семейной хроникѣ. Сочиненiе **Евгенiя Туръ.** Изданiе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Сборникъ примѣровъ и задачъ элементарной механики для реальнхъ училищъ. **Е. Г. Котельникова.** Изданiе 2-е. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Сборникъ грамматическихъ примѣровъ и задачъ. Курсъ второй. Синтаксисъ. Составилъ **Василiй Разыграевъ.** Спб. 1882 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Сборникъ конкурснхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованiя, увѣнчанныхъ премiями комитета грамотности. Издано на средства члена комитета грамотности **А. М. Розенталя.** Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ перес. 65 коп.

Собранiе алгебраическихъ задачъ. Составилъ для употребленiя въ среднихъ учебнхъ заведенiяхъ **К. Краевичъ.** Четвертое изданiе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 20 коп., съ пер. 1 р. 40 коп.

Сельская школа. Книга для чтенiя, устныхъ и письменнхъ занятiй въ народной школѣ. Составили учителя начальныхъ училищъ **Н. Ерминъ** и **А. Вологовскiй.** Вторая зима обученiя. Спб. 1881 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Сказка про Мѣта да про Лису. Редакция сказки **Д. И. Тихомирова.** Картинки художника **Н. А. Мартинова.** М. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Сказка про Лису да про Волка. Редакция сказки **Д. И. Тихомирова.** Картинки художника **Н. А. Мартинова.** М. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Славянская хрестоматiя. Сборники по славянскимъ нарѣчiямъ: древнему церковно-славянскому, древне-русскому, болгарскому, сербо-хорватскому, словинскому, лужицкому и польскому. Съ свѣдѣнiями и замѣчанiями о памятникахъ и общими характеристиками нарѣчiй. Составилъ **Воскресенскiй.** Выпускъ первый: языки древнiй церковно-славянскiй и древне-русскiй. Москва 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Способы начальнаго воспитанiя и обу-

ченія. Г. М. Марачевскій. Кременчугъ 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

Спб. Комитета Грамотности изданія съ картинками:

1. Аленький цветочекъ. Сказка Т. Аксакова. 2. Преходимъ. Святочный рассказ Д. В. Григорovichа. 3. Приключенія Робинзона Крузо. А. Н. Яхонтова. 4. Пестелый дворъ. Повѣсть И. С. Тургенева. 5. Крутиновъ. Рассказъ А. Г. Коваленской. 6. Батрачка. Повѣсть Т. Г. Шевченко. 7. Злодѣи и Петля. Повѣсть А. О. Погоскаго. 8. Сорочинская ярмарка. Н. В. Гоголя. 9. Стихотворенія Н. А. Некрасова. Съ рисунками Н. Н. Карасина. Спб. 1882 г. Цѣна за всѣ книги 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ избранныхъ басен Крылова, Машальскаго, Коммичера, Дмитриева и Михайлова. Составилъ С. Волженскій. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Собрание алгебраическихъ задачъ. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Четвертое изданіе значительно дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, специальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стр. Спб. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Дополненіе 1-е къ систематическому обзору русской народно-учебной литературы, составленное по порученію комитета грамотности. Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 к.

Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденціи. Удостоенное преміи на конкурсѣ Варшавскаго Коммерческаго банка. Составилъ Никодимъ Краковскій. Спб. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Трехголосныя хоровыя атсины для школы. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Спб. 1882 годъ. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

Указанія къ рациональному устройству зданий для сельскихъ школъ. Спб. 1882 г. Ц. 10 коп. съ пер. 15 коп.

Учебникъ механики. Составилъ С. Гуржевъ. I. Теоретическая механика. Съ 167 политизмами въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Учебникъ химіи. С. Ковалевскаго, преподавателя химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальн. училищѣ. 4-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Учебный курсъ ботаники. А. П. Кирпотенко. Методическое руководство для

среднихъ и низшихъ школъ. Выпускъ первый, курсъ подготовительный. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Выпускъ второй, морфемія и систематика сѣмянныхъ растений. Съ 300 рисунками въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Со многими политизмами въ текстѣ и налитографированными таблицами. Составилъ К. Краевичъ. Седьмое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Химіиа Дяди Тома. Повѣсть для дѣтей Бичеръ-Стоу. Съ хромоилитографированными картинками. Москва. 1882 г. Цѣна книги въ папѣ.

Элементарный курсъ механики. Руководство для реальнхъ училищъ. Соч. Е. Г. Котельникова. Изданіе 3-е. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Изъ теоріи Индо-Европейскаго языковъ. Исслѣдованіе Алексѣя Путаги. Москва. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Незабвенная русская повѣсть. Преподаніе времени. Л. Майкова. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Резюме по вопросу о грамматическомъ родѣ славянскихъ и латинскихъ языковъ. Эд. Вольтера. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Славянскія нарѣчія. Статьи профес. Гебауера. Переводъ и примѣчанія А. Степанова. Кіевъ. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

VIII. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена I. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Лекціи вариціоннаго исчисленія. Аббата Муаньо. Переводъ съ французскаго М. Раевского и М. Хандрикова. Москва. 1864 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сила, какъ результатъ движенія. (Физико-философское изслѣдованіе). Проф. Ю. Окоровича. Спб. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Учебникъ сферической астрономіи. Составленный Д-ромъ Брюновымъ. Переводъ съ 3-го изданія на нѣмецкомъ языкѣ Н. П. Буцкой. Спб. 1873 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анатомія и исторія развитія члвчскаго у члвчскаго. Съ примѣчаніями о развитіи

простыхъ уродовъ вообще. А. Таренецкаго. съ 5 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Ботаническій атласъ. Шуберта. Какъ вспомогательное допoлненіе ко всякому учебному руководству съ приложеніемъ кратко пояснительнаго текста въ переводѣ Н. И. Раевскаго. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р.

Доисторическій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 122 полиптиками въ текстѣ, 2 литографіями и 12 таблицами фотографій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Дѣтскіе болѣзни. Руководство для врачей и учащихся. Э. Генохъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ проф. Н. И. Висснова. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

Дифтерія. Критическій этюдъ. Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Для врачей и родителей. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

Земледѣліе и скотоводство для неимущихъ хозяевъ. Сочиненіе Ф. Вертранда. Переводъ съ четвертаго изданія подъ редакціей проф. А. Савѣтова. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Комнатное цвѣтоводство. Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ растений. Съ рисунками въ текстѣ. Составила М. Ю. Петрова. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Компюндумъ акушерства. Руководство для клиническихъ практикантовъ и врачей. І. Н. Нааке. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Д-ра В. В. Святловскаго. Спб. 1882 г. Ц. 90 к., съ пер. 1 р. 15 коп.

Курсы нормальной гистологіи. І. Orth. Руководство къ употребленію микроскопа и практическому изученію тканей съ 107 рисунками въ текстѣ. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія Л. Даркшевича. Москва 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Маленькая домашняя аптечка. Проф. Ф. Нуссбаума. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Мужское безсилье, или неспособность къ брачному сожитію. — Радикальное леченіе этой болѣзни. Д-ра І. И. Шиллинга, съ приложеніемъ примфровъ изъ медицинской практики д-ра Александра Ло. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Наглядныя таблицы фармакологическаго дѣйствія лекарственныхъ веществъ. Ф. Берлиоза. Переводъ съ французскаго. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 коп.

Обзоръ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по вѣщимъ вопросамъ вино-

куренинаго производства. Вып. П. Винокурение съ аппаратами Savall'я. Съ 15-ю полиптиками въ текстѣ. Изд. редакціи журнала „Техническій Оборотникъ“. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Обзоръ послѣднихъ успѣховъ свеклосахарнаго производства за-границею. Составилъ инженеръ-технологъ П. Волковъ. Съ двумя таблицами чертежей. Спб. 1882 годъ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Обработка льна и механическое приденіе льнянаго волокна. (Замѣтки). Составилъ А. Угаровъ. Съ 2 таблицами чертежей. Спб. 1882 г. Ц. 1 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

О причинѣ сна. Сообщеніе В. Пребра. Переводъ съ нѣмецкаго А. И. Д. подъ редакціей врача П. С. Протопопова. Москва 1877 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

О разведеніи нормовыхъ травъ на поляхъ. Проф. А. Савѣтова. Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе съ 24 полиптиками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

О неуритимной работѣ беременныхъ. Проф. М. Горвица. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Образованіе почтеннаго слона дождевымъ червемъ Чарльза Дарвина. Переводъ съ пятаго англійскаго изданія М. Линдемана. (съ 15 полиптиками въ текстѣ). Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ съ особымъ отдѣломъ о содержаніи и уходѣ за ними. Составилъ Я. М. Шмулевичъ. Со многими рисунками и съ раскрашеною таблицею. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Общедоступная гигиена для военныхъ. Составилъ профес. Пр. Скворцовъ. Спб. 1881 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 руб.

Основы полевои культуры и штры въ ея улучшенію въ Россіи. И. А. Стебута. Второе вновь переизданное изданіе. Въ двухъ томахъ. Т. I. Часть первая: Введеніе. Паровый клинъ въ пару. Паровыя растенія: корнеплоды, марена и листовыя паровыя растенія, преимущественно же: воздѣлываніе сахарной свекловицы, картофеля и табака. Москва 1882 года. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

О сохраненіи здоровья женщины. Понятіе о менструаціи, беременности и гигиена этихъ состояній. Д-ра медицины А. Н. Соловьева. Съ полиптиками въ текстѣ. Москва 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

О соединеніи костей между собою. Изъ лекцій проф. П. Ф. Лесгафта. Спб. 1882 г. Ц. 20 коп., съ пер. 30 коп.

Практическія замѣтки по гистологіи растеній. Руководство для начинающихъ. Со-

ставилъ П. Я. Крутицкій. Съ 83-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Прядение кардной шерсти. Часть первая: Подготовка сырца. Составилъ П. Вохковъ. Съ таблицами чертежей и политкажами въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Развитіе и происхожденіе органовъ чувствъ. Проф. Э. Геккеля. Переводъ подъ редакціей проф. Э. К. Врандта. Спб. 1882 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Руководство къ частной патологій и терапіи D-га Felis von Niemeyer. вновь обработанное д-ромъ Eug. Seitz'омъ. Перевелъ съ десятого измѣненнаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія Михаилъ Люнъ, т. I, в. I и II: болѣзни органовъ, дыханія, кровообращенія, пищеваженія, печени и желчныхъ путей. Т. II, в. III и IV: болѣзни органовъ мочевыхъ, половыхъ, нервной системы, кожи, двигательнаго аппарата, инфекціонныя и общія разстройства питанія. Спб. 1882 г. Ц. за оба тома 6 р., съ пер. 7 р.

Руководство фармакологій. Клиническій учебникъ проф. Бинца. Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ прибавленіемъ Н. В. Іерусалимскаго. М. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Руководство къ неотложнымъ операціямъ Луи Томаса. Просмотренное и снабженное введеніемъ проф. Вернеймъ. Переводъ со второго пересмотрѣннаго и увеличеннаго изданія В. Гольдлингера. Съ 69 рисунками въ текстѣ. Москва 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Сборникъ свѣдѣній для любителей садоводства и самоучки садовниковъ. Составилъ А. Ераковъ. О 760 одностѣбныхъ и двустѣбныхъ растеніяхъ, расположенныхъ по высотѣ ихъ и колерамъ цвѣтовъ. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Теоретическая и практическая хирургія. Проф. Дж. Эриксона переводъ съ предисловіемъ проф. Е. И. Богдановскаго, съ 862 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ч. I. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II. в. I. Ц. 90 к. съ перес.

Труды С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей. Издаваемые подъ редакціей секретаря общества И. Воронина. Т. XII, выпускъ второй. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Учебникъ физиологій. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Учебникъ зубныхъ болѣзней для практическихъ врачей и студентовъ. Д-ра медицины и хирурга J. Scheffa jun., съ

158 рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго, врачей Е. Степанова, А. Липца и Н. Кунецова. Москва, 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. Д-ра Виктора-Феликса Шовальскаго. Въ двухъ томахъ. Переводъ съ исправленнаго и значительно дополненнаго самимъ авторомъ польскаго подлинника студентомъ московскаго университета подъ руководствомъ д-ра М. Войнова. Въ каждой книгѣ находится до 400 политкажей въ текстѣ. Москва. 1878 г. Ц. за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ первый. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 30 к. Выпускъ второй 2 р. 50 коп., съ пер. 3 руб.

Физиологическая химія. Проф. А. Шеффера. Киевъ. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Физиологическая химія. Д-ра Феликса-Гоппе-Зейлера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. А. Бульинскаго. Часть I. Общая біологія съ 4-ми рисунками. Часть II. Пищевареніе и всасываніе пищевыхъ веществъ. Ц. за оба части 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Часть III. Кровь, дыханіе, лимфа, млечный сокъ. Съ 9 рисунками. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Формы воды. Дождь, рѣки, ледъ и ледники. Джонъ Тиндаль. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей К. Л. Киричева. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Борьба за право д-ра Рудольфа Фитц Игерига. Переводъ съ нѣмецкаго П. П. Волкова. Москва 1874 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 коп.

Женскій вопросъ. Эрнеста Легузе. Переводъ и призыванія по русскому законодательству М. А. Окса. Одесса 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. р. 15 коп.

Законы гражданскіе. Сводъ законовъ томъ X, часть I съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Составилъ А. Ворониковскій. Спб. 1882 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Книга Нагала. Составилъ Яковъ Брафманъ. Изданіе второе дополненное. Ц. за 2 т. 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Краткій курсъ лекцій по церковному праву. Святченника М. Альбова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

О современномъ движеніи въ наукѣ права. Проф. С. В. Пахманова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Развитіе политическихъ учрежденій.

Герберта Спенсера. Съ предисловіемъ Л. К. Оболенскаго и статей „Обрядовнаго учрежденія“. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Самоеубійство въ западной европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ и записокъ самоеубійцъ. III. Картограммъ самоеубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Системы политическаго развитія и легитимизма, и начало національности въ ихъ взаимной связи. Историко-догматическое изслѣдованіе. Всеволода Даневскаго. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ проф. Ф. Мартенса. т. I. Спб. 1882 г. Ц. 8 р. 50 коп., съ пер. 4 руб.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

Утилитаризмъ и свободѣ. Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. Съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Милля. Е. Конради. 2-ое изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Цѣль въ правѣ. Проф. Рудольфа фонъ-Иеринга. Переводъ В. Р. Липцаго, Н. В. Муравьева и Н. Ф. Дерюжинскаго. Т. I-й. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложеніемъ Начала Русскаго Уголовнаго Законодательства. Часть общая. Проф. А. Ф. Кистяковскаго. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе. Кіевъ. 1882 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Вѣстникъ бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Сочиненіе Германа Вейса. Переводъ съ нѣмецкаго В. Чаева. Т. I, ч. I: Восточные народы. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Т. I, ч. II: Западные народы. Ц. 4 р. съ пер. 4 р. 50 к. Т. II, ч. I: Византия и Востокъ. Ц. 4 р., съ перес. 4 р.

50 к. Т. II, ч. II: Европейскіе народы. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Т. III, ч. I: Отъ XIV до XVI столѣтія. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Т. III, ч. II: Съ XVI столѣтія до нашихъ временъ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Москва 1879 г.

Исторія пластинъ съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени, Вильгельма Любке. Переводъ съ нѣмецкаго В. Чаева. Съ 281 рисунками въ текствѣ. Москва 1870 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Искусство въ связи съ общими развитіемъ культуры и идеалами человечества. Сочиненіе Мориса Каррера. Переводъ Е. Корша. Т. I: Зачатки культуры и восточная древность. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп. Т. II: Эллида и Римъ. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. Т. III: Средніе вѣка. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 25 к. Т. IV: Возрожденіе и реформація въ образованіи, искусствѣ и литературѣ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к. Т. V и послѣдній: Пора духовнаго разсвѣта. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 коп.

Мотивы русской архитектуры. Изданіе А. Рейнбота. За 1879 г. Ц. 10 р., съ пер. 12 руб. За 1880 г. Ц. 10 руб., съ пер. 12 руб.

О сбереженіи и возстановленіи голоса, для артистовъ и любителей искусства. Составилъ Фридрихъ Фиберъ. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ А. Кривжановскій. Кіевъ 1881 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Рискии панаомы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Соч. А. Фонъ-Фриггенъ. Въ трехъ частяхъ. Москва 1882 г. Цѣна всѣхъ трехъ выпусковъ 4 р., съ пер. 4 р. 50 коп.

Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе, его будущность. Сочиненіе Е. Биолле-ледюк. Перевелъ съ французскаго Н. Суханова. Москва. 1879 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Руководство къ исторіи искусства Франца Куглера. Четвертое изданіе, обработанное Вильгельмомъ Любке съ нѣмецкаго К. Корша. Въ двухъ частяхъ съ 487 рисунками въ текствѣ. Москва 1870 г. Ц. за обѣ части 10 р., съ пер. 11 р.

Руководство въ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Францъ Куглеръ. Переводъ съ нѣмецкаго И. К. Васильева третье изданіе съ портретомъ автора. Москва 1872 г. Ц. 7 р., съ пер. 9 руб.

Чтенія объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій, читанныхъ въ Парижской школѣ изящныхъ искусствъ Ипполитомъ Тэнномъ. Переводъ А. Н. Чудинова. Москва 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный

А. Лисенко. Изданіе 2-е значительно измѣненное и дополненное. Киевъ. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ХП. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Всадникъ. Практическій курсъ верховой ѣзды. Виктора Франкови. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою.

Изученіе друженнскихъ минеральныхъ источниковъ. А. А. Иностранцева. Сиб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Исследование о полной сѣти желѣзнодорожныхъ сообщений въ Россіи съ картою. А. Еракова. Сиб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Искусство приобрести превосходную память для всѣхъ возрастовъ и положеній. Соч. д-ра Е. Гартенбаха. Переводъ съ 13-го дополненнаго изданія К. В. Назарьевой. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Описаніе винъ всѣхъ странъ и способовъ изъ выдѣлки, очистки, разлива и упаковки, указаніе устройства погребовъ для сохраненія винъ и другихъ напитковъ съ присовокупленіемъ подробныхъ рецептовъ для приготоуленія разныхъ прохладительныхъ и горячихъ напитковъ. Сочиненіе Вильяма Терригтона. Переводъ съ англійскаго Д. Н. П.—Сиб. 1870 г. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Переводные векселя внутренніе и иностранные или дивизы. (Траты и ремессы). Краткое руководство къ усвоенію обращенія съ ними и къ изученію операцій посредствомъ ихъ производимыхъ съ приложеніемъ соотвѣствующихъ предмету формъ, правилъ, пріемовъ и вычисленій, а также вексельнаго, фондоваго и металлическаго

банковаго арбитража. Составилъ Александръ Скригинъ. Пособіе для торговыхъ людей и всѣхъ лицъ, занимающихся въ русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Одесса. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Практическое руководство, чтобы привильно, вѣрно, со всѣми тонкостями играть безъ проигрыша въ шахматы, шашки, бильярдъ, кегли, лото, триктракъ, домино, ланту, крокетъ и бильяры. Составилъ Сергій Галактионовъ. Съ политическими въ тексты. —Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Полный карманный путеводитель для желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и почтовыхъ сообщений въ Россіи съ мая по ноябрь 1882 г., и 1200 маршрутовъ прямыхъ сообщений внутреннихъ и заграничныхъ. Сиб. 1882 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Ремесленникъ. Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, желающихъ изучить принадлежности мастерскихъ: плотничной, столярной, токарно-ажурной и т. д. Составилъ А. П. Класенъ. 320 рисунковъ въ тексты. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Русскій карточный игрокъ. Полное и ясное изложеніе правилъ какъ всѣхъ новыхъ, такъ и прежнихъ употребительныхъ въ настоящее время карточныхъ игръ — въ четырехъ отдѣлахъ.—Составилъ Вадимъ Бахиревъ.—Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Пожарная книга. Постановленія законовъ о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н.—въ. Въ тексты политические рисунки. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою.

Энциклопедическій эсенаучный словарь. Составленный похъ редакціей В. Ключникова, въ трехъ томахъ. Сиб. 1882 г. Цѣна за всѣ три тома 12 руб., съ перес. 14 руб.

Минеральная вода, грязи и морскі купанья, въ Россіи и за-границей. Л. Бертенсона и Н. Воронихина. Спб. 1882. Стр. 343.

Настоящее изданіе есть не только переработка, но и весьма значительное дополненіе перваго изданія (1874 г.), не заключающаго въ себѣ и одной сотни страницъ. Представляя собою систематическій сводъ существенныхъ извѣстій о химическомъ составѣ всѣхъ европейскихъ водъ, ихъ физиологическомъ дѣйствіи, съ показаніемъ употребленія, книга можетъ служить въ особенности врачамъ, какъ полезный и единственно полный въ нашей литературѣ вѣдѣсисъ, при назначеніи больнымъ водъ для польованія. Особенное вниманіе обращено на отечественныя воды, весьма богатыя по своимъ лечебнымъ свойствамъ, но бѣдныя средствами къ правильной ихъ эксплуатациі: „ими нельзя пользоваться, но замѣчанію авторовъ, вслѣдствіе недостаточности ихъ устройствъ“. Въ заключеніе книги помещенъ путеводитель по лечебнымъ мѣстностямъ; при обширности задачи — упомянуть какъ можно болѣе мѣстностей—этотъ отдѣлъ по необходимости кратокъ и притомъ нуждается въ фактической проверкѣ данныхъ; такъ, напримѣръ, и Карлсбадъ, и Франценсбадъ характеризуются одними и тѣми же словами: „животное мѣстоположеніе“, что не совсѣмъ вѣрно въ отношеніи послѣдняго; послѣдній отстоитъ отъ Берлина на 9½ часовъ, а не на 14 часовъ, какъ это бывало прежде, и т. д. Но путеводитель вовсе не составляетъ существенной части книги и можетъ быть повторяемъ и исправляемъ въ дорогѣ мѣстными справками; главная заслуга изданія — первая часть, которою будетъ руководиться врачъ, и гдѣ онъ найдетъ собранными вмѣстѣ всѣ необходимыя и серьезныя бальнеологическія данныя.

Стихотворенія кн. В. А. Мещерскаго. Спб. 1882. стр. 78. Ц. 1 р.

Поэзія кн. В. А. Мещерскаго представляетъ два отдѣла: чисто лирической, гдѣ почти каждое стихотвореніе посвящено дамамъ большаго свѣта, которому принадлежитъ и поэтъ; этотъ отдѣлъ имѣетъ, такимъ образомъ, своихъ критиковъ, а потому мы ограничимся указаніемъ на второй отдѣлъ поэзіи — публицистическій, съ обещаніемъ въ стихотворную форму передовыхъ статей изъ „Руси“ и „Москов. Вѣдомостей“. Но поэтъ „пространствовать досталося — по свѣту въскольکو годовъ“ (т.-е. много жить за-границей) и потому онъ никакъ не могъ обнаружить тѣмъ твердаго патриотизма; такъ въ пѣснь: „Клеветникамъ Москвы“, на поэтическое обращеніе иконъ Вѣлокаменной къ поэтѣ:

„Повѣрь! оставь бродить по свѣту

„И счастья призракъ въ немъ искать,

„Послѣдуй нашему совѣту:

„Здѣсь тихо вѣкъ свой доживать“ —

— онъ не находитъ словъ и говоритъ коротко: „Я ѣду прочъ!“ — и дѣйствительно ѣдетъ въ Эмсъ, вослѣдній дѣлъ, даѣе, не хуже Москвы:

„Тутъ вспомнишь все! и дни былые,

„И вносьте прошлую... любовь,

„Вспоминаешь дорогія,

„Друзей, что въ Эмсѣ любилъ вновь...“

Самая характеристическая пѣса посвящена „новымъ вѣяніямъ“, гдѣ авторъ выражается весьма осторожно, чувствуя страхъ предъ тѣмъ, „что скажетъ свѣтъ — и земскихъ бредней публицисты“; но если бы не они, то онъ „указалъ бы, куда ведетъ разнузданность печати нашей“; онъ сказалъ бы, „что мужичекъ такъ обидѣлъ не отъ поборотъ, а что причинио кабацекъ да

нѣ растраты земскихъ сборовъ“ — конечно, не мужичкомъ; еще бы онъ сказалъ: „Вы, автора, всѣ анархисты!“ Не знаемъ, куда ведетъ „разнузданность печати нашей“, — но вѣрно одно, что подобные стихи вѣдутъ куда угодно, только не на Парнасъ.

Сказъ о тульскомъ Лѣвшѣ и о стальной влохѣ. Н. Лѣскова. Спб. 1882. Ц. 40 к.

Къ числу легендъ самой поздней формациі принадлежитъ и легенда о „стальной влохѣ“, зародившаяся, какъ видно по ея обстановкѣ и ломанной терминологіи (микроскопъ — мелко-скопъ и т. п.) въ средѣ фабричнаго люда. Тѣмъ не менѣе, эту легенду можно назвать народною: въ ней отразилась извѣстная наша черта — склонность къ пропіи надъ своею собственной судьбой, и рядомъ съ этимъ бахвальствомъ своей удалю, помрачающемъ въ сказкѣ кровопроливную науку иностранцевъ, но въ концѣ концовъ эта свѣтка и удалъ, незнавшая себѣ пренонъ въ области фантазіи, въ дѣйствительности не можетъ одолѣть самыхъ ничтожныхъ препятствій. Эта двойственность морали народной сказки удачно отразилась и въ пересказѣ г. Лѣскова. Тульскій фабричный, Лѣваша, увидѣлъ блоху, слѣпанную изъ стали въ Англіи, одерживаетъ верхъ надъ искусствомъ иностранцевъ, подковавъ эту самую блоху; но, послѣ различныхъ приключеній, этотъ же Лѣваша, ухитрившійся подковать блоху, оказывается безпомощнымъ въ отношеніи собственной судьбы и погибаетъ въ полицейскомъ участкѣ. Такимъ образомъ, вся сказка какъ будто предназначена на поддержку теоріи г. Аксаклова о сверхъестественныхъ способностяхъ нашего народа, не нуждающагося въ западной цивилизаціи, — и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ весьма злую и меткую сатиру на эту же самую теорію.

Изъ всемірной истории. Очерки профессора М. Н. Петрова. Изданіе 2-е, просмотрѣнное и дополненное. Харьковъ. 1882. 437 стр. 8°. Ц. 2 р. 50 к.

Второе изданіе книги, предназначенной для болѣе или менѣе серьезнаго чтенія, есть у насъ большая рѣдкость и должно само по себѣ свѣдѣтельствовать о достоинствахъ сочиненія. Книга г. Петрова дѣйствительно имѣетъ достоинства живого, изобрѣтательнаго разсказа о нѣсколькихъ замѣчательныхъ историческихъ лицахъ и явленіяхъ. Она заключаетъ слѣдующія статьи: Евангеліе въ исторіи; Германіекъ; Мохаммедъ; Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ; Жанна д'Аркъ; Людовикъ XI; Савонарола; Томасъ Мюнцеръ; Фразъ Роттердамскій; Филипп II; Петръ Великій. Послѣдняя глава составляетъ прибавку второго изданія.

Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. В. Водовозова. Спб. 1882. III. 548 стр. 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Новая книга г. Водовозова, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣнена читателями. При обиліи частныхъ, нерѣдко мелочныхъ разсказовъ о XVIII вѣкѣ, являющихся въ историческихъ журналахъ, и при обиліи сырого матеріала документовъ, у насъ почти нѣтъ цѣльныхъ, легко написанныхъ обзоровъ, доступныхъ для большинства читателей, и книга г. Водовозова именно восполняетъ этотъ недостатокъ. Авторъ даетъ очерки политической и бытовой исторіи, воспользовавшись для нихъ всеми главными источниками и possibilities, какія представляетъ наша историческая литература.

НА 1882 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:

Годъ: Полгода: Четверть:

Безъ доставки . . . 15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	{	Съ пересылкою . . . 17 » — »	10 »	6 »
Съ доставкою . . . 16 » — »	9 »	5 »		За-границей . . . 19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к.,
за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту и Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высылаютъ подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к. изъ иногородныхъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ мѣстахъ, указанныхъ въ объявленіи отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которъ приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Причтаниа Сѣвернаго края, собранныя Е. В. Барсовымъ. Часть II. Плачи завоєнные, рекрутскіе и солдацкіе. Изданы при содѣйствіи Общества Любителей Россійской Словесности. Москва, 1882. LV и 335 стр. 8°. Ц. 2 р. 50 к.

Не такъ давно являлся въ свѣтъ первый часть „Причтаниа“. Теперь г. Барсовъ издалъ вторую часть, которая сообщаетъ новый, чрезвычайно интересный матеріалъ. Мѣстность, откуда очерпнуты „причтаниа“, — тотъ же олонекскій край, гдѣ отысканы Рыбниковымъ и Гильфердингомъ извѣстный драгоценный кладъ народной поэзіи, столько лѣтъ лежавшій подъ снудомъ. Собрание г. Барсова, извѣстнаго специалиста и знатока народной старины, служить прекраснымъ дополненіемъ богатыхъ сборниковъ названныхъ изслѣдователей и доставляетъ столь же замѣчательный матеріалъ для изученія народной поэзіи не только въ ея прошломъ, но и въ современномъ состояніи, для изученія самаго процесса народнаго творчества. „Причтаниа“, — это еще живая отрасль народной поэзіи, въ которой г. Барсову удалось собрать чрезвычайно характерные образчики лиризма. Нѣкоторые изъ напечатанныхъ имъ пѣсень — цѣлыя драматизированныя поэмы (одна — почти въ тысячу стиховъ). Трудъ г. Барсова займетъ одно изъ отчетливыхъ мѣстъ въ ряду новѣйшихъ изслѣдованій народности.

Исторія храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Составилъ, по порученію коммиссіи для построенія храма, правитель ея канцеляріи М. Мостовскій. Москва, 1882. 16°. 236 стр. Ц. 50 коп.

Храмъ Спасителя въ Москвѣ, построеніе котораго должно было сохранить память избавленія Россіи отъ нашествія двадцати языковъ, имѣть свою длинную исторію, которая начинается при Александрѣ I грандіозными планами вѣчнаго художника Витберга (вспомогательными) и — еще не окончена и въ наше время. Открытіе и освѣщеніе храма, предположенное на 1881 годъ, все откладывается. Книжка г. Мостовскаго даетъ короткія, но очень обстоятельныя свѣдѣнія о строеніи храма, его размѣрахъ, вѣншихъ и внутреннихъ украшенияхъ, и въспомогательныя, когда храмъ будетъ открытъ, можетъ служить хорошимъ руководствомъ и его подробнаго осмотра. Намъ случилось видѣть храмъ, пока онъ былъ еще видимъ; книжка описанія, конечно, не дадутъ никакого понятія о дѣйствительной красотѣ внутреннего расположенія и убранства храма, и надо желать, чтобъ онъ былъ наконецъ открытъ и для богослуженія, и для осмотра, — потому что храмъ — имѣетъ историческій памятникъ. Тогда и книжка г. Мостовскаго будетъ весьма полезна для посѣтителей. — Въ размѣрѣ книжки, т. е. небольшомъ, приложено къ ней пять фотографическихкихъ картинокъ: общій наружный видъ храма; главный иконостасъ; юго-западное крыло; ограда; главный колоколь.

Историческіе этюды русской жизни. Вл. Михневича. Томъ второй. Сиб. 1882. 8°. 429 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Первый томъ „Историческихъ этюдовъ“ г. Михневича посвященъ былъ исторіи музыки въ

Россіи. Во второмъ томѣ помѣщены слѣдующія статьи: Народная копилка Христа ради. — Исторія русской бороды. — Исторія одного „проклятаго“ вопроса. — Объединители. — Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ. — Извращеніе народнаго пѣснотворчества. — Лодка (просто народная святочная игра). — Какъ вѣдѣть, всѣ темы очень интересны. Авторъ трактуетъ ихъ не какъ ученый специалистъ, а какъ писатель съ большою начитанностью, которую онъ пользуется съ немалымъ искусствомъ. Болѣе требовательная специальная критика могла бы найти въ трудѣ г. Михневича неподатливыя и недосмотры; но книга его имѣетъ другое достоинство, которое къ сожалѣнію рѣдко достигается у насъ въ чисто ученыхъ твореніяхъ: она написана очень легко, читается съ интересомъ, и какъ популярное чтеніе проведетъ въ массу читающаго общества свою долю историческихъ свѣдѣній. — Кромѣ предметныхъ, имѣющихъ, такъ сказать, анекдотическій интересъ, авторъ касается и такихъ, которые вводятъ читателя въ современные вопросы, какъ вопросъ о пьянствѣ (исторія „проклятаго“ вопроса), какъ „объединительство“, какъ „извращеніе народнаго пѣснотворчества“. Новѣйшее народничество въ славянофильскомъ и фарисейскомъ родѣ не возбуждаетъ у него сочувствія и находитъ иногда очень мѣткіе отзывы. Книгу г. Михневича можно рекомендовать какъ весьма интересное, а иной разъ, однако, и серьезное по содержанію чтеніе.

Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. — Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Сиб. 1882. XI и 471 стр. Ц. 3 р.

Книга г. Ядринцева — кажется, единственный результатъ ожиданій трехсотлѣтняго юбилея завоеванія Сибири, который предполагался и не состоялся въ нынѣшнемъ году. Въ теченіе толковъ объ этомъ предметѣ нѣкоторые историки нашли, что и годъ выбранъ для юбилея исторически неумѣрно. Была высказана даже мысль о томъ, — стоитъ ли даже праздновать этотъ юбилей странѣ, которая искони и донынѣ была такъ заброшена метрополіей, влечитъ донынѣ столь ненормальное существованіе, до сихъ поръ остается лишена даже тѣхъ скромныхъ бытовыхъ улучшеній, какія даны были Россіи въ послѣдніе десятилѣтія? — Книга г. Ядринцева и безъ officialнаго юбилея имѣетъ все право на вниманіе читателей, имѣющихъ какой-нибудь интересъ къ нашей далекой и фатальной окраинѣ, и въ особенности на вниманіе читателей-сибиряковъ. Это — прекрасно изложенныя свѣдѣнія о трехсотлѣтнемъ прошломъ и о настоящемъ Сибири. Въ картинѣ г. Ядринцева читателю выясняется внутренняя исторія края, образовавшаго исторически характеръ его населенія, его экономическія богатства и отношенія, его современныя бытъ, настоятельно требующій многообразныхъ преобразованій и улучшеній, и то будущее, котораго этотъ край ищетъ и къ которому способенъ. Авторъ, самъ сибирякъ родомъ, изучавшій потомъ разныя края Сибири и, по своему служебному положенію, имѣвшій возможность пристально наблюдать различныя стороны сибирской жизни, наконецъ опытный писатель, былъ въ особенности подготовленъ, чтобы составить трудъ подобнаго рода.

DOCK
JAN 29 1981

